

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08191275 4

РУССКИЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЫЙ

600020

1875

Н О Я Б Р Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. БОРЬБА ДИМОКРАТІИ СЪ АРИСТОКРАТІЕЙ ВЪ ДРЕВНИХЪ ЭЛЛИНСКИХЪ РЕСПУБЛИКАХЪ ПРЕДЪ ПЕРСИДСКИМИ ВОЙНАМИ. М. С. Куторги.
- II. ДѢДЪ МОЙ ПОМѢЩИКЪ СЕРБИНЪ. (Изъ записокъ человека.) Сто одного.
- III. ПЕРВЫЕ РУССКІЕ ГАРДЕМАРИНЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ. (По документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.) А. В. Рачинскаго.
- IV. ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПРУССИИ. Романъ Гаклендера. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть третья Гл. I—IV.
- V. ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ. СЕРБІЯ И ТУРЦІЯ. Окончаніе. Ф. М. Вацетича.
- VI. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ. Романъ. Книга вторая. Гл. I—VI. В. Г. Авсѣенко.
- VII. ИНТИМНАЯ ПЕРЕПИСКА ПОСЛѢДНЯГО КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО. V. W.
- VIII. МЕДИУМИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ. А. М. Бутлерова.
- IX. КРУЖОКЪ. (Изъ записокъ социаль-демократа) А. Нехлобинна.
- X. ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антона Троаолоа. Переводъ съ англійскаго. Гл. XII XVI.

О ПОДПИСКѢ

в а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1876 году стоитъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во все мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, отъ городскихъ подписчиковъ въ конторѣ Университетской Типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ; отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, въ конторѣ редакціи, въ домѣ Университетской Типографіи. Петербургскіе подписчики подписываются могутъ въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ.

О ПОДПИСКѢ

н а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1876 году стоитъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во все мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, отъ городскихъ подписчиковъ въ конторѣ Университетской Типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ; отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, въ конторѣ редакціи, въ домѣ Университетской Типографіи. Петербургскіе подписчики подписываются могутъ въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Бабунова, на Невскомъ Проспектѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправное получение книжекъ предъ тѣми изъ подписчиковъ кои обратятся непосредственно въ контору редакціи и въ контору Университетской Типографіи.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету:

Р. К.

Въ государства Германскаго Почтоваго Союза: въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію, Румынію, Англію, Данію, Швецію, Гре- цію, Европейскую Турцію, Испанію, Порту- галію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Со- единенные Штаты.	18	—
Во Францію	20	50

Въ прочія мѣста за границей по предварительному со-
глашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ НА МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1876 года.

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1876 году ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками которые приходятся на недѣли, причемъ, въ случаѣ полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читателямъ въ табельные дни особыми прибавленіями. По повѣдѣльникамъ (кромя слѣдующихъ за двумя праздничными днями) издается, какъ и прежде, полный листъ газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1876 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и больше, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты не помѣщается. Желающіе получать газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи отъ ижегородныхъ и заграничныхъ подданныхъ, на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* въ 1876 годъ слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, ВЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсца.....	3 р. 75 к.	На 3 мѣсца.....	4 р. 50 к.
„ 6 мѣсцевъ.....	7 „ 50 „	„ 6 мѣсцевъ.....	8 „ 50 „
„ 12 „.....	13 „ — „	„ 12 „.....	15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсца.....	5 р. — к.	На 3 мѣсца.....	5 р. 50 к.
„ 6 мѣсцевъ.....	9 „ — „	„ 6 мѣсцевъ.....	10 „ — „
„ 12 „.....	16 „ — „	„ 12 „.....	18 „ — „

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16%, подписной цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

Цѣна съ доставкой за границу:

Въ государства входяція въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англiю, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты

БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.
На 3 мѣс. На полг. На годъ.

6 р. 50 к. | 12 р. 50 к. | 23 р.

Въ государства входяція въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты

СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.
На 3 мѣс. На полг. На годъ.

8 р. | 14 р. | 28 р.

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по соглашенію съ редакціей.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ привислинскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 9 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленій, 11 р. въ годъ съ казенными объявленіями; 5 р. за полгода безъ казенныхъ объявленій, 6 р. за полгода съ казенными объявленіями.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЫЙ

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о).
На Страстномъ Бульварѣ.

1875

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1213

БОРЬБА ДИМОКРАТІИ * СЪ АРИСТОКРАТІЕЙ

ВЪ ДРЕВНИХЪ ЭЛЛИНСКИХЪ РЕСПУБЛИКАХЪ
ПРЕДЪ ПЕРСИДСКИМИ ВОЙНАМИ.

Переходя изъ Персіи въ Грецію, видишь и чувствуешь себя въ новомъ мірѣ, такъ какъ изъ страны азіятскаго деспотизма вступаешь въ область европейской свободы. Исторія представляетъ здѣсь противоположность двухъ соединенныхъ народовъ, отличавшихся какъ государственнымъ строемъ и образованіемъ, такъ общественнымъ и гражданскимъ бытомъ. Эта противоположность тѣмъ замѣчательнѣе что она была современною, ибо время существованія Персидской монархіи было эпохой процвѣтанія Греціи и того развитія эллинской образованности которое доставило Эллинамъ почетное мѣсто въ ряду всемірно-историческихъ дѣятелей. Все что только этотъ даровитый народъ произвелъ великаго, принадлежитъ преимущественно пятому и четвертому столѣтіямъ, которыя потому и остаются незабвенными въ лѣтописяхъ

* Удѣлявая слово демократія, вмѣсто вообще принятаго въ наше время слова демократіа, мы не имѣли въ виду рѣчицкаго и русскаго произношенія греческихъ словъ, а желали указать на совершеніе, по своему существу, разнице между древнею демократіей и позднѣйшею демократіей, между коими нѣтъ сходства и ничего общаго. Значеніе дима и демократіи изложится въ одной изъ сѣдующихъ статей.

исторіи. Эллины выработали тогда двѣ идеи, бывшія до того неизвѣстными во всемъ древнемъ мірѣ: идею свободы гражданина и идею свободы мысли. Эти идеи могли родиться и поступить въ сознаніе гражданъ только потому что согласовались и поддерживались установившимся въ Греціи въ эти два вѣка образомъ правленія, который Аристотель называетъ политією (ή πολιτεία), или общиною гражданъ (ή κοινωvία τῶν πολιτῶν) и который способствовалъ самодѣятельности человѣка и постоянно возбуждалъ ее.

Учрежденіе гражданской общины въ Афинахъ произошло только послѣ освобожденія сей республики отъ тираниіи Писистратидовъ и вслѣдствіе преобразованій Алкмеонида Клизеена; во многихъ другихъ городахъ древней Греціи оно послѣдовало еще ранѣе; во всякомъ случаѣ гражданская община является, въ эпоху Персидскихъ войнъ, господствующею въ большинствѣ эллинскихъ республикъ. Но ея водвореніе шло медленно; оно потребовало напряженія всѣхъ силъ и всей свободной воли человѣка, сопровождалось упорною, продолжительною борьбою и ознаменовалось тѣми подвигами самопожертвованія которые возможны только при стремленіи къ великой цѣли.

Послѣ прекращенія царской власти, правительство греческихъ республикъ, исключая только Ахаію, находилось въ рукахъ вельможъ, потомковъ древнихъ аристократическихъ семействъ, которыя владѣли верховною властью, во всей ея общности, хотя при различномъ образѣ правленія. Въ немногихъ республикахъ установилась равноправная аристократія; въ большей ихъ части она измѣнилась въ олигархію, въ нѣкоторыхъ властвовали династы. *

Господство вельможъ было продолжительно и въ началѣ спокойно и неоспоримо, что свидѣтельствуетъ о политическомъ умѣ правителей, обнаруживая ихъ благоразуміе и умѣренность въ дѣйствіяхъ противъ димотовъ. Обладая при томъ значительными имуществами, всегда заботясь объ образованіи и приобрѣтая опытность въ дѣлахъ правленія, они довели республики до высокаго процвѣтанія, а нѣкоторые успѣли доставить себѣ силу и могущество. Это положеніе оставалось до тѣхъ поръ пока, увлеченные корыстію, всего

* Объ этихъ различныхъ видахъ правленія древнихъ греческихъ республикъ говорится ниже.

же болѣе побуждаемые надменностію, аристократы и олигархи не стали притѣснять димотовъ и не вызвали сами возстанія противъ своего господства. Тогда во всѣхъ республикахъ начались волненія и смуты, и повсюду чрезвычайное раздраженіе дима противъ аристократіи. Между тѣмъ, съ распространеніемъ ремесла, торговли и мореходства, принявшихъ громадные, вѣрнѣе говоря всемірные, размѣры, коихъ средоточіемъ была Греція, и съ увеличеніемъ денежныхъ оборотовъ, поддерживавшихъ международныя сношенія, водворялись и между димотами, у однихъ довольство и благосостояніе, у другихъ даже богатство. Естественно что димоты не довольствовались уже однимъ облегченіемъ притѣсненій, чего они могли бы достигнуть и что имъ предлагали, но стали помышлять о правахъ политическихъ и о равенствѣ съ аристократами. Вслѣдствіе того, открылось въ греческихъ республикахъ демократическое движеніе, распространявшееся съ такою быстротою что обняло наконецъ всю Грецію какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ въ обширныхъ поселеніяхъ Эллиновъ. Аристократы старались подавить это движеніе, но тѣмъ увеличивали только раздраженіе димотовъ и сами были виновниками того что димъ, не ограничиваясь представленіями мирными, возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ правителей. Эта эпоха древней Греческой исторіи носитъ названіе борьбы демократіи съ аристократіей и составляетъ важнѣйшій политическій переломъ или революцію, если употребимъ новѣйшее имя. Она продолжалась цѣлыя два столѣтія, именно VII и VI до Р. X., и кончилась почти повсемѣстно побѣдой демократіи, за кою послѣдовало потомъ установленіе равноправной гражданской общины, или политіи. Начало же демократическаго движенія является несравненно ранѣе и восходитъ къ VIII вѣку до Р. X. Мы такъ думаемъ на слѣдующемъ основаніи. Извѣстно что тиранны, невозможные въ тѣхъ республикахъ гдѣ спокойно господствовали аристократы, могли лишь тамъ возвыситься гдѣ не только демократическое движеніе пустило глубокіе корни, но гдѣ демократы одержали уже нѣкоторый успѣхъ надъ аристократіей. А такъ какъ Орэагориды властвовали въ Сикіонѣ уже въ первой четверти VII вѣка, то необходимо принять что борьба дима съ аристократіей началась еще въ VIII столѣтіи.

Несмотря на высокое значеніе этого переворота и на его послѣдствія, рѣшившія судьбу государственныхъ учрежденій древнихъ греческихъ республикъ, никто изъ знаменитыхъ эллискихъ историковъ не посвятилъ ему особенныхъ трудовъ и не избралъ этой эпохи для ея описанія въ томъ стройномъ цѣломъ какъ Фукидидъ или Ксенофонтъ войну Пелопонисскую и событія послѣ оной. Есть много указаній, извѣстій и отдѣльныхъ повѣствованій, но нѣтъ общей исторіи этого времени. Всего болѣе изучаемся у Иродота, каждый разказъ коего драгоценность; но онъ говоритъ преимущественно объ Аѣнахъ, о другихъ же республикахъ только случайно и такъ-сказать въ отрывкахъ. Нѣтъ сомнѣнія что его дополнилъ бы Діодоръ Сицилійскій, но именно тѣ самыя книги его исторической Вивліоэки, * гдѣ заключалась исторія этой эпохи, потеряны. Нельзя не сожалѣть объ ихъ утратѣ, ибо судя по сохранившимся ихъ остаткамъ можно было бы кажется надѣяться имѣть тогда полное повѣствованіе этого весьма важнаго для древней Греціи событія.

Если однако нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, и даже въ дошедшихъ до насъ встрѣчаются иногда нѣкоторыя, хотя незначительныя, противорѣчія; то этотъ недостатокъ вознаграждается рѣдкимъ согласіемъ писателей въ исторической оцѣнкѣ этой эпохи. Всѣ они видятъ въ ней политическій переворотъ или революцію, ή μεταβολή; всѣ признаютъ что она содѣйствовала учрежденію политіи, замѣнившей демократію и доставившей благоденствіе древней Греціи. Аристотель подвергъ критическому разбору политическія перемѣны происходившія въ республикахъ того времени; а Иродотъ говоритъ съ видимымъ довольствомъ о паденіи тиранновъ и о водвореніи демократіи, прославляя всего болѣе Аѣянъ. Только Фукидидъ проходитъ въ молчаніи эту эпоху, не находя въ ней ничего особенно замѣчательнаго кромѣ войны Халкидцевъ съ Эретріей. Онъ поступилъ такъ вслѣдствіе своего аристократическаго убѣжденія, считавшаго демократію вредною и побуждавшаго его къ постоянному противодѣйствию политикѣ Перикла, который устроилъ гражданскую общину.

Древніе писатели согласны также и въ томъ что борьба демократіи съ аристократіей ведена была обѣими сторонами съ улоурствомъ и ожесточеніемъ и со всѣми ужасами и

* Слѣдуемъ нашему Голицову и, по примѣру его Русской Вивліоэки, назовемъ Вивліоэка Діодора Сицилійскаго.

кровопролитіемъ политическихъ междуусобій. Димъ предъявилъ требованіе на участіе въ правахъ гражданства; аристократы и олигархи отвергли это законное требованіе, и война вспыхнула. Аристократы грозно встрѣтили своихъ противниковъ, придавая ихъ дѣйствіямъ названіе бунта (ή στάσις), и защищая свои вѣковыя преимущества часто выносили имъ пораженія, не щадя даже святыни храма, какъ было въ Афинахъ при Кидонѣ. Борьба была первоначально неровная, и побѣда аристократовъ казалась несомнѣнною. Они держали въ рукахъ всю власть республики; у нихъ была военная сила, укрѣпленные замки, всѣ средства вооруженія; они же возвышались какъ блескомъ происхожденія, такъ образованностію и дисциплиной. Димоты испытали много бѣдствій, но самыя неудачи увеличивали ихъ предприимчивость и побуждали къ новымъ нападеніямъ. Тѣ и другіе наши приверженцевъ и предводителей или, какъ ихъ называли, игемоновъ, такъ что въ большей части греческихъ республикъ образовались двѣ политическія партіи: аристократическая и демократическая, которыя постоянно враждовали между собою и весьма часто прибѣгали къ оружію.

Общество измѣнилось, и изъ мирнаго и цвѣтущаго стало волнуемымъ и воинственнымъ: все дышало политикою и войною; всѣ думали о государственныхъ переворотахъ и жили подъ страхомъ возстаній и нападений. Это настроеніе общества выразилось въ тогдашней литературѣ, которая оказывается политическою и вмѣстѣ воинственною, и представителями коей, въ эту первую эпоху борьбы, были Архилохъ, Тартей и Алкей, судя какъ по сохранившимся отрывкамъ ихъ произведеній, такъ и по отзывамъ самихъ эллинскихъ писателей. Аэиней * говоритъ что „древніе признавали мужество величайшею изъ гражданскихъ доблестей, и ей все посвящали. Такъ, продолжаетъ онъ, Архилохъ, отличный поэтъ, тщеславился преимущественно тѣмъ что могъ принимать участіе въ политической борьбѣ, а потомъ уже

* Αἰνείη (Schweighäuser) XIV, 28: Ἄλλ' οἱ παλαιοὶ τὴν ἀνδρείαν ὑπελάμβανον εἶναι μεγίστην τῶν πολιτικῶν ἀρετῶν, καὶ ταύτῃ τὰ πολλὰ προσνέμειν οὐ τοῖς ἄλλοις. Ἄρχιλοχος οὖν, ἀγαθὸς ὢν ποιητῆς, πρῶτον ἔκαυχῆσατο τὸ δύνασθαι μετέχειν τῶν πολιτικῶν ἀγώνων· δεύτερον δὲ ἐμνήσθη τῶν περὶ τὴν ποιητικὴν ὑπαρχόντων αὐτῷ, λέγων·

Ἐγὼ δ' ἐγὼ θεράπων μὲν Ἐυαλίσιο ἀνακτος,
καὶ Μουσεῶν ἑρατὸν δῶρον ἐπιστάμενος.

вспомнилъ о своихъ поэтическихъ способностяхъ“. Въ доказательство Аэinei приводитъ слѣдующіе два стиха Архилоха:

Я слуга воинственнаго бога царя,
И знакомъ съ пріятнымъ даромъ музъ.

Въ томъ же двойственномъ видѣ является Тиртей, воспѣвшій политическія преобразованія и побѣды Спартанскаго царя Теоломпа и побуждавшій Спартанцевъ къ битвамъ съ Мессинцами, стоя самъ въ ряду воиновъ. Еще замѣчательнѣе Алкей, великій поэтъ прославляемый Гораціемъ и гордившійся не то что поэтическимъ даромъ своимъ, а званіемъ воина, ибо, говоритъ Аэinei, * онъ былъ болѣе чѣмъ слѣдовало воинственнымъ.

При измѣненіи общества приняли новый видъ и самыя жилища аристократовъ. Въ *Иліадѣ* и *Одиссее* читаемъ описанія великолѣпныхъ дворцовъ, славившихся роскошью и предметами искусства; теперь, напротивъ, въ дворцахъ вельможъ сверкало оружіе. Алкей, въ отрывкѣ приводимомъ Аэинеемъ, ** пишетъ: „Великій домъ сіяетъ мѣдью: весь верхъ, посвященный Арею (Ἄρης, εὖς, Μῦθς), унизанъ блестящими шлемами, изъ коихъ висятъ бѣлые конскіе султаны, украшеніе головъ мужей; по скрытымъ гвоздямъ развѣшены мѣдныя, блестящія поножи, крѣпкая ограда противъ стрѣлъ; панцири изъ новаго льна и вылуклые щиты; есть также халкидскіе мечи, много камзоловъ и военной одежды“. Итакъ поэтъ не нашелъ достойнымъ упоминенія ничего кромѣ военныхъ доспѣховъ; было бы приличнѣе, прибавляетъ Аэinei, еслибы домъ Алкея былъ наполненъ предметами посвященными музамъ.

Несмотря однако на свои усилія и на свое очевидное превосходство, аристократы рѣдко имѣли рѣшительные успѣхи:

* Аэinei, тамъ же: Ἄλκαϊος γοῦν ὁ ποιητὴς, εἴ τις καὶ ἄλλος μουσικώτατος γινόμενος, πρότερα τῶν κατὰ πεηνηκὴν τὰ κατὰ τὴν ἀνδρείαν τίθεται, μᾶλλον τοῦ δέοντος πολεμικὸς γινόμενος.

** Аэinei, тамъ же:

Μαρμαίρει δὲ μέγας δόμος χαλκῶν· πᾶσα δ' Ἄρη κεκόσμηται στέγα
Λάμπραισιν κυνίασι, κατὰν λεῦκοι καθύπερθεον ἵπιοι λόφοι
Νεύοισιν, κεφάλαισιν ἀνδρῶν ἀγάλματα, χάλκιοι δὲ πασσάλιοι
Κρύπτοισιν περικείμεναι λάμπραι κνάμιδες, ἄρκος ἰσχύρω βέλους,
Θώρακές τε νέοι λίνω κοίλαι τε κατ' ἀσπίδες βεβλήμεναι.

Παρ δὲ Χαλκίδικαι σπάθαι, παρ δὲ ζώματα πολλὰ καὶ κυπάττιδες.

Καίτοι μᾶλλον ἴσως ἤρμωτε τὴν οἰκίαν πλήρη εἶναι μουσικῶν
δργάνων.

она одержала побѣду въ Хаалкидѣ и въ Фивахъ, но въ большинствѣ греческихъ республикъ перевѣсъ былъ на сторонѣ дима. Въ средѣ самихъ аристократовъ начались раздоры; между ними явились честолюбцы, которые, измѣнивъ политикѣ и правиламъ своего сословія, переходили къ противникамъ и думали только о собственной выгодѣ и своемъ возвышеніи. Тогда возобновлялись смуты и междуусобія, которыя, вмѣстѣ съ непреклонною стойкостью дима, потрясли наконецъ нѣкогда высокое значеніе аристократіи и приблизили ея паденіе. Во время всей этой борьбы, происходили тѣ дѣйствія которыя являются неминуемыми слутниками политическихъ переворотовъ. Если побѣда оставалась на сторонѣ аристократіи, то димоты подвергались еще большимъ чѣмъ прежде притѣсненіямъ; если же, напротивъ, аристократы претерпѣвали поражение, то, упоенный успѣхомъ, димъ предъявлялъ требованія которыя никакъ нельзя согласовать ни съ законностью, ни съ справедливостію. Были республики, и въ ихъ числѣ Спарта, гдѣ требовали раздѣла помѣстій, τῆς ἀναδομῆς; * въ другихъ освобожденія отъ уплаты, долговъ χρεῖων ἀποκοπή; ** иногда даже насильственно го возврата уплаченныхъ процентовъ, ἢ πάλιντοκία. *** Въ Мегарахъ димъ дошелъ до самой крайней степени раздраженія, тѣкъ что аристократамъ предстояло только спасти жизнь бѣгствомъ, покинувъ свое имущество которое было раздѣлено и расхищено.

Во время этой борьбы двухъ политическихъ партій, произошло, въ седьмомъ и въ шестомъ столѣтіи до Р. X., замѣчательное событіе, останавливающее на себѣ вниманіе исторіи. Очень часто лица самой высшей аристократіи, даже какъ напримѣръ Писистратиды въ Афинахъ, потомки древнихъ царей, оставляли своихъ сочленовъ, переходили на сторону демократіи и сражались противъ своихъ собратій по происхожденію и положенію въ обществѣ. То были честолюбцы, ставившіе личныя выгоды выше пользы сословія. Они являлись предводителями дима, или димагогами, не по убѣжденію и не по сочувствію и привязанности къ угнетеннымъ, а только съ тайною надеждою возвыситься. Многие изъ нихъ

* Аристот., *О госуд.* V (Барт. VIII), 6, 2.

** Платонъ, *О государствѣ*, VIII, pag. 566: Καὶ ὑποσημαίνῃ χρεῖων τε ἀποκοπῆς καὶ τῆς ἀναδομῆς.

*** Паутархъ, *Quaest. Graecae*, 18, 59.

дѣйствительно успѣвали въ исполненіи своихъ намѣреній, ибо такъ искусно умѣли надѣвать личину что ихъ ослѣпленныя приверженцы, вѣря въ ихъ искренность, провозглашали ихъ вождями, игемонами, и воеводами, стратигами (στρατηγός), то-есть вручали имъ военную власть въ республикѣ. Эта именно люди и вызывали всего болѣе внутренніе раздоры, выставляя безпрерывно новыя требованія и воспламеняя народныя страсти. „Граждане, говоритъ современный этому распрякъ поэтъ Θεογνιδῆς, * умѣренны и разумны, но игемоны (вожди) стремятся свергнуть ихъ въ великое бѣдствіе. „Часто, продолжаетъ онъ, ** козлями вождей (Μεγαρίτικῆς) республика, какъ корабль уклонившійся отъ пути, набѣгала на землю“. „Черезъ этихъ людей происходятъ междуусобія и убійство согражданъ“. *** Услѣвъ пріобрѣсть званіе стратиговъ, димагоги захватывали верховную власть въ республикѣ и становились подъ именемъ тиранновъ неограниченными властителями. **** „Когда, лишетъ Аристотель, † тотъ же человекъ былъ димагогомъ и стратигомъ, правительство измѣнялось въ тиранию, и почти большинство древнихъ тиранновъ вышли изъ димагоговъ“. Тиранны возвышались и властвовали въ республикахъ, если не вполне демократическихъ, то близкихъ къ осуществленію этого образа правленія, такъ что при ихъ ладеніи обыкновенно учреждалась демократія. „Тирания, говоритъ Платонъ, †* выходитъ только изъ

* Стихъ 42 по Бергку. Ο Θεογνιδῆς говорится даѣе.

Ἄστοι μὲν γὰρ ἔθ' οἶδε σαόφρονες, ἡγεμόνες δὲ
Τετράφαται πολλὴν ἔς κακότητα πεσεῖν.

** Стихъ 855 по Бергку:

Πολλάκι δὴ πόλις ἦδε δι' ἡγεμόνων κακότητα
Ἦσπερ κεκλιμένη ναὺς παρὰ γῆν ἔδραμεν.

*** Стихъ 51, тамъ же:

Ἐκ τῶν γὰρ στάσιές τε καὶ ἐμφυλοὶ φόνοι ἀνδρῶν.

**** Ο тираннахъ см. сочиненіе г. Вауэра, отачающаеся какъ самостоятельностью разысканій, такъ и ясностію изложенія, и издаваемо подъ заглавіемъ: *Эпоха древней тирании въ Греции*. Спб. 1863 in 8°.

† Аристотель, *Ο πολιτ. V.* (Барт. VIII), 4, 4: Ἐπὶ δὲ τῶν ἀρχαίων, στῆναι τοὺς αὐτοὺς δημαγωγὸς καὶ στρατηγός. εἰς τυραννίδα μετέβαλλον. σχεδὸν γὰρ οἱ πλείστοι τῶν ἀρχαίων τυράννων ἐκ δημαγωγῶν γεγόνασιν.

†* Платонъ, *Ο πολιτ.*, pag. 564: Εἰκότως τοίνυν, εἶπον, οὐκ ἔξ ἄλλῃ πολιτείας τυραννὸς καθίσταται, ἢ ἐκ δημοκρατίας, ἔξ, οἶμαι, τῆς ἀκροτάτης ἐλευθερίας δουλεία πλείστη τε καὶ ἀγρωτάτη.

демократіи, а не изъ какого-либо другаго правительства, ибо крайняя вольность перерождается въ сильнѣйшее и необузданное рабство". Въ республикахъ аристократическихъ тиранновъ не было и не могло быть, такъ какъ эти два политическія начала, аристократія и тираннія, совершенно противоположны и несовмѣстимы. Между ними была открытая война за существованіе, и соглашеніе было невозможно.

Неограниченная власть тиранновъ привлекала не однихъ димагоговъ: къ ней стремились и часто ее приобретали, производя мгновенные государственные перевороты и провозглашая себя тираннами какъ высшіе сановники, коимъ сограждане вручали съ довѣріемъ неограниченное правленіе республики, такъ даже наследственные цари, стѣсняшіеся правами аристократовъ. Между послѣдними пользовался въ древнемъ мірѣ знаменитостію Фидомъ (Φείδων, υνός) Аргосскій, который предпочелъ титулъ тирана титулу царя и захватилъ верховную власть въ Аргосѣ. Кромѣ другихъ писателей, о немъ упоминаетъ Иродотъ въ описаніи свадьбы Агаристы, дочери тирана Сикионскаго Клеомена съ Алкмеонидомъ Мегакломъ, и называетъ его наидеяльнѣйшимъ изъ всѣхъ Эллиновъ. * Аристотель, разсмотрѣвъ эти три способа достиженія тиранніи, заключаетъ свой отдѣлъ о нихъ словами: „Фидомъ Аргосскій, говоритъ оъ,“ и нѣкоторые другіе стали тираннами, бывъ уже царями; тиранны Іоніи и Фаларидъ (Φάλαρις, ιδός), тираннъ Акраганта (Ἀκράγας, αντός, въ Сициліи), стояли до того во главѣ правительства; Панагій же въ Леонтинахъ (οἱ Λεοντίνοι, въ Сициліи), Кипселъ въ Коринѣ, Писистратъ въ Афинахъ, Діонисій въ Сиракузахъ и другіе возвысились чрезъ димагогію“. Какія бы однако они ни употребляли средства для пріобрѣтенія власти и какимъ бы путемъ ни шли они, ихъ возвышеніе становилось возможнымъ только при пробужденіи дима и при его требованіи равноправности съ господствовавшими

* Ирод. VI, 127, 4: Ἀπὸ δὲ Πελοποννήσου Φείδωνος τοῦ Ἀργείων τυράννου καὶ Λεωκήδης, Φείδωνος δὲ καὶ ὑβρίσαντος μέγιστα δὴ Ἑλλήτων ἀπάντων.

** Аристот., *О госуд.* V (Варт. VIII), 8, 4: Οἷον Φείδων μὲν περὶ Ἄρτος καὶ ἕτεροι τύραννοι κατέστησαν βασιλείας ὑπαρχούσης· οἱ δὲ περὶ τὴν Ἰωνίαν καὶ Φάλαρις ἐκ τῶν τιμῶν. Παναίσιος δὲ ἐν Λεοντίνοις καὶ Κύπελος ἐν Κορίνθῳ καὶ Πεισιστράτος Ἀθήνησι καὶ Διονύσιος ἐν Συρρακούσαις καὶ ἕτεροι τὸ αὐτὸν τρόπον ἐκ δημαγωγίας.

надъ ними аристократами; а потому всѣ замышлявшіе тиранію: цари, правители и димагоги, прикрывались личною какъ бы защитой дима или возвращенія нѣкогда ему принадлежавшихъ правъ и только отнятыхъ его притѣснителями.

Появленіе тирановъ есть вѣрнѣйшій признакъ демократическаго движенія, и притомъ столь сильнаго что оно не могло уже быть подавлено. Его же начало, выразившееся первымъ возстаніемъ дима противъ преобладанія аристократовъ, открывается несравненно ранѣе, еще въ VIII столѣтіи до Р. X. Мы уже замѣтили что Ореагориды, властвовавшіе въ Сакіонѣ въ началѣ дѣлаго столѣтія, завладѣли тираніей въ первой четверти VII столѣтія. Они могли того достигнуть только пользуясь долговременными междуусобіями, во время коихъ аристократія претерпѣла поражение. Этотъ ходъ развитія государственныхъ постановленій Греціи усматривается почти во всѣхъ эллинскихъ городахъ и можетъ быть признавъ ихъ главнымъ отличительнымъ признакомъ во все время этой политической борьбы. Есть однако одна республика которая нарушаетъ этотъ общій порядокъ и находится въ противорѣчій со всеми прочими. Говоримъ о Сиракусахъ и объ ихъ правителѣ Гелонѣ. Въ Сиракусахъ происходили внутреннія междуусобія, достигшія тѣхъ же крайнихъ предѣловъ какому подверглась Мегарійская республика. Неизвѣстно какъ долго продолжались эти волненія но въ томъ 492 года сиракусіцкіе аристократы, носившіе имя гаморовъ, то-есть крупныхъ землевладѣльцевъ, были изгнаны изъ своего отечественнаго города и просили помощи у Гелона, завладѣвшаго въ первой половинѣ 491 до Р. X. тираніей города Геалы въ Сициліи. Во второй половинѣ того же 491 года, Гелонъ подступилъ къ Сиракусамъ, кокорилъ ихъ и правилъ ими при содѣйствіи гаморовъ. Въ послѣдствіи, именно 483 до Р. X., онъ провозглашенъ былъ Сиракускимъ тираномъ, но этимъ званіемъ не довольствовался и искалъ царскаго сана и титула, что дѣйствительно и получилъ 480 до Р. X. * Итакъ, въ Сиракусахъ встрѣчаемъ противоположное всему что происходило во всей прочей Греціи

* Все это событіе изложено мною въ сочиненіи напечатанномъ въ *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, и изданномъ отдѣльно подъ заглавіемъ: *Recherches critiques sur l'histoire de la Grèce pendant la période des guerres médiques*. Paris. 1861, in 4e. См. стр. 75—95 и стр. 162 и слѣд.

Вездѣ тиранны возвышались **только** чрезъ демократію; въ Сиракузахъ напротивъ **Гелона** поддерживали аристократы; Фидонъ Аргосскій, бывъ наследственнымъ царемъ, принялъ титулъ **тирана**, Гелонъ же предпочелъ царское достоинство **званію** тирана. Но Сиракусы составляютъ исключеніе, и притомъ единственное изъ всей исторіи древне-эллинскаго міра.

Демократическое движеніе и послѣдовавшее за нимъ дарованіе диму правъ гражданства не было повсюду въ Греціи современными: оно происходило въ однихъ республикахъ прежде, въ другихъ позднѣе. Древнѣйшій примѣръ учрежденія демократіи представляетъ Ахайя, гдѣ, по свидѣтельству Поливія * и Стравона, ** въ истинѣ коего **нѣтъ** причины сомнѣваться, введена была, послѣ **царя** Отига, потомка Тисамена, не олигархія и не аристократія, а прямо демократія, которую восхваляетъ Поливій, называя ее прекраснѣйшею, и которая **также** славилась своимъ благоустройствомъ **что** Италионы заимствовали у Ахейцевъ большую часть законовъ. Не неизвѣстны не только годъ, а даже столѣтіе, когда это замѣчательное событіе совершилось, такъ что остается сожалѣть что оба писателя, единственные которые о немъ упоминаютъ, не обозначили его хронологически. Дальновидная политика ахейскихъ аристократовъ и ихъ уступчивость сопроваждались самыми благотворными послѣдствіями: въ то время какъ большинство греческихъ республикъ страдали кровавыми междуусобіями, Ахайя наслаждалась миромъ, и ни одинъ изъ ея городовъ не подвергся правленію тиранновъ.

Подобной благоразумной политикѣ слѣдовали также и Спартацы, какъ утверждаетъ Аристотель, сообщающій драгоцѣннѣйшія извѣстія о Спартанской республикѣ. Государственные постановленія Спарты отличались своеобразностію;

* Поливій говоритъ объ этомъ событіи два раза, II, 41 и IV, 1, желая такъ показать его высокое значеніе. Въ послѣднемъ мѣстѣ онъ пишетъ: Ἀρξάμενοι γὰρ ἀπὸ Τισαμενοῦ, τὴν Ὀρέστου παίδων ἑνός, καὶ φθάντες, αὐτοὺς ἀπὸ μὲν τούτου βασιλευθῆναι, κατὰ γένος ἕως εἰς Ὀγγύρον, μετὰ δὲ ταῦτα καλλίστῃ προαιρέσει χρησαμένους δημοκρατικῆς πολιτείας, τὸ μὲν πρῶτον ὑπὸ τῶν ἐκ Μακεδονίας βασιλέων διασπασθῆναι κατὰ πόλεις καὶ κάμας. Ср. II, 41.

** Стравонъ (Didot) VIII, 7: Ἀπὸ μὲν οὖν Τισαμενοῦ μέχρι Ὀγγύρον βασιλεύοντες διατέλουν. ἔπειτα δημοκρατηθέντες τοσοῦτον ἠδδοκίμησαν περὶ τὰς πολιτείας, ὥστε τοὺς Ἰταλιώτας μετὰ τὴν στάσιν τὴν πρὸς τοὺς Πυθαγορείους τὰ κλειστότα τῶν νομίμων μετενέγκασθαι παρὰ τούτων συνέβη.

они были соединеніемъ разнородныхъ стихій, изъ коихъ постепенно слагались. Въ Спартѣ никогда не выработалась та гражданская община какую изобрѣли Аѳиняне и довели до совершенства при Периклѣ; но въ ней не было также, ни чистой монархіи, ни полной аристократіи, ни преобладающей демократіи; а между тѣмъ въ ней существовали и дѣйствовали всѣ эти элементы, каждый въ своемъ кругу, каждый ограниченно, и всѣ вмѣстѣ образовывали благоустроенное цѣлое, замѣчательное всего болѣе тѣмъ что въ теченіе столѣтій государственныя учрежденія Спарты оставались почти безъ измѣненія. Послушаемъ Аристотеля.

„Нѣкоторые утверждаютъ, говорить онъ *, что совершеннѣйшимъ государствомъ будетъ то гдѣ соединены виды всѣхъ государствъ, а потому и превозносить Лакедемонявъ, коихъ республика состоитъ изъ олигархіи, монархіи и демократіи. Цари представляютъ монархію, власть геронтовъ олигархію, а власть эфоровъ демократію, ибо эфоры избираются изъ дима.“ Самъ Аристотель признаетъ въ Спартѣ преимущественно демократію; возвращается, въ своей политикѣ, нѣсколько разъ къ этому предмету, разсматриваегъ его съ разныхъ сторонъ, приводитъ много тому доказательствъ, но останавливается всего болѣе на одномъ, какъ на самомъ главномъ, именно на эфорахъ. „Эфорамъ принадлежитъ верховная власть въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а они всѣ назначаются изъ дима“. ** „Такъ какъ ихъ власть, продолжаетъ онъ далѣе, *** чрезвычайно велика и равняется тиранической, то сами цари принуждены бывали льстить имъ; вслѣдствіе чего (то-есть чрезъ эфорію) Спартакская республика измѣнилась, ибо демократія заступила мѣсто аристократіи“.

* Аристотель, *О госуд.* II, 3, 10: Ἐνιοὶ μὲν οὖν λέγουσιν, ὡς δεῖ τῆ ἀρίστην πολιτείαν ἔξ ἅπασων εἶναι τῶν πολιτειῶν μεμιγμένην· διὸ καὶ τῆ τῶν Λακεδαιμονίων ἐπαινοῦσιν· εἶναι γὰρ αὐτὴν οἱ μὲν ἔξ ὀλιγαρχίας καὶ μοναρχίας καὶ δημοκρατίας φασι, λέγοντες τὴν μὲν βασιλείαν μοναρχίαν, τῆ δὲ τῶν γερόντων ἀρχὴν ὀλιγαρχίαν, δημοκρατεῖσθαι δὲ κατὰ τὴν τῶν ἐφόρων ἀρχὴν, διὰ τὸ ἐκ τοῦ δήμου εἶναι τοὺς ἐφόρους.

** II, 6, 14: Ἡ γὰρ ἀρχὴ κυρία μὲν αὐτῆ τῶν μεγίστων αὐτοῖς ἐστί, γίνεται δ' ἐκ τοῦ δήμου πάντες.

*** Тамъ же: Καὶ, διὰ τὸ τὴν ἀρχὴν εἶναι λίαν μεγάλην καὶ ἰσοδύναμον δημογωγεῖν αὐτοὺς ἠναγκάζοντο καὶ οἱ βασιλεῖς· ὥστε καὶ ταύτη συνέβλεπτεσθαι τὴν πολιτείαν. δημοκρατία γὰρ ἔξ ἀριστοκρατίας συνέβαινε.

Здѣсь Аристотель свидѣтельствуетъ что въ Спартѣ господствовала первоначально аристократія, и его показаніе подтверждается тѣмъ извѣстнымъ учрежденіемъ что во главѣ ея всегда находились два царя, которые скорѣе напоминаютъ двухъ консуловъ и никакъ не могли выражать собою истинной монархіи. Аристотель свидѣтельствуетъ сверхъ того что дѣль долгое время не участвовалъ въ правительствѣ, и только въ послѣдствіи получилъ права гражданства. Эти два обстоятельства говорятъ въ пользу мнѣнія что Спартакская республика была въ древнѣйшій періодъ своего существованія аристократическою, въ полномъ смыслѣ сего слова. Если же присоединимъ другое, сообщенное нами, показаніе Аристотеля что дѣмъ завѣдывалъ въ Спартѣ самими высшими правительственными постановленіями, ибо избиралъ геронтовъ и только изъ своей среды назначалъ эфоровъ, то нельзя не признать что дарованіе подобныхъ правъ дѣму было дѣйствительнымъ переворотомъ въ политическомъ устройствѣ республики. Когда же совершился этотъ переворотъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ тотъ же авторъ, оставаясь и здѣсь главнымъ источникомъ и руководителемъ. По его увѣренію, это произошло въ царствованіе царя Спартакскаго Θεοπομπᾶ (Θεοπόμπος), то-есть въ эпоху Мессенскихъ войнъ, такъ какъ онъ былъ современникомъ первой войны, слѣдовательно во второй половинѣ VIII столѣтія до Р. X. Аристотель пишетъ: * „Царская власть у Лакедемонянъ раздѣлялась искони на двѣ части, а Θεοπομπᾶ еще болѣе ограничилъ ее какъ нѣкоторыми другими постановленіями, такъ преимущественно учрежденіемъ званія эфоровъ“. Согласно съ Аристотелемъ пишетъ Плутархъ ** что послѣ законодательства Ликурга, олигархія бывшая еще единовластною и сильною стала до того неуиѣрною и необузданною что, по словамъ Платона, назожили на нее какъ узду власть эфоровъ“. Читая эти извѣстія, едва ли можно сомнѣваться что Θεοπομπᾶ дѣйствовалъ въ Спартѣ такъ какъ спустя два столѣтія поступилъ

* Арист., тамъ же V (Варт. VIII), 9, 1: Καὶ ἡ (βασιλεία) Λακεδαιμονίων, διὰ τὸ εἶ ἀρχῆς τε εἰς δύο μέρη διαίρεθῆναι τὴν ἀρχὴν, καὶ πάλιν Θεοπόμπου μετρίσαντος τοῖς τε ἄλλοις καὶ τὴν τῶν ἐφόρων ἀρχὴν ἐπικαταστήσαντος.

** Плутархъ (Didot), Ликургъ, гл. 7, § 1: Οὕτω τὸ πολίτευμα τοῦ Λυκούργου μίσητος, ὁμοῦς ἀκρατον ἐπὶ τὴν ὀλιγαρχίαν καὶ ἰσχυρὰν οἱ μετ' αὐτὸν ὄραντες σπαργύσαν καὶ θυμομένην, ὡς φησὶν ὁ Πλάτων, οἷον ψάλιον ἐμβάλλουσιν αὐτῇ τὴν τῶν ἐφόρων δύναμιν.

Алкмеонидъ Клеоменъ въ Аѳинахъ, и что онъ не только спасъ, но и возвысилъ свое отечество, сдѣлавъ во время уступку при видѣ грозившей опасности. Нельзя и думать чтобы такое коренное преобразование какъ дарованіе диму права избирать изъ своей среды высшаго самовластнаго республики, предъ коимъ преклонялись сами цари Спарты, совершилось добровольно, безъ крайней необходимости и безъ всякихъ требованій, только по великодушію Теопомпа. Но еслибы Теопомпъ и увлекся этимъ чувствомъ, то онъ встрѣтилъ бы непреодолимую преграду своимъ намѣреніямъ какъ въ другомъ царѣ, такъ въ особенноти въ Спартанской аристократіи. Онъ испыталъ даже противодѣйствіе въ собственномъ семействѣ, ибо его жена упрекала его что онъ оставитъ своему сыну царскую власть менѣе могущественную чѣмъ онъ самъ наследовалъ отъ своего отца, на что онъ отвѣтилъ: „Напротивъ, я передаю болѣе долговѣчную“. * Если Теопомпъ такъ выразился, то только потому что предвидѣлъ возможность такого же прекращенія царскаго правленія въ Спартѣ какое произошло во всѣхъ эллинскихъ республикахъ, и что требованія дима были столь же справедливы и неотразимы какъ и повсюду въ Греціи. Дѣйствительно, самъ Аристотель упоминаетъ, въ двухъ мѣстахъ своей *Политикѣ*, о волненіяхъ въ Спартанской республикѣ, во время Мессенскихъ войнъ: одни, сознавая съ гордостію что они одинаковы съ другими своимъ личнымъ достоинствомъ, требовали равноправности, другіе даже раздѣла помѣстій **. Аристотеля подтверждаетъ Фукидидъ своимъ полномѣстнымъ сужденіемъ о Спартанской республикѣ. „Лакедемонъ, говоритъ онъ, *** съ

* Аристотель, тамъ же, V (VIII), 9, 1: "Ὅπερ καὶ πρὸς τὴν γυναῖκα ἀποκρίνασθαί φασιν αὐτὸν εἰποῦσαν, εἰ μὴδὲν αἰσχύνεται τὴν βασιλείαν ἐλάττω παραδίδουσι τοῖς υἱέσιν ἢ παρὰ τοῦ πατρὸς παρέλαβεν; Οὐ δῆτα, φάναι παραδίδωμι γὰρ πολυχρονιτέραν.

** Тамъ же, гл. 6, § 1: Μάλιστα δὲ τοῦτο συμβαίνειν ἀναγκαῖον, ὅταν τὸ πλῆθος τῶν πεφρονηματισμένων ὡς ὁμοιον κατ' ἀρετὴν οἷον ἐν Λακεδαίμονι οἱ λεγόμενοι Παρθενίαι.

§ 2: Συνέβη δὲ καὶ τοῦτο ἐν Λακεδαίμονι ὑπὸ τὸν Μεσηνιακὸν πόλεμον. Δῆλον δὲ καὶ τοῦτο ἐκ τῆς Τυρταίου ποιήσεως τῆς καλουμένης Εὐνομίας. Ἰλιθόμενοι γὰρ τινες διὰ τὸν πόλεμον ἤξιον ἀνάδαστον ποιεῖν τὴν χώραν.

*** Фукид. I, 18, 1: Ἡ γὰρ Λακεδαίμων μετὰ τὴν κτίσιν τῶν νῦν ἐνοικούντων αὐτὴν Δωριέων ἐπὶ πλείστον ὥν ἴσμεν χρόνον στασιάσασα ὁμοῦ ἐκ τῆς λαϊτᾶτος καὶ εὐνομήθη καὶ αἰεὶ ἀτυράννευτος ἦν.

самаго завладѣнія имъ и теперь живущими тамъ Дорями, наибольшее сколько знаемъ время подвергался внутреннимъ раздорамъ, а между тѣмъ древнѣе всѣхъ приобрьлъ благоустройство и никогда не подчинялся тиранинѣ⁴. Есть сверхъ того еще одно, хотя и позднее, но весьма замѣчательное, извѣстіе, сохранившееся только въ испорченномъ видѣ. Юстинъ * пишетъ что Спартяны, ослабленные битвами съ Мессинцами, отпустили на волю своихъ рабовъ, и передавъ имъ помѣстья убитыхъ воиновъ, признали ихъ въ число равноправныхъ гражданъ. Здѣсь очевидно ошибка. Никогда не могло быть и рѣчи ни въ Спартѣ, ни въ какой-либо другой Греческой республикѣ, о подобномъ поступкѣ съ рабами и о столь быстромъ ихъ возвышеніи. Элліны награждали рабовъ давая имъ свободу, даряли имъ землю, жаловали иногда нѣкоторыя льготы, но облачь ихъ всеми почестями гражданина, то-есть сдѣлать ихъ равноправными съ героями, было, во всякомъ случаѣ, невозможно. Мы думаемъ что Юстинъ смѣшалъ рабовъ съ димотами, и что вмѣсто слова рабы слѣдуетъ у него читать димы. Тогда окажется превосходный смыслъ и драгоценное извѣстіе о вступленіи димы въ управленіе республикой. Итакъ, Θεοπομπή, знаменитый своими побѣдами надъ Мессинцами, покореніемъ всей Мессиніи, оказывается не менѣе знаменитымъ государственнымъ мужемъ, ибо своею мудростію и своею дальновидностію онъ водворилъ спокойствіе въ Спартѣ и приготовилъ ей первенство между всеми республиками Пелопоннеса.

Исторія сохранила дѣла Θεοπομπή, и его воспѣваетъ, современнѣйшій симъ событіямъ, Тиртей въ своей повѣи называемой *Θεοπομπία* (Εὐνομία, то-есть благоустройство), или, по увѣренію Свида, ** *Πολιτική* (Πολιτεία, то-есть республика), отъ которой уцѣлѣло лишь нѣсколько отрывковъ приводимыхъ древними писателями. Слава, говоритъ онъ, *** нашему царю, богамъ любимому Θεοπομπή, чрезъ него

* Юстинъ III, 5.

** Свида подъ словомъ Τυρταίος говоритъ: ἔγραψε Πολιτείαν Λακεδαιμονίους, καὶ Ὑποθήκας δι' ἑλεγεσίας, καὶ μέλη πολεμιστήρια.

*** Delectus poetarum Elegiacorum Graecorum, ed. Schneidewin (Götting 1868 in 8°), Tyrtaei Elegiae pag. 5:

Ἥμετέρω βασιλῆϊ, θεοῖσι φίλῳ Θεοπόμπῳ,

ὄν διὰ Μεσσηνίην εἰλομεν εὐρύχορον·

Μεσσηνίην ἀγαθὴν μὲν ἀροῦν, ἀγαθὴν δὲ φυτεύειν.

же приобрѣли обширную Мессину; Мессину добрую въ пахоть, добрую въ растительности. "Производя однако свои преобразования, Θεοπομλις дѣйствовалъ не самовластно, и не могъ такъ дѣйствовать, а достигъ своей цѣли только съ помощію спартанскихъ аристократовъ, которые, для пользы своего государства, сами отказались отъ своихъ преимуществъ, и уступивъ диму значительную часть своихъ правъ согласились на учрежденіе въ Спартѣ того рода димократіи какому ея изображаетъ Аристотель. Эта димократія умѣрлась тѣмъ что членами герусіи или геронтами остались только аристократы избираемые димомъ.

Политическія преобразования Θεοπομλις не были обыкновенною правительственною мѣрой, принятою по ея обсужденію въ думѣ и на вѣчѣ, и приведенною въ исполненіе чрезъ обнародованіе; она изложена была въ видѣ закона и представлена на одобреніе Аполлона, въ его Дельфійскомъ храмѣ. Отправляя пословъ къ Піеіи, Θεοπομλις слѣдовалъ обычаю существовавшему въ древнихъ заманскихъ республикахъ, по которому испрашивалось разрѣшеніе бога во всѣхъ дѣлахъ какъ частныхъ, такъ и государственныхъ. Нигдѣ однако этотъ обычай не укоренился такъ глубоко какъ между Спартавцами, которые славились тѣмъ что ихъ законы освящены и какъ бы предписаны Піеіей, а потому и назывались νόμοι πωδὸχρητοί. * Богъ утвердилъ предначертанія, и послы возвратились съ законодательною ритрой (ή ρήτρα). Счастливый случай сохранилъ эту замѣчательную ритру, сообщенную ритромъ ближайшимъ современникомъ, потомъ Тиртеемъ, и приводимую частью Паутархомъ въ жизнеописаніи Лакурга ** и въ болѣе полномъ видѣ Діодоромъ Сицилійскимъ въ остаткахъ его седьмой книги *Βυβλίονες*. *** Тиртей пишетъ: ****

„Влазвъ (голосу) Фива (Аполлона), послы принесли домой

* Космофонтъ, республика Лакедемонявъ, гл. 8, § 5.

** Глава 6.

*** Діодоръ Сицилійскій (Didot), VII, 14, 5.

**** Греческій подлинникъ приводится ниже. Желаяющимъ познакомиться съ Дельфами, какъ пріятно указать на ученый трудъ, изданный подъ заглавіемъ: *Храмовый городъ Дельфы съ оракуломъ Аполлона Піеійскаго съ древней Греціи*. Историческое исследование П. Люперсоваго. Приложенъ планъ древнихъ Дельфъ. С.-Петербургъ. 1869, in 8°.

изъ Писеона (Πισίων, οὐς, или Πισίων, ὄνος, Дельфы) пророчества и совершеннѣйшія вѣщанія: да правительствуютъ въ думѣхъ боготимимыя цари, коимъ дорога цвѣтущая республика Спарты и старѣйшины геронты; потомъ мужи димоты, отвѣтствуя правильнымъ ритрамъ (то-есть утверждая справедливыя и полезныя предложенія). Да вѣщаютъ прекрасное и творять все правдивое, ниже совѣтують что-либо республикѣ (вредное). Да послѣдуетъ побѣда и сила за большинствомъ дима (то-есть окончательное рѣшеніе). Такъ Фивъ (Аполлонъ) явилъ сіе республикѣ.“

Кромѣ начала и конца, гдѣ говорится о божескомъ происхожденіи закона, въ этой ритрѣ закладываются три положенія, составляющія все политическое устройство Спартанской республики. Каждый отдѣлъ обозначается повелѣніемъ бога, выраженнымъ словами: ἄρχειν — правительствовать, μισέσθαι — вѣщать и ἔρειν — творить, наконецъ ἔπεισαι — слѣдовать. Въ первомъ положеніи приводятся лица и ослловія участвовавшія въ правительствѣ республики; во второмъ предписывается ихъ образъ дѣйствій; въ послѣднемъ опредѣляется способъ принятія рѣшенія или голосованіе. Вся ритра представляетъ очеркъ государственныхъ постановленій Спарты, весьма важный потому что, какъ замѣчено, написанъ современникомъ, и въ то же время совершенно сходный съ изложеніемъ Аристотеля, который въ свою очередь говоритъ что преобразование Ликурговыхъ законовъ было дѣломъ царя Θεопомпа. Все убѣждаетъ что ритра Тиртея относится къ этому самому преобразованію.

Иначе думаютъ нѣкоторые германскіе филологи, видящіе въ словахъ Тиртея указаніе на законодательство Ликурга. Гетлингъ, * въ своемъ разсужденіи о четырехъ Ликурговыхъ ритрахъ, утверждаетъ даже что ритра Θεопомпа никогда не существовала. Авторъ выставляетъ это мнѣніе не какъ предположеніе, а какъ положительное и несомнѣнно

* Goettling: *Gesammelte Abhandlungen aus dem classischen Alterthume*. Томъ I. (Halle. 1851, in 8°). Стр. 317—352. Ueber die Vier Lykurgischen Rhetren. На стр. 333, Гетлингъ пишетъ: Es ist schon früher auseinandergesetzt, dass in diesem Fragmente des Dichters nur von den Orakeln die Rede sein kann, welche Lykurg und seine Genossen mitheibrachten bei der Gründung der Spartanischen Verfassung, nicht aber von der so genannten Rhetra des Theopomp, die als solche gar nicht existirte.

историческое данное, не требующее никакого доказательства, чего онъ и не приводитъ. Эта гипотеза служить Геттингу основаніемъ, на которомъ онъ строитъ свой ученый трудъ и завершаетъ оный выводомъ что ритра Тиртея была только поэтическимъ воспроизведеніемъ первоначальной ритры Дикурга, находящейся также у Плутарха, въ жизнеописаніи сего законодателя. Не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Геттингга, и постараемся доказать что ритра Тиртея дана была Писией царю Теопомпу.

Политическія мѣры царя Теопомпа испровергли утверждаемую Дикургомъ аристократію и ввели правленіе демократическое. При благочестіи Спартанцевъ и при ихъ постоянномъ обычаѣ испрашивать рѣшеніе бога Аполлона, вельва и подумать чтобы такое глубокое измѣненіе могло совершиться безъ благословенія дельфійской Писии. Еслибы по тому и не сохранилось ритры Теопомпа, то слѣдовало бы скорѣе предположить ея потерю чѣмъ отрицать ея существованіе. Ритра Тиртея носить на себѣ всѣ признаки подлинности и призвана таковою самими древними; вѣтъ ни малѣйшаго повода отвергать ее. Но чье законодательство въ ней подразумѣвается? Дикурга или Теопомпа? На это отвѣчаетъ сама ритра и притомъ весьма опредѣленно. Въ ней мужи диметы являются вполнѣ равноправными съ геронтами, то-есть аристократами; вмѣстѣ съ ними они образуютъ правительство; подобно имъ вѣщаютъ прекрасное и творятъ правдивое; наконецъ большинству дима предоставленъ рѣшающій голосъ. Такое значеніе дима невысказано при Дикургѣ, который, [посредствомъ герусіи, установилъ правленіе аристократическое, даже вѣрнѣе говоря, олигархическое. „Изъ многихъ нововведеній Дикурга, говоритъ Плутархъ, * первымъ и главнѣйшимъ было учрежденіе геронтовъ. Ограничивая извѣстность власти царей и подавая наравнѣ съ царями голоса въ самыхъ важныхъ дѣлахъ государства, геронты, по словамъ Платона, доставили Спартѣ спасеніе и мудрое правительство.“ Плутархъ прибавляетъ что геронты были оплотомъ какъ противъ тиранин, такъ и противъ демократіи. Словомъ, цѣлю Дикурга было утвердить въ Спартѣ

* Плутархъ, Дикургъ гл. 5, § 9: Πλειόνων δὲ καινοτομουμένων ὑπὸ τοῦ Λυκούργου πρῶτον ἦν καὶ μέγιστον ἢ κατάστασις τῶν γερόντων ἦν φησὶν ὁ Πλάτων τῆ τῶν βασιλέων ἀρχῇ φλεγμαινούσῃ μιχθεῖσαν καὶ γενομένην ἰσόψηφον εἰς τὰ μέγιστα σωτηρίαν ἅμα καὶ σωφροσύνην παρασχέειν.

аристократію. Но то высокое мѣсто какое занимаетъ димъ въ ритръ Туртея могло произойти только при Θεоломбѣ, вслѣдствіе назначенія эфоровъ и измѣненія аристократіи въ демократію. Не естественно ли заключить что въ этой ритрѣ говорится именно о преобразованияхъ происшедшихъ въ царствованіе сего государя? Этотъ выводъ подтверждается чрезъ сравненіе ритры Туртея съ Лукурговою, которую приводитъ Плутархъ безъ всякой перемены въ ея первоначальномъ видѣ. Плутархъ пишетъ: * „Лукургъ такъ

* Для большей наглядности и для вѣрнаго сужденія помѣщаемъ здѣсь обѣ ритры, какъ Туртея, такъ и Лукурга, сопоставляя ихъ внѣстѣ.

Ритра Туртея.

Φοίβου ἀκούσαντες Πυθωνόθεν οἰκὰδ' ἔνεικαν
μαντείας τε θεοῦ καὶ τελέεντ' ἔπεα
Ἄρχειν μὲν βουλῆς θεοτιμήτους βασιλῆας,
οἳσι μέλει Σπάρτης ἡμερόεσσα πόλις,
πρεσβυγενεῖς τε γέροντας, ἔπειτα δὲ δημότας ἀνδρας,
εὐθείαις ῥήτραις ἀνταπομειβομένους
Μυθεῖσθαι δὲ τὰ καλὰ καὶ ἔρδειν πάντα δίκαια,
μηδὲ τι βουλευεῖν τῆδε πόλει (σκολιόν).
Δήμου δὲ πλήθει νίκην καὶ κάρτος ἔπεσθαι
Φοῖβος γάρ περὶ τῶν ὠδ' ἀνέφηνε πόλει.

Ритра Лукурга.

Οὕτω δὲ περὶ ταύτην ἐσπούδασε τὴν ἀρχὴν ὁ Λυκούργος, ὥστε μαντεῖαν ἐκ Δελφῶν κομίσαι περὶ αὐτῆς, ἣν ῥήτραν καλοῦσιν, Ἴχει δὲ οὕτως: „Διὸς Ἑλλανίου καὶ Ἀθανᾶς Ἑλλανίας ἱερὸν ἰδρυσάμενον, φυλάς φυλάξαντα καὶ ὠβάς ὠβάξαντα, τριάκοντα γερουσίαν σὺν ἀρχαγέταις καταστήσαντα, ὥρας ἕξ ὥρας ἀπελλάζειν μεταξὺ Βαβύκας τε καὶ Κνακίωνος, οὕτως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι Ταμωδῶν γοριῶν ἢ μὴν καὶ κράτος.

Читая эти двѣ ритры и видя что въ нихъ не только нѣтъ ни малѣйшаго сходства ни по содержанію, ни по изложенію, ни даже нѣтъ ни одного общаго обшимаго слова, нельзя не придти въ изумленіе какимъ образомъ Отфридъ Мюллеръ, Гетцаиъгъ и ихъ послѣдователи могли доказывать что ритра Туртея есть простое переиначеніе въ стиху ритры Лукурга. Для насъ по крайней мѣрѣ это непоказуемо.

Занимаясь еще о поставленныхъ нами въ этомъ отрывкѣ Туртея знакахъ препинанія. Бергкъ, въ своемъ изданіи *Греческихъ Лирикоэ* (*Poetae Lyrici Graeci. recensuit T. Bergk. edit. altera. Lipsiae, 1863, in 8°*), стр. 317, посылъ слово: ἡμερόεσσα πόλις, прекрасно ставить запятую, что даетъ отачный смыслъ, между тѣмъ какъ Шней-

заботился о герусіи что привезъ изъ Дельфъ объ ея учрежденіи пророчаніе называемое ритромъ и гласящее: „Построивъ храмъ Зевсу Элаанію (или Селлаанію) и Аевнѣ Эллааніи (Селлааніи), раздѣливъ гражданъ на филы (коляны) и овы (фратріи), установивъ герусію изъ тридцати геронтовъ, вмѣстѣ съ архагетами (то-есть царями), созывать совѣщаніе во время полнолуній, * между Вавикою и Клякціономъ, и вносить въ оное или отклонять предложенія...“ Здѣсь во всѣхъ рукописяхъ Плутарха слѣдуютъ слова: Ταμωδῶν ἡμεῖς ἢ μὴν καὶ κράτος, которыя не только темны, но, какъ вѣрно выразился г. Дестуанисъ, ** такъ загадочны что самъ Эдилъ не могъ бы разобрать ихъ смысла. Издатели Плутарха лишутъ обыкновенно, вмѣсто Ταμωδῶν, δάμψ δέ, утверждая что въ ритрѣ говорится о димѣ, но это только смѣлое, ничѣмъ не подкрѣпленное измѣненіе текста и совершенно противорѣчащее духу Ликургова законодательства. До сихъ поръ это мѣсто не повято, и всѣ, часто весьма остроумная, поправки ученыхъ остаются предположеніями, нисколько не разъясняя дѣла.

Имѣя предъ глазами эти двѣ подлинныя ритры и сравнивая ихъ между собою, не можемъ не замѣтить глубокаго между ними различія по самому существу предмета, различія до того великаго что, читая ихъ, какъ бы видишь предъ собою двѣ отдѣльныя историческія эпохи. Въ одной полное, ничѣмъ не ограниченное преобладаніе аристократіи; въ другой, напротивъ, тотъ государственныи строй Спартанской республики, который утвердился со времени царя Θεοπομπά

δεινῆς, неѣррно поставивъ двоеточіе, лишиль это мѣсто точнаго смысла. Но и Бергкъ, въ свою очередь, поступилъ точно также, не поставивъ никакого знака послѣ слова ἀνταπομειβομένων, гдѣ Шлейдевицъ какъ нельзя лучше поставилъ двоеточіе.

* Слѣдуемъ здѣсь превосходному толкованію Гетцаица, который, на основаніи нѣсколькихъ подобныхъ выраженій Аристофана и свидѣтельства схоласта Фукидида (I, 67), полагаетъ что ὥρας ἔξ ὥρας означаетъ: отъ полнолунія до полнолунія. Гетцаицъ (I, pag. 340) пишетъ: Der Ausdruck ὥρας ἔξ ὥρας ἀπελλᾶζειν die feste Bestimmung enthalte, es solle regelmässige von Panselenos zu Panselenos eine Volksversammlung gehalten werden.

** *Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей.* Перевелъ съ греческаго Спиридонъ Дестуанисъ. Часть 1я (Спб. 1814, in 8), стр. 196.

и въ коемъ, по увѣренію Аристотеля, дѣйствовали монархія, аристократія и демократія, взаимно себя поддерживая и уравновѣшивая. Отличаясь своимъ содержаніемъ, объ ритрѣмъ отличаются и изложеніемъ, въ коемъ также нѣтъ ничего между ними общаго, и что равномерно указываетъ на ихъ разнородное происхожденіе.

Это доказательство, заимствованное изъ содержанія обѣихъ ритровъ, рѣшаетъ весь вопросъ объ ихъ принадлежности къ эпохѣ, такъ что можно было бы на немъ и остановиться. Приведемъ въ заключеніе еще слѣдующее обстоятельство.

Поэма Тиртея, посвящая имя *Θεομολι*, воспѣвала дѣла царя Θεομολпа. Тиртей къ нему обращается со словами: нашему царю, богочтимому Θεομолпу. Только о немъ говорится во всѣхъ отрывкахъ выписанныхъ Стравономъ и леригитомъ Павсаніей. Есть потому основаніе предположить что ритра шить въ виду также государственныя нововведенія Θεομолпа. Это предположеніе подкрѣпляется Паутархомъ и ставится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Биографъ, разказавъ законодательство Ликурга, переходитъ къ измѣненіямъ которыя были произведены при Θεομолпѣ и въ этомъ отдѣлѣ приводитъ стихи Тиртея, въ коихъ заключаются ритра. Было бы нарушеніемъ логической послѣдовательности еслибы онъ разумѣлъ здѣсь не Θεομолпа, а Ликурга.

По этимъ причинамъ не можемъ раздѣлить мнѣнія Гетлинга, и полагаемъ что ритра царя Θεομолпа дѣйствительно существовала, и что ею окончилось законодательное опредѣленіе взаимныхъ правъ граждамъ и распространеніе на Спартанскій димъ полной равноправности съ героями.

Итакъ, спартанскіе аристократы, присоединивъ къ себѣ димъ и вручивъ ему чрезъ эфорію значительное вліяніе на дѣла республики, предупредили внутреннія волненія и сдѣлали невозможнымъ появленіе въ Спартѣ тиранновъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали такъ искусно что, устранивъ образованіе гражданской общины, каковая устроилась въ послѣдствіи въ Аѣнахъ, удержали за собою не только часть своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ, но и политическую самостоятельность своего сословія, ибо только изъ нихъ избирались члены Спартанской герусіи.

Не всѣ однако аристократы слѣдовали примѣру Спартанцевъ: во многихъ городахъ велась междуусобная война политическихъ партій, дававшая просторъ честолюбію людей

предпріимчивыхъ и часто повергавшая республику въ рабство. Это говорили Соловъ и Θεογνίδъ своимъ согражданамъ; но задолго до нихъ, еще въ первую четверть седьмага столѣтія, дельфійская Пифія произнесла Сикіонянамъ грозное вѣщаніе и наложила на нихъ кару боговъ, предсказавъ посланнымъ что въ теченіе ста лѣтъ надъ ними будетъ стоять челоуѣкъ съ плетью.* Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ утвердилась въ Сикіонѣ тираннія Ореагоридовъ, господствовавшая цѣлое столѣтіе. Не меньшія бѣдствія претерпѣли Мегары, гдѣ происходили самые насильственные перевороты, низвергались разныя правительства, изгонялись аристократы, и даже требовалось съ нихъ возвращеніе законно принятаго ими роста за взятые у нихъ взаимны деньги, что называлось, какъ мы видѣли, палинтокіей, ή παλιντοκία. Мегарійцы подпали подъ владычество тирана Θεαρένα (Θεαρένης, οὐς), современника аеинскаго законодателя Драконта, и хотя у него не было преемника, и тираннія не возобновлялась, но спокойствіе не водворилось, такъ какъ димагоги не переставали продолжать свою губительную дѣятельность.** Вслѣдствіе этихъ смутъ и волненій, Мегарійская республика ослабѣла и потеряла свое прежнее политическое значеніе въ Греціи. Она занимала всю сѣверную часть Коринесскаго перешейка, прилегая, подобно Коринѣу, къ двумъ морямъ, и обладая на западѣ и на востокѣ превосходными морскими пристаями, дававшими возможность вести обширную торговлю и содержать военныя силы въ Архилелагѣ. „Ея колоніи, говоритъ Гротъ,*** основанныя съ одной стороны во Фракіи (и между ними Византія) и даже въ Виваніи, съ другой въ Сициліи, позволяютъ заключить какъ о распространеніи ея торговли, такъ и о могуществѣ ея флота, который не уступалъ Аеинскому.“ Мегарійцы владѣли до Солома островомъ Саламиномъ и тѣмъ постоянно угрожали Аеинцамъ, стѣсняя къ нимъ доступъ съ моря. Все это благосостояніе мало; но о немъ краснорѣчиво говорятъ сохранившіеся до сихъ поръ ламатники коими подтверждаются историческія

* Діодоръ Сид. (Didot) VIII, 26: "Ὅτι Σικωνίοις ἔχρησεν ἡ Πυθία ἑκατὼν ἐτη μαστιγομηθήσεσθαι αὐτοῦς."

** Паутархъ, *Quaestiones Graecae*, § 18.

*** Georg Grote, *Geschichte Griechenlands*, übers. v. Meissner, т. II, стр. 89.

вѣстія. По берегу Алкіонійскаго моря * стоятъ еще и теперь великолѣпныя развалины двухъ приморскихъ мегарійскихъ городовъ: Эгосеонъ (τὰ Αἰγόςθωνα), имѣя Германю, и Пагъ (αἱ Παγαί), имѣя Псату, и крѣпости Геранію (ἡ Γεράνεια), имѣя Аалехори, ** свидѣтельствующія о богатствѣ и силѣ вѣкогда цвѣтущей Мегарійской республики.

Вообще въ большей части греческихъ республикъ аристократамъ грозила столь очевидная опасность что они могли предупредить свое паденіе или даже изгнаніе только сдѣлавъ вовремя уступку и согласившись даровать димотамъ нѣкоторыя права гражданства. Они это исполнили, но не послѣдовали примѣру ни Ахаіи, ни Спарты, гдѣ признаніе дима совершилось вполнѣ и вдругъ, а жаловали димотамъ весьма надлежно одни права за другими. Это происходило въ концѣ VII и въ началѣ VI столѣтія. Такія постепенныя уступки, не удовлетворявъ никого, только вызывали неудовольствіе и ропотъ съ обѣихъ сторонъ и поддерживали внутренніе раздоры. Во всякомъ случаѣ, однако, приобрѣтеніе правъ димотами было первою и значительною побѣдой дима надъ аристократами и олигархами, а въ то же время великою жертвой послѣднихъ въ пользу демократіи.

Такое значительное нововведеніе, совершенно измѣлившее существовавшій до того политическій строй древнихъ греческихъ республикъ, могло установиться и получить силу закона только вслѣдствіе особо принятыхъ государственныхъ мѣръ. Дѣйствительно, такъ и случилось. Утомленная и ослабленная раздорами и междуусобіями, обѣ политическія партіи избирали, съ обоюднаго согласія, полномочнаго мужа, коему вручали неограниченную власть въ правительствѣ и коему всѣ подчинялись, повинуюсь принятымъ имъ политическимъ мѣрамъ и измѣненію, согласно съ требованіями времени, государственныхъ постановленій и законодательства. Эти полномочные сановники носятъ названіе эсимнитовъ (Ἄσιμνίτης), примирителей или посредниковъ (Διαλλακτήρ, Διαλλακτής) и законодателей (Νομοθέτης). Слово

* Этимъ именемъ называется самая крайняя сѣверо-восточная губа Коринтскаго залива.

** Я посетилъ всѣ эти, лежащія въ восхитительной мѣстности, развалины въ июлѣ 1861 года, во время своего путешествія по берегу моря, отъ города Платей, чрезъ гору Кисееронъ, къ Германю, Псатѣ и далѣе до Коринѳа.

„всмигнуть“ * встрѣчается въ исторіи два раза: имъ назывался Питтакъ (Πίττακος), одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи, правитель Митилины (ή Μιτυλήνη) на островѣ Лесвось и Елпменъ (Ἐπιμένης), избранный гражданами Милита и упоминаемый Николоемъ Дамаскинымъ, ** но о комъ болѣе ничего неизвѣстно. Имя примиритель, въ смыслѣ полномочнаго правителя, упоминается, сколько мнѣ извѣстно, лишь однажды: его употребляетъ Плутархъ говоря о Солонѣ. Но всѣ подобнымъ образомъ назначенные неограниченныя властители назывались по преимуществу законодателями, что и было естественно, такъ какъ каждый изъ нихъ издавалъ законы. Ихъ избраніе происходило въ концѣ VII и въ началѣ VI столѣтія, и эта эпоха можетъ по всей справедливости именоваться временемъ законодателей. Аристотель упоминаетъ въ разныхъ мѣстахъ своей *Политики* о Залевкѣ (Ζάλευκος), законодатель Локрійцевъ въ Италіи, о Харондѣ (Χαρώνδας) изъ Катаны, въ Сициліи, о Питтакѣ на островѣ Лесвось, Андродамантѣ (Ἀνδροδάμας, αὐτός), уроженецъ города Ригія (Ῥήγιον), въ южной Италіи, объ аѳинскомъ законодатель Драконѣ (Δράκων, οὗτος) и о нѣкоторыхъ другихъ менѣе извѣстныхъ. Самый знаменитый между всеми былъ Солонъ, пользовавшійся громкою славой въ древнемъ мірѣ за свое гражданское и уголовное уложеніе, которое оставалось въ силѣ болѣе двухъ столѣтій, и заслужившій у потомства, какъ основатель величія Аѳинской республики, почетное имя архигета (Ἀρχηγέτης владыка), которое, по увѣренію Плутарха, *** означало въ Спартѣ царя.

Занимаясь теперь борьбой политическихъ партій, ограничимся изложеніемъ только тѣхъ мѣръ которыя приняты были Солонемъ для водворенія спокойствія въ республикѣ, и той части его законодательства которая имѣла въ виду удовлетвореніе требованій дѣма.

Избранный Аѳинянами въ санъ архонта, послѣ Филомврата (Φιλόμβροτος), то-есть 594 до Р. Х., и получивъ полномочія съ

* Объ эсмигнгахъ см. разсужденіе г. Бауера, стр. 27 и слѣд.

** Nicolai Damasceni fragmenta, отрывокъ 54, во Fragmenta Historiarum Graecorum ed. C. Müllerus въ собраніи Дидота, том. III, pag. 389.

*** Плутархъ, *Ликургъ*, гл. 6, § 3: Ἀρχαγέται δὲ οἱ βασιλεῖς λέγονται.

неограниченною властію и со званіемъ прамирителя, * Солоонъ вступилъ въ управленіе республикой въ самое опасное время и въ самый разгаръ политическихъ партій. „По укрощеніи Килонова мятежа,“ говоритъ Плутархъ, ** „и по удаленіи нечестивыхъ, въ Афинахъ возобновились прежнія междуусобія объ устройствѣ республики. Плутархъ называетъ и самую враждовавшую партію, указывая на ихъ политическія стремленія. По его словамъ, Педіви (Πεδίοι) желали сохранить олигархію; имъ противостояли Діакріи (Διακρίοι или Διακρίκ), самые, какъ выражается биографъ, *** демократическіе; третью партію составляли Паралы (Πάραλοι) прелатствовавшіе тѣмъ и другимъ господствовать. „Неравенство, продолжаетъ Плутархъ, **** между бѣдными и богатыми дошло до крайней степени, и смутеніе было такъ велико что казалось не было другаго средства предотвратить опасность какъ чрезъ установленіе тираниі.“ „Большинство (димотовъ), пишетъ тотъ же авторъ, † и самые отважные изъ нихъ, составляли сходки и увѣщали другъ друга не уступать аристократамъ, но, избравъ довѣреннаго предводителя, освободить всѣхъ кто не могъ заплатить въ срокъ долговъ, прогнать раздѣлъ помѣстій и совершенно преобразовать правленіе республики.“ „Благоразумнѣйшіе изъ Афинянъ убѣждали Солона провозгласить себя тиранномъ и тѣмъ укротить внутренніе раздоры. †* Солоонъ однако отвергъ ихъ предложенія, но привалъ мѣры къ водворенію въ республикѣ спокойствія. Эти мѣры были двоякія: однѣ могутъ быть

* Плут. Солоонъ, гл. 14, 4: Ἠρέθη δὲ ἀρχῶν μετὰ Φιλόμυθρον ὁμοῦ καὶ θαλακτῆς καὶ νομοθέτης.

** Тамъ же, гл. 13, 1: Αἱ δ' Ἀθηναὶ τῆς Κυλωνείου πεκαυμένης ταραχῆς καὶ μεθεστώτων, ὡς περ εἰρηται, τῶν ἐναγῶν τὴν παλαιὰν αὖθις στάσιν ὑπὲρ τῆς πολιτείας ἐστασίαζον.

*** Тамъ же § 2: ἦν γὰρ τὸ μὲν τῶν Διακρίων γένος δημοκρατικώτατον.

**** Тамъ же, § 3: Τότε δὲ τῆς τῶν πενήτων πρὸς τοὺς πλουσίους, ἀνωμαλίας ὡς περ ἀκμὴν λαβούσης παντάπασιν ἐπισφαλῶς ἡ πόλις διέκειτο καὶ μόνως ἀν ἐδόκει καταστήναι καὶ παύσασθαι ταραττομένη τυραννίδος γενομένης.

† Тамъ § 6: Οἱ δὲ πλείστοι καὶ ῥωμαλεώτατοι, συνίσταντο-καὶ παρεκάλουν ἀλλήλους μὴ περιορᾶν, ἀλλ' ἐλομένους ἕνα προστάτην ἀνδρᾶ πιστὸν ἀρελῆσαι τοὺς ὑπερημένους καὶ γῆν ἀναδάσασθαι καὶ ὄλιως μεταστήσαι τὴν πολιτείαν.

†* Гл. 14, § 6.

названы финансовыми, другія политическимъ; одѣ опредѣляли права должниковъ и заимодавцевъ, другія имѣли въ виду стремленіе дѣла къ пріобрѣтенію равноправности съ аристократами.

Финансовыя мѣры Солона заслужили наибѣйшее одобреніе и современниковъ, и потомства: дѣйствительно, свидѣтельствуя объ его высококомъ умѣ и о желаніи блага своему отечеству, онѣ предотвратили грозное междуусобіе. Хотя эти мѣры и разнообразны, онѣ всѣ извѣстны подъ именемъ *сисахеіи* (ή σισαχθεια), что значитъ облегченіе отъ тяжести, или вѣрнѣе страхиваніе бремени, а Плутархъ говоритъ * что это названіе придумано самимъ Соломомъ. Сисахеію составляли три закона, изданные имъ на основаніи даннаго ему полномочія. Первымъ постановленіемъ ** онѣ обезпечилъ свободу личности гражданамъ и тѣмъ подготовилъ благосостояніе республики. У Аѳинянъ былъ тогда обычай занимать деньги подъ залогъ, какъ они выражались, своего тѣла; *** не платившій въ срокъ поступалъ въ полную зависимость, едва не въ рабство, заимодавца, былъ иногда продаваемъ для уплаты и, говоря новѣйшимъ языкомъ, лишался всѣхъ правъ состоянія. Многіе принуждены были не только бѣжать изъ отечества, но даже продавать дѣтей своихъ. **** Законъ Солона, приведенный Плутархомъ, † гласилъ: „да никто впредъ не одождаетъ денегъ подъ залогъ тѣла“. Діодоръ Сицилійскій †† лишеть что Соломъ заимствовалъ этотъ законъ у Египтянъ, у коихъ онѣ былъ введенъ Фараономъ Вокхоридомъ (Βόκχορις, ἰδός); это нисколько не уменьшаетъ той великой пользы какую онѣ принесъ Аѳинской республикѣ. Бѣжавшіе и проданные люди возвращались въ отечество, ихъ прежнія права восстанавливались, и свобода гражданина утвердилась.

Вторымъ постановленіемъ опредѣлялись правила уплаты долговъ. О нихъ упоминаетъ современникъ Демосеева,

* Га. 15, § 3.

** Тамъ же, § 4: Τοῦτο γὰρ ἐποίησατο πρῶτον πολίτευμα γράφας.

*** Га. 13, § 4: Ἡ χρέα λαμβάνοντες ἐπὶ τοῖς σώμασιν ἀγύγμοι τοῖς δανείζουσιν ἦσαν.

**** Тамъ же § 5: Πολλοὶ δὲ καὶ παύδας ἰδίους ἠναγκάζοντο πολεῖν, καὶ τὴν πόλιν φεύγειν διὰ τὴν χαλεπότητα τῶν δανειστώων.

† Га. 15, § 4: Πρὸς δὲ τὸ λοιπὸν ἐπὶ τοῖς σώμασι μὴδὲνα δανείζειν.

†† Діод. Сицил. I, 79, 4.

историкъ Атеиды, Андротіонъ, на коего ссылается Плутархъ въ жизнеописаніи Солона. * Онъ утверждаетъ что Соловъ не уничтожилъ долговъ, чего многіе въ Афинахъ добивались, а облегчалъ только ихъ уплату, измѣнивъ чеканъ монеты такимъ образомъ что изъ металла составлявшаго 73 прежнія драхмы, чеканилось сто драхмъ, которыя однако привѣсались въ уплату по прежней цѣнности, то-есть за цѣлую мѣну. Черезъ это измѣненіе, говоритъ Андротіонъ, плата числомъ столько же, но цѣною менѣе, должники приобрѣтали бѣольшую выгоду, а заимодавцы ничего не теряли. Извѣстіе Андротіона представляло трудности и казалось темнымъ до тѣхъ поръ пока Бекъ, со свойственными ему остроуміемъ и знаніемъ дѣла, не разъяснилъ его и не открылъ истиннаго его смысла. ** Онъ доказалъ что Соловъ, велѣвъ чеканить изъ 73 драхмъ сто драхмъ, удержалъ существовавшую до него цѣнность драхмы, такъ что гражданинъ долженствовавшій уплатить своему заимодавцу сто драхмъ, уплачивалъ вполнѣ свой долгъ выдавая ему только прежнія 73 драхмы, что было значительнымъ для должника облегченіемъ. Правда, Плутархъ не соглашается съ Андротіономъ и думаетъ что Соловъ совершенно уничтожилъ всѣ долги. Но здѣсь его ошибка очевидна. Еслибы намѣреніе Солона состояло въ томъ чтобы въ данное мгновеніе объявить всѣ долги недействительными и разъ навсегда прекратить ихъ взысканіе, то не было бы причины измѣнять монетную систему и давать тѣмъ поводъ къ новизнѣ, не только недоразумѣніямъ, но можетъ-быть и волненіямъ. Во всякомъ случаѣ, такая перемѣна была бы излишнею, но она является превосходною и глубоко обдуманною мѣрой, если согласимся съ Андротіономъ и примемъ его показаніе что Соловъ не уничтожилъ долговъ, а только облегчалъ ихъ уплату и взысканіе. Есть и прямое доказательство, вполнѣ подтверждающее разказъ Андротіона. Въ рѣчи Демосеена противъ Тимократа приводится установленная Солономъ для членовъ думы присяга, которую приносили въ послѣдствіи *власти* предъ начатіемъ суда въ Афинахъ. Въ этой присягѣ есть нѣкоторыя статьи, очевидно вставленныя уже послѣ Солона, но другія

* Гл. 15, § 5.

** А. Böckh: *Die Staatshaushaltung der Athener* (2 Ausg. Berlin 1851, in 8), томъ II, стр. 363 и слѣд.

принадлежать самому законодателю, и между ними безъ сомнѣнiя слѣдующая: „Не подамъ голоса ни въ пользу предложенiя объ уничтоженiи долговъ частныхъ лицъ, ни за раздѣленiе земли и усадьбъ Афинянъ“. * Такъ какъ во всей исторiи Афинской республики, отъ Солона до Демосоева, подобныя требованiя никогда не возобновлялись, то необходимо принять что эти слова принадлежать самому Солону, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ заключить что Андротiонъ изложилъ его дѣйствiя съ историческою вѣрностию.

Наконецъ, третьимъ постановленiемъ, приводимымъ Аристотелемъ, ограничивалась чрезмѣрная покупка богатыми людьми помѣстiй и вводилось болѣе равномерное распределенiе поземельнаго имущества. „Солонъ, говоритъ Аристотель, ** издалъ законъ, существующiй впрочемъ и въ другихъ республикахъ, которымъ воспрещается гражданамъ приобрѣтать столько имѣнiй сколько пожелалъ бы кто-либо.“ Естественнo предложить что Солонъ обозначилъ и самую мѣру земли, которую нельзя было увеличивать покупкою, и тѣмъ доставилъ менѣе богатымъ людямъ возможность приобрѣтать поземельную собственность.

Итакъ, сисахеiя не была насильственнымъ переворотомъ, низвергнувшимъ законно приобрѣтенныя права и владѣнiя, а чрезвычайнo искусно придуманною и приведенною въ исполненiе политическо-финансовою мѣрою, посредствомъ которой Солонъ предупредилъ тѣ ужасныя требованiя о раздѣлѣ помѣстiй и уничтоженiи долговъ которыя могли погубить республику. Плутархъ, или можетъ-быть Андротiонъ, называетъ эту мѣру человеколюбивымъ дѣйствiемъ, то φιλανθρωπικῆμα; и самъ Солонъ говоритъ о ней съ видимымъ удовольствiемъ въ отрывкѣ своихъ стихотворенiй, сохраненномъ Плутархомъ. Онъ пишетъ *** что „спялъ знаки, поставленные на

* Демосоевъ противъ Тимократа, § 149 (Didot):... οὐ πείσομαι, οὐδὲ τῶν κρεινῶν τῶν ἰδίων ἀποκοπᾶς, οὐδὲ τῆς ἀναδασμῶν τῆς Ἀθηναίων, οὐδ' οἰκῶν.

** Аристот., *О госуд.* II, 4, 4: Οἶον καὶ Σόλων ἐνομοθέτησεν, καὶ παρ' ἄλλοις ἐστὶ νόμος, ὃς κωλύει κτᾶσθαι γῆν ὀπόσῃ ἂν βούληται τις.

*** Плут. Солонъ, гл. 15, § 8: Σεμνύνεται γὰρ Σόλων ἐν τούτοις, ὅτι τῆς τε προῦποκειμένης γῆς

ὄρους ἀνείλε πολλὰ καὶ πεπηγῶτας
πρόσθεν δὲ δουλεύουσα, νῦν ἐλευθέραι

καὶ τῶν ἀγρωτῶν πρὸς ἀργύριον γεγονότων πολιτῶν τοὺς μὲν ἀνήγαγεν ἀπὸ ξένης

поляхъ, для обозначенія что они заложены, и освободилъ земли бывшія подъ залпщеніемъ; что изъ заложенныхъ гражданъ, однихъ, забывшихъ даже аттической языкъ свой и повсюду скитавшихся, возвратилъ въ отечество, другихъ, преданныхъ дома рабству, сдѣлалъ свободными“.

Въ другомъ видѣ представляются политическія мѣры Солона принятыя имъ для удовлетворенія требованій дима. Мы находимъ ихъ слабыми и нерѣшительными; а судя по тому что у древнихъ писателей, которые всѣ превозносятъ сисахею, нѣтъ ни одного сочувственнаго о нихъ отзыва, можемъ заключить что и сами Эллины не вполне ихъ одобряли, находя что онѣ не достигли цѣли.

Соловъ славился, не говоря уже ни объ его удженіи, ни о завоеваніи Саламина, ни о многихъ другихъ заслугахъ, своею умѣренностію, правдивостію и чрезвычайнымъ безкорыстіемъ, ибо онъ, не бывъ самъ богатъ, подарилъ своимъ должникамъ весь долгъ ихъ, составлявшій, по однимъ извѣстіямъ, пять талантовъ, по другимъ даже пятнадцать. * Но, какъ потомокъ царя Кодра, онъ принадлежалъ къ числу евлиатридовъ и занималъ почетное мѣсто въ самой высшей аеиаской аристократіи. Это его общественное положеніе и отразилось въ принятыхъ имъ политическихъ мѣрахъ.

Соловъ ясно видѣлъ что противодѣйствіе диму было уже невозможно и немислимо, и что сами аристократы, своею несправедливостію и нетерпимостію, подали главнѣйшій поводъ къ требованіямъ и возстанію; но онъ желалъ по крайней мѣрѣ всѣми средствами отдалить злоху вступленія дима въ республику и пріобрѣтенія имъ полноправнаго наравнѣ съ аристократами гражданства. Онъ не разрушилъ, пишетъ Аристотель, ** существовавшихъ тогда

Γλώσσαν οὐκέτ' Ἀττικὴν
 ἰέντας, ὡς ἂν πολλαχῆ πλανωμένους·
 Τοὺς δ' ἐνθάδ' αὐτοῦ δουλίην ἀεικέα
 ἔχοντας.

* Паутархъ, тамъ же §§ 11 и 12.

** *O gosud.* II, 9, 2: Ἦοικε δὲ Σόλων ἐκεῖνα μὲν ὑπάρχοντα πρότερον οὐ καταλοῦσαι, τὴν τε βουλὴν καὶ τὴν τῶν ἀρχῶν ἀφρασίαν, τὸν δὲ δῆμον καταστήσαι τὰ δικαστήρια ποιήσας ἐκ πάντων.

§ 4: ἐπεὶ Σόλων ἔθοικε τὴν ἀναγκαιοτάτην ὑποδίδοναι τῷ δῆμῳ δύναμιν, τὸ τὰς ἀρχὰς ἀφραῖσθαι καὶ εὐθύειν· μὴδὲ γὰρ τοῦτου κύριος ἦν ὁ δῆμος δούλος ἂν εἴη καὶ πολέμιος.

аристократическихъ учрежденій, именно совѣта Ареолага и избранія важнѣйшихъ лицъ во всѣ званія и должности и, говоритъ тотъ же авторъ, даровалъ диму только самое необходимое право, котораго уже нельзя было лишить его, именно: подавать голоса при избраніи въ правительственныя званія и должности, и выслушивать отчеты. Безъ этого права, прибавляетъ Аристотель, димъ остался бы рабомъ своихъ правителей и былъ бы имъ враждебенъ. Сверхъ того, онъ допустилъ димотовъ къ участию въ дикастіріяхъ, то-есть въ судебной власти. Словомъ, Солонъ желалъ учредить, какъ выражаются нынѣ, умѣренную аристократію. Для достиженія этой цѣли онъ установилъ правительство, которое Аристотель * называетъ тимократіей, и основалъ оное на владѣніи поземельнымъ имуществомъ. Раздѣливъ гражданъ на четыре разряда или класса: на пятисотъ - медимныхъ (πεντακοσιομέδιμνοι), всадниковъ (ἵππεις), зевгитовъ (ζεῦγίται) и оитовъ (θῆτες), и постановивъ правило что гражданамъ, владѣвшимъ наибольшими помѣстьями и соразмѣрно съ ними вѣщимъ наибольшія государственныя повинности, слѣдуетъ пользоваться высшими правами въ республикѣ, Солонъ передалъ всѣ званія и должности, вообще всю правительственную власть, только знатымъ и богатымъ, устранивъ димъ отъ всякаго участія въ правительствѣ. Это свидѣтельству-етъ Аристотель согласно съ Плутархомъ. ** Солонъ, правда, призналъ димотовъ гражданами, чѣмъ они, по словамъ Плутарха, до него не были, но не распространилъ на нихъ главныхъ преимуществъ гражданства и не сдѣлалъ ихъ равноправны ми съ аристократами. Онъ составилъ изъ всѣхъ, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ, гражданъ два отдѣла. Одно, принадлежавшіе къ тремъ первымъ разрядамъ, пятисотмедимные, всадники и зевгиты, были вмѣстѣ, если употребимъ новѣйшее

* Аристот. *Ethica Nicomachea* VIII, гл. 10 (12), § 1: Εἰσι δ' αἱ μὲν πολιτεῖαι βασιλεία τε καὶ ἀριστοκρατία, τρίτη δ' ἡ ἀπὸ τιμημάτων, ἣν τιμοκρατίην λέγειν οἰκείον φαίνεται, πολιτείαν δ' αὐτὴν εἰώθασιν οἱ πλείστοι καλεῖν.

** Арист., *О госуд.* II, 9, 4: Τὰς δ' ἀρχὰς ἐκ τῶν γυνωρίμων καὶ τῶν εὐπόρων κατέστησε πάσας, ἐκ τῶν πεντακοσιομέδιμνων καὶ Ζευγιτῶν καὶ τρίτου τέλους τῆς καλουμένης ἱππάδος· τὸ δὲ τέταρτον θητικόν, οἷς οὐδεμίαν ἀρχὴν μετήν.

Плут. Солонъ, гл. 18, § 1: Δεύτερον δὲ Σόλων τὰς μὲν ἀρχὰς ἀπάσας, ὡσπερ ἦσαν τοῖς εὐπόροις ἀπολιπεῖν βουλόμενος, τὴν δ' ἄλλην μίξει πολιτείαν, ἧς ὁ δῆμος οὐ μετεῖχεν, ἔλαβε τὰ τιμήματα τῶν πολιτῶν.

выраженіе, и избирателями (τινες οἱ καθιστάντες τὰς ἀρχάς), и избираемыми (ἐκ τίνων);* другіе же, именно четвертый классъ, еаты, заключавшій въ себѣ громадное большинство димотовъ, были только избирателями, безъ права занимать какую-либо государственную должность. Но и права первыхъ трехъ классовъ не были одинаковы и не распределялись равномерно: такъ въ званіе архонтовъ избирались только члены перваго разряда или лятисотмедимные,** то-есть древніе аристократы; они же, по окончаніи ихъ архонтскаго года, поступали въ совѣтъ Ареолага,*** который потому былъ вполнѣ аристократическимъ и составлялъ какъ бы оплотъ противъ вторженія демократіи.

Самъ Соловьъ разъясняетъ свою политическую цѣль въ стихотвореніи, коего отрывокъ приведемъ Плутархомъ: „Я далъ диму, говоритъ онъ,**** столько силы сколько должно стовало, не отнявъ его правъ и не слишкомъ ихъ расширивъ; тѣхъ же у кого была власть и кто блисталъ богатствами предохранилъ отъ позора.“ Итакъ, Соловьъ подтверждаетъ извѣстіе Аристотеля что онъ даровалъ диму только самое необходимое, оставивъ по-прежнему все правленіе въ рукахъ богатыхъ и знатныхъ. † Такая политика была бы безъ

* Эти политическія выраженія употребляетъ Аристотель, кн. IV (Бартеаеми VI, гл. 12, § 10. Долгое время они казались непонятными, и издатели часто прибѣгали къ измѣненію текста; но Геттингъ превосходно объяснилъ ихъ, безо всякой перемѣны, въ своемъ изданіи *Политики Аристотеля: Aristotelis Politicorum libri octo*, ed. C. Götting (Jenae 1824, in 8°), стр. 385 и 386. Г. Бартеаеми-Семъ-Илеръ прекрасно перевелъ ихъ словами les élécteurs et les éligibles. Г. Скворцовъ, оказавшій услугу своимъ переводомъ *Политики Аристотеля* (Москва, 1865, in 8°), передаетъ, на стр. 290, мысль Аристотеля слѣдующимъ образомъ: „вопервыхъ, кто назначаетъ, вторыхъ, изъ кого назначаются правительственныя лица“, что такъ же вѣрно съ подлинникомъ.

** Плут. Аристидъ, гл. I, § 2.

*** Онъ же, Периклъ, гл. 9, § 3.

**** Онъ же, Соловьъ, гл. 18, § 4:

Δήμιψ μὲν γὰρ ἔδοκα τόσον κράτος, ὅσον ἐπαρκεί,
τιμῆς οὐτ' ἀφελών οὐτ' ἐπορεξάμενος.
Οἱ δ' εἶχον δύναμιν καὶ χρήμασιν ἦσαν ἀπῆτοι,
καὶ τοῖς ἐφρασάμην μηδὲν ἀεικέες εἶχειν.

† Занимаясь борьбой партій, мы излагаемъ только вопросъ политическій, не касаясь юридической стороны правъ гражданства по

сомнѣнія благотворною, но только въ спокойное время, когда дальновидный умъ государственнаго человѣка предупреждаетъ могущія произойти внутреннія волненія; во время же переворота, какой былъ въ эту эпоху во всей Греціи, она была недостаточна и бесполезна. Димъ искалъ съ оружіемъ въ рукахъ равноправности съ аристократами и могъ успокоиться только послѣ полнаго удовлетворенія своихъ требованій. Есаибы Соловъ послѣдовалъ примѣру своего знаменитаго предшественника, царя Спартанскаго Теопопла, и предоставилъ диму всѣ права гражданства, онъ водворилъ бы въ Аѣинахъ спокойствіе и избавилъ бы республику отъ тѣхъ бѣдствій которыя она испытала въ теченіе шестаго столѣтія. Полумѣры Солова не удовлетворили никого; прежнія партіи вновь возстали; междуусобіе вспыхнуло и сопровождалось утвержденіемъ тиранніи Писистратидовъ, чего Соловъ всего болѣе опасался и чему всегда противился. Когда же онъ убѣдился что всѣ его старанія остались тщетными, то, несмотря на глубокое уваженіе коимъ онъ пользовался, и на оказываемыя ему почести, онъ осудилъ себя на добровольное изгнаніе и, проведя остатокъ жизни вдали отъ отечества, умеръ на островѣ Кипрѣ. Введенное имъ раздѣленіе гражданъ на четыре разряда или класса сохранялось еще весьма долго, но утративъ всякое политическое значеніе служило только финансовою мѣрой для взиманія государственныхъ повинностей.

Возвратимся къ общей исторіи древней Греціи.

Шестое столѣтіе началось уступкой аристократовъ и вступленіемъ дима въ число членовъ государства. Сословіе димотовъ достигло званія гражданъ республики, хотя еще далеко не полноправнаго, но уже признаннаго и утверждаемаго; еще не была учреждена гражданская община, что произошло спустя цѣлое столѣтіе; но по крайней мѣрѣ люди бывшіе до того подчиненными и зависимыми, даже какъ бы чуждыми, стали теперь нераздѣльною, такъ-сказать присущею, частію республики. Начиная съ этого времени, установленіе гражданской общины оказывалось неминуемымъ, и

законодательству Солова. Этотъ послѣдній предметъ превосходно разработанъ у г. Филиппи, въ его *Исторіи Аттическаго права гражданства*, *Geschichte des Attischen Bürgerrechts*, von Adolph Philipp, Berlin, 1870, in 8°. О Соловѣ, стр. 186-231.

политическое признаніе дима составляетъ эпоху, раздѣляя все время борьбы на два періода.

Своимъ согласіемъ на распространеніе правъ димотовъ греческіе аристократы обнаружили, правда, государственный умъ и дальновидность, но уступили только силѣ и необходимости: въ ихъ душѣ напротивъ жило чувство вражды и ненависти къ новымъ согражданамъ, и нельзя сомнѣваться что аристократы готовы были во всякое время возобновить войну со своими противниками. Ихъ намѣренію содѣйствовали послѣдніе своимъ, ничѣмъ неукротимымъ, стремленіемъ къ образованію гражданской общины, основанной на полномъ равенствѣ всѣхъ ея членовъ. Хотя димоты достигли политическаго признанія, они однако тѣмъ не довольствовались и требовали теперь равенства съ своими прежними властелинами. Съ обѣихъ сторонъ готовились и вооружались, малѣйшая искра производила пожаръ грозившій обратитъ зданіе республики въ развалины. Шестое столѣтіе до Р. X. было продолженіемъ предшешаго, и подобно ему наполнено внутренними волненіями, смутами и распрями, потрясавшими почти всѣ республики древней Греціи. Не уступая ему въ вѣнствности, оно превосходило его своимъ сознательнымъ политическимъ направленіемъ, которое такъ глубоко проникло во всѣ слои общества что наложило особую печать и на литературу того времени. Представителями ея являются Соловъ и Теогиадъ, коихъ стихотворенія были политическими въ самомъ строгомъ смыслѣ. Всего болѣе, для исторіи этой эпохи, заслуживаетъ вниманія Теогиадъ *, бывшій

* Теогиадъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ, но на политическое направленіе его стихотвореній указавъ прежде всѣхъ Велькеръ, эта и не разбираетъ его въ частностяхъ и вовсе не опредѣляетъ значенія тѣхъ историческихъ данныхъ которыми у Теогиада въ весьма большомъ числѣ находятса. Онъ повидимому о нихъ и не догадывалса. Забѣчанія Велькера помѣщены въ его Prolegomena къ изданію этого писателя, напечатанному подъ заглавіемъ: *Theognidis Reliquiae. Novo ordine disposuit F. T. Welcker. Francofurti ad Moenum. 1826. in 8.* Не соглашавсь съ сохранившимися рукописями, Велькеръ расположилъ стихи Теогиада въ новомъ, ивъ самимъ придуманномъ, порядкѣ; но, кромѣ Вебера, не имѣетъ послѣдователей. Г. Бергкъ, въ своемъ отличномъ изданіи греческихъ лирическихъ поэтовъ, *Poetae Lyrici Graeci. recensuit T. Bergk. editio altera. Lipsiae 1853. in 8.* гдѣ помѣщенъ и Теогиадъ, удерживаетъ прежній поря-

очевидцемъ этихъ волненій и претерпѣвшій много бѣдствій за свое въ нихъ участіе. Его притчи (γνώμαι), напомнимающія притчи Священнаго Писанія, суть одинъ изъ драгоценнѣйшихъ остатковъ греческой древности шестаго вѣка, изображающій въ полномъ свѣтѣ политическое состояніе эллинскихъ республикъ того времени и настроеніе умовъ аристократическаго общества, коего членомъ былъ самъ авторъ. Въ нихъ заключаются притомъ историческія данныя какихъ напрасно стали бы искать у собственныхъ историковъ. Руководясь его указаніями, постараемся изложить исторію политической борьбы въ шестомъ столѣтіи.

Вѣрныя преданія о прошедшаго, Θεογνιδъ видѣлъ паденіе республики въ ограниченіи преимуществъ аристократіи и въ дарованіи нѣкоторыхъ правъ гражданства новымъ людямъ; онъ говоритъ съ досадою, а вмѣстѣ и съ глубокою грустію, о совершившемся переворотѣ и открыто выражаетъ свое чувство, придавая бывшимъ правителямъ названіе добрыхъ (ἀγαθοί) и доблестныхъ (ἑσθλοί), а ихъ противникамъ, вмѣстѣ съ ихъ вождями, имя худыхъ (κακοί). „О горе мнѣ!“ говоритъ Θεογνιδъ, * Куринецъ ** погибъ и прекрасные виноградики Лиланта опустошены; добрые бѣгутъ, а худые властвуютъ въ городѣ“. „Республика“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, *** является прежнею, но граждане другіе,—тѣ кто прежде не знали ни суда, ни законовъ, а изнашивали на своихъ бокахъ козью кожу, и какъ олени жили въ городѣ“. Θεογνιδъ

докъ стиховъ. Мы потому ссылаемся на эти оба изданія и приводимъ Θεογνίδα по двойственному численію стиховъ. Представляемъ здѣсь первый опытъ историческаго разбора Θεογνίδα.

* Θεογν. ст. 1027 са. (Велькера), 891 (Бергка):

Οἱ μοι ἀνακτῆσι! ἀπὸ μὲν Κήρινθος δλωλεν,
Ληλάντου δ'ἀγαθὸν κείρεται οἰνόπεδον,
οἱ δ'ἀγαθοὶ φεύγουσι, πόλιν δὲ κακοὶ διέπουσιν.

** Куринецъ, ἡ Κήρινθος, городъ на островѣ Еввіи. Лилантское поле или равнина лежало между Хаакидою и Еретрией.

*** Ст. 19 (Велькера), 53 (Бергка):

Κύρνε, πόλις μὲν ἔθ' ἦδε πόλις, λαοὶ δὲ δὴ ἄλλοι,
οἱ πρόσθ' οὔτε δίκας ἤδεσαν οὔτε νόμους,
ἀλλ' ἀμφὶ πλευρῆσι δορὰς αἰγῶν κατέτριβον,
ἔξω δ' ὡστ' ἔλαφοι τῆσδ' ἐνέμοντο πόλεος.

разумѣть здѣсь распространеніе судебныхъ правъ гражданства на мелкихъ землевладѣльцевъ, что было до того въ рукахъ доблестныхъ, и что учредилъ въ Афинахъ Солонъ, давъ право суда диму, составлявшему четвертый разрядъ подъ названіемъ еитовъ. Еще сильнѣе пишетъ онъ далѣе: „Торговцы судохозяева начальствуютъ, худые поверхъ добрыхъ.“ * Въ этихъ словахъ, обнаруживающихъ все негодование древнихъ эллинскихъ аристократовъ, заключается важное историческое извѣстіе о дарованіи правъ гражданства торговымъ людямъ, что, по помятымъ Грековъ, составляло

* Ст. 789 Вельк., 679 Бергк.

Φορτηγοὶ δ' ἄρχουσι, κακοὶ, δ' ἀγαθῶν καθ' ἑρθεν.

Переведа здѣсь выраженіе Теогида: φορτηγοὶ δ' ἄρχουσι, словами, торговцы судохозяева начальствуютъ, слѣдуемъ толкованію Глриха Этьена (или Эстьема) въ его знаменитой сокровищницѣ греческаго языка: Henrici Stephani Thesaurus Graecae linguae. tertio editur: Hase, G. Dindorfius et L. Dindorfius. Excudebat Didot, который пишетъ (т. 8й, стр. 1.019): Φορταγῆς ἴτεμ φορτηγός, sub. ναὸς, vel φορτηγὸν πλοῖον, Onega vehens navis, и прибавляетъ далѣе, стр. 1.020, De mercatoribus etiam Lycorhr. Итакъ, φορτηγός употребляется въ двухъ изъ смыслахъ, означая какъ торговый корабль, такъ и его владѣльца. Толкованіе Этьена подтверждается Аристотелемъ, который, упоминая о морской торговлѣ, ἐμπορία, говоритъ что она раздѣляется на т. и части: ναυκληρία, φορτηγία, παράστασις. Подъ первую разумѣлось отправленіе цѣнныхъ товаровъ на гребныхъ, доставлявшихъ къдѣ въ назначенный срокъ, корабляхъ, въ коихъ можно видѣть прототипъ нашихъ пароходовъ; второю обозначался перевозъ большихъ тяжестей на простыхъ парусныхъ судахъ; παράστασις—распродажа. См. Арист. *Полит.* I, 4, 2. Многие переводчики Аристотелевой *Политики*, и въ ихъ числѣ г. Оксворцовъ (стр. 34), принимаютъ слово φορτηγία въ значеніи сухопутной торговли; но это не согласно съ Аристотелемъ, который разсматриваетъ здѣсь только эмпорію, торговлю морскую, имѣвшую въ Греціи большую важность, такъ какъ ея берега были унизаны множествомъ приморскихъ пристаней.

Г. Веберъ въ двухъ изданіяхъ своихъ переводовъ Теогида, въ первомъ помѣщенномъ въ его собраніи элегическихъ поэтовъ (Weber: *Die elegischen Dichter der Hellenen.* Frankfurt am Main, 1826, in 8°, на стр. 162, и во второмъ, напечатанномъ подъ заглавіемъ: *Эмигранты и Стоики (Emigrant und Stoiker.* Bonn, 1884, in 12°, на стр. 62, выраженіе φορτηγοὶ δ' ἄρχουσι переводитъ: носильщики несутъ, Lastträger gebieten. Съ этимъ нельзя согласиться уже потому что носильщиками были въ Греціи только рабы, а не свободные граждане.

совершенный переворотъ въ государственныхъ учрежденіяхъ республикъ.

Эллины уважали земледѣліе, но занятіе торговлею признавали недостойнымъ и несомвѣстимымъ съ высокимъ званіемъ гражданина. Этотъ взглядъ такъ глубоко укоренился что даже два столѣтія послѣ Теогида, Аристотель, рассуждая о приобрѣтеніи имущества и раздѣливъ оное на хозяйство и на торговлю, говоритъ, * „что первое необходимо и почетно, торговля же напротивъ справедливо презирается, такъ какъ она не самостоятельная по существу дѣятельность, а только мѣна для выгоды.“ Не забудемъ что Аристотель писалъ это въ то время когда въ Греціи процвѣтала торговля, и когда Аѣны и Коринѣи были средоточіемъ всемірныхъ сношеній и оборотовъ; еще важнѣе то обстоятельство что Аристотель не высказываетъ здѣсь собственнаго мнѣнія, а является истолкователемъ мнѣнія общественнаго, приводя даже положительные законы подкрѣпляющіе его показаніе. Такъ, по его словамъ, ** въ Фивахъ былъ законъ постановлявшій не допускать къ правительственнымъ должностямъ тѣхъ гражданъ которые въ теченіе десяти лѣтъ не устранились отъ рынка, то-есть занимались торговлей. Вообще не подлежитъ сомнѣнію что въ древней Греціи были республики, и между ними Спартанская, коихъ граждане не знали торговли и считали униженіемъ участвовать въ ней.

Если же такой взглядъ существовалъ въ четвертомъ вѣкѣ, то становится понятнымъ тотъ ужасъ съ которымъ аристократы шестаго столѣтія видѣли вторженіе торговыхъ людей въ число гражданъ республики. Они могли еще перенести дарованіе гражданскихъ правъ мелкимъ землевладѣльцамъ, хотя и смѣялись надъ ними, называя ихъ людьми одѣтыми въ козья кожу и живущими, подобно оленямъ, внѣ города; но покорились только крайней силѣ при вступленіи торговцевъ въ гражданство. Они готовы были однако перенести и это, какъ они полагали, бѣдствіе, только бы не подпасть подъ власть тирана. Послушаемъ Теогида. Обращаясь къ Кирру,

* Аристот. *Полит.* I, 3, 23: Διπλῆς δ' οὐσης αὐτῆς, ὡσπερ εἶπουν, καὶ τῆς μὲν καπηλικῆς, τῆς δ' οἰκονομικῆς, καὶ ταύτης μὲν ἀναγκαίας καὶ ἐπανουμένης, τῆς δὲ μεταβλητικῆς ψεφομένης δ' αἰαίως, οὐ γὰρ κατὰ φύσιν, ἀλλ' ἀπ' ἀλλήλων ἐστίν.

** III, 3, 4: Ἐν Θήβαις δὲ νόμος ἦν τὸν δέκα ἐτῶν μὴ ἀπεσχημένον τῆς ἀγορᾶς μὴ μετέχειν ἀρχῆς. Ср. VI (Варт. VII), 4, 5.

онъ говоритъ: * „Никогда еще добрые мужи не губили республики. Но когда худымъ угодно производить своеволие чтобы, ради собственныхъ выгодъ и ради достиженія власти, совращать общину и давать право суда неправосуднымъ, республика не долго останется спокойною.“ Затѣмъ, описавъ ужасы междоусобій и избіеніе гражданъ, онъ заключаетъ свою притчу замѣчательными словами: „Да, не былъ бы республикѣ когда-нибудь желаннымъ единовластитель.“ ** Итакъ, человекъ, который претерпѣлъ гоненія, лишился своего имущества, бѣжалъ изъ Мегаръ, своего роднаго города, искалъ долгое время пріюта на островѣ Еввіи, въ Спартѣ и даже въ Сициліи, наконецъ, возвратившись въ отечество, жилъ въ бѣдности; этотъ человекъ почти соглашался примириться со всемъ, кромѣ только правленія тиранновъ. Такова была политика эллинскихъ аристократовъ, и она никогда относительно тиранновъ не измѣнялась. Согласно съ Теогнидомъ пишетъ Соловъ въ отрывкѣ сохраненномъ Діогеномъ Лаертскимъ и Діодоромъ Сицилійскимъ. „Республика, говоритъ онъ, *** губиеть чрезъ могучихъ мужей, и димъ въ невѣдѣніи падаетъ въ рабство единовластителя.“

Во второй половинѣ шестаго столѣтія, въ то время когда Персы производили свои быстрыя завоеванія и покорили всю переднюю Азію, политическое положеніе Греціи было слѣдующимъ: Въ нѣкоторыхъ республикахъ, и въ томъ числѣ въ Афинахъ, утвердились тиранны и неограниченно властвовали. Въ другихъ, какъ на примѣръ въ Халкидѣ (Χαλκίς, ἰός) на островѣ Еввіи (ἡ Εὐβοία), упрочилась аристократія, носившая, по роскоши въ лошадяхъ, названіе Ипповотовъ (ἵπποβόται), и знаменитая, говоритъ Плутархъ, **** богат-

* Ст. 707 сѣд. В., 43 сѣд. Б.

Οὐδεμίαν πω, Κύρν', ἀγαθοὶ πόλιν ὤλεσαν ἄνδρες;
ἀλλ' ὅταν ὑβρίζειν τοῖσι κακοῖσιν ἄδη,
δῆμόν τε φθείρωσι, δίκας τ' ἀδικοῖσι διδώσι
οἰκείων κερδέων εἵνεκα καὶ κράτεος,
ἔλπεο μὴ δηρόν κείνην πόλιν ἀτρεμείσθαι.

** Ст. 716 В., 52 Б.

μουνάρχος δὲ πόλει μήποτε τῆδε ἄδοι.

*** Въ изд. Бергка, стр. 338, ст. 310го фрагм.

ἀνδρῶν δ' ἐκ μεγάλων πόλις ἄλλυται.

**** Паутархъ, Перикалъ, гл. 23, § 4: Κα' Χαλκιδέων μὲν τοὺς Ἴπποβότας λεγόμενους πλοῦτι καὶ δόξῃ διαφέροντας ἐξέβαλεν.

ствомъ и славой. Были также республики, именно городъ Фивы въ Біотіи, гдѣ правительство находилось въ рукахъ олигарховъ, которое однако скоро преобразовалось въ династію, такъ что при нашествіи на Грецію Персовъ, Фивами управляли династы. Этотъ образъ правленія, династія, всего болѣе усилился въ Фессаліи, гдѣ возвышался древній родъ Алевадовъ (οἱ Ἀλευάδαι), достигшій такого значенія что Иродотъ называетъ ихъ царями Фессаліи. *

Аристотель опредѣляетъ эти различные виды греческихъ республикъ съ точностію и ясностію, чѣмъ отличаются въ его труды и вообще вся литература Эллиновъ. Его изложеніе тѣмъ замѣчательнѣе что согласуется со взглядомъ прочихъ писателей. Послѣдуемъ за Аристотелемъ и, руководясь имъ, постараемся представить значеніе каждаго изъ сихъ правительствъ какъ ихъ понимали древніе Греки. Сужденіе Аристотеля о тиранніи приведено уже нами въ другомъ мѣстѣ, ** а потому мы здѣсь о ней не упоминаемъ.

Словомъ династія (ἡ δυναστεία, то-есть господство) Греки обозначали крайнюю степень олигархіи, или правленія не многихъ, приближавшуюся, по словамъ Аристотеля, *** всего болѣе къ тиранніи и отличавшуюся отъ олигархіи тѣмъ что въ ней сынъ наследовалъ отцу и правилъ не законъ, а властители; тираннію же онъ называетъ самымъ худымъ изъ правительствъ и наиболѣе удаленнымъ отъ благоустроеннаго государства. Аристотеля подтверждаетъ Фукидидъ, который, описывая походъ Врасиды чрезъ Фессалію и сказавъ что жители были болѣе расположены къ Афинянамъ чѣмъ къ Спартамцамъ, прибавляетъ **** что Врасида не могъ бы пройти чрезъ Фессалію еслибы Фессалійцы пользовались равноправностію и не подчинялись, по обычаю страны, династіи. Еще яснѣе выражается тотъ же историкъ о Фивахъ, приводя слова еиванскихъ гражданъ, оправдывавшихъ предъ Спартамцами свой союзъ съ Персами противъ Грековъ и свое участіе въ сраженіи при Платеяхъ на сторонѣ Мардонія.

* VII, 6, 2: Οὐ δὲ Ἀλευάδαι οὗτοι ἔσαν Θεσσαλῆς βασιλεῖς.

** Въ статьѣ: Персидская Монархія.

*** Арист. Полит. IV (VI), 2, 2: ὥστε τὴν τυραννίδα χειρίστην οὖσαν, πλείστον ἀπέχειν πολιτείας.

§. **** Фук. IV, 78: τοῖς τε Ἀθηναίοις ἀεὶ ποτὲ τὸ πλῆθος τῶν Θεσσαλῶν εὖνουν ὑπήρχεν. ὥστε εἰ μὴ δυναστεία μᾶλλον ἢ ἰσονομία ἐχρῶντο τὸ ἐπὶ χῆριον οἱ Θεσσαλοί.

„Наша республика, говорили они, * не управлялась тогда ни равноправною олигархіей, ни демократіей, а что совершенно противоположно законамъ и разуму и что всего ближе къ тираниі, государственными дѣлами завѣдовала династія немногихъ мужей. Фукидидъ уломинаетъ нѣсколько разъ о династіи и всегда въ томъ смыслѣ который весьма точно опредѣленъ Аристотелемъ, такъ что не подлежитъ сомнѣнію что Элліны разумѣли подъ династіей наследственную олигархію, сопоставляя ее всегда съ тираниію, и признавали оба правительства незаконными и неправоудными, какъ между прочимъ ихъ называлъ Сиракусіецъ Аѳинагора (Αθηναγόρας) въ рѣчи произнесенной на гражданскомъ вѣчѣ и сообщаемой также Фукидидомъ. **

Эллинская олигархія (ή ολιγαρχία, то-есть правленіе или власть немногихъ), въ два періода своего существованія въ Греціи, является въ двухъ видахъ, различныхъ между собою въ самыхъ основныхъ началахъ. Хотя въ V столѣтіи демократія вполне утвердилась, а въ нѣкоторыхъ республикахъ, какъ наприѣръ въ Аѳинской, достигла преобладанія, были однако всегда ея противники, которые дѣйствовали тайно и ожидали только случая ее испровергнуть. Ихъ число всего болѣе увеличилось во время Пелопонисской войны; а послѣ Сидийскаго пораженія они открыто высказывали свои мнѣнія и намѣренія и готовились произвести государственный переворотъ въ пользу олигархіи, въ чемъ они дѣйствительно успѣли, хотя на короткое время. Тогда образовалась сильная олигархическая партія, состоявшая не изъ гражданъ одного только высшаго сословія, а изъ тѣхъ гражданъ которые, безъ различія происхожденія, образованія и имущества, поступали въ нее только проликнутые убѣжденіемъ и рѣшимостію установить олигархію, признаваемую ими самымъ разумнымъ образомъ правленія. Эта партія, отдѣлившись отъ общины и отъ прочихъ гражданъ, передавала правительственныя должности въ руки немногихъ и ревностно ихъ поддерживала. Фукидидъ, разказывающій всѣ дѣйствія аѳинскихъ олигарховъ, разъясняетъ и составъ самой олигархической

* Фукид. III, 62, 2: ήμιν μὲν γὰρ ή πόλις τότε ἐτύχαιεν οὔτε κατ' ολιγαρχίαν ἰσόνμον πολιτεύουσα, οὔτε κατὰ δημοκρατίαν. ὅπερ δὲ ἐστὶ νόμοις μὲν καὶ τῷ σωφρονεστάτῳ ἐναντιώτατον, ἐγγυτάτῳ δὲ τυράννου, δυναστεία ἄλιτων ἀνδρῶν εἶχε τὰ πράγματα.

** Фукид. VI, 38, 3:.... τυραννίδας δὲ ἔστιν ὅτε καὶ δυναστείας ἀδίκου

партіи. Онъ влагаеть въ уста Фрикса рѣчь, въ которой этотъ стратигъ указываетъ на невозможность привести въ исполненіе замыслы съ олигарховъ, такъ какъ имъ противодѣйствуютъ, говорилъ онъ, и строгіе демократы, и знатнѣйшіе люди.* Этимъ Фукидидъ даетъ понять что ни тѣ, ни другіе не принадлежать къ олигархической партіи Итакъ, олигархія до конца пятаго столѣтія была правительствомъ немногихъ, опиравшимся на единомышленныя приверженцевъ, разнородныхъ по званію, но воодушевленныхъ однимъ политическимъ мнѣніемъ.

Въ другомъ положеніи находимъ олигархію въ шестомъ вѣкѣ, въ эпоху Θεογνίδα. Въ то время, олигархіей называли не партію политическую и не правленіе вышедшее изъ подобной партіи и ею поддерживаемое, а только не многихъ представителей древнѣйшихъ родовъ, или, какъ говоритъ Аристотель,** богатыхъ и благороднѣйшихъ, которые составляя отдѣльное замкнутое сословіе были правительствомъ и имѣли въ своихъ рукахъ верховную власть республики.*** Этотъ видъ олигархіи признавался тогда законнымъ, и она носила имя равноправной (ὀλιγαρχία ἰσονόμος). Впрочемъ, такъ называли олигархію только Фиванцы въ свою защиту; Аристотель напротивъ считаетъ ее въ числѣ правительствъ неправильныхъ, и именно уклоненіемъ отъ аристократіи, то-есть ея искаженіемъ. Правильными правительствами онъ признаетъ только три: василію (ἡ βασιλεία, то-есть царская власть), аристократію и политію, но каждое изъ нихъ испытываетъ, по его словамъ, уклоненіе или порчу. „Тираниа, говоритъ онъ,**** есть уклоненіе василіи, олигархія аристократіи, а демократія политіи; тираниа есть монархія имѣющая въ виду только пользу монарха, олигархія пользу богатыхъ, а демократія пользу неимущихъ; объ общественной же пользѣ не заботится никто изъ нихъ.“

* Фукидидъ VIII, главы 48, 53 и 54. См. ниже.

** *Полит.* IV (VI, 3, 8: ὀλιγαρχίαι δέ, όταν οἱ πλούσιοι καὶ εὐγενέστεροι ὀλίγοι ὄντες.

*** Тамъ же: κύριοι τῆς ἀρχῆς.

**** III, 5, 4: Παρεκβάσεις δὲ τῶν εἰρημένων, τυραννὶς μὲν βασιλείας, ὀλιγαρχία δ' ἀριστοκρατίας, δημοκρατία δὲ πολιτείας. Ἡ μὲν γὰρ τυραννὶς ἐστὶ μοναρχία πρὸς τὸ συμφέρον τὸ τοῦ μοναρχοῦντος, ἢ δ' ὀλιγαρχία πρὸς τὸ τῶν εὐπόρων, ἢ δὲ δημοκρατία πρὸς τὸ συμφέρον τὸ τῶν ἀπόρων. πρὸς δὲ τὸ τῆ κοινῆ λυσιτελοῦν οὐδεμία αὐτῶν.

Аристократія (ή ἀριστοκρατία, или ἀριστοκράτεια, то-есть преобладаніе доблестныхъ), по опредѣленію Аристотеля, * есть „правительство не многихъ, болѣе однако одного, и называется этимъ именемъ или потому что они доблестно начальствуютъ, или что имѣютъ въ виду только доблестное какъ для республики, такъ и для ея участниковъ.“ Аристотель разумѣетъ здѣсь аристократію въ истинномъ смыслѣ и въ ея высокомъ значеніи, существовавшую нѣкогда въ греческихъ республикахъ, но павшую по винѣ самихъ аристократовъ и уступившую мѣсто олигархіи, противъ утѣоеній которой и начались возстанія. Отличіе аристократіи состояло въ полномъ равенствѣ всѣхъ ея членовъ, которые принадлежали къ древнѣйшимъ семействамъ, возвышались своимъ образованіемъ и своими подвигами, и соединивъ въ себѣ нравственное и политическое превосходство получили названіе знатныхъ, или, какъ говорили Эллины, прекрасныхъ и добрыхъ, еще вѣрнѣе: прекрасно-добрыхъ, καλοὶ καγαθοί. Это названіе аристократы удерживали всегда, даже долгое время спустя послѣ совершеннаго прекращенія ихъ прежняго могущества.

Что словомъ καλὸς καγαθός, прекрасно-добрый, обозначалась не только нравственная сторона челоѣка, но также, и притомъ преимущественно, принадлежность къ высшему сословію государства, доказывается его употребленіемъ въ этомъ смыслѣ у такихъ писателей каковы Иродотъ, Фукидидъ, Платонъ, Аристотель и Платархъ.

Повѣствуя о царствованіи въ Египтѣ Сеѣона (Σεθών, ὄνος), бывшаго жреца бога Ифеста, Иродотъ пишетъ, со словъ самихъ египетскихъ жрецовъ, что отъ перваго царя до Сеѣона прошло триста сорокъ одно поколѣніе людей, и что въ это время было такое же число царей и первосвященниковъ или, какъ онъ ихъ называетъ, архіереевъ (ὁ ἀρχιερεὺς).** Далѣе Иродотъ говоритъ что первосвященникамъ придавали титулъ: пароніа (владыка), и что ихъ колоссальные истуканы изъ дерева стояли въ посвященномъ имъ храмѣ верховнаго бога Аммова, въ большой лалатѣ, которая сохранилась и теперь въ Карнакскомъ храмѣ въ Фивахъ и до сихъ поръ удивляетъ своею громадностью и своимъ величіемъ. „Введя меня,

* *Полит.* III, 5, 2: Καλεῖν δ'εἰώθαμεν.... τὴν δὲ τῶν ἀλγῶν μὲν, πλεῖστον δ'ένος, ἀριστοκρατίαν, ἢ διὰ τὸ τοὺς ἀρίστους ἀρχειν, ἢ διὰ τὸ πρὸς τὸ ἀριστον τῆ πόλει καὶ τοῖς κοινωνοῦσιν αὐτῆς.

** Ирод. II, 142, 1.

продолжаетъ Иродотъ, * въ обширную палату храма и показывая деревянныя колоссы, жрецы насчитали ихъ столько сколько прежде сказали; ибо каждый первосвященникъ ставилъ тамъ при жизни свое изображение и всѣ они наследственны, такъ какъ сынъ былъ преемникомъ своего отца. Наконецъ историкъ заключаетъ: ** „Каждый изъ кумировъ есть пиромисъ, рожденный отъ пиромиса; пиромисъ же на эллинскомъ языкѣ значитъ καλὸς κάγαθός, прекрасно-добрый.“

Θυκιδидъ приводитъ указанную уже нами рѣчь Фригиды, въ которой онъ, совѣтуя не вводить олигархію и исчисляя ея противниковъ, говоритъ между прочимъ что „не мѣше дима представлять затрудненія лица носяція имя прекрасно-добрыхъ“. *** Здѣсь прекрасно-добрыя прямо противопоставляются диму.

Совершенно одинаково съ Θυκιδидомъ выражается Платонъ, говоря также о противникахъ, только не олигархію, а тираннію, отъ коихъ тираннамъ надобно освободиться. „Отъ богатыхъ, лишеть онъ, **** и отъ тѣхъ кого въ республикѣ называютъ прекрасно-добрыми“. Здѣсь весьма замѣчательно добавленіе слова: въ республикѣ, ἐν τῇ πόλει, прямо указывающее что авторъ имѣлъ въ виду обозначить особенное и притомъ высшее сословіе въ государствѣ.

Аристотель, въ обзорѣ государственныхъ учрежденій Спартанской республики, гдѣ рассматриваетъ распредѣленіе правъ и преимуществъ различныхъ частей правительства, говоритъ † что „цари окружены почестями, прекрасно-добрыя суть члены герусіи, ибо это званіе есть награда доблести, наконецъ община или димъ участвуютъ въ избіраніи эфоровъ, которые постановляются всѣми“.

* Ирод. II, 143.

** Тамъ же: φάμενοι ἕκαστον τῶν κολοσσῶν Πίρωμιν ἐκ πηρώμιος γεγονέναι..... Πίρωμις δὲ ἐστὶ κατ' Ἑλλάδα γλυῖσσαν καλὸς κάγαθός.

*** Θυκιδ. VIII, 48, 5: τοὺς τε καλοὺς κάγαθοὺς ὀνομαζομένους οὐκ ἔλασσω αὐτοὺς νομίζεν σφίσι πράγματα παρέξειν τοῦ δήμου.

**** Платонъ, *О государствѣ* кн. VIII, стр. 596: 'Αλλ' ἵνα ὑπὸ τῶν κλουσίων τε καλῶν κάγαθῶν λεγομένων ἐν τῇ πόλει ἐλευθερωθεῖη ἐκείνου προστάντος.

† *Полит.* II, 6, 15: Οἱ μὲν οὖν βασιλεῖς διὰ τὴν αὐτῶν τιμὴν οὕτως ἔχουσιν· οἱ δὲ καλοὶ κάγαθοὶ διὰ τὴν γερουσίαν· ἄλλον γὰρ ἢ ἀρχὴ αὐτῆς τῆς ἀρετῆς ἐστὶν· ὁ δὲ δῆμος διὰ τὴν ἐφορείαν· καθίσταται γὰρ ἐξ ἀπάντων.

Плутархъ, * въ жизнеописаніи Димосеена, желая показать что Димосеенъ не былъ простаго происхожденія, говоритъ что его отецъ, называвшійся также Димосееномъ, „принадлежалъ къ числу прекрасно-добрыхъ мужей, какъ повѣствуетъ, прибавляетъ оъ, „Феоломль“, извѣстный современникъ знаменитаго оратора. Плутархъ очевидно разумѣлъ подъ этими словами высокое положеніе и древность рода Димосеена, чѣмъ и объясняется его аристократическій образъ мыслей, выставляемый самимъ біографомъ. „Правительственная дѣйствія Димосеена, лишеть Плутархъ дадѣе, ** были весьма аристократическими.“

Еще яснѣе смыслъ этихъ словъ у Плутарха въ жизнеописаніи Никіи, аѳинскаго воеводы, павшаго подъ Сиракусами. Упомянувъ о трехъ отличныхъ гражданахъ, Фукидидѣ, Никіи и Θараменѣ, бывшихъ во время Перикла, біографъ пишетъ: *** „Старшій изъ нихъ, Фукидидъ, стоялъ во главѣ прекрасно-добрыхъ и противодѣйствовалъ Периклу, **** правившему въ пользу дима.“

Итакъ, словомъ καλοὶ καγαθοί, прекрасно-добрые, обозначались и первосвященники, и высшее общество, и сановники государства; между тѣмъ какъ ни Сократу, ни Аристотелю, ни вообще кому-либо изъ послѣдующихъ мыслителей греческой древности, коимъ бы это названіе было весьма прилично, оно никогда не придавалось. Не слѣдуетъ ли заключить что оно употреблялось въ смыслѣ боаѣе политическомъ чѣмъ нравственномъ, и соотвѣтствовало новѣйшему слову „знатые“ или „затъ“, обнимающая какъ сановниковъ республики такъ и потомковъ древнѣйшихъ аристократическихъ семействъ.

Господство аристократіи падало по винѣ самихъ аристократовъ. Улоенные успѣхомъ, гордясь властію, они забыли умѣренность и стали угнетать димъ, чѣмъ и возбудили возстаніе. Это положеніе прекрасно описываетъ Соловъ въ своей

* Жизнь Дим. гл. IV, § 1: Δημοσθένης ὁ πατὴρ Δημοσθένους ἦν μὲν τῶν καλῶν καὶ ἀγαθῶν ἀνδρῶν, ὡς ἱστορεῖ Θεόπομπος.

** Тамъ же, гл. XIV, § 3: Σφόδρα δ'ἀριστοκρατικὸν αὐτοῦ πολίτευμα καὶ τὸ περὶ Ἀντιφῶντος.

*** Жизнь Никіи, гл. II, § 2: Ἐκείνων δὲ πρεσβύτερος μὲν ὁ Θουκυδίδης καὶ πολλὰ καὶ Περικλεῖ δηματογούντι τῶν καλῶν καὶ ἀγαθῶν προϊστάμενος ἀντεπολιτεύσατο.

**** Согласно съ новѣйшими понятіями, слѣдовало бы сказать что Фукидидъ былъ главою оппозиціи противъ Перикла.

продолжаетъ Иродотъ, * въ обширную палату храма и показывая деревянные колоссы, жрецы насчитали ихъ столько сколько прежде еказали; ибо каждый первосвященникъ ставилъ тамъ при жизни свое изображение и всѣ они наслѣдственны, такъ какъ сынъ былъ преемникомъ своего отца“. Наконецъ историкъ заключаетъ: ** „Каждый изъ кумировъ есть лиромисъ, рожденный отъ лиромиса; лиромисъ же на эллинскомъ языкѣ значитъ καλὸς κάγαθός, прекрасно-добрый.“

Фукидидъ приводитъ указанную уже нами рѣчь Фриггиса, въ которой онъ, совѣтуя не вводить олигархію и исчисляя ея противниковъ, говоритъ между прочимъ что „не меньше дима представлять затрудненія лица носяція имя прекрасно-добрыхъ“. *** Здѣсь прекрасно-добрые прямо противопоставляются диму.

Совершенно одинаково съ Фукидидомъ выражается Платонъ, говоря также о противникахъ, только не олигархію, а тиранию, отъ коихъ тираннамъ надобно освободиться. „Отъ богатыхъ, лишеть онъ, **** и отъ тѣхъ кого въ республикѣ называютъ прекрасно-добрыми“. Здѣсь весьма замѣчательно добавленіе слова: въ республикѣ, ἐν τῇ πόλει, прямо указывающее что авторъ имѣлъ въ виду обозначить особенное и притомъ высшее сословіе въ государствѣ.

Аристотель, въ обзорѣ государственныхъ учрежденій Спартанской республики, гдѣ разсматриваетъ распредѣленіе правъ и преимуществъ различныхъ частей правительства, говоритъ † что „дари окружены почестями, прекрасно-добрые суть члены герусіи, ибо это званіе есть награда доблести, наконецъ община или димъ участвуютъ въ избираниіи эфоровъ, которые постанавляются всѣми“.

* Ирод. II, 143.

** Тамъ же: φάμενοι ἕκαστον τῶν κολοσσῶν Πίρωμιν ἐκ πηρώμιος γεγονέναι..... Πίρωμις δὲ ἐστὶ κατ' Ἑλλάδα γλῶσσαν καλὸς κάγαθός.

*** Фукид. VIII, 48, 5: τοὺς τε καλοὺς κάγαθοὺς ὀνομαζομένους οὐκ ἐλάσσω αὐτοὺς νομίζειν σφίσι πράγματα παρέξειν τοῦ δήμου.

**** Платонъ, *О государствѣ* кн. VIII, стр. 596: Ἄλλ' ἵνα ὑπὸ τῶν πλουσίων τε καλῶν κάγαθῶν λεγομένων ἐν τῇ πόλει ἐλευθερωθεῖ ἐκείνοισι προσάντος.

† *Полит.* II, 6, 15: Οἱ μὲν οὖν βασιλεῖς διὰ τὴν αὐτῶν τιμὴν οὕτως ἔχουσιν· οἱ δὲ καλοὶ κάγαθοὶ διὰ τὴν γερούσιαν ἄθλον γάρ ἢ ἀρχὴ αὕτη τῆς ἀρετῆς ἐστὶν· ὁ δὲ δῆμος διὰ τὴν ἐφορείαν καθίσταται γάρ .ἔε. ἀπάντων.

Плутархъ, * въ жизнеописаніи Димосеена, желая показать что Димосеенъ не былъ простаго происхожденія, говоритъ что его отецъ, называвшійся также Димосееномъ, „принадлежалъ къ числу прекрасно-добрыхъ мужей, какъ повѣствуетъ, прибавляетъ овъ, „Θεολομύς“, извѣстный современникъ знаменитаго оратора. Плутархъ очевидно разумѣлъ подъ этими словами высокое положеніе и древность рода Димосеена, чѣмъ и объясняется его аристократическій образъ мыслей, выставляемый самимъ біографомъ. „Правительственная дѣйствія Димосеена, лишеть Плутархъ далѣе, ** были весьма аристократическими.“

Еще яснѣе смыслъ этихъ словъ у Плутарха въ жизнеописаніи Накіи, аѳинскаго воеводы, павшаго подъ Сиракусами. Упомянувъ о трехъ отличныхъ гражданахъ, Θυκιδίδης, Накіи и Θираμένης, бывшихъ во время Перикла, біографъ пишетъ: *** „Старшій изъ нихъ, Θυκιδίδης, стоялъ во главѣ прекрасно-добрыхъ и противодѣйствовалъ Периклу, **** правившему въ пользу дима.“

Итакъ, словомъ καλοὶ κἀγαθοί, прекрасно-добрые, обозначались и первосвященники, и высшее общество, и сановники государства; между тѣмъ какъ ни Сократу, ни Аристотелю, ни вообще кому-либо изъ послѣдующихъ мыслителей греческой древности, коимъ бы это названіе было весьма прилично, оно никогда не придавалось. Не слѣдуетъ ли заключить что оно употреблялось въ смыслѣ болѣе политическомъ чѣмъ нравственномъ, и соотвѣтствовало новѣйшему слову „знатиме“ или „затъ“, обнимаю какъ сановниковъ республики такъ и потомковъ древнѣйшихъ аристократическихъ семействъ.

Господство аристократіи падало по винѣ самихъ аристократовъ. Улоенные услѣхомъ, гордясь властію, они забыли умеренность и стали угнетать димъ, чѣмъ и возбудили возстаніе. Это положеніе прекрасно описываетъ Солонъ въ своей

* Жизнь Дим. гл. IV, § 1: Δημοσθένης ὁ πατὴρ Δημοσθένους ἦν μὲν τῶν καλῶν καὶ ἀγαθῶν ἀνδρῶν, ὡς ἱστορεῖ Θεόπομπος.

** Тамъ же, гл. XIV, § 3: Σφόδρα δ'ἀριστοκρατικὸν αὐτοῦ πολίτευμα καὶ τὸ περὶ Ἀντιφῶντος.

*** Жизнь. Накіи, гл. II, § 2: Ἐκειῶν δὲ πρεσβύτερος μὲν ὁ Θουκυδίδης ἤ καὶ πολλὰ καὶ Перικλεῖ δημαγοοῦντι τῶν καλῶν καὶ ἀγαθῶν προϊστάμενος ἀντεπολιτεύσατο.

**** Согласно съ новѣйшими понятіями, слѣдовало бы сказать что Θυκιδίδης былъ главою оппозиціи противъ Перикла.

элегіи, проложившей ему путь къ законодательству. „Предо-предвѣленіемъ Зевса, пишетъ Соловъ, * и волею безсмертныхъ, блаженныхъ боговъ, наша республика не погибнетъ: надъ нею распростерла длани великодушная покровительница, дочь могучаго отца, Паллада Аѳѳина. Но сами граждане, увлеченные корыстолюбіемъ, стремятся въ своемъ безуміи погубить великій городъ. Неправдивый умъ руководить правителей, которымъ предстоитъ претерпѣть большія бѣдствія за великую надменность; ибо не умѣютъ ни укротить своей гордости, ни наслаждаться въ спокойствіи присутствующими благами. Они владѣютъ богатствами, предаваясь незаконнымъ дѣйствіямъ; не щадятъ ни достоянія храмовъ, ни имуществъ республики; лохотцаютъ грабительски одинъ здѣсь, другой тамъ; не соблюдаютъ святыхъ постановленій Дики, которая молча видитъ все что совершается и совершилось, и явится мстительницей.“ То же мнѣніе высказываетъ Теогидаъ, и еще съ большею силой и съ болѣе рѣзкою откровенностію. Въ уста своихъ неумѣренныхъ слодвижниковъ онъ влагаетъ слова наглядно изображающія обоюдное положеніе враждовавшихъ политическихъ партій и настроеніе умовъ аристократіи. „Полри пятоу ** (говорили крайніе аристократы) димъ тулоголовый, бей его острымъ остномъ, *** валожи ему гнетущее ярмо на шею.“ А потомъ Теогидаъ пишетъ: **** „Такія дѣла и такая гордость погубили Магнитовъ †, въ священномъ конѣхъ городѣ онъ

* См. *Poetae Lyrici Graeci, recensuit Bergk.* Стр. 334 и слѣд. Здѣсь помѣщенъ отрывокъ этой элегіи, но вся она переведена г. Бауэромъ (*Эпоха древней тиранніи*) стр. 60 и слѣд.

** Ст. 717 В., 847 В.

Λάε ἐπίβα δῆμψ κενεόφρωνι, τύπτε δὲ κέντροψ
δέξι, καὶ Ζεύγλην δύσλοφον ἀμφίθει.

*** Для перевода греческаго слова τὸ κέντρον, мы принуждены употребить древнее церковное и русское слово остѣнъ, остпа, вполнѣ ему соотвѣтствующее въ своемъ двойномъ значеніи, во первыхъ цѣтра, и во вторыхъ, какъ у Теогида, острога конца трости.

**** Ст. 721—725 В. 603 и слѣд. и 1.103 В.

Τοιαύτε καὶ Μάγνητας ἀπίλεσεν ἔργα καὶ ὕβρις,
οἷα τὰ νῦν ἱερὴν τήνδε πόλιν κατέχει.
Ὑβρις καὶ Μάγνητας ἀπίλεσε καὶ Κολοφῶνα
καὶ Σμύρνην. πάντως, Κύρνε, καὶ ὅμ' ἀπολεῖ.

† Магниты (οἱ Μάγνητες), граждане республики Магнасія (ἡ Маγνησία, на Меандрѣ въ Малой Азіи. О ней упоминаетъ Аристотель, IV (VI),

возворились. Гордость погубила и Магнитовъ, и Колофонъ, и Смирну; она совершенно погубить и насъ" (то-есть Мегарійскую республику).

Скоро однако эллинскіе аристократы убѣдились въ невозможности бороться съ димомъ и ему противодѣйствовать; тогда они измѣнили свою политику, оставшись однако вѣрными и своему отечеству, и своему высокому призванію: они присоединились къ диму и ревностно заботились объ учрежденіи равноправной гражданской общины.

Это, весьма важное по своимъ послѣдствіямъ, событіе разказываетъ Продотъ въ своемъ повѣствованіи объ Алкмеонидѣ Клаисеонѣ.

Алкмеониды принадлежали, какъ по древности рода и богатству такъ и по личнымъ достоинствамъ, къ самой высшей аристократіи. Они происходили * отъ царскаго дома Пилея и славились въ Греціи своими побѣдами на Олимпійскихъ играхъ и родственными связями со знатнѣйшими эллинскими семействами. Исторія этого рода представляетъ много любопытныхъ и замѣчательныхъ данныхъ относящихся къ политическимъ распрямъ греческихъ республикъ, и показываетъ примѣръ постепеннаго перехода аристократической фамиліи на сторону дима. Въ концѣ VII столѣтія Алкмеониды являются самыми строгими аристократами. Мегаклъ, сынъ Алкмеона, бывшій при возстаніи Килона, въ 612 году, архонтомъ, не только преслѣдовалъ и сражался съ приверженцами этого димагога, но не пощадилъ даже святыни храма и убилъ въ Акрополѣ искавшихъ тамъ спасенія у престола богини. Этотъ поступокъ его имѣлъ большія послѣдствія и для его потомковъ, и для самой Аѳинской республики. Алкмеониды измѣняютъ съ того времени свою политику, такъ что, во время внутреннихъ смятеній происшедшихъ послѣ Солонова законодательства, уже встрѣчаемъ Мегакла втораго, внука прежняго архонта, во главѣ умѣренныхъ Паралійцевъ. Неизвѣстно что побудило ихъ къ такому переходу: произошелъ ли оны отъ убѣжденія что невозможно бороться противиться безпрерывно возрастающей силѣ дима? Или

3. 2, какъ объ одной изъ самыхъ цвѣтущихъ древней Греціи и ставъ ее паравъ съ Халкидой и Эретріей.

* Исторія Алкмеонидовъ и ихъ родословіе изложены нами въ *Исторіи Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильиада*. Съ картою Аттики и родословными таблицами. Слб. 1848, in 8°.

только отъ одного честолюбія? Или наконецъ отъ желанія смыть пятно лежавшее на этомъ родѣ за оскорбленіе съ тыни? Всѣ эти вопросы остаются неразрѣшимыми. Мжетъ-быть ихъ поступокъ былъ слѣдствіемъ трехъ означенныхъ причинъ вмѣстѣ. Послѣ же изгнанія Писистратовъ, Клизеевъ, сынъ Мегакла втораго, открыто перешелъ на сторону дима и учредилъ демократическую гражданскую общину.

„Аѳины, говоритъ Иродотъ, бывшія и прежде великимъ еще болѣе возвысились, освободясь отъ тиранновъ. Въ нихъ преобладали два мужа: Алкмеонидъ Клизеевъ и Исагоръ сынъ Тисандра, которые оба домогались власти. Побѣжденный своимъ соперникомъ, Клизеевъ принялъ димъ себя общникомъ.“* Это значитъ что Клизеевъ присоединился къ диму и дѣйствовалъ въ его пользу. Иродотъ подтверждаетъ эту мысль, говоря нѣсколько далѣе что „какъ только Клизеевъ привлекъ къ своему отдѣлу (то-есть къ своей партіи) весь, прежде отчужденный, димъ Аѳинявъ, переименовалъ колѣна и умножилъ ихъ число.“** Итакъ, сословіе аристократовъ, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, отказалось отъ своей прежней политики, и признавъ права дима, добровольно трудилось надъ дальнѣйшимъ его развитіемъ. Нѣтъ сомнѣнія что Клизеевъ принялъ это рѣшеніе только по согласію и совѣту своихъ приверженцевъ, тѣмъ болѣе что Иродотъ, уломяная объ этомъ событіи, говоритъ что димъ присоединился не къ нему лично, а къ его отдѣлу (πρός τὴν ἐσωτ. μοῖραν), то-есть употребляя новѣйшее выраженіе: къ его партіи.*** Дѣйствительно, древніе писатели сохранили да:

* Ирод. V, 66, 2: Οὔτοι οἱ ἄνδρες ἐστασίασαν περὶ δυνάμιος, ἐσσούνοϋ δὲ ὁ Κλεισθένης τὸν δῆμον προσεταιρίζεται. Это мѣсто Иродота толковали различно, но его лучше всѣхъ поясилъ и объяснилъ Беръ своемъ изданіи Иродота (Herodoti Musae. ed. Baehr. 4 vol in 8°. Lipsiae 1859), въ примѣчаніи къ этой главѣ, гдѣ омы слова Иродота переводитъ такъ: Clisthenes habe das Volk zu seiner Hetairie gemacht. По-русски можно было бы перевести: Клизеевъ принялъ димъ въ дружину.

** Тамъ же, гл. 69: ὡς γὰρ δὴ τὸν Ἀθηναίων δῆμον, πρότερον ἀπονοῦν, τότε πάντα πρὸς τὴν ἐσωτοῦ μοῖραν προσεθήκατο, τὰς φυλὰς μενόμασε, καὶ ἐποίησε πλεῖνας ἕξ ἑλασσόνων.

*** О правахъ гражданства по законодательству Клизеева, см. въ изумщественно г. Филиппи въ его вышеприведенной отаичной Истори Аттической права гражданства, стр. 145—183.

въсколько именъ лицъ раздѣлявшихъ политику Клизсѳена. Плутархъ * называетъ Аристиду, а Исократъ ** Еврисакида Алкивиада, дѣда извѣстнаго Алкивиада.

Принявъ намѣреніе примкнуть къ думу, аѳинскіе аристократы предполагали и какъ бы предвидѣли что, обладая въ кономъ опытомъ и превосходя образованіемъ новыхъ согражданъ, они примутъ въ руки правленіе и пріобрѣтутъ власть равновильную ихъ прежнему господству. Все это совершилось, и едва ли не въ высшей стелени чѣмъ они въ роутно сами ожидали и надѣялись.

Ихъ политика увѣнчалась самымъ блистательнымъ успѣхомъ: они стали во главѣ правительства, руководили дѣлами республики, производили много благотворныхъ преобразованій и достигли первенствующаго вліянія. Ихъ высокое значеніе признавали сами ихъ противники олигархи, юта и выражались о нихъ враждебно и съ явнымъ намѣреніемъ очернить ихъ. Фринихъ, въ знакомой, уже сообщаемой Фукидидомъ рѣчи, говоря о прекрасно-добрыхъ, то-есть объ аристократахъ, называетъ ихъ „подстрекателями и внушителями зомъ съ цѣлію получить изъ нихъ наиболѣе выгоды.“ *** Это обвиненіе несправедливо и опровергается положительными данными. Исторія показываетъ что со времени освобожденія отъ Писистратидовъ и въ теченіе всего пятого столѣтія до Сицилійскаго пораженія, Аѳинская республика управлялась людьми самой высшей аристократіи, слѣдовавшими одинъ за другимъ въ непрерывномъ лорядкѣ. Клизсѳенъ изъ царскаго рода Алкмеонидовъ, Мильтіадъ съ Кимовомъ изъ рода Филаидовъ, Темистоклѣ Ликомидовъ, Аристидѣ родственникъ знатнаго рода Кириковъ, къ коему принадлежали Каллія и Илповикъ, извѣстные какъ своими богатствами такъ и открытою враждой противъ Писистрата; **** Периклѣ изъ дома Вузиговъ и родственникъ Алкмеонидовъ, наконецъ Алкивиадъ по матери отъ Алкмеонидовъ, самъ же изъ Еврисакидовъ, происходившихъ отъ родоначальника Еврисака, сына троянскаго героя Эанта и

* Аристидъ гл. 2, § 1.

** Исократъ, *Περὶ τοῦ Ζευτοῦς*, § 26 (Didot).

*** Фукид. VIII, 28, 6: ποριστὰς οὐκ ἀσφαλὲς καὶ ἐρηγῆτὰς τῶν κακῶν τῆς δήμῳ, ἔτι ὡν τὰ πλείω αὐτοῦς ὠφελεῖσθαι.

**** Ирод. VI, 121. Онъ ихъ и называетъ *μισοτύραννοι*

внука Эака (Αἰακός). * Есть основаніе предполагать что и Нукія числился также въ этомъ сословіи; по крайней мѣрѣ, его под держивали, по словамъ Плутарха, ** именитые граждане рес публики. Словомъ, за исключеніемъ только Клеона, пропе хожденіе коего неизвѣстно, всѣ государственные мужъ Аѣнскои республики и знаменитѣйшіе предводители войскъ и флота пятого вѣка были потомки древнѣйшихъ аристокра товъ. Они съ честью исполнили долгъ свой и оказались до стойными какъ своего сана и своей власти, такъ и до вѣри коимъ ихъ почитали сограждане. Побѣды Мильтіада, Темі стокла и Кимона; учрежденіе Аристидомъ игемоніи сопро вождавшееся господствомъ Аѣнцянъ въ Архипелагѣ; созда ніе Темістокломъ громаднаго флота; устройство морскихъ пристаней; украшеніе Перикломъ Аѣнцъ великолѣпными зда ніями;—все вмѣстѣ доставило Аѣнцьянамъ первенство междъ республиками Греціи. Аѣнцяне цѣнили великія заслуги сво ихъ государственныхъ дѣятелей и почитали ихъ званіемъ Прѣтѣи, что значитъ Первые или Первенствующие. *** Это им носили не архонты избравшіеся по жребію и не принима шіе никакого участія въ правительствѣ, а только высшіе со ковоники, правители и полководцы; оно имѣло притомъ все ма опредѣленный политическій смыслъ, означая, по указанію одного изъ лексикографовъ, оставшагося безыменнымъ мужей доблестныхъ. **** Поливій † употребляетъ слово „пер вые“ говоря не только объ эллинскихъ республикахъ велико Греціи, но и о Карфагенянахъ, что служитъ доказательствомъ его всеобщаго распространенія въ Греціи.

Успѣхъ Аѣнцянъ выразился также и въ цвѣтущемъ со стояніи литературы, которая прославила ихъ болѣе чѣмъ войны и побѣды, и въ которой самое почетное мѣсто занима ютъ равномѣрно члены аристократіи. Къ нимъ принадлежа

* Родословныя таблицы всѣхъ этихъ фамилій помѣщены въ мо *Исторіи Аѣнцкой республики.*

** Паут. Нукія, гл. 2, § 2. О родѣ Нукіи Guilielmus Julius de Nic *demagogo et belli duce.* Trajecti ad Rhenum. 1858, in 8, стр. 5 и слѣд.

*** Мы изложили значеніе слова Прѣтѣи въ своихъ вышеприведе денныхъ *Recherches critiques*, стр. 39 и слѣд.

**** J. Bekkeri, *Anecdota Graeca* (Berolini 3 v. 1814, in 8), въ отдѣлѣ 1го тома Ἀντακτικιστής, стр. 111, строка 16: Πρώτους τοὺς ἀρίστους Πλάτων Πολιτεία, Ἠρόδοτος πρῶτων.

† Полив. *Истор.* I, 31, 5; II, 39, 2.

Эсхилъ и Софоклъ *, трагики, и оба историка, Фукидидъ и Ксенофонтъ, ** изъ коихъ первый былъ въ близкомъ родствѣ съ домою Филаидовъ, то-есть съ Мильтиадомъ и Кикломъ. Извѣстія древнихъ объ общественномъ положеніи и происхожденіи этихъ писателей служатъ вѣрнѣйшимъ признакомъ того образованія которымъ отличались аѳинскіе аристократы, и того рвенія съ коимъ они его поддерживали и распространяли. Они не охладѣли къ нему и послѣ Пелопоннесской войны, сохраняя оное какъ драгоценное сокровище и доставивъ тѣмъ не меньшую славу какъ себѣ такъ и своей республикѣ. Платонъ, Ликургъ и Димосеенъ подтверждаютъ справедливость этой мысли. Отецъ Димосеена былъ изъ прекрасно-добрыхъ, Ликургъ изъ древнѣйшаго рода Этевутадовъ, а Платонъ, какъ по отцу такъ и по матери, происходилъ отъ Кюдра и Солона и былъ въ родствѣ съ знатнѣйшими аѳинскими домами. ***

Не много въ исторіи столѣтій которыя своимъ величіемъ и блескомъ могли бы равняться съ пятимъ столѣтіемъ Аѳинской республики, ставшей тогда представительницею всей древней Греціи и выработавшей столь высокую образованность

* О Софоклѣ см. A. Schöll. *Sophocles. Sein Leben und Wirken* (Frankf. am M. 1842, in 8), стр. 22, гдѣ приводится свидѣтельство Пеллія что Софоклъ принадлежалъ къ первому классу или къ пятидесяти-единицамъ.

** Аристократическое происхожденіе Ксенофонта доказывается разказомъ Діогена Лаертскаго (II, гл. 6, 48) о встрѣчѣ Сократа съ Ксенофонтомъ въ одномъ переулкѣ въ Аѳинахъ и объ ихъ разговорѣ. Увидѣвъ красиваго молодого человѣка, Сократъ спросилъ его: „Гдѣ выходятъ прекрасно-добрые?“ (Ποῦ δὲ καλοὶ κἀγαθοὶ γίνονται βέλτεροι), и замѣтивъ его колебаніе, сказалъ: „Пойди со мною и поучись“. Сократъ могъ предложить этотъ вопросъ не простому человѣку, а только принадлежавшему къ сословію прекрасно-добрыхъ, и для привлеченія его къ себѣ воспользовался двойственнымъ смысломъ слова καλὸς κἀγαθός, съ затаенною мыслью разъяснить его нравственную сторону. Онъ употребилъ слово γίνονται, которое можетъ означать и рождаются, и образуются, чѣмъ и увлекъ Ксенофонта. Замѣтимъ что помѣщенное у Діогена Лаертскаго слово βέλτεροι есть вставка этого самого автора, ибо современники Сократа сказали бы ἀνδρες.

*** См. размысливаніе объ этомъ предметѣ Германа въ *Geschichte und System der Platonischen Philosophie* von K. F. Hermann. Heidelberg, 1839, in 8, стр. 23 и слѣд.

что ее признають до сихъ поръ наставницею новой Европы. Это было дѣломъ гениальныхъ людей отличавшихся въ войнѣ и мирѣ, въ правленіи и законодательствѣ, въ наукѣ, литературѣ и искусствахъ; но все стало возможнымъ только потому что въ Аѣнахъ установилась равноправная гражданская община, основателемъ коей былъ Клизеенъ, а окончательное устройство которой, остававшееся въ силѣ съ незначительными измѣненіями до паденія Аѣнской республики, введено было Перикломъ. Эта община дала просторъ свободной дѣятельности человѣка, укрѣпила силу воли и пробудила предприимчивость, а потому и могла произвести такъ много великаго. О ней прекрасно говоритъ Иродотъ описывая побѣды Аѣнянъ надъ Халкидцами и Віотянами, одержанныя вскорѣ послѣ преобразованій Клизеена. „Съ этого времени, пишетъ онъ, * могущество Аѣнянъ возросло, и не только у нихъ, но и повсюду подтверждается какъ плодотворна равноправность. До тѣхъ поръ пока Аѣняне были подъ властію тиранновъ, они никого изъ своихъ сосѣдей на войнѣ не превосходили, освобождаясь же отъ тиранновъ стали далеко первыми. Это значитъ что находясь подъ игмомъ они, какъ люди трудящіеся для господина, намѣренно поступали нерадиво, пріобрѣтая же свободу каждый стремился отличиться доблестію“.

Сближеніе аристократовъ съ димомъ и послѣдовавшее за тѣмъ учрежденіе гражданской общины не ограничивались одию Аѣнскую республикой; самъ Иродотъ указываетъ на это событіе улолребивъ здѣсь слово повсюду, πανταχῆ, что значитъ: повсюду гдѣ водворилась равноправность, ἢ ἰσηγορία, ἢ ἰσονομία, ἢ ἰσοπολιτεία. Подробныхъ историческихъ свѣдѣній объ этомъ важномъ предметѣ, исключая Аѣны, не сохранилось, и о немъ можно судить только потому что онъ является въ послѣдствіи, въ другихъ республикахъ, уже совершившимся дѣломъ. Такъ какъ впрочемъ изгнаніе тиранновъ и введеніе равноправности, что произошло въ весьма многихъ республикахъ Греціи, могло исполниться только при совокупномъ дѣйствіи аристократовъ съ димомъ, то не подлежитъ сомнѣнію что переходъ аристократовъ на сторону дима былъ почти повсемѣстнымъ. Уступка сдѣланная аристократами, правда, была слѣдствіемъ необходимости, но во

* Ирод. V, 78.

всякомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ и о политическомъ умѣ ихъ и объ ихъ патріотизмѣ, ибо только чрезъ эту уступку древняя Греція достигла того цвѣтущаго состоянія въ которомъ она находилась въ лѣтомъ вѣкѣ до Р. Х.

Въ большинствѣ древнихъ греческихъ республикъ спокойствіе возстановилось именно чрезъ эту уступку аристократовъ и чрезъ ихъ оближеніе съ димотами; но подавшись на требованія дима, они не подчинились тираннамъ; даже болѣе, они воевали съ ними на жизнь и смерть, готовые скорѣе пасть чѣмъ предъ ними преклониться. Политика аристократовъ всего яснѣе выражается и такъ-сказать олицетворяется въ жизни поэта Алкея, который сражался и противъ демократіи, и противъ династовъ: Мирсила (Μύρσιλος), Мегалаггера (Μεγαλαγύρος) и Клеанактидовъ (οἱ Κλεανακτίδαι), и противъ тирана Питтака *, и не прекращалъ своихъ враждебныхъ дѣйствій пока не былъ разбитъ и не взятъ въ плѣнъ послѣднимъ. Аристократамъ помогали спартанскіе геронты и содѣйствовали низверженію многихъ тиранновъ Греціи. Фукидидъ ** говоритъ что исключая Сицилію, Греція обязана Спартамъ своимъ избавленіемъ отъ тиранновъ, а Плутархъ *** даже называетъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ кого они изгнали, именно: Килселидовъ изъ Коринѳа и Ампракіи, Лугдамиса съ острова Накса, Писистратидовъ изъ Аѳинъ, Эскина изъ Сикіона и другихъ, а изъ Тессаліи династовъ Аристомпада и Ангела. Задача, принятая на себя аристократами, не была легкою: тиранны чувствовали справедливость изреченія Солона что тираннія есть прекрасная страна, но безъ выхода, **** а потому были весьма внимательны

* Стравонъ, кн. XIII, гл. 2, § 3 (Didot): 'Ετυραννήθη δὲ ἡ πόλις κατὰ τοὺς χρόνους τούτους ὑπὸ πλείονων διὰ τὰς διχοστασίας, καὶ τὰ στασιωτικὰ αἰλούμενα τοῦ Ἀλκαίου ποιήματα περὶ τούτων ἐστίν· ἐν δὲ ταῖς τυράννοις καὶ ὁ Πιττακὸς ἐρένετο· Ἀλκαῖος μὲν οὖν ὁμοίως ἐλοιδορεῖτο καὶ τούτῳ καὶ τοῖς ἄλλοις· Μυρσίλῳ καὶ Μεγάγῳ καὶ τοῖς Κλεανακτίδαϊς καὶ ἄλλοις τισίν, αὐτὸς καθαρῶν τῶν τοιοούτων νεωτερισμῶν. Πιττακὸς δ' εἰς μὲν τὴν πῶν δυναστειῶν κατάλυσιν ἐχρήσατο τῇ μοναρχίᾳ καὶ αὐτὸς, καταλύσας δὲ ἐπέδωκε τὴν αὐτονομίαν τῇ πόλει. См. г. Бауэра, *Эпоха тираннии*, стр. 36 и слѣд.

** Фукид. I, 18, 1

*** Плутархъ De Herod. Malig. 21, 2.

**** Ояъ же, Соловъ, гл. 14, § 10: καλὸν μὲν εἶναι τὴν τυραννίδα χωρὶον, οὐκ ἔχειν δὲ ἀπόβασιν.

къ своему положенію и заботливо собирали средства для сохраненія своей власти. Они окружили себя сильною стражей, укрѣпляли замки, имѣли вооруженныхъ наемниковъ, и были готовы начать борьбу во всякое время; старались притомъ привлечь важнѣйшихъ людей блескомъ двора и роскошью и занимали бѣдныхъ громадными постройками, а вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдили за малѣйшимъ политическимъ движеніемъ, подавляя всякое противодѣйствіе. Тиранны вступали между собою въ самыя близкія связи, взаимно себѣ помогали и поддерживали деньгами и войскомъ, такъ что ихъ могущество казалось незыблемымъ. „Тиранны, говоритъ Фукидидъ, * властвовавшіе въ эллинскихъ городахъ, руководились только личными выгодами и заботились, сколько могли, какъ о собственной безопасности такъ и о возвышеніи своего дома.“ „Они, продолжаетъ онъ, ** долго господствовали въ Греціи“.

Политикъ тиранновъ слѣдовали олигархи и династѣ, которые употребляли одинаковыя съ ними средства, но бывъ въ меньшемъ числѣ нуждались въ союзникахъ, а потому искали дружбы тиранновъ и подкрѣпляя ихъ упрочивали и свое владѣніе. Вскорѣ эти три рода правителей, то есть тиранны, олигархи и династы, составили какъ бы оборонительный союзъ, который хотя и не былъ основанъ на письменномъ договорѣ, по крайней мѣрѣ о немъ не упоминается, но былъ можетъ-быть тверже договоровъ, такъ какъ вытекалъ изъ необходимости защитить свое политическое существованіе.

При такомъ единодушіи сихъ правителей и при средствахъ коими они располагали, нельзя было повидимому и помышлять объ ихъ низверженіи: послѣдствія показали что они ошиблись. Какъ только аристократы примирились съ димомъ и согласились на удовлетвореніе его требованій, то пошли войной противъ тиранновъ и династовъ имѣя во главѣ Спартанцевъ. Тогда положеніе этихъ властителей измѣнилось; они увидѣли себя между двумя врагами: предъ ними стояло испытанное въ битвахъ войско, а внутри ихъ владѣній готово было вспыхнуть возстаніе угнетенныхъ гражданъ.

* Фук. 1, 17, § 1: Τύραννοι δὲ ὅσοι ἦσαν ἐν ταῖς Ἑλληνικαῖς πόλεσι, τὸ ἐφ' αὐτῶν μόνον προορώμενοι ἐς τε τὸ σῶμα καὶ ἐς τὸ τὸν ἴδιον οἶκον ἀθεῖν ἢ пр.

** Га. XVIII, § 1.

Положеніе оласное; но они встрѣтили его съ твердостью, и дѣйствуя съ умомъ и мужествомъ долго держались явнѣе иногда противникамъ сильныя пораженія. Такъ Писистратидъ Иллія разбилъ Алкмеонида Клеисеена при Лалсидріи, разрушилъ его замокъ и принудилъ возмутителей бѣжать изъ Атики. Вслѣдъ затѣмъ, съ помощію конницы присланной ему ессалійскими династами, онъ одержалъ, при Фалирѣ, побѣду надъ Спартадцами, въ коей палъ самъ спартанскій предводитель Анхимолій. * Эти успѣхи были однако только временными; тиранны предвидѣли грозившій имъ переворотъ и задумали мѣру остающуюся вѣчнымъ ихъ позоромъ въ исторіи: они измѣнили своему отечеству, вступили въ сношенія съ Персидскимъ дворомъ, убѣждали царя прислать въ Грецію Персидское войско, обѣщая свое содѣйствіе къ ея покоренію, и предлагали сами стать подданными государя Персидскаго съ тѣмъ чтобъ удержать только свои тиранніи и править ими подъ его верховнымъ главенствомъ. Къ нимъ присоединились ессалійскіе династы, а за ними еванскіе олигархи и много отдѣльныхъ предателей. А такъ какъ Дарій Истаспъ, владѣвшій всею Малою Азіей и многими островами Эгейскаго моря, а послѣ Скиескаго похода берегами Фракіи, постоянно мечталъ о завоеваніи Греціи, и не щадилъ ни наградъ, ни подкуповъ, ни обѣщаній для увеличенія между Эллинами числа своихъ приверженцевъ, то соглашеніе не только состоялось, но и было самымъ искреннимъ. Впрочемъ Писистратиды не успѣли воспользоваться ягодами своей коварной политики: они пали, изгнанные Спартадцами и Алкмеонидомъ Клеисееномъ. Ессалійскіе же династы и еванскіе олигархи не только удержались, но и пребыли неуклонными союзниками Персіи. Изъ примѣру послѣдовали многіе высокостоявшіе люди въ разныхъ греческихъ республикахъ. Мидисмъ, поджиженный персидскими посланцами, пустилъ такіе глубокіе корни что при нашествіи Ксеркса, едва ли не половина Элладовъ вступили въ ряды Персидскаго войска и сражались противъ соотечественниковъ для ихъ и для своего пораженія. Тогда еванская олигархія, хотя на время, прекратилась, но ессалійскіе династы, несмотря на пораженіе Ксеркса и на гибель его ополченія, сохранили свои владѣнія

* Эти событія изложены нами въ *Исторіи Афинской республики*.

и господствовали въ нихъ въ теченіе всего пятого столѣтія.

Мидисмъ произвелъ чрезвычайное волненіе въ греческихъ республикахъ: сопровождаясь тайными совѣщаніями, переговорами и непрерывными сношеніями между собою и съ Персіей, онъ вызвалъ сильнѣйшее возбужденіе умовъ въ гражданахъ и водворилъ повсюду взаимное недовѣріе. „Я объятъ страхомъ, пишетъ Теогидаъ, * взирая на безразсудство и губительное междуусобіе Эллиновъ“. Но ни димъ, ни аристократія не увлеклись мидисмомъ; они остались вѣрны своему отечеству, отвергая преступные замыслы греческихъ приверженцевъ Персіи. Эллинскіе аристократы оправдали носимое ими доблестное имя прекрасно-добрыхъ, и представили на дѣлѣ доказательства какъ патриотизма и благородства души; такъ мужества и великодушія. Имъ всего болѣе обязана Греція своимъ спасеніемъ и благосостояніемъ. Они ужасались при мысли о наступленіи Персовъ и смотрѣли съ негодованіемъ на распространеніе мидисма. Это свидѣтельствуетъ Теогидаъ, который въ одной изъ лучшихъ своихъ притчъ, обращаясь къ богу Аполлоу съ торжественною молитвою, проситъ господъ Фива (Φοῖβος ἄναξ) „дабы онъ отклонилъ отъ города буйное воинство „Мидявъ“. ** Такъ думали и дѣйствовали аристократы; но олигархи и династы радушно принимали Мидявъ и оказывали имъ всевозможное пособіе. Здѣсь оканчиваются у Теогидаъ его превосходныя историческія данныя, и онъ перестаетъ быть тѣмъ добросовѣстнымъ путеводителемъ какимъ служить во время борьбы демократіи съ аристократіей. Правда въ немъ нѣтъ поэтическаго генія, и его притчи, по замѣчанію самихъ древнихъ, *** только стихотворная проза, но для исторіи этой знаменательной эпохи, онъ истинная и неоцѣнимая сокровищница.

* Θεогκ. 762 В., 780 В.

ἢ γάρ ἔγωγε δέδοικ' ἀφραδίην ἑσσοῦν
καὶ στάσιν Ἑλλήνων λαοφθόρον.

** 755 В., 773 В.

Φοῖβε ἄναξ, αὐτὸς μὲν ἐπύργωσας πλὴν ἄκρην,
'Αλκᾶθῶψ Πέλοπος παιδί χαριζόμενος·
αὐτὸς δὲ στρατὸν ὕβριστην Μήδων ἀπέρυκε
τῆσδε πόλεως.

*** Паутархъ De Audiendis poetis, § 2.

Введеніе демократіи было переворотомъ измѣнившимъ государственнѣй и общественнѣй строй древне-эллинскихъ республикъ и приготовившій учрежденіе гражданской общины, которую Аристотель называетъ политіей и которая содѣйствовала достиженію того благосостоянія и той образованности, въ силу коихъ Эллина пріобрѣли столь почетное мѣсто въ ряду историческихъ народовъ. Этотъ переворотъ заключился, въ исходѣ шестаго столѣтія, двумя событіями, доставившими торжество демократіи и покрывшими блескомъ и славой Аѳинскую республику: говоримъ объ отпаденіи Платейской республики отъ Віотійскаго союза и объ уничтоженіи Аѳинянами аристократіи Ипловотовъ въ Халкидѣ.

Платей составляли, подѣ главенствомъ Эивъ, часть Віотійскаго союза и повидимому вѣрно исполняли свои союзническія обязанности, такъ какъ до означенной эпохи нигдѣ не упоминается объ ихъ столкновеніяхъ ни съ Эивами, ни съ другими членами союза. Съ этого времени, напротивъ, начались несогласія, которыя до того усилились что произвели непримиримую вражду Эивъ противъ Платейцевъ, переходившую нѣсколько разъ въ ожесточенную войну между этими двумя республиками, бывшими въ столь близкомъ одна съ другой разстояніи что изъ города Платей можно было бы даже видѣть Эивы. Геродотъ пишетъ что Платейцы, притѣсняемые Эиванцами, * отдѣлились отъ Віотійскаго союза и передали себя Аѳинянамъ, которые, принявъ ихъ подѣ свою защиту и покровительство, правда пріобрѣли себѣ вѣрныхъ сподвижниковъ, но, по словамъ того же историка, и подавали много трудовъ за нихъ. ** Это, весьма важное въ государственномъ быту древней Греціи, событіе совершилось, по мнѣнію Грота, *** коего доводы противъ Клинтонна такъ убѣдительны что нельзя не принять ихъ, въ 510 году до Р. Х., и сопровождалось большими послѣдствіями, такъ какъ отпаденіе отъ союза признавалось измѣной общему дѣлу. Эиванцы, узнавъ о случившемся, выступили противъ Платейцевъ, а Аѳиняне обязаны были пойти къ нимъ на помощь. Но предъ сраженіемъ обѣ стороны, Платей и Эивы,

* Ирод. VI, 108: πεζόμενοι ὑπὸ Θηβαίων οἱ Πλαταιέες и пр.

** Тамъ же: Καὶ ἐδεδίκεσαν σφέας αὐτοὺς τοῖσι Ἀθηναίοισι οἱ Πλαταιέες, καὶ κότους ὑπὲρ αὐτῶν οἱ Ἀθηναῖοι συχνοὺς ἤδη ἀναραιρέατο.

*** Гротъ, томъ II, стр. 456, примѣч. Клинтонъ полагаетъ что это дѣло произошло въ 519 году до Р. Х.

избрали, по обоюдному согласію, посредниками Коринтянъ и вручили имъ полномочіе. Коринтяне опредѣлили пограничную межу Платейской республики и постановили чтобы Эвванцы предоставили волю выйти изъ союза тѣмъ изъ Віотіянъ (то-есть тѣмъ изъ Віотійскихъ республикъ), которые не пожелаютъ нести віотійскихъ повинностей, то-есть не пожелаютъ оставаться въ Віотійскомъ союзѣ. * Эвванцы, не ожидавшіе подобнаго рѣшенія и имъ раздраженные, сдѣлали нападеніе на Аѳинявъ, въ то время какъ тѣ готовились къ возвращенію; но получили за свое вѣроломство справедливое наказаніе: они не только были разбиты, но и принуждены были расширить указанную Коринтянами пограничную межу. Аѳиняне отяжи у Эвванцевъ правый или южный берегъ рѣки Асола и присоединили оный ко владѣніямъ Платейской республики, такъ что съ тѣхъ поръ Асолъ (нынѣ Вуріенди) сталъ предѣломъ между двумя враждебными городами. **

Изъ разказа Иродота, отличающагося какъ всегда ясностію и точностію, очевидно что споръ Эвванцевъ съ Платеями происходилъ не за владѣніе незначительнымъ участкомъ поля, а за отказъ Эвванцевъ признать право отдѣльныхъ віотійскихъ республикъ выступать изъ Віотійскаго союза. Хотя Эвванцы претерпѣли поражение и уступили превосходству Аѳинявъ, но они не измѣнили своего политическаго убѣжденія и всегда строго держались его. Но какая причина побудила Платейцевъ отдѣлиться отъ Віотіи и присоединиться къ Аѳинямамъ? Мы думаемъ, введеніе у нихъ демократіи. Платеи являются, какъ во время Персидскихъ войнъ такъ и послѣ ихъ, республикой демократическою, между тѣмъ какъ Эвванцы управлялись едва не дивастическою олигархіей. При такомъ антагонизмѣ, Платейцы не могли оставаться членами союза.

Еще замѣчательнѣе была побѣда Аѳинявъ надъ Халкидцами, окончившаяся паденіемъ аристократической республики Илловотовъ и возвысившая аѳинскую демократію.

На островѣ Эввіи (ή Εύβοια), въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, находились двѣ республики, Халкида и Эретрія,

* Ирод. VI. 108, 5: Μελλόντων δὲ συνίπειν μάχην Κορίνθιοι οὐ περιείδον, παρатуχόντες δὲ καὶ καταλλάξαντες ἐπιτρεψάντων ἀμφοτέρων οὐρίσαν τὴν χώραν ἐπὶ τοῖσδε, ἔαν Ἰθηαίους Βοιωτῶν τοὺς μὴ βουλομένους ἐς Βοιωτοὺς τελέειν.

** Ирод. тамъ же.

бывшія нѣкогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и павшія обѣ почти въ одно время: Халкида вскорѣ послѣ изгнанія Пасистратидовъ, Эретрія при походѣ Персовъ на Аттику, предъ сраженіемъ при Марафонѣ. Халкида и Эретрія лежали на берегу залива Эврила, и отдѣлялись прекрасною и плодородною мѣстностію, называемою Лилантскою равниною (τὸ Ἀήλαντον πεδῖον). Обѣ республики, враждовавшія прежде только за владѣніе этою равниною, вступили теперь, когда въ Эретріи установилась демократія, а въ Халкидѣ еще болѣе усилились Илловоты, въ открытую политическую войну, принявшую громадныя размѣры которые далеко превзошли, подобныя ей, споры Платейцевъ съ Фивами. Фукидидъ * указываетъ на эту войну какъ на самое замѣчательное событіе до Персидскаго нашествія, уломиваетъ о ней какъ обѣ общемъ дѣлѣ, въ коемъ въ первый разъ послѣ паденія Трои принимали участіе всѣ Элліны, и говоритъ что Греція распалась тогда на два союза. Здѣсь въ послѣдній разъ встрѣтилась демократія съ аристократіей соединенною съ олигархіей и даже съ династіей, и борьба была столь упорна что каждая сторона могла только побѣдить или умереть. Неизвѣстно какъ долго противники воевали, но конецъ былъ губителенъ для Халкиды. Аѣнцы, нанесъ поражение союзникамъ Илловотовъ, Фиванцамъ, перешли на островъ Эввію, одержали побѣду надъ Халкидцами, взяли городъ приступомъ и завоевавъ весь его округъ раздѣлили землю между аѣнскими гражданами. Халкидская республика, нѣкогда богатая и бластательная, прекратила свое существованіе. **

Этимъ событіями заключается борьба демократіи съ аристократіей въ древней Греціи; съ тѣхъ поръ началось въ большинствѣ эллінскихъ республикъ развитіе равноправной гражданской общины.

М. КУТОРГА.

* Фукид. I, 15, 3: Μάλιστα δὲ ἐς τὸν πάλαι ποτὲ γεινόμενον πόλεμον Χαλκιδέων καὶ Ἐρετριέων καὶ τὸ ἄλλο Ἑλληνικὸν ἐς εὐμαχίαν ἐκατέρων διέστη.

** Халкидская война описана жюю въ *Исторіи Аѣнской республики*, стр. 91—100.

ДѢДЪ МОЙ

ПОМѢЩИКЪ СЕРБИНЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕЛОВѢКА. *

Изъ немалаго числа родныхъ моихъ, близкихъ и дальнихъ, особенно интересовалъ меня ввучатный дѣдъ мой, Аникита Степановичъ Сербинъ, какъ помѣщикъ стоявшій внѣ ряда современныхъ ему русскихъ людей того же сословія. Еслибъ онъ принадлежалъ къ числу дворянъ родовитыхъ или очень богатыхъ, то положеніе занятое имъ въ кругу сѣсѣдей нисколько не казалось бы удивительнымъ. Но онъ былъ помѣщикъ средней руки; въ имѣніи его (Рязскаго уѣзда Рязанской губерніи) числилось, говоря по тогдашнему, двѣсти душъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ земли. Правда, имѣніе было выгодно тѣмъ что оно составляло особнякъ: владѣлецъ распоряжался въ немъ свободно, не стѣсняемый неудобствами черезлопосности.

* Два отрывка изъ этихъ записокъ напечатаны въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1848 года. Первый изъ нихъ возбуждалъ въ публикѣ говоръ, съ одной стороны весьма лестный для автора, съ другой, очень ему непріятный, потому что едва не вышла-было недоразумѣнія... См. въ *Вѣстникѣ Европы* 1875, май, статью „Блдинскій“, г. Пылима, стр. 187. *Авт.*

Жена Сербина приходилась сродни Петру Андреевичу Кикину, статсъ-секретарю у принятія прошеній на Высочайшее имя, въ царствованіе императора Александра I. Когда я въ первый разъ (1819) пріѣхалъ къ дѣду, онъ жилъ съ двусородною или троюродною сестрой своею, а мою бабкой, и съ единственнымъ сыномъ Михаиломъ, старшимъ меня тремя или четырьмя годами. Александра же Михайловна (такъ, кажется, звали жену дѣда) поселилась въ своемъ собственномъ имѣніи, Пензенской или Саратовской губерніи (не припомню). Формального развода не было: супруги разстались добровольно, по крайнему несогласію въ характерахъ, мнѣніяхъ и образѣ жизни. Кто изъ нихъ былъ правъ и кто неправъ, сказать трудно. Одни винили дѣда за его слишкомъ легкое отношеніе къ супружескимъ обязанностямъ; другіе—его половину, за ея пристрастіе къ крѣпкимъ налиткамъ, хотя легко быть можетъ что она начала искать услады въ дарахъ Вакха съ горя или изъ ревности. Я склоняюсь на сторону жены, такъ какъ знаю что дѣдъ и въ преклонныхъ уже лѣтахъ держалъ въ дѣвчей смазливыхъ горничныхъ, изъ которыхъ одна по смерти его получила порядочное денежное вознагражденіе, а при жизни была зорко оберегаема бабушкой не только отъ серьезныхъ напастей, но даже отъ взглядовъ такого скромнаго и ревннаго мальчика какимъ былъ я, двѣнадцатилѣтній гимназистъ. Бабушка видно знала русскую поговорку: „боярскій сынъ глядѣвьемъ сытъ.“

Александра Михайловна получила хорошее образованіе. Она любила чтеніе, знала французскій языкъ и перевела съ него небольшой разказъ: *Заблужденіе любви или мужъ о двухъ женахъ*, напечатанный въ 1802 году. Переводъ посвятила она Сербинѣ, вѣроятно въ первое время своей съ нимъ жизни или незадолго до замужества. Въ посвященіи она называетъ его „истиннымъ другомъ“, которому обязана „развитіемъ своихъ способностей, возбужденіемъ любви къ умственнымъ занятіямъ“. Предвидѣла ли переводчица что ея „истинный другъ“, подобно герою французской повѣсти, не удовольствуется одною женой?...

Но пусть читатель не выведетъ отсюда заключенія что дѣдъ мой заведся крѣпостнымъ гаремомъ, утопалъ въ сладострастіи. Нѣтъ, ни того, ни другаго не было, да и не могло быть при его нежеланіи идти на переکورъ общественнымъ приличіямъ, къ которымъ онъ всегда относился

осторожно, оласаясь укориженнаго говора родныхъ и знакомыхъ. Сверхъ того, какъ человѣкъ очень умный, онъ не улускалъ изъ виду соображеній гигиеническихъ, почему былъ очень разборчивъ въ сношеніяхъ съ женщинами, изъ боязни повредить своему здоровью, за которымъ благородно наблюдалъ и которое умѣлъ сохранить крѣпкимъ до глубокой старости. Вина дѣда въ томъ что онъ, по легкому взгляду на нравственныя понятія вообще, вѣрность мужа не считалъ добродѣтелью, а невѣрность—порокомъ, на что, конечно, жена его не могла смотрѣть равнодушно. Къ этой главной причинѣ разножительства присоединилась другая, совершенное несходство въ ловатіяхъ религіозныхъ, о чемъ скажу ниже.

Хозяйственный порядокъ и довольство выказывались тотчасъ при вѣздѣ въ село Сербино. Поодаль отъ него стояла небольшая, выстроенная дѣдомъ, церковь; съ обѣихъ сторонъ улицы ведущей къ господскому двору не видно было ни раскрытыхъ, ни олутившихся избъ, что во множествѣ другихъ имѣній встрѣчалось сплошь и рядомъ. Обширный дворъ господскаго дома представлялъ оживленную картину, чрезвычайно заманчивую для дѣтскихъ глазъ: по срединѣ его разгуливалъ ручной журавль, забава дворовыхъ мальчишекъ, постоянно воевавшихъ съ нимъ; лавицъ, распустивъ узорчатый хвостъ опахаломъ, шумѣлъ имъ въ сладострастной дрожи предъ лавой; рѣзкому его крику вторили звонкіе и частые голоса цесарскихъ куръ; въ клѣткахъ надъ балкономъ били отборные перелела... Умалчиваю объ индѣйкахъ, гусяхъ, уткахъ и другой домашней птицѣ, для которой отведенъ былъ особый такъ - называемый птичій дворъ. Деревянный домъ съ мезониномъ отличался крѣпкою постройкой, помѣстительностью и прочими удобствами. Онъ раздѣлялся корридоромъ на двѣ половины, названныя по тѣмъ временамъ года которыя разчетливый строитель, знакомый съ климатическими условіями серединной Руси, обязанъ преимущественно имѣть въ виду если не желаетъ въ зимніе мѣсяцы мерзнуть отъ холода, а въ лѣтніе изнывать отъ жара. Никакихъ другихъ особенностей не было: ни паркетныхъ половъ, ни богатой мебели, ни дорогихъ обоевъ. Единственною роскошью можно было считать билліардъ, которымъ я любовался какъ диковинкой. На стѣнахъ залы и въ некоторыхъ другихъ комнатахъ, а также на потолкахъ и

вахъ висѣли клѣтки, числомъ до сотни, съ птицами разныхъ породъ. Одну изъ нихъ, переимчивую сою, выучили говорить: „ты дуракъ“, что она и произносила каждый разъ когда человекъ, чистя клѣтку, спрашивалъ ее: „союшка, хочешь ли кашу?“ Небольшая задняя комната, съ свѣтлою занавѣской мѣсто двери, отведена была для кавареекъ: тамъ онѣ плодились и множились, весело летая и неумолкаемо распѣвая. Изъ лѣтней гостиной дверь отворялась на балконъ, сходя съ котораго велъ въ обширный садъ, съ тремя сажалками для карасей и прудомъ, занимавшій слишкомъ шестнадцать десятинъ. Черезъ садъ протекала небольшая рѣчка. Плодовъ и ягодъ было въ немъ нѣсть числа. Куртины были обсажены розами въ такомъ количествѣ что при вѣтрѣ и безъ вѣтра дорожки покрывались лепестками, и гуляющіе могли не въ переносномъ, а въ настоящемъ смыслѣ слова считать свой путь усыпаннымъ розами. И все это было дѣломъ собственнаго мастерства Сербина. Какъ домъ строился по его плану, такъ и садъ разбивался и засаживался по его указаніямъ, безъ помощи наемныхъ садовниковъ.

Я называлъ биліардъ „роскошью“. Но въ домѣ дѣда находилась еще другая, болѣе роскошная вещь: шкафы построенные въ формѣ печей, въ *pendant* къ настоящимъ печамъ, гравировали въ себѣ бібліотеку, состоявшую изъ трехъ тысячъ томовъ, не считая ежегодно выписываемыхъ журналовъ. Эта бібліотека служила не модой, не тщеславнымъ украшеніемъ комнаты, какъ это часто бывало въ вельможныхъ хоромахъ. Состояніе дѣда не позволяло ему тратить на такую своего рода мебель; да и какую красоту могли придать комнатамъ печеобразные, запросто выбѣленные шкафы со створчатыми дверями безъ стеколъ? Дѣдъ пользовался книгами, удовлетворяя чтеніемъ врожденную любознательность, свойство почти всѣхъ умныхъ людей. Книги были исключительно русскія, такъ какъ дѣдъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, получивъ недалеое образованіе въ какой-то школѣ, а потомъ служивъ нѣкоторое время землемѣромъ. Онъ имѣлъ свѣдѣнія въ чистой математикѣ (алгебрѣ и геометріи) и въ нѣкоторыхъ частяхъ прикладной (механикѣ и архитектурѣ). Послѣднія двѣ науки, разумѣется въ элементарномъ ихъ значеніи, дались дѣду какъ самоучкѣ, который нуждался въ нихъ для своего сельскаго хозяйства. Самый большой отлѣвъ бібліотеки относился ко французской литературѣ

восемнадцатаго вѣка. Въ немъ преобладали энциклопедисты, особенно Вольтеръ. Кромѣ того не мало было книгъ по математикѣ, исторіи и географіи, домоводству, романовъ и повѣстей. Составъ бібліотеки показывалъ что она формировалась съ толкомъ и расчетомъ: пустыя или глупыя сочиненія не нашли въ ней мѣста. Кто знаетъ житье-бытье помѣщиковъ того времени о которомъ я разказываю (1819—29), помѣщиковъ не только не уступавшихъ Сербину въ состояніи, но и гораздо болѣе его богатыхъ; кому извѣстно что расходъ на книги никогда не входилъ въ ихъ бюджетъ и что многіе изъ нихъ обходились даже безъ *Московскихъ Видомостей* и *Календаря*, тотъ, конечно, согласится съ высказаннымъ мною замѣчаніемъ что дѣдъ мой выходилъ изъ ряда своихъ ряжскихъ и саложковскихъ сосѣдей, что онъ самъ, также какъ и его имѣніе, стоялъ особнякомъ.

Хотя дѣдъ мой не безъ основанія слылъ за вольтеріанца, но сосѣди любили навѣщать его, отчасти по желанію провести пріятно время съ умнымъ человекомъ, а болѣе изъ любопытства взглянуть на его хозяйство, которое велось и держалось отлично отъ ихъ хозяйственной рутины. Тогдашніе помѣщики уважали единственно практику, напоминая собой дворянина Сильвана Кантемировой сатиры; они дорожили непосредственною пользою; ихъ не удивила бы никакая начитанность, направленная въ теоретическую сторону: они скорѣе посмѣялись бы надъ хозяиномъ-теоретикомъ, какъ надъ „философомъ безъ огурцовъ“. Но тутъ смѣяться было нечему. Доказательства были на лицо: все видѣли что дѣдъ, при помощи книгъ, безъ затратъ на покупку матеріаловъ и земледѣльческихъ орудій, съ умеренными средствами, собственнымъ трудомъ и расчетомъ успѣшно достигалъ цѣли, что за какую бы часть хозяйства ни взялся онъ, эта часть шла у него споро, не вовлекала его въ долги, не разстраивая имѣнія, а видимо приращая его. Не было и мысли о какихъ-нибудь рискованныхъ затѣяхъ съ цѣлью быстрой наживы: все дѣло ограничивалось разумными и осторожными соображеніями, основанными на твердомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями.

Сербинъ любилъ мѣнять предметы своей хозяйственной дѣятельности, но разъ выбравъ предметъ, онъ уже отдавалъ ему всю свою заботливость и пристрастіе. Заявляя онъ садоводствомъ, и садъ его вышелъ образцовымъ, возбуждавшимъ

гнание и зависть. Вздумалось ему завести пчель, и въ короткое время у него явилось двѣсти ульевъ, не цилиндрическихъ или такъ-называемыхъ колодъ, а составныхъ, весьма удобныхъ какъ для подрѣзки меда, такъ и для садки пчелы, потому что одинъ и тотъ же улей былъ пригоденъ и большому и малому рою: стоило только въ первомъ случаѣ прибавить нѣсколько ящичковъ, во второмъ — убавить. Устройство такихъ ульевъ замѣчательно какъ первый опытъ въ Рязанской губерніи: помѣщики, изъ боязни вводить у себя то чего прежде у нихъ не было, не могли или не хотѣли получить выгоды пчеловодства. Въ послѣдствіи дядь, набросавъ нѣсколько замѣтокъ объ этихъ ульяхъ, просилъ меня привести ихъ въ порядокъ и напечатать въ какомъ-нибудь журналѣ, только подъ моимъ именемъ. Я исполнилъ его желаніе: статья помѣщена въ *Новомъ Magazinъ Натуральной Истории, Физики, Химіи и Сельскій Экономическій*, издававшемся профессоромъ Московскаго университета Двигубскимъ *. Другія двѣ статьи, съ его уже именемъ: *О большихъ и малыхъ ульяхъ* и *О садкѣ пчелы во время роики*, напечатаны въ *Земледѣльческомъ Журналѣ* Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства **.

Въ занятіяхъ пчеловодствомъ дядь придерживался книги Бриста, переведенной съ нѣмецкаго: *Руководство къ полезнѣйшему и пріятнѣйшему пчеловодству* (1805). Онъ велъ

* 1827, № 3.

** 1828, №№ 22 и 23. Вторая изъ этихъ статей, въ виду того что одно и то же количество пчелъ для нѣкоторыхъ ульевъ можетъ быть мало, а для другихъ велико, содержитъ въ себѣ таблицку обозначающую въ верхкахъ діаметръ улья, площадь его и количество фунтовъ и золотниковъ пчелы потребнаго на одну вершокъ вышины. Замѣтка *О перемѣнѣ въ ульяхъ старой узы*, приложенная къ статьѣ, объясняетъ недостаточность и безполезность двухъ до того употреблявшихся способовъ. Сербимъ предлагаетъ свой, заключающійся въ томъ что старая уза замѣняется новою на восемь вершковъ отъ головы улья, а не на четыре. Изъ наблюдений и опытовъ онъ вывелъ заключеніе что пчелы могутъ тянуть соты во всякомъ направленіи и что онѣ ни въ какомъ случаѣ не оставляютъ дѣтей своихъ, подобно муравьямъ, никогда не покидающимъ свои яйца. Въ первой же статьѣ доказывается что употребленіе большихъ ульевъ, которые обыкновенно предпочитались ульямъ средней и малой величины, вредитъ какъ размноженію пчелъ, такъ и доходу отъ нихъ случающемуся.

перепишу съ извѣстнымъ пчеловодомъ Проколовичемъ, сообщая ему свои наблюденія и получая отъ него замѣтки и совѣты. Я читалъ его письма и не могъ не удивляться ясному и точному выраженію мыслей: умѣніе не всегда встрѣчаемо между литературно-образованными людьми и тѣмъ болѣе рѣдкое у людей не имѣвшихъ случая, какъ дѣдъ мой, наострится въ литературной практикѣ. Чтобы покончить съ печатными заявленіями дѣда о своихъ агрономическихъ трудахъ укажу еще на статью: *Мысли о постройкѣ алтѣа*, напечатанную въ *Запискахъ для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ* (1830), которая прилагалась къ журналу *Атеней*. Статья подписана моимъ именемъ, но мнѣ принадлежит только изложеніе матеріала собраннаго дѣдомъ. Редакторъ журнала, профессоръ сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ Павловъ, нашелъ статью любопытною и счелъ нужнымъ прибавить къ ней вѣсколько словъ отъ себя въ объясненіе и разрѣшеніе вопроса поднятаго хозяиномъ, умѣвшимъ мыслить и старавшимся рутину замѣнить рациональностью, насколько послѣдняя была доступна его знаніямъ и матеріальнымъ средствамъ. За это стремленіе къ разумности въ томъ дѣлѣ къ которому привыкли относиться безъ всякой мысли и научной подготовки, Московское Общество Сельскаго Хозяйства выбрало дѣда въ дѣйствительные члены. Впрочемъ, дѣдъ не обрадовался диплому, за который долженъ былъ ежегодно вносить по десяти рублей. Обязательный членскій взносъ казался ему обидой, а не свидѣтельствомъ признанныхъ заслугъ, потому что онъ ставилъ его дѣйствительно трудившагося помѣщика, на ряду со множествомъ другихъ, только по имени дѣйствительныхъ членовъ, которые не умѣли ни хозяйничать какъ слѣдуетъ, ни строкъ написать о хозяйствѣ.

Дѣдъ искусно строилъ для себя мельничные механизмы безъ ошибки въ размѣрѣхъ и въ пригонкѣ частей. Были у дѣда и молотильныя и вѣяльныя машины, также доморощенной работы, дѣйствовавшія всегда правѣльно. Въ особенностіи интересовала соседей машина для рѣзки и просѣванія мака. Уборка этого продукта, весьма доходнаго въ урожайныя годы, представляла долгую процедуру, возможную только при маломъ посѣвѣ. Она состояла въ томъ что бабы сначала срывали маковыя головки, потомъ, разрѣзавъ каждую

* *Записки*, ч. 3, кн. 1, августъ.

любомъ, высылали зерна въ корыта и просѣвали ихъ рѣшетами. Сколько времени требовалось на все это при посѣвѣ на юльшомъ огородѣ или въ полѣ! Машина же, которою управляли всего два человѣка, разомъ раздробляла нѣсколько мѣръ соловокъ, быстро отвѣвала скорлулу, и макъ падалъ внизъ на широкую раму съ частою сѣткою, приводимую особымъ механизмомъ въ движеніе, просѣваема въ подставленные подъ нѣтъ посудыны.

Мой отецъ былъ довѣреннымъ лицомъ Сербина, какъ чело­вѣкъ умный и притомъ опытный законникъ, къ помощи котораго нерѣдко случалось и роднымъ, и нероднымъ прибѣгать въ дѣлахъ. Меня же любилъ дядь больше другихъ внуковъ за то что я хорошо учился въ гимназiи (Рязанской) и по окончанiи въ ней курса поступилъ въ Московскiй университетъ. Кромѣ прiяздовъ къ нему съ родными, я гащилъ у него и одинъ. Въ эти лобывки я насмотрѣлся на его образъ жизни. Меня въ особенности удивляла его бодрая дѣятельность, которою вовсе не отличалось большинство помѣщиковъ. Онъ цѣлый день былъ занятъ, несмотря на свои лшкомъ шестьдесятъ лѣтъ. Вставалъ онъ лѣтомъ часа въ четыре или въ пять и тотчасъ пилъ чай, зеленый, по совѣту дѣктора, а не черный. Затѣмъ, въ эпоху его пристрастiа къ тѣщамъ, начиналась чистка кѣтокъ и закладыванье корма. Прочитавъ потомъ новополученный номеръ *Московскихъ Вѣдомостей* или какую-нибудь статью журнала, онъ то отправлялся на пчельникъ, то ѣздилъ осматривать поля. Въ двѣнадцать часовъ былъ обѣдъ, очень вкусный и сытный. Во время обѣда почти за каждымъ сидящимъ стоялъ особый луга съ тарелкою въ лѣвой рукѣ, чтобы при новомъ блюдѣ тотчасъ же поставитъ на мѣсто прежней чистую. Прислуга лмшею частію состояла изъ людей взрослыхъ, даже пожилыхъ. Она не отащчалась особенною чистотою и опрятностью, при тогдашнемъ обычаѣ нюхать табакъ и рѣдко бриться. За то она вся была грамотная. Дядь самъ обучалъ нѣсторыхъ и поставилъ имъ въ непрѣмѣнную обязанность вычитывать и своихъ дѣтей чтенію и писъму. Буфетчикъ записывалъ расходъ, староста вечеромъ подавалъ записку о полевыхъ работахъ, даже поварь получалъ иногда письменные указы обѣдовъ. Ореографіи, конечно, не требовалось, но пропускъ слога или буквы не оставался безъ строгаго замѣчанiа. Дядь тотчасъ заставлялъ провинившагося сложить не

вполнѣ написанное слово, какъ это однажды случилось пр мнѣ съ именемъ „Серей“ (вмѣсто Сергѣй). А провинившемуся, уже отцу семейства, было слишкомъ сорокъ лѣтъ. Э обѣдомъ слѣдовалъ самый короткій отдыхъ: дѣдъ не спал а скорѣе дремалъ съ полчаса и выходилъ изъ спальни освѣ женный, иногда еще въ лучшемъ расположеніи духа чѣм до обѣда. Тогда-то онъ угощалъ себя или гостей музыкой. Домашній оркестръ состоялъ изъ тѣхъ же самыхъ дворянъ, чѣмъ служили за столомъ. Дѣдъ самъ училъ ихъ и все да игралъ на первой скрилкѣ. Доморощенныя музыканты, походившіе на Крыловскихъ, хоть они и не пьянствовали. Дѣдъ любилъ серіозную музыку, особенно квартеты Моцарта. Н сколько вѣрно и искусно исполнялись они, не могу судит но знаю только что мой слухъ и чувство находили ихъ стройною и пріятною. Въ иные дни, послѣ обѣденнаго отдыха, дѣдъ чертилъ улы, мельничныя колеса и хозяйственныя орудія, вычисляя ихъ размѣры. Въ пять часовъ подавали полдникъ, то-есть творогъ, сливки, ягоды. Дѣдъ находилъ ч лѣтомъ полезнѣе есть чаще, но понемногу. До чаю дѣдъ любилъ говорить со мной о моемъ ученіи, интересуясь пр имущественно уроками математики и исторіи, о книгахъ к торыя давалъ мнѣ изъ своей библіотеки, о новостяхъ вычитанныхъ имъ въ журналахъ. Говорилъ онъ всегда дѣловымъ и часто остроумно, хотя по временамъ заикался. К семь часовъ пили чай, послѣ чего дѣдъ игралъ съ гостями или проживавшимъ у него для компаніи бѣднымъ дворяномъ на билліардѣ, въ шахматы, въ шашки. Въ девять часовъ ужинали и ложились спать. Ранній отходъ ко сну, раннее вставанье, регулярное распредѣленіе времени, осмтрительный образъ жизни, надѣвали дѣда отличными зрорьемъ, которое, при врожденномъ крѣпкомъ его сложеніи, общало ему еще долгіе и долгіе годы.

Знакомство дѣда съ сочиненіями Вольтера не осталось безъ послѣдствій. Онъ заразился религіознымъ невѣріемъ, сдѣлался, какъ называли его сосѣди, „безбожникомъ“. „Я ничег не вѣровалъ, сказалъ онъ мнѣ однажды въ откровенномъ разговорѣ,—хотя съ малолѣтства былъ строго держанъ въ цѣвилахъ церковнаго ученія.“ Онъ могъ бы прибавить: „и теперь не вѣрую“, потому что до самой смерти остался твердымъ въ своемъ образѣ мыслей. Исповѣдь дѣда интересовала вмѣстѣ конфузила меня, какъ юношу крѣпкаго въ вѣрѣ

большаго пошатнуться въ своей крѣпости. Мое смущеніе увеличивалось когда дѣдъ-вольтеріанецъ въ храмовой празникъ и въ день своего ангела бывалъ въ церкви, послѣ литургіи приглашалъ священника на домъ отслужить молебенъ, самъ читалъ многое во время молебна и подтягивалъ дьячку. Я удивлялся такому противорѣчію въ старомъ человѣкѣ, хотя оно объясняется, какъ я уже выше замѣтилъ, вниманіемъ дѣда къ суду и пересудамъ знакомыхъ: не желая ни возбуждать дурной молвы, ни бравировать ее, если она была возбуждена, онъ внѣшнимъ образомъ исполнялъ то чего внутренно не признавалъ. Но, будучи невѣрующимъ, дѣдъ вовсе не отличался либерализмомъ: онъ все-таки былъ крѣпостникомъ, хотя иного фасона чѣмъ его сосѣди. Крестьяне и дворовые состояли у него въ полнѣйшей рабской зависимости. Выдти изъ-подъ его воли никому и въ голову не могло придти. Не исполнить его приказанія считалось такою же виной какъ исполнить его по-своему. Я самъ бывалъ свидетелемъ какъ провинившіяся получалъ крѣпкія зуботычины, не смѣя сойти съ своего мѣста, моргнуть глазомъ, промолвить словечко; онъ долженъ былъ стоически выдерживать наказаніе, производимое безъ горячности и сопровождаемое внутрительно-бранными словами. Справедливость требуетъ однакожъ замѣтить что эта безапелляціонная власть умѣрялась въ глазахъ двороваго не однимъ лишь сознаніемъ дѣйствительной провинности, но и убѣжденіемъ въ превосходствѣ дѣда какъ хозяина, хорошо разумѣшаго и свое и чужое дѣло. Умъ равно подкупаетъ и образованнаго и необразованнаго. Дворовые понимали что требованія и изысканія барина происходили отъ его рачительности. Благодаря ему, они были грамотны и знали разные ремесла, такъ какъ дѣдъ, при постоянной, почти безвыѣздной жизни въ деревнѣ, имѣлъ надобность въ своемъ коновалѣ, своемъ садовникѣ, кузнецѣ, столярѣ, даже въ живописцѣ и часовщикѣ. Ремесла служили каждому изъ дворовыхъ средствомъ для личныхъ заработковъ. Притомъ всѣ они пользовались хорошимъ положеніемъ, не въ примѣръ сосѣднимъ дворамъ, плохо одѣтымъ и содержимымъ и не имѣвшимъ, какъ говорится, ни кола, ни двора собственнаго. По этой причинѣ они и мирились съ неконтрольною властью помѣщика, находя что она все-таки вознаграждается его дѣятельною рачительностью о ихъ пользѣ.

Сербiя разошелся съ женой въ самомъ первомъ возрастѣ ихъ сына. Добровольный вдовецъ самъ взялся воспитать своего наследника. Въ педагогическое руководство было выбрано извѣстное сочиненiе Руссо: *Эмиль или о воспитанiи*. Дѣду принялъ за правило вести Мишу согласно съ природой, ни въ чемъ не стѣсняя его свободы, укрѣпляя физическiя силы и предохраняя отъ пустыхъ страховъ и всевозможныхъ предрасудковъ и суевѣрiй. Послѣднiя два слова разумѣлись въ ихъ обширномъ смыслѣ. Дѣду хотѣлось направить дѣтскiй смыслъ такъ чтобъ онъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе дѣлался способнымъ къ воспрiятiю тѣхъ понятiй распространенiе которыхъ было задачей французскихъ философовъ восемнадцатаго вѣка. Такъ какъ, по этой философи, вѣра въ чудесное, сверхъестественное оскорбляла разумъ и роняла достоинство человѣка, то и слѣдовало какъ можно скорѣе и вѣрнѣе застраховать потомца отъ этого зла. Уроки пошли въ прокъ и принесли быстрые плоды. Даровитый, воспрiимчивый, чрезвычайно живой Миша, пылакаго, но добраго сердца, прежде всего началъ отличатся въ тѣлесныхъ упражненiяхъ: еще отрокомъ онъ отлично вѣздил верхомъ, отлично плавалъ, отлично стрѣлялъ. Дѣду говорилъ онъ „ты“, вмѣсто указнаго „вы“; называлъ его отцомъ, а не „паленькой“; здороваясь съ нимъ цѣловалъ его въ губы, а не подходилъ къ ручкѣ. Строжайше было запрещено приставленной къ нему нянѣкѣ, а потомъ дядкѣ, даже намекать о матери, такъ что мальчикъ долгое время не подозрѣвалъ ея существованiя и едва ли зналъ что онъ произведенъ на свѣтъ женщиной. Но какъ-то разъ слуга, гуляя съ нимъ, проговорился. Взволнованный мальчикъ тотчасъ вбѣжалъ въ комнату отца съ пылающимъ лицомъ, съ глазами блиставшими любопытствомъ: „Отецъ“, закричалъ онъ нетерпѣливо: „гдѣ же моя мать?“ Отецъ поблѣднѣлъ. Онъ зналъ что за однимъ вопросомъ пойдутъ другiе, требующiе объясненiя. „Какая мать? кто тебѣ сказалъ это?“ Получивъ отвѣтъ, онъ успокоилъ сына первою пришедшею на мысль ложью, и постарался отвлечь его любопытство въ другую сторону. Но нескромный слуга былъ немедленно отданъ въ рекруты...

Какъ старалась утаить отъ мальчика мать, такъ оберегали его и отъ многого другаго, словно отъ запрещеннаго плода. Его не учили молитвамъ, не читали разказовъ изъ свящя-

ной исторіи, не снабжали никакими понятіями касательно вѣры. За то онъ росъ на полной свободѣ, которую дали ему по принципу и которой онъ пользовался по инстинкту. Воля его не знала границъ. Что ни пришло бы ему въ голову, онъ тотчасъ исполнялъ или приказывалъ исполнять. Захочетъ обѣдать съ отцомъ и старухою теткой—обѣдаетъ; не захочетъ—обѣдаетъ одинъ, гдѣ ему угодно и когда угодно. Пожелаетъ выйти изъ-за стола до конца обѣда—встаетъ безъ спроса и церемоніи. Вздумается за обѣдомъ бросить тарелку въ окно или на полъ—никто ему не перечить. А если тетка или нянька неволью схватится за тарелку, сберегая господское добро, самъ дѣдъ останавливаетъ ихъ. „Не стѣсняйте ребенка, послѣ онъ самъ узнаетъ что это не хорошо.“ Къ сожалѣнію, этому ожидаемому „послѣ“, какъ увидимъ, не суждено было наступить. Впрочемъ, своевольный мальчикъ любилъ отца и несмотря на свою вспыльчивость былъ дооръ къ домашнимъ. Но доброта тогдашняго помѣщика—чувство капризное и ненадежное: она черезъ минуту могла смѣниться противоположнымъ расположеніемъ духа. Молодой Сербинъ не былъ исключеніемъ изъ этого правила.

Съ тринадцати лѣтъ наступила для него пора научнаго образованія. Зажиточному помѣщику не было въ то время надобности отдавать единственнаго сына въ гимназію или частный пансіонъ. Ни то, ни другое учебное заведеніе не давало тогда никакихъ видныхъ правъ. Обучавшійся дома нисколько не терялъ отъ того ни въ военной, ни въ гражданской службѣ. Напротивъ, онъ выигрывалъ въ числѣ учебныхъ лѣтъ, а при извѣстной протекціи, въ чинахъ и наградахъ. Поэтому изъ Москвы или Петербурга былъ приглашенъ (по тогдашнему выписанъ или нанятъ) Кургановъ, сынъ того самаго Курганова котораго *Письмовникъ* долгое время служилъ настольною книгой, выдержавъ восемнадцать изданій. Этотъ учитель какъ разъ пришелся къ воспитательнымъ идеямъ дѣда: онъ былъ вольтеріанецъ, въ добавокъ любившій рюмочку и не имѣвшій понятія о нравственной сдержанности. Зная хорошо математику онъ преимущественно занималъ ею своего ученика, проходя съ нимъ также другія науки: исторію, географію, русскую грамматику. Уроками и бесѣдами онъ развивалъ и укрѣплялъ въ умѣ воспитанника тѣ понятія которыя еще съ малолѣтства были заложены дѣдомъ.

Въ концѣ концовъ юноша сталъ совершенно раслуценымъ, изъ невѣрующаго въ то или другое невѣрующимъ ни во что. Законъ, правило, не существовали для него; онъ жилъ по своей волѣ, слушался только своихъ желаній, руководствовался единственно своимъ удовольствіемъ.

Сколько времени прожилъ Кургановъ у дѣда, не знаю; но помню что вскорѣ послѣ его отъѣзда я долго гостилъ въ Сербинѣ. И дѣдъ и дядя любили меня. Послѣдній былъ совершенная противоположность мнѣ по воспитанію. Онъ дѣлалъ все что ни захочетъ: меня же съ братомъ держали въ страхѣ Божиемъ, такъ что мы въ письмахъ къ родителямъ не даромъ подписывались „покорными и послушными сыновьями“. Онъ не ходилъ въ церковь, смѣялся надъ богослуженіемъ, вѣлъ всегда скоромное: мы же читали при отцѣ вслухъ молитвы возставъ отъ сна и на сонъ грядущій, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, каждое воскресенье и праздникъ слушала обѣдню, строго держали посты Великій и Успенскій, ежегодно говѣли и причащались. Онъ пріобрѣлъ раннее знаніе такихъ вещей которыхъ мы не вѣдали, какъ сущія дѣти, хотя я находился уже въ предпоследнемъ (третьемъ) классѣ гимназіи. Онъ держалъ себя свободно, говорилъ со всѣми громко и открыто, не боялся никакихъ страховъ: мы же были до того застычивы что краснѣли при чужихъ людяхъ, сидѣли смиренно тамъ гдѣ намъ укажутъ и не смѣли ввязываться въ разговоръ со старшими. Можетъ-быть дядя и полюбилъ меня за такую съ нимъ противоположность, равно какъ и я по той же самой причинѣ почувствовалъ искреннюю къ нему привязанность. Однажды гуляли мы съ нимъ по саду, откуда пришли въ большую рощу. Погода стояла жаркая—конецъ іюня.

— Какая духота! замѣтилъ дядя, прислонясь къ дереву.— Нужно бы дождя, а то, пожалуй, греча пропадетъ отъ засухи.

— Что жь дѣлать! сказалъ я:—видно такъ угодно Богу.

— Полно молоть вздоръ, любезный! Какой тамъ Богъ! Никакого Бога нѣтъ; дождь идетъ и неидетъ самъ по себѣ.

Несмотря на нестерпимый зной, дрожь пробѣжала по моему тѣлу отъ такихъ, никогда мною неслыханныхъ словъ. Я не отвѣчалъ, но подумалъ съ увѣренностью: „ну, братъ, на этомъ не собьешь меня; вѣдь я прошелъ священную исторію и катехизисъ и хорошо знаю Евангеліе“. Въ другое

время я можетъ-быть и завелъ бы школьническій споръ съ юношей-атеистомъ, но тутъ какъ возражать? Вѣдь мы были далеко отъ дома, въ густой рошѣ; дядя ходилъ съ ружьемъ, стрѣлая птицъ на лету и безъ промаха попадая въ цѣль, которую самъ намѣчалъ на деревьяхъ или меня заставлялъ намѣчать по моему выбору. Что значило ему, пылкому, своевольному юношѣ, при его понятіяхъ, принять меня за птицу или выбрать цѣлью вмѣсто дерева?

Я упомянулъ о непослѣдовательности дѣдовскаго вольтеріанизма. Твердый скептикъ во всемъ что касалось религіи, дядь какъ будто и не зналъ того что французскіе философы говорили о гуманномъ отношеніи къ людямъ. Отъ дяди не могло скрыться противорѣчіе въ образѣ мыслей его отца. По этому поводу между ними возникали несогласія, большею частію оканчивавшіяся ничѣмъ: тотъ и другой оставался при своемъ, съ тѣмъ различіемъ что мнѣніе отца, какъ главы дома, переходило въ дѣло, а мнѣніе сына такъ и оставалось мнѣніемъ. Нельзя сомнѣваться что въ послѣдствіи и сынъ оказался бы въ той же мѣрѣ непослѣдовательнымъ: роковая сила крѣпостнаго права налагала свою руку на лучшіе умы и сердца, заглушая голосъ истины и вырывая съ корнемъ благороднѣйшія чувства. Но въ юности стремленіе къ правдѣ такъ живо, инстинктъ любви такъ еще свѣжъ что и дурное воспитаніе не мѣшаетъ ему лорывисто выступать повременамъ наружу. Передамъ одну сцену между отцомъ и сыномъ. Она такъ твердо вѣзалась въ моей памяти что я и теперь какъ будто вижу ее предъ собою. Все наше семейство было у дѣда по случаю какого-то праздника. Наѣхало также нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ съ женами. Дядь былъ въ отлучномъ расположеніи духа, разговорчивъ и веселъ; гостей своихъ онъ настроилъ на такой же тонъ. Когда сѣли обѣдать въ залѣ, выходившемъ окнами въ садъ, одинъ только приборъ оказался не занятымъ—приборъ дяди, который всегда помѣщался рядомъ съ отцомъ. Никто не удивился его отсутствію: каждый зналъ что онъ вольная птица и что не для него писаны уставы общежитія. Вдругъ, послѣ втораго блюда, дверь изъ передней быстро распахнулась, и молодой Сербинъ почти вбѣжалъ въ комнату. Никому не поклонившись, ни на кого не обративъ вниманія, онъ сильно-взволнованнымъ голосомъ обратился къ дѣду: „Это ни на что не похоже, отецъ! Прикащикъ твой

хуже мясника! Мясникъ сдираетъ шкуру съ убитой скотины, а прикащикъ готовъ содрать кожу съ живаго человѣка. Хорошо что я, возвращаясь съ охоты, услышалъ крикъ и прогналъ палача, а то онъ застѣкъ бы мужика до смерти.“

Представьте положеніе сидѣвшихъ за столомъ... Всѣ ожидали грозной вспышки или еще худшаго скандала. Но дѣдъ умѣлъ владѣть собой: онъ только сильно нахмурился и продолжалъ ѣсть. Гости посядовали его примѣру. Каждый наклонился надъ своею тарелкой, точно чувствуя особенный аппетитъ. Все присмирѣло и замолкло. „Я не буду обѣдать“, закричалъ дядя лакею, шедшему съ тарелкой супа: „не подавайте мнѣ ничего.“ Любимая отцовская собака подошла къ нему приласкаться и хотѣла положить на колѣно морду: дядя далъ ей такого пинка что она, завизжавъ, отбѣжала въ дальній уголъ. „Мнѣ кажется, замѣтилъ отецъ, не отрывая глазъ отъ тарелки, собака не виновата что ты не въ духѣ.“ „Она виновата тѣмъ“, возразилъ сынъ, „что ей у насъ жить лучше чѣмъ людямъ.“ Размѣнявъ словъ подававшій масло въ огонь, а не тушившій пожара... Всѣ еще больше сконфузились и присмирѣли, не зная что дѣлать: продолжать ли молчаніе или завести о чемъ-нибудь рѣчь. Наступила тишина, только не та въ теченіе которой „пролетаетъ ангелъ“. Положеніе было тягостное, крайне непріятное. Къ счастью, случай явился на выручку. Какая-то крупная птица прилетѣла въ садъ и усѣлась на деревѣ. Одинъ изъ гостей, сидѣвшихъ противъ сада, увидѣлъ ее и обрадовался возможности положить конецъ затрудненію. „Посмотрите, какая большая птица“, сказалъ онъ, указывая въ окно. Всѣ глаза обратились по направленію его пальца. Дѣйствительно, это было какое-то особенное пернатое. Молодой Сербинъ, страстный охотникъ, далъ знакъ гостямъ спокойно оставаться на мѣстахъ, велѣлъ слугѣ принести изъ своей комнаты заряженное ружье, тихонько всталъ изъ-за стола и прицѣлился въ открытое окно. Но отъ волненія, произведеннаго сценой съ отцомъ, рука его не совсѣмъ была тверда; боясь промахнуться, онъ ломанилъ къ себѣ дворянина-компаніона, поставилъ его предъ собою лицомъ къ окну и положилъ къ нему на плечо дуло. А компаніонъ страшно боялся огнестрѣльныхъ оружій: стволъ заколыхался еще сильнѣе. „Трусъ!“ проворчалъ съ досадою дядя, оттолкнувъ старика въ сторону и тоскливо обвелъ глазами всю компанію, спрашивая ктѣ заступитъ его мѣсто. „Позвольте, я

помогу вамъ“, вызвалась дѣвочка лѣтъ пятнадцати, дочь мелкопомѣстной вдовы. Дядя кивнулъ ей. Она бодро стала на мѣсто; но небоольшому ея росту надобно было согнуть одно колѣно для прицѣла. Раздался выстрѣлъ—птица свалилась на землю. Дядя не побѣжалъ черезъ балконъ, а прямо выскочилъ въ окно, подвѣлялъ добычу и внесъ ее въ комнату, высоко держа за одно крыло. Всѣ бросились взглянуть на птицу, но дядя подошелъ съ ней къ дѣвочкѣ со словами: „кладу ее къ ногамъ героини“. Сердце у дяди было, какъ говорится, скоро отходчивое. Сердиться долго было не въ его натурѣ. Къ тому же удача развеселила его. Занявъ снова мѣсто за столомъ, такъ какъ обѣдъ еще не кончился, онъ протянулъ руку дѣду: „Ну, подво, отецъ, дуться; помиримся“. „Мирятся послѣ ссоры, а я и не думалъ съ тобой ссориться“, послѣдовалъ отвѣтъ. „Вотъ ты всегда такой! ну, если не хочешь протянуть руку, такъ я обниму тебя.“ Всталъ и обнялъ. Затѣмъ конецъ обѣда и весь вечеръ онъ занимался дѣвочкой: говорилъ съ ней, угощалъ ее плодами, показывалъ садъ.

За временемъ домашняго образованія наступила пора службы. Дѣду не было надобности искать покровительства для выгодной карьеры сына. Онъ рѣшилъ отправить его къ Петру Андреевичу Кикину, который, какъ сказано, состоялъ въ родствѣ съ женою Сербина. Предъ отправленіемъ въ Петербургъ, послали юношу къ матери. Мать душевно ему обрадовалась, но вмѣстѣ и ужаснулась, когда онъ въ первый же день свиданія началъ откровенно выставлять свое безвѣріе. Она рѣзко остановила его. „Какъ смѣешь ты, несчастный мальчишка, судить о предметахъ которые выше твоего понятія! Ктѣ тебѣ внушилъ это? неужели отецъ? Жалѣю и тебя, и его....“ Однако дѣлать было нечего: она благословила сына образомъ, вручила ему рекомендательное письмо къ Кикину, дала денегъ и совѣты какъ держать себя въ Петербургѣ, и простилась съ нимъ навсегда: больше имъ не пришлось уже видѣться.

И вотъ мой дядя очутился въ Петербургѣ. Кикинъ помѣстилъ его у себя, зачисливъ въ свою канцелярію. Какъ держалъ себя среди совершенно новой обстановки смѣлъ природъ, Сербинскій „Эмиль“? Нѣтъ сомнѣнія что на первыхъ порахъ онъ разыгрывалъ Вольтерова Гурона * и, подобно ему,

* *L'Ingénu*, романъ Вольтера.

натворилъ не мало проказъ, компрометтируя и себя, и другихъ. Да и могъ ли человекъ не имѣвшій понятія о выдержкѣ, о соблюденіи условныхъ общественныхъ приличій, не знавшій никакихъ формъ и стѣсненій, росшій на просторѣ и воздухѣ, творившій всегда свою волю, приоровиться къ столичной жизни или канцелярскимъ порядкамъ? Онъ сучалъ, бился, задыхался въ обихъ атмосферахъ, свѣтской и бюрократической. Натура его не выдержала такой пытки: онъ бросилъ канцелярію и поступилъ въ гусары. Последній родъ службы болѣе подходилъ къ его нраву и образу мыслей. Онъ скоро освоился съ жизнію тогдашнихъ кавалеристовъ: откровенное товарищество, разгулъ и проказничество пришли къ нему по сердцу. Произведенный въ корнеты, онъ проѣзжалъ однажды къ отцу своему черезъ Рязань. Это было въ 1821 или 1822 году. Я оканчивалъ гимназическій курсъ. Отецъ мой съ матерью отправились на короткое время въ деревню, оставивъ меня съ братомъ и сестрами въ городѣ. Неожиданно получаю я отъ дяди записку съ приглашеніемъ повидаться съ нимъ въ такой-то гостиницѣ. При входѣ моемъ въ номеръ, онъ встрѣтилъ меня словами: „Ну, любезный философъ (такъ онъ прозвалъ меня за мою любовь къ чтенію), докажи-ка теперь силу своей философіи: доставь мнѣ рублей двѣсти въ займы. Какъ только пріѣду къ отцу, тотчасъ вышлю эти деньги, а на возвратномъ пути привезу тебѣ подарочекъ“. — „Гдѣ же мнѣ взять?“ отвѣчалъ я: „отецъ теперь въ деревнѣ.“ — „Какъ гдѣ? попроси у Вознесенскаго (смотритель уѣзднаго училища) или у Гаретовскаго (учитель русскаго языка въ гимназіи); говорятъ, они люди съ деньгами.“ Я отправился на поиски, но Вознесенскій отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ что въ настоящее время у него вѣтъ свободныхъ суммъ, а Гаретовскій хотя и могъ бы дать, но не далъ по другой причинѣ: „Видишь ли, мой милый, если бы отецъ твой прислалъ тебя съ запиской, я, не говоря ни слова, тотчасъ бы вынулъ изъ бумажника требуемое и вручилъ бы тебѣ, но ты—другое дѣло, ты еще молодъ еси (мнѣ пошелъ шестнадцатый годъ): извини.“ Отказъ того и другаго сгорчилъ меня: мнѣ такъ хотѣлось услужить дядѣ! Я очень любилъ его, хоть и пугался его вольныхъ мыслей и вольнаго обращенія. Пріѣхалъ я въ гостиницу чуть не со слезами на глазахъ и хотѣлъ-было начать разказъ о неудачѣ, какъ дядя остановилъ меня: „Спасибо, дружище, за хлопоты, я ужъ

достала денегъ у одного знакомаго“. Съ этими словами вышелъ онъ изъ комнаты и тотчасъ же воротился. Минуть черезъ пять дверь растворилась: является молодой человекъ лѣтъ восемнадцати, какъ мнѣ показалось, въ солдатской шинели. „Рекомендую тебѣ, сказалъ дядя, — юнкеръ нашего полка; отлично играетъ на гитарѣ и поетъ. Слой-ка намъ что-нибудь“. Юнкеръ снялъ со стѣны гитару и заплѣлъ. Голосъ на мой слухъ былъ не мужской. Какъ ни былъ я наивенъ, но при догадкѣ что подъ юнкерскою одеждою скрывается женщина, я сильно покраснѣлъ, словно уличенный въ преступленіи. Дядя расхохотался. „Ахъ ты, красная дѣвушка! сказалъ онъ весело вскочивъ со стула и бросившись ко мнѣ: — Дай мнѣ расцѣловать тебя, мою невинность.“

Съ этимъ-то юнкеромъ-дѣвушкой дядя прибылъ къ отцу, вовсе не ожидавшему такого визита. Мнѣ чувствовалось что въ Сербинѣ не обойдется безъ исторіи: такъ и случилось. Едва отецъ мой воротился въ Рязань какъ отъ дѣда прискакалъ гонецъ съ письмомъ: „Безлутый сынъ мой, писалъ дѣдъ, — пріѣхалъ ко мнѣ съ развратною дѣвкой. Когда я выговаривалъ ему за крайне неприличный поступокъ, онъ всплилъ, раскричался, началъ требовать денегъ, угрожая при отказѣ застрѣлить меня. Пріѣзжайте какъ можно скорѣе.“ — „Что пошлешь, то и ложнешь“, промолвилъ отецъ складывая письмо и тотчасъ велѣлъ запрягать. Ему удалось водворить согласіе между дѣдомъ и дядей. Послѣдній, возвращаясь въ полкъ также чрезъ Рязань, снова прислалъ за мною и вручилъ мнѣ обѣщанный подарокъ: *Нѣмецко-русскій словарь* Аделунга въ двухъ толстыхъ томахъ.

Это было послѣднимъ нашимъ свиданіемъ. Въ 1822 году я поступилъ въ Московскій университетъ, а дядя квартировалъ съ полкомъ въ какомъ-то провинціальномъ городкѣ, проводя время съ товарищами обычнымъ порядкомъ. На одномъ завтракѣ поссорился онъ съ другимъ офицеромъ. Ссора вышла изъ пустяковъ, но должна была кончиться дуэлью. Товарищи, однакожь, кое-какъ остановили ее, положивъ отпраздновать мировую вечернею пирушкой, которая продлилась за полночь. Всѣ собесѣдники гурьбой вышли изъ гостиницы. На дорогѣ къ квартирамъ дядя остановился и сказалъ: „Что это за глупая вещь—жизнь! Утромъ ссорься, вечеромъ мирись; завтра опять ссорься, послѣ-завтра опять мирись. Не хочу больше жить; застрѣлюсь!“

„Врешь, любезный, возразили товарищи, не застрѣлишься; это ты теперь такъ говоришь, спьяну.“— „Ей Богу застрѣлюсь!“— „Не застрѣлишься.“ Дядя замолчалъ, но какъ только пришелъ на квартиру, взялъ пистолеть и застрѣлился. Такъ кончилась жизнь молодого человѣка, даровитаго и добраго, но загубленнаго страннымъ воспитаніемъ. Смерть его очень огорчила меня. Нѣсколько дней я былъ невеселъ и задумчивъ, такъ что родные, у которыхъ я жилъ въ Москвѣ, боялись не заболѣлъ ли я.

Не знаю какъ въ первое время подвѣствовала на дѣда смерть его единственнаго сына; но когда я увидалъ его чрезъ годъ послѣ печальнаго событія, я не нашелъ въ немъ никакой перемены. Попрежнему онъ былъ здоровъ, бодръ и веселъ: попрежнему дѣятельно занимался хозяйствомъ, музыкой и чтеніемъ; попрежнему жила въ дѣвичьей молодая смазливая горничная. Говорили что дѣдъ отъ времени до времени укрѣпляетъ и возбуждаетъ себя такъ-называемыми Бестужевскими каллами (нѣрная микстура) отъ 10ти до 30ти на приемъ. Каждый годъ пріѣзжалъ я къ нему лѣтнею ваканціей. Онъ радъ былъ моему пріѣзду, имѣя возможность дѣлать уединеніе уже не съ гимназистомъ, а со студентомъ физико-математическаго факультета. Выборъ специальности ему очень нравился, онъ самъ любилъ математику. Притомъ я не былъ невѣжда и въ литературѣ, и въ другихъ предметахъ, напримѣръ, въ основаніяхъ сельскаго хозяйства и въ технологіи, слушая лекціи этихъ наукъ у профессоровъ Павлова и Денисова. Въ теченіе трехлѣтняго университетскаго курса я получалъ отъ дѣда по сту рублей (ассигнаціями) на книги. Я же, съ своей стороны, высылалъ ему изъ Москвы переводы историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, бывшихъ тогда диковинкой. Дѣдъ жадно прочитывалъ ихъ и возвращая просилъ о доставленіи новыхъ какъ только они появлялись.

По окончаніи курса я долго не выѣзжалъ изъ Москвы, удерживаемый частными уроками которые давали мнѣ средства жить самимъ собою, безъ помощи изъ отцовскаго дома. Поэтому о послѣднихъ годахъ дѣда я могу говорить только по разказамъ родныхъ. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ дѣдъ не избѣгнулъ смѣшной слабости, хотя и сохранилъ умственные силы. Переживъ жену и сына, онъ задумалъ жениться. Хотя ему было уже за семьдесятъ, многіе бѣдные помѣщики не затруднились бы войти съ нимъ въ близкое родство. Дѣдъ

остановился на семействѣ ряжскаго помѣщика Тр....ова. Изъ трехъ дочерей его дѣду болѣе нравилась младшая, семнадцатилѣтняя дѣвица. Съ того времени, считая себя женихомъ, онъ началъ болѣе заботиться о своемъ костюмѣ. Жалко было смотрѣть на умнаго старика поддавшагося такой слабости... Ждали кому изъ трехъ богинь вручить яблоко новый семидесятилѣтній Парисъ, но ожиданіе не сбылось, неизвестно по какой причинѣ: дѣвушка ли побрезгала старцемъ нюхюющимъ табакъ, или самъ старецъ одумался и устыдился своей комической роли.

Скончался Сербинъ семидесяти шести лѣтъ, отъ апоплексическаго удара. Предполагая что таковъ именно будетъ родъ его смерти, онъ давно уже запасся электрическою машиной, которую тотчасъ и велѣлъ привести въ дѣйствіе, когда за ужиномъ ложка выпала у него изъ рукъ и онъ упалъ на правую сторону кресла. Но ни электричество, ни призванный докторъ не оказали помощи. Законный наследникъ имѣнія, племянникъ умершаго, Ар—ій, немедленно прискакалъ для распоряженій. Вскрыли завѣщаніе. Всѣ дворовые получили отпущенныя, кромѣ одного, неизвестно почему, а горничная сверхъ того и денежное вознагражденіе. Такъ какъ они были грамотные и каждый зналъ какое-нибудь мастерство, то освобожденіе отъ крѣпостной зависимости дало имъ возможность устроиться по ихъ желанію. Всѣ она зажили хорошо, а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе дѣятельные и распорядительные, даже разбогатѣли.

Наследникъ, приходившійся мнѣ дядей, зналъ любовь ко мнѣ покойнаго. Поэтому я мечталъ и надѣялся что онъ подаритъ мнѣ библіотеку. Не тутъ-то было: вмѣсто библіотеки получилъ я золотые часы, которые вовсе не обрадовали мене. „И зачѣмъ ему библіотека?“ повторялъ я съ горемъ и досадою,—вѣдь книги для него то же что сѣно для собаки: и сама его не вѣсть, и другимъ не даетъ“...

У Ар....аго было нѣсколько сыновей. Одному изъ нихъ, великому мастеру разстраивать наследственные имѣнія, досталось Сербино. Къ расточительности владѣльца присоединились случайныя бѣдствія. Сначала пожаръ истребилъ домъ со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ и, увы!—съ библіотекой. Когда дворянъ и крестьяне обѣжались тушить огонь, Ар....ій остановилъ ихъ, сказавъ: „Не трогайте! пусть горитъ чортова гвѣздо!“ Такъ поминалъ онъ дѣда за его вольтеріанизмъ,

хотя самъ едва ли имѣлъ ясное понятіе о Вольтерѣ. Затѣмъ въ одно жаркое лѣто страшная буря пронеслась надъ садомъ и рощей, одни деревья поломавъ, другіе вырвавъ съ корнемъ, и Сербино, мой милый, дорогой пріютъ въ юности совершенно запустѣло, такъ что теперь и судить нельзя о его прежнемъ видѣ и состояніи.

СТО ОДИНЪ.

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ ГАРДЕМАРИНЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ВЪ ХVІІІ СТОЛѢТІИ

ПО ДОКУМЕНТАМЪ МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Въ 1774 году, современникомъ императрицы Екатерины II на испанскомъ престолѣ былъ король Карлъ III, изъ дома Бурбоновъ. Россійскимъ полномочнымъ министромъ при его дворѣ находился дѣйствительный камергеръ Степанъ Степановичъ Зиновьевъ. Къ нему, по повелѣнію своего короля, обратился правитель испанскаго Морскаго Корпуса въ Кадицѣ, Францискъ, кавалеръ де-Вивтусенъ, 11го января 1774 года, съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Государь мой,—Мнѣ, яко правителю здѣшняго Морскаго Корпуса, поручено собрать портреты всѣхъ штабъ-офицеровъ вышедшихъ изъ сего Корпуса, съ самаго начала учрежденія его по сіе время, дабы тѣмъ находящимся выдѣ въ ономъ молодыхъ людей побудить къ благородному соусердію, склонности и прилежанію, толь нужнымъ чтобъ изъ нихъ учинить полезныхъ подданныхъ. А какъ славный нашъ государь Филиппъ Пятый, при учрежденіи оного Корпуса, по прошенію предостойнаго императора царя Московскаго Петра Перваго, указалъ означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ двадцати двухъ кадетовъ во оной Корпусъ принять, которые, со общаго обоихъ государей согласія, потомъ и выпущены. Видя что сей Корпусъ жадеетъ толь достойныхъ

отоварищей предать памяти способомъ портретовъ: тѣхъ которые произошли въ сухопутные и морскіе сего государства штабъ-офицерскіе чины; я же, по дальности мѣста, не могши такого свѣдѣнія достать, осмѣлился представить вашему превосходительству что полученіе онаго было бы намъ весьма пріятно; того ради прошу васъ, какъ отъ себя, такъ и именемъ всего того Корпуса, о вспоможеніи намъ въ семъ особливомъ желаемомъ приобрѣтеніи. Къ тому извольте увѣрить тѣхъ господъ офицеровъ, или сродниковъ ихъ, о нашемъ искреннемъ воспоминаніи, и сколь мы желаемъ быти имъ полезными. Желаніе сіе простирается также и до вашего превосходительства. Благоводите простить меня въ томъ что я васъ такъ утрудилъ.

„Изъ королевскаго острова де-Леонъ, января 11го дня 1774.“

Въ приложенный списокъ вошли двадцать два человека по именамъ и прозваніямъ ихъ, съ именами ихъ отцовъ и матерей, съ обозначеніемъ возраста каждаго и отмѣтокъ времени прибытія ихъ въ Корпусъ и выѣзда въ Россію. Въ написаніи фамилій по-испански нашлись ошибки, которые были въ Россіи исправлены. Въ такомъ исправленномъ видѣ сообщаемъ приложенный къ письму де-Винтузена списокъ, измѣнивъ также и порядокъ въ коемъ фамиліи были написаны, чтобы показать гардемариновъ въ порядкѣ ихъ возраста

1. Иванъ Чириковъ, сынъ Ивана и матери Анны, 17 лѣтъ
2. Артемій Толбугинъ, сынъ Ильи и матери Ирины, 20 лѣтъ
3. Князь Тимѣеій Щербатовъ, сынъ Ивана и матери Агаевы 20 лѣтъ.

4. Иванъ Обрютинъ, сынъ Ивана, 20 лѣтъ.

5. Степанъ Шипиловъ, сынъ Трофима и матери Анны, 21 лѣтъ.

6. Иванъ Авицковъ, сынъ Ивана и матери Анны, 20 лѣтъ

7. Василій Татищевъ, сынъ Ивана и матери Федосіи, 21 года.

8. Алексѣй Бѣлосельской, сынъ Андрея и матери Авдоты 21 года.

9. Иванъ Зиновьевъ, сынъ Павла и матери Федоры, 21 года.

10. Иванъ Алексѣевъ, сынъ Антона и матери Авдоты, 21 лѣтъ.

11. Андрей Сухотанъ, сынъ Филата и матери Анны, 21 лѣтъ.

12. Иванъ Кукаринъ, сынъ Максима и матери Марѣи, 21 лѣтъ.

13. Петръ Кашкинъ, сынъ Гаврилы и матери Маріи, 23 лѣтъ.

14. Петръ Пороховъ, сынъ Евстафія и матери Анисьи, 23 лѣтъ.

15. Петръ Зиновьевъ, сынъ Павла и матери Ѳедоры, 23 лѣтъ.

16. Василій Филисовъ, сынъ Якова и матери Акилины, 23 лѣтъ.

17. Яковъ Рославлевъ, сынъ Ѳомы и матери Авдотьи, 25 лѣтъ.

18. Ефимъ Цимермановъ, сынъ Ивана и матери Анны, 25 лѣтъ.

19. Иванъ Кайсаровъ, сынъ Ивана и матери Зиновіи, 25 лѣтъ.

20. Иванъ Нелюевъ, сынъ Ивана и матери Марѳы, 26 лѣтъ.

21. Степанъ Коновницынъ, сынъ Богдана и матери Февроніи.

22. Семенъ Дубровскій, сынъ Моисея и матери Мавры.

Послѣднихъ двухъ возрастъ не былъ означенъ. Противъ Бѣлосельскаго отмѣтка: умеръ въ Кадиксъ 24го августа 1719 года. Противъ остальныхъ въ списокѣ однократно отмѣчено: „пріемъ его въ Корпусъ 15го августа 1719; отъѣхалъ въ Голландію, по приказу своего государя, 28го февраля 1720.“

Желаніе Испанскаго короля, увѣковѣчить имена тѣхъ изъ воспитанниковъ Кадикскаго Морскаго Корпуса которые въ послѣдствіи дослужились до штабъ-офицерскихъ чиновъ, послужило къ собранію у насъ справокъ о всѣхъ гардемаринахъ отправленныхъ императоромъ Петромъ Первымъ за границу, не только въ Испанію, но также въ Англію, Францію и даже въ Венецію, для изученія морской *военной* службы. Подчеркиваемъ „военной“, потому что ниже во всѣхъ распоряженіяхъ Петра выражается лишь эта нужда: она была современна, и ее слѣдѣло удовлетворить Преобразователь, которому тѣсно было на нашихъ многоводныхъ рѣкахъ, которому мало было Бѣлаго Моря и Каспія, и который простиралъ руки къ Балтикѣ и къ Черному Морю.

Петра напрасно упрекають въ пристрастіи къ иностранцамъ. Ему нужны были для любимой имъ Россіи люди дѣла, и онъ, въ нетерпѣливомъ желаніи пожать плоды своего посѣва, бралъ и образовывалъ дѣятелей гдѣ и какъ могъ. Гораздо прежде его, Іоаннъ III, Василій Іоанновичъ, Іоаннъ Грозный звали къ своему двору иностранцевъ, по разнымъ отраслямъ искусствъ и художествъ. Имѣемъ свидѣтельство

исторіи какъ Грозный, чрезъ Шлитта, приглашалъ изъ-за границы разомъ 123 человекъ: плавильщиковъ, колодезниковъ, мельниковъ, плотниковъ, каменщиковъ, столяровъ, литейщиковъ, стекольщиковъ, рудоколовъ, водоводовъ, слесарей, часовщиковъ, виноградарей, хмелеводовъ, ливовара, денежника, пробирщика, поваровъ, пирожника, солевара, карточника, ткача, каретниковъ, скорняка, маслобоя, горшечника, типографщика, кузнецовъ, мѣдника, коренщика, шерстобоя, сокольника, штукатура, квасцевара, сѣровара, золотарей, плодильщика, перелетчика, портнаго... Мало того: онъ приглашалъ четырехъ медиковъ, четырехъ аптекарей, двухъ операторовъ, восемь подлѣкарей, восемь цирюльниковъ. Еще мало: ему нужны были два архитектора, одинъ лѣвецъ, одинъ органистъ, наконецъ, чрезъ Шлитта же выписывались *четыре есолога*. *

При дѣдѣ Грознаго, великомъ князѣ Іоаннѣ III, когда сношенія съ Европою производились чрезъ чрезъ Литву и Польшу, къ Москвѣ, отъ Варшавы и Вильны, чрезъ Смоленскъ и Вязьму, двигалась уже язва, нынѣ пріобрѣтшая у насъ въ городахъ и даже деревняхъ право гражданства. Великій князь давалъ память Ивану Мамонову: пытати ему въ Вязьмѣ „князя Бориса, въ Вязьму кто не пріѣзживалъ ли болѣнь изъ „Смоленска тою болѣстью что болячки мечутся, а словоць „францовска; а будто въ винѣ ее привезли; да и къ Смоленску о томъ опытати, ещели та болѣсть есть или нѣтъ: да о „томъ къ великому князю отписати; да и въ Вильнѣ о томъ „пытати; есть ли ещо та болѣсть или нѣтъ?“ ** Иностранцы доставшіеся царю Алексѣю Михайловичу отъ нашествія Поляковъ 1612 года, и другіе, жившіе въ Москвѣ, и при самомъ дворѣ, извѣстны по именамъ. Слѣдовательно, ошибочно приписывать исключительно вліянію Петра I напыль къ намъ иностранцевъ и вліяніе ихъ на преобразование Россіи. Напротивъ, ему и его ближайшимъ преемникамъ, убѣдившимся что цивилизація вторгается въ Россію опаснымъ путемъ, что на пути этомъ она встрѣчаетъ недружелюбныя задержки, а проходя чрезъ посредство польскаго общества,

* Карамзинъ. *Ист. Гос. Росс.* Т. VIII, примѣч. 206. Тамъ же объяснены и причины неудачи посольства Шлитта: главнѣйшая изъ нихъ—зависть къ успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи и желаніе задержать цивилизацію въ ней.

** Карамзинъ. *Ист. Гос. Росс.* Т. VI. Примѣчаніе 617е.

недоброжелательнаго Россіи, она теряетъ свой первообразъ; наконецъ, что съ малыми долями добра стремились въ Россію и многія дурныя начала, Петру, гораздо ранѣе чѣмъ изобрѣтено было оспопрививаніе, принадлежитъ слава изобрѣтенія непосредственной прививки этой цивилизаціи посредствомъ русскихъ людей, которыхъ Петръ, а за нимъ преемники его сотнями отправляли во всѣ концы Европы: въ Англію, Францію, Испанію и Венецію изучать морскую науку и архитектуру (Петръ I); въ Токай — изучать винодѣліе (Петръ и Елисавета); въ Римъ и Флоренцію — учиться живописи (Петръ I и Екатерина II); въ Ливорно — изучать инструментальную музыку (Елисавета и Екатерина); въ Лейпцигъ — изучать право; въ Оксфордъ, Лейденъ и Геттингенъ — изучать оріентальныя языки и другія къ богословію принадлежащія науки“ (Екатерина II). Въ Россію приглашать иностранцевъ стали уже въ случаѣхъ исключительныхъ. *Фальконе*та, чтобъ отлить памятникъ Петру Iму (1766)*; *Гюльельми*, чтобъ увѣковѣчить подвиги графа Алексѣя Орлова и его сподвижниковъ въ Архипелагѣ (1771)**; *Бюмера* — для преподаванія въ кадетскомъ корпусѣ морскаго права (1771)***; лѣкаря гвардіи его прусскаго величества *Костъ* — съ цѣлію учрежденія въ Россіи школъ для докторовъ и лѣкарей на подобіе таковой школы во Франціи (1771)****; *дъвицъ изъ Женевы*,

* *Фальконе*тъ, французскій ваятель, по рекомендаціи Дидро, былъ императрицею Екатериною II приглашаемъ въ Петербургъ, чрезъ посредство русскаго посла въ Парижѣ, князя Дмитрія Александровича Голицына, который и договорился съ художникомъ въ производствѣ этого труда за 200.000 швровъ (см. *Сборн. Истор. Общества*. Т. I, стр. 209 и письма къ вице-канцлеру изъ Парижа князя Д. А. Голицына въ 1766 году).

** Собственноручная записка императрицы вице-канцлеру, князю А. М. Голицыну, извѣщеніе письма по этому предмету художника Гюльельми къ г. Симолину, 10го окт. 1771; и проектъ письма вице-канцлера къ Гюльельми, одобренный императрицею собственноручною отиѣткой „хорошо“, 29го февраля 1772 (см. въ Голицынскихъ бумагахъ въ Москов. Главн. Архивѣ Министер. Иностран. Дѣлъ).

*** 19го декабря 1771 года собственноручное повелѣніе императрицы Екатерины II вице-канцлеру князю А. М. Голицыну, и 25го января 1772 изъ Берлина письмо о семъ къ нему же, князю Голицыну, доктора правъ Бюмера (тамъ же).

**** См. тамъ же, письмо о немъ къ вице-канцлеру изъ Берлина, отъ вашего посла князя Долгорукова, 24го декабря 1771 (4го января 1772).

черезъ графа Бюлова, для преподаванія французскаго языка въ знатныхъ семействахъ Петербурга и Москвы (1765)*; *Лагарпа*—для воспитанія наследника престола (1782)**; *иезуитовъ*—для переселявшихся въ Россію иновѣрныхъ земледѣльцевъ (1767)***, а позже, для образовательныхъ цѣлей въ воссоединенныхъ съ Россією западныхъ областяхъ ея; **** *Дела Ривьера*—для уясненія и соглашенія мнѣній объ улучшеніи быта нашихъ крестьянъ (1767). † Иностранныхъ поселенцевъ для заведенія образцоваго земледѣланія (1767). †* Возвращаемся къ нашимъ гардемаринамъ.

* Объ этомъ обстоятельствѣ говоритъ Вольтеръ въ письмѣ къ князю Дмитрію Алексѣевичу Голицыну 12го окт. 1766. Письмо его вошло въ составъ *Oeuvres complètes de Voltaire* и начинается такъ: „J'ai trop d'obligations à Sa Majesté Impériale.“

** Лагарпъ. Съ нимъ сношенія императрицы начались еще съ 12го ноября 1775 года, по поводу требованной отъ него переклада въ его *Исторіи Меншикова*, котораго онъ, въ семь сочиненій, заставляеть разводиться съ своею женой, чтобы вступить въ бракъ со вдовствующею императрицею Екатериною II: „разводъ же нашимъ закономъ не допускается“ (см. переписку 1775 года графа Н. И. Панина съ княземъ Барятинскимъ, посланникомъ въ Парижѣ).

*** Князь Д. А. Голицынъ, въ письмѣ изъ Парижа къ вице-канцлеру отъ 5го августа 1767, давалъ свидѣніе о появившемся въ то время въ Гамбургской газетѣ извѣстіи о вызовѣ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Россію для провинціи Астрахельской и Кіевскаго палатината. Объявляеміе гласило что Е. И. В. принимаетъ на себя путевыя издержки и содержаніе миссіонеровъ въ Россіи. Князь Д. А. Голицынъ проситъ объяснить сіе извѣстіе, ибо многіе миссіонеры являлись къ нему за полученіемъ подробныхъ о семъ свидѣній. Императрица своеручно отвѣтила на письмѣ князя Голицына: „C'est un mensonge de gazetier.“ Тѣмъ не менѣе, какъ знаемъ, миссіонеры вошли въ Россію. Есть позднѣйшее, 10го декабря 1767, замѣчательное о іезуитахъ въ Западной Россіи письмо князя Голицына.

**** Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новіціата. (*Сборникъ Истор. Общ.* т. I, 1867, стр. 478—479).

† Для совѣтовъ по устройству быта крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, князь Д. А. Голицынъ отправилъ въ Петербургъ Дела Ривьера въ 1767 году. Въ письмѣ о немъ къ вице-канцлеру 10го декабря сего года, онъ превозносилъ его надъ Монтескье, какъ практика и основательнаго писателя о собственности, торговлѣ, правленіи и какъ автора книги *L'Ordre essentiel des sociétés*.

†* Въ описи Голицынскихъ бумагъ Моск. Главн. Арх. М. И. Д. подъ буквою Л доносеніе агента Дикъ о переселеніи въ Россію черезъ Франкфуртъ приглашенныхъ 2.870 семей, въ числѣ 10.148 душъ.

С. С. Зиновьевъ, получивъ лестное вообще для русскихъ моряковъ и въ частности для него, какъ соименника одного изъ кадикскихъ воспитанниковъ, письмо де-Винтузена, препроводилъ копію съ него къ вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну. Въ письмѣ по сему предмету, отъ 20го (31го) января 1774 года, онъ говорилъ что обѣщаль правителю Морскаго Корпуса доставить вѣдомость, до какихъ чиновъ оныя офицеры въ російской службѣ дослужились; и ежелибъ его сіятельство приказалъ о томъ справиться въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, то бѣ онъ могъ нѣкоторымъ образомъ удовольствоваться егс въ томъ прошеніи и тѣмъ его одолжить.

Въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по приказанію вице-канцлера были наведены надлежащія справки. Но онъ обрывался на тѣхъ служебныхъ распоряженіяхъ которыя по повелѣнію царя были съ 1716 по 1720 годъ дѣлаемы относительно письма за границу учениковъ, и на тѣхъ свѣдѣніяхъ которыя о нихъ получались отъ нашихъ резидентовъ. Дальнѣйшая ихъ служба происходила подъ вѣдѣніемъ государственной Адмиралтействъ-Коллегіи. И потому къ члену ея, адмиралу и кавалеру Алексію Ивановичу Нагаеву, переслалъ вице-канцлеръ, 28го марта 1774 года, письмо Зиновьева, копію съ письма Винтузена и списокъ кадетъ Кадикскаго Морскаго Корпуса, и просилъ: „надлежащее употребленіе по вашему мѣсту учинить, и мена, въ свое время, о томъ увѣдомить“.

26го слѣдующаго апрѣля вице-канцлеръ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь мой, князь Александръ Михайловичъ,—На полученныя отъ вашего сіятельства 18го минувшаго марта и 11го числа сего апрѣля письма, касающіяся до бывшихъ въ Ганноверіи російскихъ гардемаринновъ: до какихъ чиновъ оныя въ російской службѣ дослужились; учиненную изъ дѣлъ отысканныхъ по Адмиралтейской Коллегіи, со включеніемъ принадлежащихъ къ тому своимъ примѣчаній, дошедшихъ къ моему увѣдомленію отъ тѣхъ самыхъ гардемаринновъ, которые, по именнымъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго (указамъ), съ 1716 по 1720 годъ странствуя по разнымъ иностраннымъ государствамъ, обучались тамъ навигацкой наукѣ; о ихъ и о прочихъ касающихся обстоятельствахъ выписку при семъ вашему сіятельству присылаю.

„Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный слуга Алексій Нагаевъ.“

I.

Совокупность добытыхъ въ коллегіяхъ Адмиралтействъ и Иностранныхъ Дѣлъ, свѣдѣній, однѣ другія дополняющихъ, даетъ возможность прослѣдить правительственныя распоряженія о посылкѣ гардемариновъ за границу; но подробнѣйшія свѣдѣнія о ихъ пребываніи тамъ и занятіяхъ представляетъ дневникъ Ив. Ив. Неллюева, веденный имъ со дня выѣзда изъ Россіи, въ послѣдній разъ напечатанный въ *Русскомъ Архивѣ* 1871 года.

Составляя очеркъ посылки русскихъ гардемариновъ за границу по свѣдѣніямъ служебнымъ, къ этому дневнику будемъ мы обращаться всякій разъ какъ встрѣтимъ въ служебныхъ свѣдѣніяхъ пробѣлы. Но еще прежде, должны мы вспомнить что посылкѣ гардемариновъ въ 1718 году предшествовало отправленіе за границу съ такими же цѣлями царедворцевъ въ 1697 году. Объ этой посылкѣ даетъ извѣстіе, въ своей исторіи царствованія Петра Великаго, Устряловъ (т. II, гл. XII, стр. 315).

„Тако началось новое въ Россіи дѣло: строеніе земскимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того вестъ въ народъ свой, и того ради, многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и нѣкыя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго.“ (Такъ говорится въ предисловіи къ Уставу Морскому.)

Съ этою цѣлію, на первый разъ, царь назначилъ отправить за границу пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ, изъ нихъ 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, служившую въ то время передовымъ отрядомъ Европы на морѣ противу Турокъ; а 22 въ Англію и Голландію.

„Всѣ они—говоритъ Устряловъ—принадлежали къ значительнѣйшимъ въ то время родамъ, и многіе въ послѣдствіи, въ царствованіе Петра, прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ, гражданскомъ (*хоть ны одинъ не отличился на морѣ.*)“ Въ приложеніи XVIII, историкъ даетъ списокъ всѣхъ посланныхъ въ 1697 году.

„При каждомъ стольникѣ велѣно быть по одному солдату, какъ для изученія морскаго дѣла, такъ вѣроятно и для над-

зора за прилежаніемъ баричей, которымъ объявлено чтобъ они и не думали возвращаться въ Россію безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ объ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, подъ страхомъ потери всего имущества.“

Послѣднее условіе очевидно имѣло силу и при отправленіи втораго отряда учениковъ, въ 1716 году; ибо въ дневникѣ И. И. Неллюева видимъ полученныя имъ въ Корфу и Венеціи одобрительныя свидѣтельства отъ морскихъ начальниковъ, въ вѣдѣніи которыхъ онъ и товарищи его состояли.

Устряловъ догадывается о горѣ и слезахъ тѣхъ семействъ изъ которыхъ набраны были ученики для *навигационной науки*. Стольники большею частію были люди женатые, и имѣвшіе дѣтей. Дѣло представлялось всѣмъ тягостнымъ и несообразнымъ ни со званіемъ, ни съ наклонностями посылаемыхъ, которые кромѣ того что о морѣ не имѣли понятія, но и съ иностранными языками были вовсе не знакомы: въ особенности слышался „ропотъ на посылку молодыхъ царедворцевъ въ еретическія земли“, о которыхъ русскіе люди могли только судить по высылаемымъ оттуда къ намъ въ разное время лицамъ смущавшимъ миръ въ нашей церкви, и вызывавшимъ, въ защиту ея правилъ, опроверженія новшествъ и иновѣрческихъ ученій.

Но замѣчательно: во всемъ дневникѣ Ив. Ив. Неллюева не встрѣчаемъ ни одного свѣдѣнія о тугѣ и сѣтованіяхъ его домашнихъ и родныхъ товарищей его. Трудно предположить чтобы русскія семьи къ 1716—1720 годамъ успѣли свыкнуться съ мыслию о необходимости разлуки для цѣлей государственныхъ. Вѣрнѣе думать что вліяніе фискаловъ и инквизиторовъ (приставляемыхъ тогда даже къ монашеской братіи) умѣряло выраженіе сѣтованій въ письмахъ, на рѣдкость полученія коихъ товарищи Неллюева, какъ увидимъ ниже, горько жаловались. А еслибы такія сѣтованія и доходили до молодыхъ стражниковъ, то жизнь ихъ подъ новыми кругозорами, при опредѣленныхъ занятіяхъ, въ совершенно различныхъ условіяхъ, конечно, должна была всемірно ослаблять впечатлѣніе жалкихъ выраженій деревенскаго горя.

Изъ выписокъ о посылкѣ кадетъ въ Испанію оказывается что въ Кадиксѣ они попали не прямо, а что до того перебывали въ Давіи, Голландіи, Франціи и Венеціи. Справки сдѣланныя въ коллегіяхъ Иностранныхъ Дѣлъ и Адмирал-

тѣйствъ указываютъ на перемѣщеніе ихъ, отчасти подлинными словами указовъ и рескриптовъ Петра, а частію удосто-вѣренными морскимъ начальствомъ донесеніями и разказами дѣятелей и очевидцевъ о странствіяхъ по Европѣ русской молодежи.

27го января 1716 года, государь Петръ Алексѣевичъ изъ С.-Петербурга выступилъ въ походъ въ Мекленбургію, Данію и Голландію. Путь его лежалъ чрезъ города Нарву, Ригу, Либаву, Данцигъ, Шверинъ и Ростокъ, до Копенгагена. Изъ путевыхъ писемъ его величества къ командовавшему тогда надъ Россійскимъ флотомъ и портами генераль-адмиралу и кавалеру графу Федору Матвѣвичу Апраксину, видѣть можно: Изъ Данцига, подъ числомъ 2мъ марта 1716 года:

„Понеже получили мы вѣдомость изъ Италиі что нашихъ въ Венеціи въ морскую службу принять хотятъ; также нынѣ изъ Франціи отозвались что и тамъ ихъ примутъ же. Того для велите какъ наискорѣе въ Питербурхѣ отобрать еще изъ школьниковъ лучшихъ дворянскихъ дѣтей, и привезть въ Ревель, и посадить на корабли съ первыми вмѣстѣ чтобъ ихъ всѣхъ было 60 человекъ, а именно во всѣ три мѣста: въ Венецію, во Францію и въ Англію, по двадцати человекъ. (Ежели же оны изъ Питербурха въ Ревель скоро поспѣть не могутъ, и корабли прежде ихъ уйдутъ, то отправь ихъ отъ Ревеля до Риги моремъ, на шнявахъ *Діанъ* и *Наталь*), и оттоль на курляндскихъ подводахъ до Мемля, а отъ Мемля на наемныхъ фурманахъ до Мекленбургской земли, гдѣ мы обрѣтаться будемъ.“

Во исполненіе этого указа генераль-адмиралъ графъ Апраксинъ, изъ Ревеля, отъ 15го марта, писалъ въ Санктъ-Петербурхъ къ стольнику и Морской Академіи директору графу Матвѣеву чтобъ онъ тѣхъ „школьниковъ“ немедленно выбралъ изъ Академіи и отправилъ въ Ревель. Графомъ Матвѣевымъ, 21го того же марта, при именномъ спискѣ, отправлены изъ Санктъ-Петербургской Академіи въ Ревель слѣдующіе двадцать человекъ:

1) Князь Василій Хованской, 2) Федоръ Головинъ, 3) Князь Никита Волконской, 4) Василій Самаринъ, 5) Князь Иванъ Несвицкой, 6) Иванъ Алексѣевъ, 7) Алексѣй Кологривовъ, 8) Иванъ Чириковъ, 9) Александръ Жеребцовъ, 10) Аврамъ Мещериновъ, 11) Василій Воынской, 12) Василій Измаиловъ, 13) Иванъ Ржевской, 14) Петръ Ерлкинъ, 15) Князь Алексѣй Бѣлосельской, 16) Иванъ Неплюевъ, 17) Андрей

Поляской, 18) Алексѣй Пушкинъ, 19) Петръ Каткинъ, 20) Никифоръ Еремѣевъ.

По прибытіи гардемариновъ 31го марта въ Ревель, имъ выдано парусинное платье и назначено на человѣка слѣдующее мѣсячное довольствіе:

Денегъ по.....	2 р. 40 к.
Сухарей по.....	2 л. 10 ф.
Горьху.....	15 ф.
Круль.....	15 ф.
Соли.....	2 ¹ / ₂ ф.
Муки ржакой на квась по.....	1 четв.
Вила по.....	25 чарокъ.
Уксусу по.....	1 ¹ / ₂ к. ужки.
Рыбы вялой по.....	5 ф.
Ветчины по.....	19 ф.

Изъ Шверина, въ Мекленбургіи, его величество послалъ въ Ревель къ капитанъ-командору Сиверсу указъ чтобы съ опредѣленною въ его начальство эскадрой шель въ Копенгагенъ. И 17го іюля, въ бытность государя въ Копенгагенъ, пришла туда означенная эскадра, въ числѣ тринадцати кораблей, и легла на якорь.

„На той-то эскадрѣ вышеозначенные кадеты, двадцать человѣкъ, съ прежде прибывшими сорока человѣками, яко первые въ Россійскомъ флотѣ съ 1716 года учрежденные гардемаринны, доведены къ его величеству въ Копенгагенъ, изъ которыхъ въ Венецію, во Францію и въ Англію послѣдовали назначенія, какъ ниже явствуеть.“

7го октября того же 1716 года, въ письмѣ писанномъ о всенныхъ спераціяхъ со Шведомъ, изъ Копенгагена, къ генералъ-адмиралу и кавалеру графу Апраксину, его величество, распредѣляя гардемариновъ по мѣстамъ назначенной амъ службы, между прочимъ, писалъ такъ:

Р. С. Изъ гардемариновъ, которые были въ нашемъ флотѣ, кто куда опредѣленъ, и то прилагается при семъ роспись:

„Въ Венецію: Алексѣй Пушкинъ, Алексѣй Вишняковъ, Иванъ Воробьевъ, Иванъ Талызинъ, Иванъ Зиновьевъ, Василій Татищевъ, Иванъ Неплюевъ, Степанъ Коновницинъ, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Каткинъ, Артемій Толбугинъ, князь Тимсеей Щербатой, Иванъ Кайсаровъ, Иванъ Безобразовъ, Иванъ Кукаринъ, Петръ Зиновьевъ, Василій Квашинъ - Самаринъ, Ефимъ Цымермановъ, Семень Дубровской, Алексѣй Арбузовъ, Петръ Прохоровъ, Андрей Сухотинъ, князь Михаилъ Прозоровской, Василій Самаринъ, Василій Филесовъ. Изъ

опредѣленныхъ къ архитектурѣ: Яковъ Рославлевъ, Иванъ Марковъ, Алексѣй Костюринъ, Степанъ Шипиловъ и Иванъ Обрютинъ, всего 31 человекъ.

„Во Францію: Александръ Жеребцовъ, Левъ Милославской, Михайло Римской-Корсаковъ, Андрей Полянской, князь Борисъ Юзуповъ-Княжій, Иванъ Анчиковъ, князь Алексѣй Бѣлосельской, Данило Путиловъ, Алексѣй Глѣбовъ, Авраамъ Мещеряновъ, Григорій Санбуловъ, князь Александръ Волконской, Воинъ Римской-Корсаковъ, Семенъ Мордвиновъ, Петръ Салтыковъ, князь Иванъ Несвицкой, Иванъ Дубровской, князь Борисъ Борятинской, Алексѣй Кологривой, Иванъ Чириковъ. И того 20.“

„Въ Англію: Князь Василій Хованской, князь Николай Великогагинъ, Сергѣй Татищевъ-Меньшой, Петръ Ржевской, Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ, князь Иванъ Одоевской, Сергѣй Татищевъ Большой, Федоръ Головинъ, Петръ Мусинъ-Пушкинъ, Князь Василій Урусовъ. Итого 10.“

Того же октября 15го дня 1716 года, капитанъ-командоръ Сиверсъ, съ корабля *Екатерина* отъ Мены (островъ Меунъ недалеко отъ Коленгагена въ Балтійскомъ морѣ лежащій) при письмѣ своемъ сообщилъ помянутому генераль-адмиралу графу Апраксину реестръ сходственный съ вышесказаннымъ о томъ кто куда его царскимъ величествомъ назначенъ.

„А его царское величество, достойная памяти государь Петръ Великій такой далъ указъ бывшему въ Даниіи российскому полномочному послу князю Василю Лукичу Долгорукову:

„Указъ господину послу князю Долгорукову:

„Принять вамъ гардемариновъ (которые посылаются для науки навигаціи во Францію и въ Венецію) по росписямъ, и

* Въ 3й части *Материаловъ для исторіи русскаго флота* (см. *Морск. Сборн.* 1868, кн. 2я, критика и библиографія, на стр. 31) въ отдѣлѣ личнаго состава любопытныя документы о *навигаторахъ* или молодыхъ людяхъ посылаемыхъ учиться *морскому дѣлу* въ Англію и Голландію, а *галерному*—въ Венецію. Посылки эти начались съ 1706, изъ простыхъ породъ, а съ 1708—изъ дворянъ и даже знатныхъ: но какъ между послѣдними были межадающіе, то ихъ, за отказъ, обложали большимъ денежнымъ штрафомъ. Молодежь наша получала тамъ бѣдное содержаніе. Надзиравшій за дворянскими дѣтми, князь Иванъ Борисовичъ Львовъ, жилъ въ Амстердамѣ, и получалъ 1.000 ефимковъ, а священникъ при немъ получалъ 120 ефимковъ, и столько же положено было на переводчика. Но въ 1711 году князь Львовъ писалъ адмиральтейскому комиссару Бѣлаеву, что за эту сумму не только переводчика, но и акакиа продержатъ тамъ трудно. А въ слѣдующемъ году посольникъ нашъ писалъ изъ Лондона князю Львову: „Щася я ублажить Англичанина которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 ф. стерл. запрашиваетъ.“

отправлять ихъ на торговыхъ или лучше на военныхъ корабляхъ въ Голландію, къ послу князю Куракину.

„Въ Коллегахъ, въ 12е октября 1716 года. *Петръ.*“

„Подчерченновъ написано собственною государевою рукою.“

При всѣхъ сихъ распоряженіяхъ случилось обстоятельство разстроившее одну часть распоряженій царя: англійскій адмиралъ, безъ указа своего короля, назначенныхъ учиться мореплаванію въ Англіи гардемаринковъ не принялъ, и потому они оставлены въ нашемъ флотѣ, какъ ниже значитса изъ свѣдѣнія Адмиралтействъ-Коллегіи:

Василій Щепотьевъ и Никифоръ Еремьевъ уже за моремъ бывали: Щепотьевъ въ Англіи 5 мѣсяцевъ, Еремьевъ въ Голландіи 4 мѣсяца; и потому они оставлены въ Русскомъ флотѣ, чтобъ имѣть морскую практику или когда откроется возможность опять отлравить ихъ въ Англію. Иванъ Ржевской оставленъ на кораблѣ *Ингерманландъ*, по прошенію капитана Гослера. Князь Федоръ Волконской, за болѣзнію на смотрѣ не былъ. Василій Измайловъ отданъ на корабль капитану Ивану Сивявину; Василья Вольнскаго его царское величество указалъ положить на деньги (откупился?). Тимофей Усовъ, Петръ Еропкинь и Петръ Колычевъ отдавы Юрь Кологривому для архитектурной науки.

Кромѣ сихъ отвлеченныхъ отъ посылки за границу, еще двое, по письму царя изъ Амстердама къ генералъ-адмиралу графу Ѡ. М. Апраксину, 30го марта 1817 года, были опредѣлены на другое дѣло. Петръ писалъ: „опредѣлили мы здѣсь, въ помощь съ Хрущевымъ, науки экипажному дѣлу, изъ навигаторовъ двухъ молодыхъ ребятъ: Вишнякова да Талызина, о которыхъ извольте опредѣлить, чѣмъ имъ здѣсь питаться и за ученіе мастерамъ платить, і о прочемъ.“

Относительно назначенныхъ государемъ по именной росписи 31 молодыхъ людей къ поѣздкѣ въ Венецію, Адмиралтействъ-Коллегія разъясняетъ что изъ нихъ Алексѣй Костюринъ возвращенъ въ Россію; Алексѣй Пушкинь и Иванъ Безобразовъ переведены во французскій отрядъ, а изъ оного на ихъ мѣсто назначены князь Алексѣй Бѣлосельской и Иванъ Чириковъ; Вишняковъ и Талызинъ, какъ выше видѣно, отдавы въ ученіе архитектурѣ. Затѣмъ Нелюевъ свидѣтельствуеть что Воробьевъ умеръ въ Амстердамѣ; а относительно Алексѣя Костюрина, что онъ по свѣдѣніямъ

Коллеги, за *болѣзнію* возвращенъ изъ Коленгагена въ Россію на эскадрѣ Сиверса, и въ 1719, „бывъ на баталіи въ Балтійскомъ морѣ, при взятіи трехъ шведскихъ кораблей, гардемариномъ, отличился и произведенъ въ мичманы въ корабельный флотъ“. Мы подчеркнули слово за *болѣзнію*, ибо И. И. Неплюевъ въ своемъ дневникѣ намъ разъясняетъ свойство этой болѣзни. Онъ говоритъ что Костюринъ *бѣжалъ въ датскую службу въ солдаты*. Царь Петръ досталъ его изъ датской службы, далъ ему еще возможность отличиться и сдѣлаться полезнымъ членомъ своего отряда. Ниже увидимъ что даже убійство, совершенное однимъ изъ гардемариновъ въ Корфу, не помѣшало виновному достигнуть чрезъ экзаменъ вступленія въ службу на родинѣ и также отличиться. Къ преступленіямъ противъ лица главы государства Петръ былъ неумолимъ, но нравственный кодексъ онъ всецѣло подчинялъ потребностямъ государственной службы.

„Прочіе же, говоритъ членъ Адмиралтействъ-Коллеги, какъ въ Венецію, такъ и во Францію назначенные гардемарины отвезены изъ Коленгагена въ Голландію, на эскадру военныхъ голландскихъ кораблей.“ Неплюевъ говоритъ что при отправленіи ихъ изъ Коленгагена въ Амстердамъ царь повелѣлъ послу своему, князю Василию Лукичу Долгорукову, выдать гардемаринамъ на дорогу, сверхъ прежняго жалованья, по шести ефимковъ, и это дало имъ средства, будучи на голландскихъ корабляхъ, платить за свою пищу, въ недѣлю по 1½ ефимка съ человѣка.

Но не всѣ гардемарины изъ Коленгагена отправились въ Амстердамъ моремъ. Часть отряда, и именно заболѣвшіе при перѣздѣ изъ Россіи въ Данію, получили позволеніе ѣхать въ Голландію сухимъ путемъ. Изъ Коленгагена до Гамбурга ѣхали они такимъ образомъ *на свой коштъ*, въ повозкахъ, за цѣну по 15 рейхсталеровъ съ человѣка, съ условіемъ чтобы за эти деньги и кормить ихъ *одинъ разъ въ день*. Въ Гамбургѣ за квартиру платили по двѣ гривны на сутки съ человѣка. Отъ Гамбурга до Амстердама ѣхали гардемарины также на подводахъ, заплативъ, кромѣ пищи, по двѣнадцати ефимковъ съ человѣка. Въ Амстердамѣ, куда царское величество прибылъ прежде ихъ, государь опредѣлилъ на каждого человѣка кормовыхъ денегъ по червонному на недѣлю; а за квартиру платили каждый въ недѣлю по 20

агтывъ. Здѣсь, въ Амстердамѣ, одинъ изъ ихъ товарищей Воробьевъ Иванъ, умеръ.

Мы встрѣтимся въ этомъ очеркѣ съ горькою жалобой гардемаринъ на безпомощность и крайнюю нужду которыя они испытали въ бытность свою за границей. Не къ этимъ ли жалобамъ отнести нужно подметное письмо одного Русскаго изъ Голландіи, въ коемъ скрышій свое имя, сверхъ сѣтованій на грабительства кievскаго губернатора, на притѣсненія русскому купечеству отъ князя Гагарина и князя Меншикова, на кормы сенаторовъ Петровыхъ и на поощряемый вывозъ изъ Россіи иностранными купцами серебра и золота, жалобщикъ разказываетъ какъ комиссаръ въ Голландіи Львовъ, кромѣ 1.000 сфимковъ жалованья, получая еще 400 рублей на содержаніе священника и секретаря, „сихъ персонъ никогда не имѣлъ и бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ и матросамъ; какъ овъ своею лукавою потачкой избаловалъ многихъ русскихъ господчиковъ приславныхъ сюда за навигацкою наукой; нѣкоторые изъ нихъ уже посакадывали и попродали вещи и деревни, и деньги иждиваютъ въ безчиніи...“ (См. С. М. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 16й, М. 1866, стр. 405.)

Въ рескриптѣ Петра, отправленномъ изъ Амстердама 7го февраля 1717 года въ Венецію, къ бывшему тамъ російскому агенту Петру Беклемашеву, написано слѣдующее:

„Въ прошломъ 1715 году, по указу нашему, велѣно чрезвычайному послу нашему пребывающему при польскомъ дворѣ, князю Григорью Федоровичу Долгорукому, объявить венеціанскому тамъ же обрѣтающемуся послу, г. Дельфину, что изъ нашего російскаго шляхетства нѣкоторые молодые люди желаютъ въ венеціанскомъ флотѣ служить; и могутъ ли оныя въ ихъ службу приняты и употреблены быть въ морскомъ флотѣ въ галерахъ, въ чемъ показано будетъ отъ оной Рѣчи Посполитой (республики Венеціанской) пріятство? И помянутой венеціанской посоль лисалъ о томъ къ своей республикѣ, и получа на то указъ, не токмо словесно, но и письменно, именемъ республики своей, обнадежилъ что тѣ російскіе шляхтичи въ службу ихъ охотно и съ надлежащимъ трактamentомъ (содержаніемъ) приняты будутъ. Того ради нынѣ отсюда изъ російской молодой шляхты, которые учреждены у насъ въ гардемаринѣхъ, отправлено въ Венецію двадцать семь человекъ, и повелѣли мы онымъ быть въ службѣ венеціанской въ морскомъ флотѣ на галерахъ военныхъ, а не на корабляхъ. И тебѣ надлежитъ объ оныхъ князю Венеціанскому (дожу) и Сенату объявить, и домогаться чтобъ оныя

въ ихъ морскую службу приняты, и на ихъ *военныя галереы* употреблены были, безъ потерянiя времени.“

8го февраля 1717 года, окончательно отобранные, изъ тридцати одного, двадцать семь гардемариновъ пустились въ путь изъ Амстердама въ Венецію. На дорогу имъ было выдано по двадцати пяти червонцевъ на человѣка; изъ этихъ денегъ, по прїѣздѣ въ Венецію, осталось у нихъ на каждаго по одному червонному. Нѣсколько прежде, „генваря въ 15е число“, царское величество указалъ выдать гардемаринамъ, тремъ человѣкамъ, а именно: князю Тимоею Щербатову, Алексѣю Пушкину и Ивану Безобразову, на проѣздъ и на пищу до французскаго порта Сень-Мало, по 50 гульденовъ каждому человѣку, противъ ихъ братьи; да имъ же на подъемъ и на квартиры для тамошняго ихъ житья, доколѣ примутся они во французскую службу, по 20 ефимковъ альбертусовыхъ *. Въ реляціяхъ бывшаго въ Венеціи российскаго резидента Петра Беклемишева, отъ 15го и 20го марта, написано что тѣ 27 человѣкъ российскіе шляхтичи въ Венецію прїѣхали, и отъ него агента свѣтлѣйшему князю (дожу) и Сенату представлено о прїѣздѣ оныхъ и о скорѣйшемъ опредѣленіи ихъ въ службу, на что было отвѣтствовано что они оныхъ гардемариновъ пріемлютъ пріятно, и обѣщали ихъ опредѣлить, и отправить во флотъ, на военныя галеры, не улуская времени.

Овъ же, отъ 10го мая, пишетъ что тѣ 27 человѣкъ российскіе шляхтичи въ венеціанскую службу опредѣлены, и на другой день отправятся на кораблѣ въ Корфу; и что овъ, агентъ, получилъ отъ республики о тѣхъ гардемаринахъ указъ, который и отданъ имъ для врученiя генералъ-капитану: въ указѣ этомъ именно означено чтобъ овъ принялъ ихъ какъ скоро они туда придутъ, и распорядилъ бы всѣхъ ихъ по галерамъ.

Отъ 9го іюня увѣдомляетъ что оныя 27 гардемариновъ прибыли благополучно въ Корфу, отъ генералъ-капитана приняты, и опредѣлены на всякую галеру по два человѣка, который, галерный флотъ, вскорѣ пойдетъ изъ Корфу къ островамъ Занту и Цефалоніи.

И Неплюевъ, въ своемъ дневникѣ, говоритъ что на флотъ

* Расходъ казначейныхъ денегъ, Юріа Кологривова тетрадь. См. въ *Сборникѣ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ*, издаііе братьевъ Востраковыхъ, Москва. 1872, т. II, стр. 78.

въ Корфу онъ и товарищи его отправлены были 10го мая, а что на лицу въ пути всѣмъ имъ дано 20 цехиновъ. Съ 1го марта слѣдующаго 1718 года цехину присвоена была цѣнность 31 фунта; и жалованья съ того числа имъ стали давать по 2 цехина безъ фунта, то-есть 61 фунтъ.

Намѣреніе царя дать молодымъ дворянамъ сразу военную практику на морѣ осуществилось. Венеціанская республика съ іюня 1717 по декабрь 1718 года была въ войнѣ съ Турціей; и нашимъ морякамъ, какъ свидѣтельствуеть аттестатъ выданный при отпускѣ русскихъ гардемариновъ съ венеціанской службы, удалось оказать „существенный куражъ въ случаѣ корабельной баталіи венеціанскаго флота съ флотомъ турецкимъ, бывшей 19го іюля 1717 года въ портѣ *Паганія*, въ заливѣ *Елеусъ*, а также при взятіи двухъ фортецъ: *Превезы* и *Воницы*; и еще при осадѣ Венеціанами крѣпости *Дульчиньо*“.

Въ 1718 году, въ нашемъ венеціанскомъ отрядѣ гардемариновъ случились два событія, о которыхъ Адмиралтейская Коллегія, въ свѣдѣніяхъ сообщенныхъ вице-канцлеру по поводу испанскаго запроса 1774 года, упоминала кратко:

Противъ имени *Василій Квашинъ-Самаринъ* отмѣчено: „товарищемъ своимъ, гардемариномъ *Арбузовымъ*, въ Корфу убитъ“.

Противъ имени *Алексѣя Арбузова*: „онъ, какъ отъ товарищей его слышно было, гардемарина *Квашина-Самарина*, въ Корфу, убилъ. За что въ Венеціи содержанъ былъ подъ карауломъ, изъ коего бѣжалъ, выѣхалъ въ Россію, и 1722 года, 8го августа, по экзаменаціи Адмиралтейскъ-Коллегіи, произведенъ въ удеръ-лейтенанты.“

Противъ имени князь *Михаилъ Прозоровской*: „въ венеціанскомъ флотѣ съ прочими служилъ; но въ Аѳонской Горѣ постригшись въ монахи, выѣхалъ въ Россію послѣ ихъ, и служилъ, изъ Невскаго монастыря, во флотѣ іеромонахомъ. О чемъ подлинную можно получить справку въ Синодѣ или въ томъ монастырѣ.“

По свѣдѣніямъ *Неллюева*, 1718 года марта 4го, въ первомъ часу дня (то-есть по восхожденіи солнца), російскій гардемаринъ *Василій Федоровичъ Квашинъ-Самаринъ* найденъ на улицѣ заколотый шпагою. Свято у него только *я: укъ, шпага, шляпа, запонки* и *пряжки* отъ башмаковъ. Изъ произведеннаго мѣстными властями слѣдствія выясни-

дось что въ ночь когда совершилось убійство, Самаринъ въ зеленомъ, а Арбузовъ въ сѣромъ кафтанѣхъ, при шпагахъ, сидѣли въ игорномъ домѣ за особымъ столомъ, и вдвоемъ играли въ карты; а какъ пробило два часа (по захожденіи солнца), то одинъ другому махнувъ рукою, вмѣстѣ вышли.

Въ Венеціи нашелся въ то время „одинъ *русскій человекъ Дмитрій Федоровъ*, находившійся въ венеціанской службѣ въ *парезскомъ полку солдатомъ*“, который показалъ что будучи вмѣстѣ съ Арбузовымъ въ числѣ экипажа на галерѣ *Баттарда*, онъ, Дмитрій, отъ самого Алексѣя Арбузова узналъ что закололъ Самарина онъ. Впрочемъ изъ свидѣнія, произведеннаго самими товарищами, этотъ поступокъ Арбузова выяснился осмотромъ его шпаги, сломанный конецъ которой найденъ въ боку Самарина, и окровавленнаго платя, которое онъ зашивалъ.

Иванъ Ивановичъ Неллюевъ писалъ изъ Венеціи къ матери убитаго объ обстоятельствахъ при коихъ совершилось убійство, и утѣшалъ Наталью Алексѣевну что тѣло ея сына погребено у греческой церкви, въ коей лежатъ мощи сятаго Спиридона Тримифунскаго. Увѣдомлялъ что наличныхъ денегъ послѣ покойнаго не осталось; а что было его скарбу, также кафтанъ и рубашки, то все продано за десять червонныхъ, которые онъ роздалъ на поминовеніе души его, по *греческимъ церквамъ*.

Въ томъ же году января 10го, ушелъ въ Аеонскую Горю, отъ товарищей со случившимся въ Корфу для собиранія милостыни іеромонахомъ Фидилломъ, изъ монастыря Св. Павла, князь Михайло, князь Андреевъ Прозоровскій. Изъ гардемариновъ особенно друженъ былъ Прозоровскій съ Семеновъ Леонтьевичемъ Мордвиновымъ. * Къ сему послѣднему явился чрезъ нѣсколько времени вышедшій изъ турецкаго плѣна, и побывавшій въ той же Аеонской Горѣ *Россійскимъ Яковъ Ивановъ*, который привезъ ему письмо Прозоровскаго, извѣщавшаго друга что онъ постригся въ монастырѣ Св. Павла, и въ инокахъ называется *Серейй*. Въ письмѣ онъ просилъ Мордвинова переслать ему, съ указываемымъ вѣрнымъ человекомъ, на Аеонскую Горю деньги, которыя онъ ожидалъ что вышлетъ ему отецъ его.

* Его въ нашихъ спискахъ не видно.

II.

Отъ 2го декабря 1718 года, резидентъ Беклемишевъ изъ Венеціи писалъ вице-канцлеру что понеже Венеціанская республика съ Турками заключила миръ, а такъ, которые російскіе гардемарины въ службѣ находились нмѣ пребываютъ въ Корфу праздно, чего ради послала республика капитанъ-генералу указъ, чтобъ оныхъ гардемариновъ оттуда отправилъ въ Венецію. А отъ 10го февраля 1719 года, Беклемишевъ доносилъ царю: „Гардемарины, которые были по указу вашего царскаго величества въ здѣшней службѣ, изъ Корфу сюда прибыли; отъ двадцати семи человекъ которые сюда сперва прѣехали, нмѣ всего двадцать три человека, изъ которыхъ еще одинъ въ желѣзахъ и за карауломъ сидитъ, а именно Алексѣй Арбузовъ; сей приличился въ убивствѣ, и привезель подъ арестомъ: и что да поведить ваше царское величество?“

Что собственно на сей разъ повелѣлъ царское величество объ Арбузовѣ, изъ справокъ доставленныхъ вице-канцлеру не видно; но адмиралъ Нагаевъ въ особомъ примѣчаніи разясляетъ: „... Освободясь оттуда бѣгствомъ, странствовалъ за ними въ Испанію; въ Россію съ ними вмѣстѣ возвратиться онъ не осмѣлился, а прибылъ въ С.-Петербургъ послѣ; и по экзаменаціи вице-адмирала *Злаевича*, опредѣленъ Адмиралтействъ-Коллегіи, 8го августа 1722 года произведенъ въ галерной флотъ, въ удеръ-лейтенанты, а въ 1763 году, іюля 5го, въ лейтенанты майорскаго чина.

Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ о судьбахъ нашихъ гардемариновъ яосѣ замиренія Венеціанской республики съ Турціею, доставилъ слѣдующее свидѣніе, почерпнутое изъ статейнаго списка бывшего въ Гаагѣ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ, князя Бориса Ивановича Куракина.

„1718 года, 12го (23го) сентября, по указу царскаго величества, князь Куракинъ, бывъ въ дому гишпанскаго посла *Марка Беретти Лауди*, подалъ промеморію о тѣхъ гардемаринахъ въ такой силѣ что его царское величество указалъ ему его, посла, просить чтобъ онъ далъ знать своему королю о находящихся въ венеціанскомъ флотѣ російскихъ гардемаринахъ. Что понеже Венеціанская республика войны больше

не имѣть, то его царскому величеству пріятно будетъ когда его католическое величество тѣхъ гардемариновъ приметъ въ свою службу во флотѣ, и опредѣлитъ на свои галеры. На что того года, 27го октября (7го ноября), въ Гаагѣ посоль гшпанской Беретти Лауди, бывъ въ домѣ российскаго министра князя Бориса Ивановича Куракина, сообщилъ экстрактъ изъ письма кардинала Алберони, который объявляетъ именемъ своего короля что онъ охотно тѣхъ гардемариновъ въ свою службу приметъ, имѣя желаніе продолжать всегда съ его царскимъ величествомъ добрую дружбу и корреспонденцію; а въ заключеніе, изъясняется такъ: „надлежитъ тѣмъ гардемаринамъ дать знать чтобъ ѣхали они прямо въ Кадиксъ, гдѣ находится главный корпусъ сего почтеннаго и отличнаго войска. И какъ они туда пріѣдутъ, то будутъ тамъ пользоваться отъѣнною королевскою милостію.“

Вслѣдствіе сего изъ Гааги, 29го октября (9го ноября) 1718 года, писано рекомендательное письмо отъ князя Куракина къ губернатору города Кадикса.

Въ другомъ статейномъ спискѣ 1719 года (мѣсяцъ и число не означены) найдена объ оныхъ гардемаринахъ слѣдующая записка:

„Таковая роспись прислана отъ агента Беклемешева гардемаринамъ, которые, по указу его царскаго величества, отправлены изъ Венеціи въ Гшпанію, и адресованы къ губернатору въ Кадиксъ, Si Chiama Don Tomazo i Diaguez, которая при семъ списана: 1) Иванъ Кукаринъ, 2) Василій Татщевъ, 3) Семень Дубровской, 4) Петръ Пороховъ, 5) Артемій Толбугинъ, 6) Василій Филисовъ, 7) Иванъ Анничковъ, 8) Алексѣй Бѣлосельской, 9) Петръ Зиновьевъ, 10) Ефимъ Цымермановъ, 11) Степанъ Коновницынъ, 12) Петръ Кашкинъ, 13) Тимошей Щербатой, 14) Иванъ Обрютинъ. 15) Степанъ Шилиловъ, 16) Иванъ Зиновьевъ, 17) Иванъ Неллюевъ, 18) Иванъ Алексѣевъ, 19) Андрей Сухотинъ, 20) Иванъ Кайсаровъ, 21) Яковъ Рославлевъ, 22) Иванъ Чириковъ, (23 Алексѣй Арбузовъ въ этомъ спискѣ уже не показанъ.) А какъ означенные гардемаринны пріѣхали въ Гшпанію и которое время выѣхали оттуда обратно въ Россію, о томъ извѣстія никакаго нѣтъ.“

Противъ этого свидѣнія, адмиралъ Нагаевъ даетъ примѣчаніе о прочихъ, назначавшихся въ венеціанскій отрядъ: Алексѣй Пушкинъ и Иванъ Безобразовъ посланы во Францію; Воробьевъ—по дѣламъ не отысканъ; мы знаемъ отъ Неллюева что онъ умеръ въ Амстердамѣ; Василій Квашинъ—

Самаринъ — убитъ въ Корфу; Алексѣй Арбузовъ—убійца; князь Михаилъ Прозоровскій—ушелъ на Афонъ; Василій Самаринъ—на галерахъ въ Корфу умеръ; * Иванъ Марковъ — что съ нимъ случилось, неизвѣстно; Вишняковъ и Талызинъ— въ Амстердамѣ остались изучать экипажное дѣло.

1719 года, февраля 21го, двинулись наши моряки изъ Корфу, чтобы чрезъ Венецію, изъ службы республикъ, перекочевать въ службу испанскому королю Филиппу V, начинавшему въ то время изъ-за кардинала Альберони войну противу соединенныхъ флотовъ Франціи и Англіи.

Въ Венеціи гардемарины должны были выдержать карантинъ, при чемъ Беклемушевъ переслалъ имъ въ самовужившіе расходы денегъ всего 59 цехиновъ, что по русскому счету составляло по двѣ гривны на человѣка. За пищу ихъ въ локандѣ dei Re Corona заплатилъ агентъ Левъ Сѣменниковъ, за все время пребыванія ихъ въ карантинѣ, русскимъ счетомъ по 10 алтынъ и 10 денегъ за человѣка. Тутъ же, предъ отправленіемъ въ Испанію, агентъ нашъ строилъ имъ мундирную одежду: кафтаны темносѣрые, обшлага и отвороты красные; камзолы красные; штаны и шляпы сѣрые. На одежду вышло для каждаго денегъ по 21 ефимку за человѣка. Въ деньгахъ этихъ отъ гардемаринъ отбирались росписки съ обязательствомъ уплатить по нимъ изъ домовъ своихъ. Для считавшихся богатѣйшими противу товарищей, Татищева, Коновницына, Дубровскаго и Щербатова, агентъ мундирнаго платья не заказывалъ. На проѣздъ отъ Венеціи до Кадикса агентъ выдалъ по 30 ефимковъ каждому **.

* Самаринъ былъ одинъ; помѣщеніе его въ примѣчаніи вторично есть, очевидно, ошибка.

** О цѣнѣ ефимка имѣемъ свидѣнія изъ позднѣйшихъ отчетовъ Иностранной Коллегіи императрицѣ Екатерицѣ II, 1772 года.

Въ 1721 году ефимокъ стоилъ нашихъ 80 копѣекъ; послѣ 1725 а до 1733 года цѣнность его считалась не меньше здѣшняго (русскаго) рубля, а иногда и больше. Въ 1733 году иностранные министры жаловались вице-канцлеру на потерю которую они имѣютъ отъ разницы въ курсѣ ефимка, и тогда имѣвшимся указомъ было повелѣно „недостающій противъ ефимка вексельный курсъ оплачивать изъ казны, съ тѣмъ что ежели бы когда оный случился выше 50 штиверовъ за рубль, тогда излишекъ противу 50 штиверовъ оставлять въ казнѣ“. Но приходилось не оставлять, а добавлять: и оная по вексельнымъ курсамъ добавка, въ содержаніи министровъ при чужестранныхъ дворахъ, съ канцелярскими принадлежностями, простиралась отъ 20ти до 30ти тысячъ рублей въ годъ.

Подробности переезда отъ Венеціи до Кадикса, большею частью сухимъ путемъ, желающіе могутъ прочесть въ дневникъ И. И. Неплюева. Мы прослѣдимъ только за ними по пути изъ слѣдованія, чтобы видѣть когда и гдѣ они были, и съ кѣмъ изъ русскихъ людей они на этомъ пути встрѣтились. Черезъ Феррару, Болонью, Флоренцію, Ливорно, Геную, Монакко, Виллафранку и Ниццу, прибыли они 12го мая въ Тулонъ. Осматривая всюду и записывая встрѣченныя достопримѣчательности, И. И. Неплюевъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ встрѣчу во Флоренціи съ Россіянами „Иваномъ да Романомъ Никитиными съ товарищи“, которые проживали тамъ „обучалъсь живописному искусству“.

13го мая, въ Тулонѣ, явились они къ губернатору и тамъ нашли земляковъ, семь русскихъ гардемаринъ, изъ тѣхъ которые посланы были въ одно время съ ними во Францію изучать навигаторскую науку. То были Андрей Ивановичъ Поляскій, Михаилъ Андреевичъ и Воинъ Яковлевичъ Римскіе-Корсаковы, Александръ Гавриловичъ Жеребцовъ и князя: Александръ Дмитриевичъ Волконской, Борисъ Семеновичъ Борятинскій и Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ. Ни Алексѣя Пушкина, ни Ивана Безобразова между ними уже не видимъ. Не находились ли они въ третьемъ отрядѣ въ Брестѣ? Служебныя свѣдѣнія касаются лишь гардемаринъ въ Венеціи и Кадиксѣ; а Неплюевъ говоритъ лишь о видѣнныхъ имъ въ Тулонѣ.

„Учатся они въ академіяхъ съ французскими гардемаринами, которыхъ въ той академіи 120 человекъ: навигаціи, инженерству, артилеріи; рисовать, мачталовъ, какъ корабли строятся; боцманству, то-есть оснащать корабли; артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить. Въ школу ходятъ дважды въ день, и учатъ ихъ всему безденежно королевскіе мастера; а жалованья отъ королевскаго величества дается имъ на мѣсяць по 3 ефимка. А ежели кто согрѣшитъ (то-есть провинится), въ штрафъ сажаютъ въ тюрьму, по разсмотрѣнію вины: за Сольшую вину на полгода на одинъ хлѣбъ и воду, и никого въ тюрьму не пускаютъ....“ *

* Видно что и во Франціи русскимъ гардемаринамъ отпускаемого на нихъ содержанія не доставало. Въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ есть два дѣла: 1) 1728 юна 11го, о взысканіи долговъ взысканныхъ посаженными во Францію

Выѣхавъ изъ Тулона 14го мая, въ Марсельъ были они 15го. Въ Аликанту пришли 1го іюня, проѣхали въ виду замка Ра-кето 24го, Малаги 28го, Рондо 2го іюля, Борно 3го, Хересь-дела-Фроктера 4го и въ Кадиксъ прибыли они 5го іюля.

Слѣшкомъ мѣсяць пробыли наши гардемарины въ Кадиксъ безъ дѣла, напрасно ходатайствуя чтобы ихъ послали на военныя галеры, въ чемъ и состояла опредѣленная цѣль ихъ посланки въ Испанію. Но это имъ не удалось. 15го августа они были помѣщены въ Морской Корпусъ, незадолго предъ тѣмъ основанный королемъ Филиппомъ V, по плану кардинала Альберони.

Вотъ какъ Неплюевъ описываетъ свое и товарищей житье-бытье въ Кадиксъ:

„Съ пріѣздомъ Русскихъ, въ ротѣ было гардемариновъ 240 человекъ, изъ коихъ находилось въ послыжкѣ: въ Сициліи на корабляхъ 60, и на корабляхъ въ Америкѣ 18 человекъ. Мундиры на испанскихъ гардемаринахъ были королевскіе: кафтаны васильковые, обшлага красныя, пуговицы и петли золотомъ обшиты, камзолы и чулки красныя, штаны васильковые; и тѣмъ которые на корабляхъ служатъ, даются еще суртуки васильковые простые.“

Какъ видимъ, живописная одежда испанскихъ гардемариновъ далеко оставалась за собою сѣренькую нашихъ моряковъ, которые еще и верхней одежды, для защиты отъ непогоды, никакой не имѣли.

„Ежели гардемаринъ занеможетъ, то содержимъ бываетъ въ госпиталѣ какъ лѣкарствомъ, такъ и пищею, и прочимъ во всемъ: изъ жалованья его вычитаютъ по пяти лець, а прочіе отдаютъ ему. А ежели котораго отпустить на время домой, то жалованья, за время отлука, не вычитаютъ. Гардемаринъ

для науки гардемаринамъ: княземъ Борятинскимъ, Дубровскимъ, Жеребцовымъ и Полявскимъ. 2) 1725 годъ мая 6го, по письму французскаго министра Морепѣ къ французскому въ Россіи послу Кампредону о заплатѣ догоговъ умершихъ въ Тулонѣ и Брестѣ російскихъ гардемариновъ: князя Борятинскаго и Ивана Дубровскаго.

Находившійся во Франціи при гардемаринахъ капитанъ Калонъ Накитинъ Зотовъ писалъ въ 1717 году къ кабинетска-секретарю Адмиралтействъ-Коллегіи Макарову о безпорядкахъ и буйствахъ которые дѣлаютъ тамъ наша молодежь, и заключающъ тѣмъ что „ладобны къ намъ комечъ: русскіе дядьки, и чтобы сродники къ нимъ приемыши демеръ: ради дядька будутъ смиро жить, а ради демеръ по миру не будутъ ходить...“ (*Морск. Сборн.* 1868, отдѣлъ критики и биографіи, ст. 31).

намъ жениться отнюдь не дозволялось, пока не выйдутъ въ офицеры. Квартыры, ни гардемаринамъ, ни офицерамъ не давалось: всякой нанималъ за свои деньги изъ жалованья. А жалованья на мѣсяць было назначено: по 2 добла, 2 пецы, 5 реалей де плата и 5 квартъ, что по-русски составляло 10 ефимковъ; и мундиръ имъ не опредѣленъ.

„По ордеру королевскому, всякой гардемаринъ долженъ быть во второмъ часу ночи (то-есть по захожденіи солнца) на своей квартирѣ, и никуда не отлучаться, за чѣмъ досматриваютъ бригадиры, обходя квартиры. Ежели который гардемаринъ провинится, то наказываютъ: первый разъ — арестъ на квартирѣ; второй — сажаютъ въ камору и замыкаютъ; третій — по великой винѣ, сажаютъ въ тюрьму, и вѣсть, кромѣ хлѣба и воды, не даютъ.

„Ученіе производилось такъ: поутру соберутся всѣ въ церковь въ указанный часъ, и съ ними очередной бригадиръ — къ обѣднѣ; потомъ въ академіи учатся математикѣ, всѣ, два часа. Послѣ обѣда, сходятся во второй разъ въ 3 часа полудни, и три кварты учатся артиллерійскому искусству, двѣ кварты солдатскому артикулу, одна — на шлагахъ биться и одна жь учатся танцовать.

„Въ августѣ (старого стила) расписали насъ на кварты; и какъ гишпанскіе, такъ и наши гардемарины ходили въ академію всегда, кромѣ того что мы къ обѣднѣ не ходили. Съ ними вмѣстѣ учились солдатскому артикулу, танцовать, и на шлагахъ биться; а къ математикѣ хотя и приходили, но сидѣли безъ дѣла, ибо не знали языка.

„Сколько ни просидѣли на дѣйствительную службу, на галеры, но имъ отвѣчали что его королевское величество содержитъ только шесть галеръ, да и тѣ въ Сициліи. Жалованья королевскаго имъ на руки не давали, а платили за нихъ:

„За пищу и за квартиру въ мѣсяць, отъ чего они имѣли необходимую пищу, а пили только воду. 2 добла.

„За мытье рубашекъ и прочаго, перемѣная по три рубашки въ недѣлю. $\frac{1}{2}$ пецы.

„По парѣ башмаковъ. 9 реаловъ де плата.

„Базбиру, который брилъ имъ бороду два раза въ недѣлю, а паруки намъ пудрилъ три раза въ недѣлю. 4 реала.

„Оставалось отъ мѣсяца по 4 реала и 5 квартъ; и тѣ платили, за гардемариновъ, портному за починку верхняго платья, или кто что возьметъ новое въ счетъ жалованья.“

Обходились наши гардемарины и въ венеціанской службѣ безъ теоріи наукъ: но тамъ они были заняты дѣйствительною службою, и, какъ мы видѣли, боевою жизнію; да, кромѣ того, окружены и въ службѣ и въ жизни людьми говорящими

славянскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь же, безъ средствъ къ развлеченію, безъ знанія языка, вынужденные высидывать классы математики, не понимая ничего изъ преподаваемого, раскиданные по квартирамъ, безъ права сходиться между собою иначе какъ въ академіи; люди боеваго дѣла, они должны были тратить тѣлесныя силы на фехтованье и на смѣшныя для степенныхъ русскихъ военныхъ людей прыжки въ урокахъ танцевъ. Одинъ изъ нихъ не выдержалъ: „Иванъ Анничковъ сошелъ съ ума, и содержался въ крѣпости, ибо дѣлалъ всякіе непорядки, и говорилъ вздоръ“. Пріѣздъ ихъ въ Кадиксъ ознаменовался печальнымъ событіемъ. Заболѣлъ князь Алексѣй Бѣлосельскій, и 24го (13го) августа, на чужбинѣ отдалъ Богу душу. У его кровати писали наши горемыки горькую, слезную просьбу.

По справкѣ съ дѣлами Адмиралтейской Коллегіи оказалось: прислано изъ Кадикса отъ 10го августа 1719 года генераль-адмиралу и кавалеру графу Апраксину письмо отъ нижелипсаныхъ гардемаринъ: Толбугина, Алексѣева, Абрютина, Сухотина, Кововаицына, Нелюева, Зиновьева Петра, Щербатова, Анничкова, Филісова, Дубровскаго, Цимерманова, Татищева, Чирикова, Камкина, Кайсарова, Зиновьева Ивана, Букарина, Шилилова и Алексѣя Бѣлосельскаго. Вотъ содержаніе его:

„По именному его царскаго величества указу, служили мы одну кампанію въ 1716 году во флотѣ его величества на корабляхъ гардемаринами, и того же 1716 года, по окончаніи кампаніи, на смотру его величества, изъ Коллегалена посланы мы въ службу Венеціанской республици на галеры, и возсѣвдуя его величества указу, служили мы въ венеціанскомъ флотѣ на галерахъ двѣ кампаніи, а его царскаго величества денежнаго жалованья намъ не было; а отъ Венеціанской республици давались намъ жалованья во время кампаніи по одному червонному на мѣсяць, а во время зимовыхъ квартиръ по два червонныхъ, чего намъ и на лицу не доставало, и были въ великой скудости. А во время оныхъ кампаній были мы на баталіи случившейся съ турецкимъ флотомъ; также и при взятіи и нѣкоторыхъ городовъ, и въ наукѣ, практикѣ галерной: о чемъ имѣемъ отъ ихъ адмирала аттестаты. А нынѣшняго 1719 года, по именному жъ его царскаго величества указу, господинъ агентъ Пётръ Ивановичъ Беклемишевъ взялъ насъ изъ Венеціанской службы, и отправилъ насъ въ Гиспанію, въ службу на галеры, въ городъ Кадиксъ, при письмѣ его величества, князя Бориса Ивановича Куркина къ губернатору доль-Томазо и Диакезъ. И прошедшаго

юля 5го числа прибыли мы въ городъ Кадиксъ 22 человекъ, а письмо его высочества оному губернатору вручили; и оны писалъ объ насъ до королевскаго величества, и его королевское величество повелѣлъ насъ опредѣлить въ академію, и содержать тамъ какъ своихъ гардемариковъ, и жалованье намъ противъ оныхъ, по двѣ долби съ половиною на мѣсяцъ, а мундиру намъ не опредѣлено. И нынѣ мы подрадили себѣ квартиры, и содержимся однимъ хлѣбомъ и водою, и за тѣмъ не остается ничего чѣмъ бы содержать рубашки, башмаки и прочія нужды. И во академіи мы учимся солдатскому артикуду, и танцовать, и на шпагахъ биться, а математикѣ намъ учиться не возможно, для того что мы языку ихъ не знаемъ. Мы же всѣ во взрослыхъ лѣтѣхъ, о чемъ и его царское величество извѣстень. И желаемъ быть въ службѣ. А здѣсь мы у командора своего просили многожды чтобы насъ послать на галеры и оной нашъ командоръ сказалъ что „его королевское величество содержитъ только шесть галлеръ и тѣ въ Сициліи и опредѣлить де васъ кромѣ академіи некуда, понеже тѣ галеры стоять залпты въ портѣ отъ непріятеля, и не токмо де галеры, но и корабли мало ходять, и на галерахъ ихъ гардемариновъ вѣтъ.“ Мы жь многократно просили чтобы намъ прибавили жалованья. И оной командоръ намъ сказалъ что больше того намъ жалованья не прибавятъ, и ко двору королевскаго величества писать позволенія намъ не далъ, а сказалъ намъ чтобы мы о всѣхъ своихъ нуждахъ просили у царскаго величества. И онымъ жалованьемъ намъ содержаться невозможно, потому что мы другаго мѣста на все такой дороговизны не видали: о чемъ ваше сіятельство извольте освѣдомиться помимо насъ. А гишпанскіе гардемаринны содержатся не жалованьемъ, но больше прилагаютъ отъ домовъ своихъ. А мы дворяне не богатые, отъ домовъ своихъ не только векселей, но и писемъ не получаемъ. И въ венеціанской службѣ были мы въ крайнемъ убожествѣ, ежели бы житья тамъ нашего продолжилось, могли бы отъ скудости пропасть; а нынѣ приключилась и здѣсь великая нужда, ничѣмъ не меньше прежней: первое, что голодны, второе, что имѣемъ по одному кафтану, а рубашекъ и протчаго вѣтъ.

„Всеelokорно и слезно молимъ вашего сіятельства, умолюсердись, государь, надъ нами, чтобы намъ не пропасть безвремени. Соизволь доложить его царскому величеству чтобы намъ быть въ службѣ, а не въ академіи, и опредѣлялъ бы его царское величество жалованьемъ чѣмъ бы можно намъ содержаться. Ежели мы будемъ многое число (время?) въ академіи, то практику морскую, которую мы привяли, можемъ забыть (а вновь ничего не присовокупимъ: *понеже танцованіе и шпажное ученіе ко интересу его царскаго величества намъ не въ пользу*). Ежели къ намъ вашего сіятельства милосердія не явится, истинно, государь, можемъ отъ скудости пропасть. Умолюстивись государь, надъ нами, понеже кромѣ вашего сіятельства помощи себѣ получить не можемъ.“

Не скоро, по тогдашнимъ путямъ и способамъ сообщеній, достигло своего назначенія это слезное моленіе бѣдныхъ русскихъ „робать“. Лишь въ ноябрѣ 17го числа, генералъ-адмиралъ и кавалеръ, и Адмиралтейстаъ-Коллегіи президентъ, графъ Адрасинъ, заслушивалъ въ собраніи прочихъ членовъ востоящее письмо. И Коллегією опредѣлено:

„По именному его царскаго величества указу, гардемаринамъ (слѣдуютъ имена) итого двадцати челобитчикамъ, которые были посланы въ Венецію и во Францію, а нынѣ оные обрѣтаются въ Гишпаніи, выдать его, великаго государя, жалованье на пропитаніе ихъ и на выѣздъ въ Голландію по 50 ефимковъ на каждого человѣка. И оныя деньги перевести на вексель чрезъ резидента Христофора Бранта, съ такимъ *контрактомъ* чтобъ оныя гардемариновъ, какъ возможность допустить, вывезъ въ Голландію и отправилъ въ Россію. И о томъ, по оному резиденту Бранту писать (и того жъ ноября 19го дня, съ приобщеніемъ тѣмъ гардемаринамъ рече-стра, написано).“

Только 28го февраля 1720 года, послѣ четырехлѣтняго странствія по чужимъ морямъ и въ службѣ чужимъ государствамъ, „допущена возможность“ русскимъ дворянамъ-морякамъ выѣхать изъ Кадикса, чтобы слѣдовать на родину чрезъ Голландію.

„Когда же они изъ Голландіи въ Россію отправились, такъ заканчивается сообщеніе адмирала Ногаева вице-канцлеру: того хотя по дѣламъ Адмиралтейской Коллегіи не отыска-но, но по дѣланно извѣстію что въ С.-Петербурѣ прибыли въ томъ же 1720 году, потому что въ томъ же году іюля 1го числа пожалованы оны въ галерной флотъ въ морскіе офицеры: Кукаринъ, Неплюевъ и Алексѣевъ въ лейтенанты; Циммермановъ и Анчиковъ остались тѣми же гардемаринами въ галерномъ флотѣ, остальные пожалованы въ тотъ же галерной флотъ ундеръ-лейтенантами.

„А до какихъ чиновъ кто, когда, изъ нихъ, служба потомъ въ російскомъ галерномъ флотѣ и въ другихъ должностяхъ, дослужились, тому при семъ, по справкамъ изъ дѣлъ Адмиралтейс-Коллегіи, сообщается вѣдомость.

„1) *Иванъ Ивановичъ Неплюевъ*. Въ 721 году морскимъ лейтенантомъ посланъ былъ ко двору султана Турскаго, въ характерѣ резидента. Въ 730, декабря 2го, пожалованъ въ контръ-адмирала, въ 736 генваря 28го, въ штатскую службу тайнымъ совѣтникомъ, въ 741, въ Малороссію главнымъ командиромъ. Въ 744, въ Оренбургъ въ губернаторы. Въ 752, ноября 25го, въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 760, въ

сенаторы. Въ 763, отъ службы отставленъ и имѣлъ ордены Св. Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго.

„2) *Иванъ Павловъ Зиновьевъ*, 768, декабря 19го, отъ службы отставленъ вице-адмираломъ. 773 апрѣля 1го умре.

„3) *Артемій Ильинъ Толбугинъ*, 750, апрѣля 17го, пожалованъ въ контръ-адмиралы. Въ томъ же году ноября 8го умре.

„4) *Иванъ Ивановъ Кайсаровъ*, 753, отосланъ къ отставкѣ въ Сенатъ.

„5) *Иванъ Ивановъ Сбрутинъ*, 757 мая 5го, въ капитанъ-командоры бригадирскаго ранга. 763 августа 18го умре.

„6) *Семенъ Леонтьевъ Дубровской*, 746, лейтенантомъ (по штату 1733 года въ рангъ мазорскомъ), апрѣля 16го умре.

„7) *Петръ Павловъ Зиновьевъ*, 740, въ томъ же рангѣ, въ Двѣлрской экспедициі умре.

„8) *Иванъ Антоновъ Алексеевъ*, 723 посланъ во Францію въ городъ Бурдо консулемъ, гдѣ былъ по 727 годъ, а въ 737 марта 29, опредѣленъ въ Коммерцъ-Коллегию ассессоромъ.

„9) *Петръ Астафьевъ Порхлевъ*, 739 апрѣля 24го, въ Двѣлрской экспедициі умре.

„10) *Иванъ Ивановъ Чуриковъ*, 739 февраля 20го, въ бригадирскомъ рангѣ, за вины, лишень всѣхъ чиновъ и посланъ въ Оренбургъ.

„Изъ остальныхъ: 11) *Иванъ Максимовъ Кукаревъ*, 12) князь Тимофей Щербатовъ, 13) *Василій Ивановъ Татищевъ*, 14) *Степанъ Петровъ Шипиловъ*, 15) *Василій Якимовъ Филисовъ*, 16) *Андрей Филатьевъ Сухотинъ*, 17) *Степанъ Богдановъ Коновницынъ*, 18) *Яковъ Ѳомианъ Рославлевъ*, 19) *Иванъ Ивановъ Аничковъ*, отставлены (то-есть уволены) отъ службы, или умерли въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. 20) *Ефимъ Ивановъ Пилмермановъ*, въ поручичьемъ чинѣ, въ Двѣлрской экспедициі, умре.“

Остается отъ современныхъ путешественниковъ по Европѣ услышать: имѣются ли въ испанскомъ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ въ Кадиксѣ (если оный еще существуетъ) портреты нашихъ русскихъ тамъ воспитанниковъ прошедшаго столѣтія, дослужившихся на отечественной службѣ до штабъ-офицерскихъ чиновъ?

А. РАЧИНСКІЙ.

ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПРУССІИ*

РОМАНЪ ГАКЛЕНДЕРА

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I. Прусская казарма.

Маленькій, худенькій бомбардиръ Шварцъ, служившій также въ четвертой конной батарее, нерѣдко говорилъ своимъ товарищамъ: „Берегитесь, господа, послѣдній бомбардиръ сумѣетъ стать первымъ. Онъ справится со всеми, даже съ самимъ Мандерфельдомъ.“ Самъ унтеръ-офицеръ Венкегеймъ неоднократно удивлялся необыкновеннымъ успѣхамъ молодаго человѣка.

— Увѣряю васъ, господа, говорилъ онъ прочимъ бомбардирамъ, — въ этомъ Фрейбергѣ сидитъ самъ чортъ. Если онъ будетъ такъ продолжать, онъ перегонитъ васъ всѣхъ, особенно же васъ, бомбардиръ Вибертъ. Сколько васъ ни учи, вы все-таки всите на лошади, какъ мѣшокъ на ослѣ.

— Правда, правда! засмѣялся въ отвѣтъ маленький Шварцъ, не обращая никакого вниманія на грозные взгляды Виберта.

Вибертъ былъ длинный, неуклюжій молодой человѣкъ. Онъ поступилъ волонтеромъ въ четвертую конную батарею,

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 8, 9 и 10.

намѣреваясь щеголять своими блестящими шпорами и саблею. Онъ посѣщалъ, когда-то, университетъ, но долженъ былъ оставить его, такъ какъ проводилъ большую часть дня въ квартирѣ и на улицѣ. Онъ любилъ, впрочемъ, хвастаться тѣмъ что посѣщалъ университетъ, что отлично умѣть фехтовать, и пользовался, вслѣдствіе этого, извѣстнымъ авторитетомъ среди своихъ товарищей. Впрочемъ, товарищи не любили его. Онъ былъ заносчивъ, дерзокъ и, несмотря на свое хвастовство, трусливъ какъ заяцъ. Вызововъ онъ никогда не принималъ, опираясь на строгія правила казарменной жизни.

Вибертъ былъ въ постоянномъ разладѣ съ Фрейбергомъ.

— Увѣряю васъ, господа, нерѣдко говорилъ онъ, — этотъ бомбардиръ Фрейбертъ продувной малый. Онъ лжець, трусъ и нисколько не заслуживаетъ той славы храбреца и героя которая идетъ объ немъ. Съ хитеръ и знаетъ съ кѣмъ теперь имѣеть дѣло. Мы не школьняки. Я не вѣрю ему и право не понимаю за что сдѣлали его какимъ-то героемъ. Онъ этого вовсе не заслуживаетъ. Онъ самый обыкновенный человекъ. Это только доказываетъ какъ неразвиты и ничтожны эти воспитанники Бригадной Школы, которые изъ мухи дѣлаютъ слона. Они храбры на словахъ, а встрѣтясь съ ними настоящій человекъ, такъ они готовы спрятаться за печку. Все слова, одни слова!

Вибертъ обвелъ вокругъ какимъ-то самодовольнымъ, торжествующимъ взглядомъ. Онъ, казалось, хотѣлъ показать всю разницу между нимъ и воспитанниками Бригадной Школы. Волоса и усы у него были рыжіе; глаза сѣрые, хитрые. Онъ былъ крайне неряшливъ. На службѣ онъ былъ также не точенъ, лѣнивъ. А между тѣмъ изящный, изысканный капитанъ фонъ-Мандерфельдъ любилъ его и все ему прощалъ. Нѣкоторые говорили что фонъ-Мандерфельдъ любилъ его именно за эту неопрятность, за отсутствіе всего изящнаго, всего того чѣмъ такъ богато былъ одаренъ самъ; но другіе, болѣе наблюдательные и смѣлые, утверждали что Вибертъ служилъ у капитана фонъ-Мандерфельда шлюномъ. Говорили что Вибертъ передавалъ ему обо всемъ что дѣлалось и говорилось въ батареѣ и особенно передавалъ слова перваго поручика. Всѣ знали что между капитаномъ фонъ-Мандерфельдомъ и первымъ поручикомъ была постоянная вражда, что капитанъ ненавидѣлъ его, а поручикъ, въ свою очередь, нисколько не стѣснялся говоря о своемъ

начальникъ. Капитанъ фонъ-Мандерфельдъ хорошо понималъ за что и какимъ образомъ его сдѣлали начальникомъ такой прекрасной части, какъ четвертая конная батарея. Онъ зналъ также какъ къ нему относились его начальники, зналъ что на него смотрѣли какъ на нѣкоторое блестящее и неизбѣжное украшеніе батареи.

Вечеромъ молодые люди сидѣли всѣ вмѣстѣ въ своей комнатѣ. Бомбардиръ Вибертъ, разсерженный тѣмъ что первый поручикъ называлъ его лѣнтяемъ и вреднымъ человекомъ, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и постоянно старался уколоть кого-нибудь изъ присутствовавшихъ своими дерзкими, злыми насмѣшками.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ въ гнѣвѣ:—хотѣлъ бы я знать, за что прозвалъ меня этотъ кривоногій „вреднымъ человекомъ“? Онъ говоритъ что я гожусь скорѣе въ цейгаузъ, нежели въ эту прекрасную батарею. Нечего сказать, прекрасный комплиментъ. Но я знаю себѣ цѣну: меня до сихъ поръ всѣ считали дѣльнымъ и храбрымъ человекомъ. Попробуй-ка кто-нибудь усомниться въ этомъ: я покажу съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Вибертъ при этихъ словахъ послѣдно подошелъ къ своему шкалу и сильно толкнулъ Эриха, который сидѣлъ на скамьѣ и читалъ. Эрихъ приподнял въ удивленіи голову, взглянулъ вопросительно на Виберта и затѣмъ опять продолжалъ свое чтеніе.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ длинный бомбардиръ вынуть изъ шкала большой кусокъ чернаго хлѣба и колбасы,—во всякомъ случаѣ лучше быть вреднымъ человекомъ, нежели совсѣмъ не быть человекомъ. Терпѣть не могу безхарактерныхъ людей! Люди которые постоянно заискиваютъ у своихъ начальниковъ, льстятъ имъ, эти люди ничтожны, отвратительны, будь они первые или послѣдніе. Убирайтесь-ка вонъ отсюда,—обратился онъ къ сосѣду Эриха, молодому и худощавому бомбардиру,—развѣ вы не знаете что это мое мѣсто!

Молодой бомбардиръ Вейтбергъ послѣдно оставилъ свое мѣсто и сѣлъ къ другому концу стола. Бомбардиръ Шварцъ замѣтилъ это, весело засмѣялся и сказалъ:

— Значить, Вибертъ, вы остаетесь сегодня съ нами? Вотъ счастье. А я, признаться, думалъ что вы будете ужинать съ какою-нибудь графиней.... Что же ваша графиня?

— Помолчите-ка лучше, отвѣтилъ разсерженный Вибертъ.— Толкуете о чемъ и лоятія-то не имѣете.

— Ошибаетесь, я кое-что знаю. Я знаю между прочимъ одну очень добрую и честную женщину, она прачка и имѣетъ прелестную дочку.... Если не ошибаюсь, вы ее также знаете немного.

Бомбардиры сидѣвшіе за столомъ громко засмѣялись. Всѣ вспомнили тотъ вечеръ когда бомбардиръ Вибертъ вернулся домой весь мокрый, облитый мыльною водою.

Смѣхъ товарищей окончательно взбѣсилъ дивнаго бомбардира. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ что его вліяніе и авторитетъ надъ остальными бомбардирами ослабѣвали, что они начинали ставить его ни во что. Вибертъ зналъ что эта перемѣна началась съ появленія Эриха, на котораго товарищи смотрѣли какъ на свою защиту и покровителя. Но Вибертъ былъ не такой человѣкъ чтобы легко уступить свое первенство. Онъ рѣшился побѣдить и уничтожить Эриха во что бы то ни стало. Онъ быстро подошелъ къ маленькому, живому Шварцу и устремивъ на него строгій, пристальный взглядъ вскричалъ:

— Послушайте-ка, голубчикъ, совѣтую вамъ впередъ быть осторожнѣе въ своихъ словахъ, не то вамъ плохо придется. Я научу васъ быть умнѣе, несмотря на всѣхъ вашихъ друзей!

При послѣднихъ словахъ Вибертъ оглянулся въ ту сторону гдѣ сидѣлъ Эрихъ и сдѣлалъ рукой угрожающій жестъ.

— Ну такъ выслушайте же и вы меня въ свою очередь, отвѣтилъ побѣдившій отъ волненія Шварцъ,—а не боюсь васъ! Слышите? не боюсь и всегда сумѣю отплатить вамъ тою же монетою. Дерзкій, ничтожный человѣкъ!

Вибертъ, не обращавшій вначалѣ никакого вниманія на рѣчь маленькаго Шварца, при послѣднихъ словахъ страшнѣе поблѣднѣлъ, задрожалъ и бросился на него какъ бѣшеный. Онъ принялся его трясти съ такою силой что столъ за которымъ воѣ сидѣли задрожалъ и жидкій кофе, стоявшій предъ бомбардиромъ Вейтбергомъ, разлился по столу и замочилъ книгу Эриха.

Эрихъ вытеръ книгу и громкимъ, спокойнымъ голосомъ просилъ чтобы его оставили въ покоѣ.

Ссора эта можетъ-быть и не кончилась бы такъ благополучно, есибы въ нее не вмѣшался унтеръ-офицеръ Вангеймъ. Онъ вскопчалъ съ своей кровати, на которой все время лежалъ, и грозно закричалъ присутствовавшимъ:

— Чортъ возьми, скоро ли будетъ конецъ! Дерутся точно собаки! А еще бомбардиры четвертой конной батареи. Стыдитесь! А всему причиной вы, Вибертъ! Вы старше ихъ по лѣтамъ, а ведете себя хуже всѣхъ; стыдитесь! Еще одно слово и я приведу сюда вахмистра! Чортъ знаетъ, за какія прегрѣшенія назначили меня къ этимъ несноснымъ волонтерамъ!

Вибертъ, должно-быть, хорошо зналъ стараго унтеръ-офицера. Онъ замолчалъ и принялся за свой туалетъ. Онъ пригладилъ свои волосы и бороду, нарядился въ новый мундиръ и бѣлые перчатки, олоясался саблей и вышелъ изъ комнаты.

Однажды нѣкоторые изъ бомбардировъ сдѣлали большія и важныя опущенія во время ученья. Первый поручикъ разсердился и приказалъ имъ явиться послѣ обѣда на плацъ и продолжать ученье. Между провинившимися были также Вибертъ, Вейтбергъ и Шварцъ. Эрихъ не былъ виноватъ, но капитанъ, разсерженный что наказали Виберта, приказалъ и Эриху явиться къ ученью. Это послужитъ ему въ пользу, сказалъ фонъ-Мандерфельдъ своему первому поручику.

Унтеръ-офицеръ Венкгеймъ былъ очень недоволенъ этимъ распоряженіемъ капитана. Онъ рассчитывалъ провести послѣобѣденное время за чтеніемъ романа Крамера, а теперь ему приходилось слѣдить за молодыми людьми на плацу, при восьми градусахъ мороза.

— Смирно! кричалъ онъ громкимъ, сердитымъ голосомъ.— Да перестанете ли вы гляѣть по сторонамъ, Вибертъ! Я никогда не видалъ такихъ глулыхъ, бессмысленныхъ глазъ! На передку! Плохо—еще разъ! Стыдитесь, а еще слушайте бомбардирами въ четвертой конной батарее! Держитесь крѣпче за колеса, бомбардиръ Фрейбергъ. Не бойтесь, не замараете ручекъ! А вы, Вейтбергъ, не опускайте цѣпи, иначе я заставляю васъ поднять ее ровно двадцать тысячъ разъ! На передку! Право можно подумать что имѣешь дѣло съ шестью рекрутами! Или въ васъ сидитъ самъ чортъ? Чортъ возьми! съ которыхъ это лоръ выступаютъ правою ногой? Если вы будете такъ продолжать, то мы и къ ночи не кончимъ. Въ одномъ могу увѣрить васъ: отъ холода вы страдать не будете, всѣмъ задамъ жару! На передку!

Бомбардиры на этотъ разъ владись съ необыкновенною

быстротой за орудіе и навѣрное положили бы сразу лафетъ на передокъ, еслибъ ихъ не удержала на нѣсколько минутъ цѣль у передка.

— Спокойнѣй! закричалъ унтеръ-офицеръ и снова раздалась его брань.

Вибертъ, замѣтивъ что во всемъ виноватъ былъ Вейтбергъ, быстро прошелталъ ему:

— Берегитесь, если вы не будете внимательны, я найду прямо на васъ и шибу васъ съ ногъ!

Раздалась снова команда унтеръ-офицера. Вейтбергъ не успѣлъ вовремя схватить конца лафета чтобы повернуть его и Вибертъ навѣхалъ на него съ такою силой что тотъ какъ саопъ повалился на спину. Призошло большое смятеніе, хотя дѣло и обошлось безъ особаго несчастія.

Вейтбергъ съ усиленіемъ поднялся и обернувшись къ длинному Виберту, сердито сказалъ ему:

— Берегись, негодяй, я отплачу тебѣ!

Наступалъ вечеръ. Ученье уже приближалось къ концу, когда на плацъ вышелъ первый поручикъ и подойдя къ Эриху приказалъ ему потѣмъ явиться на его квартиру. Орудія были прибраны, Векгеймъ отправился въ трактиръ выпить рюмочку-другую вина, а бомбардиры вернулись въ свою комнату.

Маленькій Шварцъ вынулъ изъ шкапа свою гитару и, подойдя къ окну, тихо запѣлъ извѣстную мелодію:

Сквозь туманные покровы
Тихо свѣтитъ мѣсяцъ лонный,
И стою я вдохновенный
У окна моей прекрасной.

— Однако ужъ темнѣетъ, замѣтилъ Вибертъ, взглянувъ на небо. Затѣмъ онъ принялся расчесывать свои волосы и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ комнаты.

Эрихъ надѣлъ новый мундиръ, бѣлыя перчатки, опоясался саблей и отправился на квартиру перваго поручика. На лѣстницѣ его встрѣтилъ деньщикъ и ввелъ въ маленькую, хорошо освѣщенную переднюю. Здѣсь деньщикъ просилъ его немного обждать. Нѣсколько минутъ спустя, раздался голосъ перваго поручика предлагавшій Эриху войти въ соседнюю комнату.

Эрихъ снялъ саблю и вошелъ въ пріемную. Это была довольно большая, высокая и хорошо меблированная комната. На столахъ и на полу лежали мягкіе восточные ковры; вокругъ стѣвъ тянулись низенькіе и уютные диваны. Все доказывало что хозяинъ этой комнаты любитъ покой и комфортъ. Посреди стоялъ большой, хорошо сервированный столъ. Эрихъ замѣтилъ, между прочимъ, на столѣ красивый мѣдный кофеиникъ, чайникъ, яйца, бѣлый хлѣбъ, масло, ветчину и сыръ.

Первый поручикъ лежалъ въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ книгу, въ другой изящную турецкую трубку. На немъ былъ надѣтъ длинный свѣтлосерый халатъ и красные, широкіе шаровары. На ногахъ были желтыя, шитыя золотомъ туфли. Замѣтивъ Эриха, онъ лѣсково кивнулъ ему и сказалъ:

— Придвиньте кресло и садитесь сюда, ближе ко мнѣ. Вы курите?

— Нѣтъ, господинъ первый поручикъ.

— Хорошо. Прсту васъ, забудьте на сегодняшний день что я вашъ первый поручикъ. Вы пьете чай?

— До сихъ поръ я не пилъ.

— Попробуйте сегодня. Вотъ вамъ стаканъ. Придвиньте чайникъ. Вотъ сахаръ и сливки. Пршу васъ, берите пригѣръ съ меня.

Первый поручикъ, говоря это, взялъ большой кусокъ бѣлаго хлѣба, намазалъ его масломъ, положилъ сверхъ масла кусокъ ветчины и все это прикрылъ ломтемъ чернаго хлѣба. Затѣмъ онъ вынулъ изъ котелка нѣсколько яицъ и передалъ все Эриху.

Эрихъ былъ сильно пораженъ этимъ пріемомъ. Онъ зналъ что ни въ чемъ не провинился, но идя къ первому поручику, все-таки думалъ что ему придется выслушать нѣсколько замѣчаній со стороны своего серьезнаго, строгаго начальника. Теперь же онъ убѣдился что оласенія были ошибочны. Нечего и говорить что Эрихъ былъ въ восторгѣ. Замѣтивъ предупредительность и ласку своего начальника, онъ вскорѣ оправился отъ своей застѣнчивости и весело принялся за закуску. Послѣ перваго бутерброда, послѣдовалъ второй, и четверть часа спустя, все почти было уже съѣдено.

— Я уже давно хотѣлъ пригласить васъ къ себѣ, сказалъ первый поручикъ. — Мнѣ нужно было переговорить съ вами.

Я недавно получилъ письмо отъ моего стараго друга, оберъ-фейерверкера Долля. Онъ много пишетъ объ васъ и проситъ передать вамъ поклонъ. Я также познакомился недавно съ одною личностью которая расположена къ вамъ и интересуется вами.

Эрихъ взглянулъ на него вопросительно.

— Я говорю объ одной особѣ которая живетъ за городомъ, въ укрѣпленіи принца Максимилиана.

Эрихъ невольно подумалъ о бомбардирѣ Шмоллерѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ ему показалось невозможнымъ чтобъ его легкомысленный другъ могъ познакомиться съ такимъ серьезнымъ и строгимъ человѣкомъ какъ первый поручикъ Шаллеръ.

— Не помните ли вы одного офицера который нѣсколько лѣтъ тому назадъ упалъ на маневрахъ съ лошади, ушибъ себѣ ногу и пролежалъ нѣсколько недѣль на мельницѣ одного мельника-врача?

— Вы говорите о первомъ поручикѣ Шраммѣ?! вскричалъ Эрихъ радостно.

— Да. Хотя онъ съ помощью славнаго доктора Бурбуса и всталъ съ постели, тѣмъ не менѣе, нога его осталась навсегда слабой. Тогда онъ обратился къ государю и просилъ о переводѣ его въ укрѣпленіе принца Максимилиана. Капитанъ этой крѣпости, г. Вальтеръ, веселый, добрый человѣкъ и старыи другъ Шрамма. Я былъ у него нѣсколько дней тому назадъ. Рѣчь зашла о васъ и Шраммъ разказалъ мнѣ многое о вашемъ пребываніи въ Бригадной Школѣ. Тогда я рѣшился съ вами серьезно переговорить. Не знаю, виноваты ли вы во всѣхъ тѣхъ шалостяхъ въ которыхъ васъ обвиняютъ, знаю только что вамъ трудно будетъ опять поступить въ Бригадную Школу. Я читалъ журналъ о вашемъ поведеніи и, долженъ сознаться вамъ, они сумѣли наполнить его. Если вы и поступите въ Бригадную Школу, вамъ все-таки будетъ трудно добиться того къ чему вы стремитесь.

— Господи, но вѣдь это ужасно!

— На первый взглядъ — да. Но я не смотрю на это какъ на особое несчастіе. Вамъ слѣдуетъ устроить свою жизнь иначе. Шраммъ сказалъ мнѣ что вы находились въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ владѣльцами Мюльбронской мельницы. Не лучше ли вамъ возвратиться туда, изучити

тамъ хорошенько практически сельское хозяйство и поступить потомъ въ какую-нибудь сельско-хозяйственную академию? Право, вы могли бы навсегда обезпечить себя. Я знаю что въ вашихъ жилахъ течетъ солдатская кровь и что вы любите военную жизнь. Но эта любовь можетъ скоро пройти. Пока вы молоды, васъ еще могутъ забавлять весь этотъ блескъ мундира и орудій, эти маневры, эти золотые эполеты... Но, вѣрьте мнѣ, все это миражъ, одинъ миражъ. Жизнь военного тяжела. Очарованіе продолжается не долго. Кто богатъ и знатнаго происхожденія, тому военная жизнь еще можетъ дать нѣкоторыя радости и наслажденія. Но человѣку бѣдному, безъ знатнаго, древняго имени... Вы скажете что можетъ быть война, что на войнѣ отличіе и карьера доступны каждому. Да, но подумали ли вы о томъ что и не всегда весело идти на войну, что очень важенъ вопросъ: за какую идею, за что рискую я своею жизнью? А потомъ, прѣшла война и опять началась прежняя исторія. Вы ранены, разбиты на всю жизнь, а васъ награждаютъ кусочками какого-то металла... Да и всѣ эти ордена, всѣ эти отличія и повышенія не всегда радуютъ васъ... Невольно думаешь о томъ что получили ихъ за то что избилъ, уничтожилъ другихъ, подобнымъ себѣ людей....

— Да, это грустно...

— Васъ удивляетъ, можетъ - быть, моя откровенность? Я полюбилъ васъ, дорогой Фрейбергъ. Я рѣдко бываю откровененъ, но если встрѣчаю людей подобнымъ вамъ, я высказываюсь прямо. Я имѣю на это полное право. Я два раза былъ на войнѣ и заслужилъ отъ его величества желѣзный крестъ.... О, я понимаю, дорогой Фрейбергъ, что означаетъ вашъ блестящій, огненный взглядъ! Вы хотите сказать что и вы будете храбры, самоотверженны?.. Знаю, знаю!.. Но помните меня: можно служить великой идеѣ и не будучи солдатомъ всю жизнь. При нашей всеобщей воинской повинности вы всегда можете взяться за ружье и защитить отечество въ случаѣ опасности и нужды.

Эрикъ опустилъ глаза. Онъ зналъ, онъ видѣлъ что первый поручикъ желаетъ ему добра, а между тѣмъ онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ какого-то непріятнаго чувства, полнаго горечи и тоски.

— Взгляните на меня, продолжалъ первый поручикъ.—Я началъ свое военное поприще при лучшихъ обстоятель-

ствахъ, нежели вы. Я имѣлъ нѣкоторыя связи, прошелъ всѣ лучшія военныя школы. А чего я добился между тѣмъ? Я могу надѣяться получить скоро батарею — это и все. Затѣмъ мнѣ остается прослужить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы выслужить небольшую пенсію или получить какое-нибудь незначительное гражданское мѣсто. Вотъ вамъ моя карьера. А между тѣмъ сколько времени, сколько прилежанія, сколько жизненныхъ силъ ушло даромъ, чего мнѣ стоило добиться даже этого! Страшно! Но довольно обо мнѣ, я хочу говорить о васъ. Первый поручикъ Шраммъ далъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о вашей прежней жизни и о вашей обстановкѣ и я еще болѣе убѣждаюсь какъ ничтожна и слаба та почва на которой вы строите планы вашей будущей карьеры. Но прежде скажите мнѣ, дорогой Фрейбергъ, не сердитесь ли вы на меня за то что я силюсь разбить всѣ ваши блестящія желанія и мечты?

— Нисколько, увѣряю васъ, проговорилъ слегка дрожащимъ голосомъ Эрихъ. — Я чувствую что вы желаете мнѣ добра и мнѣ остается только благодарить васъ за ваше участіе.

— Хорошо сказано, молодой человѣкъ, отвѣтилъ мягко первый поручикъ, перебирая лежавшія на столѣ бумаги; затѣмъ онъ продолжалъ: — Я долженъ признаться что обѣщавъ своему другу Шрамму переговорить съ вами. Я забылъ вамъ сказать что онъ находится въ постоянной перелискѣ со старымъ мельникомъ Бурбусомъ.

— Такъ онъ перелисывается съ добрымъ докторомъ Бурбусомъ? спросилъ живо Эрихъ. — Я такъ давно ничего не слышалъ о немъ. Онъ просилъ меня писать ему изрѣдка; я исполнялъ эту просьбу, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ не получалъ отъ него никакого отвѣта.

— Онъ, должно-быть, порядочный чудакъ. Впрочемъ, Шраммъ его глубоко уважаетъ, а Шраммъ, говоря правду, очень осторожно и рѣдко кому довѣряетъ. Мнѣ очень хотѣлось бы познакомиться съ этимъ старымъ мельникомъ.

— Вы говорите что онъ не забылъ меня? спросилъ радостно молодой бомбардиръ.

— Да, онъ не забылъ васъ и часто о васъ освѣдомлялся. Ему удалось, съ помощью моего друга Шрамма, познакомиться съ оберъ-фейерверкеромъ Доллемъ, который и сообщалъ ему обо всемъ что касается васъ. Вотъ одно изъ писемъ

которое старый мельникъ писалъ моему другу и вслѣдствіе этого-то письма я и говорилъ съ вами, желая отклонить васъ отъ военной службы.

Первый поручикъ привсталъ съ своего мѣста и, замѣтивъ что Эрихъ хотѣлъ ему что-то отвѣтить, сдѣлалъ рукою легкое движеніе и продолжалъ:

— Пойдите, я еще не кончилъ. Я долженъ сказать вамъ что капитанъ фонъ-Мандерфельдъ ненавидитъ васъ и постарается всѣми силами повредить вамъ. Берегитесь его. Я знаю что вы очень старательны, очень способны, но я не могу поручиться за то что объ васъ пишутъ старому полковнику хорошій отзывъ. Какого бы мнѣнія я ни былъ о васъ, послѣднее слово все-таки принадлежитъ фонъ-Мандерфельду. Онъ ненавидитъ васъ, а кого онъ ненавидитъ, того никогда не забываетъ. Вы, кажется, говорили мнѣ что встрѣчались съ нимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ?

— Да, въ замкѣ графа Зеefeldъ.

— Молодой графъ Дагобертъ Зеefeldъ когда-то служилъ со мною вмѣстѣ. Это очень важный и очень богатый господинъ: онъ добьется самой блестящей карьеры. Правда, онъ служить ровно на двадцать лѣтъ меньше моего, но, я увѣренъ, онъ скорѣе будетъ командовать эскадрономъ, нежели я батареей. Если и графъ Зеefeldъ ненавидитъ васъ, въ такомъ случаѣ не ждите пощады отъ барона фонъ-Мандерфельда. Я не знаю при какихъ обстоятельствахъ развилась эта неприязнь къ вамъ, но знаю что вы должны серьезно подумать о вашей будущности. Не забывайте также что всѣ батареи, всѣ артиллерійскія школы наполнены волонтерами, желающими дослужиться до эполетъ. Конечно, между ними много ничтожныхъ, неспособныхъ, но есть также и очень даровитые, дѣльные люди. Къ послѣдней категоріи я причисляю и васъ. А между тѣмъ, только очень немногіе изъ нихъ дослуживаются до офицерскаго чина и большая часть служить цѣлые годы фейерверкерами, унтеръ-офицерами и только немногіе добиваются фельдфебеля или вахмистра. Но, положимъ, вы дослужились до офицерскаго чина — развѣ вы остановитесь на этомъ? Нѣтъ, для васъ олять начнется жизнь полная лишеній, борьбы, горя. Еще разъ повторяю вамъ, жизнь военного человека—жизнь нерадостная, трудовая, отнимающая у васъ всѣ силы, всю энергію и рѣдко дающая въ замѣнъ то чего вы

такъ жаждали, чего добивались. Вѣрите мнѣ, я старый, испытанный солдатъ и я искренно желаю вамъ добра. Я кончилъ, молодой другъ. Вотъ письмо стараго доктора Бурбуса—слушайте!

Первый поручикъ раскрылъ письмо и началъ читать:

„Я всегда любилъ протектировать молодымъ людямъ. Это моя страсть. Я слѣдилъ за ними невидимо, такъ что они сами того не замѣчали, и никогда не терялъ ихъ изъ виду. Если я находилъ въ нихъ качества которыя мнѣ не нравились, я оставлялъ и забывалъ ихъ; если же я замѣчалъ что молодой человѣкъ былъ достоинъ моего участія, я приближалъ его къ себѣ и старался быть ему полезнымъ. Молодой Фрейбергъ меня сильно интересуеть. Я расположенъ къ нему. Передайте ему это. Онъ долженъ знать что я всегда остаюсь его хорошимъ другомъ и что онъ долженъ, въ случаѣ нужды, обращаться прямо ко мнѣ. Поговорите съ нимъ о его военной службѣ и посоветуйте ему...“

— Я исполнилъ просьбу вашего стараго друга и переговорилъ съ вами, сказалъ первый поручикъ, прервавъ свое чтеніе и сложивъ письмо.—Я исполнилъ свой долгъ и надѣюсь что вы хорошенько обдумаете мои слова. Вы молоды, но вы умны и развиты. Я увѣренъ также что вы будете, попрежнему, прилежны и точны на службѣ. А теперь, намъ пора разстаться, дорогой Фрейбергъ. Я увѣренъ что унтеръ-офицеръ Венкгеймъ уже давно ждетъ васъ. Не забывайте меня и знайте что вы всегда можете видѣть меня въ этотъ часъ. Прощайте, другъ мой, да сохранить васъ Небо!

Эрихъ вышелъ изъ комнаты своего начальника и пошелъ вдоль длиннаго, опустѣлаго, едва освѣщеннаго корридора. Онъ былъ глубоко взволнованъ. Слова перваго поручика глубоко запали ему въ сердце. Захотѣлось ему въ лѣсъ, захотѣлось свободы, свѣта, тепла.... Ахъ, слова его добраго начальника были для него не новостью, онъ самъ думалъ часто то же, хотя и боялся себѣ признаться въ этомъ!.. Онъ подошелъ къ окну. На темномъ небѣ быстро неслись мрачныя, грозныя тучи. Эрихъ глядѣлъ на нихъ долго, напряженно, будто ища въ нихъ старыя, дорогіе, давно забытые образы.... И онъ увидѣлъ ихъ снова, увидѣлъ такъ ясно, такъ отчетливо... Вотъ и оврагъ у котораго онъ съ Готфридомъ убилъ оленя. А вотъ и замокъ, старый, величественный замокъ, гдѣ онъ провелъ такую грустную, мучительную ночь? Черныя, мрач-

ныя тучи продолжали вестись съ неизмѣрною быстротою и вскорѣ исчезли. Эрихъ увидѣлъ на небѣ яркую, прекрасную звезду. Онъ узналъ Ориона и невольно вспомнилъ маленькую блѣдную Цыганку.

— Блава, Бланда гдѣ ты? Гдѣ бы ты ни была, я знаю, ты теперь думаешь обо мнѣ, какъ я думаю о тебѣ! Я люблю тебя, мое прекрасное, страшное, чудное дитя; Бланда, дорогая Бланда!

Эрихъ еще долго стоялъ у окна, погруженный въ тревожныя, грустыя мысли. Вдругъ онъ почувствовалъ что кто-то дотронулся до его плеча. Онъ вздрогнулъ, обернулся и узналъ дежурнаго канонира. Последній былъ одѣтъ въ куртку, въ туфляхъ и держалъ въ рукѣ обнаженную саблю.

— Ахъ, это вы, господинъ бомбардиръ! Я хотѣлъ только посмотрѣть кто такъ долго стоитъ у окна.

III. Наблюденія въ фортѣ Максимилиана.

Прошло нѣсколько дней. Было воскресенье когда Эрихъ одѣлся и отправился въ укрѣпленіе Максимилиана, къ своему другу бомбардиру Шмоллеру. Онъ давно уже не видѣлся съ нимъ. Эрихъ былъ слишкомъ занятъ, а Шмоллера удерживали сильные дожди, продолжавшіеся почти три недѣли. Наступала весна. Эрихъ шелъ по городу, чувствуя надъ собою голубое ясное небо, радуясь яркому солнечному свѣту, радуясь появленію весны. Онъ уже давно не чувствовалъ себя такимъ бодрымъ, свѣжимъ и счастливымъ.

Вскорѣ онъ очутился предъ высокими и крѣпкими воротами укрѣпленія принца Максимилиана. Какой-то артиллеристъ, вѣроятно часовой, стоялъ еблокотившись близъ самыхъ воротъ и весело разговаривалъ съ другимъ солдатомъ. На вопросъ Эриха, гдѣ Шмоллеръ, они отвѣчали ему что онъ въ канцеляріи.

Все въ укрѣпленіи производило мирное, отрадное впечатлѣніе. Въ караульнѣ сидѣло нѣсколько канонировъ, курили трубки и тихо напѣвали какую-то веселую пѣсню.

Эрихъ вошелъ въ канцелярію. Это была большая, чистая комната съ высокимъ готическимъ окномъ. Видъ изъ этого окна былъ превосходный. Посреди комнаты стоялъ каминъ, въ которомъ пылалъ яркій огонь. Шмоллеръ сидѣлъ у

открытаго окна и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ большую зрительную трубу.

— А, милости просимъ! вскричалъ Шмоллеръ, завидя своего друга. — Наконецъ-то ты явился! Я ужъ хотѣлъ было оставить сегодня мою келью и отправиться къ тебѣ...

— Ты могъ бы это давно сдѣлать. У тебя времени довольно.

— Да, но охоты не было идти въ этотъ душный, сырой городъ. Здѣсь, наверху, такъ тихо, такъ уютно; право, я бы вѣкъ остался здѣсь!

— Ну, слава Богу, отвѣтилъ смѣясь Эрихъ, — я вижу, ты счастливъ и доволенъ своею судьбой! Вѣдь я хорошо помню въ какомъ ты былъ настроеніи когда я навѣстилъ тебя здѣсь въ первые дни твоего прибытія. Ты тогда проклиналъ свою судьбу, говорилъ что не въ состояніи выносить это уединеніе!

— Я былъ глупъ тогда, отвѣтилъ Шмоллеръ. — Однако, садись, вотъ тебѣ стулъ. Закрѣпить окно?

— Къ чему? на улицѣ тепло. Итакъ, ты доволенъ?

— Очень.

— Ну, а начальникъ твой?

— О, это прекрасный, рѣдкій человѣкъ! Правда, онъ годился бы скорѣе въ профессора, нежели въ капитаны артиллеріи, но я все-таки не знавалъ лучшаго человѣка. Онъ добръ, ласковъ, щедръ. Знаешь, здѣсь какъ-то невольно становишься порядочнымъ человѣкомъ. Право, я говорю искренно.... Это уединеніе, эта прекрасная природа окружающая тебя, все это облагораживаетъ человѣка. Повѣришь ли, здѣсь ни одной женщины не увидишь. Настоящій монастырь! Но я доволенъ—я просто не узнаю себя съ нѣкоторыхъ поръ.

Онъ опять подошелъ къ окну и снова началъ смотрѣть въ зрительную трубу. Затѣмъ онъ оставилъ опять трубу и принялся быстро ходить по комнатѣ. Эрихъ невольно улыбнулся, замѣтивъ какъ старался онъ придать своему лицу и осанкѣ выраженіе достоинства и серьезности. Черезъ нѣсколько минутъ Шмоллеръ опять устремилъ глаза въ зрительную трубу; затѣмъ онъ взглянулъ на часы и, сдѣлавъ рукою недовольное движеніе, закрылъ окно.

— Служба здѣсь очень легка, продолжалъ Шмоллеръ, подойдя къ камину, предъ которымъ сидѣлъ Эрихъ.—Дѣла у меня не много. Я больше помогаю господину капитану.

— Какъ помогаешь?

— Ты вѣроятно замѣтилъ на восточной сторонѣ крѣпости высокую башню? Господинъ капитанъ фонъ-Вальтеръ устроилъ себѣ тамъ небольшую обсерваторію. Онъ страстно любитъ астрономію и метеорологію. Вотъ я и помогаю ему въ его наблюденіяхъ: я произвожу вычисленія и записываю ихъ.

— Вотъ какъ! Ну, а въ свободные часы ты, кажется, занимаешься собственными метеорологическими и астрономическими наблюденіями?

Шмоллеръ пожалъ плечами, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился предъ Эрихомъ и, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Послушай, Эрихъ, я никогда ничего не скрывалъ отъ тебя.

— Да, когда нуждался въ моей помощи. Помнишь исторію съ саблей.

— Перестань, какъ тебѣ не стыдно! Это была одна проза.. Ты совершенно одичалъ въ своей конной батарее. Ахъ, Эрихъ, со мною не то!

— Ты, вѣроятно, сдѣлалъ успѣхъ въ своихъ телеграфическихъ упражненіяхъ? Помню, помню..

— Ты правъ, отвѣтилъ Шмоллеръ со вздохомъ.—Я даже написалъ стихи. Слушай:

Стою одиноко на голой вершинѣ.
Улыло, пустынно кругомъ,
Томаюсь я, засыпаемый дѣвственнымъ снѣгомъ,
Холоднымъ заковааннымъ льдомъ.
Я къ пламени стремлюся горячей мечтою.
Въ разлукѣ со мною она,
Улыло сидитъ на садовой скамейкѣ,
Тоски безысходной полна...

— Не дурно, сказалъ Эрихъ смѣясь.—Но, знаешь ли, это стихотвореніе сильно напоминаетъ мнѣ Гейне.

— Можетъ-быть, вины не моя. Чѣмъ же я виноватъ что Гейне имѣлъ тѣ же мысли какія и я имѣю?

— Конечно, ты не виноватъ. Чтò чувствовалъ Гейне, конечно, могло выласть и на твою долю. Но ты хотѣлъ, кажется, сказать мнѣ что-то?

Шмоллеръ пожалъ плечами, закинулъ голову назадъ и, устремивъ на верхъ напряженный, полный тоски взглядъ, заговорилъ съ комическою важностію:

— Скажи, развѣ въ твоей волѣ сдержатъ бѣшеный горный потокъ, который, сорвавшись, устремится черезъ нивы, покрытыя роскошною зеленью, и захочетъ слиться съ теченіемъ тихой, могучей, царственной рѣки?

— Бѣшеный горный потокъ?... Прекрасно сказано. Ты, Шмоллеръ, поэтъ. Но я думаю что до сихъ поръ еще не было никакого слиянія?

— Я имѣю ея фотографическую карточку; мы переписываемся.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты не лжешь?

— На, взгляни! Онъ вынулъ изъ кармана небольшой конвертъ. Тамъ, дѣйствительно, находилась фотографическая карточка. Эрихъ увидѣлъ изображеніе еще молодой женщины, съ необыкновенно изящными и пріятными чертами лица.

— Она не дурна, замѣтилъ Эрихъ.—О чемъ же она пишетъ тебѣ?

— Это настоящее дѣвичье письмо. Видно что она немного стѣснялась и была взволнована. Впрочемъ, въ письмѣ ясно сказано что я произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Затѣмъ она пишетъ о какихъ-то темныхъ и таинственныхъ обстоятельствахъ, которыя должны, мало-по-малу, выясниться; пишетъ что она „должна“ явиться мнѣ теперь подъ маской, но что она сниметъ эту маску какъ только я самъ сниму свою.

— Это мнѣ не совсѣмъ понятно.

— Сейчасъ поймешь. Ты знаешь что я обратилъ на себя вниманіе молодой особы которая воспитывается въ пансіонѣ для дѣвицъ высшаго круга. Понятно что я не могу выдать себя за простаго бомбардира. Потомъ я ей скажу всю правду, но пока необходимъ маленькій обманъ. Я и играю съ нею въ прятки. Я переодѣтый баронъ. Это необходимо, тѣмъ болѣе что всѣ ея письма имѣютъ графскій гербъ.

— Какъ же она подписывается?

— Просто „Клотильда“.

— Ты родился въ сорочкѣ. Какимъ однако образомъ передаете вы другъ другу ваши письма?

— Я привязываю свои письма къ небольшому камню и бросаю этотъ камень въ извѣстный уголъ сада. Она же опускаетъ свои письма обыкновенно ночью черезъ небольшое окно.... Но вотъ уже восемь дней какъ я не получаю отъ нея ни строки.... Не знаю что такое произошло тамъ внизу, во всякомъ случаѣ тамъ произошла какая-то пере-

тѣва. Онѣ больше не гуляютъ; къ тому же, меня еще смущаетъ то обстоятельство что къ главному подъѣзду лагсіона постоянно подъѣзжаютъ разные экипажи.

— Неужели ты все это видишь?

— Да, съ помощью этой превосходной зрительной трубы. Я даже могъ бы видѣть все что творится въ комнатахъ, если бы не занавѣси на окнахъ.

— Счастливецъ! Дай-ка мнѣ немного посмотрѣть.

— Съ удовольствіемъ, только ты теперь ничего не увидишь. Онѣ завтракаютъ. Главныя наблюденія я произвожу во время ихъ прогулокъ: тогда каждое движеніе ея плаща и ея зонтика имѣетъ для меня громадное значеніе.

— Однако, это стекло дѣйствительно превосходно! сказалъ Эрихъ глядя въ зрительную трубу.—Я вижу даже лица всѣхъ проходящихъ внизу.

— Но ты теперь никого не увидишь! онѣ завтракаютъ. Не хочешь ли лучше осмотрѣть нашу крѣпость? Ты убѣдишься что здѣсь рай. Сними свою саблю: мы избѣгаемъ здѣсь всякаго шума.

Они вышли изъ канцеляріи. Шмоллеръ повелъ прежде всего Эриха въ тѣ залы гдѣ спали солдаты. Воздухъ здѣсь былъ чистый, теплый. Потомъ слѣдовала столовая, большая, высокая комната со сводами около столовой находилась громадная зала куда солдаты приходили читать и заниматься. Эрихъ нашелъ здѣсь порядочную бібліотеку, модели разныхъ орудій и даже большой запасъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Эрихъ былъ просто въ восторгѣ. Они сошли внизъ и хотѣли уже войти въ кухню, какъ вдругъ встрѣтили начальника укрѣпленія, капитана фонъ-Вальтера.

Шмоллеръ остановился, и замѣтивъ ласковую улыбку своего начальника, представилъ ему Эриха.

— А, помню! сказалъ съ улыбкой капитанъ фонъ-Вальтеръ.— Мнѣ много рассказывали о „последнемъ бомбардирѣ“. Впрочемъ, не бойтесь, я слышалъ объ васъ и много хорошаго.

Онъ ласково поклонился Эриху и хотѣлъ уже продолжать свой путь, какъ вдругъ опять остановился и сказалъ бомбардиру Шмоллеру:

— Если вы будете на валу, то не забудьте посмотрѣть какъ цѣбтутъ наши фіалки!

— Слушаю, господинъ капитанъ. Я шелъ именно туда, отвѣтилъ Шмоллеръ.

— Дѣйствительно, Эрихъ, наши гряды фиалокъ удивительно хороши. Не правда ли, это странная идея со стороны капитана? Вотъ мы и пришли. Взгляни, развѣ не хорошо здѣсь? И какой аромат! Садись сюда, я здѣсь провожу цѣлые часы. Посмотри, весь городъ виденъ, а тамъ, надъ тобою, безконечное голубое небо.... Нѣтъ, здѣсь лучше нежели въ твоёмъ шумномъ, душномъ городѣ! Ты не повѣришь какое сильное впечатлѣннѣе производитъ на меня это мѣсто.... Ахъ, еслибъ я только зналъ что она дѣйствительно графиня!

— Ты извѣстный побѣдитель женскихъ сердець и ты сомнѣваешься?

— Она писала мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ что она простая учительница и счастлива сознаниемъ что любима молодымъ человѣкомъ который занимаетъ такое высокое положеніе въ обществѣ. Но я все-таки увѣренъ въ томъ что она графиня.

— Конечно. Она, просто вычитала изъ разныхъ сказокъ и преданій о томъ какъ молодая царевна и фея переодѣвались въ простыхъ смертныхъ и потомъ осчастливливали своего избраннаго.

— Капитанъ фонъ-Вальтеръ очень любитъ меня и позволилъ мнѣ явиться къ унтеръ-офицерскому экзамену. Онъ объявилъ что у меня отличныя способности къ математикѣ и что я скоро добьюсь фельдфебельскаго ранга. Развѣ это не счастье? Я никогда не желалъ быть офицеромъ, я буду счастливъ и дослужившись до фельдфебеля; ты не согласишь со мной? Конечно,—продолжалъ мечтательно Шмоллеръ,—если она дѣйствительно графиня, то я не могу ограничиться фельдфебелемъ. Но тогда мнѣ будетъ легко сдѣлаться офицеромъ, особенно если она богата. Я могу поступить тогда въ кавалерію. Моя фамилія не совсѣмъ-то благозвучна, но „Шмоллеръ“ можно легко передѣлать въ „Шмолинскій“. Скажутъ что я польскаго происхожденія. А ужъ показать себя я сумѣю.

— Да, да, вѣрю тебѣ!

— Но избави Богъ быть офицеромъ не имѣя собственнаго состоянія! Это адъ, а не жизнь. Я много слышалъ объ этихъ несчастныхъ офицерахъ. Капитанъ фонъ-Вальтеръ недавно еще читалъ при мнѣ первому поручику Шрамму какую-то газету въ которой было вычислено сколько можетъ прожить офицеръ не имѣющій собственнаго состоянія. Оказалось что

такой офицеръ, если онъ по утрамъ не будетъ имѣть горячаго завтрака, обѣдать будетъ скромно и совсѣмъ не будетъ ужинать, къ концу мѣсяца все-таки будетъ имѣть четыре талера доугу.

— Печально. Слава Богу что тебѣ предстоитъ лучшая судьба.

— Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ. „Надежда, надежда,—мой сладкій удѣлъ.“ Послѣднія слова Шмоалеръ пропѣлъ грустнымъ, тихимъ, аффектированнымъ голосомъ. Затѣмъ взглянувъ на свои часы, онъ послѣшно всталъ и сказалъ: — Двадцать часовъ. Послушай, Эрихъ, вернемся въ мою канцелярію. У меня тамъ небольшое дѣло.

— Знаю, знаю, ты будешь продолжать свои астрономическія наблюденія.

— Ты отчасти угадалъ, но у меня есть и другое дѣло. Я потому пойду съ тобой въ городъ и разкажу тебѣ кстати о томъ какимъ образомъ я вернулъ бумага молодому графу Зеефельду. Право, ты не могъ найти лучшаго повѣреннаго.

— Ты возвратилъ бумага? Какъ же онъ принялъ тебя?

— Самымъ любезнымъ образомъ! То-есть, говоря правду, меня принялъ не самъ графъ, онъ только прошелъ мимо меня...

— А кто же? его лакей? Мнѣ жаль что я далъ тебѣ это порученіе.

— Напрасно. Я не такъ глупъ какъ ты думаешь. Замѣтивъ что графъ хочетъ пройти мимо, я кашлянулъ такъ громко и внушительно что онъ остановился и сказалъ мнѣ: „Я пошлю къ вамъ моего секретаря, онъ переговоритъ съ вами“. Секретарь пришелъ. Это былъ изящный, вѣжливый господинъ; онъ-то и принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Онъ предложилъ мнѣ стулъ и началъ меня о многомъ спрашивать, между прочимъ спросилъ и о тебѣ. Онъ спрашивалъ меня нѣсколько разъ, не было ли другихъ бумагъ мѣдено, исключая тѣхъ которыя я ему принесъ. Онъ намекалъ вѣроятно о томъ запечатанномъ конвертѣ.

— Надѣюсь, ты не сказалъ ему ни слова объ этомъ конвертѣ?

— Конечно нѣтъ, я не такъ глупъ, отвѣтилъ рѣшительно Шмоалеръ.

Эрихъ былъ еще слишкомъ неопытенъ и довѣрчивъ, иначе онъ замѣтилъ бы что Шмоалеръ при послѣднихъ словахъ вспыхнулъ и смутился.

— Конечно, продолжалъ онъ,—я не открылъ отъ него что бумаги найдемъ тобою. Я долженъ еще сказать тебѣ что онъ о тебѣ вовсе не такого дурнаго мнѣнія какъ ты предполагаешь. Онъ все говорилъ объ этомъ залечатавшемъ конвертъ и даже предлагалъ мнѣ вознагражденіе если я найду его.

— Я бы вернулъ его, еслибъ не думалъ что онъ принадлежить несчастной Кольмѣ, отвѣтила задумчиво Эрихъ.

— Ты поступилъ во всякомъ случаѣ хорошо, удержавъ ихъ при себѣ. Возвратить ихъ всегда будетъ время. Гдѣ эти бумаги?

— Тамъ же гдѣ и мои письма, въ цейхваузѣ.

— Ну, тамъ они въ безопасности; никто не станетъ шпіономъ предполагать что у тебя хранятся такіа сокровища!

— Я то же думаю....

Оба товарища вошли въ канцелярію. Шмоллеръ началъ опять смотрѣть въ зрительную трубу, а Эрихъ тѣмъ временемъ олоясаался саблею и взялъ фуражку.

— Я просто понять не могу, сказалъ Шмоллеръ,—что такое происходитъ тамъ внизу. Вотъ опять подѣхала коляска... На нее кладутъ какой-то чемоданъ... Чортъ возьми, какъ слабы мои глаза! Подойди-ка, Эрихъ, сюда. Взгляни, изъ дверей выходятъ двѣ женщины: я никакъ не могу разглядѣть черты ихъ лица. Возьми-ка трубу, посмотри и опиши ихъ мнѣ.

— Это двѣ молодыя особы которыя садятся въ коляску... Коляска голубая, съ красными колесами.

— Что мнѣ за дѣло до коляски! Не можешь ли ты разглядѣть ихъ лица?.. Не похожа ли одна изъ нихъ на ту фотографическую картинку которую я показалъ давеча тебѣ?

— Она стоитъ ко мнѣ спиною. Одна изъ нихъ въ разговорѣ и въ шляпѣ, другая, кажется, провожаетъ ее...

— Слѣдовательно, одна изъ нихъ уѣзжаетъ?

— Кажется... Та которая безъ шляпы горячо обнимаетъ другую и плачетъ... Вотъ объ повернулся ко мнѣ. Господи, что это такое!..

— Ну, что случилось?

— Я едва вѣрю глазамъ! вскричалъ Эрихъ въ сильнѣйшемъ волненіи.—Но вѣтъ, это она, это она!

— Кто же? Ради Бога, скажи!

— Это Бланда! Она садится въ коляску!

— Какая Бланда? Кто такое Бланда?

— Это я скажу тебѣ въ другой разъ, воскликнулъ Эрихъ, быстро отворивъ дверь и выбѣжавъ на лестницу.

Шмоалеръ посмотрѣлъ на него съ открытымъ ртомъ и затѣмъ бросился за нимъ. Но вскорѣ онъ убѣдился что не было никакой возможности догнать Эриха.

Но какъ Эрихъ ни слѣдилъ, онъ все-таки подошелъ къ колясочнику какъ разъ въ ту минуту когда голубая коляска уже отъѣхала и покатила къ городу. Эрихъ крѣпко схватилъ свою саблю, сдвинулъ на добъ фуражку и бросился за коляской. Онъ не жалѣлъ своихъ ногъ. Въ немъ было только одно горячее желаніе, увидѣть Бланду, увидѣть ее во что бы то ни стало. Эрихъ уже приближался къ коляскѣ, онъ уже хотѣлъ было крикнуть кучеру чтобы тотъ остановился, какъ вдругъ увидѣлъ себя въ кругу блестящихъ офицеровъ. Но кто ошарашетъ удивленіе и ужасъ Эриха когда онъ узналъ между офицерами своего начальника, барона фонъ-Мандерфельда, и молодого графа Дагоберта Зеefeldъ?

— Ну, господа, признаюсь, я въ жизни ничего подобнаго не встрѣчалъ! загремѣлъ капитанъ фонъ-Мандерфельдъ. — Вы кажется пьяны съ самаго утра, мой любезнѣйшій бомбардиръ?

— Прошу извинить меня, прошепталъ ошеломленный Эрихъ. — Я не пьянъ, я только хотѣлъ остановить ту коляску.

— Вы пьяны, любезнѣйшій! Это доказываетъ ваше красное лицо и вашъ дрожащій голосъ.

— Но, господинъ капитанъ, я увѣряю...

— Молчать! Возвратитесь немедленно въ казармы и доложите вахмистру что вы подвергаетесь трехдневному аресту. Появляи?

— Точно такъ, господинъ капитанъ.

Изящный, важный капитанъ фонъ-Мандерфельдъ улыбулся молодому графу Зеefeldу и, не отвѣтивъ Эриху ни слова, пошелъ дальше.

Эрихъ же кинулъ послѣдній грустный взглядъ на голубую коляску, которая теперь ѣхала медленно, и направился къ казармѣ чтобы доложить о своемъ арестѣ. На этотъ разъ его ждалъ уже не монастырь Св. Августина, а бывшій монастырь Св. Агаты.

III. Небольшая ошибка.

Это былъ первый арестъ которому Эрихъ подвергся со дня своего вступленія въ четвертую конную батарею. Капитанъ фонъ-Мандерфельдъ давно уже старался обвинить его въ чемъ-нибудь и наказать; но до сихъ поръ это никакъ не удавалось ему. Эрихъ былъ всегда вѣжливъ, прилеженъ, точенъ и безупреченъ на службѣ. Къ тому же, баронъ фонъ-Мандерфельдъ слегка лобавался своего перваго поручика и зналъ что тотъ очень расположенъ къ молодому бомбардиру. Поэтому понятна та радость которую испыталъ капитанъ обвинивъ Эраха въ пьянствѣ и наказавъ его тремя днями ареста.

— Онъ былъ пьянъ, совершенно пьянъ, да еще утромъ, чортъ возьми! проворчалъ онъ, обращаясь къ своему толстому вахмистру. Послѣдній, какъ-то странно улыбувшись, утвердительно покачалъ головою и задумался. Онъ самъ любилъ выпить и постоянно держалъ при себѣ небольшую фляжку.

— Да, онъ былъ совершенно пьянъ, продолжалъ баронъ фонъ-Мандерфельдъ, поднося къ лицу своему тонкій батистовый надушенный платокъ. — Онъ наскочилъ на меня точно сумашедшій! Я увѣренъ что ничего подобнаго не было еще на свѣтѣ съ тѣхъ поръ какъ существуютъ батареи! Вы еще не то увидите отъ этого „послѣдняго бомбардира“. Это хитрая лисица! Онъ скрываетъ, — ну, да я его перехитрю! Я научу его уму-разуму! Я хочу усмирить, раз навсегда, этого вреднаго человѣка. Я простить себѣ не могу что наказалъ его только тремя днями ареста.... Онъ не безъ умысла тогда такъ набросился на меня, я должекъ былъ подвергнуть его военному суду. Это чрезвычайно злой и вредный человѣкъ. Я много слышалъ объ немъ, но въ настоящую минуту не хочу вамъ всего разказывать.

Онъ задумался.

— Послушайте, обратился онъ вдругъ къ вахмистру, — при какихъ случаяхъ можно сдѣлать обыскъ въ комнатахъ и въ вещахъ солдата или одного изъ служащихъ въ войскѣ?

Толстый вахмистръ удивленно взглянулъ на своего начальника.

— Это такой случай, господинъ капитанъ, какого, къ мо-

ему счастью, здѣсь еще не было, съ тѣхъ поръ какъ я служу въ четвертой конной батарее. Впрочемъ, я помню нечто подобное. Это было когда еще я служилъ въ полевой артиллеріи. Тогда обыскали одного изъ моихъ товарищей: его подстрѣлили въ воровствѣ.

— Кто производилъ обыскъ?

— Самъ господинъ капитанъ, ротный офицеръ и фельдфебель. Впрочемъ, этотъ обыскъ остался безъ успѣха.

— Хорошо; довольно объ этомъ. Прошу васъ, будьте строже съ этимъ Фрейбергомъ. Если ничто не поможетъ, я его удаю. Эти глухие волонтеры воображаютъ себѣ что легко добиться офицерскаго чина! Какъ бы не такъ!

Онъ слегка кивнулъ головой и послѣдшне вышелъ изъ комнаты. Толстый и добродушный вахмистръ задумчиво посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и взявъ въ руки приказъ, тихо сказалъ:

— Говоря правду, я не вѣрю что Фрейбергъ былъ пьянъ. Онъ не лжетъ, это я знаю. Впрочемъ, послушаемъ что намъ скажетъ самъ Фрейбергъ!

Ему пришлось не долго ждать. Въ этотъ день кончался какъ разъ трехдневный арестъ „последняго бомбардира“ и капитанъ едва вышелъ изъ комнаты какъ въ нее вошелъ Эрихъ.

— Нечего сказать, хороши вы! обратился къ Эриху вахмистръ. — Первый арестъ, да еще за пьянство — стыдитесь! Наскочить на своего начальника — стыдитесь!

— Въ послѣднемъ я действительно виноватъ, но пьянъ я никогда не былъ. — Я бѣжалъ за одной коляской, чтобъ оставить ее, и не замѣтилъ господъ офицеровъ шедшихъ мнѣ на встрѣчу и скрытыхъ отъ меня каменною оградой... Я совершенно печально столкнулся съ ними.

— Вы были трезвы?

— Совершенно трезвъ, господинъ вахмистръ, даю вамъ честное слово!

— Вѣрю вамъ. Совѣтую вамъ также не говорить что вы не были пьяны; вы только повредите себѣ. Все равно, наказание прошло.

Эрихъ, действительно, поступилъ бы благоразумно, еслибы послушался совѣта вахмистра; но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ долженъ былъ представиться капитану фонъ-Мандерфельду, и на его рѣзкія замѣчанія, объявилъ что не былъ пьянъ.

— Нѣтъ, вы были пьяны, а это самъ видѣлъ!

— Прошу господина капитана извинить меня, но я не могу принять на себя это обвиненіе. Я въ то утро и капли не выпилъ.

— Оправдываясь, вы только больше обвиняете себя. Вы и теперь пьяны. Не хотите ли вы увѣрить меня что и сегодня ни капли не выпили?

— Этого я не могу сказать.

— А между тѣмъ осмѣливаетесь отвѣчать мнѣ, вашему капитану и батареинному начальнику? Вахмистръ Пинкель, отведите этого человѣка опять подъ арестъ на двадцать четыре часа! Завтра мы посмотримъ что съ нимъ сдѣлать!

Затѣмъ баронъ фонъ-Мандерфельдъ вѣжливо и дружески поклонился своимъ офицерамъ и направился къ выходу. Первый поручикъ Шаллеръ смотрѣлъ ему вслѣдъ строго, угрюмо.

Эрихъ стоялъ на плацу, погруженный въ грустныя, мучительныя мысли. Онъ вспомнилъ тотъ день когда капитанъ фонъ-Мандерфельдъ впервые привѣтствовалъ его здѣсь въ качествѣ „послѣдняго бомбардира“. Тогда онъ былъ глубоко огорченъ, но все-таки не считалъ себя въ правѣ вполнѣ обвинить своего начальника. Онъ зналъ какая шла о немъ молва, зналъ что капитанъ могъ вѣрить этой молвѣ. Но теперь было не то. Онъ велъ себя все время безукоризненно, не зналъ за собою никакихъ проступковъ, а между тѣмъ съ нимъ обходятся несправедливо, жестоко. Онъ несправедливо пьянство, а его обвиняютъ въ немъ. Онъ зналъ также что обвиненіе будетъ внесено въ его формуляръ. Онъ поблѣднѣлъ, въ глазахъ у него потемнѣло. Вдругъ кто-то положилъ руку ему на плечо. Онъ поднялъ голову и узналъ толстаго вахмистра Пинкеля.

— Вѣдь я говорилъ вамъ чтобы вы не оправдывались! Зачѣмъ вы не послушались меня?

— Но вѣдь я былъ не виновенъ!

— Все равно, вы не должны были оправдываться. Помните, главное правило военной службы, это молчать и служить! Какъ мнѣ ни жаль васъ, но я долженъ исполнить приказаніе господина капитана: Я даю вамъ срокъ до вечера: устройте ваши дѣла, а тамъ бомбардиръ Шварцъ можетъ проводить васъ въ обитель Св. Агаты.

Нечего и говорить что обитель Св. Агаты не особенно улыбалась Эриху. Онъ зналъ что тамъ тѣсно, сыро, холодно

и голодно. Осторожа были всегда молчаливы и угрюмы, и отбсидились совершенно безучастно къ бѣдному заключенному.

Эрихъ воротился въ казармы. Онъ былъ у перваго поручика Шаллера, но не засталъ его дома. Войдя въ свою комнату онъ увидѣлъ что маленькій Шварцъ укладывалъ въ большой круглой хлѣбъ колбасу, масло и небольшую стеклянку вина. Это была хитрость къ которой всегда прибѣгали молодые арестанты, желая такимъ образомъ хотя на первый день немного утолить свой голодъ.

— Вотъ тебѣ и хлѣбъ, Эрихъ, сказалъ Шварцъ,—на сегодняшній вечеръ хватить. Я съѣмъ и охотно уступлю его тебѣ.

— Неужели ты думаешь, отвѣталъ горячо Эрихъ,—неужели ты думаешь что я буду въ состояніи ѣсть сегодня? Вотъ я во второй разъ наказанъ за пьянство, а между тѣмъ вы сами хорошо знаете что я еще никогда не былъ пьянъ! Развѣ это не обидно? Меня не столько огорчаетъ наказаніе, сколько мысль что мой формуляръ будетъ теперь испорченъ. Господи, что скажетъ теперь старый полковникъ?

— Ты правъ, любезный другъ, но горю трудно пособить, да и къ чему же горевать? Опекунъ прислалъ мнѣ немного денегъ и я хочу употребить половину чтобы пріятнѣе провести время до вечера. Вѣдь ты свободенъ до вечера? Веселись, товарищъ, жизнь коротка!

Эрихъ принялъ предложеніе маленькаго Шварца. Онъ чувствовалъ такую злобу и горечь что непремѣнно хотѣлъ немного забыться. Пригласилъ и Вейтберга, и всѣ трое отправились въ небольшой трактиръ. Насталъ уже вечеръ, когда друзья, сильно разгоряченные виномъ, вышли изъ трактира и направились къ обителю Св. Агаты.

Едва они прошли нѣсколько шаговъ какъ бомбардиръ Вейтбергъ, на котораго сильнѣе всего подѣйствовало вино, началъ напѣвать извѣстную народную пѣсню, кончающуюся слѣдующимъ припѣвомъ:

Dann Ade, Ade, Ade, dann Ade, Ade, Ade,
Fein's Lieb vergiss mich nicht!

Другіе начали вторить ему.

— Посмотрите, господа, летитъ маленькій Шварцъ,—посмотрите какъ чудно сілетъ мѣсяцъ!.. Эхъ, да не идетъ ли, въ концѣ улицы, старый полковникъ? Глядите!

— Ну, если это овъ, отвѣтилъ Вейтбергъ,—то овъ сильно пьявъ, ишь какъ овъ шатается!..

— Тиме, замѣтилъ Эрихъ, болѣе благоразумный и хладнокровный нежели его товарищи.—Вы еще накаичите себя бѣду на голову. Я знаю что теперь дѣйствительно ждутъ стараго полковника. Идите тиме, мы должны пройти сейчасъ мимо одной изъ главныхъ здѣшнихъ гостилицъ, насъ могутъ замѣтить.

— Ахъ, все это пустяки! Это вовсе не былъ полковникъ.

— Я то же думаю. Вѣроятно какая-нибудь миленькая служаночка вытрясала изъ окна салфетку, а ты принялъ салфетку за бѣлый султанъ стараго полковника.

Drum Ade, Ade, Ade, drum Ade, Ade, Ade,
Fein Liebchen gedenk' an mich!

— Замолчите же, господа, уговаривалъ ихъ Эрихъ,—по вторюю вамъ что въ томъ отелѣ часто бывають офицеры.

— Посмотри, тамъ стоитъ карета, лепеталъ маленькій Шварцъ.—Какъ ты думаешь, Вейтбергъ, уступить ли намъ эта карета дорогу?

— Ради Бога, господа, тиме. Пойдемте скорѣе!

— Стыдись, Эрихъ, отвѣтилъ Шварцъ,—ты вѣдь не трусь, а хочешь уступить дорогу этой глупой каретѣ! Я не послѣдую твоему примѣру. Маршъ, впередъ!

— Шварцъ, прошу тебя, будь благоразумнѣе!

— Пустяки! Говоря это, овъ отворилъ дверцы, вошелъ въ карету и вышелъ съ другой стороны. Къ счастью для нашихъ друзей, лакей въ эту минуту вошелъ въ отель, а кучеръ нагнулся къ лошадямъ. За маленькимъ Шварцемъ послѣдовалъ Вейтбергъ. Эрихъ, желая скорѣе покончить эту шалость, также воочилъ въ карету. Овъ тихонько прихлопнулъ за собою дверцы и хотѣлъ уже выйти съ другой стороны какъ вдругъ замѣтилъ что изъ отеля вышла какая-то дама въ сопровожденіи молодаго офицера. Но кто ошешетъ ужась Эриха когда овъ въ офицерѣ узналъ графа Дагоберта Зеефельда? Что было дѣлать? Выйти не будучи замѣченнымъ овъ не могъ, остаться было также опасно: дама могла замѣтить его, услугаться и поднять шумъ. Къ счастью, дама остановилась предъ каретой и сказала нѣсколько словъ молодому гусару. Эрихъ окинувъ карету безнадежнымъ взглядомъ замѣтилъ большой пледъ. Овъ бросился въ самую глубь кареты, закутался пледомъ и притихъ.

Въ ту же минуту отворились двери и дама вошла въ карету. Затѣмъ дверцы опять замкнулись и карета поѣхала.

Маленькій Шварцъ и Вейтбергъ стояли между тѣмъ близъ гостиницы и ждали своего товарища. Вейтбергъ увѣрялъ что Эрихъ выйдетъ за нимъ въѣзъ въ карету, а бомбардиръ Шварцъ доказывалъ что Эрихъ вышелъ изъ нея съ другой стороны.

— Но куда же онъ дѣлся? спросилъ озабоченный Шварцъ.

— Не упалъ ли онъ?

Но Эриха нигдѣ не было. Они даже обратились къ швейцару гостиницы и все-таки ничего не узнали.

Вейтбергъ присѣлъ на тумбу и печально опустилъ голову.

— Знаешь что, пробормоталъ онъ нѣсколько минутъ спустя,—здесь что-то не чисто!

— Дуракъ! Ужь не думаешь ли ты что чертъ унесъ Эриха? Я скорѣе предлагаю вотъ что. Увѣренъ ли ты дѣйствительно что Эрихъ вышелъ съ нами изъ трактира? Былъ ли онъ съ нами? Мнѣ кажется будто мы его оставили въ казармахъ... онъ ложился спать. Если ты не очень пьянъ, обдумай-ка это хорошенько.

— Я вполнѣ трезвъ. Знаешь, ты, кажется, правъ. Эрихъ вѣроятно спитъ.

— Да. Вѣдь онъ вернулся сегодня изъ своего трехдневнаго ареста; онъ былъ уставши, ну, и легъ спать... Это понятно; а то же дѣлаю.

— Я также, а такъ какъ теперь очень поздно, то я и пойду домой спать.

Бомбардиръ Шварцъ устремилъ на минуту неподвижный взглядъ на близъ стоявшій фонарь; затѣмъ схватившись за свой портфель онъ вдругъ сказалъ:

— Послушай, дружище, тебѣ и думать нельзя о томъ чтобы спать. Знаешь, я только-что вспомнилъ что долженъ былъ отвести кого-то подъ арестъ. Я долженъ... иначе вахмистръ Пинкель, первый поручикъ и даже самъ капитанъ могутъ обвинить меня въ нарушеніи своихъ обязанностей и въ лѣнствѣ. Я исполню свою обязанность и отведу кого-нибудь подъ арестъ.

— Но кого же ты отведишь подъ арестъ? спросилъ задумчиво Вейтбергъ.—Будь съ нами Эрихъ—другое дѣло. Онъ добръ, услужливъ и не отказалъ бы намъ.

— Ну объ этомъ и говорить больше нечего. Эрихъ про-

сидѣлъ свои три дня; теперь наша очередь. Мнѣ отчего-то кажется что пойти подъ арестъ долженъ ты. Видишь, я опоясанъ саблею и икну въ рукѣ приказъ. У тебя же за лазухой хлѣбъ, следовательно тебѣ и идти надо. Покорись своей участи, дружище, вѣдь ты это заслужилъ. Право заслужилъ. Вѣдь ты былъ виноватъ въ томъ что длиннаго Виберта избили. Покорись.

— Еслибъ я только былъ увѣренъ въ томъ что я действительно подвергся аресту, отвѣтилъ соннымъ голосомъ бомбардиръ Вейтбергъ,—а то, вѣдь я не увѣренъ.

— Пойдемъ только, завтра все выяснится. Слышишь, бьютъ зорю; чортъ возьми, пожалуй ужь поздно!

Оба друга послѣшню пошли впередъ и нѣсколько минутъ спустя вошли въ прежнюю обитель Св. Агаты. Къ ихъ счастью, смотритель военной тюрьмы былъ также въ не совсѣмъ трезвомъ состоянн, а потому и не замѣтилъ какъ шатался маленькій Шварцъ. Онъ повелъ Вейтберга въ назначенную каморку и заперъ за нимъ дверь. Вейтбергъ бросился на деревянные нары и заснулъ крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. То же сдѣлалъ и бомбардиръ Шварцъ, благополучно вернувшись въ свою комнату.

IV. Въ каретѣ и въ лѣсу.

Эрихъ пережилъ мучительную минуту, пока карета летовулась съ мѣста. Сердце въ немъ билось съ такою силой что ему казалось что незнакомая дама непременно услышитъ его бѣшеніе. Чтѣ, если она приподниметь плаедъ! И хоть бы она скорѣе приподняла! Какое ужасное, мучительное состояніе!

Но незнакомка, казалось, ничего не подозрѣвала. Она прижалась въ самую глубь кареты, какъ разъ напротивъ Эриха. Лицо ея было покрыто густою вуалью.

Но вдругъ она выпрямилась, ея взглядъ упалъ на Эриха и она ухватилась рукою за звонокъ, чтобы приказать лакею остановить карету.

Эрихъ понялъ что настала рѣшительная минута. Онъ медленно высвободился изъ плаеда и проговорилъ тихимъ, умоляющимъ голосомъ:

— Ради Бога, сударыня, не звоните! Я не воръ, не разбой-

никъ... Я совершенно безвредный человѣкъ! Она наклонилась впередъ, сложивъ руки. Она проѣзжали, въ это время, мимо большаго, ярко освѣщеннаго фонаря и лицо его, прекрасное, умоляющее лицо, озарилось полнымъ свѣтомъ.

— Умоляю васъ, сударыня, простите меня! Это была шалость, глупая, непростительная шалость, и я глубоко сожалѣю о ней!

Незнакомка опустила шпурокъ, сѣла на свое мѣсто и тихо сказала:

— Хорошо, я не буду звонить и никого не позову; я пощажу васъ. Но я хочу знать, какимъ образомъ вы вошли сюда. Прошу васъ, говорите правду. Но прежде всего скажите, кто вы?

— Я только бомбардиръ конной артиллеріи; имя мое Эрихъ Фрейбергъ.

— Я вѣрю вамъ, да и вашъ мундиръ говоритъ за васъ, отвѣтила дама слегка дрогнувшимъ голосомъ.

Хорошо что ея лицо было покрыто густою вуалью, иначе Эрихъ замѣтилъ бы какъ странно засверкали глаза при его имени.

— Я шелъ съ двумя товарищами, продолжалъ Эрихъ, — которые должны были отвести меня подъ арестъ.

— Однако, господишь бомбардиръ, я начинаю сожалѣть что не позволила!

— Напрасно, сударыня. Вы и не подозреваете какъ легко всякому человѣку подвергнуться аресту, особенно при нашемъ начальникѣ. Онъ не любитъ меня и я наказанъ совершенно незаслуженно. Мои друзья сочувствовали мнѣ и мы рѣшились забыть наше горе за стаканомъ вина. Надѣюсь, сударыня, что мои слова и мой голосъ достаточно доказываютъ вамъ что я не лгалъ много....

— Да, но не ваши поступки. Какъ хотите, вѣдь это непростительно что вы вошли въ мою карету!

— Вы правы, сударыня. Но, увѣрю васъ, это было одѣлано безъ всякаго умысла. Мои товарищи сдѣлали то же самое, но она спаслись вовремя. Я вамъ все сказалъ. Еще разъ прошу васъ простить меня. А теперь, ради Бога, оставьте карету и выпустите меня. Я долженъ найти своихъ товарищей, иначе они могутъ надѣлать много глупостей.

— Я охотно исполнила бы вашу просьбу, но это невозможно. Вѣдь не могу же я приказывать теперь остановить карету и выпустить васъ, молодаго человѣка, въ виду моихъ

служителей, которые и не подозреваютъ что вы здѣсь. Неужели вамъ такъ непріятно пробыть здѣсь еще нѣсколько минутъ?

Эрихъ вздрогнулъ. Ему вдругъ показалось что онъ слышалъ гдѣ-то этотъ голосъ. Но гдѣ именно, онъ никакъ не могъ вспомнить. Онъ взглянулъ на нее приставльо, но ничего не могъ разглядѣть. Вуаль была слишкомъ густа.

— Мы выйдемъ сейчасъ изъ города и остановимся на нѣсколько минутъ. Мнѣ необходимо навѣстить одну особу. Вы останетесь до тѣхъ поръ въ каретѣ: это въ наказаніе. Вы хорошо знаете городъ? Не знаете ли вы, гдѣ мы теперь? Я вижу что-то похожее на замокъ или укрѣпленіе. Что это такое?

Эрихъ, не обращавшій все время никакого вниманія на направленіе по которому они ѣхали, посмотрѣлъ теперь въ окно и тотчасъ же узналъ укрѣпленіе принца Максимилиана. Онъ назвалъ незнакомкѣ укрѣпленіе.

— Итакъ, это маленькая крѣпость. Ужь не живете ли вы тамъ?

— Нѣтъ, сударыня, я живу въ другомъ концѣ города.

— Какъ тамъ наверху должно быть хорошо!... Все небо видно!... Взгляните-ка на это прекрасное звѣздное небо... Вы любите природу? Садитесь сюда ближе, отсюда виднѣе! Ахъ, сколько воспоминаній пробуждаетъ во мнѣ это небо... сколько счастливыхъ и грустныхъ воспоминаній!..

Голосъ ея звучалъ тихо, мягко; онъ глубоко проникъ Эриху въ душу. И для него эти звѣзды были полны воспоминаній, тяжелыхъ, горестныхъ воспоминаній...

— Взгляните, продолжала она своимъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ, — тамъ сверкаетъ Орионъ! Я не знаю болѣе прекраснаго созвѣздія... Орионъ — это могучій герой, вооруженный въ непроницаемую броню, съ блестящимъ, драгоценнымъ поясомъ. Сколько въ немъ двойныхъ звѣздъ! говорятъ, онъ приноситъ счастье тому... Но между ними также много туманныхъ пятенъ—о, счастливы тотъ кто можетъ ихъ избѣжать!

И опять голосъ ея звучалъ тихо, нѣжно, глубоко грустно. Онъ смотрѣлъ на Ориона и невольо вспомнилъ ту ночь когда его убаюкивала прекрасная, молодая, страстная женщина.

— О, Кольма, Кольма!

Слова эти невольо, почти бессознательно, вырвались изъ груди Эриха. Незнакомка откинула вуаль и наклонилась къ нему. Да, Эрихъ узналъ ее, узналъ, несмотря на ея

блѣдное, старательское лицо, узналъ ея прекрасные, все еще блестящіе глаза!

— Кольма! Кольма!

Она протянула ему обѣ руки и улыбнулась. Улыбка эта была грустная, старательская. Эрихъ никогда не могъ ея забыть.

— Эрихъ, мой милый Эрихъ!

Она схватила обѣ его руки, прижала ихъ къ глазамъ своимъ и зарыдала. Но не долго. Она наклонилась къ себѣ его голову и, поцѣловавъ его въ лобъ, сказала:

— Ты узналъ меня, не правда ли, узналъ? Ахъ, я такъ измѣнилась, столько выстрадала! Ты узналъ меня или я сама напомнила о себѣ, говоря обѣ Оріонъ? Скажи!

— Конечно, Кольма, я узналъ васъ!

Она тяжело вздохнула и, минуту спустя, прибавила:

— Вѣрю тебѣ, милый Эрихъ. Но взгляни на меня! не правда ли, я очень измѣнилась?

Дѣйствительно, она страшно измѣнилась! Это сказалъ бы всякій кто зналъ Кольму нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кольма, прежняя Кольма—это была дикая, страстная, чудно прекрасная женщина! Она была тогда въ полной силѣ, гордая сознаниемъ своего генія, невозмутимая, безстрашная, своенвольная... А теперь, теперь и тѣни не было прежней Кольмы! Эриху не вѣрилось чтобъ это была та же самая гордая, смѣлая наѣдница, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ приводила тысячи людей въ бѣшеный восторгъ. Правда, черты ея лица еще сохранили слѣды прежней рѣдкой красоты, но только слѣды. Не измѣнились только ея прекрасные, черные глаза.

Въ первую минуту когда она заговорила съ Эрихомъ, лицо ея запылало отъ сильнаго волненія и это придало ему нѣкоторую жизнь. Но теперь, когда она, немного успокоившись, откинулась назадъ въ уголъ кареты, теперь она показалась Эриху такою блѣдною, изнуренною, такою страдалицей что глаза его наливались слезами. Онъ схватилъ ея маленькую, все еще прекрасную руку и тихо зарыдалъ.

— Полно, Эрихъ, успокойся. Я такъ рада видѣть тебя, къ чему слезы? они только омрачаютъ радость нашего свиданія. Да и не все ли равно! Я умру скоро, но вѣрь мнѣ, я не сожалею обѣ этомъ. Я слишкомъ много испытала горя въ этой жизни... Я устала, Эрихъ...

— Ахъ, Кольма, не говорите такъ! Вы еще поправитесь

Вы измѣнились, это правда, но вѣдь вы были, вѣроятно, очень больны.

— Ты знаешь, Эрихъ, причину моей болѣзни. Меня спасли тогда, но я все-таки должна умереть, умереть, перестрадавъ нѣсколько лѣтъ... Но довольно объ этомъ. У меня есть огорченія и заботы болѣе важныя. Я ищу Бланду. Мы говорили что ея жизнь также не красна.

— Бланду? Я видѣлъ ее нѣсколько дней тому назадъ!

— Случайно, или ты видѣлся съ нею часто?

— Нѣтъ, я видѣлъ ее всего два раза, да и то совершенно случайно. Въ первый разъ я даже не былъ вполнѣ увѣренъ она ли это. Наша батарея возвращалась домой съ ученья и мы проѣзжали мимо цѣлой толпы молодыхъ дѣвушекъ, гулявшихъ со своими наставницами. Мы почти уже проѣхали мимо ихъ, когда одинъ изъ офицеровъ сказалъ другому: „Не знаешь ли ты кто эта молодая, прелестная блондинка? Она смотрѣла такъ пристально на насъ.“ Я быстро обернуся и мнѣ показалось что я вижу Бланду.

— Это вѣроятно и была она, и должно-быть, узнавъ тебя, остановилась. Это похоже на нее и я знаю что она никогда не забудетъ тебя.

— Какъ я счастливъ, если это правда! Затѣмъ я видѣлъ ее нѣсколько дней тому назадъ. Но я не могъ тогда подойти къ ней. Она, при мнѣ, сѣла въ коляску и уѣхала.

— Ты, вѣроятно, ошибся, отвѣтила Кольма и на лицѣ ея выразилось сильное безпокойство.—Она гуляла одна или съ другими дѣвицами?

— Нѣтъ, одна. Не думаю также чтобъ она ѣхала на прогулку. Коляска была простая, наемная, голубая, съ красными колесами. Я замѣтилъ также что прежде нежели Бланда сѣла въ нее, къ ней прикрѣпили небольшой сумдукъ.

— Неужели я опоздала? Нѣтъ, быть не можетъ. Я, вѣроятно, узнала бы, еслибы графиня Зефельдъ взяла ее такъ скоро изъ пансіона... Ужь не предупредилъ ли меня господинъ Рено? Можетъ-быть. Ахъ, Господи, какъ мы ѣдемъ медленно!

Карета остановилась и лакей, взявъ отъ Кольмы визитную карточку, отправился доложить о ней директорсѣ.

— Ты свободенъ! Но обожди меня немного. Остаешься въ каретѣ; я не заставаю тебя долго ждать.

Она вышла изъ кареты и направилась къ зданію пансіона. Она шла медленно, вся согнувшись впередъ. Эрихъ глядѣлъ

на все грустно, глубоко сожалѣя ее. Онъ взглянулъ на зданіе пансіона: все было темно, тихо, будто тамъ никто не жилъ.

Кольма, въ сопровожденіи дворецкаго, прошла дворъ и вошла на слабо освѣщенную лѣстницу. Ее поразила странная тишина царившая всюду. Ей не вѣрилось чтобъ это былъ пансіонъ молодыхъ дѣвицъ. Ее ввела въ небольшую, изящную комнату и просила немного подождать.

Нѣсколько минутъ спустя вошла гжа фонъ-Вельмеръ, начальница пансіона, и съ вѣкоторыми смущеніемъ спросила незнакомку пріѣхать.

— Если вы пріѣхали сюда чтобъ опредѣлить какую-нибудь молодую особу, то пріѣхали вы напрасно, сказала она лоскѣнно.—Пансіонъ для дѣвицъ высшаго круга закрытъ уже нѣсколько дней тому назадъ. Дѣвицы всѣ возвратились къ своимъ роднымъ. Герцогиня амстрема, въ послѣдствіи, опять открытъ этотъ пансіонъ, конечно, на другихъ началахъ, но до этого вамъ придется еще долго ждать.

Кольма терпѣливо выслушала бывшую начальницу и спросила:

— Гдѣ же теперь находится Бланда Прайсъ?

— Здѣсь, въ пансіонѣ, была одна наставница, въ которой я, къ сожалѣнію, очень ошиблась,—это мамзель Штѣккель. Она очень добрая, честная особа и Бланда ее очень любила. Вотъ она-то и предложила Бландѣ переехать къ ней, пока та не устроится. Къ сожалѣнію, я не могу сказать навѣрно гдѣ живетъ мамзель Штѣккель, но я полагаю что она находится въ настоящее время у своего старшаго брата, лѣсничаго. Онъ живетъ недалеко отсюда, въ небольшомъ охотничьемъ замкѣ. Вы въ полчася доѣдете туда.

— Благодарю васъ, сударыня, сухо проговорила Кольма. Фонъ-Вельмеръ вѣжливо проводила ее до самаго подъѣзда.

Ночь была тихая, лунная. Они ѣхали по лѣсу. Такъ прошло около получаса. Карета остановилась предъ высокими деревянными воротами. Послышался лай собакъ, ворота открылись и громкій голосъ спросилъ: кто тамъ и чего желаютъ?

— Здѣсь живетъ лѣсничій Штѣккель? спросила Кольма.

— Здѣсь, только его нѣтъ теперь дома.

— Нельзя ли въ такомъ случаѣ видѣть его сестру или молодую особу которая гоститъ у нихъ?

— Вотъ оно что, ласково отвѣчалъ голосъ, — гостя-то

должно-быть знала что вы придѣте. Она оказала давеча сестрѣ барина: посмотри, у насъ будутъ сегодня гости.

— Можно взѣхать во дворъ? спросилъ кучеръ.

— Трудновато. Вишь какъ темно, а ворота-то узки.

— Ну такъ я останусь здѣсь.

Кольма и Эрихъ отправились къ охотничьему замку. Это былъ прелестный маленькій замокъ, съ высокими зубчатыми башенками.

Имъ послышались тихіе, вѣжные звуки цитры. Въ ту же минуту отворилась предъ ними дверь и они очутились на порогѣ большой, ярко освѣщенной залы. Они остались, точно пораженные: то что они увидали было до того неожиданно, прекрасно и сказочно что у Эриха сердце сильно забилось и ему еще разъ почудилось что онъ видитъ прекрасный волшебный сонъ. Комната была большая, осьмиугольная. По стѣнамъ висѣли разныя охотничьи принадлежности, оленья рога и всевозможныя оружія. Большой, высокій каминъ ярко пылалъ. Съ потолка спускалась изящная розовая лампа и ея свѣтъ сгущивался со свѣтомъ огня горѣвшаго въ каминѣ. Изъ высокаго готическаго окна проникали яркіе лучи мѣсяца и еще болѣе освѣщали комнату. Вся стѣна, около камина, была такъ густо покрыта плющемъ что образовала прелестную, густую бесѣдку. Въ этой бесѣдкѣ, вся освѣщенная пламенемъ камина, сидѣла въ мягкихъ креслахъ прелестная молодая дѣвушка съ свѣтлыми, вьющимися волосами. Она задумчиво смотрѣла на огонь. У ногъ ея, положивъ къ ней на колѣни голову, лежала громадная охотничья собака. Недалеко отъ молодой дѣвушки сидѣла другая, тоже молодая, и прелая. Наконецъ, въ самомъ углу залы, сидѣлъ кто-то, разглядѣть его было трудно, и игралъ на цитрѣ.

Кольма тако отошла отъ порога и подошла къ камину. Молодая прелестная дѣвушка, замѣтивъ ее, устремила на нее изумленный взглядъ. Но вдругъ лицо ея вспыхнуло несказанною радостью, она бросилась къ Кольмѣ и начала ее обнимать горячо, страстно.

— Ахъ, Кольма, Кольма, какъ я рада тебѣ видѣть!

Эрихъ стоялъ въ тѣни и съ вѣщимъ восторгомъ смотрѣлъ на Бланду. Нѣтъ, такой прекрасною, такой изящною не думалъ онъ ее увидѣть! Нѣтъ, это была не прежняя маленькая, робкая дѣвочка, не прежняя Бланда!

— Посмотри, Бланда, сюда; развѣ ты не узнаешь его? спросила Кольма, подводя Бланду къ Эриху.

— О, нѣтъ, узнаю, отвѣчала Бланда, протягивая ему обѣ руки и устремивъ на него горячій, счастливый взглядъ. Затѣмъ она вдругъ наклонилась къ нему, подставила ему для поцѣлуя свой лобъ и продолжала:

— Поцѣлуй меня точно также какъ я поцѣловала тебя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прощаясь съ тобою. Эрихъ, я такъ рада видѣть тебя!

Звукъ цитры вдругъ замолкъ, не докончивъ начатую мелодію. Бланда подошла къ молодой женщинѣ которая прала, обхватила ее рукою и подвела къ Кольмѣ и Эриху.

— Взгляни, сказала она, — вотъ мой другъ и моя покровительница съ дѣтскихъ лѣтъ, а это мой другъ и мой покровитель, я его очень уважаю, очень люблю; а это, Кольма, продолжала она обнявъ другою рукою Кольму, — это моя добрая, дорогая Штѣккель, моя наставница и другъ, которая приютила меня у себя.

Мамзель Штѣккель вѣжливо поклонилась Эриху и устремила на него провидательный взглядъ. Бланда, замѣтивъ это, засмѣялась и весело сказала:

— Да, это тогъ самый! Это изъ-за него я тогда оставилась, а фрейлейнъ фонъ-Кваде еще такъ сердилась! А онъ проѣхалъ тогда мимо, не обративъ на меня никакого вниманія!

— Нѣтъ, Бланда, я узналъ васъ, хотя не былъ вполнѣ увѣренъ что это вы. Я даже не подозрѣвалъ что вы находились въ томъ пансіонѣ! Я узналъ объ этомъ только тогда когда вы уѣзжали въ голубой коляскѣ.

— Ты видѣлъ меня, но гдѣ же? Я никого не замѣтила.

— Я видѣлъ васъ изъ небольшой крѣпости, на возвышеніи, противъ самаго пансіона.

— Съ крѣпости? Глаза ея приняли серьезное, мрачное выраженіе. — Значитъ, ты жилъ тамъ на верху, значитъ ты часто смотрѣлъ въ садъ?

— Нѣтъ, Бланда, я только навѣщалъ своего друга, который жилъ тамъ. Я увидѣлъ васъ совершенно случайно.

— Такъ это было только случайно! Она тихо вздохнула, будто сбрасывая съ себя какую-то тяжесть. Глаза ея засіяли яснымъ, радостнымъ свѣтомъ.

— Подойдите сюда, Иосифъ, сказала Бланда молодому

человѣку сидѣвшему въ углу, — я хочу представить васъ друзьямъ моимъ.

— Это единственный сынъ моего брата, замѣтила мамзель Штѣккель, въ то время какъ Иосифъ медленно подходилъ къ камину, за которымъ сидѣло все общество.

Иосифъ былъ высокій, стройный молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати. На лицѣ его было какое-то особенное, странное выраженіе страданія. Онъ поклонился присутствующимъ какъ-то робко, неловко. Бланда похвалила его игру на цитрѣ. Онъ слушалъ ее, устремивъ на нее горячій, умоляющій взглядъ, хотѣлъ что-то сказать, но никакъ не могъ, и тихо, неровно пошелъ назадъ въ свой уголь. Всѣ замѣтили что правая нога его слегка дрожала, когда онъ шелъ, будто она причиняла ему сильныя страданія.

Нѣсколько минутъ спустя вошелъ въ комнату лѣсничій. Онъ видимо изумился увидѣвъ у себя гостей. Нельзя также сказать чтобъ онъ обрадовался имъ.

— Я уже думалъ, увидя карету, что ко мнѣ пріѣхалъ главный егермейстеръ, сказалъ онъ нѣсколько рѣзко и громко. Затѣмъ онъ подошелъ къ камину и началъ грѣть свои руки. Онъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на общество находившееся въ его комнатѣ.

Мамзель Штѣккель обождала нѣсколько минутъ и сказала брату:

— Эта дама пріѣхала повидаться съ Бландой.

— Въ такое позднее время! коротко отвѣтилъ онъ. — Чего вы еще желаете, сударыня?

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами, господинъ лѣсничій.

— Очень хорошо. Я до ужина свободенъ и къ вашимъ услугамъ.

Мамзель Штѣккель быстро встала съ своего мѣста и вышла изъ комнаты въ сопровожденіи Бланды и Эриха.

— Вы были такъ добры что пріютили у себя въ домѣ Бланду, которую я люблю какъ сестру, какъ дочь свою. Я очень вамъ благодарна и сумѣю вамъ это доказать.

— Сестра моя меня объ этомъ просила. Я не былъ противъ этого, такъ какъ зналъ что объ онѣ не намѣревались остаться здѣсь слишкомъ долго. Извините меня, сударыня, что я говорю немного рѣзко. Но дѣло въ томъ что я не могу держать у себя долго постороннихъ людей; иначе, сей-

часть же пойдутъ разные толки и слухи. И все это перелазалъ сестрѣ. Она ловяла меня и останется здѣсь очень короткое время. Куда дѣнется другая, этого я не знаю.

— Я возьму ее къ себѣ. Если она стѣсняетъ васъ, я увезу ее сегодня же вечеромъ.

Кольма произнесла послѣднія слова дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ. На лицѣ ея появилась опять яркая краска.

— Ну, особенно я не тороплюсь, отвѣтилъ лѣсничій, устремивъ мрачный, недовольный взглядъ въ уголокъ гдѣ сидѣлъ его сынъ. Иосифъ, будто не обращая никакого вниманія на отца и на Кольму, продолжалъ наигрывать какую-то грустную, тихую мелодію.

— Послушай, Иосифъ, вскричалъ лѣсничій, обращаясь къ сыну,—неужели ты не въ состояніи сыграть что-нибудь повеселѣе! Жизнь и такъ не радостна! Еще разъ повторяю вамъ, сударыня, что я не особенно тороплюсь. Она можетъ остаться здѣсь пока останется сестра.

— Мамъ, дѣйствительно, было бы трудно взять молодую дѣвушку сегодня съ собою. Потому я вамъ очень благодарна. Я буду спокойна, зная что она находится подъ присмотромъ и покровительствомъ вашей сестры. Еще разъ благодарю васъ.

— Не за что! Услуга не велика! Будь у меня въ домѣ все въ порядкѣ, я былъ бы можетъ-быть очень радъ присутствію Бланды, но... но лучше если ея здѣсь не будетъ... Намъ лучше уединеніе,—продолжалъ онъ тихо, устремивъ глаза на огонь:—уединеніе здѣсь необходимо, а то имъ овладѣваютъ разные невозможныя и неосуществимыя мысли... Пусть онъ остается при своей цитрѣ!

Кольма очень хорошо понимала на кого и на что лѣсничій намекалъ. Она взглянула въ ту сторону гдѣ сидѣлъ Иосифъ. Бѣдный юноша пересталъ играть и задумчиво смотрѣлъ на свою цитру.

— Да, продолжалъ лѣсничій, кивнувъ головой и такъ тихо что одна Кольма могла разслышать его слова, — его мать была такая же мечтательница. Онъ весь въ нее... Она была нервная, страстная жеащина, фантазерка. Вотъ отчего испугъ такъ сильно подѣйствовалъ на нее когда она была имъ беременна, и вотъ почему онъ родился преждевременно. Ей не слѣдовало быть женою охотника. Однажды на охотѣ

меня сильно ранили и принесли домой окровавленнаго, безчувственнаго. Она, завидѣвъ меня, вскрикнула и утала.... Онъ тогда и родился. Вы видите, онъ довольно разуменъ, но слабъ, болѣзненъ и не можетъ сказать сряду шести словъ. Это меня сильно огорчаетъ. Вотъ отчего я угрюмъ и недлюдимъ. Теперь вы все знаете, прошу васъ не осудите меня за прежнюю рѣзкость. На сегодняшній вечеръ вы моя дорогая гостья. Однако, куда это они дѣлись? продолжалъ онъ заглядывая въ дверь.

— Я пойду за ними, быстро отвѣтила Кольма и не дождавшись отвѣта послѣшно вышла изъ комнаты. Она была довольна что ея разговоръ съ лѣсничимъ окончился и боялась чтобъ онъ не задержалъ ея.

Лѣсничій подошелъ къ камину и началъ мѣшать уголья. Когда онъ приподнялъ голову, то увидѣлъ что Иосифъ стоялъ подлѣ него, устремивъ оживленный, полный безлокойства взглядъ.

— Чего ты хочешь, Иосифъ? спросилъ лѣсничій необыкновенно мягкимъ голосомъ.

Юноша взглянулъ на дверь, потомъ опять устремилъ свои глаза на отца. Все это сопровождалось движеніемъ его указательнаго пальца. Потомъ, прижавъ свою руку къ груди отца, онъ тихо проговорилъ:

— Вы.... говорили...

— Да, я разговаривалъ съ тою дамой; такъ что же?

— Здѣсь.... остаться.

— Кто долженъ остаться здѣсь? Та чужая дама?

Иосифъ покачалъ отрицательно головой.

— Следовательно должна остаться твоя тетя Катерина?

— Да, и....

— Послушай, Иосифъ, вѣдь ты кажется слышалъ мой разговоръ съ тою дамой?

Молодой человекъ кивнулъ головой и положилъ указательный палецъ правой руки поперекъ лѣвой.

— Ты слышалъ? Худо только то что ты слышалъ половину, хотя и совсѣмъ не долженъ былъ слышать. Ну, да я самъ виноватъ: я прервалъ твою игру. Послушай, я повторю тебѣ то что сказалъ той дамѣ. Я сказалъ ей что чѣмъ скорѣе она отвезетъ отсюда Бланду, тѣмъ лучше. Она не нужна намъ. Ты недоволенъ этимъ?

По лицу Иосифа пробѣжало какое-то судорожное, страдальческое выраженіе. Глаза его засіяли и онъ тихо проговорилъ:

— Счастливъ... буду...

— Полно, Иосифъ, перестань. Старикъ улыбнулся какъ-то грустно, принужденно.—Тебѣ счастья хочется? Но развѣ это возможно? Сравни ее съ собою! Да и что она намъ? Она пріѣхала сюда совершенно неожиданно и скоро уѣдетъ. Что ты качаешь головой? Развѣ она не пріѣхала сюда неожиданно?

— Нѣтъ, нѣтъ! Иосифъ проговорилъ эти слова скоро, внятно.

— Какъ нѣтъ? Развѣ ты зналъ что она пріѣдетъ, или ты видѣлъ ее прежде?

— Да, да.

— Господи! Да гдѣ же?

Юноша вмѣсто отвѣта слегка провелъ рукой по своему лбу и весело, счастливо улыбнулся. Отецъ никогда еще не видалъ на лицѣ его такого веселаго, яснаго выраженія. Онъ отвернулся и грустно, мрачно взглянулъ на огонь.

— Гдѣ же ты видѣлъ ее?

Иосифъ подошелъ къ окну и, взявъ оттуда открытую книгу, подавъ ее отцу. Это были иллюстрированныя народныя сказки. Картины были очень хороши. Лѣсничій увидѣлъ предъ собою изображеніе „спящей красавицы“. Картина изображала спящую красавицу; у ногъ ея лежала большая, прекрасная охотничья собака. Иосифъ былъ правъ: изображеніе спящей красавицы имѣло дѣйствительно странное, поразительное сходство съ прелестною Бландой.

Лѣсничій, осмотрѣвъ внимательно картину, возвратилъ сыну книгу.

— Такъ это она, и ты здѣсь ее видѣлъ? Но вѣдь „это“ остается здѣсь. А та, та такая же сказочная принцесса... Было бы лучше еслибъ она не пріѣзжала сюда. Слушай....

Дверь открылась и общество вернулось. Впереди всѣхъ шла Бланда. Она была въ эту минуту удивительно хороша. Вокругъ ея прекрасныхъ свѣтлыхъ волосъ лежалъ гнѣзокъ изъ свѣжихъ дикихъ виноградныхъ листьевъ. Лицо ея раскраснѣлось, въ глазахъ свѣтилась глубокая, безконечная радость. Рядомъ съ ней шла охотничья собака. Звѣтъ слѣдовала Кольма съ хлѣбомъ, мамзель Штѣккеа съ жаркимъ и, наконецъ, Эрихъ нагруженный тарелками, вилками и ножами.

Лѣсничій въ первую минуту нахмурилъ брови и окинулъ воемшихъ сердитымъ, недовольнымъ взглядомъ. Но мало-

по-малу лицо его прояснилось и онъ началъ съ ласковою улыбкой наблюдать за молодежью которая накрывала столъ. Иосифъ при видѣ Бланды остановился точно вкопанный. Но потомъ онъ быстро вернулся въ свой уголъ и началъ играть на цитрѣ. Странная это была мелодія: въ ней слышались и радость и горе, и смѣхъ и слезы. Будто кто-то глубоко страдалъ и въ этомъ же страданіи находилъ себѣ наслажденіе и отраду.

Было уже десять часовъ когда кончили ужинать. Кольма встала и протянула лѣсничему руку.

— Ты уѣзжаешь? спросила ее Бланда. Она обняла Кольму и прижавъ къ ея груди свою прекрасную головку, тихо повторила:—Ты уходишь такъ рано!

— Я скоро вернусь; можетъ-быть завтра.

— И все-таки мнѣ такъ тяжело расстаться съ тобою! Я еще никогда въ жизни не была такъ счастлива какъ сегодня. Но вѣдь ты скоро пріѣдешь, не правда ли? И ты, Эрихъ, также? Вѣдь ты пріѣдешь завтра? обратилась она къ нему.

— Нѣтъ, завтра я не могу придти, но я скоро буду здѣсь.

Бланда печально олустила голову.

Тогда Эрихъ взялъ ее за руки и началъ ихъ горячо цѣловать. Иосифъ, сидѣвшій въ своемъ углу, видѣлъ это и глаза его засверкали жгучимъ, мрачнымъ огнемъ. Лѣсничій, взявъ со стола свою фуражку, собирался проводить своихъ гостей. Мамзель Штѣккель подошла къ Бландѣ и обнявъ ее, тихо сказала ей:

— Не горюйте, милая Бланда, они вѣдь скоро пріѣдутъ сюда. Васъ хотятъ отнять у меня. Мнѣ будетъ грустно безъ васъ; я такъ привыкла къ вамъ!

Иосифъ услышавъ эти слова кивнулъ вѣсколько разъ сильно головой. Но никто этого не замѣтилъ. Никто также не замѣтилъ что онъ посадовалъ за всѣми, спрятался въ нишѣ высокой каменной стѣны и оттуда наблюдалъ за Бландой, освѣщенной полнымъ луннымъ свѣтомъ.

Карета осторожно спустилась съ высокаго холма на которомъ стоялъ охотничій замокъ, и вѣсколько минутъ спустя они вѣехали въ темный, густой лѣсъ. Кольма сидѣла въ углубленіи кареты и молчала. Эрихъ началъ говорить о томъ какъ понравилось ему тамъ наверху, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на него этотъ чудный вечеръ. Онъ гово-

рилъ о Бландѣ, о ея красотѣ, граціи, говорилъ восторженно. Кольма все слушала его молча и вдругъ, склонивъ голову на руки, сильно, страстно зарыдала.

— Ахъ, Эрихъ, Эрихъ, ты не виновенъ въ моихъ слезахъ, какъ не виновна и Бланда; всему причиной онъ, этотъ ненавистный графъ Зеefeldъ!... Онъ отравилъ мою жизнь, онъ разбилъ ее!... Но не жаль мнѣ жизни, не объ этомъ я плачу!... Не все ли равно: проживу я еще два дня или тридцать лѣтъ.... Я никогда не знала радости, не знала счастья. Оттого и жизнь никогда не была мнѣ мила и дорога. Вспомни тотъ вечеръ когда я неслась на дикомъ конѣ и своимъ лассо ловила венгерскую степную лошадь.... Я видѣла: тысяча людей смотрѣли тогда на меня, свѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, молчаливые и блѣдные. Они боялись и дрожали за меня. А въ чемъ была моя сила? Въ томъ что я не любила жизни, не боялась смерти! Нѣтъ, я находила даже невыразимое наслажденіе въ этомъ сознаниіи что я между жизнью и смертью!

— Кольма, какія печальныя мысли! Вѣдь мы теперь всё свидѣлись опять и мы счастливы. Я говорю „мы“, потому что я принадлежу къ вамъ. Я былъ одинокъ, сирота, а теперь я счастливъ, потому что люблю васъ обѣихъ и знаю что любимъ вами.

— Ахъ, Эрихъ, вотъ это-то свиданіе и заставляетъ меня такъ глубоко страдать. Я боюсь, Эрихъ, боюсь, проговорила она съ выраженіемъ такой глубокой душевной муки что Эрихъ невольно вздрогнулъ,—что мы видимся въ послѣдній разъ.... Я разстанусь съ вами скоро, разстанусь на вѣки.

— Кольма, какъ вы можете такъ говорить!

— Я говорю правду. Я чувствую что мой конецъ близокъ. Я знаю, Эрихъ, что ты испугался, завидѣвъ меня сегодня. А между тѣмъ я еще была оживлена сегодня; я видѣлась съ графомъ Зеefeldомъ.

— Вы говорили съ нимъ?

— Да. Этотъ разговоръ глубоко взволновалъ меня. А потому свиданіе съ тобою, съ Бландою. Сегодня я еще бодра, могу еще говорить, а завтра... Еслибы ты зналъ, Эрихъ, какіе грустные, мучительные часы провожу я иногда на своемъ креслѣ. Я едва нахожу силъ дышать, говорить.

— Кольма, вѣдь это ужасно.

— А между тѣмъ я должна жить. Я необходима Бландѣ: она совершенно одинока. Да, я нужна ей, нужна еще тебѣ.

Онъ нагнулся къ ней, схватилъ ея горячія, влажныя руки и горячо прижалъ ихъ къ своимъ губамъ. Она тихо отяла ихъ, обхватила его голову и скрыла на ней свое пылающее лицо.

— Меня страшитъ, Эрихъ, мысль что я можетъ-быть вижу васъ въ послѣдній разъ. Я нужна Бландѣ, но я виновата если теперь уже поздно.... Когда графиня Зеefeldъ взяла Бланду подъ свое покровительство, маѣ объявили что я должна навсегда отречься отъ нея, что отъ этого зависитъ вся ея будущность, все ея счастье. Я не задумалась ни на минуту. Я дорожила счастьемъ Бланды. Я избѣгала ее, дѣлала видъ что забыла ее. Недавно я получила другое извѣстіе. Маѣ объявили что ошиблись въ Бландѣ, что отъ нея отказываются и что я, если хочу, могу сама принять на себя заботу о ней. Еслибы ты зналъ какъ это извѣстіе поразило меня. Я забыла свои страданія, свою тоску и послѣдила сюда. Теперь я должна разказать тебѣ о моемъ свиданіи съ этимъ—съ этимъ человѣкомъ который разбилъ и погубилъ всю мою жизнь. Я пріѣхала сюда и написала ему что маѣ необходимо переговорить съ нимъ. Я не подписалась и онъ не зналъ отъ кого письмо. Я назначила свиданіе въ томъ отелѣ. Онъ пріѣхалъ и, увидѣвъ меня, поблѣднѣлъ какъ смерть.... Я встрѣтила его просто, будто между нами ничего не было, будто я не знала его. И это, кажется, еще сильнѣе поразило и уничтожило его. Я уже не видѣла больше предъ собою прежняго легкаго, тщеславнаго, гордаго аристократа; онъ, видимо, глубоко страдалъ.... Я спросила его не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Бландѣ. Онъ объявилъ что ничего о ней не знаетъ, что не вмѣшивается въ дѣла своей тетки; однако, я ему не повѣрила.

— Вы были правы! вскричалъ глубоко взволнованный Эрихъ.—Онъ зналъ о Бландѣ и зналъ отъ меня!

— Отъ тебя?

Эрихъ разказалъ ей въ нѣсколькихъ словахъ какъ онъ нашелъ въ ту роковую ночь бумаги графа Зеefeldъ, какъ онъ вернулъ ихъ, оставивъ при себѣ только одинъ запечатанный конвертъ. Онъ разказалъ также содержаніе писемъ адресованныхъ на имя графа Дагоберта Зеefeldъ.

— Не знаю, Кольма, хорошо ли я поступилъ, удержавъ при себѣ этотъ запечатанный конвертъ. Но маѣ все ка-

залось что эти бумаги имѣють большое значеніе для Бланды. Хорошо ли я поступилъ?

— Да, ты поступилъ хорошо. Жаль только что ты возвратилъ ему тѣ письма. Однако мы вѣзжаемъ въ городъ, Эрихъ, и должны будемъ скоро разстаться.

— Не могу ли я видѣть васъ завтра, Кольма?

— Это невозможно. Я должна вернуться домой и устроить свои дѣла. Затѣмъ я перевезу Бланду къ себѣ. Я устрою ея судьбу и ея счастье!

— Прощай, Эрихъ, мы скоро увидимся.

Она приказала кучеру остановить карету. Эрихъ выскочилъ на дорогу и подошелъ къ самымъ дверцамъ. Она обняла его крѣпко, устремила на него свои прекрасные, влажные отъ слезъ глаза и поцѣловала его въ лобъ, въ глаза и въ губы.

— Прощай, Эрихъ, прощай мой милый, мой дорогой, мой братъ! Прощай, мы скоро увидимся!

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ

СЕРБІЯ И ТУРЦІЯ*

V.

На другой день послѣ схода сельчанъ меня разбудили очень рано къ заутренѣ и я пошелъ въ церковь. Макарій позвалъ меня на клиросъ и далъ мнѣ церковную книгу, напечатанную мелкимъ шрифтомъ и порядочно закапанную воскомъ. Я съ трудомъ могъ разобрать, но отказаться было не ловко, чтобы не подать повода сказать что педагогъ не умѣетъ читать. Послѣ богослуженія Макарій пригласилъ къ себѣ на черный кофе старосту монастыря, кмета и нѣкоторыхъ лицъ бывшихъ въ церкви, въ томъ числѣ и меня, но уже не такъ ласково какъ въ первый разъ: онъ мнѣ просто сказалъ „иди и ты съ нами“. У самыхъ дверей комнаты онъ снялъ свои туфли. Первый вошелъ староста и по приглашенію Макарія сѣлъ на почетное мѣсто; подлѣ него помѣстился хозяинъ; прочіе гости, въ томъ числѣ и я, заняли также указанные мѣста вокругъ стѣны на старомъ вытертомъ коврѣ. Макарій захопалъ въ ладоши; явился слуга, неся на подносѣ кофе и сталъ подносить. Послѣ угощенія всѣ закурили трубки.

Макарій завелъ рѣчь о моемъ прибытіи и объ устройствѣ школы.

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 10.

— Это нашъ братъ, сказалъ онъ, указывая на меня и называя по имени,—родился здѣсь, но учился въ Сербіи, Онъ пришелъ на родину чтобъ быть учителемъ. Желаете ли вы открыть школу при монастырѣ и поручить ему воспитаніе вашихъ дѣтей?

Всѣ, кромѣ старосты, отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Какже! мы будемъ очень рады, только объ этомъ надо будетъ потолковать на саставкѣ.

Макарію, казалось, нравилось такое единодушное заявленіе селяковъ, но онъ часто посматривалъ на старосту, а тотъ упорно молчалъ и только выпускалъ изо рта густые клубы табачнаго дыма. Озадаченный монахъ задумался и, поглаживая свою черную бороду, украдкой взглядывалъ на своего молчаливаго сосѣда. Наконецъ онъ опять заговорилъ:

— Но будете ли вы въ состояніи платить жалованье учителю? ему нужно одѣться, обуться и прокормиться.

— Что тутъ толковать о жалованьи! сказалъ одинъ изъ гостей. — Если мы даемъ подать Туркамъ и владыкамъ, то можемъ платить и учителю. Тутъ прямая польза для нашихъ дѣтей; они не будутъ также слѣпы и глупы какъ мы. Намъ лучше имѣть дѣло съ своимъ человѣкомъ; онъ скорѣй пойметъ наши нужды, чѣмъ тотъ кто насъ не знаетъ.

Послѣднія слова простодушнаго селяка видимо не понравились монаху; онъ хорошо понималъ что на него смотрѣли какъ на чуждаго пришельца.

Между тѣмъ староста, выкуривъ свою трубку, важно всталъ, простился со всѣми и вышелъ изъ комнаты. Макарій побѣждалъ за нимъ, и на дѣйствицѣ послышался тихій шопотъ между ними. Поселяне съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга. Черезъ нѣсколько минутъ монахъ вернулся и чтобъ отвлечь общее вниманіе отъ страныхъ выходовъ своего лютнаго посѣтителя, повелъ рѣчь опять о школѣ.

— Вчерашній день я писалъ къ сараевскому владыкѣ объ этомъ братѣ, и буду очень радъ если онъ уважитъ мою просьбу, потому что вы сами желаете имѣть учителя изъ вашихъ земляковъ. Вотъ мы и заживемъ здѣсь, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Ты будешь учить дѣтей, а я займусь храмомъ Божиимъ.

— Дай Богъ чтобъ было такъ! отвѣчали присутствующіе.

Макарій перешелъ къ другому разговору и съ улыбкой сказалъ мнѣ:

— Завтрашній день мы поѣдемъ съ тобой въ Новую Варошь чтобы представить тебя мудиру и ктиторамаъ и поговорить съ ними насчетъ школы. Только тебѣ надо взять царскую тескеру (турецкій паспортъ), а сербскій паспортъ оставить у мудира. Такой нынче здѣсь порядокъ.

— Э! совсѣмъ не нужно мѣнять паспорта, возразилъ одинъ изъ селяковъ мигнувъ мнѣ глазомъ.—Все равно...

— Я лучше это знаю, перебилъ его монахъ.—Сербскій паспортъ не имѣетъ здѣсь никакой силы, а съ царскою тескерою оны пойдеть свободно и безопасно куда захочеть.

Гости разошлись. Мы съ Макаріемъ пошли въ поле, проходя по прежнимъ границамъ монастырской земли. Дорогой Макарій жаловался на Турокъ что они очень много присвоили себѣ монастырскихъ земель и совершенно разорили обитель; оны прибавилъ что намъренъ начать съ ними тяжбу о возвращеніи отчужденной собственности.

— А вѣдь ты могъ бы также быть полезень, сказалъ оны вкрадчиво,—еслибы послушался меня.

— Въ чемъ? спросилъ я.

— Да вотъ лостригся бы въ монахи, надѣлъ бы такую же шалку какъ моя и сталъ бы учить дѣтей. Я занялся бы хозяйствомъ и иногда помогалъ бы тебѣ въ преподаваніи; насадили бы хорошій виноградникъ, развели бы побольше скота и не выѣживались бы въ мірскія дѣла. Подъ такой одеждой насъ никто не смѣетъ тронуть. А какая радость владыкѣ, когда бы оны узналъ что здѣшній уроженецъ желаетъ посвятить себя Богу!

— Я нисколько не желаю быть монахомъ.

— Напрасно, братъ, меня не слушаешься. А какая честь не только между нашими, но и предъ турецкими властями. Такой шалкѣ скорѣй будетъ почетъ, нежели какому купцу или кмету. А что такое учитель? Хуже послѣдняго сауги по понятію Турокъ и нашихъ купцовъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы наконецъ очутились на лашавѣ. Мой спутникъ, идя впередъ, подошелъ къ лахарю и пожелалъ ему Божьей помощи; тотъ остановилъ своихъ воловъ и отвѣтилъ ему тѣмъ же. Я также привѣтствовалъ его по туземному обычаю: „помогай Богъ!“ Макарій велѣлъ ему отпрячь животныхъ и отдохнуть, а самъ пошелъ дальше осматривать поля. Я остался, набилъ трубку и закурилъ, поглядывая на работника. Это былъ сѣдой старикъ и, какъ

я замѣтилъ, магометанинъ. Последнее обстоятельство меня сильно заинтересовало и я вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Чтò, усталъ, амиджа (дядя)? Тяжело пахать? спросилъ я.

— Да, сынокъ, тяжело и молодымъ выворачивать землю, а мнѣ подъ старость и подавно. Посмотри, каковы глыбы!

Я предложилъ ему своего табаку; онъ вынулъ изъ-за пояса простенькій орѣховый чубучокъ, закурилъ и, садясь на глыбу земли, тяжело вздохнулъ. Потомъ спросилъ меня откуда я и куда иду. Я сказалъ, но когда коснулся своего намѣренія остаться здѣсь въ монастырѣ учителемъ, онъ покачалъ головой и молвилъ:

— Все это очень хорошо, но я совѣтовалъ бы тебѣ поскорѣй убраться отсюда, пока цѣла твоя голова и не съѣла тебя бѣшенныя собаки.

— Кто же эти злые псы?

— Конечно Туркуши (азіятскіе Турки и Арнауты).

— А за чтò они меня съѣдятъ? Я ихъ никого не трону.

— Все такъ, да они-то будутъ тебя преслѣдовать и засадать въ тюрьму; а разъ попался въ ихъ руки—живую голову не вынесешь отсюда. Теперь не то время когда Турчинъ (отурченный Сербъ) могъ сказать доброе слово за рищанина (христіанина), а рищанинъ за Турчина. Нынче не смѣешь молвить и за себя или за свою челядь (семейство). Такого несчастія и насилія, думаю, не было съ тѣхъ поръ какъ Богъ создалъ бѣлый свѣтъ и человѣка на землѣ.

Въ это время къ намъ подошелъ Макарій и сказалъ старику:

— Не пора ли пахать? Волю отдохнули. Поработай еще немножко пока не такъ жарко.

— Хорошо, отвѣчалъ старикъ,—зоть только докурю трубку. Сегодня непремѣнно допашу поле.

Макарій пошелъ дальше; я тоже всталъ. Старикъ шелъ мнѣ:

— Приходи сюда, сынокъ, часа чрезъ два, когда я плуцу воловъ на полдень. Здѣсь недалеко; мы поговоримъ въ волю, а теперь некогда.

Я далъ слово придти и пошелъ въ монастырь. Послѣ объѣда Макарій сказалъ что пойдеть немного отдохнуть.

— А я логуюлю и осмотрю здѣсь кое-что, сказалъ я.

Но онъ замѣтилъ мнѣ что гораздо лучше если я буду больше сидѣть дома и меньше разговаривать съ селяками.

Я вышелъ изъ монастыря и лѣсомъ отправился въ поле къ старику. Онъ сидѣлъ въ тѣни кустарника, воды отдыхали недалеко отъ него. Завидѣвъ меня, онъ закричалъ:

— Эй, эй! овамо, овамо (сюда)!

Я сѣлъ противъ него на травѣ, далъ ему своего табаку и мы оба закурили. Поглаживая свою сѣдую бороду, онъ спросилъ меня, когда я выѣхалъ изъ Шумадию.

— Я выѣхалъ три недѣли тому назадъ изъ Бѣграда и уже недѣлю живу здѣсь.

— Я знаю твоего дѣда и прадеда, знаю и отца и хлѣбъ-соль вмѣстѣ за однимъ столомъ ѣли. Хорошіе люди были, и вотъ въ память ихъ хлѣба-соли совѣтую тебѣ возвратиться въ Шумадию. Я желаю тебѣ добра какъ родному сыну, бѣги отъ стамбульскихъ собакъ.

— Я ихъ не боюсь, у меня есть паспортъ.

— Какой у тебя паспортъ?

— Сербскій.

— Ну, это все равно что ничего. Эй! послушайся меня! Я не смотрю какой кто вѣры, но мы все одного лѣса листъ, все однимъ языкомъ говоримъ, потому мнѣ и жалъ коли ты пропадешь отъ этихъ пришлыхъ собакъ. Какъ придетъ ночь, найди какого-нибудь вѣрнаго человѣка который бы проведетъ тебя черезъ межу за шумадинскую границу—и твоя голова спасена.

— Теперь поздно. Я долженъ завтра отправиться къ мудру въ Новую Варошь.

— Зачѣмъ тебѣ идти къ мудру?

— Макарій говоритъ что нужно ему показать мой паспортъ и выхлопстать отъ него разрѣшеніе быть учителемъ въ здѣшнемъ монастырѣ.

— Говорю тебѣ заранее, сынокъ, что изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго. Можно ли вѣрить вашимъ монахамъ и нашимъ дервишамъ? А стамбульскихъ пришельцевъ и суваріевъ надо бояться какъ огня: у нихъ на языкѣ одно, а на умѣ другое. Ахъ, сынокъ! Много сдѣлали намъ зла разные обманщики, которые приходили къ намъ изъ Стамбула, а къ вамъ отъ патрика (патріарха). По ихъ интригамъ все лучшіе люди избиты или сосланы въ Анадолю (Малая Азія).

— Скажи, пожалуста, много ли народа пострадало отъ Омеръ-лашп въ Боснѣ и Герцеговинѣ?

— Ты лучше спроси, много ли не пострадало. Онъ больше погубилъ обманомъ нежели силой. Вѣрилъ ли кто ему, не вѣрилъ ли, всё пропало: одни были убиты при свалкѣ, другіе умерли въ тюрьмѣ, а прочіихъ отвели въ цѣляхъ въ Малую Азію. Имущество ихъ разграбили, женъ и дѣтей продали на-силію и безчестію; много дѣвицъ нашего закона Туркуши увели съ собой.

— Скажи пожалуйста, амиджа, какой законъ лучше: вашъ ли магометанскій, нашъ ли рицанскій, или католическій?

Мой вопросъ озадачилъ его и онъ немного задумался, потомъ спросилъ меня:

— Знаешь ли ты книгу (грамоту)?

— Свою знаю, отвѣчалъ я, — а вашей не знаю.

— А я безграмотный человекъ и не знаю какая вѣра лучше, но мнѣ кажется для тебя тотъ законъ лучше въ которомъ ты и твой отецъ родились. Всякому своя вѣра мила. Богъ одинъ вездѣ и какъ бы кто ни молился, никто не долженъ забывать имя Божіе. Мы не должны также забывать что по языку мы одного лѣса листъ, одной земли дѣти. А въ какой вѣрѣ родились, въ той и умремъ, каждый по своему. Не такъ ли?

— Если всё вѣры одинаковы, отвѣчалъ я, — такъ зачѣмъ же ненавидѣть другъ друга, какъ мы видимъ здѣсь и въ бы-лое и въ настоящее время?

Старикъ покачалъ головой и со вздохомъ отвѣчалъ:

— Эхъ! еслибы мы всё понимали такъ, давно бы наши враги перестали отнимать у насъ вотчины и водить въ цѣ-ляхъ нашихъ людей какъ скотовъ. Было время и я имѣлъ дорогое ружье, дорогихъ коней и дорогую одежду и считался не послѣднимъ юнакомъ, а теперь подъ старость обѣд-лялъ и ни къ чему негоденъ. Прошли наши добрыя времена и для насъ наступили злые дни. Туркуши все разорили, огра-били и отяяли у рицанъ и у магометанъ.

Мнѣ хотѣлось узнать его мнѣніе о турецкой администра-ціи и я завелъ съ нимъ разговоръ объ этомъ щекотливомъ для Турчина предметѣ.

— Я думаю, все-таки вамъ, Туркамъ, гораздо лучше нежели христіанамъ. Царь васъ больше любитъ и называетъ своими дѣтьми. Я хотѣлъ и самъ сдѣлаться магометаниномъ.

Старикъ гнѣвно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Гораздо лучше будетъ если ты бросишься въ воду,

навязавъ себѣ прежде камень на шею во сто окъ (около 10 пудовъ), нежели перемѣнить свою вѣру. Слышишь ли? Захотѣлъ быть царскимъ сыномъ! — прибавилъ онъ съ насмѣшкой. — Посмотри на мою жизнь, сладка ли она? Не думай что мы, потурицы, желаемъ быть Турками. Разъ осунулся (обрѣзаясь), больше не воротись прежняго. Этимъ не шутятъ. Скажи-ка ты это при какомъ дервишѣ, не скоро вылутаешься изъ его рукъ: или потурчишь, или заллати своею головой. Однако пора запрягать воловъ и пахать, — примолвилъ онъ, — они довольно отдыхали; а мой отдыхъ въ могилѣ, тамъ успокоятся мои старыя кости.

Мы пошли въ кустарникъ отыскивать воловъ. Животныя покойно лежали въ тѣни. Старику стало жаль ихъ трогать и онъ присѣлъ на небольшой пенекъ и послѣ краткаго молчанія спросилъ:

— Ты завтра ѣдешь въ Новую Варошь?

— Да, завтра.

— Смотри, будь остороженъ на словахъ и не оо всякимъ говори. Не сказывай ни монаху, ни нашимъ что ты былъ у меня и постарайся поскорѣй добраться до шумадинской межи и перейти въ мирную и покойную землю.

— Нѣтъ, у меня другая мысль въ головѣ. Если я не останусь здѣсь учителемъ, то отправлюсь далѣе, въ другую нахию, или въ Босну, въ Старую Сербію, въ Герцеговину....

— Зачѣмъ тебѣ идти въ другую нахию? сердито возразилъ старикъ. — Постарайся въ цѣлости вынести свою голову. Я и самъ бы убѣжалъ отсюда и нанялся бы въ пастухи или мельники у какого-нибудь шумадинскаго Серба, чтобы спокойно дожить послѣдніе дни, но у меня семья и къ тому же я Турчинъ; Сербы будутъ смѣяться и скажутъ: „вотъ балія потурица пришелъ къ намъ!“ Было время когда мы могли освободиться отъ нашихъ враговъ, да олошали; одна только Шумадія сумѣла выгнать Туркушей. Туркуша долго будетъ помнить Чернаго Георгія, Чулича, лапа Луку, Милоша Обреновича, Янка, гайдука Велимира, Мичича и др. Страшное то было время! Вся эта мѣстность между Лимомъ и Увацомъ девять лѣтъ была въ такомъ запустѣніи что нельзя было днемъ пройти отъ волковъ и дикихъ кабановъ. Дороги заросли травой, дома сгорѣли, и только толпы гайдуковъ проходили черезъ густые лѣса. Одному или вдвоемъ страшно было луститься въ дорогу.

— Былъ ли ты на войнѣ? спросилъ я старика.

— Какже, вѣсколько разъ, и былъ даже раненъ, но не опасно. Я зналъ лично многихъ воеводъ Карагеоргія и Милюшевыхъ сердарей.

— Который изъ обоихъ вождей былъ лучше для народа?

— Какъ тебѣ сказать? Георгій былъ очень сердитъ, но честенъ, и нашъ народъ уважалъ его за справедливость. Онъ судилъ по правдѣ и строго наказывалъ всякаго кто дотрогивался до чужой жены или дѣвушки. Такъ, говорятъ, правда ли, вѣтъ ли, онъ повѣсилъ своего роднаго брата за какую-то дѣвицу; убилъ своего отца, который будто бы хотѣлъ довести дахямъ гдѣ скрывался народъ отъ Турокъ. Насколько справедливы эти слухи, не знаю, но они наводили страхъ на сербскихъ христіанъ и магометанъ. Впрочемъ строгость Карагеоргія была полезна Шумадіи. Многие Сербы отказались бы идти на войну по его приказанію или по призыву его воеводъ, а такъ какъ онъ былъ очень строгъ и не любилъ шутить, никто не смѣлъ его ослушиваться. Мыъ сказывали что онъ своею рукою убивалъ непокорныхъ въ военное время и тѣмъ заставлялъ Сербовъ вынести отчаянную борьбу. И ваши и наши люди, услышавъ про его жестокость къ роднымъ, просто окаменѣли отъ ужаса. Горько тому кто не послушался бы приказа Георгія! Пистолетъ въ грудь, и конецъ! Когда наши магометане, сдѣлавшись сильными, стали притѣснять и мучить христіанскій народъ, Карагеоргій возсталъ противъ нихъ съ Шумадинцами. У насъ сначала смѣялись надъ этимъ возстаніемъ, а какъ Шумадинцы стали не на шутку выгонять дахивъ, агъ и беговъ и жечь ихъ дома, магометане взялись за умъ. Они обѣщались прекратить притѣсненія, старались помириться и говорили что любятъ рай какъ своихъ дѣтей, но уже было поздно! Сербы помнили всѣ ихъ неистовства, помнили какъ свирѣлые гонители силою обращали ихъ въ свою вѣру, а упорныхъ сажали на колъ, забивали за ногти гвозди, морили голодомъ, отнимали дѣвицъ и имущество и терзали страшными пытками. Въ это время лѣса перелопачивались гайдуками и мирные жители искали спасенія въ горахъ. На ту бѣду Сербы убили какихъ-то бродягъ жившихъ на чужой счетъ. Черный Георгій, боясь ищениа, ушелъ въ лѣсъ, собралъ большую дружину и сталъ открыто жечь постольные дворы. Всѣ бѣжавшіе отъ насилія собрались около него,

выбрали его поглаваремъ и стоворились убивать всѣхъ кто не пойдеть съ нами противъ лютыхъ притѣснителей, или будетъ отступать безъ приказанія Георгія и его воеводъ. Такъ началось первое возстаніе. Сербы, оставя свои луги, лошади противъ всякаго магометанскаго сбродъ, вооруженнаго съ головы до ногъ, и много погибло тогда народа обоого вѣроисповѣданія, но Богъ не допустилъ истребить христіанъ, и наши старые люди часто говаривали что самъ Богъ защищаетъ рай отъ жестокости ихъ враговъ. Выведенные изъ терлвнїа, христіане стекались со всѣхъ концовъ къ дружинѣ возставшихъ Шумадинцевъ и составили цѣлый лагерь. Тогда они стали одолевать нашихъ и мстить имъ за прежнее варварство. Злочестивцы бѣжали изъ селъ въ города, но Георгій преслѣдовалъ ихъ, окружалъ ихъ убѣжища и не давалъ имъ пощады.

Я спросилъ старика отчего Георгій Черный не докончилъ освобожденія Шумадиі отъ Турокъ.

-- Георгій Черный ушелъ къ нѣмецкому кесарю, неизвестно зачѣмъ, и тогда-то настали страшныя времена. Вся турецкая сила пошла на Шумадию и заняла Бѣлградъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Георгій вернулся назадъ, но его сонмаго убилъ кумъ его Вуйца. Такъ погибъ онъ, за зло ли, за добро ли, про то одинъ Богъ вѣдаетъ. Страшно вспомнить, сынокъ, что дѣлали въ Бѣлградѣ дѣла, Янычары и Арабы. Наши лотурицы даже говорили что Богъ накажетъ Туркушу за его неслыханныя злодѣяства. Грудныхъ дѣтей выхватывали изъ люлекъ, подбрасывали къверху и подхватывали на сабли; матерей не дававшихъ дѣтей тутъ же убивали; беременнымъ женщинамъ распарывали животы. Такое неслыханное варварство заставило многихъ Сербовъ магометанъ бѣжать въ Босну и Герцеговину. Они содрагались отъ такихъ поступковъ Азіатовъ и готовы были сами востать противъ нихъ. Наши женщины плакали о несчастныхъ Шумадинцахъ, проклинали Туркушу и его полчища и желали чтобы Богъ послалъ на нихъ поморъ. Туркуши думали что они совсѣмъ усмирили Сербовъ, но не тутъ то было. Сербы рѣшились скорѣе всѣ погибнуть, нежели сдать свои врагамъ, и Богъ послалъ имъ новаго избавителя, Милоша Обреновича. Ставъ во главѣ своего народа онъ прежде всего строго запретилъ принуждать перемѣлять вѣру и убивать лѣвннхъ. Онъ отпускалъ послѣднихъ в

свободу, возвращалъ имъ оружіе и даже давалъ деньги на дорогу. Такіе великодушныя поступки Милоша расположили къ нему лотурченныя Сербовъ. Они даже тайно передавали въ Шумадію порохъ, а женщины радовались при каждой побѣдѣ Шумадинцевъ надъ Турками и всѣ единодушно желали имъ добра. Онъ былъ уменъ и хитеръ и не терялъ головы въ опасности. Разкажу тебѣ слѣдующій случай: когда главнокомандующій сераскиръ пошелъ съ турецкою арміею на Чачакъ, у Милоша было очень мало войска. Онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Турки остановились на ночь въ Чачкѣ по сую сторону Моравы, а онъ, пользуясь темнотою, велѣлъ разставить въ полѣ колья и одѣть ихъ въ кафтаны. Утромъ сераскиръ, увидавъ большое войско въ полѣ, призадумался, однако рѣшился перейти Мораву съ своею арміею. Сербы начали стрѣлять въ разсыпную съ разныхъ сторонъ, но какъ Турокъ было больше, Милошъ сталъ отступать. Въ это время прибѣжала его жена Любца. „Что вы дѣлаете? гнѣвно вскричала она.—Куда вы отступаете? Стыдитесь! Когда такъ, я женщина пойду впереди васъ. Лучше лечь на полѣ сраженія, нежели дожидаться враговъ въ своемъ домѣ и подвергнуться сраму и насилію.“ Съ этими словами она схватила саблю и пошла впередъ. Тогда всѣ Сербы отчаянно бросились на Турокъ. И что за рѣзня была! Сераскиръ между тѣмъ послѣдовалъ за арміею и уже былъ на срединахъ рѣки, какъ три Серба, спрятавшись въ водѣ подъ корягами прибрежныхъ деревьевъ, выстрѣлили, и турецкій главнокомандующій какъ сволъ свалился съ лошади; волны помчали его трулъ, и Турки, видя смерть своего вождя, дрогнули и побѣжали назадъ къ Моравѣ. Сербы погнались за ними. Турки кидали оружіе и бросались въ безпорядкѣ въ воду, гдѣ ихъ потонуло большое число. Остальные, которымъ удалось переплыть рѣку, бѣжали какъ бараны, но ихъ встрѣтилъ Милачъ Дриничъ съ своею дружиной и много любилъ. Эта побѣда была самая счастливая для Шумадіи. Турки, разбитые на голову, признали Милоша шумадинскимъ княземъ, а наши люди прозвали его великимъ Милошемъ за его человеколюбіе къ побѣжденнымъ. Во время взятія Чачка всѣ лотурченныя Сербы дрожали отъ страха, боясь мщенія за звѣрство Турокъ въ Бѣградѣ, когда Карагеоргій бѣжалъ въ царскую землю; но Милошъ распорядился иначе: онъ грозилъ смертию всѣмъ кто осмѣлится сдѣлать зло и насиліе нашимъ женщинамъ и

дѣтямъ, и строго запретилъ убивать туземныхъ магометанъ которые объявлять что не хотятъ воевать съ Сербами. Черезъ нѣсколько времени онъ издалъ приказъ по которому всѣ люди нашего закона съ своими семействами могли спокойно идти изъ Шумадию куда пожелають, и велѣлъ отправить на даровыхъ подводкахъ въ Сѣвизу всѣхъ женщинъ и дѣтей подъ прикрытіемъ честныхъ людей. Въ это время изъ Стамбула пріѣхалъ какой-то важный царскій человѣкъ для осмотра вилаета. Его тронули женскіе разказы про жестокости Туркушей и великодушіе Милоша и Сербовъ. Онъ велѣлъ перевести ихъ слова на турецкій языкъ и донесъ обо всемъ правительству. Это такъ, говорятъ, поразило султана что онъ назначилъ Милоша княземъ надъ всею Шумадией. Такимъ образомъ онъ все повышался, сдѣлался извѣстенъ всѣмъ королямъ и получилъ большую честь въ Стамбулѣ при царѣ.

— А много ли погибло народа въ это страшное время? спросилъ я.

Старикъ покачалъ головой:

— Эй, эй, эй! Столько-то погибло людей обоего закона что и вспомнить страшно. Всякій разъ лихорадка беретъ. Нѣтъ ни одной возвышенности, долины, рѣчки, гдѣ бы не лилась человѣческая кровь. Да, и ваши и наши люди долго не забудутъ того времени когда Туркуша отнял у нихъ оружіе, ограбилъ и наложилъ тяжелую дань. Видишь, какъ мы всѣ разорены!

— Что дѣлать? надо терпѣть.

— Это я знаю и безъ тебя; а ты мнѣ скажи что-нибудь получше, поутѣшительнѣе. Или боишься говорить объ этомъ?

Я сказалъ ему что не предвижу никакихъ средствъ къ облегченію народной участи.

— Ну, такъ я тебѣ скажу какъ помочь нашей общей бѣдѣ. Всему нашему племени, говорящему однимъ языкомъ, слѣдовало бы соединиться, возстать противъ Туркуши и выгнать его изъ нашего вилаета.

Я замѣтилъ старику что многіе на то не согласятся.

— Въ прежнія времена, отвѣчалъ онъ,—крутые землевладельцы не согласились бы возстать, а теперь едва ли кто изъ нашихъ откажется идти противъ Туркуши, если будутъ увѣрены что каждый останется хозяиномъ своей земли и вотчины, что беги и аги не потеряютъ своихъ мѣстъ и что

каждый можетъ вѣровать и молиться по своему закону. Я не одинъ такъ думаю, нужда многихъ заставляетъ желать того же. Когда ты вернешься въ Шумадию, продолжай старикъ, — скажи Сербамъ чтобъ они насъ не боялись. Мы скорѣе къ нимъ пойдемъ на помощь чѣмъ къ нашимъ общимъ врагамъ. Мы все—свои люди, говоримъ однимъ языкомъ, не одного только закона. Тебя попъ крестилъ, а меня ходжа осунелтилъ. И то не бѣда! Мы не должны этимъ упрекать другъ друга. Память осталась при насъ, не такъ ли?

— Такъ, отвѣчалъ я.

— Вотъ и время не видали въ нашей бесѣдѣ. Я такъ былъ радъ поговорить сегодня откровенно.

Я всталъ, поблагодарилъ словоохотливаго магометанина за его разказы и добрые совѣты и простился съ нимъ.

VI.

Разказы стараго магометанина произвели на меня скорбное впечатлѣнiе, и я пошелъ въ монастырь раздумывая о горькой судьбѣ Сербскаго народа. Да когда же, наконецъ, вздохнетъ свободнѣе это многострадальное племя? Откуда ждать ему спасенiя?

Дойдя до монастырской корчмы, я увидалъ предъ нею толпу селяковъ и подошелъ къ нимъ съ обычнымъ привѣтствiемъ. Въ корчмѣ я засталъ кмета, который уговаривалъ доставить прямо въ Новую Варошь продовольствiе принесенное въ монастырскую корчму для турецкой армiи, которая въ то время выступила въ походъ противъ Черногорцевъ; но селяки не соглашались и сильно шумѣли.

— У насъ нѣтъ лошадей, говорили они. — Тѣ же Турки взяли ихъ для подводъ. Мы отдали послѣднiя свои крохи; у насъ нѣтъ больше ничего.

— Подумайте, братья, постарайтесь; а то вѣдь выйдетъ бѣда, говорилъ кметъ.

— Какая бѣда? закричали многiе.—Мы не прячемъ лошадей, ихъ нѣтъ.

— Что же мы-то дѣлать? Турки приказываютъ чтобы завтра къ вечеру доставить иштиру.

— Чудной ты челсвѣкъ! Найди у кого-нибудь лошадь, мы заплатимъ ему за эту бѣду.

Кметъ ломалъ руки и отиралъ потъ съ лица. Онъ былъ почти въ жалокъ.

Послѣ долгихъ споровъ порѣшили наконецъ собрать деньги и залаатить за доставку подати. Одинъ изъ селяковъ сказалъ въ насмѣшку:

— Не навьючить ли царскую иштиру на лѣтуха?

А другой подхватилъ:

— А если вѣтъ и лѣтуха?

— На вѣтъ и судъ вѣтъ.

— Не теряйте по лустому время, кончайте скорѣе. Не возьмется ли кто изъ васъ за деньги доставить иштиру?

Народъ закричалъ:

— Между нами вѣтъ никого. Не прикажешь ли намъ навьючить на себя и на своихъ жень? Пусть Турки сыщутъ лошадей и присылаютъ за податью; мы залаатимъ за провозъ; имъ легче это сдѣлать нежели намъ.

Такимъ образомъ на сходкѣ опредѣлили чтобы кметъ отправился къ мудиру и передалъ ему рѣшеніе народа.

Мнѣ любопытно было слушать какъ селяки давали разныя наставленія кмету. Наконецъ всѣ разошлись по своимъ домамъ; побрелъ и я въ монастырь, гдѣ встрѣтилъ Макарія гуляющаго по двору съ другимъ монахомъ.

— Добрый вечеръ! сказалъ я, подходя къ нимъ. Они отвѣчали на мое привѣтствіе довольно холодно и какъ будто съ сердцемъ.

— Гдѣ же ты пропадалъ сегодня? спросилъ Макарій.

— Я гулялъ кое-гдѣ по окрестностямъ, потомъ немного посидѣлъ въ корчмѣ и слушалъ чѣ селяки говорили о доставкѣ иштиры въ Варошъ.

Онъ разсердился и пожимая плечами съ досадою сказалъ:

— Я совѣтовалъ тебѣ для твоей же пользы не лутаться съ ними и не ходить на ихъ састанакъ, а ты все дѣлаешь на перекоръ. Вотъ намереніи отправился на сходку, сегодня утромъ разговаривалъ съ Туркомъ, а теперь слушаешь деревенскіе толки объ иштирѣ.

— Я не одинъ былъ на сходкѣ; тамъ сидѣли и слушали другія постороннія лица.

Монахъ задумался немного и потомъ сказалъ:

— Слушай. Тебѣ извѣстно что эта обитель находится въ вѣдѣніи боснійскаго владыки; я уже писалъ къ нему что у меня въ виду учитель, именно ты. Итакъ, если онъ разрѣ-

шить устройство школы, ты останешься здѣсь, а если я не получу скоро отъ него отвѣта, по возвращеніи изъ Новой Вароши, ты отправишься съ моимъ письмомъ прямо въ Сараево; владыка тебя увидитъ и благословитъ сюда въ учителя. Совѣтую тебѣ не говорить мудру о Новомъ Пазарѣ или о другой мѣстности и не просить паспорта для проѣзда въ эти края.

— Отчего?

— Потому что здѣсь всѣ на сторожѣ. Ты вотъ хочешь быть учителемъ, а это быть-можетъ не понравится властямъ и тебя сочтутъ подозрительнымъ человѣкомъ. Другое дѣло когда ты скажешь что идешь къ владыкѣ въ Сараево—онъ все-таки царскій человѣкъ, и тогда тебѣ нечего бояться.

На другой день отсаушавъ заутреню и обѣдню мы выпили кофе, позавтракали и стали собираться въ луть. Мой багажъ состоялъ изъ нѣсколькихъ книгъ, бѣлья и пары крѣпкихъ сапоговъ; другіе, порядочно сбитые, были на мнѣ. Я спросилъ монаха съ кѣмъ бы отправить мои вещи впередъ въ Новую Варошь.

— Это лишнія хлопоты, сказалъ онъ,—оставь ихъ здѣсь; вѣдь ты опять вернешься сюда.

Когда кончились всѣ сборы къ отъѣзду, мы вышли изъ монастыря. Макаріи поѣхалъ верхомъ, а я ползлея пѣшкомъ, но такъ какъ я былъ здоровъ и крѣпокъ, то шагалъ впередъ его.

Черезъ нѣсколько времени мы достигли села Кратова, столь извѣстнаго въ исторіи Сербіи.

Мы зашли на постоялый дворъ. Пока мы отдыхали, подошли еще кой-кто изъ этихъ мѣстностей и кметъ изъ Бани, который также шелъ въ Новую Варошь къ мудру съ объявленіемъ объ иштирѣ, лежавшей въ монастырской корчмѣ за неизмѣнимъ лошадей для доставки къ нему.

Поздоровавшись съ пришедшими людьми, мы отправились опять въ дорогу. Къ намъ присоединились еще нѣкоторые лица, и одинъ изъ нихъ спросилъ меня куда я иду. Я разказалъ ему дѣла моего странствованія.

— Да, хорошо бы тебѣ остаться гдѣ-нибудь учителемъ, сказалъ онъ, — но ты пришелъ не въ лору.

— Отчего же? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Потому что Турки послѣ войны съ Московомъ такъ озлобились на весь нашъ народъ что просто житья нѣтъ. А

туть еще воюють съ ними Черногорцы и, говорятъ, разбили на голову царскихъ солдатъ. Эти бѣшенныя собаки грозятъ намъ телерь, говоря: „Вы, собачья вѣра, все знаете что дѣлается и передаете это нашимъ врагамъ.“ Они отыскивають подозрительныхъ людей и затѣмъ шлюются по нашимъ деревнямъ. Они на все способны: у нихъ ни почемъ убить оклеветать, сдѣлать ложное показаніе; но дай денегъ и тогда можешь всякаго кого желаешь сдѣлать невиннымъ. Вотъ видишь какъ здѣсь живется.

Пройдя нѣсколько шаговъ, мой новый товарищъ указалъ мнѣ въ сторонѣ отъ дороги мѣсто.

— Воля течеть рѣчка называемая Годия-Потокъ. Я никогда не забуду этого мѣста. Разъ я шелъ по дѣлу въ село Драцацъ къ одному пріятелю. Дорогой ко мнѣ присталъ прохожій. Миновавъ село Рутоши, мы вышли немного повыше на эту самую дорогу; слышимъ, стадо страшно реветъ. Что за диво? Подходимъ ближе и нашимъ глазамъ представился человѣческій трулъ покрытый какимъ-то грязнымъ отрельемъ. Кругомъ тѣла стояла огромная лужа крови. Мы приподняли лоскутъ и съ ужасомъ увидали обезображенный трулъ безъ головы; она была отрублена и шея между плечами совершенно ушла въ туловище. Мы прикрыли олять тѣло несчастнаго незнакомца и пошли прочь отъ этого ужаснаго зрѣлища. Вечеромъ пастухи возвратясь домой разказали что они видѣли толпу вооруженныхъ Турокъ, которые провели Петра Дѣновича со связанными назадъ руками. Злодѣи давно собирались убить его и узнавъ что онъ пришелъ къ одному своему знакомому, окружили тотъ домъ, схватили и связали несчастную жертву и приведя къ этой рѣчкѣ отрубили ему голову. Вотъ его могила. Съ тѣхъ поръ эта рѣчка стала называться вмѣсто Годия-Потокъ—Петровъ-Потокъ.

— А за что Турки убили его?

— Богъ вѣсть за что. Настоящая причина неизвѣстна. Вѣроятно всего разбойники убили его за то что онъ не хотѣлъ перейти въ магометанство. Пастухи, очевидцы этого злодѣяства, увидавъ что Турки ведутъ связаннаго человѣка, спрятались въ кусты и смотрѣли что съ нимъ будетъ. Проведя его чрезъ рѣчку, бульбата спросилъ не хочетъ ли онъ пить. Несчастный томимый жаждою попросилъ воды. Одинъ изъ сейменовъ снялъ съ его головы шалку, зачерпнулъ ею воды и далъ ему напиться. Послѣ того Турки спро-

силы: что лучше хочешь, умереть или съ нынѣшняго дня сдѣлаться Туркомъ? Петръ отвѣчалъ: бейте меня какъ хотите, но я въ какой вѣрѣ родился въ такой и умру. Турки нѣсколько разъ дѣлали ему тотъ же вопросъ, наконецъ одинъ изъ нихъ принесъ сукъ, переломилъ его пополамъ, скрестилъ и сказалъ: „плюнь на это или стань ногой“. Петръ не слушался и повторялъ одно: въ чемъ родился, въ томъ и умру. Они стали бить его прикладами длинныхъ ружей въ спину и грудь, и несчастный кричалъ отъ невыносимой боли, умоляя убить его поскорѣй, но мучители говорили одно: „плюнь на это“, показывая ему сложенный крестъ на крестъ сукъ. Наконецъ одинъ выхватилъ свой кинжалъ, схватилъ его за длинные волосы и до трехъ разъ наносилъ ему удары; въ четвертый только разъ голова отдѣлилась отъ туловища. Злодѣи преспокойно обмыли въ рѣчкѣ кинжалъ и обтерли его; потомъ сняли съ трупа одежду и накрыли его грязнымъ дохмотьемъ, а голову воткнули на длинную палку и пошла большою дорогою. Проходя селомъ, они лѣли арнаутскія лѣски, стрѣляли изъ пистолетовъ и хвастались что убили гайдука.

Въ разговорахъ мы не замѣтили какъ отстали отъ нашего каравана, и прибавили шагу чтобы догнать его. Всѣ верховые остановились въ селѣ для отдыха и пустили лошадей на траву.

Послѣ краткой остановки, опять пустились въ путь, не слѣша, большою дорогою. Я съ товарищемъ шелъ впереди; позади насъ послышалось много голосовъ, и когда верховые обогнали насъ, я замѣтилъ нѣсколько новыхъ лицъ. Одинъ изъ нихъ насмѣшливо спросилъ, указывая на меня:

— Кто это идетъ впереди съ грибомъ на головѣ?

Монахъ отвѣчалъ:

— Нашъ будущій учитель; я хочу съ тобой поговорить объ немъ.

Незнакомецъ спросилъ меня откуда я и что за человекъ. Я удовлетворилъ его любопытству.

— А сколько ты намъ дашь чтобъ остаться учителемъ въ монастырѣ?

Такой вопросъ озадачилъ меня.

— Я не такъ богатъ, сказалъ я, — чтобъ учить даромъ вашихъ дѣтей и еще платить за свой трудъ.

— А намъ не нужно такихъ учителей которые требуютъ платы за ученіе; заплати намъ, и учи сколько угодно.

Я разсердился и замолчалъ; но онъ все старался втянуть меня въ разговоръ, тогда одинъ изъ верховыхъ замѣтилъ что не хорошо такъ надобѣдать человѣку уставшему отъ ходьбы.

— Я хочу чтобъ онъ говорилъ со мною.

— Мало ли чего ты хочешь. Попробуй-ка самъ идти лѣшкомъ, такъ не захочешь говорить.

Всѣхъ верховыхъ было шесть человѣкъ; четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ и пристававшій ко мнѣ, поѣхали впередъ, а двое примкнули къ намъ и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ:

— Ты, вѣрно, усталъ?

— Да, порядочно.

— Садись на моего коня, а я пойду немного лѣшкомъ.

Я отказался.

— Не сердись пожалуста на насъ, продолжалъ верховой.— Ты самъ видѣлъ что мы всѣ молчали, потому что намъ было непріятно видѣть его дерзкое обращеніе съ тобою.

— Я не сержусь; но и не желаю говорить съ подобными людьми.

— Ты хорошо сдѣлалъ что замолчалъ.

— Да что онъ за человѣкъ?

— Кметъ села Штербцы.

Мы уже миновали поле, перешли рѣчку и достигли лѣса, какъ вдругъ поднялась сильная буря съ проливнымъ дождемъ, и дорога разгрязилась. Мой лѣвій товарищъ простился со мною, совѣтуя скорѣе возвратиться въ Сербію, и другою дорогою, а я остался съ верховыми. Пройдя лѣсъ, мы повернули на югъ и поднялись на возвышенность. Тутъ намъ встрѣтилась почта. Вѣстовой скакалъ впередъ во весь опоръ, стегая кнутомъ лошадь и таща за собою еще двухъ лошадей безъ сѣдла. Позади его ѣхалъ какой-то толстый господинъ съ азиатскою фізіономіей, въ клеенчатомъ плащѣ и съ такимъ же башлыкомъ для защиты отъ дождя. Онъ также держалъ въ правой рукѣ кнутъ и беспощадно билъ, но безъ крика, своего коня и двухъ лошадей скакавшихъ впереди; измученныя животныя мчались изо всѣхъ силъ. Наши люди остановились, выжидая когда пройдетъ почта. На бѣду у вѣстоваго споткнулась лошадь и въ ту же минуту послышался крикъ: ай, ай! аманъ, аманъ! Я оглянулся и увидалъ что ѣхавшій

лозади господивъ билъ кнутомъ по спинаѣ своего проводника старавшагося ускакать впередъ.

Отдохнувъ немного, мы продолжали свой путь. Одни отъправились впередъ, а другіе ѣхали шагомъ; я шелъ одинъ пѣшкомъ, стараясь быть ото всѣхъ подальше и храня упорное молчаніе, сколько отъ усталости, столько и изъ осторожности и досады на штербцкаго кмета за его грубую выходку. Однако товарищи должно-быть замѣтили что я не въ духѣ, и одинъ изъ нихъ, спрыгнувъ съ лошади, пошелъ со мной пѣшкомъ, говоря:

— Ты, кажется, сердить на всѣхъ насъ за то что одинъ негодный изродъ оскорбилъ тебя. Мы ни въ чемъ не виноваты; увѣряю тебя.

— Зачѣмъ же выбрали въ кметы такого человѣка?

— По милости Турокъ, которые не допускаютъ смѣнять его. Теперь не то время когда народный голодъ имѣлъ силу и люди выбирали старѣйшихъ по душѣ. Попробуй-ка что-нибудь сказать о пріятелѣ Турокъ, онъ де дурной человѣкъ; мы не хотимъ чтобъ онъ былъ кметомъ. Турки сейчасъ скажутъ: „Райя бунтуеетъ противъ царя!“ Эготъ негодяй все это очень хорошо знаетъ и старается нарочно угождать своимъ благодѣтелямъ чтобы только удержаться на своемъ мѣстѣ. Ты не смотри что онъ осыняется честнымъ крестомъ; въ душѣ и по нраву онъ хуже некрещенаго. Ты видишь сколько насъ идетъ въ Новую Варошь; мы хотимъ исходатайствовать у Турокъ облегченіе нашему бѣдному народу, а между тѣмъ мы ничто предъ этимъ отступникомъ, его голодъ имѣетъ больше вѣса.

— О чемъ же вы хотите просить Турокъ?

— Чтобъ они сколько-нибудь пощадилъ христіанъ, даи имъ вздохнуть посвободѣй отъ ежедневныхъ поборовъ. Наши люди до того обѣднѣли что не только налоги платить, скоро имъ нечего будетъ ѣсть, нечѣмъ прикрыть грѣшное тѣло—въ конецъ разорились. Мы ничѣмъ не можемъ помочь народу, а между тѣмъ онъ обвиняетъ насъ въ изобрѣтении разныхъ новыхъ налоговъ и требуетъ чтобы мы говорили кому свидуетъ что онъ не въ состояніи ихъ платить.

— Чтò жъ вы не исполняете его справедливыхъ требованій?

— Все это легко на словахъ, а не на дѣлѣ. Не разъ наши люди посылали кметовъ, въ томъ числѣ и меня, къ ходжа-башамъ просить ихъ заступленія предъ Турками. Дорогой,

бывало, и разсуждаетъ, какъ бы лучше представить имъ бѣдственное положеніе народа; придемъ въ Сараево, явлюсь къ нашимъ благодѣтелямъ и передаемъ народныя слова. Они сперва пообѣщаютъ намъ свое ходатайство предъ царскими людьми, а потомъ и водятъ до тѣхъ поръ пока проживешь послѣдній грошъ. Нынче да завтра, а тамъ и скажутъ что такъ нельзя говорить съ царскими людьми. Турки уважаютъ сараевскихъ кулцовъ за ихъ лесть, считаютъ ихъ самыми вѣрными подданными султана и вмѣстѣ съ ними подсылаютъ шпионовъ чтобы слѣдить за кметами и селяками.

— Давно ли ты кметомъ въ своемъ селѣ?

— Давно. Я нѣсколько разъ отказывался отъ выборовъ такъ мнѣ надоѣла эта должность, но жалѣя своихъ односельчанъ, уступалъ ихъ просьбамъ и бралъ на себя это бремя. Вотъ не знаю что-то будетъ завтра у мудира. Мы собрали иштиру, да не знаемъ какъ доставить ее въ Варошь; какъ ни бились, ничего не сдѣлали; въ селахъ нѣтъ ни одной лошади.

Наши верховые товарищи опять уѣхали впередъ. Выйдя изъ лѣса на долину, я замѣтилъ съ обѣихъ сторонъ возвышенности. Мой лѣвшій слутникъ показалъ мнѣ герцеговинскую границу, обозначенную горнымъ хребтомъ и отдѣляющую Старый Влакъ отъ Герцеговины.

Я спросилъ какими мѣстами пролегаетъ граница?

— Сама дорога, отвѣчалъ кметъ, — служить естественною границей между обѣими областями. Правая ея сторона до самой Новой Вароши—герцеговинская, а лѣвая—старовлашская. На горѣ которую мы прошли, есть также камни служащіе межевыми знаками. У насъ считается большимъ грѣхомъ трогать или перемѣщать пограничные знаки, какъ могильные камни. Изъ здѣшнихъ христіанъ и магометанъ никто не рѣшится на такое преступное дѣло. Народъ говорить что слѣдуетъ отрубить руку тому кто сдвинетъ камень или срубитъ дерево служащее знакомъ на границѣ.

Я не видалъ какъ прошло время въ разговорѣ. Наши верховые товарищи, приближаясь къ городу, остановились на дорогѣ и поджидали насъ.

Когда мы подошли Макарій остановился, простился съ дорожными пріятелями и велѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Мы повернули къ какому-то маленькому домику; оттуда выбѣжалъ мальчикъ, поцѣловалъ руку монаха и взялъ его коня. За нимъ вышелъ молодой парень и тоже хотѣлъ поцѣловать руку, но

Макарій не допустилъ его до этого. Послѣ привѣтствія онъ сталъ снимать съ лошади багажъ и обратился къ намъ съ приглашеніемъ войти въ комнату; но калугеръ не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ пока услужливый паренъ не снялъ и не разобралъ всѣхъ вещей. Послѣ того мы пошли за нимъ и очутились въ убогой комнаткѣ, обмазанной смѣсью изъ глины и бѣлой извести. Все ея убранство состояло изъ двухъ маленькихъ стульевъ, стоявшихъ по угламъ. Молодой человѣкъ суетился изо всѣхъ силъ чтобы намъ угодить, притащилъ кой-какія подушки, два коврика и сѣно, разостлалъ все это на полу, и мы сѣли отдохнуть. Я порядочно усталъ и промокъ до костей отъ дождя. Молодой хозяинъ о чемъ-то хлопоталъ въ своей кухнѣ; я позвалъ его и далъ денегъ купить мнѣ табаку и чего-нибудь съѣстнаго, но онъ не взялъ ихъ, вывелъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ табаку, чашку горячаго чернаго кофе и хлѣба. Во всю свою жизнь я, кажется, не выпилъ съ такимъ удовольствіемъ кофе и не съѣлъ куска хлѣба какъ теперь. Немного согрѣвшись, я закурилъ свою маленькую трубку. Макарій между тѣмъ куда-то отлучился. Мнѣ скучно стало сидѣть одному и молчать; я кликнулъ опять хозяина чтобы поболтать съ нимъ, но онъ все что-то мѣшкатель и возился въ своей кухнѣ, наконецъ рѣшился войти ко мнѣ. Изъ разспросовъ оказалось что онъ учитель въ здѣшней мѣстности, а убогій домикъ школа.

— Отчего же ты, братъ, не шелъ побесѣдовать со мною? спросилъ я.

— Я былъ занятъ.

— Что же ты дѣлалъ?

Бѣдаякъ какъ будто совѣстился отвѣчать.

— Сядь, пожалуста, братъ!

— Ничего, я посижу.

— Зачѣмъ же стоять? садись.

— Не равно войдетъ господинъ духовникъ (т.-е. Макарій) или другой кто изъ здѣшнихъ.

— Ну такъ что жъ? вѣдь ты самъ учитель? Хорошо! Если ты не сядишь, я также встану, несмотря на то что у меня болятъ ноги!

Бѣдный учитель сѣлъ, и я сталъ допытываться отъ него почему онъ такъ церемонится.

— Ахъ, господинъ! отвѣчалъ онъ со вздохомъ:—я здѣсь живу не такъ, какъ бы хотѣлъ, а какъ велятъ. Я здѣсь

всѣхъ ниже; всѣмъ долженъ угождать, слушаться и беречься лишнихъ словъ: иначе мнѣ скажутъ что я долженъ молчать, что моя обязанность учить дѣтей, читать и пѣть въ церкви, писать книги и считать себя младшимъ. По здѣшнему непринято чтобъ учитель ходилъ въ гости; однимъ словомъ, мое званіе и моя должность самыя послѣднія въ городѣ. Теперь видишь, господицъ, почему я не хотѣлъ садиться при тебѣ.

Я внимательно слушалъ и внутренно задавалъ себѣ вопросы: достанетъ ли у меня терпѣнья переносить подобное униженіе? буду ли я такою смиренною овечкой? Самолюбіе давало отрицательные отвѣты.

Поговоря еще немного съ учителемъ, я попросилъ его сходить за моими салогами отданными въ починку. Бѣднякъ послѣдно вышелъ и скоро вернулся назадъ съ кое-какъ зашитыми салогами. Я обрадовался имъ какъ дорогой находкѣ, одѣлся и собрался идти, пригласивъ учителя, но онъ отказался и я пошелъ одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ я очутился на базарѣ и увидалъ незавидныя лавки, гдѣ сидѣли торговцы въ разнородныхъ костюмахъ. Магометане искоса поглядывали на мою круглую шляпу, но ничего не говорили.

Между тѣмъ уже стемнѣло; кулцы запирали свои лавки и слышался крикъ ходжи на минаретѣ. Я прибавилъ шагу и черезъ нѣсколько минутъ былъ на своей квартирѣ, гдѣ засталъ Макарію съ какимъ-то туземнымъ кулцомъ. Послѣдній пригласилъ насъ обоихъ къ себѣ на ужинъ и мы отправились.

При входѣ въ домъ насъ встрѣтила очень радушно его жена и подошла поцѣловать у насъ руку, но я не далъ своей. По вымытой лѣстанцѣ мы вошли въ чистое, опрятное жилище. Хозяинъ и гость сѣли поджавши ноги и повели между собой разговоръ. Черезъ нѣсколько времени кулець вышелъ въ другую комнату и опять вернулся къ намъ; за нимъ вошла его жена, неся въ одной рукѣ мѣдный тазъ, а въ другой такой же рукомойникъ; чистое, изукрашенное шитьемъ полотенце было красиво переброшено черезъ руку. Она поставила тазъ на полъ предъ монахомъ и когда онъ вымылъ руки, подала ему конецъ полотенца чтобъ ихъ обереть, потомъ подошла ко мнѣ. Я точно также вымылъ руки и поблагодарилъ ее. Послѣ насъ умылъ руки и хозяинъ. Хозяйка, молодая, красивая женщина, была одѣта по туземному, довольно красиво и богато. Я замѣтилъ на ней цѣлый

золотой браслетъ, такія же серьги и ожерелье. Но она нисколько не стѣснялась намъ прислуживать и послѣ обряда умыванья сама же вынесла тазъ и умывальникъ.

По ея уходѣ хозяинъ предложилъ намъ помолиться предъ ужиномъ, приказалъ подать кадильницу, ладанъ и огонь, зажечь восковую свѣчу и поставилъ ее на кіотъ предъ иконами. Макарій сталъ впереди насъ съ книгой и зажженою свѣчей и началъ читать вслухъ молитвы. Позади насъ стояли всѣ домашніе.

По окончаніи молитвы мы сѣли на свои мѣста. Вошедшая хозяйка принесла круглую софру (столикъ на ножкахъ) покрыла ее чистою скатертью, положила предъ нами чистыя полотенца и поставила прежде всего хлѣбъ и соль, а потомъ разныя лютныя закуски (эго было въ Петровъ постъ). Купецъ предложилъ молаху, какъ почетному гостю, разломить погачу (прѣсный домашній хлѣбъ изъ пшеничной муки), а самъ сталъ подчивать насъ водкой, начиная съ Макарія; при этомъ онъ провозглашалъ здравицу за счастливый ужинъ, честное знакомство и благополучный путь. Пили также за здоровье гостей, хозяина и его семейства и за успѣшную торговлю.

Хозяйка, несмотря на наши просьбы, не хотѣла сѣсть за столъ. Послѣ ужина она собрала все со стола, принесла олять воды и попрежнему подала намъ умыть руки. Мы поблагодарили радушныхъ хозяевъ за угощеніе, посидѣли еще нѣсколько времени, выпили по чашкѣ кофе и поговорили о состояніи монастыря и о новостроющейся церкви въ ихъ городкѣ; коснулись также слегка школы и моего желанія быть учителемъ. Наконецъ мы встали и, поблагодаривъ еще разъ хозяевъ, отправились домой въ сопровожденіи ихъ слуги.

На квартирѣ мы застали какого-то священника, но какъ уже было поздно, онъ только поздоровался съ нами и ушелъ. Мы остались одни и легли спать.

VII.

На другой день утромъ мы отправились къ мудиру. Намъ слѣдовало идти черезъ базаръ. Макарій, подобравъ свою рясу и длиннае турецкіе шаровары, шагаль впереди меня въ своихъ красныхъ туфляхъ и почтительно кланялася на обѣ стороны кулцамъ которые кричали ему привѣтствія.

Въ концѣ базара мы повернули назадъ и очутились предъ зданіемъ междиса. Войдя на дворъ, я увидалъ людей вооруженныхъ пистолетами и кинжалами; всѣ они какъ-то искаса поглядывали на насъ. Это были пандуры изъ Арнаутовъ магометанскаго вѣроисповѣданія, служившіе турецкимъ властямъ, лѣзвыые, жадные до денегъ и безчеловѣчные.

Макарій шелъ впередъ, а я слѣдовалъ за нимъ, съ любопытствомъ осматривалъ сейменовъ, залтѣевъ и суваревъ. Всѣ они были вооружены пистолетами и кинжалами, а нѣкоторые держали въ рукахъ палки. Мнѣ какъ будто послышался звукъ цѣпей на дворѣ, и какое-то неприятное чувство овладѣло мною. Мы прошли скорымъ шагомъ мимо всей этой ватаги и, поднявшись по лѣстницѣ, вошли въ небольшой корридоръ, гдѣ стояли въ глубокомъ молчаніи наши дорожные пріятели кметы, ожидавшіе представиться мудиру. Тутъ же взадъ и впередъ сновали гордые, свирѣлые Арнауты, положи правую руку на кинжалъ; двое изъ нихъ стояли у дверей присутствія. Макарій подошелъ къ нимъ и попросилъ доложить о немъ мудиру.

Мы вошли въ присутствіе. Прямо противъ дверей на подушкѣ сидѣлъ человекъ небольшого роста, съ худоцавымъ лицомъ и черными усами—чисто-азіатскій типъ. Онъ былъ военный мундиръ европейскаго покроя и красная феска на головѣ; онъ держалъ въ рукѣ какую-то бумагу. Ковры покрывали полъ только съ одной стороны комнаты. Предъ военною особой стоялъ на колѣнахъ кулець и что-то говорилъ по-турецки, усердно размахивая руками.

Когда мы вошли, кулець всталъ и съ визкими поклонами началъ лѣзвиться къ двери, держа одну руку на груди, а другую прикладывая попеременно то къ губамъ, то ко лбу. Монахъ подходилъ къ мудиру съ такими же знаками уваженія, тотъ пригласилъ его сѣсть по лѣвую сторону комнаты. Когда мы сѣли, мудиръ обратился къ Макарію по-турецки. Тотъ немного привсталъ и отвѣчалъ также по-турецки, прикладывая руку къ губамъ и ко лбу въ знакъ благодарности. Я внимательно смотрѣлъ на все происходившее. Послѣ обычныхъ привѣтствій, администраторъ спросилъ моего спутника, кто я, откуда и куда иду? Между тѣмъ слуга подалъ намъ чубуки и кофе. Макарій закурилъ только для формы, но выпилъ кофе съ удовольствіемъ. Послѣ обихъ на любезностей мудиръ сталъ подробнѣе обо мнѣ разспра-

шивать. Макарій, насколько я могъ ловить, объяснялъ ему по-турецки что я здѣшній уроженецъ, прїѣхалъ сюда чтобы быть учителемъ и имѣю сербскій паспортъ. На лицѣ мудира выразилось неудовольствіе и онъ потребовалъ мой паспортъ. Я вынулъ его и подалъ, но въ этотъ разъ его не взяли у меня, а только спросили, куда я ѣду и что намъhrenъ дѣлать? Макарій служилъ переводчикомъ. Я отвѣчалъ что желаю быть учителемъ въ монастырѣ Банѣ, а если это невозможно, то въ Станицѣ или въ Новомъ Пазарѣ, словомъ, въ какомъ-нибудь городѣ Старой Сербіи. Мудиръ отказался подписать мой паспортъ и выдать мнѣ тескеру на проѣздъ въ эти мѣстности. Я возразилъ что въ такомъ случаѣ желаю ѣхать въ Сараево; ему, какъ видно, понравилось это.

Кромѣ мудира въ присутствіи находилось еще трое Турокъ, припадаежавшихъ, повидимому, къ разряду официальныхъ лицъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ съ бѣлою бородой, въ зеленомъ кафтанѣ и бѣлой чалмѣ, сидѣлъ по правую сторону мудира и молчалъ во время нашего разговора. Немного подале отъ него, выдавшійся впередъ, сидѣлъ другой чернобородый Турокъ, лѣтъ тридцати не болѣе и довольно приятной наружности; онъ преспокойно брился когда мы вошли. Цирюльникъ вертѣлся около его головы, натачивалъ бритвы на ремнѣ, мочилъ изъ таза голову своего пациента, сидѣвшего на полу съ поджатыми ногами, и опять продолжалъ брить. Далѣе всѣхъ въ углѣ сидѣлъ третій Турокъ: этотъ, казалось, былъ не очень важное лицо. Онъ возился съ какими-то мѣшками и ящичками, вынималъ изъ нихъ бумаги, пересматривалъ ихъ и клалъ обратно на прежнее мѣсто или писалъ что-то, положивъ бумагу на колѣно вмѣсто стола.

Цирюльникъ между тѣмъ кончилъ свою работу и поздравилъ господина со счастливымъ бритьемъ; его примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе, поднимая руку ко лбу. Въ послѣдствіи я узналъ что это былъ кади, главный судья и турецкій законовѣдъ. По окончаніи этой церемоніи мудиръ захопалъ въ ладоши; въ дверяхъ показался вооруженный Турокъ, которому онъ что-то сказалъ, и въ то же время въ присутствіе вошли кметы, въ числѣ шести человекъ. Впереди всѣхъ шелъ кметъ изъ села Штербца и кланялся почти до полу, держа руку на груди. По указанію мудира они всѣ стали рядомъ. Онъ сердато взглянулъ на нихъ и что-то сказалъ старику.

— Слокоевъ ли народъ? спросилъ тотъ по-сербски.

— Слава Богу, отвѣчали кметы.

— Въ ли вы привезли иштиру? началъ спрашивать старикъ cadaго кмета.

Одни отвѣчали что привезли, другіе сказали что иштира еще въ дорогѣ, а нѣкоторые объявили что везуть только половину, такъ какъ негдѣ достать лошадей и подводъ.

Старикъ однихъ хвалилъ, другихъ уговаривалъ доставить остальное. Какъ туземецъ, онъ понималъ горькое положеніе народа и старался добрымъ словомъ ободрить кметовъ и склонить къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. За то мулдръ безпрестанно вертѣлся на своемъ мѣстѣ и сердито слѣдилъ за каждымъ словомъ. Онъ понялъ изъ нѣкоторыхъ выраженій что народные представители жаловались на усиленные поборы и налоги и, узнавъ въ чемъ дѣло, злобно закричалъ на одного кмета, который сказалъ что иштира осталась въ въ монастырѣ Банѣ. Турокъ разсерженный такимъ отвѣтомъ покраснѣлъ, всталъ съ своего мѣста и громко сталъ браниться.

Старикъ уговаривалъ расхоловагося администратора. Мудиръ слѣлъ, но все что-то бормоталъ по-турецки. Я и Макаріи сидѣли какъ на иголкахъ и не знали что дѣлать, оставаться или уйти. Наше положеніе было крайне затруднительно.

Между тѣмъ старикъ продолжалъ кротко давать совѣты кметамъ и, обратясь къ ихъ товарищу возбужденному гнѣвъ мудира, сказалъ:

— Надо отправить службу нашему славному царю и доставить иштиру сюда хотя бы на сливѣ и на плечахъ. Я уже старъ, но готовъ ити на царскую службу, ползать на ногахъ и на рукахъ, лишь бы волю царя исполнить.

Кметы молча переглянулись между собою.

Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Мы всегда вѣрно служили царю и пока имѣли средства, никогда не ролтали, давали подводы и ходили на царскую работу, но теперь народъ нашъ такъ обѣднѣлъ и оголѣлъ что не только нечѣмъ будетъ иштиру платить и ее доставлять, скоро придетъ время что за деньги не достанешь лошадей и земля останется невспаханною. Вся скотина продана для уплаты царскихъ податей. Я обобралъ послѣдніе пожитки у своихъ сельчанъ, но доставить ихъ не могу:

лошадей нѣтъ и негдѣ нанять. Вотъ деньги; дѣлайте какъ знаете; вамъ легче отыскать лошадей; я не могу больше ничего исполнить; хотъ голову рубите!

Старикъ медленно поглаживалъ свою сѣдую бороду и по приказанію мудира перевелъ ему слова кмета. Тотъ олять озялся и произнесъ дикимъ голосомъ нѣсколько бранныхъ словъ, потомъ немного приподнялся съ своего мѣста, вытащилъ изъ-подъ подушки какую-то бумагу, и пробѣжавъ ее глазами, что-то сказалъ старику. Тотъ олять обратился къ кмету:

— Бегъ говорить что въ Банѣ имѣется на-лицо двадцать пять подводъ; у него записано въ бумагѣ.

— Это было десять лѣтъ тому назадъ, отвѣчалъ кметъ.— Тогда можно было найти пятьдесятъ подводъ, а теперь нѣтъ ничего. Ты видишь, мы почти совсѣмъ нагіе.

— Знаю, сынокъ, возразилъ улыбаясь старикъ.— Я и самъ вошу одежду съ заплатами.

— За то она у тебя не одна. Придешь домой, надѣнешь крѣпкую. А у меня все тутъ; изношу, останусь нагъ.

— Хорошо, сыночекъ! когда износишь старую одежду, Богъ дастъ тебѣ олять новую, былъ бы только здоровъ.

— На что мнѣ здоровье? Чтѣ вы зарабатываете, все отнимутъ для царскихъ податей.

— Чтѣ же дѣлать? говорилъ старикъ, пожимая плечами.— Какъ помочь, когда настало такое тяжелое время? Постарайтесь, дѣти мои, какъ-нибудь все это уладить и привезти иштату на мѣсто. Земля царская и мы должны исполнять царскіе указы. Придетъ время, водворится миръ въ царской землѣ, и намъ будетъ лучше и легче. Вы сами знаете что послѣ зимы настаетъ весна и лѣто, а тамъ олять наступаетъ осень: листь валится, дождь идетъ, а тамъ—олять зима. Какъ въ природѣ, такъ и въ жизни все мѣняется. Будемъ надѣяться что пройдетъ это тяжелое время, и насъ согрѣетъ солнце царскихъ очей. Не такъ ли, дѣти?

— Такъ-то такъ, заговорили кметы; — мы бы и сами рады исполнить волю царя и его людей, да ничего не подѣлаешь; хотъ головы рубите. Народъ такъ разоренъ что скоро нечего будетъ собирать съ него въ царскую казну. Лошадей нѣтъ и негдѣ взять. Не изъ камня ихъ вышибать или изъ воды достать. Мучайте, рубите, вѣшайте насъ! Мы и безъ того между двухъ огней: общины требуютъ отъ насъ

чтобы мы представляли начальству всѣ ихъ нужды и ходатайствовали объ облегченіи податей, а начальство угрожаетъ намъ розгами, тюрьмой и цѣлами. Лучше одинъ разъ принять смерть, нежели смотрѣть на страданія нашихъ братьевъ и ежедневно подвергаться такимъ угрозамъ.

Боже мой! какъ озлился Турокъ, когда старикъ на его вопросъ что-то сказалъ ему. Онъ топалъ ногой, скрежеталъ зубами и, задыхаясь отъ бѣшенства, кричалъ на кметовъ, ко они смотрѣли на него безъ страха; имъ, какъ видно, не въ диковину были грозныя выходки мудира.

Сцена выходила довольно серьезная. Примирителемъ между сердитымъ администраторомъ и бѣдными сельчанами былъ старый туземный магометанинъ. Ему удалось наконецъ успокоить свирѣлаго Турка, который какъ будто повеселѣлъ и съ улыбкой что-то говорилъ по-турецки. Штербцкій кметъ хранилъ упорное молчаніе во время этихъ жаркихъ преній.

Въ послѣдствіи я узналъ что старикъ подалъ мудиру совѣтъ послать суваріевъ на базаръ нанять лошадей въ подеоды, а кметы заплачуть за наемъ.

Послѣ обоюднаго соглашенія мудиръ спросилъ кметовъ поодиночкѣ на сколько лѣтъ они выбираютъ сельчанами. Когда очередь дошла до штербцкаго кмета, тотъ отвѣчалъ что онъ уже тридцать лѣтъ состоитъ въ этой должности, нѣсколько разъ былъ въ отставкѣ, а теперь въ благополучное царствованіе его величества олять занимаетъ это мѣсто. Старикъ служилъ переводчикомъ въ этомъ разговорѣ. Наконецъ кметамъ приказали выдти изъ присутствія; они поклонились, положили руки на грудь, и удалились.

По выходѣ кметовъ Макарій попросилъ позволенія также удалиться и подалъ мудиру мой паспортъ. Турокъ осмотрѣлъ его съ обѣихъ сторонъ и передалъ его лицу, что-то говоря монаху. Я понялъ что рѣчь шла о Сараевѣ. Макарій кланялся почти до полу, прикладывая руку къ губамъ и ко лбу; мудиръ тоже сдѣлалъ ему процальный знакъ рукой. Я просто поклонился, и мы вышли, а мой паспортъ остался въ присутствіи.

На базарѣ какой-то купецъ пригласилъ насъ въ свою лавку и угостилъ чернымъ кофе. Макарій остался у него, а я пошелъ отыскивать другаго купца, о которомъ я слышалъ много хорошаго. Маѣ указали его лавку. Я вошелъ и назвалъ его по имени, но сидѣвшій тамъ человекъ сердито

сказалъ мнѣ что его нѣтъ дома.—Куда онъ уѣхалъ? спросилъ я.—А я почему знаю? Мнѣ некогда съ тобой говорить; у меня своего дѣла много. Стулай отсюда! Вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ, извинялся въ своей мнимои грубости, объявляя что Турки строго сѣдять за нимъ, и просилъ меня къ нему не ходить.

Дорогой я услышалъ дѣтскій крикъ въ одной лавкѣ и увидалъ что мальчика били по пяткамъ, а онъ кричалъ: „не буду! не буду!“ Я отвернулся отъ этого зрѣлища и пошелъ на квартиру, гдѣ засталъ хозяина дома. Я разказалъ ему все видѣнное и слышанное мною.

— Если ты побольше поживешь въ Турціи, то много увидишь такихъ бѣдъ.

— Почему христіанскіе купцы противодѣйствуютъ народному воспитанію?

— Они говорятъ что если всѣ выучатся читать и писать, то перестанутъ ихъ уважать; кромѣ того каждый боится выскazać свое мнѣніе въ пользу школъ чтобы не попасть въ бѣду. Вотъ какъ здѣсь живется, господине! Я слышалъ что сюда прихаживали хорошіе учителя и съ любовію принимались за свое дѣло, но по проискамъ негодяевъ бросали свои занятія и едва уносили въ цѣлости свою голову. А какъ презрительно обращаются купцы съ нашимъ братомъ! Иной разъ такъ закричатъ на меня, и выругаютъ такими словами что бѣжалъ бы куда глаза глядятъ!

— Не завидное же твое положеніе, братъ!

— Что дѣлать? надо терпѣть. Кстати, завтра будетъ здѣсь совѣщаніе о закладкѣ городской церкви, и ты увидишь всѣхъ купцовъ, молодыхъ и старыхъ. Наблюдай внимательнѣе что они будутъ дѣлать. Если хочешь, я тебѣ укажу и добрыхъ и злыхъ.

Послѣ нашего разговора мы пошли немного прогуляться и едва только вышли изъ дому, какъ наткнулись на возмутительное зрѣлище. Суварій отвалъ двухъ выючныхъ лошадей у какого-то селяка и, не снимая съ нихъ товара, повелъ ихъ къ подводамъ; бѣднякъ умолялъ его оставить лошадей, но тотъ не обращалъ вниманія на его просьбы и гвалъ ихъ въ назначенное мѣсто.

На другихъ улицахъ Турки точно также ловили сельскихъ лошадей подъ иштиру и отводили ихъ въ беглаукъ (городская управа). Насмотрѣвшись на эти сцены насилія, мы верну-

нулись домой, гдѣ застали Макарія и нѣкоторыхъ кулцовъ, разговаривавшихъ о предстоявшей закладкѣ новаго храма; между ними былъ и старый монахъ Неофитъ, нарочно приѣхавшій къ этому торжеству.

Вечеромъ я взялся съ Макаріемъ сочинять рѣчь, которую ему слѣдовало произнести православному люду послѣ закладки. Долго мы ее составляли, но дѣло все какъ-то не клеилось: монахъ боялся что рѣчь не понравится кулцамъ, или Турки дадутъ ей превратный смыслъ. Я писалъ лежа бокомъ на полу вмѣсто стола, подъ диктовку будущаго оратора; нѣсколько разъ мы ее измѣняли, вычеркивали, прибавляли и наконецъ порѣшили что лучше сказать приличное слово безъ приготовления. Однако Макарій взял мое писанье, свернулъ его въ трубку и положилъ въ карманъ. Мы отправились спать.

На другой день утромъ послышался стукъ въ клепало (доска висящая около церкви вмѣсто колокола), дававшій знать что началось богослуженіе въ старой деревянной церкви. Макарій ушелъ прежде, а черезъ нѣсколько времени отправился и я посмотреть на духовное торжество. Народа обоего пола и всѣхъ возрастовъ собралось довольно много. Изъ ветхой убогой церкви, похожей на старый сарай, всѣ пошли на мѣсто закладки; дѣти пѣли церковныя стихиры; за ними чинно слѣдовали священники въ чрезвычайно бѣдныхъ облаченіяхъ, съ кадилами и съ зажженными свѣчами. Когда всѣ пришли на мѣсто закладки, началось молебствіе; въ это время подошедшіе два Турка стали придираться, говоря что захвачено земли подъ постройку больше нежели сколько дозволено царскимъ фирманомъ. Поднялся споръ, однако все прошло благополучно и Турки удалились. Пришедшіе вслѣдъ за ними подобныя оборванцы стали въ виду народа, и одинъ изъ нихъ плюнулъ въ ту сторону гдѣ происходило богослуженіе.

Впрочемъ меня не столько интересовали поступки Турокъ, сколько безцеремонное обращеніе нѣкоторыхъ кулцовъ-стариковъ съ учителемъ и духовенствомъ. Учитель поставилъ учениковъ предъ собой въ рядъ и назначилъ кому изъ нихъ читать Апостолъ и пѣть послѣ возгласовъ священника, но какой-то кулець пѣтъ пятидесяти схватилъ книгу и сталъ читать, чтобы похвалиться своимъ знаніемъ церковной службы.

По окончаніи молебствія Макарій произнесъ свою рѣчь, изъ которой я заломилъ нѣсколько словъ, относившихся

къ султану. Онъ называлъ его свѣтиломъ всей земли, царемъ царей и королей, повелителемъ всѣхъ государствъ, властелиномъ непобѣдимого и безконечнаго Оттоманскаго царства.

Наконецъ настало время закладки церковнаго фундамента, причемъ произошло небольшое столкновение между купцами: кому положить первый камень въ землю. Каждый хотѣлъ положить своею рукой первый камень. Одинъ молодой кулець, стоявшій подлѣ меня, сказалъ:

— Вотъ каковы наши старые міровѣды! Нашли о чемъ спорить!

— А какъ ты думаешь, спросилъ я,—кому первому слѣдуетъ положить камень?

— Здѣсь найдутся люди постарше, отвѣчалъ онъ, и показалъ на стараго іеромонаха Неофита, священствовавшаго въ этомъ городкѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ и принявшаго подъ старость иноческій санъ.

Когда одинъ кулець хотѣлъ спуститься внизъ, чтобы положить камень, народъ закричалъ: „Мы не хотимъ чтобы кулцы клали основаніе храму; пусть нашъ старый полъ Нешо (Неофитъ) заложитъ своею рукой фундаментъ!“ Кулцы опустили глаза и покраснѣли отъ стыда и досады.

Старикъ, по народному желанію, вмѣстѣ съ другими священниками спустился въ вырытую яму и положилъ по камню въ четырехъ углахъ при благословеніи и молитвахъ іереевъ. По окончаніи обряда всѣ стали поздравлять его, и онъ съ радостными слезами благодарилъ за честь которой почтили его долготѣнее служеніе и старость. На лицахъ нѣкоторыхъ тузовъ выразилось неудовольствіе; имъ было досадно что выборъ народа взялъ перевѣсъ надъ деньгами и богатствомъ, и многіе изъ нихъ сейчасъ же ушли, чтобы не потерять кредита и уваженія въ глазахъ турецкой администраціи и показать что они настоящая царская раія, которая не интересуется ни торжествомъ закладки, ни постройкой храма. Не въ дальнемъ разстояніи были приготовлены закуски, водка и красное вино. Священники прочли молитву и благословили лицу, послѣ чего всѣ сѣли, кто на камняхъ, кто на травѣ, разставивъ скамейки вмѣсто столовъ, и принялись закусывать.

Подкрѣпивъ свои силы, молодежь начала пѣть пѣсни и веселиться, а священники и прочіе люди разошлись. Я всту-

лилъ въ разговоръ съ молодцами и коснулся устройства школы. Навеселившись вдоволь, всѣ стали прощаться и расходиться по своимъ домамъ.

Утромъ мы стали собираться въ обратный путь. По совѣту Макарія я пошелъ за паспортомъ; въ присутствіи никого не было кромѣ Турка рывшагося въ висѣвшіе на стѣнѣ мѣшкахъ съ бумагами. Я спросилъ его о моемъ паспортѣ, но онъ сказалъ: „Пусть придетъ полъ“. На другой день мы пошли оба и застали все начальство, но меня уже не приглашали сѣсть и не потчивали какъ въ первый разъ. Съ монахомъ обошлись съ прежнею вѣжливостію и предагали кофе, но онъ отказался. Послѣ непродолжительнаго разговора на турецкомъ языкѣ мудиръ сурово взглянулъ на меня и велѣлъ сказать чтобъ я шелъ въ Сараево и завтра же явился за полученіемъ поль-тескеры, отговариваясь недосугомъ выдать ее телерь. Мы вышли изъ медреса.

На квартирѣ собрались нѣкоторые знакомые, кметы и священники. Послѣдніе отличались отъ мірянъ только бородой и длинными волосами, которые они подбирали подъ шалки, потому что не смѣли распускать ихъ выхода на улицу; одѣвались они въ длинные кафтаны изъ грубаго сукна. Съ нѣкоторыми священниками я былъ знакомъ, а съ однимъ изъ нихъ встрѣтился въ первый разъ. Обмѣнявшись со мной обычными приѣтствіями, онъ пригласилъ меня посмотреть домъ который строилъ для себя. Мы пошли. Въ недалекомъ разстояніи я увидѣлъ кучу бревенъ сложенныхъ на дворѣ и начатый срубъ.

— Гдѣ же рабочіе? спросилъ я, не видя ни одного плотника.

Священникъ положилъ руку на грудь и сказалъ:

— Я самъ хозяинъ, самъ и плотникъ.

— Развѣ ты умѣешь плотничать?

— Нужда всему научить. Я присматривался какъ люди работаютъ и вотъ строю домишко для себя и для своей семьи, чтобы не остаться подъ открытымъ небомъ; авось къ зимѣ онъ будетъ готовъ.

— Хорошо что ты знаешь это ремесло; а вѣдь оно трудно?

— Посмотри на мои руки, и ты увидишь легко ли строить.

При этихъ словахъ онъ показалъ мнѣ свои руки покрытыя мозолями, язвинами и царапинами.

— Да, тяжела эта работа, сказалъ я.

— А было время, прибавилъ онъ со вздохомъ, — что я жилъ хорошо, но видно прошлаго не воротить; страшное время настало для насъ. Подати разорили всѣхъ, а наши торговцы потеряли стыдъ и совѣсть и деруть огромные проценты, навиваясь при каждомъ удобномъ случаѣ на счетъ бѣдныхъ сельчанъ. Когда турецкое правительство разошлетъ указъ о новой подати, кулцы сговорятся между собой не давать поселкамъ денегъ подъ залогъ скота, хлѣба, кожи и пр. Въ старину честные кулцы помогали селякамъ въ трудныхъ обстоятельствахъ и снабжали ихъ деньгами для уплаты хара-ча, пореза и другихъ повинностей. Въ настоящее время прибавились новыя подати. Народъ оголялъ какъ липка отъ этихъ безчисленныхъ налоговъ, а кулцы тому и рады. Они скупаютъ за безцѣнокъ послѣдній скотъ и имущество поселковъ. Турки это знаютъ и прижимаютъ еще болѣе бѣдняковъ, грозя имъ тюрьмой и пытками. Турки, владыки и кулцы всеми неправдами тянутъ въ свой карманъ послѣдніе народные пожитки.

— Неужели и владыки также поступаютъ?

— Еще хуже. Они отдають юрті (приходы) за деньги; священникъ служить пока въ состояніи платить, а какъ сдѣлался несостоятельнымъ, его тотчасъ лишаютъ мѣста и ссылають куда-нибудь подъ эпитимью, а на его мѣсто опредѣляютъ того кто дастъ больше денегъ, и держится онъ до поры до времени, пока не обѣднѣетъ и не попадетъ точно также подъ эпитимью. У насъ рѣдкій священникъ не раскаивается что принялъ на себя іерейскій санъ, который навлекаетъ на него ненависть Турокъ, дѣйствующихъ заодно съ владыками; ихъ протосингелы все равно что слуги турецкихъ пашей: они берутъ взятки, портятъ нравственность и за деньги разводятъ мужей съ женами, позволяя имъ вступать въ другой бракъ. Нерѣдко сами отнимають у мужа красивую жену, держатъ ее у себя будто для покаянія и исправленія, а на самомъ дѣлѣ живутъ съ ней до тѣхъ поръ пока не надоѣстъ; тогда отправляютъ ее назадъ къ мужу, говоря что она исправилась и владыка ее прощаетъ или же благословляетъ выдти за другого. Я самъ, чтобы не попасть въ бѣду, заблаговременно отказался отъ своего прихода и прискиваю для себя другой родъ занятія.

— Чтò жь ты намѣренъ дѣлать?

— Буду жить какъ и прочіе безмѣстные полы. Такъ одинъ

здѣсь портняжничаютъ, другой служить лоденщикомъ, складываетъ кожи и увязываетъ купеческіе тюки. А между тѣмъ иногда ихъ тайно приглашаютъ прочесть молитву надъ большимъ, соборовать и даютъ что-нибудь за трудъ; такъ и перебиваются они кой-какъ со своими семействами, не боясь по крайней мѣрѣ гнѣва владыки.

— Какъ же прихожане могутъ оставаться безъ священниковъ. Кто будетъ отправлять требы?

— Наши люди привыкли къ этому и по нѣскольку мѣсяцевъ остаются безъ священниковъ въ ожиданіи когда владыка пришлетъ имъ пастыря. Учености отъ священника не требуется. Достаточно чтобъ онъ зналъ кой-какъ читать и писать, лишь бы только хорошо платилъ за курію.

— Развѣ ваши священники не изучаютъ богословскихъ наукъ и не говорятъ поученій къ народу?

Священникъ махнулъ рукой и признался что въ первый разъ слышитъ о существованіи богословскихъ наукъ.

— А какъ тебя поставили въ священники?

— За деньги, какъ и прочихъ.

— Сколько ты заплатилъ?

— Я отдалъ все что имѣлъ, задолжалъ и просилъ помощи у народа. Нѣсколько лѣтъ я платилъ, наконецъ выбился изъ силъ и отказался отъ куріи. Придетъ время что пропадетъ наша вѣрѣ и никто не захочетъ быть священникомъ, потому что цареградскіе киседжи такъ унизили этотъ санъ въ глазахъ Турокъ что тѣ при встрѣчѣ съ лопами плюютъ имъ въ лицо, какъ это не разъ случалось со мною.

Тяжело было слушать этотъ скорбный разказъ. Я простился съ бѣднымъ священникомъ и печально побрелъ домой.

На другой день монахъ пошелъ на базаръ, а мнѣ велѣлъ идти за паспортомъ и готовиться въ обратный путь въ монастырь Баню. По его уходѣ пришелъ учитель и пригласилъ меня въ школу, помѣщавшуюся въ небольшой комнаткѣ. Я внимательно слушалъ отвѣты учениковъ и просматривалъ ихъ тетради, которыя были въ большомъ порядкѣ. Въ это время вошелъ кулець въ красной фескѣ и съ длиннымъ чубукомъ и грубо закричалъ на учителя какъ онъ смѣлъ не лустить его мальчика погнать корову въ поле и также грубо велѣлъ послѣднему идти изъ школы.

Я отправился въ медресу за своимъ паспортомъ, который черезъ два часа визировали въ Сарасво. Мудиръ искоса

посмотрѣлъ на меня; я отдалъ 6 грошей (30 к.), взялъ паспортъ и пошелъ прямо на квартиру, куда собралось нѣсколь-ко кметовъ: одни съ иштирой, а другіе съ деньгами для най-ма подводъ. Макарій суетился и собирался въ дорогу.

VIII.

Не велики были наши сборы въ обратный путь. Позаку-сивъ немного, мы луснули въ дорогу. Макарій, одинъ свя-щенникъ и старій монахъ Неофитъ поѣхали верхомъ, а я опять пошелъ пѣшкомъ; ко мнѣ присоединился одинъ кметъ.

— Ты, кажется, пріѣхалъ верхомъ? спросилъ я, а теперь идешь пѣшкомъ; гдѣ же твой конь?

— Вотъ онъ, отвѣчалъ лутникъ, указывая на свою лалку.

— Такой конь и у меня.

— Чтò дѣлать! Многія лошади попадали отъ усталости; на мою Турки навъючили иштиру и погнали въ Сѣвицу, а можетъ-быть и дальше, въ Новый Пазаръ.

Пройдя нѣсколько времени вышли на небольшую возвы-шенность и я увидалъ сербскую границу; невдалекѣ слышал-ся шумъ рѣки Уваца, протекавшей направо отъ дороги по глубокой долинѣ. На противоположной сторонѣ рѣки видѣлся домъ на гористомъ мѣстѣ.

— Чтò это за одинокое зданіе? спросилъ я.

Кметъ какъ-то печально отвѣчалъ:

— Въ немъ живутъ шумадинскіе стражаре и ландуры, по-тому что здѣсь граница и межа между Шумадинцами и Тур-ками. Она идетъ по рѣкѣ Увацу: одинъ берегъ принадлежитъ нашей сторонѣ и называется турецкимъ, а другой—шума-динскій.

— Разкажи, пожалуйста, какъ происходило пограничное раз-межеваніе?

— Турки, заключивъ миръ съ Милошемъ Обреновичемъ и обязавшись по договору не мучить христіанскій народъ, объ-явили бѣжавшимъ отсюда во время войны въ Шумадію чтобъ они возвращались на прежнія мѣста своего жительства и принимались за свои занятія. Народъ считалъ себя уже сво-боднымъ и радовался прекращенію кровопролитія; погранич-ная стража была разставлена по тѣмъ межамъ до которыхъ доходилъ покойный вождь Георгій Черный. Однако бóльшая

часть выселенцевъ не вѣрили прочности этого мира и остались въ Шумадіи, гдѣ приобрѣли себѣ усадьбы. На ихъ опустѣвшія земли переселились Сербы изъ Босніи и Герцеговины; но жители Старого Влаха продолжали по ночамъ уходить съ своими семействами въ Сербію, чтобъ избавиться навсегда отъ турецкаго владычества. Турки начали жаловаться что царская земля остается необработанной и что райи бѣгутъ въ Шумадію. Тогда оба правительства порѣшили пригласить царскихъ и королевскихъ людей для точнаго опредѣленія границъ ихъ земли. Милошъ назначилъ отъ себя какого-то проклятаго изрода Васу Чачанина. Турки его подкупили и онъ проводя между повернулъ совѣтъ въ другую сторону и оставилъ половину Старого Влаха и часть Герцеговины въ турецкихъ рукахъ. По окончаніи межеванія мы сильно ролтали и проклинали Чачанина, какъ продавца, но вліятельныя лица успокоили насъ, говоря что граница проведена только на время, что Милошъ мирнымъ путемъ уладитъ дѣло и что весь Старый Влакъ отойдетъ къ Шумадіи до рѣки Лима. Въ народѣ разказывали что послѣ межеванія проклятый измѣнникъ явился къ Милошу и указалъ ему на картѣ проложенную межу. Князь сильно разсердился. Чачанинъ, думая его успокоить, показалъ ему четыре мѣшка червонцевъ, полученные отъ турецкихъ агонъ и беговъ; но Милошъ велѣлъ расплавить монеты и влить въ горло измѣннику, говоря: „Пей золото, если ты цѣнишь его выше свободы и чести своего народа и отечества!“ Итакъ, стража была снята съ берега Лима, и мы остались на произволъ судьбы. Турки тотчасъ же возвратились на свои прежнія мѣста и начали жестоко гнать туземцевъ, участвовавшихъ въ походахъ Георгія и Милоша. Въ эти тяжкія времена большая часть жителей бѣжали въ Шумадію; а другіе, покинувъ свои дома и семейства, искали спасенія въ горахъ и дѣсахъ и присоединялись къ гайдукамъ, но Турки безпощадно преслѣдовали ихъ. Мы все надѣялись на помощь Милоша. Онъ нѣсколько разъ приказывалъ намъ черезъ торговцевъ чтобы мы успокоились и какъ-нибудь ладили съ магометанами до счастливой поры освобожденія. Но ожиданія наши не сбылись: Милоша выгнали его логлавари; сынъ его Миланъ, едва сдѣлался княземъ, какъ вскорѣ умеръ; другаго сына Михаила также выгнали логлавари, и мы остались не при чемъ. Послѣ того выбрали въ князья Александра, сына Георг-

гя Чернаго. Насъ опять стали обнадеживать что онъ непременно проведетъ свои владѣнія до тѣхъ границъ до которыхъ доходилъ его отецъ; и вотъ мы все ждемъ, но, кажется, скоро погибнетъ наша вѣра и разоренный народъ или умретъ съ голода или убѣжить, не зная самъ куда.

— Вы рѣшитесь оставить въ рукахъ враговъ свои дома и земли?

— Чтѣ жь дѣлать? Сербамъ живущимъ по сосѣдству съ Шумадіей и съ Черною Горой гораздо хуже тѣхъ которые живутъ въ отдаленныхъ мѣстахъ.

Мы прекратили разговоръ и послѣшили догнать верховыхъ товарищей, которые дожидались насъ на постояломъ дворѣ. Послѣ краткаго отдыха мы отправились далѣе и достигли села Кратова, но едва только поровнялись съ корчмой, какъ на дорогу выбѣжалъ какой-то старикъ лѣтъ 70, въ бѣлой чалмѣ, покрытой разными листьями и травой. Онъ громко закричалъ: „Эй! полы-скоты! дайте Муію табаку, если не хотите чтобы ваши бороды остались въ моихъ рукахъ!“ Замѣтя что священникъ струсилъ, онъ подступилъ къ нему и еще громче закричалъ: „дай мнѣ полъ носки, если не желаетъ чтобъ я вырвалъ тебѣ бороду.“ Макарій и кметъ вступились за своего товарища и, чтобъ отвязаться отъ пологуннаго Турка, дали ему табаку. Однако онъ не удовольствовался табакомъ и потребовалъ у іеромонаха Неофита его коня чтобы доѣхать до монастыря Баи. Какъ ни отпѣкивался нашъ старикъ, а долженъ былъ уступить ему свою лошадь. Муія-ага лѣхалъ и затапулъ лѣсню; Макарій сжался надъ Неофитомъ и отдалъ ему свою лошадь, а самъ пошелъ лѣшкомъ. Къ вечеру мы прибыли въ монастырь, гдѣ насъ встрѣтили монахи и нѣкоторые изъ туземцевъ. Муія-агъ подалъ чернаго кофе, но въ это время показались на дорогѣ какіе-то военные; онъ схватилъ свою лалку, не допилъ кофе и лѣхалъ безъ оглядки въ Прибой къ своей дочери, которая была замужемъ за какимъ-то тамошнимъ важнымъ магаметанциномъ.

Мнѣ много поразказали кое-чего о проказахъ этого чудака: онъ уже давно прикидывался сумашедшимъ и безнаказанно захватывалъ чужія вещи, жилъ на чужой счетъ и уводилъ лошадей, такъ что хозяева зачастую выкулали у его семейства свое добро. По словамъ людей, онъ даже совершалъ убійства, но его никто не смѣлъ тронуть по той при-

чинаѣ что Богъ наказаль его болѣзнію и что сумашедшему все прощается. Иногда его сажали подѣ арестѣ, будто бы для того чтобы дервиши отчитывали его, и потомъ черезъ недѣлю выпускали на свободу.

На другой день послѣ церковной службы всѣ собрались олять къ Макарію. Разговоръ зашелъ о школѣ. Монахъ молчалъ, но староста прямо объявлялъ что пока онъ управляетъ монастыремъ, школѣ не бывать.

— Прощае лѣто, прибавилъ онъ, — мы едва не попали въ бѣду, когда игуменъ сталъ звонить въ алтарѣ въ маленькій колоколь, а тутъ еще затѣваете школу чтобы Турки совсѣмъ разрушили монастырь.

Потерявъ надежду быть учителемъ на родинѣ, я наломилъ Макарію его обѣщаніе выдать мнѣ метрическое свидѣтельство.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, — отыщи только своего крестнаго отца и другихъ свидѣтелей бывшихъ при твоёмъ рожденіи и крещеніи.

Я на другой же день отправился на поиски, употребилъ на это дѣло два дня, и узналъ наконецъ что мой крестный отецъ и священникъ давно умерли; за то я отыскалъ своего крестнаго брата и кормилицу. Въ назначенный день они пришли въ монастырь и подтвердили дѣйствительность моей личности. Макарій записывалъ всѣ показанія въ книгу, но къ несчастію некому было подписать метрическое свидѣтельство.

Макарій сказалъ мнѣ что какъ только пріѣдетъ отецъ Неофитъ или отецъ Христофоръ, то они приложатъ свою подпись, а монастырскую печать вытребуютъ отъ старосты.

Между тѣмъ черныя тучи покрыли небо и хлынулъ сильный дождь. Толпа Турокъ въ разныхъ костюмахъ бросилась на монастырскій дворъ, и одни любѣжали подѣ навѣсъ странопріимнаго дома, а другіе направились къ пустымъ кельямъ. Макарій послалъ слугу отпереть ихъ, въ то же время въ переднюю вошелъ молодой человекъ 22—23 лѣтъ, средняго роста, въ длинныхъ салогахъ, клеенчатомъ пальто и въ такомъ же башлыкѣ. Когда онъ снялъ мокрую одежду, я увидалъ на немъ военный офицерскій мундиръ и красную феску. Макарій привѣтствовалъ его и незнакомецъ вѣжливо извинился что вошелъ безъ позволенія въ чужой домъ съ такою толлою людей.

Войдя въ комнату, офицеръ точно также учтиво поклонился, что меня крайне удивило, потому что я впервые увидалъ вѣжливаго Турка. Монахъ отрекомендовалъ меня. Посѣтителъ спросилъ знаю ли я турецкій или греческій языкъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, просилъ хозяина быть между нами переводчикомъ. Узнавъ что я изъ Сербіи, онъ тотчасъ же закидалъ меня вопросами; между прочимъ онъ похвалилъ мое намѣреніе открыть школу и быть учителемъ и прибавилъ что царь желаетъ устроить побольше училищъ въ своихъ владѣніяхъ. Вошедшій слуга подаль ему чернаго кофе и чубукъ, а вслѣдъ за нимъ вошелъ въ комнату какой-то туземный магометанинъ высокаго роста и, увидавъ военный мундиръ, смутился и покраснѣлъ. Офицеръ что-то спросилъ у него по-турецки. Туземецъ совершенно растерялся и не зналъ что отвѣчать. Макарій сказалъ ему: „бегъ желаетъ знать говоришь ли ты по-турецки.“

Бѣднякъ, краснѣя, пробормоталъ:

— Ей-Богу, добрый человекъ, я знаю только по-своему, а другаго разговора не понимаю.

Когда Макарій перевелъ отвѣтъ туземца, военный сердито закричалъ:

— Пошелъ вонъ, сумашедшій Боснякъ, скотъ!

Рослый магометанинъ струсиль больше прежняго и не зналъ что дѣлать.

Монахъ сказалъ ему:

— Уходи теперь, послѣ придетъ олять.

Офицеръ сильно негодовалъ на то что въ здѣшнихъ мѣстахъ сами мусульмане не знаютъ турецкаго языка, на которомъ въ Румеліи говорятъ всѣ христіане, и дивился что я, проживъ столько лѣтъ въ Бѣлградѣ, гдѣ живетъ папа и большое число Турокъ, не умѣю объясняться по-турецки.

Погода, наконецъ, проясвилась и офицеръ, поблагодаривъ за гостепріимство, скомандовалъ солдатамъ стать во фронтъ, простился съ нами, подавъ руку, и что-то сказалъ мнѣ по-турецки. Макарій, послѣ его ухода, перевелъ мнѣ что онъ желаетъ полнаго успѣха моимъ предпріятіямъ по школьному дѣлу и надѣется олять увидѣться со мною на возвратномъ пути. Онъ провожалъ рекрутъ въ Сараево.

Когда солдаты вышли изъ монастыря, я пошелъ въ монастырскую корчму и нашелъ тамъ туземнаго магометанина въ сильномъ раздраженіи на турецкаго офицера. Онъ тот-

часъ велѣлъ подать двѣ чашки чернаго кофе и одну пред-
ложилъ мнѣ.

Я поблагодарилъ его, выпилъ кофе и пошелъ изъ корчмы. Онъ послѣдовалъ за мною. Отойдя нѣсколько шаговъ отъ постоялаго двора, онъ спросилъ меня откуда я пріѣхалъ.

— Изъ Сербіи, отвѣчалъ я.

— Какъ тамъ теперь живетъся?

— Хорошо.

— Эхъ, хвала Богу! вездѣ лучше живетъся чѣмъ здѣсь, у насъ.

— Чѣмъ же вамъ дурно?

— А развѣ ты не слыхалъ какъ изругалъ меня Туркуша за то что я говорилъ на своемъ материнскомъ языкѣ? Вотъ мы съ тобою оба говоримъ нашимъ языкомъ. Вѣра у насъ разная, а языкъ одинъ. А этотъ Туркуша бросился на меня какъ бѣшеный лещъ за то что я не умѣю болтать по-ихнему. По настоящему, онъ долженъ знать нашъ языкъ, потому что онъ пришелъ въ мою землю, а не я въ его Стамбуль или Анадоль.

Я простился съ магометаниномъ и отправился осматривать окрестности.

Пока я бродилъ, начало темнѣть и я, порядочно уставъ, отправился ночевать въ монастырскую гостиницу и спалъ богатырскимъ сномъ. Утромъ хозяинъ разбудилъ меня и объявилъ что меня требуютъ сеймены. Я послѣшилъ сойти внизъ и привѣтствовалъ вооруженную толпу Турокъ. На большомъ столбѣ, посреди корчмы, висѣли длинныя ружья.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія булюбаша (начальникъ) спросилъ меня: кто я? откуда пришелъ? гдѣ родился и имѣю ли тескеру? Я отвѣчалъ на всѣ его вопросы и подалъ паспортъ, но какъ видно сеймены не умѣли читать: разсматривали только приложенную печать и что-то говорили по-арнаутски. Наконецъ булюбаша всталъ и, вызвавъ меня изъ корчмы, вышелъ на дворъ. Тутъ онъ спросилъ меня:

— Знаешь ли ты, зачѣмъ я тебя позвалъ сюда? Здѣсь строго слѣдятъ за всѣми и мнѣ приказано доставить тебя живымъ или мертвымъ куда слѣдуетъ, но зная изъ чьего ты дома, я не сдѣлаю тебѣ никакого зла, потому что я тамъ много вѣлъ хлѣба-соли. Совѣтую тебѣ какъ можно скорѣе отсюда удалиться куда знаешь. Теперь тебѣ нечего бояться моей дружины, но я не ручаюсь за нее впередъ. Вотъ тебѣ

два дня срока и чтобы твоего духа не было здѣсь, а то тебѣ не слобровать.

— Я собираюсь ѣхать въ Сараево, отвѣчалъ я,—но жду когда будетъ готово мое метрическое свидѣтельство.

— Это твое дѣло; только послѣ двухъ дней уѣзжай.

Возвратясь въ корчму, я велѣлъ подать чернаго кофе булюбашъ и его дружинѣ. Нѣкоторые изъ Турокъ отказывались, но по приказанію своего начальника выпили по чашкѣ. Послѣ угощенія всѣ вышли на дворъ; вдругъ поднялся сильный шумъ и крикъ; я и булюбаша выбѣжали изъ корчмы и увидали большую черную змѣю подъ кустомъ. Всѣ бросились къ ней съ киялами, булюбаша также вынулъ свой киялъ и закричалъ:

— Не тронь! я самъ отрублю ей голову.

Между тѣмъ змѣя, поднявъ голову и шия, быстро ползла по травѣ; булюбаша побѣждалъ за ней и со всего размаха ударилъ ее по шеѣ; голова отскочила въ сторону, а туловище свернулось въ клубокъ.

Булюбаша остался очень доволенъ своею побѣдой, велѣлъ тутъ же въ канавкѣ вымыть свой окровавленный ножъ и сталъ собираться въ дорогу. При прощаньи онъ олять повторилъ мнѣ чтобъ я скорѣй удалился изъ этихъ мѣстъ.

Я пошелъ въ монастырь, и придя къ Макарію, пересказалъ слова булюбаша.

— Вѣдь я предупреждалъ тебя, прервалъ онъ,—чтобы ты не со всякимъ разговаривалъ; вотъ и навлекъ на себя подозрѣніе. Смотри какъ бы не случилась съ тобой какая бѣда.

Мы вышли изъ кельи, и въ это время къ намъ подошелъ селякъ, прося Макаріа окрестить поскорѣй его больнаго ребенка.

— Вотъ сегодня вечеромъ прійдетъ Неофитъ или Христофоръ; такъ я пришлю къ тебѣ кого-нибудь изъ нихъ.

— Да ты бы самъ окрестилъ.

— Я не могу, отвѣчалъ монахъ, и вернулся въ свою комнату.

Отъ нечего дѣлать я отправился въ корчму; туда же пришелъ и селякъ. Онъ сердился на Макаріа и жаловался на него посетителямъ корчмы.

— Этотъ монахъ только обманываетъ насъ. Мой ребенокъ при смерти, а онъ до завтра откладываетъ крестины. Не вѣсти же мнѣ свое дитя къ турецкимъ ходжамъ чтобъ они

привели его въ свою вѣру. Мы платимъ и владыкамъ, и поламъ, а когда нужно—ихъ нигдѣ не найдешь.

По возвращеніи въ монастырь, я передалъ Макарію какъ сельскъ обидѣлся его отказомъ.

— Бѣдникъ, отвѣчалъ онъ,—имѣеть полное право сердиться, только не на меня. Съ него берутъ за все деньги, а между тѣмъ его дитя можетъ умереть не крещенымъ. Грѣхъ. Сараевскій владыка назначилъ меня настоятелемъ здѣшняго монастыря, но запретилъ мнѣ отправлять церковную службу и духовныя требы. Срамъ да и только. Я желалъ облизиться съ народомъ, принести ему пользу, хотѣлъ устроить школу, но послѣ такихъ поступковъ бросилъ свое намѣреніе. Если такъ поступаютъ со священнымъ саномъ, то будутъ ли церемониться съ учителемъ? Уходи скорѣе отсюда; Турки уже начали слѣдить за тобой.

Я пошелъ въ село къ одному знакомому и пробылъ у него два дня, а на третій отправился въ корчму. На дворѣ были привязаны двѣ лошади, а въ горнищѣ сидѣли два вооруженные турецкіе суваріа. Турки молчали, переглядывались между собой и излодобья косились на меня. Вдругъ одинъ спросилъ меня, откуда я? что тутъ дѣлаю и куда иду? Я спокойно отвѣчалъ на его вопросы.

— А гдѣ тескера? крикнулъ онъ.

Я вынулъ изъ кармана паспортъ и подалъ его оборванцу; онъ взялъ бумагу, повертѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и, увидавъ сербскій гербъ и крестъ, плюнулъ на нихъ, выругалъ непристойными словами Сербскаго князя и бросилъ паспортъ въ грязь; этого мало, онъ выхватилъ изъ-за пояса большой ножъ и хотѣлъ броситься на меня.

Хозяинъ сталъ уговаривать чтобъ я ушелъ, но я не вставалъ съ мѣста. Турокъ пришелъ въ бѣшенство и Богъ знаетъ чѣмъ бы все это кончилось еслибы не вошелъ въ корчму турецкій солдатъ въ дорожной формѣ визама (регулярнаго войска). Едва онъ показался въ дверяхъ какъ мой герой присмирѣлъ, переглянулся съ товарищемъ, что-то сказалъ ему потихоньку, и оба вышли изъ корчмы. Я пошелъ за ними и увидалъ на дворѣ порядочное число солдатъ.

Первые два посѣтителя отвязали своихъ коней и уѣхали. Я спросилъ корчмаря что они за люди.

— Они оба полицейскіе суваріа. Счастіе твое что пришла эти визамы (солдаты): ихъ не очень долюбиваютъ и даже

побаиваются эти оборванцы, полицейскіе крючки и головы-рѣзы.

Вечеромъ пріѣхалъ Христофоръ и на другой же день мнѣ выдали мою метрику. Я пошелъ кой съ кѣмъ повидаться и проститься, а утромъ, идя въ монастырь, зашелъ въ корчму и нашелъ тамъ шесть сейменовъ. Въ числѣ ихъ находилась знаменосецъ приходившій сюда три дня тому назадъ съ любашей и его дружиной. Едва я вошелъ въ горницу, какъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты еще не уѣхалъ?

— Нельзя было: вотъ на дняхъ уѣду.

— Ты куда думаешь ѣхать?

— Въ Сараево.

— И прекрасно. Мы завтра будемъ въ Прибой; не хочешь ли къ намъ въ товарищи?

— Хорошо, очень буду радъ.

— Такъ я буду ждать тебя въ Прибой.

И мы простились. Я ушелъ по своему дѣлу, а они пробыли еще нѣсколько времени и отправились дальше.

Когда я возвратился въ корчму, одивъ туземецъ предупредилъ меня чтобъ я отнюдь не шелъ съ Турками и обѣщалъ мнѣ узнать на другой день можно ли перейти въ бродъ черезъ рѣку Увацъ чтобы не встрѣтиться съ Турками и перебраться ночью въ Сербію.

Я рѣшился послѣдовать его совѣту и остался еще на день, но онъ принесъ мнѣ непріятное извѣстіе что вода въ рѣкѣ отъ сильныхъ дождей поднялась и нѣтъ возможности перейти ее въ бродъ. Я совершенно утѣшился духомъ.

— Не горюй, сказалъ онъ,—есть средство пройти мостъ на Увацѣ и Прибой не бывъ замѣченнымъ Турками. Ночуй сегодня гдѣ-нибудь въ деревнѣ, а завтра приходи сюда и жди; какъ только покажется таборъ (толпа) солдатъ ты вотрись въ самую средину и стулай, гдѣ лотеше, гдѣ лоскорѣй. Вещи свои отправь съ кѣмъ-нибудь на постоялый дворъ въ Штербцахъ; а когда перейдешь черезъ рѣку, возьми ихъ и стулай какою хочешь дорогой, только бы скорѣй перебраться ночью въ Сербію; оттуда не далеко стоитъ сербская стража, которая отъ караула до караула проведетъ тебя на Мокрогорскій карантинъ.

Добрый сельякъ простился со мной, и я пошелъ въ село съ полною рѣшимостью отказаться отъ своего учительскаго

плана, который былъ немислимъ въ Турецкой землѣ, гдѣ царствуетъ такой произволъ и самоуправство. Последнюю ночь на родинѣ я провелъ не въ домѣ, а въ шалашѣ гдѣ сушатъ кукурузу. Какъ только завялась заря я всталъ, одѣлся и пошелъ прогуляться. Домашніе тоже встали. Хозяинъ пришелъ узнать хорошо ли я провелъ ночь и обѣщалъ угостить обѣдомъ, но я торопился въ дорогу и отказался отъ его приглашенія. Послѣ завтрака я простился со всеми и отправился въ монастырь.

Прощаясь съ Макаріемъ, я объявилъ ему что сегодня же уѣзжаю въ Сараево, или куда-нибудь въ другое мѣсто.

— Мнѣ очень жаль тебя, но я не могу ничѣмъ тебѣ помочь. Я самъ здѣсь живу какъ другіе приказываютъ, а не такъ какъ бы желалъ. Я считаюсь настоятелемъ обители, въ самомъ же дѣлѣ я ничто. Владыка послалъ меня сюда на покаяніе и запретилъ совершать божественную службу и церковныя требы; между тѣмъ христіанскій народъ, ничего этого не зная, ропщетъ и говоритъ что я ни къ чему не способенъ. Повѣрь мнѣ, братъ, я честный человѣкъ и желалъ бы отъ души чтобы ты остался учить дѣтей, но я здѣсь моложе всѣхъ; все зависитъ отъ нѣкоторыхъ кулцовъ и отъ старосты, которые слышать не хотятъ о школахъ. Не сердись на меня если я тебя обидѣлъ, и не поминай зломъ. При этихъ словахъ онъ всталъ, поцѣловался со мной и заплакалъ.—Желаю тебѣ всякаго счастья и блага, прибавилъ онъ, — но не совѣтую возвращаться пока здѣсь царствуетъ такой безпорядокъ.

VIII.

Итакъ, изгнанныкомъ уходилъ я изъ своей родины! Всѣ мои мечты быть ей полезнымъ обратились въ прахъ; ни родные, ни знакомые не смѣли принять меня въ свои дома; провести со мною время въ душевной бесѣдѣ они боялись потому что меня считали опаснымъ человѣкомъ. Турки, которые дѣйствительно не могутъ разчитывать на преданность своихъ христіанскихъ подданныхъ, свои едикоземцы, богатые кулцы и нѣкоторые кметы, продающіе счастье своего народа за дружбу съ его врагами, искали случая погубить меня.

Распростившись съ Макаріемъ я зашелъ въ корчму за.

въ которыми своими вещами и простившись съ знакомыми которыхъ тутъ нашель, я вышелъ на дворъ и увидаль на большой дорогѣ густую толпу народа—то было войско. Я послѣшню вбѣжалъ въ верхнюю горницу корчмы; надѣлъ военную куртку, кулаенную въ Бѣлградѣ, и красную феску. Подходя къ большой дорогѣ, я лошелъ кустарникомъ и оттуда незамѣтнымъ образомъ юркнулъ въ толпу солдатъ.

Войско шло свободно, безъ фронтоваго порядка; кто впереди, кто свадн; одни были вооружены, другіе вѣтъ; въкоторыее пѣли по-турецки и никто не обращаль на меня вниманія, полагая что я иду съ ихъ таборомъ по дѣламъ службы. Помня совѣтъ селяка, я то опережалъ, то отставаль отъ нихъ. Такимъ образомъ мы прошли Прибсѣ. Тутъ офицеръ шедшій съ войскомъ спросиль у меня что-то по-турецки, но я промолчалъ, какъ будто не зная съ кѣмъ онъ говорить.

Пѣхота и кавалерія смѣшанными толпами проходили черезъ новый мостъ. Я шель вмѣстѣ съ ними и не видаль никого кто бы осматриваль проходящихъ. Слава Тебѣ Господи! подумаль я, что меня никто не замѣтилъ, и тотчасъ же повернулъ назадъ къ постоялому двору, выстроенному недалеко отъ моста. Посерединѣ былъ разведенъ огонь и въ маленькой жестяной посудѣ приставленной съ боку варился кофе; на скамьѣ подальше отъ огня сидѣли два человека въ туземномъ костюмѣ: въ одномъ изъ нихъ я узналъ штербцкаго кмета. Я поздоровался съ нимъ и сѣлъ на скамью. Онъ спросиль меня куда я отправляюсь и отчего такъ мало пожилъ здѣсь въ монастырѣ. Когда мы выпили кофе, кметъ сказалъ мнѣ:

— Если будешь въ Сараевѣ, поклонись отъ меня владыкѣ; онъ меня очень хорошо знаетъ, да и не мудрено—я знакомъ со многими тамошними важными лицами. Вамъ, учителямъ и даже калуGERамъ, и во смѣ не видать такого знакомства.

— Чтò жь мудренаго? отвѣчалъ я,—тебѣ счастье, а намъ другое.

— Въ томъ-то и дѣло что я хотя безграмотный, а умѣлъ расположить къ себѣ важныхъ царскихъ людей, и они скорѣй повѣрятъ мнѣ одному, нежели десати или двадцати прочимъ. Я ко всѣмъ имѣю доступъ: и къ турецкимъ властямъ, и къ владыкѣ, и къ купцамъ. Ты самъ видѣлъ намедни въ

меджакъ что на меня смотрять какъ на самаго умнаго человѣка и во всемъ мнѣ вѣрятъ; развѣ это дурно?

— Нѣтъ. А есть ли между вами грамотные кметы?

— Нѣтъ ни одного; но есть люди которые поважнѣе меня по своему положенію, только и имъ трудно со мной бороться.

— Кто же это такіе?

— А вотъ, напримѣръ, монахъ Макарій, бывшій замедви съ тобой у мудира. Онъ зазнался и сталъ умничать: то вужны школы, то нельзя Туркамъ проѣзжать верхомъ черезъ монастырскій дворъ и провелъ даже новую дорогу вокругъ монастырской ограды; такъ что многіе Турки жаловались мнѣ на далекій объѣздъ. Я собираюсь на дняхъ съѣздить въ монастырь и дать ему почувствовать что есть люди постарше и поважнѣе его предъ царскими людьми. Его дѣло молиться Богу и исполнять приказанія владыки. Мы здѣсь хозяева и тебѣ слѣдовало обратиться къ намъ, а ты погорячился еще когда я тебѣ сказалъ что ты долженъ намъ заллатить за право учить. Ну, и что же выигралъ? Пришелъ да и ушелъ!

Я всталъ наконецъ, попросилъ корчмаря дать мнѣ кого-нибудь донести мои вещи до другаго хана и вышелъ. Парень съ моими вещами ушелъ далеко и я насилу догналъ его. Въ разговорѣ я не замѣтилъ какъ мы пришли къ другому постоялому двору. Уже стемнѣло; солдаты развели огни въ открытомъ полѣ; отовсюду раздавались звуки балалайки и военной музыки, пѣсни и оклаки. Я вошелъ въ ханъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ одинъ изъ знакомыхъ мнѣ туземцевъ и не говоря ни слова поманилъ меня рукой. Я взялъ вещи и вышелъ за нимъ.

— Гдѣ ты былъ все это время? спросилъ онъ. Я рассказалъ ему свои приключенія.

— Турки ждали тебя вчера въ Прибой, а сегодня на мосту; они гдѣ-нибудь тутъ ночуютъ и злятся на тебя за то что ты обманулъ ихъ и не пришелъ въ Прибой.

— Я не виноватъ что по дѣлу остался лишній день въ монастырѣ.

— Ты куда же теперь идешь?

— И самъ не знаю. У меня осталось только три гроша (15 к. сер.), съ ними далеко не уйдешь.

— Иди обратно въ Сербію, пока твоя голова на плечахъ. Теперь не время думать объ учительствѣ. Турки, пожалуй,

тебя схватятъ и засадятъ въ тюрьму или убьютъ; они не даромъ тебя поджидаютъ.

— Какъ же бы мнѣ уйти скорѣе въ Сербію? Я не знаю отсюда дороги. Нѣтъ ли у тебя кого-нибудь провести меня до сербской межи, а тамъ я одинъ дойду до сербскаго караула; мнѣ болятса нечего, у меня сербскій паспортъ.

— Поѣдемъ отсюда къ моему знакомому, тамъ мы переполучимъ, а завтра рано отправимъ тебя съ кѣмъ-нибудь до сербской межи.

Туземецъ сѣлъ на коня: его товарищъ, не входившій въ горницу, отдалъ мнѣ свою лошадь, а самъ пошелъ впередъ. Черезъ полтора часа мы пріѣхали въ назначенное мѣсто.

Хозяинъ дома пріѣтствовалъ насъ; я уже считалъ себя въ безопасности, но видно еще не кончился срокъ моего испытанія. Къ намъ неожиданно подошли три Турка и обратились ко мнѣ: Куда отправляешься? Въ Шумадію вмѣсто Сараева? Это развѣ по дорогѣ?

Я придумалъ какъ вывернуться изъ бѣды и спокойно отвѣчалъ:

— Я и не думаю ѣхать въ Шумадію, но мнѣ долженъ одинъ человекъ въ Бѣградѣ и выслалъ деньги на карантикъ. Я иду ихъ получить, а завтра черезъ Вышеградъ отправляюсь прямо въ Сараево.

— Мы тоже идемъ въ Вышеградъ; значить, поѣдемъ вмѣстѣ.

— Хорошо.

— А много ли тебѣ выслали денегъ изъ Бѣграда?

— Не знаю, завтра увижу. Думаю, неменѣе 100 цванцика (20 р. с.), а можетъ-быть и больше.

Турки отошли въ сторону и начали что-то говорить потишнѣе. Этимъ временемъ мой знакомецъ сказалъ хозяину дома:

— Скажи-ка братъ этимъ гостямъ что ты слышалъ отъ меня будто гайдукъ Варница съ своею дружиной перешелъ нынче вечеромъ изъ Герцеговины рѣку Лимъ въ Старый Влакъ и пожалуй явится ночью въ здѣшней сторонѣ и сдѣлаетъ на нихъ нападеніе.

Хозяинъ тотчасъ же сообщилъ эту новость Туркамъ и прибавилъ что гайдуки захватили какого-то Турка и силой заставили указывать имъ дорогу. Храбрецы сильно струсили. Какъ нарочно въ это время собаки громко залаяли въ другой сторонѣ. Надо было видѣть ужасъ моихъ преслѣдователей!

Они вбѣжали въ домъ, заперлись изнутри и погасили огонь.

Мы развели огонь недалеко отъ дома и расположились вокругъ него лоуживать. Послѣ ужина мы тутъ же легли спать; оба знакомца положили меня посрединѣ, но хозяинъ не спалъ, я тоже придумывалъ какъ бы мнѣ счастливѣе выбраться изъ Турціи и чѣмъ кончится надзоръ гаулыхъ Турокъ, которымъ я не сдѣлалъ никакого зла.

Но вотъ занялась предразсвѣтная заря; по дворахъ заплѣли лѣтучихи. Встали домашніе, подались и Турки, вышли изъ своихъ затворовъ и потребовали ѣсть. Хозяйка поспѣшила удовлетворить незваныхъ гостей и стала готовить прежде для нихъ скоромное на таганѣ. Это было въ среду. Когда насытились сеймены, то начали собираться въ путь и взяли съ меня честное слово что я приду, взвалили на плеча свои длинныя ружья и ушли. Я тотчасъ же взялъ листъ бумаги и карандашъ и написалъ къ самому себѣ письмо будто отъ Милана Лекича, чиновника Мокрогорскаго карантина, что мнѣ высланы деньги изъ Бѣграда въ улаату долга и чтобъ я лично явился за ихъ полученіемъ.

Окончивъ дорожные сборы и выпросивъ у хозяина мальчика который бы донесъ мои вещи, я отправился въ дорогу, не зная самъ что со мною будетъ.

Послѣ долгой ходьбы я увидѣлъ наконецъ на горѣ постоялый дворъ въ которомъ меня экзаменовали безграмотные магометане въ первый день моего выхода изъ Сербіи. До меня доносились ружейныя выстрѣлы: блюстители порядка упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. Раздумывая о своемъ незавидномъ положеніи, я пошелъ къ постоялому двору, думая пробраться потихоньку чтобы не замѣтили Турки, но едва я вышелъ изъ-за стѣны какъ услышалъ крикъ:

— Эй, эй! стой! воротись назадъ!

Я вернулся, бросилъ свои вещи на небольшое возвышеніе и притворился будто очень доволенъ встрѣчъ съ ними. Турокъ спросилъ меня:

— Какъ же ты сказалъ намъ что пойдешь въ Сараево, а идешь, какъ кажется, въ Шумадію? Мы люди царскіе, должны слѣдить за всѣмъ что дѣлается въ царской землѣ и кто куда ходитъ. Мы за то ѣдимъ царскій хлѣбъ. Появля что я тебѣ говорю?

Вида недовѣрчивость Турокъ, я сталъ порицать сербскіе

порядки и переименованіе чужихъ обычаевъ, и сказалъ что для меня гораздо лучше жить въ великомъ царствѣ Оттоманскомъ, нежели въ такомъ маленькомъ Княжествѣ гдѣ все дѣлается на швабскій манеръ.

— Лишь бы только мнѣ развязаться съ этими людьми, прибавилъ я,—и получить поскорѣе свои деньги.

— Отъ кого же ты ихъ получишь на карантинѣ? спросилъ онъ.

— Черезъ Милана Лекича, къ которому ихъ выслалъ мой доажникъ.

— Да ты какъ знаешь что твои деньги у Лекича?

— Онъ мнѣ прислалъ письмо съ какимъ-то человѣкомъ въ то время когда я уже вышелъ изъ монастыря.

— Покажи письмо.

Я подавалъ приготовленную заранѣе записку. Онъ вертѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, но не могъ добраться тоаку и велѣлъ мнѣ самому прочесть. Я показалъ видъ что съ трудомъ разбираю полу-сербскія, полу-латинскія буквы.

Туркамъ не очень хотѣлось чтобъ я шелъ за деньгами въ карантинъ, а между тѣмъ время уходило и надо было на что-нибудь рѣшиться. Поговоривъ по-арнаутски съ своими товарищами, старшій изъ нихъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ чтò. Оставь здѣсь свои вещи и паспортъ, а самъ ступай въ карантинъ. Когда получишь деньги, приходи сюда обратно и мы проводимъ тебя до Вышеграда, а оттуда въ Сараево или куда еще подальше.

Селякъ, бывшій въ корчмѣ, дѣлалъ мнѣ знаки глазами чтобъ я не возвращался.

Показывая видъ что соглашаюсь, я отвѣчалъ:

— Это все очень хорошо, но только я боюсь что безъ паспорта и вещей, которыя всѣ записаны на карантинѣ, не повѣрятъ моей личности и не выдадутъ денегъ.

Турокъ сомнительно покачалъ головой и приказалъ одному сеймену идти со мной и прибавилъ чтобы мы поскорѣй возвратились назадъ. Я взялъ свой багажъ и паспортъ, и пошелъ впередъ, а вооруженный Турокъ, съ длиннымъ ружьемъ на плечѣ, слѣдовалъ за мной. Разговаривая дорогой, мы прошли поле и вошли въ небольшой дѣсокъ. Сейменъ сказалъ мнѣ:

— Ступай потихоньку, я тебя догоню!

Само Провидѣніе указывало мнѣ путь спасенія. Не чувствуя тяжести багажа и не помня себя отъ страха и радо-

сти, я бросился стремглавъ къ горѣ на которой былъ расположенъ сербскій караулъ. Добѣжавъ до воротъ на самой сербской межѣ, я просунулъ руку и отворилъ ихъ. Часовой, ходившій взадъ и впередъ, закричалъ:

— Стой, стой!

Я крикнулъ чтобъ онъ замолчалъ, сбросилъ свои вещи на сербскую территорию и, обратясь къ догонявшему меня Турку, объявилъ что не пойду больше назадъ.

Чудно было мое спасеніе, такъ-сказать, изъ-подъ дула турецкаго ружья! Легко и свободно вздохнулъ я полною грудью! Я взглянулъ на собравшихся вокругъ меня людей и первое лицо бросившееся мнѣ въ глаза былъ мой дядя, начальникъ сторожевой дружины. Меня закидали разными вопросами и я едва успѣвалъ отвѣчать. Больше всего интересовались положеніемъ Сербскаго народа въ Турціи. Будучи въ безопасности, я не стѣснялся въ своихъ разказахъ о глупости и жестокости турецкихъ администраторовъ. Мнѣ также сообщали много новостей, и я между прочимъ узналъ что Сербскій народъ требуетъ скупщины и даже грозитъ въ случаѣ отказа собраться самому для изслѣдованія вражды между княземъ и его совѣтниками, которые призываютъ Турокъ въ Сербію и дѣлаютъ ихъ судьями своей распри.

Наша бесѣда продолжалась далеко за полночь; наконецъ я легъ и заснулъ богатырскимъ сномъ, забывъ и Турокъ, и грозившую мнѣ за нѣсколько часовъ смерть.

На другой день мои друзья и дядя съ теткой угощали меня всѣмъ что было у нихъ лучшаго. Послѣ всѣхъ необыкновенныхъ событій случившихся со мной въ Турціи, мнѣ не вѣрилось что я нахожусь внѣ опасности. Мнѣ все чудились еще сеймелы, суваріи и грозный нововарошскій мудиръ.

Послѣ обѣда мы пошли погулять и направились къ пергородкѣ карантинна. Шесть вооруженныхъ Турокъ шли къ намъ на встрѣчу, съ ними былъ и ихъ начальникъ. Они призывали Божію помощь, мы имъ отвѣтили тѣмъ же и сѣли на лавкахъ по ту и по сю сторону раздѣлявшаго насъ забора. Турецкій начальникъ съ видомъ упрека спросилъ меня:

— Такъ-то ты держишь свое слово? Хотѣлъ идти въ Сараево, а возвратился въ Шумадію?

— Что же дѣлать, отвѣчалъ я,—когда вы всѣ, суваріи и заптіи, подозреваете насъ въ чемъ-то и преслѣдуете когда мы призваемъ въ Турцію.

— А я тебѣ скажу одно, что еслибы ты вчера не ушелъ сюда двумя часами раньше, тебѣ не миновать бы Сараева. Въ Босніи возстала раія противъ Турокъ, и мы получили вчера приказъ ловить всѣхъ пріѣзжихъ изъ Сербіи и отсылать въ Сараево, а тамъ какъ знаютъ такъ пусть и поступаютъ съ ними. Наше дѣло исполнять приказаніе начальства. Я нахожусь на этой службѣ и не только тебя или кого другаго отведу куда назначать, отца, брата роднаго представляю; я за то получаю жалованье; велать, такъ и голову сниму. Вотъ чтѣ теперя у насъ дѣлается!

— Но какое право имѣете вы, Турки, перебилъ его одинъ изъ нашихъ,—обижать людей которые ѣздятъ по дѣламъ въ вашу землю съ нашими паспортами? Вы можете препроводить ихъ къ нашимъ властямъ, къ нашему суду, а не сажать ихъ въ тюрьмы и убивать. Такое нарушеніе народныхъ правъ не можетъ быть долго терпимо, и между нами можетъ выдти большая неприятность. Такъ ли мы поступаемъ съ вашими людьми, которые свободно разѣзжаются по Сербіи, и никто ихъ пальцемъ не тронетъ?

— Мы это очень хорошо знаемъ, отвѣчалъ Турокъ,—и ни въ чемъ не виноваты. Мы должны исполнять приказаніе старшихъ. Намъ скажутъ: убей! и мы повинемся противъ воли, потому что находимся на службѣ. А ты счастливъ что вовремя ушелъ сюда! Не возвращайся опять въ нашу сторону пока не утихнутъ всѣ эти смуты, а если и пріѣдешь когда въ Турецкую землю, то ступай въ другое мѣсто, гдѣ тебя никто не знаетъ.

Отъ радости что такъ счастливо кончились всѣ мои бѣды, я угостилъ Турокъ кофеемъ. Они купили табаку и вѣсколко дюжинъ пороховыхъ патроновъ и ушли обратно за сербскую границу.

Ө. БАЦЕТИЧЪ.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ *

Р О М А Н Ъ

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Раисъ Михайловнѣ казалось что она никогда не выносила изъ театра такого полного впечатлѣнія, какъ въ этотъ разъ. Откинувшись въ глубину кареты она молча, полузакрытыми глазами глядѣла въ темноту, вся преисполненная неопредѣленнаго и тихо волнующаго удовольствія. Все что она ощущала, было ей пріятно. Пріятно было это едва чувствуемое, ласкающее прикосновеніе мѣховаго ворота къ слабо рдѣющему лицу; пріятно было ощущеніе быстрого и мѣрнаго бѣга лошадей и эти мягкіе, притуленные свѣгомъ толчки, дававшіе каретѣ едва уловимое колебаніе; пріятно было что Давидъ Петровичъ молчалъ, повернувшись лицомъ къ покрытому морозомъ стеклу и явно забавляясь тѣмъ что отъ его дыханія на этомъ стеклѣ оттаялъ маленькій прозрачный кружокъ. Все это было пріятно потому что кромѣ этихъ опредѣленныхъ ощущеній чувствовалось еще что-то общее, неопредѣленное, заключавшееся въ слабомъ и какъ

* См. № 10 *Рус. Вѣст.*

будто слегка опьяняющемъ возбужденіи нервовъ. Раиса Михайловна не знала отчего это происходитъ, но чувствовала что сегодня все какъ-то особенно хорошо, и даже не рассердилась когда Давидъ Петровичъ, соскучившись молчаніемъ, зѣвнулъ и сказалъ что Нильсонъ хорошо пѣла.

Да, конечно, все произошло оттого что въ театрѣ хорошо пѣли. Нильсонъ дѣйствительно была великолѣпна. Но и Николини былъ не хуже. Нѣтъ, онъ былъ гораздо лучше. Главное что сегодня всѣ какъ-то больше любили, и она, и Юхотскій, и всѣ. Вотъ и Деви, и ему тоже понравилось. Раиса Михайловна была увѣрена что Деви понравилось.

— Деви, правда Николини былъ чудо какъ хорошъ въ первомъ актѣ? быстро обратилась она къ мужу.

— Красавецъ былъ! отвѣчалъ съ удовольствіемъ Давидъ Петровичъ.

Раиса Михайловна также быстро отвернулась и продолжала щурить въ темноту довольные и немножко усталые глаза. Она съ удовольствіемъ замѣчала что впечатлѣнія которыми она сейчасъ наслаждалась, снова и легко возвращалось къ ней. Въ этомъ вкрадчивомъ и слегка волнующемъ ощущеніи удовлетворенія было что-то матеріальное. Ей пріятно было чувствовать себя погруженною въ ровную, ласкающую теплоту, образовавшуюся подъ волнистымъ мѣхомъ шубы; въ тѣснотѣ кареты она слышала слабый, притупленный запахъ своихъ духовъ, и находила что они никогда такъ хорошо не лахли какъ сегодня. Все вмѣстѣ производило неопредѣленное и сложное ощущеніе комфорта, который она чувствовала не только внѣ себя, но и въ себѣ самой. Мысль ея опять возвращалась къ впечатлѣнію спектакля, и въ этомъ впечатлѣніи какъ-будто одинаково участвовали и Нильсонъ, и Николини, и Юхотскій, и Устюжевъ, и она сама. Въ томъ и заключалась вся прелесть того что она чувствовала, прелесть внутренней музыки, которую всѣ, какъ ей казалось, унесли изъ театра. И какъ всегда бываетъ послѣ подобныхъ впечатлѣній, всѣ представлялись ей такими хорошими, славными, такъ много открылось ей въ каждомъ благороднаго, снѣлаго, человѣчаго. Устюжевъ былъ славный, въ самомъ дѣлѣ славный съ своей мальчишескою выходкою и открытымъ, яснымъ и упрямымъ взглядомъ своихъ карихъ глазъ. А Юхотскій—Юхотскій еще лучше. Она припомнила его взволнованное лицо и слезы въ глазахъ, и то что онъ говорилъ

объ оперѣ. Она чувствовала что съ той самой минуты собственно и началось впечатлѣніе. Да, въ этомъ все дѣло, а вовсе не въ Нильсонъ и не въ Николини, потому что они также хороши были и прежде, и она также восхищалась ими, но никогда не ощущала той внутренней музыки которую находила въ себѣ сегодня.

Карета остановилась у подъѣзда. Давидъ Петровичъ, высаживая жену, проговорилъ съ тѣмъ нѣскольکو смущеннымъ видомъ который всегда у него являлся въ подобныхъ случаяхъ:

— А я думаю заѣхать еще въ клубъ, а?

— Bonsoir, отвѣтила равнодушно Раиса Михайловна.

Она подумала что такъ какъ онъ проскучалъ ради нея въ театрѣ, то имѣеть право располагать остаткомъ вечера какъ ему вздумается. Впрочемъ, ей было все равно.

Она прошла прямо въ уборную и очень удивилась что тамъ не приготовлены для нея чай.

— Самоваръ въ столовую поданъ: князь Петръ Давидовичъ также будутъ кушать, объяснила камеристка.

— О, вотъ вздоръ какой! раздражительно воскликнула Раиса Михайловна, и по ея лицу пробѣжала гнѣвная судорога. Никогда мысль о старомъ Урханѣ не была ей такъ противна.

— Скажи князю что я больна и не могу его видѣть. Дай мнѣ чай сюда.

Пока горничная ходила въ столовую, Раиса Михайловна принялась сама нетерпѣливо сбрасывать платье. Она чувствовала страшный контрастъ между свободнымъ и свѣтлымъ настроеніемъ которое привнесла съ собою, и угнетающимъ впечатлѣніемъ этого мрачнаго дома, отъ самыхъ стѣвъ котораго, казалось, отдѣлялось что-то враждебное, давящее и темничное. Она враскорѣ выпила чай, отпустила камеристку, и взявъ начатую съ утра книжку, пересѣла съ нею къ едва глѣвшему камину. Она читала уже съ полчаса, и никакъ не могла войти въ отношенія которыя съ такимъ талантомъ изображалъ англійскій авторъ. Она даже не совсѣмъ ясно отличала гдѣ говорила проникнутая британскимъ чувствомъ долга героиня, и гдѣ проповѣдывалъ методистскій пасторъ, продолжительно и грустно за нею ухаживавшій. Убѣдившись что она совсѣмъ перезабыла первую половину романа, Раиса Михайловна оставила книжку на столикѣ и приняла болѣе удобное положеніе на кушеткѣ. Воздухъ изъ догоравшаго камина

обливалъ мягкою и теплою волной ея плечи и руки, въ которыхъ она чувствовала слабый нервный ознобъ. Ей не хотѣлось спать и ничего не хотѣлось дѣлать. Мысль ея мечтательно двигалась въ пестротѣ воспоминаній, и она находила отраду въ этомъ своеобразномъ круженіи.

То что она вспоминала, не было ни особенно весело, ни особенно значительно. Вся прожитая жизнь представлялась ей только долгимъ ожиданіемъ чего-то большаго, яркаго, смутно ей обѣщаннаго. Это обѣщаніе гдѣ-то тайно гнѣздилося въ ней, она чувствовала его въ безлокойвой закваскѣ своего темперамента и въ той тоскѣ неудовлетворенія съ которой она встрѣчала всѣ выладавшія ей впечатлѣнія.

Она не знала матери, умершей когда ей было только полгода. Отецъ ея былъ въ то время уже пожилымъ человѣкомъ. Семья состояла изъ нихъ двоихъ. Несмотря на заботы и недосуги, отецъ находилъ для нея столько вѣжности и женственнаго обожанія что Раичка не замѣчала отсутствія матери. Она росла среди неслыханнаго баловства, окруженная страстными, почти рабскими поличеніями. Быть-можетъ этому воспитанію она была обязана своими первыми капризами и первыми приладками тѣхъ безпокойныхъ стремленій и лорываній, которыя она чувствовала у себя въ крови. Она отвѣчала отцу тѣмъ же страстнымъ обожаніемъ. Онъ былъ чудесный человѣкъ, хотя можетъ-быть слишкомъ слабый. Еще ребенкомъ она инстинктивно чувствовала обаяніе чистоты и праводушія составлявшихъ его натуру. Въ атмосферѣ простыхъ, дружественныхъ, откровенныхъ отношеній, она рано привыкла къ самостоятельности и была почти полною хозяйкой въ домѣ. Обожаніе, которое питалъ къ ней отецъ, передавалось всѣмъ домашнимъ. Суровая Англичанка, представленная къ ней съ тѣхъ самыхъ поръ какъ умерла ея мать, позволяла ей дѣлать съ собой все что вздумается. Другое воспитаніе впрочемъ и трудно было бы ей дать: они жили на Кавказѣ, въ небольшомъ городкѣ, почти лишенномъ общества. Отецъ боялся чтобъ изъ нея не вышла дикарка, и возилъ ее то въ Тифлисъ, то на воды въ Пятигорскъ; но опасенія были напрасны; несмотря на полумужское воспитаніе, натура Раички была чрезвычайно богата женственностью. Въ ней можетъ-быть уже тогда существовали инстинкты свѣтской женщины. Это не мѣшало ей лодъ тонкимъ и изящнымъ складомъ дѣвочки сохранять независимость и смѣлость

мальчика. Разъ отецъ ея, уѣхавъ по дѣламъ службы за двѣсти верстъ, заболѣлъ и слегъ. Получивъ это извѣстiе, Раичка отправилась на почтовую станцію, наняла бричку и одна одишешенька, съ ямщикомъ Осетиномъ, пріѣхала къ отцу. Какъ ни былъ тронутъ старикъ этимъ поступкомъ, но искугался не на шутку за результаты своего воспитанiя, и рѣшился разстаться съ Кавказомъ чтобы переселиться въ Петербургъ. Тамъ были у него родня и связи, и ему не трудно было сразу ввести дочь въ свѣтъ. Раиса Михайловна явилась въ Петербургъ высокою, стройною дѣвушкой, съ не сошедшимъ еще золотымъ загаромъ лица и съ отпечаткомъ свѣжести, отличавшимъ ее среди преждевременно поблекшихъ барышень въ обществѣ которыхъ ей предстояло сдѣлать свои первые успѣхи. Это было какъ разъ въ то время когда Юхотскій пріѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ. Раиса Михайловна встрѣтилась съ нимъ на своемъ первомъ балѣ. Она была немножко смущена и взволнована вниманiемъ многолюдной толпы, къ которой еще не привыкла. Среди представленныхъ ей блестящихъ молодыхъ людей она можетъ-быть не замѣтила бы Юхотскаго, есаубы хозяйка дома, ея двоюродная тетка, не сказала о немъ съ безстрастною наблюдательностью опытной женщины:

— Voici un, qui promet d'être fort dangereux pour les coeurs sensibles.

Это было сказано податъ Раисы Михайловны, въ аттрактѣ между двумя контрадасами. Она невольно взглянула по тому направленiю куда указывала тетка, и невольно, испуганно вспыхнула, увидѣвъ что тотъ о комъ сейчасъ говорили шелъ прямо къ нимъ.

Тетка тотчасъ представила его. Юхотскій поклонился, и такъ какъ оркестръ въ эту минуту заигралъ вальсъ, то предложилъ руку. Первымъ лобужденiемъ Раисы Михайловны было отказаться, но она растерялась, минута была пропущена, и она пошла съ Юхотскимъ въ кругъ. Она почти не видѣла его, не знала хорошъ онъ или дурень, dangereux или нѣтъ, но страхъ не проходилъ, и несясь въ быстромъ вальсѣ она чувствовала какъ билось ея сердце. Она думала что всѣ женщины какiя были на этомъ балѣ понимаютъ въ тысячу разъ больше, и что если тетка назвала его dangereux, то значить въ немъ было нѣчто очень страшное. Только въ этомъ страхѣ она не ощущала ничего непрiятнаго, совсѣтъ

напротивъ. Ей казалось что она отдѣляется отъ земли, и сильная рука крѣпко держитъ ее надъ бездною; въ этомъ чувствѣ было что-то увлекающее и захватывающее до головокруженія. Но она была рада, когда окончивъ широкій кругъ вальса, Юхотскій подвелъ ее къ стулу. Овъ что-то сказалъ ей, она отвѣтила смущенно и вѣроятно не влопадъ, потому что овъ улыбнулся и продолжалъ говорить, очевидно чтобы дать ей оправиться. Она все еще не смѣла взглянуть ему прямо въ глаза, и быстро обмахивала вѣеромъ разгоряченное лицо. Потомъ во весь остальной вечеръ она страшно досадовала на себя за это смущеніе. Она была увѣрена что должна показаться ему дурой. Это тѣмъ болѣе сердило ее что съ другими она вовсе не чувствовала себя новичкомъ. Напротивъ, оправившись отъ перваго волненія, она держала себя такъ просто и спокойно какъ будто выросла въ балной залѣ. „Все оттого что та tante сказала будто овъ dangereux; какой вздоръ!“ думала она негодуя и на тетку, и на себя и съ любольствомъ отыскивая глазами Юхотскаго въ тѣсной и оживленной толпѣ. Теперь, издали, она уже могла смотрѣть на него съ наблюдательнымъ вниманіемъ. Она нашла что овъ въ самомъ дѣлѣ красивъ и изященъ, что на всей его внѣшности лежитъ блескъ, отличавшій его между другими красивыми и изящными молодыми людьми. Она замѣтила что самыя прелестныя дамы ни съ кѣмъ такъ охотно не танцовали какъ съ нимъ и что имя его повторяли во всѣхъ углахъ залы.

Въ этотъ вечеръ овъ больше не подходилъ къ ней. Она знала что ея первый выѣздъ въ свѣтъ произвелъ впечатлѣніе, что общій голосъ признавалъ ее самою очаровательною изъ всѣхъ бывшихъ на балѣ „новенькихъ“. Она была счастлива этимъ услѣхомъ; но къ счастью, которымъ она уливалась со всѣмъ увлеченіемъ только что заговорившихъ инстинктовъ власти и тщеславія, примѣшивалось досадное впечатлѣніе одной неудачной подробности. Эта подробность раздражала, какъ трещина на художественномъ произведеніи. Большая часть молодыхъ людей которые были ей представлены на балѣ, явились забросить карточки ея отцу. Юхотскаго между ними не было. Она не встрѣтилась съ нимъ на двухъ другихъ балахъ, слѣдовавшихъ за первымъ, и скоро узнала что овъ уѣхалъ за границу и на долго.

Среди разсѣяній свѣтской жизни, въ которую Раиса

Михайловна разомъ вступила, впечатлѣнія ея перваго бала скоро изгладились. Она перестала думать о Юхотскомъ, отлавшись со всѣмъ увлеченіемъ первой молодости шуму и блеску новой жизни, не оставлявшей времени для воспоминаній и для повѣрки старыхъ впечатлѣній.

На слѣдующій годъ отецъ собрался съ ней также за границу. Надо было докончить ея воспитаніе, показавъ ей блескъ европейскихъ столицъ, природу Швейцаріи, художественныя сокровища Рима и Флоренціи. Они провели часть зимы въ Парижѣ и Ниццѣ, бѣгали по дворцамъ и музеямъ Италіи, любовались Везувіемъ и венеціанскимъ Canale Grande, и пропадали отъ холоду въ Палермо. Старикъ-отецъ, никогда не бывавшій раньше за границей, бѣгалъ за ней на своихъ еще бодрыхъ ногахъ, полный такого же молодого восторга, какъ и она сама. Весной они потянулись вмѣстѣ съ кочевой ордой Англичанъ въ Швейцарію, подымались на Риги, катались по Женевскому озеру, поглядѣли на нѣмецкія рулетки, и наконецъ явились въ Остенде. Весь этотъ годъ промелькнулъ какъ день безжалостно короткій и до утомленія полный впечатлѣній. Въ Остенде они думали отдохнуть и собраться съ силами къ новому петербургскому сезону. Нѣсколько недѣль на мѣстѣ, въ небольшомъ приморскомъ городѣ, среди сравнительно тихаго населенія, показались Раисѣ Михайловнѣ немножко скучными послѣ цѣлаго года скитаній. Дни отличались такимъ же примѣрнымъ однообразіемъ, какъ и нѣмецкій столъ въ псевдо-англійскомъ отелѣ; знакомыхъ было мало, съ незнакомыми не хотѣлось сходиться. Раиса Михайловна съ ужасомъ замѣчала что это обиліе и быстрая смѣна впечатлѣній обращаются въ опасную привычку. Ей было восемнадцать лѣтъ, и она уже была доступна тоскливому ощущенію пустоты и скуки, какъ только суживался будничныи кругъ жизни. А въ этомъ кругѣ, раньше или позже, предстояло замкнуться, потому что нельзя же вѣчно раздражать себя новизною впечатлѣній. Къ тому же отецъ говорилъ что они прожили саишкомъ много денегъ и что ихъ средства не только не неистощимы, но позволяютъ предвидѣть довольно близкій конецъ.

Раиса Михайловна Богъ-вѣсть какъ обрадовалась встрѣтившись съ Юхотскимъ. Встрѣча была внезапная, случайная, на бульварѣ. И опять произошло то же самое что тогда на балѣ: Раиса Михайловна смутилась, вспыхнула, не

умѣла найтись въ первую минуту. Но на этотъ разъ было легче оправиться: были обычные неизбежные законные вопросы которыми обоимъ слѣдовало обмѣняться. Юхотскій показался ей веселымъ, добрымъ, оживленнымъ; онъ какъ будто еще посвящалъ за границей. Онъ жаль руки ей и ея отцу какъ старымъ знакомымъ, восхищался моремъ, приглашалъ кататься въ рыбацкѣй лодкѣ, обѣщалъ кучу развлеченій. Ничего страшнаго, ничего dangereux Раиса Михайлова никакъ не могла найти въ немъ. Въ своемъ просторномъ строеньи съютъ и луговой шалашъ онъ теперь гораздо больше напоминалъ оксфордскаго студента на каникулахъ, чѣмъ свѣтскаго человѣка. И Раиса Михайловна какъ будто не совсѣмъ была довольна этимъ превращеніемъ; ей было весело, но она можетъ-быть лучше желала бы встрѣтить его окруженнаго тѣмъ таинственнымъ и опаснымъ обаяніемъ въ лучахъ котораго она его помнила.

Онъ пріѣхалъ въ Остенде всего на нѣсколько дней, въ ожиданіи пока откроется осенній семестръ въ нѣмецкомъ университетѣ гдѣ онъ предполагалъ слушать лекціи. Онъ былъ свободенъ, хотѣлъ отдохнуть и подлѣниться. Все лѣто онъ проработалъ въ Лондонѣ, изучая археологическія коллекціи Британскаго Музея. Онъ еще былъ половъ трезваго и радостнаго возбужденія рабочихъ дней, отъ него брызгало здоровьемъ, молодостью и чувствомъ удовлетворенія, доставленнаго любимымъ и плодотворнымъ трудомъ. Впередъ ему улыбались нѣсколько лѣтъ той же трезвой, рабочей жизни, полной самыхъ дорогихъ и чистыхъ наслажденій. Это возбужденіе проявлялось въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ словѣ. Онъ былъ очарователемъ съ этимъ неостывшимъ килѣніемъ молодаго ума, страстно хозяйничавшаго въ послѣднихъ завоеваніяхъ мысли и знанія, и съ этимъ ненасытною жаждою моря, солнца, физическаго утомленія. Раиса Михайловна чувствовала что подлѣ него она вступала въ область неистощимаго энтузіазма, свѣта, жизни, радостнаго стремленія въ безпредѣльно раздвигающуюся даль. Она съ тайнымъ страхомъ начинала помышлять, не въ этой ли неотразимо дѣйствующей, бьющей черезъ край полнотѣ натуры заключается та опасность о которой предостерегала многоопытная тетка? Онъ былъ такъ простъ, такъ искренъ, такъ живо поглощенъ своими книгами и своею рыбацкѣю лодкой, что ужъ конечно въ немъ не было ничего

dangereux въ томъ оплошленномъ смыслѣ который давали этому слову добродѣтельныя Діаны большого свѣта. Но она почувствовала внезапную тоску, когда на ихъ послѣдней морской прогулкѣ онъ сказалъ, любуясь ловкимъ поворотомъ паруса:

— Мнѣ долго будетъ жаль этого моря. Послѣзавтра я уѣзжаю.

Ей казалось что съ его отъѣздомъ должно будетъ скучать-ся скучно, страшно скучно и пусто въ Остенде.

— Такъ скоро! сказала она:—Но сезонъ еще не кончился. Развѣ нельзя пропустить нѣсколько вашихъ лекцій?

— Пропустить Овергагена! воскликнулъ почти съ ужасомъ Юхотскій, и самъ разсмѣялся студенческой наивности этого возраженія.

II.

Дойдя до этой страницы своего романа, Рауса Михайловна почувствовала какъ будто въ глазахъ ея померкло розовое мерцаніе. То что было дальше, представлялось ей такимъ тусклымъ, не озареннымъ, въ сравненіи съ блескомъ этихъ равныхъ воспоминаній. Ей казалось что благоуханіе и свѣжесть молодости навсегда отлетѣли отъ нея съ тѣхъ памятныхъ дней въ Остенде. Она уронила голову на руки, залутовавшись пальцами въ распущенные на ночь волосы. Ея мысль вступала въ тьму, гдѣ все было неясно и живо, и полно раздраженія. Она не знала тогда, не знала и теперь, что значило это тоскливое томленье овладѣвшее ею, когда мысль объ отъѣздѣ Юхотскаго ясно и окончательно представилась ея уму. Еслибъ ей сказали что это любовь, она съ недоверіемъ покачала бы головой. Она знала что когда ей случится полюбить, она потеряетъ голову и будетъ готова на всѣ безумства и пожертванія. Она не потеряла голову, не сдѣлала никакого безумства. Можетъ-быть она сдѣлала хуже: ей пришла несчастная мысль, попробовать удержать Юхотскаго чарами своего еще неопытнаго кокетства. Ей было стыдно вспомнить сколько маленькихъ хитростей и уловокъ было растрчено ею на другой день, наканунѣ его отъѣзда. Отецъ былъ не совсѣмъ здоровъ; къ нему вернулся припадокъ ревматизма, и онъ не выходилъ изъ дому. Пользуясь свободой граничныхъ правовъ, Рауса Михайловна отправи-

лась съ Юхотскимъ вдвоемъ на морской берегъ. Она была задумчива и загадочна и позволяла себѣ искоса, изъ-подъ широкихъ полей шляпы, бросать на Юхотскаго интригующіе и ободряющіе взгляды. Но все разбивалось о наивную и прозрачную ясность съ которою Юхотскій принималъ незамысловатыя уловки ея кокетства. Они прошли довольно далеко отъ города, къ кучѣ камней, темнѣвшихъ на желтомъ морскомъ пескѣ. Юхотскій очень любилъ это мѣсто: вся безпредѣльность моря открывалась отсюда взгляду. Раиса Михайловна пожелала взобраться на самый высокій камень, посколькунулась и упала бы, еслибъ Юхотскій не схватилъ ее обѣими руками. Но видъ отсюда былъ такъ хорошъ что она не хотѣла сойти съ этой каменной груды; она сѣла, подобрала платье и осторожно поставивъ на мягкій сухой мохъ обѣ ножки, обутыя въ восхитительныя ботинки. Солнце, огромное и красное, низко-низко висѣло надъ моремъ, и дымилось въ желтыхъ какъ лютарь облакахъ; яркій, кричащій, желто-красный отсвѣтъ падалъ на берегъ, обливая косыми лучами и безконечныя пески, и груды камней, и изящную фигуру сидѣвшей надъ ними дѣвушка. Чайки бѣлыми и черными точками носились въ туманѣ; море шуршало въ пескѣ, закипая лѣвой почти у самыхъ ногъ Раисы Михайловны. Она походила на Лорелею нѣмецкой сказки. Въ довершеніе сходства, маленькая гребная лодка вымырнула откуда-то у самого берега и остановилась, поджавъ какъ чайка сверкавшія на солнцѣ весла. Сидѣвшій въ ней рыбакъ, въ своей традиціонной синей курткѣ, съ изумленіемъ смотрѣлъ вверхъ, какъ бы пораженный представившеюся ему картиной.

Er schaut nicht die Felsenriffe,

Er schaut nur hinauf in die Höh'—

подумавши Юхотскій, любуясь игрою косыхъ лучей на ея лицѣ и на свѣтлыхъ складкахъ ея легкаго платья. Въ немъ шевельнулось скупое чувство сожалѣнія о томъ что онъ собирался покинуть, о красотѣ этого догоравшаго надъ моремъ дня и можетъ-быть о красотѣ этой дѣвушки, которою онъ любовался въ ту минуту.

— Не хочется уѣзжать отсюда, сказалъ онъ почти грустно.

Онъ уже нѣсколько разъ сегодня повторялъ эту фразу, и когда она замѣчала что отъ него самого зависитъ остаться, онъ только пожималъ плечами, съ видомъ челоуѣка торопящагося къ своей главной и неотложной цѣли.

— Наслажденье, лѣнь, все это только тогда и прекрасно когда рядомъ есть трудовая задача жизни, объяснилъ онъ.

— Увѣжающіе всегда счастливы тѣхъ кто остается, сказала Раиса Михайловна, покачивая носкомъ ботиночки. — Мнѣ будетъ очень скучно здѣсь безъ васъ.

— Но вѣдь вы тоже скоро отсюда уѣдете? возразилъ совершенно просто Юхотскій.

— Да, но мнѣ все-таки будетъ скучно, рискнула повторить Раиса Михайловна.

Юхотскій помолчалъ. Онъ готовъ былъ думать что разставанье всегда сопряжено съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Но онъ только еще разъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Люди встрѣчаются, расходятся, опять встрѣчаются; жизнь похожа на Пенелопину ткань распускаемую каждый вечеръ, чтобъ утромъ начать сызнова.

„Сентенція“, подумала Раиса Михайловна, отвернулась и надула губки.

Сумерки медленно надвигались надъ городомъ и ползли вмѣстѣ съ туманомъ къ освѣщенному краю моря.

— Пора, сказала Раиса Михайловна, оставая и оправляя измятое платье.

Они возвратились въ городъ подъ руку.

— Когда мы опять встрѣтимся, много воды утечетъ до тѣхъ поръ, сказала она. — Я буду уже замужемъ...

— Право? вы рѣшили? улыбаясь спросилъ Юхотскій.

— Развѣ это такъ трудно? возразила Раиса Михайловна, и въ глазахъ ея сверкнулъ тотъ темный блескъ, который Юхотскій замѣтилъ на послѣднемъ раутѣ у Валковскихъ.

Какъ стыдно было ей вспомнить теперь этотъ короткій разговоръ и это оскорбленное, злое чувство шевившееся въ ней когда она произносила тѣ слова!

Злость старить. Раиса Михайловна чувствовала что пора дѣтства, свѣжести, наивной неопытности миновала для нея вмѣстѣ съ тѣми осенними днями въ Остенде. Когда она вернулась къ прежней разсыпанной петербургской жизни, на ней уже какъ бы лежалъ лакъ который кладеть на женщину преждевременная острая зрѣлость мысли и чувства. Она уже все ловила и всему знала цѣну, и глядѣла на жизнь съ полупрезрительнымъ вызовомъ. Она выбирала себѣ мужа.

Выйти замужъ, и какъ можно скорѣе, представлялось ей почти необходимостью. Она знала что если не выйдетъ въ

эту зиму, то должна будетъ оставить Петербургъ и уѣхать съ отцомъ опять на Кавказъ, въ имѣніе, поправлять истощенныя и разстроенныя средства. Но блантаніе въ свѣтъ, обольщенія непрерывно раздражаемаго и ласкаемаго самолюбія, уже обратились въ потребность, съ которой она не въ силахъ была бороться. Надо было торопиться пока выборъ еще зависѣлъ отъ нея.

Между ея покровниками, князь Бахтіаровъ менѣе всѣхъ разчитывалъ на успѣхъ. Онъ немножко боялся ея. Слѣдуя за нею повсюду гдѣ только надѣялся ее встрѣтить, онъ любовался ею издали своими влюбленными глазами, и терпѣлся когда случалось говорить съ нею. Раиса Михайловна замѣтила эти влюбленные глаза и нашла что князь Бахтіаровъ вовсе не дурень собою. Правда, его красота имѣла нѣсколько пошловатый отпечатокъ; но Раиса Михайловна на Кавказѣ привыкла къ восточнымъ лицамъ. Молва говорила притомъ о несметныхъ богатствахъ и блестящемъ положеніи князей Бахтіаровыхъ. Раиса Михайловна подумала что такая партія представляетъ свои выгодныя стороны; какъ всѣ молодыя дѣвушки, она считала очень важнымъ имѣть нравственное превосходство надъ мужемъ. Она рѣшила что слѣдуетъ нѣсколько ободрить Давида Петровича, и въ два вечера окончательно вскружила ему голову. Влюбленный князь сдѣлалъ предложеніе.

Отецъ Раисы Михайловны терпѣть не могъ Азіятовъ; но онъ заранѣе рѣшилъ предоставить дочери полную свободу выбора. Притомъ же внѣшнія условія брака казались несомнѣнно выгодными. Какъ всѣ люди нѣсколько разстроеншіе свое состояніе, старый генералъ вдвойнѣ цѣнилъ богатство. „Рячкѣ нужны средства, а со всѣмъ прочимъ она сама сумеетъ управиться“, рѣшилъ онъ, и далъ свое благословеніе.

Со свадьбой торопились. Раиса Михайловна сама не желала откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Она быть-можетъ опасалась сомнѣній, смутно шевелившихся въ ней когда мысль о будущемъ „счастьи“ представлялась ея уму. Въ эти минуты слезы появлялись въ ея глазахъ, и на душѣ чувствовалась осада обиды, той обиды, которая тѣмъ и страшна что нѣтъ виноватаго въ ней, и не на комъ ее вымѣстить. Но она не давала воли этимъ сомнѣніямъ. Она знала что шагъ который она готовилась сдѣлать былъ шагъ въ темноту. Эта темнота не слишкомъ пугала ее. Она видѣла сквозь

нее просторъ, свободу, блистаніе въ праздничной обстановкѣ жизни; въ ней шевелились инстинкты власти и возбужденная жадность тщеславія. Она находилась подъ раздражающимъ впечатлѣніемъ первыхъ успѣховъ.

Старый, залустьбый домъ на Мойкѣ мгновенно ожилъ. Раиса Михайловна раскрыла его настежь петербургскому свѣту. О ея блестящихъ праздникахъ, о ея красотѣ, заговорили во всѣхъ углахъ этого завистливаго и рѣдко доброжелательнаго свѣта. Раиса Михайловна чувствовала что она дѣйствительно царить въ немъ, что у нея нѣтъ соперницъ, что она хорошеетъ съ каждымъ днемъ. Она переживала ту блестящую пору первой молодости когда зрѣющая роскошь красоты еще не покушается цѣною утраченной свѣжести. Она еще не чувствовала усталости отъ нескончаемаго шума наполнявшаго ея новую жизнь; она кружилась въ немъ какъ кружатся въ быстромъ вальсѣ, ловивуясь ускоренному темпу и чувству легкаго и еще чарующаго ослѣпленія.

Разъ когда она заѣхала къ своей модисткѣ поторопить ее съ туалетомъ къ предстоящему балу, Француженка, разсылаясь въ тысячѣ извиненій, сообщила ей что она очень нуждается въ деньгахъ, и что по двумъ послѣднимъ счетамъ ей еще не заплачено. Раиса Михайловна крайне удивилась: она всѣ счета отсылала къ мужу и была увѣрена что по нимъ всегда тотчасъ уплачивается. Вернувшись домой, она прямо прошла къ Давиду Петровичу и попросила его справиться. Давидъ Петровичъ съ нѣскольکو сконфуженнымъ видомъ сообщилъ что у него въ то время не было денегъ.

— Такъ пожалуйста, пошлѣ ей сейчасъ, это такъ неприлично, сказала Раиса Михайловна.

— Да, я постараюсь; я попрошу отца, отвѣтилъ съ тѣмъ же смущеннымъ видомъ Давидъ Петровичъ.

Раиса Михайловна была еще болѣе удивлена этимъ отвѣтомъ.

— Но развѣ у тебя у самого нѣтъ денегъ? спросила она.

— У меня всѣ вышли: но это вздоръ, я скажу отцу, отвѣтилъ Давидъ Петровичъ, стараясь не глядѣть на жену. На его лицѣ было то некріпкое, двойное выраженіе, которое у многихъ неволью является при щекотливыхъ денежныхъ объясненіяхъ.

Раиса Михайловна никогда до сихъ поръ не выкала въ свое финансовое положеніе. Когда ей были нужны деньги

она брала у мужа, и видя что онъ у него всегда наготовѣ, не безпокоилась ни о чемъ. Она опустилась подѣв него на диванѣ, и тревожно взглянула ему въ глаза.

— Деву, я никогда не спрашивала тебя: сколько ты имѣешь въ годъ? обратилась она къ нему прямо.

Давидъ Петровичъ находился въ видимомъ затрудненіи отвѣтить.

— Но ты знаешь, душа моя, что я не имѣю отдѣльнаго состоянія, сказалъ онъ.

— Да? Нѣтъ, я не знала.—Чѣмъ же мы жили до сихъ поръ?

— Предъ свадьбой отецъ далъ мнѣ сто тысячъ. — Большая часть ушла на отдѣлку дома. Потомъ, мы очень много тратили все это время.

Раиса Михайловна молчала. На ея встревоженномъ лицѣ отражалась внезапно охватившая ее тоска.

— Какъ же будетъ дальше, Деву? спросила она наконецъ.

— Я переговорю съ отцомъ. Онъ долженъ дать опять, отвѣтилъ Давидъ Петровичъ.

— Значитъ онъ не даетъ тебѣ опредѣленнаго содержанія?

— Я вѣсколько разъ просилъ его объ этомъ. Но что ты станешь съ нимъ дѣлать? Онъ упрямъ, и твердитъ что ему лучше нравится выдавать по мѣрѣ надобности. Ты бы сказала ему сама.

Раиса Михайловна посмотрѣла на мужа удивленными глазами.

— Ты думаешь, Деву? Но почему же? спросила она.

— Потому что, видишь ли, онъ меня все еще за мальчашку считаетъ, отвѣтилъ Давидъ Петровичъ.—Я поэтому ужасно не люблю просить его о чемъ-нибудь.

— Но мнѣ, Деву, это еще неудобнѣе! возразила Раиса Михайловна.

Она не иначе какъ съ ужасомъ могла думать о томъ что открывалось для нея изъ этого разговора. Старый Урханъ возбуждалъ въ ней почти физическое отвращеніе. Его всегдашнія любезности только усиливали это чувство. Зависѣть отъ этого человѣка казалось ей страшнѣе нищеты. Въ предложеніи мужа она видѣла трусливый эгоизмъ, и въ ней въ первый разъ шевельнулось чувство близкое къ презрѣнію.

— Нѣтъ, Деву, я не буду просить твоего отца, устрой это самъ какъ-нибудь, сказала она и вся полная тревоги, тоски и оскорбленія, вышла изъ кабинета мужа.

Вечеромъ Давидъ Петровичъ сообщилъ ей что отецъ очень его бранилъ, и хочетъ узнать отъ нея лично, правда ли что вѣтъ денегъ и куда онѣ дѣвались?

— Но откуда же я могу узнать? развѣ я получала ихъ или распорядилась ими? возразила Раиса Михайловна.— Это не мое дѣло, и я не буду объясняться съ твоимъ отцомъ.

Давидъ Петровичъ съ обезкураженнымъ видомъ теребилъ свои курчавые волосы.

— Нѣтъ, Раичка, ты пожалуста поговори съ нимъ, иначе мы оставемся безъ денегъ, просилъ онъ улавшимъ голосомъ.

Раиса Михайловна только пожала плечами и пожелала ему спокойной ночи. Она уже потеряла послѣднія иллюзіи какія сохраняла на его счетъ. Она почти ненавидѣла его въ ту минуту, за страшную тоску нравственнаго одиночества въ которомъ она себя увидѣла.

Она рѣшилась взглянуть практически въ глаза своему положенію, быть любезной со старымъ Урханомъ, и мало по малу склонить его выдѣлить состояніе сына. Но Урханъ былъ упрямъ и находилъ гораздо удобнѣе оставаться единственнымъ хозяиномъ. Онъ выдавалъ по пяти, по десяти тысячъ, на неопредѣленное время, пока къ нему опять не обращались за деньгами. Ему лоявдимому доставляло особенное удовольствіе сознаніе этой матеріальной зависимости въ которой находились молодые; онъ тѣшилъ себя, переходя отъ щедрости къ скупости, капризничая и играя своею силой. Минутами, Раиса Михайловна готова была бросить все, откататься отъ окружавшей ее роскоши, отъ шума и блеска, выйти изъ этой жизни.... но съ кѣмъ? Мысль ея возвращалась къ мужу, и злая усмѣшка закипала на сжатыхъ губахъ. Это были тѣ минуты когда ей казалось что стѣны давятъ ее. Но она видѣла только одинъ исходъ, въ тѣхъ самыхъ разстѣвляхъ шумной свѣтской жизни пустота которыхъ начинала таготить ее.

Пока эта череда воспоминаній медленно и сбивчиво проходила предъ утомленнымъ воображеніемъ Раисы Михайловны, отъ нея отлетѣло наслажденіе которое она увесла съ собою изъ театра. Часы на каминѣ рѣзко пробили два раза. Она удивилась что уже такъ поздно; и встала съ неприятнымъ чувствомъ усталости во всемъ тѣлѣ. Но еще долго не могла она уснуть въ эту ночь. Предъ закрытыми глазами опять неясно возникало отлетѣвшее впечатлѣніе, и вѣжась

въ чистомъ холодѣ бѣлая, она боялась снова отогнать его. Она чувствовала на себѣ что-то восхищенные, влюбленные взгляды—только не Устюжева. И ей казалось что пока эти взгляды покоятся на ней, въ ней лютятъ какія-то тайныя струны, и отходить горечь невынакаваемыхъ слезъ.

III.

Все смѣшалось и спуталось въ очарованномъ кругу въ которомъ жилъ Юхотскій.

Онъ былъ смутно недоволенъ собою, и это чувство недовольства томительно подавляло все другія впечатлѣнія. Онъ былъ недоволенъ за тотъ хаосъ который наполнилъ къ нему въ душу, и въ которомъ онъ не могъ оглядѣться. Какъ будто сумерки внезапно заволокали все что еще недавно было такъ свѣтло и ясно, и гдѣ онъ сознавалъ себя на озерной высотѣ все обнимающей и все развѣвающей идеи. Но эти сумерки, какъ благоухающая мгла южной ночи, были насыщены несоставшимъ зноемъ и лучистымъ мерцающимъ; они жугали и манили, какъ тотъ таинственный мракъ въ которомъ представлялась ему полнота страстно-пробудившейся жизни. Въ этой притягательности таинственно-совершавшагося въ немъ и заключалась главная опасность. Впрочемъ, не онъ ли самъ призывалъ тѣ страстныя раздраженія, предчувствіе которыхъ бросало его теперь почти въ ужасъ? Но онъ никогда не думалъ чтобы дивніи перелупались въ такую безвыходную сѣть. Было что-то злое въ положеніи въ которомъ онъ себя видѣлъ. Нестерлимый укоръ угнеталъ его совѣсть. Онъ не могъ pomysлитъ безъ мучительнаго чувства о томъ какъ несправедливъ онъ былъ къ Манѣ. Въ немъ являлось презрѣніе къ самому себѣ, въ такой степени жалокъ и ничтоженъ казался онъ предъ своей собственною совѣстью. Онъ обращалъ къ себѣ тысячи упрековъ и обвиненій, онъ былъ непростительно, гадко виноватъ. Онъ не долженъ былъ позволить закрасться къ себѣ этому презрѣнному чувству. Да, презрѣнному, иначе онъ не умѣлъ назвать его. Какъ это подошло было допустить себя почти смѣяться надъ женщиной, такъ чисто, съ такой безпредѣльною вѣжностью любившей его! И почему же? потому что рядомъ была другая женщина, болѣе красивая, болѣе само-

увѣренная, болѣе блестящая... Но развѣ Маня увлекала его этими пустыми вѣшними блескомъ? развѣ онъ не гордился тѣмъ что былъ доступенъ ей чистому, стыдливому и скромному обаянію? И какъ пустая, жалкая ничтожность, онъ позволялъ себѣ увлечься другою женщиной только потому что эта другая женщина умѣла лучше распорядиться чарами своей обольстительной красоты...

Подавленный этими обращенными къ самому себѣ укоризнами, Юхотскій ловилъ тайный голосъ подсказывавшій ему что не онъ одинъ былъ виноватъ въ томъ что случилось и что грозило ему. Развѣ Маня сама не отталкивала его, не уходила отъ него въ свой хрустальный холодъ? Развѣ онъ могъ удовлетворить подлѣ нея страстной потребности чувства, которымъ онъ былъ охваченъ? Но онъ отгонялъ отъ себя эти мысли, онъ не позволялъ себѣ никакихъ оправданій. Онъ хотѣлъ сознавать себя виновнымъ, и думать только о томъ чтобы искупить свою вину подвигомъ самоотреченія и самопожертвованія. Онъ не позволитъ завладѣть собою легкомысленному увлеченію. Онъ заставитъ себя забыть Раису Михайловну, онъ никогда больше не увидитъ ея, если такъ нужно. У ногъ Мани онъ вымолитъ прощенье и будетъ вновь достоинъ того тихаго, частаго счастья которое она одна можетъ дать ему. Надо сласти себя, сейчасъ, съ самаго начала, при первыхъ признакахъ надвигающейся опасности. Онъ долженъ сегодня же объясниться съ Маней и найти въ ней опору для борьбы на которую обрелъ себя.

Рѣшеніе это какъ будто успокоило и подняло Юхотскаго. Въ мятущемся сумракѣ опять лѣтательно выступилъ образъ Мани, и онъ почувствовалъ на себѣ ея ясный, кроткій, прозрачный взглядъ. Въ лучистой глубинѣ этого взгляда онъ долженъ былъ опять найти этотъ свѣтъ, озаряющій прямые пути жизни, который потухъ предъ его глазами.

Маня сидѣла у окна въ своей гостиной и глядѣла сквозь залушенное инеемъ стекло на противоположный уголъ улицы. За ея спиной Коля, разставивъ на столѣ оловянный эскадронъ, производилъ съ помощью картечницы жестокое опустошеніе въ его рядахъ. Маня не поворачивала къ нему лица, потому что это лицо было блѣдно и печально, и на глаза то и дѣло навертывались слезы. Она провела бессонную ночь, въ тоскѣ и сматеніи; ей казалось что она погру-

жается въ тусклаю мглу, въ которой жизнь должна оцѣпенѣть безъ просвѣта и выхода. Эта мгла обступала, застилала ее; мысль получала въ ней тупую и грузную неподвижность, сырой холодъ закрадывался въ душу. Предъ этою тусклою и вялою тоской какъ ничтожно было горе причиненное ей тогда первую размовкой съ Юхотскимъ! Самая жгучая боль не была бы ужаснѣе этого постылаго томленія. Она припоминала все происходившее вчера въ театрѣ до послѣдней мелочи, до послѣдняго слова, до послѣдняго отбѣака въ звукъ его голоса, и все что припоминалось ей отравляло ее холоднымъ и тусклымъ ощущеніемъ уныванія. Это ощущеніе давило ее какъ нестерпимое чувство которое иногда испытываешь во снѣ когда хочешь пошевелиться и не можешь ни вскрикнуть, ни двинуться ни однимъ членомъ. Она вся застывала и вѣтнѣла въ изнеможеніи бессильнаго размаха. Она не находила въ себѣ увѣренности чтобы все было безвозвратно кончено, и въ этой неуѣренности было что-то вдвойнѣ томительное и тоскливое. Какъ она завидовала другимъ женщинамъ, которыя умѣютъ любить какъ-то совсѣмъ иначе! Для тѣхъ, другихъ, любовь является полвою поэтическихъ очарованій и наслажденій; а она испытывала одно только неуѣнье ни наслаждаться своимъ чувствомъ, ни управлять имъ. То что обрушилось на нее теперь, представлялось ей наказаніемъ за это неуѣнье. Она обременяла себя упреками, такими же какъ тѣ которые обращалъ къ своей совѣста Юхотскій. Да, она сама, она одна была во всемъ виновата. Она оттолкнула его въ ту минуту когда онъ весь принадлежалъ ей, когда онъ томился у ея ногъ безумно волнуемый страстью...

Краска слабо проступила при этомъ воспоминаніи на блѣдномъ и похудѣвшемъ за одну ночь лицѣ Мани. Она чувствовала что какъ бы ни была она виновата предъ Юхотскимъ, она не могла поступить иначе. Она повиновалась тому что считала своимъ долгомъ. Она и теперь, въ эти злыя минуты, вся подавленная горемъ, готова была находить наслажденіе въ сознаніи прозрачной чистоты освящающей ихъ отношенія. Она лучше согласится быть вдвое несчастнѣе, чѣмъ прикоснуться къ тому опасному счастью которое лугало ее своимъ таинственнымъ и страстнымъ сумракомъ. Но она была несчастна, страшно несчастна, и блѣдныя руки ея бессильно падали на колѣни и съ блѣдыхъ щекъ падали тяжелыя круглыя слезы.

— Мама, о чемъ ты плачешь? вдругъ спросилъ ее Коля.

Она не замѣтила что онъ подбиралъ подлѣ нея на полу разсыпанныхъ удачными выстрѣломъ солдатиковъ и поднося къ ней глаза, увидѣлъ слезы на ея лицѣ. Она быстро взмахнула рѣсницами и черезъ силу улыбнулась ему.

— Мама, что такое? продолжалъ тревожно ребенокъ, обхвативъ обѣими рученками ея колѣни и пытливо глядя ей въ лицо своими круглыми, ясными глазами.

Мама потянула его къ себѣ на руки и прижалась мокрою щекой къ его головѣ.

— Я ужъ не плачу, я улыбаюсь.... видишь? говорила она глотая слезы и вызывая насильную улыбку. Обманутый ребенокъ тоже улыбался ей.

— Но ты плакала, я видѣлъ. Я знаю, ты опять лалашу вспомнила! говорилъ онъ.

Мама ниже опустила голову, внезапно подавленная тайнымъ и ѣдкимъ упрекомъ. Но это ощущеніе не причиняло ей боли. Она чувствовала, напротивъ, что въ ней все болѣе разгорается тотъ чистый внутренній свѣтъ который дѣлалъ ее способною наслаждаться сознаніемъ подавленной слабости и ревниво охраняемаго долга. Слезы еще дрожали на уголкахъ ея глазъ, но вся радостно взволнованная, она быстро цѣловала сына и сжимала его въ рукахъ. Ей казалось что въ тусклой мглѣ застилавшей все окружающее прорѣзывается просвѣтъ. Она покорится испытанію вылавшему ей надолго. Развѣ она не сказала Юхотскому что онъ ничѣмъ, ничѣмъ относительно ея не связанъ. Она не можетъ дать ему того счастья котораго онъ ищетъ, пусть же и ея личное счастье не мѣшаетъ ему. Отойти, убрать себя съ дороги, замкнуться въ прежнія безпритязательныя дружескія отношенія, вотъ все что остается ей.

Но при этой мысли тоска опять мучительно сжимала ей грудь, и въ похолодѣвшихъ пальцахъ стояла тупая боль. Все необъятное и властительное могущество страсти чувствовалось ей. Гдѣ взять силы для такого пожертвованія собою? Развѣ затѣмъ, содрагаясь и наслаждаясь своимъ страхомъ, вступила она въ міръ новыхъ и опасныхъ ощущеній чтобы безъ борьбы, безъ ролота уступить того кто ввелъ ее въ этотъ зачарованный кругъ?

Она не вѣрила, не могла вѣрить чтобы все было кончено. Ей хотѣлось думать что при первой встрѣчѣ съ Юхотскимъ

упадутъ всё ея ревнивыя подозрѣнія и разсѣется окружающая ея темная мгла. Она уже видѣла его открытый взглядъ и добрую, ласковую улыбку, слышала его голосъ льющійся въ душу. Но рядомъ съ нимъ, изъ этой еще не разогнанной темной мглы, внезапно выступаетъ другой образъ, прелестный и ненавистный, и страшный въ обольстительной красотѣ своей, и она жмуритъ глаза застигнутая необходимыми страхомъ.

Въ передней провозишь колокольчикъ. Маяя вдругъ почувствовала какъ будто ни одинъ членъ не ловинуется ей. Она хотѣла встать и только крѣпче прижалась къ креслу, и неподвижная, викая всѣмъ существомъ своимъ въ самый неуловимый шорохъ и звукъ, осталась тамъ гдѣ сидѣла. Она подняла глаза только тогда когда Юхотскій уже стоялъ предъ нею. Несмѣло ввзился ея взглядъ и прильнулъ къ нему.

— Маяя, вы плачете? тихо произнесъ Юхотскій.

Она только теперь вспомнила про свои заллаканные глаза. На мгновенное лицо ея вспыхнуло жгучею досадою. Но это чувство также быстро заимѣло въ ней. „Пусть видятъ что я плакала“, шевельнулось въ ея мысли, и что-то мягко затало въ груди и она вся наполнилась раздражительною истомой, и ей хотѣлось плакать, плакать въ его присутствіи. Она быстро встала, шелнула сыну чтобъ онъ шелъ къ нянѣ и пригласила Юхотскаго перейти съ ней въ ея маленькій кабинетъ.

— Вы пришли сказать мнѣ то чего не... успѣли сказать вчера въ театрѣ? бросила она ему, указывая мѣсто подлѣ себя.

Онъ молча, съ торопливнымъ и жаднымъ любопытствомъ, глядѣлъ въ ея лицо. Ему доставляла почти хищную радость видѣ этихъ заллаканныхъ глазъ и лобѣдѣвшихъ, осушенныхъ щекъ.

— Я привнесъ вамъ ловинную голову, Маяя... также тихо отвѣтилъ онъ, испытывая олятъ тотъ мгновенный подъемъ чувства, который заставляетъ разомъ, какъ бы съ зажмуренными глазами, кидаться впередъ.—Маяя, я пришелъ къ вамъ чтобы вы сласли меня. Посмотрите, я все такой же и я люблю васъ.

Маяя слушала, внутренне вся сопротивляясь обольщенію которое чувствовала въ музыкѣ его словъ и вся испуганная быстротой съ какою рѣдѣла темная мгла ея ревнивыхъ

подозрѣній. Ее угнетала мысль что она совсѣмъ, совсѣмъ не умѣетъ держать себя при этомъ объясненіи и она опять мучительно завидовала тѣмъ „другимъ“, которыя всегда знаютъ что сказать и что подумать. Овѣ, эти „другія“, вѣроятно умѣли бы въ подобномъ случаѣ въ приличныхъ словахъ выразить горделивое неудовольствіе и дать понять что отъ провинившагося будетъ зависѣть загладить вину и получить прощеніе; овѣ умѣли бы воспользоваться положеніемъ чтобы законными мѣрами кокетства закрѣпить ослабѣвающую связь и отомстить за оскорбительныя муки ревности. А она... она вмѣсто того чувствовала что слезы неудержимо выжимаются изъ глазъ и отвернулась отъ Юхотскаго, закрывъ лицо руками.

— Какое счастье эти слезы! У меня сердце плачетъ, говорилъ Юхотскій, ловянно уронивъ предъ нею голову.—Ахъ, Маня, я чувствую что недостойнъ васъ. Но вы бываете такъ холодны, такъ непроницаемы, а мнѣ нужно такъ много вѣры. Мы измучимъ другъ друга, Маня. Но я... я не боюсь этихъ мученій. Я боюсь той ледяной прозрачности въ которую вы уходите.

Маню на этотъ разъ не лугало и не оскорбляло то что говорилъ Юхотскій. Она начинала понимать этотъ подозрительный и ревнивый языкъ страсти, ей открывалась смыслъ этихъ безпокойныхъ раздраженій, которыя недавно такъ страшили и удивляли ее. Она сама была какъ бы уже отравлена этими раздраженіями. Тайная почти преступная радость закрадывалась ей въ душу вмѣстѣ съ его ревнивыми упреками. Она отняла руки отъ лица и быстро вскинувъ ихъ ему на плечи, проговорила сквозь раскрытыя горячимъ дыханіемъ губы:

— Ледяная, вы сказали? Ахъ, вы ничего не понимаете.

Она искала спрятать свое смущенное лицо и только вздрагивала плечами и чувствовала пылающій жаръ внутри, вокругъ себя, какъ будто воздухъ которымъ она дышала внезапно загорѣлся. Съ усиленіемъ вырвалась она изъ рукъ Юхотскаго и прижала ко лбу холодныя пальцы. Ей было страшно и какъ-то весело, и голова еще продолжала слабо кружиться. „Нѣтъ, это ужасно, ужасно“, сверкало въ ея мысляхъ что-то неясно обращенное къ той преступной тайной радости которая наполняла ее и какъ тать закрадывалась дальше и дальше.

Через минуту она уже сидела на другом конце дивана вся сдержанная, вся на-сторожѣ, съ потухшимъ блескомъ глазъ и съ выраженіемъ охлажденнаго раздумья на сжатыхъ губахъ. И та внутренняя радость также потухла въ ней. Неприятный и прелестный образъ олять неотступно стоялъ предъ нею, и что-то неотразимое, роковое и могущественное чувствовалось ей въ его прелести. Чадомъ и дымомъ показалось ей все ея мгновенное счастье.

— О чемъ вы думаете, Маня? съ безпокойствомъ спросилъ Юхотскій, вглядываясь въ ея измѣнившееся лицо.

Она только улыбнулась ему слабою и жалкою улыбкой.

— Вы не вѣрите что я люблю васъ? Но скажите только одно слово и все будетъ кончено, и мы навѣки будемъ связаны другъ съ другомъ... Мы оба въ вашихъ рукахъ, Маня. Вы молчите? Вы не хотите рѣшить?

Маня печально покачала головой.

— Теперь меньше чѣмъ когда-нибудь, сказала она.

Она почти не понимала что говорилъ ей потомъ Юхотскій. Она чувствовала только какъ необъятная пустота ширилась въ душѣ, и въ этой пустотѣ слышалась истома олуцешныхъ крылъ. Она догадалась что онъ говорилъ какъ необходима ему ея любовь, потому что она одна можетъ спасти его. „Развѣ это возможно?“ возражала Маня, но губы ея не шевелились.

Юхотскій разстался съ ней не усложненный и тоскующій, унося все то же томительное сматеніе и удручающую тягость незримыхъ луть. Жизнь попрежнему являлась окутанною мглой, и въ этой мглѣ свѣтъ и мракъ, дѣйствительность и призраки, все сплывалось въ безразличномъ и блѣдномъ мерцаніи.

Дома онъ нашелъ вѣсти отъ Овергагена. То былъ отвѣтъ на его послѣднее письмо.

„Мнѣ жаль васъ, мой молодой другъ, писалъ профессоръ. Мнѣ жаль васъ потому что люблю васъ, и съ грустью вижу какъ неотразимо и быстро сбываются мои пророчества, которыя вы называли карканьемъ ворона и прорицаніями злаго духа. Мнѣ жаль васъ, потому что я вижу васъ жертвою медленнаго самосгорания, отъ котораго хотѣлъ предохранить васъ.“

„Въ области мысли и жизни есть вопросы неистощимые, не оттого чтобы загадка ихъ оставалась неразгаданною, но потому что наша слабость и наше упрямство заставляютъ

насъ упорно бѣжать истины. Такъ и теперь, послѣ всѣхъ долгихъ нашихъ споровъ, мы опять возвращаемся къ тому что казалось совершенно исчерпаннымъ и искрошеннымъ въ мелкіе куски.

„Я не мыслю только, я всѣмъ существомъ моимъ почувствовалъ ваше письмо. Вы мучаетесь, вы томитесь, вы встрѣчаете всюду перелутанные и изломанные линіи, вы не знаете какъ ступить на эту низменную землю, и сомнѣваетесь можно ли оставаться въ томъ воздушномъ пространствѣ, въ томъ розовомъ облакѣ, въ которомъ нѣжились до сихъ поръ. И вотъ вы взываете ко мнѣ, къ вашему „всебѣдущему Мефистофелю“, и просите распутать затянувшіеся узлы и оставить васъ на волю.

„Другъ мой, изъ-за чего столько шуму? что смутило васъ? Васъ не удовлетворяетъ область безлечальнаго созерцанія, вы испытываете безлокойную потребность чувства, вы желаете окунуться въ низшую, то-есть въ дѣйствительную жизнь. И только-то? Но перестаньте же хоть разъ оставаться близорукимъ! Поймите что все это не что иное какъ явленіе той самой истины съ которой я сдернулъ для васъ покрывало, и на которую вы не хотѣли смотрѣть, почему? Потому что вы представляли ее себѣ романтической дѣвой съ тонкими и сухими чертами, съ безтѣлесною прозрачностью мечтательныхъ глазъ, всю свѣтящуюся въ лунномъ блескѣ а я показалъ вамъ здоровую, дородную женщину, облутую горячимъ свѣтомъ солнца, съ чертами пеласгійской Геи, съ могучими чреслами, съ обильными млекою сосцами. Богиня оказалась не въ вашемъ вкусѣ, вы цѣломудренно опустили глаза предъ ея красотой, смущенные матеріальною роскошью этихъ прекрасныхъ формъ. Она испугала васъ, эта красота земная, плодотворящая, источающая жизнь и радость. Вы не захотѣли поклониться моей богинѣ — и что же? Она привела васъ насильно въ свой храмъ, я вижу васъ у ногъ ея, вы уже чувствуете ея неотразимую власть, и все что сохранилось здороваго въ вашей натурѣ, внемлетъ ея властительному зову. И вашъ Мефистофель смѣялся бы надъ вами злымъ смѣхомъ, еслибы не любилъ васъ совсѣмъ не по-Мефистофельски.

„Да, все это томленіе, вся эта мука, все это тоскующее сознаніе неудовлетворенности, всѣ эти неопытные вождѣлвія чего-то дѣйствительнаго, страстнаго и жизненнаго, не что иное

какъ властительный зовъ той самой матеріи которую вы тщетно силитесь отрицать и презирать. Я говорю вамъ, вы уже чувствуете ея власть надъ собою, какъ чувствуетъ ее все живущее. Не даромъ производящая, жизнеисточающая Гея является надъ колыбелью европейской культуры: отъ нея свѣтъ и радость, которыми насыщенъ эллинизмъ, въ ней начало артистической полноты жизни, которую утратило новое человѣчество. Помните что настоящаго, цѣльнаго, полнаго человѣка надо искать въ Периклѣ или въ Алкивиадѣ, а не въ Бэконѣ Веруламскомъ. Правда, въ наше время нельзя быть ни Алкивиадомъ, ни Перикломъ, но по крайней мѣрѣ можно быть Діогеномъ.... въ предѣлахъ дозволяемыхъ полиціей.

„Если я не радуюсь вашему обращенію, если я говорю что мнѣ жаль васъ, то это потому что знаю ваше упорство, вашу слѣпоту. Вы человѣкъ половинчатый, какъ и всѣ люди мучившіе отъ романтизма и идеализма. Разбитый сосудъ можно склеить, но нельзя возвратитъ ему цѣлостность. Отсюда, издалека, внутреннимъ ухомъ моимъ я слышу ваше смятеніе. Въмѣсто того чтобы понять со мною что конечное есть цѣль всего сущаго, и взять отъ жизни ея преходящее благо и ея земныя наслажденія, вы будете только платонически вздыхать по этимъ наслажденіямъ и раздражительно колебаться между дѣйствительностью и убѣгающимъ идеаломъ. Я вижу васъ окруженнаго призраками, и эти призраки будутъ гнаться за вами до тѣхъ поръ пока вы не остановитесь въ изнеможеніи у порога смерти и не воскликните въ позднемъ раскаяніи: нѣтъ идеала!“

Юхотскій сложилъ письмо въ печальномъ сознаніи что оно не разрѣшило его сомнѣній и внесло только обманчивый свѣтъ въ ту мглу въ которую глядѣлъ онъ съ ненастнымъ и тайнымъ любопытствомъ. И вся величавая фигура Овергагена явилась ему въ томъ же обманчивомъ свѣтѣ... Ему опять припомнились ихъ долгіе споры изъ которыхъ оба они выходили безъ побѣды и безъ пораженія, какъ два равновѣсные борца, размыкающіе усталыя руки въ очевидной невозможности повергнуть другъ друга.

— А истина только одна, заключилъ онъ грустно.

IV.

Среди волненій и занятій, Юхотскій давно уже упустилъ изъ виду своего пріятеля, Жака Лазорина. Самому захватить къ нему было недосугъ, а Жакъ тоже не являлся. Юхотскій вспомнилъ что его не было также въ послѣдній поведѣльникъ у Валковскаго, и что они еще ни разу не видѣлись послѣ диспута. Ужь не болѣнъ ли онъ или не сердитъ ли за что-нибудь? впадало ему на мысль. Онъ припоминалъ что оставилъ Жака подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ семейныхъ непріятностей, и чувствовалъ въ некоторое угрызѣніе совѣсти за то что не навѣстилъ его все это время.

Неожиданно ему привесли записку отъ Юліи Владиміровны. Въ двухъ строчкахъ жена Жака писала что ей очень нужно его видѣть, и просила захватить хоть на минуту. „Да, непременно Жакъ заболѣлъ“, подумалъ Юхотскій, упрекая себя за непростительное равнодушіе—и тотчасъ поѣхалъ.

— Что Яковъ Васильевичъ? спросилъ онъ отворившаго дверь слугу.

— Дома нѣтъ, отвѣчалъ тотъ какъ-то таинственно и грустно.

„Что же можетъ быть нужно отъ меня Юліи Владиміровны?“ подумалъ недоумѣвая Юхотскій.

Въ гостиной никого не было, но за слущенной портьерой слышался шорохъ и доносился рѣзкій запахъ эвара и гофманскихъ калель.

— Это вы, князь? долетѣлъ оттуда слабый голосъ Юліи Владиміровны.—Пожалуста войдите сюда.

Юхотскій приподвѣлъ портьеру и вошелъ. Его такъ и обдало теплою и пріаюю, совершенно аптечною атмосферою. Юлія Владиміровна полулежала на кушеткѣ, обставленная отклянками. Она была очень блѣдна, и какъ показалось Юхотскому, въ этой блѣдности участвовалъ тонкій слой *rouge veloutine*, покрывавшій ея обыкновенно желтую кожу. Небрежно расчесанные волосы были примяты какъ отъ подушки. Тоненькое тѣло ея пряталось въ складкахъ ослабительно-бѣлаго и свѣжаго леньюара, изъ-подъ котораго не безъ кокетства выставлялась пара крошечныхъ туфель. Этотъ нарядъ, въ своей сомнительной небрежности являвшій признаки обдуманности, какъ нельзя болѣе отвѣчалъ

изящно-утомленному, опрятно-больному и интересно-скорбному выраженію лица Юліи Владиміровны. Идеальные глаза ея были сегодня, кажется, еще идеальнѣе, и какъ будто больше отъ окружавшей ихъ болѣзненной сивевы.

Она едва приподнялась на встрѣчу Юхотскому, и протягивая ему желтую, безкровную руку, проговорила тихо:

— Вы насъ совсѣмъ забыли, князь. Простите что я рѣшилась потревожить васъ.

— Вы нездоровы? спросилъ Юхотскій.

Юлія Владиміровна поправила за спиной подушку и приняла прежнее полулежащее положеніе.

— Сядьте сюда, поближе, проговорила она.— Да, я совсѣмъ расхворалась. Я хуже чѣмъ больна, князь! я несчастна.

Мечтальные глаза ея остановились на Юхотскомъ съ выразительнымъ запросомъ на состраданіе и участіе.

— Что случилось? спросилъ онъ, предчувствуя что-то недоброе для Жака.

— Ахъ, я право не знаю съ чего начать. Я рѣшилась обратиться къ вамъ, потому что мой мужъ всегда называетъ васъ своимъ лучшимъ другомъ. Я знаю что вы имѣете на него вліяніе... и я подумала что вы не откажетесь принять въ немъ участіе... въ насъ обоихъ...

— Гдѣ Жакъ? спросилъ Юхотскій.

— Его нѣтъ дома. Его теперь почти никогда нѣтъ дома. Ахъ, князь, я должна посвятить васъ въ обстоятельства... очень интимныя, которыя обыкновенно прячутъ отъ посторонняго глаза. Но вы не посторонній, князь, я къ вамъ прибѣгаю какъ къ другу, какъ къ врачу... хотя сама я еще такъ мало знакома съ вами.

Юхотскій просилъ ее продолжать.

— Мнѣ это тѣмъ труднѣе, объяснила все тѣмъ же томнымъ голосомъ Юлія Владиміровна,— что мужъ кажется успѣлъ уже предупредить васъ не въ мою пользу, и если я не ошибаюсь, первое впечатлѣніе мое на васъ было не особенно благоприятно...

Все это начинало уже истощать терпѣніе Юхотскаго.

— Я надѣюсь, съ Жакомъ не случилось ничего дурнаго? перебилъ онъ.

Юлію Владиміровну немного укололо то что Юхотскій не поторопился опровергнуть сказанное ею о неблагоприят-

номъ впечатлѣннн. Она раскрыла флакончикъ со спиртомъ и понюхала нѣсколько разъ.

— Я должна объяснить вамъ, князь, что съ нѣкотораго времени мы съ мужемъ живемъ не совсѣмъ дружно... продолжала она.— Не думайте чтобъ я хотѣла упрекать и обвинять его въ чемъ-нибудь—нисколько. Я первая отдаю ему всякую справедливость. Но въ домашней жизни, когда люди живутъ изо дня въ день въ однѣхъ стѣнахъ, подъ одною кровлею, маленькіе недостатки становятся также важны какъ и большіе. Человѣкъ очень порядочный въ глазахъ свѣта, можетъ оказаться очень дурнымъ и очень несноснымъ у себя дома.

— Вы не хотите сказать чтобы Жакъ былъ дурной человѣкъ? перебилъ Юхотскій.

— Я хочу только сказать что хорошій человѣкъ можетъ быть очень дурнымъ мужемъ, продолжала уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Юлія Владиміровна.— Нѣтъ, нѣтъ, я вовсе не къ тому говорю чтобы жаловаться на него,—перебила она сама себя, замѣтивъ нетерпѣливое движеніе Юхотскаго,— я знаю что вамъ неудобно быть судьей между нами. Ахъ, къ женщинамъ такъ рѣдко бываютъ справедливы! Нѣтъ, я завела эту рѣчь только къ тому что вы можете подѣйствовать на него своимъ вліяніемъ для его же собственной пользы, можете спасти его. О, я, разумѣется, очень несчастна, но я ничего не имѣю въ виду, какъ только спасти его самого!

— Спаси, вы говорите? спросилъ съ безпокойствомъ Юхотскій.

— Да, спаси, потому что его поведеніе съ нѣкоторыхъ поръ возбуждаетъ ужасныя опасенія! продолжала Юлія Владиміровна, снова открывъ флакончикъ.— Онъ почти совсѣмъ не бываетъ дома, и я знаю также что онъ не бываетъ у своихъ знакомыхъ. Можетъ-быть завелась какіе-нибудь новыя которыхъ онъ находитъ нужнымъ скрывать. Онъ возвращается обыкновенно на разсвѣтъ и... Я боюсь останавливаться на моихъ догадкахъ, но мнѣ кажется что ему грозитъ ужасное паденіе!

— Что же онъ самъ говоритъ вамъ? спросилъ Юхотскій.

— Да ничего: что это его дѣло, что... enfin, когда кто чувствуетъ за собою вину, то обыкновенно обвиняетъ во всемъ другаго. У насъ бываютъ несогласія, гдѣ же ихъ нѣтъ? И поэтому онъ утѣряетъ что принужденъ бѣжать изъ дому.

Я подозреваю что тутъ есть дурное вліяніе, une femme peut-
être, une liaison...

Юхотскій не совсѣмъ довѣрялъ тому что говорила Юлія Владиміровна, но онъ не могъ защититься отъ тревожныхъ опасеній за своего друга. Не было ничего неправдоподобнаго въ томъ что Жакъ началъ бѣгать отъ опостылаго семейнаго очага. Первые и слабые люди обыкновенно больше чувствуютъ меаіе уколы жизни чѣмъ болѣе тяжкіе ея удары и ихъ положеніе тѣмъ опаснѣе что отъ нихъ нельзя ожидать силы и рѣшимости найти широкій выходъ изъ затягивающей стоячей тины въ которую бросаетъ ихъ будничная дѣйствительность. Такіе люди слишкомъ часто кончаютъ медленнымъ паденіемъ...

— Какъ бы мнѣ увидѣть Жака? спросилъ Юхотскій.

— Наложите ему пару словъ чтобъ онъ пришелъ къ вамъ, отвѣтила Юлія Владиміровна.—Ахъ, не могу выразить вамъ сколько мнѣ приходится мучиться не за себя только, а за свою семью. Вѣдь у насъ дочь есть, за что же она должна страдать?

— Я постараюсь увидѣться съ Жакомъ, сказалъ Юхотскій, вставая.

Юлія Владиміровна нѣсколько разъ слабо пожала ему руку.

— Князь, я совершенно довѣряю вамъ, проговорила она, играя своимъ прозрачнымъ взглядомъ.

Юхотскій вышелъ озабоченный и грустный. Онъ очень любилъ Жака, и его тревожило все что онъ узналъ о немъ. Но какъ было спасти его? Что могло сдѣлать постороннее участіе, хотя бы дружеское, въ такомъ цѣлкомъ и личномъ дѣлѣ? Юлія Владиміровна одна могла бы помочь и себѣ, и мужу, но надежды съ этой стороны представлялось не много...

Спускаясь съ лѣстницы, онъ вдругъ столкнулся съ Жакомъ.

— А я только-что отъ тебя, сказалъ онъ, озирая его быстрымъ и наблюдательнымъ взглядомъ.—Ты домой?

Жакъ былъ не столько обрадованъ сколько удивленъ и какъ будто сконфуженъ этой встрѣчей: въ его глазахъ скользнуло что-то виноватое, неспокойно зашевелившееся подъ пронизательнымъ взглядомъ Юхотскаго.

— Вернешься ко мнѣ? спросилъ онъ, въ невѣрительности, поджавшись на двѣ ступеньки.—Или вѣтъ, лучше вотъ что,—торопливо передумалъ онъ,—пойдемъ обѣдать въ ресторанъ,

а вѣдь почти не видался съ тобой не при людяхъ, мнѣ хочется о многомъ потолковать... Хорошо, Платонъ?

Юхотскій подумалъ и согласился.

— Ну и прекрасно, вотъ спасибо, обрадовался Жакъ, поспѣшно поворачивая съ лѣстницы.—Я у тебя давно не былъ, только ты не думай чтобы не хотѣлъ: такъ что-нибудь мѣшало....

Юхотскій, идя съ нимъ рядомъ, продолжалъ сбоку внимательно наблюдать за нимъ. Жакъ замѣтно похудѣлъ и пожелтѣлъ въ послѣднее время, и въ усталыхъ глазахъ его мерцалъ нервный и желчный блескъ. Но во все болюе безпокоила Юхотскаго нѣкоторая неряшливая небрежная ность выражавшаяся во всей внѣшности его друга, небрежность, которая имѣетъ что-то щемящее и почти всегда служить признакомъ что человекъ начинаетъ опускаться.

Въ ресторанѣ они взяли отдѣльную комнату и спросили обѣды.

— Вотъ тутъ хорошо, славно, говорилъ Жакъ, усаживаясь на узенькомъ диванчикѣ подлѣ отопленнаго камина: по крайней мѣрѣ никто не помѣшаетъ намъ. А дома у меня какъ-то... знаешь, стѣсняется. Ты не видалъ жену? Вдругъ спросилъ онъ, нервно поправляя пальцами порѣдѣвшую и давно не холеную бороду и въ глазахъ его опять проскочило что-то неспокойное и словно виноватое.

— Видѣлъ и мы много говорили о тебѣ, сказалъ Юхотскій.

— А! обо мнѣ! что же такое? переспросилъ съ тѣмъ же нервнымъ оживленіемъ Жакъ.

— Юлія Владиміровна жаловалась что ты совсѣмъ не сидишь дома, сказалъ Юхотскій.— Гдѣ это ты пропадаешь, Жакъ?

Жакъ поежился плечами, какъ человекъ которому трудно тотчасъ отвѣчать на предложенный вопросъ.

— Да что дома-то дѣлать? проговорилъ онъ неохотно;— ты знаешь, семейная жизнь моя не красна...

Онъ подошелъ къ столу съ закуской; влилъ себѣ водку и выпилъ.

— Жена тебѣ вѣрно свои подозрѣнія сообщила? продолжалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по крошечному кабинету.— Она кажется боится чтобы я не завелъ себѣ метрессу... изъ какихъ бы это денегъ? мнѣ и на жену-то едва хватаетъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ она получаетъ отъ меня въ

исправности то же что и прежде, то кажется не за чѣмъ бы ей беспокоиться на мой счетъ.

— Ты тутъ какъ будто одинъ денежный вопросъ видишь, сказалъ Юхотскій.

— А то какой же еще? возразилъ раздражительно Жакъ.— Нѣжныхъ чувствъ моихъ она требуетъ что ли? Такъ до нихъ ей, кажется, никогда не было дѣла, съ тѣхъ поръ какъ мы повѣчались.

Жакъ олять налилъ себѣ водки и выпилъ.

— Ты говорилъ что доктора запрещаютъ тебѣ пить? замѣтилъ Юхотскій.

— Нѣтъ, ничего, я не вижу чтобы мнѣ вредило... да и наконецъ, не все ли равно? возразилъ Жакъ съ нервной гримасой.

Татаринъ внесъ обѣдъ. Жакъ сѣлъ къ столу, но хлебнувъ ложки три супу, отодвинулъ тарелку.

— Вотъ аппетиту у меня мало, это скверно, сказалъ онъ.— А ты еще удивляешься, что я водку пью. Налей-ка мнѣ лучше этого вина.

— Скажи пожалуйста, у тебя есть какіе-нибудь знакомые гдѣ тебѣ пріятно бывать? продолжалъ Юхотскій, желая добиться гдѣ пропадаетъ его другъ.

— Какже, да, я теперь больше все въ одномъ очень пріятномъ домѣ бываю... инженеръ одинъ, и премилый. Всегда пропасть народу у него и знаешь, мнѣ особенно нравится что тамъ такъ на холостую ногу, никто тебя не стѣсняетъ. Ну, ужины каждый день.

— Что же ты тамъ дѣлаешь? спросилъ съ удивленіемъ Юхотскій.

Жакъ допилъ отлитый стаканъ [и медленными глотками опорожнялъ его.

— Да то же что и всѣ: въ картишки играю, отвѣтилъ онъ.

— Ты? но вѣдь ты никогда картъ въ руки не бралъ? воскликнулъ съ возраставшимъ изумленіемъ Юхотскій.

— Ну такъ что жъ? Не бралъ, потому что не любилъ; а теперь мнѣ это нравится... Тамъ всѣ рѣшительно играютъ, каждый день. Даже маленькая рулетка бываетъ.

— Жакъ! да ты попалъ въ игорный домъ! воскликнулъ Юхотскій.

— Вотъ, сейчасъ у тебя игорный домъ! возразилъ съ неудовольствіемъ Жакъ:—просто хозяинъ любитъ игру, оттого и играютъ.

— Не наивничай пожалуйста, оставилъ его Юхотскій.— И что жь, тамъ бываютъ также и дамы?

— Да, двѣ или три, и еслибы ты посмотрѣлъ какія! одна интереснѣе другой. Самъ хозяинъ, видишь ли, не жевать en toutes formes...

Юхотскій не могъ защититься отъ безпокойнаго, щемящаго чувства, и это чувство вѣроятно выразилось въ его глазахъ, потому что Жакъ нервно передвинулъ свой пустой стаканъ и проговорилъ съ неприятнымъ пожевываемъ плечами:

— Ты какого-то моралиста хочешь разыграть; смѣшно даже!

— Нѣтъ, не моралиста, Жакъ, возразилъ Юхотскій;—но я не могу себѣ представить чтобы ты, ты проводилъ ночи Богъ знаетъ гдѣ, въ какомъ-то вертепѣ... И что жь, ты счастливо играешь?

— Ахъ, очень счастливо! отвѣтилъ Жакъ съ оживленіемъ.— До того счастливо что я просто убѣждаюсь... убѣждаюсь что мнѣ непременно надо постоянно играть!

— Ты неужели не знаешь что новичковъ всегда заманиваютъ на первыхъ порахъ выигрышемъ? Послушай, Жакъ, я не желаю быть судьей въ твоихъ семейныхъ дѣлахъ, я допускаю что твоя жена сама виновата, оттолкнувъ тебя, но вѣдь ты губишь себя, ты падаешь! Ты попалъ въ какое-то подозрительное общество, въ тебѣ стараются расшевелить дурныя страсти; развѣ ты не видалъ и не слышалъ чѣмъ это обыкновенно кончается?

Жакъ поставилъ оба локтя на столъ и лопуро опустилъ голову.

— Ты говоришь о концѣ... о паденіи... но оно началось гораздо раньше, оно началось съ той минуты какъ я вынулъ неудачный номеръ въ лотерей жизни, проговорилъ онъ.— Въ сущности не все ли равно: падать въ игорномъ домѣ, падать пьяненькимъ и грязненькимъ, какъ всѣ наши неудачлики, или падать у себя дома, съ сохраненіемъ вышшаго декорума и благопристойности? Нравственно я давно уже падаю съ тѣхъ поръ какъ жизнь замкнулась въ мѣщанскій кругъ и закрылась возможность всякаго подъема надъ будничнымъ прозябаніемъ, надъ нуждой, надъ мелкими столкновеніями и мизерными интересиками....

— Какіе софизмы! Ты самъ не вѣришь тому что говоришь! воскликнулъ Юхотскій.

Ему хотѣлось утѣшить, ободрить, поднять своего друга. Онъ говорилъ ему тѣ горячія, умныя слова, которыя рѣдко кого убѣждаютъ, но почти всегда находятъ доступъ къ инстинктамъ добра и мужества, хоронящимся въ природѣ самаго слабаго и отчаявшагося человѣка. То что онъ говорилъ шло отъ его собственнаго внутренняго подѣема, отъ чистыхъ струй его юношески доброй натуры. Его слова озаряли, толкали, заставляли звенѣть ослабѣвшія струны, и Жакъ чувствовалъ какъ понемногу притуплялась его боль и что-то бодрое, надѣющееся вставало со dna души и повелительно звало впередъ.

— Жакъ, ты не пойдешь... туда? сказалъ Юхотскій, не выпуская его руки изъ своей и проникательно глядя ему въ глаза своимъ свѣтящимся взглядомъ.

Жакъ бодро выдержалъ этотъ взглядъ.

— Я не знаю, пойду ли я туда, сказалъ онъ,—но я чувствую что ты разбудилъ во мнѣ что-то такое что давно уже молчало. У меня свѣтится въ душѣ.

Его глаза тоже свѣтились, и въ нихъ стояли слезы. А Юхотскій, простившись съ нимъ, почувствовалъ себя еще болѣе печальнымъ и тоскующимъ. Онъ какъ будто еще дышалъ спертымъ воздухомъ той сужившейся и приунывшей жизни которая враждебно давила Жака. И онъ подозрѣвалъ что въ этомъ давленіи виновата не одна только слабая личность его друга, но и что-то общее, такое же неизменное и сѣренькое какъ сырой туманъ ловисшій надъ скучающимъ городомъ.

V.

Дома Юхотскій нашелъ карточку Давида Петровича, съ припиской приглашавшей его на раутъ въ четвергъ. Онъ отбросилъ эту карточку съ чувствомъ человѣка которому подають что-то запрещенное и опасное. Онъ хотѣлъ остаться вѣрнымъ своему намѣренію избѣгать всякой встрѣчи съ Раисой Михайловной, выбросить изъ головы самую мысль о ней. Но когда наступилъ четвергъ, это рѣшеніе поколебалось въ немъ. Ему казалось что будетъ грубо и рѣзко разомъ прервать отношенія. Притомъ на раутѣ, въ толпѣ другихъ гостей, ему можетъ-быть не удастся даже перемолвиться словомъ съ Раисой Михайловной. Думая такимъ образомъ,

онъ хотѣлъ увѣрить себя что старается защититься отъ грозившей ему опасности; но онъ не могъ обмануть себя и сознавалъ инстинктивно что именно эта опасность неотразимо влекла его, раздражая таинственнымъ предчувствіемъ новыхъ и обольщающихъ впечатлѣній.

Онъ пріѣхалъ къ Бахтіаровымъ когда большинство гостей уже собралось. „Тутъ было все что называютъ свѣтомъ“, обыкновенный кругъ Раисы Михайловны, гдѣ всѣ дѣлались другъ за друга родственными или общественными связями, гдѣ каждый былъ всѣмъ, извѣстна не только самъ по себѣ, но и съ своей родней, съ своими ближайшими знакомыми, съ своими отношеніями и долгами, что впрочемъ не прелятствовало этимъ людямъ, ежедневно встрѣчавшимся между собою въ петербургскихъ гостиныхъ, подъ часъ не зная что дѣлать и о чемъ говорить другъ съ другомъ. Старые генералы, исчезавшіе въ блескѣ отечественныхъ и иностранныхъ регалій; молодые бюрократы со скромными розетками въ петлицахъ Жоржетовскихъ фракахъ; старушки съ напряженно привѣтливими улыбками на чолорныхъ лицахъ; красивыя и некрасивыя, расцвѣтающія, цвѣтуція и отцвѣтающія женскія лица, окруженныя сіяніемъ гвардейскихъ мундировъ и свѣжной бѣлизной батистовыхъ пластроновъ подѣ фраками настоящихъ и будущихъ attachés все это ходило, стояло и сидѣло, сдержанно вкушая скуку великосвѣтскаго раута. Въ эту скуку входила раздражающая прелесть легкаго какъ паръ злословія и тяжелаго какъ петербургскій туманъ умнчанья; входила неустанная каторжная работа тщеславія, отъ которой не замѣчаютъ утомленія только потому что привыкаютъ къ ней съ дѣтства, подобно тому какъ никто не чувствуетъ утомленія отъ вѣчной работы дыхательныхъ мышцъ; входила наконецъ всѣмъ знакомая прелесть привычки, привычки къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, къ однимъ и тѣмъ же разговорамъ, и въ особенности къ однимъ и тѣмъ же крайне снисходительнымъ требованіямъ нехитраго лицемерія и сдержаннаго благоприличія. Надъ всею этою пестрою, безшумно волнующею толпою царилъ обворожительный образъ Раисы Михайловны, царилъ равнодушно привѣтливою улыбкой и интригующимъ блескомъ темныхъ глазъ, красотой покатыхъ плечъ сквозившихъ изъ-подъ кружевъ блестящую желтизною слововой кости, и этими великолѣпными, ладавшими на нихъ орѣховыми локо-

нами. Эта красота властительно выступала изъ круга другихъ, тоже молодыхъ и прелестныхъ лицъ, именно потому что тѣ всачески старались выступать, а Раиса Михайловна повидимому не замѣчала и не чувствовала своей красоты, какъ совершенно здоровый человѣкъ не чувствуетъ своего тѣла.

Когда Юхотскій вошелъ, она стояла въ большой гостиной, между Устюжевскимъ и уже не молодой, но еще замѣтно молодившеюся дамой, сохранявшею, вмѣстѣ съ незначительными остатками прежней красоты, привычки свѣта и страсть къ дорогимъ туалетамъ. Это была та самая многоопытная тетка, по мужу Озерецкая, которая на первомъ балѣ указала Раисѣ Михайловнѣ на Юхотскаго назвавъ его *dangereux*. Небольшаго роста, съ сухими и острыми, но еще интересными чертами лица, вытягивая шею и едва держась на страшно высокихъ каблукахъ, она дорвировала гостей съ внимательнымъ и нѣсколько злымъ выраженіемъ, какое иногда противъ воли бываетъ у очень близорукихъ людей, когда они силятся разглядѣть что-нибудь. Она передавала Раисѣ Михайловнѣ свои замѣчанія, и эти замѣчанія вѣроятно были очень злы, потому что заставляли ее безпрестанно смѣяться и оборачиваться въ ея сторону, несмотря на разговоръ который она вела съ Устюжевскимъ.

Она встрѣтила Юхотскаго своимъ быстрымъ, свѣтащимся взглядомъ, и проговорила подавая ему руку:

— Мой раутъ сегодня вдвое интереснѣе, оттого что вы прѣехали.

Это была, конечно, обыкновенная любезность, можетъ-быть уже повторенная въ тотъ вечеръ нѣсколько разъ; но ее сопровождалъ интригующій взглядъ темныхъ глазъ, въ которыхъ Юхотскій видѣлъ что-то уходившее въ глубину, неопредѣленное и таинственное, что всегда волновало его; онъ смутился, какъ была она смущена на томъ балѣ пять лѣтъ назадъ, когда его въ первый разъ представили ей.

— *Ma tante*, вы вѣдь старые знакомые, обратилась она къ текстѣ и послѣдовалъ обычный обмѣнъ ничего не значущихъ, но спасительныхъ фразъ, къ которымъ прибѣгаютъ люди не привыкшіе что сказать другъ-другу въ первые минуты встрѣчи. Впрочемъ *Mme* Озерецкая была очень находчивая, очень свѣтская и очень не глупая женщина; въ обществѣ, гдѣ ее

звали „маленькая Барбе“, она даже пользовалась репутаціей большого ума и еще большей олытности, отчасти можетъ быть вслѣдствіе контраста съ своимъ совсѣмъ глухимъ и ничтожнымъ мужемъ. Многіе боялись ея дѣятельнаго языка, но еще болѣе было такихъ которые охотно поручали ей интересы своего сердца: Варвара Павловна была известна какъ общая покровительница всѣхъ влюбленныхъ, и рѣдкая интрига въ свѣтѣ обходилась безъ ея прямого или косвеннаго участія. Счастливыцы которымъ случалось прибѣгать подъ ея безкорыстное покровительство, говорили что на нее можно положиться.

Разговаривая съ нею Юхотскій замѣтилъ что они остались одни. Варвара Павловна поймала безлокойный взглядъ которымъ онъ тщетно отыскивалъ въ толлѣ княгиню Бахтіарову, и по ея лицу пробѣжала чуть замѣтная, хитрая и довольная улыбка. Она знала что онъ нравится Раисѣ Михайловнѣ, и ея личный интересъ непонятнымъ образомъ тотчасъ оказался замѣшаннымъ въ эти отношенія. Ей ужасно хотѣлось влюбить его въ нее, влюбить ихъ обоихъ. Взглядъ который она поймала въ глазахъ Юхотскаго, обрадовалъ ее, какъ будто дѣло шло о ея собственномъ чувствѣ, и она уже готова была покровительствовать ему всеми ресурсами, какъ покровительствовала до сихъ поръ Устюжеву и даже болѣе и охотѣе, потому что на Устюжева она въ послѣднее время стала мало надѣяться. Не выпуская изъ рукъ лорнета и наблюдая зоркимъ глазомъ за всѣмъ происходившимъ въ гостиной, она продолжала разговаривать съ Юхотскимъ, повемногу отступая съ нимъ въ болѣе просторный уголъ комнаты, и все никакъ не рѣшаясь пристѣсть: по необычайной подвижности своей натуры, она обыкновенно проводила большую часть вечера на ногахъ.

— Какъ однако быстро мѣняется общество... говорила она, перебѣгая отъ предмета къ предмету:—за ваше отсутствіе сколько новыхъ лицъ! Я уже не говорю о молодежи, какъ на примѣръ этотъ Устюжевъ....

Она съ намѣреніемъ назвала Устюжева, подозрѣвая со свойственнымъ ей инстинктомъ что это имя должно интересовать Юхотскаго. И Юхотскій тотчасъ попался на удочку.

— Это одинъ изъ поклонниковъ Раисы Михайловны, проговорилъ онъ, съ тайнымъ страхомъ наступая на открытую Варварой Павловной тему.

— Онъ до сумашествія влюбленъ въ нее, подтвердила Мше Озерецкая. — Впрочемъ въ нее всѣ влюблены, и это такъ естественно. Ему еще болѣе другихъ это пристало къ лицу, потому что вѣдь онъ самъ очень красивъ, не правда ли? Онъ ужасно нравится женщинамъ.

— Да, разумѣется, согласился Юхотскій, невольно лугалась того что могло быть сказано дальше, и еще больше лугалась чтобы что-нибудь не помѣшало ихъ разговору.

Варвара Павловна поймала неувловимое смущеніе въ звукѣ его голоса и опять чуть прижѣтая, хитрая и довольная улыбка скользнула по ея тонкимъ губамъ. Она уже знала все что хотѣла узнать, и послѣшила разсвѣять вызванныя ею подозрѣнія.

— Это предметъ нашихъ постоянныхъ споровъ съ Раичкой, продолжала она. — Она находитъ его рѣшительно не въ своемъ вкушѣ. Это даже сердитъ меня, потому что на ея мѣстѣ я бы непременно влюбилась въ него. Но она говоритъ что если искать одной красоты, то трудно найти кого-нибудь красивѣе ея мужа. Давидъ Петровичъ въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ. *Mais elle est un peu difficile, ma piéce.* У нея серьезныя вкусы. Впрочемъ ей до сихъ поръ никто сильно не нравился. *Mais ça viendra, ça viendra!* почти пролѣла она, бросивъ на Юхотскаго замысловатый и какъ будто недоговаривающій взглядъ.

Къ ней подошли двое молодыхъ людей изъ разряда пользующихся ея покровительствомъ и Юхотскій остался одинъ, смутно взволнованный и неудовлетворенный этимъ короткимъ разговоромъ... Слово новый узелъ незримо прибавился къ путамъ которыя онъ несъ на себѣ, и онъ отошелъ обвиняемый тайнымъ и радостнымъ безпокойствомъ, полнымъ раздражительнаго очарованія.

Онъ перешелъ въ другую гостиную и увидѣлъ Раису Михайловну сидѣвшую за маленькимъ столикомъ между Мше Валковской и Устюжевымъ. Они составляли ту самую группу какъ тогда у Валковскихъ, когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ послѣ мимоулетной встрѣчи на диспутѣ. Раиса Михайловна и теперь также оживленно что-то говорила Прасковью Александровну, и на лицѣ Устюжева опять было недовольное, сдержанное выраженіе, какъ у человека котораго заставляютъ терпѣть присутствіе посторонняго лица. Юхотскій только издали взглянулъ на нихъ и повернулъ назадъ.

Но онъ еще не дошелъ до саѣдующей комнаты какъ усам-
шалъ за собою торопливые, маленькіе шаги и шелестъ слабо
шуршавшаго по ковру платья. Онъ оглянулся, Раиса Ми-
хайловна догоняла его, улыбаясь и глядя прямо предъ со-
бой прищуренными и тоже улыбающимися глазами.

— Я боюсь, не скучаете ли вы? здѣсь мало вашихъ зна-
комыхъ, сказала она, когда оба они остановились, на мгно-
венье охваченные однимъ и тѣмъ же невольнымъ и робкимъ
смущеніемъ. — Я вспомнила объ обязанностяхъ хозяйки...
Нѣтъ, нѣтъ, не думайте чтобъ я собралась занимать васъ,
послѣшво добавила она, замѣтивъ протестующее движеніе
Юхотскаго, — такихъ гостей какъ вы не надо занимать, они
сами составляютъ главный интересъ собранія. Маѣ просто
хочется побыть съ вами, позволить себѣ маленькій отдыхъ...
Она озиравалась по сторонамъ, отыскивая мѣсто гдѣ бы они
могли сѣсть въ сторонѣ отъ тоалы. Гостинной гдѣ они теперь
стояли оканчивалась парадная половина дома. Дальше была
маленькая угловая диванная, въ которой она привала его
въ первый разъ, а за нею уже шли жилыя комнаты. Диван-
ная была открыта для гостей, но такъ какъ она находилась
въ сторонѣ и была слабо освѣщена, то тамъ никого не было.
Раиса Михайловна маленькими шажками прошла туда, молча
черезъ плечо оглядываясь на Юхотскаго.

Онъ шелъ за ней, неотразимо ловивуясь этому влекущему
взгляду и не умѣя оторвать глазъ отъ ея плавно-колебав-
шагося стана и круглыхъ плечъ сквозившихъ молочною
желтизной изъ-подъ кружевнаго тюника. Она сѣла, съ ви-
домъ усталости сдвинувъ эти статныя плечи и уронивъ полу-
обнаженныя руки.

— Какъ вамъ нравится мой раутъ, Платонъ Николаичъ?
спросила она. — Или можетъ-быть вы не любите свѣта, тоалны?

— Вашъ раутъ прелестенъ, и я люблю свѣтъ, хотя давно
уже не жилъ въ немъ, отвѣтилъ Юхотскій.

Онъ хотѣлъ пояснить что свѣтъ привлекателенъ когда въ
немъ есть такія женщины какъ она; но Раиса Михайловна
не дала ему сказать, бросивъ торопливый вопросъ:

— Но здѣсь, въ Петербургѣ, вы не намѣрены продолжать
вашей студенческой жизни? мы будемъ встрѣчаться съ вами
въ свѣтѣ, не правда ли?

— Для меня всегда будетъ большимъ наслажденіемъ ви-
дѣть васъ, отвѣтилъ Юхотскій.

Онъ вспомнилъ что въ его рѣшеніи было всачески избѣгать новыхъ встрѣчъ съ Раисой Михайловной. Но то что онъ сказалъ теперь, была только обмысловенная любезность, ни къ чему его не обязывавшая.

— А мнѣ, мнѣ даже нужно чтобы вы были въ числѣ моихъ самыхъ близкихъ знакомыхъ, проговорила Раиса Михайловна.

— Даже нужно? переспросилъ Юхотскій.

— Да, потому что это безлюдье подчасъ давитъ меня. Въ этой пустынѣ большаго свѣта иногда не съ кѣмъ бываетъ переключить слова. Вамъ страшно слышать это? васъ удивляетъ что это говорить женщина... такая же свѣтская какъ и всѣ? Но вы ошибаетесь, Платонъ Николаичъ, я не такая же какъ всѣ, совсѣмъ нѣтъ! Вы меня немножко знали прежде, когда я еще боялась этого свѣта, когда на мнѣ еще не лежалъ лакъ который онъ кладетъ на тѣхъ кто безвозвратно принадлежитъ ему. Вы должны согласиться что по крайней мѣрѣ тогда я еще не казалась какъ всѣ.

— Но я вовсе не хотѣлъ сказать, княгиня...

— Ну, и въ сущности я осталась такою же какъ была, продолжала перебивая его Раиса Михайловна,—и повѣрьте, мнѣ было бы легко отказаться отъ этого бластанія, отъ этихъ шумныхъ расцвѣтій, еслибъ я не ощущала въ себѣ ничѣмъ не наполненной пустоты. Чѣмъ-нибудь, однако, надо ее наполнить. Но чѣмъ же? какіе серьезные интересы существуютъ для женщины? Еслибъ я была дѣвочкой, я можетъ-быть стала бы изучать алгебру... добавила она смѣясь, но въ этомъ смѣхѣ не участвовали ея глаза, глядѣвшіе темными и острыми, почти замѣ въглядомъ.

Юхотскій ничего не имѣлъ ей сказать, онъ только чувствовалъ что его невыразимо волнуетъ эта темная сила глядѣвшая изъ глубокихъ, злыхъ и прелестныхъ глазъ...

— Что же вы ничего мнѣ не скажете? обратилась къ нему Раиса Михайловна.—Васъ смущаютъ эти... софизмы свѣтской женщины? или можетъ-быть вы просто не вѣрите мнѣ?

Онъ протестовалъ противъ такого предположенія.

— Меня смущаетъ то что вы должны страдать, сказалъ онъ.—Эта пустота, наполняемая такой же пустотой, это нравственное узничество... тутъ есть отъ чего придти въ ослабленіе, въ отчаяніе...

Княгиня обвила его благодарнымъ, свѣтящимся взглядомъ.

— Вотъ почему вы мнѣ нужны, Платонъ Николаичъ, продолжала она. — Я уже разъ сказала вамъ что мы съ вами точно два заговорщика... Но это не все. Вы мнѣ нужны потому что вы такъ не похожи на меня. Вы—моя самая крайняя противоположность. Я моложе васъ, но на мнѣ жизнь уже оставила осадокъ зла, тогда какъ вы... вы мнѣ представляетесь хрустальною прозрачностью, на которую не упала ни одна возмущенная капля...

Юхотскій вспомнилъ Мавю и ему почти дикимъ показалось то что говорила о немъ княгиня.

— О нѣтъ, возразилъ онъ послѣшво,—вы ошибаетесь. Во мнѣ также есть зло, и я не лучше и не чище другихъ людей.

Въ эту минуту Варвара Павловна, привлеченная никогда не обманывавшимъ ее инстинктомъ, приподняла лортьеру, и улыбалась своею хитрою улыбкой, подошла къ Раисѣ Михайловнѣ.

— Раичка, я боюсь что въ гостиной многіе желаютъ тебя видѣть, сказала она.

Раиса Михайловна неохотно поднялась съ мѣста.

— Въ самомъ дѣлѣ, я душно исполняю обязанности хозяйки, проговорила она, оправая предъ зеркаломъ свой развѣсившійся орѣховой локомъ. — Не уѣжайте не простившись со мною, обернулась она къ Юхотскому на порогѣ большой гостиной.

Варвара Павловна повертѣлась подлѣ Юхотскаго и тоже юркнула въ гостиную. Пробиралась крадущею походкой между креселъ, она нагнала ее, и закинувъ голову чтобы взглянуть ей прямо въ глаза, сказала своимъ обыкновеннымъ, всегда нѣсколько отзывавшимся тѣмнотеневностью тономъ:

— Я приглашу его бывать у меня?...

Раиса Михайловна олустила глаза—она была цѣлою головою выше тетקי—и ее что-то укололо въ замысловатомъ и пронзительномъ взглядѣ желто-карихъ глазъ.

— Но какъ хотите... отвѣтила она.

Варвара Павловна продолжала сидѣть ей прямо въ лицо.

— Такъ пригласить? переспросила она, не удовлетворившись отвѣтомъ.

— Пригласите, должна была подтвердить Раиса Михайловна.

— Я приглашу... повторила Варвара Павловна, продолжая играть своимъ замысловатымъ взглядомъ.

VI.

Ничто не нарушало обычнаго теченія раута. Общество успѣло разбиться на группы, разсѣяться и найти свои ближайшіе личные интересы. Одинъ только Юхотскій, съ тѣхъ поръ какъ его оставила Раиса Михайловна, не зналъ что съ собою дѣлать. Знакомыхъ его тутъ было мало и они не интересовали его. Къ нему подошелъ, между двумя робберами, Давидъ Петровичъ, спросилъ не играетъ ли онъ въ карты, и получивъ отрицательный отвѣтъ, замѣтилъ что очень скучно когда не играешь и не танцуешь. Подошли также какіе-то два генерала, знавшіе его еще прежде, предложили тотъ же вопросъ, и получивъ тотъ же отвѣтъ, поспѣшили укрыться въ игорную комнату, словно обиженные чѣмъ-то. Итальянскій теноръ пропѣлъ, подымая толстыя складки на коротенькомъ лбу, довольно старинный романсъ, принятый впрочемъ за новость, потому что его не знали въ Петербургѣ. Въ одномъ углу гостиной неудавшійся дипломатъ, считавшій себя тѣмъ не менѣе только въ резервѣ до той минуты когда отечество явится въ опасности, разказывалъ вычитанные изъ прошлагодьяго альманаха анекдоты, такіе же длинные и плоскіе какъ его выскобленное лицо. Хорошенькій *attaché* итальянскаго посольства, съ крошечными усиками на интересно-блѣдномъ лицѣ, сначала подѣвшій по ошибкѣ къ образовавшемуся около дипломата кружку, выскочилъ оттуда, будучи не въ состояніи переварить какъ тотъ переварилъ всѣмъ извѣстные старые каламбуры, и нѣсколько минутъ ходилъ съ выраженіемъ потерянности на лицѣ, повторяя вполголоса: *ah! mais c'est trop fort, par exemple!*

Юхотскому было не просто скучно, но какъ-то томительно не по себѣ, словно не хватало воздуха. Онъ наблюдалъ и слушалъ со смѣшаннымъ ощущеніемъ удивленія и стыда. Чувствовалось отсутствіе общихъ, сколько-нибудь приподнятыхъ, связывающихъ интересовъ, и надъ всѣми носилось что-то тяжелое и плоское, какъ фюзіонія Петербурга.

Нѣсколько разъ, на минутку, онъ сталкивался съ Раисой Михайловной, переходившей отъ одной группы къ другой, неизмѣнно очаровательной въ оживленной красотѣ своей. Она улыбалась ему едва примѣтною бѣглою улыбкой и темный

блескъ тихо дрожалъ въ ея глазахъ, когда онъ приближался къ ней. Но ее тотчасъ окружали другіе, и онъ продолжалъ издали любоваться ею, пока опять, точно управляемые какою-то тайною силой, они сталкивались въ толпѣ.

Валковскій, только-что окончившій свою лульку, вышелъ изъ игорной комнаты, и замѣтивъ Юхотскаго, направился прямо къ нему. Онъ былъ въ крупномъ выигрышѣ, и это обстоятельство только усиливало его и безъ того всегда отличное расположеніе духа. Красиво-осанистое лицо его такъ и сіяло удовольствіемъ только-что произведеннаго расчета и наслажденіемъ, которое всегда доставляло ему многолюдство. Онъ былъ изъ тѣхъ для кого необходимо постоянно находиться въ толпѣ, и кто считаетъ что тамъ-то и тогда-то было весело, если было много народу. Дружески обнявъ Юхотскаго за талию, онъ пошелъ съ нимъ вдоль комнаты,—и отъ его рѣчей тотчасъ повѣяло тою абсолютною современностью которая воспитывается на исключительной почвѣ „новаго“ Петербурга. Валковскій безусловно жилъ только тѣмъ что было самаго новаго, и всякое явленіе занимало его только до тѣхъ поръ пока сохраняло преимущество новизны. Онъ и самъ вѣроятно пересталъ бы интересоваться, еслибы не сознавалъ что весь насыщенный самыми новыми элементами. Онъ говорилъ о послѣднемъ спектаклѣ, о послѣдней книжкѣ журнала стоявшаго на сторонѣ „новыхъ идей“, о послѣдней перемѣнѣ въ одномъ вѣдомствѣ, о послѣдней рѣчи знаменитаго адвоката въ окружномъ судѣ, и хотя о каждомъ изъ этихъ предметовъ онъ имѣлъ извѣстное мнѣніе, но выходило какъ-то такъ, какъ будто все было хорошо и интересно потому что было ново и не замѣнено еще ничѣмъ новѣйшимъ. Все это легкое какъ пухъ современничанье, начало доводить Юхотскаго до нѣкоторой тоски, впрочемъ какъ разъ въ то время когда къ нимъ подошелъ одинъ еще юный бюрократъ, управлявшій небольшоимъ и самостоятельнымъ, но совершенно новымъ учрежденіемъ, и потому въ той же мѣрѣ какъ и Валковскій чувствовавшій болѣзненное устремленіе ко всему самому послѣднему. Воспользовавшись присутствіемъ третьяго лица, Юхотскій оставилъ Валковскаго и направился вдоль комнаты, въ надеждѣ еще разъ увидѣть Гансу Михайловну.

Онъ нашелъ ее въ большой гостиной, сидящую въ глубинѣ комнаты, съ какимъ-то серебристымъ старичкомъ, отли-

чавшимся необычайно мягкими движеніями, чавкающими губами и сильнымъ залахомъ плавашилава. Раиса Михайловна слѣдила глазами незамѣтный знакъ Юхотскому чтобъ онъ остался. Старичокъ держалъ въ рукахъ шаалу и очевидно присѣлъ только на минуту чтобъ сказать хозяйкѣ послѣднія любезности. Онъ наблюдалъ во всемъ порядокъ, и у него были фразы съ которыми онъ входилъ въ гостиную и съ которыми уходилъ.

— Вашъ вечеръ прекрасенъ, княгиня, говорилъ онъ съ легкимъ подсадываемымъ нижнею губой,— я покидаю его съ сожалѣніемъ, съ истиннымъ сожалѣніемъ.

Раиса Михайловна молча удыбалась ему, чуть примѣтнымъ мстѣшнымъ трелетаньемъ на уголкахъ губъ.

— Но жизнь состоитъ не изъ однихъ удовольствій, и я должна покинуть васъ чтобы возвратиться... возвратиться къ своимъ обязанностямъ, княгиня, досказалъ старичокъ, внезапно поджавъ губы, отчего его слащавое лицо получило какую-то смѣшную суровость.

Онъ ушелъ, оставивъ по себѣ на нѣкоторое время запахъ плавашилава, а Раиса Михайловна, закрывшись вѣтромъ, засмѣлась тихимъ, злымъ смѣхомъ.

— Если онъ намекаетъ на свою жену, тогда это понятно, проговорила она.— Сладьте подлѣ меня, Платовъ Николаевичъ, и скажите, какъ вамъ понравились обрацики нашего „свѣта“ которые я собираю здѣсь? И какъ вы думаете, не былъ ли этотъ „свѣтъ“ прежде нѣсколько умнѣе и интереснѣе чѣмъ теперь?

— Не знаю что вамъ сказать, Раиса Михайловна. Я думаю что умныхъ и интересныхъ людей никогда не было много. Но тѣ какіе были, повидимому казались крульѣе вымѣшанныхъ. Нашъ вѣкъ—вѣкъ равенства, не только гражданскаго, но и умственнаго, отвѣтилъ Юхотскій.

— И вамъ это нравится? спросила княгиня.

— Каждый вѣкъ имѣетъ свои задачи, и каждое поколѣніе устраивается по-своему, уклончиво объяснилъ Юхотскій.

Раиса Михайловна взглянула на него съ тѣмъ же насмѣшнымъ трелетаньемъ около губъ.

— Какой примирительный взглядъ! сказала она.— Нѣтъ, эти люди просто дулы—оставая въ сторонѣ всякія задачи тѣка... Я все болѣе убѣждаюсь что мнѣ съ ними нечего дѣлать. Но вы правы, вооружаясь такимъ свисходительнымъ

оптимизмомъ: съ нимъ гораздо легче живется. Вѣдь вамъ легко живется, Платонъ Николаевичъ?

— Не очень, отвѣтилъ Юхотскій.

— Право? отозвалась Раиса Михайловна. — А я считала васъ такимъ разсудительнымъ, такимъ далекимъ отъ всѣхъ тревоженій... Мнѣ было пріятно вамъ завидовать, думать что есть хоть одинъ счастливый человѣкъ на свѣтѣ, идущій всегда только прямыми путями жизни...

Въ голосъ Раисы Михайловны явно звучала провическая нотка. Эта нотка раздражительно волновала Юхотскаго, какъ и весь этотъ долпросъ, въ которомъ онъ чувствовалъ не то капризное, не то недоброжелательное поддразниванье. И ему было досадно и обидно, потому что онъ не находилъ въ себѣ ничего кромѣ восхищенія, и это восхищеніе росло въ немъ, наполняя его чѣмъ-то радостнымъ и опаснымъ. Онъ чувствовалъ себя въ эту минуту дальше чѣмъ когда-нибудь отъ тѣхъ прямыхъ путей жизни о которыхъ говорила Раиса Михайловна.

— И что жь, Платонъ Николаевичъ... продолжала она все съ тѣмъ же раздражавшимъ его сдержаннымъ трепетаніемъ въ глазахъ и на уголкахъ губъ, — вы бываете доступны волненіямъ, какимъ подвержены простые смертные?

— Увы, не меньше другихъ, отвѣтилъ Юхотскій.

— Да? протяжно переспросила Раиса Михайловна, обливая его быстрымъ, свѣтящимся взглядомъ, въ которомъ еще мигали насмѣшливыя искры. — Такъ что вы когда-нибудь даже... влюблялись, Платонъ Николаевичъ?

— И даже любилъ, и даже....

Онъ хотѣлъ сказать: „и даже теперь опять люблю“, но остановился, смущенно глядя во внимательно обращенное къ нему нѣжное и прелестное лицо.

Это лицо вдругъ сдѣлалось серіозно и тревожно, насмѣшливое трепетанье пропало съ уголковъ не улыбавагося рта. Она молчала и ждала чтобъ онъ доказалъ свою мысль, и что-то ей мѣшало самой спросить объ этомъ „даже“...

— Такъ вы любили... вы не ошибаетесь ли, Платонъ Николаевичъ? проговорила она наконецъ.

Онъ сдѣлалъ отрицательное движеніе.

— Это вѣроятно было... во время вашего пребыванія за границей? продолжала она, наматывая на руку цѣпочку отъ вѣера.

— Нѣтъ, по приѣздѣ, отвѣтилъ Юхотскій.

— По приѣздѣ? теперь?... Вотъ въ эти нѣсколько недѣль? переспросила Раиса Михайловна, все болѣе понижая голосъ, тогда какъ рука ея быстрее и быстрее вертѣла вѣтеръ.

— Да... также тихо подтвердилъ Юхотскій, какъ подсудимый на вопросъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ.

Въ гостиной стоялъ говоръ, одни поднимались съ своихъ мѣстъ, другіе садились, ходили, смѣялись, восклицали громко или тихо, и все это въ двухъ шагахъ отъ того уголка гдѣ сидѣла Раиса Михайловна съ Юхотскимъ, а ей казалось что вокругъ совершенно тихо и безлюдно, и вся она слышала только то что сказалъ Юхотскій. Но она знала что это была украденная тишина, что сейчасъ подойдетъ къ ней, и она съ нервною торопливостью сгѣшила бросить новый вопросъ:

— И вы можете назвать мнѣ эту женщину, Платонъ Николаичъ? Очень нескромный вопросъ, я знаю; но можетъ-быть... можетъ-быть вы все-таки отвѣтите мнѣ?...

— Вы видѣли эту женщину. Она сидѣла подлѣ васъ въ театрѣ на послѣднемъ представленіи *Фауста*... проговорилъ Юхотскій.

Признаніе сорвалось у него неожиданно, такъ что онъ не успѣлъ даже подумать, имѣлъ ли право называть ту женщину которую считалъ себя недостойнымъ. Онъ робко поднялъ глаза на Раису Михайловну, опасаясь встрѣтить опять тотъ свисходительно-насмѣшливый взглядъ которымъ она въ театрѣ окинула „сѣренькую“ Машу. Но трудно было разобрать то что выражало лицо Раисы Михайловны. Въ немъ были удивленіе, тревога и что-то высокомерное, темное, проступавшее въ меркнувшемъ блескѣ глазъ и въ складкѣ прорѣзавшейся между сдвинутыми бровями.

— И вы очень ее любите, Платонъ Николаичъ? продолжала съ раздражительнымъ любопытствомъ свой допросъ княгиня.

— Люблю ли я ее? ахъ вѣтъ, не знаю... и наконецъ, зачѣмъ вы меня спрашиваете, княгиня? проговорилъ въ невыразимомъ смущеніи Юхотскій.

Она продолжала глядѣть на него широко раскрытыми, удивленными, допытывающими глазами. Эти глаза попрежнему были темны и почти ядовито-злобы, тогда какъ что-то свѣтлое и дѣтски-блаженное лорхало около раздвинутыхъ слабымъ дыханіемъ губъ.

— Но съ какихъ же поръ вы... перестали это знать? тихо и настойчиво спросила она.

— Съ того вечера какъ мы слушали *Фауста*, съ внезапною рѣшимостью отвѣтилъ Юхотскій.

Ни одна складка не измѣнилась въ лицѣ Раисы Михайловны, только темный блескъ сильнѣе задрожалъ въ ея глазахъ, и сложенные руки слабо потянулись, какъ будто хотѣли остановить его.

— *Bonsoir, chère princesse*, раздался надъ нею дребезжащій голосъ совершенно древней, но сохранившей чолорость старушки, собравшейся уѣзжать.

Раиса Михайловна встала чтобы проводить ее. Юхотскій остался одинъ, взволнованный, потерянный, недоумѣвающий. Странно звучали въ ухахъ его собственные слова, и безлокойною загадкой стояли предъ его внутреннимъ взоромъ и эти темные глаза, задрожавшіе ядовитымъ блескомъ, и эта темная сила, давившая его тайно и жестоко. Гости разъѣзжались одни за другими. Онъ отыскалъ свой клякъ, но не уходилъ, не умѣя побѣдить разраставшагоса тайнаго любопытства которое тянуло его, какъ бабочку на огонь, къ пестрому кругу столпившемуся около Раисы Михайловны. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ ея прелестнаго, обвѣяннаго изящною усталостью лица, къ которому льнули выбившіяся темныя, важныя нитки орѣховыхъ волосъ. Онъ искалъ ея взгляда, и когда ихъ глаза встрѣчались, что-то тайное порхало около ея губъ, и во мгновенно-потуляемыхъ темныхъ зрачкахъ сильнѣе дрожали острые лучи.

Барвара Павловна подошла къ нему, натягивая перчатку на сухую, желтую руку.

— Друзья Раисы Михайловны также и мои друзья, сказала она.—Я буду очень рада видѣть васъ у себя.

Юхотскій поклонился, и подвинулся чтобы проститься съ Раисой Михайловной. Она быстро вскинула рѣсницами, и обливъ его озаряющимъ взглядомъ, потулилась и отвернула лицо.

— *Au revoir*... не надолго?... проговорила она, сбоку глядя на него однимъ уголкомъ глаза, гдѣ лукаво притаилась ея взглядъ.

Вслѣдъ за Юхотскимъ разъѣхались и остальные гости. Раиса Михайловна тихо прошла по опустѣвшимъ комнатамъ въ диванную, остановилась предъ трюмо, отразившимъ

во весь ростъ ея стройную фигуру, и подняла отяжелѣвшую голову. Зеркало показало блѣдное, обвѣянное развѣвающимися волосами лицо и большіе, темные, тихо мерцавшіе глаза, съ притуленнымъ и упругимъ блескомъ глядѣшіе на нее изъ-за упругаго стекла. Раиса Михайловна долго, съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ всматривалась въ это лицо, поправила низко нависшую жемчужную витку въ волосахъ, и съ выраженіемъ радостной истомы уронила полуобнаженныя руки вдоль туго обтянутаго чернымъ бархатомъ става.

(Продолженіе слѣдуетъ)

В. АВСЪЕНКО.

ИНТИМНАЯ ПЕРЕПИСКА

ПОСЛѢДНЯГО КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО.

Correspondance inédite du roi Stanislas-Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin (1764—1777), précédée d'une étude sur Stanislas-Auguste et Madame Geoffrin et accompagnée des nombreuses notes par Charles de Mouy. Paris, 1875.

Станиславъ-Августъ, послѣдній король польскій, принадлежитъ къ числу тѣхъ глубоко-несчастливыхъ историческихъ личностей на долю которыхъ выпало нести бремя отвѣтственной власти среди обстоятельствъ роковымъ образомъ испровергавшихъ всѣ ихъ планы и начинанія. На этихъ личностяхъ лежитъ печать трагизма. Обыкновенно надѣленные прекрасными свойствами ума и характера, лично достойныя и одушевленные наилучшими намѣреніями, они оказываются совершенно безсильными для борьбы съ неотразимымъ ходомъ вещей, и подпадая давленію обстоятельствъ, стяжаютъ ненависть и клевету современниковъ и ближайшаго потомства. Достоинства которыя составили бы ихъ славу въ болѣе спокойное время, становятся ихъ недостатками, ихъ злополучіемъ, въ желѣзную эпоху, куда ихъ бросилъ капризъ исторіи. Жертвы собственнаго несоотвѣтствія съ духомъ и условіями вѣка, они погибаютъ подъ тяжестью непосильнаго бремени, не имѣя другаго утѣшенія кромѣ сознанія своего безсилія предъ неотразимымъ движеніемъ событій.

Станиславъ Понятовскій принадлежитъ къ числу такихъ личностей, и исторія обязана отнестись къ нему съ особенною осмотрительностью. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ что по своимъ личнымъ качествамъ это былъ человекъ имѣющій право на уваженіе и симпатію. Образованность, искреннее и глубокое увлеченіе интересами науки и искусства, обязательное обращеніе со всѣми, природная доброта, честность и великодушіе, безкорыстный патріотизмъ и желаніе истиннаго блага своему народу—все это ставитъ его довольно высоко среди политическихъ людей XVIII вѣка. Но качества эти скорѣе служили ему во вредъ, чѣмъ въ пользу, среди тяжелыхъ условій окружавшихъ его жизнь и дѣятельность. Судьба поставила его между двумя глубокими политическими умами, съ которыми ему суждено было постоянно бороться вслѣдствіе столкновенія національныхъ и государственныхъ интересовъ—бороться безъ надежды на успѣхъ, съ полнымъ почти сознаніемъ недостаточности своихъ силъ. Ни средства его страны, ни личныя политическія способности его не могли, конечно, противопоставить оплота дальновиднымъ и настойчивымъ планамъ Екатерины II или искуснымъ интригамъ и притязаніямъ Фридриха Великаго; притомъ нигдѣ вокругъ себя онъ не находилъ поддержки, и во все время царствованія ему приходилось постоянно выбирать между внутреннею анархіей и вѣшнимъ вмѣшательствомъ. Обстоятельства сложились такимъ образомъ что устройства страны литали притязанія сосѣдей, а могущество послѣднихъ, въ свою очередь, давало опору внутреннимъ замѣшательствамъ. Поставленный между этими двумя опасностями, Станиславъ-Августъ не избѣгъ ни одной изъ нихъ: безпорядки въ государствѣ дошли при немъ до крайнихъ предѣловъ, до хроническаго междуусобія, значеніе королевской власти упало окончательно, и лишенный почти всѣхъ прерогативъ своихъ, король осужденъ былъ видѣть какъ провинціи Рѣчи Посполитой одна за другой отходили къ сосѣднимъ державамъ, пока наконецъ не исчезло самое имя королевства Польскаго.

Въ этой жизни, поставленной среди такихъ роковыхъ условій, есть извѣстный внутренній интересъ, помимо вѣшняго историческаго. Книга заглавіе которой мы выписали, способна возбудить болѣе чѣмъ простое любопытство. Въ ней собрана неизданная переписка Станислава-Августа съ гжей

Жоффренъ, въ теченіе первой половины его царствованія, наиболее богатой событіями и тревоженіями. Взаимныя отношенія обоихъ перелисывавшихся лицъ, основанныя на самой искренней дружбѣ, сообщили перелискѣ тотъ интимный и откровенный характеръ, который особенно дорогъ въ этихъ случаяхъ. Независимое положеніе гжи Жоффренъ было причиною что Станиславъ-Августъ бесѣдовалъ съ нею совершенно свободно, не скрывая ни своихъ мыслей, ни чувствъ, ни отношеній къ лицамъ съ которыми онъ входилъ въ соприкосновеніе. Увѣренный въ ея величественномъ сочувствіи, онъ не считалъ нужнымъ таить отъ нея того глубокаго скорбнаго отчаянія, которое съ теченіемъ времени все болѣе овлаживало имъ и заставляло много разъ повторять: „счастливы мертвые!“

Личность гжи Жоффренъ, въ свою очередь, представляетъ не мало интереса. Это одна изъ тѣхъ составившихъ себѣ историческое имя женщинъ XVIII вѣка, которая, не отличаясь ни особенно блестящимъ умомъ, ни выходящими изъ ряду личными дарованіями, тѣмъ не менѣе являлась не иначе какъ въ центрѣ литературнаго и политическаго движенія, отражая лучи яркихъ созвѣздіи около нихъ группировавшихся. Салонъ гжи Жоффренъ въ Парижѣ долгое время былъ любимымъ мѣстомъ rendez-vous всего что столица Франціи имѣла наиболее блестящаго въ наукѣ, въ литературѣ, въ искусствѣ, въ обществѣ. Самые умные, просвѣщенные и талантливые люди охотно посѣщали вечера въ домѣ этой женщины, которой тогда было уже за пятьдесятъ лѣтъ, которая никогда не блистала красотой, которая не могла гордиться происхожденіемъ, которая, наконецъ, получила образованіе до того ограниченное что писала со страшными орфографическими ошибками. Чтобы быть при этихъ условіяхъ душой лучшаго парижскаго общества и предметомъ заискивающаго вниманія европейскіхъ дворовъ, надо было быть женщиной необыкновенной. Пользуясь свѣдѣніями какія находятся въ изданіи г. Муи, мы попытаемся представить характеристику этой замѣчательной личности, прежде чѣмъ перейти къ обзору перелиски ея съ послѣднимъ Польскимъ королемъ.

Происхожденіе и общественное положеніе гжи Жоффренъ были какъ нельзя болѣе скромныя. Она была дочь придворнаго лакея, и на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ вышла замужъ за фабриканта зеркалъ, человека очень богатаго, но безобразнаго и совершенно ничтожнаго. Онъ былъ не только необра-

зовавъ, но почти безграмотенъ; единственнымъ развлечениемъ его было играть на трубѣ. О немъ разказывали что взявъ однажды въ руки книгу напечатанную въ два столбца, онъ сталъ читать ее во всю ширину страницы и пришелъ въ искреннее негодование отъ выходящей при такомъ чтеніи бессмыслицы. Въ салонѣ своей жены онъ занималъ, конечно, самое незначительное мѣсто и выходилъ ея вкусы и ея общество въ высшей степени странными. Разказываютъ что одинъ изъ друзей гжи Жоффренъ, вернувшись въ Парижъ послѣ долгаго отсутствія, между прочимъ спросилъ ее: „А что стало съ тѣмъ господиномъ который всегда садился на концѣ стола и никогда никому не говорилъ ни слова?“—„Я знаю о комъ вы говорите, отвѣтила равнодушно хозяйка—онъ умеръ.“—„Въ самомъ дѣлѣ? а кто онъ былъ?“—„Мой мужъ.“ Равнодушіе это не покажется удивительнымъ, если принять въ соображеніе крайнее несходство во вкусахъ и въ развитіи мужа и жены; имѣя съ своимъ мужемъ такъ мало общаго, гжа Жоффренъ ограничивалась строгимъ исповнненіемъ долга, и безупречность ея жизни стояла выше всякихъ подозрѣній.

Проведя большую часть жизни въ кругу ученыхъ, литераторовъ и художниковъ, гжа Жоффренъ сама имѣла крайне ограниченное образованіе. Она ровно ничему не училась, и если обнаруживала кое-какія понятія о предметахъ политики и исторіи, то эти понятія были приобретены ею мало-по-малу, вслѣдствіе постоянного общенія съ образованными людьми, безъ всякаго участія школы или домашняго воспитанія. Бабушка ея едва умѣла читать, и ничему другому не выучила внучку. Письма ея, которыми дорожили даже вѣденыые современники, отличались самымъ неправильнымъ языкомъ, отвратительнымъ почеркомъ и орфографіей способной привести въ отчаяніе. Въ книгѣ которой мы пользуемся, приложено fac-simile одного ея письма; по этому образцу можно заключить что Мше Жоффренъ была знакома съ грамматикой вѣроятно не болѣе своей кухарки. Повидимому она не замѣчала большого неудобства въ этой крайней недостаточности образованія, утѣшалась примѣромъ своей бабушки, отличавшейся при такомъ же невѣжествѣ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ. Въ одномъ письмѣ къ императрицѣ Екатерицѣ II она говоритъ между прочимъ: „Моя бабушка училась очень немно-

тому; но она имѣла умъ такой просвѣщенный, здравый, дѣятельный что онъ никогда не покидалъ ея и замѣнялъ ей знаніе. Она такъ пріятно говорила о томъ чего не знала что никто не желалъ бы чтобы она знала больше; и когда невѣжество ея становилось слишкомъ замѣтно, она вылутывалась шутками, любивавшими ледаатовъ, которые думали ее унизить. Она была такъ довольна своей долей что считала знаніе вещью совершенно бесполезною для женщины. Она говорила: я такъ хорошо безъ него обхожусь что никогда не чувствовала въ немъ нужды.“ Руководясь такимъ взглядомъ, бабушка ничему не учила внучку, чтобы не тратить попусту время. Въ виду такого оригинальнаго воспитанія и раняго замужества съ человѣкомъ крайне тупымъ и невѣжественнымъ, трудно становится понять, откуда взялась у гжи Жоффренъ эта страсть къ интеллигентному обществу и къ интересамъ литературнымъ и художественнымъ, благодаря которой она сдѣлалась знаменитостью наряду съ господами Дюдефанъ и Леспинасъ.

Надо замѣтить что никто не умѣлъ лучше и легче гжи Жоффренъ нести бремя своей необразованности въ избранномъ кругу среди котораго она постоянно вращалась. Она была истиннымъ и неизмѣннымъ другомъ умныхъ и талантливыхъ людей, всегда съ самою искреннею готовностью стремившихся въ ея гостиную. По выраженію Севъ-Бѣва, салонъ ея былъ „цѣлое учрежденіе“ въ Парижѣ XVIII вѣка. Вся интеллигенція всемірной столицы сходилась тамъ по нѣскольку разъ въ недѣлю. По понедѣльникамъ туда являлись знаменитѣйшіе художники—Бушардонъ, Лагрене, Ванло, Лемуанъ, Верне, графъ Келюсъ; по средамъ собирались преимущественно литераторы—Вольтеръ, Монтескьё, аббатъ Севъ-Пьеръ, Дидро, Даламберъ, Гельвеціусъ, Гольбахъ, Гриммъ, Мармонтель, англійскія знаменитости, каковы Юмъ, Гиббонъ, Горасъ Вальполь, лордъ Шельбёрнъ, лордъ Стенли и наконецъ множество польскихъ литераторовъ и вельможъ, для которыхъ домъ гжи Жоффренъ, по ея связямъ со Станиславомъ - Августомъ, былъ всегда совершенно роднымъ домомъ. Здѣсь упомянуты только нѣкоторыя болѣе громкія имена; но можно сказать безъ преувеличенія что все что только было въ Парижѣ выдающагося по таланту, по уму, по знатности рода и по высокому общественному положенію, стремилось въ салонъ дочери придворнаго лакея и жены фабри-

канта. Быть принятымъ у гжи Жоффренъ уже составляло репутацію. Аристократія рода и аристократія таланта сходились здѣсь лицомъ къ лицу, и никто лучше гжи Жоффренъ не умѣлъ поддержать взаимныхъ симпатій между ними. Молодые свѣтскія дамы и дѣвушки находили также особенную прелесть въ этихъ собраніяхъ. Извѣстность ихъ простиралась гораздо далѣе предѣловъ Франціи; иностранцы, пріѣзжая въ Парижъ, добивались чести проникнуть къ гжѣ Жоффренъ, по-славянски считали долгомъ представиться ей; европейскіе дворы прислушивались къ тому что у нея говорилось и считали ея общество высшимъ ареологомъ въ вопросахъ литературныхъ и художественныхъ. Когда гжа Жоффренъ, возвращаясь изъ предпріятой ею поѣздки въ Варшаву, пріѣхала въ Вѣну, императрица Марія-Терезія доставила себѣ удовольствіе нѣсколькихъ свиданій съ нею; императоръ и графъ Кауницъ встрѣтили ее съ такимъ почетомъ съ какимъ принимаютъ владѣтельныхъ особъ. Императрица Екатерина дорожила перепиской съ ней; король Польскій считалъ за честь называть себя ея сыномъ; нѣмецкіе принцы поклонялись ей.

Какимъ образомъ пріобрѣла гжа Жоффренъ это высокое положеніе, на которое повидимому не имѣла никакихъ правъ ни по происхожденію, ни по образованію, ни по высшимъ личнымъ качествамъ?

Приходится искать разгадки ни въ чемъ другомъ, какъ въ неострашимомъ очарованіи ея характера, въ ея неисчерпаемой добротѣ, въ прямотѣ и искренности которыя она внесла въ свои отношенія къ людямъ, въ необычайной женственности ея натуры и въ здравомысліи ея ума. Въ замѣлъ недостававшаго ей образованія, она въ высокой степени обладала знаніемъ жизни и искусствомъ устраивать свои дѣла такимъ образомъ чтобы создавая собственное счастье, дѣлать себя пріятною другимъ. Въ свою долгую жизнь она никогда ни съ кѣмъ не разоорилась, никогда не оскорбила ни одного самолюбія и никогда не была жертвой вошедшей въ пословицу раздражительности литературныхъ людей. Ея обращеніе съ ними отличалось обезоруживающею благожелательностью: тогда какъ скелтичeskій и тщеславный умъ гжи Дюдефанъ заставлялъ ее относиться нѣсколько свысока къ покровительствуемымъ ею писателямъ и артистамъ, гжа Жоффренъ дѣлалась ихъ истиннымъ другомъ, повѣреннымъ ихъ

мыслей и плановъ, входила въ ихъ частные интересы, помогала имъ въ случаѣ нужды, собирала пожертвованія на литературныя предпріятія, обнаруживала къ нимъ материнскую нѣжность, благодушно журила ихъ въ случаѣ надобности, щадяла ихъ самолюбіе и умѣла съ величайшимъ искусствомъ избѣгать всего что могло оскорбить ихъ. При своемъ недостаточномъ образованіи, она удивительно умѣла входить въ самыя интимныя подробности творческаго труда, и ей были повѣданы всѣ движенія артистической щелетильности, авторскаго самолюбія и художническихъ капризовъ. Для примѣра можно указать на слѣдующій случай. Станиславъ-Августъ заказалъ при ея посредствѣ французскимъ художникамъ нѣсколько большихъ историческихъ картинъ для своего дворца, и просилъ ее достать у нихъ для предварительнаго просмотра эскизы будущихъ работъ. Гжа Жоффренъ съ изумительнымъ тактомъ татчасъ поняла что художникамъ можетъ не понравиться это требованіе, и постаралась отклонить отъ него короля. „Этихъ двухъ артистовъ—писала она ему о Буше и Виапѣ—я люблю и уважаю отъ всего сердца, столько же за чистоту души, сколько за талантъ. Я умоляю ваше величество не требовать отъ нихъ высылки чертежей: надо предоставить свободу ихъ воображенію; если они будутъ принуждены въ точности слѣдовать высланному эскизу, имъ будетъ казаться что они дѣлаютъ копію.“ При такомъ тонкомъ пониманіи условій художественнаго труда, покровительство которое оказывала артистамъ гжа Жоффренъ было полно нѣжной заботливости объ ихъ интересахъ и ихъ достоинствѣ, и очаровывало всѣхъ, никого не раздражая и не унижая. Въ ней нельзя было не оцѣнить также неизмѣннаго такта, съ которымъ она старалась никогда не выступать впередъ между своими гостями, никогда не бралась руководить бесѣдой, не слѣдила съ своими сужденіями и впечатлѣніями. Тщеславіе было совершенно чуждо ея натурѣ. Она заботилась только о томъ чтобъ искусстве выдвинуть остроуміе и таланты своихъ друзей и доставить каждому поводъ говорить о томъ что наиболее его интересовало. Издатель книги которою мы пользуемся сравниваетъ ее съ дирижеромъ оркестра умѣющимъ извлекать изъ каждаго инструмента его лучшіе звуки. Сенъ-Бѣвъ рассказываетъ что когда однажды аббатъ Сенъ-Пьерръ, человѣкъ очень достойный, но нѣсколько скучный, обнаружилъ намѣреніе

расположиться у нея на цѣлый вечеръ, она сперва пришла въ весьма понятный ужасъ, но тутъ же, вдохновясь своимъ отчаяннымъ положеніемъ, сумѣла взяться за аббата такъ что сдѣлала его очень занимательнымъ для всѣхъ остальныхъ гостей, къ величайшему удивленію самого аббата. Когда, прощаясь, хозяйка сказала ему любезность на счетъ увлекательности его разказовъ—„я послужилъ только инструментомъ на которомъ вы отлично сыграли“, возразилъ почтенный священникъ. Чуждая всякаго желанія рисоваться и первенствовать въ обществѣ, гжа Жоффрень первая смущалась если иностранцы или люди ее знавшіе, введенные въ заблужденіе ея репутаціей, обращались къ ней какъ къ литературному авторитету. Одинъ Италіянецъ, поднося ей свое произведеніе, распространился о томъ какъ дорожить оныя ея мнѣніемъ; гжа Жоффрень отвѣтила ему съ видомъ величайшаго удивленія: „Но я вовсе не ученая женщина, вовсе не знаменитость, мое мнѣніе ничего не значитъ, и я не знаю по-италіянски.“ Авторъ продолжалъ настаивать, но хозяйка прервала его съ ласковымъ нетерпѣніемъ: „Monsieur, я даже безграмотна.“

Кромѣ этихъ привлекательныхъ качествъ натуры, избранный кружокъ собиравшійся у гжи Жоффрень цѣнилъ ея необыкновенно вѣрный и правдивый здравый смыслъ. Чувство мѣры и правды преобладало въ ней. Всякое преувеличеніе въ жодахъ, въ украшеніяхъ, въ рѣчахъ—говорилъ о ней одинъ Англичанинъ—оскорбляло ее какъ фальшивый звукъ оскорбляетъ вѣрное ухо. Горасъ Вальполь писалъ о ней: „Первый разъ какъ увижу ее, я окажу ей: Здравый Смыслъ, присядь со мной; я до сихъ поръ думалъ такъ-то и такъ-то; не правда ли, какъ это нелѣпо?“ Сама проникнутая чувствомъ мѣры, она цѣнила его въ другихъ и терпѣть не могла преувеличенныхъ, страстныхъ и рѣзкихъ сужденій; вѣроятно этимъ объясняется строгій отзывъ ея о Вольтерѣ который мы находимъ въ одномъ письмѣ ея къ Станиславу-Августу. Горячія головы и рѣзкіе языки не пользовались ея расположеніемъ и исключались изъ ея общества; она имѣла неизмѣнную привычку прекращать всякій разговоръ становившійся чрезчуръ оживленнымъ, и ея гости должны были обходить всѣ острые темы способныя возбуждать страсти. Политическіе люди, посѣщавшіе ея салонъ, не осмѣливались говорить тамъ о политикѣ, энциклопедисты оказывались нѣмы по вопросамъ

религіи и церкви. Одинъ изъ ея друзей, Гриммъ, писалъ полупуштя полусерьозно что въ ея гостиной нельзя говорить „ни о дѣлахъ внутреннихъ, ни о дѣлахъ вѣнскихъ, ни о городскихъ, ни о дѣлахъ Сѣвера, ни о дѣлахъ Юга, ни о дѣлахъ Востока, ни о дѣлахъ Запада, ни о политикѣ, ни о финансахъ, ни о мирѣ, ни о войнѣ, ни о религіи, ни о правительствѣ, ни о богословіи, ни о метафизикѣ, ни о грамматикѣ, ни о музыкѣ, ни о чемъ бы то ни было.“ На самомъ же дѣлѣ гости гжи Жоффренъ говорили обо всемъ, но съ извѣстною сдержанностью, отвѣчавшею чувству мѣры которымъ отличалась хозяйка. Въ эпоху когда наиболѣе процвѣтала ея салонъ, то-есть въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, еще была возможность удерживать этотъ миролюбивый тонъ умѣренности и безстрастія—нарождавшіяся новыя идеи еще не облеклись въ свои рѣзкія формы и могли быть высказываемы никого не утрашая и не оскорбляя. Но въ семидесятыхъ годахъ многіе изъ обычныхъ гостей гжи Жоффренъ начинали уже тяготиться сдержаннымъ тономъ царствовавшимъ въ ея салонѣ, и предпочитали собираться у барона Гольбаха и у гжи Гельвеціусъ, гдѣ чувствовали себя гораздо свободнѣе. Еслибы гжа Жоффренъ прожила еще десять лѣтъ, замѣчаетъ г. Муи, ея собранія уже не удовлетворяли бы чрезвычайному возбужденію овладѣвшему философи, эконоmistами и политическими людьми. Предчувствіе бурь уже омрачало горизонтъ, умы искали движенія и шума, и гостиной гжи Жоффренъ предстояло бы олустить есаибъ эта женщина не имѣла счастья умереть раньше чѣмъ измѣнился характеръ французскаго общества и парижской жизни.

Оближеніе со Станиславомъ-Августомъ произошло когда гжѣ Жоффренъ было уже за пятьдесятъ лѣтъ. По выраженію г. Муи, она впрочемъ всегда казалась старушкой, до такой степени ея умъ и ея обращеніе носили печать благожелательной и мудрой олытности, благодушія и ясности. Домъ ея былъ устроенъ соотвѣтственно ея мирнымъ вкусамъ: въ немъ дышали мягкимъ и теплымъ воздухомъ, наломившимъ нѣсколько теллицную атмосферу, но какъ нельзя лучше подходившимъ ко вкусамъ и привычкамъ литературныхъ людей того времени. „Тогдашніе люди“, говоритъ г. Муи, „при всей смѣлости ихъ доктринъ, вовсе не походили на уличныхъ атлетовъ; они не были привычны къ дѣятельности и остава-

лись исключительно мыслителями, писателями и болтунами. Они любили, сидя у камина, спокойно развивать—кто въ несколько напыщенныхъ фразахъ, кто въ простомъ и ясномъ стилѣ составляющемъ настоящій французскій языкъ—опасныя системы и скептическія теоріи, долженствовавшія въ послѣдствіи перевернуть міръ; по странной противоположности между дѣйствіями и причинами, столь страшная политическая и социальная революція подготавливалась втихомолку, въ тиши кабинетовъ, въ мягкой атмосферѣ гостиныхъ. Страшное дѣло! Этотъ мирный домъ гдѣ общество того времени тихо сподилось подъ предсѣдательствомъ старушки, любившей покой и скромную бесѣду, былъ необходимою лабораторіей величайшей нравственной и политической смуты когда-либо потрясавшей міръ.“

Предчувствіе этой бури не омрачало гжи Жоффренъ; она не подозрѣвала пожара тлѣвшаго подъ лепломъ ея мирнаго очага. Тогда какъ Мше Тавсенъ, отъ которой она наследовала ея литературныхъ друзей—Фонтенеля и Монтескьё, глядѣла на будущее съ тревогой и почти предсказывала революцію, гжа Жоффренъ не имѣла никакихъ безлокойныхъ предчувствій и не подозрѣвала опаснаго вліянія какое имѣла на общество ея друзья-литераторы. Быть-можетъ это происходило оттого что сама на себѣ она этого вліянія ни мало не ощущала. Вращаясь въ кругу философовъ и скептиковъ, она сохраняла неприкосновенными свои религиозныя вѣрованія и хотя не была слишкомъ ревностною католичкой, но охотно соблюдала всѣ церковныя обряды и не подавала повода подозрѣвать себя въ скептицизмъ которымъ были заражены ея друзья. Религиозность ея впрочемъ была, какъ кажется, не столько дѣломъ убѣжденія сколько результатомъ привычки и врожденнаго уваженія къ преданію. Гжа Жоффренъ и въ своей домашней жизни была работъ привычки, преданія, установившагося нравственнаго и матеріальнаго комфорта. Она терпѣть не могла перемѣнъ, потрясеній; придерживалась прошлогоднихъ модъ и кажется заблаговременно усвоила себѣ всѣ привычки и всю обстановку старости чтобы не быть вынужденной мѣнять что-либо въ послѣдствіи.

Характеристика гжи Жоффренъ была бы не полною если бы мы упустили изъ виду то что было почти главнымъ дѣломъ ея жизни, что составляло ея счастье и что вытекало изъ всей ея натуры—именно ея широкую благотворитель-

ность. Здѣсь, какъ и во всемъ, она умѣла украшать каждое свое дѣйствіе деликатностью и тактомъ, въ той же мѣрѣ привлекавшими всеобщія симпатіи какъ и самыя благодѣянія. Одинъ изъ ея биографовъ разказываетъ что часто она нарочно постижала знакомыхъ, бѣдность которыхъ ей была извѣстна, чтобы высмотрѣть чего именно имъ недостаетъ въ ихъ скромномъ жилищѣ. Рѣшивъ послать имъ такую-то вещь, она уже не могла успокоиться пока не приводила своего намеренія въ исполненіе, словно ее тяготилъ личный долгъ. Литературные друзья ея пользовались постоянно ея денежною помощію, нѣкоторые получали отъ нея даже пенсіи; въ числѣ послѣднихъ были Даламбертъ и дѣвица Лестивасъ. Приходя на помощь людямъ самолюбивымъ и раздражительнымъ, она умѣла благотворить щадя самую щепетильную щекотливость. Одинъ изъ ея знакомыхъ, зайдя къ ней въ воскресенье, когда она никого не принимала, засталъ ее за завертываньемъ въ пакетики небольшихъ денежныхъ суммъ; эти пакетики предназначались для темнаго бѣднаго люда. „Я принудилъ ее признаться“, говоритъ заставшій ее за этимъ занятіемъ, „что такое употребленіе воскреснаго уединенія было для нея пріятнѣе чѣмъ вечеръ который она должна была дать на другой день лучшему обществу.“ Между прочимъ о ней разказывали слѣдующій случай, характеризующій ея великодушную чувствительность: Знаменитый скульпторъ Бушардонъ прислалъ ей двѣ великолѣпныя вазы заказанныя ею для своей гостиной. Когда двое рабочихъ принесли ихъ, крышка на одной оказалась разбитою. Рабочіе сознались что это сдѣлалъ третій ихъ товарищъ, не послѣдній явиться въ вѣстѣ съ ними, и что хозяинъ тотчасъ его прогналъ, какъ только узналъ о его неосторожности. Они прибавили что несчастный имѣетъ жену и четырехъ дѣтей. Гжа Жоффривъ увидѣла ихъ что она ничего не скажетъ Бушардону, и поручила имъ успокоить своего товарища. Но этого показалось ей недостаточно; ее мучила мысль что рабочій много страдалъ отъ безлюбовства, и что она должна вознаградить его. Она позвала одного изъ своихъ слугъ, велѣла ему сходить къ Бушардону, спросить тамъ такого-то и отдать ему 12 ливровъ, а 8 ливра двумъ его товарищамъ, которые такъ хорошо говорили о немъ. Многіе да, спрашиваетъ г. Муа, поступили бы такимъ образомъ, въ особенности когда дѣло шло объ артистическомъ произведеніи

Бушардона? Разсылая вокругъ себя благодарѣнія, гжа Жоффренъ не любила когда ей что-нибудь дарили. Однажды императрица Екатерина прислала ей мѣха, а императрица Марія-Терезія фарфоровый сервизъ. „Вотъ, сказала гжа Жоффренъ, прекрасные подарки, достойные обѣихъ императрицъ; но сама я совсѣмъ не достойна ихъ, потому что не ношу мѣховаго платья и никогда не буду пить изъ этого фарфора. Я какъ Лафонтеновскій лѣтухъ, нашедшій жемчужное зерно.“

Съ этимъ характеромъ, полнымъ доброты, простодушія и любви, среди этой жизни, наполненной свѣтлыми, мирными, чисто нравственными впечатлѣніями, гжа Жоффренъ выработала въ себѣ то счастливое, неизмѣнное, жизнерадостное равновѣсіе духа, которое составляло главное ея очарованіе. Ея врожденная веселость, вытекавшая изъ чистой совѣсти и внесеннаго въ жизнь строгаго порядка, сообщала ея личности обаятельную прелесть. Свѣтскія женщины искали ея обаянія, чтобъ освѣжиться подавъ нея отъ утомительныхъ впечатлѣній модной жизни. „Я такъ весела, писала она къ Станиславу-Августу, что цѣлый рой молодыхъ двадцатилѣтнихъ дамъ является навѣститъ меня, когда имъ хочется позабавиться. Я заставляю ихъ помирать со смѣху. Мне Эгмонтъ во главѣ ихъ. Онѣ часто просятъ чтобъ я сдѣлала имъ маленькій ужинъ. Я журю ихъ за употребленіе какое онѣ дѣлаютъ изъ своей молодости, и внушаю имъ чтобъ онѣ приготовили себѣ такую же здоровую и веселую старость какъ моя.“ Веселая сама, гжа Жоффренъ терпѣть не могла скучныхъ людей и скучныхъ разказовъ. Гриммъ передаетъ въ своихъ письмахъ что однажды графъ Куанъ, обѣдая у нея, началъ какую-то нескончаемую исторію. Въ довершеніе всего онъ досталъ изъ кармана крошечный ножичекъ и принялся ковырять имъ въ кускѣ говядины, что само по себѣ могло уже разстроить нервы. При этомъ онъ продолжалъ свою исторію, никакъ не приходившую къ концу. Гжа Жоффренъ, выведенная изъ терпѣнья, прервала его словами: „Графъ, надо имѣть большіе ножи и маленькіе разказы.“

Всеобщая любовь, уваженіе и почетъ окружавшіе гжу Жоффренъ, не сдѣлали ее тщеславною. Скромность и искренность остались главными чертами ея характера. Когда Станиславъ-Августъ просилъ ее прислать ему свой портретъ во весь ростъ, просьба эта сильно смутила старушку. Она отвѣ-

чала ему письмомъ, подъ шутивую и осторожную формой заключающимъ рѣшительный отказъ. „Вотъ что гжа Жоффренъ, жительствующая въ улицѣ Сентъ-Оморѣ, отвѣчаетъ относительно своего портрета — писала она въ этомъ письмѣ.—Она припоминаетъ что въ бытность въ Варшавѣ, въ минуту восторженной любви къ своему королю, она обѣщала ему прислать оригиналъ своего портрета, писаннаго Наттѣе, но возвратясь домой и сдѣлавшись хладнокровнѣе, она нашла что это будетъ дерзостью съ ея стороны, послать свой портретъ въ Польшу. Онъ очень великъ, она представлена на немъ красивою дамою, ей показалось смѣшнымъ послать это. Надо мнѣ разказать маленькую сказку вашему величеству. Здѣсь есть одинъ вольводумецъ, по имени Дебарро, нынче уже обратившійся на луть истины. До своего обращенія, онъ вздумалъ однажды съѣсть въ Страстную пятницу личицу съ саломъ, вмѣстѣ съ своими друзьями, такими же вольводумцами. Пока они ѣли эту личицу, случилась буря, и страшный ударъ грома. Дебарро былъ оглушенъ. Онъ открылъ окно, и выбросивъ въ него личицу, проговорилъ: вотъ ужъ слышкомъ много шуму изъ-за личицы съ саломъ! Съ тѣхъ поръ это у насъ сдѣлалось пословицей: когда одно не отвѣчаетъ другому, мы говоримъ: слышкомъ много шуму изъ-за личицы съ саломъ! Когда увидать при вашемъ дворѣ мой большой и прекрасный портретъ, занимающій такъ много мѣста, скажутъ: вотъ ужъ слышкомъ много шуму изъ-за личицы съ саломъ! И я сдѣлаюсь личицей съ саломъ.“

Такими симпатичными чертами рисуется эта женщина, связавшая свое имя съ самыми громкими именами XVIII вѣка и умѣвшая заслужить всеобщее уваженіе и извѣстность въ эпоху столь богатую талантами и знаменитостями всякаго рода. Познакомивъ читателя съ этою личностью, мы можемъ перейти къ ея вѣчному другу, съ которымъ ее связывала до самой смерти вѣжная и трогательная привязанность и которому переписка съ нею доставляла одно изъ самыхъ дорогихъ удовольствій.

Станиславъ-Августъ познакомился съ гжою Жоффренъ еще до избранія его на польскій престолъ, въ бытность свою въ Парижѣ въ 1753 году, куда отецъ его пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ по нѣкоторымъ семейнымъ дѣламъ. Салонъ гжи Жоффренъ въ то время уже имѣлъ значеніе „учрежденія“, куда каждый знатный иностранецъ, пріѣзжавшій въ Парижъ,

старался проникнуть. Гжа Жоффрень обласкала молодого человека, повравившагося ей съ перваго взгляда, и приняла его самымъ рѣшительнымъ образомъ подъ свое покровительство.

Молодой графъ былъ четвертый сынъ Станислава Цюлека-Понятовскаго, главнаго начальника артиллеріи Рѣчи Посполитой. Между молодежью своей страны и своего времени онъ отличался весьма солиднымъ воспитаніемъ, которымъ руководила умная и энергичная мать его, рожденная Чарторыйская. Родъ Понятовскихъ занималъ въ Польшѣ весьма видное положеніе, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ вступилъ въ свойство съ Чарторыйскими. Тщательное воспитаніе должно было возвысить природныя качества Станислава-Августа, отличавшагося благородною добротой, веселостью и положительнымъ расположеніемъ къ литературѣ и искусствамъ. Онъ былъ любимымъ сыномъ матери, возлагавшей на него всѣ свои надежды. Разказываютъ что знаменитый тогдашній астрологъ, докторъ Формика, предсказалъ ей что младшему сыну ея предстоитъ королевскій вѣнецъ. Вслѣдствіе ли этого предсказанія, или по естественному материнскому предчувствію, Констанція Чарторыйская не только заботилась дать этому сыну боѣе тщательное воспитаніе, но и старалась развить въ немъ честолюбіе. Не безъ наѣвренія дала она ему и имена Станислава и Августа, напоминавшія двухъ королей Польскихъ. Заботы матери не были растрчены лонапрасну: младшій Понятовскій въ совершенствѣ усвоилъ себѣ образованіе того времени и отличался тѣми блестящими внѣшними качествами, которыя пріобрѣли ему столько успѣховъ въ высшемъ свѣтѣ. Когда онъ, двадцати лѣтъ отъ роду, былъ привезенъ своимъ отцомъ въ Парижъ, его утонченныя манеры и изящество въ обращеніи были замѣчены взыскательнымъ обществомъ этой наиболѣе эlegantной столицы. „Въ самомъ дѣлѣ — писала графиня Брюль герцогиня де-Бранкасъ — имъ нельзя достаточно хвалиться. Я не встрѣчала иностранца который бы такъ выгодно себя заявлялъ. Онъ изучалъ повидимому законы, нравы и обычаи не только Польши, но и странъ съ которыми она входитъ въ сношенія. Онъ знаетъ нашу исторію, анекдоты каждаго царствованія; его разговоръ пріятенъ и гораздо выше разговоровъ большинства нашихъ Французовъ. Онъ старается всему научиться; нѣтъ такого предмета

которымъ бы онъ не занимался и о которомъ бы не говорилъ очень хорошо, безъ тщеславія, скромно.“ Справедливость требуетъ впрочемъ сказать что молодость брала свое, и пребываніе Станислава-Августа въ Парижѣ ознаменовалось множествомъ приключеній свидѣтельствовавшихъ о его легкомысліи. Онъ самъ говорилъ о себѣ что въ то время голова его была „богато меблирована“, но еще очень зелена. Брошенный въ водоворотъ парижской жизни, ласкаемый въ избранномъ обществѣ, онъ нѣсколько неосмотрительно отдался жаднѣ наслажденій, столь естественной въ молодомъ человѣкѣ съ такимъ привилегированнымъ положеніемъ. Впрочемъ этотъ періодъ его жизни продолжался всего только пять мѣсяцевъ: его неломѣрная издержки и слишкомъ громкія приключенія заставили стараго Понятовскаго поскорѣе вызвать его въ Польшу, гдѣ его ждало званіе стольника литовскаго и затѣмъ посланника Рѣчи Посполитой при Русскомъ дворѣ. Извѣстна блестящая и опасная роль Станислава-Августа въ Петербургѣ и чувство влеченное ему молодою великою кнѣгиней, будущею императрицею Екатериной. Это чувство было искренне и глубоко; гораздо позднѣе, будучи уже королемъ польскимъ, онъ еще находилъ его въ себѣ, вопреки всѣмъ разчетамъ политики и давленію національной вражды. Петербургскія воспоминанія долго сохраняли власть надъ нимъ, какъ это видно изъ писемъ его къ гжѣ Жоффренъ. Въ нихъ, кромѣ того, была завязка дальнѣйшихъ событій въ его жизни. Императрица Елисавета всѣми мѣрами старалась удалить его отъ своего двора, въ чемъ ей помогалъ маркизъ Дюпаль, резидентъ Людовика XV въ Петербургѣ; Августъ III, тогдашній король польскій, нашелся вынужденнымъ удовлетворить этимъ настояніямъ и отозвалъ Понятовскаго. Послѣдній вернулся въ Варшаву съ глубокимъ раздраженіемъ противъ правительства и присталъ къ оппозиціи образовавшейся тамъ противъ Августа III и его саксонскаго министра Брюля. На сеймѣ 1762 года, гдѣ Брюль заставлялъ посломъ отъ города Варшавы, Понятовскій протестовалъ противъ присутствія иностранца въ числѣ представителей страны. Споръ этотъ раздѣлялъ сеймъ на двѣ партіи, взявшіяся тотчасъ за сабли. Кровь была бы пролита, еслибы сеймовый маршалъ не закрылъ собранія. Опираясь на поддержку старшаго брата и двухъ дядей Чарторыйскихъ, Понятовскій съ этого времени занялъ лервенствующую

щее мѣсто въ политической борьбѣ волновавшей Варшаву, и какъ представитель національной партіи, выступившей противъ саксонской династіи, пріобрѣлъ чрезвычайную популярность среди шляхты. Возвышенію содѣйствовали также и родственныя связи съ знатнѣйшими польскими фамиліями: кромѣ Чарторыйскихъ онъ былъ въ родствѣ съ Радзивілами, Браницкими, Любомірскими. Между всѣми политическими людьми тогдашней Рѣчи Посполитой онъ соединялъ въ себѣ наиболѣе условій для того чтобы въ случаѣ смерти Августа III выступить претендентомъ на польскій престолъ.

Важнѣйшимъ изъ этихъ условій было, конечно, могущественное покровительство новой Русской императрицы. Хотя она рѣшительнымъ образомъ отклоняла его настоянія пріѣхать въ Петербургъ, опасаясь чтобы появленіе его не произвело неблагопріятнаго впечатлѣнія при ея дворѣ, но она продолжала поддерживать съ нимъ переписку, и въ этой перепискѣ кандидатура его на польскій престолъ заранѣе была признана дѣломъ рѣшеннымъ. Екатерина II понимала какъ вельзя лучше насколько избраніе Понятовскаго отвѣчало самымъ серіознымъ интересамъ Россіи. Она хорошо знала бывшаго представителя Рѣчи Посполитой при дворѣ Елисаветы, цѣнила его личныя достоинства, его просвѣщенную вѣротерлимость, обѣщавшую улучшеніе участи диссидентомъ, его миролюбивыя наклонности и дружественное расположеніе къ Петербургскому кабинету. Императрица понимала что обязанный ей своимъ избраніемъ, Станиславъ-Августъ будетъ доступенъ русскому вліянію, тѣмъ болѣе что и съ однимъ изъ европейскихъ дворовъ онъ не имѣлъ связей, которыя могли бы противодѣйствовать его сближенію съ Россіей. Въ письмѣ посланномъ ему тотчасъ по вступленіи на престолъ, Екатерина прямо сообщила: „Немедленно отправляю графа Кейзерлинга посланникомъ въ Варшаву, съ тѣмъ чтобъ онъ сдѣлалъ васъ королемъ по смерти нынѣшняго, а если ему не удастся возвести васъ, то князя Адама (Чарторыйскаго)“. Фридрихъ Великій охотно раздѣлялъ планы Екатерины: Пруссія въ то время увидѣла себя совершенно изолированной въ Европѣ и искала случая сблизиться съ Россіей. Несмотря на то что въ Польшѣ существовала довольно сильная партія предлагавшая престолъ брату Фридриха Гевриху, король предпочелъ поддерживать Понятовскаго, разчитывая этою цѣной пріобрѣсть признатель-

ность Русской императрицы. Въ мартѣ 1764 года, между обоими дворами состоялся договоръ, въ силу котораго Россія и Пруссія обязывались противодѣйствовать всякой попыткѣ измѣнить дѣйствовавшую въ Польшѣ конституцію и оказывать совмѣстное покровительство диссидентамъ православнаго и лютеранскаго исповѣданій. Независимо отъ того, секретною конвенціей оба двора условились содѣйствовать избранію на польскій престолъ претендента изъ дома Пастовъ, а именно Станислава-Августа Понятовскаго. Для того чтобы придать своей политикѣ въ Варшавѣ болѣе энергіи, Екатерина послала туда, въ помощь Кейзераингу, князя Репнина, къ настойчивости и способностямъ котораго она имѣла полное довѣріе.

Прочія европейскія правительства повидимому мало расположены были оказывать противодѣйствіе видамъ Россіи и Пруссіи. Франція и Австрія лучше желали бы видѣть на престолѣ Польши принца изъ Саксонскаго дома, и обратили свои взоры на Ксаверія, втораго сына Августа. Но въ виду дѣятельнаго вмѣшательства двухъ сѣверныхъ державъ, необходимо было приступить къ самому энергическому образу дѣйствій для того чтобы доставить значеніе этой кандидатурѣ; между тѣмъ ни Людовикъ XV, ни Марія-Терезія не были расположены жертвовать войсками и деньгами ради дѣла не касавшагося близко ихъ существенныхъ интересовъ. Императрица Австрійская ограничилась дипломатическою нотой въ которой говорилось о неприкосновенности правъ Польскаго народа на свободное избраніе своихъ государей и заключались неясныя угрозы противъ посягающихъ на эти права; вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ было вѣдомо что Австрія не намѣрена поддерживать Ксаверія Саксонскаго ни деньгами, ни войсками, и что участіе ея въ этомъ дѣлѣ не выйдетъ изъ предѣловъ дипломатической переписки. Людовикъ XV, высказывая свои симпатіи къ Саксонскому принцу, точно также не скрывалъ что „не намѣренъ начинать войны изъ-за Поляковъ“; онъ держалъ себя въ этомъ дѣлѣ вообще крайне безтактно, обнаруживая неудовольствіе по поводу русско-прусскаго вмѣшательства и не предпринимая ничего для противодѣйствія ему; такимъ образомъ французское правительство въ концѣ-концовъ оказалось потерпѣвшимъ поражение въ дѣлѣ, въ которомъ оно собственно и не участвовало. Вліяніе Англіи въ ту эпоху было совершенно ничтожно,

и съ видами ея никто даже не справлялся. Россія и Пруссія являлись единственными распорядительницами судьбы Польши, и принялись дѣйствовать съ настойчивостью, заставляяшею заранее предвидѣть исходъ выборовъ. Петербургскій и Берлинскій дворы прежде всего заявили категорически что они не полустятъ избранія никакого иностраннаго принца; затѣмъ десять тысячъ русскаго войска вступили въ предѣлы Польши, а Фридрихъ Великій двинулъ къ границѣ значительные отряды „для того чтобъ убѣдить этихъ республиканцевъ—какъ говорить онъ самъ въ своихъ *Межуархъ*—также какъ и иностранныя державы, въ томъ что если кто захочетъ вмѣшаться въ выборы въ противность волѣ Россіи и Пруссіи, тотъ будетъ имѣть съ ними дѣло, и хорошо сдѣлаетъ если прежде не разъ подумаетъ о томъ.“

Положеніе дѣлъ въ самой Польшѣ предоставляло полный просторъ вмѣшательству сосѣдей. Страна была жертвой внутреннихъ раздоровъ; партіи не имѣли никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, и провинціальныя сеймики, задачей которыхъ было приготовить избраніе, находились во власти вооруженныхъ бандъ предводимыхъ ни въ чемъ не согласными между собою магнатами. Никогда еще неурядица не достигала такихъ размѣровъ въ этой странѣ, прославившейся своею неспособностью къ самоуправленію. Общее благо, національные интересы, оборона отечества, казалось, были непонятными словами для своевольныхъ гражданъ Рѣчи Посполитой. „Всѣ наши пренія—сказалъ примасъ Польши на избирательномъ сеймѣ—не приводятъ ни къ чему, намъ недостаетъ силы пособить себѣ, недостаетъ мужества помочь своей долѣ. Намъ не на что положиться, у насъ нѣтъ ни правительства, ни войска, ни крѣпостей, ни гарнизоновъ, ни защищенныхъ границъ. Скажемъ смѣло, королевство походить на раскрытый домъ, на жилище разоренное вѣтрами, на зданіе безъ хозяина, готовое рушиться на своихъ потрясенныхъ основахъ. Рука Господня готова отяготѣть надъ истощенною страной.“

Серіозными претендентами на престолъ Пястовъ являлись только принцъ Ксаверій Саксонскій и графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій. Первый, независимо отъ дипломатической поддержки Австріи и Франціи, опираясь на двѣ вліятельныя партіи, воеводы виленскаго князя Радзивилла и короляго гетмана графа Брауцкаго. Оба они, и Радзивиллъ и

Браницкій, были въ родствѣ съ домомъ Понятовскихъ, но личные расчеты и отношенія заставляли ихъ противиться всѣми мѣрами избранію Станислава-Августа. Послѣдній, опираясь главнымъ образомъ на русско-прусское вмѣшательство, въ то же время находилъ сильную поддержку въ своихъ дядяхъ Чарторыйскихъ, которые сами могли бы быть очень серьезными кандидатами на престолъ, но предпочли уступить свои шансы молодому племяннику, при которомъ рассчитывали играть первенствующую роль въ государствѣ. Кромѣ того, на сторонѣ Понятовскаго была значительная часть шляхты, смотрѣвшая на Саксонскаго принца какъ на чужеземца и желавшая видѣть на тронѣ кроваваго Пяста.

Сторонники саксонской династіи сами проиграли свое дѣло. Понимая всю важность какую представляло въ настоящую минуту присутствіе русскихъ войскъ подъ самыми стѣнами сейма, они рѣшились на отчаянную попытку, съ оружіемъ въ рукахъ принудить эти войска очистить Польшу. Радзивиллъ и Браницкій лично выступили во главѣ собранной ими арміи. Но русскія войска нанесли имъ нѣсколько жестокихъ пораженій, вслѣдствіе которыхъ оба они принуждены были спастись бѣгствомъ въ Придунайскія княжества. Радзивиллъ былъ лишенъ своихъ помѣстій и виленьскаго воеводства, Браницкій хотя сохранилъ званіе коронаго гетмана, но главныя прерогативы этой почти совершенно самостоятельной должности были отняты. Русскія войска получили значительныя подкрѣпленія, и сеймъ возобновился подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ.

6го сентября 1764 года, послѣ торжественнаго богослуженія въ соборѣ Св. Яна, сеймъ удался на избирательное поле. Графъ Кейзерлингъ вручилъ избирателямъ меморандумъ, которымъ чины Рѣчи Посполитой извѣщались что Русская императрица желаетъ видѣть на польскомъ престолѣ Станислава-Августа. Пренія были непродолжительны. Изъ одиннадцати пословъ отъ воеводствъ польскихъ, семеро немедленно высказались за Понятовскаго. Остальные присоединились къ большинству, и такимъ образомъ избраніе состоялось единогласно, при восторженныхъ кликахъ и рукоплесканіяхъ шляхты, окружавшей сеймъ.

Молодой король Польскій былъ полонъ восторга и надеждъ. Но никогда можетъ-быть врожденное легкомысліе его не выразилось такъ явно, какъ въ настоящемъ случаѣ. Олѣ

какъ будто не сознавалъ чему и кому была обязанъ своимъ избраніемъ, и въ улсеніи торжества писалъ гжѣ Жоффренъ что „во всей нашей исторіи еще не было примѣра избранія такого спокойнаго и такъ безусловно единодушнаго“. Съ непростительною въ его положеніи наивною вѣтренностью онъ прибавлялъ тутъ же: „Всѣ знатнѣйшія дамы Королевства присутствовали на избирательномъ полѣ, въ тоалѣ дворянъ... и я имѣлъ удовольствіе быть провозглашеннымъ устами всѣхъ женщинъ, также какъ и устами всѣхъ мужчинъ моего народа, присутствовавшихъ при избраніи — потому что примасть, проходя предъ ихъ колясками, въ самомъ дѣлѣ имѣлъ любезность спросить ихъ, кого бы онѣ хотѣли сдѣлать королемъ“... Эти откровенныя строки сорвавшіяся съ пера Станислава-Августа почти на другой день послѣ важнѣйшаго событія его жизни, очень ярко его рисуютъ и свидѣтельствуютъ до какой степени онъ, несмотря на привлекательныя качества ума и характера, былъ ниже вылавшей на его долю трудной и суровой задачи.

Познакомивъ читателя съ обѣими личностями интимная переписка которыхъ оцѣлилась выше достоинствомъ публички, мы можемъ перейти теперь къ обзорѣнію этого любопытнаго матеріала. Мы будемъ, конечно, останавливаться преимущественно на томъ что представляетъ интересъ болѣе исторической. Слѣдуетъ однако сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ какія существовали между Станиславомъ-Августомъ и гжею Жоффренъ и какія рисуются въ ихъ перепискѣ. Мы видѣли что они встрѣтились впервые когда гжа Жоффренъ была уже старуха. Этого обстоятельства достаточно чтобъ устранить предположеніе о чемъ-нибудь романтическомъ въ ихъ привязанности. Дѣйствительно, ихъ близкая связь основывалась на чувствахъ совершенно другаго рода. Станиславъ-Августъ былъ поручень отцомъ ея материнскому попеченію. Подъ ея покровительствомъ онъ вступилъ въ парижскій свѣтъ, въ ея салонѣ онъ завязалъ свои первыя блестящія знакомства, она была первою свидѣтельницей его успѣховъ въ элегантномъ мірѣ. Вѣроятно она же первая и журила его за опрометчивость и легкомысліе молодости, сопровождавшія ранніе шаги его свѣтской жизни. Изъ этихъ отношеній, полныхъ благородства, простоты и искренности, родилась привязанность, соединившая ихъ до самой смерти гжи Жоффренъ. Безъ всякаго сомнѣнія, по отъѣздѣ его изъ

Парижа между ними завязалась переписка, не сохранившаяся въ семейномъ архивѣ графовъ Появтовскихъ. Въ началѣ эта переписка, какъ можно думать, не отличалась постоянствомъ и исправностью, но вступленіе Станислава-Августа на престолъ дало ей новую лицу. Это событіе вмѣсто того чтобъ охладить существовавшія между ними отношенія, напротивъ, еще болѣе оживило ихъ. Гжа Жоффренъ не могла остаться нечувствительною къ этой сыновней привязанности, славшей ей привѣтъ съ высоты трона. Она гордилась торжествомъ Станислава, какъ своимъ собственнымъ успѣхомъ; она видѣла своего, близкаго челоуѣка въ этомъ юношѣ, призванномъ отнынѣ играть историческую роль. „Она начала съ нимъ съ тѣхъ поръ болѣе постоянную переписку—говорить г. Муи—подлую чисто-материнской нѣжности; ея письма, съ ихъ сердечными порывами, страстною заботливостью, бурною целетильностью чувства, разнообразнымъ содержаніемъ, представляютъ нѣчто совсѣмъ исключительное, однаково любопытное по живости чувства и по фамилиарности тона, и въ особенности по этому обилію идей, установившемуся до самой смерти Мише Жоффренъ между государемъ, поставленнымъ въ такое драматическое положеніе, и простою парижскою буржуазіей.“ Въ этой перепискѣ гжа Жоффренъ часто измѣняетъ своему сдержанному характеру, и изъ-подъ ея пера вырываются выраженія которыя могли бы подать поводъ предполагать въ ней чувство болѣе страстное чѣмъ дружба, еслибъ ея дѣла не ставили ея внѣ всякаго подозрѣнія. Какъ обращикъ чрезвычайнаго экстаза, мало отвѣчавшаго чувству нѣры постоянно въ ней присутствовавшему, приведемъ на примѣръ слѣдующія строки, которыми она отвѣчала на первое письмо короля по востшествію на престолъ: „Дорогой сынъ мой, дорогой король, дорогой Станиславъ-Августъ, вотъ три лица въ одномъ! Вы моя троица. Вообразите, если это возможно, мой радостный восторгъ при полученіи вашего божественнаго письма отъ 9го сентября. Я видѣла въ васъ нашего добраго Генриха IV, а въ себѣ—вашего Сюлли.“

Улоеніе торжества овладѣвшее Станиславомъ-Августомъ въ первые дни царствованія весьма скоро должно было уступить печалямъ и заботамъ, связаннымъ съ его труднымъ положеніемъ. Обстановка въ которой онъ себя увидѣлъ не заключала въ себѣ ничего обладаживающаго. Анархія не была устранена съ окончаніемъ междуцарствія. Молодой

король видѣлъ себя лицомъ къ лицу съ могущественными врагами, во главѣ которыхъ попрежнему стали Радзивиллы и Браицкій, готовые выместить на немъ свои недавнія неудачи. Около нихъ группировалась масса недовольныхъ, какихъ всегда было много въ Польшѣ—людей чуждыхъ всякой національной идеи, привыкшихъ считать анархію естественнымъ состояніемъ страны и жаждавшихъ замѣшательства, чтобы въ мутной волѣ ловить рыбу. Дворянство проживало свою страну. Рѣчь Посполитая нуждалась въ сильной центральной власти, которая заставила бы замолкнуть междуусобія, оградила бы самоуправство вельможъ, поставила бы интересы государства на мѣсто интересовъ своевольнаго панства, не хотѣвшаго слышать о нуждахъ правительства и народа. Молодой король имѣлъ смутное сознаніе этой исторической потребности страны, сдѣлавшейся особенно настоятельною съ тѣхъ поръ какъ обѣ сѣднія державы, на западѣ и востокѣ, сплотились въ централизованныя, сильныя массы. Онъ имѣлъ врожденное расположеніе къ порядку, къ благоустройству, его воззрѣнія склонялись къ европейскому идеалу государства, имъ были усвоены политическія идеи вѣка, направлявшіяся къ равномерному распредѣленію правъ между всеми сословіями народа. Но онъ долженъ былъ очень скоро сознать всю невозможность приложить эти идеи и симпатіи къ дѣйствительности, надъ которою ему пришлось царствовать. Внутри, онъ встрѣчалъ застарѣлыя анархическія привычки, непреодолимый партикуляризмъ шляхетныхъ родовъ, неспособныхъ возвыситься до понятія о національномъ интересѣ, безобразную конституцію съ ея сеймами, сеймиками, *liberum veto*, гетманами, воеводами, конфедераціями, маленькими арміями въ каждомъ магнатскомъ помѣстьи, бурнымъ самоуправствомъ пановъ и тяжкимъ рабствомъ народа. Извнѣ затрудненія были двоякаго рода: они исходили и отъ нескрываемаго недоброжелательства Австріи и Франціи, и отъ дружественнаго вмѣшательства Россіи и Пруссіи, установившаго надъ правительствомъ Станислава-Августа бдительную и дѣятельную олеку. Это вмѣшательство, давая королю опору противъ враждебныхъ ему партій, въ то же время плодило новыхъ враговъ ему среди буйной шляхты, косившейся на иномземное давленіе и эксплуатировавшей его какъ предлогъ для постоянныхъ возстаній, самоуправствъ и насилій.

Дипломатическое примиреніе съ Франціей сдѣлалось первою заботой Станислава-Августа. Въ томъ самомъ письмѣ къ гжѣ Жоффренъ которымъ онъ извѣщалъ ее о своемъ вступленіи на престолъ, онъ выражаетъ свою заботу о томъ какимъ образомъ доставить это извѣщеніе Лудовику XV, такъ какъ французскій посланникъ былъ отозванъ изъ Варшавы еще во время междоусобія. Отозваніе это сопровождалось взаимными неудовольствіями между представителемъ короля Французскаго и архіепископомъ Гнѣзненскимъ, въ лицѣ котораго во время междоусобія сосредоточивалась исполнительная власть; Лудовикъ XV смотрѣлъ на эти пререканія какъ на оскорбленіе нанесенное чести Франціи, и въ которое время отклонялъ домогательства Станислава-Августа о признаніи его со стороны Версальскаго кабинета. Такъ какъ ни Французскій дворъ въ Варшавѣ, ни Варшавскій въ Версалѣ не имѣли своихъ представителей, то новый король Польскій поручилъ своему брату, находившемуся въ австрійской службѣ, передать французскому министру въ Вѣнѣ его письмо къ Лудовику XV, для представленія по принадлежности. Но и эта мѣра не сразу ему удалась. „Я имѣю извѣстіе изъ Вѣны — писалъ онъ къ гжѣ Жоффренъ 3го октября 1764 года — что Генневъ, вашъ бывший здѣшній резидентъ, отказался принять мое письмо къ королю Французскому, которое мой братъ хотѣлъ передать ему, подѣ предлогомъ что по его мнѣнію слѣдовало прежде уладить дѣло примаса (то есть архіепископа Гнѣзненскаго). Мой братъ отвѣтилъ ему, независимо отъ многихъ другихъ доводовъ, которые должны совершенно отбавить вопросъ о моемъ избраніи отъ дѣла примаса, что если мнѣ и слѣдуетъ въ него вмѣшаться, то сначала надо признать меня. Въ концѣ-концовъ Генневъ взялъ копію съ моего письма, повидимому, для того чтобы переслать къ королю Франціи, который узнаетъ такимъ образомъ что отъ него зависитъ имѣть мою дружбу. Его поведеніе будетъ мѣриломъ моего.“ Хотя Лудовикъ XV долженъ былъ повѣрить дружественнымъ намѣреніямъ новаго короля Польскаго, но прошло еще много времени до тѣхъ поръ пока Станиславъ-Августъ былъ признанъ Французскимъ дворомъ.

Впрочемъ, какъ онъ, такъ и гжа Жоффренъ понимали что политическій центръ находился не въ Версалѣ, а въ Петербургѣ. Отношенія Станислава-Августа къ Русской императри-

тридцѣ въ первое время были постоянными предметомъ ихъ переписки. Кроме весьма попятнаго интереса какой возбуждала во всей Европѣ Екатерина II, любопытство гжи Жоффренъ относительно всего происходящаго въ Петербургѣ имѣлось сознаниемъ неизбежнаго и неотразимаго вліянія русской политики на поляскія дѣла. Мы видимъ что съ самаго начала своего царствованія Станиславъ-Августъ находилъ нужнымъ давать гжѣ Жоффренъ объясненія по поводу множества превратныхъ слуховъ ходившихъ въ Парижѣ на счетъ Русской императрицы, и какъ бы защищать ее отъ подозрительнаго отношенія къ ней самой гжи Жоффренъ. „Вы спрашиваете у меня—писалъ онъ ей 20го октября 1764 года—новостей *издалека* (то-есть изъ Петербурга). Дознаю что нѣкто Мировичъ, человекъ отчаянный, вздумалъ освободить принца Ивана, чтобы сдѣлать свою карьеру. Стражи этого несчастнаго принца, видя себя не въ силахъ помѣшать его покищенію, исполнили печальный долгъ, убивъ его. Процессъ Мировича былъ веденъ со всюю торжественностью и съ возможною гласностью, и онъ былъ обезглавленъ. Императрица во всемъ этомъ участвовала только тѣмъ что смягчила приговоръ, осудившій виновнаго быть сожженнымъ живымъ. Я уже шесть лѣтъ не видалъ императрицы, и мало имѣю надежды когда-нибудь увидѣть ее. Это очень тяжелое лишеніе для меня, но надо смотрѣть на него, какъ и на многое другое, скрѣпя сердце.“ Въ другомъ письмѣ Станиславъ-Августъ говоритъ какъ дорога ему репутація императрицы, и съ глубокою признательностью вспоминаетъ слова сказанная ею нѣкогда ему: „я чувствую какую власть имѣетъ надо мною тотъ кого я люблю; Богъ да сохранить васъ для меня“. Хотя это мѣсто въ письмѣ очень темно, и имѣетъ намеки на другое письмо, къ сожалѣнію затерявшееся, но повидимому надо думать что Станиславъ-Августъ, со свойственнымъ ему способностью къ иллюзіямъ, едва ли не считалъ возможнымъ основать на прежнихъ отношеніяхъ къ императрицѣ собственное на нее вліяніе. Гжа Жоффренъ повидимому смотрѣла на дѣло иначе и гораздо болѣе опасалась чрезвычайнаго подчиненія своего любимца вліянію Русской императрицы. „Я хотѣла бы проникнуть во многое касающееся большой дамы—писала она.—Я думаю что когда она говорила: я чувствую власть надо мною того кого я люблю, она дѣйствительно чувствовала это въ ту минуту, и что она искренно

желала сохранить того кто царствовалъ въ ея сердцѣ; но съ тѣхъ поръ можетъ-быть она дѣлала такіе обѣты для другихъ. Я вижу что вы попрежнему интересуетесь ея судьбою. Я узнаю вашу душу и ваше сердце въ этихъ чувствахъ. Вы говорите что не боитесь новаго переророта. А я такъ не вижу какимъ образомъ можетъ устоять это зданіе. Если ея сызъ умретъ, кого возьметъ она въ преемники? И потомъ этого преемника надо будетъ женить. Чтò будутъ думать и дѣлать юные претенденты? Если ея сызъ будетъ живъ, будетъ ли онъ терпѣливо ждать пока очистится мѣсто? Повторяю, я не вижу какъ это можетъ продолжаться.

Въ этихъ строкахъ нельзя не видѣть отголоска того недовѣрія съ какимъ относились въ Европѣ къ императрицѣ Екатерицѣ въ первые годы ея царствованія. Достоинно замѣчанія что и гораздо поздѣе, Понятовскій долженъ былъ подтверждать своимъ авторитетомъ извѣстія о побѣдахъ русскихъ войскъ надъ Турками, которыми повидимому не хотѣли вѣрить въ Парижѣ. „Повторяю вамъ, чтобъ устранить всякое смѣиваніе—писалъ онъ къ гжѣ Жоффренъ въ 1770 году—что Турки любимы, дѣйствительно сильно любимы, достовѣрно и несомнѣнно, на сушѣ и на морѣ, и вы можете вполне этому вѣрить. Признаюсь вамъ что хотя мнѣ давно уже нѣтъ охоты смѣяться, я не могъ удержаться отъ смѣха, встрѣчаясь и съ вашимъ столь новымъ для меня политическимъ любопытствомъ, и съ вашими предосторожностями противъ всякаго недоразумѣнія въ столь важномъ вопросѣ. Но посмѣявшись и удостовѣривъ васъ вполне что Турки прогнаны за Дунай и что ихъ флоты сожжены, возвращаюсь“ и т. д.

Положеніе дѣлъ въ Польшѣ предоставляло широкій просторъ русскому вмѣшательству. Независимо отъ хронической анархіи, на которую сосѣдняя держава не могла смотрѣть безучастно, такъ какъ въ ней заключался источникъ постоянныхъ безлокойствъ, выступалъ на очередь весьма важный вопросъ, затрогивавшій существенные интересы русской политики. То былъ вопросъ о диссидентахъ. Многочисленная масса православнаго населенія въ восточныхъ провинціяхъ Польши издавна чувствовала на себѣ тяжкій гнетъ католическаго правительства, дѣйствовавшаго за одно съ католическою шляхтой и католическимъ духовенствомъ. Диссиденты, то-есть православные и лютеране, мало-по-малу были

лишены всѣхъ политическихъ правъ, и это безправное состояніе ихъ постановленіемъ сейма 1736 года было признано основнымъ закономъ государства. Поставленные въ невыгодное положеніе диссиденты обратились къ защитѣ сосѣднихъ единовѣрческихъ державъ, Россіи и Пруссіи. Екатерина II справедливо признала что вопросъ этотъ требовалъ самаго дѣятельнаго вмѣшательства русской политики, и поддержанная содѣйствіемъ Фридриха II, предписала князю Репнину дѣйствовать энергически на предстоявшемъ въ 1766 году сеймѣ. Личные взгляды Станислава-Августа въ значительной степени совладали въ этомъ вопросѣ со взглядами Екатерины. Онъ не раздѣлялъ нетерпимости большинства своихъ католическихъ подданныхъ и понималъ что угнетая диссидентовъ, страна ослабляла свои собственныя силы. Но предрасудки шляхты и духовенства были такъ сильны что борьба съ ними обѣщала немовѣрныя трудности и опасности. „О, дорогая мать моя, писалъ онъ къ гжѣ Жоффренъ еще въ декабрѣ 1764 года, народныя предрасудки страшная вещь! Я преодолевалъ нѣкоторые изъ нихъ на этомъ сеймѣ, но принужденъ былъ оставить существовать многіе другіе. При малѣйшей попыткѣ въ пользу не-католиковъ поднялся крикъ фанатизма, который я могъ бы (?) подавить, но я предпочелъ сдѣлать видъ что принимаю его въ уваженіе, для того чтобы скорѣе заглушить его, и я открылъ себѣ другой путь, тайный и болѣе долгій, но который въ концѣ-концовъ дастъ мнѣ возможность дѣйствовать по крайней мѣрѣ гуманно относительно иновѣрцевъ моего королевства. Что больше всего повредило имъ и мнѣ въ настоящемъ случаѣ, это то что диссиденты (такъ называютъ здѣсь всѣхъ не-католиковъ) распространили слухъ будто я хочу уравнять ихъ во всемъ съ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, чего никогда не было и не будетъ въ моихъ мысляхъ.“ Изъ этого видно что сознавая невозможность оставить диссидентовъ въ состояніи прежняго угнетенія, Станиславъ-Августъ не умѣлъ возвыситься до мысли о совершенной ихъ равноправности съ католиками, тогда какъ въ этомъ и заключалось единственное рациональное рѣшеніе вопроса. Въ другомъ письмѣ, писанномъ полгода спустя, король, отвѣчая на выраженное гжею Жоффренъ намѣреніе посѣтить Варшаву, такимъ образомъ опредѣлялъ свои затрудненія и заботы: „Вы найдете вашего сына очень занятымъ (не въ этомъ бѣда), но почти

постоянно печально занятымъ составленіемъ плановъ и такъ-сказать черновыхъ замѣтокъ по всевозможнымъ предметамъ, никогда почти не имѣя удовольствія видѣть ихъ осуществленными. Вѣчно сталкиваясь съ предрасудками или злонамѣренностью какъ подданныхъ, такъ и иноземцевъ, какое бы благо ни затѣялъ я, я не имѣю власти осуществить его, и какъ король ограниченный ревнивыми вольностями, и какъ вождь обезоруженнаго народа. Петру I пришлось шлифовать грубый алмазъ, но онъ былъ лопатыи хозяинъ и алмаза, и инструментовъ которые онъ употреблялъ для его шлифовки. А я кажусь самому себѣ мужемъ Ксантиллы, и мнѣ придется развѣ только терпѣніемъ и ловкостью сладить со своею республикой. Прибавьте къ этому мой меланхолическій и чувствительный характеръ, и судите каковъ я, въ особенности когда могущественный союзъ даетъ мнѣ понять что онъ помогъ мнѣ сдѣлаться тѣмъ что я теперь, лишь потому что положилъ противиться всѣми силами возможности съ моей стороны препятствовать ему дѣлать намъ самыя оскорбительныя правонарушенія и обиды.“ Гжа Жоффренъ старалась утѣшить его, предостерегая отъ честолюбивыхъ видовъ императрицы Екатерины и отзываясь съ крайнею строгостью и даже пренебреженіемъ о королѣ Прусскомъ. „Для меня, писала она Станиславу-Августу, онъ рѣдкій человекъ, но я не вижу въ немъ ни великаго человека, ни добродѣтельнаго. У него есть умъ, таланты, но онъ не имѣетъ ни чувства въ сердцѣ, ни добродѣтели въ душѣ. Таланты и успѣхъ создаютъ извѣстность, но только добродѣтель дѣлаетъ репутацію. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ не будутъ говорить о королѣ Прусскомъ. Онъ выигрывалъ сраженія, но гдѣ его дѣла человеколюбія, справедливости, благородства, великодушія? Имѣлъ ли онъ друзей? Сдѣлалъ ли онъ свой народъ счастливымъ? Ничего подобнаго, напротивъ. У него, кромѣ того, есть низкая зависть гаульскихъ людей. Но онъ не гауль, а только завистливъ. Ему хотѣлось бы быть поэтомъ, а вмѣсто того онъ король. Онъ король и живетъ какъ простолюдинъ. Онъ не знаетъ прелести общества, никогда не испытывалъ сладости дружбы, у него нѣтъ достоинства. Наконецъ, онъ не имѣетъ ни одной добродѣтели и много пороковъ, и прячется для того чтобы скрыть ихъ. Наружность его, очень гадкая, несколько не возбуждаетъ моего любопытства; оно еще менѣе было бы удовлетворено, еслибъ онъ показалъ мнѣ свою душу

и свое сердце. Повторяю вамъ, дорогой сынъ мой, я не имѣю ни малѣйшаго желанія его видѣть. Сравнивая его съ вами, я восклицаю: какая разница! Клянусь вамъ, мнѣ не польстило бы вѣжное имя его мамы!»

Планъ поѣздки гжи Жоффренъ въ Варшаву, о которомъ мы уже нѣсколько разъ упоминали, составлялъ цѣлое событіе обращавшее на себя вниманіе всей Европы. Въ то время подобныя путешествія не представлялись дѣломъ легкимъ и обыкновеннымъ. Путь изъ Парижа въ Варшаву приходилось дѣлать на почтовыхъ лошадяхъ, по дорогамъ не вездѣ исправнымъ и грозившимъ не только усталостью и скукой, но и опасностями. Тѣмъ труднѣе былъ этотъ путь для гжи Жоффренъ, имѣвшей уже шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, жившей до того времени безвыѣздно въ Парижѣ и привыкшей къ извѣстнымъ удобствамъ, къ извѣстному порядку, возможнымъ въ ту эпоху только у себя дома. Подвинуть на такое предпріятіе могла только пламенная привязанность не боищаяся никакихъ жертвъ. Станиславъ-Августъ сначала принялъ ея намѣреніе въ шутку; но гжа Жоффренъ упорно привязалась къ этой мысли, дѣлая ее полтора года и только въ июль 1766 года собралась привести ее въ исполненіе. Она старалась увѣрить себя и другихъ что предпріятіе это въ сущности вовсе не такъ трудно, какъ хотѣли представить его окружающіе ее; но уже то обстоятельство что сборы въ дорогу потребовали столько времени, доказываетъ что поѣздка эта была дѣломъ нешуточнымъ. Она даже едва не разстроилась вовсе, вслѣдствіе довольно серьезной размолвки ея съ королемъ, едва не охладившей ихъ отношенія. Виновникомъ этого столкновенія былъ нѣкто Деламаршъ, одинъ изъ тѣхъ французскихъ авантюристовъ которые въ XVIII вѣкѣ таскались по Европѣ, странствуя изъ одной столицы въ другую и существуя милостями дворовъ, часто принимавшихъ ихъ съ незаслуженнымъ радушіемъ. Деламаршъ любывалъ между прочимъ въ Варшавѣ, и возвратясь оттуда въ Парижъ, представился первому секретарю иностранныхъ дѣлъ, Сентъ-Фуа, въ качествѣ агента польскаго правительства, снабженнаго особымъ полномочіемъ. По всей вѣроятности Станиславъ-Августъ, вообще крайне фамиліарный съ французскими выходцами и не всегда осмотрительный въ разговорахъ, самъ былъ виноватъ, ввувши Деламаршу преувеличенныя понятія объ услугахъ которыхъ онъ ожидалъ отъ

него. Сентъ-Фуа, будучи знакомъ съ гжею Жоффренъ и зная что она болѣе всѣхъ въ Парижѣ близка къ королю Польскому, явился къ ней чтобы спросить ея мнѣнія о сообщеніи Деламарша. Гжа Жоффренъ была изумлена и оскорблена: она не могла допустить чтобы Станиславъ-Августъ, именовавшій себя ея сыномъ, рѣшился завязать какія-то таинственныя отношенія съ Версальскимъ дворомъ, не предупредивъ ее о томъ ни однимъ словомъ. Она была уязвлена въ своей привязанности и въ самолюбіи, тѣмъ болѣе что Деламаршъ, болтая всюду о своей таинственной миссіи, заставляя друзей гжи Жоффренъ считать ее лишенною довѣрія Польскаго короля. Въ то же самое время другая личность подобною же легкомысленною болтовней смутила покой гжи Жоффренъ. Это былъ нѣкто Луи, архитекторъ, котораго сама она рекомендовала королю для постройки его дворца. Вернувшись изъ Варшавы, этотъ Луи точно также сталъ выдавать себя за политическаго агента снабженнаго особымъ секретнымъ полномочіемъ. Отсутствіе правильныхъ дипломатическихъ сношеній между Франціей и Польшею заставляло давать нѣкоторое довѣріе всѣмъ этимъ самозванцамъ, такъ какъ не было ничего неестественнаго еслибы Станиславъ-Августъ, не имѣя официальнаго представителя при Версальскомъ дворѣ, обратился къ услугамъ тайныхъ агентовъ. Уже настроенная подозрительно болтовнею Деламарша, гжа Жоффренъ не знала что подумать относительно нескромностей Луи, тѣмъ болѣе что этотъ послѣдній распускалъ и про короля Польскаго и про его парижскаго друга всяческія слухи. Онъ увѣрялъ всюду что пользовался безграничнымъ довѣріемъ Станислава-Августа и былъ свидѣтелемъ самыхъ интимныхъ подробностей его жизни, разказами о которыхъ забавлялъ парижское общество. Про гжу Жоффренъ онъ распускалъ слухъ, будто она настаивала чтобы дворецъ Станислава-Августа былъ какъ можно болѣе украшенъ зеркалами, разчитывая получить заказъ для своей зеркальной фабрики. Все это крайне волновало гжу Жоффренъ и заставило ее написать къ Станиславу-Августу въ такомъ сухомъ и рѣзкомъ тонѣ, что добрыя отношенія ихъ должны были рушиться. По счастью король отнесся ко всему этому дѣлу хладнокровно и сумѣлъ успокоить ревнивыя и оскорбленныя чувства своего парижскаго корреспондента. Путешествіе ея въ Варшаву, едва не разстроившееся, было рѣшено окончательно

и въ концѣ іюня 1766 года она пустилась въ дорогу. Къ этому времени король добился своего признанія со стороны Людовика XV, и въ Версаль посланъ былъ графъ Лойко съ извѣстіемъ о вступленіи его на престолъ. Время возвращенія его совпало съ отъѣздомъ гжи Жоффренъ, и она получила приказаніе сопровождать ее до Вѣны. Тамъ ждалъ ее польскій офицеръ, посланный нарочно чтобы провезти ее изъ столицы Австріи въ Варшаву. Такимъ образомъ поѣздка почтенной старушки обставлена была возможными удобствами и почетомъ, и всѣ европейскіе дворы свѣдѣли за этимъ необыкновеннымъ путешествіемъ, какъ за событіемъ политической важности. Въ Германіи и въ Австріи ее встрѣчали всюду самый любезный пріемъ и почести приличествующія принцессѣ королевской крови; есть свѣдѣніе что императрица Екатерина очень желала бы принять знаменитую путешественницу въ своихъ владѣніяхъ, но Петербургъ устрашалъ гжу Жоффренъ отдаленностью.

Пребываніе въ Варшавѣ, продолжавшееся болѣе двухъ мѣсяцевъ, несмотря на восторженный пріемъ оказанный ей королемъ, доставало гжѣ Жоффренъ повидимому гораздо менѣе удовольствія, чѣмъ она общала себѣ. Причина заключалась отчасти въ крайне впечатлительномъ характерѣ старушки, весьма склонной раздувать каждое незначительное обстоятельство, если оно шло въ разрѣзъ съ ея вѣжною привязанностью къ королю, отчасти въ затруднительномъ положеніи самого короля, далеко не чувствовавшего себя въ Варшавѣ такимъ хозяиномъ, какъ это предполагали въ Парижѣ. Перелиска, хотя весьма не полная и отрывочная въ этомъ періодѣ, носитъ слѣды волненій, свидѣтельствуешь о несприятностяхъ и размовахъ, сопровождавшихъ пребываніе гжи Жоффренъ въ Варшавѣ. Всѣ эти тревоги не имѣли однако серьезныхъ послѣдствій и не отозвались ущербомъ на ихъ привязанности. Путешественница выѣхала обратно изъ Варшавы 13го сентября, прежнею дорогою на Вѣну, гдѣ ее встрѣтили еще съ большими оваціями, и прибыла въ концѣ октября черезъ Страсбургъ въ Парижъ. Отъѣздъ ея глубоко олечали Станислава-Августа: она чувствовала себя какъ бы осиротѣвшимъ и печаль его выразилась въ письмѣ, отправленномъ на другой же день: „Вы уѣхали, сестра моя уѣхала! писалъ онъ. Проснувшись, я нашелъ свой замокъ и свой день пустыми; я остался одинъ, совсѣмъ одинъ,

вѣмой, со стѣсненнымъ и печальнымъ сердцемъ. Предметы безразличныя становятся ненавистными, когда они являютъся на смѣху того что интересовало живо.²

Эта личная скорбь находила лицу въ политическихъ обстоятельствахъ, ставовившихся все болѣе и болѣе трудными. Гжа Жоффренъ оставила короля наканунѣ сейма 1766 года, привнесшаго ему много тяжкихъ огорченій и оскорбленій. Пруссія, основательно считая бессмысленное право *liberum veto* главною причиною безсилія Польскаго королевства, и потому заинтересованная въ его сохраненіи, настояла на восстановленіи его. Это былъ самый существенный ударъ для Станислава-Августа, уничтожавшій всѣ его планы государственныхъ преобразованій. На томъ же сеймѣ съ новою яростью возбуждены были несогласія между католиками и диссидентами: католики, раздраженные внимательствомъ иностранныхъ державъ, угрожающимъ положеніемъ князя Релина и прусскаго уполномоченнаго кавалера Бенуа, обвиняли короля въ измѣнѣ; диссиденты становились все настойчивѣе въ своихъ требованіяхъ: русскія войска заняли значительную часть Польши. Куда ни обращался Станиславъ-Августъ, онъ всюду встрѣчалъ преграды и нигдѣ не находилъ опоры; матеріальная поддержка сосѣднихъ державъ только усиливала его непопулярность и множила его враговъ. До какой степени дѣйствовала на него безвыходность положенія, видно изъ письма его къ гжѣ Жоффренъ отъ 10го декабря 1766 года. „Наковецъ-то я могу писать къ вамъ и сказать что я люблю васъ и цѣлую тысячу разъ. Мой сеймъ, вмѣсто шести недѣль, продолжался восемь, и судите сколько вамъ было дѣла, если, не говоря о множествѣ засѣданій кончавшихся лишь къ полночи, послѣднее тянулось 18 часовъ сряду, съ трехъ часовъ полудни до девяти часовъ слѣдующаго утра. Замѣтьте что каждый изъ членовъ сейма можетъ выходить чтобъ отдохнуть; одинъ только сеймовый маршалъ и король не пользуются этимъ правомъ, потому что отсутствіе ихъ останавливаетъ отправленіе собранія. Маршалъ лишился чувствъ отъ усталости въ восемь часовъ утра. Я дотянулъ до конца. До сихъ поръ я не могъ писать къ вамъ, потому что мнѣ осталась куча дѣлъ для исполненія согласно съ постановленіями сейма. Вы справедливо предполагаете что я не всегда былъ въ духѣ, что моя душа была страшно взволнована, что терпѣніе и мужество часто

готовым были оставить меня. Трудъ не тяжелъ, когда оны удаченъ, но когда вы дѣлаете сколько можете людямъ добра, урѣзываете себя ради нихъ, даете имъ совѣты способные доставить имъ то что они наиболѣе любятъ, и видите что всѣ подозрѣваютъ, противорѣчатъ вамъ и создаютъ зло, которое прилится вашей администраціи — вотъ что приводитъ въ отчаяніе и что я испыталъ въ первой половинѣ сейма. Помощью старамій, умѣотныхъ рѣчей, доказательствъ взятыхъ изъ фактовъ, я успѣлъ однакожь склонить въ свою сторону большинство Сарматовъ, которые изъ одного только сарматизма привесли на сеймъ раздоръ и оппозиціонныя пылы, подказанные со стороны, отчасти вы знаете кѣмъ; и мнѣ остается утѣшеніе что всѣ они будутъ трубить по дѣлой странѣ въ мою пользу относительно всего что произошло во второй половинѣ этого сейма. Надо вамъ сказать что сеймомъ 1764 много сдѣлано въ пользу рѣшающаго значенія большинства голосовъ въ нашемъ государствѣ. Россія и король Прусскій потребовали отъ нынѣшняго сейма чтобы возвышеніе налоговъ и увеличеніе войска, вмѣстѣ съ другими важнѣйшими вопросами, были предоставлены единогласному рѣшенію. Я сказалъ: „отнимите у меня эту корону, которую вы мнѣ доставили, но избавьте мой народъ отъ несчастія и оскорбленія — быть лишеннымъ того безъ чего у него не будетъ даже надежды на національное бытіе.“ Реллинь и Бенуа отвѣтили мнѣ: „Государи самшкомъ уважаютъ себя чтобы дозволить себѣ посягать на одного изъ нихъ; лично вамъ ничего не будетъ сдѣлано, но 40.000 Русскихъ и 20.000 Прусаковъ, стоящіе въ готовности на границахъ, немедленно вступятъ въ вашу страну и предадутъ ее огню и мечу. Вотъ что поручено намъ объявить вамъ положительнымъ образомъ, если вы не возстановите на сеймѣ права единогласія и не сломите конфедерацію.“

У меня не было войска, чтобы противолоставить его этому требованію. Страхъ овладѣлъ наиболѣе богатыми, и я не могъ взять на свою совѣсть бѣдствіе столь многихъ. Я

* Рѣчь идетъ о конфедераціи составившейся въ 1766 году въ Кашанѣ. Надо замѣтить что приводимыя королевскія слова Реллима и Бенуа едва ли вполнѣ точны: въ возстановленіи *liberum veto* главная роль принадлежала Пруссіи; русскій уполномоченный дѣйствовалъ энергически только въ вопросѣ о диссидентсахъ.

находяся въ исключительной и ужасной необходимости пожертвовать честью долгу. Я долженъ отдать справедливость многимъ моимъ соотечественникамъ, которые, зная что ихъ ожидаетъ, готовы были рисковать всѣмъ и предлагали голосовать отрицательно на требованія Россіи и Пруссіи, если я захочу. Я сказалъ имъ: благодарю васъ, но отказываю вамъ, потому что вы болѣе чѣмъ я пострадаете въ этомъ случаѣ.

„Въ дѣлѣ диссидентовъ императрица требовала слишкомъ много, а сеймъ слишкомъ много отказалъ. Поэтому русскія войска уже проникли въ сердце страны. Придутъ ли еще новыя, и будутъ ли они дѣйствовать непріятельски, я еще не знаю. Я къ несчастію король, и не могу перестать быть имъ. Но какъ истинное мужество не должно отчаиваться, я говорю себѣ: я сдѣлалъ все что могъ чтобы спасти государство отъ величайшаго несчастія. Нація убѣждена въ этомъ, она будетъ довольна многимъ другимъ сдѣланнымъ на этомъ сеймѣ. Кадетскій корпусъ и военный дворъ утверждены. Я доказалъ что подарилъ государству три милліона со времени моего избранія. Я отказался отъ огромныхъ подарковъ, которые сеймъ желалъ мнѣ сдѣлать. Я доказалъ, вопреки знаменитымъ обвиненіямъ епископа Краковскаго, что я больше чѣмъ онъ сдѣлалъ для католицизма, потому что во время сейма я писалъ императрицѣ что не могу согласиться на ея требованія для диссидентовъ, простиравшіяся до того чтобы допустить ихъ къ законодательству или по крайней мѣрѣ въ суды. Согласиться на это значило бы явить себя въ глазахъ націи измѣнникомъ вѣрѣ и государству.“

Письмо это представляетъ любопытный историческій документъ: оно свидѣтельствуетъ что Станиславъ-Августъ не только не обладалъ рѣшимостію пробиться сквозь безвыходныя затрудненія окружавшія его тронъ, но даже не умѣлъ возвыситься до полного пониманія своей задачи. Если онъ относился къ диссидентамъ съ нѣкоторою благосклонностію, то это было лишь результатомъ его гуманной натуры и усвоенныхъ имъ идей вѣротерпимости, а не послѣдствіемъ яснаго пониманія политической стороны дѣла. Онъ желалъ бы спасти диссидентовъ отъ безчеловѣчнаго угнетенія, но не находилъ возможнымъ даровать имъ полную равноправность. Между тѣмъ если что-нибудь могло еще спасти Польшу, то имело полный и тѣсный союзъ короля съ иновѣрческимъ населеніемъ Рѣчи Посполитой. Чтобы поло-

жить конецъ анархіи, обезоружить шляхту, обуздать фанатическое духовенство, укрѣпить королевскую власть, однимъ словомъ, создать на развалинахъ издыхающей республики государство въ европейскомъ смыслѣ, существовалъ только одинъ путь—дѣйствовать революціонными средствами. Православное населеніе Польши одно только представляло неспорченный, неразвращенный, преданный порядку, трудолюбивый и бодрый элементъ. Высказавшись за полную равноправность диссидентовъ съ католиками, ввѣривъ судьбы государства, правительства, порядка этому здоровому православному элементу, болѣе энергическій и дальновидный народъ могъ бы совершить гигантское *coup d'état*, уничтожить бессмысленное *liberum veto*, организовать правильное народное представительство, сломить феодализмъ, создать армію, утвердить наследственность власти. Въ виду полнаго разложенія какое являла шляхетно-католическая часть Польши, нельзя сомнѣваться что переворотъ удался бы въ рукахъ искуснаго исполнителя, и возрожденная Рѣчь Посполитая быть-можетъ имѣла бы совершенно другія судьбы. Инаго же исхода, какъ въ союзѣ съ диссидентами, королевская власть не могла имѣть предъ собою.

Событія не замедлили обнаружить всю ложность политики которой слѣдовалъ Станиславъ-Августъ. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того какъ онъ сообщалъ гжѣ Жоффринь о какихъ-то громадныхъ подаркахъ предложенныхъ ему сеймомъ и о трехъ милліонахъ пожертвованныхъ имъ для государства, какъ мы встрѣчаемся въ его перепискѣ со слѣдующимъ обстоятельствомъ. Французская актриса Клеронъ имѣла намѣреніе поступить на королевскій театръ въ Варшавѣ. Король, страстный любитель сценическаго искусства, писалъ по этому поводу гжѣ Жоффринь: „Посылаю вамъ эстафету чтобы вы предупредили какъ можно скорѣе *Mlle* Клеронъ отъ моего имени чтобъ она не думала больше о поѣздкѣ въ Варшаву въ этомъ году. Не могу выразить вамъ съ какимъ сожалѣніемъ отказываюсь я отъ обѣщаннаго себѣ удовольствія видѣть и слышать ее здѣсь. Но вотъ что меня лишаетъ этого удовольствія: какъ только я увидѣлъ что дѣла поворачиваютъ къ тому чтобы произвести здѣсь безлокоиства, я предполагалъ распустить весь свой театръ. Но мнѣ сказали: это слишкомъ рано обнаружить ваше мнѣніе о положеніи дѣлъ, и когда узнаютъ это

миѣніе, умы преждевременно придуть въ волненіе. Я уступилъ этимъ представленіямъ, особенно когда узналъ что Миле Клеронъ хочетъ пріѣхать сюда, и вы повѣрите что искушеніе было очень сильно! Но на сихъ дняхъ до меня дошло съ разныхъ сторонъ что эта самая лублика увеселяющаяся на моихъ спектакляхъ, порицаетъ меня однакожъ за то что я трачу на нихъ заботы и деньги въ эту критическую минуту. Правда, пожертвованіе театромъ не дастъ мнѣ армию; внезапное распущеніе его будетъ мнѣ порядочно стоить; я лишусь моего любимого развлеченія, и въ особенности лишусь Миле Клеронъ. Но что за важность. Надо повиноваться гласу народа, когда дѣло идетъ о томъ чтобы доказать ему что чувствуютъ и раздѣляютъ его страданія. Каждый долженъ казнить себя во времена бѣдствій, и я охотно подаю примѣръ тому.“

Денежныя дѣла вообще съ этихъ поръ начинаютъ сильно затруднять короля. Онъ уже не знаетъ какъ расплатиться за двѣ кареты заказанныя имъ въ Парижѣ, и за нѣсколько картинъ. Въ письмѣ отъ 9го апрѣля 1768 года, извиняясь за долгое молчаніе, онъ говоритъ: „Я ждалъ возможности сказать вамъ навѣрное что Шмитъ везетъ въ Парижъ все что слѣдуетъ для удовлетворенія рабочихъ, долгое оживленіе которыхъ заставило меня по меньшей мѣрѣ столько же страдать какъ и ихъ. По правдѣ, всѣ эти смуты, продолжающіяся здѣсь уже годъ, поставили меня во всѣхъ отношеніяхъ въ жестокія затрудненія. Моя превосходная звонкая монета дискредитируется цѣлымъ годъ, половина моихъ помѣстій захвачена, остальные доходы уходятъ на новыя каждый день нужды—есть отъ чего задолжать. Но несмотря на все, я дѣлаю усиліе, а Шмитъ заплатитъ или гарантируетъ все что я долженъ въ Парижѣ.“

Затрудненія эти были только слѣдствіемъ общаго положенія дѣлъ, быстро направлявшаго Рѣчь Посполитую къ ея окончателъной гибели. Не взирая на видимые признаки власти, закона, порядка, страна уже находилась во власти анархіи. Недовольные подымали оружіе, составили конфедерацію и избрали предводителемъ того самаго князя Радзивилла котораго сеймъ 1764 года изгналъ изъ отечества и лишилъ имѣній. Въ велѣлой организаціи Польской республики эти конфедераціи, то-есть вооруженныя возстанія, имѣли свое законное мѣсто, подобно оппозиціи въ парламентарной кон-

ституціи. Радзивиллъ, выступивъ во главѣ возстанія, облакался прерогативами присвоенными правительству, принималъ присягу высшихъ чиновъ управленія и даже раздѣлялъ съ королемъ исполнительную власть. Трудно понять какимъ образомъ правительство находило возможнымъ отправлять хотя высшимъ образомъ свои обязанности. Мысль объ отреченіи нѣсколько разъ представлялась Станиславу-Августу, но ему казалось что долгъ воспрещаетъ ему покидать корону правленія въ эти опасныя минуты. Онъ впрочемъ не переставалъ надѣяться на лучшія времена, хотя трудно догадаться въ чемъ именно могъ онъ видѣть якорь спасенія. „Вамъ, моей доброй матери,—писалъ онъ гжѣ Жоффренъ,—страдающей отъ моихъ золъ, я говорю: имѣйте мужество, такъ какъ оно есть у меня. Я достигну пристани съ трудомъ, безъ всякаго сомнѣнія, и не безъ потерь, но достигну ея; сердце говоритъ мнѣ, и долгъ повелѣваетъ не бросать задачи. Мое отчаяніе было бы подлостью и величайшимъ бѣдствіемъ для государства.“ При такихъ условіяхъ долженъ былъ открыться сеймъ 1767 года. Король готовился къ нему почти съ ужасомъ. „Послѣзавтра начинается сеймъ, и какой сеймъ! писалъ онъ къ гжѣ Жоффренъ. — Всѣ другіе ничто въ сравненіи. Такъ какъ я пишу къ вамъ и знаю что ваша искренняя дружба дѣйствительно интересуется состояніемъ моей души, я скажу вамъ что нѣтъ такого зла которое не представлялось бы мнѣ возможнымъ. И чтобы сохранить хладнокровіе, я пятьдесятъ разъ на день повторяю себѣ правило Фонтенеля: не надо слѣпить ни радоваться, ни огорчаться.“ Нѣсколько дней спустя онъ восклицалъ въ другомъ письмѣ: „О, какой ужасный сеймъ!“ Борьба между католиками и диссидентами дѣйствительно возгорѣлась съ такою яростью, которая не предвѣщала ничего добраго. Обѣ партіи требовали поддержки короля, и не находя ея, хватались за сабли. Въ виду совершеннаго безсилія власти, русскому уполномоченному, если онъ хотѣлъ поддержать интересы своихъ единовѣрцевъ, ничего болѣе не оставалось какъ прибѣгнуть къ силѣ. Въ ночь съ 13го на 14е октября, нѣкоторые главнѣйшіе вожди католической партіи были схвачены и увезены въ Россію. Предъ лицомъ этого рѣшительнаго факта, сеймъ покорился и призналъ за диссидентами права которыхъ требовала для нихъ императрица Екатерина. Но борьба этимъ не кончилась, а

только была перенесена на другую почву. Недовольные, подстрекаемые религіознымъ фанатизмомъ и оскорбленнымъ чувствомъ національнаго самолюбія, составили новую конфедерацію, извѣстную въ исторіи подъ именемъ Барской. Возстаніе было направлено въ одно и то же время и противъ короля, и противъ Россіи. Этимъ рѣшена была участь Польши: Россія вызвана была кончить споръ оружіемъ, и не должна была щадить усилій чтобы разъ навсегда уничтожить на своей границѣ источникъ непрестаннаго безпокойства. Въ этой борьбѣ ей предстояло естественнымъ образомъ опереться на тотъ самый здоровый православный элементъ, который отвергла доживавшая свои послѣдніе дни католическая Польша.

„Вы конечно думаете—писаль Станиславъ-Августъ въ томъ самомъ письмѣ въ которомъ жаловался на финансовыя затрудненія — что съ раслученіемъ сейма всѣ раздоры въ Польшѣ окончились 5го марта. Ничуть не бывало. Вотъ возникаетъ новая конфедерація въ Подоліи, въ составѣ Турокъ и Татаръ, которыхъ она собирается вооружить за католическую религію, противъ постановленнаго на сеймѣ въ пользу диссидентовъ. Но мусульманская кровь отказывается течь ради креста, а христіанскіе принцы не хотятъ воевать съ Россіей изъ-за этой конфедераціи, къ которой я послалъ вашего друга Мокрановскаго, съ порученіемъ дать почувствовать вождямъ что они причиняютъ самимъ себѣ несчастіе, если будутъ упорствовать, и можетъ-быть цѣлою странѣ, если имъ удастся увлечь недовольныхъ, между которыми люди маленькіе волнуются изъ-за дѣла вѣры, а большіе изъ-за надежды опять ловить рыбу въ мутной водѣ.“

Значеніе и размѣры этого новаго возстанія повидимому не были ясны Станиславу-Августу. „Насколько можно видѣть отсюда—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, — эта искра не произведетъ пожара. Но плохо жить постоянно съ пожарною трубой подъ рукою и вѣчно ходить по горячей золѣ. Правда что можно ко всему привыкнуть, и при терпѣніи и мужествѣ, имѣя опредѣленную и честную цѣль, въ концѣ-концовъ справиться съ людьми легкомысленными, безразсудными и дурными; и сердце говоритъ мнѣ что прежде чѣмъ умереть, я увижу спокойные дни, и сдѣлаю прочное добро моей странѣ, которая впрочемъ одѣвнитъ меня уже тогда когда меня не будетъ.“ Событія не оправдали этихъ

свѣтлыхъ надеждъ, и Станиславу-Августу предстояло, „прежде чѣмъ умереть,“ видѣть окончательное уничтоженіе страны которую онъ думалъ облагодѣтельствовать.

Три мѣсяца спустя, король писалъ гжѣ Жоффрель что бѣдствія его отечества умножаются. „Вотъ еще одно, и ужасное. Нѣкоторые фанатики пригрозили крестьянамъ нашей Украйны всевозможными напастями, если они не перестанутъ быть православными чтобы сдѣлаться униатами, то-есть если не перестанутъ исповѣдывать Троицу какъ исповѣдуютъ ее въ Петербургѣ и не стануть извѣснять ее по римскому обряду. Подумайте, что тутъ понимаютъ эти несчастные крестьяне! Но этого было достаточно чтобы возмутить ихъ; а возмущеніе этого народа вовсе не игрушка! Они очень многочисленны, вооружены и, всегда свирѣлы, когда поднимаютъ мятежъ. Они рѣжутъ своихъ пановъ, съ женами и дѣтьми, всѣхъ католическихъ священниковъ и Жидовъ. Есть уже тысячи избивенныхъ. Мятежъ разгорается какъ фейерверкъ, потому что вѣроисповѣдный фанатизмъ соединяется у нихъ съ жаждою независимости. Это племя казаковъ, враждебное Полякамъ со времени подобныхъ войнъ въ царствованіе Яна Казимира, въ прошломъ столѣтіи. Очень трудно найти средства остановить этотъ потокъ. Я до крайности занятъ. Это фанатизмъ православныхъ и хлоповъ, борющійся съ огнемъ и желѣзомъ въ рукѣ противъ фанатизма католическаго и шляхетскаго. Но довольно. Хотѣлось бы сообщить вамъ что-нибудь менѣе печальное, но такова моя судьба; что дѣлать? Надо переносить ее, и перевязывать раны по мѣрѣ того какъ она свершается, пока есть корлія. Все-таки правда что безъ Барской конфедераціи это новое бѣдствіе не постигло бы насъ. Конфедерація почти уничтожена, но пускаетъ новые отпрыски въ другихъ мѣстахъ. Она возникла въ Браковѣ и въ части воеводства Русскаго. Боже мой! зачѣмъ нація не послушала меня? Теперь она поставила меня почти въ невозможность извлечь ее изъ пропасти въ которую она ринулась.“

Письма короля становятся съ этого времени все рѣже и рѣже; среди возраставшихъ затрудненій онъ повидимому съ трудомъ находилъ время и бодрость для переписки съ своимъ далекимъ другомъ. Ему очевидно тяжело было сообщать востоянно однѣ печальныя вѣсти. За то тѣ немногія письма которыя сохранились отъ этого періода, отличаются

значительнымъ политическимъ интересомъ. Между прочимъ очень любопытно письмо отъ 3го марта 1770 года, представляющее какъ бы оправдательную записку относительно всей политики короля и объясненіе роковаго хода дѣлъ съ его точки зрѣнія. Приводимъ здѣсь самую существенную часть его: „Странное положеніе мое такъ переполнено противорѣчіями, что кажется необъяснимымъ тому кто не можетъ прослѣдить нить его. Я попытаюсь однакожь сдѣлать вамъ краткій очеркъ, къ которому, какъ къ фоку, вы можете присоединить дальнѣйшія частности. Съ 1765 года, Россія не переставала требовать отъ меня улучшенія участи диссидентовъ. Я отвѣчалъ постоянно что до извѣстнаго предѣла, и въ особености въ отношеніи гражданскомъ, это будетъ хорошо. Россія, которая въ теченіи нѣкотораго времени, казалась, одобряла эту среднюю мѣру, вдругъ потребовала для диссидентовъ совершеннаго равенства съ католиками, и именно чтобъ они были допущены въ законодательныя учрежденія. Это возмутило сеймъ 1766 года. Поляки отказали во всемъ, и слѣдовательно *слишкомъ*. Это *слишкомъ* задѣло императрицу; она сказала: я хочу всего, и еще всего. Она хотѣла однако имѣть возможность сказать Европѣ что Польская нація сама вызвала ее употребить въ Польшѣ свою армію, чтобы доставить диссидентамъ полное равенство. Для этого надо было чтобы нѣсколько вождей увлекли толпу. Эти вожди хорошо чувствовали опасность соединенную съ дѣломъ столь противорѣчившимъ общему мнѣнію и настроенію націи. Поэтому они внушили Россіи что единственное средство заставить массу мелкой шляхты глядѣть на вступленіе русскіихъ войскъ какъ на свою выгоду, состояло въ томъ чтобы какъ можно меньше говорить о диссидентахъ, но сказать имъ что Россія уничтожитъ всѣ повѣстства, введенныя здѣсь со смерти покойнаго короля. Повѣстства же эти клонились главнымъ образомъ къ уменьшенію злоупотребленій *liberum veto*. Вы спросите меня, какими приманками Россія увлекла этихъ вождей? Я отвѣчу вамъ: нѣкоторые изъ нихъ надѣялись что когда королемъ будетъ вмѣсто меня курфиртъ Саксонскій они будутъ царствовать его именемъ. Другіе, раздраженные тѣмъ что у нихъ отняли возможность вредить, разчитывали во время смуты возвратить свои прежнія права. Но едва только эта конфедерация 1767 года произвела, съ помощію всего происходившаго тутъ,

пресловутый трактатъ которымъ Россія дѣлалась поручителемъ въ томъ что диссиденты будутъ уравнены съ католиками, и что Польша не будетъ дозволено увеличивать доходы и войска иначе какъ по единогласному рѣшенію — едва только, говорю я, это было сдѣлано, какъ нація захотѣла испровергнуть сдѣланное. Уважшіе ее вожди, чтобъ оправдаться предъ нею, сказали ей что это я былъ виновникомъ всего зла, и нація повѣрила, потому что она видѣла какъ я въ 1766 году противился предложенному епископомъ краковскимъ закону, опредѣлявшему изгнаніе всякому кто предложитъ хотя бы малѣйшее улучшение въ пользу диссидентовъ. Всѣ кто желалъ Саксонскаго короля постарались раздуть этотъ огонь, и при свѣтѣ его возбудили Турокъ.

„Польскіе конфедераты подыали оружіе противъ Русскихъ. Послѣдніе признавали ихъ не только непріятелями, но мятежниками противъ законодательной власти сейма 1768 года, и считая себя, въ силу этого трактата, союзниками республики, постулають съ ними какъ съ бунтовщиками и употребляютъ противъ нихъ часто чрезвычайныя кары.

„Когда я говорю за конфедератовъ, когда я требую отъ Россіи чтобъ она отказалась отъ гарантіи и сдѣлала бы уступку въ пунктѣ о диссидентахъ, она отвѣчаетъ мнѣ такимъ образомъ чтобы дать мнѣ почувствовать что моя страна и моя столица во власти ея войскъ, и что если она меня покинетъ, то я перестану быть тѣмъ что я теперь. Это не заставляетъ меня перемѣнить тона, но я съ грустью вижу какъ конфедераты каждый день лубликуютъ ужасныя обвиненія противъ меня и въ то же время отнимають мои доходы, грабятъ тѣхъ кто еще остается преданъ мнѣ, и дѣлають видъ что все это совершается противъ Русскихъ, которые въ свою очередь обирають ихъ, послѣ непрерывныхъ поражений. Нерѣдко конфедераты нападаютъ даже на остатки моихъ войскъ, защищающіе то что сохранилось изъ моихъ доходовъ. Когда мои солдаты берутъ у нихъ плѣнныхъ, то отпускають ихъ безъ всякаго выкупа, офицерамъ возвращають даже ихъ лошадей, какъ это сдѣлалъ три дня назадъ извѣстный вамъ Брауцкій,* въ двадцати миляхъ отсюда. Каждый разъ когда Русскіе берутъ въ плѣнъ конфедератовъ, я стараюсь выхлопотать имъ свободу, или по крайней

* Пшемисльскій королевскаго гетмана, другъ Станислава-Августа.

мѣрѣ облегченіе ихъ участи. Русскимъ хорошо мнѣ говорить: вы ходатайствуете за тѣхъ которые хотятъ лишиться вась престола; я отвѣчаю: по моему, они грѣшатъ по невѣдѣнію; ихъ лобужденія по большей части имѣютъ предметомъ патріотизмъ и національную независимость; они Поляки, и я долженъ стараться помочь имъ.

„Мое поведеніе неизмѣнно въ этомъ отношеніи, также какъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ величайшее благо страны или наименьшее ея зло указываютъ мнѣ какъ держаться относительно всѣхъ болѣе или менѣе могущественныхъ актеровъ этой сцены. Быть-можетъ такое поведеніе приведетъ меня къ окончательной гибели, но я охотнѣе надѣюсь что моя постоянная искренность, мой истинный патріотизмъ, заставятъ мало-по-малу отдать мнѣ справедливость и я заключаю словами: терпѣніе и мужество! Хуже всего то что моя роль совершенно ничтожна. Очень сожалею что не могу въ эту минуту рискнуть сказать вамъ больше чтобъ убѣдить вась изъ тысячи обстоятельствъ до какой степени это бѣдственно-справедливо.“

Ожесточеніе конфедератовъ, безпрерывно разбиваемыхъ русскими войсками, дошло до того что они рѣшились отдѣлаться отъ Станислава-Августа путемъ насилія или царубійства. „Не знаю, писалъ король, есть ли въ исторіи другой примѣръ подобной несправедливости. Конфедераты рѣшились на такую крайность что выставили во многихъ мѣстахъ акты которымъ не только объявляютъ престолъ вакантнымъ, но повелѣваютъ всѣмъ и каждому умертвить царствующаго короля. Это дѣлано уже нѣсколько недѣль назадъ. Нынче конфедераты хвастаютъ, и мнѣ сообщаютъ о томъ же изъ двухъ другихъ источниковъ, что Франція выдаетъ этимъ господамъ по шести тысячъ дукатовъ въ мѣсяцъ, или по милліону во французской монетѣ въ годъ. Не знаю, обязанъ ли я этимъ Шуазелю, или его преемникамъ.“

Хотя конфедераты нигдѣ не могли держаться противъ русскихъ войскъ, но возстаніе обнаруживало упорную живучесть, и на мѣсто разбитыхъ отрядовъ являлись новые. Переходы сторонниковъ короля въ ряды конфедератовъ продолжались постоянно. Такъ въ сентябрѣ 1771 года присоединилась къ конфедерации гетманъ литовскій Огинскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ и богатѣйшихъ магнатовъ, тотъ самый который построилъ Огинскій каналъ. Онъ былъ впрочемъ немед-

явно разбить русскими войсками и бѣжалъ въ Кенигсбергъ. Тѣмъ не менѣе переходъ его на сторону конфедераціи создаеъ для короля новыя затрудненія. „Всѣ несчастные, сдѣлавшіеся таковыми вслѣдствіе его дурнаго образа дѣйствій писалъ Станиславъ-Августъ, подвергшіеся преслѣдованію тѣхъ на кого они напали, ладаютъ мнѣ на плечи и я долженъ спасать ихъ отъ бѣдствій въ которыя они ввергнуты. Я такъ и дѣлаю и всегда буду дѣлать въ подобныхъ случаяхъ, ежеминутно повторяющихся въ послѣдніе три года. Я не причинилъ имъ никакого зла, напротивъ. Ихъ началу было увѣрять съ нѣкоторыхъ сторонъ, въ 1767 году, что я хочу сдѣлать имъ зло. Они закричали объ опасности. На это имъ сказали: требуйте нашей помощи, нашей гарантіи. Они потребовали; и когда получили эту гарантію, то почувствовали что это шито и стали кричать уже противъ того что сами же сдѣлали. А съ той, другой стороны имъ сказали: это вашъ король надѣлалъ вамъ этихъ глупостей, надо вамъ отъ него отдѣлаться *. И они захотѣли отдѣлаться. И чтобъ отдѣлаться, они поднялись противъ тѣхъ кого сама же первые призвали. И эти же ими призванные сказали: такъ какъ вы однажды призвали насъ, то мы васъ любимъ за то что вы хотите насъ прогнать. И когда они ихъ бьютъ и берутъ въ плѣнъ, плѣнные обращаются ко мнѣ и говорятъ: спасите насъ. Я дѣлаю что могу чтобы спасти ихъ и когда говорю за нихъ тѣмъ кто ихъ захватилъ, тѣ говорятъ мнѣ: развѣ вы забыли что они были противъ васъ? развѣ вы забыли что они грабятъ ваши и государственные доходы, такъ что вы во всемъ нуждаетесь? развѣ вы забыли что они провозгла, силъ письменно что убить васъ будетъ достойное дѣло? О послѣднемъ надо забыть потому что они не вѣдали что творили; и не они виновны, а тѣ кто подбиваетъ ихъ, устрашаетъ ихъ клеветами и жестокою ложью. Вотъ, вкратцѣ, картина моей жизни за четыре года. Я провелъ ихъ въ горести и что еще хуже, въ безлокойствѣ. У меня уже много показалося сѣдыхъ волосъ, лучшая пора моей жизни уже про-

* Всѣ эти намеки на интриги русской политики представляютъ какъ помято само собою, лишь сырой матеріалъ, любопытный только какъ выраженіе искренняго мнѣнія Польскаго короля. Весьма естественно что Станиславъ-Августъ въ этомъ дѣлѣ не могъ быть ни вполнѣ свидущъ, ни вполнѣ безпристрастенъ.

шла. Черезъ три мѣсяца мнѣ будетъ сорокъ лѣтъ: полдень мой миновалъ, мнѣ остается въ утѣшеніе надѣяться только на хорошій вечеръ. И эта лампа надежды не погасла во мнѣ, благодаря Бога! У меня остается еще желаніе трудиться, по моимъ способностямъ и по обстоятельствамъ, и дѣлать добро, что составляетъ долгъ и цѣль моего положенія. Одинъ Богъ знаетъ основательна ли эта надежда; но такъ какъ Онъ поддерживаетъ ее въ моемъ сердцѣ, то повидимому Онъ хочетъ поддержать мое мужество, а Онъ ничего не дѣлаетъ понапрасну. Но что бы ни случилось, я могу смѣло сказать и надѣюсь буду имѣть эту возможность до конца, что я никогда не хотѣлъ зла и всегда хотѣлъ добра.“

Съ этихъ поръ письма Понятовскаго уже неизмѣнно проникнуты грустнымъ чувствомъ. Къ нему возвращается иногда надежда, но эта надежда плохо вяжется съ тѣми печальными извѣстіями которыми ему приходится дѣлаться съ гжею Жоффренъ. Анархія продолжала терзать несчастную страну, кровь лилась почти во всѣхъ провинціяхъ, земледѣліе и промышленность оставались почти безъ рукъ, являлись зловѣщіе признаки голода, чумы, всеобщей нищеты и отчаянія. Королевская власть, обратившаяся въ никому не нужный призракъ, была бессильна помочь народнымъ бѣдствіямъ. Къ довершенію всего, на особу короля было сдѣлано дерзкое покушеніе. Трое изъ конфедератовъ, Лукавскій, Стравинскій и Закржевскій, видя что приглашеніе къ царевубійству не находитъ охотниковъ, составили планъ овладѣть личностью короля и привести его въ Ченстохово, въ лагерь конфедератовъ. Предводитель конфедераціи, Пулавскій, одобрилъ ихъ намѣреніе, подъ условіемъ чтобы жизнь короля была сохранена. Привнеся присягу въ послѣднемъ обязательствѣ, Стравинскій съ небольшимъ числомъ пособниковъ прибылъ въ Варшаву. Вечеромъ 3го ноября 1771 года, когда Станиславъ-Августъ возвращался отъ своего дяди Михаила Чарторыйскаго, заговорщики напали на его малочисленную свиту, причемъ убили одного изъ гайдуковъ, старавшихся защитить его своимъ тѣломъ, ранили самого короля въ голову и въ ногу и потащили его въ лѣсъ. Тамъ они неожиданно наткнулись на казачій отрядъ; пока происходила стычка, Станиславу удалось подѣйствовать убѣжденіями на приставленнаго къ нему стража, и при его содѣйствіи онъ убѣжалъ и скрылся на находившейся неподалеку

желицѣ. Рано по утру на другой день онъ вернулся въ Варшаву, окровавленный, въ разорванныхъ одеждахъ, и былъ радостно встрѣченъ населеніемъ столицы. „Я вамъ писалъ въ первомъ письмѣ послѣ этого случая—читаемъ въ его перелискѣ съ гжею Жофрремъ—что теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь я твержу: терпѣніе и мужество! и я имѣю основаніе говорить такимъ образомъ. Мое приключеніе уже подало поводъ къ благопріятнымъ для меня заявленіямъ; могу съ безконечною похвалою отозваться въ этомъ случаѣ о Вѣнскомъ дворѣ. Но не менѣе справедливо что я испыталъ и испытываю въ теченіе моего выздоровленія огорченія и волненія духа, въ тысячу разъ худшія чѣмъ тѣлесныя раны. Часто я готовъ почти завидовать положенію этихъ жалкихъ существъ которыхъ не одушевляетъ никакое чувство чести. Невозможно вообразить до какой степени мое положеніе не только тяжело, но странно и неестественно. Но за всѣмъ тѣмъ, я все-таки долженъ говорить себѣ: такъ какъ Богъ спасъ меня почти чудомъ, то ясно что Онъ хочетъ еще употребить меня на что-нибудь въ этомъ мірѣ. Мнѣ надо собрать всѣ силы души и тѣла, чтобъ быть въ состояніи исполнить Его волю и заслужить Его покровительство.“

Въ слѣдующемъ году, двѣ Рѣчи Посполитой начали уже видимо клониться къ неизбежной развязкѣ. „Конфедераты—писалъ Станиславъ-Августъ 9го августа 1771 года—нигдѣ больше не имѣютъ сколько-нибудь значительныхъ войскъ, кромѣ какъ въ Ченстоховѣ, маленькой крѣпостцѣ у силезской границы, знаменитой иконою Божьей матери. Это мѣстечко и гарнизонъ его уже вступили въ переговоры съ Русскими; но обстоятельство это, которое было бы важнымъ событіемъ четыре мѣсяца назадъ, ничтожно въ виду австрійской, прусской и русской армій, первая изъ которыхъ отняла уже у меня двѣ трети моихъ доходовъ, тогда какъ она падаетъ частныхъ лицъ въ той четверти Польши которую она почти уже заняла и кажется хочетъ удержать за собою. Прусаки продолжаютъ разорять захваченную ими часть безпримѣннымъ въ исторіи образомъ. Русскіе также начинаютъ поговаривать о томъ чтобъ отнять у насъ половину Литвы. Вообразите положеніе того куска что у насъ останется—безъ соли, безъ торговли, и судите о моемъ состояніи!“ Шестъ недѣль спустя, король писалъ къ гжѣ Жоф-

френъ: „Такъ какъ вы предпочитаете получать отъ меня печальныя письма, чѣмъ вовсе не получать, то я отвѣчаю на ваше письмо отъ 27го августа, сообщая вамъ что буря шумѣвшая надъ моею головою вотъ уже шесть мѣсяцевъ, разразилась. Король Прусскій занялъ 13го нынѣшняго октября всю польскую Пруссію, исключая города Данцигъ и Торнъ. Его министръ, вмѣстѣ съ русскимъ, вручили вчера моимъ бумагу въ которой извѣщаютъ что ихъ дворы берутъ каждый по части моего королевства. Въ томъ же документѣ они сообщаютъ мнѣ что Вѣнскій дворъ дѣлаетъ также, по общему съ нами соглашенію. Уполномоченный послѣдшаго еще не прибылъ сюда, но долженъ быть сегодня или завтра. Въ ожиданіи, арміи русская, прусская и австрійская, и въ особенности вторая, сосутъ страну до крови, въ предѣлахъ и за предѣлами провинцій которыя онѣ хотятъ присвоить. Польша кормитъ нынче болѣе 100 тысячъ иностранныхъ войскъ, а налагаютъ на маленькій остатокъ нашихъ, существующій еще въ числѣ менѣе 10 тысячъ. Въ томъ что отходить съ Польши, я теряю на свою долю двѣ трети моего дохода. Надо быть очень несчастнымъ, чтобы не знать даже чего желать. Нынѣшній случай представляетъ въ большомъ видѣ и для цѣлой страны то чѣмъ въ маломъ видѣ и для меня одного было покушеніе 3го ноября прошлаго года. Чудо спасло меня, и я не думалъ тогда чтобы Богъ извлекъ меня изъ опасности только для того чтобы продолжить мои мученія. Видно я ошибался; до сихъ поръ мученія мои только возростали со времени покушенія. Русскій посланникъ отозвавъ; его замѣнилъ второстепенный уполномоченный, баронъ Штакельбергъ. Онъ началъ отправленіе своихъ обязанностей врученнымъ вчера документомъ, о которомъ я вамъ говорю въ началѣ этого письма. Вы хотите чтобы я представлялъ вамъ вещи какъ онѣ существуютъ, и я начертилъ вамъ вѣрную и точную картину. Судите, легко ли мнѣ рѣшиться писать о подобныхъ вещахъ тому кто любитъ меня какъ вы. Васъ удивляетъ что я завидую только участи мертвыхъ, а не участи частныхъ лицъ? Мнѣ не позволено больше о томъ думать. Мужественно страдать, никогда не измѣняя своему долгу предъ государствомъ, выждать минуты и средствъ чтобы подняться—вотъ мои обязанности и мои намѣренія.“

Среди этихъ печальныхъ обстоятельствъ, слабымъ утѣшеніемъ для короля являлась мысль что бѣдствія обрушившіяся

на страну были послѣдствіемъ ослабленія націи и возмездіемъ за противодѣйствіе какое постоянно встрѣчали его планы преобразованій въ государственномъ устройствѣ. По-прежнему не созная что возрожденіе Польши могло совершиться только на почвѣ совершеннаго уравниенія диссидентовъ съ католиками и рѣшительной отмѣны конституціи Рѣчи Посполитой, онъ продолжалъ думать что тѣ слабыя попытки къ достиженію лучшаго порядка какія были имъ завлечены, при благоприятномъ ихъ исходѣ, способны были обезпечить существованіе Польши между тремя могущественными сосѣдними державами. „Вы не перестанете любить вашего друга, когда онъ несчастливъ, писалъ онъ къ гдѣ Жоффри въ апрѣлѣ 1778 года. А я вслѣдствіе несчастливъ, потому что неразуміе, несправедливость и злословіе составили заговоръ противъ меня. Поляки имѣли безразсудство находить дурнымъ, когда я хотѣлъ чтобы государство имѣло доходы и армію и когда я хотѣлъ ввести и началъ вводить порядокъ въ странѣ. Я хотѣлъ низвергнуть зловѣщаго идола *liberum veto*. Они возстановили его съ торжествомъ, съ помощью иновѣрцевъ, которые, будучи не въ силахъ отказать такимъ Полякамъ въ заслуженномъ ими презрѣніи, поработили ихъ когда были призваны ими, и поступали въ Польшѣ такъ какъ только величайшая сила можетъ поступать съ крайнею слабостью. Злословіе, осмѣливающееся сказать что я былъ пособникомъ въ раздробленіи Польши, хотѣло бы заставить позабыть что въ этомъ раздробленіи я теряю три четверти своего собственнаго дохода; что мои братья, мои самые близкіе слуги ограблены и доведены до нужды также какъ и я. Австрія секвестровала у Браницкаго все его имѣніе, потому только что онъ во Франціи. Правда, я его послалъ туда вовсе не затѣмъ чтобы хвалить раздѣлъ Польши. Европа покидаетъ меня, отказываетъ мнѣ во всякой помощи, и тѣ кто обираетъ меня говорятъ что своимъ сопротивленіемъ ихъ волѣ я сдѣлаю причину умноженія бѣдствій которыя ихъ войска заставляютъ терпѣть мою націю. Находятся люди которые, не боясь упрека въ непослѣдовательности, порицаютъ меня нынче за то что я недостаточно хорошъ былъ съ Россіей, тогда какъ цѣлмя пять лѣтъ они воевали со мной и терзали меня единственно потому что ошибочно считали меня въ саишкомъ хорошихъ отношеніяхъ съ ней.“ Способность надѣяться на нѣчто луч-

шее не покидала короля и среди этихъ безвыходныхъ обстоятельствъ. Въ томъ же письмѣ онъ какъ бы примиряется съ совершившимся фактомъ и даже думаетъ что въ уцѣлѣвшей части Польши легче будетъ устроить прочный государственный порядокъ, хотя ожидаетъ что заословіе не пощадитъ его въ этомъ случаѣ. Но тутъ же ему приходится прибавить: „Въ ожиданіи пока сеймъ рѣшитъ нашу участь, я умираю съ голоду. Вы скажете: у васъ осталась еще четвертая часть доходовъ. Да, но я не могъ отлучить столько ртовъ чтобъ быть въ состояніи кормить тѣхъ кого бѣдствія заваливаютъ на меня. Больше чѣмъ когда-нибудь говорю я: счастливы мертвые! счастливы мой братъ, умершій въ Вѣнѣ! Онъ слишкомъ страдалъ, видя меня ограбленнымъ тѣмъ самымъ императоромъ которому онъ такъ вѣрно служилъ.“

Едва только открылся сеймъ 1773 года, какъ стало ясно что бѣдствія не научили Поляковъ и не поселили въ нихъ сознанія необходимости подавить анархію и сомкнуться около сильнаго и твердаго правительства. Представители Рѣчи Посполитой находили, (напротивъ того, что королевская власть слишкомъ сильна въ республикѣ, и что для блага страны необходимо ограничить ее. Съ этою цѣлью подлѣ короля долженъ былъ стать постоянный совѣтъ изъ тридцати членовъ, облеченный большею частью королевскихъ правъ и сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ высшее управленіе страной въ промежуткахъ между сеймами. Пруссія энергически поддерживала этотъ планъ государственнаго преобразованія, опираясь на вновь прибывшія въ Варшаву войска свои. Эти войска хозяйничали въ Польшѣ какъ въ завоеванной странѣ, обременяя постоемъ даже самыхъ важныхъ сановниковъ королевства. „Шестьдесятъ Прусаковъ — жаловался Станиславъ-Августъ въ письмѣ къ гѣнѣ Жоффренъ — назначены въ домъ моего брата; всеюда русскій имѣетъ ихъ почти столько же, и кромѣ того долженъ уплатить огромную контрибуцію, и все это подѣ угрозой грабежа, какъ въ городѣ взятомъ приступомъ. Въ доказательство что угроза эта осуществима, представили обращикъ въ домъ епископа, смежномъ съ моимъ замкомъ. Этотъ епископъ обнаружилъ на сеймѣ много патріотизма. Одинадцать прусскихъ гусаровъ поселились у него, занявъ даже спальню, куря трубки, валяясь на лучшей мебели, уничтожая ее, и заставляя подавать себѣ не только ѣсть, но даже самую изы-

сканная вина и ликеры; лошади епископа выгнаны изъ его конюшни, а на ихъ мѣста поставлены и кормятся лошади Прусаковъ. Послѣ того какъ три двора добились всего чего хотѣли, войска ихъ продолжаютъ однакоже жить безплатно по всей Польшѣ. Русскій уполномоченный обѣщаетъ что все это прекратится; австрійскій, съ своей стороны, подаетъ надежды; прусскій даже и того не даетъ. Повелитель послѣдняго кажется занятъ стараніями склонить своихъ союзниковъ чтобъ они дозволили ему приобрѣсть болѣе чѣмъ онъ взялъ у насъ до сихъ поръ. Императоръ повидимому считаетъ себя обязаннымъ дѣлать намъ столько же зла какъ и король Прусскій, а императрица Русская кажется слишкомъ занята Турками, чтобы помѣшать королю Прусскому вредить намъ.“ Станиславъ-Августъ заключаетъ письмо восклицаніемъ: „да будетъ проклятъ день приведшій меня къ несчастному мѣсту которое я занимаю и котораго нельзя оставить!“

Гжа Жоффрель не находила уже для своего друга ни соутѣшъ, ни утѣшенія. Она могла только говорить ему какъ она страдаетъ при одной мысли о его ужасномъ положеніи. „Когда при мнѣ заходитъ рѣчь о Польшѣ, я хотѣла бы спрятать голову въ мѣшокъ,“ писала она ему. По ея мнѣнію, лучше всего было бы отречься и переѣхать въ Англію, гдѣ жить частнымъ человѣкомъ; въ другой разъ она мечтаетъ сдѣлать его кардиналомъ въ Римѣ. „Мнѣ кажется, писала она, что избытокъ бѣдствій долженъ внушить вамъ отвращеніе къ человѣческимъ сердцамъ и къ вашему трону. Нѣтъ такого положенія котораго я не предпочла бы вашему, даже нищету. Король покинувшій свой престолъ—личность интересная для государей и народовъ.“ Станиславъ-Августъ также писалъ что „его душа и тѣло нуждаются въ покоѣ. Покоя! покоя! у меня нѣтъ больше другихъ желаній. Въ какой мукѣ живу я уже столько лѣтъ! Вѣчные призраки, мерцаніе—и ничего болѣе!“

Преобразование государственной конституціи наконецъ состоялось, и вотъ что писалъ по этому поводу Станиславъ-Августъ, въ апрѣлѣ 1775 года: „Злополучный сеймъ нашъ наконецъ раслуценъ, и постоянный совѣтъ началъ дѣйствовать. Онъ уже причинилъ мнѣ бури и волненія очень тяжкія. Онъ установленъ на ограниченіи королевскихъ прерогативъ. Мнѣ объявили официально что если я не приму его, оста-

токъ моей страны будетъ преданъ огню и мечу, и по всей землѣ выставать плакарды чтобы сказать жителямъ: вамъ не причинили бы всѣхъ этихъ золъ, еслибы вашъ король не упорствовалъ охранить въ цѣлости свою прерогативу. Вы понимаете что мой долгъ короля-патріота не позволялъ мнѣ далѣе настаивать. Но взгляните на странность моей судьбы: едва постоянный совѣтъ открылся, какъ большая часть націи, и въ особенности магнаты, стали ему враждебны и ищутъ только какъ бы его осмѣять, порицать, вредить ему. А я, поставленный во главѣ этого совѣта, вынужденъ употреблять старанія, подвергая себя всевозможнымъ безпокойствамъ новаго рода, чтобы защитить его и помѣшать компрометтировать и оскорблять его. Что же касается моихъ доходовъ, я не могу обѣщать себѣ ничего опредѣленнаго раньше года, потому что даже черезъ шесть мѣсяцевъ я еще не выйду изъ неувѣрности въ которой нахожусь.“

Послѣднее письмо политическаго содержанія писанное Станиславомъ-Августомъ къ гжѣ Жоффрею помѣчено 24го августа 1776 года. Въ немъ король снова возвращается къ своимъ надеждамъ, въ виду новой конфедерации, образовавшейся съ цѣлью уничтоженія *liberum veto* и уменьшенія власти гетмановъ. „Я надѣюсь, пишетъ онъ объ этой конфедерации,—посредствомъ нея ослабить хотя отчасти зло причиненное Польшѣ предыдущею. Я далекъ отъ надежды уничтожить его совѣтъ, но никогда не худо начать. Тѣ самыя державы которыя два года назадъ надѣлали столько бѣдъ Польшѣ, нынче повидимому расположены позволить ей залѣчить нѣкоторыя изъ ея ранъ.“ Спустя годъ, перелиска, становившаяся все менѣе и менѣе дѣятельною, прекратилась за смертью гжи Жоффрею.

Надежды выраженные королемъ являются какъ бы предчувствіемъ второй, болѣе спокойной половины его царствованія. Этотъ второй періодъ обнимаетъ 17 лѣтъ, съ 1775 по 1792 годъ. Утомленная нескончаемыми страданіями, заключенная въ гораздо болѣе тѣсныя предѣлы, Польша какъ будто искала того самаго покоя къ которому стремилась ея король. Въ умахъ обнаруживалось даже какъ будто сознание источника народныхъ золъ, являлась мысль о невозможности продолжать политическое существованіе при анархическихъ условіяхъ прежняго государственнаго устройства. Планы лучшей организациі, весьма впрочемъ робкіе, предла-

гаемые Станиславомъ-Августомъ, начали встрѣчать сочувствіе въ нѣкоторой части польскаго общества. Благодѣянія мира не замедлили сказаться въ успѣхахъ промышленности, земледѣія, просвѣщенія. Явились поэты, ученые, юристы и историки, сообщившіе царствованію послѣдняго Польскаго короля извѣстныи блескъ. Поощряя искусства, украшая Варшаву художественными памятниками, предсѣдая на литературныхъ и ученыхъ собраніяхъ, Станиславъ-Августъ чувствовалъ себя болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ среди политическихъ интригъ и бурнаго волненія партій. Но эти мирныя преуспѣванія были только временнымъ затишьемъ предъ послѣднею катастрофой. Они были скорѣе слѣдствіемъ политическаго истощенія, чѣмъ избытка внутреннихъ силъ страны. Скропныя реформы осуществленныя конституціей 1791 года не могли пересоздать Польшу и спасти ее отъ гибели. Элементы разложенія и анархіи, оставшіеся въ организмѣ Рѣчи Посполитой, проявились въ 1792 году новымъ и уже послѣднимъ взрывомъ, поглотившимъ ея политическое существованіе.

V. W.

МЕДУМИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ *

Печатая не раз по-нѣмедки о моихъ наблюденіяхъ надъ явленіями медиумизма **, я считалъ до сихъ поръ несвоевременнымъ говорить о нихъ въ русской печати. То рѣзкое предубѣжденіе съ которымъ относилось и относится къ этому вопросу большинство, то, можно сказать, отвращеніе съ которымъ почти всѣ редакціи газетъ и журналовъ изрѣдка и нехотя рѣшались давать ему мѣсто на страницахъ своихъ изданій, все это не призывало меня къ изложенію моихъ наблюденій въ нашихъ органахъ гласности. При такихъ условіяхъ, отъ нихъ трудно было ожидать пользы для кого бы то ни было и нельзя было не ожидать непріятностей для пишущаго. Что такой взглядъ былъ основателемъ вполнѣ доказывался тѣмъ что пришлось недавно испытать моему уважаемому другу профессору Н. П. Вагнеру, а отчасти и самому мнѣ по поводу его статьи.*** Тонъ въ которомъ отнеслось къ ней большинство, нельзя считать ни умѣреннымъ, ни приличнымъ; и еще менѣе можно назвать разборчивыми тѣ приемы какіе были употреблены нѣкоторыми изъ писав-

* Имя автора этой статьи, пользующагося столь почетною извѣстностью и авторитетомъ въ ученомъ мѣрѣ, профессора химіи при С.-Петербургскомъ университетѣ, А. М. Бутлерова, невольно обращаетъ на нее особое вниманіе и во всякомъ случаѣ оправдываетъ ея появленіе въ журналѣ. *Ред.*

** Въ журналѣ *Psychische Studien*, издаваемомъ съ 1874 года въ Лейпцигѣ А. Н. Аксаковымъ (см. 1874 годъ № I стр. 20, № VI стр. 300 и 1875 годъ № III стр. 139 и № IX стр. 285).

*** *Вѣстникъ Европы*. Апрель, 1875 годъ.

шихъ противъ лица виноватаго въ томъ только что оно открыто въ русской печати осмѣлилось заявить о существованіи фактовъ, добросовѣстно считаемыхъ имъ реальными и неподложными. Не оставлены въ покоѣ, наконецъ, даже и тѣ кто рѣшился обратить серіозное вниманіе на дѣло, хотя бы и съ той собственно точки зрѣнія что здѣсь кроется уклоненіе отъ здраваго смысла, заслуживающее ближайшаго изслѣдованія. А между тѣмъ несомнѣнно большинство самыхъ рѣзкихъ оппонентовъ профессора Вагнера—люди готовые проповѣдывать и защищать необходимость свободы мнѣній, тѣмъ болѣе свободу науки, свободу мнѣній относящихся къ изученію и объясненію явленій природы. Эти лица преслѣдуютъ здѣсь уже и не одну свободу мнѣнія, а даже свободу изслѣдованія и описанія фактовъ. Ничего подобнаго не могло быть и не было въ западной Европѣ. Къ сочиненіямъ Перти, къ статьямъ Уаллеса, Крукса и пр. относится тамъ большинство съ тѣмъ же насмѣшливымъ недоврѣемъ съ какимъ встрѣчена у насъ была статья Вагнера, но свободу изслѣдованія и личнаго мнѣнія тамъ умѣютъ цѣнить и беречь, и названнымъ ученымъ едва ли приходилось высказывать что-либо подобное тому что съ полною развязностью говорится у насъ любымъ безаллепаціоннымъ и обыкновенно безыменнымъ фельетоннымъ рѣшителемъ вопросовъ. Нашлись у насъ и такіе лшущіе которые съ напраснымъ глубокомысліемъ ухищрялись разыскивать въ состояніи нашей общественной атмосферы причины распространенія спиритизма. Подобная догадка, быть-можетъ, обнаруживаетъ нѣкоторое остроуміе, но этимъ излишне глубокимъ мыслителямъ, или ихъ послѣдователямъ, придется увѣриться рано или поздно что главная причина распространенія спиритизма лежитъ просто въ реальности фактической стороны дѣла, и болѣе или менѣе странныя толкованія прииѣшиваются сюда потому что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, факты поддаются обсужденію лицъ неподготовленныхъ къ тому чтобы мыслить строго.

Писавши по-нѣмецки, я не подвергался бросанію грязью, а тотъ спеціальнѣйшій органъ въ которомъ появлялось мое имя въ связи съ медиумизмомъ, но за то и рядомъ съ именами справедливо пользовающимися въ Европѣ почетомъ и извѣстностью, обратилъ серіозное вниманіе нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. Стоитъ указать напримѣръ

хоть на то какъ отвелась къ нему берлинская *Фоссова Газета*, посвятившая нѣсколько своихъ нумеровъ далеко не насмѣшливой статьѣ о медиумизмѣ, принадлежащей перу извѣстнаго Фрауэнштедта. Содержаніе первой моей статьи, напечатанной въ Лейпцигѣ, было передано въ главныхъ чертахъ, вскорѣ послѣ ея появленія, въ фельетонѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* * и.... прошло незамѣченнымъ. Это, вѣроятно, избавило меня отъ лишнихъ комковъ грязи, но теперь я готовъ сожалѣть объ этомъ. Еслибы высказанное мною не прошло безслѣдно, быть-можетъ тѣ лица которыя недавно взяли на себя трудъ серьезно и въ приличномъ тонѣ заговорить о медиумизмѣ, подписавъ свои имена, прочли бы мои нѣмецкія статьи, а читая ихъ они нашли бы въ томъ же журналѣ немало свѣдѣній идущихъ и съ другихъ, заслуживающихъ довѣрія, сторовъ. Это чтеніе позволило бы имъ нынѣ говорить съ болѣе серьезнымъ знаніемъ того о чемъ они ведутъ рѣчь, избавило бы ихъ отъ необходимости признаваться что они рѣшаются произносить приговоры въ дѣлѣ имъ мало извѣстномъ. ** Чтеніе это, вѣроятно, помѣшало бы имъ также

* См. также *Очерки* и пр. Незнакомца (А. Суворина), книжка 2я. Я, конечно, отказываюсь поминать почему, но мнѣнію г. Суворина, „не упоминая о нѣкоторыхъ явленіяхъ, я тѣмъ самыми признаю ихъ шарлатанствомъ“, тогда какъ я заранѣе сказалъ что сообщу лишь о нѣкоторыхъ наиболее рѣзкихъ случаяхъ.

** „Литература этого предмета мнѣ мало извѣстна,“ говоритъ г. Рачинскій (*Русскій Вѣстникъ*, май 1875 года, стр. 381), и полная справедливость этого признанія ясно видна изъ того что онъ „въ статьѣ г. Вагнера въ первый разъ встрѣтилъ о подобныхъ явленіяхъ свидѣтельство исходящее отъ людей науки“ (стр. 382). А между тѣмъ, имена ученыхъ: Гера, де-Моргана, Уаллеса, Варлеа, Крукса и пр. и пр., столько разъ повторялись рядомъ со свидѣтельствами ими данными, что даже странно не замѣтить ихъ тому кто рѣшается печатно судить о медиумическихъ явленіяхъ. Я позволяю себѣ думать что самъ г. Рачинскій сочтетъ компетентнымъ, въ вопросахъ естествознанія, приговоры тѣхъ только лицъ которыя изучали эти вопросы обширно и всесторонне, не по однимъ отрывочнымъ личнымъ наблюденіямъ.

Что касается г. Шкаряревскаго, то хотя онъ, какъ видно, и познакомился нѣсколько съ литературой предмета, но это знакомство сдѣлано мимоходомъ и осталось крайне недостаточнымъ. Иначе, разбирая то что разказано профессоромъ Вагнеромъ, г. Шкаряревскій вѣроятно счелъ бы нужнымъ обратить вниманіе и на то что

давать объясненія немедленно падающія при серіозномъ, болѣе подробномъ сооставленіи ихъ съ фактами и не могуція поэтому имѣть ни малѣйшаго вѣса во мнѣніи людей наблюдавшихъ явленія не въ одномъ ихъ зародышѣ. Я принадлежу къ числу этихъ людей и принужденъ сознаться что счелъ бы крайне неблагодарною задачей опроверженіе того что не можетъ держаться само собой въ прикосновеніи съ дѣйствительностію. Пусть только захотятъ познакомиться съ нею!

Вотъ почему, находя при настоящихъ обстоятельствахъ необходимымъ высказаться, я вовсе не намѣренъ вступать въ подробную полемику съ противниками профессора Вагнера, а хочу говорить о моихъ личныхъ наблюденіяхъ. Я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, вредны или нѣтъ медиумическіе опыты; я не приглашаю къ нимъ людей нервныхъ, суевѣрныхъ или склонныхъ къ мистицизму, охотно допускаю что подъ руками шарлатановъ они могутъ быть поддѣльными и служить орудіемъ эксплуатаціи легковѣрныхъ. Для меня довольно того что видѣнное и описываемое мной представляетъ, по крайнему искреннему убѣжденію моему, реальныя, неподдѣльныя явленія природы, а факты все побѣждаютъ; они не боятся голословнаго отрицанія, и ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ утаиванію, но требуютъ наблюденія, изученія. Пусть принадлежатъ эти факты къ числу такихъ которые болѣе или менѣе извѣстны были уже въ древности, пусть было темное время когда на нихъ опиралось значеніе египетскихъ жрецовъ или римскихъ авгуровъ, пусть и нынѣ держится ими шаманство, пусть будутъ они вредны для тѣхъ кто не въ мѣру увлекается ими, но если они реальны, то намъ нѣтъ дѣла до всего этого. Все дѣйствительно существующее подлежитъ знанію, а увеличеніе массы знанія можетъ только обогащать, а не упразднять науку. Если человѣчество когда-либо признавало фактъ, а потомъ въ ослабленіи самолюбія, стало отрицать его, то

печатно заявлено Круксомъ, Уаллесомъ, мной и пр. и что достаточно устриваетъ многое изъ мнѣній г. Шкаряевского. А говоря о Фолькманнѣ, поймавшемъ фигуру Кети Килъ, г. Шкаряевскій не упоминалъ бы о томъ что Круксомъ *позже этого констатировано* существованіе Кети какъ дѣйствительно-отдѣльное отъ медиума, масса Кукъ (*Вѣстникъ Европы*, июль, стр. 417 и 418). Въ сущности являемо свидѣтельство Крукса лишаетъ г. Шкаряевскаго права, которое онъ себѣ присвоилъ, оставить явленія матеріализаціи внѣ разсмотрѣнія.

возвратъ къ признаанію реально-сущаго будетъ шагомъ впередъ, а не назадъ. Но именно нужно чтобы это признааніе совершилось въ силу строгаго наблюденія, изученія, провѣрки опытомъ, чтобы пришла къ нему руководясь *положительными научными методами*, также какъ приходится къ признаанію каждаго явленія природы. Заявляя о дѣйствительности существованія медицинскихъ фактовъ, мы желаемъ приложенія этого метода, зовемъ не къ слѣпому вѣрованію, по примѣру давнопрошедшихъ лѣтъ, а къ званію, не къ отреченію отъ науки, а къ расширенію ея области; мы влодѣвъ раздѣляемъ мнѣніе что точное, научное разсмотрѣніе всего лучше приведетъ къ тому чтобы „явленія эти утратили печать таинственности“ * и видимъ блестящее будущее завоеваніе науки въ томъ что она будетъ въявь изслѣдовать, изучать то что до сихъ поръ впадало въ область таинственности и темныхъ вѣрованій.

Прежде всего, я считаю обязанностью положительно заявить что, наравнѣ съ самимъ профессоромъ Вагнеромъ, принимаю на себя ручательство въ реальности и объективности фактовъ которые имъ описаны и которые пришлось намъ наблюдать вмѣстѣ съ нимъ. Я убѣжденъ даже что всякій серіозный наблюдатель который имѣлъ бы желаніе, случай и терпѣніе, въ теченіи достаточно продолжительнаго времени, подобно намъ, познакомиться съ цѣлымъ рядомъ этихъ явленій, раздѣлил бы въ главныхъ чертахъ наши заключенія. Я готовъ еще разъ повторить здѣсь достопамятныя слова Уаллеса ** уже приведенныя мной въ моей первой нѣмецкой статьѣ: *** „я такъ увѣренъ въ истинѣ и объективной реальности фактовъ мной здѣсь разказанныхъ что я готовъ весь этотъ вопросъ отдать на судъ любого человѣка науки, желающаго дойти до истины и согласнаго, до произнесенія своего сужденія, посвятить изслѣдованію этихъ явленій два или три часа въ недѣлю въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, потому что—повторяю опять—я не знаю ни одного человѣка который, сдѣлавъ это, не убѣдился бы въ дѣйствительности этихъ явленій.“

* См. предложеніе сдѣланное профессоромъ Д. И. Менделѣевымъ въ засѣданіи Физическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, 6го мая 1875 года.

** См. также книгу *Спиритуализмъ и Наука* А. Аксакова, 1872, стр. 10.

*** См. *Psych. Studien* 1874. I стр. 28.

Описывать буду я лишь то что происходило въ моемъ личномъ присутствіи. Знаю по собственному продолжительному опыту что вѣрить даже и самымъ достовѣрнымъ свидѣтелямъ, когда дѣло идетъ о фактахъ подобныхъ медиумическимъ, трудно, и тѣмъ труднѣе вѣрить тому что разсказывающій слышалъ отъ другихъ, хотя бы и такихъ свидѣтелей которые для него, разсказывающаго, вполнѣ достовѣрны. „Я не смѣю отрицать того что слышу,“ говорится или думается обыкновенно въ этихъ случаяхъ, „но повѣрю тогда только когда увижу и убѣжусь собственными чувствами“. Невольно, помимо строгаго сужденія, нерѣдко принимается изъ разсказаннаго одно, болѣе согласное съ предвзятыми идеями, и отрицается другое, противорѣчащее имъ, хотя и то и это свидѣтельствуется одинаково опредѣленно, и заслуживаетъ одной и той же степени довѣрія. Примеры блваки. Такъ видѣли мы какъ покойный лейпцигскій профессоръ Чермакъ принималъ свидѣтельство Крукса относительно показанія дружинныхъ вѣсовъ, колебавшихся подъ медиумическимъ вліяніемъ Юма, и рядомъ съ этимъ игнорировалъ другіе факты установленные и сообщенные Круксомъ, и относящіяся также къ сдѣланнымъ имъ надъ медиумическими явленіями опытами. * Допускалось то въ чемъ удобно можно было предположить ошибку, а игнорировалось то что трудно опровергнуть. Подобнымъ образомъ мыѣ и г. Рачинскій готовъ допустить наше (Н. П. Вагнера и мое) свидѣтельство о явленіяхъ за занавѣской въ сеансъ Брешифа, но только рядомъ съ своимъ предположеніемъ о „существованіи, безъ вѣдома хозяина дома, другаго ключа отъ двери находящейся за занавѣской“. ** А г. Шкляревскій, кромѣ втораго ключа, ухитряется еще допустить присутствіе, тоже незамѣтное для насъ, особой женщины въ складкахъ занавѣски. *** Отчего же принимая болѣе или менѣе наше свидѣтельство относительно реальности самыхъ явленій, при наблюденіи которыхъ еще сравнительно-легко можно предположить ошибку, не считать насъ компетентными въ рѣшеніи вопроса о ключѣ, о двери и отсутствіи подставнаго лица, то-есть о томъ что не было поддѣлки по меньшей мѣрѣ собственно съ этихъ нехитрыхъ стѣбровъ. „Такое

* См. мою статью въ *Psychische Studien* 1874 I стр. 22.

** *Русскій Вѣстникъ* май 1875 стр. 936.

*** *Вѣстникъ Европы* 1875 июль стр. 418.

предположеніе (о второмъ ключѣ) для насъ, присутствовавшихъ на сеансѣ“, говоритъ Н. П. Вагнеръ и повторяю теперь я, „лишено всякаго человѣческаго смысла“. Неужели нуженъ пламяъ квартиры, рисунокъ двери и т. п.? Что же касается до присутствія незамѣченной нами женщиной въ складкахъ той занавѣски которую каждый изъ насъ могъ постоянно трогать, оцупывать, осматривать, то, признаюсь, это предположеніе для меня чуднѣе самихъ медиумическихъ фактовъ. Смѣю увѣрить гг. Рачинскаго и Шкларевскаго что и они, и всякій другой, самый упорный отрицатель медиумизма, съ перваго взгляда на мѣстѣ, согласился бы съ нами относительно ключа дверей и отсутствія подставнаго лица. Г. Рачинскій удивляется что Н. П. Вагнеръ не ожидаетъ того чтобъ ему повѣрили, я же позволяю себѣ замѣтить что я вичуть не удивился бы еслибы г. Рачинскій, осмотрѣвъ дверь и комнаты и убѣдившись въ несостоятельности своего предположенія о второмъ ключѣ, отказался вѣрить тому самому нашему свидѣтельству которое теперь онъ такъ охотно принимаетъ.

Я далекъ отъ того чтобъ ожидать полнаго довѣрія къ моимъ словамъ. Я уже нѣсколько привыкъ къ тому любопытному способу сужденія который обыкновенно прилагается строгими судьями къ разказамъ о медиумическихъ явленіяхъ. Слишкомъ уже годъ тому назадъ я указалъ* на этотъ способъ сужденія какъ на безвыходный кругъ, и приблизительно выразилъ его въ слѣдующихъ словахъ: „Заслуживаютъ довѣрія только свидѣтельства здравомыслящихъ естествоиспытателей; но естествоиспытатель, каковы бы ни были его заслуги, перестаетъ быть здравомыслящимъ какъ скоро онъ пускается въ область медиумизма, и его свидѣтельство перестаетъ заслуживать довѣрія, или: Круксъ, Уаллесъ и др. наблюдаютъ постоянно ошибочно какъ скоро они касаются медиумическихъ явленій, до этого же, какъ и послѣ этого они продолжаютъ быть точными наблюдателями“. „Не приходится ли послѣ этого воскликнуть вмѣстѣ съ Круксомъ „тѣмъ хуже для фактовъ“!“

Я испыталъ впрочемъ на самомъ себѣ какъ трудно вѣрится реальности медиумическихъ явленій, несмотря на довѣріе къ наблюдавшимъ и разказывающимъ о нихъ, часто даже несмотря на свидѣтельство собственныхъ чувствъ. Вполнѣ сознаю какъ справедливо высказанное Круксу въ частномъ

* *Psychische Studien* 1874. I стр. 20.

писемъ однимъ изъ его знакомыхъ.* „Я не умѣю найти разумнаго отвѣта на ваши факты. А между тѣмъ—странная вещь!—при всемъ моемъ желаніи и стремленіи мыслить спиритуалистически и при всемъ довѣріи къ вашему дару наблюдать и совершенной правдивости, я чувствую что во мнѣ проявляется желаніе видѣть все это самому. Мнѣ даже тяжело сознать какъ много доказательствъ мнѣ еще надо. Я говорю *тафело* потому что вижу здѣсь что не разумъ убѣждаетъ человека, но убѣжденіе приходитъ лишь тогда когда фактъ повторяется такъ часто что впечатлѣніе становится привычнымъ, старымъ знакомымъ, дѣломъ извѣстнымъ уже такъ давно что въ немъ нельзя болѣе сомнѣваться. Это странная сторона человѣческаго разума, и она замѣчательно сильно выражена въ ученыхъ; въ нихъ, мнѣ кажется, болѣе чѣмъ въ другихъ.“

Сопашь и на то что сказано было мною около года тому назадъ въ моей замѣткѣ напечатанной въ *Psychische Studien* ** „Сначала стоишь совершенно пораженный предъ свидѣтельствомъ собственнаго чувства, доказывающаго реальность такихъ вещей которыя привыкъ считать противорѣчащими здравому разуму. Надо не мало времени и внутренней работы чтобы помириться съ неоспоримой дѣйствительностью, и когда наконецъ дошелъ до необходимости признать эту дѣйствительность, то все еще тяжело спокойно считать неирраціональнымъ существующимъ на дѣлѣ: время отъ времени поднимаются новыя сомнѣнія; прежнее направленіе мыслей опять возникаетъ, и сомнѣнія устраняются лишь повѣйшею невозможностью счесть испытанное чѣмъ-либо другимъ кромѣ фактической истинны. Предъ нимъ стоишь въ полномъ сознаніи ограниченности человѣческихъ свѣдѣній, и уступаешь только потому что *съ фактами не спорятъ*.“ То же самое я готовъ повторить и теперь. Послѣ всего этого конято что не безусловнаго довѣрія къ моимъ словамъ ожидаю я; я желалъ бы только не встрѣтить предвзятыхъ мнѣній и доводовъ въ родѣ того который гласитъ что *этого не могло*

* См. *Psychische Studien* 1874 N II стр. 54. Крукъ замѣчаетъ про то лицо что „высокое положеніе занимаемое имъ въ ученомъ мѣрѣ дѣлаетъ его мнѣніа о тенденціяхъ ученыхъ умовъ вдвойнѣ заслуживающими вниманія“.

** 1874. VII стр. 306, въ статьѣ *Der russische Mathematiker Ostrogradsky als Spiritualist*.

быть, потому что это невозможно *, между тѣмъ какъ, при сколько-нибудь серьезномъ мышленіи, ясно что, въ области чисто спекулятивной, вопросъ о невозможности какого-либо явленія природы не рѣшается окончательно апріорнымъ путемъ. Я желалъ бы не имѣть основанія повторить нѣтъ то что было прежде сказано мной: „Когда въ наукѣ предлагается гипотеза, то всякій имѣетъ полное право принять или отвергнуть ее, но и тутъ обыкновенно гипотеза имѣющая нѣкоторую силу отвергается лишь тогда когда на мѣсто ея можно поставить другую, лучшую. Когда же сообщаются фактическія данныя, то естественныи испытатель отрицающій ихъ обязанъ показать наблюденіями что это не суть факты, или правильнѣе, что это факты дурно наблюдаемые. Такъ и поступаютъ обыкновенно, но только не тогда когда дѣло идетъ о фактахъ въ родѣ наблюдавшихся Круксомъ“. **

Для самого меня прошлыя годы прежде чѣмъ я мало-помалу *принужденъ* былъ уступить силѣ фактовъ, сдать ихъ непреложному свидѣтельству собственныхъ чувствъ. Факты набиралась сначала случайно, съ долгими промежутками времени,

заставили меня прежде всего быть осмотрительнымъ въ отрицаніи. Скажутъ можетъ-быть что они напротивъ подготовили во мнѣ нѣкоторую легковѣрность. Но я хорошо знаю что несмотря на нихъ во мнѣ внутренне брало долго верхъ отрицаніе, и что факты эти только вызывали меня постоянно на осторожность когда приходилось стать на точку зрѣнія положительнаго знанія: *не иди далѣе*, я говорилъ лишь о томъ что *знаю* и *чего не знаю*.

Несомнѣнно что въ отрицаніе какъ и въ допущеніе легко вкрадывается предвзятость и можно сказать суевѣріе. Примѣчка, на значеніе которой такъ справедливо указалъ знакомый Крукса, можетъ играть роль одинаково тутъ и тамъ, и отрицающіе нерѣдко становятся въ сущности легковѣрными и суевѣрными, потому что идутъ далѣе чѣмъ даетъ имъ на то право положительное знаніе. *** Подозрѣвать и упрекать вза-

* Мнѣ кажется что имѣемъ въ подобную аргументацію впадаетъ г. Шкааревскій, говоря о томъ какъ долженъ бы отнестись профессоръ Вагнеръ къ факту появленія руки. Г. Шкааревскій предполагаетъ декадансизмъ то что опровергается фактомъ не признаваемымъ имъ, г. Шкааревскимъ, но констатируемымъ другими. Не будетъ ли это *circulus vitiosus*? См. *Вѣстн. Европы* ноябрь стр. 415.

** *Psych. Stud.* 1874. I стр. 21.

*** Ссылаюсь на мою замѣтку въ *Psychich. Stud.* 1875 к. III стр. 139.

мно другъ друга могутъ здѣсь обѣ стороны, и уже конечно, при господствующемъ направленіи философскаго познания, легче впасть въ суевѣріе отрицающее, чѣмъ наоборотъ.

Какъ бы то ни было, я хочу показать читателю весь путь пройденный мной и начну съ моихъ первыхъ случайныхъ наблюдений.

I.

Я былъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, когда мнѣ впервые пришлось увидѣть случай, относившійся не къ области медиумизма, но къ родственной съ нимъ категоріи явленій животнаго магнетизма.

Одна моя родственница страдала нервными припадками, которые возвращались довольно часто и состояли изъ конвульсій и безпамятства. Каждый припадокъ со своими послѣдствіями продолжался обыкновенно нѣсколько часовъ. Большую лѣчили разные доктора и различными способами, но вообще безуспѣшно; а одно время ее посѣщаль увѣданный врачъ, нашъ хорошій знакомый, пользовавшійся репутаціей искуснаго медика, но про котораго прежде я никогда не слышалъ какъ про магнетизера. Разъ, когда наступилъ обычный припадокъ, послано было за этимъ врачомъ. Въ то время какъ онъ явился больная лежала на диванѣ, а недалеко отъ нея, въ сторонѣ, сидѣлъ я; болѣе никого въ комнатѣ не было. Врачъ, предлагавшій до того нашей больной, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенную помощь аптечныхъ средствъ, на этотъ разъ неожиданно поступилъ по другому. Онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ знакъ сохранять тишину, а самъ началъ дѣлать руками магнетическіе пассы надъ больной. Я былъ удивленъ, тѣмъ болѣе что не имѣлъ понятія о животномъ магнетизмѣ, и съ любопытствомъ наблюдалъ за происходившимъ. Черезъ нѣсколько минутъ, вопреки обычному своему теченію, нервный припадокъ ослабѣлъ, конвульсіи прекратились, больная заснула. Врачъ велѣлъ ее оставить спать и уѣхалъ. Позже онъ спать магнетизировалъ больную, причемъ она всегда засыпала; случалось также давать больной магнетизированной воды, и больная всегда узнавала и отличала ее отъ обыкновенной. Съ характеризовавшими меня пылкостью и рвеніемъ, я немедленно захотѣлъ ближе и обстоятельнѣе познакомиться съ предметомъ. Это было далеко въ

узданомъ городѣ, но у одного изъ знакомыхъ нашлась французская книжка Deleuse'a о животномъ магнетизмѣ, и я съ жаждою взялся за чтеніе. Усвоивъ нѣсколько наружную сторону дѣла, приваялся я самъ за магнетическіе опыты. Моя способность быть магнетизеромъ оказалась слабою, но та же нервно-больная родственница моя обыкновенно засыпала подъ моими пассами и почти всегда безошибочно отличала магнетизированную мной воду когда ей подавали два одинаковые стакана, одинъ съ магнетизированною, другою съ простою водою. Случалось мнѣ, въ видѣ опыта, магнетизировать и другихъ лицъ, причѣмъ иногда являлось усыпленіе. Все это не были, правда, явленія рѣзкія, но они были настолько опредѣленны и многочисленны, повторялись такъ постоянно что *отвергать существованіе месмерическаго вліянія сдѣлалось для меня невозможною.* Разумѣется, я не буду утверждать чтобы строго критически относился въ то время къ наблюдаемымъ явленіямъ, однакоже и послѣ, и теперь, обдумывая то что тогда совершалось предъ моими глазами, а прихожу къ убѣжденію что мой общій выводъ былъ правиленъ. Допуская магнетическое вліяніе, я однакожъ и тогда, и долгое время послѣ, оставлялъ въ сторонѣ явленія ясновидѣнія, и на вопросъ о нихъ, не отвергая ихъ возможности, я умѣлъ бы отвѣтить только: „не знаю, я не видалъ ихъ“.

Было бы излишне разказывать о другихъ немногихъ случаяхъ въ которыхъ мнѣ, въ послѣдствіи, еще приводилось наблюдать и самому испытывать месмерическое вліяніе. Случаи эти прибавили очень мало къ моему прежнему взгляду. Но важно то что первые факты мнѣ представившіеся стали наперекоръ встрѣченному мной скорѣ отрицанію, и эта коллизія естественно была для меня важнымъ предостереженіемъ.

Нынѣ, реальность магнетическихъ явленій признается, кажется, несравненно болѣе чѣмъ она признавалась тогда. Въ Англіи, во Франціи едва ли кто изъ серьезныхъ людей станетъ рѣшительно отрицать ее. У насъ и теперь, въ большинствѣ случаевъ, смотрятъ на месмерическія явленія какъ на продуктъ шарлатанства и фантазіи и, несмотря на довольно значительное число лицъ, даже врачей, познакомившихся съ ними на дѣлѣ, обыкновенно считаютъ возможнымъ игнорировать ихъ. *

* По отношенію къ месмеризму мы находимся, повидимому, въ томъ положеніи которое въ Англіи уже принадлежитъ прошлому.

Поступивъ въ университетъ, учась изучать природу и серьезно мыслить о ней, я не могъ не вспоминать часто видѣнное мною, но, при разказахъ о томъ, я тотчасъ встрѣтилъ рѣшительное отрицаніе, шутку или насмѣшку, даже со стороны лицъ которыхъ мнѣнія высоко и очень авторитетно стояли въ моихъ глазахъ. Никакой однакожь авторитетъ не могъ встать для меня выше авторитета фактовъ засвидѣтельствованныхъ моими собственными чувствами, и тѣмъ мѣѣ сдѣлался я довѣрчивъ къ апіорическому „ученому“ отрицанію. Прислаюсь, я и теперь затрудняюсь понять на какія раціональныя основанія можетъ опираться отрицаніе реальности месмерическихъ явленій, если даже отрицающій становится на самую наиматеріалистическую точку зрѣнія. Что вліяніе силъ проявляющихся въ матеріи можетъ имѣть мѣсто на разстояніи — это всѣми признается: таготѣніе, дѣйствіе магнитовъ, взаимное вліяніе токовъ, дѣйствіе токовъ на магниты и на желѣзо и пр. и пр., все это неизбѣжно установленныя факты. Въ чемъ же затрудненіе если дѣло идетъ о томъ чтобы допустить вліяніе силъ присущихъ одному организму на дѣйствіе силъ въ другомъ организмѣ, особенно если оба они поставлены въ извѣстныя опредѣленныя отношенія одинъ къ другому? Почему же нервныя токи двухъ организмовъ не могутъ взаимодействовать, подобно тому какъ взаимодействуютъ электрическіе токи въ проводникахъ, причемъ одинъ токъ можетъ возбуждать или угнетать другой, или давать опредѣленное положеніе проводнику, когда онъ подвиженъ? Мнѣ кажется тотъ, въ чемъ понятіи вся духовная жизнь человѣка сводится къ разнообразнымъ движеніямъ болѣе или менѣе мелкихъ частицъ нервной системы, долженъ тѣмъ скорѣе понять и допустить, по аналогіи, возможность проявляющагося въ месмеризмѣ взаимодействия организмовъ. Ясновидѣніе и тому подобныя болѣе или менѣе странныя и загадочныя явленія хотя и соединены съ месмеризмомъ, но не составляютъ его необходимой принадлежности. Объяснить ихъ всѣ быть-можетъ и

Вотъ слова Уоллеса: „Такіе (месмерическіе) факты въ то время обыкновенно приписывались притворству ладіентовъ. Нѣмѣ большаго вѣроятія нашихъ (англійскихъ) физиологовъ признаеть ихъ за настоящіе душевные феномены. (См. Wallace, нѣмецкій переводъ, *Vertheidigung d. modernen Spiritualismus* стр. 136).

нельзя на основаніи тѣхъ соображеній которыя только-что высказаны, но вѣдь также мало умѣютъ объяснить, но тѣмъ не менѣе вполнѣ признаютъ, загадочныя нервно-болѣзненные состоянія и явленія связанныя съ катаlepsіей, естественнымъ сомнамбулизмомъ и пр.

II.

Послѣ знакомства моего съ месмерическими явленіями прошло около десяти лѣтъ, въ теченіи которыхъ мнѣ не встрѣчалось ничего что могло бы дополнить или измѣнить мои прежнія впечатлѣнія. Въ продолженіи этого времени дошло въ Европу американское столоверченіе. Я слышалъ о немъ вскользь, видалъ попытки дойти до него на дѣлѣ, но не обратилъ на него особеннаго вниманія. О соединенныхъ съ нимъ мистическихъ понятіяхъ я не зналъ тогда вовсе. Въ 1854 году (мнѣ было тогда 25 лѣтъ, и я былъ уже адъюнктъ-профессоромъ Казанскаго университета) мнѣ случилось быть подъ Москвой, въ одномъ извѣстномъ и уважаемомъ семействѣ (С. Т. А—ва), и здѣсь встрѣтился я съ однимъ изъ болѣе сложныхъ медиумическихъ явленій,—съ явленіемъ принадлежащимъ (если употребить выраженіе гг. Вагнера и Рачинскаго) къ категоріи стологоворенія, хотя при этомъ собственно и не было двигающагося стола: подъ руками двухъ дѣвицъ, взрослыхъ дочерей хозяина дома, двигалась и быстро писала, совершенно ясно и четко, тарелка, въ просверленный край которой былъ вставленъ карандашъ. Этимъ способомъ получались подходящіе отвѣты на различные вопросы. Насколько мнѣ извѣстно, никакихъ толкованій этого явленія въ упомянутомъ семействѣ не было въ ходу; на него смотрѣли просто какъ на куріозный фактъ, не зная о какихъ бы то ни было спиритическихъ воззрѣніяхъ. По крайней мѣрѣ я тогда не слышалъ никакихъ объясненій или толкованій того что мнѣ было показано. Странность явленія меня поразила, и въ высшей степени возбудила мое любопытство. Движеніе тарелки не представлялось мнѣ необъяснимымъ, я не задумываясь приписывалъ его бессознательнымъ незамѣтнымъ мышечнымъ сокращеніямъ, которыхъ вліяніе, суммируясь изъ отдѣльныхъ мелкихъ толчковъ, производило наконецъ видимое и довольно значительное движе-

ніе массы. Словомъ, предположеніе на которомъ основаль свое извѣстное объясненіе Фарадей вполнѣ удовлетворило меня. Гораздо болѣе затрудненій представляла разумѣется другая, такъ-сказать, осмысленная сторона дѣла. Я ни минути не могъ остановиться на предположеніи что тутъ есть намѣренная поддѣлка, желаніе ввести меня въ заблужденіе. Тотъ слобозъ какимъ воѣ присутствующіе, и въ особенности дѣвицы производившія опытъ, относились къ явленію, мои собственныя отношенія къ ихъ семейству и воѣ подробности моихъ впечатлѣній, наконецъ, заслуженная, воѣми признанная репутація безупречной честности принадлежавшая этой семьѣ, все это дѣлало подобное предположеніе невыносимымъ. Мнѣ оставалось, *признавая фактъ*, принять что *мигающая тарелка, помимо напѣренной и сознательной воли положившихъ на нее руки, передаетъ мысли или принадлежатія, но самими или несознаваемыми*. Какъ мало могло участвовать здѣсь сознаніе, по крайней мѣрѣ одного изъ двухъ лицъ державшихъ тарелку, показалъ мнѣ особенно ясно слѣдующій случай. Я предложилъ вопросъ о томъ какъ окончится одно занимавшее меня дѣло? Тарелка немедленно принялась писать: „Очень у...“ Лишь только буквы эти были выведены, одна изъ дѣвицъ, слѣдя за писавшимся, немедленно вслухъ докончила фразу предположительно: „Удачно“. Но тарелка продолжала двигаться и вышло „очень услѣшно“.

Какъ бы то ни было, я остановился на выраженномъ выше предположеніи. Фактъ передачи, появленіе, въ видѣ буквъ, несознанныхъ мыслей чрезъ несознаваемое движеніе рукъ передающееся тарелкѣ, я не имѣлъ возможности отвергнуть, а самый механизмъ всего процесса представлялся мнѣ тонкимъ и труднымъ, неразрѣшимымъ вопросомъ нервной физиологіи. Я успокоился на этомъ, и находимся слѣдовательно вполнѣ на той же точкѣ зрѣнія на которой стоитъ нынѣ г. Рачинскій, какъ это видно изъ его статьи.

Около пятнадцати лѣтъ прошло послѣ этого, прежде чѣмъ мнѣ представился случай снова наблюдать медиумическія явленія и вслѣдствіе того по необходимости идти далѣе. Думаю что и другой на моемъ мѣстѣ подвергся бы *той же необходимости*.

Въ теченіе упомянутого значительнаго промежутка времени я хотя и не интересовался спеціально спиритизмомъ, но кое-что узнавалъ о его явленіяхъ, болѣею частью помасашкѣ

изъ разговоровъ. Читая что-нибудь по этой части я не чувствовалъ ни малѣйшаго побужденія, а слышимое проходило почти незамѣченнымъ такъ какъ вѣрить здѣсь могъ я только собственнымъ чувствамъ. Я былъ въ томъ положеніи которое охарактеризовано мною въ моей первой нѣмецкой статьѣ. Указывая на различныя категоріи натуралистовъ по ихъ отношенію къ медиумическимъ явленіямъ которыя они обязаны изслѣдовать, я говорю тамъ слѣдующее: * „Третья и, какъ я думаю, самая многочисленная категорія остается твердо на научной почвѣ, хотя и не хочетъ приняться за наблюденія медиумическихъ явленій. Лица сюда относящіеся до сихъ поръ не встрѣчали случаевъ которые навазали бы имъ знакомство съ этими явленіями; различныя мимоходомъ слышанныя извѣстія и противорѣчающія сужденія объ этомъ предметѣ, разумѣется, не могли ободрить ихъ къ тому чтобъ они сами отыскивали такіе случаи и употребили для того свое дорогое время жертвуя своими работами въ которыхъ они сознаютъ себя стоящими на вполне положительной почвѣ.“ Такимъ образомъ, свидѣнія о медиумизмѣ, пріобрѣтенныя мною, какъ это обыкновенно бываетъ при началѣ, случайно, отрывочно, помимо искавія ихъ съ моей стороны, оставались у меня полунигорируемыми, воспоминаемыми лишь изрѣдка. Вспомнить и серьезно подумать объ этомъ родѣ явленій заставила меня встрѣча съ братьями Девенпортъ и ихъ спутникомъ Фай.

Это было въ началѣ 1868 года, когда я находился въ Ниддѣ. Девенпорты и Фай пріѣхали туда для своихъ обычныхъ сеансовъ. Предъ началомъ каждаго сеанса, они чрезъ особаго спутника-переводчика предупреждали публику что не проповѣдуютъ никакихъ теорій, не даютъ никакихъ объясненій и приглашаютъ только видѣть факты. Но въ развродной нѣтъ публикѣ, разумѣется, не обошлось безъ толкованій, и мнѣ пришлось слышать ихъ съ разныхъ сторонъ. Одни лица въ публикѣ оказались убѣжденными спиритами, другіе допускаящими неполадность фактовъ безо всякихъ толкованій ихъ природы; въ глазахъ третьихъ и, разумѣется, большинства, Девенпорты и Фай были ловкіе фокусники, шарлатаны. Признаюсь откровенно, я не могъ а priori острѣновиться положительно ни на одномъ изъ мнѣній, хотя и считалъ послед-

* *Psychische Stud.* 1874 № I, стр. 27.

всё наиболее вѣроятнымъ. Побывавъ на сеансѣ, я дѣйствительно былъ пораженъ необычайностью явленій. Описывать ихъ подробно считаю излишнимъ, такъ какъ они были уже описаны многими и много разъ, но чтобы напомнить читателю о ихъ характерѣ приведу слѣдующее: Руки, совершенно живыя на видъ и на ощуть, появляются въ отверстіе шкафа въ которомъ сидятъ двое Девелпорты связанные по рукамъ и ногамъ лицами избранными лубликой изъ своей среды; въ шкафѣ происходятъ возня, играютъ гитара и бубель, предметы выбрасываются вовнъ изъ шкафа. Лишь только произошло что-нибудь, шкафъ немедленно отворяютъ, и Девелпорты оказываются сидящими неподвижно, попрежнему связанными. Все это трудно объяснить однимъ умѣніемъ вынимать кисти рукъ изъ какихъ бы то ни было летель и обратно вставлять ихъ. Дѣло въ томъ что связаннымъ Девелпортамъ насыпаютъ въ обѣ руки муки которую они должны не просыпать, держа крѣпко сжатою, пока упомянутыя явленія происходятъ. Явленія происходятъ дѣйствительно попрежнему, а на черныхъ фракахъ Девелпортовъ не оказывается ни малѣйшаго бѣлаго пятна. Далѣе, въ такъ-называемомъ темномъ сеансѣ, летаютъ по воздуху разные предметы; со связаннаго и привязаннаго за руки и за ноги къ столу Фая скидается и отбрасывается далеко къ зрителямъ сюртукъ, между тѣмъ какъ завязки оказываются ветровутыми, а потомъ пальто кого-нибудь изъ зрителей явлется, опять-таки при ветровутыхъ завязкахъ, надѣтымъ на Фая. При видѣ подобныхъ фактовъ нерѣдко разсуждаютъ такъ: „Мало ли фокусники показываютъ вещей которыхъ я не понимаю и не знаю какъ онѣ дѣлаются; неужели мнѣ стоить заботиться объ объясненіи каждаго фокуса?“ Я не могъ остановиться на такомъ способѣ усюкоенія своей пытливости. Видѣнное было далеко отъ обыкновенныхъ фокусовъ и показывалось при такой нехитрой обстановкѣ что желаніе хоть приблизиться къ вѣроятному объясненію было во мнѣ очень сильно. Раза три я постигалъ сеансы усердно наблюдая за всѣми мелочами, передумывая ихъ, разсуждая съ тѣми кто давали себѣ трудъ думать о видѣнномъ. Мои старанія остались безуслѣшны: я не объяснилъ ничего. Мнѣ удалось однако подмѣтить мелочныя обстоятельства которыя, казалось мнѣ, не должны бы имѣть мѣста еслибы феномены были натуральны и которыя отвѣчали до вѣкоторой степени предположенію что явленія

поддѣльны. Такъ я спрашивалъ себя, почему явленія начинаются вообще не мгновенно послѣ того какъ затворятъ шкафъ, а чрезъ нѣсколько секундъ? Почему летающія гитары обыкновенно не удаляются значительно отъ связанныхъ и сидящихъ на эстрадѣ Девенпорта младшаго и Фая? Зачѣмъ нужно присутствіе этого Девенпорта на эстрадѣ когда спортукъ слетаетъ съ одного Фая? и пр. Естественнымъ отвѣтомъ на это представлялось то что Девенпортамъ нуженъ нѣкоторый промежутокъ времени для освобожденія рукъ, что летающія гитары находятся просто въ рукахъ фокусниковъ, что Девенпортъ умѣетъ какъ-то помочь Фая свалить спортукъ и пр., и какъ ни далеки были эти догадки отъ дѣйствительнаго пониманія того предполагаемаго мною способа которымъ явленія производились и отъ объясненія ихъ, я, въ концѣ концовъ, склонялся ко мнѣнію что все видѣнное есть ловкое шарлатанство. Я и теперь, конечно, не буду ручаться за неподдѣльность всего тогда видѣннаго, но я убѣдился въ томъ что подобныя явленія могутъ имѣть мѣсто не будучи поддѣльными, и знаю теперь что серьезная, заслуживающая довѣрія личность, имѣвшая возможность, гораздо лучше и ближе чѣмъ я, наблюдать явленія Девенпортовъ, свидѣтельствуютъ о неподдѣльности этихъ явленій. Все это дѣлаетъ теперь въ моихъ глазахъ предположеніе что Девенпорты шарлатаны и явленія ихъ поддѣльны, натянутымъ и во всякомъ случаѣ очень плохо объясняющимъ происходящее; предположеніе же что явленія происходившія при посредствѣ Девенпортовъ суть феномены медиумическіе, принадлежащіе къ одной категоріи съ тѣми въ которыхъ я послѣ вполне убѣдился, становится для меня весьма вѣроятнымъ. Я затрудняюсь думать чтобы выдающіяся, заслуживающія уваженія личности, каковы напримѣръ Др. Секстонъ * и Камилль Фламарионъ, ** взяли на себя защиту тѣхъ кто не былъ бы въ ихъ глазахъ совершенно чисты отъ подозрѣній въ шарлатанствѣ. Я хоро-

* См. *Psychische Stud.* 1874 № III, стр. 119. Рѣчь Секстона (бывшаго ревностнаго матеріалиста школы Брайда) въ которой онъ излагаетъ путь приведеній его отъ упорнаго скептицизма къ убѣжденію въ реальности медиумическихъ явленій.

** Фламарионъ, извѣстный французскій астрономъ и таинственный популяризаторъ своей науки, написалъ, правда, подъ псевдонимомъ, брошюрку въ защиту Девенпортовъ отъ нападокъ парижской печати (*Des forces naturelles inconnues*, par Негмес). Что Фламарионъ,

шо знаю что вездѣ въ печати приписывали и приписываютъ Девенпортамъ репутацію шарлатанства и даже уломинается что они были будто бы пойманы въ Парижѣ. Этотъ послѣдній случай изложенъ въ брошюрѣ Фламмаріона въ его настоящемъ свѣтѣ; а въ томъ какъ огромно бываетъ количество самыхъ безцеремонныхъ извращеній распускаемыхъ газетами въ подобныхъ случаяхъ, и какъ тутъ много лжи печатается рядомъ съ очень небольшимъ количествомъ правды, во всемъ этомъ я принужденъ былъ убѣдиться твердо съ тѣхъ поръ какъ имѣлъ случай узнать Юма, наблюдать медиумическія явленія въ его присутствіи и видѣть какъ относилась къ нему наша ежедневная печать, въ большинствѣ своихъ представителей. Правда, въ этой печати, по поводу рѣчи о Юмѣ, когда-то заявлено было однимъ лицомъ что ему удалось на Девенпортовъ повязки при которыхъ всѣ явленія прекратились, но послѣ всѣхъ разностороннихъ имѣющихся теперь въ виду данныхъ, я, кажется, смѣло могу принять что и въ этомъ кроется одно изъ обычныхъ извращеній.

Итакъ, въ то время, мнѣніе что Девенпорты шарлатаны казалось мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ. Оно было, при моихъ тогдашнихъ возрѣніяхъ, значительно подтверждено однимъ обстоятельствомъ. Заинтересованные, интригуемые видѣннымъ, мы, я и одна моя родственница, рѣшились пригласить Девенпортовъ къ себѣ на сеансъ, обѣщая имъ сравнительно значительное вознагражденіе (500 франковъ), и требуя въ то же время чтобы мы сдѣланы были свидѣтелями чего-либо „убѣдительнаго“. Девенпорты согласились было сначала, но потомъ, незадолго до назначеннаго времени, отказались отъ сеанса.

Теперь, зная такъ-сказать капризность медиумическихъ явленій, я склоненъ думать что отказъ этотъ былъ вполнѣ основательнымъ поступкомъ. Если они настоящіе медиумы, то, отказавшись, они поступили благоразумно; они навѣрно не могли ручаться что явленія непременно будутъ имѣть мѣсто во всей своей силѣ, а тѣмъ менѣе что произойдетъ что-нибудь вполнѣ убѣдительное, согласно условію нами поставленному. Ихъ побудило къ отказу, быть-можетъ, и то

рѣшѣніе признасть вообще реальность медиумическихъ явленій это заявлено имъ письменно предъ Комитетомъ Лондонскаго Дialeктическаго Общества, какъ это видно изъ печатнаго отчета Комитета (см. въ кѣмдекомъ переводѣ *Bericht etc*, часть 3, стр. 198).

что они могли узнать о предстоящей имъ встрѣчѣ не съ простыми любопытными, а съ людьми желающими серьезнаго выясненія. Что вопросъ о реальности или поддѣльности явленій не былъ влояѣ и безалаберчно предрѣшенъ мною они не знали, и конечно, опираясь на свою долгую опытность относительно подобныхъ встрѣчъ съ учеными, имѣли, напротивъ, основаніе думать что должны встрѣтить такое предрѣшеніе. Давно ли на примѣръ ученая редація одного нашего популярно-медицинскаго повременнаго изданія, съ наивною и простодушіемъ способными возбуждать удивленіе, объявила печатно что приглашала медиума Бредифа на сеансъ, собственно для того чтобы составить актъ, по которому предполагалось возбудить законнымъ порядкомъ пресѣдованіе въ мошенничествѣ! Ничего не выдавшая редація не стѣсnilась считать вопросъ рѣшеннымъ, вопреки мнѣнію лицъ видѣвшихъ подобныя же явленія, каковы на примѣръ: Де-Морганъ, Уаллесъ, Круксъ, Вагнеръ и пр. и пр. Несмотря на свой ученый титулъ, редація повидимому и не замѣтила какъ мало имѣеть общаго съ требованіями серьезной науки избранный ею пріемъ рѣшать подобные вопросы аліорнымъ путемъ. Мудрено ли что Девелпорты, конечно испытывшіе на себѣ десятки подобныхъ случаевъ, оказались мало расположенными отдавать себя на изслѣдованіе перваго встрѣчнаго ученаго. Какъ бы то ни было, но встрѣча съ Девелпортати сильно возбудила мое вниманіе. Я отрицалъ, лично для себя, неподдѣльность видѣнныхъ явленій, но въ то же время чувствовалъ какъ слабы тѣ основанія опираясь на которыя я рѣшилъ вопросъ въ сторону поддѣльности; я чувствовалъ что мое отрицаніе далеко отъ такой опоры которую я самъ, и всякій строгій изслѣдователь, могъ бы счесть достаточно твердою для серьезнаго рѣшенія какого-либо научнаго вопроса. Дѣлать такъ какъ дѣлается нерѣдко—мѣрить одною мѣрой для рѣшенія вопросовъ своей обычной науки, а другою для рѣшенія вопроса о явленіяхъ непривычныхъ, выходящихъ изъ обыкновенной, признанной рамки, и влояѣ успокоиться на такомъ обмѣриваніи истины—я не умѣлъ. Попятно такимъ образомъ что я воспользовался первымъ случаемъ для разрѣшенія моихъ сомнѣній.

III.

Такой случай представился мнѣ вскорѣ. Въ началѣ 1869 года, я перѣхалъ въ Петербургъ, и здѣсь увидѣлся снова и облизился съ родственникомъ моимъ по женѣ, А. Н. Аксаковымъ, котораго зналъ уже давно лично, но видалъ до этого лишь рѣдко и на короткое время. Я зналъ его какъ человека вполнѣ серьезнаго, съ большимъ образованіемъ, знакомаго съ естествознаніемъ, живо интересующагося философскими вопросами и съ давнихъ поръ занимающагося основательнымъ изученіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я давно уже слышалъ отъ другихъ что А. Н. Аксаковъ—какъ выражались эти другіе—спиритъ, и удивлялся этому затрудняясь соединить въ моихъ понятіяхъ спиритизмъ съ тѣмъ что я зналъ объ А. Н. Аксаковѣ.

Въ одно изъ свиданій нашихъ, разговоръ коснулся этого предмета. Рѣчь шла, между прочимъ, и о Девенпортахъ, которыхъ г. Аксакову случалось также видѣть. На мои вопросы онъ тотчасъ же сказалъ что, не ручаясь вполнѣ за неподѣльность всѣхъ явленій у Девенпортовъ, онъ склоненъ признать ихъ настоящими медиумами; но что касается медиумическихъ явленій вообще, то убѣжденъ въ дѣйствительномъ ихъ существованіи; объясненіе этихъ явленій спиритуалистическою гипотезой онъ находитъ наиболее вѣроятнымъ, вовсе не принимая однакоже различныхъ мистическихъ вѣрованій, соединенныхъ съ французскимъ спиритизмомъ, а единственнымъ правильнымъ путемъ для разъясненія медиумическихъ явленій считаетъ путь строгаго опытнаго научнаго изслѣдованія и желаетъ приложенія здѣсь того же метода которымъ вообще руководятся при изученіи явленій природы.

Убѣжденный въ хладнокровной трезвости взглядовъ А. Н. Аксакова, я могъ, послѣ этого разговора, допустить лишь одно изъ двухъ: или медиумическія явленія дѣйствительно существуютъ, или г. Аксаковъ впадалъ въ заблужденіе при полной добросовѣстности, ничуть не замѣчая окружающей его ажи. Первое изъ этихъ предположеній противорѣчило моимъ привычнымъ понятіямъ, основывающимся, какъ мнѣ тогда казалось, на данныхъ положительнаго знанія, а второе я затруднился допустить, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходилось отвергнуть положительное свидѣтельство человека въ здравомысліи и добросовѣстности котораго я до сихъ поръ

не имѣлъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, я не могъ и не умѣлъ приложить тотъ способъ сужденія на который указано мной выше и которыми многіе такъ легко отдѣлываются отъ наблюденій даже такихъ людей какъ Уаллесъ, Круксъ и пр. Я могъ остановиться лишь на своемъ: „не знаю, не признаю, но и не отвергаю“. Между тѣмъ, г. Аксаковъ предложилъ мнѣ, собственнымъ опытомъ, въ домашнемъ кругу, проверить справедливость его словъ. Къ этому времени относятся слѣдующія мои слова, уже находящіяся въ печати: * „Такъ какъ я не могъ по совѣсти утверждать что все представляющееся мнѣ невозможнымъ, дѣйствительно невозможно, то я счелъ не только позволительнымъ, но и необходимымъ воспользоваться представившимся мнѣ случаемъ къ наблюденію: здѣсь, какъ и вездѣ въ естествознаніи, окончательное рѣшеніе, по моему мнѣнію, могло принадлежать только фактамъ.“ И тогда и теперь для меня непонятно чтобы признаніе факта, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы былъ твердо констатированъ, могло быть когда-либо переходомъ въ „область суевѣрія“ **.

Наши опыты начались съ ноября 1870 года. Ежедневно посвящали мы имъ одинъ вечеръ, собирались то тутъ, то тамъ. Постоянными, всегдашними участниками кружка были только А. Н. Аксаковъ, его жена С. А. Аксакова, я и одна дѣвица, моя родственница. Иногда принимали въ сеансы участіе два, три человека изъ числа то однихъ, то другихъ родныхъ или знакомыхъ; никакихъ лицъ намъ неизвѣстныхъ или уже слышанныхъ за медиумовъ съ нами не было. Собранія наши продолжались въ этомъ видѣ около 3 $\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ Дугласъ Юмъ. Аксаковъ тотчасъ познакомился съ нимъ и познакомилъ насъ, и это доставило намъ возможность быть на нѣсколькихъ сеансахъ при его участіи. Рядомъ съ этимъ собирались мы иногда и своимъ частнымъ кружкомъ попрежнему. Въ слѣдующую зиму 1871—1872 года, Юмъ провелъ въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ и жилъ въ моей квартирѣ. При этомъ я, разумѣется, имѣлъ случай присутствовать много разъ на его сеансахъ.

Всего того что удалось мнѣ видѣть за все это время было вполне достаточно чтобы убѣдить меня въ объективномъ и реальномъ существованіи медиумическихъ явленій и въ от-

* *Psychische Stud.* 1874 I. стр. 23.

** См. статью г. Шкаревича. *Вѣстн. Европы.* Июль, стр. 112.

существованіи какого бы то ни было шарлатанства со стороны Юма. Но все это, разумѣется, ничуть не исключаетъ возможности поддѣлки и подражанія, а равно и того что могутъ находиться личности которыя дѣлаютъ изъ подлинныхъ или поддѣльныхъ подобныхъ явленій орудіе эксплуатаціи и шарлатанства. Сдѣланное мной заключеніе о реальности медиумическихъ явленій я не разъ имѣлъ случай провѣрить позднѣе новыми опытами, изъ которыхъ иные происходили съ новыми лицами, вполнѣ мнѣ извѣстными, и не только не слышными за медиумовъ, но даже и знакомыми съ медиумическими явленіями только по наслышкѣ и не вѣрившими въ ихъ дѣйствительность. Въ зимы 1872—73 и 1873—1874 годовъ, мы, время отъ времени, повторяли наши засѣданія, участвуя въ нихъ въ большинствѣ случаевъ только втроемъ; А. Н. Аксаковъ, С. А. Аксакова и я, а весной 1874 года я въ первый разъ имѣлъ случай быть на двухъ сеансахъ Бредифа. Видѣнное мной тогда дѣлало въ глазахъ моихъ *строятимымъ* что явленія и тутъ неподдѣльны. Описаніе того что происходитъ въ присутствіи Бредифа и что мы имѣли случай видѣть въ 1874—75 году уже сообщено Н. П. Вагнеромъ, и мнѣ остается только сказать что въ теченіи этого времени я вполнѣ убѣдился въ медиумности Бредифа, то-есть въ томъ что *въ его присутствіи могутъ имѣть мѣсто подлинныя медиумическія явленія*. Такія именно явленія описалъ Н. П. Вагнеръ, ихъ существованіе подтверждаю и я, но изъ этого конечно нельзя заключить съ достовѣрностью чтобы въ сеансахъ Бредифа всѣ явленія и всегда были подлинны.

Разъ убѣдившись собственнымъ опытомъ въ дѣйствительномъ существованіи медиумическихъ явленій, я не могъ не интересоваться наблюденіями другихъ заслуживающихъ довѣрія лицъ, и не считъ излишнимъ нѣсколько ознакомиться съ литературою касающеюся *фактической* стороны предмета. Было бы нехлѣно замкнуться въ тѣсный кругъ собственнаго личнаго опыта игнорируя наблюденія другихъ, когда въ реальномъ существованіи самыхъ явленій подлежащихъ наблюденію я уже не могъ сомнѣваться. Чтеніе скоро привело меня къ заключенію что, во многихъ случаяхъ, гораздо труднѣе подозрѣвать ложь или ошибку чѣмъ допустить что описываемое произошло на дѣлѣ. Масса согласныхъ свидѣтельствъ, имена свидѣтельствующихъ, * обстоятельства при

* Хотя имена лицъ извѣстныхъ въ наукѣ или литературѣ и т. с.х.

которыхъ наблюденія были сдѣланы, все это нерѣдко таково что во всѣхъ другихъ случаяхъ свидѣтельствуемое было бы несомнѣнно принято и признано всѣми. И если оказывается что здѣсь поступаютъ наоборотъ, то это можно объяснить преимущественно тою странною привилегіей которая принадлежитъ медиумическимъ явленіямъ, привилегіей нарушать спокойный обычный логическій ходъ сужденія тѣхъ которые ихъ отрицаютъ, не наблюдая. Я вполне согласенъ съ Чаллисомъ, кембриджскимъ профессоромъ астрономіи, который не дѣлалъ лично никакихъ наблюденій, но высказалъ слѣдующее: „свидѣтельства такъ многочисленны и настолько согласны между собой что надо или допустить существованіе фактовъ въ томъ видѣ какъ о нихъ говорятъ, или вообще отказаться отъ возможности устанавливать факты на основаніи человеческихъ свидѣтельствъ.“ * Изъ всего сказаннаго видно что отъ отрицанія и сомнѣнія до признанія реальности медиумическихъ явленій пройденъ мной не короткій путь. Совершенно согласно со словами Уаллеса, приведенными мной выше, путь этотъ совершенъ мной не быстро: я посвя-

завившихъ что они наблюдали медиумическія явленія и признаютъ ихъ неподдѣльность и дѣйствительность не разъ упоминались то тутъ, то тамъ въ русской печати, но я считаю все-таки важными, изъ числа многихъ десятковъ именъ, назвать нѣкоторые, болѣе выдающіяся: *Геръ*, профессоръ химіи въ Филадельфійскомъ университетѣ, *Де-Морганъ*, извѣстный математикъ, профессоръ Лондонскаго университета; *Грегори*, профессоръ химіи въ Глазго; *Гёгенсъ*, знаменитый лондонскій астрономъ, членъ Королевскаго Общества; *Уаллесъ*, знаменитый натуралистъ, раздѣляющій съ Дарвиномъ славу установленія ученія о естественномъ подборѣ; *Круксъ*, лондонскій ученый химикъ, членъ Королевскаго Общества; *Варлей*, физикъ, членъ Королевскаго Общества; *М. В. Остроградскій*, нашъ извѣстный математикъ, академикъ и профессоръ; *Камилль Фламмаріонъ*, извѣстный парижскій астрономъ; *Гёфферъ*, ученый авторъ исторіи химіи на французскомъ языкѣ; *Пертви*, профессоръ Берльскаго университета; *Эдмондъ*, верховный судья штата Нью-Йоркъ; *Коксъ*, ученый лондонскій юристъ; *Нессъ фонъ-Эзенбекъ*, извѣстный ботаникъ, бывшій профессоръ въ Вреславлѣ; *Тюри*, профессоръ въ Женеvѣ; *Майо*, членъ Лондонскаго Королевскаго Общества, профессоръ анатоміи и физиологіи; *Менсъ*, профессоръ земледѣльческой химіи въ Соединенныхъ Штатахъ; *Троллопъ* и *Таккерей*, извѣстные англійскіе писатели.

* См. въ нѣмецк. переводѣ Wallace *Die wissenschaftliche Ansicht des Uebernatürlichen*, стр. 60.

тѣмъ „для изслѣдованія этихъ явленій два или три часа въ недѣлю, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ“, и надо мной оправдалось сказанное Уаллесомъ, утверждающимъ что онъ не знаетъ „ни одного человѣка который, сдѣлавъ это, т.-е. посвятить столько времени наблюденіямъ, не убѣдился бы въ дѣйствительности явленій“.

Ближайшее знакомство мое съ медиумическими явленіями шло постепенно. При нашихъ частныхъ засѣданіяхъ, движенія стола начались съ перваго сеанса, а потомъ вскорѣ, въ слѣдующіе вечера; являлись и стуки въ столѣ, безъ движенія его. Съ этими явленіями соединилось и стологовореніе (диалогическія явленія); при чемъ буквы азбуки, то произносимыя, то указываемыя, отмѣчались или движеніемъ стола или стуками въ столѣ. Ничего не принимая, но и не отвергая, я предоставлялъ А. Н. Аксакову, какъ лицу болѣе опытному, распорядиться ходомъ сеансовъ.

Мнѣ не разъ случалось потомъ видѣть что хотятъ предписывать условія для происхожденія тѣхъ или другихъ медиумическихъ явленій и находятъ даже возможнымъ назначать такія условія подъ которыми эти явленія *обыкновенно не происходятъ*. *

Я считаю и тогда считалъ такой пріемъ крайне страннымъ со стороны здравомыслящаго наблюдателя; по моему мнѣнію, онъ можетъ и обязанъ вводить новыя условія, исключаютія или уменьшающія для него шансы ошибки, но долженъ сохранить тѣ условія которыя до сихъ поръ оказывались существенно-нужными для того чтобы явленія имѣли мѣсто.

* Почти то же самое указываетъ Уаллесъ: „люди науки, почти всегда, полагаютъ что при этихъ изслѣдованіяхъ они, уже съ самаго начала, могутъ предписывать условія, и если подъ этими условіями ничего не происходитъ, то они видятъ тутъ обманъ или заблужденіе. Но они хорошо знаютъ что при всѣхъ другихъ изслѣдованіяхъ явленій природы не они малагаютъ тѣ существенныя условія безъ соблюденія которыхъ никакой опытъ не удастся. Условія эти узнаются терпѣливымъ вопрошаніемъ природы“...... Требовать чтобы съ этими неизвѣстными явленіями можно было обходиться также какъ обходился до сихъ поръ съ явленіями извѣстными, значитъ, собственно, считать вопросъ рѣшеннымъ; это значитъ принять что какъ тѣ, такъ и другія явленія подчиняются одинаковымъ законамъ. См. въ нѣмецкомъ изданіи: Wallace, *Vertheidigung des modernen Spiritualismus* стр. 9а.

Почти странно было бы повторять это элементарное правило, еслибы не приходилось видѣть что на дѣлѣ часто уклоняются отъ него.

Моя задача была хладнокровно наблюдать и придти или къ заключенію о подлинности явленій, или къ убѣжденію въ ихъ поддѣльности и къ открытію источника заблужденій. Для меня дѣло шло здѣсь, прежде всего, о томъ чтобы получить опредѣленное убѣжденіе для себя самого. Имѣя въ виду эту собственно цѣль, я конечно не искалъ такой обстановки при которой видѣнное мной, для всякаго кому я буду сообщать о немъ, явилось бы убѣдительнымъ, помимо степени довѣрія которое слушающій будетъ чувствовать ко мнѣ и къ моему дару наблюденія. Я вообще не экспериментировалъ подобно Круксу, а только наблюдалъ, и при этомъ наблюденіи имѣли, разумѣется лично для меня, вѣсь и значеніе сотни мелкихъ обстоятельствъ, которыя трудно поддаются описанію или разказу. Взявъ однакоже всю массу явленій видѣнныхъ мной по настоящее время, я надѣюсь имѣть возможность сообщить достаточно случаевъ гдѣ явленія происходили при такой обстановкѣ которая, въ глазахъ безпристрастнаго судьи, свободнаго отъ предвзятыхъ мнѣній, будетъ достаточна для того чтобы показать несостоятельность объясненій сводящихся къ обману чувствъ, галлюцинаціи и. т. п. и устранивъ всегдашнія подозрѣнія въ поддѣлкѣ и одураченіи однихъ изъ присутствующихъ другими и пр.

Часто говорятъ что настоящими экспертами въ вопросѣ о неподдѣльности медиумическихъ явленій должны быть фокусники. Въ виду этого будетъ лишнимъ привести слова извѣстнаго англійскаго писателя Троллопа: „Боско, одинъ изъ величайшихъ профессоровъ фокусничества, въ разговорѣ со мной (Троллопомъ) объ этомъ предметѣ (медиумическихъ явленіяхъ), совершенно отвергъ ту мысль чтобы явленія какія наблюдаются при Юмѣ могли быть вызваны средствами относящимися къ фокусничеству.“ *

Видѣнное нами въ первыя засѣданія наши для меня не было ново: движенія стола, складывавшія фразы, ни чѣмъ не были удивительнѣе движеній и писаній тарелки, и могли сводиться къ тому же самому объясненію. При этомъ, какъ

* См. нѣмецк. изд. Wallace *Vertheidigung des modernen Spirituismus*, стр. 27.

ни мало подлежали подозрѣнію тѣ три лица съ которыми начаты были мной опыты въ 1870 году, но признаюсь, я не могъ не приостановиться на предположеніи что лица эти, хотя и не желаютъ намѣренно вводить меня въ заблужденіе, могутъ, однако, увлекаясь, впадать въ самообманыванье. Я зорко наблюдалъ, но не могъ открыть ничего подходящаго къ этому предположенію. Вслѣдъ затѣмъ, многочисленныя повторенныя наблюденія надъ движеніями стола, при различныхъ условіяхъ, заставили меня усомниться въ справедливости объясненія сводящагося къ бессознательному дѣйствию мускуловъ. Повѣряя положеніе и состояніе рукъ присутствующихъ, мнѣ не удавалось подстеречь какихъ бы ни было намековъ на сокращенія мускуловъ, могшихъ возбудить подозрѣнія. То видѣлъ я движенія происходившія именно такъ что ихъ всего труднѣе было приписать игрѣ мускуловъ того или другаго лица, къ которому я преимущественно склоненъ былъ ихъ отнестись до этихъ поръ; то движенія не происходили вовсе, когда видимому условія для нихъ были вполнѣ благопріятны и одинаковы съ прежними, такими при которыхъ онѣ были сильны; то самая сила движеній была такъ значительна что дѣлалось трудно приписывать изъ незамѣтныхъ сокращеній мускуловъ.

Когда появились стуки въ столѣ, при чемъ столъ оставался вполнѣ неподвижнымъ, то сдѣлалось уже невозможнымъ приписывать явленія какому-либо *бессознательному* содѣйствию присутствующихъ. Но еслибы даже я предположилъ и сознательную поддѣлку, то такое предположеніе не могло устоять при значительныхъ измѣненіяхъ въ силѣ и характерѣ звуковъ, при разнообразіи мѣстъ въ которыхъ они происходили, при несомнѣнномъ отсутствіи видимыхъ движеній участниковъ засѣданій и отсутствіи какихъ бы то ни было приспособленій. Далѣе я ознакомился съ явленіями которыхъ поддѣлка, при данныхъ условіяхъ, и объясненіе которыхъ посредствомъ бессознательныхъ мускульныхъ движеній, являлись совсѣмъ невозможными. Таковы были измѣненія въ сопротивленіи оказываемомъ столомъ когда его приподнимали, измѣненія часто значительныя, констатированныя не однимъ ощущеніемъ, но и показаніемъ инструмента; между тѣмъ какъ руки, лежавшія на столѣ, и ноги участниковъ сеанса, не были или даже и не могли быть причиною подобныхъ измѣненій. Потомъ шли полныя, какъ

бы самопроизвольныя, поднятія стола на воздухъ, и все это безъ присутствія какого-либо призваннаго медиума. Въ сеансахъ Юма, я встрѣтился со многими явленіями которыя, очевидно, принадлежали къ тѣмъ же самымъ, мнѣ уже знакомымъ, категоріямъ, но достигали тутъ несравненно большихъ энергіи и развитія. Сверхъ того, въ присутствіи Юма, имѣли мѣсто и явленія еще невидѣанныя мной до того: движенія предметовъ безо всякаго прикосновенія къ нимъ, игра аккордеона (ручной гармоникки), ощущенія присутствующихъ представлявшіяся ихъ осязанію прикосновеніями рукъ, которыя однако, видимо, не принадлежали никому изъ присутствовавшихъ. Эта ясно осязаемая руки приводили въ движеніе предметы, брали ихъ и переносили, между тѣмъ какъ неподвижность и полная безучастность Юма, въ смыслѣ механическомъ, несомнѣнно была констатируема въ то же самое время. Позже, наконецъ, въ присутствіи Бредифа, я наблюдалъ подобныя же явленія въ томъ видѣ какъ описалъ ихъ Н. П. Вагнеръ. Что всѣ эти явленія не разъ происходили подъ условіями устранявшими всякое подозрѣніе въ поддѣлкѣ ихъ, это было уже не разъ сказано. Предположеніе что присутствующіе дѣлались жертвами галлюцинацій, я никогда не могъ считать состоятельнымъ. Я, какъ и другіе присутствующіе, вполне сознавалъ во время явленій нормальное состояніе моихъ высшихъ чувствъ, свидѣтельствовавшихъ о реальности происходящаго: но и помимо довѣрія къ такому субъективному ощущенію, я не могъ остановиться на упомянутомъ предположеніи. Допустить одинаковую и общую, коллективную, галлюцинацію восьми, десяти человекъ разомъ, едва-ли рѣшится сколько-нибудь серьезный изслѣдователь... Но и этого допущенія было бы недостаточно: галлюцинація не могла быть причиной реальнаго движенія массъ, а между тѣмъ положеніе разныхъ предметовъ, медиумически двигавшихся или перенесенныхъ во время сеанса, ясно свидѣтельствовало по его окончаніи что передвиженіе дѣйствительно совершилось.

Съ большинствомъ всѣхъ явленій соединялась осмысленность ихъ. Напримѣръ движенія, стуки, поднятія и прикосновенія, часто происходили по желанію присутствовавшихъ какимъ-либо опредѣленнымъ образомъ, напримѣръ, повторяясь извѣстное число разъ; посредствомъ ихъ складывались фразы по азбукѣ и т. п. Эта осмыслен-

ность, — интеллектуальная сторона медиумических „диалогических“ явленій — есть фактъ, и я принужденъ былъ принять его какъ таковой, устрояя для начала всякія гипотезы и толкованія. Въ однихъ случаяхъ эта осмысленность принимала такой видъ что мое прежнее объясненіе съ отраженіемъ впечатлѣній и мыслей, хотя бы и не сознаваемыхъ присутствующими, но принадлежащихъ имъ, казалось вѣроятнымъ, въ другихъ же случаяхъ это объясненіе являлось натянутымъ, мало подходящимъ. Къ этой собственно сторонѣ явленій, дѣйствительно, большею частью можно прилагать теорію „бессознательной церебраціи“ Карпентера. Но несостоятельность ея становится очевидною, лишь только наблюдатель будетъ признавать факты добросовѣстно, а не на выборъ, принимая одно и отвергая или игнорируя другое. А между тѣмъ такъ именно постулаетъ Карпентеръ *. Онъ хорошо понимаетъ что его „бессознательная церебрація“ бессильна въ поднятіи столовъ на воздухъ или въ передвиженіи предметовъ безъ прикосновенія; а потому и отвергаетъ просто и прямо факты этихъ категорій, игнорируя чужія наблюденія и, не стѣсняясь, думаетъ что лишь одному ему, Карпентеру, принадлежитъ умѣніе наблюдать безошибочно. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что тамъ гдѣ дѣло касается медиумизма, такое странное самоумѣніе есть явленіе весьма распространенное.

Изъ всего сказаннаго видно что я, волей-неволей, постепенно и медленно, но неотразимо, приведенъ былъ къ признанію реальности медиумическихъ явленій. Причина этого признанія заключалась для меня единственно въ томъ что съ фактами не спорятъ.

IV.

Не описывая дѣльныхъ сеансовъ, въ которыхъ вообще явленія различныхъ категорій идутъ усиливаясь постепенно и перемѣшиваясь между собой, я сообщу здѣсь случаи въ которыхъ наблюдалъ то или другое опредѣленное явленіе, при условіяхъ ручающихся за его дѣйствительность и неподдѣльность. Подобно тому какъ поступилъ Круксъ въ своей краткой замѣткѣ ** о всемъ имъ видѣнномъ, я начну съ явленій менѣе сложныхъ.

* См. Знамя 1875 июль.

** См. Psychische Studien. 1874, стр. 53, 104, 155 и 208.

Такъ какъ при простыхъ движеніяхъ стола я не употреблялъ измѣряющихъ инструментовъ, то не буду вовсе здѣсь говорить о нихъ. За движеніями идутъ стуки или, правильнѣе, различные звуки, происходящіе въ столѣ или въ другихъ мѣстахъ. Я услышалъ ихъ въ первый разъ во второмъ изъ частныхъ засѣданій нашихъ, причѣмъ за столомъ сидѣли: я, С. А. Аксакова и моя родственница, между тѣмъ какъ А. Н. Аксаковъ оставался въ сторонѣ. Стуки были на этотъ разъ слабы. Въ слѣдующемъ, третьемъ сеансѣ нашемъ, они явились уже съ большею силою, а въ четвертомъ, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, совершенно явственные стуки слышались въ полу и притомъ они происходили, между прочимъ, и тогда когда мы всѣ трое встали со стульевъ и, стоя, по возможности, дальше отъ стола, только прикасались къ нему руками. Вскорѣ послѣ, я слышалъ стуки въ столѣкѣ сидя за нимъ вдвоемъ съ С. А. Аксаковой, а позже, въ нашихъ частныхъ опытахъ — втроемъ: при мнѣ, А. Н. Аксаковѣ и С. А. Аксаковой, бывали не разъ звуки разнообразныя и нерѣдко очень сильныя: иногда какъ бы легкое целканье по дереву чѣмъ-нибудь твердымъ, тонкимъ и упругимъ, иногда звуки похожіе на легкіе удары концами пальцевъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильныя удары, подражать которымъ можно было бы лишь ударяя всей кистью руки. Во время этихъ явленій, свѣта въ комнатѣ было обыкновенно достаточно для того чтобы движенія присутствующихъ не могли остаться незамѣченными еслибы кто-нибудь изъ нихъ производилъ столь сильныя стуки намѣренно или ненамѣренно. Подобныя же, но еще болѣе сильныя звуки, я слышалъ много разъ въ сеансахъ Юма, въ то время когда двѣ свѣчи горѣли на столѣ за которымъ происходило засѣданіе. Въ началѣ сеансовъ Юма, звуки обыкновенно слабы и походятъ на трескъ дерева и на какое-то целканье въ столѣ, а потомъ усиливаются, доходя до весьма сильныхъ ударовъ, какъ бы кулакомъ или ногой. Такіе разнообразныя удары раздаются то въ столѣ, то въ стульяхъ, въ полу комнаты или въ стѣнахъ, и мнѣ случалось видѣть что такими ударами, разнаго характера, происходящими въ разныхъ мѣстахъ, отличались буквы произносимой азбуки. Мнѣ случалось также оставаться нѣсколько времени подъ столомъ, держа въ рукахъ горящую свѣчу, между тѣмъ какъ стуки явственно раздавались въ доскѣ стола, надъ моею головою, причѣмъ я видѣлъ

неподвижныя ноги Юма. Вообще, полная неподвижность Юма во время этихъ явленій хорошо была видима всѣмъ участникамъ сеанса, его руки лежали на столѣ, а положеніе ногъ повѣрялось или зрѣніемъ или тѣмъ что ноги его касались ногъ присутствующихъ. Стуки слышанные мной въ сеансахъ Бредифа, вообще, не были оченьъ сильны, но за то звукоподражанія (которыя слыхалъ я и въ сеансахъ Юма), у Бредифа нерѣдко были чрезвычайно явственны и опредѣленны, какъ это и разказано Н. П. Вагнеромъ. Что касается объясненія *всплывъ* этихъ звуковъ чрезовѣщаніемъ или щелканьемъ сухожильій или разрывомъ „древесныхъ фибръ“ и „тонкихъ прослоекъ клея“ *, то серьезно говорить это можетъ конечно только тотъ кто вовсе не слыхалъ медиумическихъ звуковъ или слышалъ разъ-другой лишь тѣ слабыя щелканья которыя обыкновенно бывають при началѣ явленій. На предположеніи что „въ интерференціи звуковыхъ и аналогичныхъ съ ними движеній слѣдуетъ искать разгадку спиритическихъ явленій вообще“ **, а слѣдовательно и звуковъ, я конечно не останавлиюсь, потому что нахожу смыслъ приведенныхъ словъ, несмотря на сильно-учебный колоритъ ихъ, довольно мало опредѣленнымъ, и затрудняюсь пояснить какъ бы можно было объяснить интерференціей звукоподражанія, рѣзкіе стуки и т. л., а тѣмъ менѣе медиумическія явленія вообще. Нетерпѣливо буду ждать поэтому обѣщанное г. Шкаряевскимъ „физическое объясненіе основныхъ спиритическихъ явленій“, при которомъ почтенный авторъ, конечно, возьметъ въ разчетъ не отрывочныя данныя, а всѣ серьезно-установленные факты, и не будетъ вдаваться въ голословное отрицаніе. ***

Такъ-называемыя *измѣненія вѣса* я наблюдалъ много разъ. Считаю необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, оговориться что употребляя это привычное выраженіе я, разумѣется, не придаю ему прямого значенія. Здѣсь измѣ-

* См. статью г. Рачинскаго, стр. 383.

** См. статью проф. Шкаряевскаго въ *Вѣстникъ Европы*, июль 1875 стр. 914.

*** Не странно ли что г. Шкаряевскій, не наблюдавшій самъ ничего, просто отвергаетъ многое изъ того что, по его собственнымъ словамъ, „засвидѣтельствовано письменными удостовѣреніями и подписями множества въ высшей степени респектабельныхъ и отчасти ученыхъ людей?“ (*Вѣстникъ Европы*, июль стр. 411).

яется, конечно, не величина притяженія данной массы землю, а величина сопротивленія которое масса оказываетъ при ея подъемѣ, и это измѣненіе, очевидно, вызывается, какъ это уже было сказано мной въ моей прежней замѣткѣ*, „особою силою“ дѣйствующею рядомъ съ земнымъ притяженіемъ. Эта сила то дѣйствуетъ по тому же направленію какъ и сила тяжести, и присоединяется къ этой послѣдней, то— въ направленіи противоположномъ“, уменьшая сопротивленіе подъему. Что касается источника этой силы, то я считаю возможнымъ принять, вмѣстѣ съ Круксомъ, что онъ находится въ вѣсомомъ веществѣ тѣла медиума. „Здѣсь, какъ и вездѣ, нѣтъ надобности принимать проявленіе силы безъ траты энергіи, принимать что изъ ничего возникаетъ что-то, здѣсь совершается только переносъ живыхъ силъ съ одного тѣла на другое.“ Я считаю весьма вѣроятнымъ что современемъ эта трата энергіи тѣломъ медиумовъ будетъ обнаружена прямыми опытами которые вѣроятно покажутъ что когда совершаются медиумическія явленія механической природы, то организмъ медиума испытываетъ потерю энергіи отвѣчающія произведенной „работѣ“. Я далеко, впрочемъ, отъ того чтобы считать возможнымъ нынѣ же назвать, за одно съ профессоромъ Шкляревскимъ, самыя вещества организма на счетъ которыхъ медиумическія явленія происходятъ, и опредѣлять насколько дорога организму медиумическая „работа“ или указывать, съ рискованною опредѣленностью, самыя мѣста „освобожденія живыхъ силъ“, которыя непрерывно лежатъ будто бы „въ нервныхъ центрахъ участвующихъ“. ** Я вообще полагаю что самыя звонкія и пышныя выраженія, если онѣ не опираются твердо на наблюденія и опыты и не заключаютъ въ себѣ совершенно опредѣленнаго, точнаго понятія, очень мало могутъ помочь уясненію дѣла. Не разъ случалось что люди усложивались на какомъ-нибудь хитромъ названіи, и начинали воображать что придумавъ новый звонкій терминъ они уже объяснили явленіе. Натуралисту не мѣшаетъ быть насторожѣ чтобы не впасть въ эту ошибку!

Въ первый разъ я познакомился съ „измѣненіемъ вѣса“ въ сеансѣ Юма, въ февралѣ 1871 года, въ квартирѣ А. П.

* *Psych. Stud.* 1874. I. стр. 24.

** См. *Вѣсти. Европы.* 1875, июль стр. 909.

Аксакова, приче́мъ явленіе было оче́нь рѣзко и опредѣленно. Общество изъ десяти человѣкъ помѣщалось за тяжелымъ четырехугольнымъ обѣденнымъ столомъ, съ четырьмя ножками, лудовъ въ 5—6 вѣсомъ. Когда въ столѣ обнаружилась движенія, то Юмъ предложилъ испытать измѣненія его вѣса по желанію сидящихъ. Почти всѣ пробоваали и у всѣхъ результатъ былъ одинаковъ: когда желали чтобы столъ былъ легче, то приподнимающему его край казалось что посторонній толчокъ помогаетъ поднятію, и въ это время приподнятый и удерживаемый на вѣсу столъ сильно качался внизъ и вверхъ; когда хотѣли чтобы тяжесть увеличилась, то требовалось оче́нь большое усиліе чтобы оторвать край стола отъ пола. Пробовали желать также чтобы столъ, легко поддаваясь приподниманію края, дѣлался тяжелымъ въ то время когда онъ приподнятъ. Въ этихъ случаяхъ было легко приподнять край стола, но онъ потомъ тотчасъ же почти вырывался изъ рукъ, какъ бы притягиваемый къ полу. Юмъ все время пассивно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, на продольной сторонѣ стола, положивъ слегка руки на его поверхность; рядомъ съ Юмомъ, съ обѣихъ сторонъ, помѣщались А. Н. Аксаковъ и моя жена, такъ что Юмъ былъ изолированъ отъ ножекъ стола. Допустить поддѣлку, когда исключалась возможность всякаго механическаго, сдѣланнаго заранее, приспособленія, было невозможно. Что Юмъ не приподнималъ стола ко́лѣнами и не увеличивалъ его тяжести нажимомъ руками, въ этомъ не было для сидѣвшихъ ни малѣйшаго сомнѣнія: его ноги оставались неподвижными, а въ то время когда тяжесть должна была увеличиться Юмъ обыкновенно приподнималъ немного руки, и касался поверхности стола лишь концами пальцевъ. Предполагать, по примѣру г. Рачинскаго, какія-нибудь желѣзные браслеты съ крючками и т. л., значило бы не вѣрить своимъ глазамъ; со стороны присутствовавшихъ это было бы чистымъ ребячествомъ. Притомъ же столъ пробоваали мы поднимать не съ той стороны на которой сидѣлъ Юмъ, а съ другихъ сторонъ. Оставалось допустить или дѣйствительность явленія, или принять что измѣняется не сопротивленіе стола поднятію, а только наше субъективное ощущеніе. Во избѣжаніе заблужденія, вытекающаго изъ послѣдняго источника, а, на слѣдующій сеансъ Юма, происходившій также у А. Н. Аксакова, въ кругу самыхъ близкихъ намъ лицъ, явился съ линамометромъ, а въ послѣдствіи, много разъ, и при Юмѣ,

и безъ него, повторялъ опыты съ инструментомъ въ рукахъ. Приведу лишь наиболѣе рѣзкіе случаи, змѣтивъ напередъ что при всѣхъ подобныхъ опытахъ съ Юмомъ и Вреидфомъ, комната была освѣщена. Въ упомянутомъ слѣдующемъ сеансѣ Юма, явленія вообще были довольно незначительны, но „измѣненія вѣса“ произошли очень рѣзкія. Динамометръ прикрѣпленъ былъ къ срединѣ одной изъ короткихъ сторонъ стола, и посредствомъ динамометра я медленно приподнималъ столъ, причемъ показателъ динамометра устроенъ былъ такъ что, передвинувшись, оставался на томъ мѣстѣ куда передвинулся, и отмѣчалъ сопротивленіе стола поднятію. До сеанса, нормальное сопротивленіе равнялось 100 фунтамъ; во время сеанса, когда я желалъ увеличенія тяжести, динамометръ показалъ сначала 120 ф., а потомъ 150 ф.; когда же я желалъ уменьшенія вѣса, то показаніе инструмента дошло до 50 ф., до 35 ф. и наконецъ до 30 ф., а тотчасъ потомъ возрасло, согласно выраженному желанію, до 145 ф., чтобы появиться вслѣдъ затѣмъ опять до 50 ф. Однажды, при удерживаніи стола на вѣсу, инструментъ показывалъ 75 ф., а когда я, не опуская стола на полъ, пожелалъ увеличенія тяжести, то стрѣлка динамометра немедленно передвинулась на 125 ф. Такимъ образомъ, вообще, измѣненія въ сопротивленіи стола приподнятію одной его стороны колебались въ предѣлахъ 120 ф., отъ минимума 30 ф. до максимума 150 ф. Юмъ при этомъ сидѣлъ, также какъ и въ прошлый разъ, на срединѣ одной изъ длинныхъ сторонъ стола, и присутствующіе не могли не убѣдиться что Юмъ также мало какъ и тогда могъ вызвать явленія искусственно. Если даже и допустить для Юма возможность дѣйствовать руками, то все-таки онъ, очевидно, могъ вызывать только увеличеніе, но не уменьшеніе тяжести. Слустя нѣсколько времени, подобный опытъ былъ сдѣланъ безъ признаннаго медиума. Общество изъ шести знакомыхъ между собой и хорошо извѣстныхъ другъ другу лицъ сидѣло вшестеромъ, въ освѣщенной комнатѣ, въ квартирѣ г. Аксакова, за небольшимъ столомъ, къ которому, за одну изъ его сторонъ, прикрѣплены были пружинные вѣсы. Дѣлаясь легкимъ, столикъ тянулъ 5 ф., а потомъ его тяжесть возрасла до 12 ф., между тѣмъ какъ при уменьшеніи вѣса, всѣ руки присутствующихъ лежали на столѣ, а при отяжелѣніи находились, напротивъ, подъ краемъ стола, касаясь его снизу. Въ январѣ 1874 года, я видѣлъ какъ столикъ, оказывавъ-

шій при поднятіи его края нормальное сопротивление въ 2 килограмма, вытянулъ, при увеличеніи тяжести, 8 килограммовъ. Присутствующихъ было только трое: А. Н. Аксаковъ, С. А. Аксакова и я. Въ сеансахъ Бредифа мы также видѣли и констатировали небольшимъ динамометромъ совершенно опредѣленныя измѣненія вѣса стола. Однажды край стола вытянулъ 7 килограммовъ, потомъ—только 3 килограмма, а когда пожелали увеличенія тяжести, то показаніе возросло до 20 и, наконецъ, до 24 килограммовъ, между тѣмъ какъ руки Бредифа лежали на столѣ, на рукахъ Н. П. Вагнера, въ доказательство того что медиумъ не нажималъ стола. Въ другой сеансъ Бредифа, мы пробовали взвѣшивать приподнятый край стола въ тотъ моментъ когда, по данному знаку, всѣ руки были со стола приподнимаемы и, слѣдовательно, въ моментъ взвѣшивания столъ находился *въ прямаго прикосновенія присутствующихъ*. При этомъ условіи, приподнятый край стола вытянулъ 27, а потомъ 28 килограммовъ, между тѣмъ какъ нормальное его сопротивление поднятію, повѣренное до засѣданія, было 13 килограммовъ. Все это происходило въ освѣщенной комнатѣ.

Само собой разумѣется что различная быстрота подниманія могла имѣть, въ этихъ опытахъ, нѣкоторое вліяніе на показаніе инструмента, но нѣтъ возможности допустить чтобы это вліяніе выражалось десятками фунтовъ, въ то время какъ приподниманіе нарочно всегда производилось постепенно, безъ толчковъ. Мы пробовали, впрочемъ, повторенно приподнимать столъ до засѣданія, и убѣдились что инструментъ давалъ каждый разъ одинаковое или почти одинаковое показаніе.

На извѣстномъ, совершенно неудавшемся сеансѣ Юма въ Университетѣ, весной 1871 года, предполагалось употребить поднятіе динамометра винтомъ, для того чтобы достичь большей постепенности. Теперь, послѣ продолжительнаго знакомства съ медиумическими явленіями, я думаю что такой способъ, устраняя возможность ошибки въ 1—2 фунта, уменьшалъ бы самыя „измѣненія вѣса“ на десятки фунтовъ, такъ какъ всякое значительное движеніе нарушаетъ развитіе медиумическихъ явленій, а ворочанье винта было бы такимъ движеніемъ. Замѣчу кстати что еслибы Юмъ и былъ здоровъ во время этого засѣданія, то, вѣроятно, употребленной стеклянной верхней доски стола было бы достаточно чтобы

значительно ослабить явленія. Всякое новое условіе почти всегда вызываетъ сначала ихъ ослабленіе и только мало-помалу, при постоянствѣ этого условія, напряженность явленій достигаетъ опять значительной степени. Я думаю что успѣшныхъ опытовъ, при стеклянной доскѣ стола, можно было бы ожидать только послѣ цѣлаго ряда сеансовъ съ нею, и удивляюсь не тому что сеансъ въ Университетѣ не удался, а скорѣе тому что Юмъ согласился на него, хотя и долженъ былъ заранѣе предвидѣть полное фіаско. Ему слѣдовало бы предложить ученымъ присутствовать не на трехъ сеансахъ, а согласоваться съ приведенными выше словами Уаллеса, требующаго: „два или три часа въ медіумъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ“.

Полныя поднятія стола на воздухъ, подъ руками присутствующихъ, я много разъ наблюдалъ при условіяхъ исключаящихъ всякую возможность сомнѣнія въ дѣйствительности этого явленія. Явленіе это можетъ быть причислено къ одной категоріи съ измѣненіемъ вѣса. Здѣсь, какъ и тамъ, является сила дѣйствующая въ направленіи противоположномъ тяготѣнію, но она достигаетъ тутъ временно такого напряженія которое превышаетъ дѣйствіе тяготѣнія. Въ первый разъ произошло при мнѣ поднятіе въ одинъ изъ нашихъ частныхъ сеансовъ, когда никакого признаннаго медиума не было. Поднятіе, вообще, представляетъ одно изъ болѣе обыкновенныхъ явленій, и я затрудняюсь понять на чемъ основывается г. Рачинскій говоря что „оно происходитъ лишь при участіи профессиональныхъ медиумовъ и въ присутствіи аделтовъ искусившихся въ стологовореніи (исключенія допускаются лишь для лицъ весьма высокопоставленныхъ), притомъ въ темнотѣ и вообще весьма рѣдко“.* Изъ всего описаннаго выше, читатель, надѣюсь, увидитъ ясно что поднятія бываютъ и безъ профессиональныхъ медиумовъ, и безъ „высокопоставленныхъ лицъ“, и при освѣщеніи.

Прежде настоящихъ поднятій, видѣнныхъ мной позже десятки разъ, я видѣлъ явленіе родственное съ ними, которое, вообще, повторяется часто и которое можно, пожалуй, назвать неполнымъ поднятіемъ. Въ декабрѣ 1870 года, сидѣли за столикомъ, въ слабо освѣщенной комнатѣ, я, С. А. Аксакова, родственница моя, о которой я упоминалъ выше, и Р.

* Русскій Вѣстникъ. Маѣ. 1875. Стр. 397.

молодой человекъ, нашъ родственникъ. Послѣ разныхъ движеній, столикъ приподнялся одною стороною, наклонившись на другую, и остался въ этомъ положеніи. Р—, сильно налегая на столъ, давая книзу, не могъ заставить его опуститься, но столъ всталъ тотчасъ горизонтально какъ только руки были съ него сняты. Въ смыслѣ настоящаго опыта, этотъ случай, правда, не можетъ имѣть большаго вѣса, и я уломяю о немъ только потому что это было для меня, такъ-сказать, первымъ намекомъ на поднятіе.

Нѣсколько недѣль позже я увидѣлъ поднятіе стола уже при условіяхъ достаточно гарантировавшихъ неподдаемость явленія. Это было въ тотъ сеансъ когда мы находились вшестеромъ, въ кругу знакомыхъ, въ квартирѣ А. Н. Аксакова, и о которомъ было уломяуто по поводу измѣненій вѣса. Кромѣ меня, С. А. Аксаковой и моей родственницы, постоянно принимавшей участіе въ нашихъ засѣданіяхъ, присутствовали еще двое знакомыхъ мужчинъ и гжа П—, пожилая дама пользующаяся общимъ и заслуженнымъ уваженіемъ всѣхъ знающихъ ее. Свѣча была погашена, но поверхность стола и руки на немъ лежація были довольно явственно освѣщены стклянкой содержавшею растворъ фосфора въ маслѣ. Для устраниенія всякаго подозрѣнія, руки и ноги сидѣвшихъ рядомъ приведены были въ соприкосновеніе, такъ что правая рука и нога каждого лежали на лѣвой рукѣ и ногѣ сосѣда. При этомъ условіи, обезпечивавшемъ неподвижность участниковъ, и при освѣщеніи позволявшемъ убѣдиться что ни одной руки и ни одного пальца не было подъ столомъ, что всѣ руки и пальцы лежали сверху, столъ ровно подыался кверху настолько что его полное удаленіе отъ пола всѣми точками опоры не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Въ январѣ 1872 года, въ сеансѣ Юма, происходившемъ въ моемъ кабинетѣ, гдѣ кромѣ Юма, меня и А. Н. Аксакова, присутствовали еще только двое знакомыхъ мужчинъ, ломберный столъ много разъ приподнимался горизонтально, вершковъ на 6 или на 8 отъ пола, между тѣмъ какъ двѣ свѣчи горѣли на немъ, а руки всѣхъ присутствующихъ, кромѣ Юма, были сняты со стола вовсе и Юмъ касался поверхности стола только кончиками пальцевъ. Изъ многихъ мной видѣнныхъ случаевъ, приведу дагѣе еще тотъ который произошелъ въ присутствіи лишь троихъ лицъ, меня, одного моего хорошаго знакомаго Л— и семнад-

пятнадцатилѣтняго юноши, моего родственника М. А. Оба участника эти были новичками въ дѣлѣ медиумизма, хотя, повидимому, оба обладали медиумическими способностями, которыхъ почти вовсе нѣтъ у меня, между тѣмъ какъ явленія были довольно рѣзки. Это было въ деревнѣ, въ лѣтній вечеръ 1874 года. Мы сидѣли за маленькимъ столикомъ; въ комнатѣ было достаточно свѣта чтобы видѣть ясно не только руки, но и черты лица. Когда обнаружилось поднятіе, то мы соединили всѣ руки на столѣ, и всѣ ноги подъ столомъ, взаимно повѣряя другъ друга, и при этихъ условіяхъ столикъ не разъ приподнимался на воздухъ на четверть аршина или болѣе отъ пола.

Что касается поднятія стола происходившихъ въ сеансахъ Бредифа, то Н. П. Вагнеръ уже разказалъ о нихъ, и я приведу только одинъ довольно рѣзкій случай. Въ квартирѣ А. Н. Аксакова, по окончаніи обычнаго засѣданія, мы попробовали състѣ вчетверомъ за маленькій квадратный столикъ о четырехъ ножкахъ,—Бредифъ, С. А. Аксакова, я и еще одна дама не участвовавшая въ прежде бывшемъ засѣданіи. На столикѣ горѣла свѣча. Только-что остальное общество вышло изъ комнаты какъ столикъ быстро и повторенно началъ подниматься въ воздухъ, подъ нашими руками. Во время одного изъ этихъ поднятій, Н. П. Вагнеръ, услышавшій о нихъ и подошедшій къ дверямъ комнаты, успѣлъ, считая быстро, насчитать до 54. Столикъ оставался въ воздухѣ конечно не меньше 15 секундъ. При этомъ Бредифъ, пока столъ былъ на вѣсу, попеременно отнималъ отъ него то одну, то другую руку, и С. А. Аксакова видѣла что ноги Бредифа были подъ его стуломъ. Я долженъ указать здѣсь далѣе на явленіе болѣе высокаго порядка, такъ-сказать на остановку на воздухѣ подымавшагося стола, происходящую въ то время когда руки присутствующихъ не лежатъ на немъ. Въ апрѣлѣ 1874 года, за столомъ находились трое,—я и А. Н. Аксаковъ съ женой. Огня въ комнатѣ не было, но она настолько была освѣщена свѣтомъ съ улицы что наши руки видимы были явственно. Столикъ поднимался повторенно на воздухъ и, вообще, явленія были въ хорошемъ развитіи. Во время одного изъ поднятій, мы приподняли руки отъ стола на вершокъ и столъ не упалъ тотчасъ, а колыхался нѣсколько секундъ въ воздухѣ и потомъ опустился плавно внизъ. Опытъ этотъ былъ повторенъ нѣсколько разъ, причемъ иногда мы держали всѣ руки въ центрѣ стола, соединивъ наши пальцы, и приподни-

ная руки со стола плавно, по данному знаку, когда столъ находился въ воздухѣ, верхкахъ въ 5—6 отъ пола. При этомъ столъ, иногда, сдвигалъ за нашими руками, немного приподнимаясь еще выше. Такой же случай я видѣлъ весной, въ 1875 году, въ присутствіи совѣтъ другихъ участниковъ, но также безъ признака медіума, въ квартирѣ Н. П. Вагнера. За столомъ находились Н. П. Вагнеръ съ женой, докторъ А., я и еще двое знакомыхъ. Поднявшійся, довольно тяжелый, столъ весьма опредѣленно оставался на воздухѣ въ теченіи 2—3 секундъ, въ то время какъ мы приподняли съ него руки. Думаю что всѣ приведенные случаи, взаимно такъ-сказать контролируются и дополняются, могутъ достаточно ручаться за действительность явленія если только читатель рѣшится не опровергать буквального смысла моего разказа. Думаю также что разказанное исключаетъ всякіе „желѣзные браслеты, крючки въ прорѣзахъ рукавовъ“ и „помощниковъ“ сидящихъ противъ медіумовъ.*

Остановка стола на воздухѣ когда руки съ него приподняты представляетъ явленіе уже близкое къ движенію предметовъ безо всякаго прикосновенія къ нимъ. Я видѣлъ довольно случаевъ такого движенія въ присутствіи Юма или Бредифа, при условіяхъ вполнѣ гарантировавшихъ неподдѣльность явленія. Такъ какъ явленіе это принадлежитъ къ числу требующихъ, сравнительно, большаго медіумазма, то движенія безъ прикосновенія, въ отсутствіи признака медіума, я встрѣчалъ рѣдко. Тѣмъ не менѣе, могу указать случай хотя и не проконтролированный съ полною строгостью, но свободный отъ подозрѣнія въ поддѣльности. За столикомъ находились только я и А. Н. Аксаковъ съ женой. Это было въ мѣѣ 1874 года, причемъ комната была достаточно освѣщена. Такъ какъ явленія были довольно сильны, то мы приподняли руки, примѣрно, на вершокъ отъ поверхности стола и стали держать ихъ въ этомъ положеніи; въ это время столикъ, плавно скользя по полу, двинулся верхка на четыре, сначала въ одну, потомъ въ другую сторону.

Въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть движеніе безъ прикосновенія въ сеансѣ Юма. Общество сидѣло въ квартирѣ

* См. статью г. Рачинскаго, стр. 397. Не могу не замѣтить при томъ что „желѣзные браслеты съ крючками“ съ одной стороны и „скрепное увѣщаніе“ съ другой,—приписываемое г. Рачинскимъ Юму, представляютъ несогласное протаворчіе.

А. Н. Аксакова, за большимъ обѣденнымъ столомъ, въ комнатѣ хорошо освѣщенной двумя горѣвшими на этомъ столѣ свѣчами. Вдругъ пришло въ движеніе шелковое платье дамы, которая сидѣла между Юмомъ и мною. Движенія эти происходили со стороны обращенной ко мнѣ: юбка платья двигалась и шелестѣла какъ бы раздуваемая вѣтромъ. Чтобы наблюдать движенія вблизи, я присѣлъ на полу и видѣлъ ихъ происходившими предъ самымъ лицомъ моимъ, между тѣмъ какъ всѣ могли наблюдать вполнѣ спокойное положеніе Юма. Если легкость двигающагося предмета способна здѣсь возбуждать подозрѣніе, то въ послѣдствіи я видѣлъ, также въ сеансахъ Юма, и движенія тяжелыхъ предметовъ. Два такихъ случая описаны мной въ моей первой нѣмецкой замѣткѣ,* и я приведу здѣсь это описаніе. „Засѣданіе происходило у меня на квартирѣ, въ моемъ кабинетѣ, и потому я имѣлъ возможность быть совершенно увѣреннымъ что никакихъ механическихъ или другихъ подготовленій не могло быть сдѣлано. Всѣ присутствующіе были мнѣ знакомы. Маленькое общество сидѣло за четырехугольнымъ (раскрытымъ ломбернымъ) столомъ, который накрытъ былъ короткою шерстяною скатертью. На столѣ, во время тѣхъ явленій о которыхъ идетъ рѣчь, горѣли двѣ свѣчи, такъ что комната была хорошо освѣщена. Кромѣ лицъ сидѣвшихъ у стола, въ комнатѣ не было никого болѣе. Послѣ различныхъ мелкихъ явленій, которыхъ я не стану описывать, вдругъ само собою пришло въ движеніе большое и довольно тяжелое кресло на четырехъ ножкахъ снабженныхъ катками. Кресло это стояло у моего большаго письменнаго стола, въ разстояніи 3—4 аршинъ отъ тогда меньшаго стола за которымъ сидѣло наше общество. Обѣ переднія ножки приподнялись нѣсколько кверху, хотя до него никто не касался и никто не могъ касаться, и въ этомъ наклоненномъ назадъ положеніи кресло толчками подкатилось со своего мѣста къ нашему столу. Совсѣмъ придвинувшись къ нему, оно еще сдѣлало нѣсколько неправильныхъ движеній и остановилось, занявъ свободное мѣсто, почти въ углу стола, между Юмомъ и другимъ лицомъ. Немного спустя, Юмъ взялъ колокольчикъ, стоявшій на нашемъ столѣ и сталъ держать его у края стола, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи и немного пониже верхней плоскости стола. |

* *Psychische Studien*, 1874, I, стр. 25.

колокольчикъ, и руки Юма были хорошо освѣщены. Черезъ нѣсколько секундъ Юмъ вынулъ колокольчикъ изъ руки, и онъ остался свободно державшимся въ воздухѣ, не касаясь ни стола, ни его покрывки, ни стульевъ, ни чего-либо другаго. Лицо между которыми и Юмомъ остановилось кресло могло вблизи наблюдать колокольчикъ плававшій въ воздухѣ. Замѣчу что уломянутымъ сосѣдомъ Юма былъ одинъ престарѣлый извѣстный русскій писатель. Съ Юмомъ онъ познакомился незадолго предъ этимъ у меня въ домѣ, и желалъ воспользоваться случаемъ чтобы видѣть страннаго явленія. Я сидѣлъ на противоположной Юму сторонѣ стола. Въ то время какъ колокольчикъ находился въ воздухѣ, я всталъ и могъ, чрезъ столъ, хорошо видѣть его верхнюю часть. Скоро колокольчикъ опустился на колѣно Юма, остался здѣсь на минутку въ покоѣ, потомъ опять, самъ собою, поднялся на воздухъ и наконецъ опустился на ручку придвинутаго кресла и остался на ней лежать. Во все время колокольчикъ не удалялся изъ ярко освѣщеннаго пространства. Руки Юма и другихъ присутствовавшихъ, какъ и всѣ другіе предметы, не прикасались къ колокольчику въ то время какъ онъ держался въ воздухѣ. Я спрашивалъ уломянутое лицо (М. П. П.), имѣвшее возможность наблюдать колокольчикъ вблизи, не прикасался ли колокольчикъ, по крайней мѣрѣ, къ вѣсившему краю скатерти? и получилъ на этотъ вопросъ опредѣленный отрицательный отвѣтъ.

Въ другой разъ, мнѣ случилось быть вечеромъ, вмѣстѣ съ Юмомъ, А. Н. Аксаковымъ и однимъ знакомымъ у одной дамы, нашей общей родственницы. Никакого сеанса предложено не было. Мы сидѣли и пили чай, причемъ самоваръ стоялъ на особомъ маленькомъ столикѣ. Вдругъ, среди нашихъ разговоровъ, послышались стуки въ столъ, а потомъ въ самоваръ. Послѣдніе ясно отличались металлическимъ отгѣнкомъ звука. Такое неожиданное появленіе звуковъ всегда обѣщаетъ, по замѣчанію Юма, удачный сеансъ, и мы рѣшились сѣсть за него. Чай былъ убранъ, и маленькій столикъ, бывшій подъ самоваромъ, поставленъ въ уголъ. Онъ находился теперь въ сторонѣ противоположной Юму, такъ что Юмъ отдѣленъ былъ отъ него большимъ столомъ. Освѣщеніе комнаты уменьшено не было. Едва мы усѣлись, начались разнообразныя сильныя явленія, и вскорѣ маленькій

столикъ, самъ сабою, внезапно подвинулся изъ угла четверти на двѣ, по направленію къ нашему столу.

О движеніяхъ безъ прикосновенія въ сеансахъ Бредифа писалъ довольно подробно Н. П. Вагнеръ. Я приведу здѣсь одинъ случай имъ не описанный. Засѣданіе въ квартирѣ А. Н. Аксакова, въ ноябрѣ 1874 года. Присутствуютъ: Аксаковъ съ женой, Вагнеръ, докторъ А—, я и Бредифъ. Комната освѣщена свѣчей. Общество сидитъ за маленькимъ квадратнымъ столикомъ на четырехъ ножкахъ. Всѣ ноги сидящихъ взаимно прикасаются и контролируются, а ноги Бредифа отдѣлены отъ стола ногой доктора А—, которая поставлена на ногу Аксакова. По данному знаку, всѣ руки приподняты отъ стола, и столъ совершаетъ вслѣдъ затѣмъ медленное горизонтальное движеніе. Опытъ этотъ повторенъ три раза.

Затѣмъ приходится перейти къ разряду медиумическихъ явленій не имѣющихъ логическому ничего общаго съ только что описанными. Я разумно появленіе рукъ и т. п. Странность и необычайность этихъ явленій такъ велика что допустить ихъ дѣйствительность рѣшаешься лишь когда чувствуешь себя подавленнымъ массой многочисленныхъ и разнообразныхъ личныхъ наблюденій исключающихъ всякую возможность сомнѣнія.

Тѣ ощущенія о которыхъ я упоминалъ выше и которыя осязанію участниковъ сеанса представляются прикосновеніями рукъ—явленіе сравнительно рѣдкое, требующее логическому значительнаго развитія медиумической силы. При полномъ освѣщеніи,—но и тутъ только въ сравнительно темномъ пространствѣ, подъ столомъ,—мнѣ случалось испытывать прикосновеніе только въ присутствіи Юма. Въ сеансахъ Бредифа явленіе это имѣетъ мѣсто, какъ разказано Н. П. Вагнеромъ, лишь при условіяхъ особенно благопріятствующихъ, напримѣръ при уединеніи медиума въ темнотѣ, за занавѣской, и при полусвѣтѣ въ комнатѣ. Но за то при этихъ условіяхъ явленіе становится доступнымъ не одному осязанію, а также зрѣнію. Крукъ и многіе другіе не только ощущали, но и видѣли руки при свѣтѣ, въ сеансахъ Юма, но я одинъ только разъ въ его сеансѣ, наклонившись подъ столъ, имѣлъ случай замѣтить темный силуэтъ руки на клавиатурѣ гармоника, которую Юмъ держалъ за противоположный конецъ въ то время какъ его другая рука лежала на столѣ. Ощущать прикосновенія совершенно явственно мнѣ случалось много разъ

и вѣрѣю вслѣдъ затѣмъ изъ моей руки, олуценой подѣ столъ, брались и переносились разные предметы, напримѣръ колокольчикъ, карандашъ, платокъ. Руки всѣхъ присутствующихъ, въ томъ числѣ разумѣется и Юма, были въ это время на столѣ на которомъ горѣли двѣ свѣчи; Юмъ сохранялъ совершенную неподвижность; отсутствіе у него какихъ бы то ни было цвструментовъ и приспособленій ни малѣйшему сомнѣнію не подлежало; его ноги, обутыя въ ботинки, контролировались и не шевелились. Я совершенно убѣжденъ что каждый имѣвшій случай не разъ наблюдать эти явленія въ сеансахъ Юма не можетъ серьезно отнестись къ предположеніямъ въ родѣ того что здѣсь дѣйствуютъ какія-нибудь машины, искусственныя руки или наконецъ голыя ноги. Руки о которыхъ идетъ рѣчь часто приподнимали висая со стола край скатерти, трогая присутствующихъ сквозь ткань, и я видѣлъ, напримѣръ, какъ край скатерти былъ приподнять верхка на 3—4 выше поверхности стола, а Юмъ оставался вполнѣ безучастнымъ физически. Особенно опредѣленно случилось мнѣ испытать прикосновеніе въ январѣ 1872 года, въ сеансѣ съ Юмомъ, происходившемъ въ моемъ кабинетѣ въ присутствіи нѣсколькихъ знакомыхъ. Я опустил колокольчикъ подѣ столъ и ясно чувствовалъ какъ мою руку трогали и оцупывали нѣжныя маленькіе, какъ бы дѣтскіе, теплыя пальцы, осторожно взявшіе наконецъ колокольчикъ. Когда колокольчикъ былъ мной изъ руки вылуцены, то онъ не упалъ, но началъ звонить, двигаясь въ пространствѣ подѣ столомъ. Такое передвиженіе, передачу отъ одного присутствующаго другому различныхъ предметовъ, гармоника, колокольчика, платка и пр., сниманье съ руки кого-либо изъ участниковъ кольца и обратное его надѣваніе на палецъ и т. п. я видѣлъ въ сеансахъ Юма много разъ, и неподдѣльность этихъ явленій не подлежитъ для меня ни малѣйшему сомнѣнію.

Явленія въ сеансахъ Бредифа, за завѣтской, очевидно принадлежатъ къ той же категоріи. Послѣ описанія ихъ Н. П. Вагнеромъ, было бы излишне съ моей стороны распространяться о нихъ, но не могу не напомнить что мы имѣли случай видѣть, *въ одно и то же время*, и связаннаго Бредифа, и небольшую руку близь головы его въ то время какъ завѣтска приподнялась съ краю какъ бы сама собой. Въ другомъ же сеансѣ одинъ изъ присутствовавшихъ, В. И. Я.,

видѣлъ одновременно и руку, и руки Бредифа въ тюлевыхъ мѣшечкахъ (они были надѣты ему на руки и пришиты къ рукавамъ), и ту бѣлую тесьму на рукавѣ сюртука которою Бредифъ былъ связанъ. Случилось что движенія предметовъ происходили за спиной связаннаго Бредифа, въ такомъ мѣстѣ и разстояннн отъ него что непосредственное участіе рукъ медиума являлось положительно невозможнымъ. Для того же чтобъ удостовѣриться въ отсутствіи какихъ-либо инструментовъ, медиумъ послѣ одного изъ удачныхъ сеансовъ былъ раздѣтъ и разутъ совершенно и осмотрѣвъ, также какъ и его платье, и ничего подозрительнаго найдено не было. Такимъ образомъ, въ неподдѣльности этихъ явленій я не могу усомниться, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаю сказанное мною выше: „Изъ этого, конечно, нельзя заключить съ достовѣрностью чтобы въ сеансахъ Бредифа всѣ явленія и всегда были подлинны.“ *

Мнѣ остается уломянуть еще о „стологовореніи“ или лучше о „явленіяхъ діалогическихъ“, причислая сюда вообще всѣ тѣ явленія въ которыхъ есть осмысленность. Съ этой точки зрѣнія, область стологоворенія является весьма обширною: осмысленность выражается не только въ рѣчахъ, складываемыхъ по азбукѣ движеніями или стуками, но и въ исполненіи мелодій на музыкальномъ инструментѣ, и въ томъ что движенія или стуки происходятъ опредѣленнымъ образомъ, въ опредѣленномъ числѣ и т. л. Совершенно справедливо что передаваемая рѣчи часто представляютъ „безалаберные разговоры“, ** что характеръ ихъ, обыкновенно, „соотвѣтствуетъ кругу понятій, интересамъ, привычкамъ“ *** медиума. Еслибъ имѣлись въ виду только подобные случаи, то стологовореніе, конечно, представляло бы явленіе „вполнѣ объяснимое безъ помощи интеллектуальной силы посторонней людямъ соприкасающимся со столомъ“. **** Какъ было сказано выше, и я прежде всего предположилъ что здѣсь безсознательно отражаются мысли медиума, самимъ имъ несознанныя. Теперь я знаю однакоже что если это такъ и быва-

* Подробное мое описаніе нашихъ опытовъ съ Бредифомъ, дополняющее письмо напечатанное Н. П. Вагнеромъ въ *Вѣстникѣ Героны*, читатель найдетъ въ *Psych. Studien*. 1875, IX, стр. 385.

** См. письмо Н. П. Вагнера.

*** См. статью Рачинскаго, стр. 390.

**** См. тамъ же, стр. 387.

еть, то далеко не всегда: я видѣлъ не мало примѣровъ, даже въ нашихъ частныхъ сеансахъ, гдѣ сообщаемое совсѣмъ не было безалаберно, а напротивъ болѣе или менѣе замѣчательно по содержанію, которое часто было вполнѣ неожиданно. Не разъ діалогическія явленія происходили такъ что прямое вліяніе сидящихъ за столомъ на смыслъ складываемаго положительно устранялось. Однажды, на примѣръ, за столикомъ находились С. А. Аксакова, моя родственница и я, а А. Н. Аксаковъ сидѣлъ отдѣльно за своимъ письменнымъ столомъ. Столъ отмѣчалъ движеніями своими буквы которыя указывалъ я молча по печатной азбукѣ, наклеенной на листъ картона. На половинѣ одной фразы мы съ А. Н. перемѣнились мѣстами, и я, сидя вдали, за другимъ столомъ, молча продолжалъ водить карандашомъ по буквамъ азбуки, а столикъ, при этихъ условіяхъ, докончилъ начатое слово и сложилъ еще два слова, заключившія фразу. Послѣ мнѣ случалось, также въ частныхъ сеансахъ нашихъ, сидя за столикомъ и держа азбуку такъ что другіе не видѣли ея, показывать буквы не по порядку, а произвольно, въ разбивку. Слова тѣмъ не менѣе складывались правильно. Въ томъ самомъ частномъ сеансѣ, съ шестью знакомыми участниками и безъ признаннаго медиума, гдѣ были описанныя выше измѣненія вѣса и поднятіе стола, при освѣщеніи рукъ фосфорнымъ масломъ и при взаимномъ контролѣ ногъ, я видѣлъ также довольно интересный діалогическій случай. Въ то время какъ присутствующіе желали поднятія стола и комната была освѣщена, столъ условными движеніями потребовалъ азбуку. Началось складыванье фразы, которую записывалъ А. Н. Аксаковъ, сидя за особымъ столомъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ присутствовавшихъ произносилъ азбуку. Сложилась, повидимому, бессмыслица, которую не понималъ сначала никто изъ бывшихъ, но потомъ догадались что движенія стола часто не успѣвали за произносимыми буквами, и что поэтому многія буквы слѣдуетъ замѣнить предшествующими. Послѣ этой поправки, фраза оказалась осмысленною и правильною: „для стуконъ и поднятія много свѣта“. Подобнымъ же образомъ и въ томъ другомъ частномъ сеансѣ, описанномъ выше, гдѣ происходило поднятіе стола вслѣдъ за приподнимаемыми съ него руками, мы наведены были на этотъ опытъ стологовореніемъ; „когда столъ будетъ на воздухѣ, приподнимите руки нѣсколько,—попробуемъ“. Никому изъ насъ троихъ не

могла придти въ голову эта мысль, и подобное указаніе на способъ опыта самимъ предметомъ опыта представляетъ одно изъ самыхъ разительныхъ діалогическихъ явленій. Складыванье цѣлыхъ фразъ навыворотъ, начиная съ послѣдней буквы послѣдняго слова, тоже плохо соответствуетъ объясненію „бессознательною церебраціей“. При этомъ, обыкновенно, сами участники сеанса рѣшительно не въ состояніи слѣдить за ходомъ складыванья или догадываться что именно выйдетъ. Такъ однажды, въ сеансъ безъ признаваемаго медиума, происходившемъ у А. Н. Аксакова,—когда за столомъ сидѣли только Н. П. Вагнеръ, С. А. Аксакова, докторъ А—и одинъ нашъ близкій знакомый, профессоръ одного изъ провинціальныхъ университетовъ (А. И. Я.), а я и А. Н. Аксаковъ находились въ сторонѣ,—была сложена *навыоротъ*, начиная съ з и кончая буквой я, фраза „потребно менѣе силъ“, служившая отвѣтомъ на вопросъ почему круглый столикъ (потребованный „діалогически“) облегчить явленія? Считаю необходимымъ прибавить, съ другой стороны, что если и бываютъ діалогическія явленія повидимому независимыя отъ сознательнаго или бессознательнаго мышленія присутствующихъ, то и это часто не мѣшаетъ рѣчамъ здѣсь являющимся быть „безалаберными“ и нерѣдко даже представлять совершенный вздоръ или ложь.

Музыку гармоника я слышала только въ сеансахъ Юма. Я слышала отчетливое исполненіе законченныхъ, довольно длинныхъ мелодій, со всѣми отгѣнками звука, въ то время когда Юмъ держалъ гармонику подъ столомъ, одною рукою, за конецъ противоположной клавиатурѣ, между тѣмъ какъ другая рука его оставалась на столѣ. Юмъ сохранялъ при этомъ полнѣйшую неподвижность. Вотъ какъ описалъ это явленіе одинъ изъ свидѣтелей, участвовавшій въ сеансѣ вмѣстѣ со мною: „отдѣльная нота перешла въ правильный мотивъ, простенькій и веселый“... Мотивъ былъ прерванъ, точно какъ будто гармоника перешла въ другія руки, раздался правильный аккордъ, за которымъ послѣдовала весьма пріятная прелюдія въ стилѣ духовной музыки... „къ концу темпъ замедлился, звуки становились слабѣе и слабѣе; мы слѣдили за ними, притаивъ дыханіе, но они замерли какъ бы удаляясь“. Предположить что все это поддѣлка и производится искусственно одною рукою, не можетъ тотъ кто самъ много разъ видѣлъ и слышалъ происходившее, но еслибы

такое объясненіе и было возможно въ описанномъ случаѣ, то оно неприложимо въ другихъ, напримѣръ, тогда когда гармоника находится не въ рукахъ самого Юма, а въ рукахъ кого-либо изъ присутствующихъ; между тѣмъ какъ Юмъ остается неподвижнымъ держа руки на освѣщенномъ свѣчами столѣ и не имѣя возможности пошевелить ногами безъ того чтобъ это тотчасъ же не было замѣчено сидящими съ нимъ рядомъ. Именно подъ такими условіями я слышалъ правильные аккорды гармоники находившейся подъ столомъ, въ рукахъ того самаго лица которому принадлежитъ только-что приведенное мной описаніе явленія.

V.

Послѣ всего мной видѣннаго въ области медиумизма, я не могу ни игнорировать, ни отвергать свидѣтельства другихъ серьезныхъ наблюдателей. А принимая ихъ, хотя и съ величайшею осторожностью, я нахожу описанія такихъ явленій которыя дополняютъ и расширяютъ видѣнное мной, ясно свидѣтельствуя, напримѣръ, что въ извѣстныхъ случаяхъ „безсознательная церебрація“ присутствующихъ не можетъ быть достаточною для объясненія осмысленной стороны происходящаго. Разъ не отвергая свидѣтельства этихъ наблюдателей, каковы напримѣръ Круксъ, Варлей и др., я долженъ принять что при извѣстныхъ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ гдѣ я видѣлъ образование рукъ, могутъ появляться (какъ это констатировано названными учеными) и цѣлыя человѣческія фигуры. Наконецъ, познакомившись собственнымъ и чужимъ опытомъ съ трудностями которыми является обставленнымъ, для каждаго добросовѣстнаго наблюдателя, рѣшеніе вопроса о дѣйствительномъ существованіи медиумическихъ явленій, я не могу придавать большаго вѣса приговорамъ людей слегка и свысока берущихся произносить свой судъ, хотя бы этимъ людямъ и принадлежало напримѣръ знаменитое имя Тюддэла. Я помню при этомъ что знаменитость, ученость и несомнѣнное остроуміе еще не могутъ служить гарантіей въ томъ что человѣкъ обладающій этими качествами добросовѣстно отнесется къ извѣстному дѣлу. *

* Вотъ рѣзкій примѣръ: извѣстный алгаійскій ученый сэръ-Демидъ Врустеръ, побывавъ на сеансѣ Юма, вмѣстѣ съ еордожъ

Нерѣдко приходилось мнѣ выслушивать упреки въ томъ что убѣдившись лично для себя въ дѣйствительномъ существованіи медиумическихъ явленій, я не принялся вслѣдъ за тѣмъ за ихъ строгое и точное изслѣдованіе. Независимо отъ самой трудности предмета изслѣдованіе котораго едва ли можетъ поддаться силамъ одиночнаго естествоиспытателя специалиста по какой-либо отдѣльной части, мнѣ казалось всегда и кажется теперь что прежде всего нужно стремиться къ общему признанію дѣйствительнаго существованія того предмета который подлѣжитъ изслѣдованію. Нельзя требовать чтобы люди посвящали себя изученію явленій существованіе которыхъ отвергается и работали, слѣдовательно, будучи заранѣе увѣрены что результаты ими добытые останутся игнорируемыми или что хуже, подвергнутся осмѣянію. При такихъ условіяхъ изслѣдованія и не могутъ быть плодотворны: отрасли человѣческаго знанія развиваются не изолированными трудами одиночныхъ лицъ и время серьезнаго изученія медиумическихъ явленій начнется тогда когда здѣсь постулатъ также какъ постулаты при изслѣдованіи другихъ явленій природы, т.-е. перестанутъ замыкаться въ тѣсную рамку собственныхъ наблюденій и будутъ общими силами, при помощи трезвой строгой критики и взаимной провѣрки, созидать новую обширную отрасль знанія.

Содѣйствовать признанію существованія явленій, которыя, несмотря на несомнѣваемую свою подлинность, игнорируются и отвергаются большинствомъ, это цѣль моей настоящей статьи. Я хорошо знаю что меня ожидаютъ недоувѣріе, насмѣшки, нападеныя съ разныхъ сторонъ, но я заранѣе отвѣчу на все это словами А. Н. Аксакова: * „никакое осмѣяніе, никакая брань, ни оласеніе показаться слабоумнымъ, не могутъ заставить меня отступиться отъ свидѣтельства моихъ чувствъ и моего разсудка.“ Притомъ мнѣ легко перенести

Брумомъ, заявилъ печатно о видѣемыхъ явленіяхъ: „столягъ дѣйствительно поднимался отъ пола, когда на немъ не лежало ни одной руки“; „кошачья лапка въ сакомъ дѣлѣ звоняла, когда ничто не могло трогать его“. Слуста поагода, тотъ же сэръ-Девидъ Брустеръ писалъ въ редакцію одного изъ журналовъ: „я видѣлъ довольно чтобы убѣдиться что всѣ оми (явленія) могли быть произведены человѣческими руками и руками“, (См. нѣмецкое изданіе Wallace, *Vertheidigung des modernen Spiritualismus* стр. 24).

* *Спиритуализмъ и Наука*, стр. 7.

всѣ явленія, такъ какъ я дѣлаю ихъ тяжесть съ тѣми людьми науки имена которыхъ были названы выше.

Заявляя о моихъ наблюденіяхъ, я предоставляю себѣ право обращать вниманіе лишь на тѣ возраженія которыя появляются съ именемъ авторовъ и отнесутся къ предмету объективно и серьезно, въ обыкновенъ тои научныхъ споровъ ведущихся между людьми взаимно уважающими другъ друга. На всѣ замѣчанія и возраженія другого рода я могу отвѣчать только молчаніемъ. Но пусть и серьезные противники мои выступаютъ вооруженные фактическими данными, а не голословными апіорнымъ отрицаніемъ, прикрытымъ напраснымъ звономъ научныхъ терминовъ. За этимъ отрицаніемъ я не признаю права заслуживать возраженія. *

На вопросъ о гипотезѣ которая объясняла бы медиумическія явленія, я не имѣю сказать ничего опредѣленнаго,

* Здѣсь будетъ котаи привести слова Уэллеса: „Они (противники спиритуализма) высказывали только пошары и не подходящія догадки, но не могли объяснить или опровергнуть ни одного вѣскаго факта. Я утверждаю поэтому что феномены спиритуализма, взятые въ ихъ общности, не требуютъ дальнѣйшаго подтвержденія: они доказаны такъ же хорошо какъ любые факты въ той или другой наукѣ, и никакое отрицаніе или сомнѣніе не опровергаетъ ихъ; это могли бы сдѣлать только новыя факты и точные выводы изъ этихъ фактовъ. Если противники спиритуализма могутъ представить отчеты о своихъ изслѣдованіяхъ настолько же полныхъ и продолжительныхъ какъ изслѣдованія его защитниковъ, если они откроютъ и покажутъ въ подробности или то какъ производится явленія, или то почему многочисленныя разумныя и дѣльные люди (здѣсь упомянуты) всѣ могли власть въ общее заблужденіе, думая что они дѣйствительно были свидѣтелями явленій, и если наконецъ, они, противники, докажутъ справедливость своей теоріи тѣмъ что сумѣютъ вызвать такіа же заблужденія въ средѣ невѣрующихъ людей, тогда только, но не прежде, спиритуалисты должны дать новыя подтвержденія фактовъ. Факты эти подлинны и неоспоримы, и всегда были такими въ степени достаточной для того чтобы убѣдить всякаго честнаго и упорнаго изслѣдователя.“ (См. нѣмецк. изд. *Wallace Vertheidigung des modern. Spiritual.* стр. 76).

Прибавлю къ этому что лучший, удобнѣйшій и легчайшій путь для изслѣдованія заключается въ производствѣ опытовъ въ своемъ частномъ домашнемъ кружкѣ. Тотъ кто не сдѣлалъ даже и того, не долженъ считать себя въ правѣ говорить о томъ чего не знаетъ.

и лишь приведу въ заключеніе слова де-Моргана,* съ которыми соглашаюсь вполнѣ: „физическія объясненія, которыя мнѣ приходилось слышать, легки, но до жалости недостаточны: духовная гипотеза достаточна, но представляетъ громадныя трудности.... Спиритуалисты, безо всякаго сомнѣнія, стоятъ на томъ пути который ведетъ ко всякому прогрессу въ физическихъ наукахъ; ихъ противники сужаютъ представителями тѣхъ которые всегда ратовали противъ прогресса...“

А. БУТЛЕРОВЪ.

* Изъ его предисловія къ книгѣ *From Matter to Spirit etc.* См. *Спиритуализмъ и Наука*, стр. 7.

КРУЖОКЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА.

Я жилъ въ той же уединенной улицѣ гдѣ проживало одно таинственное русское семейство — мать и дочь. Первая же новость сообщенная мнѣ квартирною хозяйкой была о нихъ.

— Это богатыя и знатныя Русскія... Живутъ здѣсь цѣлый годъ, и никто ихъ не видитъ... никто!

— Вы не знаете ихъ фамиліи? спросилъ я.

— У нихъ нѣтъ фамиліи. Онѣ эмигрировали, и наша полиція выдала имъ билетъ на жительство. У нихъ чужое имя.

Мнѣ каждый день нѣсколько разъ доводилось проходить мимо дома гдѣ жили эти „богатыя Русскія“, и я съ какимъ-то безотчетнымъ вниманіемъ останавливался предъ закрытыми наглухо окнами. Только по вечерамъ они отворялись, когда спадала жара, и изрѣдка мелькалъ въ нихъ силуэтъ, молодой граціозной женщины, выглядывавъ въ окно и быстро, юркнуво скрываясь, какъ бы лугаясь темной грушью деревьевъ, тихо шуршавшихъ внизу. Потомъ раздавались громкіе аккорды рояля, и сильный, звучный голосъ дрожавъ умокательною страстью неусходной тоски и горя. Улыбаме нотамъ смѣнялись одинъ другимъ и, несмотря на мое равнодушіе къ музыкѣ, мнѣ было невыносимо жутко и больно:

эти лѣсны во мнѣ пробуждали свое, слѣшкомъ еще свѣжее, горе.

Простоявъ подъ окномъ съ полчаса, я мѣста себѣ не находилъ, не могъ ни развлечься, ни уснуть, и не рѣдко до бѣлаго утра бродилъ по пустымъ улицамъ или по берегу соннаго озера, не въ силахъ отогнать яркія и скорбныя воспоминанія. Къ этому примѣшивалось невольное любопытство—посмотрѣть что это за дѣвушка, что за старуха-мать, и почему онѣ эмигрировали, да еще въ Швейцарію? А любопытство это было совсѣмъ безнадежное: познать нечего было и думать.

И однакоже каждый день, около десяти часовъ вечера, я тащился къ густому палисадику, и приткнувшись къ его периламъ, съ наслажденіемъ и грустью слушалъ лѣніе загадочной отшельницы. Сколько догадокъ, предположеній билось въ моей головѣ!... Подъ часъ меня даже бѣсило это любопытство, озлобляла его безнадежность и ненужность.

— Къ чему мнѣ знать это? Да и что тутъ интереснаго? Ну, живетъ какая-то соотечественница, должно-быть, съ параличомъ въ головѣ, мучить дочь при себѣ, вотъ и все... А если что другое? Если не такъ?... Да что же мнѣ-то?... Вѣдь это же страна не Добчинскихъ и Бобчинскихъ, здѣсь каждый живетъ по своему, какъ ему угодно. И вдругъ я съ своимъ любопытствомъ... Какъ это не деликатно, гауно!..

Я запася на себя и не могъ усложниться, не могъ не злиться, уйти и не возвращаться къ скорбнымъ лѣснямъ. Мнѣ было совѣстно самому предъ собой, за свои подоковыя томленія, за свои назойливыя домогательства неизвѣстно чего. И какъ это нахально должно ей казаться! Она ужъ замѣтила меня: каждый вечеръ я являюсь ей словно привидѣніе, и кажется она чаще стала выглядывать въ окно. Глупо...

Я уходилъ домой совсѣмъ разстроенный, раздраженный, принимался читать, а въ ушахъ звенѣли чудные, очаровательные мотивы, мерещилась стройная худенькая фигурка, гибко склоненная на подоковыику...

Хоть бы взглянуть что за лицо, думалось мнѣ, и опять начиналъ я бранить себя. Люди, можетъ-быть, только локот и искали, а я вотъ лѣзу: покажи мнѣ этихъ людей... Очень нужно!

Я сталъ прислушиваться къ говору Русскихъ въ надеждѣ услышать отъ нихъ что-нибудь объ этомъ семействѣ; сир-

силь прямо было совѣстно, неловко, словно я уже сознавалъ за собой какую-то вину предъ этою семьей и боялся какъ бы не обнаружить ея. И здѣсь мои ожиданія не оправдались. Весь русскій кружокъ былъ на перечесть извѣстенъ, а мы и не упоминали никогда, какъ будто не было ихъ вовсе. Никому и въ голову не приходило разузнавать кто онѣ, за чѣмъ, почему. Мы еще лучше сдѣлалось гадко и досадно.

— Въдѣ вотъ не интересуются же они, не стараются проникнуть куда нельзя, куда не сѣдываетъ проникать, и ничего, обходятся; а меня вотъ за душу тянутъ! Не приду больше! Прощай, незнакомка, спасибо тебѣ за твои лѣсенки.

На другой день я въ самомъ дѣлѣ не пошелъ къ палисаднику, но вышло еще хуже: изъ моихъ оконъ можно было слышать лѣвѣе также отчетливо какъ на мѣстѣ моего непрощеннаго рыцарства. Мы только досаднѣе становилось что не вижу какъ она выглядываетъ въ окно, но слышу ея голосъ такъ близко какъ это возможно, и какъ, кромѣ меня, никто ея не слышаетъ.

Слѣдующій день я ждалъ съ нетерпѣнiемъ когда наступитъ тьма и прохлада, и откроются таинственные ставни, и польются знакомые страстные звуки глубокаго унынья, и выгладываетъ на мгновенье та загадочная дѣвушка о которой я такъ много и такъ глупо думаю. Предъ вечеромъ зашелъ ко мнѣ докторъ Стренковскій, знавшій весь городъ какъ свои пальцы и всѣмъ новичкамъ служившій справочнымъ мѣстомъ. Прежде чѣмъ въ городокѣмъ листкѣ появлялась фамилія русскаго путешественника, онъ уже зналъ всю подноготную, всѣ цѣли и намѣренія его, и какъ можно поскорѣе спѣшилъ занять у него двадцать пять франковъ чтобы никогда ихъ, разумѣется, не отдавать. Случалось что на вопросъ какъ вы думаете о такомъ-то Русскомъ, онъ съ невозмутимымъ спокойствiемъ отвѣчалъ:

— Я не могъ занять у него ни одного сентама.

Несмотря на эту непріятную привычку, докторъ Стренковскій пользовался общою симпатiей Русскихъ и всюду умѣлъ сдѣлаться нужнымъ, своимъ человѣкомъ, посвященнымъ въ интимныя дѣла всѣхъ и каждаго. Богъ знаетъ къ какой національности онъ принадлежалъ; по наружности онъ походилъ на Татарина, по хваткамъ (у него были именно хватки, а не манеры) напоминалъ прожженнаго Еврея, по болативости Французъ, по знанію своей спеціальной аку-

ратный и тупо-раздумчивый Нѣмецъ. Пріѣхалъ онъ сюда изъ Россіи, гдѣ ему не повезло, пріѣхалъ на самый непродолжительный срокъ; да вотъ уже лѣтъ восемь живетъ здѣсь, какъ видно ко двору пришелся. Онъ былъ вѣчный одиночка, велъ студенческую, беспорядочную жизнь, никогда не могъ остепениться и имѣть хоть лишній грошъ въ карманѣ на завтрашній день. Его такъ и звали помятымъ именемъ „вѣтрогола“. Самая привычка къ перехватыванью чужихъ денегъ развилась въ немъ по самому искреннему непониманію ихъ цѣны. Когда у него были деньги, каждый могъ занимать у него на тѣхъ же условіяхъ, и чужакъ никогда еще въ жизни не могъ никому отказать въ нихъ. Лѣчилъ онъ почти заурядъ безплатно, да еще и на лѣкарства раздавалъ свои деньги, а самъ въ то же время по цѣлому году не оплачивалъ квартиры, да и ночевалъ-то въ ней едва ли болѣе пяти разъ въ годъ: гдѣ застрянетъ на вечерѣ, тамъ и выспится, а застревалъ онъ гдѣ-нибудь непременно каждый день. То студентка пригласитъ его объяснить какую-нибудь не дающуюся задачу, то отправится съ барынями на прогулку, то обѣгаетъ больныхъ, то шумитъ на собраніи рабочихъ социаль-демократовъ, то глядишь торчитъ у какого-нибудь туза-путешественника и пересказываетъ ему примѣчательности города. Вообще докторъ Стренковскій гораздо болѣе былъ человѣкъ хорошей чѣмъ дурной. Онъ часто заходилъ ко мнѣ, разсказывалъ о всѣхъ Русскихъ съ ядовитой и сдержанною проніей; особенно доставалось отъ него нашимъ, какъ онъ выражался, „кружевнымъ барынямъ“; въ нихъ онъ постоянно влюблялся и доходилъ нерѣдко до страстнаго ожесточенія; отъ одной „кружевницы“ онъ хотѣлъ даже бѣжать въ Америку землю рыть, но такъ какъ это не возбраняется законами и Россійской Имперіи, то ему совѣство стало именно для этой цѣли бѣжать въ Америку; другаго мускульнаго труда онъ не могъ прибрать себѣ по силамъ.

Однажды какъ-то онъ назвалъ совсѣмъ новую фамилію: я такъ и вздрогнулъ, похолодѣлъ весь и не умѣлъ восхвалываться случаемъ для утоленія своего любопытства.

Отправляясь съ докторомъ на прогулку, я нарочно повелъ его мимо ихъ дома. Съ замирающимъ сердцемъ слѣдилъ я за нимъ. Онъ глянулъ на окна, скривилъ губы и съ минуту шелъ молча, не рѣшаясь заговорить.

— Вотъ, батюшка, эти Чужаевы, началъ онъ указавъ глазами на окна, — не приведи васъ Господь...

— Что такое?

— Остерегайтесь.... Я одинъ разъ у старухи былъ, а ужъ другой не пошелъ.... Двадцать франковъ отсыпала, а все-таки не пошелъ.

— Отчего, докторъ?

— Страшно. У ней дочь.... Славная дѣвица.... поетъ какъ ангелъ. Должно-быть у нихъ очень большое несчастье... Онъ никого не принимаютъ. Ходить къ нимъ одинъ старикъ-профессоръ, должно-быть уроки даетъ дочери.... Знаете какъ-то и неловко одному знакомиться съ такимъ домомъ. Я ужъ подбивалъ Русскихъ, нейдутъ... Ну, это понятно: демократическія тенденціи мѣшаютъ. А между тѣмъ старуха, какъ есть либераль-баба, а дочь совсѣмъ красная. Я ужъ и это говорилъ *нашимъ*: такъ нѣтъ, куда тебѣ! А все дѣло-то въ томъ, изволите видѣть, что она не поетъ: „Долго насъ помятцѣнки душили“; ну, значить, не изъ *нашихъ*.... А ты вотъ хоть лопни, да пой намъ эту лѣсню.... И лѣли, батюшка, такія же *помятцѣнки* лѣли; усядутся бывало на окнахъ да и вопять на весь городъ. Удивительно какъ это у русскаго человѣка мало политическаго смысла и гордости! Ну, кто имъ даль средства здѣсь жуировать! Крѣпостное право, мужицкій оброкъ... И они же поютъ. Ужъ какъ я бывало лаялся съ ними за эту лѣсню: ужъ больно она мѣ къ лицу имъ была, а вѣдь ничего не взялъ, не послалъ имъ Господь и этого вразумленія. А тутъ вотъ обходятъ, какъ язву, прелестнѣйшую дѣвушку только за то что у ней больше здраваго смысла чѣмъ у нихъ. Вотъ подите вы, проповѣдуйте логику такому народу. Этого и на Огненной Землѣ не увидишь, больно ужъ не обычно....

— А хороша эта дѣвушка, докторъ?

— Магически-хороша! Очаровательна!... Отъ нея надо сейчасъ же уйти.... Лишнюю минуту остался возлѣ ней, и пропалъ! Сотреть, смелеть тебя въ пепелъ и на вѣтеръ пустить.... Удивительно хороша! Такъ и чувствуешь что горе тебѣ бѣдному.... Я ужъ какъ слабость этакую за собой знаю, такъ прежде всего въ такихъ случаяхъ вопросъ себѣ ставлю: сшибеть или нѣтъ? Олять же тутъ и обстановка другая.... Вонъ тѣ кружевницы что по гостиницамъ шпаяются да надъ Альпами обмороки дѣлаютъ, тѣхъ я ужъ знаю, изучалъ, при-

выкъ къ намъ... Знаю что имъ пужны дорожныя приключенія, сильныя страсти, да все это такъ, чтобъ и волки были сыты, и овцы цѣлы. Ну, а Чужаева это другой сортъ.... Тутъ вся твоя опытность рухнетъ и самъ ты голову сломишь.... Остерегись, обойди.... Тутъ страшно....

— Страшно, докторъ, вы даже не допускаете простаго знакомства, ни малѣйшаго самообладанія предъ хорошеялкою женщиной. Это ужъ слыхкомъ....

— Ну, да, да.... Этакъ-то всѣ вы мастера лгать сами предъ собой: я-ста да я-ста! А какъ привелось молодцу за себя постоять, глянь, анъ ужъ у него и ярмо на шеѣ... Эхъ, полно лукавить!... Я всю жизнь ходилъ по этимъ дѣламъ, видалъ и знавалъ не такихъ богатырей, сваливались. А впрочемъ желаю вамъ услѣха.... Вы можете видѣть ее каждый день, въ шесть часовъ утра, на озерѣ. Она купаться ходитъ — иногда одна, иногда съ горничной, которая по-русски ничего не понимаетъ. А теперъ позвольте засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.... Завтра я къ вамъ забѣгу поболтать, а сегодня я общалъ съ помѣщицами лѣтъ лѣвою и лить ливо... Чтò дѣлать? Надо хотъ этимъ жизнь наполнять....

— Вы участвуете, докторъ, въ ихъ кружкѣ?

— Нѣтъ-съ, а только созерцаю ихъ участіе. Самъ я веду дѣло, да не по-ихнему. Я въ одиночку, безо всякихъ рапортовъ и программъ, какъ Богъ на душу пошлетъ... Очень ужъ я боюсь этихъ „кружковъ“: такъ вотъ тебѣ и думается что сейчасъ тебя, раба Божьяго, схватятъ, подведутъ и улекутъ, и не озаритъ тебя сила всевышняя, и во всю жизнь не поймешь ты какъ, за чтò и почему. Да и гаулыхъ-то слыхкомъ ужъ урожай великъ, совѣстно съ ними.... Вѣдь вотъ у меня борода ужъ большая, лысина, скоро гаулить начну, обращаться въ младенчество.... не могу же я.... Ну, согласитесь что не могу....

Онъ разсмѣялся, пожалъ мнѣ руку и побѣжалъ въ гору, къ соотечественникамъ. Милый человекъ этотъ докторъ, но смѣхъ у него нехорошій, больной. Нужно было много перестрадать сперва чтобъ такъ смѣяться, и изъ цѣлой жизни сдѣлать одно шутовство.

— Все чтò онъ сообщилъ мнѣ о Чужаевыхъ, подстрекнуло меня еще сильнѣе на знакомство съ ними, тѣмъ болѣе что этому не могли помѣшать никакія демократическія воззрѣнія. Докторъ былъ очень остороженъ со мной, онъ не разка-

заявляя ни одного эпизода изъ жизни Чужаевыхъ, хотя навѣрно зналъ если не всю біографію ихъ, то по крайней мѣрѣ причину ихъ побѣга изъ Россіи. Онъ поглядывалъ на меня подозрительно, какъ бы опасаясь что его добрые совѣты не помогутъ, не остановятъ меня вовремя, не предупредятъ опасности.

Вечеромъ я снова отправился къ палисаднику, прослушалъ нѣсколько арій и съ нетерпѣніемъ ожидалъ когда она перейдетъ въ крайнюю комнату, о двухъ окнахъ, въ которыхъ часто показывалась ея головка.

Наконецъ зады стемнѣла, крайнія два окна освѣтились и на красноватомъ фонѣ ихъ замелькала стройная женская тѣнь.

Она глянула въ окно. Мною овладѣла оторопь, странная, необъяснимая.

— Правда ли, сосѣдка, что вы Русская? спросилъ я ни съ того, ни съ сего.

— А правду ли, сосѣдъ, говорятъ: что знаешь, про то не спрашивай, насмѣшливо поддразнивая, отвѣчалъ звучный и вѣжливый голосъ.

— Не мѣшайте увѣриться. А познакомиться съ вами можно?

— Зачѣмъ?

— Да хоть бы за тѣмъ чтобъ вы позволили слушать ваше пѣніе въ комнатѣ, а не здѣсь.

— А вы музыкантъ? любитель? Я боюсь критики....

— Это предлогъ....

— Пожалуй, да. Кажется, я сама большая и въ правѣ держать себя какъ мнѣ угодно....

— Еще бы!

— Благодарю за вниманіе, сосѣдъ! Адъё!

Она быстро хлопнула рамою и опустила стору.

По дѣломъ! проучалъ я себя въ назиданіе, и минутъ десять еще простоялъ на мѣстѣ, въ ожиданіи, авось, не откроется ли снова окно. Но скоро послѣдняя лампа потухла.

II.

Мнѣ было очень досадно на самого себя; неудачное знакомство съ таинственною отшельницей раздражало и волновало меня. Какъ ни терялся въ своихъ догадкахъ, но изъ нихъ ничего не вышло. Отчего онъ эмигрировалъ? Что съ ними

было? Не участвовали же онѣ въ какихъ нибудь кружкахъ, не занимались же революціей гдѣ-нибудь въ комнаткѣ седьмаго этажа, за стаканами лива

На другой день, рано утромъ пошелъ я на озеро. Чудно-хорошо было утро. Свѣтло-зеленая широкая полоса воды скрывалась подъ густыми глыбами тумана; кругомъ стояли громадныя горы; свѣжые лики ихъ ярко окрашены косыми утренними лучами солнца; по горнымъ тропинкамъ, между гущами ельника бродилъ скотъ; свирѣль гудѣла; хлопалъ бичъ пастуха. Старыя сосны угрюмо клонились надъ озеромъ; множество птицъ пересвистывались кругомъ. Изрѣдка наступали минуты беззвучной тишины, слышенъ былъ только далекій плескъ весель скрытой въ туманѣ ладьи, да прошли Италиянцы-камеломы въ горы съ громкими лѣсками.

Болѣе часу прошло въ ожиданіи непріятной борьбы нерѣшимости: то мучило меня сознаніе глупости, смѣшное положеніе и нетерпѣливая возня смутныхъ надеждъ, то думалось о безцѣльности предпріятія, на которое не стоить тратить время, тѣмъ болѣе что были дѣла и очень важныя. Да и къ чему было заводить знакомство, да еще такимъ дикимъ путемъ, когда и въ городѣ-то всего придется провести двѣ-три недели? Все это меня смущало и стыдило. Я утѣшалъ себя лишь тѣмъ что объ этомъ никто не узнаетъ.

Но я до сихъ поръ ничего не сказалъ о томъ какимъ образомъ я самъ очутился за границей, и какія это важныя дѣла имѣлъ я въ виду.

Бываютъ положенія въ которыхъ человѣкъ самъ затрудняется назвать опредѣленную причину своихъ неудачъ, бѣдствій и непримиримаго болѣзненнаго разлада со всѣмъ окружающимъ. Въ послѣдніе годы много русскихъ людей пережили этотъ тяжелый кризисъ, многимъ изъ нихъ приходилось рѣшать тревожный вопросъ: жить или не жить. Они совершенно уединенно стояли вѣвъ общаго уровня жизни, и въ этомъ главный источникъ ихъ вражды къ обществу, ко всякой практической дѣятельности. Скоро мы увидѣли себя далеко отброшенными за черту реальной жизни. Мы стали на распутѣхъ и принуждены были гадать, какъ сказочные дураки, въ какую сторону лучше пойти.

Противъ насъ сурово возставалъ общественный строй. Наши усилія вѣнчались самоубійствомъ, побѣгомъ въ Америку, въ Швейцарію, куда попало, куда глаза глядятъ.

На чужой сторонѣ мы почувствовали себя свободными, хотя свобода эта не заходила дальше права на голодную смерть: у насъ не было ни силы, ни знаній. Все наше образованіе ограничивалось легкимъ чтеніемъ, наборомъ отвлеченныхъ принциповъ и идеаловъ которые мы не могли провести въ жизнь. Такимъ образомъ, на чужой сторонѣ многіе изъ насъ погибли, слились съ круга, а вмѣсто служенія какому-нибудь дѣлу, подбирали толпу неразвитыхъ фразеровъ и утѣшали ихъ своимъ красворчіемъ, проектируя тысячи разнородныхъ программъ общечеловѣческаго счастья и не умѣя заработать себѣ куска хлѣба. Тутъ намъ никто не мѣшалъ доказать свою солидарность съ рабочими: мы сами не умѣли подвѣять молота. Тутъ намъ никто не запрещалъ высказывать свои мысли: намъ нечего было сказать. Оставалось пугать соотечественниковъ близости соціальнаго переворота. Мы полагали что изумимъ Европу своимъ появленіемъ, что займемъ въ ней высокія роли и совершимъ свое дѣло при громѣ рукоплесканій. Ничего подобнаго не случилось. Признавая принципъ равенства и братства, мы искали отличія, исключительной высоты положенія, и невыносимо страдали когда видѣли себя дѣйствительно-уравненными съ толпой.

Очутаясь „на свободѣ“, мы растерялись и очень простодушно полагали найти себѣ мѣсто съ приличнымъ жалованьемъ; оказалось что на свободѣ жалованья нѣтъ, а есть только заработная плата и десятки тысячъ правыхъ рукъ предлагающихъ свои услуги. Это случилось во время кризиса промышленности, фабричныя производства стали, рабочіе буквально умирали съ голоду. Ежедневные митинги искусственною экзальтаціей ораторовъ воодушевляли толпу на минуту, за которою слѣдовала естественная реакція глубокой и неисходной апатіи. Время было трудное. Намъ, неучамъ, нечего было и думать о заработкѣ, но за то намъ открылась трибуна. Мы могли агитировать въ печати. Этотъ путь былъ особенно привлекателемъ для насъ, какъ нельзя болѣе способныхъ къ легкому услѣху безотвѣтной болтовни, но и этимъ многіе не могли соблазниться по незнанію языка и полному незнакомству съ положеніемъ дѣлъ.

Мнѣ это удалось. Въ нѣсколько собраній я достаточно овладѣлъ вопросомъ; помѣстилъ нѣсколько статей въ *Volksstaat*, *Gleichheit*, *Tagwacht*, обратившихъ на себя вниманіе; одна изъ нихъ прочтена была на многолюдномъ собраніи, среди

громкихъ аллодисментовъ. Съ моимъ именемъ стали носиться. Мое появленіе въ собраніи стало принимать характеръ какого-то праздника. Ждали моей рѣчи.

Я энергично принялся за работу, слѣдилъ за всѣми отраслями фабричной промышленности, наблюдалъ жизнь рабочихъ, со многими изъ нихъ сошелся, внимательно собиралъ ихъ заявленія и такимъ образомъ угадывалъ ихъ цѣли въ ближайшемъ будущемъ. Въ этомъ была вся моя сила и популярность. Кружокъ соотечественниковъ, вначалѣ благоговѣвшій предъ моею дѣятельностью и энергіей, вскорѣ разгадѣлъ во мнѣ *фата* и *буржуа*, погрязшаго въ аристократическихъ привычкахъ, не умѣющаго цѣнить ихъ признательность. Случилось тутъ нѣчто похожее на Крыловскихъ лягушекъ, обѣвшихъ чурбанъ и не нашедшихъ въ немъ ничего страшнаго и подавляющаго. Оказалось что я даже *не особенно силенъ* въ социологіи вообще: признаю авторитеты, ношу чистое бѣлье и плачу свои долги, вообще я оказался *французско-человѣкъ, глупый космополитъ, легалистъ*, для личнаго успѣха готовый поставить на карту все дѣло рабочихъ. Многие шли еще дальше и съ важностью провозглашали меня шпіономъ правительства.

Я впрочемъ не оскорблялся ихъ мелкою завистью и злобой, охотно поощрялъ ихъ кружокъ, затаивъ горькую увѣренность что не услышу ни одного лутнаго слова, не встрѣчу ни одной головы въ пространныхъ лотьмахъ которой заболталась бы хоть одна случайная мысленка. Я никогда не оскорблялъ ихъ своимъ откровеннымъ признаніемъ, никогда не ладалъ духомъ отъ бѣшенства ихъ дури; всячески прикидывался своимъ человѣкомъ и лѣлъ съ ними ту отчаянную лѣвню, которая такъ нравилась моему пріятелю доктору. Я лилъ съ ними пиво и разсуждалъ о грозной будущности Россіи. Я не смѣялся и не плакалъ когда они строчили народныя книжки, стараясь соблазнить здравый смыслъ мужика идеаломъ тунеядства. „И зажилъ бы мужичокъ прилѣваючи“, писалъ одинъ изъ этихъ господъ, соблазняя мужичковъ,—„зажилъ бы жизнью развеселю... не мѣдными грошами, а червонцами золотыми можна бы его была полна. Скотины всякой да птицы домашней у него и счету не было бы. За столомъ у него мяса всякія, да пироги имевныя, да вина сладкія отъ зари до зари не снимался бы. И ѣлъ бы и лилъ бы онъ сколько въ брюхо влѣзеть, а ра-

боталъ бы столько сколько самъ захочетъ. И никто бы и ни въ чемъ неволить его не смѣлъ: хоть—внѣ, хоть—на печи лежи. Распречудесное житье!“ *

И когда эти строки читались въ нашемъ кружкѣ, и когда этому „распречудесному житью“ раздавались пальныя аплодисменты, я только краснѣлъ за свое присутствіе и глубже понималъ почему они ненавидятъ меня. Я даже приискивалъ имъ оправданіе въ дѣтскомъ недомыслии и задорѣ. Пока тяготѣло надъ ними обаяніе роины, они тосковали по свободѣ, а когда сорвались на свободу, сдѣлались деслотами да еще гаулами. Кто не подходитъ подъ общую мѣрку ихъ недомыслия и цинизма былъ врагъ ихъ, врагъ дѣла, легальствъ, негодяй, шлюнь. Скоро между нами установились наконецъ самыя опредѣленныя отношенія. Мы стали чужими. Особенно помогло этому мое знакомство съ Чужаевыми, ставшее неисчерпаемымъ источникомъ самыхъ развязныхъ слететь.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ сидѣлъ я на берегу озера, въ ожиданіи когда пройдетъ интересная незнакомка. Мнѣ было скучно именно отъ пустоты личной жизни, отъ пустоты русскаго кружка, въ которомъ я искалъ какого-нибудь содержанія. Не было у меня ничего близкаго, дорогаго, ободряющаго.

Мнѣ было непріятно и мое мальчишеское увлеченіе, это ожиданіе на озерѣ. Притомъ же меня могли видѣть, могли разгласить что я ищу любви, слѣдовательно я не социаль-демократъ, а буржуа въ демократической шкурѣ. Это могло повредить мнѣ въ дальнѣйшемъ услѣхѣ у рабочихъ. Я поднялся, и вздохнувъ отъ всей внутренней пустоты думалъ уже отправиться домой. Въ это время я замѣтилъ мою барышню. Она переходила мостъ мнѣ на встрѣчу. Нѣсколько мгновеній я смотрѣлъ на нее бессознательно пока большіе синіе глаза ея недоумѣло остановились на мнѣ. Она въ самомъ дѣлѣ была магически хороша, какъ говорилъ докторъ, и трудно было бы опредѣлить въ чемъ собственно заключалась эта прелесть. Лицо ея приняло холодное, сдержанное выраженіе, брови слегка нахмурились; сжатые, немного закушенные губы не скрывали досады.

— Здравствуйте, сосѣдка! проговорилъ я.

* Изъ брошюры извѣстнаго Ткачева.

Она вскинула на меня глаза свои и равнодушно отвѣтила

— Здравствуйте, сосѣдъ!

„Чортъ знаетъ, какъ это глупо!“ думалось мнѣ.

Она еще лучше нахмурилась и ускорила шагъ.

— За что вы меня прогнали вчера?

— Какъ? Я? Васъ прогнала? Не понимаю, пожавъ плечами, возразила она. — Вы у насъ не были.

— Да, но просилъ позволенія быть.

— Зачѣмъ? Вамъ у насъ скучно будетъ. Мама нездорова, а я.... Что вамъ во мнѣ?

Она смѣло, вызывательно глянула мнѣ въ лицо и приостановилась ожидая отвѣта.

Положеніе мое съ каждою минутой видимо глупѣло. Не вдругъ, съ тяжелымъ усиленіемъ удалось намъ разговориться. Она не спрашивала, кто я, откуда, зачѣмъ здѣсь болтаюсь. Передавала больше свои впечатлѣнія, вспоминала Россію, жаловалась на скуку.

— Вольно же вамъ ни съ кѣмъ не знакомиться, замѣтилъ я: — здѣсь много Русскихъ.

— Вотъ этого-то я и боюсь, отвѣчала она: — я очень интересовалась ими и желала знакомства, но... они всѣ такіе... странные. Живутъ по своимъ правиламъ и вносятъ ихъ въ каждый домъ, да еще оскорбляются если ихъ правилъ не хотятъ принять. А это ужъ ведетъ къ неудовольствіямъ. Мы очень сочувствуемъ имъ. Мы совсѣмъ не такіе аристократы какъ они думаютъ, но мы многого не можемъ выносить, что у нихъ такъ обыкновенно, и не считаемъ нужнымъ принуждать себя къ этому. Мы не вступаемся ни въ чью жизнь, и кажется имъѣмъ право на то же и отъ другихъ.

— Все это такъ. Но вы сами же говорите: вамъ скучно здѣсь.

— Да. Но вѣдь скука ни къ чему не обязываетъ, а тамъ могутъ завязаться Богъ знаетъ какія отношенія... Я этого боюсь.

— Васъ слишкомъ напугали Русскими. Они не такъ дурны какъ о нихъ говорятъ здѣсь.

— А скажите, сосѣдъ, когда это у васъ будетъ собраніе социаль-демократовъ?

— Дней черезъ восемь...

— Можно тамъ быть?

— Сдѣлайте одолженіе.

— И вы будете говорить вашу рѣчь?

Кровь такъ и хлынула мнѣ въ лицо. Мнѣ было очень пріятно что она обо мнѣ знаетъ.

— Да, я буду говорить, отвѣчалъ я.

— Знаете... Какъ-то порывисто начала она и весело, не-
удержимо разсмѣялась, закрывъ руками лицо свое.

— Мнѣ было очень странно видѣть васъ подъ окномъ у
себя. Вѣдь ваша фамилія Жерновъ?

— Да, Жерновъ.

— Ну, вотъ... Я читала ваши статьи и просила нѣкото-
рыхъ лицъ показать мнѣ г. Жернова... Русскій и такъ
успѣшно агитируетъ, вездѣ о немъ говорятъ... Словомъ,
г. Жерновъ меня очень интересовалъ... И вдругъ, вечеромъ
мнѣ говорятъ что г. Жерновъ стоитъ у палисадика и слу-
шаетъ мои пѣсни.. Мама и теперь не вѣритъ что это вы, а
думаетъ что политехникъ какой-нибудь... Здѣсь ихъ много...

Мы дошли до купальни.

— Видите что, Monsieur Жерновъ, задумчиво и медленно
проговорила она: — я не смѣю васъ пригласить къ себѣ, но
очень рада что вы разговорились. Я скажу мамѣ и думаю
что она не будетъ противъ... Тогда я вамъ дать знать... Я
очень люблю мою маму... Я очень много предъ ней виновата..
Надо же ее покорить, оберегать... Во всякомъ случаѣ
мы еще увидимся, да... До свиданья, мсье Жерновъ!

Она протянула мнѣ свою руку. Я проводилъ ее взглядомъ,
пока она скрылась за дверью купальни, и пошелъ домой, не
смысла подъ собой земли отъ какого-то 'дикаго порыва
удовольствія.

Вотъ это хорошо, просто, безо всякихъ вычуръ и же-
манства, думалось мнѣ, но тотчасъ же въ голову ворвалась
другая мысль, гадкая, безлокойная: эта Чужаева въ моемъ
представленіи какъ будто уже сбивалась на знакомый тилъ
русской барыни ищущей героя и простоумно мечтающей
поцрпать его своими ласками на великіе гражданскіе подвиги.

То я тотчасъ же постарался увѣрить себя въ ошибочномъ
заключеніи относительно Чужаевой. Произведенное ею ра-
досное впечатлѣніе подавляло всѣ догадки и предположенія.
Я былъ очень, очень доволенъ что познакомился съ милою
дѣвушкой, которая такъ магически хороша, проста, привѣт-
лива. то-то чарующее, обаятельно сильное чуждось въ ней.

Но, должно-быть, она очень несчастна. Красивое, строго-

рѣшительное лицо ея, по временамъ, неожиданно принимало лугливо растерянный видъ; какое-то безнадежное уныніе омрачало ея веселый, свѣтлый взглядъ; губы такъ строго, такъ надменно сжимались, и проступала на нихъ нехорошая усмѣшка безсилія и тоски. Что-нибудь у ней горькое есть на душѣ чтоъ цемить и давить ее безпрестанно, и нѣтъ у ней силъ побороть это гадкое чувство и забыть все старое горе. Да, хороша! Это не пустая, кукольная, пряничная красота, сильная лукавымъ кокетствомъ, а подчасъ и просто-таки вульгарною пошлостью. Нѣтъ, въ ней что-то загадочно хорошее, глубоко скрытое и тяготившее ее до боли и неудержимаго взрыва.

Цѣлый день я провелъ въ напряженной ажитаци; брался за книгу, за газеты, за перо, ничего не выходило. Что-то завозилось во мнѣ, смутное безпокойство, туманъ, чадъ, а хорошо. Я былъ доволенъ.

Пришли делегаты столковаться о стачкѣ кружевницъ, требовавшихъ уменьшенія рабочихъ часовъ и, по возможности, справедливаго разчета со своими эксплуататорами-фабрикантами. Я говорилъ съ ними долго, много, съ увлеченіемъ, но тотчасъ же забывалъ о чемъ я говорилъ; каждая мысль перерывалась образомъ Чужаевой; лихорадочное нетерпѣніе поскорѣе дождаться ея отвѣта, скорѣе облизиться съ ней, скорѣе полюбить ее—все это беспорядочно луталось въ головѣ, безотчетно просилось вырваться, сказаться. Скверное состояніе! И какое дѣтское малодушіе наконецъ: увидѣть однажды женщину и бредить ею, задаваться неудержимыми мечтаніями, желать уже счастья, да еще поскорѣе. Для меня стало ясно что тутъ устоять невозможно, бороться даже глупо: зачѣмъ же я подошелъ къ ней? Зачѣмъ такъ назойливо искалъ встрѣчи? Но когда я поставилъ себѣ совершенно опредѣленный вопросъ: нужна она мнѣ или нѣтъ, я не отвѣтилъ на него; мнѣ даже крайне не понравилась точность его смысла. Она нравилась мнѣ, вотъ и все. С нетерпѣніемъ ожидалъ я доктора Стренковского, но случайно узналъ что онъ отправился съ какими-то вновь прибывшими Русскими на ледники. Досадно! Въ такомъ состояніи нельзя одному оставаться: измучишь себя мечтаніями и ни за что дѣльное не можешь взяться.

Къ счастью пришелъ другой мой пріятель, редакторъ одной рабочей газеты, Негг Мауег, человекъ невозмутимо хо-

лоднѣй, залывшій жиромъ, угнетаемый тяжестью собственнаго тѣла. Съ нимъ мы тотчасъ же принялись за пиво. Говорить съ нимъ не было возможности. Самое адское терпѣнiе долгуло бы, слушая его резонныя, медлительныя, неоворотливыя рѣчи. О самыхъ возмутительныхъ вещахъ онъ говорилъ какъ о прекрасной погодѣ, и глядѣлъ при этомъ такимъ счастливымъ тележкомъ что у меня невольно закипала злость.

— Скажите, Негг Мауер, отчего вы такой флегма, ничѣмъ не увлекаетесь?

— О, я увлекался! съ добродушною усмѣшкой отвѣчалъ онъ;— но, дорогой мой, я четыре года провелъ въ тюрьмѣ и заплатилъ двадцать тысячъ талеровъ штрафа. Это было очень хорошо, ибо теперь я человекъ какъ должно. Я говорю свою мысль объективно, и никакой Негг von Bismark не можетъ вывести меня изъ терпѣнiя. Именно на горячности насъ и ловятъ, а я уже былъ въ кѣткахъ и болѣе не желаю. Я полезный человекъ: зачѣмъ же я буду гауль и пойду въ тюрьму? Намъ нужно, мой дорогой, спокойное мужество, а не вспыльчивость безъ энергiи. Иначе мы погубимъ дѣло, разрушимъ союзъ, и самъ господинъ Лассаль выдеретъ насъ за уши на томъ свѣтѣ. Мы уже политически совѣмъ зрѣлые люди. Пугая правительство, мы только усиливаемъ реакцію и сами создаемъ затрудненiя для нашего дѣла.

Доказавъ мнѣ обстоятельно необходимость спокойствiя и самообладанiя, Негг Мауер застѣвчиво потупилъ глаза и съ удовольствiемъ потянулъ пива. Его слова меня возмущали. Слушая его, я проникался такою злостною ненавистью къ его лягушечьему темпераменту и выработкѣ что мнѣ становилось совѣстно за свое неумѣнье дипломатически скрыть непрiятное впечатлѣнiе производимое на меня его особой.

Негг Мауер понималъ это и снисходительно посмѣивался, и иной разъ просто лѣзъ цѣловаться или начиналъ сжимать мнѣ руки съ такимъ остервененiемъ что пальцы хрустѣли.

— Добрый, хорошiй Русакъ! вскрикивалъ онъ восторженно и чокался со мной пивною лаханью.

Вообще Негг Мауер меня любилъ и много льстилъ моею популярности между рабочими. Онъ приходилъ всегда съ такимъ беззавѣтнымъ наслажденiемъ побѣсить меня своимъ „мужествомъ“ что у меня не хватало силъ отвѣчая ему не разсмѣяться.

- Написали ли вы вашу рѣчь десятого іюня?
- Да, написалъ.
- Позволите ли вы мнѣ редактировать ее?
- Съ удовольвіемъ.

Негг Мауег самодовольно мотнулъ головой и протаялъ свое „so-o-o“. Я вручилъ ему листки. Онъ торопливо вынулъ свои круглыя совиныя очки, надѣлъ ихъ, и, отвернувшись отъ меня къ окну, чинно и важно углубился въ чтеніе, потому рука его полѣзла въ другой карманъ и вынула карандашъ, потомъ карандашъ этотъ забѣгалъ по моей рукописи, безжалостно крестилъ ее, лестриалъ вставками, а я только глядѣлъ на него да вздыхалъ сокрушенно, и, когда Негг Мауег кончилъ свою работу и возвратилъ мнѣ рукопись, въ ней уже не было ни тона, ни энергіи, ни даже „мужества“, а было вялое и безсильное добродушіе, даже какое-то глупое упоеніе; какъ будто авторъ очень радъ что онъ живъ и здоровъ и имѣетъ случай всѣмъ друзьямъ выразить свое глубочайшее почтеніе.

Меня это взорвало.

— Негг Мауег, я такой рѣчи не скажу! возразилъ я.

Онъ съ изумленіемъ на меня глянулъ.

— Отчего вѣтъ?

— Слишкомъ вяло, апатично, безцвѣтно.

— Но ваша мысль вся здѣсь.

— Да ужъ слишкомъ все мертво.. Я и говорить такъ не умю.

— Посидите въ тюрьмѣ и научитесь. Мой дорогой, это со всѣмъ не разчетливо. Самопожертвованіемъ вы ничего не купите кромѣ гнѣвнаго раздраженія правительства, и въ тюрьмѣ вы не такъ полезны какъ на свободѣ. Подумайте.. Можетъ-быть, я буду правъ...

Но Негг Мауег впрочемъ никогда не оскорблялся отрицаніемъ его добрыхъ совѣтовъ и никогда не измѣнялъ ни единого слова въ статьяxъ моихъ, а только спрашивалъ:

— Подумайте, гстова ли ваша статья?

— Да, Негг Мауег, статья моя готова.

И Негг Мауег вытягивалъ свое безконечное „so-o-o“ и приглашалъ выпить пива. Повидимому, онъ за меня боялся, но охотно роздѣлялъ рискъ какой я вносилъ своими статья-ми въ его газету, и беспокоился только о томъ что могутъ наложить большой штрафъ, не лосильный для его грошевой

касы, и тогда работники принуждены будутъ дѣлать складчину или подписку на выручку любимой газеты.

Негг Мауеръ былъ незамѣнимый человекъ для каждого митинга. Онъ одинъ могъ поддержать порядокъ слова, тишину и благопристойность. Онъ одинъ, какъ каменный, оставался холодеель и логичеель, когда кругомъ ревѣла тысячная толпа. Въ критическую минуту Негг Мауеръ вскакивалъ съ председательскаго кресла, бѣжалъ къ трибунѣ, и langsam, langsam начиналъ успокаивать раздраженіе. Когда толпа остывала, Негг Мауеръ величественно сходилъ съ трибуны, среди неистовства рукоплесканій и одобреній, и счастливая улыбка расшмыгалась по всему лицу его.

III.

На этотъ разъ Негг Мауеръ заставилъ меня глубоко призадуматься. Неотвязчиво-тоскливое, нерѣшительное раздумье завозилось во мнѣ, съ примѣсью злобы, горькой и безотчетной, въ родѣ тоски по родитѣ. Мнѣ невольнo припоминалась вся моя жизнь, полная самыхъ разнородныхъ положеній; какъ ни искалъ я въ нихъ связи съ настоящимъ моимъ занятіемъ, но ея не было. Какимъ образомъ попалъ я къ социаль-демократы, это мудренѣе всего было понять, хотя на практикѣ, особенно въ Россіи, это не особенная рѣдкость: иной всю жизнь былъ самымъ энергическимъ крѣпостникомъ, да вдругъ, съ отмиѣной крѣпостнаго права, вытѣгалъ за границу и давалъ пушить всякое начальство и „ословы“.

Раздумье мое было прервано появленіемъ бойкой, лукавой Нанки, заботливо разыскивавшей по всѣмъ лѣстницамъ русскаго, господина Шерагофъ.

— Жерновъ? переспросилъ я ее.

— Ja, mein Негг, Шерагофъ.

Она обѣими руками неуклюже держала на плоской груди своей маленькій синій конвертъ: письмо было адресовано по-русски мнѣ.

„Если вы найдете свободное время сегодня вечеромъ, то не откажитесь посѣтить насъ. В. Чужаева.“

Мнѣ опять показалось что все это глупо, безцѣльно. Что-то похожее на упрекъ шевельнулось во мнѣ. „Посѣтить“

совсѣмъ уже не хотѣлось. Вслыхнулъ какой-то неудержимо-страстный калризь, и опять стало пусто и темно на душѣ.

Въ дверь моей комнаты посыпались шальные удары и возгласы и со страшнымъ шумомъ ворвался докторъ Стренковский. Я всегда былъ радъ его посѣщенію, теперь же особенно: онъ пришелъ прямо отъ русскихъ туристовъ, ѣздилъ съ ними на Рейнскій водопадъ, заѣхалъ въ Бернъ „къ своимъ“. Тамъ произошла драка: пропагандисты избili одного изъ талантливейшихъ своихъ сотрудниковъ за то что онъ предпочтительно распространялъ свои сочиненія, а не ихъ, вслѣдствіе чего и залодозрили въ немъ эгоистическую „подлость“.

— Ну! вотъ и лоды къ нимъ въ кружокъ! говорилъ Стренковский:—Тутъ они за бібліотеку стрѣлялись, тамъ на кулакахъ бьются за пропаганду, за первенство своихъ ролей.... И что маѣ за утѣшеніе въ ихъ глупости.... На бѣшеную собаку не станешь сердиться за укушеніе, а все-таки оно больно.... А въ жизнь-то ихъ загляните-ка.... Ни одна уѣздная барыня не сочинитъ такой удивительной сплетни, ни одинъ заолустный дуракъ не возликуетъ такъ бессмысленно надъ вашею неудачей, и несчастьемъ, никто съ такой ловкостью не залозетъ на самое дно вашей души чтобы расколоть тамъ большую ранку; никто не станетъ съ такимъ изслаждевіемъ шлювить другъ за другомъ какъ они, эти юныя силы.... Они знаютъ что вы ѣдите, сколько у васъ денегъ въ карманѣ, гдѣ вы ихъ взяли; а если не дознаютъ этого, произведутъ васъ въ шлювы. И, ко всему этому, между ними совсѣмъ нѣтъ Русскихъ. Самое слово „Русскій“ стало здѣсь искупленіемъ всякой мерзости и глупости. Жиды, Поляки, братья Славяне, кавказскіе Армяне, Азіаты, во всѣхъ случаяхъ гордо охраняющіе свою національность, какъ скоро нужно свалить съ себя какую-нибудь мерзость называются Русскими. Разобьютъ ли фонари на улицахъ, развесутъ ли кабакъ, улизнутъ ли съ квартиры, не заплативши денегъ,—это все Русскіе, наши. А глупость-то какаа! баранъ позавидуетъ.... Одного Армяшку спросилъ я, гдѣ его отечество? говоритъ въ разныхъ мѣстахъ. Значитъ, вы космополитъ говорю? Нѣтъ, говоритъ, я медикъ.... А вѣдь онъ, шеельма носитъ рабочую блузу и политико-соціальными дѣлами занимается, да еще подходитъ къ жевщицѣ, какъ бы этакъ развить ее Лассалемъ, поподчивать Марксомъ. Они ужъ по-

шли теперь гораздо дальше романа „Что дѣлать“? Сидитъ это кавалеръ въ одномъ бѣлѣ на окошкѣ и цыгару смолить, и поетъ что ни есть либеральную лѣсню. Идетъ по улицѣ учебная дѣвица. „Эй, Иванова, зайдите-ка.“ Дѣвица идетъ. Что жъ вы думаете: надѣнетъ онъ ланталоны?... Да онъ фыркнетъ на такой отсталый этикетъ, онъ вамъ сейчасъ фразу въ носъ пуститъ: „Всѣ мы голые въ платѣ“. Онъ юная сила, опора, вождь народный. Я боюсь ихъ, боюсь еще со временъ нигилизма. Оттого, у меня нѣтъ ни кружка, ни тайнаго общества; дѣйствую въ одиночку. Прокламаций и протоколовъ о своей дѣятельности не веду, а попадется умный мужикъ—разболтаюсь. На извожикѣ ѣду—заговорю безпрерывно: такъ вотъ и такъ, милый человекъ, жизнь тяжела. Кто молъ землю-то обрабатываетъ? Мужикъ. А хлѣбъ-то кто ѣстъ? Булець, чиновникъ, баринъ. Кто вотъ домъ-то взбодрилъ? Мужикъ. А живетъ-то въ немъ кто? Вотъ какъ такъ прошлигуешь его отрывочными-то фактами, глядя, малый и затуманился, и пошло у него въ головѣ бродить, и пойдетъ онъ въ литейное заведеніе со своею кручиной, да и другаго ей отравитъ. А я-то соскочилъ съ саней да и счастливо оставаться. Тутъ у меня шкура цѣла: нѣтъ благороднаго свидѣтеля изъ Жидовъ, Армянъ, Самоѣдовъ, уже суть космополиты и медики.

— Придаете ли вы серьезное значеніе своей пропагандѣ, докторъ? спросилъ я.

— А какъ же, батюшка, придаю. Я десять лѣтъ такимъ манеромъ велъ ее и навѣрно десять человекъ заставилъ увѣровать въ истину своихъ словъ. Ну, а въ кружокъ Самоѣдовъ я не пойду. Нѣтъ, увольте, потому жизнь очень люблю.

IV.

Дождавшись вечера, я отправился къ Чужаевымъ. Онѣ занимали аристократическій бель-этажъ, щегольски убранный и не представлявшій никакой смѣси европейскаго съ азіатскимъ, какъ это зачастую бываетъ въ домахъ гдѣ хозяева усидливо стараются не ударить лицомъ въ грязь. Та же бойкая Нѣмка провела меня въ гостиную, объявивъ что мамзель von Tschugaeff сейчасъ ко мнѣ войдетъ, а мамамъ von Tschugaeff тоже сейчасъ войдетъ.

Черезъ минуту Чужаевы, мать и дочь, вышли вмѣстѣ. Дочь бойко подошла ко мнѣ, привѣтливо и просто поздоровалась, и представила матери. Старуха глядѣла сурово, даже зло. Изъ безчисленныхъ морщинахъ, покрывавшихъ во всѣхъ направленіяхъ лицо ея, съ какою-то холодною, неподвижною жестокостію глядѣли сухіе, выцвѣвшіе глаза съ полуплывшими бровями, и на тонкихъ вдавленныхъ губахъ бродила не улыбка, а скорѣе судорога. Сѣдыя, совсѣмъ почти бѣлыя, волосы большими полукругами зачесаны были на лобъ и за уши, въ которыхъ болтались большія старинныя серги. Одѣта она была въ черное платье съ таліей, и какъ-то особенно неприятно глядѣла ея костлявая тощая фигура, перехваченная корсетомъ ради этикета. За то дочь, рядомъ съ ней, казалась еще очаровательнѣе. Въ ихъ лицахъ не было ни одной общей черты. Никто не подумалъ бы что онѣ мать и дочь.

Мы усѣлись вокругъ стола. Начался одинъ изъ тѣхъ мучительно-пустыхъ и вяло тягучихъ разговоровъ, содержаніе которыхъ передать даже нельзя. Всѣ чувствуютъ что ихъ душитъ присутствіе новаго лица и не могутъ выбиться изъ-подъ гнета этого неприятнаго положенія, говорятъ очевидный вздоръ съ самыми серьезными минами и не знаютъ какъ бы скорѣе другъ отъ друга отдѣлаться. Старуха, однако, несмотря на ея грозный и ужъ вовсе не аристократически грубый видъ, заговорила любезно о Россіи, о Русскихъ за границей, сообщила что она полтавская помѣщица, что жить въ Россіи стало невозможно, какъ и въ Берлинѣ, что она больна уже нѣсколько лѣтъ и дочь свою безумно любитъ, что она интересуется всякимъ движеніемъ, лишь бы это не было толпанье съ ноги на ногу на одномъ мѣстѣ, страшно жалѣеть что въ молодости были совсѣмъ другіе интересы, и что въ то время она не могла познакомиться съ идеями нашего времени, а теперь ей уже тяжело понимать.

— Движенія-то все новыя, сказала она: легалисты, социаллисты... Эти чего жъ хотятъ?

— Замѣны несправедливаго строя жизни болѣе справедливымъ.

— И это возможно? задумчиво переспросила дочь.

— Да, но не теперь: слишкомъ еще мало сознательно-недовольныхъ, мало силъ.

Затѣмъ старуха пустилась совсѣмъ уже въ дѣтскіе вопросы: будутъ ли палить, не грозитъ ли опасность женщ-

вѣтъ, не разграбятъ ли ихъ состояніе и т. п. Дочь снисходительно улыбалась.

— Успокойся, мама, это будетъ черезъ сто лѣтъ, замѣтила она, и глаза ея сверкнули какою-то злобною горестью, какъ будто сожалѣла она что это будетъ поздно.

Вечеръ прошелъ болѣе чѣмъ скучно; ни чай, ни ужинъ никого не оживили. Поговорили еще о Русскихъ за границей. Разговоръ перешелъ, наконецъ, уже въ сплетню. Старуха, какъ оказалось, любила перемыть на досугѣ косточки ближнихъ и всѣхъ княгинь, графинь съ ихъ интригами пересчитала по пальцамъ. Дочь нѣсколько разъ останавливала ее и подъ конецъ, едва сдерживаясь отъ волновавшихъ ее рыданийъ всплывчиво проговорила:

— Зачѣмъ осуждать, мама! Развѣ съ нами этого не можетъ быть?...

Она была очень блѣдна; губы ея дрожали; глаза гнѣвно сверкнули на старуху, и та въ свою очередь уставилась на дочь мутнымъ, холоднымъ взглядомъ, полнымъ равнодушной и презрительной неависти. Что-то тайное, злобно-враждебное мелькнуло у нихъ, точно намекъ на оскорбительную роль обѣихъ. Но онѣ ловко и скоро вышли изъ этого положенія; старуха оправилась, а дочь, хмурия брови, медлительно подошла къ роялю и безпорядочно стала перебирать клавиши одною рукой.

Этотъ ничтожный эпизодъ какъ будто подтверждалъ мои догадки и придавалъ имъ еще болѣе заманчивой вѣроятности. Я пытливо глядѣлъ на красивое лицо дочери, выжидая смущенія, застѣнчивой недовкости, чего-нибудь въ этомъ родѣ, но она глянула на меня спокойно, свѣтло, беззащитливо, заговорила о новомъ романѣ Золя, о лекціяхъ Шерра о Второй Имперіи, о собраніяхъ русскаго кружка, никогда еще проходившихъ безъ скандала и драки, разспрашивала объ учащихъ женщивахъ. Но все это, мнѣ казалось, не было у ней вѣстнымъ и случайнымъ, она обдумывала каждую фразу и отъ многого повидимому удерживалась.

Съ неотразимою жадностью смотрѣлъ я на нее и думалъ про себя: Чтѣ съ тобой? Отчего ты такъ несчастна? Чтѣ тебѣ давить такъ грубо и больно? И къ лицу ли тебѣ это горе?

Должно-быть она поняла мою мысль: она улыбнулась грустно и покляла головой къ котамъ.

— Такъ вы ничего не узнаете, тихо проговорила она и

вся вспыхнула яркимъ румянцемъ, гордо выпрямилась и поправляя спутанныя пряди волосъ, глядя мнѣ прямо въ глаза, спокойно спросила:

— Зачѣмъ вамъ?

Меня поразила и какъ-то конфузливо озадачила эта неожиданная догадливость. Я не могъ отвѣчать ей. Я только спросилъ себя: Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ я здѣсь? Чего я хочу? Любить? Едва ли. Все это знакомство вдругъ представилось мнѣ какимъ-то скучнымъ, ненужнымъ, тягостнымъ, раздражающимъ.

— Смотрите, мсьё Жерновъ, какъ чудно освѣщены свѣжныя горы, проговорила Вѣра Николаевна глядя въ окно на далекія, покрытыя алымъ туманомъ вершины.—Вы не любите ихъ? Я каждый день смотрю на нихъ, пока грустно станетъ... Вотъ бы туда когда-нибудь намъ собраться... Далеко и страшно... Я до сихъ поръ даже на Рейнскій водопадъ не выходила... Мама больна, а одной неловко...

— Ну, Вѣрушка, ужъ мнѣ теперь по горамъ не лазить, проговорила старуха:—вотъ проси мсьё Жернова если онъ будетъ такъ добръ...

— Мама, а тыпустишь меня въ Шафгаузенъ?. Тутъ не далеко, два часа ѣзды... Вѣдь стыдно же быть въ Швейцаріи и не видать Рейнскаго водопада...

— Поѣзжай, только меня не бери съ собой...

— Вы будете моимъ спутникомъ? обратилась ко мнѣ Вѣра. Я молча поклонился съ пологою готовностью.

— Когда же мы поѣдемъ?.. Ну, хорошо, время выберемъ... Я вамъ скажу... Вотъ видите, какъ нехорошо что вы съ нами познакомились, вотъ я ужъ и отрываю васъ отъ дѣла...

Она быстро глянула на меня изъ-подлобья, проверяя впечатлѣніе своихъ словъ. Я внутренно радовался ея довѣрію къ себѣ, радовался случаю оторваться отъ дѣла съ которымъ у меня не было ничего общаго.

Тѣмъ не менѣе, уходя отъ Чужаевыхъ, я былъ недоволенъ собой.

Зачѣмъ меня понесло къ нимъ? спрашивалъ я себя. словно отрезываясь. Вѣра, съ лампой въ рукахъ, вышла на лѣстницу проводить меня и, сжимая мнѣ руку, привѣтливо проговорила:

— Заходите...

Повидимому и она и старуха остались довольны мной. Но зачѣмъ все это? зачѣмъ?

V.

Вернувшись домой, я нашелъ на столѣ официальное приглашеніе русскаго кружка принять участіе въ обсужденіи весьма своеобразныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ интимной жизни близкихъ между собою людей, до которыхъ рѣшительно никому не было дѣла и которыя вѣскольکو странно было вносить на публичное обсужденіе во имя мнимой общей солидарности. Въ программѣ было обозначено слѣдующее:

1) Честно ли у кого попало занимать деньги съ тѣмъ чтобы никогда не отдавать ихъ?

2) Честно ли брать книги изъ общественной библіотеки и продавать ихъ какъ собственность?

3) Честно ли изъ социально-революціонной пропаганды дѣлать источникъ личныхъ доходовъ, въ ущербъ болѣе полезнымъ изданіямъ того же рода?

4) Честно ли за выдаваемое изъ кассы пособіе заставлять женщину служить въ кухмистерской и лишать ее возможности учиться?

5) Честно ли компрометтировать общество Русскихъ въ глазахъ мѣстнаго населенія циничнымъ поведеніемъ, явнымъ развратомъ и неприлично-скандалезными лѣсками и плясками?

6) Честно ли поднимать женскій вопросъ для животнаго обольщенія и отказываться отъ брака который узаконилъ бы права ребенка?

7) Честно ли писать въ газетахъ о русскихъ студентахъ за границей? Не равносильно ли это шпионству?

8) Честно ли посылать въ народъ доврчивыхъ женщинъ, любовь которыхъ наскучила господамъ ораторамъ-руководителямъ?

Интересъ предстоялъ огромный и въ то же время отвратительный. Поразительная безцеремонность постановки вопросовъ, въ которыхъ несомнѣнно проглядывали всѣмъ извѣстныя личныя отношенія частной жизни, заставляла предполагать по крайней мѣрѣ что имена лицъ не будутъ названы, что сами они откажутся участвовать въ преміяхъ и, вѣроятно, вовсе не явятся въ засѣданіе. Но ожиданія мои не оправдались. Встрѣтивъ вѣсколькихъ Русскихъ: Жидовъ,

Поляковъ, Армявъ, Сербовъ, корейныхъ Русаковъ, а на всѣхъ лицахъ замѣтилъ торжество скандала, то внутреннее ликова-
нiе пошлаго злорадства съ какимъ гадкие люди рады потѣ-
шиться надъ чужою бѣдой. Наконецъ, просто гадко стало
встрѣчаться. Только и слышишь:

— А вотъ Лебедеву съ Фингаловымъ будутъ судить!.. Ахъ,
это интересно!

— Ну, нѣтъ... Что же тутъ интереснаго?.. Что жеаскій
вопросъ человѣкъ подыалъ... Въ порядкѣ вещей... Гораздо
интереснѣе дѣло Лавиной съ Ивановымъ...

И жужжать кругомъ слетѣли, и снуютъ всюду и Жиды, и
Армяне, и Греки, замирая отъ предчувствiя скандала. Это
было въ своемъ родѣ безпримѣрно-торжественное позорище,
небывалое даже въ блаженные дни нигилизма. Я перечитыва-
валъ программу какъ анонимный пасквиль, перечитывалъ
нѣсколько разъ и глазамъ своимъ не вѣрилъ: слишкомъ
ужь все откровенно.

— Къ чему же этотъ судъ? спрашивалъ я.

— У насъ выше общественнаго мнѣнiя нѣтъ ничего, от-
вѣчали мнѣ: — его приговоръ — самая высокая наша святы-
ня. Человѣкъ который ему не подчиняется, подлець.

— Ну, извините, возразилъ я: — въ такомъ случаѣ я пер-
вый удостоился бы этой клячки.

— Какъ! Ка-а-а-къ? Вы противъ общественнаго мнѣнiя?
Вы, господинъ Жерновъ?

— Да помилуйте, какое жь это мнѣнiе если большинству
вещей думать. Ну, вотъ напримѣръ, сей Армянинъ...
Гдѣ жь ему думать...

— О, нѣтъ... Вотъ вы увидите что будетъ, какiя умна
рѣчи тутъ говорятъ.

Армянинъ подходилъ къ намъ съ оскаленною улыбкой и,
потрепавъ меня по плечу, промовилъ:

— Драшуй, братъ! Зыр-зыр-зыр-зыр...

Этотъ восточный человѣкъ еще гордился знанiемъ русска-
го языка и смыслъ въ своемъ кружкѣ самымъ неукротимымъ
социаль-демократомъ, опаснымъ даже для союзниковъ и то-
варищей. Остальные восточные человѣки не говорили, а вы-
брасывали дикiе, неопредѣленные звуки, никому, кромѣ ихъ,
непонятные. Какъ они могли слушать Нѣмцевъ-профессо-
ровъ, какъ они могли понимать интересы русскаго кружка, и

какое участіе они принимали въ нихъ — это было непостижимо.

Засѣданіе было назначено въ 9 часовъ, въ залѣ гдѣ обыкновенно происходятъ собранія рабочихъ. Я пришелъ еще рано. Громадная зала была ярко освѣщена. За ливаными столами сидѣли группы. Всюду носились полулыпыые голоса, энергическіе крики авторитетныхъ и доловъ, разодѣтыхъ въ рабочія блузы или красныя рубахи съ безрукавками. Нѣсколько блѣдыхъ, истощенныхъ и некрасивыхъ дѣвицъ, въ черномъ, сурово-аппатичномъ, разодѣан по всѣмъ столамъ. Такъ-называемая партія „негодница“, съ горчостью носившая эту кличку, помѣстилась вдали отъ эстрады; три кавалера въ блузахъ, съ длинными включаемыми волосами и три молоденькія дамы въ костюмахъ въ всякаго описанія, радостно потрясали въ воздухѣ ливаными кружками и ухорски-громко кричали „Барыньку, безъ пропусковъ“, потомъ хлестнули еще по кружкѣ пива и тоже „безъ пропусковъ“ слѣли *Камаринскую*. Одна изъ женщинъ была поразительно молода, сущій ребенокъ, и она усерднѣе всѣхъ рисовалась цинизмомъ, поднимала подборъ чтобъ юбкаши вытереть столъ, залитый пивомъ, и нахально улыбалась, обводя глазами своихъ собесѣдниковъ и разбрасывая имъ на колѣни свои дѣтскія ноги. Ей аллодировали. Одна изъ подругъ стала ее уговаривать, нельзя ли укротить бѣшенство разгула, въ виду многихъ лицъ не принадлежащихъ къ кружку, — дѣвочка отвѣтила хохотомъ и на всю залу взвизгнула:

— Чтѣ естественно, то не стыдно. Если можно мушциламъ, можно и мнѣ: я человекъ. Стѣснять чужую волю подло! деспотизмъ!

Другая женщина, стройная и красивая, съ нѣсколько одутловатымъ, желтымъ лицомъ и слишкомъ полнымъ выступомъ подъ талией, ходила вволюванно изъ угла въ уголъ, шурѣлка останавливалась предъ косматымъ другомъ въ рабочей блузѣ и, дрожа отъ злобы, кричала:

— Мерзавецъ! негодяй! подлецъ!

Другъ потряхивалъ гривой и спокойно осматривалъ расписной потолокъ, стараясь повидимому лококетничать своею неуязвимостью. Партія „негодница“ была подъ судомъ. Ея ишла главнымъ образомъ занимали русское общество.

Прибывали новыя толпы, ввалилась цѣлая орда русскихъ социаль-демократовъ, бѣжавшихъ изъ ссылки, изъ тюрьмы, и

здѣсь принявшихъ на себя роль представителей русской секціи международнаго союза рабочихъ, пропагандистовъ соціальной революціи въ Россіи. Явилось нѣсколько барынь съ двумя и тремя ребятишками, разошедшихся съ мужьями, для изученія химіи и медицины. Одна изъ нихъ поддерживала, какъ ей казалось, гениальный талантъ въ лицѣ шертаваго безрукавки, трещавшаго безъ умолку о царствѣ анархіи; другая, высмотрѣвъ добычу, влекла ее за собой, и говорила: „Вы заслужили, сегодня я ваша“. Наконецъ стали появляться знаменитости: хорошенькая докторантша Страдецкая, въ сопровожденіи цѣлой свиты подобострастныхъ акушерокъ, перемалывавшихъ, какъ жернова, медицинскіе термины, съ дѣловитою увѣренностью и тревожною заносчивостью. Появился самъ г. Ткачевъ, окруженный социаль-революціонными побѣгушками, съ покорностью вынимавшими его раздражительной рѣчи.

Суматоха и крики съ каждою минутою усиливались. Лязганье кружекъ, революціонныя тосты, брань и лѣсны „негодницы“, авторитетное хралѣніе пропагандистовъ, все это толпуло въ табачномъ чаду. Докторъ Стренковскій и даже самъ Негг Мауег пришли посмотреть какъ русскіе социаль-демократы самоуправляются. Наконецъ раздался звонокъ, призывавшій къ порядку. На эстрадѣ предсѣдали самыя отборныя авторитеты. Началось обсужденіе вопросовъ въ порядкѣ программы. Возникли горячіе споры, особенно за пропаганду какъ источникъ личнаго дохода. Говорились фразистыя рѣчи; слова: „соціальная честность“, „убѣжденіе“, „анархическая нравственность“ такъ и летѣли съ языка ораторовъ. Вопросъ о поведеніи „негодницы“, компрометтировавшей русскій кружокъ рѣшенъ былъ въ ея пользу, то-есть судъ призналъ за нею „нравственное право“ на полное безобразіе. „Негодница“ потребовала перерыва засѣданія и слыла „Барыньку безъ пропусковъ“! Но вотъ молчаливое вниманіе воцарилось въ залѣ; не самшю стало даже лязганье кружекъ. Начинался разборъ жалобъ дѣвицы Лебедевой на ея рыцаря Фингалова.

— Лебедева, ваше слово! торжественно провозгласилъ предсѣдавшій.

Дѣвушка едва переводила духъ; она не смущалась, но не могла овладѣть собой, досадливо кусала себѣ губы, обводила

крутомъ все собраніе широко раскрытыми глазами и наконецъ слабо, дрожащимъ голосомъ, заговорила:

— Господа, я требую чтобы Фингаловъ со мной повѣчался...

По всѣмъ лицамъ прошла двусмысленная улыбка, а Жидки и Армяне даже привстали со стульевъ и, осклабяясь, приготовились аплодировать. Фингаловъ не пошевелился. Онъ только глаза свои скосилъ презрительно и картинно на Лебедеву.

— На какомъ же основаніи вы этого требуете? спросилъ председатель.

— Я... я беременна; требую этого для ребенка. Мнѣ лично Фингаловъ не нуженъ... Я презираю его... какъ... какъ низкаго, бездушнаго обольстителя.

— Прошу васъ воздержаться отъ рѣзкихъ словъ, замѣтилъ председатель.

Лебедева едва держалась за перила встрады, едва не рыдала. Въ публикѣ смѣхъ; въ заднихъ рядахъ, въ „негодницѣ“, даже не смѣхъ, а какое-то гоготанье.

Председатель звонкомъ призываетъ къ порядку.

— Лебедева, давалъ ли вамъ господинъ Фингаловъ честное обѣщаніе на церковный бракъ?

— Нѣтъ, не давалъ. Повторяю: я требую брака не для себя. Я увлеклась господиномъ Фингаловымъ во имя общей работы, во имя тѣхъ идей которыми всѣ мы прельщаемся, на которыхъ всѣ мы обманываемся. Полюбить Фингалова, какъ человека, я не могла бы. Онъ мнѣ казался виднымъ дѣтелемъ. Я вѣрила его фразамъ... Безъ соціальной пропаганды Фингаловъ не обольстилъ бы меня, не лосмѣлъ бы подойти ко мнѣ... Теперь онъ оказался ажедомъ, мелкимъ воронкой... Я дала ему пять тысячъ рублей и, разумѣется, дальнѣйшая связь со мной ему не нужна: еще пяти тысячъ у меня нѣтъ.

— Позвольте, это не относится къ дѣлу, замѣтилъ председатель.—Фингаловъ, ваше слово!

Фингаловъ поднялся, принялъ величественную позу, потрянулъ грибой, обвелъ все собраніе наглымъ, холоднымъ взоромъ и произнесъ:

— Мнѣ совѣстно, господа, утруждать ваше вниманіе такими мелкими драгмами, въ виду множества безотлагательныхъ дѣлъ по соціальной пропагандѣ. Лебедева требуетъ отъ

меня фиктивного брака, но зачѣмъ это ей? Не замаскировано ли этимъ бракомъ тайное желаніе жить на счетъ мужа, позорить его имя въ разводѣ? Вы знаете, господа, мои убѣжденія и не потребуете отъ меня подлаго противорѣчія. Я сошелся съ Лебедевой какъ сходятся всѣ честные, порядочные люди. Ея денегъ я не желалъ и не просилъ, а говорилъ о необходимости пожертвованія на общее дѣло. Предоставляю вашей совѣсти рѣшить насколько честны и справедливы ея упреки. Самая забота Лебедевой о правахъ будущаго ребенка по меньшей мѣрѣ забавна: гдѣ этотъ ребенокъ? И неужели Лебедева, съ ея красотой, молодостью, богатствомъ, происхожденіемъ, не можетъ найти въ Россіи фиктивного мужа, помимо меня, если для нея все равно, лишь бы было у ребенка имя? Ко всему этому я не могу и по другимъ причинамъ быть церковнымъ мужемъ Лебедевой: въ Россіи у меня жива жена и трое ребятъ.

— Bravo! bravo-o-o! заревѣла вся зала. Среди общаго крика и аплодисментовъ раздался мучительный, истерическій визгъ. Лебедева упала. Нѣсколько дюжихъ радикаловъ стащили ее съ эстрады.

— Учитесь, mesdames, какъ обмороки дѣлать, промолвилъ одинъ изъ нихъ, проходя мимо женщинъ.

Вопросъ о церковномъ бракѣ луснули на баллотировку.

Значительное большинство призвало притязанія Лебедевой „подлыми“, съ яввою цѣлью компрометтировать въ глазахъ русскаго общества личную честность г. Фингалова. Боле рьяные радикалы предложили баллотировать немедленно другою вопросомъ, объ изгнаніи Лебедевой изъ кружка.

— Этакъ, вмѣсто самостоятельной жизни, всѣ наши женщины захотятъ замужъ! бѣсновались радикалы.—Вонъ легалистокъ! вонъ „невинностей“! Да здравствуетъ анархія! Да здравствуетъ свобода, равенство, братство!.. Ура!

На эстрадѣ появился какой-то Жидокъ и сталъ читать безграмотный докладъ о появленіи въ русскои газетѣ корреспонденціи о жизни русскіхъ студентовъ за границей. Докладчикъ прежде всего заявилъ что сочинитель выдумалъ „подлые факты“ чтобъ олозорить предъ правительствомъ „молодое поколѣніе“ и заставить его принять реакціонныя мѣры противъ „всесторонняго умственнаго развитія“; затѣмъ, какъ и сабдуется, выступалъ выводъ что авторъ — „подлецъ“, шпіонъ“. Далѣе докладчикъ обстоятельно развилъ мысль о

необходимости признанія „подлецомъ“ и „шпіономъ“ каждаго Русскаго кто осмѣлится писать о жизни студентовъ.

Докладъ былъ принятъ единогласно, безъ возраженій.

Затѣмъ выступилъ толстолобый, кургузый, пугливый и глуловатый малый, въ грязной безрукавкѣ и очень развязно сталъ говорить.

— Милостивые государи и милостивыя государыни! Я только-что эмигрировалъ изъ Россіи и считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ нѣкоторые грустные факты касательно хода соціально-революціонной пропаганды. Вамъ извѣстно что на Женевскомъ конгрессѣ было одобрено предложеніе вести пропаганду въ Россіи посредствомъ народныхъ учителей и учительницъ. Для этого общество „послѣдовательныхъ“ поручало своимъ представителямъ разсылку книгъ и прокламацій въ сельскія школы. Въ числѣ разсылщиковъ былъ и я. Полагая что требуется представленіе доказательствъ въ отсылкѣ книгъ, я отъ учителей и учительницъ требовалъ именныхъ расписокъ въ полученіи книгъ, надѣясь представить ихъ куда слѣдуетъ. Но на меня донесли, произвели обыскъ и многихъ арестовали по именованнымъ распискамъ... Это непредвидѣнное обстоятельство...

— Подло! Глупо! раздались голоса. — Такъ мы всю пропаганду погубимъ за здорово живешь...

— Это непредвидѣнное обстоятельство, продолжаетъ ораторъ:—побуждаетъ меня объяснить вамъ, господа, что революція безъ жертвъ не мыслима, и чѣмъ больше жертвъ тѣмъ прочѣе дѣло. Жертвы неизбежны, фатально-необходимы... Здѣсь дѣло не въ личной моей неосторожности, не въ распискахъ. Не этотъ, такъ другой случай—это все равно... Не этихъ агитаторовъ, такъ другихъ арестовали бы... Это неизбежно. Вспомните всѣ европейскія движенія и найдите хоть одно не стоившее жертвъ? Мнѣ удалось бѣжать, но другимъ это не удается. Будемъ надѣяться что тюрьма и ссылка закалятъ ихъ въ ненависти, ожесточатъ ихъ сердца, пробулятъ въ нихъ пламенную анергію и они не отступятся отъ великой идеи соціальной революціи, за которую они пострадали...

— Да здравствуетъ анархія! гаркнулъ кто-то.

Ораторъ сошелъ съ эстрады. Толпа начинала рѣдѣть. Я остался допивать пиво. Включенный блузникъ подошелъ ко мнѣ и безцеремонно разлегся на стульяхъ.

— Вѣдь вы Жерновъ? заговорилъ онъ.

— Да.

— Что? Каково, батенька?

— Хорошо.

— Сочувствуете?

— Ну, еще бы!..

— Вы долго здѣсь пробудете?

— Съ недѣлю.

— Одолжите мнѣ десять франковъ. Хозяйка пристаётъ, а изъ дома жду вотъ со дня на день...

Я зналъ что онъ не отдастъ мнѣ денегъ и меня же назовутъ дуракомъ за то что далъ, но я отдалъ ему десять франковъ почти безсознательно, уступая наивной наглости. Баузики тотчасъ же нахлобучилъ шляпу, облизнулся и направился къ буфету. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ подписнымъ листомъ „на пропаганду“ и предложилъ мнѣ подписать.

— Да кстати и за меня прибавьте франковъ пять.

— Нѣту у меня больше денегъ!

— А, нѣту... Ну, наплевать... Вотъ что я хотѣлъ васъ просить: нельзя ли мнѣ за вашъ счетъ обѣдать въ русской кухмистерской до получения денегъ, а то жрать не дадутъ, проклятые!..

— И этого нельзя, у меня нѣтъ свободныхъ денегъ.

— Да вы поймите, вѣдь это въ долгъ... Я же вамъ отдамъ... при первой возможности... Что жь, я, по вашему, съ голоду издохнуть долженъ, какъ какой-нибудь самарскій мужикъ?..

— Обратитесь въ кассу за пособіемъ.

— Да я ужь тамъ все забралъ что можно.

— Ну, обратитесь къ тѣмъ кто васъ больше знаетъ. Я впервые имѣю честь видѣть васъ.

— Потому-то мнѣ и не даютъ что *знаютъ*... Я вообще рѣдко плачу... Родители шлютъ одно благословеніе, да меня же заставляютъ и письма свои оплачивать...

Онъ туло мотнулъ головой, ухмыльнулся и потребовалъ рому.

— За ваше здоровье, сэръ!

VI.

Послѣ вечера, проведеннаго въ средѣ русскаго кружка, мнѣ съ новою силой представился вопросъ: откуда взялись всѣ эти люди? Меня давно коробила грубость и пошлость, цинизмъ и глупость, и поголовная безцѣльность ихъ жизни. Я не довѣрялъ ихъ искренности, не допуская чтобы люди сколько-нибудь развитые могли довольствоваться животною разлузданностью инстинктовъ. Я все еще предполагалъ что это есть только выраженіе протеста противъ рутинныхъ формъ, но что главное душевное достоинствѣ этихъ людей скрывается въ ихъ завѣтныхъ идеалахъ, что они не высказываютъ ихъ всѣмъ и каждому изъ боязни оплошленія. Многие изъ нихъ мнѣ были совсѣмъ не по душѣ; многихъ я презиралъ за скотскія привычки, но и въ этомъ случаѣ больше себя обвинялъ въ избыткѣ изящества нежели ихъ въ грубости и низости. Все это казалось мнѣ горькою случайностью, которую надо перестрадать во имя общей солидарности въ высшихъ цѣляхъ. Я влюли въ убѣжденъ что подобнымъ раздумьемъ были проникнуты всѣ женщины поладавшія въ ловушку подлаго обмана. Иначе ихъ увлеченіе безрукавками и блузками было бы невысказано, такъ какъ большинство ихъ было неизмѣримо выше воспитано и образовано чѣмъ идолы которымъ онѣ приносили жертвы. Пьяный бредъ онѣ принимали за гениальное пробужденіе новой мысли. Имъ мечталось что идолы воспрянутъ, полные силъ и величія, и создадутъ новыя лучшія формы.

По мѣрѣ личнаго знакомства, я все болѣе убѣждался что, за немногимъ развѣ исключеніемъ, это все революционеры не нуждѣ. Испортивъ такъ или иначе свое положеніе въ Россіи, они не могли бы найти за границей другой дѣятельности себѣ по силамъ. Сдѣлаться революционеромъ казалось легко и заманчиво; для этого не требовалось ни знаний, ни подготовки: стоило лишь прочесть десятокъ книженокъ, выхватить изъ нихъ латокъ готовыхъ мыслей, перифразировать ихъ на разные тоны, отрицать все съ плеча — и революционеръ готовъ. Ему оставалось популяризовать свою особу выходками болѣе или менѣе оригинальными въ средѣ неопытныхъ, вновь прибывшихъ жен-

щинъ, а это кому не удастся. Жажда оригинальничанья доходила до юродства. Такъ на примѣръ былъ радикаль Охлынищевъ, подулупщанный на нечистомъ и поганомъ: зовутъ ли его обѣдать, или чай пить, онъ непремѣнно сдѣлаетъ какую-нибудь гадость, особенно если въ обществѣ окажется новый человекъ, незнакомый еще съ его замашками: въ супъ крошитъ палиросныхъ окурковъ, броситъ горсть песку, чернильницу опрокинетъ, поймаетъ муху и живьемъ утолитъ въ тарелкѣ, крошитъ стеарину, а если ужь очень въ ударѣ, то даже и высморкается въ тарелку, и все это съѣсть, словно выжеть, приговаривая:

— Да пожретъ сильный слабого.

Когда его останавливали, уговаривали пощадить аппетитъ сосѣдей, онъ вскакивалъ, словно равный звѣрь, и начиналъ бѣсноваться.

— Вы дураки! кричалъ онъ, ударяя кулачищами по столу:—не можете понять что въ природѣ нѣтъ чистаго и поганаго, а есть одинъ непреложный законъ: „Борьба за существованіе“, а потому да пожретъ сильный слабого.

О наукѣ не могло быть и рѣчи: наши социаль-демократы, признавали всякое знаніе вреднымъ для своихъ будто бы общечеловѣческихъ цѣлей. Они носились со своимъ убогимъ невѣжествомъ какъ со святыею, кокетничали ругательствами надъ наукой за ея служеніе „буржуазнымъ цѣлямъ“. На каждый семестръ они записывались въ университетъ, но на лекціи ходили только спать, или повидаться съ „привязанностью“, или обругать какого-нибудь „подлеца“ не давшего въ займы денегъ. Съ денежными русскими барчуками, оболыщавшимися новинкой свободы, господа социаль-демократы поступали какъ со слабоумными или помѣшанными: во имя общаго дѣла у нихъ отбирались всѣ доходы; ихъ заставляли жертвовать крупная сумма на пропаганду, на основаніе русской колоніи эмигрантовъ, на перевозку прокламацій въ Россію, и т. п. Нечего и говорить до какого неисходнаго ужаса такіе господа могли доводить женщинъ довѣрившихъ нравственному смыслу ихъ „честнаго слова“.

Авторитеты анархіи, поддѣвки, безрукавки, блузы, жили прилѣваючи. Они, въ качествѣ самозваныхъ представителей русской секціи, являлись на собранія интернационалки, дули пиво и аллюдирировали. Говорить съ вѣстрасы они рѣдко рѣшались, такъ какъ по большей части не знали языковъ.

Въ народѣ у нихъ разумѣется были „друзья и братья“ съ которыми они чокались кружками лива и пили брудершафтъ; при этомъ агали безсовѣстно, неустыжимо, какіе они замѣчательные, диковинные делегаты и какъ много они сдѣлали для успѣха соціальной революціи въ Россіи. На нихъ обыкновенно рабочіе смотрѣли съ изумленіемъ. Карлъ Маркъсъ изрѣдка спасалъ ихъ отъ позорнаго конфуза. Сначала они попробовали за-просто выѣзжать на мнѣ, но я неохотно поддался очарованію великой роли и устранилъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла русскаго кружка. Когда Нѣмцы спрашивали меня что дѣлаютъ русскіе демократы, я отвѣчалъ: пьютъ. Когда меня спрашивали Русскій ли я, я назывался Полякомъ или Сербомъ. Можетъ-быть это былъ ложный стыдъ, но я ощущалъ его слѣшкомъ искренно и больно, называясь *Русскимъ*. Кружокъ намѣревался даже судить меня „за подлое отступничество“, но я не былъ связанъ съ нимъ никакими общими интересами, не былъ его членомъ, и на допросѣ радикаловъ показалъ себя космополитомъ.

VII.

Таковы были мои отношенія къ кружку въ то время какъ я познакомился съ Вѣрою. Она была сильно заинтересована моимъ успѣхомъ у рабочихъ. Въ случайныхъ вопросахъ ея сквозило нетерпѣливое желаніе видѣть меня на эстрадѣ.

Странныя отношенія начинались между нами. Чѣмъ чаще я съ ней встрѣчался, тѣмъ недовольнѣе становился. Мнѣ казалось что она разчитанно льститъ мнѣ и слѣшкомъ дерзко заглядываетъ мнѣ въ душу чтобы провѣрить дѣйствіе своихъ словъ. И давно ли сама она спрашивала меня: „Зачѣмъ? что вамъ во мнѣ?“ И вотъ она уже оласается не равнодушнѣе ли я къ ней, не забываю ли ея красоту, не прискучила ли она мнѣ. А мы и видѣлись-то всего четыре раза. Я въ самомъ дѣлѣ равнодушнѣе, болтаю съ нею всякій вздоръ, ни единымъ словомъ не высказываю ни люболытства, ни участія, ни влеченія къ ней. По вечерамъ она стала выходить на прогулку; ходитъ вдоль своей улицы, очевидно желая быть замѣченною мною, но я нѣду къ ней, не нахожу что бы ей сказать. Изрѣдка она проходитъ мимо моихъ оконъ, рискуя, разумѣется, скомпромет-

тироваться, попасть въ сплетню Русскихъ, останавливается и перекидывается: со мной нѣсколькими фразами. И глаза, и улыбка ея такъ роскошно манять, и капризливо-хмурья брови, и закусываніе нижней губы не скрываютъ нетерпѣливой досады—на что? Неужели я уже обязанъ ей, и долженъ платиться скукой? Ничто меня не влечетъ къ ней, исчезло даже любопытство прежде всякой попытки къ удовлетворенію. Не сказать ли ей это прямо? Прежде всего, это оскорбить ее, да и не дала она мнѣ никакого повода. А между тѣмъ она мнѣ докучаетъ, мѣшаетъ ничего не дѣлать, заставляетъ о себѣ думать, тонко и незамѣтно, но увлекаетъ. И это ей легко: саишкомъ хороша.

Разъ я встрѣтилъ ее на улицѣ, и слышно пробормотавъ привѣтствіе хотѣлъ уйти.

— Останьтесь, проговорила она, и спокойно, ласково, тепло на меня взглянула.

— У меня дѣло есть, отговорился я. Она мгновенно вслыхнула и такъ же мгновенно лоблѣднѣла.

— Не смѣю задерживать, тихо, почти шепотомъ извинилась она и понурила голову, сильно ударивъ по землѣ зовтикомъ.

— А когда же мы соберемся въ Шафгаузенъ? остановила она меня.

— Когда хотите, хоть завтра.

— Ну, хорошо, завтра, если будетъ хорошая погода. Въ которомъ часу идетъ поѣздъ?

— Въ 9 утра.

— Вы позволите прислать за вами?

Я поклонился и пошелъ.

Мнѣ было жаль ее. Во мнѣ сердце сжималось отъ злодѣйственнаго упрека самому себѣ. Зачѣмъ я съ ней знакомился? Чего я хотѣлъ отъ нея? Я не понималъ ясно что боюсь ея, трушу предъ ея красотой, предъ ея обаятельною силой—и за свое же малодушіе начинаю уже мстить ей дерзостью тона, небрежностью обращенія. Какъ это низко и какъ это трудно уловимо именно въ ту минуту когда еще есть время остановиться и оправиться!

Я не люблю ея. И понимаю что надо уйти не говоря ей ни слова, не оскорбляя ея гордости, не внушая мстительнаго отвращенія къ самому себѣ. Но нѣтъ силъ съ собой справиться. Я не гляжу на нее; говорю съ ней смотря въ землю

или въ сторону, но я знаю, чувствую движеніе каждаго нерва въ ея лицѣ; знаю когда она улыбається, когда хмурится, когда глядитъ на меня, распознаю въ ея голосѣ самыя тонкія ноты ласки и гнѣва, даже по дыханью ея узнаю что въ ней происходитъ, какъ возится въ ней неисходная борьба гордости и еще чего-то.

Я долго не уснулъ эту ночь, долго старался выяснитъ свои отношенія къ Вѣрѣ, и все напрасно. Я поднялся рано, едва взошло солнце. У Вѣры окно уже было открыто. Она не спала.

Ровно въ 9 часовъ она прислала ко мнѣ свою горничную. Я нашелъ ее уже одѣтою. Спокойная, немного блѣдная, но пріятная, меланхолически-задумчивая, она казалась еще лучше чѣмъ всегда. Старуха выглянула въ полуотворенную дверь, извинилась что не можетъ выйти и съ тоскаивымъ, надорваннымъ вздохомъ промолвила:

— Поручаю вамъ... Поберегите...

Что-то неловкое и неопредѣленное тяготило меня, какъ будто между нами бездна недомолвокъ и мы наконецъ перестаемъ понимать другъ друга, хотя на самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ.

Мы отправились разговаривая дружелюбно, но все о предметахъ далекихъ, избѣгая всего что можетъ навести на личные отношенія. Всю дорогу я не переставалъ думать о ней, стараясь понять чѣмъ она мнѣ нравится, чѣмъ не нравится, и только лучше запуталъ свои первоначальныя намеренія.

Въ Шафгаузенѣ мы долго бродили по улицамъ города, осматривая древнія постройки, не замечавшія въ сущности ни меня, ни Вѣру.

— Вы устанете, замѣтилъ я ей.—Къ водопаду еще часъ ходу. Не хотите ли чаю налитъся?

— Да, вотъ это хорошо. А потомъ на Рейль... Говорятъ, при лунѣ водопадъ очень хорошъ... Но это будетъ поздно...

Мы зашли въ hôtel, спросили чаю, но подали что-то лѣкарственное въ сопровожденіи сливокъ, масла, меда и лимона. Вѣра усѣлась противъ меня хозяйничать.

— Знаете ли что я замѣчаю, заговорила она и поставила чашку, положила руки на столъ, припала къ нему грудью и глядя въ лицо мнѣ. Я молча ждалъ.

— Въ нѣсколько дней вы совсѣмъ перемѣнились... по крайней мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ.

— Въ чемъ?

— Трудно сказать... Только вы не такой, совсѣмъ не такой какъ были въ первый разъ... на озерѣ... Кажется вы недовольны мной?

Это была очень удобная минута чтобъ объяснить ей все просто и прямо. Она сама вызывала, желала этого объясненія, а между тѣмъ мнѣ трудно было начать.

— Нѣтъ, я больше собой недоволенъ чѣмъ вами.

Она быстро глянула въ окно и разсѣянно переспросила:

— Да? Вы недовольны собой? Можетъ-быть за ваше замѣчаніе?

— Да.

— Здѣсь по-русски, кажется, не знаютъ, замѣтила она оглядываясь на проходившаго кельнера,—продолжайте...

— Вы замѣчаете что я грубо, невнимательно отношусь къ вамъ, избѣгаю васъ... Вы очень хороши, я боюсь васъ... Вы мнѣ нравитесь, очень нравитесь... И я вовсе не желалъ бы потерять къ вамъ уваженія, а между тѣмъ я вижу, понимаю что вы держите себя со мной какъ большинство женщинъ, то-есть дѣлаете все чтобы васъ возненавидѣть, а потомъ станете жаловаться на потерю уваженія къ вамъ... Доведете до страсти, до бѣшенства и, быть-можетъ, дадите счастье мнѣ, когда оно не будетъ имѣть никакой цѣны, счастье за пытку, за страданіе.

Она слушала, широко раскрывъ глаза, не мигая, едва перевода дыханіе. Она была изумлена, озадачена неожиданностью моего вывода; ея гордость была обижена, а между тѣмъ возражать ей было нечего, или приходилось гадать что я ее не понялъ, ошибся.

Она молчала, задумчиво наклонясь надъ чашкой и играя ложечкой. Нехорошая, тяжелая минута прошла.

— Правду ли вы говорите что я такъ нравлюсь вамъ? спросила она, поднявъ на меня глаза.

— Кажется, правду.

Она снова потупилась и неприятно, горько усмѣхнулась: ее кольнуло мое „кажется“.

— И вы опасаетесь что я сама испорчу наши отношенія? сдвоеннымъ тономъ проговорила она.

— Да, если поведете ихъ какъ до сихъ поръ.

— А какъ надо вести?... Научите.

Она воодушевилась, едва владѣла собой; лицо ея горѣло; что-то рѣшительное проступало въ немъ.

— Пора намъ на Рейнъ, проговорила она вставая: — часъ ходу, а мы пойдемъ тихо, будемъ говорить. Я много хочу говорить съ вами.

Мы отправились. Она взяла меня подъ руку и крѣпко прижалась ко мнѣ. Дорога къ водопаду была скучна и не привлекательна. Кое-гдѣ на пригоркахъ торчали старые замки токувшіе въ зелени; по отлогому скату ползъ чахлый виноградникъ.

„Много говорить“ однако не пришлось. Вѣра была очень скучна, казалась утомленною. Она разсѣянно любовалась окрестностью и что-то про себя обдумывала.

— Вы еще долго думаете прожить здѣсь? спросила она, скользя по землѣ своимъ взглядомъ.

— Не знаю.... Кажется скоро уѣду. Скучно мнѣ здѣсь.

— Куда же, въ Россію?...

— Нѣтъ, въ Россію я не вернусь никогда.

— Какъ и я, значить... А знаете, иногда скучно по Россіи... Осталось ли у васъ тамъ что-нибудь хорошее, дорогое, достойное доброй памяти?

— Ничего....

Она вздохнула и тихо улыбалась своимъ воспоминаніямъ.

— Вы были несчастливы тамъ?

— Да.

— Любили?

— Да.

— Васъ не обижаютъ мои разспросы? Мнѣ хочется знать сколько-нибудь ваше прошлое.... Такъ мы странно сошлись... и разойдемся... Точно на почтовой станціи. Разкажите же мнѣ что-нибудь о себѣ.

Въ словахъ ея не слышно было ни калризнаго требованія, ни холоднаго любопытства. Я былъ расположенъ къ откровенной болтливости, разказалъ ей многое изъ своей жизни, безжалостно посмѣялся надъ своимъ прошлымъ и горько пожаловался на недостатокъ содержанія и цѣли въ жизни. Этого она не ожидала.

— Значить и это все что вы теперь дѣлаете, васъ не удовлетворяетъ, это рабочее движеніе?

— Нѣтъ.

т. сж.

— Но отчего же?

Я объяснилъ ей какъ умѣлъ неумѣтность своего вниманія въ дѣла здѣшнихъ рабочихъ.

— Вамъ представляется это дѣло чужимъ, замѣтила она; но вѣдь и здѣсь такіе же люди и такъ же нуждаются въ помощи.... Зачѣмъ вы обращаете вниманіе на здѣшнихъ Русскихъ?... Оставьте ихъ.... Будьте сами по себѣ. Не отступайте.

Мы подходили къ водопаду. Шумный ревъ падающей воды глухимъ и тяжелымъ гуломъ доносился къ намъ; скоро изъ-за длиннаго ряда пирамидальныхъ тополей показался столпъ водяной пыли, другой, третій; зеленый дѣдушка Рейвъ кипѣлъ, волновался, какъ-то злобно-сурово бурчалъ, словно сердился и простить не могъ человѣческой крови пролитой за него. Наконецъ предъ нами открылась вся картина водопада. Нельзя передать всю прелесть и величіе ея. Страшная масса воды, словно глыба лушистаго сѣнга, разомъ срывалась съ десятисаженной вышины, падала безпрерывно, отбрасывая по воздуху пыльную кипѣль, тающуюся словно полосы тюля. По срединѣ возвышались два огромные камня, образовавшіе ворота. Подъ однимъ изъ нихъ когда-то сѣлъ Карамзинъ; на другомъ какой-то Англичанинъ ухитрился поставить зонтикъ въ память своего посѣщенія, а потомъ ухитрился уласть оттуда и утѣчь. На противоположномъ лѣсистомъ, крутомъ берегу стояла гостиница, передѣланная изъ стараго замка, откуда всѣ туристы спускались къ самому водопаду и записывали на камняхъ никому не нужные имена.

Вѣра вся предавалась молчаливому созерцанію. Она забилась подъ вой и грохотъ водопада. Я предложилъ ей переправиться на другой берегъ, подняться на высоту до гостиницы и сойти оттуда внизъ. Она согласилась. Спускъ этотъ, совсѣмъ почти отвѣсный, лучший поэтической уголокъ во всей мѣстности. Тропинка ведетъ прямо съ террасы дома и почти виситъ надъ пустою пропастью, заросшею ельникомъ и орѣшникомъ; кое-гдѣ встрѣчаются кусты розъ и жасминовъ съ надписью строгихъ запрещеній срывать ихъ. Въ гостиницѣ разногазая Нѣмка продавала фотографіи, рѣзаны бездѣлушки и украшения. Вѣра занялась ими и накупила себѣ множество мелочей для подарковъ. Въ ней тотчасъ же признали русскую графиню и съ почтеніемъ распахнули предъ ней двери на террасу. Она оживилась, много смѣялась,

останавливалась почти на каждомъ шагѣ, трусливо вскрикивая, боясь взглянуть внизъ, не рѣшаясь слѣдить дальше, хватаясь за меня. На полдорогѣ она совсѣмъ струсила, и отдохнувъ въ бесѣдкѣ, хотѣла вернуться.

— Я непремѣнно свалюсь... въ глазахъ темнѣетъ...

— Я сведу васъ...

— Хорошо!.. Только дайте отдохнуть.... Какъ хорошо здѣсь кругомъ!.. Вотъ бы гдѣ жить!..

И какъ хороша ты сама, думалъ я, глядя на ея разгорѣвшееся личико.

— Ну, теперь пойдемъ! живо вскрикнула она:—а знаете, я придумала... я поняла какъ надо себя держать съ вами, лепетала она смѣющимся голосомъ, косо, съ боку, заглядывая въ лицо мнѣ.—Это вы правду сказали что женщина сама портитъ такія отношенія. Недовѣріе, гордость—все это трудно побороть, уломать... Съ первой же встрѣчи съ мужчиной мы дѣлаемся врагами, и когда ужъ натираемъ другъ-друга, все-равно отступаемъ же отъ своей морали.. Охъ, эта бабшкіна мораль! Понимаешь всю ложь ея, вредъ, неразумную жестокость, и боишься поправить ее, не смѣешь, силъ въ себѣ не найдешь.... Вы вполнѣ правы... Вы заставили меня многое передумать, многое перерѣшить, отъ многого отступить... По крайней мѣрѣ сбросить лишнія цѣли... И такъ-то жизнь пуста, безцвѣтна, а мы еще мертвою моралью душимъ послѣдніе проблески настоящаго счастья... Вѣдь гауло же это... Ну, тутъ вы меня держите крѣпче... У меня голова кружится...

— Не смотрите внизъ...

Я взялъ ее за руку, другой охватилъ талию; она послушно подыала свое личико вверхъ и, боязливо улыбаясь, едва переступала своими маленькими, щегольски затянутыми ножками.

— Ухъ, какъ страшно!... боюсь! содрогаясь, прошептала она:—не уроните меня... Видите, какая я трусливая... жалкая... И довѣриться не умѣю...

Она громко разсмѣялась.

Послышались шаги; за нами слѣдомъ показался долговязый, рыжій Англичанинъ въ альпійскихъ салогахъ, вооруженный огромнымъ альпенштокомъ и толстымъ гидомъ. Мы любезно раскланялись, пропустивъ его впередъ.

Мы спустились на послѣднюю площадку, надъ самымъ

водопадомъ. Рыжій Англичанинъ глядѣлъ по камнямъ, вѣшавшимъ надъ его головой, ищараланнымъ именными надписями, заглядывалъ въ гидъ, вскарабкался на перила, шатавшися подъ его тяжестью, вооружился бинноклемъ и полѣлъ еще выше, цѣпляясь за кустарникъ, за куски камня, повиснувъ ногами въ воздухѣ. Страшно было смотрѣть на него. Вѣра съ трепетомъ отвернулась, держась за меня.

— Овъ, вѣрно, сумашедшій.... Скажите сторожамъ чтобы взяли его, бѣднаго, шептала она.

Англичанинъ повисѣлъ на камняхъ минуты двѣ, усердно и внимательно осмотрѣлъ и ощупалъ всѣ камни и благополучно спрыгнувъ на площадку попросилъ позволенія отдохнуть съ нами и принялся объяснять намъ ломанымъ французскимъ языкомъ что онъ пріѣхалъ сюда съ единственнымъ желаніемъ отыскать надпись лорда Байрона, но вотъ уже третью экскурсію совершаетъ бесполезно.

— Смотрите, сколько Русскихъ здѣсь было! воскликнула Вѣра, разматривая надписи:—напишемъ, и мы свое им.... Есть у васъ карандашъ?

Она быстро вспрыгнула на скамью, отыскала неисцараланный еще камень. Я подаль ей карандашъ.

— Только не рядомъ, проговорила она:—я залпшусь здѣсь, а вы ищите другое мѣсто, а то это будетъ слышкомъ шумно, бываютъ любопытства очень догадливыя.. .

— Васъ и это пугаетъ.... Вѣра?

Она обернулась.

— Странный вы человекъ! съ укоризной сказала она:—дорожите вы мной или нѣтъ?... Хоть немножечко?... Ну, и падите меня, мою гордость.... Ахъ, Боже мой! Ну что если этотъ господивъ знаетъ по-русски!..

Она быстро взмахнула рукой и крупными буквами написала: „Вѣра“.

— Жернова, подсказалъ я ей.

— Зачѣмъ? переспросила она: — Еслибъ это было даже возможно, вы бы рассказали.

Она дописала свою фамилію и спрыгнула на землю.

— Отчего, Вѣра? спросилъ я.

— Послѣ скажу. Глядите какъ славно вода кипитъ...

Она перегнулась на перила и смотрѣла въ глубь водомета.

— Приходила-ли вамъ когда-нибудь мысль броситься вотъ въ такую бездну?

— Нѣтъ.

— Не знаете же вы горя.

Она вздохнула. Все лицо ея приняло суровый и грустный видъ; тоскливый взглядъ ея небрежно скользилъ по всемъ предметамъ; она думала что-то тягостное, безотрадное.

— Вѣра, не говорите со мной въ подслова, замѣчалъ я ей:— если я не стою вашей искренности, молчите или ужъ говорите все.... Въ вашихъ словахъ часты намеки на личное горе. У васъ въ прошломъ есть что-то нехорошее, больное, что мучитъ васъ до сихъ поръ.... Я не спрашиваю васъ объ этомъ, но я жду, когда вы скажете сами, а вы дразните меня одними намеками... олять по-женски.

— Сказать? все сказать? переспросила она.

— Какъ хотите.

Она замолчала, недовольная своимъ отвѣтомъ.

Англичанинъ вторично пожелалъ оказать намъ свое вниманіе и прочиталъ намъ, надъ водопадомъ, урокъ нагляднаго обученія, по своему гиду; онъ говорилъ, при какомъ освѣщеніи бываетъ водопадъ розоваго цвѣта, зеленоватаго, чисто хрустальнаго, желтаго, а при лунѣ—все мертво. Мы отправились вмѣстѣ обѣдать и за столомъ очень коротко подружались и лили за здоровье Англичанъ и Русскихъ, обмѣнялись адресами и при случаѣ обѣщали посѣтить другъ друга. За это Вѣра меня побранила.

— Какой вы неосторожный! Вѣдь онъ сумасбродъ! Онъ помѣшанный! Видите, пріѣхалъ Байроновскую надпись искать... Но вотъ въ чемъ дѣло: я непременно хочу видѣть водопадъ при лунѣ... Напишите мнѣ телеграмму что мы опоздали на поѣздъ и остаемся до утра... Къ счастью, здѣсь ночью поѣзды не ходятъ... Идите же, упрямый человѣкъ, пошлите кельнера на станцію, возьмите мнѣ комнату, чтобъ окно выходило сюда, на водопадъ.... А я тутъ займусь Англичаниномъ.

Я пошелъ, исполняя всѣ порученія. „Зачѣмъ это все она придумала?“ спрашивалъ я себя. *Она!*... Какъ будто я этого не желалъ!.. Странная у человѣка способность: въ критическихъ случаяхъ агать предъ собою, обманывать себя.

Когда я вернулся къ спуску, я не нашелъ ли Вѣры, ни Англичанина; разноглазая Нѣмка сообщила что господа отправились по берегу Рейна. Я пошелъ искать ихъ. Чудно хороши были берега Рейна, и самъ зеленый дѣдушка, изливъ

весь бурный гнѣвъ свой въ водопадѣ, протекалъ здѣсь ровно, спокойно, весело; сѣдые клочья его не клокотали, ни одной морщинки не было на ровной его поверхности. Крутой, льсистый берегъ съ рѣдкими, опрятными домиками, съ идиллическимъ щебетомъ птицъ, казался раемъ, властительно охватывалъ душу тихимъ, тоскливымъ умиленіемъ, вѣгой, счастьемъ. Скоро набрелъ я на уморительную картину. Вѣра сидѣла подъ густымъ кустомъ орѣшника и неудержимо хохотала; предъ ней стоялъ Англичанинъ и декламировалъ по-нѣмецки изъ Гейневской *Deutschland*: „Здравствуй, дѣдушка Рейнъ!“ Еслибъ этотъ чудакъ рѣшился декламировать публично, онъ, навѣрно, прославился бы. Часа три провели мы въ такомъ благодушномъ наслажденіи и довольствѣ другъ другомъ какое очень рѣдко охватываетъ людей незнакомыхъ.

Мы возвращались въ *hôtel* уже сумерками и разстались съ милымъ спутникомъ отправлявшимся въ Бернъ за важными справками о надлиси лорда Байрона.

Вѣра долго хохотала, припоминая его уморительныя выраженія, пародируя его манеру и тонъ.

Я указалъ ей ея комнату.

— Вы, конечно, придете чай пить ко мнѣ, проговорила она, — мнѣ надо немного придти въ себя послѣ столько дурачествъ... Черезъ часъ жду.

Долгогъ былъ этотъ часъ для меня. Я ушелъ въ свою комнату, бросился на кровать въ тупомъ ольѣмѣннн, не въ силахъ будучи привести свои мысли въ порядокъ, очутясь отъ массы впечатлѣній давившихъ меня.

Кельнеръ постучалъ въ дверь.

— *Fürstin* проситъ войти.

Я всталъ Вѣру за столомъ съ чайными принадлежностями; она приготовила мнѣ заранѣе стулъ вонѣ себя. Она была увлекательна, игрива, даже капризна, болтала безъ умолку и вся, вся горѣла въ какомъ-то экстазѣ.

— Вѣра, у васъ нервы не въ порядкѣ, замѣтилъ я ей.

— Нервы... да... А кто виновать?...

Она вѣтерплииво подвѣлась и стала прохаживаться шн угла въ уголъ, пока я пилъ чай. Луна давно уже стояла противъ окна, но Вѣра ни разу не взглянула на водопадъ Я напоминалъ ей.

— Ахъ, Богъ съ нимъ, съ водопадомъ...

— Что съ вами, Вѣра?

Она остановилась предо мной въ какомъ-то напряженномъ, лихорадочномъ ожиданіи. Я привлекъ ее къ себѣ. Она закрылась руками и прильнула къ моему плечу.

— Теперь ты подумай, мой милый, должна ли я быть твоею женой, говорила мнѣ Вѣра разказавъ свою исторію, грустную и страшную исторію.—Теперь тебѣ понятно все мое прошлое... Я любила... Я такъ хотѣла... Я много страдала... должна была оставить Россію. Вотъ предъ тобой все прошлое. Ты можешь осуждать меня, презирать, я примирюсь со всѣмъ, а ничего не прошу у тебя..

Голосъ ея дрогнулъ на послѣднихъ словахъ; она едва не рыдала, отвернувшись къ окну. Тяжело и больно шевельнулось въ ней старое горе.

— Я потому тебѣ такъ говорю, продолжала Вѣра:—что мнѣ не нужны ни имя, ни положеніе... Я одна у матери, мы имѣемъ состояніе, я проживу безо всякой навязчивости... Ты свободенъ во всемъ... Я не буду твоею женой, никогда не буду!.. Я люблю тебя... но сознавать постоянное униженіе я не хочу, не могу!..

— Ты ошибаешься, Вѣра. Ты меня не любишь если такъ думаешь. Не хочешь признать во мнѣ способности уважать твою волю...

— Пора намъ ѣхать... Митанъ будетъ безпокоиться... Поидемъ... Это мы обсудимъ послѣ... Будущее все наше, шепнула она мнѣ.

Прежде нашего возвращенія въ городъ, прошла уже вѣсть о вашей свадьбѣ. Докторъ Стренковскій прибѣжалъ торжествующій, съ тѣмъ ожесточеннымъ сіяніемъ въ глазахъ какое появляется на лицахъ кумушекъ полавшихъ на крупную добычу.

— Поздравляю, поздравляю! говорилъ онъ, искренно волнуясь радостью:—да какъ это вы скоро обдѣлали... Признаюсь... Чертовскій услѣхъ... Вотъ теперь-то мы васъ доить начнемъ въ пользу пропаганды... Кусокъ, нечего сказать! За это и шампанскаго не грѣхъ вылить, хотя это буржуазный напитокъ... Но такой исключительный случай... Всѣ лоразены, положительно всѣ...

— Послушайте, любезный докторъ, вѣдь это ужъ шлюн-

ство... Неужели у социаль-демократовъ нѣтъ интереса выше частной сплетни.

— Я не знаю кто первый разгласилъ... Я слышалъ ужъ отъ многихъ... всѣ знаютъ...

Черезъ полчаса пришелъ Негг Мауер, и такой же ликующій, началъ говорить торжественную рѣчь въ честь моего счастья, въ надеждѣ что я не забуду бѣдныхъ работниковъ и начну издавать для нихъ совѣтъ бесплатную газету. Къ довершенію удовольствія, явилось нѣсколько блузъ и безрукавокъ которыя съ такимъ же ликоваіемъ судорожно сжимали мнѣ руки.

Нѣсколько минутъ я не могъ выдти изъ оцѣпенѣлаго ошеломленія. Во мнѣ вспыхнула, наконецъ, неудержимая ненависть ко всѣмъ этимъ господамъ, къ ихъ искательству божества. Я рѣшился все разомъ оборвать.

— Господа, сказалъ я: — душевно васъ благодарю за ваши желанія и самъ я ничего не желаю, кромѣ личнаго счастья. Съ этой минуты я не имѣю ничего общаго съ социаль-демократами. Я измѣнилъ свои убѣжденія и становлюсь открыто въ ряды буржуазныхъ враговъ вашихъ. Недоразумѣній, кажется, не остается...

Наступила минута самой выразительной нѣмой картины.

Въ тотъ же день я долженъ былъ оставить городъ. Черезъ мѣсяцъ Вѣра стала моею женой.

А. НЕЗЛОВИНЪ.

ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

Съ грустью беремся за перо чтобы говорить о произведеніяхъ поэта, только-что унесеннаго смертью.

Въ короткій періодъ времени, это уже вторая незамѣнимая утрата. Умеръ Тютчевъ, поэзія котораго была такимъ прекраснымъ звеномъ между эпохой Пушкина и новымъ литературнымъ движеніемъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ; умеръ графъ А. К. Толстой, въ стихахъ котораго отразилось почти все серьезное содержаніе новой нашей поэзіи, всѣ самые живые ея элементы: народность, исторія, гражданскій лиризмъ, гражданская сатира, въ самомъ чистомъ и неолошленномъ значеніи этихъ словъ. Еще чувствуется вся горечь этихъ утратъ, и еще не наступило время для жальной оцѣнки всего поэтическаго достоянія оставленнаго умолкшими поэтами; это тѣмъ болѣе справедливо по отношенію ко графу Толстому что издавныя до сихъ поръ и еще не собранныя воедино произведенія его составляютъ только часть всего имъ написаннаго. Другая часть или извѣстна лишь немногимъ въ рукописныхъ спискахъ, или заключается въ посмертныхъ бумагахъ поэта, бóльшая часть которыхъ, будемъ надѣяться, въ непродолжительномъ времени явится въ свѣтъ.

Въ настоящей бѣглой замѣткѣ мы не разчитываемъ дать полную оцѣнку литературной производительности автора *Смерти Иоанна Грознаго*; къ этой задачѣ мы предполагаемъ приступить когда будутъ изданы посмертныя его произведенія. Теперь мы хотимъ только приломачить вмѣстѣ

съ читателями пройденный имъ повѣстическій путь, освѣжить впечатлѣнія нѣкогда испытанныя всѣми нами за вдохновенными его страницами, и указать, насколько это возможно въ бѣгломъ очеркѣ, на основныя элементы его поэзіи.

Графъ Толстой выступилъ на повѣстическое поприще сравнительно поздно. Его талантъ, какъ и талантъ Тютчева, зрѣлъ тайно, въ сторонѣ отъ пубрики. Подобно Тютчеву, онъ выступилъ прямо съ тѣми звуками которые продолжали звенѣть въ его поэзіи до конца. Обстоятельство это имѣеть вовсе не случайное значеніе. Оно близкимъ образомъ связано съ характеромъ и внутреннимъ содержаніемъ его поэзіи. Повѣстическій даръ не былъ у него раздраженіемъ молодости, отглажившимъ вмѣстѣ со зрѣлостью мысли; онъ не былъ только формой къ которой обращаются начинающіе писатели, для того чтобы перейти затѣмъ къ прозѣ. Поэзія была самымъ существеннымъ элементомъ въ талантѣ графа Толстого, она явилась ему вмѣстѣ съ его зрѣлостью и сохранила до конца свою свѣжесть, свою силу и свою неотдѣлимость отъ натуры поэта. Отсюда, если мы не ошибаемся, вытекаетъ главная особенность его поэзіи: ея необычайная серіозность, внутренняя, всепроникающая, сквозящая въ самой шуткѣ. О чемъ бы ни говорилъ графъ Толстой, какой бы тонъ онъ ни взялъ, вы всегда чувствуете что это говоритъ совершенно взрослый человѣкъ. Онъ какъ бы миновалъ всѣ тѣ ступени по которымъ писатель достигаетъ зрѣлости, и на среднѣй которыхъ иногда останавливаются тѣ у кого стихотворная форма вызывается лишь потребностями молодой фантазіи и молодого чувства. Такъ, между прочимъ, область эротической поэзіи осталась совершенно чуждою графу Толстому, за исключеніемъ двухъ, трехъ аятологій заимствованныхъ изъ посторонняго источника. Мы не хотимъ сказать чтобы талантъ графа Толстого явился уже совсѣмъ созрѣвшимъ, въ своемъ послѣднемъ воплощеніи; напротивъ, въ немъ явлены слѣды постепеннаго развитія, внутренняго и техникаческаго; но особенностью его слѣдуетъ признать то что и въ самыхъ раннихъ, сравнительно слабыхъ произведеніяхъ, слышится голосъ взрослого человѣка, еще не овладѣвшаго вполне стихотворною формой, еще не умѣющаго вполне свободно выражаться на новомъ языкѣ, но уже являющаго созрѣвшіе, серіозныя и строгіе вкусы. Темы графа Толстого постоянно однородны, принадлежатъ одному и тому же кругу идей, одному и тому же человѣческому возрасту.

Мы живо помнимъ впечатлѣніе какое произвела восемь лѣтъ назадъ неожиданно появившаяся книжка стихотвореній графа Толстаго. Эти стихотворенія, печатавшіеся до тѣхъ поръ въ разныхъ журналахъ, преимущественно въ эпоху полнаго равнодушія общества къ литературнымъ интересамъ, были замѣчены лишь немногими, и имя автора почти не пользовалось никакою извѣстностью. И вдругъ является цѣлый томъ стихотвореній, изъ которыхъ не всѣ были одинаково сильны, но всѣ очень самобытны, и совершенно чужды того отпечатка дѣланности, который непремѣнно проглядываетъ у профессиональныхъ поэтовъ. Между этими стихотвореніями было нѣсколько такихъ которыя являли огромный, зрѣлый, содержательный талантъ, и должны были тотчасъ занять мѣсто въ русской поэзіи. Впечатлѣніе было сильное, подготовленное неожиданностью самаго факта. Всѣ поняли что немногочисленная семья русскихъ поэтовъ обогатилась новымъ, оригинальнымъ и сильнымъ дарованіемъ, сразу заявившимъ въ литературѣ опредѣленное и, прибавимъ, совершенно удивительное мѣсто.

Время было, какъ припомнятъ читатели, не особенно благоприятное для появленія новыхъ талантовъ. Общество уже пережило какъ увлеченіе раздражающими и странными мелодіями поэтовъ пятидесятыхъ годовъ, воспитавшихся на Гейне, такъ и увлеченіе новыми псевдо-гражданскими мотивами гг. Некрасова, Розенгейма и пр. Связь между русскою публикой и наличными поэтическими дарованіями, повидимому, была порвана. Поэты сами чувствовали невыгодное давленіе общественныхъ вкусовъ, и лишь изрѣдка, неохотно и неуверенно прерывали свое молчаніе. Серіозный голосъ слышался не часто. Хомяковъ умолялъ, Тютчевъ готовился умолянуть. Въ публикѣ чувствовалось броженіе, она готова была глумиться надъ своими прежними литературными курами, создавая въ то же время совершенную невозможность оставаться въ насыщенной великими гнилыми испареніями пустотѣ въ которую бросило ее движеніе начала шестидесятыхъ годовъ. Въ такую эпоху новый поэтъ, являющійся съ перепѣвами уже исчерпанныхъ мотивовъ, ни кѣмъ не былъ бы замѣченъ. Чтобы пріобрѣсть публику, надо было удовлетворить потребности живыхъ, свѣжихъ и самобытныхъ поэтическихъ струй, которыя крылись подъ видимымъ равнодушіемъ общества къ художественнымъ интересамъ.

Съ такими живыми, самобытными струями и явился графъ Толстой. Среди всеобщаго броженія, среди пустоты, среди всеобщей неувѣренности въ томъ что ложно и что дѣйствительно, раздался чистый, ясный голосъ, исходящій изъ такого же чистаго, яснаго и несомнѣвающагося въ себѣ самомъ чувства. Объ этомъ чувствѣ сказалъ самъ поэтъ:

.... Въ безпредѣльное влекома,
 Душа незримый чувствуетъ миръ,
 И я не разъ подъ голосъ грома,
 Быть-можетъ, отроицъ свой псалтырь.

Эта близость къ безпредѣльному не разрывала связи поэта съ восплавающею и окружающею его дѣйствительностью, но сообщала его поэзіи то чистое сіяніе, которымъ вся она озарена: „Я не чуждъ и здѣшней жизни“, говоритъ онъ въ томъ же стихотвореніи, и продолжаетъ:

Но все что чисто и достойно,
 Что на землѣ случилось строимо,
 Для человека то уже,
 Въ тревогѣ вѣчной мірозданья,
 Есть грань высокаго призванья
 И окончательная цѣль?
 Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растенья
 И въ каждомъ трелетѣ листа
 Иное слышится значенье,
 Видна иная красота!
 Я въ нихъ иному гласу внимаю,
 И жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа....

Почти то же говорили многіе поэты, но не многіе могли сказать это съ такимъ правомъ какъ графъ Толстой. Струя бьющая въ его поэзіи постоянно напоминала о своемъ озерномъ, прозрачномъ источникѣ. Въ душѣ поэта звучало много струвъ, но громче всѣхъ слышалась струна той нравственной бодрости, которая по духу родила его съ Пушкинымъ и исходила изъ близости со стихіями народной жизни, вобравшей въ себя живучую силу православія. Опять надо сказать что многіе, вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ и раньше его, обращались къ этому свѣжему и чистому источнику, но не многіе умѣли какъ и онъ найти въ народной жизни то бодрящее, свѣтлое, юношеское чувство

ту можно-сказать хрустальность, которая искрится и звучит неподдѣльнымъ лаэосомъ въ его поэзіи. Напомнимъ хотя бы слѣдующее, небольшое и въ логическомъ отношеніи не особенно значительное стихотвореніе:

Кошь любить, такъ безъ разсудку,
Кошь грозить, такъ не на шутку,
Кошь ругать, такъ сгорача,
Кошь рубить, такъ ужь сплеча!

Коли спорить, такъ ужь смѣло,
Кошь карать, такъ ужь за дѣло,
Кошь простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

На наши глаза, тутъ преимущественно важно то что въ этомъ стихотвореніи выражается чисто-русская струнка въ самой душѣ поэта, его такъ-сказать *натурность*, то-есть именно то чего болѣе всего недостаетъ нашимъ писателямъ, какъ и всему вообще настоящему поколѣнію. Въ немногихъ, замѣчательно простыхъ по формѣ и выраженію словахъ поэта слышится удаля, не бравурная, а скорѣе скромно-сердечная, чувствуется тотъ юношескій размахъ, по которому узнаются простые, чисто-русскіе люди. Вообще о поэзіи графа Толстаго слѣдуетъ сказать что она вобрала въ себя изъ народности только то что въ ней есть чистаго и серьезнаго, простаго и сердечнаго. Эти элементы просвѣчиваютъ у него даже въ шуткѣ, въ этой умной, милой, благородной и сердечной шуткѣ, въ которой графъ Толстой такъ бесконечно отличается отъ большинства нашихъ юмористическихъ стихотворцевъ. Русскіе люди, русская старина, русская природа, были удивительно доступны и понятны графу Толстому, не только тамъ гдѣ онъ входилъ прямо въ сказочный русскій міръ или въ жизнь современнаго русскаго простолудья, гдѣ онъ принималъ на себя вѣшній народный обликъ и выражался народнымъ складомъ, но и тамъ гдѣ онъ *чувствовалъ* русскую жизнь на высотѣ своего европейскаго, гуманнаго образованія. Русскій пейзажъ рисовался въ его стихахъ иногда съ силою изумительною; невозможно забыть напримѣръ слѣдующаго удивительнаго восьмистишія, въ которомъ почти каждое слово принадлежитъ исключительно русской картинѣ и такъ-сказать пропитано исключительно русскою краскою:

Край ты мой! родимый край!
Комскій бѣгъ на волѣ!

Въ небѣ крикъ орляныхъ стай!
 Волчій голосъ въ поляхъ!
 Гой ты, родина моя!
 Гой ты, боръ дремучій!
 Свистъ полночный соловья!
 Вѣтеръ, степь, да тучи!

Эта картина напоминаетъ тѣ пейзажи великихъ художниковъ на которыхъ съ помощію какого-нибудь одинокаго тощаго деревца, или лустынной груды камней, или просто небрежно растертыхъ желто-сѣрыхъ лятевъ, дается почувствовать всю необъятную ширину ландшафта, весь лустынный просторъ и характерную, могучую красоту его. Тутъ кроется та чудесная тайна повѣстическаго творчества, которую повѣсть самъ объяснилъ въ стихотвореніи: „Тщетно, художникъ, ты мнишь что твореній своихъ ты создатель!“ — изъ котораго напомнимъ здѣсь слѣдующія строки:

Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и слышимыхъ звуковъ
 Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и свѣта,
 Но передасть ихъ лишь тотъ кто умѣетъ и видѣть и слышать,
 Кто уловилъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
 Цѣлое съ нимъ вовекаетъ создавъ въ нашъ міръ удивленный.

Вообще повѣзия никогда не являлась графу Толстому одною только формою, даже тамъ гдѣ форма сама по себѣ представляла уже нѣчто цѣльное по высокой своей художественности. Внутреннее содержаніе, мысль, нравственная задача, почти всегда были у него нераздѣльны съ образами и картинками. Наибольшая часть его стихотвореній можетъ быть, по своему нравственному смыслу, названа притчами, хотя самъ онъ присвоилъ это названіе лишь небольшому числу мелкихъ произведеній. Строгая требовательность относительно внутренняго содержанія въ особенности проявляется у графа Толстаго въ стихотвореніяхъ народнаго характера. Въ этой, весьма распространенной у насъ области повѣзи, весьма многіе видятъ въ формѣ какъ бы самостоятельную цѣль произведенія, и полагаютъ что при воспроизведеніи народныхъ мотивовъ и образовъ народной фантазіи нѣтъ надобности высказываться самому повѣту. Графъ Толстой мнѣ всего напоминаетъ тѣхъ почитателей народности которые, по выраженію Потугина въ *Дымъ*, обращаются къ народу словно лустые сосуды: влейся-моля въ насъ живая вода. У

графа Толстаго, въ его такъ-называемыхъ народныхъ произведеніяхъ, въ характерную народную рѣчь и въ народные образы облакалась обыкновенно собственная мысль, собственное чувство. Для примѣра укажемъ хотя бы на известное стихотвореніе *Пантелей Прититель*, въ которомъ авторъ неожиданно, чрезвычайно-ловкимъ поэтическимъ оборотомъ, переходитъ къ притчѣ и наконецъ къ сатирѣ:

А еще, государь,
 (Чего же было встарь)
 И такіе межъ насъ попадаются
 Что дѣчемиемъ всякимъ гаушаются,
 Они звона не терпятъ гусярмага,
 Подавай имъ товара базарнаго!
 Все чего имъ не завѣститъ, не смѣрати,
 Все, кричатъ они, надо похѣрити!
 Только то, говорятъ, и дѣйствительно,
 Что для нашего тѣла чувствительно;
 И приемы у нихъ дубоватые,
 И ученье у нихъ сразноватое;
 И на этихъ людей,
 Государь Пантелей,
 Папки ты не жалѣй
 Суковатыя!

Міръ народности у графа Толстаго былъ тѣсно связанъ съ міромъ библейскимъ и церковнымъ, и изъ этого послѣдняго онъ заимствовалъ содержаніе двухъ лучшихъ поэмъ своихъ—*Грѣшницы* и *Іоанна Дамаскина*. Послѣдняя, по богатству красокъ и необыкновенной поэтичности не только въ исполненіи, но и въ самой концепціи, безъ сомнѣнія навсегда сохранитъ за собою мѣсто въ числѣ лучшихъ созданій нашей поэзіи. Независимо отъ высокой идеи заключенной въ самомъ сюжетѣ, и отъ колоритности описаній и языка, поэтъ имѣлъ возможность выразить въ этой повѣсти свой взглядъ на служеніе искусству—взглядъ настолько чистый и прекрасный что онъ невольно напоминаетъ соответствующія темы у Пушкина. Замѣтимъ что посвятивъ всю свою жизнь поэтическому творчеству, графъ Толстой горячо любилъ свое призваніе, и нѣсколько разъ возвращался въ своихъ поэмкахъ и балладахъ къ высокому идеалу поэта, неизмѣнно присутствовавшему въ его чувствахъ и мечтахъ. Считаемъ умѣстнымъ напомнить здѣсь нѣкоторыя черты этого прекраснаго идеала, какъ онъ рисуется въ поэтически-священной личности Іоанна Дамаскина:

Въ его груди пылаетъ жаръ
 Которымъ зиждется созданье;
Служить Творцу Его призванье,
 Его души невримый мѣръ
 Престоловъ выше и порфирь—
 Омъ не измѣнить, не обманеть:—
 Все что другихъ влечетъ и манитъ:
 Богатство, сила, слава, честь,
 Все въ мѣрѣ томъ въ избыткѣ есть;
 А всѣ сокровища природы—
 Стелей безбережный просторъ,
 Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
 И моря лѣнистая воды,
 Земля, и солнце, и луна,
 И всѣхъ созвѣздій хороводы,
 И синой тверди глубина,
То все одно лишь отраженье,
Лишь тѣнь таинственныхъ красоть,
Которыхъ стѣнное видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ.

Далѣе въ той же повѣсти мы находимъ стихи:

Надъ вольной мыслью Богу не угодимъ
 Насиліе и гнѣтъ:
 Она, въ душѣ рожденная свободно,
 Въ оковахъ не умреть!

И наконецъ, переходя изъ этихъ странъ свѣта въ юдолю гдѣ добро и зло борются въ битвѣ жизни, поэтъ дорисовываетъ свой идеалъ слѣдующими прекрасными стихами:

Презрѣнье, други, на лѣвца
 Что даръ священный унижаетъ,
 Что предъ кумирами скаклетъ
 Красу лазурного вѣнца!
 Что гласу истины и чести
 Внушенье выгодъ предпочелъ,
 Что угожденію и лести
 Безотмычно продалъ свой глаголъ!
 Изъ вѣка въ вѣкъ звучать готово
 Ему на казнь и на позоръ
 Его безсовѣстное слово,
 Какъ всенародный приговоръ!
 Но ты, имой взааканшій лицу,
 Ты, что молитвою влекомъ,
 Высскій сердцемъ, духомъ нищій,

Живущій мысляю со Христомъ,
 Ты, что пророческаго взора
 Предъ блескомъ міра не скажешь—
 Испить ты можешь безъ укора
 Весь уликеніа фіалъ!

Съ такими идеалами, съ такими творческими средствами, съ такими чертами поэтическаго дарованія, выступилъ графъ Толстой какъ лирической поэтъ. Не будемъ сѣдтить здѣсь за всѣми дальнѣйшими шагами его на этомъ пути, за всѣми цѣнными вкладками полученными отъ него русскою лирикой. Баллады, притчи, поэмы, напечатанныя имъ въ послѣдніе годы въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Гражданинѣ*, всѣмъ хорошо извѣстны и памятны. Поэтъ остался въ нихъ совершенно вѣренъ тѣмъ элементамъ съ которыми выступилъ въ началѣ своего поэтическаго поприща. Русская жизнь, русская старина, попрежнему служили ему источникомъ чистыхъ и серьезныхъ вдохновеній. Онъ по справедливости считается творцомъ настоящей русской баллады, которая у него, согласно духу народнаго ума, является по преимуществу съ характеромъ притчи. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ талантъ поэта, всегда серьезный, обнаруживалъ все болѣе и болѣе зрѣлости, приемлемые звуки его достигали полноты и глубины давно уже не слышанной въ русской поэзіи, пока наконецъ, въ предсмертной повѣсти *Драконъ*, не облеклись въ упругую, кованную красоту Дантовскихъ терцій.

Почти одновременно съ лирическими стихотвореніями, графъ Толстой выступилъ въ нашей литературѣ въ качествѣ романиста и драматическаго писателя. Историческій романъ его *Князь Серебряный*, явившійся первоначально въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и потомъ выдержавшій нѣсколько отдѣльных изданій, имѣлъ успѣхъ рѣдкій въ то глухое для литературныхъ интересовъ время. Безъ сомнѣнія, романъ этотъ еще хорошо памятенъ нашимъ читателямъ, и нѣтъ надобности пересказывать здѣсь его содержаніе. Всѣ почувствовали то сѣтнее, бодрое, серьезное впечатлѣніе которое должна была произвести эта полная драматическаго и историческаго интереса эпопея старой русской жизни, захваченной въ тотъ критическій моментъ когда она трепетала надъ достигнутою первоначальною задачей государственнаго объединенія, смутно отыскивая въ темнотѣ новые, еще только что

обозначавшіеся пути дальнѣйшаго развитія. Романъ столько же былъ плодомъ добросовѣстной исторической и археологической эрудиціи, сколько выраженіемъ общественныхъ идеаловъ автора, воспитанныхъ на глубокомъ проникновеніи самыми жизненными элементами народнаго духа, и воплощенныхъ въ художественномъ, нравственно-гражданскомъ образѣ князя Серебреннаго, этого старо-русскаго земскаго чело-вѣка, такъ просто и такъ страстно чувствовавшаго добро и зло родной страны. Французскій историкъ нашей литерату-ры, Куррьеръ, сравниваетъ этотъ романъ съ произведеніями Валтеръ-Скотта; мы позволимъ себѣ замѣтить что у русскаго автора, помимо художественныхъ красотъ, богатства бытовыхъ красокъ и прелести разказа, замѣчается еще нѣчто такое чего не доставало англійскому романисту—ширина замысла и присутствіе озаряющей, глубоко-человѣчной идеи.

Основательное изученіе эпохи, изученіе не по буквѣ толь-ко, но и по духу, постиженіе ея серьезныхъ драматическихъ мотивовъ и трагическаго элемента въ характерѣ Грознаго царя, не позволили графу Толстому исчерпаться на этомъ ро-манѣ и надолго задержали его въ томъ поэтическомъ кругѣ изъ котораго вышелъ у него цѣлый рядъ замѣчательныхъ художественныхъ созданій. Самыми яркими и цѣльными изъ нихъ справедливо почитается трагедія *Смерть Иоанна Гроз-наго*, съ появленіемъ которой имя графа А. К. Толстаго получило европейскую извѣстность. Піеса эта, много разъ и съ постояннымъ успѣхомъ представляемая на нѣсколь-кихъ русскихъ сценахъ, являлась и предъ европейскою публикой, признавшею въ авторѣ первоклассное дарованіе. У насъ, при ничтожномъ числѣ истинно-поэтическихъ созданій для сцены, это произведеніе нельзя не признать явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ. Это единственная наша трагедія въ полномъ значеніи слова—*трагедія*, а не просто драма—и здѣсь главное ея право на совершенно удивенное положеніе въ нашей литературѣ. Трагическій элементъ всегда отсутствовалъ въ русской поэзіи. Мы имѣли прекрасные, хотя не многочисленные образцы комедіи и драмы, но за настоящую трагедію не брался никто изъ нашихъ поэтовъ, послѣ (псевдо-классиковъ XVIII столѣтія, подражательныхъ твореній которыхъ не пережили своего поколѣнія. Пушкинъ назвалъ своего *Бориса Годунова* трагедіей, но очевидно только потому что въ его время слова: трагедія и драма, считались

у насъ синонимами. Настоящій трагическій замыселъ является только въ *Смерти Иоанна Грознаго*; въ этой пьесѣ есть дѣйствительный *трагическій ужасъ* — элементъ не достающій вообще новымъ поэтамъ.

Нѣчто трагическое чувствуется уже въ самой идеѣ пьесы. Поэтъ избралъ предметомъ *смерть* историческаго лица. Не жизнь, не дѣйствія, не драматизмъ воли и страсти, а смерть, то-есть тотъ отрицательный моментъ когда загасаетъ всякая борьба, всякое движеніе, когда въ человѣческой мѣрѣ сходитъ нѣчто неумолимое и неотразимое, подобное року греческой трагедіи. Этотъ моментъ, несмотря на то что разрешается лишь въ латомъ актѣ, наполняетъ всю пьесу отъ начала до конца. Смерть чувствуется уже въ первыхъ сценахъ, изображающихъ царя Ивана въ калрызѣ отреченія. Это первая судорога смертной агоніи. Царь живъ, врачи пророчатъ ему еще многіе дни, онъ еще страшенъ, онъ еще много разъ обогреть свои руки въ невинной крови, онъ разрушитъ еще многіа жизни, но страшное чувство собственной отлетающей жизни мертвитъ и душитъ его. Онъ испытываетъ муки разложенія, онъ тяготится бременемъ власти, наломивающимъ ежеминутно объ уходящей жизни:

Острупаса мой умъ;

Извильо сердце; руки неспособны
 Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
 Господь посаялъ поганымъ одошье,
 Мнѣ жъ указалъ престолъ мой уступить
 Другому; беззаконія мои
 Песка морокаго паче; сыродець—
 Мучитель—баудникъ—церкви оскорбитель—
 Драготерпѣнья Божьаго лучину
 Посадникъ я злодѣйствожъ истоциалъ!
Душу я діавоу отверзъ!
 Нѣтъ, я не царь! я волкъ! я песь смердащій!
 Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною!
 Я Каина злодѣйство превзошелъ!
 Я прокаженъ душой и мысью! Язвы
 Сердечныя безчислены мои!

Въ то время какъ царь Иванъ терзается въ своей мрачной опочивальнѣ, въ другой палатѣ дворца происходитъ иная сцена: бояре выбираютъ новаго царя. Годуновъ скромно занимаетъ самое заднее мѣсто; но ходъ преній незамѣтно выдвигаетъ его на середину, а наконецъ и совсѣмъ впередъ.

Бояре сами удивляются, какъ это такъ случилось: „Слѣзъ ниже всѣхъ, а подъ конецъ сталъ первый!“ замѣчаетъ Годицкыиъ. Мы приведемъ на память эту подробность, потому что она занимаетъ чрезвычайно важное мѣсто въ концепціи трагедіи. Возвышеніе Годунова, мастерски сосредоточенное въ одной сценѣ, есть также элементъ *смерти*, въ его лицѣ выростаетъ та враждебная сила которая въ пятомъ актѣ убьетъ Ивана своимъ ядовитымъ взглядомъ. Двѣ первыя сцены трагедіи, въ которыхъ такъ художественно сцентрированы обѣ главныя личности, Ивана и Бориса—это двѣ точки, отъ которыхъ идутъ двѣ параллельныя линіи, до послѣдней сцены пятого акта.

Но еще въ первомъ актѣ, вслѣдъ за припадкомъ покаяннаго самообличенія, характеру Грознаго царя авторъ даетъ чрезвычайно тонкое и глубоко продуманное развитіе. Какою психическою правдой, какимъ внутреннимъ трагизмомъ звучать прощическія слова Ивана, встрѣчающаго думныхъ бояре:

Бью вамъ челомъ, бояре!
 Довольно долго совѣщались вы.
 Но наконецъ вы приговоръ вашъ думный
 Постановили, а конечно мнѣ
 Преемника назначили такого
 Которому не стыдно сдать престолъ?
 Овъ безъ сомнѣнья родомъ знаменитъ?
 Не меньше насъ? умомъ же, ратнымъ духомъ,
 И благочестіемъ и милосердіемъ
 Насъ и получше будетъ?—Ну, бояре?
 Предъ кѣмъ я доложу прекалнмъ колѣно?
 Предъ кѣмъ пасть ницъ? Передъ тобой ли, Шуйскій?
 Или предъ тобой, Мстиславскій? Или, быть-можетъ,
 Передъ тобой, бояринъ нашъ Никита
 Романовичъ, враговъ моихъ заступникъ?
 Отвѣтствуйте, я жду!

И когда Годуновъ объявляетъ что бояре не нашиа никого достойнымъ занять престолъ, и бьютъ ему челомъ чтобъ овъ полпрежнему правилъ ими, Иванъ *долго молчитъ*. Въ этомъ долгомъ молчаніи чувствуется и подозрительная радость, и сомнѣніе въ искренности приговора, и внутренняя потребность скрыть свои чувства и найти предлогъ къ новому капризу тираническаго сердца:

Такъ вы меня принудить положили?
 Какъ пѣвчика связавъ меня, хотите
 Неводей на престола удержатъ?
 Должно-быть, вамъ мои припауса бармы
 Не по плечу? Вы тягость государства
 Хотите снова на меня взвалить?
 Омо де такъ сподручлѣй?

Здѣсь не мѣсто слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ трагедіи, достоинства которой уже достаточно оцѣнены если не критикой, то самою публикой. Но нельзя не указать на тѣ высокія, такъ-сказать, центральныя мѣста въ ней, благодаря которымъ это произведеніе навсегда останется въ числѣ образцовыхъ въ русской литературѣ. При необычайной простотѣ дѣйствія, представляющей какъ бы развитіе только одного трагическаго момента, интересъ пьесы главнымъ образомъ сосредоточенъ на художественномъ воссозданіи двухъ историческихъ характеровъ. Соблюдая всѣ необходимыя сценическія условія, не чуждаясь даже законныхъ театральныхъ эффектовъ (къ таковымъ принадлежатъ, напримѣръ, появленіе на Замоскворѣдской площади Григорія Годунова на конѣ, въ четвертомъ актѣ, и пляска скомороховъ предъ умершимъ царемъ въ пятомъ актѣ), авторъ не разбрасываетъ, не раздвигаетъ безъ нужды дѣйствія, а напротивъ старается какъ можно болѣе сосредоточить его на полнѣйшей вырисовкѣ двухъ главныхъ лицъ, единственныхъ дѣйствующихъ захваченнаго трагическаго момента. И можно сказать безо всякой натяжки что каждый новый выходъ Грознаго царя и Бориса, почти каждое слово ими произносимое, служатъ къ полнѣйшей и рельефнѣйшей ихъ характеристикѣ. Все обдуманно, соображено, все ведетъ къ главной художнической цѣли, все полно красокъ и свѣжей историчности. Такова, напримѣръ, сцена между Борисомъ и царемъ во второмъ актѣ, гдѣ Годуновъ пытается отговорить царя отъ брака съ Англійскою принцессой, и гдѣ царь отвѣчаетъ ему надменно:

Не на день я, не на годъ устрою
 Престолъ Руси, но въ долготу вѣковъ;
 И что вдали провижу я, того
 Не видѣть вамъ куринымъ вашимъ окомъ!
 Тебя же, знай, держу лишь для того
 Что ты мою вершину исправно воюю;
 А въ томъ и вся твоя заслуга.

Таковы также превосходныя сцены третьего акта, гдѣ Грозный царь, сначала въ разговорѣ съ Годуновыми, потомъ съ царицей и Захарьимины, и наконецъ съ посланцемъ короля Польскаго Гарабурдой обнаруживаетъ капризную энергію, заключающую въ себѣ признаки чего-то близкаго къ помѣшательству, и заставившую его воскликнуть въ дикомъ гнѣвѣ при извѣстіи о пораженіи русскихъ войскъ:

Другъ гонцы!

Повѣстятъ икъ! Смерть всякому кто скажетъ
 Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
 Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ
 Должна прійти! И вывъ же молебны
 Побѣдныя служить по воѣмъ церквамъ!

Таковы въ особенности удивительныя по силѣ и по тонкости психическаго анализа сцены четвертаго акта, гдѣ Иванъ, послѣ бесѣды съ волхвами, заставляетъ Бориса читать синодикъ о невинно избѣенныхъ имъ людяхъ, и получивъ извѣстіе о пожарѣ дворца въ слободѣ, въ который среди зымы ударилъ громъ, испытываетъ припадокъ смертнаго ужаса. Очамъ его представляется страшный призракъ убитаго въ томъ дворцѣ сына. „Что это было?“ восклицаетъ онъ—

Борисъ, оставь, оставь теперь синодикъ,
 Мы послѣ кончимъ! Слышите? Что тамъ
 Скребеть въ подпольѣ? Слышите? Еще!
 Еще! Все ближе! Да воскреснетъ Богъ!
 Я царь еще! Мой срокъ еще не миновалъ!
 Я царь еще—покаяться я властенъ!
 Ирина, Федоръ, Марья! Станьте здѣсь—
 Другъ подай друга. Ближе, такъ, бояре!
 Всѣ рядомъ станьте здѣсь передо мной—
 Чего боитесь? Ближе! Я у всѣхъ (кажется въ землю)
 У всѣхъ у васъ прощенія прошу!

По своей деспотической натурѣ, онъ и на это покаянное сокрушеніе о грѣхахъ своихъ смотритъ съ точки зрѣнія самовластья, и когда Шуйскій замѣчаетъ что ему ли, государю, у рабовъ своихъ просить прощенія.—„Молчи холодъ!“ восклицаетъ Грозный царь—

Я каяться и унижаться властенъ
 Предъ кѣмъ хочу!

Затѣмъ слѣдуетъ извѣстная сцена со скимникомъ, послѣ которой царь, вновь чувствуя близкій конецъ свой и полу-

чая новыя тревожныя вѣсти о приближеніи Крымскаго хана, приказываетъ снарядить пословъ къ Баторію чтобы култить миръ съ нимъ цѣною неслыханныхъ уступокъ. Напрасно возмущенные бояре предлагаютъ ему пожертвовать своими головами и достояніемъ чтобы спасти Русь отъ такого униженія—царь гордо возражаетъ имъ:

Когда,

Мои грѣхи предъ смертью искупая,
Я унижаюсь—я, владыка вашъ—
Тогда не вамъ о вашей чести думать!
Ни слова бодрѣ! Шуйскій! ты къ разсвѣту
Мнѣ грамоту къ Батуру изготовишь,
А Пушкину съ товарищи веаишь
Чтобы чѣмъ свѣтъ они собирались вѣять;
Чтобы они въ своихъ переговорахъ
Веаи себя смиреннѣ, кроткѣ, тихо,
Чтобы смириаи брашь и оскорбляемя
Безропотнѣ—чтобъ все смириаи—все!

Новыя возраженія и ропотъ бояръ приводятъ его въ бѣшенство; онъ шатается, и поддерживаемый Годуновымъ, поворачиваетъ свой наказъ:

Подъ страшной смертной казнью,
Пословъ, не медея, снарядите! Веаѣтъ имъ
Чтсбъ все смириаи—все терпѣаи—все—
Хотѣ-бъ лобои! Всеже Всемогущій!
Ты своего помазанника видишь—
Достаточно-ль униженъ онъ теперь?

Въ пятомъ актѣ мы видимъ уже полное развитіе трагическаго момента составляющаго піесу. Годуновъ дождался того „Кирилина дня“, когда по предсказанію волхвовъ долженъ умереть Грозный царь. Онъ безпокоенъ, его смущаетъ что недугъ царя, вопреки предсказанію, облегчился именно къ этому дню; онъ зоветъ волхвовъ чтобы они разсвѣали его тревогу, но темныя прорицанія ихъ повергаютъ его еще въ большій мракъ. Семь лѣтъ царствованія предсказаны ему, но неизвѣстно близокъ или далекъ этотъ день, и неизвѣстно кто эти три противника стоящіе прелютствіемъ на его честолобивомъ путѣ. Въ смятеніи обращается онъ къ царскимъ врачамъ, полагая узнать отъ нихъ что-либо болѣе опредѣленное о силахъ царя. Якоби говоритъ что самое главное—удалить отъ царя всякое потрясеніе и волненіе.

Вы труднее условье положили
 Для исцѣленья царскаго недуга—
 отвѣчаетъ Борисъ, и оставшись одинъ, добавляетъ:
 Я больно ошибаюсь,
 Иль многое рѣшится въ этотъ день!

Слѣдуетъ заключительная картина трагедіи, гдѣ является та *смерть*, которая и есть главный, хотя и невидимый, герой пьесы. Царь чувствуетъ себя въ этотъ день бодрѣ чѣмъ былъ въ послѣднее время, къ нему возвращается надежда жизни—подозрительная, призрачная надежда, прерываемая ежеминутно возвращающимся страхомъ и сомнѣніемъ. Бюто не помнить этой тонко выдержанной сцены пререканія съ боярами, на пожеланія которыхъ царь подозрительно восклицаетъ:

Да развѣ я еще
 Не исцѣленъ? что вы сказать хотите?
 Я развѣ боленъ? Соанце ужъ заходить,
 А я теперь бодрѣй чѣмъ утромъ былъ,
 И проживу довольно лѣтъ, чтобъ царство
 Устроить вновь!

Царь успокоивается на короткое время и садится играть съ Бѣльскимъ въ шахматы. Входитъ Годуновъ, и на вопросъ Ивана—что говорятъ волхвы?—передаетъ ихъ отвѣтъ: что ихъ наука достовѣрна, и что Кириллинъ день еще не миновалъ. Царь испытываетъ при этомъ отвѣтѣ то потрясеніе, отъ котораго велѣлъ охранять его Якоби; въ неподвижномъ, ядовитомъ взглядѣ Бориса онъ читаетъ *смерть*.

Мы только привели читателю на память главнѣйшія сцены трагедіи, и въ выборѣ этихъ сценъ сошлись съ г. Куррьеромъ, который въ своей *Histoire de la littérature contemporaine en Russie* указываетъ на нихъ также какъ на наиболѣе замѣчательныя. Скажемъ кстати что французскій авторъ считаетъ *Смерть Иоанна Грознаго* „безспорно одной изъ лучшихъ драмъ написанныхъ для русской сцены“. Онъ сравниваетъ ее съ историческими драмами г. Островскаго и находитъ что въ ней „характеры представляютъ болѣе глубины, а портретъ царя Ивана—этой столь сложной съ психологической точки зрѣнія фигуры—нарисованъ съ совершенствомъ подробностей съ какимъ никто еще не могъ сравняться“. Трагедія эта заслуживаетъ болѣе полной критической оцѣнки, къ которой мы быть-можетъ еще возвратимся; въ настоя-

щей же бѣглою замѣткѣ мы хотѣли только возобновить въ памяти читателя тѣ художественныя впечатлѣнія которыя онъ безъ сомнѣнія не разъ испытывалъ за чтеніемъ поэтическихъ произведеній графа Толстаго.

Смерть Иоанна Грознаго, какъ извѣстно, составляетъ только первую часть драматической трилогіи. За нею слѣдовали драмы: *Царь Ѳеодоръ Иоанновичъ* и *Царь Борисъ*, на которыхъ мы здѣсь не будемъ останавливаться, такъ какъ онѣ не представляютъ дальнѣйшаго шага въ развитіи авторскаго дарованія. Повидимому, новый подъемъ обнаружилъ графъ Толстой въ драмѣ *Посадникъ*, надъ которою онъ работалъ въ самое послѣднее время жизни и которая къ вѣчному сожалѣнію осталась неоконченною. Пока это посмертное произведеніе еще не увидѣло свѣта, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь отзывъ о немъ одного изъ присутствовавшихъ на зазданіи въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности посвященномъ памяти графа Толстаго—пользуясь отчетомъ помѣщеннымъ въ № 290 *Московскихъ Вѣдомостей*. Изъ этой выдержки читатели познакомятся отчасти и съ самымъ содержаніемъ недооконченнаго произведенія, скорѣе обнаруженіе котораго составляетъ долгъ близкихъ къ покойному поэту людей:

„Чтеніе лирическихъ произведеній графа заключено было его драмой, присланною для Общества въ рукописи, *Посадникъ*. Читавшій, дѣйствительный членъ Общества П. А. Безсоновъ, въ краткихъ словахъ обрисовалъ предварительно ту злоху или, лучше, тѣ краткіе, но тяжкіе для Новгородской жизни часы которые взяты авторомъ для воспроизведенія: когда, обложенный грозною осадой Суздальской и Низовой земли, великій и старый городъ раздираемъ былъ внутри гражданскими партіями и разгаромъ личныхъ страстей. „Свѣжая могила (прибавилъ читавшій) унесла отъ насъ айну послѣдней развязки, многія краски лицъ и характеровъ, едва только выступавшихъ на сцену въ бѣгломъ очертаніи, а вмѣстѣ скрыла не рѣдко и самое *выраженіе* лицъ, и *тонъ рѣчей ихъ*. Въ этомъ отношеніи остается ивогда обращаться при чтеніи къ догадкамъ и особенно къ тѣмъ личнымъ воспоминаніямъ которыя оставилъ по себѣ авторъ въ средѣ сочленовъ; всѣ помнятъ, конечно, и какъ смотрѣлъ онъ самъ на древнія историческія лица, и какъ передавалъ ихъ рѣчи въ чтеніи...“ Слушателямъ драмы представились за сими рядами ярко изображенныхъ героевъ и героинь, поставленныхъ въ самое драматическое положеніе: строгія черты женскихъ новгородскихъ типовъ; гордая, непреклонная и възыскательная вдова стараго посадника, боярыня Мамелова; покорная, сосредоточенная на счастіи мужа и семьи,

жена посадика Глѣба; любящая, вся проникнутая самоотверженіемъ Наталья, „вищая духомъ“, какъ отзывались о ней вокругъ, и которой обѣщала прощеніе грѣховъ отецъ духовный „за простоту ея и милостивость“, — Наталья, до самозабвенія преданная любимому и вынужденная на тяжкое преступленіе противъ него ради спасенія жизни брату. Уловить и перенести на живую сцену черты такихъ женскихъ характеровъ изъ древней русской жизни требовалось большое искусство, а придать имъ значеніе политическое въ тяжкія минуты Новгорода, для этого нужна была рука писателя опытнаго. Можно сказать что съ типами мушкетъ художнику было легче обойтись: за то характерамъ ихъ, весьма естественнымъ и историческимъ для Новгорода, онъ сумѣлъ придать особенный драматизмъ постановки. Впереди всѣхъ, разумеется, стоитъ самъ посадникъ, но имени котораго драма, Глѣбъ Миронычъ: строгій до суровости, неутомимый въ податяхъ и कराхъ, предметъ всеобщаго уваженія и страха, онъ погруженъ весь въ одну историческую задачу Новгорода, а за нею какъ бы не видить личныхъ проступковъ, слабостей и даже пороковъ частной дѣятельности въ окружающихъ лицахъ, — онъ свисходителемъ къ нимъ и выше предразсудковъ; въ минуты опасности, жертвуя для нея собственною гражданскою честью, за себя не страшась ничего въ мірѣ и открывая совѣсть Единому Богу, онъ въ то же время дрожитъ голосомъ, видя опасность молодаго воеводы, и на бородѣ его Новгородцы съ изумленіемъ указываютъ капающія слезы; конечно никого въ жизни не молившій крокъ Бога, онъ молить однакоже младшаго боярина какъ отецъ сына:

„Бояринъ Черныи!..

На волосѣ повисла воля наша!
Тобой однимъ лишь Новгородъ стоитъ!
Когда тебя убьютъ или захватятъ,
Въ разбродъ какъ разъ судьямъ пойдетъ.
И легкая добыча будетъ князю...
Не забывай что ты Святой Софїи
И щить, и стягъ; и что друзья княжи
Въ самихъ стѣнахъ Новгородскихъ ищутъ
Тебя избить... Въ опасность не хоти
Пускаться даромъ!..

„Наконецъ, это лицо, привыкшее къ почету вокругъ, вынуждено трагическимъ оборотомъ дѣлъ признать себя предъ всѣми, на вѣчѣ, *воромъ*, просить о немедленномъ приговорѣ себѣ и идти изъ дорогой отчизны въ ссылку. Другой, за нимъ слѣдующій, бояринъ Черныи, образецъ пылаго и своевольнаго героя-повольника, который „живетъ въ Новгородѣ *всезелъ*“, пока не ударилъ часъ его, призваншій стать стражемъ роднаго города: и въ эту самую критическую минуту, любимая Наталья, для которой онъ отважно отдалъ себя въ лицу злымъ пересудамъ, вынужденнымъ преступле-

нѣмъ лишаетъ его самаго дорогаго — воинской чести, чести воеводской. Прочія лица, представители то молодой новгородской удали, то интригъ политической партіи, хотя всѣ изображены очень рельефно, но нельзя сказать чтобы вполнѣ оригинальны: ихъ можно вездѣ встрѣтить, и въ нашей древней Руси, и въ творчествѣ ей посвященномъ. Слѣдуетъ только повторить что *все они безъ исключенія* поставлены въ драматическое положеніе тою или другою ситуациею. Можно бы еще прибавить что, такъ - сказать, въ произведеніи *слишкомъ много завязки*, и еслибы другими олытами соотечественники не были увѣрены въ высококомъ талантѣ покойнаго, можно бы усумниться на сколько удачно успѣлъ бы онъ все это развязать. Несомнѣннымъ остается одно: драматизмъ необыкновенно глубокъ, и *движеніе драматическаго дѣйствія чрезвычайно быстро*. Лица, такъ - сказать, не приостанавливаются ни на минуту и не задерживаютъ собою сцены: говоря они дѣйствуютъ, дѣйствуя — слышно поступаютъ впередъ къ развязкѣ, и дѣйствіе не описывается, не повѣствуется, а неудержимо силой вещей совершается. Съ этой стороны, сравнивая предыдущія драмы автора, всякій сознается что онъ далеко ступилъ впередъ въ творчествѣ, и *Посадникъ* есть *лучшее* изъ его *драматическихъ* произведеній. При всемъ томъ что оно не окончено, что самъ авторъ, повидимому, ради указанныхъ причинъ, медлитъ развязкой, и что, наконецъ, чтеніе драмы продолжалось около *двухъ часовъ*, до одиннадцати вечера, судя по всѣмъ отзывамъ слышавшихъ, впечатлѣніе на нихъ произведенное было глубоко, цѣльно и полно.

Съ грустнымъ чувствомъ мы начали эту замѣтку, и съ грустнымъ чувствомъ ее кончаемъ. Ряды нашихъ поѣтовъ рѣдѣютъ. Смерть преждевременно пресѣкла эту прекрасную жизнь, полную свѣтлаго служенія искусству. Говоримъ преждевременно, потому что графъ Алексѣй Константиновичъ находился еще въ зрѣломъ расцвѣтѣ силъ и былъ полонъ творческаго огня. Въ головѣ его роились плавы и образы, онъ былъ наканунѣ самыхъ серьезныхъ и плодотворныхъ вдохновеній. Одинъ изъ старѣйшихъ представителей нашей литературы говорилъ намъ что послѣднія письма къ нему графа Толстаго, наполовину наполненныя стихами, поражали избыткомъ творчества, бывшего черезъ край даже въ простой дружеской перепискѣ... Кто знаетъ сколько прекрасныхъ созданій зрѣлаго вдохновенія безвозвратно унесла могила!

А.

При семъ № предлагается особое объявленіе о подпискѣ на ВСЕ-
МІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ и МОДНЫЙ СВѢТЪ.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТЪ МАТ-ФЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗНИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ

НАЧАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

ВЪ ОБЪЕМЪ ГИМНАЗИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.

Профессора И. ЛЮБИМОВА.

Съ 730 полнотипажамы въ текстѣ, задачами, репетиторіумомъ и вопросамъ для упражненій.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, включенъ въ число РУКОВОДСТВЪ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Можно получать въ Конторѣ Университетской Типографіи въ Москвѣ и у книгопродавцевъ.

ФОРМЫ ВОДЫ
ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ,
ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ.

ДЖОНА ТИНДАЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Съ полнотипажамн въ текстѣ.

Цѣна 1 рубль.

Переводъ *Русскаго Вѣстника*, съ исправленіями.

Складъ въ Университетской Типографіи, на
Страстномъ Бульварѣ, въ Москвѣ.

1го ноября вышла и раздается гг. подписчикамъ ноябрьская
(11я) книжка

ежемесячнаго историческаго иллюстрированнаго сборника

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ.

Содержаніе ея слѣдующее:

Текстъ. I. Царь Алексѣй Михайловичъ и его время. 1629—1675. Правописательный очеркъ. Гл. V и VI. *М. Д. Хлырова*.—II. Симеонъ Полоцкій. Историко-литературный очеркъ. Гл. VI и VII. *Л. Н. Майкова*.—III. Очерки Восточной Сибири. IV. Тулки. *П. А. Ровинскаго*.—IV. О подложности известнаго письма Петра Великаго съ береговъ Прута въ Сенатъ, отъ 10го іюля 1711 года. *Ф. А. Витберга*.—V. Записка о Факеродтѣ. Проф. *А. Г. Брикнера*.—VI. Нѣсколько словъ о положеніи нашихъ археологическихъ памятниковъ.—VII. Записка Француза о Москвѣ въ 1774 году. *Д. Н. Дмитриева*.—VIII. Критика и библиографія. Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изсѣдованіе *А. Невелева*. Спб. 1875 г. *Б. Гнъ*.—IX. Сказка о женскомъ ханствѣ. Отрывокъ изъ записной книжки. *Н. И. Каразина*.—X. Свѣдѣнія о пребываніи графа *П. А. Толстаго* въ ссылкѣ.

Рисунокъ. 1. Патріархъ Никонъ.—2. Стольникъ *П. И. Потемкинъ*.—3. Приемъ посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.—4. Бурятскія юрты въ долинѣ р. Иркуты.

Въ будущемъ 1876 году сборникъ *Древняя и Новая Россія* будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ какъ и въ текущемъ году, но безъ предварительной цензуры.

Сборникъ *Древняя и Новая Россія* выходитъ ежемесячно книжками въ размѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ большаго формата, in 4^о, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками въ приложеніи, такъ что по окончаніи года составитъ три большіе тома въ 140—150 печатныхъ листовъ, съ 40—50 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромофотографіями.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ сборника, 12 книгъ, безъ доставки 12 р., съ доставкой 12 р. 50 к., съ пересылкой 13 р. 50 к.

ПОДПИСКА НА 1876 ГОДЪ ОТКРЫТА.

Подписывающіеся на выѣшній годъ получаютъ немедленно вышедшіе II нумеровъ сборника.

Котора сборника помѣщается на Невскомъ, рядомъ съ Пассажемъ, домъ № 46, при типографіи и хромофотографіи издателя *В. И. Граціанскаго*. 11.800.

Сего 1го ноября вышла и разслана подписчикамъ
XI, НОЯВРЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи Калнишевскій. — II. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго. — III. Екатерина II въ собственноручныхъ ея письмахъ и повелѣніяхъ. — IV. Цензура въ Россіи при императорѣ Павлѣ, 1797—1799 гг. — V. В. Н. Каразинъ, Основаніе Харьковскаго университета. (Окончаніе). — VI. Новыя данныя къ характеристкѣ М. Л. Магницкаго, 1829—1834 гг. — VII. А. Н. Сѣровъ: очерки и замѣтки о музыкѣ. — VIII. М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій. — IX. Моя трудовая жизнь, разказъ академика гравера Л. А. Спрыкова. (Окончаніе). — X. Карлъ Андреевичъ Шильдеръ на Дунаѣ въ 1854 году. — XI. На Вислѣ и Дунаѣ, въ Одессѣ и Севастополѣ, 1853—1855 гг., очерки очевидца. — XII. Штурмъ Малахова кургана 27го и 28го августа 1855 года, разказъ г. Константинова. — XIII. Листки изъ записной книжки „РУССКОЙ СТАРИНЫ“. — XIV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

Приложенія. I. Залиски о Россіи Манштейна, переводъ съ французской подлинной рукописи автора, часть вторая, событія 1741—1743 гг. — II. Рисунки рѣдкихъ медалей: императоръ Іоаннъ Антоновичъ и цесаревна Елисавета Петровна, 25го ноября 1741 года.

Отпечатано и поступило въ продажу третье изданіе перваго года РУССКОЙ СТАРИНЫ, т. е. 1870 годъ, въ трехъ томахъ 2.700 страницъ, съ двумя гравированными портретами, шестидесятью рисунками и снимками. Цѣна восемь рублей съ пересылкой.

Открыта подписка на РУССКУЮ СТАРИНУ 1876 года (седьмой годъ изданія). Цѣна за 12 книгъ съ портретами русскихъ достопамятныхъ людей, гравированными на мѣди, съ рисунками, снимками и пр. приложеніями восемь рублей съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — у Базулова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подлищиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію РУССКОЙ СТАРИНЫ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12. 11.776.

готовствомъ. Хотя онъ ничего не говорилъ ей, но она знала что въ послѣдній мѣсяцъ охотничьяго сезона онъ охотился ежедневно. Она знала также что онъ держалъ лошадь въ Лондонѣ. Она видала его только разъ въ день, около полудня, когда онъ лежалъ еще въ постели, и знала что онъ проводилъ ночи въ своемъ клубѣ. Она знала также что онъ играетъ, а игра по ея мнѣнiю была самымъ опаснымъ развлеченiемъ. Но съ другой стороны, она знала что у него были деньги и что два или три торговца, отличавшіеся особою способностью надобѣдать своимъ должникамъ, перестали посылать ей квартиру и она утѣшала себя мыслью что до сихъ поръ игра его была удачна. Но не это было причиной ея торжества. Судя по всему что она слышала, она считала весьма вѣроятнымъ что Феликсъ добьется руки Мери Мельмотъ. Еслибъ это случилось, какимъ благословеннымъ словомъ былъ бы онъ для нея! Какъ охотно прощала бы она въ своемъ торжествѣ его пороки, его долги, его игру, его поздня возвращенiя домой, его безсердечное обращенiе съ нею! Это былъ бы такимъ счастиемъ что она едва вѣрила чтобъ оно могло осуществиться. Она слышала что десять тысячъ фунтовъ годового дохода меньше на что можетъ разчитывать въ началѣ будущій мужъ Мери Мельмотъ, но что со временемъ онъ по всей вѣроятности будетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Англіи. Въ сокровеннѣйшей глубинѣ души леди Карбери боготворила богатство, но она мечтала о немъ боѣе для сына чѣмъ для себя. Съ богатства мечты ея переходили на графскій титулъ и она приходила въ упоенiе отъ будущихъ успѣховъ молодого человека пороки котораго едва не погубили его самого и ее вмѣстѣ съ нимъ.

Былъ у нея и другой поводъ къ торжеству, доставившій ей большое утѣшенiе, какъ ни безразсудно было торжествовать по такому поводу. Она узнала что сынъ ея былъ назначенъ директоромъ компаніи Меккенканской желѣзной дороги. Она должна была понимать и конечно понимала что сэръ-Феликсъ не могъ оказать никакихъ услугъ какой бы то ни было компаніи. Она понимала что для такого назначенія была какая-нибудь тайная и неблаговидная причина. Двадцатипятилѣтній молодой баронетъ, каждый часъ жизни котораго съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался самостоятельнымъ былъ омраченъ пороками и безразсудствомъ, который своимъ

поведеніемъ далъ друзьямъ своимъ полное право считать его за человѣка безъ всякихъ правилъ — на что могъ быть годенъ такой человѣкъ въ качествѣ директора компаніи? Рѣшительно ни на что. Но вполнѣ сознавая это, леди Карбери тѣмъ не менѣе не была нисколько шокирована его избраніемъ. Она могла теперь сказать хоть что-нибудь въ его пользу и она не замедлила сообщить эту новость по почтѣ Роджеру Карбери. Сынъ ея засѣдалъ за однимъ столомъ съ Мельмотомъ! Скольکو успѣховъ въ будущемъ предвѣщало это молодому человѣку!

Фискеръ, какъ читатель можетъ-быть припомнить, уѣхалъ изъ Лондона въ субботу, 19го апрѣля, простившись съ сэръ-Феликсомъ въ клубѣ около семи часовъ утра. Въ этотъ день леди Карбери не удалось повидаться съ сыномъ. Она входила въ его спальню въ полдень и въ два часа полудни, и оба раза застаивала его спящимъ. Когда же она пришла къ нему въ третій разъ, его уже не было. Но въ воскресенье она поймала его.

— Надѣюсь, сказала она, — что ты будешь дома во вторникъ вечеромъ.

До сихъ поръ ей еще никогда не удавалось уговорить его удостоить своимъ присутствіемъ ея вечера.

— Весь вашъ народъ соберется. Это такъ скучно, матушка.

— Я жду Madame Мельмотъ и ея дочь.

— Какимъ гаульцомъ смотреть человѣкъ когда ухаживаетъ въ своемъ собственномъ домѣ! Всякій видитъ что все это подстроено заранее. И какая у насъ жалкая квартира!

Послѣ этого леди Карбери рѣшилась высказаться.

— Ты просто безумный, Феликсъ, сказала она. — Я ужъ давно отказалась отъ надежды что ты можешь сдѣлать что-нибудь для моего удовольствія. Я вѣнчаю жертвою для тебя и даже не разчитываю на благодарность. Но когда я дѣлаю для тебя все что могу, когда я работаю дни и ночи чтобъ избавить тебя отъ гибели, ты долженъ помочь мнѣ хотя немного. Не для меня, конечно, а для самого же себя.

— Я не понимаю надъ чѣмъ вы работаете дни и ночи. Я вовсе не желаю чтобъ, вы работали дни и ночи.

— Есть ли въ Лондонѣ хотя одинъ молодой человѣкъ который не думалъ бы объ этой дѣвушкѣ, а ты имѣешь больше шансовъ на успѣхъ чѣмъ кто-либо изъ нихъ. Я слышала

что Мельмоты проведутъ Троицынъ день въ деревнѣ, и что Мери должна встрѣтиться тамъ съ лордомъ Ниддерделемъ.

— Она не терпитъ Ниддерделя. Она сказала это мнѣ сама.

— Однако она поступитъ такъ какъ ей прикажутъ, если только до тѣхъ поръ не влюбится въ кого-нибудь. Почему бы тебѣ не сдѣлать ей предложеніе въ этотъ вторникъ?

— Если я когда-нибудь сдѣлаю предложеніе, то сдѣлаю его когда мнѣ вздумается и гдѣ мнѣ вздумается. Я не хочу чтобы меня понукали.

— Но если тебя не будетъ дома когда она пріѣдетъ сюда, тебѣ не увѣрить ее что ты дѣйствительно ее любишь.

— Люблю ее! Что можетъ быть скучнѣе всей этой возни съ любовью? Хорошо, а загаваю домой во вторникъ вечеромъ. Въ которомъ часу начнется кормленіе звѣрей?

— Никакого кормленія не будетъ. Феликсъ, ты такъ безсердеченъ, такъ жестокъ что я иногда рѣшаюсь предоставить тебя самому себѣ и никогда не говорить съ тобой ни слова. Мои друзья соберутся около десяти и пробудутъ часовъ до двѣнадцати. Ты долженъ придти чтобы встрѣтить ее не позже десяти.

— Хорошо, я приду если успею къ этому времени проглотить свой обѣдъ.

Однако онъ успѣлъ не только проглотить свой обѣдъ, но и выпить стаканъ коньяку, выкурить сигару и можетъ-быть даже поиграть на билліардѣ, и въ половинѣ одиннадцатаго явился въ гостиную своей матери. Madame Мельмотъ и дочь ея уже пріѣхали. Было много и другихъ гостей, и большинство ихъ принадлежало къ литературной профессіи. Въ числѣ ихъ былъ и мистеръ Альфъ, разсуждавшій въ эту минуту съ мистеромъ Букеромъ о книгѣ деди Карбери. Несмотря на уничтожающую статью *Вечерней Каведры* мистеръ Альфъ былъ принятъ хозяйкой дома очень любезно. Деди Карбери встрѣтила его тѣмъ энергическимъ рукопожатіемъ какимъ обыкновенно привѣтствовала своихъ литературныхъ друзей и бросила на него взглядъ простодушной укорицы какъ будто спрашивая какъ у него хватило духу быть столь жестокимъ къ такому кроткому, беззащитному, невинному созданию какъ она.

— Я не могу терпѣть этого, говорилъ мистеръ Альфъ мистеру Букеру.— Это цѣлая регулярная система плутовства, и я намѣренъ уничтожить ее.

— Если у васъ хватить силъ на это, сказалъ мистеръ Букеръ.

— Я думаю что хватить. Во всякомъ случаѣ у меня хватить силъ чтобы показать что я не боюсь сдѣлать первый шагъ на этомъ пути. Я питаю величайшее уваженіе къ хозяйкѣ этого дома, но ея книга дурная, въ высшей степени вредная книга. Это беззащитная компиляція изъ полудюжины извѣстныхъ сочиненій, и воруетъ изъ нихъ леди Карбери постоянно ложно перетолковывала факты и перепутывала числа. Она писала мнѣ и просила сдѣлать для нея все что я могу. Я сдѣлалъ все что могъ.

Мистеръ Альфъ зналъ отлично что сдѣлалъ съ своей стороны мистеръ Букеръ, а мистеръ Букеръ зналъ насколько это было извѣстно мистеру Альфу.

— Все это прекрасно, сказалъ мистеръ Букеръ,—но чтобы поступать такъ, надо жить въ другомъ мірѣ.

— Вы правы, и поэтому мы должны передѣлать міръ въ которомъ живемъ. Желалъ бы я знать что чувствовалъ нашъ другъ Броунъ когда его критикъ объявилъ что *Преступныя Королевы* величайшій историческій трудъ нашего времени.

— Я не видалъ этой статьи. Книга леди Карбери конечно ничтожна, судя по тому что я успѣлъ просмотрѣть въ ней. Мнѣ кажется что она недостойна ни сильнаго порицанія, ни сильнаго одобренія. И что за охота казнить бабочку, въ особенности дружескую бабочку?

— По моему мнѣнію дружба должна быть въ такихъ случаяхъ ни при чемъ. И съ этими словами мистеръ Альфъ удалился.

— Я никогда не забуду того что вы сдѣлали для меня, прошептала леди Карбери, взявъ руку мистера Броуна.

— Я сдѣлалъ только должное, отвѣчалъ онъ улыбаясь.

— Надѣюсь что вы будете имѣть случай убѣдиться что женщина способна къ глубокой благодарности, прибавила она. Затѣмъ она выпустила его руку и перешла къ другому гостю. Въ томъ что она сказала мистеру Броуну была доля искренности. Къ глубокой и продолжительной благодарности она едва ли была способна, но въ эту минуту она чувствовала что онъ сдѣлалъ для нея много и что она охотно отблагодарила бы его еслибы могла. Но никакого чувства другаго рода, ни малѣйшаго полозновенія къ кокетству, ни малѣйшаго желанія поощрить человека который однажды

держалъ себя съ ней какъ влюбленнымъ, у нея не было. Она забыла его гаулюю выходку. Въ эту минуту по крайпей мѣрѣ она была слишкомъ серьезна чтобы думать объ этомъ. Не не такъ смотрѣлъ на это мистеръ Броумъ. Онъ еще не рѣшилъ была ли влюблена въ него леди Карбери или нѣтъ и если была, саждало ли ему поощрять ее. Глядя на нее когда она отходила отъ него, онъ сказалъ себѣ что она несомнѣнно красива, что фигура ея изящна, что доходъ ея вѣренъ и положеніе въ обществѣ вполнѣ прилично. Но мистеръ Броумъ зналъ что самъ онъ не былъ годенъ для женатой жизни. Онъ уже рѣшилъ что женатая жизнь неудобна при его профессіи, и теперь унылаася думая какъ невѣроятно было чтобы такая женщина какъ леди Карбери могла заставить его перемѣнить его рѣшеніе.

— Я такъ рада что вы пожаловали сегодня, сказала леди Карбери высокоумному издателю *Вечерней Клеодры*.

— Я всегда съ удовольствіемъ бываю у васъ, леди Карбери.

— Вы очень добры, но я опасаюсь...

— Чего вы опасались, леди Карбери?

— Что вы не увѣрены въ томъ что я буду рада видѣть васъ послѣ... словомъ, послѣ комплиментовъ послѣдняго четверга.

— Я никогда не смѣшиваю подобныхъ вещей, леди Карбери. Притомъ, а не воѣ эти статьи пишу самъ.

— Надѣюсь что нѣтъ. Какимъ злымъ созданиемъ были бы вы еслибы воѣ онѣ были написаны вами!

— Говоря правду, я никогда не пишу ихъ. Мы, конечно, стараемся имѣть сотрудниковъ на сужденія которыхъ можемъ положиться, и если случается что мнѣніе нашего критика противорѣчитъ литературнымъ претензіямъ одного изъ моихъ личныхъ друзей, мнѣ остается только сожалѣть объ этомъ и надѣяться что мой другъ будетъ настолько благо-разуменъ чтобы не смѣшивать меня какъ человѣка съ мистеромъ Альфомъ, издателемъ газеты.

— За эту-то увѣренность во мнѣ я и благодарю васъ, сказала леди Карбери съ любезною улыбкой. Она не повѣрила ни одному слову изъ того что сказалъ мистеръ Альфъ. Она знала что его Джонсъ получилъ самыя положительныя инструкции отъ своего издателя насчетъ отзыва о *Преступныхъ Королевствъ*. Но она собиралась писать другую книгу и

надѣялась умиловитить даже мистера Альфа благоразуміемъ и мужествомъ съ которыми она вынесетъ свое огорченіе. Леди Карбери считала себя обязанною сказать каждому изъ гостей что-нибудь пріятное и усердно исполняла эту обязанность, но въ то же время она ни на минуту не забывала о сынѣ и постаралась удалить Мери отъ матери. Мери и сама не прочь была поговорить съ сэръ-Феликсомъ. Онъ никогда не лугалъ ея, никогда, ловидимому, не насмѣхался надъ ней и притомъ былъ такъ красивъ. Залугавшая толпой ухаживателей, отуманенная жизнью въ которой ее заставляли принимать участіе, смущаемая обивчивыми цаструкціями отца, который затѣмъ иногда не обращалъ на нее никакого вниманія по цѣлымъ недѣлямъ, не довѣрившая своей мнѣшкой матери (на самомъ дѣлѣ Мери родилась еще до женитьбы отца на Madame Мельмотъ и не могла узнать ничего о судьбѣ своей родной матери), бѣдная дѣвушка пришла къ заключенію что было бы хорошо еслибы кто-нибудь увезъ ее куда-нибудь. Она пережила уже много превратностей въ своей жизни. Она еще помнила грязную улицу въ нѣмецкомъ кварталѣ Нью-Йорка, гдѣ она родилась и провела первые четыре года своей жизни, помнила жалкую страдалицу которая была ея матерью. Далѣе, она помнила переѣздъ по морю и морскую болѣзнь, но не могла припомнить сопровождала ли ее мать. Затѣмъ она бѣгала по улицамъ Гамбурга, часто въ лохмотьяхъ и голодная, и смутно помнила что здѣсь съ ея отцомъ случилась какая-то непріятность и что онъ былъ нѣкоторое время въ отсутствіи. У нея были свои подозрѣнія насчетъ этого отсутствія, но она никогда не сообщала ихъ ни одному смертному. Затѣмъ отецъ ея женился во Франкфуртѣ на ея телерешней матери. Это помнила она ясно, помнила богатую квартиру въ которую ее перевезли и то что ей сказали что съ этихъ поръ она будетъ Еврейкой. Но вскорѣ случилась новая перемѣна. Они переѣхали изъ Франкфурта въ Парижъ, и здѣсь превратились всѣ въ христіанъ. Съ этихъ поръ они жили въ различныхъ частяхъ французской столицы, но жили всегда хорошо. Затѣмъ настало время когда отецъ ея сдѣлалъ что-то особенное и возбудилъ много толковъ. До тѣхъ поръ онъ былъ въ обращеніи съ ней то калризенъ, то равнодушенъ, но не былъ жестокъ, въ это же время онъ былъ жестокъ и съ ней, и съ женой. Madame Мельмотъ часто плакала и говорила что они разорились. Затѣмъ они внезапно зажали

необычайно роскошно. Они наняли отель съ лошадьми и экипажами, и въ ихъ роскошныхъ комнатахъ приходила тогла смуглыхъ, грязныхъ людей которыхъ принимали съ почетомъ. Въ это время Мери только-что минуло девятнадцать лѣтъ, но по наружности и манерамъ ей нельзя было дать больше семнадцати. Спустя нѣсколько времени она узнала что они переселяются въ Лондонъ, и переселеніе совершилось съ величайшею роскошью. Сначала ее привезли въ Брайтонъ, гдѣ была нанята цѣлая половина отеля, затѣмъ въ Гросвеноръ-Скверъ, гдѣ ее немедленно выставили на брачный рынокъ. Никакая эпоха въ ея жизни не была для нея такъ тяжела какъ первые мѣсяцы въ Лондонѣ, когда ее торговали Ниддерделами и Грасслоки. Она была слишкомъ робка, слишкомъ запугана чтобы возражать, но она сознавала въ себѣ желаніе принять участіе въ устройствѣ своей судьбы. Къ счастью для нея, первые торги съ Ниддерделами и Грасслоками кончились ничѣмъ, и она мало-по-малу собралась съ духомъ и начала думать что она моглабы, еслибы захотѣла, помѣшать распорядиться ея особой безъ ея согласія. Въ то же время она почувствовала что у нея могло явиться желаніе устроить свое будущее по своему.

Сэръ-Феликсъ стоялъ присловившись къ свѣтъ, а она сидѣла на стулѣ возлѣ него.

— Я люблю васъ больше всѣхъ на свѣтъ, прошелгалъ онъ настолько громко чтобы она могла слышать, и, повидимому, мало заботясь о томъ чтобы его не услышали другіе.

— О, сэръ-Феликсъ, не говорите этого.

— Вы это знали и прежде. Теперь я хочу чтобы вы сказали согласны ли вы быть моею женой.

— Могу ли я отвѣтить на этотъ вопросъ сама? Пала рѣшаетъ все.

— Могу я обратиться къ мамѣ?

— Можете если желаете, отвѣчала она тихимъ шепотомъ.

Такимъ-то образомъ богатѣйшая наследница нашего времени, богатѣйшая наследница: какаа когда-либо была на свѣтъ, если вѣрить людскимъ толканъ, согласилась выйти за человѣка не имѣвшего ровно ничего.

XII. Сэръ-Феликсъ въ домѣ своей матери.

Когда всѣ друзья ея разъѣхались, миссис Карбери оглянулась ища сына, не ожидая найти его, такъ какъ она знала его аккуратность относительно ночныхъ посѣщеній Медвѣжьяго Сада, но вмѣстѣ съ тѣмъ смутно надѣясь что въ этотъ вечеръ онъ остался чтобы сообщить ей о рѣшеніи своей участи. Она слѣдила за его объясненіемъ, она замѣтила его хладнокровную наглость, инстинктивно угадала минуту когда онъ сдѣлалъ предложеніе, видѣла робкое лицо дѣвушки, ея опущенный взглядъ, нервныя движенія ея рукъ когда она отвѣчала ея сыну. Какъ женщина понимающая такія вещи, какъ женщина которая сама была невѣстой и если не испытала любви, то мечтала о ней, она была очень недовольна манерами сына. Но если онъ имѣлъ усѣхъ, если Мери удовольствовалась любовью такъ небрежно выраженною и если великій Мельмотъ согласится принять въ обмѣнъ за свои деньги скромный титулъ ея сына, она будетъ гордиться имъ несмотря на его безсердечность.

— Я слышала какъ онъ вышелъ изъ дома еще доотъѣзда Мельмотовъ, сказала Генриетта, когда мать ея выразила намѣреніе идти въ комнату сына.

— Ему слѣдовало бы остаться дома сегодня. Какъ ты думаешь, сдѣлалъ онъ ей предложеніе?

— Могу ли я знать это, мама?

— Я думаю что ты заботаешься о братѣ. Я угадываю что онъ сдѣлалъ ей предложеніе и что она дала согласіе.

— Если такъ, надѣюсь что онъ будетъ добръ съ ней. Надѣюсь что онъ любитъ ее.

— Почему же ему не любить ея? Дѣвушка имѣющая деньги не должна быть непременно отталкивающею. Въ ней нѣтъ ничего противнаго.

— О, конечно, ничего противнаго! Но я не нахожу чтобы она была особенно привлекательна.

— А кто же особенно привлекателенъ? Я не знаю никого особенно привлекательнаго. Мнѣ кажется что ты совершенно равнодушна къ Феликсу.

— Не говорите этого, мама.

— Да, ты равнодушна къ нему. Ты не понимаешь чѣмъ

онъ могъ бы быть еслибы получилъ деньги этой дѣвушки и что ожидаетъ его если онъ не женится на дельгазъ. Онъ разоряетъ и меня и тебя.

— Я не позволила бы ему разорять насъ, мама.

— Тебѣ легко говорить это, но у меня есть сердце. Я не могу допустить чтобъ онъ умеръ съ голоду. Подумай чѣмъ онъ могъ бы быть имѣя двадцать тысячъ годового дохода.

— Если онъ женится только для этого, они едва ли будутъ счастливы.

— Не лучше ли тебѣ пойти спать, Генриетта? Ты никогда не можешь сказать мнѣ ничего утѣшительнаго.

Генриетта ушла спать, а леди Карбери просидѣла буквально всю ночь поджидаая сына. Она сходила въ свою комнату, сняла свой нарядъ и надѣла бѣлую блузу. Когда она сидѣла предъ зеркаломъ освобождая голову отъ убора изъ фальшивыхъ волосъ, она принуждена была сознаться себѣ что старость ея была близка. Хотя она владѣла искусствомъ скрывать ея неприятое приближеніе лучше многихъ женщинъ ея лѣтъ, однако старость давала себя знать и сѣдыми волосами вокругъ ушей и надъ висками, и маленькими морщинами вокругъ глазъ, легко скрываемыми съ помощью безвредныхъ косметиковъ, и утомленнымъ выраженіемъ около рта, которое можно было скрыть только съ помощью самообладанія, никогда не покидавашаго ея въ обществѣ, но часто измѣнявашаго ей когда она бывала одна.

Но она была не такая женщина чтобы приближающаяся старость могла сдѣлать ее несчастною. Ея счастье, какъ и счастье большинства изъ насъ, было впереди, никогда не достигаемое, но постоянно ожидаемое. Притомъ она не соединяла его съ любовью и съ своею наружною привлекательностью, и потому старость не могла привести ее въ отчаяніе. Она никогда не опредѣляла того что могло сдѣлать ее счастливою. Она только смутно мечтала объ общественныхъ отличіяхъ и о литературной славѣ нераздѣльной въ ея представленіи съ денежными выгодами. Но въ это время всѣ ея опасенія и всѣ надежды были сосредоточены на сынѣ. Она забыла бы о своей сѣдинѣ и о свирѣпости мистера Альфа еслибы только Феликсу удалось жениться на богатствѣ. Съ другой стороны, все что возможно было сдѣлать съ помощью жемчужной пудры или *Morning Breakfast Table* не утѣшило бы ее ни мало еслибъ ей не удалось спасти сына

отъ грозившей ему гибели. Она ошла въ столовую, гдѣ стукъ наружной двери разбудилъ бы ее есlibъ она даже заснула, и принялась ждать, съ томоу французскихъ мемуаровъ въ рукѣ.

Бѣдная женщина! Лучше было бы есlibъ она легла въ постель и встала въ свое обыкновенное время, потому что былъ уже девятый часъ когда Феликсъ подѣхалъ къ дому. Она провела ужасную ночь. Пока она дремала огонь въ каминѣ почти потухъ, и она не могла развести его опять. Она не могла сосредоточить вниманіе на книгѣ, и ей казалось что время тянулось нестерпимо медленно. Въ добавокъ ее мучила мысль что онъ играетъ въ такіе часы. Для чего ему играть когда богатство этой дѣвушки можетъ въ скоромъ времени перейти въ его руки? Надо быть безумнымъ чтобы въ надеждѣ выиграть какую-нибудь бездѣлицу, которая въ сравненіи съ состояніемъ Мери почти ничто, рисковать здоровьемъ, репутаціей и небольшими деньгами которыя такъ необходимы ему въ настоящее время. Но наконецъ онъ вернулся. Она ждала терпѣливо пока онъ смалъ пальто и шляпу, и потомъ подошла къ двери. Она заранѣе обдумала свою роль въ этомъ случаѣ. Она не скажетъ ему ни одного рѣзкаго слова и постарается встрѣтить его съ улыбкой.

— Матушка, сказалъ онъ увидавъ ее,—что это значить что вы на ногахъ въ такое время?

Лицо его было красно, и ей показалось что походка его не тверда. Она еще никогда не видала его пьянымъ, и увидеть его пьянымъ теперь ей было бы вдвое тяжеле чѣмъ въ другое время.

— Я не могла лечь въ постель не повидавшись съ тобой.

— Почему это? Что вамъ нужно отъ меня? Я хочу теперь спать. Успѣемъ поговорить послѣ.

— Не случилось ли чего, Феликсъ?

— Что же могло случиться? У насъ въ клубѣ была небольшая стычка, и ничего больше. Я высказалъ Грасслоку свое мнѣніе, и ему это не понравилось. Я и не хотѣлъ чтобы это ему понравилось.

— Надѣюсь что вы не будете драться?

— Какъ? На дуэли? Ничего столь рѣшительнаго. Но я еще не увѣренъ что кто-нибудь не поколотитъ кого-нибудь. Пустите меня спать, я едва стою на ногахъ.

— Что сказала тебѣ Мери Мельмотъ?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ онъ взявшись за ручку двери.

— А ты ей?

— Тоже ничего особеннаго. Однако, матушка, неужели вы думаете что человѣкъ способенъ говорить о такомъ вадорѣ въ восемь часовъ утра послѣ бессонной ночи?

— Еслибы ты зналъ какъ я страдаю за тебя, ты сказалъ бы мнѣ хоть что-нибудь, проговорила она умоляющимъ голосомъ, удерживая его за руку и глядя на его красное лицо и влажные кровью глаза.

Она была увѣрена что онъ лилъ въ эту ночь, она слышала это по его дыханію.

— Мнѣ конечно придется имѣть дѣло со старикомъ, отвѣчалъ онъ.

— Она сказала чтобы ты обратился къ ея отцу?

— Да, сколько мнѣ помнится, она сказала это. Мельмотъ конечно уже рѣшилъ это по-своему и десять шансовъ противъ одного что онъ откажетъ мнѣ.

И вырвавъ довольно грубо свою руку изъ рукъ матери, сэръ-Феликсъ ушелъ въ свою спальню, споткнувшись нѣсколько разъ на лестницѣ.

Такъ сама насладница дала согласіе ея сыну! Въ такомъ случаѣ бракъ по всей вѣроятности устроится. Леди Карбери была убѣждена что дочь можетъ всегда взять верхъ надъ жестокосердымъ отцомъ въ такомъ дѣлѣ, если только примется за дѣло съ мужествомъ. Но мужество дѣвочки въ такихъ случаяхъ зависитъ отъ мужества ея возлюбленнаго. Пока еще не было основанія ожидать противодѣйствія со стороны великаго человѣка. Великій человѣкъ обнаружилъ даже нѣкоторое расположеніе къ Феликсу, назначивъ его директоромъ великой американской компаніи. Въ Гросвеноръ-Скверѣ сэръ-Феликсъ былъ также принятъ дружески. Сэръ-Феликсъ былъ все же настоящій баронетъ, и такъ какъ мистеру Мельмоту не удалось купить лорда, почему ему не удовольствоваться баронетомъ? Леди Карбери полагала что сынъ ея обладалъ всѣмъ кромѣ денегъ чтобы быть желаннымъ зятемъ въ глазахъ такого человѣка какъ мистеръ Мельмотъ. Подъ деньгами она разумѣла не большія деньги, не состояніе, которое, по ея мнѣнію, при богатствѣ Мельмота было бы лишнимъ, но такія средства при кото-

рыхъ бѣдность не была бы замѣтна, которыя дали бы Феликсу возможность жить всегда такъ какъ онъ жилъ въ послѣднее время, держать верховыхъ лошадей, носить хорошее платье, кольца, красивыя тросточки и главное дѣлать подарки. Онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ казаться бѣднымъ. Въ счастію, къ великому счастію, случай помогъ ему въ послѣднее время и снабдилъ его карманными деньгами. Но если онъ будетъ продолжать играть, случай возьметъ ихъ у него назадъ и можетъ-быть уже ввѣтъ. Необходимо также чтобъ онъ отказался отъ игры хоть на то время пока его судьба зависитъ отъ хорошаго мѣнѣя Мельмота. Такой человекъ какъ Мельмотъ конечно не одобритъ игру въ клубъ, какъ бы ни одобрялъ онъ игру въ Сити. Почему бы Феликсу не воспользоваться такимъ руководителемъ и не попробовать играть на биржѣ, у маклеровъ и въ банкахъ? Леди Карбери посоветуетъ ему быть по крайней мѣрѣ предложеннымъ въ качествѣ директора Великой Мексиканской дороги. Это положеніе можетъ дать ему возможность важить собственное состояніе. Но что ждетъ его, если онъ привѣтетъ лить? Была ли бы хоть малѣйшая надежда получить согласіе Мельмота, еслибы до него дошелъ слухъ что возлюбленный его дочери вернется домой въ девятомъ часу утра и едва дошелъ до своей спальни?

Она подстерегла на слѣдующей день его выходъ изъ спальни и тотчасъ же вступила въ разговоръ съ нимъ.

— Знаешь ли, Феликсъ, я думаю отправиться на Троицынъ день къ Роджеру Карбери?

— Въ Карбери-Голль! воскликнулъ онъ, кушая почки нарочно приготовленныя для его завтрака.—Я думалъ что вамъ показалось тамъ такъ скучно что вы никогда не заглавете туда опять.

— Я никогда не говорила этого, Феликсъ. Теперь же у меня есть важная цѣль.

— Что будетъ дѣлать Гетта?

— Она конечно тоже поѣдетъ. Почему ей не ѣхать?

— Я этого не зналъ. Я думалъ что это будетъ ей непріятно.

— Не понимаю почему это можетъ быть ей непріятно. Притомъ нельзя дѣлать только то что ей пріятно.

— Роджеръ пригласилъ васъ?

— Нѣтъ, но я увѣрена что онъ будетъ радъ, если я напущу ему что мы всѣ приѣдемъ къ нему.

— Только не я, матушка.

— И ты тоже; ты главный.

— Я не поѣду. Что сталъ бы я дѣлать въ Карбери-Голлѣ?

— Madame Мельмотъ сказала мнѣ вчера что они все отправляются къ Лонгестаффамъ въ Кавершамъ и прогостятъ тамъ два три или четыре. Она говорила о леди Помолѣ какъ о своемъ хорошемъ другѣ.

— О, это понятно!

— Что понятно, Феликсъ? спросила леди Карбери, слышавшая о Долли Лонгестаффѣ и опасавшаяся что поѣздка въ Кавершамъ предпринималась съ брачными видами на этого очаровательнаго молодого наследника.

— У насъ въ клубѣ говорятъ что Мельмотъ взялся вести дѣла стараго Лонгестаффа и намѣренъ поправить ихъ. У Лонгестаффовъ кромѣ Кавершама есть имѣніе въ Суссексѣ, и говорятъ что Мельмотъ хочетъ приобрести его. Но есть небольшое затрудненіе. Долли, который готовъ сдѣлать для всякаго что угодно, не даетъ отцу согласія на продажу имѣнія. Такъ Мельмоты отправляются въ Кавершамъ?

— Я слышала это отъ Madame Мельмотъ.

— Однако Лонгестаффы самые гордые люди въ Англіи.

— Намъ слѣдуетъ быть въ Карбери пока они будутъ въ Кавершамѣ. И что можетъ быть естественнаго этого? Весь свѣтъ уважаетъ за городъ на Троицынъ день, и почему намъ не отправиться въ наше фамиліальное имѣніе?

— Все это было бы конечно очень естественно, еслибы намъ удалось устроить это, матушка.

— А ты поѣдешь?

— Если Мери Мельмотъ поѣдетъ, я пожалуй проведу тамъ одинъ сутки, сказалъ Феликсъ.

Леди Карбери подумала что съ его стороны это было большимъ снисхожденіемъ.

ХІІІ. Лонгестаффы.

Мистеръ Адольфусъ Лонгестаффъ, сквайръ Кавершама въ Суффокѣ и Пиккерингъ - Паркъ въ Суссексѣ, однажды утромъ провелъ около часа наединѣ съ мистеромъ Мельмотомъ въ Абчерчъ-Лейѣ и переговоривъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ собирався уйти съ весьма недовольнымъ видомъ.

Есть люди—и между ними пожилая люди которымъ сѣдвало бы знать свѣтъ — полагающіе что стоить имъ только найти Медею которая взялась бы проклянуть въ котѣ ихъ состояніе и оно сдѣлается опять новымъ, свѣжимъ, свободнымъ. Такихъ великихъ чародѣевъ отыскиваютъ обыкновенно въ Сити и состоянія дѣйствительно перевариваются, но результатомъ рѣдко бываетъ полное обновленіе. Больше могущественной Медеи въ финансовыхъ дѣлахъ чѣмъ мистеръ Мельмотъ трудно было найти и мистеръ Лонгестафъ былъ увѣренъ что стоить ему только заставить этого чародѣя выскнуть въ его дѣла и они непременно поправятся. Но чародѣй объяснилъ ему что посредствомъ кляченія нельзя создать что-нибудь изъ ничего. Онъ можетъ дать мистеру Мельмоту возможность пользоваться его собственностью хоть немедленно, обративъ ее изъ одного вида въ другой, онъ можетъ опредѣлить ея рыночную стоимость, но создать состояніе не можетъ.

— Вы имѣете только пожизненные права, мистеръ Лонгестафъ.

— Да, только пожизненные права. Таковъ обычай въ нашей странѣ, мистеръ Мельмотъ.

— И не можете продать вашу собственность безъ согласія вашего сына. Съ его согласіемъ вы конечно могли бы продать и то и другое имѣніе.

— О продажѣ Кавершама не можетъ быть и рѣчи, сэръ. Я и леди Помона живемъ тамъ.

— Согласится вашъ сынъ на продажу другого имѣнія?

— Я не спрашивалъ его объ этомъ прямо, но онъ никогда не соглашается на то чего я желаю. Вы не возьмете Пикерингъ-Паркъ въ аренду до моей смерти?

— Не думаю, мистеръ Лонгестафъ. Моя жена торопилась бы неизвестностью.

Послѣ этого отвѣта мистеръ Лонгестафъ простился съ чувствомъ оскорбленной аристократической гордости. Его собственный повѣренный сдѣлалъ бы для него не меньше этого, но своего повѣреннаго и тѣмъ болѣе жену и дочь своего повѣреннаго, онъ никогда не приглашалъ бы въ гости въ Кавершамъ. Впрочемъ ему удалось занять у великаго челоѣка нѣсколько тысячъ фунтовъ подъ залогъ своего лондонскаго дома и за проценты на счетъ которыхъ ему предстояло условиться съ главнымъ клеркомъ великаго челоѣка. Въ этой сдѣлкѣ утѣшительно было только то что

между спросомъ денегъ и полученіемъ ихъ не было обычнаго въ такихъ случаяхъ промежутка. Но мистеръ Лонгестафъ уже начиналъ думать что это утѣшеніе обошлось ему слишкомъ дорого. Кромѣ этого у него была и другая причина негодовать на Мельмота. Онъ свизошелъ до того что попросилъ Мельмота одѣлать его однимъ изъ директоровъ Мексиканской дороги и Мельмотъ отказалъ, отказалъ ему, мистеру Адольфусу Лонгестаффу изъ Кавершамъ. Мистеръ Лонгестафъ дошелъ до страшнаго униженія. Вы одѣлали директоромъ Альфреда Гремдола, сказалъ онъ. Мистеръ Мельмотъ отвѣчалъ что лордъ Альфредъ обладалъ особыми способностями къ этой должности. Я увѣренъ что я тоже могъ бы одѣлать что-нибудь, сказалъ мистеръ Лонгестафъ. Мистеръ Мельмотъ нахмурилъ брови и отвѣчалъ довольно рѣзко что число директоровъ уже достаточно велико. Добившись чести видѣть въ своемъ домѣ двухъ герцогинь Мельмотъ считалъ себя въ правѣ третировать свмсока человѣка безъ титула и тѣмъ болѣе того кто просилъ у него мѣста въ его конторѣ.

Мистеръ Лонгестафъ былъ высокій, грузный человѣкъ лѣтъ пятьдесятъ съ тщательно выкрашенными волосами и бакенбардами, въ тщательно сшитомъ плащѣ, съ высокимъ мѣликомъ о своей наружности. Не то чтобъ онъ считалъ себя красивымъ, но онъ гордился аристократичностью своей наружности. Онъ былъ увѣренъ что всякій знающій въ этомъ толкѣ долженъ былъ увидѣть сразу что онъ джентльменъ чистѣйшей воды и человѣкъ свѣтскій. Онъ чрезвычайно гордился своимъ положеніемъ въ обществѣ и считалъ себя несравненно выше всѣхъ кто долженъ зарабатывать свой хлѣбъ. Есть конечно нѣсколько степеней джентльменовъ, но въ Англии джентльменомъ или джентльменелемъ по его мнѣнію былъ тотъ кто владалъ землей, кто имѣлъ фамиліальне документы, фамиліальное помѣстье, фамиліальне портреты, фамиліальныя затрудненія и фамиліальную неспособность ко всякому полезному дѣлу. Онъ начиналъ даже сморгнуть свысока на перство, вслѣдствіе того что люди которыхъ онъ считалъ несравненно ниже себя были одѣланы лордами. Потерпѣвъ нѣсколько разъ неудачу на парламентскихъ выборахъ въ своемъ графствѣ онъ началъ считать принадлежность къ члену членовъ Нижней Палаты за признакъ дурнаго воспитанія. Это былъ человѣкъ ограниченный, не сознававшій

обязанности быть кому-нибудь полезнымъ, однако его правила не лишены были нѣкотораго благородства. Мало было такого что его положеніе обязывало его дѣлать, но было много такого что его положеніе запрещало ему дѣлать. Ему было непріятно быть аккуратнымъ въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ могъ не платить по счетамъ своихъ поставщиковъ пока они молчали, но онъ не могъ повѣрять точность ихъ счетовъ. Онъ могъ быть жестокимъ со своими слугами, но не могъ освѣдомляться о числѣ бутылокъ вина вылитыхъ въ людской. Онъ могъ быть безпощаднымъ со своими арендаторами въ столкновеніяхъ по поводу дичи, но онъ долго колебался прежде чѣмъ рѣшался возвысить платимую ими ренту. У него была собственная теорія жизни и онъ строго держался ея, но эта теорія не была полезна ни для него, ни для его семейства.

Въ настоящее время главнымъ его желаніемъ было продать меньшее изъ его двухъ имѣній и освободить отъ долговъ большее. Долги были сдѣланы не имъ однимъ и онъ полагалъ что такой выходъ изъ затрудненій будетъ полезенъ какъ для него, такъ и для его семейства, въ особенности для его сына, у котораго было еще третье, его собственное имѣніе, которое онъ уже успѣлъ обременить долгами. Тѣмъ не менѣе онъ сильно опасался что сынъ не согласится на продажу Пиккерингъ-Парка. Адольфу деньги нужны какъ и всякому другому, говорила леди Помона, но мистеръ Лонгестафъ отвѣчалъ что женщины ничего не смыслятъ въ такихъ дѣлахъ. Изъ конторы Мельмота онъ вышелъ грустнымъ и тотчасъ же отправился въ своемъ экипажѣ къ своему повѣренному въ Линкольнсъ-Иннъ. Даже для полученія нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ онъ долженъ былъ подвергнуться униженію сказать своему юристу что документы на его геродской домъ должны быть переданы другому. Мистеру Лонгестаффу казалось что свѣтъ былъ очень жестокъ къ нему.

— Что будемъ мы дѣлать съ Мельмотами? спросила Софи, старшая миссъ Лонгестафъ свою мать.

— Какъ не стыдно явля приглашать ихъ, сказала Джорджіана, вторая дочь.—Само собою разумѣется что я не возьму на себя труда заикать ихъ.

— Я предчувствую что вы предоставите ихъ всѣмъ мнѣ, сказала леди Помона съ утомленіемъ.

— Но для чего было приглашать ихъ? настаивала Софи.— Я понимаю что можно съѣздить къ нимъ на какое-нибудь собраніе, на которое ѣдетъ весь свѣтъ. Въ такихъ случаяхъ можно не говорить съ ними и потомъ не узнавать ихъ. Что касается дочери, я увѣрена что не узнала бы ее еслибы встрѣтила гдѣ-нибудь.

— А хорошо было бы еслибъ Адольфусъ женился на ней, сказала леди Помона.

— Долли не женится никогда, возразила Джорджіана.— Можно ли представить себѣ что онъ возьметъ на себя трудъ сдѣлать предложеніе какой-нибудь дѣвушкѣ! Если вы разчитываете на это, мама, вы ошибетесь.

— И для чего Долли жениться на такомъ созданіи? спросила Софи.

— Для того что ему какъ и всякому другому нужны деньги, отвѣчала леди Помона.— Я рѣшительно не понимаю что будетъ дѣлать теперь твой папа и почему у насъ никогда нѣтъ денегъ. Я не трачу ихъ.

— Мнѣ кажется что мы не позволяемъ себѣ ничего лишняго, сказала Софи.— Я не имѣю никакого понятія о денежныхъ дѣлахъ папа, но если мы должны жить въ свѣтѣ, я не понимаю какъ мы можемъ жить иначе.

— Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, сказала Джорджіана,— дѣла папа были всегда въ затруднительномъ положеніи и я не намѣрена больше беспокоиться объ этомъ. Я думаю что и у другихъ дѣла въ такомъ же положеніи, только это держится въ тайнѣ отъ постороннихъ.

— Однако мы дошли до того что должны приглашать такихъ людей какъ эти Мельмоты, сказала леди Помона.

— Еслибы мы не пригласили Мельмотовъ, кто-нибудь другой пригласилъ бы ихъ. Я не намѣрена больше думать о нихъ. Они вѣроятно пріѣдутъ два на два.

— На цѣлую недѣлю, душа моя.

— Такъ пусть папа покажетъ имъ окрестности, вотъ и все. Какъ это нелѣпо. Какую пользу принесутъ они папѣ тѣмъ что пріѣдутъ?

— Они необычайно богаты, сказала леди Помона.

— Но не думаю чтобъ они подѣлились съ папа своими деньгами, возразила Джорджіана.— Я можетъ-быть и ошибаюсь, но мнѣ кажется что ихъ богатству придается больше значенія чѣмъ слѣдуетъ. Если у папа не хватаетъ денегъ

чтобы жить дома, почему намъ не уѣхать на годъ за границу? Сидней Бошамъ сдѣлали это и дочери провели время во Флоренціи очень пріятно. Тамъ-то Клара Бошамъ и сошлась съ лордомъ Лиффей. Я вовсе не противъ поѣздки за границу, но сводить насъ съ такими людьми какъ эти Мельмоты, просто ужасно. Никто не знаетъ кто они, откуда они и кѣмъ они окажутся.

Такъ разсуждала Джорджіана, считавшаяся между Лонгестафами умнѣйшею головою и безспорно обладавшая самымъ злымъ языкомъ. Разговоръ происходилъ въ гостиной фамилнаго дома Лонгестаффовъ въ Бротонъ-Стритѣ. Этотъ домъ не могъ быть названъ ни въ какомъ отношеніи пріятнымъ домомъ. Въ немъ не было тѣхъ удобствъ и украшеній которыя введены въ послѣднее время въ постройку лондонскихъ резиденцій. Онъ былъ мраченъ и неудобенъ, съ большими гостиными, съ плохими спальнями, съ тѣсными и неудобнымъ помѣщеніемъ для прислуги. Но это былъ старый фамилный домъ въ которомъ прожили три или четыре поколѣнія Лонгестаффовъ и въ которомъ не лахло радикальною новизной, крайне ненавистной для мистера Лонгестафа. Квизсъ-Геть и окружающая мѣстность были по его мнѣнію переполнены зажиточными ремесленниками. Бельгрэв-Скверъ, при несомнѣнной аристократической пріятности, всегда лахнулъ известкой и многіе изъ его обитателей некогда не имѣли фамилныхъ домовъ. Самую приличную мѣстностью для такихъ домовъ по мнѣнію мистера Лонгестафа были старыя улицы между Пиккадилли и Оксфорд-Стритомъ и два или три квартала къ югу и къ сѣверу отъ нихъ. Когда однажды леди Помона, подученная одной своей подругой изъ высшего круга, но съ сомнительнымъ вкусомъ, выразила желаніе переселиться въ Итонъ-Скверъ, мистеръ Лонгестафъ поднялъ на смѣхъ свою супругу. Если Бротонъ-Стритъ не достаточно хорошъ для нея и для дочерей, онъ оставитъ ихъ въ Кавершамъ. Угроза оставить ихъ въ Кавершамъ повторялась часто, потому что мистеръ Лонгестафъ, какъ ни гордился онъ своимъ лондонскимъ домомъ, съ каждымъ годомъ тяготился все больше и больше дороговизной лондонской жизни. Наряды дочерей и лошади дочерей, карета жены и его собственный фазтонъ, его скучные лондонскіе обѣды и балъ леди Помоны заставляли его смотрѣть на конецъ іюля съ большимъ страхомъ. Въ это

время онъ узнавалъ во что обойдется ему лондонскій сезонъ. Но до сихъ поръ ему еще никогда не удавалось продержатъ семейство въ деревнѣ круглый годъ. Дочери, которыя не были на континентѣ нигдѣ кромѣ Парижа, соглашались провести годъ въ Германіи и Италиі, но давали ясно понять что онѣ воспротивятся всѣми зависящими отъ нихъ средствами противъ попытки оставить ихъ на лондонскій сезонъ въ деревнѣ.

Джорджіана только-что кончала свой строгій протестъ противъ Мельмотовъ когда въ комнату вошелъ ея братъ. Долли была рѣдкимъ гостемъ въ Бротонъ-Стритъ. Онъ имѣлъ собственную квартиру и даже не любилъ обѣдать въ своемъ семействѣ. Мать ежедневно писала ему записки съ разными приглашеніями—не придетъ ли онъ обѣдать, не свозить ли ихъ въ театръ, не отправится ли онъ съ ними на балъ или на вечеръ? Долли читалъ эти записки, но никогда не отвѣчалъ на нихъ. Онъ клалъ ихъ въ карманъ и тотчасъ же забывалъ о нихъ. Мать обожала его, а сестры, которыя были несомнѣнно выше его по уму, относились къ нему съ некоторымъ почтеніемъ. Онъ могъ дѣлать все что хотѣлъ, а онѣ чувствовали себя сдвинутыми по рукамъ и по ногамъ Ловгестаффовскими правдами. Его свобода была великимъ и завиднымъ преимуществомъ въ ихъ глазахъ, хотя онѣ знали что братъ употребляетъ ее во зло.

— Дорогой Адольфусъ, сказала мать, — какъ это мило съ твоей стороны что ты пришелъ.

— Я самъ думаю что это мило, отвѣчалъ Адольфусъ позволяя поцѣловать себя.

— Мы никакъ не ожидали увидать тебя, Долли, сказала Софи.

— Дайте ему чаю, сказала мать.

Чай не сходилъ со стола леди Помоны съ четырехъ часовъ пополудни и до тѣхъ поръ пока она не уходила одѣваться къ обѣду.

— Я предпочелъ бы содовую воду съ виномъ, сказалъ Долли.

— Мой милый мальчикъ!

— Я не прошу у васъ содовой воды съ виномъ и не надѣюсь получить ихъ здѣсь. Я говорю только что предпочитаю этотъ напитокъ чаю. Гдѣ родители?

нибудь особенное если Долли спрашиваетъ отца, подумали они

— Пала уѣхалъ тотчасъ послѣ завтрака, отвѣчала Софи.

— Я подожду его немного, сказала Долли взглянувъ въ свои часы.

— Останься обѣдать съ нами, попросила леди Помона.

— Не могу, я уже приглашенъ куда-то.

— Куда-то! Ты кажется самъ не знаешь куда тебѣ надѣяться, сказала Джорджіана.

— Мой человѣкъ знаетъ. По крайней мѣрѣ онъ долженъ это знать если онъ не дуракъ.

— Адольфусъ, начала леди Помона очень серьезно, — у меня есть важный планъ и ты долженъ помочь мнѣ.

— Надѣюсь, матушка, что это не потребуетъ саишкомъ большихъ усилий съ моей стороны.

— Мы всѣ ѣдемъ на Троицынъ день въ Кавершамъ и намъ необходимо чтобы ты тоже пріѣхалъ туда.

— Я! Нѣтъ, клянусь Георгіемъ, я не могу пріѣхать.

— Ты не выслушалъ еще половины. Madame Мельмотъ съ дочерью пріѣдутъ гостить къ намъ.

— Чортъ бы ихъ любилъ, проворчалъ Долли.

— Долли, вспомни гдѣ ты, замѣтила Софи.

— Да, я вспомню гдѣ я и вспомню гдѣ меня не будетъ. Меня не будетъ въ Кавершамѣ когда туда пріѣдетъ старушка Мельмотъ.

— Милый мой, продолжала мать, — знаешь ли ты что Мери Мельмотъ будетъ имѣть двадцать тысячъ фунтовъ годового дохода когда выйдетъ замужъ и что со временемъ мужъ ея будетъ по всей вѣроятности самымъ богатымъ человекомъ въ Европѣ.

— Половина молодежи Лондона гоняется за ней, сказала Долли.

— Почему тебѣ не быть однимъ изъ нихъ?

— Половина молодежи Лондона не пріѣдетъ съ ней въ нашъ домъ, сказала Джорджіана, — и ты будешь имѣть большіе шансовъ чѣмъ кто-либо изъ нихъ.

— Но я вовсе не хочу этого! Избави меня Богъ. Съ чего это вамъ пришло въ голову, матушка? Это вовсе не въ моемъ характерѣ.

— Я знала что онъ не согласится, сказала Джорджіана.

— Какъ это поправило бы наши дѣла, вздохнула леди Помона.

— Они останутся разстроенными если ничто кромѣ этого не можетъ поправить ихъ. А вотъ и родитель. Я слышалъ его голосъ. Сейчасъ будетъ стучка.

Мистеръ Лонгестаффъ вошелъ въ комнату.

— Другъ мой, Долли пришелъ повидаться съ нами, сказала леди Помона. (Отецъ кивнулъ головой, но не сказалъ ни слова.)—Мы просимъ его остаться обѣдать, но онъ уже приглашенъ.

— Хотя самъ не знаетъ куда, прибавила Софи.

— Мой человѣкъ знаетъ, онъ ведетъ книгу. Я получилъ письмо, сэръ, страшно длинное письмо отъ вашихъ повѣренныхъ въ Линкольнсъ-Иннъ. Они хотятъ чтобъ я переговорилъ съ вами о продажѣ чего-то. Это ужасно скучно и я ничего въ этомъ не понимаю. Можетъ-быть на самомъ дѣлѣ нѣтъ въ виду никакой продажи и я могу уйти немедленно?

— Нѣтъ, мнѣ дѣйствительно нужно переговорить съ тобой, сказалъ отецъ. — Не пойди ли намъ въ мой кабинетъ чтобы не тревожить твою мать и сестеръ дѣловымъ разговоромъ?

Сквайръ вышелъ изъ комнаты и Долли, сдѣлавъ жалобную гримасу сестрамъ, послѣдовалъ за нимъ. Дамы просидѣли около полудна за чаемъ ожидая выхода мистера Лонгестаффа, чтобы по его лицу и обращенію узнать успѣшно или неуспѣшно было совѣщаніе, такъ какъ онъ зналъ что онъ ничего не скажетъ имъ о результатѣ. Долли онъ не надѣялась увидать опять ближе чѣмъ черезъ мѣсяцъ или около того. Онъ и отецъ никогда не расходились безъ ссоры. Какъ ни былъ Долли безпеченъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но въ отстаиваніи своихъ правъ въ столкновеніяхъ съ отцомъ онъ былъ необычайно настойчивъ. Полчаса спустя мистеръ Лонгестаффъ вошелъ въ гостиную и тотчасъ же произнесъ семьѣ своей притворъ.

— Мы не возвратимся изъ Кавершама въ Лондонъ въ этомъ году, сказалъ онъ. Какъ ни старался онъ сохранить величавое спокойствіе, но голосъ его дрожалъ.

— Пала! простонала Софи.

— Другъ мой, не можетъ быть чтобы ты сказалъ это серьезно, сказала леди Помона.

— Конечно нѣтъ, прибавила Джорджіана поднимаясь съ мѣста.

— Я сказалъ это серьезно и рѣшилъ это окончательно, объявилъ мистеръ Лонгестафъ.

— Дней черезъ десять мы уѣдемъ въ Кавершамъ и не вернемся въ Лондонъ въ этомъ году.

— Но нашъ балъ уже назначенъ, сказала леди Помона.

— Такъ онъ долженъ быть отмененъ. И съ этими словами сквайръ вышелъ изъ гостиной и удалился въ свой кабинетъ.

Оставшись однѣ дамы выразили самый рѣшительный протестъ противъ произнесеннаго надъ ними приговора. Но дочери протестовали громче матери.

— Не можетъ быть чтобъ онъ дѣйствительно рѣшилъ оставить насъ въ деревнѣ, начала Софи.

— Онъ рѣшилъ это, сказала леди Помона со слезами на глазахъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ долженъ перерѣшить, объявила Джорджіана.— Долли сказала ему что-нибудь слишкомъ рѣзкое и онъ вымещаетъ это на насъ. Для чего онъ привезъ насъ въ Лондонъ если хочетъ увести назадъ до начала сезона?

— Желала бы я знать что сказалъ ему Адольфусъ. Вашъ лапа всегда слишкомъ суровъ съ нами.

— Долли сумѣетъ постоять за себя, сказала Джорджіана.— Къ сожалѣнію онъ заботится только о себѣ, а о насъ никогда.

— Никогда, подтвердила Софи.

— Я скажу вамъ какъ вы должны поступить теперь, мама.— Не уѣзжайте отсюда пока онъ не объявитъ что мы вернемся. Что касается меня, я не тронусь отсюда, если только меня не увезутъ силой.

— Душа моя, я не рѣшусь сказать ему это.

— Такъ я скажу. Уѣхать и быть погребенной цѣлый годъ въ деревнѣ, не видя никого кромѣ скучнаго стараго епископа и мистера Карбери который еще скучнѣе! Я этого не вынесу! Есть вещи которыхъ и не слѣдуетъ выносить. Если вы уѣдете, я останусь у Примрововъ. Я знаю что мистрисъ Примровъ приметъ меня. Это будетъ конечно не совсѣмъ пріятно. Я не люблю Примрововъ. Я ненавижу ихъ.

— О, да, ты совершенно права, Софи, я знаю сама что они вульгарны. Но все же они не такъ вульгарны какъ вашъ другъ мистрисъ Мельмотъ, мама.

— Ты знаешь, Джорджіана, что она маѣ не другъ.

— Однако она будетъ гостить у васъ въ Кавершамъ. И зачѣмъ это вы вздумали ѣхать теперь въ Кавершамъ, когда вы знаете какъ трудно ладить съ папа?

— Весь свѣтъ увѣзжаетъ на Троицынъ день въ деревню, душа моя.

— Нѣтъ, мама, далеко не весь свѣтъ. Люди слушкомъ хорошо понимаютъ какъ неудобно переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Примрозы не пойдутъ въ деревню. Что онъ хочетъ сдѣлать съ нами? Это неслыханное дѣло! Если онъ хочетъ сберечь деньги, почему онъ не запретъ Кавершамъ и не увезетъ насъ за границу? Содержаніе Кавершама стоить гораздо дороже чѣмъ наша жизнь въ Лондонѣ, а между тѣмъ это скучнѣйшее мѣсто во всей Англіи.

Семейный вечеръ въ Бротонъ-Стритъ былъ въ этотъ день не изъ пріятныхъ. Всѣ сидѣли мрачные и ничего не дѣлали. Каковы бы ни были мятежныя намѣренія принятая дамами, онъ не высказали ихъ. Двѣ дѣвушки упорно молчали, когда же отецъ заговаривалъ съ ними, отвѣчали односложными словами. Леди Помона была больна и сидѣла въ углу на диванѣ, утирая слезы. Ей сообщенъ былъ наверху результатъ свиданія Долли съ отцомъ. Долли не хотѣлъ дать согласія на продажу Пиккерингъ-Парка иначе какъ съ условіемъ что-бы половина вырученной суммы была отдана ему немедленно. Когда ему объясняли что продажа Пиккерингъ-Парка желательна для того чтобы можно было освободить отъ долговъ Кавершамъ, который современемъ будетъ принадлежать ему, онъ отвѣчалъ что имѣніе которыхъ онъ уже владѣетъ тоже нѣсколько разстроено и очень выиграетъ если на него употребить деньги. Вслѣдствіе этого мистеръ Лонгстаффъ принужденъ былъ отказаться отъ намѣренія продать Пиккерингъ-Паркъ и ради экономіи рѣшилъ прожить въ этомъ году лондонскій сезонъ въ деревнѣ.

Прощаясь предъ отходомъ ко сну, дочери по обыкновенію наклонились надъ отцомъ и поцѣловали его въ голову, но мало любви было въ этихъ поцѣлуяхъ.

— Помните что то что вамъ нужно сдѣлать въ Лондонѣ, должно быть сдѣлано на этой недѣлѣ, сказалъ отецъ.

Онъ слышали эти слова, но ушли молча, какъ бы не удостоивъ обратить на нихъ вниманія.

XIV. Старое Карберійское помѣстье.

— Мнѣ это кажется не совсѣмъ приличнымъ, мама, вотъ и все. Конечно если вы рѣшили ѣхать, я должна ѣхать съ вами.

— Но скажи пожалуйста что можетъ быть естественнѣе того что ты поѣдешь въ домъ твоего родственника?

— Вы знаете что я хочу сказать, мама?

— Это уже давно кончено, душа моя, и я не нахожу никакого смысла въ томъ что ты хочешь сказать.

Этотъ разговоръ произошелъ послѣ того какъ леди Карбери объявила дочери о своемъ рѣшеніи ѣхать на Троицкую недѣлю къ Роджеру Карбери. Генриеттѣ было очень тяжело ѣхать въ домъ человѣка влюбленнаго въ нее, хотя этотъ человѣкъ и былъ ея родственникомъ. Но она должна была покориться. Ей нельзя было остаться въ городѣ одной и нельзя было сказать о затруднительности своего положенія никому кромѣ матери, а леди Карбери, чтобъ обезопасить себя отъ всякой оппозиціи, стправила письмо къ Роджеру Карбери съ предложеніемъ своего посвѣщенія прежде чѣмъ переговорила съ дочерью. Вотъ это письмо:

„Вельбекъ-Стрѣтъ, 24го апрѣля 18—.

„Любезнѣйшій Роджеръ, — Мы знаемъ какъ вы добры и прямодушны и мы увѣрены что если то что я имѣю предложить вамъ неудобно для васъ, вы скажете это прямо. Я много работала въ послѣднее время, слишкомъ много, и я чувствую что ничто не можетъ принести мнѣ такой пользы какъ поѣздка дня на два въ деревню. Не позволите ли вы мнѣ провести у васъ нѣсколько дней Троицкой недѣли? Мы пріѣхали бы 20го мая и прожили до слѣдующей недѣли, если бы вы позволили. Феликсъ пріѣхалъ бы тоже, хотя не на такое долгое время какъ мы.

„Я увѣрена что вамъ пріятно было узнать о назначеніи его директоромъ Мексиканской желѣзной дороги. Это открываетъ ему новую сферу жизни и даетъ возможность показать что онъ можетъ приносить пользу. Я считаю это назначеніе выраженіемъ большаго довѣрія къ такому молодому человѣку.

„Надѣюсь что вы скажете прямо если мое предложеніе идетъ въ разрѣзъ съ вашими планами. Я дѣлаю его такъ безцеремонно потому что вы были всегда такъ добры съ нами.

„Герриетта раздѣляетъ мои дружескія чувства къ вамъ.

„Любящая васъ кузина

„Матильда Карбери.“

Многое въ этомъ письмѣ встревожило и даже раздосадовало Роджера Карбери. Прежде всего онъ почувствовалъ что Герриетту не слѣдовало приводить въ его домъ. Какъ ни любилъ онъ ее, какъ ни пріятно было ему всегда ея присутствіе, но ему не хотѣлось видѣть ее въ своемъ домѣ когда она не имѣла намѣренія сдѣлаться его будущею хозяйкой. Въ одномъ отношеніи онъ былъ несправедливъ къ леди Карбери. Зная что она была расположена содѣйствовать его сватовству, онъ предположилъ теперь что она везетъ къ нему Герриетту съ этою цѣлью. Онъ не слышалъ объ ожидаемомъ пріѣздѣ великой наслѣдницы къ его сосѣдямъ и не могъ догадаться о настоящей цѣли своей родственницы. Потому ему противна была ея гордость по поводу назначенія ея сына директоромъ. Роджеръ Карбери не вѣрилъ въ новое предпріятіе. Онъ не вѣрилъ въ Фискера, не вѣрилъ въ Мельмота и тѣмъ боѣе въ компанію вообще. Поль Монтегю поступилъ вопреки его совѣту, когда поддался искушеніямъ Фискера. Все это дѣло, по мнѣнію Роджера, было мошенническою продѣлкой. И можно ли иначе смотрѣть на компанію управляемую такими людьми какъ лордъ Альфредъ Грендоль и сэръ-Феликсъ Карбери, думалъ онъ. Что же касается ихъ предсѣдателя, развѣ всему свѣту не извѣстно что это великій мошенникъ? Хотя между нимъ и Полемъ Монтегю было не мало поводовъ къ недовольству другъ другомъ, но Роджеру тяжело было видѣть имя своего друга въ одномъ спискѣ съ именами такихъ людей. А леди Карбери приглашала его порадоваться тому что сэръ-Феликсъ назначенъ директоромъ компаніи. Роджеръ не зналъ кого презирать больше — сэръ-Феликса за то что онъ принадлежалъ къ компаніи, или компанію за то что она имѣла такого директора. „Новая сфера жизни!“ сказалъ онъ про себя. „Самая приличная сфера для насъ всѣхъ это Ньюгетская тюрьма!“

Было и еще одно затрудненіе. Онъ пригласилъ къ себѣ на Троицкую недѣлю Поля Монтегю и Поль уже принялъ при-

глашеніе. Постоянство было едва ли не самое выдающееся чертой характера Роджера. Онъ не могъ заглушить свою прежнюю привязанность къ Монтегю. Ему вестерлима была мысль о ссорѣ съ Полемъ, хотя онъ зналъ что долженъ будетъ поссориться съ нимъ если Поль разобьетъ его самую дорогія надежды. Онъ пригласилъ его въ Карбери, думая что даже имя Генриетты не будетъ упоминаться между вами, теперь же ему предлагали привезти къ нему Генриетту въ то самое время когда у него будетъ Поль. Онъ тотчасъ же рѣшилъ попросить Поля не пріѣзжать.

Оба письма онъ написалъ немедленно. Письмо къ леди Карбери было коротко. Онъ будетъ чрезвычайно радъ если она и Генриетта пріѣдутъ въ назначенное время, послѣщеніе сэръ-Феликса доставитъ ему также большое удовольствіе. Письмо къ Монтегю было длиннѣе. „Всегда лучше дѣйствовать прямо и откровенно“, писалъ онъ. „Послѣ того какъ вы приняли такъ обязательно мое приглашеніе, леди Карбери предложила мнѣ пріѣхать на это же время съ дочерью. Вы сами поймете какъ мнѣ было бы тяжело видѣть васъ здѣсь вмѣстѣ. Я очень сожалею что долженъ попросить васъ отложить ваше послѣщеніе, но надѣюсь что вы не обвините меня въ недостаткѣ гостепріимства относительно васъ.“ Поль отвѣтилъ что онъ не обвиняетъ своего друга въ недостаткѣ гостепріимства и что онъ не пріѣдетъ.

Суффокъ не особенно живописное графство и мѣстность гдѣ находилось Карбери, не можетъ быть названа величественною, или красивою, но самая усадьба не лишена была своего рода прелести. Рѣка Карбери, нигдѣ впрочемъ не достигающая такой широты чтобы ловкій школьникъ не могъ перепрыгнуть съ одного берега на другой, бѣжитъ, или лучше сказать ползетъ въ Вевеней и на своемъ пути поглощается ровомъ окружающимъ старую Карберійскую усадьбу. Этотъ ровъ былъ большою обузой для владѣльцевъ, въ особенности для Роджера Карбери, такъ какъ въ наши дни санитарныхъ улучшеній признано было необходимымъ или содержать его въ чистотѣ и проточнымъ, или вовсе завалить. Планъ завалить его былъ серіозно обсужденъ лѣтъ десять тому назадъ, но оказалось что уничтоженіе ова измѣнило бы совершенно характеръ усадьбы, погубило бы сады и окружило бы домъ болотомъ, для украшенія, даже для просушки котораго потребовались бы годы. Кромѣ того возникъ важ-

ный вопросъ, предложенный однимъ смѣтливымъ фермеромъ съ давнихъ лоръ арендовавшимъ землю въ Карбери.

— Завалить ровъ! Хе, хе! Легче сказать чѣмъ сдѣлать, сквайръ. Чѣмъ вы завалите его?

Вслѣдствіе всего сквайръ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и вмѣсто того чтобы завалить ровъ, украсилъ его какъ только могъ. Большая дорога изъ Бонгея въ Бикасъ проходила такъ близко отъ дома что одна сторона его отдѣлялась отъ нея только шириной рва. Другая дорога, не болѣе какъ во сто ярдовъ ширины, вела отъ большой дороги къ мосту который находился противъ главнаго подъѣзда. Мостъ былъ старый, высокій, съ архитектурными претензіями и съ желѣзными воротами на срединѣ, заливавшими впрочемъ очень рѣдко. Между мостомъ и подъездомъ было пространство едва достаточное для поворота кареты и составлявшее неправильный четырехугольникъ замкнутый съ двухъ сторонъ боковыми выступами дома подходившими къ самой водѣ, а съ третьей — ровомъ и мостомъ. Позади дома былъ обширный садъ окруженный стѣной въ десять футовъ высоты, садъ въ которомъ росли тиссовые деревья и кипарисы славившіеся своею древностью. Садъ находился частью въ пространствѣ окруженномъ ровомъ, частью внѣ его и соединялся двумя мостами, однимъ для лѣшеходовъ, другимъ для экипажей. Былъ еще мостъ у задней части дома который велъ къ конюшнямъ и къ скотному двору.

Домъ былъ выстроенъ во времена Карла II, когда архитектура, которую мы называемъ Тюдоровскою, замѣнялась болѣе дешевою, менѣе живописною и можетъ-быть болѣе удобною. Но старый Карберійскій домъ былъ извѣстенъ въ окрестности какъ Тюдоровская постройка. Окна были широкія и болѣею частію низкія, съ крѣпкими рамами и мелкими стеклами, такъ какъ сквайръ еще не собрался со средствами чтобы замѣнить ихъ зеркальными. Только окно библіотеки, налѣво отъ подъѣзда, было высокое и закругленное. Всѣ другія большія комнаты выходили въ садъ. Домъ былъ построенъ изъ бѣлаго камня, превратившагося отъ времени въ желтый, что было очень красиво, и все еще былъ покрытъ черепицей, какъ и всѣ окружающія его постройки. Онъ имѣлъ только два этажа, кромѣ задней части, занятой кухнями и службами, которая возвышалась надъ переднею. Комнаты были низкія, узкія и длинныя, съ большими каминами и высокими павезами.

Вообще это былъ домъ который вы назвали бы скорѣе живописнымъ чѣмъ удобнымъ. Но каковъ бы онъ ни былъ, онъ составлялъ предметъ гордости его владѣльца, гордости въ которой Роджеръ не сознавался никому, но которая была известна всѣмъ кто зналъ его хорошо. Дома сосѣднихъ помѣщиковъ были комфортабельнѣе Карбери - Годла, но ни одинъ изъ этихъ домовъ не имѣлъ такого яснаго отпечатка стариннаго достоинства, какимъ отличался Карбери. Бондъшамъ, гдѣ жили Примрозы, былъ самымъ красивымъ домомъ въ этой части графства, но онъ имѣлъ такой видъ будто былъ построенъ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Онъ былъ окруженъ новыми садами, новыми стѣнами, новыми пристройками и пахнулъ промышленностью. Такъ казалось по крайней мѣрѣ Роджеру Карбери, хотя онъ никогда не высказывалъ этого. Въ Кавершамъ домъ былъ очень большой, построенный во времена Георга III, когда люди болѣе заботились объ удобствѣ чѣмъ о красотѣ. Въ этомъ домѣ не было ничего привлекательнаго. Эрди-Паркъ, помѣстье Гелвортовъ, какъ паркъ, имѣло нѣкоторыя претензіи. Въ Карбери не было ничего похожаго на паркъ, сады были окружены простыми рощами. Но за то домъ въ Эрди-Паркѣ былъ некрасивый и неудобный. Дворецъ епископа, какъ джентльменская резиденція, былъ прекрасенъ, но и онъ былъ сравнительно новъ и не имѣлъ ничего характернаго.

Старый же Карберітскій домъ былъ несомнѣнно оригиналенъ и въ глазахъ своего владѣльца необычайно прекрасенъ.

Роджера часто мучилъ вопросъ, что станется съ домомъ послѣ его смерти. Ему было теперь сорокъ лѣтъ и здоровье его едва ли былъ чловѣкъ во всемъ графствѣ. Люди на глазахъ которыхъ онъ выросъ и возмужалъ, въ особенности сосѣдніе фермеры, все еще считали его юношей и называли его молодымъ сквайромъ. И дѣйствительно въ минуты хорошаго расположенія духа въ немъ было много юношескаго и онъ до сихъ поръ сохранялъ юношескую почтительность къ старшимъ. Но въ послѣднее время тяжелая забота лежала на его сердцѣ, такая забота кака редко тяготитъ людей въ наше время. Когда онъ убѣдился вполнѣ что его кузина была для него дороже всѣхъ другихъ женщинъ въ мірѣ, онъ предложилъ ей быть его женой и получилъ отказъ. Отказъ былъ повторенъ нѣсколько разъ и онъ вѣрилъ ей когда она говорила что не можетъ любить его. Онъ былъ склоненъ

Дамы перегаянулись съ изумленіемъ. Случилось что-вѣрить людямъ, въ особенности въ такихъ случаяхъ когда ихъ увѣренія противорѣчили его желаніямъ. Онъ былъ далеко отъ самонадѣянности внушающей челоуѣку увѣренность что онъ можетъ побѣдить женщину даже вопреки ея желанію. Но онъ былъ увѣренъ что никогда не будетъ въ состояніи жениться на другой женщинѣ. Онъ потерялъ надежду имѣть наследникомъ сына и началъ смотрѣть на себя какъ послѣдняго въ старшей линіи своей фамиліи.

Ближайшимъ его наследникомъ былъ сэръ-Феликсъ Карбери. Роджеръ не былъ стѣсненъ майоратомъ и могъ сдѣлать съ своимъ имѣніемъ все что хотѣлъ.

Въ одномъ отношеніи естественный переходъ Карбери-Гола во владѣніе сэръ-Феликса могъ считаться удачнымъ. Младшая линія пріобрѣла титулъ и еслибъ имѣніе досталось сэръ-Феликсу, фамильный титулъ и фамильная собственность были бы соединены въ однѣхъ рукахъ. Нѣтъ сомнѣнія что самъ сэръ-Феликсъ былъ бы очень доволенъ еслибъ это случилось. Леди Карбери была бы также довольна, если только она не смотрѣла на Карбери какъ на будущій домъ своей дочери. Но настоящій владѣлецъ имѣлъ много основаній не быть довольнымъ своимъ законнымъ наследникомъ. Онъ былъ дурнаго мнѣнія не только о баронетѣ, но и о самомъ баронетствѣ. Сэръ-Патрикъ, думалъ онъ, поступилъ чрезвычайно неосмотрительно принявъ титулъ переходящій въ потомство, когда зналъ что не оставитъ никакихъ средствъ для поддержанія его. Баронетъ, думалъ Роджеръ Карбери, долженъ быть богатъ, настолько богатъ чтобы не унижать своего сословія. Титулъ, по мнѣнію Роджера, не могъ сдѣлать челоуѣка джентльменомъ, но не поддерживаемый соотвѣтствующими средствами могъ унижить челоуѣка, который безъ него былъ бы джентльменомъ. Челоуѣкъ который по рожденію и по воспитанію былъ джентльменомъ, не могъ быть облагороженъ еще болѣе никакимъ титуломъ. Съ такими устарѣлыми понятіями Роджеръ ненавидѣлъ титулъ доставшійся младшей отрасли его фамиліи и не подумалъ бы оставить свое состояніе на поддержаніе его, еслибы сэръ-Феликсъ не былъ его законнымъ наследникомъ. Хотя ничто не мѣшало ему передать имѣніе кому вздумается, но онъ считалъ своею обязанностию, почти священною обязанностию, передать его законному наследнику и считалъ свои права на него только пожизненными. По его понятіямъ Карбери-

Голль долженъ былъ перейти къ Карбери пока былъ на свѣтѣ хотя одинъ Карбери чтобы владѣть имъ, а онъ, Роджеръ Карбери, обязанъ былъ передать его своему наследнику не пострадавшимъ ни въ величинѣ, ни въ стоимости. Онъ могъ надѣяться прожить еще лѣтъ двадцать или тридцать, но онъ зналъ что если сэръ-Феликъ переживетъ его, то несомнѣнно промотаетъ имѣніе. Во всякомъ случаѣ онъ, Роджеръ Карбери, исполнитъ свою обязанность. Онъ зналъ что ни какіе человѣческіе разчеты, какъ бы ни были они тщательно обдуманы, не могутъ быть безошибочными. Пусть лучше Карбери будетъ прожито однимъ изъ членовъ фамиліи Карбери, думалъ онъ, чѣмъ передано во владѣніе постороннему. Онъ хотѣлъ быть вѣрнымъ своему старому имени пока оставался хоть одинъ человѣкъ носившій его. И онъ уже сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ отказалъ все свое состояніе, если умретъ бездѣтнымъ, человѣку котораго презиралъ сильнѣе чѣмъ кого-либо другаго.

Въ день когда должна была пріѣхать леди Карбери онъ бродилъ послѣ полудня вокругъ дома и думалъ о будущемъ. Какъ было бы хорошо еслибы у него былъ сынъ! Какъ былъ бы онъ счастливъ еслибы его кузина согласилась наконецъ сдѣлаться его женой! Но какъ скучна и пуста будетъ его жизнь если этого не случится! Ея благосостояніе тоже очень заботило его. Онъ не любилъ леди Карбери. Онъ хорошо понималъ ея характеръ и судилъ о ней безошибочно. Это женщина любящая, думалъ онъ, женщина заботящаяся болѣе о благѣ другихъ, чѣмъ о своемъ собственномъ, но въ высшей степени еуетная. Она полагаетъ что благо можетъ быть достигнуто посредствомъ зла, что ложь въ некоторыхъ случаяхъ лучше правды, что обманъ и притворство могутъ замѣнить искренность, что на пескѣ можно построить прочный домъ. Онъ очень жалѣлъ что дѣвушка которую онъ любилъ была подвергнута вліянію такого ученія и должна была жить въ атмосферѣ пропитанной ложью. Въ глубинѣ души онъ былъ увѣренъ что Генриетта любила Поля, а онъ началъ сомнѣваться и въ Поля. Чѣмъ какъ не обманщикомъ слѣдовало назвать человѣка согласившагося считаться однимъ изъ директоровъ компаніи которая морочила людей, дѣлая видъ что она управляетъ громаднымъ предпріятіемъ, которая состояла изъ такихъ людей какъ лордъ Альфредъ Гревдолъ и сэръ-Феликъ Карбери и имѣла безконтрольнаго

предсѣдателя въ лицѣ Аугустуса Мельмота? Что ждетъ Генриетту если она выйдетъ за человѣка который старается обогатиться безъ труда и капитала, который можетъ быть сегодня богачомъ, завтра нищимъ, за коммерческаго авантюриста, самого презрѣннаго и безчестнаго изъ всѣхъ авантюристовъ? Роджеръ старался думать хорошо о Полѣ Монтегю, но онъ опасался за будущность которую готовилъ себѣ молодой человѣкъ.

Онъ вернулся домой и походилъ по комнатамъ приготовленнымъ для дамъ. Какъ хозяинъ дома не имѣвшій ни жены, ни дочери, онъ долженъ былъ позаботиться самъ объ ихъ комфортѣ, но сомнительно былъ ли бы онъ такъ внимателенъ, еслибы мать должна была пріѣхать одна. Въ меньшей изъ двухъ комнатъ заставъски были бѣлыя и вся комната была убрана майскими цвѣтами. Онъ принесъ еще изъ оранжереи бѣлую розу и поставилъ ее на туалетный столъ. Она вѣроятно догадается кто сдѣлалъ это для нея.

Онъ подошелъ къ открытому окну и съ полчаса глядѣлъ разсѣянно на равнину, пока не услышалъ стукъ экипажа подѣлжавашаго къ главному подъѣзду. Въ эти полчаса онъ рѣшилъ попытаться счастья снова, какъ будто отказа еще не было.

XV. Вамъ сдѣловало бы помнать что я его мать.

— Это такъ любезно съ вашей стороны, сказала леди Карбери выходя изъ экипажа и крѣпко пожимая руку своего родственника.

— Любезность съ вашей стороны, отвѣчалъ Роджеръ.

— Я столько переживала прежде чѣмъ рѣшилась попросить васъ принять насъ. Но мнѣ такъ хотѣлось въ деревню и я такъ люблю Карбери и... и...

— Гдѣ же Карбери искать спасенія отъ лондонскаго дыма какъ не въ ихъ старомъ фамильномъ домѣ? Боюсь только что Генриетта соскучится.

— О, вѣтъ, отвѣчала Генриетта, улыбаяся. — Развѣ вы не знаете что я никогда не окучаю въ деревнѣ?

— Завтра у меня будутъ обѣдать епископъ, мистрисъ Ельдъ и Гелворты.

— Мнѣ будетъ такъ пріятно повидаться оять съ епископомъ, сказала леди Карбери.

— Я думаю что всякому должно быть пріятно видѣться съ нимъ. Это такой милый, добрый человекъ. Жена его тоже хорошая женщина. Будетъ еще одинъ джентльменъ котораго вы еще не видали.

— Новый сосѣдъ?

— Да, новый сосѣдъ, отецъ Джонъ Баргамъ, католическій священникъ недавно назначенный Бикльсъ. Онъ поселился въ маленькомъ коттеджѣ въ разстояніи миля отсюда и служить и въ Бикльсѣ, и въ Бонгеѣ. Я знавалъ его семейство.

— Такъ онъ джентльменъ?

— Безъ сомнѣнія. Онъ получилъ степень въ Оксфордѣ и потомъ совратился, какъ говоримъ мы, или обратился, какъ вѣроятно говорятъ они. У него нѣтъ ничего кромѣ его жалованья которое кажется не превышаетъ заработковъ подещика. Онъ говорилъ мнѣ на дняхъ что не имѣя средствъ покупать новое платье, онъ покупаетъ поношенное.

— Это ужасно! сказала леди Карбери всплеснувъ руками.

— Онъ, повидимому, не находитъ въ этомъ ничего ужаснаго. Мы сдѣлались большими друзьями.

— Пріятно ли будетъ еписколу встрѣтиться съ нимъ?

— Чѣмъ же это можетъ быть непріятно еписколу? Я разказалъ еписколу все что знаю о немъ, и еписколъ очень желаетъ познакомиться съ нимъ. Отецъ Баргамъ не сдѣлаетъ ему никакого вреда. Но боюсь что вамъ и Геттѣ будетъ скучно съ ними.

— Мнѣ не будетъ скучно, мистеръ Карбери, сказала Генриетта.

— Мы пріѣхали сюда чтобъ избавиться отъ нескончаемыхъ лондонскихъ визитовъ, сказала леди Карбери. Однако ей очень хотѣлось знать какихъ гостей ожидаютъ въ Карбери-Голлѣ. Сэръ-Феликсъ обѣщалъ пріѣхать въ субботу, съ тѣмъ чтобъ уѣхать въ понедѣльникъ, и леди Карбери надѣялась устроить какія-нибудь сношенія съ Кавершамомъ, чтобы сынъ ея могъ воспользоваться своею близостью къ Мери Мельмотъ.

— Я пригласилъ на понедѣльникъ Лонгестаффовъ, сказалъ Роджеръ.

— Такъ они уже здѣсь?

— Да, они пріѣхали вчера. Весь округъ приходитъ въ

движеніе, и въ самомъ воздухѣ чувствуется какое-то волненіе когда они уѣзжаютъ или пріѣзжаютъ, и я замѣтилъ эти признаки вчера около четырехъ часовъ пополудни. Но ко мнѣ они по всей вѣроятности не пріѣдутъ.

— Почему же не пріѣдутъ?

— Они никогда не бывають у меня. У нихъ вѣроятно полонъ домъ гостей, и они знаютъ что у меня помѣщеніе небольшое. Но я увѣренъ что они пригласятъ насъ на вторникъ или на среду.

— Я знаю что у нихъ будутъ гости, сказала леди Карбери.

— Кто же именно?

— Мельмоты пріѣдутъ къ нимъ.

Объявляя это леди Карбери чувствовала что голосъ ея дрожалъ и самообладаніе покидало ее.

— Мельмоты пріѣдутъ въ Кавершамъ! повторилъ Роджеръ взглянувъ на Генриетту, которая покраснѣла при мысли что ее привезли въ домъ человѣка влюбленнаго въ нее только для того чтобы брать ея имѣлъ возможность повидаться съ Мери Мельмотъ.

— Да, я сама знала это отъ самой Madame Мельмотъ. Они кажется очень подружились.

— Мистеръ Лонгестафъ приглашаетъ Мельмотовъ въ Кавершамъ!

— Почему же нѣтъ?

— Это также странно какъ еслибъ я пригласилъ ихъ сюда.

— Я подозреваю, Роджеръ, что мистеру Лонгестаффу нужна денежная помощь.

— И онъ ищетъ ее такими средствами! Мнѣ одается что въ скоромъ времени знакомства будутъ составлять безъ всякаго разбора. Нравы конечно мѣняются и стараго не воротить. Можетъ-быть все идетъ къ лучшему, но я никакъ не ожидаю что такой человѣкъ какъ мистеръ Лонгестафъ введетъ въ гостиную своей жены такого человѣка какъ Мельмотъ.

Генриетта покраснѣла еще больше. Даже леди Карбери вспыхнула когда вспомнила что Роджеру было извѣстно что она возила свою дочь на балъ Мельмотовъ. Онъ понялъ что сказалъ лишнее и попробовалъ поправиться.

— Я не одобряю знакомства съ ними въ Лондонѣ, сказалъ онъ, — но въ деревнѣ это еще хуже.

Послѣ этого разговора дамы были проведены въ ихъ комнаты, а Роджеръ вышелъ опять въ садъ. Онъ понялъ что леди Карбери пріѣхала въ его домъ только для того чтобы быть поближе къ Мельмотамъ и не могъ загаушить въ себѣ чувства обиды. Онъ сознавалъ что Генриетту не слѣдовало привозить въ его домъ, но это онъ могъ простить потому что ея присутствіе было для него отрадой. Онъ простилъ бы это даже въ томъ случаѣ еслибы мать дѣйствительно привезла ее для сближенія съ нимъ. Въ этомъ случаѣ желаніе матери совпало бы съ его желаніемъ, и его самолюбіе было бы польщено. Не одобряя ея поступка, онъ тѣмъ не менѣе простилъ бы его. Теперь же онъ понималъ что леди Карбери воспользовалась имъ и его домомъ съ низкою цѣлью способствовать браку двухъ низкихъ людей.

Когда онъ ходилъ обдумывая все это по саду къ нему присоединилась леди Карбери. Она перемѣнила дорожное платье и нарядилась какъ нельзя болѣе къ лицу. Подходя къ Роджеру она украсила и лицо свое самою любезною улыбкой. Ея мысли были тоже заняты Мельмотами, и она намѣревалась объяснить своему строгому, непреклонному родственнику всю пользу какая могла произойти отъ союза съ богатой наслѣдницей.

— Я понимаю, Роджеръ, сказала она,—что съ вашей стороны естественно не любить этихъ людей.

— Какихъ людей?

— Мельмотовъ.

— Какъ могу я не любить людей которыхъ не знаю? Я только не люблю такихъ людей которые ищутъ ихъ знакомства ради ихъ богатства.

— Вы подразумѣваете меня?

— Нѣтъ, не васъ. Вы знаете мое расположеніе къ вамъ, хотя мнѣ дѣйствительно не нравится что вы гоняетесь за ними. Я говорилъ о Лонгстаффахъ.

— Неужели вы думаете, другъ мой, что я ищу ихъ знакомства для самой себя, что я ѣзжу въ ихъ домъ потому что мнѣ нравится ихъ роскошь, что я пріѣхала сюда всадъ за ними рассчитывая получить какую-нибудь выгоду для самой себя?

— Я ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы гоняться за ними.

— Мы уѣдемъ назадъ если вы желаете, но я должна сначала объясниться. Вамъ извѣстно положеніе моего сына

можетъ-быть лучше чѣмъ ему самому. (Роджеръ кивнулъ головой утвердительно, но не сказалъ ничего.) Что ему дѣлать? Единственный исходъ изъ его положенія—это жениться на богатой. Онъ красивъ, съ этимъ вы должны согласиться.

— Да, природа не обидѣла его.

— Мы должны брать его такимъ каковъ онъ есть. Онъ былъ отданъ въ военную службу въ ранней юности и былъ еще очень молодъ когда вступилъ во владѣнiе своимъ небольшимъ состоянiемъ. Онъ конечно могъ бы вести себя благоразумнѣе, но много ли молодыхъ людей которые въ такомъ положенiи ведутъ себя благоразумно? Какъ бы то ни было, но у него не осталось ничего.

— Я это знаю.

— И поэтому развѣ не необходимо женить его на дѣвушкѣ съ состоянiемъ?

— Я называю это украсть деньги у дѣвушки, леди Карбера.

— О, Роджеръ, какъ вы строги.

— Я не знаю что лучше, быть строгимъ или черезуръ снисходительнымъ.

— Я думаю что съ женщинами лучше быть нѣсколько снисходительнымъ. Поймите что Мери Мельмотъ пойдетъ за Феликса не иначе какъ если полюбитъ его.

— А любить онъ ее?

— Почему ему не любить ее? Развѣ дѣвушка съ состоянiемъ должна быть непременно лишена способности нравиться? Она конечно не пречъ выйти замужъ и почему ей не выйти за Феликса, если онъ понравится ей больше другихъ? Развѣ вы не сочувствуете моему желанiю доставить ему такое положенiе въ свѣтѣ которое не удичало бы ни нашего имени, ни нашей фамилiи?

— Намъ лучше не говорить о фамилiи, леди Карбера.

— Но я такъ много думаю о ней.

— Я никогда не соглашусь что фамилiя смиряется отъ союза съ дочерью такого человека какъ Мельмотъ. Я считаю такой союзъ униженiемъ для фамилiи, и вотъ деньги Мельмота, если онъ дѣйствительно имѣетъ ихъ, по своимъ устарѣлымъ понятiямъ ли мало не смягчаютъ униженiя. Когда люди намереваются вступить въ бракъ, они должны знать кое-что другъ о другѣ. Кто знаетъ что-нибудь о Мельмотѣ? Можно ли быть увереннымъ что эта дѣвушка дѣйствительно его дочь?

— Онъ все равно отдастъ ей ея состояніе когда она выйдетъ замужъ.

— Да, все сводится къ одному. Люди говорятъ прямо что онъ авантюристъ и мошенникъ. Никто и не думаетъ считать его джентльменомъ. Всѣ соглашаются что онъ наживаетъ деньги не честными коммерческими путями, а какими-то таинственными путями, какъ карточный шулеръ. Это такой человѣкъ котораго мы не пустили бы къ себѣ въ кухню, не только къ своему столу, есабы судили о немъ по его личнымъ достоинствамъ. Но онъ постигъ искусство наживать деньги, и мы не только терпимъ его, но гоняемся за нимъ какъ хищныя птицы.

— Вы хотите сказать что Феликсъ не долженъ жениться на этой дѣвушкѣ если даже они любятъ другъ друга?

Онъ съ отвращеніемъ покачалъ головой, зная что всякая претензія на любовь была притворствомъ и обманомъ не только со стороны молодаго человѣка, но и со стороны его матери. Онъ не могъ высказать этого прямо, но ему хотѣлось дать ей понять что онъ это знаетъ.

— Мнѣ болѣе нечего сказать вамъ на этотъ счетъ, продолжалъ онъ. — Есабы все это дѣлалось въ Лондонѣ, а не сталъ бы вмѣшиваться, это не мое дѣло. Когда же мнѣ говорятъ что эта дѣвушка въ моемъ сосѣдствѣ, что она живетъ въ такомъ домѣ какъ Кавершамъ и что Феликсъ пріѣдетъ сюда чтобы быть поближе къ своей добычѣ, и когда меня просятъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, я позволюсь доложить высказать свое мнѣніе. Я не имѣлъ ничего противъ того чтобы сынъ вашъ пріѣхалъ въ мой домъ, потому что онъ вамъ сынъ, а мой родственникъ, но я желалъ бы чтобы онъ выбралъ какое-нибудь другое мѣсто для дѣла которое онъ имѣетъ въ виду.

— Если вы желаете, Роджеръ, мы уѣдемъ. Мнѣ тяжело будетъ сказать объ этомъ Геттѣ, но мы уѣдемъ.

— Я этого вовсе не желаю.

— Но вы говорите такія ужасныя вещи! Можемъ ли мы остаться послѣ этого? Судя по вашимъ словамъ, вы не видите въ Феликсѣ ничего кромѣ дурнаго.

Она взглянула на него какъ бы ожидая что онъ скажетъ что-нибудь въ опроверженіе ея словъ, въ утѣшеніе ей, но слова ея были справедливы, и ему нечего было сказать ей: она была не особенно чувствительна къ осужденію подра-

унижаемому или высказываемому, она уже много вытерпѣла въ своей жизни и готова была терпѣть и впредь. Еслибъ онъ осуждалъ ее самое или Генриетту, она помирилась бы съ этимъ ради ожидаемыхъ выгодъ, она простила бы осужденіе тѣмъ охотнѣе что оно можетъ-быть было бы не вполне заслужено. Но за сына она готова была стоять всеми силами. Кромѣ нея, никому было заступиться за него.

— Очень жаль, Роджеръ, что мы обезпечили васъ своимъ посвященіемъ, но я полагаю что намъ лучше уѣхать, сказала она. — Вы очень жестоки.

— Я не хотѣлъ быть жестокимъ.

— Вы говорите что Феликсъ гоняется за этою дѣвушкой какъ хищная птица за своею добычей, что онъ придетъ сюда чтобы быть поближе къ своей добычѣ. Развѣ это не жестоко? Вамъ слѣдовало бы помнить что я его мать.

Она выразила свое чувство оскорбленія такъ хорошо что Роджеру стало стыдно за себя. Онъ подумалъ что дѣйствительно былъ слишкомъ рѣзокъ, но не зналъ какъ загладить сказанное.

— Мнѣ очень жаль если я оскорбилъ васъ, сказалъ онъ.

— Да, вы оскорбили меня. Я пойду теперь домой. Какъ жестоко свѣтъ. Я пришла сюда рассчитывая насладиться спокойствіемъ и солнечнымъ свѣтомъ, и въ самомъ началѣ вынесла бурю.

— Вы спросили меня о Мельмотахъ, и я былъ вынужденъ высказать свое мнѣніе. Не думайте что я имѣлъ намѣреніе оскорбить васъ.

Послѣ этого они оба замолчали и молча прошли до двери дома, гдѣ онъ оставилъ ее и заговорилъ опять:

— Если я слишкомъ погорячился, я прошу у васъ извиненія.

Она поклонилась и улыбнулась, но улыбкой не выражавшей прощенія, и хотѣла пройти въ домъ.

— Пожалуста не думайте объ отъѣздѣ, леди Карбери, прибавилъ онъ.

— Я пойду теперь въ свою комнату. У меня такъ болитъ голова что я едва стою на ногахъ.

Было около шести часовъ полудни, время когда онъ обыкновенно ходилъ на ферму чтобы видѣться съ возвратившимися работниками, но теперь онъ простоялъ нѣсколько времени неподвижно на мѣстѣ гдѣ его оставила леди Карбери, потомъ медленно дошелъ до моста и свѣлъ на

перша. Неужели она дѣйствительно уйдетъ разсерженная изъ его дома и увезетъ съ собою дочь? Неужели ему придется равняться такимъ образомъ съ единственнымъ существомъ которое онъ любилъ? Онъ былъ человѣкъ уважавшій законы гостепримства и думавшій что принимаемая людей въ свой домъ человѣкъ обяванъ обращаться съ ними добрѣе и внимательнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ тому же люди носившіе одно съ нимъ имя имѣли по его пошаткамъ большее право чѣмъ всѣ другіе на гостепримство въ Карбери. И если на свѣтѣ была особа которую онъ всегда радъ былъ успокоить въ своемъ домѣ, для которой онъ сдѣлалъ бы, еслибы могъ, и воздухъ мягче, и цвѣты прекраснѣе, которой онъ сказалъ бы, еслибы способенъ былъ произносить такіа слова, что она будетъ всегда властительницею надъ нимъ, надъ его домомъ и надъ всѣмъ чѣмъ онъ имѣетъ, любить ли она его, или нѣтъ, если была такая особа, то это была его кузина Гетта. Теперь же леди Карбери объявила ему что онъ былъ такъ грубъ съ нею что она и ея дочь должны уѣхать изъ его дома.

И у него не было оправданія. Онъ дѣйствительно былъ грубъ. Правда что онъ не могъ выразить свое мнѣніе не употребляя рѣзкихъ словъ и не считалъ также себя въ правѣ утаить свое мнѣніе, но въ эту минуту сознание что онъ былъ правъ не утѣшало его. Она сказала что ему слѣдовало бы помнить что Феликсъ ея сынъ, она превосходно сыграла роль оскорбленной матери. Сердце его было такъ мягко что хотя онъ зналъ живость матери и негодность сына, но онъ очень жалѣлъ что обидѣлъ ее. Просидѣвъ съ полчаса на мосту, онъ пошелъ домой чтобы переодѣться къ обѣду и приготовиться къ извиненію. Въ дверяхъ дома, какъ бы дожидая его, стояла Гетта. На груди ея была роза которую онъ принесъ въ ея комнату, и когда онъ подходилъ къ ней ему показалось что она смотритъ на него милостивѣе чѣмъ когда-либо.

- Мистеръ Карбери, сказала она,—мама такъ огорчена.
- Боюсь что я оскорбилъ ее.
- Нѣтъ, не этимъ, но тѣмъ что вы такъ сердитесь на Феликса.
- Я сержусь на себя за то что огорчилъ ее, такъ сержусь что вы себя представить не можете.
- Она знаетъ какъ вы добры.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не добръ. Я былъ очень грубъ съ ней. Она такъ оскорбилась что выразила намѣреніе уѣхать въ Лондонъ.

Онъ остановился, ожидая что она скажетъ что-нибудь, но она не знала что сказать.

— Мнѣ было бы очень больно еслибы вы и она уѣхали въ гнѣвъ на меня.

— Я не думаю что она уѣдетъ.

— А вы?

— Я совсѣмъ не сержусь. Я никогда не сочла бы себя въ правѣ сердиться на васъ. Я только желала бы чтобы Феликсъ былъ лучше. Но говорятъ что всѣ люди въ молодости дурны, а съ годами исправляются. Онъ занимается теперь чѣмъ-то въ Сити, онъ тамъ какой-то директоръ, и мама надеется что это принесетъ ему пользу.

Роджеръ не могъ выразить никакой надежды на этотъ счетъ, не могъ даже притвориться что одобряетъ директорство.

— Во всякомъ случаѣ пусть онъ попробуетъ, прибавила Генриетта.

— Милая Гетта, я желаю бы только чтобы онъ былъ похожъ на васъ.

— Дѣвушки совсѣмъ другое.

Только поздно вечеромъ, много спустя послѣ обѣда, рѣшилась Роджеръ извиниться формально предъ леди Карбери. Но лучше поздно чѣмъ никогда, и извиненіе было наконецъ принято.

— Мнѣ кажется что я былъ грубъ съ вами когда говорилъ о Феликсѣ и я прошу у васъ прощенія.

— Вы были только энергичны.

— Джентльмену не позволительно быть грубымъ съ женщиной и никому не позволительно быть грубымъ со своими гостями. Надеюсь что вы простите меня.

Вмѣсто отвѣта она протянула ему руку и улыбнулась, и ссора была кончена.

Леди Карбери поняла все значеніе своего торжества и рѣшилась воспользоваться имъ вполнѣ. Хозяинъ Карбери-Голла не будетъ дѣлать никакихъ замѣчаній если Феликсъ пріѣдетъ въ Карбери-Голлъ и отправится оттуда въ Кавершамъ. Роджеръ будетъ воздерживаться отъ всякихъ замѣчаній на этотъ счетъ, онъ будетъ стараться загладить

свою прежнюю грубость. Леди Карбери все это сообразили и взвѣсила. Роджеръ тоже понималъ это и хотя онъ былъ мягокъ и учтивъ въ обращеніи, стараясь сдѣлать домъ свой пріятнымъ для своихъ гостей, но онъ чувствовалъ что былъ лишенъ своего несомнѣннаго права порицать сношенія съ Мельмотами. Вечеромъ получена была записка или лучше сказать цѣлая связка пригласительныхъ записокъ изъ Кавершама. Та которая была адресована къ Роджеру имѣла форму письма. Леди Помона извѣщала что Лонгестаффы должны были отказаться отъ удовольствія обѣдать въ Карбери, такъ какъ у нихъ былъ полонъ домъ гостей. Леди Помона надѣялась что мистеръ Карбери и его родственницы, которыя, какъ она слышала, гостятъ у него, сдѣлаютъ Лонгестаффамъ удовольствіе отобѣдать у нихъ въ слѣдующій понедѣльникъ или вторникъ, когда для нихъ будетъ удобнѣе. Къ этому письму были приложены пригласительныя записки для леди Карбери, для ея дочери и для сэръ-Феликса. Роджеръ передалъ ихъ леди Карбери и спросилъ какъ она желаетъ поступить. Тонъ его голоса покоробилъ ее, въ немъ слышалась его прежняя рѣзкость. Однако она не преминула воспользоваться своимъ недавнимъ торжествомъ.

— Я желала бы поѣхать, сказала она.

— Самъ я конечно не поѣду, сказалъ Роджеръ,—но вы можете отправиться безъ всякихъ затрудненій. Отвѣтите немедленно, слуга ихъ ждетъ.

— Въ понедѣльникъ будетъ удобнѣе. Но конечно только въ томъ случаѣ если вы не ждете никого къ себѣ.

— Я не жду никого.

— Я думаю отвѣтить что мы все, я, Гетта и Феликсъ, принимаемъ ихъ приглашеніе.

— Я не могу дать никакого совѣта на этотъ счетъ, сказалъ Роджеръ, думая въ то же время какъ было бы восхитительно еслибы Генриетта осталась съ нимъ и какъ предосудительно вести ее въ Кавершамъ для свиданія съ Мельмотами.

Бѣдная Гетта не могла выразить никакого мнѣнія на этотъ счетъ. Она не имѣла ни малѣйшаго желанія видѣться съ Мельмотами, но съ другой стороны, ей не хотѣлось обѣдать вдвоемъ съ своимъ кузеномъ Роджеромъ.

— Я такъ и сдѣлаю, сказала леди Карбери послѣ минутнаго размышленія.—Вы очень добры что даете намъ возможность ѣхать.

— Вы свободны поступать здѣсь какъ вамъ угодно, отвѣчалъ онъ тѣмъ тономъ котораго леди Карбери боялась.

Четверть часа спустя Кавершамскій слуга отправился домой съ двумя письмами—однимъ отъ Роджера, выражавшаго сожалѣніе что онъ не можетъ прійхать, другимъ отъ леди Карбери, извѣщавшей что она, дочь ея и сынъ принимаютъ съ величайшимъ удовольствіемъ приглашеніе обѣдать въ понедѣльникъ въ Кавершамъ.

XVI. Епископъ и священникъ.

День въ который леди Карбери пріѣхала къ своему родственнику, прошелъ бурно. Роджеръ Карбери былъ суровъ и леди Карбери пострадала отъ его суровости или по крайней мѣрѣ такъ хорошо притворилась страдающею что заставила его думать что онъ дѣйствительно былъ виноватъ противъ нея. Она выразила намѣреніе уѣхать немедленно въ Лондонъ, и согласившись остаться, осталась съ самою несносною женскою головою болью. Она одержала побѣду, но побѣда досталась ей только послѣ бури. Слѣдующее утро прошло очень спокойно. Вопросъ о свиданіи съ Мельмотами былъ рѣшенъ и не было надобности возобновлять разговоръ объ этомъ. Роджеръ тотчасъ же послѣ завтрака ушелъ на ферму, сказавъ дамамъ что экипажъ къ ихъ услугамъ.—Но боюсь что вы соскучитесь, катаясь по нашимъ полямъ, прибавилъ онъ. Леди Карбери сказала что она никогда не скучаетъ когда остается одна съ книгами. Прежде чѣмъ уйти, онъ зашелъ въ садъ, сорвалъ розу и принесъ ее Генриеттѣ. Онъ только улыбнулся, подавая ей цвѣтокъ. Онъ рѣшилъ не говорить ей о своей любви до понедѣльника, когда ея мать и братъ уѣдутъ въ Кавершамъ, а она, какъ онъ надѣялся, согласится остаться съ нимъ. Принимая цвѣтокъ, она подняла на него глаза и шепотомъ поблагодарила его. Она вполнѣ цѣнила правдивость и честность его характера и могла бы любить его очень горячо, какъ родственника, еслибъ онъ согласился удовольствоваться такою любовью. Въ глубинѣ сердца она начала принимать его сторону противъ матери и брата и чувствовала что онъ могъ быть для нея самымъ вѣрнымъ руководителемъ. Но могла ли она имѣть руководителемъ человека который былъ влюбленъ въ нее и которому она не могла отвѣчать тѣмъ же?

— Боюсь, душа моя, что мы проведемъ здѣсь время не совсѣмъ пріятно, сдѣлала леди Карбери дочери.

— Почему вы такъ думаете, мама?

— Скучно будетъ. Нашъ родственникъ лучший другъ въ мірѣ и былъ бы лучшимъ мужемъ какого только можно выбрать изъ всѣхъ англійскихъ джентльменовъ, но при его теперешнемъ расположеніи, по мнѣ онъ пренебрежѣннѣйшій хозяинъ. Какой вздоръ говорилъ онъ по поводу Мельмотовъ!

— Я сама не думаю, мама, чтобы Мельмоты могли быть пріятными людьми.

— Почему же они не могутъ быть настолько же пріятными людьми какъ всѣ другіе люди? Пожалуста не говори хоть ты такого вздора, Генриетта. Отъ сверхъестественно добродѣтельнаго Роджера позволютъ приходится выслушивать такіа мнѣнія, но тебя я прошу не подражать ему.

— Вы несправедливы, мама.

— А я нахожу что ты несправедлива когда говоришь дурно о людяхъ которые могутъ и хотятъ поставить на ноги Феликса. Одно твое слово можетъ уничтожить все что намъ удастся сдѣлать.

— Какое слово?

— Какое слово? Всякое слово. Если ты имѣешь какое-нибудь вліяніе на брата, ты должна торопить его съ этимъ дѣломъ. Я увѣрена что Мери пошла бы за него охотно. Она поручила ему обратиться къ ея отцу.

— Почему же онъ не обратится къ мистеру Мельмоту?

— Мнѣ кажется что онъ стѣсняется своею бѣдностью. Но еслибы Роджеръ далъ понять что Феликсъ его наслѣдникъ и что со временемъ онъ будетъ сэръ-Феликсомъ Карбери изъ Карбери, мнѣ кажется что даже старикъ Мельмотъ не сталъ бы противорѣчить.

— Какъ это возможно, мама?

— Если Роджеръ умретъ бездѣтнымъ Феликсъ будетъ его наслѣдникомъ.

— Вамъ не слѣдовало бы думать объ этомъ, мама.

— Какъ ты смѣешь учить меня о чемъ мнѣ слѣдуетъ думать и о чемъ не слѣдуетъ? Развѣ мнѣ не слѣдуетъ думать о моемъ сынѣ? Развѣ онъ для меня не дороже всѣхъ въ мірѣ? И я говорю правду. Еслибы Роджеръ умеръ, твой братъ сдѣлался бы сэръ-Феликсомъ Карбери изъ Карбери.

— Но, мама, онъ проживетъ еще долго и будетъ имѣть семейство. Это очень возможно.

— Однако ты говоришь что онъ такъ старъ что тебѣ не хочется глядѣть на него.

— Я никогда не говорила этого, мама. Если я называла его старикомъ, это была шутка. Я никогда не говорила что онъ слишкомъ старъ для женитьбы. Многя желаютъ старше его.

— Если ты не пойдешь за него, онъ не женится никогда. Онъ такъ настойчивъ и упрямъ что никакія перемѣны для него невозможны. Онъ будетъ тосковать о тебѣ пока не сдѣлается старымъ мизантроломъ. Еслибы ты вышла за него я была бы очень рада. Ты мое дитя какъ и Феликсъ. Но если ты намѣрена остаться непреклонной, я желала бы чтобы Мельмотамъ дано было повѣсть что состояніе и титулъ будутъ со временемъ соединены въ рукахъ Феликса.

— Кто же долженъ сказать это?

— Въ этомъ-то и дѣло. Реджеръ такъ горячъ и такъ исполненъ предразсудками что съ нимъ нельзя говорить о такихъ престыяхъ вещахъ.

— О, мама, неужели вы скажете что.. что этотъ домъ долженъ перейти послѣ его смерти къ Феликсу?

— Онъ не умретъ отъ этого ни однимъ днемъ раньше.

— Вы не рѣшитесь сказать ему этого, мама.

— Нѣтъ ничего на что я не рѣшилась бы для моихъ дѣтей. Но не смей такъ insultать, Генриетта. Я не скажу ему ничего подобнаго. Онъ не настолько провицателемъ чтобы повѣсть какую неоцѣнимую услугу онъ могъ бы оказать намъ, ничѣмъ не повредивъ себѣ.

У Генриетты едва не сорвался съ языка отвѣтъ что ихъ родственникъ достаточно провицателемъ чтобы повѣсть что бы то ни было, но что онъ слишкомъ честенъ чтобы принять участіе въ подобномъ дѣлѣ. Между матерью и дочерью въ этотъ разъ не было сочувствія. Генриетта начала понимать въ какомъ лабиринтѣ интригъ призвыла жить ее мать и почувствовала къ нимъ отвращеніе и презрѣніе. Но она считала своею обязанностью воздерживаться отъ возраженій.

Послѣ полудня леди Карбери приказала заложить лошадей и отправилась въ Бикальсъ чтобы послать сыну телеграмму заключающуюся въ слѣдующихъ словахъ: „ты долженъ обѣдать въ Кавершамъ въ понедѣльникъ. Пріѣзжай если можешь въ субботу. Она тамъ“. Леди Карбери долго думала надъ выраженіями своей телеграммы. Телеграфистка могла догадаться кто была „она“ и съ какою цѣлью сообщалось что

„она“ въ Кавершамѣ и могла разгласить это. Съ другой стороны, необходимо было уведомить Феликса на что онъ не могъ разчитывать. Онъ обѣщалъ пріѣхать въ субботу съ тѣмъ чтобъ уѣхать въ понедѣльникъ и еслибы она не предупредила его, онъ по всей вѣроятности вѣшалъ бы предлогъ чтобъ уѣхать въ понедѣльникъ и отдѣлаться отъ Лонгестаффовъ и ихъ обѣда. Еслибы написалъ ему только чтобъ онъ пріѣхалъ на понедѣльникъ, онъ пропустилъ бы случай видѣться съ Мери въ воскресенье. Леди Карбери хотѣлось залучить его на болѣе долгій срокъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ для этого было сообщить ему что наследница уже пріѣхала въ Кавершамъ. Возвратясь домой леди Карбери залегла въ своей спальнѣ и проработала часа два надъ статьей которую готовила для *Breakfast Table*. Никто не имѣлъ права упрекнуть ее въ лѣности. Затѣмъ она вышла въ садъ и гуляя одна разглагольствовала въ головѣ планъ новой книги которую собиралась написать. Что бы ни случилось, она будетъ продолжать работать, говорила она себѣ. Если Карбери будутъ несчастны, то никакъ не по ея винѣ. Генриетта провела весь день одна. Она не видала Роджера отъ завтрака до самаго обѣда, но весь день она думала только о немъ, думала какъ онъ добръ, какъ честенъ, какъ онъ въ правѣ разчитывать на дружбу съ ея стороны. Мать ея считала его человѣкомъ отжившимъ, только потому отжившимъ что онъ имѣлъ несчастье полюбить ее. Неужели онъ дѣйствительно такъ постояненъ что никогда не женится если она не согласится быть его женой? Она начала думать объ немъ съ большею вѣжностью чѣмъ прежде, но все еще была увѣрена что не могла полюбить его. Она обязана можетъ-быть выйти за него не любя его, потому что онъ такъ добръ, но любить его она не можетъ.

Вечеромъ пріѣхали епископъ, жена его, мистрисъ Ельдъ, Гелворты изъ Эрдли и отецъ Джонъ Баргамъ, католическій священникъ изъ Букальса. Всѣхъ собралось восемь человѣкъ, лучшее число для небольшого общества дамъ и мужчинъ за обѣденнымъ столомъ, когда вѣтъ хозяйки чтобы занять мѣсто противъ хозяина. Гелвортъ сѣлъ противъ мистера Карбери, епископъ противъ патера, а дамы по четыремъ угламъ стола. Роджеръ всегда очень заботился о комфортѣ своихъ гостей, хотя никогда не говорилъ объ этомъ. Въ гостиной онъ былъ особенно любезенъ съ молодымъ священникомъ и представилъ его епископу, его женѣ и своимъ родственни-

цамъ. Генриетта слѣдила за своимъ кузеномъ весь вечеръ и прилуждена была сознаться что въ своемъ домѣ онъ былъ образцомъ любезности. Она, конечно, знала это и прежде, но она никогда не наблюдала за нимъ такъ какъ теперь, когда ей сказали что онъ умретъ неженатымъ и бездѣтнымъ, потому что она не хочетъ быть его женою и матерью его дѣтей.

Епископъ былъ человѣкъ дѣтъ шестидесяти, очень здоровый и красивый, съ волосами только-что начинавшими сѣдѣть, съ ясными глазами, пріятнымъ ртомъ и полнымъ подбородкомъ, шести футовъ роста, широкоплечій, съ большими руками и съ ногами какъ бы созданными для клерикальных панталонъ и чулокъ. Кроме жалованья онъ имѣлъ свое независимое состояніе и такъ какъ онъ не ѣздилъ въ Лондонъ и не имѣлъ дѣтей, то могъ жить въ провинціи какъ вельможа. И онъ жилъ какъ вельможа и былъ очень популяренъ. Видные обожали его, тѣ изъ духовныхъ лицъ его епархіи которыя не были фанатиками въ своей теологіи считали его образцовымъ епископомъ, фанатики же называли его человѣкомъ раболовнымъ, потому что онъ не хотѣлъ примкнуть ни къ какой партіи. На самомъ дѣлѣ это былъ человѣкъ безкорыстный, любившій своего ближняго какъ самого себя, прощавшій всѣ обиды, отъ души благодарившій Бога за своей хлѣбъ насущный и горячо молившійся объ избавленіи отъ искушеній. Но я сомнѣваюсь способенъ ли онъ былъ проповѣдывать какое-нибудь опредѣленное вѣрученіе и даже могъ ли онъ опредѣлить ясно свое собственное вѣреніе. Неизвѣстно также былъ ли онъ свободенъ отъ религиозныхъ сомнѣній. Если они у него были, онъ никогда не заикался о нихъ даже своей женѣ. Но судя по тону его голоса и по его взгляду, вы сказали бы что онъ не знакомъ съ мучительною агоніею какую должны производить подобныя сомнѣнія въ душѣ человѣка въ его положеніи. Однако было замѣчено что онъ никогда не говорилъ о своей собственной вѣрѣ. Онъ былъ усерденъ въ проповѣдываніи и проповѣди его были всегда кратки, сильны и назидательны. Онъ былъ неутомимъ въ заботахъ о благосостояніи своихъ прихожанъ и домъ его былъ постоянно открытъ для нихъ. Онъ принималъ горячее участіе въ постройкѣ каждой церкви въ его епархіи. Онъ заботился о школахъ и ревностно хлопоталъ объ улучшеніи положенія бѣдныхъ. Но никто никогда не слышалъ отъ него что человѣческая душа она-

сется или погибнетъ, смотря по тому какую религію кто исповѣдуетъ. Во всей Англійи можетъ-быть не было епископа такъ любимаго и такъ полюбимаго какъ епископъ Эгамскій.

Человѣка болѣе нелюбимаго на епископа Эгамскаго чѣмъ патеръ Баргамъ, римско-католическій священникъ Биксъ, трудно себѣ представить, хотя оба они были несомнѣнно хорошіе люди. Патеръ Баргамъ былъ ростомъ не выше пяти футовъ девяти дюймовъ, но такъ тонокъ, такъ худъ что казался высокимъ. Волосы у него были густые, темно-каштановые и коротко остриженные по обычаю его церкви, но онъ такъ усердно трепалъ ихъ руками что всегда казался лохматымъ. Это была привычка пріобрѣтенная еще въ ранней юности, когда у него были длинныя кудри падавшія на лобъ. Разговаривая онъ постоянно водилъ рукой по волосамъ или забывшись держалъ ее на головѣ. У него былъ высокій и широкій лобъ, глаза темно-голубые и очень большіе, тонкій, длинный носъ, худыя, свалившіяся щеки, красивый большой ротъ и широкій, твердый подбородокъ. Кромѣ своего священническаго жалованья, которое едва хватало ему на пропитаніе, онъ не имѣлъ ровно ничего, но не было человѣка равнодушнѣе отца Баргама къ матеріальнымъ благамъ. Онъ былъ младшимъ сыномъ небогатаго помещика, и былъ посланъ въ Оксфордъ для полученія священническаго сана, но наканунѣ своего посвященія онъ объявилъ себя римскимъ католикомъ. Семейство его было очень огорчено этимъ, но не ссорилось съ нимъ пока онъ не обратился въ католичество одну изъ своихъ сестеръ. Изгнанный за это изъ дома онъ однако успѣлъ обратитъ своими просьбами и другими сестеръ. Послѣ этого отецъ совершенно откачался отъ него. Но Дженъ Баргамъ не жаловался. Страдать за вѣру онъ считалъ неизбежнымъ условіемъ своей жизни. Едино обращеніе не доставило бы ему такого счастья и удовольствія какъ теперь, еслибъ оно не навлекло на него гонимій, общественнаго униженія и бѣдности. Онъ думалъ что отецъ его какъ протестантъ—по его понятіямъ протестанта и лавчаники были одно и то же—былъ правъ поссорившись съ нимъ. Но онъ любилъ отца и возносилъ безконечныя молитвы къ святымъ о его обращеніи.

Вѣрить и повиноваться, подчинитъ свой расудокъ власти другаго или другихъ, руководитъ во всемъ указаніями

авторитетовъ отецъ Баргамъ считалъ долгомъ всякаго чело-
вѣка. Такъ какъ вѣра есть все, и сама по себѣ достаточна для
спасенія челоуѣка, говорилъ онъ, то добрая нравственность
не имѣетъ никакого значенія и есть только ея естественный
результатъ. Доктрины его церкви имѣли значеніе религіи для
отца Баргама и всегда готовыи доказывать ихъ справедли-
вость, равнодушный къ враждѣ которую могла навлечь на
него его ревность, онъ проповѣдывалъ ихъ благовременно и
безвременно. Дѣлать все возможное для обращенія людей въ
свою вѣру было единственною задачей которую онъ видѣлъ
предъ собою. Можетъ-быть во всю жизнь ему удастся обра-
тить только одного заблуждающагося, думалъ онъ, можетъ-
быть удастся только полуобратить кого-нибудь или только
смутить чью-нибудь душу настолько чтобы приготовить ее
къ принятію дальнѣйшаго ученія, но и для этого стоить
пожертвовать жизнью. Онъ готовъ сѣять сѣмя, но если это
не дано ему, онъ будетъ готовить почву для посѣва.

Патеръ Баргамъ поселился въ Бижльсѣ очень недавно; но
Роджеръ Карбери сразу замѣтилъ что онъ былъ джедль-
мень и по происхожденію, и по воспитанію, замѣтилъ также
что онъ былъ очень бѣденъ и замѣтивъ это протянулъ ему
руку помощи. Молодой патеръ проявлялъ гостеприимство
своего сосѣда безъ всякихъ затрудненій и однажды шута
высказалъ что охотно придетъ обѣдать въ Карбери потому
что чувствуетъ сильную потребность въ сытномъ обѣдѣ.
Онъ принималъ подарки изъ фруктоваго сада и птичьаго
двора Карбери, говоря что онъ слишкомъ бѣденъ чтобъ от-
казываться отъ чего бы то ни было. Откровенность отца
Баргама во всемъ что касалось его самого обворожила Ро-
джера, и расположеніе его къ молодому челоуѣку не поколе-
балось даже послѣ того какъ однажды вечеромъ, въ гости-
ной Карбери, отецъ Баргамъ приступилъ къ обращенію сво-
его хозяина. „Я уважаю вашу религію“, сказалъ Роджеръ,—
„но она не годится для меня“. Патеръ однако не хо-
тѣлъ оставить его въ покоѣ. Если не удастся посѣять сѣмя,
онъ по крайней мѣрѣ вспашетъ почву. Онъ уже успѣлъ по-
вторить свою попытку раза два или три, и Роджеръ началъ
тяготиться этимъ. Но патеръ относился къ своему дѣ-
лу горячо, а такая горячность внушаетъ уваженіе. Къ тому
же Роджеръ былъ увѣренъ что проповѣди отца Баргама,
какъ ни были онѣ несносны, не могли повредить ему.

Потомъ ему пришло однажды въ голову что онъ зналъ эгамскаго епископа двѣнадцать лѣтъ и ни разу не слышалъ отъ епископа ничего похожаго на релігіозную проповѣдь, кромѣ какъ съ каведры, между тѣмъ какъ католическій латерь, который былъ для него чужимъ человѣкомъ, постоянно говорилъ съ нимъ о своей релігіи. Роджеръ не былъ склоненъ къ отвѣченнымъ размышленіямъ и ему казалось что съ епископомъ пріятнѣе имѣть дѣло чѣмъ съ латеромъ.

Леди Карбери за обѣдомъ сіяла улыбка и любезностью. Никто глядя на нее не подумалъ бы что сердце ея было обременено тяжелыми заботами. Она сидѣла между епископомъ и Роджеромъ и искусно поддерживала разговоръ съ обоими. Она и прежде встрѣчалась съ епископомъ и однажды завела съ нимъ разговоръ о своей душѣ. Тотъ перваго отвѣта добраго старика показалъ ей ея ошибку, и она уже не повторяла ея. Она обыкновенно говорила о своемъ умѣ съ мистеромъ Альфомъ, о своемъ сердцѣ съ мистеромъ Броуномъ, о своемъ тѣлѣ и его нуждахъ съ мистеромъ Букеромъ. Она готова была поговорить при удобномъ случаѣ и о душѣ своей, но была слишкомъ умна чтобы навязывать эту тему кому бы то ни было. За обѣдомъ она горячо восхваляла прелести Карбери и его окрестностей.

— Я также нахожу что Суффокъ очень пріятное графство, сказалъ епископъ,—и такъ какъ мы живемъ только въ двухъ миляхъ отъ Норфока, я скажу то же самое и о Норфокѣ. Жалка та птица которая не хвалитъ своего гнѣзда.

— Я люблю провинцію гдѣ остались провинціальныя чувства, сказала леди Карбери.—Стаффордширъ, Ворвикширъ, Чеширъ и Ланкаширъ превратились въ большіе города и утратили всякія мѣстныя отличія.

— А мы все еще сохранили свое прозвище „гаулаго Суффока“, сказалъ епископъ.

— Незаслуженное прозвище.

— Настолько же незаслуженное какъ и всѣ другіе общіе эпитеты. Мнѣ кажется что мы только сонный народъ. У насъ нѣтъ ни каменнаго угла, ни желѣза, ни прекрасныхъ видовъ, какъ въ озерной странѣ, ни рыбныхъ рѣкъ, какъ въ Шотландіи, ни дичи.

— А куролатки, заступилась леди Карбери съ многою энергіей.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1876 г.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоитъ въ 1876 Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, пятнадцать руб. пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкою на домъ въ Москву и Петербургѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза: въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію, Румынію, Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію, Испанію, Португалію, Норвегію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р.; во Францію 20 р. 50 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базукова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базукова, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, домъ № 30.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе книжекъ предъ тѣми изъ подписчиковъ кои обратятся непосредственно въ контору редакціи и въ контору Университетской Типографіи.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1876 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1876 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій тринадцать рублей сер.; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи шестнадцать рублей сер.; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки пятнадцать рублей; съ доставкою и пересылкою восемнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Казанскій мостъ)
на Страстномъ Бульварѣ.

ССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЫЙ

1875

ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. УЛАНЫ ЦЕСАРЕВИЧА КОНСТАНТИНА. Эпизодъ изъ исторіи Уламскаго Его Величества поака. В. В. Брестовскаго.
- II. ПОВЪЗКА НА КУБАНЬ. А. Л. Эиссермана.
- III. ЗНАЙ НАШИХЪ! Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Н. А. Чаева.
- IV. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ. Романъ. Конецъ второй книги. В. Г. Австенко.
- V. ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПРУССИИ. Романъ Гакалендера. Переводъ съ нѣмецкаго. Окошанинъ.
- VI. ЗНАКОМСТВО СЪ ШЕКСПИРОМЪ ВЪ РОССИИ ДО 1812 ГОДА. В. А. Лебедева.
- VII. ТОСКА ПО РОДИНѢ. Комическая поэма. Д. В. Аверкіева.
- VIII. ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ ЖЕНЫ КАЗАЧЬЯГО ОФИЦЕРА. А. Копцевой.
- IX. ПАМЯТИ М. П. ПОГОДИНА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антона Тростолова. Переводъ съ англійскаго. Гл. XVII - XXIII.

Продолженіе романа графа Л. Н. Толстаго **АННА КАРЕНИНА** вычисляется печатаніемъ съ январьской книжки.

110

О ПОДПИСКѢ

н а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1876 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ **ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ**.

Подписка принимается: въ Москвѣ, отъ городскихъ подписчиковъ въ конторѣ Университетской Типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ; отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, въ конторѣ редакціи, въ домѣ Университетской Типографіи. Петербургскіе подписчики подписываются могутъ въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправное получение книжекъ предъ тѣми изъ подписчиковъ кои обратятся непосредственно въ контору редакціи и въ контору Университетской Типографіи.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету:

Р. К.

Въ государства Германскаго Почтоваго Союза:
въ Италію, Бельгію, Францію, Нидерланды,
Швейцарію, Сербію, Румынію, Англию, Данію,
Швецію, Грецію, Европейскую Турцію, Испа-
нію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Амери-
канскіе Соединенные Штаты. 18 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному со-
глашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ

НА

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

1876 года.

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1876 году еже- дневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками которые приходятся на недѣль, причемъ, въ случаѣ полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читателямъ въ табельные дни особыми прибавленіями. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за двумя праздничными днями) издается, какъ и прежде, полный листъ газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1876 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и больше, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты не помѣщается. Желаніе получить газету съ этими прибавленіями платятъ особю, какъ означено ниже.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подлищниковъ, на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* въ 1876 годѣ слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	3 р. 75 к.	На 3 мѣсяца.....	4 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	7 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ.....	8 „ 50 „
„ 12 „.....	13 „ — „	„ 12 „.....	15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ ВАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	5 р. — к.	На 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	9 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ.....	10 „ — „
„ 12 „.....	16 „ — „	„ 12 „.....	18 „ — „

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почтъ 16^о, подписной цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

Цѣна съ доставкой за границу:

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На год
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англiю, Францiю, Австрiю, Бельгiю, Германiю, Грецiю, Данiю, Италию, Испанiю, Норвегiю, Швецию, Швейцарiю, Португалiю, Молдавию, Валахию, Сербию, Европейскую Турцiю, Голландiю, Черногорiю и Северо-Американскiе Соединенные Штаты	6 р. 50 к.	12 р. 50 к.	23 р.

	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На год
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англiю, Францiю, Австрiю, Бельгiю, Германiю, Грецiю, Данiю, Италию, Испанiю, Норвегiю, Швецию, Швейцарiю, Португалiю, Молдавию, Валахию, Сербию, Европейскую Турцiю, Голландiю, Черногорiю и Северо-Американскiе Соединенные Штаты	8 р.	14 р.	28 р.

Въ иностранныя государства выше не уломянутыя подписка принимается по соглашенiю съ редакцiей.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданiя въ девяти западныхъ и во всѣхъ привислинскихъ и прибалтiйскихъ губернiяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 9 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленiй, 11 р. въ годъ съ казенными объявленiями; 5 р. за полгода безъ казенныхъ объявленiй, 6 р. за полгода съ казенными объявленiями.

Редакцiя проситъ иногородныхъ присылать адреса *четко* написанные, съ обозначенiемъ *ближайшей почтовой станцiи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

УЛАНЫ ЦЕСАРЕВИЧА КОНСТАНТИНА *

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ УЛАНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПОЛКА.

I.

Въ началѣ войны 1803 года, появился въ Петербургѣ вѣктографъ Пальфи, родомъ Венгерецъ, офицеръ цесарской службы, присланный въ Россію съ назначеніемъ состоять при Австрійскомъ посольствѣ. Появленіе этого иностранца сразу же было замѣчено и въ великосвѣтскихъ салонахъ, и въ военномъ мірѣ. По свидѣтельству одного изъ современниковъ, то былъ статный молодецъ и красавецъ атлетически-изящнаго сложенія. Родъ войска къ которому принадлежалъ онъ не существовалъ дотошъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ если

* Настоящая статья, равно какъ и послѣдующая (подъ заглавіемъ: *Воспалая жизнь въ Варшавѣ съ 1815 по 1831 годъ*), составляютъ эпизоды изъ *Исторіи лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка*, надъ которою по Высочайшей волѣ работаетъ авторъ. Предлагаемъ вниманію читателя эти эпизоды потому что въ нихъ заключается много интереснѣйшихъ свидѣній о военной эпохѣ того времени, а также о цесаревичѣ Константйнѣ Павловичѣ, его характерѣ и отношеніяхъ къ своимъ войскамъ. Личность цесаревича, достойная вниманія и изученія во многихъ отношеніяхъ, вообще мало разработана въ нашей литературѣ, и авторъ, въ предѣлахъ своей задачи, имѣетъ въ виду отчасти пополнить этотъ пробѣлъ. Ред.

не по сущности, то по названію. Графъ Пальфи служилъ въ *уланскъ*. На придворныхъ балахъ и выходахъ, во время военныхъ парадовъ и иногда при разводѣ всѣ невольно любовались и заглядывались на „прекраснаго улана“ — „le beau lancier“, какъ его тогда называли. Австрійскій уланскій мундиръ того времени, заимствованный изъ старопольскаго уланскаго наряда, отличался отъ своего первообраза тѣмъ что куртка была узка, сшита сзади колетомъ, вся въ обтяжку и не имѣла на бокахъ отворотовъ. Памтаваны съ лампасами тоже были кроены узко и сидѣли въ обтяжку, а оригинальная шапка, лихо сдвинутая набекрень, украшалась роскошнымъ султаномъ. Этотъ изящный воинственный нарядъ необыкновенно понравился цесаревичу Константину. Какъ человекъ любившій страстно кавалерійское дѣло, онъ увлекся мыслію о новомъ родѣ коннаго войска и, пользуясь своимъ званіемъ генералъ-инспектора всей кавалеріи, обратился къ императору Александру Павловичу съ просьбой разрѣшить ему сформированіе одного полка по образцу австрійскихъ уланъ, съ тѣмъ чтобъ этотъ полкъ непременно былъ названъ *уланскимъ*.*

Какъ разъ кстати, въ это самое время въ „украинской инспекціи“ формировались по Высочайшему повелѣнію два гусарскіе полка: Бѣлорусскій и Одесскій.** Формированіемъ послѣдняго въ двухъ городкахъ Кіевской губерніи, Махновкѣ и Сквирѣ, занимался одинъ изъ любимѣйшихъ генералъ-адъютантовъ императора Александра, баронъ Винцингероде который къ тому времени едва лишь успѣлъ приступить къ началу своего порученія, и такимъ образомъ суммы отпущенныя на снаряженіе и обмундированіе Одесскихъ гусаръ не были еще израсходованы. Поэтому цесаревичъ и просилъ отдать въ его распоряженіе именно Одесцевъ. Государь согласился, и вотъ съ 11го сентября 1803 года въ рядахъ рус-

* *Воспоминанія* Э. В. Бугарина, т. II, стр. 159 и 160.

** Высочайшій указъ отъ 16го мая 1803 года (см. *Полн. Собр. Законовъ* т. XXVII, № 20.764). При императорѣ Павлѣ всѣ регулярныя военныя силы Россіи были раздѣлены на тринадцать территориальныхъ инспекцій, со включеніемъ и гарнизонныхъ частей. Каждая инспекція занимала извѣстный опредѣленный районъ и оставала ядрою среднее между дивизіей и корпусомъ, осмотра по числу входившихъ въ нея составъ войскъ, въ строевомъ же, равно какъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ подчинялась особому инспектору.

ской арміи началъ свое существованіе *первый уланскій полкъ*. Шефомъ его въ тотъ же день Высочайше назначенъ былъ цесаревичъ, и полку повелѣно именоваться „Уланскимъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича“.*

Слово *уланъ* азиатскаго происхожденія и по-татарски значить *молодецъ*. Въ арміи Тамерлана было вѣсколько полковъ отборной конницы, одообразно одѣтой и вооруженной ликами съ флюгерами.** Татары поселившіеся въ Литвѣ и Польшѣ и составлявшіе иногда конныя ирегулярныя ополченія для службы польскимъ королямъ сохраняли и свое прежнее названіе *улановъ*, которое было отъ нихъ перенято Поляками. Въ послѣдствіи польское правительство стало формировать у себя регулярныя конныя полки того же наименованія, гдѣ наряду съ Татарами служили „по калитуляціи“ и лица польско-литовскаго происхожденія; а такъ какъ Польская нація первая въ Европѣ усвоила себѣ этотъ новый родъ кавалеріи, то уланы и признавались повсюду національнымъ польскимъ войскомъ, которое со временемъ было перенято у нихъ другими государствами.

Въ Россіи первая попытка къ учрежденію уланъ была сдѣлана въ царствованіе императрицы Екатерины Великой. При проектѣ образованія Новороссійской губерніи, 22го марта 1764 года, представлено было на Высочайшее благоусмотрѣніе сформировать поселенный кавалерійскій полкъ, вооруженный ликами, и назвать его, по примѣру другихъ европейскихъ державъ, *уланскимъ*. На образованіе этого рода кавалеріи хотя и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, но на названіе *улановъ* императрица Екатерина II не соизволила, и потому предложенный въ проектѣ Елизаветградскій уланскій полкъ получилъ названіе Елизаветградскаго *пикинернаго* и

* *Полн. Собр. Зак.*, т. XXVII, № 20.935. Высочайшій приказъ отданный въ С.-Петербургѣ 11го сентября 1803 года: „Бышшему шефу оного (Одесскаго гусарскаго) полка, генералъ-адъютанту барому Виццигероде поправаать попрежнему должность генералъ-адъютанта“. Баронъ Виццигероде вскорѣ былъ употребленъ по дипломатической части (см. *Воспоминанія* Ф. Бугарина, т. II, стр. 160). Приказъ по Одесскому гусарскому полку отъ 17го сентября 1803 года. (Архивъ Л.-Гв. Уланскаго полка. *Исторія* того же полка, соч. С. Гаваловскаго, ч. III, стр. 91, приложение № 1).

** *Военно-Энциклопедическій Лексиконъ*, т. XIII, стр. 202.

былъ сформированъ преимущественно изъ казаковъ и изъ двухъ пандурскихъ полковъ Ново-Сербскаго поселенія. * Сответственно названію, этому роду войска, конечно, даны были и лики, но только безъ флажеровъ. ** Въ томъ же году прибавлены еще три ликиверные полка: Луганскій, Донецкій и Дѣлтровскій, а со временемъ число ихъ увеличилось Полтавскимъ и Херсонскимъ, но въ 1784 году эти шесть полковъ названы „*легкоконными*“ полками Екатеринославской арміи“.

Въ 1797 году, императоръ Павелъ Петровичъ, желая дать приличное занятіе множеству польской шляхты, поручилъ генералу Домбровскому *** устроить конно-польскій полкъ, на правахъ и преимуществахъ прежней польской службы. Этотъ полкъ не получалъ рекрутовъ, а формировался и комплектовался вольно-опредѣляющимися „на вербункахъ“. Шляхта составляла первую шеренгу и каждый солдатъ изъ шляхтичей назывался „товарищемъ“. Вторая же шеренга состояла изъ вольно-опредѣляющихся не доказавшихъ шляхетскаго происхожденія и называвшихся „шеренговыми“. Служили въ этомъ полку „по капитуляціи“, то-есть по договору, на шесть, на девять и на двѣнадцать лѣтъ. Ультеръ-офицеры изъ „товарищей“ назывались „намістниками“ и производились на вакансіи въ офицеры. Люди Конно-Польскаго товарищескаго полка одѣты были какъ старинные польскіе уланы Пинской бригады. Они носили длинную синя куртку съ малиновыми отворотами, синіе шаровары съ малиновыми же лампасами и стоячія конфедератки, а волосы залускали до половины шеи, что называлось тогда „à la Kosciuszko“. Но насколько можно судить по рисункамъ того времени, вся эта форма не особенно была красива и щеголевата. Въ томъ же году, но вѣсколько позднѣе, по образцу конно-польскаго и на такихъ же основаніяхъ былъ сформированъ Литовско-Татарскій конный полкъ. И тотъ и другой были вооружены карабинами и ликами съ флажерами, какъ уланы, но имени уланы все-таки не существовало въ Россіи до 11го сентября 1803 года.

* *Обозрѣніе состава и устройства регулярной русской кавалеріи*, соч. П. А. Иванова, стр. 89.

** *Хроника Императорской Россійской арміи*.

*** Не тому котораго командовалъ польскими легіонами во Франціи.

Родоначальники Уланскаго имени Цесаревича полка были части въкоторыхъ наистарѣйшихъ полковъ русской команды, а именно Сумскаго, Ахтырскаго и Изюмскаго.*

Воинская коммиссія, учрежденная императоромъ Александромъ I, представила ни Высочайшее возврѣніе докладъ ** о необходимости усилить сухопутную армию четырнадцатью полками: четырьмя драгунскими, двумя гусарскими, семью мушкетерскими и однимъ егерскимъ, да еще однимъ конно-артиллерійскимъ баталіономъ.***

Недохватъ до комплекта какъ въ старыхъ, такъ и во вновь формируемыхъ полкахъ, куда были назначены заранее уже намѣченныя роты и эскадроны, долженъ былъ пополниться рекрутами перваго набора. Намѣченныямъ частямъ предписано было собраться и выступить въ штабы вновь формируемыхъ полковъ черезъ 24 часа по полученіи Высочайшаго приказа и слѣдовать къ новымъ штабъ-квартирамъ ближайшими и удобѣйшими трактами. Каждый эскадронъ, въ силу этого приказа, отправился къ мѣсту своего назначенія въ томъ составѣ людей и лошадей въ какомъ застигло его Высочайшее повелѣніе; но при этомъ были захвачены съ собою всѣ оружейныя, мундирныя и аммуничныя вещи, эскадронный обозъ съ подъемными лошадьми и полнымъ своимъ снаряженіемъ, а также полный комплектъ полагаемыхъ по эскадронному штату вестроевыхъ нижнихъ чиновъ: цирюльниковъ, лазаретныхъ служителей, свѣдельныхъ и коновальныхъ учениковъ, кузнецовъ, плотниковъ, ложниковъ и фурлейтовъ, со всѣмъ надлежащимъ до нихъ инструментомъ.*** Вновь назначенные шефы, прибывъ заблаговременно въ мѣста своихъ будущихъ полковыхъ штабовъ, еще до прихода ожидаемыхъ эскадроновъ, одѣлали уже распоряженія о заготовленіи квартиръ, фуража, провіанта и о построеніи конюшенъ для строевыхъ лошадей. Каждый новый полкъ принималъ свое названіе съ той самой минуты

* Одинъ дивизионъ въ составъ этого полка вошелъ также изъ Мариупольскаго гусарскаго.

** Отъ 19го марта 1803 года.

*** Драгунскіе полки въ составѣ пяти, а гусарскіе десяти эскадроновъ, пѣхотные же въ двѣнадцатиротномъ составѣ.

**** Полки эти укомплектовывались и содержались по штатамъ и табелямъ 30го апрѣля 1802.

какъ только командиръ перваго прибывшаго эскадрона являлся къ своему шефу. *

Такимъ образомъ къ барону Винцингероде прибыли изъ Кіевской инспекціи по одному дивизиону отъ полковъ: Сумскаго, Изюмскаго и Ахтырскаго, а изъ Украинской одинъ дивизионъ Мариупольскаго полка, каждый съ присвоеннымъ ему штандартомъ. Рекрута, въ количествѣ 241 человѣка, при готовомъ уже кадрѣ старослуживыхъ солдатъ, пополнили новосформированную часть до комплекта—и къ началу сѣдующаго 1804 года Лейбъ-Уланскій Цесаревича полкъ находился уже въ составѣ десяти эскадроновъ, дѣлясь кромѣ того еще на два баталіона. 1й баталіонъ имѣлъ свой штабъ въ Махновкѣ, гдѣ помѣщался и штабъ всего полка, а 2й въ городѣ Сквирѣ. **

Баронъ Винцингероде получилъ назначеніе по дипломатической части, а на мѣсто его, по выбору цесаревича, назначенъ былъ командиромъ полка одинъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ русской арміи, шефъ Тверскаго драгунскаго полка, генераль-майоръ баронъ Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій. Выборъ цесаревича палъ на него не случайно: получивъ осенью 1801 года въ командованіе Тверскихъ драгунъ, Меллеръ-Закомельскій въ самое короткое время довелъ свою часть до высокаго совершенства въ отношеніи выправки солдатъ и выѣздки лошадей. Кромѣ того, это былъ человѣкъ боевой, который уже въ штабъ-офицерскихъ чинахъ участвовалъ въ войнахъ: послѣдней Турецкой и Польской, подъ начальствомъ Суворова, и въ Персидской съ Валеріаномъ Зубовымъ. Наконецъ и личныя свойства его ума и характера также были приняты въ соображеніе. Всѣмъ извѣстны были его доброта, пріятливая ласковость и отличное образованіе. Офицеры и солдаты служившіе подъ его начальствомъ обожали его. Все это въ совокупности повлияло на выборъ великаго князя, которому Егоръ Ивановичъ былъ уже давно и хорошо извѣстенъ по личному съ нимъ знакомству. ***

Цесаревичъ съ пламенною любовію занялся формированіемъ

* Высочайшій приказъ отъ 16го мая 1803 (См. Полн. Собр. Зак. Т. XXVII, № 26764.

** Ibid.

*** О. Бугаринъ. *Воспоминанія*. Ч. II, стр. 161, 347—349.

емъ своего полка, и нарочно по нѣскольку разъ въ этотъ годъ наѣзжалъ въ Махловку чтобы лично слѣдить за ходомъ дѣла. Изъ Петербурга онъ выслалъ сюда множество разныхъ ремесленниковъ, а нѣкоторые портные и закройщики выписаны были даже изъ Австріи. Великій князь хотѣлъ чтобы полкъ—его мечта, его созданіе—обмундированъ былъ самымъ щегольскимъ образомъ. Между его высочествомъ и Меллеромъ-Закомельскимъ шла постоянная переписка, и письма цесаревича лучше всего доказываютъ его неусыпную заботливость о полкѣ, и необыкновенное познаніе службы, и прямоту его и полную довѣренность къ Меллеру. Въ одномъ изъ этихъ писемъ великій князь самъ назначилъ всѣхъ эскадронныхъ командировъ, предоставивъ свой шефскій лейбъ-эскадронъ полковнику графу Гудовичу *. Межъ тѣмъ курьеры его высочества безпрестанно разѣзжали между Петербургомъ и Махловкой, привозя въ полкъ то деньги, то офицерскія вещи. Эполетъ въ то время еще не было въ русской арміи, и одни только наши уланы носили ихъ; но въ магазинахъ не продавали ни уланскихъ шалоковъ, ни эполетъ, ни этикетовъ. Шалки дѣлали въ полку галиційскіе мастера, а прочія вещи работали на казенной фабрикѣ. Уланская шалка съ широкимъ галувомъ, эполеты и этикететы изъ чистаго серебра стоили вмѣстѣ 45 рублей, серебряная лядунка съ перевязью 120 рублей, шарфъ 60 рублей, высокій бѣлый султанъ изъ перьевъ, носимый тогда при уланской шалкѣ—60 рублей, полусаложки со шпорами, которые выписывались отъ Брейтигама, перваго тогдашняго саложника въ Петербургѣ, стоили 15 рублей, мундиръ съ чакчирами 75 рублей, сѣдло съ полнымъ приборомъ 125 рублей. Такимъ образомъ, обмундированіе уланскаго офицера того времени, за исключеніемъ форменнаго плаща, стоило 495 рублей ассигнаціями.

Атаманъ Войска Донскаго графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ прислалъ въ полкъ лучшихъ донскихъ лошадей, а недостающее число куплено было майоромъ Сталинскимъ. Обученіе людей и выѣздка производились очень услѣшно, подъ руководствомъ такого знатока дѣла, какимъ былъ Меллеръ-Закомельскій. Обмундированіе людей, какъ мы сказали уже,

* Андрею Ивановичу, сыну фельдмаршала. Часть этой переписки сохранилась въ бумагахъ Э. В. Вукавича, изъ *Воспоминаній* котораго мы и почерпнемъ наши свѣдѣнія.

вполнѣ отличалось щегольствомъ и красотой: все было пригнано ловко, все сидѣло въ обтяжку. Синія шалки не только у офицеровъ, но и у солдатъ украшались высокимъ лѣтушьимъ султаномъ, а красные воротники, лацкана, обшлага и вылушки на синихъ курткахъ были очень красивы и, какъ новость, поражали глаза своимъ пріятнымъ эффектомъ. Приборъ уланамъ полагался тогда изъ желтой мѣди. Но въ особенности дѣлали эффектъ невиданные у насъ дотогѣ личаме флагера, на которые тогда употреблялась не китаика, а тафта, отмѣненная только въ 1811 году *. Въ 1-мъ баталіонѣ флагера были красные сплошь, а во 2-мъ верхняя половина красная съ узкою бѣлою, а нижняя бѣлая съ узкою красною полосками, — совершенно такъ какъ и нынѣ въ лейбъ-гвардіи уланскомъ полку.

Въ началѣ весны 1804 года полкъ былъ уже окончательно и во всѣхъ отношеніяхъ сформированъ, вслѣдствіе чего его высочество вытребовалъ въ Петербургъ пятерыхъ офицеровъ и пятерыхъ унтеръ-офицеровъ (преимущественно изъ дворянъ), для усовершенствованія ихъ въ кавалерійской службѣ, подъ его личнымъ надзоромъ. Меллеръ выбралъ изъ полка самыхъ что ни есть молодыхъ, изъ которыхъ штабсъ-ротмистръ Вуичъ и поручикъ Фацъ могли въ полкомъ смысломъ назваться красавцами. На вахтъ-парадахъ всеобщее вниманіе обращено было на уланъ, и народъ толпился вокругъ ихъ на петербургскихъ улицахъ. Цесаревичъ зачастую возилъ ихъ въ частные дома, которые онъ удостоивалъ своимъ поощреніемъ, и такимъ образомъ уланскій мундиръ вошелъ въ большую моду. Явилось множество охотниковъ въ уланы; многіе гвардейскіе офицеры просили о переводѣ ихъ въ полкъ его высочества, но великій князь всѣмъ отказывалъ, говоря что не хочетъ посадить старшихъ другимъ на шею. — „Messieurs les officiers de mon régiment“, писалъ онъ къ Меллеру отъ 19-го марта 1804 — „sont arrivés il y a de cela une semaine, ainsi que les sous-officiers. Ils sont bien bons, beaux et zélés pour le service“, etc **.

Съ 1го апрѣля 1804 началась для полка первый кампанья. Къ этому дню эскадроны собрались въ Магновку и

* Высочайшимъ приказомъ отъ 20-го ноября 1811.

** Господа офицеры и унтеръ-офицеры прибыли сюда за недѣлю предъ симъ. Они добрые ребята, молоды и усердны къ службѣ.

въ теченіе шести недѣль, до 16го мая, занимались полковыми ученьями. Затѣмъ полкъ выступилъ для отдыха на двадцать дней въ лагерь. 1й баталіонъ расположился въ лааткахъ около Махновки, а 2й подъ Сквирой. 6го іюня эскадроны разошлись по деревнямъ и, сейчасъ же расковавъ лошадей, выпустили ихъ цѣлыми табунами на траву, нарочно откуленную для этого у помѣщиковъ. Послѣ двухъ мѣсяцевъ травы, люди „разовили“ своихъ полуодичавшихъ лошадей, дали имъ нѣкоторый отдыхъ на конюшняхъ, что являлось крайнею необходимостью, ради прирученія, и затѣмъ уже на цѣлую осень начались эскадронныя ученія, которыя прекратились только съ наступленіемъ зимы, уступивъ свое мѣсто занятіямъ выѣвдкой, выправкой и фехтованіемъ на пикахъ и сабляхъ. Этотъ порядокъ строевыхъ занятій во многомъ былъ неудобенъ: раннею весною поля были еще толки, не успѣвъ достаточно просохнуть отъ только-что стаявшаго снѣга, да и полей-то мевслаханыхъ не было по близости Махновки. Точно также и подвожный кормъ въ іюнѣ и іюлѣ не поправлялъ, а скорѣе изнурялъ лошадей, которыхъ дожидали въ лугахъ и ужасныя жары, и муха, и оводъ. По причинѣ всѣхъ этихъ неудобствъ, Меллеръ-Закомельскій просилъ у цесаревича разрѣшенія измѣнить порядокъ служебныхъ занятій. Въслѣдствіе его просьбы, 5го января 1805 года, по ходатайству объ этомъ цесаревича, послѣдовалъ Высочайшій приказъ чтобы раскованныхъ лошадей выпускать на подвожный кормъ съ 1го апрѣля на два мѣсяца, послѣ чего собирать полкъ въ лагерь на двадцать дней, располагая оба баталіона вмѣстѣ, и уже по окончаніи лагеря начинать шестинедѣльные полковыя ученія.

Но не долго довелось молодому полку заниматься военною практикой мирнаго времени. Въ ту замѣчательную эпоху и гвардія и армія наша были превикнуты какамъ-то необыкновеннымъ воинственнымъ духомъ. Суворовъ съ его битвами въ Италіи и гигантскимъ переходомъ черезъ Альпы не успѣлъ еще сдѣлаться отдаленнымъ преданіемъ: сподвижники его, отъ генерала до солдата, еще и здравствовали, и служили въ рядахъ войска; всего только пять лѣтъ отдѣлались отъ событій Нови, Требиа, Сенъ-Готарда и Чортова Моста. Наполеонъ межъ тѣмъ одерживалъ невѣроятныя успѣхи, къ которымъ ревниво относился наши закаленные воины и жаждали отомогти за неудачи своихъ собратій. съ

Римскимъ-Корсаковымъ въ Швейцаріи и съ Германомъ въ Голландіи. Поэтому и офицеры и солдаты съ нетерпѣніемъ ждали войны, которая при тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣйствительно чуть не каждый день легко могла вспыхнуть. Съ самаго воцаренія императора Александра Павловича политическія обстоятельства были смутны. Толки о политикѣ стали главною темой разговоровъ въ обществѣ, гдѣ образовались двѣ партіи: мирная и военная. Первая хотѣла нейтралитета и мира съ Франціей, вторая настаивала на союзѣ съ Англіей для объявленія войны Наполеону. Но если разногласіе во мнѣніяхъ и существовало въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, въ средѣ государственныхъ сановниковъ, то Русскій народъ единогласно былъ за войну, и въ особенности армія. Множество молодыхъ людей вступали въ новоформировавшіяся или преобразуемые полки. Ежедневно ждали повелѣнія выступить за границу. Всѣ готовились къ войнѣ — и война вскорѣ была объявлена.

II.

3го августа 1805 года, уланы цесаревича, оставя въ Скварѣ запасный эскадронъ, двинулись изъ Махновки въ Брестъ-Литовскъ, а изъ Бреста, чрезъ Радомъ и Краковъ, на Тропау и далѣе къ Ольмюцу. Походъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ что былъ совершенъ при соблюденіи самой строгой дисциплины и образцоваго порядка. Казалось, будто полкъ идетъ не на войну, а на парадъ, и такимъ же точно образомъ сложалъ этотъ походъ и вся русская гвардія, о чемъ въ послѣдствіи не разъ съ похвалою отзывался цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

15го ноября Русскіе вмѣстѣ съ Австрійцами начали наступательныя дѣйствія и двинулись противъ непріятеля лѣвѣе Коловнами. Уланы находились въ составѣ лѣвой Коловны, отдавшею подъ начальство князя Лихтенштейна.

20го ноября надъ окрестностями Аустераца взошло великолѣпное, блистательное солнце и въ восьмомъ часу утра раздался первый боевой выстрѣлъ. Нечего говорить о самыхъ извѣстныхъ подробностяхъ этого дѣла, проиграннаго нами благодаря безтолковости австрійскихъ теоретиковъ. Мы расскажем только о томъ эпизодѣ въ которомъ принялъ непосредственное участіе полкъ цесаревича.

Колонна князя Лихтенштейна, будучи задержана на пути своимъ другими войсками, не попала во время на назначенное ей мѣсто и нашла его уже во власти Французовъ, а полки нашей гвардіи (тоже не попавшіе куда слѣдовало) въ полномъ отступленіи, при весьма большомъ урожѣ. Французы выдвинули противъ нихъ стрѣлковъ и цѣлымъ рядъ батарей, открывшихъ жестокой огонь по отступавшимъ гвардейцамъ. Въ эту-то критическую минуту прибылъ на-рыскахъ отрядъ Лихтенштейна и примкнулъ къ лѣвому флангу гвардіи. Цесаревичъ, обрадованный прибытіемъ сильнаго подкрѣпленія, прискакалъ къ своему полку, шедшему впереди прочихъ, поздоровался съ людьми, обнялъ и поцѣловалъ Меллеръ-Закомельскаго и обратясь къ фронту сказалъ:

— Ребята, помните чье имя вы носите! Не выдавай!

— Ради умереть! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ и сдержали слово.

Противъ насъ двигалась въ сомкнутой колоннѣ цѣлая конная дивизія Келлермана, поддержанная съ обоихъ фланговъ сильною пѣхотой и артиллеріей. За этою конницей выстроены были нѣсколько баталіоновъ легкой пѣхоты со своими батареями.

Не дожидаясь построенія къ бою австрійской кавалеріи, храбрый Меллеръ первымъ кинулся на непріятеля въ атаку. Уламы, возбужденные къ отважному подвигу присутствіемъ и словами цесаревича, съ крикомъ ура! стремглавъ повеселись за своимъ командиромъ и опрокинули всѣ три линіи французскихъ всадниковъ. Цѣлая дивизія дала тылъ предъ однимъ полкомъ. Конные егеря и гусары Келлермана, проскакавъ назадъ черезъ интервалы между кареями французской пѣхоты, построились за своими орудіями. Уламы бросились на пѣхоту и не взирая на жестокой ружейный огонь, пробившись сквозь нее и налетѣли на артиллерію, встрѣтившую ихъ картечью. Но и это не удержало героическаго порыва полка. Завязалась рубка съ артиллерійскою прислугой и дѣло дошло до жестокой рукопашной схватки. Нѣкоторые уламы, лихась лошадей, бросались лѣше съ саблею въ рукѣ на артиллеристовъ, оборонявшихся тесаками и баукаками. Прикрытіе пришло въ беспорядокъ, и хотя съ обѣихъ сторонъ ожесточеніе равнялось мужеству, но тутъ уже сомкнутый фронтъ нашего полка поневолѣ разстроился; все смѣшалось въ кучу — свои и чужіе люди дрались ша

въ одиночку, или же небольшими группами, да и кромѣ того донскія лошади, неспособныя къ мундштуку, закусывъ удила, занесли множество всадниковъ въ средину неприятелей. Но эта отчаянная, лихая атака не была поддержана остальною кавалеріей Лихтенштейна, точно также какъ и въ послѣдствіи, двадцать пять лѣтъ спустя, не была поддержана подобная же атака барона Мейндорфа подъ Прагою. Послѣдствія же какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вышли совершенно одинаковыя.

Генералъ Келлерманъ, тотъ самый котораго считали рѣшителемъ сраженія при Маренго, видя что уланы уже не могутъ сопротивляться фронтомъ, бросился на нихъ со всѣхъ сторонъ со своими тремя конно-егерскими полками. Неравный бой продолжался недолго — уланы дали тылъ, и тутъ-то приняла ихъ въ ружейный огонь съ обоихъ флаговъ та самая лѣхота сквозь которую они проскакали въ сколько времени прежде. „Ils péchèrent dans cette affaire par excès de courage et par défaut de connaissance dans l'art militaire“ *. Таковъ былъ отзывъ о нихъ со стороны самихъ Французовъ, и отзывъ совершенно правдивый, такъ какъ дѣйствительно вся бѣда не только уланскаго его имсочества полка, но и всей русской арміи произошла отъ избытка храбрости и неопытности. Только одна половина одного изъ лучшихъ полковъ русской арміи ** успѣла повернуть коней и въ размыслную примкнуть къ войскамъ князя Багратиона, да и то примкнуло ихъ не болѣе двухсотъ человекъ, остальное же или легло на мѣстѣ, или разсѣялось въ разные стороны, не зная гдѣ соединиться. Французы преслѣдовали уланъ съ ожесточеніемъ, артиллерія громила ихъ картечью, а лѣхота провожала роями пуль. Генералъ Меллеръ-Закомельскій выказалъ блистательную храбрость и быть-можетъ спасъ бы полкъ еслибы не былъ раненъ въ самую критическую минуту. Находясь все время впереди полка, онъ первый окрасилъ кровью свою саблю, какъ вдругъ пуля ударила

* Т.е. „они погрѣшили въ этомъ дѣлѣ отъ избытка храбрости и отъ неумѣнья воемлага дѣла“, въ сущности отъ неопытности. Cf. Dumas, *Précis des évènements militaires*, т. XIV р. 181. — *Combats etc.* т. III. р. 317.

** „Le régiment des Uhlans du grand duc Constantin, l'un des plus beaux de l'armée russe“. — Dumas, т. XIV, р. 280.

ему въ грудь и скользнула по Владимірокому кресту. Ударъ отозвался спавомъ въ груди и захватилъ ему дыханіе. Въ это мгновеніе на него наокакали французскіе всадники и стали рубить. Нѣсколько уланскихъ офицеровъ защищали до послѣдней крайности своего командира, но сила одолава мужество, и они были взяты въ лѣвѣ вмѣстѣ съ Меллеромъ.

Въ этотъ достопамятный день полкъ потерялъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими 28 офицеровъ, 680 солдатъ и столько же лошадей.

Цесаревичъ все время былъ свидѣтелемъ этой молодецкой атаки. По окончаніи боя онъ подѣхалъ къ своимъ уланамъ, поблагодарилъ оставшуюся горсть полка за блистательную храбрость, скомандовалъ ей налѣво и повелъ по фронту лѣхоты съ праваго фланга на лѣвый. Но мало того: его высочество приказалъ остальнымъ полкамъ салютовать, а лѣхотѣ взять „на-краулъ“, чтобы водать такую почестью благодарности храброму полку за его беззавѣтный, самоотверженный подвигъ. *

Послѣ сраженія, ночью, многіе уланы захваченные въ лѣвѣ, пользуясь темнотой, толпами бѣжали изъ французскаго лагеря и, пробираясь лѣсными чащами, старались какъ-нибудь примкнуть къ своей отступающей арміи.

Въ темную ноябрьскую ночь русскія войска начали свое отступленіе по дорогѣ въ Венгрію, а императоръ Францъ вскорѣ вступилъ въ переговоры о мирѣ, заключивъ 26го ноября предварительно перемиріе съ Наполеономъ.

Уланскій полкъ собрался въ Краковѣ, въ числѣ трехсотъ человекъ. На пути и при распредѣленіи частей арміи по квартирамъ, прибыло въ полкъ еще до полуночи оставшихся въ госпиталахъ или слѣшованныхъ уланъ, изъ тѣхъ что успѣли кое-какъ примкнуть по дорогѣ къ лѣхотнымъ полкамъ и отдѣльнымъ командамъ. Во время стоянки въ Краковѣ получено было Высочайшее повелѣніе чтобъ уланскій полкъ слѣдовалъ вмѣстѣ съ гвардіей въ Петербургъ, куда и прибылъ онъ подъ командой полковника Чаичкова, 7го апрѣля 1806 года, расположась дивизіонами въ Гатчинѣ, Красномъ Селѣ, Петергофѣ и Петербургѣ. Штабъ-квартира полка назначена была цесаревичемъ въ собственномъ

* С. Гавазовскій, ч. II, стр. 6.

его имѣннѣ—*Стрѣльной Мышѣ*. Здѣсь уже утверждень был полковымъ командиромъ полковникъ Чаликовъ, и полкъ начал комплектоваться офицерами и солдатами. Цесаревич самъ непосредственно занялся устройствомъ, преобразованиемъ и обученіемъ полка. Нѣсколько прежнихъ офицеровъ переведены въ другія кавалерійскія части, а на мѣсто ихъ избраны его высочествомъ новые. Служба была не легка, потому что надлежало и занимать караулы въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и Гатчинѣ, и еженедѣльно ходить двумя очереднымъ эскадрамъ въ Петербургъ для содержанія разѣздовъ, и въ то же время обучать солдатъ, и смотрѣть за выѣздкой лошадей, и заниматься лѣтнимъ строемъ. Его высочество самъ входилъ во всѣ подробности.

Межь тѣмъ и Аустерлицкій подвигъ не остался безъ награды. Приобрѣтя себѣ славу храбраго полка, уланъ цесаревича, чрезъ нѣсколько дней по прибытіи на новую станцію, удостоились получить за отличіе серебряныя трубы съ орлами (числомъ 24), и весь Петербургъ встрѣчалъ ихъ когда гвардейскія войска вступали въ сѣверную станцію*.

Стрѣльня въ тѣ годы далеко не была такою какою мы знаемъ ее въ настоящее время. Петергофская дорога только до колоніи Автово была застроена дачами, а далѣе шелъ пустырь. Въ Стрѣльнѣ однако существовалъ уже дворецъ, госпиталь и деревянныя казармы, но самая свобода представляла рядъ убогихъ избушекъ гдѣ едва можно было найти одну комнату въ наймы. Нѣсколько домишекъ принадлежало тамъ старымъ служителямъ цесаревича Константина да отставнымъ унтеръ-офицерамъ конной гвардіи, которые получали пенсіонъ и вспоможеніе отъ его высочества. Въ этихъ-то избушкахъ и ютились кое-какъ уланскіе офицеры. На счетъ развлеченій въ Стрѣльнѣ было скудно. Существовалъ тамъ единственный трактиръ на почтовой станціи, куда собирался весь народъ любившій, по выраженію нашего полковника, графа Гудовича, „сушить хрусталь и попотѣть на листѣ“. Тутъ, по свидѣтельству современника,** засѣдалъ „безсмысленный совѣтъ царя Фараона“, гдѣ отъ одного утра до другаго

Глади—Вогъ ихъ прости—

Отъ пятидесяти

На сто,

* Ibid. стр. 7.

** О. Вугаринъ. *Воспоминанія* т. II, стр. 280.

то-есть метали банкъ, что въ тѣ времена еще не было за-
 прецаемо. Хотя полкъ и былъ разбросанъ на тридцати вер-
 стахъ разстоянія, но всѣ офицеры выдались между собою
 часто, такъ какъ центромъ полковой службы и жизни была
 все-таки Стрѣльня. Эскадронные командиры, слѣдуя армей-
 скому обычаю, всегда держали открытый столъ для сво-
 ихъ холостыхъ офицеровъ, и молодежь жила между со-
 бою дружно, по-братски, безъ фанфаронства и чванства.
 Изъ Стрѣльни и изъ Петергофа нельзя было ѣздить въ
 Петербургъ иначе какъ только съ разрѣшенія его вы-
 сочества, причѣмъ выдавался билетъ за его собственноруч-
 ную подписью. Это-то обстоятельство и служило всегдашнимъ
 камнемъ преткновенія для молодыхъ офицеровъ. Проситься въ
 Петербургъ можно было только по очереди и то въ свободное
 время и не слишкомъ часто — обстоятельство которымъ молодежь
 подчинялась не безъ труда, тѣмъ болѣе что жажда удовольствій
 магнитомъ притягивала къ столицѣ: то на русскомъ театрѣ дають
Одина въ Афинахъ или *Фингала*—трагедію съ хорами, балетами и
 сраженіями, то примадонна Манджоветти поетъ въ италіанской оперѣ,
 то чудная красавица Данилова танцуетъ въ волшебномъ ба-
 летѣ, то маскарадъ у Фельета, или балъ въ знакомомъ домѣ,
 все это влекло сердца и мысли къ Петербургу; и вотъ, от-
 служивъ день, уланская молодежь на тройкахъ ичалась къ
 вечеру „въ городъ“, часто безъ спроса. Удалось—хорошо; а
 узнали или увидѣли — на гауптвахту!

Въ особенности была въ то время у нашихъ молодыхъ
 повѣсь великая страсть къ такъ-называемымъ „гроссъ-шкан-
 даламъ“ съ Нѣмцами. Петербургскіе бюргеры и ремесленники
 любили повеселиться со своими семействами въ трактирахъ
 на Крестовскомъ Островѣ, въ Екатерингофѣ и въ Красномъ
 Кабакѣ. Уланская молодежь ѣздила въ эти мѣста какъ на
 охоту. Начиналось обыкновенно съ того что заставляли дю-
 жихъ мамелекъ и тетушекъ вальсировать до уладу, потомъ
 подбивали мушницъ, наконецъ затыгивали хоромъ пѣсню:
 „Freu't euch des Lebens“ улара на слова „Pflücke die Rose“,—
 и пошло волокитство, а въ концѣ концовъ, обыкновенно
 слѣдовала генеральная баталія съ Нѣмцами. Послѣ кутежа
 всю ночь на пролетъ, уланскія тройки разлетались въ раз-
 ныя стороны, и къ девяти часамъ утра ночные повѣсы, какъ
 ни въ чемъ не бывало, всѣ уже присутствовали на разводѣ,

кто въ Петербургѣ, кто въ Стрѣльцѣ, въ Петергофѣ, въ Гатчинѣ. Черезъ нѣсколько дней обыкновенно приходили въ полкъ жалобы, и виновные тотчасъ же сознавались по первому спросу, кто былъ тамъ-то. Дѣтъ было стыдно, да и цесаревичъ не перемосилъ никакой ажи и презиралъ ажецовъ. На полковой гауптвахтѣ частенько-таки бывало тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ.

Въ Кавалергардскомъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ господствовалъ тогда особый духъ и тонъ. Офицеры этихъ трехъ полковъ принадлежали къ высшему обществу, отличались изяществомъ манеръ, утонченною изысканностью и вѣжливостью въ отношеніяхъ между собою, многіе были прекрасно и разносторонне образованы, и большинство владѣло французскимъ языкомъ гораздо лучше чѣмъ русскимъ. Офицеры же другихъ полковъ показывались въ обществѣ только по временамъ и, такъ-сказать налѣтами, предпочитая жизнь товарищеской среды, жизнь на распаху. Конно-гвардейскій полкъ держался нейтрально, соблюдая сѣшанные обычаи. Но за то лейбъ-гусары, лейбъ-казаки, Измайловцы и лейбъ-егеря жили по-армейски и сѣдовали тому духу беззаветнаго удаальства, который являлъ собою главнѣйшую черту военнаго характера этой эпохи и столь ярко и вдохновенно выражался въ стихахъ Дениса Давыдова. Умны всегда сходились по-братски съ этими послѣдними полками, но въ особенноти дружили они съ флотскими офицерами и часто сѣвзались съ ними то въ Стрѣльцѣ, то въ Кроуштадтѣ.

„Вся армія, — говоритъ современникъ: — одушевлена была тѣмъ же духомъ молодечества, и во всѣхъ полкахъ были еще Суворовскіе офицеры и солдаты, локорившіе съ нимъ Польшу и прославившіе русское имя въ Италіи. Славное было войско, и скажу по справедливости что уланскій его высочества цесаревича Константина Павловича полкъ былъ однимъ изъ лучшихъ полковъ по устройству и выбору людей и по тогдашнему духу времени превосходилъ другіе полки въ молодечествѣ. Страшно было задѣтъ улана!“ *

Стрѣльчинская слобода биткомъ была набита кавалерійскимъ офицерствомъ. По званію генераль-инспектора кавалеріи, цесаревичъ устроилъ у себя нѣчто въ родѣ учебнаго

* Ibid. стр. 156.

эскадрона, куда изъ каждаго полка обязательно прислаалось по одному штабъ- и по два оберъ-офицера „для узнанія порядка кавалерійской службы“. Обыкновенно, изъ полковъ мыслаемы были лучшіе офицеры, и потому въ Стрѣльцѣхъ стакивалось тогда самое пріятное и самое веселое военное общество. Здѣсь завязывалась дружба и общее товарищество, которыя для многихъ и многихъ продолжались неизмѣнно всю жизнь, и уланы, какъ по преимуществу мѣстные обитатели, служили главнымъ связующимъ звеномъ въ товариществѣ между всеми остальными офицерами.

Душой полковаго офицерскаго кружка былъ полковой командиръ Антоуъ Степановичъ Чаликовъ, который имѣлъ обыкновеніе называть своихъ офицеровъ „фонтерами-портерами“—названіе. произошедшее вѣроятно изъ ихъ пристрастія къ „совѣту царя Фараона“. Это были слова которыя не сходили у Чаликова съ языка, но въ послѣдствіи, когда его произвели въ генералъ-майоры, Антоуъ Степановичъ сдѣлалъ къ нимъ ризомованное добавленіе: „Фонтеры-портеры, дери-дѣромъ,—Чаликовъ генералъ-майоромъ!“

„Предобрый, прелюбезный, прелеселый и презабавный человекъ былъ Чаликовъ!“ читаемъ мы о немъ въ *Воспоминаніяхъ* его одноподчиннаго и подчиненнаго: * „Онъ жизнь принималъ какъ шутку, въ самыя серьезныя дѣла умѣлъ вилестъ острое слово, и хотя на главахъ его высочества не легко было управлять полкомъ и притомъ такимъ дикимъ каковъ былъ нашъ полкъ, Чаликовъ умѣлъ кстата вытерлѣть и кстата отшутаться, и пользовался всегда благосклонностью его высочества. Офицеры искренно любили Чаликова, потому что онъ былъ человекъ добродушный и свисходительный, и когда только могъ, всегда защищалъ своихъ улахъ предъ его высочествомъ, выручалъ изъ бѣды и самъ никогда не жаловался.

„— Вы, сударь, сегодня не были у развода, говорилъ Чаликовъ офицеру.

„— Виновать, заспалъ!

„— Стыдно, сударь! Чтобы впредь этого не было, а не то засидитесь на гаултвахтѣ... Фонтеры-портеры, дери-дѣромъ,—Чаликовъ генералъ-майоромъ!...

„Отвернулся — и дѣло кончено.“

* *Ibid.*, т. III, стр. 96.

Но при всемъ удаьствѣ, при всѣхъ шалостяхъ, офицеры не забывали службы, которая между ними почиталась первымъ и святымъ дѣломъ. И самъ цесаревичъ, видя что его офицеры знаютъ свое дѣло и любятъ службу, по большей части смотрѣлъ смислосходительно на ихъ молодыя увлеченія, тѣмъ болѣе что въ этихъ шалостяхъ и увлеченіяхъ сказывался только духъ веселаго и лихаго удаьства, но отнюдь не чего-либо маломальски грязнаго и недостойнаго. Подобнаго безчестія ни начальство, ни товарищи не потерпѣли бы въ полку ни единой минуты.

Отношенія великаго князя къ своему полку носили на себѣ характеръ скорѣе родственно-семейный, чѣмъ начальственный. Достаточно вспомнить хотя бы старика Тортуса. Этотъ Тортусъ — человѣкъ уже лѣтъ шестидесяти и прегорькій пьяница, занималъ въ полку мѣсто ветеринарнаго врача, а по тогдашнему „старшаго кововала“, и между офицерствомъ извѣстенъ былъ подъ именемъ философа Діогена. Причина этого прозвища заключалась въ томъ что Тортусъ обращался ко всѣмъ и каждому исключительно на ты и имѣлъ обыкновеніе говорить въ глаза голую правду, не стѣсняясь высказывать ее на своемъ домашнемъ русскомъ языкѣ даже самому цесаревичу. Тортусъ любилъ выражаться афоризмами, иногда въ рѣзку, и великій князь не разъ, бывало, забавлялся шутками старика-оригинала. Когда Тортусу показывали большую лошадь которая по всѣмъ признакамъ казалась ему неизлечимою, онъ, махнувъ рукою, говорилъ: „собакамъ мясо!“ и уходилъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Однажды его высочество, пріѣхавъ къ полку на бивуаки, спросилъ Тортуса:

— Хорошо ли тебѣ при полку?

— Въ твоемъ полку нѣтъ толку! произнося съ удареніемъ на букву о и махнувъ рукою, отвѣчалъ голодный Тортусъ.

Въ другой разъ цесаревичъ похвалилъ его за отличную операцію надъ хромою лошадью.

— Помѣнь хвали, и полюбшь корми! проворчалъ ему на это старикъ, и великій князь велѣлъ накормить его до сыта и напоить до пьяна въ своей квартирѣ.

Но однажды его высочество за что-то сгоряча пострѣлъ Тортуса палками.

— Будешь бить кововаль съ палками, такъ самъ станешь

ѣздить на лалочка! поучительнымъ тономъ замѣтилъ ему на это Тортусъ и—замѣчательная черта!—Константинъ Павловичъ никогда не сердился на старика за его оригинальныя выходки *.

III.

Между тѣмъ, вскорѣ по окончаніи войны 1805 года, Наполеонъ обратилъ свое оружіе противъ Пруссіи и въ самое короткое время уничтожилъ ея армію, забралъ важнѣйшія крѣпости и занялъ большую часть государственной территоріи. Вся надежда на спасеніе была возложена королемъ Пруссіи на Россію и на великодушіе Императора Александра. Въ Петербургѣ сперва не хотѣли вѣрить въ такое быстрое разрушеніе всѣхъ силъ Прусскаго королевства, но когда это событіе подтвердилось, у насъ все пришло въ движеніи, и вся Россія стала вооружаться. 16го ноября 1806 года Высочайшій манифестъ возвѣстилъ о войнѣ съ Французами. Мы въ это время вынуждены были вести двѣ войны разомъ, такъ какъ Оттоманская Порта, подстрѣваемая французскимъ посланникомъ въ Константинополь, нарушила свои договоры съ нами и отказалась отъ всякихъ объясненій. Пришлось Россіи напрягать всѣ свои силы, созывать народное ополченіе и дѣйствовать на патріотическое чувство своихъ сыновъ особыми прокламаціями, составленными очень искусно, въ духъ простаго народа. Въ свою очередь и русская литература, а въ особенности русскій театръ въ сильнѣйшей степени помогали общему возбужденію. 17го января 1807 года впервые представлена была въ Петербургѣ трагедія Озера *Дмитрій Донской*, и представленія ея ждали всѣ какъ народнаго праздника. Трудно изобразить тотъ восторгъ, тотъ иступленный энтузіазмъ, которые овладѣли зрителями. По свидѣтельству очевидцевъ, это были не театральныя представленія, а римскій форумъ, на которомъ мысли и чувства всѣхъ сословій народа сливались въ одно общее чувство, въ одну мысль. Обожаемый государь, любимое отечество, опасность предстоящей борьбы, будущія надежды и слава, и наконецъ самое положеніе наше, какъ политически-самостоятельнаго государства, поставленное на вѣсы роковаго „быть или не быть“—все это сжимало сердца

* Ibid. стр. 170.

и извлекало изъ нихъ сильныя порывы. Каждый стихъ, каждая тирада намекающіе на современное положеніе Россіи (а вся трагедія наполнена такими примѣненіями) были ударами ножа въ народное сердце. Въ одномъ мѣстѣ театра раздавались радостныя восклицанія, въ другомъ рыданія и волаи мести...

Итакъ, манифесты, прокламаціи, театръ, журналы, брошюры—все это воспламеняло умы и чувства. Въ полкахъ лѣсенники распѣвали стихи сочиненные Сергѣемъ Маринымъ, и подъ мотивъ этой музыки войска маршировали на парадахъ и ученьяхъ. Сердца томились жаждой битвъ и подвиговъ, тѣмъ болѣе что уже часть русской арміи дралась съ Французами на равнинахъ Польши. И вотъ, наконецъ, 8го февраля 1807 года, корпусъ гвардейскихъ войскъ дождался желаннаго приказа о походѣ. Гвардія двинута была двумя колоннами по Рижскому и Бѣлорусскому трактамъ. Уланскій его высочества полкъ выступилъ изъ Стрѣльны 17го числа, и весь походъ слѣдовалъ въ хвостѣ первой колонны.

Цесаревичъ хотя командовалъ всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ, но по званію шефа своего полка, весь походъ до самой границы шелъ съ уланами, верхомъ предъ первымъ эскадрономъ, подавая собою первый примѣръ усердія и исправности въ службѣ. И точно, имѣя предъ глазами такой примѣръ, уланскій полкъ дѣлалъ свой походъ образцовымъ. При эскадронахъ, кромѣ обоза положеннаго по уставу, и который слѣдовалъ за колонной, не было никакихъ частныхъ повозокъ. Экипажи великаго князя шли впереди на разстояніи одного перехода. Каждый оберъ-офицеръ обязанъ былъ имѣть три лошади: одну подъ своимъ сѣдломъ, другую вьючную подъ деньщикомъ, который велъ третью, заводную, осѣдлавную подъ форменною попоной. Вьюки были форменныя: двѣ кожаныя круглыя, большія баклаги по обѣимъ сторонамъ сѣдла, вмѣсто кабурь, а за заднею лукой большой кожаный чемоданъ и ларусианныя саквы. На заводную лошадь подъ форменную попопу позволялось положить коверъ, кожаную подушку и телый халатъ или шубу. Предъ фронтомъ же всѣ офицеры обязаны были находиться въ шинеляхъ на ватѣ, но безъ мѣховыхъ воротниковъ, на которые тогда, равно какъ и на шубы, не существовало ни формы, ни моды. Впрочемъ офицерамъ позволено было надѣвать въ походѣ поверхъ мундира мѣховой спел-

зеръ, то-есть тотъ же мундиръ съ шитьемъ, только безъ фалды и гораздо просторнѣе. Спенсеръ пристегивался къ двумъ мундирнымъ луговицамъ на лифтѣ. Въ дополненіе къ этому костюму полагались еще сѣрые рейтузы съ синими лампасами, обшитые кожей. Камость тогда и въ лопинѣ не было, а еслибы военный человекъ надѣвалъ кельги, или что-нибудь подобное—его осмѣяли бы. Кавалеристамъ позволялось обертывать стремена сукномъ или крошкой чтобъ уменьшить вліяніе стужи на желѣзо. Узкіе наушники прикрывали только уши, и такъ какъ уланская шалка носилась тогда сильно на-бекрень къ правой сторонѣ, то почти вся голова оставалась обнаженною. Въ сильныя морозы, которые въ февралѣ этого года зачастую превышали пятнадцать градусовъ, офицеры надѣвали шинели въ рукава, подпоясывались португеей и шарфомъ, а поверху надѣвали аладуку. Въ хорошую же погоду, когда морозъ не превышалъ пяти—семи градусовъ, всѣ были въ спенсерахъ и даже въ однихъ мундирахъ, а солдаты накидывали шинели на-опашь.

Самъ цесаревичъ рѣдко когда надѣвалъ шинель; почти весь походъ онъ сдѣлалъ въ одномъ спенсерѣ и всегда ѣхалъ прелъ первыми рядами, позади трубачей. На переходѣ полкъ спѣшивался по нѣскольку разъ чтобы согрѣться. Музыканты въ мягкую погоду играли легкія военныя піесы, а гѣсенники, которыми управлялъ обучавшій ихъ корнетъ Драголевскій *, во всякую погоду неумоимо распѣвали свои гѣсенки; между ними по преимуществу пользовалась популярностью гѣсенка Марива, о которой сказано выше и которая начиналась словами:

Пойдемъ, братцы, за границу

Бить отечества враговъ.

Вспомнимъ матушку Царицу,

Вспомнимъ, вѣкъ ея каковъ!

* Этотъ Драголевскій, родомъ Полякъ, служилъ еще подъ знаменами Костюшки. Въ 1807 году ему было уже около пятидесяти лѣтъ отъ роду, но онъ былъ молодецъ собою и отличнѣйшій кавалеристъ. Цесаревичъ въ каждую поѣздку свою привозилъ по нѣскольку охотниковъ въ уланы и въ конную гвардію. Драголевскаго взялъ онъ въ Галицію, возвращаясь изъ Италійскаго похода, и опредѣлилъ унтеръ-офицеромъ въ конную гвардію, а потомъ произвелъ въ корнетъ въ уланскій полкъ, обмундировалъ на свой счетъ и положилъ ему отъ себя постоянное содержаніе. (О Драголевскомъ, который былъ не послѣднимъ чудачкомъ въ своемъ родѣ, многія подробности можно найти въ *Восточникѣхъ* Э. Вугарина, т. IV).

Славимъ вѣкъ Екатерины
 Намъ напомятъ каждый шагъ,--
 Вотъ поля, лѣса, долины,
 Гдѣ бѣжалъ отъ Русскихъ врагъ.

Въ этой лѣснѣ замѣчательно одно пророческое мѣсто, гдѣ говорится что когда Французъ побѣдитъ отъ насъ домой, то

За Французомъ мы дорогу
 И къ Парижу будемъ звать.

Подъ эти звуки, получившіе тогда имя „марша русской гвардіи“, люди шли бодро и весело.

На привалахъ цесаревичъ обыкновенно приглашалъ уланскихъ офицеровъ къ своему завтраку, причемъ въ холодную погоду нижнимъ чинамъ выдавалось по крышкѣ водки. Въ продолженіе всего похода его высочество былъ чрезвычайно веселъ, разговорчивъ и снисходителенъ къ своимъ уланамъ, даже болѣе обыкновеннаго, обращаясь съ офицерами какъ со своими домашними. И уланы за это время такъ привыкли къ нему что нисколько не стѣснялись въ его присутствіи и даже не прерывали самыхъ пустячныхъ разговоровъ когда онъ подходилъ къ толпѣ. Ему это нравилось: онъ зналъ что они его любятъ.

Гвардія шла усиленными переходами, дѣлая отъ 30 до 85 верстъ въ день и пользуясь дневками черезъ лѣтъ и шесть сутокъ *.

Этотъ походъ ознаменовался для уланскаго полка вѣсколыми эпизодами изъ которыхъ два или три заслуживаютъ упоминанія.

Вопервыхъ, между крестьянами Петербургской губерніи, за Чирковицами, распространилась Богъ знаетъ откуда вѣсть будто уланы *пдятъ дѣтей*. Крестьяне почитали ихъ какимъ-то особеннымъ народомъ „Азіятами“, въ родѣ Башкировъ или Калмыковъ, въ чемъ удостовѣрялъ ихъ невиданный дотолѣ костюмъ и плохой русскій говоръ, такъ какъ бѣольшая часть солдатъ въ уланахъ была набрана изъ Малороссіянъ, Поляковъ и Литвиновъ. Почти во всѣхъ домахъ отъ „дѣтоѣдовъ“ прятали куда ни попало малыхъ ребятъ, и когда кто-нибудь изъ офицеровъ спрашивалъ у хозяевъ есть ли у нихъ дѣти, они приходили въ ужасъ, бабы съ воємъ бросались въ ноги и умоляли смилос-

* С. Гавловскій, Ч. II, стр. 10, и Михайловскій-Давыдовскій. *Исторія второй Французской войны.*

ваться надъ ними, предлагая вмѣсто ребенка поросенка или теленка. Съ трудомъ приходилось уланамъ разувѣрять бабъ что они не людоеды. Но недоразумѣіе было непродожи-тельно. Черезъ нѣсколько часовъ между крестьянами и дѣ-тоѣдами водворились „лады“, и молодцы-уланы весьма скоро приобрѣтали сильныхъ защитницъ между крестьянками и пріятелей между мужиками.

Второй эпизодъ заслуживающій вниманія, какъ характери-стическая черта цесаревича, случился въ Ригѣ, гдѣ полкъ имѣлъ диванку. Этотъ городъ и тогда, какъ нынѣ, изобило-валъ тѣми несчастными созданіями которыхъ Прудонъ на-звалъ „жертвами общественнаго темперамента“. Какъ не-истовыя вакханки, дѣлыми толпами бѣгали онѣ тогда по ули-цамъ, нападали на прохожихъ и насильно тащали ихъ въ свои притоны. Такимъ образомъ напали онѣ вечеромъ меж-ду городскими воротами и Петербургскимъ форштадтомъ, на одного изъ молодыхъ уланскихъ офицеровъ. Эта неожиданная и нежеланная атака была столь стремительна и на-хальна что молодой человекъ вынужденъ былъ наконецъ даже обнажить свою саблю, благодаря которой только и уда-лось ему кое-какъ проложить себѣ дорогу къ своей кварти-рѣ. На другой день, когда полкъ, выступая далѣе, пере-правлялся черезъ Двину, цесаревичъ узналъ объ этомъ про-исшествіи. Посмѣявшись и пошутивъ надъ офицеромъ, онъ тутъ же подарилъ ему новую саблю, изъ своихъ собствен-ныхъ, а старую велѣлъ немедленно бросить въ рѣку, потому что, какъ выразился онъ, оружіе никогда не должно быть обнажаемо противъ женщины, а эта сабля кромѣ того осквер-нена еще и тѣмъ что вынута изъ ноженъ противъ вакханокъ.

Та же самая диванка въ Ригѣ ознаменовалась однимъ пре-краснымъ примѣромъ христіански-братской помощи которую оказали уланскіе офицеры одному изъ своихъ товарищей, и примѣръ этотъ, всегда и вездѣ достойный признательности и подражанія, ни въ какомъ случаѣ не долженъ остаться въ забвеніи на страницахъ полковой лѣтописи.

Цесаревичъ, пользуясь всякимъ удобнымъ предлогомъ, гдѣ и когда только могъ, слѣдилъ оказывать своимъ уланамъ чувства особенной любви и благоволенія. Такъ, при высту-пленіи въ походъ, приказалъ онъ выдавать офицерамъ изъ его собственныхъ суммъ порціонныя, то-есть столовыя день-ги. Офицеры до времени не брали своихъ столовыхъ и

дѣлали это не изъ гордости, а просто потому что на первыхъ порахъ у каждаго изъ нихъ вѣдичились про заласъ кое-какія лишніа деньги, которыхъ въ походѣ показывать некуда было тратить. По приходѣ въ Ригу, накопилось этихъ порціонныхъ денегъ до семи тысячъ рублей ассигнаціями, и полковой командиръ, Антошъ Степановичъ Чаликовъ, намѣревался было ряздать ихъ въ офицерскія эскадронныя артели, или, если кому угодно, на руки. До Риги шелъ съ полкомъ майоръ Притвицъ, жестоко израненный въ голову, при Аустерлицѣ. Онъ непрерывно страдалъ отъ послѣдствій своихъ тяжкихъ ранъ и потому состояніе здоровья его рѣдко давало ему возможность находиться въ обществѣ своихъ товарищей. По этой причинѣ офицеры даже мало и знали его. По прибытіи же въ Ригу, страданія несчастнаго Притвица дошли до такой степени что онъ началъ мѣшаться въ умѣ. Волей-неволей приходилось оставить его на мѣстѣ. А между тѣмъ это былъ отецъ семейства и человекъ небогатый. Офицеры, съ рѣдкомъ единомудріемъ, сговорились помочь товарищу и отдали ему всѣ семь тысячъ порціонныхъ денегъ. Его Высочество пришелъ въ восхищеніе, узнавъ объ этомъ братскомъ, честномъ поступкѣ своихъ офицеровъ и непременно хотѣлъ знать кто первый подалъ такую прекрасную мысль. Никто не сознавался. Это еще болѣе тронуло цесаревича.

— Господа! сказалъ онъ улавамъ:—Я люблю когда вы откровенно сознаетесь мнѣ въ вашихъ шалостяхъ, но въ этомъ случаѣ охотно прощаю вамъ ваше *запирательство*. Всѣхъ васъ прижимаю къ сердцу, въ лицѣ вашего полковаго командира!

И онъ со слезами на глазахъ прижалъ къ груди своей и разцѣловалъ Чаликова.

— Каковы! Каковы молодцы! примолвилъ при семъ цесаревичъ.

Эти слова: *каковъ* и *каковы* имѣлъ онъ привычку повторять и въ хорошемъ, и въ дурномъ смыслѣ, когда хвалилъ и когда бранилъ кого-либо.

— Фонтеры-понтеры! отвѣчалъ въ восторгѣ добрый Чаликовъ.

Черезъ Двину уланы переправились справа по одному, такъ какъ рыхлый ледъ на рѣкѣ едва держался, и на поверхности во многихъ мѣстахъ стояла вода и образовались полыньи. Испробовавъ крѣпость льда, сначала перешли трубачи, а за

ними поочередно въ десять эскадроновъ, и пока полкъ переходилъ такимъ образомъ, трубачи играли на той сторонѣ *переправу*. Городской берегъ былъ устроенъ народомъ—вся Рига высыпала на проводы. Городская пѣшая и конная гвардія и сословіе шварцгейлтеровъ (черноголовыхъ), въ мундирахъ и верхами, провожали уланы черезъ городъ, шествуя предъ полкомъ со всѣмъ церемоніаломъ. По всѣмъ улицамъ черезъ которыя съ музыкой проходилъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ, окна въ домахъ были открыты и въ нихъ красовались дамы. Уланы на сей разъ были въ парадной формѣ, съ султанами. Да и вообще уланскій костюмъ и эти пики со значками являли собою въ тѣ дни еще рѣдкое, невиданное зрѣлище. Изъ многихъ оконъ красивыя женщины бросали имъ цвѣты, которые офицеры ловили на лету и салютовали саблями за подарокъ. Полкъ молодецки прошелъ черезъ Ригу и, какъ ни тѣсны тамъ улицы, но офицеры заставляли своихъ коней дѣлать курбеты и идти въ красивыхъ лавсадахъ.

Далѣе маршрутъ полка направлялся на Митаву, гдѣ дворянство задало уланамъ великолѣпный балъ, на Шавли и наконецъ на Юрбургъ, — лорубежный пунктъ Россійской Имперіи, куда гвардія вступила 20го марта. Черезъ недѣлю, 27го числа, въ это мѣстечко прибылъ изъ Петербурга императоръ Александръ и дѣлаалъ смотръ всей гвардіи, представивъ свое отборное войско королю Прусскому и его супругѣ.

Въ теченіе недѣли, проведенной въ окрестностяхъ Юрбурга, полки успѣли отдохнуть отъ тяжкаго и слѣшнаго зимнаго похода и изготовиться къ новымъ трудамъ боевой жизни. Людямъ розданы были боевые патроны, приказано отлустить сабли, наострить пики и осмотрѣть огнестрѣльное оружіе. На другой день послѣ смотра гвардія перешла границу и направилась на соединеніе съ войсками Беннигсена, занимавшаго укрѣпленную позицію у Гейльсберга. 10го апрѣля уланскій полкъ, въ ожиданіи военныхъ дѣйствій, расположился на кантониръ-квартирахъ въ мѣстечкѣ Гроссъ-Шванфельдъ и его окрестностяхъ.

Здѣсь, при штабъ-квартирѣ своего полка, цесаревичъ устроилъ бивуакъ, гдѣ помѣстилъ между уланами двадцать чetyре человека французскихъ дезертировъ, присланныхъ къ нему атаманомъ Платовымъ. Его Высочество раздѣлялъ этихъ Французовъ на два капральства, далъ имъ ружья и прика-

заялъ исполнять службу какъ во французскомъ лагерѣ, съ тою цѣлю чтобы познакомиться съ порядкомъ французской службы. Нѣсколько времени спустя эти дезертиры отправлены были въ Стрѣльну, и по возвращеніи великаго князя изъ похода, стояли бивуакомъ въ Стрѣльнинскомъ саду. Многие изъ жителей Петербурга, и особенно дамы, пріѣзжали смотрѣть Наполеоновскихъ солдатъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ по французской формѣ.

Кромѣ этихъ лѣхотинцевъ на уланскомъ бивуакѣ при Гроссъ-Шванфельдтѣ находилось еще и нѣсколько лѣханныхъ кавалеристовъ, которые также должны были иногда ѣздить верхомъ предъ его высочествомъ и продолжать всѣ эволюціи одиночной ѣзды по системѣ принятой тогда во французской кавалеріи. Этихъ лѣханныхъ и дезертировъ содержали какъ почетныхъ гостей, и солдатамъ настрого запрещено было обижать ихъ. *

Наконецъ послѣ продолжительнаго бездѣйствія обѣихъ враждующихъ армій, боевые выстрѣлы снова раздались во второй половинѣ мая: 24го числа Беннигсенъ атаковалъ маршала Нея у Гутштадта и на другой день отгнсалъ его за рѣку Пасаргу. Уланскій полкъ хотя и присутствовалъ на мѣстѣ боя, въ резервѣ, и даже одинъ баталіонъ его посланъ былъ на помощь войскамъ генерала Дохтурова, но активнаго участія въ дѣлѣ подъ Гутштадтомъ все-таки не довелось принять уланамъ. Точно также и въ кровопролитномъ Гейльсбергскомъ сраженіи (29го мая) роль уланъ ограничилась присутствіемъ на мѣстѣ боя, въ составѣ резерва, вмѣстѣ съ гвардейскою кавалеріей. Въ этотъ день непріятельское ядро вырвало изъ рядовъ полка одну только жертву, рядового Котенку. Это случилось около трехъ часовъ дня, когда къ уланамъ пріѣхалъ цесаревичъ, за которымъ слѣдовали двѣ подводы съ водкою и сухарями, нарочно добытыми его высочествомъ для своихъ уланъ. Едва лишь велѣлъ онъ полку слѣпшиться и раздать людямъ по чаркѣ и едва солдаты слѣзали съ коней, какъ вдругъ, какое-то залѣтное непріятельское ядро ударило Котенку въ лопатку, и положило его на мѣстѣ. **

Но если при Гутштадтѣ и при Гейльсбергѣ уланскій полкъ

* О. Буагаринъ т. III, стр. 141.

** Ibid, стр. 189.

долженъ былъ ограничиться лассивною ролью, то въ схваткѣ подъ Фридландомъ, наканунѣ знаменитой Фридландской битвы, на долю лейбъ-эскадрона выпалъ счастливый жребій къ отаичію.

Во время слѣдованія нашей арміи отъ Шиллебенля къ Фридланду, ея колоннамъ предшествовалъ гвардейскій резервъ, подъ начальствомъ цесаревича, и часть резервной кавалеріи князя Голицына. * Беннигсенъ, опасаясь за наши переправы черезъ рѣку Алле у Фридланда, направилъ туда, 1го іюля, для рекогносцировки два полка: уланскій цесаревича и Орденскій кирасирскій съ четырьмя конными орудіями, поручивъ начальство надъ этимъ отрядомъ князю Голицыну. Ему приказано было перейти на лѣвый берегъ Алле (армія наша шла по правому берегу), остановиться въ городѣ, для охраненія моста, и выставить за городомъ пикеты. Стараясь предупредить непріятеля на пунктѣ весьма важномъ, Голицынъ всю ночь напролетъ шелъ безъ отдыха, и съ восходомъ солнца былъ уже въ виду Фридланда. Отрядъ никакъ не рассчитывалъ встрѣтить здѣсь Французовъ и потому шелъ довольно безлечно, а уланскіе офицеры заранѣе уже радовались что отдохнуть въ городѣ хоть одинъ сутки и заласутся кое-чѣмъ изъ съѣстнаго. Но не доходя версты около трехъ до мѣста, отрядъ увидѣлъ бѣгущихъ къ нему на встрѣчу безоружныхъ солдатъ, человекъ около десяти, которые махая руками, кричали: „Французы! Французы въ городѣ!“ Это были наша фурлейты и маркитанты изъ обозовъ, оставленныхъ во Фридландѣ еще въ то время когда городъ этотъ находился въ тѣлу нашей арміи, далеко отъ театра военныхъ дѣйствій. Князь Голицынъ отъ этихъ людей только и могъ узнать что въ эту де ночь французская конница заняла городъ и забрала всѣ наши обозы, а сами они успѣли кое-какъ тайкомъ выбраться къ рѣкѣ и спастись на лодкахъ, лѣхоты же непріятельской въ городѣ не видали. Голицынъ рѣшилъ немедленно атаковать Фридландъ и послалъ уланскій полкъ выгнать непріятеля изъ города. Эскадронные командиры обступили Чаикова и наперерывъ просили его каждый о позволеніи первому ворваться въ городъ. Антонъ Степановичъ, не зная какъ тутъ угодить всѣмъ и каждому, рѣшилъ кинуть жребій. Кинули, и счастливый жребій палъ на

* Дмитрія Владиміровича.

эскадронъ его высочества, которымъ командовалъ полковникъ Володимеровъ.

Лейбъ-эскадронъ тотчасъ же двинулся впередъ къ мосту, а остальные, выстроившись въ двѣ линіи по-эскадронно, пошли было за нимъ на-рысакъ, какъ вдругъ—навстрѣчу имъ залль! Это привѣтствіе приготовили уланамъ саксонскіе драгуны, которые, слышавшись, засѣли въ домахъ и за бревнами по ту сторону рѣки. Уланы однако, не взирая на эту не совсѣмъ-то пріятную неожиданность, спокойно приблизились къ берегу, но тутъ — новый сюрпризъ, еще болѣе непріятный: мостъ былъ разобранъ. Произошла невольная остановка.

Корнетъ Старжинскій, командовавшій первымъ взводомъ лейбъ-эскадрона, сметливымъ глазомъ окинулъ всю обстановку данной минуты и вмгъ замѣтилъ что мостъ разобранъ только по серединѣ, очевидно, наскоро, потому что доски еще лежали въ кучѣ, на краю, по ту сторону моста. Тамъ не менѣе, по ширинѣ разборки, переправа для кавалеристовъ была не возможна. Чтѣ тутъ дѣлать!...

Не долго думая, корнетъ Старжинскій соскакиваетъ съ коня, вызываетъ охотниковъ нѣсколькихъ удаальцовъ и, — буквально, — подъ градомъ непріятельскихъ пуль, бросается впередъ лихихъ охотниковъ на мостъ; балансируя руками, перебирается по бревну на ту сторону и начинаетъ укладывать доски. Нѣсколько десятковъ драгунскихъ ружей мѣтили въ храбраго юношу, но, къ счастью, какимъ-то чудомъ ни одна пуля не долзала! *

Черезъ четверть часа мостъ былъ починенъ и лейбъ-эскадронъ стремглавъ бросился въ городъ. За нимъ послѣдовали остальные эскадроны уланскаго полка. Тѣ изъ слышавшихъ

* Въ *Воспоминаніяхъ* Ѳ. Булгарина мы находимъ о корнетѣ Старжинскомъ слѣдующія строки: „Старжинскій былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ нашего полка. Красавцу, съ отличными воспитаніемъ и благородному во всѣхъ своихъ поступкахъ, ему не доставало только военной славы—и онъ приобрѣлъ ее подвигомъ, котораго не пропустилъ бы безъ вниманія ни Титъ Ливій, ни Тацитъ. Старжинскій обрекалъ себя на явную смерть, и если онъ остался живъ и невредимъ, то это истинное чудо. Съ какою радостью мы прижали къ сердцу добраго нашего товарища, когда увидѣли его снова на лошади! Онъ даже удивлялся нашимъ поздравленіямъ, почитая подвигомъ свой вычужденіемъ, и простодушно отвѣчалъ намъ: „Кому-нибудь да надобно же было первому пойти!“

драгунъ которые не успѣли спастись черезъ плетни и огороды, были переколоты людьми лейбъ-эскадрона. Затѣмъ уланы поскакали по главной улицѣ на городскую площадь и здѣсь были встрѣчены колонною саксонскихъ драгунъ, уже на коняхъ, въ числѣ нѣсколькихъ эскадроновъ. Это были рослые, видные люди, съ залетеными косицами, въ красныхъ курткахъ съ зелеными отворотами, на крѣпкихъ, крульныхъ и хорошихъ лошадяхъ. Они храбро выдержали первый натискъ лейбъ-эскадрона, дали залпъ и пошли въ атаку, но уланы лихо и глубоко врѣзались съ налету въ ихъ ряды и смяли фронтъ. Драгуны наконецъ дрогнули, дали тылъ, поскакали, наши за ними, и вскорѣ все это перемѣнилось въ одну толпу и мчалось вмѣстѣ черезъ трупы товарищей и коней, по узкимъ улицамъ, маноса другъ другу удары. Незамѣтно и тѣ и другіе очутились за городомъ. Здѣсь уланы вдругъ увидѣли что изъ-подъ лѣсу крупною рысью приближается къ нимъ на встрѣчу, съ явнымъ намѣреніемъ атаковать во флангъ, цѣлый полкъ французскихъ гусаръ, въ зеленыхъ долманахъ.

На нашей сторонѣ тотчасъ же затрубили сборъ. Уланы остановились, чтобы выстроиться, и это дало драгунамъ возможность проскакать въ интервалы между гусарскими эскадронами. Зеленые гусары весьма удобно могли бы воспользоваться тѣмъ мгновеніемъ когда люди, разсѣявшіеся отдѣльными группами во время преслѣдованія, собирались къ своимъ частямъ, и дѣйствительно, гусары уже совсѣмъ было пошли на уланы въ атаку, но къ счастью послѣднихъ, въ этотъ самый мигъ грянуло вдругъ изъ-за рѣки нѣсколько выстрѣловъ. Три, четыре ядра, лущенные изъ нашихъ легкихъ орудій, очень удачно ударили въ непріятельскіе эскадроны и на нѣкоторое время замедлили ихъ атаку. Эта остановка уже окончательно дала уланамъ возможность собраться и выстроить боевой порядокъ.

Погода была прекрасная, поле обширное и ровное, а уланамъ предстояло еще впервые въ теченіе этой войны сразиться съ непріятелемъ лицомъ къ лицу, въ дѣйствительной кавалерійской схваткѣ; поэтому они, по свидѣтельству участника, весело и радостно кинулись въ атаку *. Гусары были опрокинуты. Проскакавъ съ версту, они остановились и построились за

* О. Вугаривъ, т. III, стр. 207.

своею второю линіей, которую выставилъ успѣвшій оправиться полкъ саксонскихъ драгунъ. Уланы однако не остановились и однимъ натискомъ смали Саксонцевъ. Нѣсколько разъ, на протяженіи семи верстъ, останавливался непріятель подобнымъ образомъ, для встрѣчи нашихъ атакъ, и каждый разъ уланы заставляли его отступать, пока не загнали въ лѣсъ. Управились они съ Французами уже довольно поздно. Начинало смеркаться, лошади были измучены, даальѣйшее же преслѣдованіе по незнакому лѣсу, при наступающихъ сумеркахъ, представлялось рискованнымъ; предполагалось что къ вечеру могла подойти французская пѣхота и устроить въ лѣсу удачную засаду. Рѣшено было что на сей день довольно. Поэтому эскадронъ майора Лорера оставленъ былъ на аванпостахъ и растаялъ цѣль своихъ ведетовъ подъ самымъ лѣсомъ, а остальные эскадроны отошли назадъ версты на три и стали бивуакомъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ дѣвчача была самая жаркая схватка съ зелеными гусарами. Четыре офицера и 56 рядовыхъ забрали мы въ лѣвъ, да около 50 человекъ порубили и перекололи во время схватокъ. Съ нашей же стороны вышло изъ строя убитыми и ранеными 32 человека нижнихъ чиновъ.

Такъ кончилось это лихое дѣло.

А не остановись мы со своими аванпостами подъ лѣсомъ, но пройди его и займи ведетами опушку по ту сторону—какъ знать!—быть-можетъ на другой день генеральное сраженіе подъ Фридрихомъ имѣло бы иныя послѣдствія... Но кто могъ предполагать что не далѣе какъ завтра произойдетъ здѣсь кровопролитная битва, которая существенно повлияетъ на исходъ всей войны!...

Во всякомъ случаѣ, съ нашей стороны была одѣлана ошибка: какую пользу могли принести аванпосты выставленные къ сторонѣ непріятеля, когда между ними и ведетами весь кругозоръ закрывался лѣсомъ?

На другой день, въ четыре часа утра, наши войска стояли уже въ боевомъ порядкѣ на обширной равнинѣ впереди Фридрианда. Въ воспоминавіяхъ участниковъ этого боя въ особенности залечатѣлась картина утра 2го іюня, въ часъ предшествовавшій началу дѣла. „Восходящее солнце, говорятъ одинъ изъ нихъ * , играло въ блестящемъ оружіи

* Ibid.

нашихъ колоннъ. Бѣлыя перевязки на зеленыхъ мундирахъ блестяли какъ весенній цвѣтъ на деревьяхъ. Пушки свѣтились какъ жаровни. Однимъ взглядомъ можно было обозрѣть огромное пространство между городомъ и лѣсомъ. Уланскіе флагера пестрѣли какъ маковъ цвѣтъ, на правомъ флангѣ, гдѣ была сосредоточена почти вся наша кавалерія.“ *

Впереди фронта улань, нѣсколько ближе къ центру, стояла деревушка Гейрихдорфъ, а за нею тотъ самый лѣсъ куда на-канунъ они загнали зеленыхъ гусаръ и Саксонцевъ. Одинъ эскадронъ улань ** прикрывалъ два легкія орудія, стрѣлявшія въ олушку, по цѣли французскихъ стрѣлковъ, какъ вдругъ, въ началѣ десятаго часа, неожиданно показалась изъ лѣсу не-приятельская кавалерія. Густое облако пыли, сопровождавшее ея движеніе, не позволяло опредѣлить глубину колонны; вид-ло было только что фронтъ ея не великъ. Нѣсколько выстрѣ-ловъ изъ двухъ нашихъ орудій ни мало не остановили ея движенія. Тогда приказано было двумъ эскадронамъ улань *** вмѣстѣ съ эскадрономъ лейбъ-казаковъ ударить на эту ко-лонну.

Вызванные части двинулись на рыскахъ повзводно, прошли черезъ деревню, повернули надѣво и выстроились по-эскад-ронно уступами. Командирскій эскадронъ шелъ впереди. При-близясь къ неприятелю саженей на сто, ротмистръ Щегловъ

* Официальная реляція Фридрихскаго дѣла, составленная вообще очень сбивчиво, говоритъ что лейбъ-гвардіи Копышій и Уланскій Его Высочества полки находились на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи у князя Багратиона, и первые открыли огонь противъ неприятельской пѣхоты, занимавшей противуположній лѣсъ. Нашъ историкъ М. И. Богдановичъ по поводу этой реляціи, между прочимъ, говоритъ что „въ домесеніи Бендигсона, дивизіи, стоявша на различныхъ пунк-тахъ позиціи, показаны весьма сбивчиво, и потому, при изложеніи дѣйствій князя Багратиона на лѣвомъ крылѣ, упоминаются полки состоявшіе въ дивизіяхъ показанныхъ на правомъ крылѣ“ (*Исторія Царств. Александра I*, т. II, приложение, стр. 41, примѣчаніе 30). Опираясь на авторитетъ нашего почтеннаго историка и имѣя въ виду свидѣтельство участника въ дѣлѣ (Θ. Вугарина), кажется, можно съ увѣренностію сказать что показаніе реляціи относитель-но уланскаго полка положительно не вѣрно. Полкъ не былъ на лѣ-вомъ флангѣ.

** Командирскій, находившійся подъ начальствомъ ротмистра Щег-лова.

*** Командирскому и ротмистру Радуловича.

далъ команду: „лики на перевѣсъ — маршъ-маршъ!“ и, крикнувъ ура! понесся впередъ. Переменявъ этотъ крикъ, дружно бросился за нимъ командирскій эскадронъ, но подскакавъ на нѣсколько шаговъ къ французской колоннѣ, вдругъ остановился въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. Непріятель оказался сильнѣе, по крайней мѣрѣ, влѣтеро и стоялъ неподвижно, какъ каменная стѣна. Это были знаменитые драгуны Латуръ-Мобура. Задняя ихъ шеренга, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, открыла огонь по уланамъ, а передняя отбивала лашаами лики нѣсколькихъ удаальцовъ, которые во что бы то ни стало хотѣли врѣзаться въ непріятельскій фронтъ. Вдругъ, въ рядахъ Французовъ раздались крики: „en avant! Vive l'empereur!“ (впередъ! да здравствуетъ императоръ!) и вся колонна ринулась на-рысакъ на командирскій эскадронъ, такъ-сказать, давя его своею массой. Уланы повернули назадъ, во не вскачь и не рысью, а шагомъ, и отступали медленно. Наши фланкеры, выѣхавъ впередъ къ непріятелю, начали отстрѣливаться изъ карабиновъ, а нѣсколько смѣльчаковъ, выскочившихъ изъ французскихъ рядовъ, чтобы рубить отступающихъ, сброшены были съ стѣделъ нашими ликами. Но вотъ, замечательная часть французской кавалеріи быстро захлѣла въ полъ-оборота направо и загородила уланамъ прямой путь ихъ отступленія. Уланы бросились было вправо, но здѣсь-непредвидѣнная бѣда: крѣпкій и высокій плетень. Эскадроны наши остановились. Лейбъ-казаки, бывшіе позади ихъ, быстро слѣзились и принялись ломать эту преграду, а между тѣмъ Французы въ это самое время уже напереди на уланы всюю своею силой. Двумъ эскадронамъ нашимъ невозможно было двинуться ни въ какую сторону, и тутъ-то пошла ужасная свалка. Сперва драгунамъ принялись было разстрѣливать нашихъ изъ ружей, но чрезъ нѣсколько минутъ уланы смѣшались и обились съ ними въ одну толпу. Тутъ уже исчезла всякая правильность: стрѣляли куда попало, и въ своихъ, и въ чужихъ, дрались ликами, рубились саблями и лашаами, какъ бѣшеные, съ остервененіемъ бросались другъ на друга... Это была страшная кавалерійская *рѣзня на мѣсть*. Но драгунамъ ловче было дѣйствовать въ тѣсотѣ лашаами, чѣмъ уланамъ ликами, да и перевѣсъ въ матеріальной силѣ былъ на ихъ сторонѣ. Къ счастью, лейбъ-казакамъ удалось таки наконецъ частію разобрать, а частію повалить плетень, и толпа дерущихся уланы, слыша призывные крики товари-

щей казаковъ, начала ляться въ тылъ, отбиваясь отъ французскихъ палашей. Пока люди наши перебарались черезъ поваленный заборъ, нѣсколько человекъ, самоотверженно обернувшись грудью къ непріятельскому фронту, дрались съ самымъ отчаяннымъ мужествомъ, удерживая валоръ драгунской массы.

Наконецъ, нашимъ удалось выбраться изъ этой адской стѣны, и они поскакали гурьбой вдоль по улицѣ, слѣша подъ прикрытіе русскаго фронта. Драгуны гнались вслѣдъ за ними, но только-что успѣли выскочить изъ деревни на ровное мѣсто, какъ вдругъ были стремительно атакованы лейбъ-казаками и лейбъ-гусарами, посланными на выручку нашихъ. Французы не выдержали, дали тылъ и еще быстрее помчались назадъ, сквозь ту же деревню, преслѣдуемые съ тылу казаками и гусарами. Въ это же время командирскій эскадронъ уланскаго полка, успѣвъ уже оправиться послѣ своей рубки, вмѣстѣ съ эскадрономъ майора Лорера, подослѣвшамъ къ нему на помощь, покосился мимо деревни въ направленіи къ лѣсу чтобъ отрѣзать Французамъ ретираду, но, къ сожалѣнію, движеніе это не удалось и драгуны успѣли уйти подъ защиту лѣса. Вслѣдъ за симъ деревня Гейрихсдорфъ была занята нашею пѣхотой, которая сейчасъ же протянула цѣль стрѣлковъ подъ лѣсомъ, а уланы возвратились на прежнее мѣсто, ко фронту своего полка, и сѣзали съ лошадей въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Вскорѣ послѣ этого уланскій полкъ въ цѣломъ своемъ составѣ потребованъ былъ на крайній правый флангъ, вмѣстѣ съ тремя лейбъ-гусарскими эскадронами. Тутъ присоединился къ нимъ еще Александрійскій гусарскій полкъ, и всѣ эти части вмѣстѣ составили особый отрядъ, отданный графомъ Уваровымъ подъ начальство генералъ-майору графу Ламберту. Ему было поручено обрекогносцировать крайній лѣвый флангъ французской арміи, который какъ будто прятался отъ насъ за лѣсомъ и селеніями, и стараться, по возможности, отгнать его еще далѣе. Отрядъ Ламберта двинулся впередъ, и уже обогнулъ лѣсъ, какъ вдругъ увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи сильную пыль. То были свѣжія войска шедшія къ маршалу Мортье на помощь. Движеніе ихъ прикрывалось кавалеріей которая стояла, слѣшившись, впереди какой-то деревни. Лишь только отрядъ Ламберта показался на опушкѣ лѣса, въ этой кавалеріи трубачи подали сигналъ —

полки спѣшно свѣли на коней и грознымъ шагомъ, спокойно двинулись къ нему на встрѣчу. Это шли драгуны генерала Груши и знаменитые кирасиры, съ которыми нашимъ уланамъ приходилось теперь встрѣтиться еще впервые на своемъ вѣку. Видъ этихъ всадниковъ, на огромныхъ лошадяхъ, въ блестящихъ латахъ, съ развѣвающимися по вѣтру конскими хвостами на металлическихъ шипакахъ, производилъ таки впечатлѣнiе весьма внушительнаго свойства. Но несмотря на то, легкоконные уланы бросились и ударили на нихъ такъ быстро и рѣшительно что, не давъ опомниться, сразу прогнали ихъ за деревню, причемъ, въ погонѣ за ними, многихъ ссадили съ лошадей своими ликами. Досталось также и драгунамъ. Такимъ образомъ, отбросивъ противника за селенiе, наши на нѣкоторое время приостановились, и вида что Французы еще въ большихъ массахъ собираются за деревней, отступили къ своимъ, за лѣсъ, на прежнее мѣсто. Получивъ донесенiе о видимомъ намѣренiи непрiятеля атаковать Ламберта превосходными силами, графъ Уваровъ послѣдовалъ послать къ нему на помощь еще часть кавалерiи. Это увеличило количество вашихъ силъ до 35 эскадроновъ. Но все-таки и при этомъ подкрѣпленiи, мы шли противъ себя 50 эскадроновъ превосходной и большею частiю тяжелой кавалерiи. На нашей сторонѣ было преимущество легкости и увертливости, на сторонѣ же противника количество, массивность и сила, почти несокрушимая при стройномъ и сосредоточенномъ ударѣ. Мы могли, такъ-сказать, только дразнить и щипать его, онъ же могъ прорвать и раздавить насъ своею грозною, компактною массою. Тѣмъ не менѣе, наша легкая конница не уклонилась отъ чести неравнаго боя. Впереди сталъ теперь Гродненскiй гусарскiй полкъ, * потому уланы цесаревича въ одной линiи съ Александрiйцами, а далѣе лейбъ-гусары съ лейбъ-казаками. И вотъ, наконецъ, вышли противъ насъ изъ-за лѣса эти грозные 50 кирасирскихъ и драгунскихъ эскадроновъ, раздѣлась на три колонны. Средняя ударила въ центръ, а двѣ остальные во фланги. Мы бросились къ нимъ во встрѣчную атаку. И вѣскольکو часовъ сряду длилось это кавалерiйское дѣло, съ перемѣннымъ счастиемъ: то мы ихъ прогоняли, то они насъ, а между тѣмъ, и къ нимъ и къ намъ подходили подкрѣпл-

* Нынѣ Клястцкiй гусарскiй.

ленія. Это было непрерывное волненіе двухъ линій, двухъ массъ: то одна нападаетъ, а другая уходитъ отъ нея, то эта послѣдняя, доскакавъ до своихъ резервовъ, оборачиваетъ коней и бросается на первую, нападаетъ въ свою очередь и опрокидываетъ массу противника. И во время этого непрерывнаго волненія удары ликъ и палашей достались на долю тѣхъ которые оставались въ тылу, то-есть и мы, и массъ были въ догонку. Наши уламы и гусары отчаянно врубались въ середину Французовъ и скакали вмѣстѣ съ ними, нанося удары во всѣ стороны. Сраженіе это, по словамъ Беннигсена, * длилось „съ равною съ обѣихъ сторонъ жестокостію и отчаяніемъ, однакожь успѣхъ былъ еще не рѣшителенъ“. Подкрѣпленія Французовъ были гораздо сильнѣе, и намъ навѣрное пришлось бы уступить имъ поле, еслибы не подослѣла на помощь какъ разъ къстати вся резервная кавалерія Уварова съ нѣсколькими орудіями конной артиллеріи. Тогда повели мы общую атаку всѣми конными силами нашего праваго фланга, сопровождая ее сбоку горячимъ огнемъ вновь прибывшихъ орудій, и долго длившееся волненіе двухъ массъ прекратилось,—какъ и обыкновенно бываетъ въ кавалерійскихъ дѣлахъ,—тѣмъ что одна изъ нихъ была окончательно прогнана съ поля. Мы опрокинули Французовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, устали равнину ихъ датниками и драгунами, отшвырнули всю массу этой тяжелой конницы подъ самый лѣсъ и возвратясь на свое прежнее мѣсто выстроились въ шахматномъ порядкѣ, въ ожиданіи конца пѣхотнаго боя. Такимъ образомъ на правомъ флангѣ русской арміи была одержана побѣда: поле сраженія осталось за нами и прогнанный противникъ не дерзалъ болѣе нападать на нашу конницу.

Къ несчастію, лѣвый флангъ нашей позиціи, расположенный въ неудачно выбранной мѣстности, потерпѣлъ пораженіе, несмотря на личное мужество и вдохновительное присутствіе въ самомъ жестокомъ огаѣ начальника этого фланга князя Багратіона и такихъ генераловъ какъ Раевскій, Багговутъ и Ермоловъ. Багратіонъ вынужденъ былъ уступить свою позицію, занятую вслѣдъ за нимъ артиллеріей Виктора. Эта многочисленная артиллерія открыла убійственный огонь во флангъ нашему правому крылу, гдѣ находи-

* Журналъ военн. дѣйств., стр. 254.

лись улавы. Былъ уже девятый часъ вечера. Выстрѣломъ нельзя было различать: гремѣлъ непрерывный громъ и все поле сплошь застилалось густымъ дымомъ. Грозный гулъ разносился по полямъ и лѣсамъ; земля дрожала. Багратионъ отступилъ въ городъ и зажегъ предместье. Тогда только князь Горчаковъ, начальствовавшій правымъ флангомъ, замѣтилъ опасность своего положенія: онъ былъ отрѣзанъ. Здѣсь оставалось одно: штыками проложить себѣ дорогу, и князь не задумался предъ этимъ исходомъ. Направивъ свою лѣхоту въ городъ, онъ приказалъ кавалеріи прикрывать ея движеніе. Тутъ уже выступила противъ насъ вся французская конница и хотя громко шла за нами, но атаковать не смѣла, ощущая слишкомъ чувствительно послѣдствія недавно конченнаго дѣла на правомъ флангѣ. Когда мы остановились, кавалерія противника сдѣлала то же. Между тѣмъ лѣхота Горчакова штыками проложила себѣ дорогу въ городъ и встрѣтила тамъ корпусъ Нея, Виктора, Дюва и Мортъе, то-есть вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля; но ни перекрестный огонь, ни штыковыя атаки съ фронта, съ фланговъ и съ тыла не принудили ее къ сдачѣ. Борясь до послѣдней капли крови, она успѣла отбиться и выдти за городъ. Здѣсь предстоила лѣхотивцамъ переправа черезъ рѣку Алле, но мостовъ уже не существовало: они были еще ранѣе сожжены, по ошибочному приказанію переданному какому-то адъютантомъ инжемерному офицеру поставленному у переправы. * Тутъ уже исчезла всякая надежда на спасеніе и вмѣстѣ съ нею рушился порядокъ. Во всѣ стороны разсѣяли офицеровъ отыскивать броды.

Въ это время французская кавалерія двинулась впередъ противъ нашей, выставивъ предъ собою многочисленную конную артиллерію. Въ нашихъ посыпались брандскугели и ядра, и по всей непріятельской линіи раздались громкіе, торжествующіе крики: „Victoire! en avant! Vive L'empereur!“ (Побѣда! впередъ! да здравствуетъ императоръ!) Пожаръ ослѣплялъ поле сраженія.... Къ французской кавалеріи слѣшно подходили лѣхотныя колонны, со своею артиллеріей и, образовывая полукругъ, все болѣе и болѣе прижимали нашихъ къ рѣкѣ. Батарейный огонь сталъ еще чаще. Въ нашихъ рядахъ толковали что подъ городомъ гдѣ-то есть бродъ, но

* М. Богдановичъ, *Исторія царств. Александра I*, т. II, стр. 281.

гдѣ?—никто не зналъ положительно. Пѣхота, не желая сдаться, бросилась въ рѣку, но многіе не попали на мелкое мѣсто и утонули; другіе бѣгали по берегу, отыскивая бродъ; иные поплыли; артиллерія наша также пошла въ бродъ, на удачу, предпочитая лучше потопить орудія и самимъ утопиться, чѣмъ сдаться въ лѣвиъ и видѣть свои пушки трофеемъ въ рукахъ торжествующаго непріятели.

Наконецъ и уланскому полку пришла очередь — онъ пошелъ впасть черезъ рѣку.

„Легко сказать, говорить участникъ,* переплыть на лошади черезъ рѣку“,—и переплыть ее, прибавимъ мы отъ себя, съ полнымъ походнымъ выюкомъ, въ полномъ боевомъ вооруженіи, таща на крупѣ или на хвостѣ еще пѣхотнаго солдата! — „Но каково лямть, продолжаетъ онъ,—ночью, не зная мѣстности, и когда съ тыла жарятъ ядрами и брандсбургелами! На берегу рѣки былъ сущій адъ! Крикъ и шумъ ужасный.... Тутъ тонуть, тамъ умоляютъ о помощи, здѣсь стонуть раненыя и умирающіе.... Пѣхота и коница обились въ кучу.... Нельзя пробраться къ берегу, а между тѣмъ ядра и брандсбургели валятъ въ толпы и въ рѣку.... Еслибы въ эту минуту французская кавалерія бросилась на насъ, то надѣлала бы бѣды; но она помнила какъ мы дрались съ нею днемъ, и не посмѣла напасть на насъ! Только крикомъ она давала знать что она тутъ.“

Вмѣстѣ съ уланами переплывались и пѣхотинцы, какъ мы сказали уже, либо сидя на крупѣ, либо ухватясь за хвостъ; тонущіе цѣплялись за поводья, за стремяна, за ноги, топили и себя, топили и всадниковъ съ лошадьми; но многимъ удавалось и спастись.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега чертилась лѣсъ. Тамъ, на олушкѣ и въ самомъ лѣсу горѣли костры и собирались разбрѣдшіяся части войскъ. Тутъ раздавались звуки трубы; тамъ били въ барабаны, здѣсь громко звали полки по именамъ, а между тѣмъ пушечные выстрѣлы съ противнаго берега не умолкали, и ядра, взрывая землю, прыгали по берегу.

Уланы, добравшись до костровъ, расположились подъ лѣсомъ на кратковременный бивуакъ, не разсѣдывая лошадей, и стогрѣвали желудки горячею водою смѣшанною съ вод-

* О. Бугаринъ, *Воспоминанія*, т. III, стр. 241.

кой.* Простоявъ здѣсь около двухъ часовъ, армія наша ночью двинулась въ походъ, и на другой день перешла черезъ рѣку Прегель, подъ городомъ Велуа. Шли форсированными переходами, причемъ арріергардъ нашъ почти ежедневно имѣлъ стычки и перестрѣлку съ непріателемъ. Каждый день главныя силы нашей арміи слышали позади себя пушечныя выстрѣлы. Наконецъ, послѣ горячаго арріергарднаго дѣла, мы перешли черезъ Нѣмалъ, подъ Тильзитомъ, и уланскій полкъ остановился на бавуакахъ при селеніи Бенискайтевъ.

Въ сраженіи подъ Фридрихсдомомъ уланы не видали своего шефа: цесаревичъ находился все время на нашемъ лѣвомъ флангѣ вмѣстѣ съ гвардейскою пѣхотой и тяжелою гвардейскою кавалеріей. День 2го іюня оставилъ по себѣ въ полку память: оны стоишь уланамъ ста человекъ убитыхъ и раненыхъ. Но за то, кромѣ офицерскихъ наградъ, каждый эскадронъ получилъ по пятнадцати знаковъ отличія военнаго ордена. Самъ Наполеонъ и всѣ французскіе воины бывшіе подъ Фридрихсдомомъ сознались что Русскіе дрались превосходно и что въ лѣвъ взяты одни лишь раненые. Не только ни одинъ полкъ, но ни одинъ русскій взводъ не положилъ оружія! Духъ въ войскѣ былъ превосходный. Не говоря уже объ офицерахъ, но и солдаты нисколько не приуныли послѣ Фридрихсдойской битвы: напротивъ, всѣ горѣли желаніемъ сразиться снова и какъ можно скорѣе.

Но этому пламенному желанію не суждено было сбыться такъ скоро. Фридрихсдойскимъ боемъ закончилась въ эту войну рядъ кровопролитныхъ битвъ съ Французами. 10го (22го) іюня заключено въ Тильзитѣ перемиріе и 27го (9го) іюня ратификованъ мирный трактатъ. Впрочемъ, армія наша еще ранѣе этого срока стала возвращаться въ предѣлы отечества. Уланскій полкъ 18го іюня выступилъ въ Шавли для откорма лошадей и исправленія аммуниціи послѣ кампаніи, а 29го іюня пошелъ въ Петербургъ, куда прибылъ 9го августа.

IV.

Въ Фридрихсдойской кампаніи 1808 года принималъ участіе только 2й баталіонъ, отошедшій въ слѣдующемъ году на сформированіе лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, а потому мы опускаемъ описаніе его боевыхъ трудовъ въ этой тяж-

* Ibid, стр. 244.

кой и своеобразной войнѣ, какъ не касающееся непосредственно Iго дивизиона, который далъ начало нашему полку.

Во вниманіе къ подвигамъ и отличіямъ подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ, императору Александру Павловичу благоугодно было даровать лейбъ-уланскому цесаревича полку права и преимущества старой гвардіи. Въ то время гвардейскіе полки какъ тяжелой, такъ и легкой кавалеріи по штатамъ полагались только въ латвэскадронномъ составѣ съ однимъ запаснымъ полуэскадрономъ. * Поэтому вмѣстѣ съ полученіемъ новыхъ преимуществъ, полкъ раздѣленъ былъ на двѣ части. Первый баталіонъ въ полномъ своемъ составѣ названъ лейбъ-гвардіи Уланскимъ, а второй — лейбъ-гвардіи Драгунскимъ ** полками.

Цесаревичъ Константинъ хотя и остался шефомъ, по-прежнему числясь въ спискахъ лейбъ-эскадрона, но въ официальномъ названіи полка, съ прибавленіемъ къ прежнему „лейбъ“ новаго слова „гвардіи“ отмѣнено было шефское имя, и сдѣлано это на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: императоръ Павелъ Петровичъ, въ первые же дни по вступленіи на престолъ, отмѣнилъ для всѣхъ армейскихъ полковъ ихъ прежнія территориальныя названія (по городамъ и провинціямъ), повелѣвъ называться впредь по именамъ шефовъ. *** Къ армейскимъ полкамъ, въ коихъ шефами числились лица Императорской фамиліи, присоединялось слово „лейбъ“. Такимъ образомъ у насъ были тогда лейбъ-кирасирскіе его величества и ея величества полки, **** а позднѣе, на томъ же основаніи, лейбъ-уланскій цесаревича Константина. Въ одной только гвардіи полки не назывались по именамъ шефовъ, ибо для всѣхъ гвардейскихъ полковъ былъ одинъ шефъ — Императоръ, † они сохраняли свои прежнія названія, либо

* Въ армейской кавалеріи только кирасирскіе и драгунскіе полки были латвэскадроннаго состава съ запаснымъ полуэскадрономъ; полки же легкой кавалеріи дѣлались каждый на десять эскадроновъ (по пяти въ баталіонѣ), съ однимъ запаснымъ эскадрономъ.

** Что нынѣ лейбъ-гвардіи Ковно-Гренадерскій.

*** Полк. Собр. Зак. XXIV № 17.587 и № 17.590. Указ. 29го ноября 1796.

**** Нынѣ лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Величества (съ 22го августа 1831) и лейбъ-гвардіи Кирасирскій Ея Величества (съ 26го августа 1856.).

† Высочайшій приказъ о приматіи Императоромъ на себя званія шефа и полковника всѣхъ полковъ гвардіи посадовалъ въ первый же день его царствованія, см. П. С. З. т. XXIV, № 17.531.

территориальныя, либо же по роду оружія: какъ-то: а) лейбъ-гвардіи Преображенскій, Семеновскій, Измаиловскій и б) лейбъ-гвардіи Егерскій баталіонъ, лейбъ-гвардіи Конный, лейбъ-гвардіи Гусарскій, лейбъ-гвардіи Казачій. Хотя съ воцареніемъ императора Александра I армейскимъ полкамъ (за исключеніемъ егерскихъ, называвшихся по номерамъ) и были возвращены прежнія территориальныя названія, * по касательной гвардіи въ этомъ отношеніи переимъ никакихъ не послѣдовало, и такимъ образомъ съ полученіемъ гвардейскихъ правъ, оба полка образованные изъ уланъ цесаревича названы по роду оружія: лейбъ-гвардіи Уланскимъ и лейбъ-гвардіи Драгунскимъ.

Этотъ актъ Высочайшей милости къ полку былъ словесно объявленъ императоромъ цесаревичу Константину въ день своего рожденія, 12го декабря 1809 года, и августѣйшій шефъ того же числа оповѣстилъ о семъ полкъ особымъ повелѣніемъ. ** Полковымъ командиромъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка оставленъ былъ генераль-майоръ Чаииковъ.

Слущая два съ половиною года послѣ этой высокой монаршей милости, лейбъ-гвардіи уланскому полку предсталъ задача—поддержать въ новыхъ битвахъ свою прежнюю армейскую славу. Наступила война Отечественная, и затѣмъ война за освобожденіе Европы. Въ этотъ славный боевой періодъ 1812—1814 годовъ, на долю разныхъ частей лейбъ-гвардіи уланскаго полка пришлось *пятьдесятъ пять* боевыхъ эпизодовъ, между которыми было четыре блестящихъ и *ни одного пораженія*. Надъ этимъ полкомъ какъ будто горитъ какая-то особая счастливая звѣзда: онъ никогда еще не зналъ что такое пораженіе, и изъ самыхъ отчаянно трудныхъ дѣлъ, иногда уничтоженный, какъ напирмѣръ при Аустерлицѣ, болѣе чѣмъ на половину, выходилъ съ честью и славой, такъ что даже сами противники съ уваженіемъ отдавали ему полную дань справедливости.

Изъ этой полусотки боевыхъ дѣлъ, мы расскажемъ только четыре особо выдающіеся эпизода. ***

* Высоч. приказъ 10го марта 1808.

** Приказъ по полку отъ 15го декабря 1809. (Арх. а.-гв. Уланск. п.).

*** Перечень остальныхъ читателей найдетъ въ полномъ боевомъ формулярѣ полка, помещенномъ въ „приложеніяхъ“ къ сочиненію изъ котораго заимствованъ этотъ эпизодъ.

Красное, Кульмъ, Соммепюй, Фершампенуазъ, эти четыре имели составляютъ лучшее достояніе полка, добытое имъ своею кровью на полѣ чести.

Начнемъ же съ перваго.

2го ноября 1812 года, Наполеонъ, съ остатками своей великой арміи, выступилъ изъ Смоленска къ Красному. Нашъ авангардъ*, подъ начальствомъ Милорадовича, 3го ноября, въ сумерки, вышелъ къ столбовой Смоленской дорогѣ у деревни Ржавки, на перерѣзъ Наполеоновой гвардіи. Развернувъ свои войска влѣво, параллельно дорогѣ, Милорадовичъ однакоже ограничился только слабымъ канонадой по отступавшимъ колоннамъ непріятеля, такъ какъ собственныя его войска далеко не всѣ еще подтянулись къ мѣсту боя, и онъ пока еще чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ чтобы прямо заградить Французамъ путь отступленія. Когда мимо нашихъ пятидесяти двухъ орудій** пробѣжала послѣдняя непріятельская колонна, генералъ Меллеръ - Закомельскій, бывший командиръ уланскаго полка, получилъ приказаніе атаковать ее полками легкой гвардейской дивизіи. Лейбъ-драгунскій полкъ направился въ обходъ правѣ дороги, а лейбъ-гусары вмѣстѣ съ лейбъ-уланами, атакосавъ непріятеля рысью, заставили колонну положить оружіе и взяли при этомъ пять (а по другимъ свидѣніямъ шесть) орудій.***

На слѣдующій день (4го числа) Милорадовичъ, сдѣлавъ флаговое движеніе къ деревнямъ Мерлину и Никулину, имѣлъ предъ сумерками дѣло съ корпусомъ вице-короля, которому, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, предложилъ сдаться на выгодныхъ условіяхъ. Вице-король отвѣчалъ отказомъ. Тогда Милорадовичъ повелъ на него рѣшительную атаку. Пѣхота справа и съ фронта пошла въ штыки, а гвардейская кавалерія вмѣстѣ съ казаками развернулась влѣво отъ дороги и бросилась на непріятеля, который вмигъ смѣшался и, потерявъ всю артиллерию своего корпуса, въ безпорядкѣ кинулся въ сторону, стараясь въ ночной темнотѣ пробраться къ Красному окольными путями. Ночь прекратила сраженіе.

* Въ составъ авангарда подъ начальствомъ Милорадовича входили: 7й и 2й пѣхотные корпуса и 1й кавалерійскій, въ коемъ состояла и легкая гвардейская дивизія. Всего до 16.000 человекъ.

** 28 орудій 2го корпуса и 24 орудія 7го корпуса.

*** Вутураниъ, ч. II, стр. 94.—Вогдановичъ, т. III, стр. 112.

5го ноября, Наполеонъ, желая облегчить корпусу маршала Даву возможность соединенія съ собою въ Красномъ, вознамѣрился отвлечь отъ его пути большую часть русскихъ силъ и для того въ восьмомъ часу утра атаковалъ деревню Уваровку. Пока эта деревня переходила изъ рукъ въ руки, длинная колонна Даву, преслѣдуемая казаками, слѣшно двигалась по Смоленской дорогѣ, и едва только миновали они село Еськово, какъ Милорадовичъ обогнулъ ихъ съ тыла лѣхотой, а справа направилъ во флангъ гвардейскую кавалерію Меллеръ-Закомельскаго. Даву былъ разбитъ. Наполеонъ, узнавъ о его пораженіи, началъ дальнѣйшее отступленіе къ Лядамъ, уже не дожидаясь соединенія съ корпусомъ Нея, слѣдовавшимъ въ разстояніи перехода за Даву.

Въ тотъ моментъ когда послѣдняя французская колонна выходила изъ Краснаго, лейбъ-гвардіи уланскій полкъ ворвался въ городъ и, проскакавъ по пылающимъ улицамъ, лихо атаковалъ непріятеля у противоположнаго городского выѣзда. Французскіе фурштаты и лѣхота бросались къ повозкамъ своего обоза, и хотя защищались отчаянно, но натискъ уланъ принудилъ ихъ разбѣжаться въ стороны, оставивъ побѣдителямъ 200 человекъ лѣвными, шесть орудій и весь обозъ, въ которомъ между прочимъ были захвачены уланы: маршальскій жезлъ Даву, всѣ его экипажи и чемоданы, вся корпусная канцелярія и кавна, вывезенная имъ изъ Смоленска въ количествѣ 31.000 руб. асс.* Эти деньги поступили въ полковую артель и составили особый *краснинскій капиталъ*, изъ котораго каждый нижній чинъ участвовавшій въ дѣлѣ 5го ноября, при выбитіи изъ полка, награждался пятьюдесятью рублями.*

На слѣдующій день (6го ноября) лейбъ-уланскій полкъ занялъ позицію на правомъ флангѣ, позади 26й лѣхотной дивизіи Паскевича. Все утро прошло въ нетерпѣливомъ ожиданіи: непріятель не показывался. Но наконецъ около трехъ часовъ дня казаки извѣстили о приближеніи маршала Нея, и Милорадовичъ двинулся впередъ, къ берегамъ рѣчки Лосынивы. Фронтъ этой позиціи прикрывался глубокимъ овра-

* С. Гавазовскій, ч. II, стр. 38. Арх. а.-г. уланскаго п. Журналъ исходящихъ бумагъ за 1812 годъ.

** 1й дивизионъ, оставленный въ Варшавѣ, получилъ причитающуюся ему долю изъ краснинскаго капитала въ 1818 (Арх. а.-г. уланскаго Его Величества полка. Журн. входящ. бумагъ за 1818).

гомъ, на дѣѣ котораго протекаетъ названная рѣчка. Густой туманъ совершенно скрываетъ приближавшіяся колонны Ней, такъ что онѣ успѣли незамѣтно подойти къ нашему фронту на 250 шаговъ, и только съ этого разстоянія едва можно было различить ихъ сквозь морозную мглу. Жесточайшій картечный огонь сорока орудій встрѣтилъ ихъ приближеніе, но ни мало не смутясь, Французы тремя колоннами перешли Лосьминскій оврагъ и не только съ замѣчательною храбростію, но даже съ изступленіемъ бросились на русскія батареи. Паскевичъ съ тремя полками своей дивизіи * ударилъ въ штыки и привелъ непріятеля въ замѣшательство, а лейбъ-улань, воспользовавшіеся этимъ моментомъ, съ громкимъ „ура“ кинулись въ атаку и довершили пораженіе. Непріятельская колонна, доставшаяся на долю уланъ, была истреблена и почти вся цѣлкою положена на мѣстѣ **. Но маршалъ Ней, не теряя времени, тотчасъ же повелъ въ атаку новыя, силы. Это были: баталіонъ виртембергскихъ войскъ и два иларійскіе полка — 18й и 4й. Молча, съ ружьями „на перевѣсъ“ и цѣлыми рядами ложась отъ русской картечи, приближался къ намъ храбрый противникъ. Въ это время Милорадовичъ, принявшій на себя ближайшее руководство боемъ, подсказалъ къ Павловскимъ гренадерамъ и лейбъ-уланамъ, стоявшимъ рядомъ, и указывая на 18й иларійскій полкъ, сказалъ:

— Ребята! послѣзавтра я именинникъ и мнѣ нечего подарить вамъ... Ребята! дарю вамъ эту колонну!

Громкимъ и радостнымъ крикомъ отвѣтивъ на находчивую выходку любимаго начальника, лейбъ-улань, только-что успѣвшіе собраться послѣ первой стычки, на измученныхъ лошадяхъ кинулись въ новую атаку.

И чрезъ нѣсколько мгновеній, значительная часть французской колонны опять легла подъ ударами уланскихъ пикъ и сабель, потерявъ однимъ изъ первыхъ, въ числѣ раненыхъ, своего начальника генерала Разу. Эта атака доставила полку громкую славу. Въ первый же моментъ ея, 2го эскадрона корнетъ Корочаровъ ***, вмѣстѣ съ корнетомъ Константиномъ

* 5й и 42й егерскіе и Орловскій пѣхотный.

** Комментаріи генерала Хатова къ исторіи Бутуралы, ч. II, стр. 114, примѣчаніе 3е.

*** Въ архивѣ а.-гв. уланскаго Его Величества полка, въ журналѣ входящ. бумагъ за послѣднюю треть 1831 (кн. № 598) есть докладъ

Большвингомъ * и рядовымъ Дарченкой, налетѣли на знаменщика 18го палирійскаго полка и, пока двое послѣднихъ рубили знаменныя ряды, Корочаровъ отнялъ орла, изрубивъ знаменосца. Въ это же самое время штабсъ-ротмистръ Мейеръ 2й со взводомъ 4го эскадрона кинулся на непріятельскую батарею и захватилъ шесть орудій. Отбитый на всѣхъ пунктахъ и потерявъ артиллерію, Ней отступилъ съ тремя тысячами человекъ и въ сумерки двинулся по теченію вѣтрченнаго имъ ручья, въ надеждѣ что онъ выдѣлеть въ Днѣпръ, и шелъ на-авось, безъ дороги, безъ проводника, руководствуясь только весьма плохой картою **.

Полковникъ Гундіусъ съ тремя эскадронами лейбъ-уланъ былъ отряженъ для преслѣдованія одной изъ Неевскихъ колоннъ, кинувшейся къ сѣверу отъ Краснаго. Отрѣзавъ ей путь, онъ заставилъ ее сдаться безъ сопротивленія и ночью привелъ на бивуакъ 2.500 человекъ лѣвннхъ. ***

Такимъ образомъ трофеями полка, послѣ четверодневнаго Краснинскаго боя, были 12 орудій, орелъ, маршальскій жезлъ, значительный обозъ, казна и 2.700 человекъ лѣвннхъ.

Уланы, расположившись на бивуакѣ, въ первый разъ послѣ довольно долгаго времени разсѣдали коней и предались отдыху. Веселыя гѣсни и разговоры раздавались на всемъ пространствѣ русскаго стана озареннаго множествомъ костровъ. Воздухъ былъ ясенъ и чистъ, морозное темносинее небо свѣтилось безчисленнымъ множествомъ звѣздъ которыя въ эту памятную ночь сверкали съ необыкновенно яркою игрой. Въ это время, объѣзжая войска послѣ сраженія, Милорадовичъ подъѣхалъ къ лейбъ-уланамъ, благодарилъ ихъ

ропное расписаніе офицеровъ 4-го уланскаго полка 1812 года, найденное по смерти цесаревича Константина Павловича въ бумагахъ его высочества и препровожденное, по воли императора Николая Павловича, въ нашъ полкъ, для приобщенія къ дѣламъ полковаго архива. Въ этомъ расписаніи корнетъ Корочаровъ показанъ во 2мъ эскадронѣ, полковника Мезенцева, которымъ командовалъ ротмистръ Заборинскій 3й.

* Константинъ Ивановичъ Большвингъ въ чинѣ штабсъ-ротмистра оставленъ былъ съ 1мъ дивизіонемъ въ Варшавѣ и переведенъ въ 1817 году въ 4-го уланскій цесаревича Константина полкъ.

** Богдановичъ. Т. III, стр. 138.

*** Эскадроны Его Высочества, 2й и 3й. См. Гавазовскій, ч. II, стр. 40—Богдановичъ Т. III, стр. 138.

за храбрость и мужество оказанныя въ четверодневномъ бою и обѣщала исходатайствовать въ награду полку Георгіевскіе штандарты.

„Извѣстный храбростію лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, отличавшійся во всѣхъ дѣлахъ“, писалъ онъ въ своемъ донесеніи Кутузову, „превозмогъ себя въ сей день; равномерно отличился Орловскій лѣхотный полкъ. Дѣйствія сихъ двухъ полковъ заставили меня на мѣстѣ сраженія обѣщать имъ исходатайствовать у вашей свѣтлости—первому Георгіевскіе штандарты, а второму серебряныя трубы.“ *

Представленіе Милорадовича было уважено. 18го апрѣля 1813 года полку Всемилостивѣйше пожалованы Георгіевскіе штандарты „за взятіе при Красномъ непріятельскаго знамени и за отличіе при пораженіи и изнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года.“ Эта надпись и вышѣ красуется на полотнѣ лейбъ-уланскаго штандарта.

Съ именемъ Кульма соединена вторая славная страница въ боевыхъ лѣтописяхъ полка этой эпохи.

Война за свободу Европы перенесла наши арміи на поля Германіи, которая, съ приходомъ Русскихъ, подялась противъ ненавистнаго владычества Наполеона. Прусакъ и Австрійцы, недавніе наши подневольные враги, силою счастливыхъ обстоятельствъ, сдѣлались добровольными союзниками императора Александра. Уже болѣе семи мѣсяцевъ съ перемѣннымъ счастіемъ длилась борьба, прекращенная только на нѣсколько недѣль перемиріемъ которое кончилось въ началѣ августа 1813 года. Первое столкновеніе противниковъ послѣ перемирія произошло подъ Дрезденомъ, но исходъ двухдневнаго сраженія (14го и 15го августа) былъ неудаченъ для союзныхъ войскъ, которыя должны были выдержать опасное и трудное отступленіе черезъ горную и лѣсистую страну въ Богемію. Корпусъ маршала Вандамма стремился преградить имъ путь отступленія, слѣдша занять городъ Теллауцъ, а графъ Остерманъ-Толстой на каждомъ шагу, въ теченіе двухъ дней, съ честью противоборствовалъ этому стремленію, причемъ полки нашей 1й гвардейской лѣхотной дивизіи покрыли себя неуязвимою славой. 17го августа лейбъ-уланскій полкъ, въ составѣ главныхъ силъ союзниковъ, вступилъ въ тѣсныя

* Донесеніе Милорадовича Кутузову, отъ 7го января 1812 года, въ 2 часа ночи.

Богемскихъ горъ. Кремнистая дорога, изрытая частымъ движеніемъ войскъ и обозовъ, а также водомоинами всаждствіе проливныхъ дождей, страшно утомляла людей и животныхъ. Но присутствіе цесаревича, который почти весь путь слѣдовалъ при своемъ полку, поддерживало въ эскадронахъ духъ бодрости. Уланъ вмѣстѣ съ лейбъ-драгунами шли въ головѣ нашихъ резервовъ. Слускась съ лѣсистаго гребня Гейерсберга въ Теллицкую долину, замѣтили они влѣво отъ дороги облака дыму, которыя первоначально были приняты за дымъ бивуачныхъ костровъ, но вскорѣ донесшійся гулъ выстрѣловъ объяснилъ въ чемъ дѣло. Въ это время прискакалъ отъ государя генералъ Дибичъ и передалъ уланамъ и драгунамъ Высочайшее повелѣніе явиться на мѣсто боя. Дибичъ самъ повелъ эти два полка на поляныхъ рыскахъ по дорогѣ къ Цинвальду и, пройдя его, повернулъ съ узкой тропы налѣво. Слустясь въ долину, оба полка почти въ карьеръ прискакали къ рядамъ русской гвардіи, которая подъ начальствомъ Остермана уже около двухъ часовъ напрягала всѣ усилія чтобы сдержать напоръ явнѣйшаго противника. Сраженіе, межъ тѣмъ, достигнувъ высшей степени упорства, перешло въ ожесточенный штыковый бой.

Послѣ долгаго ненастья, еще съ утра взошло ясное солнце, и поднявшійся туманъ, по выраженію очевидца *, какъ занавѣсъ въ театрѣ, раскрылъ величественную панораму окрестностей съ ихъ лѣсистыми холмами, оврагами, ручьями, разбросанными деревнями и цѣнью высокихъ горъ, терявшихся въ дальной синевѣ. Посреди этой прекрасной декорации свѣтлою землей извивалась шоссевая дорога, ведущая изъ Кульма въ Теллицы, а по обѣимъ сторонамъ ея, на блѣдо-зеленяющемъ фонѣ, въ пороковомъ дымѣ, темными пятнами рисовались двѣ близко сошедшія линіи противниковъ.

Около пяти часовъ дня ** всѣ наши резервы были уже введены въ жаркое дѣло. Непрослугою оставалась про запасъ одна только рота его величества Преображенскаго полка. Въ это самое время на поле битвы прискакали два полка,

* П. А. Козакова, см. *Русскую Старину* 1870, кн. II, стр. 137. „Взятіе въ плѣнъ маршала Вандамма“.

** Михайловскій-Дамидовскій (т. I, стр. 357) говоритъ что критическій моментъ успешной атаки Вандамма произошелъ въ два часа дня, генералъ же Богдановичъ отослалъ его къ пяти часамъ пополудни (т. II, стр. 224).

приведенные Дибичемъ, и стали въ эскадронныхъ колоннахъ между небольшими лѣскокъ и шоссею дорогой.

Завидя своихъ уланъ, цесаревичъ подѣхалъ къ обоимъ полкамъ и, поздоровавшись, сказалъ:

— Ну, ребята, не выдавай! Я всегда надѣялся на васъ!

Задушевное „рады постоять за Царя!“ было громкимъ отвѣтомъ на это привѣтливое слово *.

Между тѣмъ Вандаммъ вознамѣрился рѣшительнымъ ударомъ сломить геройскую оборону нашей лѣхоты и пустилъ впередъ двѣ сильныя, густыя колонны, приказавъ имъ пробиться сквозь нашу линію между лѣвымъ крыломъ и центромъ.

Колонны двинулись, овладѣли селеніемъ Пристенъ, прорвались въ назначенномъ для того пунктѣ и, выйдя сквозь лѣсокъ изъ-за оврага на равнину, кинулись на батарею Байкова, громившую ихъ картечью.

Казалось, вотъ-вотъ уже вѣрный и окончательный успѣхъ ожидаетъ противника,—но въ этотъ рѣшительный моментъ генералъ-майоръ Дибичъ развернулъ лейбъ-уланъ и драгунъ, не дожидаясь приказаній. Съ одной стороны трубы гремѣли атаку, съ другой—непріятельская лѣхота двумя громадными массами мѣрнымъ шагомъ грозно наступала съ барабаннымъ боемъ. Дибичъ во главѣ двухъ приведенныхъ имъ полковъ первымъ понесся въ атаку. „То была самая блистательная минута битвы“, замѣчаетъ историкъ **. Генералъ Ермоловъ, также описывая ее въ своемъ донесеніи, говоритъ между прочимъ: „лейбъ-гвардіи уланскій и драгунскій полки съ *невъротными стремленіемъ* ударили на колонны. Одна скрылась въ лѣсъ, другая огонь дерзости угасила въ крови своей. Охваченная со всѣхъ сторонъ, легла мертвая рядами на равнинѣ“ ***.

Этою атакой, въ которой мы захватили 500 человекъ въ плѣнъ, закончился первый день Кульмскаго боя. Еще нѣкоторое время продолжалась канонада, но Вандаммъ не возобновлялъ наступленія, и такимъ образомъ около шести часовъ пополудни бой съ обѣихъ сторонъ прекратился. Въ восьмомъ часу пришелъ Милорадовичъ, а вскорѣ вслѣдъ за нимъ подослѣли еще другія, свѣжія силы.

* С. Гавловскій, ч. II, стр. 59.

** Михайловскій-Давыдовскій, т. I, стр. 357.

*** Донесеніе генералъ-лейтенанта Ермолова графу Остерману-Толстому отъ 22-го августа 1813 за № 1296. (Богдановичъ, т. II. Приложенія, стр. 698.)

Въ Кульмскомъ сраженіи наша гвардія оказала чудеса мужества и стойкости. „Нѣтъ ужасовъ могущихъ поколебать храбрые гвардейскіе полки“, доносилъ Остерманъ государю. И замѣчательно что списки объ отличившихся офицерахъ вовсе не были представлены, потому что еслибы представлять, то „надобно бѣ было,—какъ говоритъ Ермоловъ въ своемъ доведеніи,—представить списокъ всѣхъ вообще“. „Не представляю и о нижнихъ чинахъ, продолжаетъ онъ: надобно исчислить всѣ ряды храбрыхъ полковъ, имѣющихъ счастье носить званіе лейбъ-гвардіи государя, ими боготворимаго“ *.

„Память Кульмскаго сраженія не умретъ въ вѣкахъ, по необыкновенному мужеству русскихъ войскъ — замѣчаетъ историкъ, **—и потому что оно дало другой оборотъ войнѣ. Еслибы графъ Остерманъ не рѣшился пробиваться сперва по Теплицкой дорогѣ, а потомъ не удержалъ ея за собою, онъ подвергъ бы великой опасности армию находившуюся въ горахъ. Она лишилась бы чрезвычайной выгоды какую въ военномъ отношеніи представляла ей западная часть Богеміи для дѣйствій на сообщенія непріятелей и потеряла бы на долгое неопредѣленное время возможность совокупнаго дѣйствія съ другими арміями.“

Король Прусскій, присутствуя на мѣстѣ боя, какъ свидѣтель подвига русскихъ войскъ, награждалъ всѣхъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ бывшихъ въ строю 17го августа орденомъ Желѣзнаго Креста. Графъ Милорадовичъ, въ приказѣ отдаиномъ по этому случаю говоритъ: „Да умножатъ сіи новые знаки отличія на груди вашей число тѣхъ которые трудами и кровью пріобрѣли вы въ битвахъ за спасеніе отечества, за славу имени Русскаго и за свободу Европы!“

На полѣ Кульмской битвы возвышаются теперь три памятника, воздвигнутые въ послѣдствіи монархами союзныхъ державъ, которыхъ войска участвовали въ пораженіи Вандаммы. Но императоръ Александръ увѣковѣчилъ память этой знаменитой побѣды достойнымъ подвигомъ добра, учредивъ, ровно годъ спустя, комитетъ для вспоможенія всѣмъ немущимъ воинамъ на полѣ чести кровь свою проливавшимъ.

* Idem.

** Михайл.-Д. впа., т. I, стр. 360.

1го января 1814 года лейбъ-гвардіи уланскій полкъ торжественно, при звукахъ музыки, перешелъ Рейнъ и вступилъ въ предѣлы Франціи.

Изъ шестнадцати боевыхъ дѣлъ выпавшихъ на долю полка въ эту кампанію, въ особенности выдаются два эпизода: одинъ при Соммелюй, другой подъ Фершампенуазомъ.

11го марта легкая гвардейская кавалерійская дивизія, подъ начальствомъ графа Ожаровскаго, двигалась въ направлеиіи къ Соммелюй и настигла по дорогѣ артиллерійскій паркъ Макдональдова корпуса подъ прикрытіемъ пятисотъ саперъ и канонеровъ. Командиръ парка, завидя непріятельскую коюицу, тотчасъ же оставилъ его въ каре и приготовился къ оборонѣ. Нѣсколько гранатъ, удачно луценныхъ изъ нашихъ орудій, разстроили противника и угрожали взрывомъ зарядныхъ ящиковъ. Въ этотъ моментъ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, выстроивъ фронтъ, пошелъ въ атаку и, врубившись въ самую середину каре, уничтожилъ на мѣстѣ почти всю артиллерійскую прислугу и захватилъ въ плѣнъ 300 человекъ и 23 орудія, со всею упряжью и зарядными ящиками, потерпѣвъ ничтожную потерю нѣсколькими ранеными людьми и двумя убитыми конями *. Ротмистръ Глазеналлъ за это дѣло получилъ въ награду орденъ Св. Георгія 4й степени.

Но за то полкъ лишился храбраго штабъ-ротмистра Корочарова, который еще въ корнетскомъ чинѣ доставилъ ему вѣчную славу взятіемъ подъ Краснымъ непріятельскаго знамени. Корочаровъ убитъ наповалъ въ то время какъ вѣзался однимъ изъ первыхъ въ каре противника.

13го марта главныя силы союзниковъ двинулись отъ рѣки Марны къ Парижу. Мармонъ, тѣснимый нашимъ аван-

* Формулары лейбъ-гвардіи уланскаго полка положительнѣйшимъ образомъ указываютъ на взятіе симъ полкомъ именно 23хъ орудій; въ „Исторіи“ же лейбъ-гвардіи гусарскаго полка число ихъ ограничено 15-ю, а генералъ Богдановичъ, основываясь на домесеніи графа Ожаровскаго (Воен.-уч. Арх. журн. вход. бумагъ № 545), говоритъ что захвачено было 300 плѣнныхъ и 14 орудій, а остальные 12 орудій загвождемы. Въ данномъ случаѣ мы сѣдовали показаніямъ полковыхъ формуларевъ, потому что полку, который первымъ врубился въ паркъ и выхватилъ изъ олага первый призь этого боя, конечно, ближе другихъ извѣстно количество своей добычи.

гардомъ, подошелъ къ мѣстечку Соммесу, гдѣ и занялъ боевую позицію, въ ожиданіи присоединенія къ себѣ войскъ Мортье. Здѣсь завязался бой, длившійся шесть часовъ сряду. Мармонъ, видя противъ себя одну только кавалерію противника, надѣялся въ порядкѣ отступить къ Фершампенуазу.

Въ это время Барклай-де-Толли, слыша сильную канонаду въ авангардѣ, приказалъ графу Ожаровскому идти туда на помощь съ лейбъ-гвардіи драгунскимъ и уланскимъ полками. Вслѣдъ за ними была двинута 1-я кирасирская дивизія съ кавалергардами во главѣ и съ одною ротой гвардейской конной артиллеріи.

Между тѣмъ Мармонъ и Мортье соединились, такъ что теперь ихъ силы простирались до 22.000 человекъ. Стараясь прикрывать Парижъ, маршалы рѣшились отступить по большой Парижской дорогѣ и приказали войскамъ сняться съ позиціи. Пѣхота была пущена впередъ, а конница оставлена въ арріергардѣ. Графъ Паленъ, командовавшій кавалеріей нашего авангарда, сбилъ эту конницу и прогналъ ее за пѣхоту противника, которая, свернувшись въ кареи, продолжала отступать къ селенію Конантре, лежавшему впереди Фершампенуаза.

Было уже около двухъ часовъ пополудни, какъ вдругъ поднялся сильный восточный вѣтеръ. Тяжелыя сѣрыя тучи почти мгновенно заволокли все небо, пошелъ дождь, снѣгъ, градъ, и все это закружилось въ вихрѣ порывистой бури. Вѣтеръ билъ прямо въ лицо Французамъ, которыхъ сначала осыпало лескомъ и пылью, а потомъ осыпало градомъ, проливнымъ дождемъ и снѣжною завихрой.

Подъ этою-то бурей графъ Ожаровскій съ двумя своими полками на-рысяхъ прибылъ къ мѣсту боя. Конная батарея наша тотчасъ же снялась съ передковъ и открыла частый огонь по противнику. Почти одновременно съ этимъ, Ожаровскій подалъ сигналъ къ атакѣ. Уланы развернулись вправо, а драгуны влѣво отъ своей батареи и, имѣя предъ собою августѣйшаго своего шефа, цесаревича Константина, съ крикомъ „ура!“ понеслись на непріателя. Лейбъ-уланскій полкъ, подъ командою генераль-майора Чаликова, ударилъ во флангъ противника. Французы не выдержали этого отчаяннаго натиска и бросились бѣжать, бросая за собою ружья, орудія и зарядные ящики.

Одинъ изъ французскихъ писателей * говоритъ что „смятеніе было столь велико, что 24 орудія, болѣе 60-ти зарядныхъ ящиковъ и обозъ были брошены предъ Коанатре. Пораженныя паническимъ страхомъ, артиллерія, конница, пѣхота—все побѣжало къ Фершампенуазу“. Въ этомъ преслѣдованіи непріятеля лейбъ-гвардіи уланскій полкъ съ бою взялъ шесть орудій.

Конница, прибывшая недавно изъ Испаніи, пошла было на подкрѣпленіе своей пораженной пѣхотѣ, но была опрокинута кавалергардами.

Вскорѣ послѣ этого на мѣсто боя прибылъ императоръ Александръ Павловичъ, король Прусскій и князь Шварценбергъ. Непріятель, тѣснимый отовсюду, отступалъ къ Сель-Гонтскимъ болотамъ, надѣясь тамъ найти себѣ спасеніе. Но генералу Депрерадовичу съ кавалергардскимъ полкомъ и четырьмя орудіями удалось отрѣзать Французамъ и этотъ послѣдній путь отступленія. Къ нимъ послали требовать сдачи, но одинъ изъ парламентаровъ былъ оставленъ въ лѣнгу, а другой, флигель-адъютантъ императора, полковникъ Ралатель, убитъ пулею, пушеною изъ того самаго кара въ рядахъ котораго стоялъ родной братъ его. Между тѣмъ буря усиливалась. Мракъ отъ снѣга, дожда и дыма сгустился до того что даже въ нѣсколькихъ шагахъ невозможно было различать предметы, и маршалы два раза въѣзжали въ кареи, изъ опасенія быть увлеченными своею разотроенною конницею. Наконецъ, около четырехъ часовъ дня буря нѣсколько уменьшилась и погода стала проясняться. Видя непреклонность непріятеля, Русскіе рѣшились атаковать его со всѣхъ сторонъ. Дивизионъ кавалергардовъ, лейбъ-казаки, лейбъ-уланъ и Сѣверскіе драгуны вѣзались въ нѣсколько каре. Кинбурскій и Смоленскій драгунскіе полки съ дивизиономъ Лубенскихъ гусаръ поддерживали эту послѣднюю, рѣшительную атаку, производимую въ виду обожаемаго монарха. Минута была одною изъ самыхъ ужасныхъ и безлощадныхъ. Самъ государь со своимъ конвоемъ долженъ былъ вѣхать въ одно каре чтобъ остановить кавалергардовъ, въ пылу боя кинувшихся на одинъ изъ баталіоновъ, только-что положившій оружіе. Напрасно многіе повторяли его величеству объ

* Кохъ (Koch). См. *Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814*. Т. III, pag. 386.

угрожавшей ему опасности. „Хочу пощадить ихъ!“ отъ-чалъ онъ. Пѣвые генералы были представлены обоимъ монархамъ. Государь хвалилъ выказанную ими храбрость, приказалъ возвратить имъ экипажи и принялъ живое участие въ судьбѣ пѣвннхъ, которыхъ на одномъ только этомъ мѣстѣ было взято дошестырехъ тысячъ человекъ.

Лейбъ-гвардіи уланскій полкъ въ этотъ день потерялъ убитыми двухъ оберъ-офицеровъ, 10 рядовыхъ, 47 лошадей; ранеными 4 оберъ-офицера, 34 рядовыхъ, и безъ вѣсти пропала одна лошадь.

Это дѣло, гдѣ было взято побѣдителями 10.000 пѣвннхъ, 80 пушекъ, 200 зарядныхъ ящиковъ, весь обозъ и парк, облегчило союзникамъ покореніе Парижа; вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ блистательный примѣръ побѣды одержанной подъ ужасною бурей исключительно одною кованцею надъ многочисленною пѣхотой и значительною кавалеріей. Дѣло было начато нами почти случайно, ведено на маршъ и безъ всякаго предварительнаго распоряженія. Его можно назвать, въ полномъ смыслѣ, дикимъ поэтически-вдохновеннымъ кавалерійскимъ экспромптомъ.

Лейбъ-гвардіи уланскій полкъ за 13е марта получилъ Георгіевскіе кресты на серебряныя трубы и 30 знаковъ отличія военнаго ордена. Генераль-майору Чаликову данъ Георгій 3й степени, а всѣмъ пяти ротмистрамъ * тотъ же орденъ 4й степени. Четыре офицера получили золотыя медали за храбрость, пятеро алмазные знаки ордена Св. Анны 2й степени, десять Св. Владиміра 4й степени съ бантомъ, семеро Св. Анны 2й степени, и семеро тотъ же крестъ 3й степени. Кроме того, союзные государи пожаловали Чаликову орденъ Краснаго Ора 2го класса и командорскій орденъ Св. Леопольда большаго креста; восемь офицеровъ удостоились прусскаго ордена „за заслуги“ (Pour le Mérite). Императоръ Австрійскій за дѣло при Фершампенуазѣ прислалъ въ полкъ три золотыя и шесть серебряныхъ медалей, а король Баварскій возложилъ на вахмистра лейбъ-эскадрона золотую медаль, и наконецъ, по низверженіи Наполеона, Лудовикъ XVIII, восстановленный король Франціи, пожаловалъ въ лейбъ-уланскій полкъ три креста Почетнаго Легіона, одна

* За исключеніемъ ротмистра Глазенаппа, который получилъ Георгія 4й степени за дѣло при Соммешотѣ.

изъ конгъ былъ возложенъ на генералъ-майора Чапкова. Громкое имя Фершампенуаза]достоинно заключаетъ собою славную боевую дѣлопись лейбъ-гвардіи уданскаго полка' за весь періодъ войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, блистательнымъ финаломъ котораго]былъ]церемоніальный маршъ русской гвардіи въ стѣнахъ покореннаго Парижа.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.]

ПОѢЗДКА НА КУБАНЬ

Въ началѣ апрѣля 1850 года, я возвращался изъ Одессы въ Тифлисъ курьеромъ и въ первый разъ пришлось мнѣ тогда проѣхать, отъ Тамани чрезъ Черноморію, по Кубанской линіи къ Ставрополю. При всей быстротѣ съ какою я проскакалъ это пространство, характеръ мѣстности и общее впечатлѣніе до сихъ поръ вполнѣ сохранились въ моей памяти. Необытныя степи сливающіяся на горизонтѣ со снѣговымъ хребтомъ, казачьи станицы расположенныя на приблизительно одинаковомъ двадцати-верстовомъ разстояніи другъ отъ друга, промежуточные посты съ торчащими на вышкахъ часовыми, изрѣдка нѣсколько верховыхъ вооруженныхъ людей конвоирующихъ какую-нибудь повозку, вообще чисто тогдашняя кавказская картина, такъ и напоминавшая о близкомъ неприятомъ сосѣдствѣ удалыхъ наѣздниковъ, выславшихъ къ намъ свои шайки, не дававшія спуску олошнымъ. Тогда, въ пятидесятомъ году, все вниманіе кавказскаго военнаго начальства было устремлено на Восточный Кавказъ, гдѣ Шамиль стоялъ въ апогеѣ своего величія и велъ съ нами кровавую борьбу, казавшуюся безконечною; въ Закубанскомъ крайѣ ограничивались чисто - оборонительными дѣйствіями; регулярныхъ войскъ было мало и они занимали линію по Лабѣ, верстахъ въ 30—40 впереди Кубани, стараясь прикрывать доступы за Кубань и защищать отъ дерзкихъ нападений новолоселенныя по Лабѣ казачьи станицы.

Во второй разъ пришлось мнѣ проѣзжать это пространство уже болѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ, именно въ декабрь 1860 года. Тогда, окончивъ съ Шамилемъ, дѣйствія были перемесены за Кубань, и въ эту часть Кавказа была передвинута масса войскъ какой прежде здѣсь никогда не видѣли. Баталіоны, драгунскіе эскадроны, батареи двигались впадъ впередъ по всѣмъ направленіямъ; казачье населеніе было поднято на ноги; однимъ словомъ затишье, носившее свой особый мрачный отпечатокъ, смѣнилось кипучею дѣятельностію; весь край превратился въ большой военный станъ, а вдали гудѣли лучечные выстрѣлы, безпокойные сосѣди отгѣснялись все дальше къ горамъ, выслаиваніе шашекъ на Кубань становилось труднѣе. Тѣмъ не менѣе, были еще смѣльчаки пробиравшіеся и сюда; убійства, захваты въ плѣнъ были нерѣдки; пакеты не снимались и осторожность приходилось соблюдать попрежнему. За Кубань же, а еще болѣе за Лабу, безъ сильнаго конвоя и думать нельзя было пускаться. Въ этотъ-то періодъ, а по службѣ остался на долго на Кубани и въ сентябрѣ 1862 года на моихъ глазахъ еще случилось одно изъ тѣхъ происшествій которыя въ наши времена были на Кавказѣ обыкновенными явленіями и теперь лишь, въ послѣднія десять лѣтъ, прекратились, принимая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе легендарный характеръ.

Я возвращался изъ Ставрополя въ мою штабъ-квартиру. Выѣхалъ я часу въ пятомъ вечера и, благодаря курьерской подорожной, да сухой дорогѣ, часовъ около двухъ ночи уже былъ между станціями Кавказскою и Казанскою (130 верстъ отъ Ставрополя). Мѣстность образуетъ здѣсь довольно обширную долину, верстъ до пяти ширины, отлого примыкающую къ лѣвостороннему берегу Кубани, гдѣ находится постоянный казачій постъ *Рожановскій*. Долина изрѣзана балками и водопоями, такъ что ѣхать шибко, особенно ночью, нельзя: того гляди опрокинешься. Спустившись отъ Кавказской по довольно крутому спуску въ эту долину, я растолкалъ спавшаго на козлахъ моего постоянного вѣстового казака Пеньзева, приказавъ ему вынуть винтовку изъ чехла, не спать и зорко оглядываться по сторонамъ; самъ я положилъ воякъ себя револьверъ и вообще принялъ положеніе соответствующее проѣзду ночью по такой подозрительной мѣстности. Проѣхали мы рысцою долину и стали подниматься на противо-

положный подъемъ къ станицѣ Казанской. Въ этомъ мѣстѣ идутъ двѣ дороги: одна прямая, покруче, другая, объѣздная, поотложе; у меня былъ легонькій тарантасикъ, лошади отличныя, дорога сухая и потому ямщикъ поѣхалъ прямою дорогой; поднимаясь шагомъ, я замѣтилъ на объѣзжей дорогѣ что-то темнѣющее въ родѣ кибитки и около нея какіе-то бѣлые предметы. Показываю ямщику и спрашиваю, что бы это могло быть?

— Тутъ, говорить,—часто на своихъ ѣздить, остаются лошадей попасти, да сами разягутся спать; вѣрно и теперь кто-нибудь заночевалъ.

— Однакоже это рискъ; въ этомъ мѣстѣ легко могутъ засѣсть Черкесы и перебить.

— Нѣтъ, ужъ сколько лѣтъ прошло, Богъ миловалъ; должно ихъ пора прошаа.

Поднялись мы на гору, ямщикъ ударилъ по лошадямъ и чрезъ полчаса я уже былъ въ Казанской. Не останавливаясь, я уѣхалъ дальше и часамъ къ восьми утра уже былъ дома, въ Ладовской. Но не прошло и часу, скачетъ казакъ съ весьма тревожнымъ видомъ.

— Что такое?

— Ваше высокоблагородіе, несчастье случилось; генерала съ офицеромъ Черкесы взяли въ лѣвѣ.

— Гдѣ? какого генерала?

— Генералъ Кухаренко ѣхалъ въ Ставрополь, съ нимъ офицеръ; за Казанскою станицей, на слускѣ, напали Черкесы, ямщика убили, а ихъ взяли въ лѣвѣ; утромъ, когда развидѣлось, проѣжалъ какой-то офицеръ изъ Казанской, увидѣлъ тарантасъ безъ лошадей, убитаго ямщика, добѣжалъ до станицы и далъ знать; меня станичный начальникъ и послалъ къ вашему высокоблагородію съ извѣстіемъ.

Приказавъ сѣлать вѣскольکو пушечныхъ выстрѣловъ чтобы произвести тревогу на Лабѣ, чрезъ которую горцы могли еще переправиться, я опять сѣлъ въ тарантасъ и поскакалъ назадъ въ Казанскую, за сорокъ верстъ. Тутъ я узналъ что часу въ первомъ ночи пріѣхалъ на станцію слѣдовавшій изъ Екатеринодара генералъ-майоръ Кухаренко съ капитаномъ гвардейской артиллеріи Йогансономъ, и, не взирая на убѣжденія смотрителя отдохнуть и дожидаться разсвѣта, приказалъ заложить лошадей, посмѣялся надъ опасеніями смотрителя и уѣхалъ; на козлахъ былъ у нихъ казакъ, но безоружный.

Утромъ, часу въ шестомъ, проѣзжавшій изъ Кавказской офицеръ далъ знать что на слускѣ стоитъ порожній тарантасъ, раскиданы кругомъ вещи и возаъ убитый амщикъ. Захвативъ съ собою нѣсколько казаковъ, я верхомъ отправился на мѣсто и убѣдился что предметы на которые я ночью обратилъ вниманіе были именно тарантасъ, двѣ бѣлая подушки и трулъ амщика въ бѣломъ полушубкѣ. По расчету времени, происшествіе случилось не даже какъ минутъ за 30—40 предъ моимъ проѣздомъ, и еслибъ я подвигался на гору не напрамикъ, а объѣзжаю дорогой, то, наткнувшись на свѣжіе слѣды происшествія, подялъ бы въ Казанской тревогу и тогда горцы нѣкоимъ образомъ не успѣли бы переправиться за Лабу, до которой отъ мѣста нападенія имъ нужно было проскакать 85 верстъ. Теперь же, конечно, все было безуспѣшно; я проѣхалъ только по ихъ слѣдамъ до Кубани, на дорогѣ въ лѣсу ны наши сятые съ почтовыхъ лошадей кофты, офицерскую перчатку, потеряваю однимъ изъ горцевъ панаху, наконецъ тѣло зарѣзаннаго казака... А чрезъ нѣсколько дней ны узнали что Черкесомъ съ обоими лѣвниками успѣли благополучно перебраться за Лабу уже на разсвѣтѣ, затѣмъ провели день въ лѣсу и въ слѣдующую ночь только добрались до своего аула за рѣкою Бѣлой. Генералъ Кухаренко, человекъ уже не молодой, не вынесъ такого путешествія, въ одномъ спуртукѣ, въ холодную сентябрьскую ночь, съ привязанными къ лошади ногамъ; онъ схватилъ тифъ и на десятый день въ аулѣ умеръ, а капитанъ Югансовъ въ послѣдствіи былъ выкупленъ.

Послѣ этого происшествія, я еще четыре года прослужилъ на Кубани, былъ свидѣтелемъ покоренія или, правильнѣе сказать, „загнавія въ море“ черкесскихъ племенъ; на правомъ берегу Кубани все приняло мирный характеръ, казачьи посты были сяты, ѣздили уже безъ всякихъ конвоевъ; но за Кубанью и Лабой, особенно за Бѣлой, кровавыя происшествія были не рѣдкость и край еще нѣсколько лѣтъ не терялъ своего воинно-тревожнаго вида.

Наконецъ, послѣ девятилѣтнаго промежутка, опять пришлось мнѣ, уже частнымъ человекомъ, попасть на берега Кубани. 6го сентября нынѣшняго года, въ 3¹/₂ часа пополудни, я выѣхалъ изъ Петербурга, 9го, въ полдень, былъ въ Ростовѣ, а ночью подъ 10е, разваливъ на бархатныхъ подушкахъ вагона, плавно подкатилъ къ Кавказской станціи

железной дороги, выстроенной въ описанной мною долинѣ, въ двухъ верстахъ отъ печальнаго происшествія съ генераломъ Кухаренко. „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“

О новой Ростово-Владикавказской железной дорогѣ ничего особеннаго пока сообщить нельзя. Все еще носитъ отпечатокъ дѣла не вошедшаго въ настоящую колею; даже кондукторы не обмундированы и на станціяхъ не видать жандармовъ; впрочемъ, безпорядковъ отъ этого незамѣтно. Вся дорога, за исключеніемъ моста черезъ Довъ и первой станціи, гдѣ требовались дамбы и разныя другія сооруженія, стелется скатертью по ровной стелі, немудрено и дешево и скоро построить; полагаю что при этихъ условіяхъ можно бы потребовать, кромѣ „скоро и дешево“, еще и „хорошо, прочно“; а такъ ли это, покажетъ весьма недалекое будущее. Станція въ Ростовѣ красива и довольно большихъ размѣровъ, но когда она, какъ ожидаютъ вкорѣ, превратится въ общую, центральную для трехъ дорогъ: Харьковско-Азовскую, Воронежско-Ростовскую и Кавказскую, тогда очевидно окажется крайняя тѣснота и грязь невыносимая. То же мы видимъ въ Курскѣ, Харьковѣ, Таганрогѣ. Остальныя станціи новой дороги на видъ весьма порядочны и вѣроятно удовлетворяютъ своей цѣли, но незамѣтно крѣпыхъ навѣсовъ для склада грузовъ и много построекъ возведены изъ саманнаго кирпича, что крайне непрочно и едва ли прилично въ предпріятіи ведущимъ разсчеты милліонами.

Пассажирскій поѣздъ уходя изъ Ростова въ ясномъ часу полудни приходитъ на Кавказскую станцію въ два часа ночи, то-есть разстояніе въ 225 верстъ дѣлаетъ въ десять часовъ; на быстроту пожаловаться нельзя.

Оставшись въ третьемъ часу темной, дождливой ночи на Кавказской станціи, съ которой мнѣ нужно было свернуть въ сторону по почтовому тракту, я очутился въ крайне непріятномъ положеніи: приходилось часовъ пять прождать одному въ станціонномъ залѣ—ночлежнаго пріюта никакого не существуетъ. Проведя утомительную, казавшуюся безконечною ночь, я съ радостью встрѣтилъ разсвѣтъ, обѣщавшій прекрасную погоду, и вышелъ оправляться гдѣ и какъ можно получить лошадей. По указанію сторожа я отправился къ какой-то землянкѣ, именуемой почтовою станціей, и размыкавъ прикащика попросилъ лошадей до слѣдующей станціи, Казанской—десять верстъ.

— А подорожная у васъ есть?

— Помилуйте, какая подорожная; теперь во всей Россіи подорожныя уничтожены и лошадей даютъ проезжимъ безъ всякихъ видовъ.

— То можетъ въ Россіи, а тутъ Кавказъ; мы безъ подорожной не можемъ давать лошадей; да впрочемъ ихъ и нѣтъ: ночью забрали когда поѣздъ пришелъ.

— Ну, а гдѣ же подорожную достать?

— Въ Ставрополѣ или Екатеринодарѣ.

Чортъ знаетъ что такое! Не знаешь сердиться или смѣяться. И почему Кавказъ не Россія, и почему тамъ можно ѣздить безъ подорожной, а здѣсь нельзя, и какимъ же образомъ человекъ ѣдущій изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ до Кавказской станціи, отъ которой до Майкопа, Екатеринодара или Темрюка ему приходится проѣхать на почтовыхъ 100—200 верстъ, можетъ имѣть подорожную, и если уже предполагается что Кавказъ долженъ отличаться порядками своеобразными, съ особымъ колоритомъ, то пусть себѣ требуютъ подорожныхъ, но учредить продажу ихъ не за сотни верстъ отъ Кавказской станціи, а на мѣстѣ, хотя бы черезъ того же почтового агента который принимаетъ приходящую по желѣзной дорогѣ почту для дальнѣйшаго отправленія; а то какимъ же манеромъ пассажиръ доберется до Ставрополя или Екатеринодара для покупки подорожной? Мнѣ нужно было доѣхать только до станицы Тифлисской, всего тридцать верстъ, и то я оказался въ печальной необходимости отправляться лѣшкомъ, еслибы не выручилъ меня, спасибо ему, содержатель кабака, къ которому я обратился за совѣтомъ; онъ указалъ мнѣ какого-то человека который взялся доставить меня до ближайшей станціи, Казанской, на своей клячѣ, въ телѣгѣ служащей для возки сѣна со степи. Благодаря этому счастливому случаю, я кое-какъ добрался до Казанской; но и здѣсь, несмотря на всю готовность мѣстага начальника, бывшаго моего подчиненнаго, лошадей безъ подорожной не дали, да ихъ и не было на лицо—всѣ въ разгонѣ; казаки же рѣдко кто имѣютъ упряжныхъ лошадей, всѣ ѣздить на быкахъ, и потому навѣтъ въ станицѣ лошадей немисливо. Послѣ пяти часовъ неутомимыхъ хлопотъ станичнаго начальника, кое-какъ снарядили лару лошадокъ и отправили меня въ Тифлисскую. Такимъ образомъ я отъ двухъ часовъ ночи до семи вечера совер-

шилъ лутешество въ тридцать верстъ и благополучно добрался до мѣста. Притомъ же я пользовался исключительно благопріятными обстоятельствами, а каково пришлось бы человѣку новому, ни съ кѣмъ незнакому, не знаю. Но еще лучше: въ станціѣ Тифлисской существуетъ почтовое отдѣленіе, пріемъ и выдача на всякую сумму денежной корреспонденціи; неужели почтовый чиновникъ, пользующійся такимъ довѣріемъ, не могъ бы быть снабженъ нѣсколькими десятками подорожныхъ бланковъ, при шнуровой книгѣ; для продажи нуждающимся? Впрочемъ у насъ всякаго рода куріозовъ столько на каждомъ шагу что едва ли стоить удивляться и недоумѣвать.

Какое впечатлѣніе произвелъ на меня столь хорошо знакомый мнѣ край послѣ почти десятилѣтняго отсутствія? На это довольно трудно отвѣтить. Железная дорога, телеграфъ по Кубани, даже за Кубанью и Лабой, совершенная безопасность, позволяющая двигаться вездѣ во всякое время безъ конвоевъ и оружія, кое-какіе зачатки не-казачьихъ поселеній, да дымящіяся изрѣдка трубы паровыхъ молотилокъ, производятъ впечатлѣніе хорошее; но (въ томъ-то и дѣло что безъ „но“ не обойдешься!) многое, оградившись китайскою стѣной неподвижности, осталось какъ было десять, двѣнадцать, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и какъ останется, вѣроятно, еще долго, не подавая признаковъ желанія вылазнуть за стѣну... Само собою, впечатлѣніе при этомъ не можетъ быть пріятнымъ.

Я пробылъ на и за Кубанью восемнадцать дней; срокъ небольшой; но для знакомаго съ мѣстными обстоятельствами достаточный чтобы сдѣлать нѣкоторые выводы изъ своихъ наблюденій.

Прежде всего о школьномъ дѣлѣ. Съ большимъ удовольствіемъ приходится заявить что оно въ послѣднее время двинуто энергически и обѣщаетъ не въ далекомъ будущемъ хорошіе результаты. Во всѣхъ станціяхъ, по одному нормальному плану, строятся (нѣкоторыя уже готовы) прекрасныя помѣщенія для школъ, съ отдѣленіемъ для дѣвочекъ и помѣщеніемъ для учителя. Въ станціѣ Казанской на площади я видѣлъ почти уже готовое зданіе изъ жженого кирпича, подъ железною крышею, стоящее не менѣе семи-восьми тысячъ рублей. На вопросъ мой откуда взята такая сумма, станичный ата-

мавъ объяснилъ что общественными приговорами свободный участокъ ставичной земли, слѣшкомъ двѣ тысячи десятинъ, отданъ на четыре года одному сосѣднему крупному овцеводу, который за это и обязался выстроить зданіе, что и исполнялъ уже вполнѣ добросовѣстно. Такимъ же образомъ, съ незначительными варіаціями, поступаютъ и всѣ станицы въ Кубанскомъ Войскѣ въ дѣлѣ постройки школьныхъ зданій. Впрочемъ все дѣло не есть слѣдствіе общественной инициативы, а результатъ увѣщаній и „приглашеній“ новаго начальника области, угодить коему постаралось всякое станичное начальство, не отступая, конечно, ни предъ какими затрудненіями убѣждать міръ въ неотложности и пользѣ дѣла. Да такое сравнительно богатое населеніе можетъ безъ всякаго стѣсненія позволять себѣ и не такую роскошь. Жалованье учителямъ поднято до 300 рублей; есть между ними, какъ мнѣ говорили, нѣсколько отличо знающихъ и исполняющихъ свою обязанность, но три четверти пока еще разночинцевъ, набранныхъ по необходимости безъ выбора. Всѣ ждутъ усиленныхъ выпусковъ изъ войсковой учительской семинаріи. (О ней поговорю ниже.) Школы посѣщаются извѣстнымъ числомъ мальчиковъ обязательно, но повидимому не совсѣмъ исправно. (Такъ было и въ мое время, 15—12 лѣтъ тому назадъ.) По настояніямъ учителей и начальства, общества придумывали мѣры какія слѣдовало бы употребить для поужденія родителей посылать дѣтей исправно въ школы. Оставовились на денежномъ штрафѣ: кто полагалъ 10 коп. за пропущенный день, кто находилъ довольно 5 коп.; большинство стариковъ было вовсе противъ штрафовъ; нѣкоторые замѣтили что все равно хоть 10, хоть 5 к. назначить, никто добровольно не заплатитъ, а взыскать—кто же взыщетъ? теперь въ станицѣ такого начальства нѣтъ. Однако рѣшили, если не ошибаюсь, брать по 5 коп. Что изъ этого выйдетъ, покажетъ будущее.

Такъ или иначе, повторяю, школьное дѣло движито съ энергіей достойною всякой похвалы и подражанія.

Конечно, здѣсь это не требовало какихъ-нибудь чрезвычайныхъ усилій, потому что много десятковъ лѣтъ тому назадъ школы въ казачьемъ войскѣ уже существовали, обращая на себя вниманіе своего начальства, а главное, особенности казачьяго общественнаго устройства и богатый земельный надѣлъ, при великолѣпныхъ природныхъ условіяхъ.

позволяютъ не скупиться въ расходахъ. Другимъ мѣстамъ Россіи, при всемъ добромъ желаніи, трудно потягаться со ставицами въ этомъ отношеніи, хотя и тамъ, если принять въ соображеніе много затратъ бросающихся въ глаза своею неумѣстностью, и не менѣе растратъ вызывающихъ на грустные размышленія, можно бы повидимому больше сдѣлать въ пользу учебнаго дѣла чѣмъ сдѣлаано до сихъ поръ.

Проѣхалъ я и въ ставицу Ладовскую, бывшую штабъ-квартирой 1й бригады Кубанскаго войска и мою резиденцію. Я получилъ позволенія посѣтить учительскую семинарію и благодаря любезности директора ея Д. Д. Семенова, мнѣ было показано все заведеніе. Я обошелъ всѣ помѣщенія, посѣтилъ классы во время уроковъ, былъ въ саду въ рекреационное время, видѣлъ скромные физическій и зоологическо-минеральный кабинеты, слушалъ хоровое пѣніе семинаристовъ, и откровенно признаюсь, былъ просто озадаченъ! Такого благоустройства, такого порядка, такого очевидно рационально-ведомаго дѣла, наконецъ, такихъ блестящихъ результатовъ въ относительно короткое время (семинарія основана всего съ 1871 года), я и представить себѣ не могъ. Встрѣчая нѣсколько разъ въ газетахъ кое-какія похвалы этой семинаріи, грѣшный человекъ, я довольно скептически относился къ этимъ восхваляніямъ, зная по опыту какъ лишутся корреспонденціи интвенція цѣлью угодить начальству, а семинарія вѣдь твореніе Кубанскаго областнаго начальства. Я не боюсь власти въ преувеличеніе оказавъ что учительская семинарія въ Ладовской есть заведеніе образцовое и что директоръ ея одинъ изъ тѣхъ спеціалистовъ на трудномъ педагогическомъ поприщѣ которые умѣютъ положить душу свою въ дѣло.

Онаа пріятнаго, нравственнаго впечатлѣнія еще усиливалась во мнѣ тѣмъ обстоятельствомъ что семинарія помѣщается въ домѣ мною же выстроенномъ, въ которомъ я прожилъ нѣсколько лѣтъ начала шестидесятыхъ годовъ, когда усиленная настойчивость стремившаяся къ окончанію вѣковой борьбы на Кавказѣ вызывала всѣхъ частныхъ военныхъ начальниковъ на самую энергическую дѣятельность, не позволявшую посвящать много времени школьному дѣлу. А я таки побаивался что когда-нибудь домъ этотъ, дорогой мнѣ по многимъ воспоминаніямъ, съ измѣнившимися мѣстными обстоятельствами, перейдетъ въ частныя руки, чего добраго, украсится вывѣской „распивочня и на выносъ“...

Вообще оставилъ я семинарію подъ самымъ отряднымъ впечатлѣніемъ; она рѣшительно оазисъ среди безграничныхъ степей погруженныхъ пока въ умтвенный полумракъ, и остается только пожелать побольше такихъ оазисовъ. Впрочемъ, общій отзывъ о ней и ея руководителяхъ, съ кѣмъ мнѣ ни приходилось говорить, даже между людьми менѣе всего способными сочувствовать такимъ учрежденіямъ, сводится къ похваламъ и одобренію. При семинаріи существуетъ образцовая школа для упражненій будущихъ учителей, и въ особомъ помѣщеніи нормальное женское училище съ педагогическими курсами. Большинство учениковъ изъ казачьяго сословія, но есть нѣсколько постороннихъ, въ томъ числѣ одинъ Мингрелецъ и три каалмыцкіе мальчика изъ Дербетовскаго улуса, оказывающіе порядочные успѣхи; это будущіе проповѣдители каалмыцкихъ кочевій. Остается только сожалѣть что семинарія не можетъ принять хотя бы четвертаго числа воспитанниковъ (теперь ихъ, кажется, около ста); кубанское начальство не скуится на средства и недавно еще ассигновало до восьми тысячъ рублей на постройку новаго флигеля; однакоже принять всѣхъ желающихъ нельзя будетъ и выпускъ готовыхъ учителей едва ли когда-либо удовлетворитъ всѣмъ мѣстнымъ потребностямъ. Подъ редакціей Д. Д. Семелова изданъ педагогическій ежегодникъ Кубанской учительской семинаріи (Спб. 1874, изд. Глазунова), представляющій, кромѣ многихъ интересныхъ статей педагогическаго содержанія, перечень постановленій и дѣятельности совѣта семинаріи, также уставъ ея. Всѣмъ интересующимся школьными вопросами можно посоветовать прочитать эту полезную книгу.

При всемъ этомъ видимою преуспѣванію школьнаго дѣла въ Прикубанскомъ краѣ, все-таки приходится пожалѣть что оно ограничивается слишкомъ узкою рамкой: распространеніемъ грамотности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Неоспоримо что это главная потребность для народной массы и что въ этихъ школахъ деревенскія дѣти должны познакомиться, кромѣ грамоты, съ религіозно-нравственными основами на которыхъ зиждется всякое благоустроенное человѣческое общество. Такія школы должны быть въ каждой деревнѣ и *обязательно* посѣщаться всѣми мальчиками и дѣвочками *бесплатно*; объ этомъ нечего и распространяться. Но, какъ я уже имѣлъ случай упоминать въ моей „Поѣздкѣ въ

Малороссію“ (*Моск. Вѣд.* 1874, № 313), не менѣе необходимы сельскохозяйственныя техническо-ремесленныя школы, въ которыхъ лучшіе ученики изъ элементарныхъ школъ 14—15лѣтняго возраста, могли бы пріобрѣтать свѣдѣнія, хотя и не обширныя, но достаточныя для примѣненія на практикѣ. Полнѣйшее отсутствіе ветеринаровъ, садоводовъ, дѣлвничихъ, мельниковъ, машинистовъ и т. п. людей (дѣло идетъ не объ ученыхъ специалистахъ, а просто о болѣе или менѣе технически подготовленныхъ и послѣ на практикѣ еще совершенствующихся) подрываетъ возможность какилибо улучшеній въ хозяйствѣ, и всѣ долготолпыя пріемы въ хлѣбопашествѣ, скотоводствѣ и другихъ отрасляхъ продолжаютъ господствовать, угрожая довести и эту богатѣйшую, благодатную почву до истощенія, на подобіе Екатеринославской, Херсонской и другихъ южныхъ губерній, бывшихъ когда то житницей Европы, а нынѣ голодающихъ.

Требовать такого рода учебныхъ заведеній гдѣ-нибудь во внутреннихъ губерніяхъ, страдающихъ недостаткомъ средствъ для покрытія текущихъ, неотложныхъ расходовъ, положимъ, невозможно; но здѣсь, въ казачьихъ войскахъ, богатыхъ и запасными капиталами и свободными землями, дѣло другое; тутъ само начальство должно бы собственною инициативой приступить къ этому и также энергично и щедро распорядиться, какъ при учрежденіи учительской семинаріи. Видно что ни говорите, а вѣкъ нашъ—вѣкъ по преимуществу интересовъ экономическихъ и потребность въ хлѣбѣ насущная стоитъ не на заднемъ планѣ. Знаю что преобладаніе матеріальныхъ интересовъ ведетъ ко многимъ печальнымъ послѣствиямъ; но отъ поддержанія и развитія благосостоянія въ народной массѣ, отъ улучшенія сельскаго хозяйства и промышленности, для конкуренціи съ другими странами на мировыхъ рынкахъ, отъ желанія освободиться отъ зависимости и эксплуатаціи насъ сталими иноземныхъ искателей пожим до матеріализма и исключительнаго поклоненія Ваалу слишкомъ далеко. Напротивъ, борьба съ невѣдными ученіями, такъ фанатически развѣсившими между темныхъ массъ нашего народа недорослями „управдителями“, станетъ гораздо легче при высшемъ уровнѣ благосостоянія этихъ массъ. Чѣмъ больше у нихъ будетъ средствъ, тѣмъ больше будетъ школъ и меньше невѣжества, тѣмъ труднѣе будетъ эксплуатиро-

вать это невѣжество; чѣмъ обезпеченнѣе и удобнѣе будетъ ихъ жизнь, чѣмъ больше у нихъ будетъ собственности, тѣмъ глуше они станутъ ко всякимъ внушеніямъ и напелтываніямъ, хотя бы и самаго заманчиваго свойства. Неужели же объ этомъ еще нужно распространяться и доказывать? Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, кромѣ невѣжества, является еще много другихъ условій требующихъ скорѣйшаго измѣненія и улучшенія; вопросы: податной, паспортной, о круговой порукѣ, рабочій, то-есть о наймѣ, и другіе; разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ справедливомъ для массы сельскаго населенія смыслѣ, и притомъ же скорѣйшее разрѣшеніе, было бы, безъ сомнѣнія, однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ парализованія всякихъ безумныхъ попытокъ со стороны нашихъ доморощенныхъ „новыхъ людей“; это значило бы лишить ихъ лачвы для сѣянія зловредныхъ сѣмянъ, не говоря о томъ что и справедливость требуетъ наконецъ осуществленія этихъ реформъ и вліяніе ихъ на благостояніе народа, а слѣдовательно и всего государства, неоспоримы. Въ казачьихъ войскахъ дѣло другое; здѣсь нѣтъ ни тяжелыхъ налоговъ, ни выбиванія недоимокъ, ни недостатка въ плодородной землѣ; а съ покореніемъ Кавказа исчезла даже единственная прежде тягость: поголовная служба и принужденное переселеніе на передовыя линіи; здѣсь предстоитъ только борьба съ двумя недугами—пьянствомъ и невѣжествомъ. Такимъ образомъ тутъ сгруппировались всѣ благопріятныя условія для устройства на широкихъ основаніяхъ школъ элементарныхъ и спеціально-техническихъ, для улучшенія путей сообщенія, улучшенія породъ скота и лошадей, вообще для всѣхъ мѣръ содѣйствующихъ правильному экономическому развитію страны. Пусть бы эта окраина сослужила государству новую великую службу, являя примѣръ благоустройства и экономического прогресса, какъ сослужила она ему въ свое время другую, на боевомъ поприщѣ.

Цѣлью моея поѣздки были частныя дѣла, которымъ я исключительно и долженъ былъ посвящать свое время. Я такъ-сказать на лету дѣлалъ свои наблюденія надъ болѣе интересующими меня сторонами мѣстной общественной жизни, и потому долженъ ограничиваться краткими очерками того что рѣзко бросается въ глаза, на примѣръ, по вопросу о пьянствѣ, объ этомъ повальномъ грѣхѣ нашемъ. Въ станицѣ

Тифлисской новый начальникъ области, какъ мнѣ передавали, внушалъ собравшемуся предъ нимъ обществу весь вредъ отъ льянства и убѣждалъ отказаться отъ него. Результатомъ былъ общественный приговоръ коимъ постановлено: съ 1го января 1875 года кабаковъ въ станицѣ не открывать. Сказано—сдѣлано. Насталъ Новый Годъ, на площади тихо, пусто, кое-гдѣ развѣ пройдетъ баба или нѣсколько ребятешекъ; бывшіе притоны любителей водки заколочены наглухо. За то въ веротѣ отъ станицы, за мостомъ чрезъ Кубань, въ двухъ кабакахъ устроенныхъ на землѣ частныхъ владѣльцевъ, стонъ стоитъ, народу тьма; за тѣсотой помѣщенія, не видя на холодъ и слякоть, кругомъ толпы опоражниваютъ бутылки и полустофы... Прошло мѣсяца два и то же станичное общество „имѣло сужденіе“: такъ какъ съ закрытіемъ въ станицѣ кабаковъ льянство вовсе не прекратилось, а напротивъ, жители, особенно молодежь, переходя за мостъ, льянствуютъ тамъ внѣ всякаго надзора станичныхъ правителей, своихъ семействъ и родныхъ, да въ льяномъ видѣ ночью должны возвращаться чрезъ мостъ по весьма скверной дорогѣ домой, причемъ могутъ подвергаться разнымъ несчастнымъ случаямъ; а между тѣмъ станица отъ закрытія кабаковъ только напрасно потеряла значительный доходъ, платимый содержателями литейныхъ заведеній въ общественныя суммы, то въ отиѣну прежняго приговора постановили: разрѣшить открыть съ 1го іюля въ станицѣ *три* литейныя заведенія (прежде было только два); таковой приговоръ и представить по начальству. Опять, сказано—сдѣлано. 1го іюля заколоченныя наглухо окна и двери раскрылись, посетители хлынули толпой, площадь приняла оживленный видъ. Въ одномъ кабакѣ въ теченіи іюля мѣсяца выпито *сто пятьдесятъ* ведеръ водки, что составитъ по цѣнѣ раздробительной продажи—6 р. за ведро—900 р., а въ трехъ кабакахъ 450 ведеръ—2.700 руб. И это въ іюль, когда большинство людей въ степи, на хуторахъ, за полевыми работами; что же будетъ осенью, зимой, за свадьбами, святками, въ заговѣнье? Но допустивъ даже что и не больше выльютъ, все же въ одной станицѣ пойдетъ на водку около 33 тысячъ рублей въ годъ. Не мудрено что кабатчикъ за каморку въ какія-нибудь двѣ квадратныя сажени платитъ 25 р. въ мѣсяць (за эту цѣну въ станицѣ самый лучшій домъ цѣликомъ можно нанять), а на вопросъ: „Ну что, почтеннѣйшій, какъ идутъ

ваши дѣла?" отвѣчаетъ ухмыляясь: „Ничего, слава Богу-съ, не можемъ жаловаться.“ Еще бы жаловаться, покупая ведро водки за 4 р. 25 к. въ кредитъ и выручая за него 6 руб. по меньшей мѣрѣ!

О безконечномъ вредѣ такого выливанія и для здоровья, и для нравственности, и для хозяйства, распространяться не стоить; объ этомъ уже столько писано что новаго ничего не прибавишь. Но интересно вотъ что: большинствомъ признаю за аксіому что народъ нашъ такъ сильно пьянствуетъ главнѣйшимъ образомъ отъ нужды и горя, толя въ винныхъ ларяхъ свое непривѣтное положеніе, безъ надежды на его улучшеніе. Хорошо, допустимъ что это выводъ совершенно справедливый. Но почему же пьянствуютъ населенія казачьихъ станицъ? Тутъ нѣтъ ни горя, ни нужды, ни безнадежнаго положенія; тутъ 30 десятинъ отличной земли душевой надѣль; тутъ нѣтъ ни подушныхъ, ни земскихъ выкупныхъ платежей и недоимокъ; нѣтъ надобности запродавать хлѣбъ на корню или, ради задатка, свой трудъ на предстоящее лѣто; здѣсь никто ни къ кому не нанимается, а напротивъ, большинство само нанимаетъ работниковъ; здѣсь всѣ, такъ-сказать, *Титъ Титычи* *, которыхъ никто обидѣть не можетъ, а сами они всякаго обидать.... Какое же горемъ-то толить въ сивушныхъ ларяхъ? Очевидно что стереотипное объясненіе пьянства нуждой и горемъ едва ли вполнѣ правильно. Съ горя выливаютъ единичные субъекты—это несомнѣнно; но масса пьетъ, какъ мнѣ кажется, изъ чистой логичности какого-нибудь развлеченія, потребности свойственной всякому человѣку; къ этому можно прибавить еще тысячелѣтнюю давность самаго обычая искать веселья въ винѣ, да отчасти и національную характерную особенность широкой натуры, требующей разгула; наконецъ, общую всему человѣчеству наклонность къ напиткамъ производящимъ ускоренное кровообращеніе и нѣкоторые туманы. Да и какія же другія развлеченія доступны народной массѣ, особенно въ деревняхъ? Кабакъ—единственное мѣсто гдѣ человѣкъ очутится въ обществѣ, услышитъ что-нибудь новое, посмѣется какой-нибудь остротѣ, наконецъ, придетъ въ то блаженное состояніе опьяненія когда или всякаго человѣка цѣловать хочется, или самъ чортъ ему не братъ. Затѣмъ нужно опомнѣваться, поддержать знакомство съ кабацкими завсегдата-

* Известный купецъ-самодуръ въ комедіи г. Островскаго.

ями и исподоволь льянство обращается уже просто въ дурную привычку, въ слабость, отъ которой, сознавъ даже весь ея вредъ, рѣдко кому достанетъ силы воли отстать. Это то же что и повальная болѣзнь большинства нашего такъ-называемаго образованнаго общества, особенно въ провинціяхъ,—карточная игра. Идите, проповѣдуйте господамъ съ терпѣніемъ ожидающимъ вечера чтобы „не терять золотого времени“, что они убиваютъ не одно время, но и здоровье, разстраиваютъ свои денежные дѣла, вынуждаются не рѣдко именно картами къ сдѣлкамъ съ совѣстью, подаютъ дурной примѣръ подрастающему поколѣнію, небрежно относятся къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, теряютъ интересъ къ чтенію, къ пополненію запаса своихъ свѣдѣній, вообще ко всему что не связано съ „тузомъ самъ-пять“. Чѣмъ же объяснить это своего рода льянство? То — нуждой и горемъ; а это — отсутствіемъ нужды и горя? Скукой провинціальной жизни, какъ говорятъ многіе; конечно, скукой, если этимъ словомъ опредѣлить неудовлетворенное желаніе развлеченія. Повальный характеръ этой страсти, также какъ льянства въ простомъ народѣ, очевидно зависитъ отъ отсутствія и доступности другихъ развлеченій, съ прибавленіемъ свойственной человѣчеству наклонности легко разжиться лишнею деньгой: вѣдь всякъ садится съ увѣренностью выиграть. Въ столицахъ, если взять число ежедневно играющихъ въ карты и сопоставить съ общимъ числомъ лицъ образованнаго общества, безъ сомнѣнія, окажется большинство неиграющихъ, тогда какъ въ провинціальныхъ городахъ окажется едва ли одинъ изъ десяти проводящій вечеръ не за ломбернымъ столомъ. Это и естественно: количество и разнообразіе общественныхъ увеселеній въ видѣ оперныхъ и драматическихъ представленій, артистическихъ, художественныхъ кружковъ, публичныя чтенія и собранія, легкость добыванія книгъ и періодическихъ изданій, все это даетъ значительному контингенту образованныхъ людей, по преимуществу группирующихся въ столицахъ, возможность удовлетворять потребности въ развлеченіи болѣе нравственнымъ, облагораживающимъ способомъ, нежели просиживание ночей за картами. Въ провинціальныхъ городахъ, съ одной стороны, преобладаетъ большинство съ крайне ограниченными образованіемъ, съ другой, невозможность доставить обществу такого разнообразія и обилія развлеченій; само собою что

карты еще долго сохранять тамъ свой первенствующій характеръ. Тѣмъ не менѣе, съ увеличеніемъ числа образованныхъ, развитыхъ людей и въ провинціи умножатся возникающіе и теперь уже кружки любителей драматическихъ представленій, литературы, музыкальныя собранія, публичныя чтенія и т. п., вообще явится бѣльшая наклонность интересоваться другими вопросами чѣмъ ремизами и ступкой. Побольше хорошихъ примѣровъ вызовутъ больше подражателей, и время, наконецъ, возьметъ свое: дурныя привычки будутъ исчезать вмѣстѣ съ тѣми поколѣніями которая уже слишкомъ въ нихъ втанулись. То же можно примѣнить и къ сельскому населенію: если между нимъ явятся живыми примѣрами люди другихъ наклонностей, другаго образа жизни и мыслей, то оно хоть частью отвернется отъ кабаковъ. Въ этомъ случаѣ школа, даже самая скромная, должна, въ концѣ концовъ, сослужить свою великую службу; но это средство, хотя и вѣрное, но весьма медленное; дѣйствія его отразятся только на будущихъ поколѣніяхъ, тѣмъ болѣе что когда-то у насъ будетъ еще достаточно школъ, съ полнымъ числомъ хорошихъ учителей! А между тѣмъ пьянство—виновникъ нищеты и многихъ преступленій—требуетъ скорѣйшихъ мѣръ, не говорю для его искорененія, что представляется чѣмъ-то несбыточнымъ не только у насъ, но и между нѣкоторыми другими націями во многомъ насъ опередившими, а по крайней мѣрѣ для его ослабленія, для лишенія его той злокачественности, той повальности, какою эта язва отличается между нашими низшими классами.

Какія же однако мѣры могли бы оказаться дѣйствительными и на практикѣ удобопримѣнимыми? Вопросъ весьма и весьма трудно разрѣшимый, а думать надъ нимъ необходимо. Мы видимъ что сокращеніе числа кабаковъ, даже совершенное ихъ закрытіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, возникновеніе нѣсколько лѣтъ тому назадъ обществъ трезвости и разныя приговоры грозившіе штрафами и наказаніями за пьянство, не увѣнчались желательнымъ успѣхомъ. Пока самъ народъ искренно не сознаетъ всего вреда, всей постыдности пьянства, пока онъ будетъ только поддакивать увѣщаніямъ начальства, а самъ глотать слюнки при одной мысли о кабакѣ, всѣ подобныя мѣры едва ли могутъ принести дѣйствительную пользу дѣлу. Въ этомъ случаѣ нужна бы совокупность многихъ мѣръ, и законодательныхъ, и административ-

ныхъ, и финансовыхъ; многія изъ нихъ уже не разъ указывались въ печати. Не считаю себя достаточно компетентнымъ чтобъ указывать на такія мѣры которыя могли бы быть немедленно введены съ видимою пользою для дѣла и безъ нарушенія какихъ-либо другихъ интересовъ; я хочу только высказать одно личное мое мнѣніе, не придавая ему никакой непогрѣшимости; можетъ-быть при обсужденіи другими, болѣе меня свѣдущими и ближе къ народной жизни стоящими людьми, мысль моя, въ сущности не заключающая ничего особенно новаго или оригинальнаго, окажется заслуживающею вѣктораго вниманія. Я исхожу изъ того же положенія что добрыя примѣры порождаютъ добрыя нравы. Что еслибы наше сельское духовенство *умѣло, могло и хотѣло* поученіями, наставленіями и примѣромъ собственнаго образа жизни вліять на деревенское населеніе въ смыслѣ отклоненія его отъ пьянства? Что еслибы священники, причетники, школьные учителя, сельскіе писаря, фельдшера и т. л. *деревенская интеллигенція*, поставленная обстоятельствами въ ближайшее, постоянное, почти безсмѣнное отношеніе къ народу, была настолько развита и обезпечена въ средствахъ къ жизни чтобъ сумѣла и смогла нравственно возвыситься надъ массою своихъ односельцевъ и наставленіями, примѣрами служить ей указателемъ лучшаго пути чѣмъ тотъ по которому онъ теперь шествуетъ отъ кабака къ нищетѣ, отъ нищеты къ преступленіямъ? Многіе улыбнутся, назовутъ это пустымъ фразерствомъ, идеализаціей, даже возобновленіемъ давно отвергнутой идеи возлагать на духовенство несвойственныя ему quasi-полицейскія обязанности; но я этимъ ни чуть не смущаюсь и остаюсь при своемъ убѣжденіи что кружокъ названныхъ мною лицъ, предназначенныхъ всю жизнь свою вращаться среди деревенскаго населенія, звать его общественныя и семейныя дѣла, даже личныя достоинства и слабости почти каждаго изъ членовъ общины, обладая относительно высшимъ уровнемъ образованія, могъ бы сдѣлаться самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ противодѣйствія не только пьянству и сопряженнымъ съ нимъ порокомъ, но и вообще невѣжеству, темнотѣ, суевѣрію, отсутствію здоровыхъ понятій о правѣ собственности, о силѣ и святости законовъ и многимъ другимъ болѣзнямъ удручающимъ нашъ по природѣ добрый и смѣтливый народъ. Такой интеллигентный кружокъ, наконецъ, въ случаѣ надобности, дѣйствительно

жандармовъ и полиціи оградили бы народную массу отъ про- лагандистовъ безумныхъ коммунистическихъ бредней. Само собою для этого требуется чтобы кружокъ этотъ, имѣя во главѣ священника, былъ на высотѣ своего призванія и обезпеченный матеріально, внѣ зависимости отъ унижающихъ его подаваній, внѣ заботы о хлѣбѣ насущномъ и будущности семьи, что теперь подавляетъ въ немъ всѣ остальные помыслы и побужденія.

Къ искреннему, крайнему сожалѣнію, про телерешныхъ лицъ этого кружка, за рѣдкимъ развѣ исключеніемъ, нельзя сказать чтобъ они могли пріобрѣсти не только какое-либо вліяніе, но даже достаточное уваженіе отъ общества среди котораго они живутъ и дѣйствуютъ. Еще хуже, эти лица нерѣдко сами служатъ дурными примѣрами. Самимъ преосвященнымъ приходится грозными циркулярами запрещать священникамъ принимать отъ прихожанъ „подношенія“ горячими вилитками. Не борьбу съ невѣжествомъ и суевѣріемъ ведутъ въ большинствѣ эти пастыри, а ради полученія „подношеній“, поддерживаютъ ихъ, отправляясь на кладбище вбивать осиноый колъ въ могилу покойника безпокоящаго по ночамъ своихъ домашнихъ.... Мудрено ли что вдругъ крестьяне не допускаютъ тушить пожаровъ, ибо это де воля Божія, наказаніе за грѣхи, и противиться ей не должно? Да не одними подношеніями довольствуются священники, а часто прибѣгаютъ къ вымогательствамъ, отказываясь вѣнчать, хоронить ниже назначенной ими платы, доводя своихъ прихожанъ до жалобъ и вмѣшательства полиціи. Между собою ведутъ вѣчную вражду изъ-за дѣлежа выручекъ; время проводить часто въ такомъ же безобразномъ пьянствѣ, сопровождаемомъ нерѣдко скандальнѣйшими драками даже внутри церкви. * Отъ такихъ ли священниковъ требовать проповѣдей и поученій? Такіе ли пастыри могутъ бороться съ какою-нибудь штундой или хлыстовщиной, соответствовать высокой роли какую, по ихъ званію и исключительному положенію среди народа, они должны бы занимать? У такихъ ли священниковъ могутъ быть причетники достойные

* Въ мою бытность теперь на Кубани, старшій священникъ станицы Казанской вмѣшался въ разгульную компанію какихъ-то молодыхъ землемѣрскихъ помощниковъ, изъ которыхъ кто-то спьяна неосторожно обращался съ ружьемъ, раздавая выстрѣлы и духовный отецъ упалъ жертвой.

назваться членами *интеллигентнаго* сельскаго кружка? После этого о писаряхъ уже и говорить нечего; это извѣстное всей Россіи, по своимъ дѣламъ, сословіе, къ сожалѣнію, пользуется слишкомъ большимъ вліяніемъ только для совершенія темныхъ дѣлъ. Остаются учителя, но ихъ, хорошихъ, пока очень мало, да и одинъ въ полѣ не воинъ, тѣмъ болѣе что вышшаго пошиба причты и писаря къ хорошимъ учителямъ относятся враждебно. Впрочемъ, правду говоря, можно ли произвести строгій, безаллеляціонный приговоръ надъ сельскими священниками, а тѣмъ болѣе причетниками? Кто въ большинствѣ случаевъ назначается на эти мѣста? Лучшіе воспитанники духовныхъ семинарій поступаютъ въ академію, оттуда въ монахи, гдѣ ихъ ждетъ возможность достигнуть высшихъ іерархическихъ степеней, или группируются въ городахъ, при соборахъ и богатыхъ приходахъ, а въ деревни попадаютъ уже бѣднѣйшіе познаніями, еще бѣднѣйшіе надеждами и средствами существованія; они богаты развѣ воспоминаніями о дѣтствѣ когда сопровождали своихъ отцовъ по избамъ для сбора подачекъ.

Да, не мѣшало бы подумать о средствахъ снабдить наши села тѣмъ интеллигентнымъ кружкомъ который могъ бы послужить нравственному воспитанію народа не менѣе самой школы, и уже конечно гораздо больше всякихъ циркуляровъ. Учительскія семинаріи исподоволь снабдятъ села такими учителями которые вполнѣ будутъ соответствовать не только прямой своей педагогической обязанности, но и той роли какую, по моему мнѣнію, имъ бы слѣдовало играть въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на массу; этимъ и выразилась бы всѣми признанная полезная связь школы съ семьей, по крайней мѣрѣ въ селахъ; остается только жалѣть что семинаріи пока еще не достаточно и долго придется ждать преобладанія хорошихъ учителей надъ разными полуграмотными разночинцами теперь заправляющими школами. Еще болѣе, быть-можетъ, слѣдовало бы позаботиться чтобы число духовныхъ академій или высшихъ училищъ (если богословскіе факультеты при университетахъ по чему-либо неосуществимы) настолько увеличилось чтобы изъ нихъ выускались не одна профессоры и іеромонахи, но и люди вполнѣ подготовленные къ высокому званію духовныхъ пастырей, отъ которыхъ съ увѣренностью можно бы ожидать не одного исполненія требъ, но и живыхъ проповѣдей въ

доступной пониманію народа формѣ, а не писанныхъ по извѣстному шаблону, сельскому люду непонятныхъ; такіе духовные отцы пріобрѣли бы скоро достаточно уваженія и вліянія, и слова ихъ не оставались бы гласомъ волюющимъ въ пустынь. Само собою, такихъ священниковъ неминуемо обезпечить жалованьемъ дающимъ возможность существовать безбѣдно, безъ поборовъ и вымогательствъ, безъ необходимости чуть не самому ходить за сохой. И на положеніе причетниковъ не менѣе нужно обратить вниманіе, подготавливая къ этому людей съ опредѣленнымъ минимумомъ образованія и обезпеченіемъ. При такихъ условіяхъ, элементы для борьбы съ невѣжествомъ оказались бы уже достаточно сильными. И неужели такая роль священниковъ могла бы назваться несоотвѣтствующею ихъ сану, чѣмъ-то полицейскимъ?

Все это, скажутъ мнѣ, не ново, давно извѣстно, не выполнимо по неимѣнію денегъ, безъ которыхъ ни увеличеніе академій, семинарій и разныхъ училищъ, ни увеличеніе содержанія духовенству невозможно, не говоря о разныхъ другихъ прелятствіяхъ. Но новаго вообще немного на свѣтѣ; также не ново и возраженіе о неимѣніи денегъ. Если вызываемый этой потребностью расходъ разъ признается для государства важнымъ, я бы призвалъ его даже безотлагательнымъ, то средства должны быть найдены. Не могутъ же читатели потребовать отъ бѣглой журнальной статьи бюджетныхъ изслѣдованій, сопоставленій и выводовъ....

—

Стель и стель. Куда ни глянешь, все то же необъятное пространство ровной, изжелтозеленой земли. Ни деревца, ни жилья на разстояніи двухъ, трехъ десятковъ верстъ; только стоги сѣна и скирды хлѣба какими-то горбами устѣла стель и лишаютъ ее окончательнаго вида пустыни. Народу мало. Сюда нужно бы четверное количество населенія чтобы вызвать къ жизни полусонный край, который по своимъ климатическимъ, почвеннымъ и географическимъ условіямъ едва ли найдетъ себѣ соперника въ Россіи. Побольше бы народу, побольше интеллигентныхъ людей, побольше техниковъ, садоводовъ, лѣсоводовъ, побольше капиталовъ и предпріимчивости, однимъ словомъ, побольше „Америки“ и мы чрезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ показали бы Европѣ дѣвствующій районъ, не уступающій никакому Канзасу или

Техасу. Однако, „оставивъ мечтанія пуста“, возвращаюсь къ неприглядной дѣйствительности.

За послѣднiя десять лѣтъ явилось за Кубанью кое-какое населенiе кромѣ казачьяго, но его такъ мало что и для глаза неуловимо, и для влiянiя на общiй ходъ сельскохозяйственнаго или промышленнаго дѣла значенiя почти никакого не имѣеть. Нѣсколько небольшихъ колонiй Нѣмцевъ, переселившихся изъ Бессарабiи и прiобрѣвшихъ по дешевой цѣнѣ участки земли пожалованной разнымъ лицамъ за ихъ заслуги при покоренiи Кавказа, успѣли болѣе или менѣе устроиться и ведутъ хозяйство хоть и не блистательно, но все же сравнительно съ мѣстнымъ кореннымъ населенiемъ хорошо; безъ сомнѣнiя, исподоволь у нихъ все еще улучшится и разовьется; есть уже начала виноградныхъ садовъ, будутъ современемъ и фруктовые, и обильные огороды; работаютъ лошадьми, лучшими орудiями и работаютъ вообще настойчивѣе, усѣрднѣе своихъ сосѣдей, остающихся пока при своихъ неуклюжихъ полевыхъ орудiяхъ, возахъ и лѣнливо передвигающихся ноги быкахъ. Подражателей имъ пока незамѣтно, хоть и раздаются голоса: „ишь чортовы Нѣмцы, ужъ вино начали дѣлать“. Кромѣ колонiй, видны нѣсколько хорошо обстроенныхъ усадебъ богатыхъ таврическихъ овцеводовъ, умѣвшихъ за безцѣнокъ скупить десятки тысячъ десятинъ земли изъ пожалованныхъ, занимающихся исключительно овцеводствомъ (Испанка). Затѣмъ, изрѣдка видны сѣрые ряды жалкихъ землянокъ окруженныхъ, вмѣсто плетней, кучами навоза,—это переселенцы изъ разныхъ южно-русскихъ губернiй (Екатеринославской, Воронежской и др.); начинаютъ они земли подъ пастбу скота, частью подъ раслашку; живутъ нѣкоторые такимъ образомъ уже по нѣскольку лѣтъ, но никакого улучшенiя въ своей обстановкѣ не произвели, да и не могутъ произвести: инымъ скоро срокъ найма земли истекаетъ, и въ продолженiи его отказано, инымъ даютъ земли вообще только на ограниченный, большею частью годовой срокъ; другiе сами собираются куда-то *откочевать*. Я нарочно употребилъ это выраженiе, потому что всѣ эти переселенцы не что иное какъ новые „русскiе кочевники“; имъ довольно нѣсколькихъ часовъ чтобы нагрузить свои возы скуднымъ домашнимъ скарбомъ и таборомъ потянуться по широкой стелѣ куда-нибудь на другое мѣсто; останутся лишь землянки и навозъ—лечальныя слѣды печальнаго про-

зябанія... А между тѣмъ изо дня въ день, по дорогѣ пролегающей чрезъ станицу Тифлисскую за Кубань къ Лабѣ и Бѣлой, непрерывною цѣлью тянутся ряды возовъ нагруженныхъ разнымъ хламомъ, ребятишками и курами, и возы ихъ шествуютъ взрослые обоюго пола—новые номады. Куда они идутъ, зачѣмъ, какими данными руководятся, на что разчитываютъ, кто имъ гарантировалъ что-нибудь лучшее нежели то что оставлено на родинѣ,—никто, ни сами они не знаютъ. „А куда идете, господа?“ спросишь иного.—*Въ Майки идемъ на жительство.* Между тѣмъ Майки, то-есть Майколъ, новообразованный изъ военнаго укрѣпленія уѣздный городъ Кубанской области, въ которомъ земля отведена, какъ каждому городу, подъ поселеніе известнаго числа душъ, да подъ выгонъ, огороды и какой-нибудь незначительный запасъ; слѣдовательно, что же тамъ дѣлать этимъ чистокровнымъ хлѣбопашцамъ, ничего болѣе не знающимъ? Кто имъ дастъ землю, когда вся она, по словамъ мѣстныхъ, знающихъ людей, распределена между казачьимъ населеніемъ, а оставшаяся свободною часть перешла въ частное владѣніе?

Къ сожалѣнію, мнѣ не случилось встрѣтиться ни съ кѣмъ изъ лицъ офиціальнаго міра кто могъ бы мнѣ объяснить хоть отчасти это явленіе. Есть ли какія-нибудь правительственныя распоряженія по поводу этихъ переселеній, оставлены ли они какими-нибудь правилами на старыхъ и новыхъ мѣстахъ? Приглашаются ли эти люди бросать насиженные мѣста и перекочевывать на новыя? кѣмъ, съ какою цѣлью? или же темная масса, смущенная розказами какого-нибудь бродяги о привольѣ ожидающемъ всѣхъ идущихъ въ Майки, сама, очертя голову, бросаетъ родныя села, плетется въ невѣдомый край, думая обрѣсть обѣтованную землю? Если же это такъ, то-есть тысячи семействъ тянутся въ Майколъ, вообще въ Закубанскій край, безъ всякаго офиціальнаго распоряженія и *гарантіи въ будущей обстановкѣ*, то это явленіе не только весьма печальное, но и не безопасное. Толпы народа осѣдлаго превращаются въ какихъ-то бездомныхъ Цыганъ, разстраиваютъ свои хозяйства, растрачиваютъ послѣднія крохи своего имущества, отстаютъ отъ обычнаго труда, приучаются къ лѣни и патаганію; наконецъ, убѣдясь въ ошибочности своихъ надеждъ, или едва находятъ возможность возвратиться нищими на родину, или же остаются пролета-

рѣями, могущими со временемъ наводнить край бродягами, преступниками, элементомъ неудовольствія и безпорядковъ.

Повторяю, мнѣ неизвѣстно совершаются ли эти переселенія en masse съ офиціальнаго вѣдома, на основаніи какихъ-либо распоряженій и мѣръ къ устройству ихъ на новыхъ мѣстахъ, хотя страшно что нигдѣ въ печати, мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случалось встрѣчать объ этомъ какихъ-либо постановленій или сообщеній. Я разказываю только что видѣлъ, и, принимая во вниманіе всѣми мѣстными жителями подтверждаемое обстоятельство что свободныхъ земель въ Прикубанскомъ краѣ нѣтъ, а еслибы были, то правильнѣе надѣлать ими тѣхъ выходцевъ которые уже нѣсколько лѣтъ какъ прибыли за Кубань и живутъ на частныхъ владѣльческихъ земляхъ,—излагаю мое мнѣніе о крайнемъ вредѣ такого передвиженія народовъ безъ соотвѣтствующихъ, зрѣло обдуманыхъ и практически удобоисполнимыхъ мѣропріятій. Говорили, между прочимъ, будто усилившееся въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ движеніе переселенцевъ вызвано какимъ-то объявленіемъ одного изъ бывшихъ начальниковъ Кубанской области, вызывавшимъ желающихъ селиться на свободныхъ земляхъ; прибавляли что нѣсколько губернаторовъ предвараля этого генерала о чрезвычайныхъ послѣдствіяхъ какія изъ подобныхъ офиціальныхъ объявленій могутъ возникнуть, и о значительной отвѣтственности которую онъ этимъ на себя беретъ; но дѣйствительно ли существовало такое объявленіе, въ какомъ смыслѣ возбудило оно замѣчаніе губернаторовъ и вообще происходило ли что-нибудь подобное, рѣшительно не знаю; я передаю только мѣстный слухъ. Вообще, не рациональнѣе ли было бы, посредствомъ мѣстныхъ офиціальныхъ органовъ, уяснить населенію дѣйствительное положеніе дѣла и не допускать его до разорительнаго шатаванія, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ строгимъ запретительнымъ мѣрамъ? Конечно, это было бы противно столь желательному и давно ожидаемому закону о свободѣ передвиженія и уничтоженія паспортовъ, но нѣтъ правила безъ исключенія, и *такого рода* передвиженія сотнями семействъ „на авось“ нельзя подводить подъ общій уровень. Какъ фактическое подтвержденіе тому что всѣ эти переселенія за Кубань совершаются безъ вѣдома и согласія правительства, мнѣ указывали на обратное движеніе весной такихъ же таборовъ. Убѣдись горькимъ опытомъ въ несбыточности надеждъ обрѣсти въ Майки обѣтованную

землю, многіе торолятся на послѣднія сбереженные крохи добраться до родныхъ пелелищъ. Но такіе примѣры не дѣйствуютъ на упрямо-невѣжественную громаду: къ концу лѣта изъ тѣхъ же губерній опять тянутся обозы и все въ тѣ же Майки... Вотъ съ какимъ упорствомъ держится въ народѣ разъ лущенный какимъ-нибудь проходимцемъ слухъ! Нѣкоторые, упрямые изъ упрямыхъ Малороссовъ, чуть ли не Харьковской губерніи, повѣривъ какому-то своему ходоку что онъ нашелъ на Кубани свободную землю, къ поселенію на коей мѣстное начальство никакого де препятствія не имѣетъ, пустились въ путь, заняли указанную вожакомъ землю и стали себѣ устраиваться преспокойно, не заботясь ни о чемъ. Между тѣмъ земля принадлежала частному лицу находящемуся въ отсутствіи. Узнавъ о непрошенныхъ гостяхъ, владѣлецъ потребовалъ объясненій и, получивъ въ отвѣтъ что „земля де Царская и мы Царскіе“, обратился къ начальству. Не распространяясь о подробностяхъ возникшаго дѣла, отсрочкахъ, утѣшаніяхъ и угрозахъ, ограничусь сообщеніемъ результата: послѣдовало повелѣніе принять энергическія мѣры, двинуты были войска, главные ораторы арестованы, скарбъ наваленъ казачьими руками на возы, и колонія подъ достаточнымъ конвоемъ выведена за Кубань, по дорогѣ къ прежнему мѣсту жительства... Но и такіе примѣры плохо дѣйствуютъ: ходоки не теряютъ вѣры къ своимъ розказнямъ. Возникаетъ такимъ образомъ дилемма: съ одной стороны, весьма желательно увеличеніе народонаселенія, съ другой, тянущіеся обозы переселенцевъ - кандидатовъ, какихъ-то бездомныхъ кочевниковъ. Какъ же быть? На это можетъ отвѣтить только правительство, по соображенію всѣхъ *общихъ и мѣстныхъ условий*. Всякое указаніе, всякое мнѣніе частнаго лица, являясь отдѣльно, не въ связи со всею массою соображеній долженствующихъ сопровождать этотъ сложный вопросъ, будутъ бесполезны и могутъ только затемнить дѣло. Повторяю, однако, край нуждается въ притоцѣ населенія, но такого которое приходило бы на прочную осѣдлость, а не по паспортамъ, которое было бы исключено изъ списковъ своей губерніи и внесено въ число жителей Кубанской области; словомъ, желательно такое населеніе которое улучшило бы на новомъ мѣстѣ свой бытъ, а не то что объ его участи приходилось бы скорбѣть... При всей обширности нашихъ степей, очевидно, слишкомъ рѣдко населенныхъ, у насъ невозможны

эмиграція на подобіе американскихъ. Полагаю что лускаться объ этомъ въ сужденія и подробности едва ли нужно.

Не малая часть переселенцевъ могла бы, конечно, устроиться и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ въ качествѣ арендаторовъ, и притомъ, по мѣстнымъ условіямъ, не безвыгодно; но сами они уже успѣли заявить себя съ такой стороны что рѣдкій изъ землевладѣльцевъ рискуетъ входить съ ними въ какія-нибудь отношенія. Слова контрактовъ „свято и ненарушимо хранить сіи условія“ для нихъ не имѣютъ почти никакого значенія; своевременной, исправной платы отъ нихъ не ждите, все равно и при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ землевладѣльцевъ, г. К—, отдалъ было свой участокъ (500 дес.) по контракту крестьянамъ-переселенцамъ за дешевую плату и просилъ ихъ только строго исполнять главныя условія: не трогать лѣсную рощицу и не пахать больше разрѣшеннаго числа десятинъ. Пользуясь отсутствіемъ владѣльца, арендаторы распахали вкривь и вкосъ всю землю, истребили рощицу, денегъ не высылали и на по какимъ убѣжденіямъ не хотѣли уйти даже по окончаніи контракта. Кончилось тѣмъ что г. К— долженъ былъ обратиться въ окружный судъ и, послѣ длинной процедуры и многихъ издержекъ владѣльца, арендаторовъ согнали съ земли чрезъ полицію. Таковы у нихъ понятія объ обоюдныхъ добровольныхъ соглашеніяхъ.... Между тѣмъ, тѣ же крестьяне, входя въ сдѣлку, даже словесную, съ какимъ-нибудь Евреемъ-корчмаремъ или кулакомъ изъ своихъ же православныхъ, торгующимъ въ селѣ дегтемъ и веревками, не только не подумаютъ его надуть, но сами попадаютъ какъ мухи къ пауку и даютъ себя высасывать въ конецъ. Вамъ они не заплатятъ по контракту, по самому правильному, свисходительному счету, нароча только какъ бы васъ обойти, а пауку-кабатчику по биркамъ, по черточкамъ мѣломъ на дверной притолкѣ намазанымъ, выплачиваютъ изъ послѣдняго!.. Не спорю, со всякимъ другимъ арендаторомъ можно поладить въ такія же столкновенія, но съ единичнымъ человекомъ легче справиться: предъ судомъ предстанутъ лица болѣе или менѣе въ одинаковыхъ условіяхъ находящіяся; а тутъ, съ крестьянами, „цѣлое общество“, „мы де люди темные, мы де бѣдные, какъ же намъ теперь съ семействами подняться съ мѣста, явите Божескую милость“, и пр. не рѣдко производящее нѣкоторое впечатлѣніе даже на искусившагося въ

сношеніяхъ съ нашими деревенскими дипломатами. Какъ будто они не понимали что контракта нарушать не слѣдуетъ, что залахивать 200 десятинъ когда условились только на 150, и безсовѣстно и незаконно, что не высылать въ срокъ условенныхъ денегъ, когда, слава Богу, хлѣбъ уродился и пошелъ въ хорошей цѣнѣ, неменьше безсовѣстно? Не забудьте что дѣло идетъ не о Воронежской губерніи, гдѣ землевладѣлецъ можетъ-быть какимъ-нибудь инымъ способомъ эксплуатируетъ трудъ или невѣжество крестьянина арендующаго землю; я разказываю о краѣ гдѣ девять десятыхъ частныхъ владѣльцевъ живутъ за сотни, тысячи верстъ отъ своей земли, большею частью на государственной службѣ, никакихъ хсяйствъ сами не имѣютъ, ни въ какія другія отношенія къ крестьянамъ-переселенцамъ не поставленные, кромѣ контракта, всегда болѣе выгоднаго нанимателю, остающемуся на землѣ на полной свободѣ. Я передаю факты и никакой враждебности къ крестьянскому населенію этимъ высказывать не думаю; поддѣлываться и курить оаміамъ кому бы то ни было, минуя всѣ его недостатки, едва ли значить приносить ему пользу; самое лучшее—говорить правду, не заботясь о томъ въ модѣ ли она теперь или нѣтъ. Не отвергаю и того что народъ нельзя строго винить за его дурное общественное воспитаніе, неуваженіе къ закону, къ чужой собственности и т. д., такимъ, помимо крѣпостнаго быта, создали его множество другихъ условій нашего недавняго прошлаго, да и мало хорошихъ примѣровъ имѣлъ народъ предъ глазами; но, тѣмъ не менѣе, всякое его неблаговидное дѣйствіе подводитъ подъ принципъ „невмѣняемости“, говоря что это де „неразумныя дѣти“, тоже неосновательно и едвали полезно въ видахъ улучшенія народнаго воспитанія. Наконецъ, было бы больше чѣмъ наивно требовать отъ частнаго человѣка отказываться отъ своихъ ближайшихъ интересовъ, съ которыми связано благосостояніе его собственной семьи, ради оказанія справедливости людямъ получившимъ де недостаточный надѣлъ. Такого идеальнаго самопожертвованія въ нашъ практическій вѣкъ трудно дождаться и всякіе возгласы на эту тему, дышащіе чуть не готовностью пожѣлаться послѣднею рубахой, въ большинствѣ случаевъ только реторическія фигуры.

Послѣ всего этого лоятно что землевладѣльцы въ Кубанскомъ краѣ большею частью избѣгаютъ входить въ про-

должительныя контрактныя условія съ крестьянами-переселенцами, и здѣсь едва ли когда-нибудь можно ожидать укорененія правильныхъ арендныхъ отношеній, что однако могло бы быть только полезнымъ для обѣихъ сторонъ. Въ этомъ случаѣ Нѣмцѣ-колонисты пользуются гораздо большимъ довѣріемъ, о причинахъ коего излишне распространяться; довольно сказать — они собственники и *откочевать* не могутъ, лучше и усерднѣе работаютъ, меньше празднуютъ, меньше пьянствуютъ и строже держатъ обязательства. Не могу при этомъ не упомянуть еще объ одномъ слухѣ, переданномъ мнѣ на Кубани; при всей его нелѣпости, или лучше именно по его нелѣпости (известно какъ разные нѣлѣпыя слухи быстро распространяются между народными массами и какъ трудно послѣ опровергаются), нельзя не обратить на него вниманія. Толкуютъ что въ скоромъ времени должно послѣдовать распоряженіе по коему всѣ законтрактованныя у частныхъ владѣльцевъ крестьянами земли будутъ оставлены въ ихъ собственность навсегда, а владѣльцамъ отвѣдутъ взаимныя равныя участки гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ... Неужели этотъ слухъ имѣетъ основаніемъ предположенія о старообрадцахъ сѣверо-западнаго края и ихъ арендныхъ отношеніяхъ по циркуляру графа Муравьева? Нельзя не удивляться какъ все проникаетъ въ массы сельскаго люда и какія толкованія народная молва умѣетъ придать весьма справедливому правительственному предположенію, имѣющему свои спеціальныя мѣстныя основанія и цѣли не подлежащія само собою обобщенію. Недавняя статья въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по этому предмету должна бы вызвать подробныя разъясненія, во избѣжаніе легко могущихъ возникнуть заблужденій.

Обращаюсь къ мѣстному сельскому хозяйству; но и здѣсь къ какимъ-либо утѣшительнымъ выводамъ не удастся придти. Если оно будетъ продолжаться тѣмъ же путемъ какъ до сихъ поръ, то пожалуй чрезъ нѣкоторое время богатый Прикубанскій край очутится въ положеніи Новороссіи — нѣкогда житницы, а нынѣ ожидающей пожертвованій въ пользу голодающихъ. Одинаковыя причины должны вызвать и одинаковыя послѣдствія. Нещадное истребленіе лѣсовъ, обмелѣвіе рѣкъ, неумѣлое, хищническое истощеніе почвы, отсутствіе улучшеній въ самомъ производствѣ и многое множество другихъ условій могутъ когда-нибудь горько отозваться и здѣсь,

не смотря на превосходное качество и глубину чернозема, на благоприятный климатъ и самое счастливое географическое положеніе вблизи Чернаго Моря и у большой рѣки. И теперь уже урожаи далеко не тѣ о какихъ разсказываютъ старожилы, и какіе памятные намъ, позднѣйшимъ обитателямъ края; и теперь уже случаются такіе казусы что лошади лезъ, а выросли дѣся бурьяну, и никто не собралъ ни единого зерна, даже сѣмьять. (Такъ было именно въ нынѣшнемъ году.) Между тѣмъ хозяйство поведено такъ что только лезъ и пшеница составляютъ главные, почти единственные продукты сбыта (скотоводство, при обиліи пастбищъ и люкосовъ, могло бы составить значительную отрасль, но главнѣйше изъ боязни падежей въ послѣднее время оно въ упадкѣ), а цѣны на пшеницу и даже лезъ стали падать; Америка явилась въ послѣдніе годы на европейскіихъ хлебныхъ рынкахъ нашимъ конкурентомъ и слушкомъ опаснымъ конкурентомъ, съ которымъ бороться мы не умѣемъ; для этой борьбы намъ нужно производить пшеницу не худшаго качества и продавать не дороже Америки; а можемъ ли мы это дѣлать при теперешнихъ условіяхъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Для примѣра постараюсь вкратцѣ представить картину операціи съ пшеницей предназначенною къ сбыту въ Ростовъ-Донской, операціи совершившейся на моихъ глазахъ.

О распахѣ, посѣвѣ и жатвѣ умолчу; все это дѣлается примитивнымъ способомъ и обходится крайне дорого, не столько вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ вообще, а больше вслѣдствіе недостатка хорошихъ рабочихъ, съ прибавленіемъ множества праздниковъ, прогуловъ и разныхъ неотвратимыхъ климатическихъ и чисто мѣстныхъ прелатствій. Нѣкогда обильные урожаи стали рѣдкостью; большею частью колеблются между самъ-шесть, восемь до десяти, часто бываетъ хуже, но лучше рѣдко; и почву уже успѣли поистощить порядочно, и засухи съ восточными вѣтрами явленіе обычное; влагу поддерживаютъ сильныя росы, вѣроятно благодаря близости моря и снѣговаго хребта, съ ущельями сохраняющими еще пока часть лѣсовъ; объ удобреніяхъ здѣсь никто и не слышалъ, да и вся обстановка такова что еще не скоро до этого доидеть; уже развѣ крайняя, горькая нужда заставитьъ взяться за это средство, до того пройдетъ однако, безъ сомнѣнія, еще не одинъ десятокъ лѣтъ. Наступаетъ осень—начало сентября; главный интересъ дѣла сосредоточивается

на молотьбѣ. Пошли въ ходъ цѣлы, телѣги запряженныя быками или лошадьми, развѣзжающія по разметаннымъ въ степи соломамъ; за тѣмъ подкидываніе лопатами зерна—это наши вѣялки. И хорошо еще если какъ разъ въ это время небо не покроется зловѣщими тучами и дождь не польетъ самымъ коварнымъ образомъ; а то вотъ, кажется, совсѣмъ разгулялось, солнце свѣтитъ такъ ярко, дождь не мысляютъ; раскрываютъ скирдъ, разметываютъ снопы, только-что приступили къ молотьбѣ, какъ грянетъ, какъ польетъ... Скирды и снопы мокнуть, чернѣютъ, прорастаютъ, сколько труда, сколько времени и издержекъ погибаетъ напрасно, сколько уже смолоченнаго хлѣба оказывается сырмъ, требуетъ просушки и неизбежной при этомъ растраты, сколько лишнихъ рукъ нужно и сколько хлѣбъ терлетъ въ качествахъ и цѣнѣ! Наконецъ стали додумываться что молотилки, вѣялки и прочее, вещи очень полезныя; вмѣсто прежняго сомнѣнія, покачиванія головой и гауменія надъ *заморскими штуками*, явилось желаніе обладать ими; но на весь обширный районъ между среднею Кубанью, Лыбой и Бѣлой, обзавелись ими человекъ пять-шесть; да и не мудро. За одну паровую десятицильную молотилку нужно заплатить пять тысячъ рублей, не считая вѣялки, сортировки, сѣялки и др.; но это еще не главное; нуженъ машинистъ, и тутъ-то начинаются бѣдствія. При отсутствіи оборотнаго капитала (у многихъ ли русскихъ сельскихъ хозяевъ овъестъ?) и благоустроеннаго недорогого кредита, добыть отъ пяти до семи тысячъ рублей на приобрѣтеніе машины, дѣло не легкое; однако, въ виду очевидной пользы для дѣла, человекъ рѣшился и, запродавъ „на цѣну“ (то-есть какаа будетъ существовать въ назначенное для доставки время со скидкой 25 к. на четверть) будущую пшеницу, взявъ на четверть примѣрно рублей по пяти задатка, приобрѣлъ машину, уплативъ половину денегъ тотчасъ, съ обязательствомъ внести вторую половину черезъ годъ (за то, само собою, и цѣна взята съ него высшая). Нанявъ тамъ же въ Ростовѣ, по рекомендаціи агентства торгующаго машинами, какого-то Нѣмца, якобы доку своего дѣла, съ жалованьемъ 50 рублей въ мѣсяцъ кромѣ харчей, хозяинъ, волнуемый пріятными надеждами на результаты, долженствующіе вознаградить его рискованныя затраты, слѣшитъ на свою степь, ведетъ ставить молотилку и, благо погода хорошая, скорѣе раскрывать скирдъ, начать молотьбу. Рабочіе на лицо, все готово,

„пускай, съ Богомъ!“ Завертѣлось, затрещало, загудѣло, работа закипѣла, даже вчужь сердце радуется, глядя на эту картину, и развѣ только черствый, эгоистическій житель большого города не пойметъ въ какомъ волненіи, въ какомъ почти восторженномъ состояніи можетъ въ такую минуту находиться сельскій хозяинъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, вдругъ трахъ, что-то закричало, солома перестала вылетать и только приводъ безжизненно вертится. Что случилось? Барабанъ сломался, косо поставили всю машину, валъ неправильно вставили.... Машинистъ конечно не сознается въ винѣ, доказываетъ что изъянъ былъ въ машинѣ; восторженное состояніе хозяина превращается въ негодованіе, въ озлобленіе. Что дѣлать? Вынимаютъ испорченныя части, скачутъ къ станціи желѣзной дороги и съ первымъ поѣздомъ въ Ростовъ. Тамъ одерутъ порядочную сумму за починку или перемѣну испорченныхъ частей, продержатъ нѣсколько дней; а между тѣмъ рабочіе сидятъ безъ дѣла, получая плату и содержаніе, а скирдъ раскрытъ и, къ несчастью, пошелъ дождь.. Однако скоро разведрилось, наладили молотилку, развели пары, пустили въ ходъ и—о ужасъ!—черезъ нѣсколько часовъ та же исторія... (я рассказываю фактъ.) Оказывается что Нѣмецъ, якобы дока, просто шарлатанъ, едва имѣющій понятіе о томъ какъ должно обращаться съ паровою машиною, человекъ у себя въ Vaterland'ѣ служившій, быть-можетъ, кочегаромъ за 7—8 талеровъ въ мѣсяцъ, но въ Россіи, у этихъ варваровъ, пожелавшій получать 50 рублей. Прогнавъ Нѣмца, хозяинъ опять въ Ростовъ, опять починка и расходъ въ 80—90 руб., но этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, посчастливилось, нашелъ другаго машиниста съ рекомендаціями и съ тѣхъ поръ дѣло пошло на ладъ, только погода просто ожесточилась; день, два, ясно, а три, четыре или дождь или подозрительныя тучи; хлѣбъ выходитъ сырой, скирды прорастаютъ такъ что не менѣе 150—200 четвертей пшеницы пропадаетъ, а гуляющіе безъ дѣла рабочіе стобятъ каждый день большихъ денегъ. *

* Недавно я получалъ письмо отъ злополучнаго сельскаго хозяина что все начало октября продолжалась безобразная погода, не дающая возможности молотить и что бго числа случилась опять жемчужковенный кауусъ: во время молотбы упалъ изъ снопа желѣз-

Такъ или иначе, около половины хлѣба въ концѣ сентября было смолочено, провѣяно и хотя отчасти просушено; наступило время отправки; наплаты фуры у ближайшихъ крестьянъ-переселенцевъ по 50 к. отъ четверти, за 35 верстъ разстоянія до Кавказской станціи желѣзной дороги. Допотопные чумацкіе вozy, неуклюже-тяжелые, запряженные парю отаичныхъ воловъ, не берутъ больше десяти мѣшковъ—пять четвертей; укладка неудобная, мѣшки попадаютъ на разныя грядки, протираются, зерно сыплется, покрыть вozy нечѣмъ. Добираются до станціи; нужна протекція, или прямѣе сказать, *два, три рубля* какому-то старшему артельщику въ подарочекъ *за каждый вагонъ*, чтобы не задерживалъ. Пока судъ да дѣло, опять пошелъ дождь и мочить мѣшки; наконецъ даютъ вагоны тоже не крытые, наваливаютъ по 60 четвертей въ каждый и берутъ за провозъ до Ростова, 225 верстъ, по 50 р. за вагонъ; но когда прибудетъ хлѣбъ на мѣсто, не извѣстно; случается простоять вагонамъ нѣсколько дней на мѣстѣ, подъ дождемъ. По прибытіи въ Ростовъ на станцію, съ хлѣбомъ начинается дѣлая новая операція. Нужно доставить его на берегъ Дона къ магазинамъ, разстояніе версты двѣ, но по адской, грязной, ухабистой дорогѣ; нанимаются городскіе дрогаи, то-есть дощевые извозчики, съ платою за каждую четверть отъ 20 до 25 копѣекъ; мѣшки валятся изъ вагоновъ на дроги, рвутся, зерно рассыпается, оказываются недостатки. Привезли хлѣбъ и свалили въ магазинъ; въ первый сухой день нанимаются рабочіе выносить мѣшки изъ магазина, рассыпать хлѣбъ на холсты, посланные на тѣсныхъ площадкахъ для сушки и прогребанія долатами; послѣ того очищаютъ его на установленныхъ тутъ же большихъ рѣшетахъ, опять ссыпаютъ въ мѣшки и несутъ обратно въ магазины. Расходы большіе; дѣло слѣшное, за рабочими рвутся, плата достигаетъ отъ 2 до 3 руб. человѣку въ день; а количество хлѣба уменьшается. Дальше. Причалило каботажное судно къ берегу, начинается переноска или перевозка на ручныхъ тачкахъ мѣшковъ въ судно; если нѣтъ противнаго вѣтра, оно добирается само, или буксируется пароходами до Таганрогскаго рейда, выдѣланный молотокъ, покривилъ оба вала и барабанный аппаратъ; дѣлающую машину не могла работать, а починка въ Ростовѣ стоила 70 рублей. Вотъ что значитъ отсутствіе техниковъ и мастеровыхъ! Какія же тутъ машины заводить, о какихъ улучшеніяхъ думать?..

верстахъ въ 15—18 отъ города, выгружается хлѣбъ въ морской бригъ, новая раструска и расхищеніе; затѣмъ тащится въ Керчь и когла-то еще попадетъ въ Черное Море, пройдя всѣ эти мытарства, нагрузки, перегрузки и раструски, потребовать гибель рабочихъ рукъ, надсмотрщиковъ, прикащиковъ и времени, оказывалась въ концѣ-концовъ все-таки не блестящаго качества. Съ каждымъ шагомъ, на четверть хлѣба нарастаетъ расходъ въ 15—20% начальной стоимости, и во что же обойдется она пока достигнетъ Марсели или Лондона? Начинается съ 6—6¼ руб. платимыхъ на мѣстѣ, въ Ростовъ придется уже въ 8 р., тамъ, прибавивъ всѣ вышеописанные расходы, да наемъ магазиновъ и прикащиковъ (за первые платятъ отъ 4 до 5 тысячъ руб. въ годъ), окажется 9 р., затѣмъ фрахтъ до рейда, перегрузка, опять дальнѣйшій фрахтъ до мѣста, расходы конторъ, пошлины и пр. и пр. Кончатся minimum 12 р. четверть. Не забудьте, одни мѣшки пожираютъ цѣлые капиталы; хорошій мѣшокъ стобать отъ 50 до 70 к. за штуку, а для четверти требуется ихъ два; сколько изъ нихъ рвутся, гниютъ, пропадають при переездахъ и перевозкахъ; одна починка и зашивка значительный расходъ, для этого въ Ростовѣ есть сотни женщинъ получающихъ до 50 к. въ день. Конторы, конечно, не взирая за все это, еще получаютъ свою львиную долю барыша, но производитель, сельскій хозяинъ, оставшійся съ шестью рублями, далеко не въ авантажѣ обрѣтается, и особенно тотъ который не самолично пашетъ и жнетъ, а нанимаетъ рабочихъ. Шесть рублей едва ли покроютъ его расходы и собственное скромное содержаніе; гдѣ же вознагражденіе за трудъ, за лишеніе и безлокойство, гдѣ остатки для уплаты за машины, для ихъ ремонта и вообще улучшеній всей системы хозяйства? О запасѣ на черный день, верѣдкій у сельскихъ хозяевъ, уже и рѣчи быть не можетъ. Между тѣмъ неимѣніе оборотнаго капитала и отсутствіе дешеваго кредита падаютъ на каждую четверть въ видѣ процентовъ на занятые деньги еще не менѣе тридцати пяти копѣекъ. У мелкихъ же хозяевъ, не могущихъ отправлять отъ себя прямо въ Ростовъ свои нѣсколько четвертей хлѣба, являются еще другія невзгоды въ лицѣ разныхъ пройдохъ-посредниковъ, обмѣривающихъ, забирающихъ хлѣбъ безъ денегъ до продажи въ Ростовѣ, и верѣдко приходится ждать платы мѣсяцъ, другой, да и потерять часть.

При всемъ этомъ положеніе сельскихъ хозяевъ въ Кубанскомъ краѣ далеко нельзя назвать окончательно дурнымъ, именно потому что главное мѣстное населеніе, казачье, владѣетъ большимъ количествомъ земли, неся легкую службу и не обременено почти никакими денежными налогами; оно и пользуется относительнымъ благосостояніемъ; но даже и другія такъ-называемыя иногородныя лица, платя незначительную аренду за земли освобожденныя отъ многихъ налоговъ и повинностей, не претерпѣвая пока такихъ неурожаевъ какіе постигаютъ въ послѣднее время наши лучшія хлѣбородныя губерніи, все еще далеки отъ крайности. Но каково же должно быть положеніе мелкаго земледѣльческаго населенія въ другихъ мѣстностяхъ, при гораздо худшихъ условіяхъ и большемъ истощеніи почвы? И какъ должна отзвѣчаться на нихъ такая отсталость въ способахъ производства и сбыта хлѣба?

Но развѣ всѣ эти передраги и издержки неизбежны? Нѣтъ; ихъ почти всѣ можно обойти; и въ Америкѣ, да и во всякой другой странѣ имъ бы удивились не мало. Во первыхъ, слѣдовало бы производить молотьбу, вѣяніе и очистку такъ чтобы хлѣбъ уже на мѣстѣ принималъ тотъ видъ въ какомъ онъ требуется для сдачи на европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ. На мѣстѣ все это гораздо удобнѣе и дешевле можетъ быть сдѣлано самими сельскими хозяевами, чѣмъ въ тѣсномъ, грязномъ городѣ, среди многихъ неудобствъ и расхищеній. Повторныхъ, къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ къ которымъ направляются главные грузы (въ описываемомъ мною районѣ Архангельская) должны быть проведены шоссейныя дороги, о значеніи и пользѣ коихъ во всѣхъ отношеніяхъ—государственныхъ и экономическихъ—было бы смѣшно распространяться. Тогда не приходилось бы платить пятьдесятъ копѣекъ отъ четверти за тридцать пять верстъ, и та же пара быковъ (не говоря о лошадяхъ) запряженная въ болѣе легкой, хотя гораздо объемистѣе, на желѣзныхъ осяхъ фургоны, подвояла бы сто пудовъ вмѣсто пятидесяти и употребила бы половину времени на проѣздъ. Втретьихъ, желѣзнодорожныя управленія должны бы наконецъ быть изведены съ льедестада Юпитеровъ-громовержцевъ до полюбавшей имъ роли представителей коммерческаго предпріятія, осуществившагося только благодаря поддержкѣ и субсидіямъ правительства изъ общественнаго достоянія и для пользы общей,

а не нѣсколькихъ господъ искателей милліоновъ. Ихъ слѣдуетъ обязать имѣть достаточное число грузовыхъ вагоновъ, крытыхъ, или снабженныхъ брезентами; для склада грузовъ не могущихъ быть тотчасъ отправленными должны быть построены крытыя помѣщенія; разный служащій персоналъ не долженъ принимать на себя хмураго начальственнаго вида, не выжидалъ бы поклоновъ и подношеній, а напротивъ былъ бы самымъ любезнымъ, услужливымъ агентомъ публички. Ответственность за порчу, пролажу и несвоевременное доставленіе грузовъ (безъ крайнихъ доказанныхъ причинъ) необходимо гарантировать яснымъ положительнымъ закономъ для руководства судебныхъ установленій; теперь же въ этомъ отношеніи много пробѣловъ и неясностей. Четвертыхъ, вмѣсто того чтобы хлѣбъ доставлялся въ Ростовъ на станцію съ которой его приходится перетаскивать на лошадахъ на берегъ Дона, слѣдовало устроить такъ чтобы рельсы вели прямо къ берегу и грузъ могъ бы изъ вагоновъ перегружаться въ суда. Сколько черезъ это выигралось бы времени и издержекъ? Впятыхъ, тарифъ долженъ быть пониженъ, особенно на перевозку хлѣба; восемьдесятъ пять копѣекъ съ четверти, за двѣсти двадцать пять верстъ желѣзнаго пути, слишкомъ высокая плата. Шестыхъ, очистку Донскихъ гирлъ слѣдовало бы давно взять въ умѣлыя, энергическія руки, а на улучшеніе каботажнаго судоходства и развитіе коммерческаго флота обратить особое вниманіе и не ограничиваться лаллативными мѣрами, и то недавно по частной инициативѣ принятыми, а обратить хоть часть тѣхъ усилій и средствъ какія удѣляются желѣзнымъ дорогамъ. Вседьмыхъ, слѣдовало бы поощрить и даже содѣйствовать учрежденію подходящихъ кредитныхъ учрежденій, изъ коихъ окрестные сельскіе хозяева могли бы получать ссуды изъ шести-семи процентовъ. Всѣ эти мѣры ускоряющія и облегчающія торговлю, значительно сокращающія расходы конторъ ведущихъ заграничный отлускъ, дали бы возможность увеличить цѣну предлагаемую производителю и вообще имѣли бы неисчислимыя благія послѣдствія не только для сельскохозяйственной, но для всѣхъ другихъ отраслей промышленности. Да и осуществиться онѣ могли бы исподволь, конечно не вдругъ, еслибы надъ ними не тяготѣли невѣжество и рутиня, алатія, непривычка къ лочину и многое другое, чему не придумано пока достаточно мѣткого выраженія.

Полагаю что и въ некоторыхъ набросанныхъ мною, стороннимъ наблюдателемъ, чертъ хлѣбной операціи достаточно для убѣжденія что Америка конкурентъ опасный, что наше вѣрованіе въ голодную смерть Европы безъ русскаго хлѣба также отжило свое время какъ и „шанками закупаемъ“; что и требованіе на нашу пшеницу и цѣны на нее могутъ падать вовсе не по исключительнымъ обстоятельствамъ, этому или другому году присутствующимъ, что паденіе можетъ обратиться въ явленіе нормальное, и напротивъ, усиленный спросъ съ повышеніемъ цѣвъ станетъ случаемъ исключительнымъ. Подробное специальное изслѣдованіе всего дѣла само собою выяснило бы эту важную статью гораздо рельефнѣе, можетъ нашло бы гораздо меньше неутѣшительнаго чѣмъ это кажется мнѣ. Сколько помнится, нѣсколько лѣтъ тому назадъ были командированы специалистами во всѣ районы нашей хлѣбной торговли, давно вѣроятно представившіе описаніе своихъ изслѣдованій. Но результаты, результаты?

Мнѣ опять въ правѣ сказать: все это давно извѣстна, избитая вещь; напрасное повтореніе того что или вовсе неслѣдовательно, или вошло уже въ предположенія правительственныя, готовые осуществиться. Я и не выдаю ничего за новое, а именно повторяю давно извѣстное, чтобы не забывалось, и къ тому же не могу увѣряться въ неисполнимости которой-либо изъ уломиваемыхъ мною мѣръ.

Еще чрезвычайно важный вопросъ имѣющій жизненное значеніе не только для Прикубанскаго, но и для всего Северо-Кавказскаго края, это устройство на восточномъ берегу Чернаго Моря порта и проведеніе къ нему вѣтви желѣзной дороги. Толки идутъ объ этомъ уже нѣсколько лѣтъ, выборъ мѣста для порта разсматривался особыми комиссиями, да и для желѣзной дороги, даже отъ Царицына, уже дѣлаются изысканія; но на чемъ дѣло остановилось, какой окончательно пунктъ признавъ удобнѣйшимъ для порта, по какому направленію и откуда пойдетъ вѣтвь желѣзной дороги—ничего неизвѣстно; а жаль: дѣло это заслуживаетъ особаго вниманія, результаты для экономическаго развитія обширнаго края, стоившаго Россіи столькихъ жертвъ, окажутся неисчислимо благотѣльными. Количество пшеницы, льна и шерсти, съ увеличеніемъ народонаселенія, улучшеніемъ способовъ производства и распространеніемъ машинъ, можетъ достигнуть размѣровъ почтенныхъ, а при правильной дешевой

доставкѣ къ Черному Морю выдержать любую конкуренцію. На обильные нефтяные источники и ихъ болѣе правильную разработку для сбыта фотогена въ ближайшіе по крайней мѣрѣ черноморскіе порты предполагаемая желѣзная дорога къ морю тоже не осталась бы безъ полезнаго вліянія. Стоить взглянуть на карту чтобы наглядно убѣдиться въ значеніи порта и желѣзнаго пути къ нему. Выѣсто кружнаго путешествія въ Ростовъ, по Дону, въ Азовское море и Керчь, грузы всего сѣвернаго Кавказа и въ послѣдствіи Прикаспійскаго края попадали бы прямо въ Черное Море, сокративъ почти на половину путь только по одной желѣзной дорогѣ. Къ тому же навигація изъ Ростова возможна развѣ съ марта-апрѣля по октябрь-ноябрь, съ безпрерывными препятствіями, а отъ морскаго порта она не прекращалась бы почти весь годъ.

Говорять, выборъ оставалывается на Туалсе (бывшее укрѣпленіе Вельяминовское). Я не могу входить въ подробности за или противъ этого выбора, не обладая для этого ни достаточными данными, ни спеціальными познаніями; но по отзыву многихъ старожиловъ края и людей достаточно знающихъ и интересующихся экономическими вопросами (а такихъ людей на Кавказѣ, съ тѣхъ поръ какъ тамъ прекратилась стрельба, не малое число) слѣдовало бы отдать преимущество Анапѣ. Къ Туалсе или, какъ еще нѣкоторые предполагаютъ, къ Геленджіку желѣзную дорогу придется вести черезъ хребетъ, встрѣчая множество техническихъ препятствій которыя потребуютъ громадныхъ издержекъ, а зимой, въ горахъ, снѣжные сугробы и завалы непремѣнно будутъ препятствовать правильному движенію, увеличивая расходы на ремонтъ пути и эксплуатацію. Мы уже видимъ примѣръ тому на Поти-Тифлисской дорогѣ, гдѣ сравнительно болѣе отлогія горы и зимы почти не бываетъ (Сурамскій переваль), а движеніе тормозится и грозитъ безпрестанными опасностями. Затѣмъ Туалсе извѣстно сквернымъ лихорадочнымъ климатомъ; даже инженерныя партіи производившія около него изысканія до того переболѣли что не могли продолжать своихъ занятій, и составъ ихъ нѣсколько разъ перемѣнялся. Быть-можетъ со временемъ климатъ могъ бы измѣниться къ лучшему, но сколько это потребуетъ расходовъ и жертвъ, а въ началѣ безъ сомнѣнія отобьетъ охоту у состоятельныхъ коммерческихъ людей основать тамъ свои конторы и склады, безъ чего портъ теряетъ всякое значеніе. До Анапы же желѣзная дорога отъ

какого-либо закубанскаго пункта Ростово-Владикавказской дороги, хотя будетъ нѣсколько длиннѣе, но за то пойдетъ по ровной мѣстности, среди густаго населенія и главнаго производства хлѣба. Анала извѣстна здоровымъ климатомъ, расположена на отлогомъ берегу моря, въ ближайшемъ со-сѣдствѣ съ Керчью, окружена хлѣбородною плоскостью даю-щею всѣ средства для развитія сельскаго хозяйства и ското-водства; она гораздо скорѣе и легче обратится въ населен-ный, торговый городъ чѣмъ Туапсе или Геленджикъ. Вообще разсужденій и толковъ о пунктѣ для будущаго порта на восточномъ берегу Чернаго Моря слышится очень много, но самые осмысленные и убѣдительные сводятся къ Аналѣ. Кромѣ вопроса собственно о портѣ, не менѣе важенъ и во-просъ о связи его съ Каспійскимъ побережьемъ. Очевидно что рѣшеніе продолжить дорогу отъ Тифлиса до Баку (кон-цессія уже выдана Обществу Поти-Тифлисскаго порта) долж-но завершиться продолженіемъ ея черезъ Кубу и Дербентъ къ Петровску, олюсавъ такимъ образомъ Кавказскій пере-шеекъ желѣзнодорожнымъ путемъ; а продолженіемъ отъ Пе-тровска до одной изъ станцій Ростово-Владикавказской до-роги войти въ связь со всею нашею желѣзнодорожною сѣтью; тогда только все предпріятіе приметъ видъ закончен-наго дѣла и весь южный и сѣверный Кавказъ превратится въ область не изолированную отъ Имперіи и ея экономиче-скихъ интересовъ. Люди считающіе вопросъ о такомъ полѣ въ всякихъ сомнѣній сталкиваются только въ вопросѣ о направленіи дороги отъ Петровска. Одни находятъ нужнымъ вести ее по Затеречнымъ Кумыкскимъ и Чеченскимъ пред-горьямъ до Владикавказа, другіе, напротивъ, по лѣвому берегу Терека, черезъ старыя казачьи поселенія, къ станціи П.о-хладной. Къ послѣднимъ принадлежитъ, кажется, большин-ство торговопромышленнаго населенія, опасющагося чтобы путь имѣющій соединить берега Каспійскаго и Чернаго мо-рей не былъ искривленъ въ ущербъ выгодъ товарнаго дви-женія между этими существенно важными пунктами. Если-бы дорога пошла, какъ произведено новѣйшее изысканіе, не по Тереку, а по Суажѣ, то она прорѣзала бы узкую полосу предгорья, покрытую остатками истребленныхъ вѣковыхъ лѣсовъ, среди которыхъ, въ большинствѣ, лежатъ только поляны способныя производить кукурузу, исключительно питающую туземцевъ и не могущую составить ни каче-ствомъ, ни даже количествомъ предмета торговли; еслибы

весь урожай ея безъ остатка, вмѣсто употребленія въ пищу Чеченцами, потребовался на какой-либо рынокъ (предположеніе болѣе чѣмъ забавное), то и тогда достаточно было бы одного дня съ пятнадцатью поѣздами желѣзной дороги чтобъ исчерпать этотъ запасъ груза.. Путь отъ Петровска по Сунжѣ къ Владикавказу напрасно удлинить дорогу на 85 верстъ и поидеть по мѣстности крайне пересѣченной, изрытанной крутыми оврагами и горными рѣчками, требующими капитальныхъ, дорогихъ сооруженій. Да кромѣ того, хоть Кавказъ и покоренъ, повидимому, даже прочно, однако въ случаѣ какихъ-либо политическихъ замѣшательствъ и волненій еще такъ недавно враждебнаго намъ воинственнаго населенія, желѣзная дорога могла бы подвергнуться покушеніямъ крайне опаснымъ для обезпеченнаго по ней движенія. Между тѣмъ, проходя по лѣвому берегу Терека, дорога, сокращенная на 85 верстъ*, тянулась бы по ровной какъ столъ степи, избородженной засѣянными полями, въ такъ-называемыхъ *бурунахъ*, гдѣ рожь, столь необходимая для продовольствія мѣстныхъ войскъ, не знаетъ неурожавъ; эту песчаную полосу, мало изслѣдованную, считаютъ бесплодною, а она питаетъ цѣлый районъ своимъ хлѣбомъ, да рядомъ съ нею тянется и черноземная полоса, обильно производящая пшеницу и другіе хлѣба; ближайшее къ этимъ древнимъ казачьимъ поселеніямъ кочевое населеніе Ногайцевъ богато огромными стадами скота и лошадей; лежащій на пути городъ Моздокъ служитъ единственнымъ пунктомъ значительной мѣнковой торговли съ кочевниками, и съ Затеречнымъ краемъ, и съ Кабардой; значительные виноградники не приносятъ почти никакого дохода, по неимѣнію путей для сбыта, а между тѣмъ, такъ-называемый чихирь, при нѣкоторомъ улучшенномъ производствѣ, можетъ давать прекрасное столовое вино, превосходящее качествомъ многія другія вина. По этому направленію дорога вызвала бы только одно капитальное сооруженіе — мостъ черезъ Терекъ, у станицы Шелковой; но тамъ постоянный прочный мостъ необходимъ во всякомъ случаѣ и, вмѣсто телерешнаго ветхаго, грозящаго обвалиться, желѣзный могъ бы служить и для паровой

* Такое сокращеніе не мало важно для торговли: оно дастъ экономію при грузахъ оплачиваемыхъ $\frac{1}{2}$, на пудъ $3\frac{1}{2}$, а для товаровъ высшихъ сортовъ, при тарифѣ $\frac{1}{12}$, болѣе 6 коп. съ пуда, не говоря о выигрышѣ во времени.

дороги и для обыкновеннаго сообщенія. Всѣмъ этимъ еще не очерчиваются доводы въ пользу направленія желѣзнаго пути по Тереку, а не по Сунжѣ; но и этихъ, сколько ни кажется, достаточно чтобы склониться въ эту сторону.

Такъ или иначе, общее желаніе сводится къ скорѣйшему исполненію столь важнаго во всѣхъ отношеніяхъ для Кавказа предпріятія.

Окончивъ свои дѣла на Кубани, я долженъ былъ проѣхать еще въ свой *уѣздный городъ Майкопъ къ нотариусу*. Вы можете себѣ представить какъ эти простые слова дѣйствуютъ на стараго Кавказца, прошедшаго десять лѣтъ вдали отъ края! *Крѣпость Майкопъ, воинскій начальникъ*, это мнѣ поватно, это въ порядкѣ вещей, но *уѣздный городъ, нотариусъ*, просто странно и какъ будто не свивается въ одно представленіе. Все равно, представить себѣ драгунскій полкъ во фракахъ и съ *charcoal daque* подъ мышками... А между тѣмъ, все это такъ, и уѣздный начальникъ, и казначейство, и нотариусъ, и даже вывѣска: „присяжный вѣреннѣйшій“... Военный элементъ отступилъ назадъ; крѣпостные валы и рвы представляютъ только груду навоза и всякой драны, сваливаемой горожанами; командиръ постоянно квартирующаго здѣсь пѣхотнаго полка уже не альфа и омега всѣхъ общественныхъ отправленій, дѣланій и интересовъ; никто уже не заботится, шурится ли его бровь или улыбка блуждаетъ на устахъ; кромѣ чиновъ своего полка, никому до него дѣла нѣтъ; глаза людей имѣющихъ какія-нибудь дѣла обращены въ сторону уѣзднаго начальника, мирового судьи. Въмѣсто небольшого пространства обнесеннаго валомъ, обставленнаго пушечными жерлами и часовыми, вмѣсто исключительно солдатскаго населенія, между коимъ извѣдка мелькала какая-нибудь чуйка торговца, раскинулось *до безобразія широко* населеніе въ двѣнадцать тысячъ душъ; появилось много кирпичныхъ, подъ желѣзными крышами, домовъ. По своему центральному положенію за Кубанью, на пути въ горныя поселенія, къ Черному Морю, городъ Майкопъ могъ бы современемъ стать, если не значительнымъ торговымъ пунктомъ, то, по крайней мѣрѣ, складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ предметовъ постоянного потребленія окрестнаго населенія и базаромъ для ссылки ближайшими земледѣльцами своихъ хлѣбовъ. Для 12—15 тысячнаго населенія нашлось бы достаточно торговой и ре-

всленной дѣятельности; городъ могъ бы со временемъ попасть въ число хорошихъ жилищныхъ уѣздныхъ городовъ. Но, сколько я могъ видѣть, при такой распланировкѣ и системѣ построекъ какая практикуется въ немъ теперь, городъ вѣчно останется тиломъ всероссійскаго уѣзднаго города, безъ моремъ грязи, покрытыхъ плесенью лужъ, среди коихъ валяются свиньи, безъ освѣщенія, безъ мостовыхъ, безъ канализаціи для отвода нечистотъ, безъ водопровода, безъ остаточнаго обезпеченія отъ любителей чужаго добра. Улицы шире Невскаго Проспекта, площади больше Царицына-луга, участки занимаемые подъ постройку домовъ въ четверть версты длинны, такъ что домъ отъ дома—дѣлѣй переездъ. Откуда жѣ и когда могутъ явиться у Майкопа средства мостить, освѣщать, охранять и содержать въ чистотѣ такія пространства? На это едва ли хватитъ столичнаго бюджета, тѣмъ болѣе что у города нѣтъ пока даже церкви, не говоря о школахъ и другихъ общественныхъ строенияхъ. Да и само заселеніе города тянущимися стадами (развѣ небараны—люди бросающіе свое хозяйство, сколько извѣстно, далеко не скверное, чтобъ идти зря, но какимъ-то нечѣлымъ духомъ, въ Майки, гдѣ будто бы даютъ даромъ земли сколько угодно?...) хлѣболашцевъ, ни къ какому другому занятію способныхъ, не только бесполезно, но, полагаю, даже вредно. Въ этихъ степнякахъ Малороссахъ нѣтъ положительно никакихъ признаковъ городского элемента; не зная никакого смысла, неповоротливые, тяжелые на подъемъ, упрямые, они легко попадаютъ въ сѣти всякаго пройды-кулака; они развѣ въ третьемъ поколѣніи улодобятся горожанамъ, да и то со-вѣтательно, судя по разнымъ Хороламъ, Кобелякамъ и даже самой Полтавѣ. Между тѣмъ, въ своей сферѣ, за плугомъ, ерпомъ и косой или за волами и овцами, они люди полезные и сбивать ихъ на другой луть не слѣдуетъ. Есть свободная земля (но не въ горахъ, а на ласкости), прекрасно; дайте ихъ; дайте имъ прочную сельскую организацію, на общихъ законныхъ основаніяхъ, безъ всякихъ исключеній и извѣній „по мѣстнымъ обстоятельствамъ края“, какъ принято выражаться въ кавказскихъ административныхъ сферахъ; скони болѣвншихъ страстью къ оригинальностямъ то „по военнымъ“, то „по мѣстнымъ“ обстоятельствамъ.

Путешествіе до Майкопа, отъ моего имѣнія версты 80, я совершилъ съ двумя Нѣмцами-колонистами въ ихъ классическомъ фургоначикѣ, мимоходомъ сказать, дьявольски

трескомъ, встрѣчая всю дорогу и почтовые тройки, и одиноч-
ныхъ проѣзжихъ, даже бабъ, совершенно какъ во всякой
другой мѣстности внутри Россіи. Никакихъ признаков
какой-либо опасности, никакихъ предосторожностей и, в
довершеніе мирной картины, до самаго Майкопа верстовы
и телеграфныя столбы съ проволокой. Опять невольно воскри-
чаешь: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Не дальш
какъ въ февралѣ 1863 года я съ казаками былъ въ составѣ
отряда сопровождавшаго новаго Главнокомандующаго Вели-
каго Князя Михаила Николаевича въ его движеніи отъ Ама-
лы по Закубанскому краю до Майкопа. Каждый день на-
двигались подъ музыку пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣ-
ловъ, не умолкавшихъ въ правой дѣлѣ; одинъ день дѣла
дошло до жаркой рукопашной схватки, въ которой наши
шашки не олащали и человекъ сто Черкесовъ, преимуще-
ственно молодежи, поплавились жизнью, усѣлавъ лѣсную по-
лянку своими тѣлами; да и у насъ была изрядная потеря. На
другой день, внезапнымъ нападеніемъ на нашу авангардную
милицію, Черкесы навесили намъ прискорбную потерю, убили
начальника округа мирныхъ Бжедуховъ, полковника Крыж-
Гирея, и нѣсколько почетныхъ туземцевъ около него бы-
шихъ. Двигаясь такъ, отрядъ изъ десяти эскадроновъ драгузъ,
восьми сотенъ казаковъ, пяти баталіоновъ пѣхоты, при 12-
16 кажется орудіяхъ, дошелъ до Майкопа, соблюдая все
военный походный порядокъ движенія. Въ самомъ Майкопѣ
все носило видъ чисто-военнаго стана и ходило въ стружку, в
ежовыхъ рукавицахъ полковаго командира Г—. За укрѣплен-
іе, безъ прикрытія военныхъ командъ, никто не выходилъ
тревоги, вслѣдствіе нападенія мелкихъ шаекъ, были ежечасно
вездѣ и кругомъ преобладало вооруженное человѣчество надъ
единичными штатскими костюмами пионеровъ промышленно-
сти. И вотъ, чрезъ двѣнадцать лѣтъ, картина рѣзко измѣнилась.
Прекрасно, нужно радоваться такой перемѣнѣ. Войска—пионе-
ры, они совершили свою трудную задачу, лопивъ кровью и по-
томъ оттаятую у дикарей страву. Теперь очередь за гражданами;
ихъ задача не требуетъ кровавыхъ жертвъ, но тоже не
легка; имъ нужно преодолѣть немало прелятствій. Нужно
чтобы телеграфными столбами и безопасною ѣздой не огра-
ничивалась перемѣна физиономіи этого благословеннаго про-
родой края. Впередъ, впередъ, движенія, жизни, плодотворной
практической дѣятельности лобольше!...

Покончивъ съ нотаріусомъ, я на другой день отправилъ

обратно и провелъ еще сутки у моего ближайшаго досѣда г. Т—ча, сумѣвшаго въ 12 лѣтъ, на пустынномъ лѣвомъ берегу Кубани, противъ станицы Тифлисской, развести великолѣпный садъ-паркъ, наполненный самыми рѣдкими растеніями, собранными со всѣхъ странъ Европы и Америки, цвѣтами, плодами и овощами всѣхъ возможныхъ видовъ и сортовъ. Хозяинъ придалъ своему саду размѣры и значеніе питомника, могущаго снабдить желающихъ всякаго рода деревьями, виноградными лозами и сѣменами; многіе уже обратились къ нему, поручая самое разведеніе садовъ на своихъ земляхъ, а управленіе Ростово-Владикавказской дороги пригласило г. Т—ча развести на всѣхъ станціяхъ отъ Ростова до Владикавказа небольшіе тѣнистые сады. Вообще, прекрасный садъ г. Т—ча, на который потрачено немало труда и денегъ, содержаніе коего и теперь еще поглощаетъ почти всѣ средства своего владѣльца (у него однихъ ученыхъ садовниковъ изъ Германіи три человѣка), составляетъ весьма пріятное явленіе среди пустынныхъ степей, не говоря что онъ, какъ образецъ и источникъ снабженія, весьма полезенъ для окрестностей. Еслибы только побольше подражателей явилось между казачьимъ населеніемъ! Но для этого нужно прежде опять-таки пробить брешь въ невѣжество и застой...

Концентрируя свои впечатлѣнія и наблюденія, прихожу къ заключенію что велика будущность этого благодѣлительствованнаго природой края; но пока все въ немъ еще *im Werden*, какъ говорятъ Нѣмцы. Дайте ему погуще населеніе, дайте ему побольше школъ, не забывая чрезвычайно важныхъ техническихъ и сельскохозяйственныхъ училищъ; дайте нѣсколько шоссевыхъ дорогъ по главнѣйшимъ направленіямъ къ морю и станціямъ желѣзной дороги; устройте удобный портъ, примите рѣшительныя мѣры къ прекращенію безцѣльнаго истребленія остатковъ лѣсовъ и неменѣе энергическія мѣры и настоянія къ разведенію ихъ на многихъ удобныхъ къ тому мѣстностяхъ; ускорьте, не жалѣя средствъ, образованіе въ станицахъ тѣхъ сравнительно болѣе развитыхъ кружковъ о которыхъ я упоминалъ выше, и вліяніе коихъ въ ближайшемъ будущемъ принесло бы благодѣлительные плоды; усильте и образуйте мировую юстицію изъ людей не только спеціально юристовъ, но и вообще просвѣщенныхъ, безкорыстныхъ и могущихъ понять свою задачу среди населенія привыкшаго къ азіатско-варварскимъ и военно-произвольнымъ обычаямъ, среди населенія которое необходимо съ настоящи-

востью и справедливою строгостью приучать къ гражданской жизни, къ уваженію законовъ, святости и неприкосновенности чужой собственности, нарушаемой нерѣдко вовсе не съ преступною цѣлью похищенія, а просто по какому-то презрительному къ ней отношенію или злорадству. А то отвели вы, напримеръ, подъ дорогу, нѣšto законныхъ трехъ сажень, двойное, тройное количество земли, казакъ этихъ не удовлетворится, онъ оставитъ свой обозъ и залусти 20—30 паръ быковъ на вашу землю, въ траву, въ посѣвъ. И не смѣйте ему запрещать этого; вы рискуете нарваться на безобразнѣйшую ругань и „обиду дѣйствіемъ“. „Кто мнѣ смѣетъ де запретить ласти въ степи скотину гдѣ хочу?“ Разведите огородъ, у васъ по-ночамъ растащутъ всѣ овощи, а посадите сторожа, то онъ не досчитается реберъ; посадите нѣсколько деревьевъ, если не обнесете ихъ высокою оградой, не обезначите бдительнымъ карауломъ, ихъ безжалостно употребятъ, даже безъ особой нужды, по какому-то инстинкту употребленія, не говоря уже о случаѣ когда проходящему мимо вашего насажденія понадобится какал-кабудь лака для лочки воза. Въ Германіи всѣ почти дороги и многія лѣнотныя поля обсажены фруктовыми деревьями дающими обществу или частнымъ владѣльцамъ доходъ; никто ихъ не караулитъ, однако никому тамъ въ мысляхъ не придетъ тронуть фрукты. Если выдается рѣдкій случай, то онъ разсматривается какъ всякое воровство, возможное вездѣ. Попробуйте у насъ обсадить дорогу, не говоря фруктовыми, но обыкновенными деревьями—акаціями, тополемъ (а какъ бы это было хорошо и полезно), вѣдь пропадетъ даромъ весь трудъ: половину посадки истребитъ лущенный безъ присмотра по степи скотъ, другую половину уничтожитъ всякій встрѣчный, если не для нужды, то хоть потѣхи ради! Все это имѣетъ своимъ источникомъ невѣжество, тьму, грубость нравовъ, точно также какъ вѣсократство, ковокрадство, безпросылное пьянство и многія изъ тѣхъ, всѣмъ извѣстныхъ печалей, которыя ждуть солнечнаго луча-избавителя.... А лучъ только въ просвѣщеніи, распространяемомъ не только школой, но и посредствомъ тѣхъ людей которые поставлены въ ближайшее отношеніе къ народнымъ массамъ, въ мировыхъ судахъ, въ священникахъ, въ причетникахъ, въ школьныхъ учителяхъ и пр., для чего сами они должны быть прежде всего людьми достаточно просвѣщенными....

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ЗНАЙ НАШИХЪ!

КОМЕДІА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛУЦА:

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КАРАСЕВЪ.

ТИМОФЕЙ САВЕЛЬЕВИЧЪ ТЕРЕНТЬЕВЪ.

СИЛА ВАСИЛЬЕВИЧЪ СТУПИНЪ.

ТАРАСЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ДОЦАТНИКОВЪ.

ФЕДОСЯ АЛЕКСВЕНА—жена его.

СЕРГѢЙ ТИМОФЕЕВИЧЪ МАЗАРОВЪ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА—жена его.

ИГНАТІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ САМОВАРНИКОВЪ.

ИВАНЪ ИЛЬИЧЪ СТАРКЕВИЧЪ.

НИКАНОРЪ КУЗЬМИЧЪ АНАХОРЕТОВЪ.

СОФЯ ИВАНОВНА КОРЗИНКИНА.

ИСПРАВНИКЪ.

САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ.

РЫЖІЙ

НЕВРАЧНЫЙ } подгородные крестьяне.

ИВАНЪ—сауга Карасева.

ЛАКЕЙ—Мазаровыхъ.

АРТЕЛЬЩИКЪ.

1й ЧЛЕНЪ } Общества улучшенія породъ домашнихъ птицъ

2й ЧЛЕНЪ } и животныхъ.

Одинъ изъ главныхъ мѣстныхъ думъ.

Горожане, хоръ цыганъ.

Мѣсто происшествія—уѣздный, торговый хлѣбомъ, богатый городъ.

т. ехх.

17

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I

(Кабинетъ Карасева: письменный столъ съ изящнымъ приборомъ, шкафъ съ книгами; въ одномъ углу модныя хозяйственныя машины, чучелы домашнихъ птицъ, ковры на полу; топится каминъ.)

КАРАСЕВЪ. *(У стола. Онъ заикается, и сдерживается мастерски.)*

Въ жизни главное дѣло, братецъ, умѣнье пыль пустить, шку задать... Безъ этого, повѣрь, безъ хлѣба насидишься, бу... будь хоть семи пядей во лбу.

СТАРКЕВИЧЪ.

Правда. Да недалеко, вотъ въ адвокатурѣ: сиди, изучай, приводи доводы,—вылетитъ невѣжда, но нахаль, въ бѣлыхъ перчаткахъ, на носу пенске, пустить фейерверкъ трескучихъ фразъ, проническія улыбки и... глядишь, ты остался на мели съ своими доводами, а онъ тяжбу-то выигралъ. Да не въ одной адвокатурѣ, всюду; надо не дѣло дѣлать, а именно морочить людъ честной... Ты правъ, Петрушка.

КАРАСЕВЪ.

По... пожалуйста, братъ... Я прошу тебя, не называй меня этимъ Пе... Петрушкой. Мы, братецъ, не въ гимназіи.

СТАРКЕВИЧЪ.

И глядишь, нахаль въ почетѣ, экилажъ имѣеть, клиентовъ отбоя нѣтъ, а ты сидишь да сидишь кандидатомъ на какія-то должности, которыя откроются, должно-быть, въ жизни будущаго вѣка. Вѣрно, братъ, ей-Богу вѣрно. *(Встаетъ противъ него.)* Такъ какъ, ши... шикъ задавать надо?.. А? Только я тебѣ скажу, ты пересаливаешь. Берегись — этакъ какъ разъ раскусятъ. Такъ пы... пыль надо пу... пускать... А? *(Слѣется.)*

КАРАСЕВЪ.

Смѣйся. А я тебѣ, братъ, повторяю и докажу... Шикъ главное. Что ты такое? Кандидатство получилъ, сидишь

пятнадцать лѣтъ надъ философій, а обезлечилъ ли хоть мало-мальски себя? Какое положеніе пріобрѣлъ въ обществѣ? Позволь спросить.

СТАРКЕВИЧЪ (*ходитъ*).

Да, правда, правда.

КАРАСЕВЪ.

То-то и есть. А я въ гимназіи не кончилъ, а посмотри — всѣ уважаютъ, первое лицо почти-что въ городѣ; губернаторъ у меня обѣдаетъ за-просто, бываетъ здѣсь... А почему? Ужью пылъ пустить; задать, гдѣ надо, шкуру.

СТАРКЕВИЧЪ.

Такъ научи... Всѣ книги въ печь швырну. Я пробовалъ, не выходитъ ничего. Наружность что ли у меня такая? Всякая гадина, глядишь, впередъ, да впередъ, а ты гдѣ-нибудь не-премѣнно сзади. Не представителемъ должно-быть, или не ужью.

КАРАСЕВЪ.

Лучше меня сумѣешь. Стоить захотѣть и не задумываться ни надъ чѣмъ, идти знай, не взирая на препятствія. Отвага городá беретъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

И кандалы третъ, говорятъ.

КАРАСЕВЪ.

Не понимаю. Да имѣй я хоть половину твоихъ свѣдѣній, а бы ми... министромъ былъ давно... Честный человекъ былъ бы. Я и телерь, посмотри, скорѣ васъ ученыхъ выскочу.

СТАРКЕВИЧЪ.

Въ трубу.

КАРАСЕВЪ.

Ну вѣтъ, братъ. Это ужъ погоди, шалишь.

СТАРКЕВИЧЪ.

Какъ же ты это дѣлаешь?

КАРАСЕВЪ.

Да очень просто. Напримѣръ, пріѣхалъ я сюда изъ Петербурга, домъ сейчасъ же нанялъ первый въ городѣ; отдѣлаалъ на свой счетъ; завелъ экилажъ, повара, библіотеку... потомъ....

СТАРКЕВИЧЪ.

На службу поступилъ?

КАРАСЕВЪ.

Сохрани Богъ. Какъ это можно? Теперь я числюсь въ дамскомъ обществѣ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Какъ въ дамскомъ обществѣ?

КАРАСЕВЪ.

Такъ. Въ комитетѣ по благотворительности. И вотъ ты третій день гостишь у меня; видишь какъ я обставился.

СТАРКЕВИЧЪ.

Стало-быть у тебя въ карманѣ все-таки было?

КАРАСЕВЪ.

Шесть съ половиною всего было въ карманѣ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Да какъ же ты могъ приобрести такое положеніе?.. Я вижу ты вонъ и въ губернскомъ городѣ стоишь не на послѣднемъ мѣстѣ. Губернаторъ пишетъ тебѣ: „мой дорогой Петръ Александровичъ“; архіерей просвиры присылаетъ... Какъ же это?

КАРАСЕВЪ.

Также. Началъ съ шестью съ половиною. Гардеробъ былъ. Шестьсотъ рублей еще до сихъ поръ долженъ Шармеру.

СТАРКЕВИЧЪ.

Чортъ тебя знаетъ, послѣ этого. Колдунъ ты что ли?

КАРАСЕВЪ.

Не колдунъ, а..... просто шкуру задать, пыль пустить — умѣю. Вотъ только мѣѣ съ французскимъ языкомъ... Выучилъ діалога, но все робѣешь; надо въ Парижѣ бы пожить полгодака. И потомъ, этотъ проклятый недостатокъ, заикаюсь; говорятъ надо подрѣзывать язычокъ; думаю съѣздить къ Пирогову.

СТАРКЕВИЧЪ.

Не понимаю. Какую тутъ пыль пустишь съ шестью цѣлковыми.

КАРАСЕВЪ.

А я пустилъ... Столбомъ... Глаза всѣмъ заѣлило... Милліонеръ, да и шабашъ. Вотъ это называется умѣе себя поставить. А ты что? Ты просидишь всю жизнь безъ табаку съ своими книгами. Да вотъ что... Хочешь получить отъ

здѣшняго кулечества... Сколько бы тебѣ назначить? Хочешь на первый разъ двѣ тысячи въ годъ? За веденіе тяжбъ, если случатся, разумѣется особо.

СТАРКЕВИЧЪ.

Ты ужь и предо мной начинаешь кажется пыль лускать. Но меня, Петинька, вѣдь не надуешь... Я, братъ, знаю тебя насквозь.

КАРАСЕВЪ.

Па... пари. На чтѣ бы? Ну, на полдюжины шампанскаго.

СТАРКЕВИЧЪ.

Петрушка!

КАРАСЕВЪ.

Прошу тебя... Не называй меня ты этимъ проклятымъ....

СТАРКЕВИЧЪ.

Какъ же ты это устроишь?

КАРАСЕВЪ.

Это не твое дѣло; ты только не мѣшай, молчи. А для начала, вотъ сейчасъ долженъ быть одинъ изъ здѣшнихъ хлѣбо-торговцевъ. Богачъ, братецъ, страшнѣйшій. Одна изъ здѣшнихъ золотыхъ свиней. Я тебя съ нимъ познакомлю.

СТАРКЕВИЧЪ.

Познакомь; но вѣдь я тебя знаю, ты ему врать начнешь, безъ стыда, безъ совѣсти.

КАРАСЕВЪ.

Такъ и сиди со своею совѣстью.

СТАРКЕВИЧЪ.

Это, однакъжъ, любослытно. Хоршо. Идетъ. Представляй.

КАРАСЕВЪ.

Какъ „представляй“? Я его, скота, тебѣ представляю; да еще попрошу сначала у тебя позволенія. Въ этомъ и шикъ... Вотъ, кажется, не онъ ли?

ИВАНЪ (*уходитъ*).

Тарасъ Гавриловичъ Доцятниковъ.

КАРАСЕВЪ.

Прости. Да отчего ты, братецъ, ливреи не надѣнешь? Сколько разъ мнѣ говорить? (*Иванъ уходитъ*.) Вотъ если мнѣ на дѣлахъ удастся устроить дѣльце по закулкѣ и улучшенію скота, тогда, братъ, ты увидишь чтѣ.... чтѣ за птица Кара-

сезъ. Но надо обработать до прїѣзда здѣшняго головы изъ Петербурга, иначе.... Послушай. Я возьму тетрадь, будто тебѣ читаю по-англійски.... Пожалуста притворись что слушаешь.

СТАРКЕВИЧЪ.

Ладно. Валяй.

КАРАСЕВЪ (*читаетъ*).

Раціональ ревюезъ, эндъ сатурдай инвентедъ перфекціонешъ.... (Доцѣтниковъ входить.) А, здравствуйте, высокоуважаемый Тарасъ Гавриловичъ.

ДОЦѢТНИКОВЪ.

Я, надо-быть, вамъ помѣшалъ. Вы занимались чѣмъ-то?

КАРАСЕВЪ.

Нисколько. Это не къ слѣху... Я читалъ англійскую свою статью.... Для иностраннаго журнала одного.... Давно ужъ просятъ, такъ хочу.... Вотъ вчера олять письмо изъ Лондона. А это вотъ дипломъ прислали изъ Нью-Йорка отъ технического общества.

ДОЦѢТНИКОВЪ.

Вы, стало-быть, и этимъ, и сочинительствомъ занимаетесь?

КАРАСЕВЪ.

Поневоля. Простятъ. Дѣла по горло своего, а они тутъ прістаютъ со статьями. Въ русскихъ журналахъ я не печатаю. Не стоить. У меня статьи вѣдь больше спеціальныя, ученныя... Здѣсь не поймутъ. Да вотъ, хоть бы по этому вопросу о скотоводствѣ, сколько я печаталъ, говорилъ, и все безъ пользы. Сначала какъ будто всѣ тебѣ сочувствуютъ, а какъ до дѣла, такъ и на полатынъ. Между тѣмъ въ Лондонѣ, помнишь, при тебѣ я дѣлалъ рефератъ объ этомъ въ обществѣ сельскихъ хозяевъ, меня чуть-чуть не на рукахъ вынесли изъ залы послѣ засѣданія. Плохо еще у насъ все какъ-то прививается.

ДОЦѢТНИКОВЪ.

Такъ.

КАРАСЕВЪ.

Позволь тебѣ познакомить, Иванъ Ильичъ. Это почтенный здѣшний хлѣботорговецъ Тарасъ Гавриловичъ Доцѣтниковъ. Несторъ здѣшняго города; его совѣты я цѣню несравненно выше всѣхъ этихъ теорій вывѣшанныхъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Мы не грамотеи, люди простые, живемъ и думаемъ по старинѣ. Кому конче наши совѣты нужны?

КАРАСЕВЪ.

Еще какъ нужны-то. Мнѣ въ васъ это-то вотъ именно и дорого, Тарасъ Гавриловичъ, что вы смотрите на вещи само... самостоятельно. Я часто думаю: да что жь это, вотъ мы учились въ университетахъ, за границею, члены различныхъ ученыхъ обществъ, читаемъ день и ночь, вы же читаете Псалтирь, да Четь-Минею, а между тѣмъ каждый совѣтъ вашъ, каждое слово—золото.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Эхъ баринъ, сказалъ бы я тебѣ, да боязно, разсердишься.

КАРАСЕВЪ.

На васъ я никогда не разсержусь, Тарасъ Гавриловичъ; со мной, пожалуста, безъ церемоніи.... Что.... что же бы вы сказали?

ДОЩАТНИКОВЪ.

А вотъ что: ты еще былъ въ переломкѣ, а я ужь деньги жавивалъ. Такъ гдѣ вамъ? Вы поживите съ наше-то, потритесь межъ людьми десятковъ шесть, какъ я, и поумнѣете. Нашъ мяли, мяли, только въ стулѣ не толкли; такъ какъ намъ не смекать? Нашъ братъ, господа, что ивой узелъ: олъ бы и не мудренъ, кажись, да крѣпко стянуть.

КАРАСЕВЪ.

Вотъ, братъ, Иванъ Ильичъ, нашъ самородокъ, русскій умъ безъ примѣси. Ты слышишь? Вотъ олъ живьемъ предъ тобой. Съ вами бесѣдуешь, Тарасъ Гавриловичъ, просто вѣдь точно какого-нибудь Тита Ллвіа читаешь.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Не обезсудьте. Правда-то рожкомъ.... А вы, сударь, не знаю какъ васъ величать, служите?

КАРАСЕВЪ.

Ахъ, я не назвалъ вамъ, заговорился.... Это нашъ знаменитѣйшій русскій юристъ, на которомъ такъ-сказать покоятся надежды нашей юриспруденціи. Вы, вѣроятно, слышали, Старкевичъ Иванъ Ильичъ. Олъ контръ-агентомъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

СТАРКЕВИЧЪ (*испугавшись*).

Петрушка. Слушай. Что ты за чепуху повесть?

КАРАСЕВЪ.

Молчи. Мнѣ надо пылъ пустить ему, скотинѣ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Это что же за званіе такое?

КАРАСЕВЪ.

А это новая должность учреждена недавно, какъ въ Америкѣ и Англии. Онъ, видите, обязанъ примирять мнѣнія въ случаѣ разногласія министровъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Карасевъ. Я уйду. Это сидѣть вѣдь нѣтъ возможности.

КАРАСЕВЪ.

Молчи.

ДОЩАТНИКОВЪ.

А въ чинѣ состоятъ какомъ?

КАРАСЕВЪ.

Что жь ему чинъ? Мѣсто же, кажется, втораго класса... Тайнымъ совѣтникомъ ты числишься? Онъ приглашается, изволите видѣть, въ качествѣ посредника въ затруднительнѣйшихъ случаяхъ. Я никакихъ бы денегъ не взялъ.... Отвѣтственность ужасная.

(Дощатниковъ смотритъ пытливо, исподлобья на Старкевича; Старкевичъ конфузится.)

СТАРКЕВИЧЪ.

А вы торгуете?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Хлѣбцомъ, ваше...

КАРАСЕВЪ (*на ухо*).

Пожалуста зовите просто: Иванъ Ильичъ. Терпѣть не можетъ всѣхъ этихъ титуловъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Хлѣбцомъ, милостивецъ, хлѣбцомъ. Цѣны-то конче... Бьешь-ся какъ рыба объ ледъ; только что, какъ стариками заведено, бросить то не хочется, а то на харчи не выберешь. Кака вывче торговля.

КАРАСЕВЪ.

Вотъ бы тебѣ, Иванъ Ильичъ, поговорить министрамъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да; это бы тебѣ большое спасибо изрекли всѣ хлѣботорговцы.

СТАРКЕВИЧЪ.

Но я не понимаю, что же тутъ министерство? Цѣлымъ определяются другимъ....

КАРАСЕВЪ.

Признаюсь, этого никакъ не ожидалъ я отъ тебя, Иванъ Ильичъ. Вотъ то-то всѣ вы государственные люди. Вы лишаете теорію, проекты, сидя въ кабинетахъ. А вамъ бы вотъ съ кѣмъ, съ практиками предварительно, да потомъ ужъ и распорядиться. Какъ же это не дѣло администраціи поддерживать торговлю?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Начальство отступится, откуда же и впрямь намъ, беззащитнымъ, ожидать помощи?

КАРАСЕВЪ.

Онъ просто притворяется; онъ, я увѣренъ, тѣхъ же убѣжденій какъ и я. Да, вспомни, братецъ, что ты говорилъ недавно въ Государственномъ Совѣтѣ? Онъ какъ ихъ рассчиталъ,—былъ приглашенъ для консультаціи по вопросу о податяхъ. Члены туда, сюда; однако видать дѣлать нечего,—примолкли. А онъ бацъ заявленіе помимо комитета... Вотъ жду на дняхъ изъ Петербурга, любопытно чѣ... чѣмъ это кончится.

СТАРКЕВИЧЪ.

Послушай... Ври, да ужъ не черезъ край; вѣдь ты...

КАРАСЕВЪ.

Молчи. Я тебѣ говорю мнѣ надо пылъ пустить ему... Вы будете сегодня въ засѣданіи?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Это на счетъ чего же?

КАРАСЕВЪ.

Да все о скотоводствѣ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Заѣду.

КАРАСЕВЪ.

Что же? Все еще не рѣшается? А я увѣренъ, Терентьевъ сразу приберетъ къ рукамъ это дѣльце; тѣмъ болѣе что онъ

давно торгуешь скотомъ... И посмотрите, всё мы будемъ рабоботать на него...

ДОЩАТНИКОВЪ.

Знаю я прежде тебя Терентьева. Рѣшиться, баринъ, долго ли. Пословица: пять разъ помѣрай, а одинова отрѣжь.

КАРАСЕВЪ.

Конечно. Я вотъ Ивану Ильичу разказывалъ; онъ просто изумляется какъ здѣшнее купечество задумывается. Край дѣлается золотымъ дюмомъ, что называется, а вы, скулая помещику земли у этихъ щегольковъ помѣщиковъ, хозяевами стороны и, разумѣется, миллионерами.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Выгодка, ровно, должна быть. Я смекалъ. Только одно.. Больно ты широко ѣдешь. По моему, закупить бычковъ сотенку, другую споначала, попробовать, а тамъ...

КАРАСЕВЪ.

Но тутъ вся штука въ томъ, поймите вы меня, Тарасъ Гавриловичъ, чтобы сразу выхватить и сдѣлаться монополистомъ; иначе югъ станетъ конкурировать, цѣны собьютъ и мы останемся на бобахъ съ своею сотенкой. Тутъ главное условіе размѣры; тутъ нужно или дѣлать широко, какъ слѣдуетъ, или же бросить и не начинать; второе, стоить ли намъ осушать болота и такъ далѣе для какихъ-нибудь двухсотъ головъ? Я говорилъ недавно губернатору, онъ просто, я вамъ говорю, въ восторгѣ. Это вѣдь вотъ какая вещь... Если, Богъ дастъ, дѣло устроится, такъ вы увидите, бѣлая часть Россіи треснетъ себя по лбу и произнесетъ: „ахъ, чортъ возьми, да какъ же это мы давно не догадались?“

ДОЩАТНИКОВЪ.

Горляченекъ ты, баринъ.

КАРАСЕВЪ.

Я не вижу тутъ никакой горячности.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да, померекземъ. Дяча же, буде.. А пока прощенья просимъ; надо мнѣ лавки пообѣхать.

КАРАСЕВЪ.

До свиданія. Извините что не провожаю... Хочется дочестъ ему свою статейку.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Что за проводы. Счастливо оставаться. *(Уходитъ.)*

СТАРКЕВИЧЪ *(скакиваетъ съ мѣста).*

Что ты, чортъ тебя возьми... Съ тобой вѣдь просто попадешь на связку. Какого ты контръ-агента залустилъ?

КАРАСЕВЪ.

Ошибся, позабылъ... Послѣ ужъ вспомнилъ... Я хотѣлъ сказать юрисконсультъ, а тутъ, чортъ его знаетъ, какъ подвернулось это контръ-агентство. Да это пу... пустаки; не стоить толковать объ этомъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Да какъ не стоить, братецъ? Какъ это врать безмыслицу?

СТУПИНЪ *(выходитъ; Иванъ выгладываетъ изъ-за дверей).*

Что за доклады? Доложить, говорить. Господи помилуй. Доложить... Сила Ступинъ валить къ Петру Александрычу. Вотъ и доложено. Что жъ ты вчера съ обѣда-то уѣхалъ больно рано? То-есть что у насъ было... Мы до пяти утра пролутались... А каменка трещить... Больно ужъ жарко поддали.

КАРАСЕВЪ.

Ты знаешь, я пить много не могу. Потому сегодня у меня пріемный день, докладъ. Я, возвратясь, еще работалъ и, должно-быть, часовъ до четырехъ утра.

СТУПИНЪ.

А ужъ что было... Разцѣти малина! На четверенькахъ вылезали. Игвашка Самоварниковъ что дѣлалъ... Трепака пустилъ, братъ. Это вотъ жаль что тебя не было. То-есть я въ жизнь свою не видывалъ; чортъ его знаетъ,—ругать. И на рукахъ какъ-то, и въ присядку, на латкахъ, колесомъ; колѣвъ, должно-быть, съ тридцать, и посуда, все разное. Вадъ я пласуновъ, а этакой, братъ, вещи, убей, не видывалъ. Ровно вотъ бѣсъ какой, ума помраченіе. Гдѣ ты, говорю, такъ тебя и этакъ, выучился?—„Въ Нижнемъ, говоритъ, у канатчика уроки бралъ, по три съ полтиной за урокъ...“ Ну ужъ и пляшетъ.

КАРАСЕВЪ.

Бе.. Безобразіе. Вотъ, господа, извини за откровенность, въ кутежи вы тысячъ не жалѣете, а подписаться на полезное дѣло просишь, жметесь.

СТУПИНЬ.

Кто? Я жмусь? Я? Это какой-нибудь кащей Доцатниковъ дрожить надъ полколѣвкой. А чтобы Стулины? Я, братъ, какъ есть, весь на ладоху. Гдѣ листъ? Давай.

КАРАСЕВЪ.

Вотъ подпишись на коллекцію общества улушенія породъ домашней птицы и животныхъ.

СТУПИНЬ.

Перо. Ну? Сколько?

КАРАСЕВЪ.

Побольше.

СТУПИНЬ (*разсматриваетъ листъ*)

Веретенниковъ, гляди ты, сто цѣлковыхъ. Экъ вѣдь расшибся, веретено проклятое. Вдвое лишу. Петръ Александрычъ, получай. Вотъ онѣ, летягъ, двѣ радужныхъ; знай нашихъ. (*Встаетъ со стула.*) Слушай, пріѣзжай вечеромъ. Я Самоварникова позову. Чтѣ дѣлаетъ, я тебѣ говорю... Не выдывалъ, сейчасъ издохнуть. Стукнетъ вотъ этакъ каблукѣмъ, чтобъ ему известись, перевернется, да на-отмашь на сажень, коли не болѣ. Вотъ какъ мячъ. Чортъ его знаетъ!

КАРАСЕВЪ (*убираетъ листъ и деньги*).

Вотъ, братъ, за это благодарю. У тебя русская душа, какъ есть. Это ты далъ, братъ, на полезнѣйшее дѣло не только для одной здѣшней стороны, но и для всего отечества.

СТУПИНЬ.

Ты мнѣ не объясняй на чтѣ; тамъ для отечества ли, для чего ли, захочу, лять, десять тысячъ швырну на вѣтеръ; не захочу, будь разлоезное, околѣвай при мнѣ, не дамъ полушки. А этого ты не моги, что Ступинъ жметъ. Не та масть... Мы не Теревтѣевы и не Доцатниковы. Видѣлъ сейчасъ вотъ какъ я жмусь. Ну? И еще увидишь.

КАРАСЕВЪ.

Да будто я тебя не знаю. Позволь вотъ лучше познакомиться... Нашъ гость, пріятель мой Старкевичъ. А это нашъ милѣйшій Сила Васильевичъ Ступинъ.

СТУПИНЬ.

Это очень даже пріятно. Въ гости къ намъ стало-быть? Чтѣ жъ?

СТАРКЕВИЧЪ.

Да вотъ почти мимо вѣхалъ, завернулъ... Ма товарищи съ нимъ по гимназию.

КАРАСЕВЪ.

И по университету.

СТУПИНЪ.

Что жь? Угостимъ на славу. Напоимъ, раскормимъ на убой. Вотъ онъ прѣвхалъ тоже тощій, а пожилъ, вишь, маленько стало поцвѣтатѣе рыло-то.

КАРАСЕВЪ.

Здѣсь воздухъ удивительный. Не петербургскій, братъ.

СТУПИНЪ.

Воздухъ ничего. Ко мнѣ милости просимъ. Отчего же? Пласуна такого покажу; тоже изъ купцовъ, изъ нашихъ, а только, вотъ какъ, я ни у Макарья, нигдѣ не видывалъ, битка! А ужъ вотъ онъ сморозилъ: „жметса“, по сотаѣ, по двѣ, вѣришь, за колѣно плачивалъ. Сейчасъ издохнуть. Потому, первое дѣло, страсть моя трепакъ, а вовторыхъ, знай нашихъ!

КАРАСЕВЪ.

Однако извини, Сила Васильчъ. У меня сейчасъ докладъ.

СТУПИНЪ.

Я уѣду. Загуливать, братъ, сталъ я больно, Петръ Александрчъ. Что жь? Не на чужое. Свои кровныя, родительскія прожигаю. Прощайте, милостивѣйшій государь. Просимъ покорно; безъ всякаго сомнѣнiя. Мы вотъ, какъ сейчасъ насъ видите, всѣ на ладови. У Стулина, лей, вѣшь; шампанскимъ хощь облопайся, даже очень прiятно. Я не Доцатаииковъ скалдыга. Я... У меня, коли гулять, такъ ужъ чтобы все ходенѣмъ. Знай нашихъ! Прощай, Петръ Александрчъ. Заѣзжай вечеромъ.

КАРАСЕВЪ.

Не знаю. Развѣ послѣ застѣданiя. Ты будешь?

СТУПИНЪ.

Всеепремѣяно. Только сначала надо выслаться. На что Игнашка лить здоровъ, а и его скосило. (*Уходитъ.*)

КАРАСЕВЪ.

Ужасный человекъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Угаръ, должно-быть и кутила.

КАРАСЕВЪ.

Кудакъ... Да еще первой степени. Сотню пропьеть, а три воротить съ того же самого съ кѣмъ плясывалъ. Теперь онъ грѣеть руки около Самоварникова, жену его выжилъ изъ дома и обираетъ олухъ. Въ четвертомъ годѣ, говорятъ, недальше, по сорока копѣекъ, шельма, разчиталъ кредиторовъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Гусь, значитъ.

ИВАНЪ.

Софья Ивановна Корзинкина.

КАРАСЕВЪ.

Проси. Какъ она мнѣ надѣла. Это начальница здѣшняго женскаго училища.

СТАРКЕВИЧЪ.

Да, скажи пожалуйста, что ты такое? Градоначальникъ что ли здѣсь?

КАРАСЕВЪ.

Какъ это ты, братецъ, не поймешь? Я просто дѣятель. Но это, согласишь, гораздо поважнѣе для края всякаго градоначальника. Ихъ легіонъ градоначальниксъвъ, а насъ два, три, да и обчелся. Ты думаешь я прежній третьеклассный гимназистъ? Здѣсь по мсей инициативѣ сдѣлано не мало, братъ, полезнаго.

СТАРКЕВИЧЪ.

То-есть, я признаюсь тебѣ, гляжу во всѣ глаза, вижу кажется все ясно, и не вѣрю; не вѣрю глазамъ своимъ. Да ты ли это, Карасевъ?

КАРАСЕВЪ.

Не вѣрь.

КОРЗИНКИНА *(сходитъ)*.

КАРАСЕВЪ.

Здравствуйте, добрая Софья Ивановна. Садитесь.

КОРЗИНКИНА.

Я привезла вамъ показать рисунки классной мебели и фасончики платицъ сочиненные Надеждой Александровной. Дѣти поручили передать вамъ поклонъ и... вотъ, примите, маленькій сюрпризецъ, ихъ собственнаго рукодѣля, конечно дѣтскаго. *(Подаетъ шитье по канѣ для портфеля.)*

КАРАСЕВЪ.

Какъ это мило... Неужели это малютки сами вышили?

КОРЗИНКИНА.

Представьте... Но главное, я даже не знала ничего, по праздникамъ. Достали гдѣ-то вашъ фамильный гербъ, везель. Видите: Р, К, въ лавровомъ вѣнкѣ. Конечно видны ручонки дѣтскія, но все-таки...

КАРАСЕВЪ.

Прелестно. Regardez, Иванъ Ильичъ. Вообрази, нѣтъ года какъ мы начали. Вы просто чудеса творите, Софья Ивановна.

КОРЗИНКИНА.

Не чудеса, но если что-нибудь творится, такъ это ужъ не я, страсть моя творить, а главное ваше содѣйствіе, Петръ Александровичъ. Когда видишь такое вниманіе, знаешь что есть рука готовая поддержать, тогда заботы и труды превращаются просто въ удовольствіе.

КАРАСЕВЪ.

Конечно я желалъ, но безъ содѣйствія начальника губерніи и безъ вашихъ способностей къ дѣлу и усердія я могъ остаться вѣдь при одномъ желаніи. (*Смотритъ рисунки.*) Что жъ? Мебель очень хороша и цѣлесообразна. Фасончики тоже по-моему прекрасны; можно, мнѣ кажется, заказывать. Вотъ только деньги я еще получилъ не всѣ съ подписавшихъ... Да я завду завтра. Сегодня у меня засѣданіе. Нѣтъ ли еще чего-нибудь у васъ?

КОРЗИНКИНА.

Я хотѣла опять безлокоить васъ, Петръ Александровичъ, на счетъ прибавки жалованья. Вы согласитесь, я больная женщина, одна; моихъ помощницъ вы знаете. Ихъ двѣ, но есть онѣ тутъ или нѣтъ; вотъ вся ихъ помощь. Потомъ, какъ директриса заведенія, я уже такъ поставлена что мнѣ нельзя же самой бѣжать на рынокъ или возиться съ ухватами.

КАРАСЕВЪ.

Я знаю; я подыму опять этотъ вопросъ. Вотъ голова нашъ въ Петербургѣ; мы хотимъ чтобы жалованье вамъ платила дума.

КОРЗИНКИНА.

Вамъ стоить одно слово произнести, Петръ Александровичъ, и я утѣрена...

КАРАСЕВЪ.

Но я не членъ вѣдь въ думѣ.

КОРЗИНКИНА.

Да въ городѣ-то вы... Извините меня, мозгъ, такъ-сказать... (Смѣется.) Извините за откровенность... Невольно какъ-то вырвалось... Труды мои вы видите.

КАРАСЕВЪ.

Что отъ меня зависитъ, будьте увѣрены. Прощайте, Софья Ивановна.

КОРЗИНКИНА.

Au revoir. (Уходитъ.)

КАРАСЕВЪ.

Вотъ ханжа. И нахальство-то какое: дѣвочки достаали гадъ-то мой гербъ... Просто швея заказала какой-нибудь на школьныя же деньги.

СТАРКЕВИЧЪ.

Такъ протурить.

КАРАСЕВЪ.

Нельзя, братецъ. Я бы ее давно, да на бѣду назначена-то губернаторомъ. Вотъ, братъ, Иванъ Ильичъ, черезъ какіе преграды и барьеры приходится перелетать у насъ общественному дѣятелю. Это еще цвѣточки; но бороться, напимѣрь, съ городской думой, съ властями, съ этимъ упрямымъ какъ осель Терентьевымъ, не хватить, я тебѣ скажу, никакого ангельскаго терпѣнія. Иногда думаешь: брошу, уѣду, пусть ихъ какъ хотятъ. Съ другой стороны размыслишь: начато столько полезнаго, и все это вѣдь рухнетъ безъ тебя, жаль станетъ какъ-то. Напимѣрь, банкъ, театръ, ка... канализація, все это, такъ-сказать, мои вѣдь дѣтища. И если все это не распустившись сгибнетъ?

СТАРКЕВИЧЪ.

Да если они сами не хотятъ, зачѣмъ же имъ навязывать?

КАРАСЕВЪ.

Ты, братецъ, странно разсуждаешь. Да, возьмемъ Петра Великаго; по-твоему выходить и ему надо было бросить, не производить реформы? Тогда длинныя бороды вѣдь тоже улирались, не желали.....

СТАРКЕВИЧЪ.

Экъ вѣдь куда хватилъ, въ Петры Великіе. Ты говорилъ сейчасъ другое; ты говорилъ: шикъ надо задавать, пылъ лускать; другими словами, ты вѣдь не дѣлао дѣлаешь, а надуваешь кого можно.

КАРАСЕВЪ.:

То-есть, какъ „надуваю“? Если ты хочешь, надуваю. Да; но вѣдь для ихъ же пользы. Да не задай я шагу имъ, скотамъ, развѣ они мнѣ вѣрили бы капиталы? Развѣ я могъ бы стать во главѣ всѣхъ этихъ, безъ сомнѣнія, полезныхъ предприятий? Ты стало-быть меня, братецъ, не помялъ; для пользы человечества и для прогресса я думаю не грѣхъ надуть, да даже обобрать, какого-нибудь сорванца въ родѣ Игнашки Сивоварникова или этого лъавицы и людоѣда Стулина.

ИВАНЪ *(входитъ)*.

Самуилъ Самойлычъ пришелъ.

КАРАСЕВЪ.

Зови.

СТАРКЕВИЧЪ.

Славныя эти словечки, право...

КАРАСЕВЪ.

Какія словечки?

СТАРКЕВИЧЪ.

Да вотъ, „прогрессъ, польза человечества“. Прикрылся ими какъ въ маскарадѣ домино, и обрабатывай свои дѣлашки. Ты, братъ; однако достигъ науку водить за носъ ближняго, и въ совершенствѣ. Не ожидалъ я отъ тебя такой прыти.

КАРАСЕВЪ.

Но, вотъ то-то, ты не хочешь допустить что тутъ есть зередина; можно работать, братъ, въ одно и то же время и для себя, да и для человечества. Ты жилъ и живешь этимъ пресловутымъ че...честнымъ трудомъ. Много ли ты заработалъ?

СТАРКЕВИЧЪ.

Вѣрно, вѣрно, братъ, Петръ Александровичъ. Руку. Я начинаю вѣрить не шутя что я юрикъ-консультъ, или, какъ ты называешь, контръ-агентъ Государственнаго Совѣта.

САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ *(входитъ и опускаетъ голову, молча начинаеть перебирать и разглядывать вещи на письменномъ столѣ)*.

КАРАСЕВЪ.

Ну что, Самуилъ?

САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ.

Ничего.

КАРАСЕВЪ.

Съѣдалъ.

т. сж.

17*

Създалъ?
САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ.

Что жь, будутъ?
КАРАСЕВЪ.

Будутъ.
САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ.
(молчаніе.)

Больше ничего нѣтъ у тебя?
КАРАСЕВЪ.

Ничего.
САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ.

Взялъ ли расписку?
КАРАСЕВЪ.

Взялъ.
САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ.

Хорошо.
КАРАСЕВЪ.

САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ (показываетъ пер-
чинный ножикъ).

Англійскій?
КАРАСЕВЪ.

Да.
САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ (пожимаетъ плечами).

Больше я не нуженъ?
КАРАСЕВЪ.

Покуда нѣтъ.
САМУИЛЬ САМОЙЛОВИЧЪ.

Мое почтеніе. (Уходитъ.)
СТАРКЕВИЧЪ.

Это что за субъектъ?
КАРАСЕВЪ.

Это, братъ, сила и великая.

СТАРКЕВИЧЪ.
Но скромная.

КАРАСЕВЪ.

Не говоривъ, а преспособный человекъ. Я нахожу, полез-
нѣйшій народъ эти Евреи.

ИВАНЪ (сходитъ).
Анахоретовъ.

КАРАСЕВЪ.

Позови. (Иванъ уходитъ.) Извини, братъ Иванъ Ильичъ, я
займусь съ письмоводителемъ. Возьми газету или книгу ка-
кую-нибудь выбери; журналы есть.

СТАРКЕВИЧЪ.

Министръ ты братъ, какъ есть, Петрушка. Докладъ, письмоводитель....

КАРАСЕВЪ.

Сдѣлай милость, братъ.. лакей того гляди услышитъ. Какъ это тебѣ не надоѣло ребячиться.

АНАХОРЕТОВЪ *(выходитъ съ портфелемъ; Старкевичъ садится читать газету).*

КАРАСЕВЪ.

Много бумагъ?

АНАХОРЕТОВЪ.

Бумагъ двѣ всего, а то вотъ счета.

КАРАСЕВЪ.

Что это вы сапоги себѣ не вычистите, Никаноръ Кузьмичъ? Неловко.

АНАХОРЕТОВЪ.

Чистилъ, да.. мараются. Я васъ хотѣлъ просить, Петръ Александровичъ.

КАРАСЕВЪ.

Вѣрно о жалованьи?

АНАХОРЕТОВЪ.

Точно такъ.

КАРАСЕВЪ.

Я вамъ сказалъ что отложилъ до общаго собранія. Я прибавляю вамъ; вмѣсто трехсотъ даю четыреста.

АНАХОРЕТОВЪ.

За это я чувствительнѣйше благодаренъ. Да за прошасето, Петръ Александровичъ.. Вѣдь я безъ мала полгода не получалъ. Тоже пить, вѣсть надо; семья у меня.

КАРАСЕВЪ.

Не проливайте.

АНАХОРЕТОВЪ.

Да чего проливать-то, помилуйте?

КАРАСЕВЪ.

А вѣчно несетъ водкою отъ васъ.

АНАХОРЕТОВЪ.

Эхъ, Петръ Александровичъ. Выпьешь иной разъ съ горя, одурѣть, забыться хочешь. Жена реветъ: „дай денегъ“; ребяташки... Изъ думу-то бѣжалъ бы кажется куда-нибудь.

КАРАСЕВЪ.

Все отъ того что вы безлечны. Возьмите вотъ рублей десять до засѣданія.

АНАХОРЕТОВЪ.

Что же я съ десятью рублями? Задолжалъ; кажется чловѣкъ нѣту въ городѣ кому бы не долженъ. Хоть рублей пятнадцать улатите.

КАРАСЕВЪ.

Слышите: „улатите“? Какъ будто бы я лично долженъ вамъ. Общество, члены вамъ должны, а не я.

АНАХОРЕТОВЪ.

Пожалуйте.

КАРАСЕВЪ *(передая бумажку)*.

Давайте же бумаги. Маѣ некогда.

АНАХОРЕТОВЪ.

Прошеніе губернатору господъ основателей Общества глумленія породъ домашней птицы и животныхъ.

КАРАСЕВЪ.

Хорошо. Читайте. Да садитесь. Ванъ, плетеный стулъ возьмите. Нѣтъ, на коверъ, пожалуста, съ такими салогами....

АНАХОРЕТОВЪ.

Я не на коверъ. *(Читаетъ.)* „Имѣя въ виду....“

КАРАСЕВЪ.

Въ... вѣчно: „имѣя въ виду“. Переимѣните: „принимая въ соображеніе“.

СТАРКЕВИЧЪ.

Похоже будетъ на цензурное предостереженіе.

АНАХОРЕТОВЪ.

Мнѣ все равно, да смыслъ-то пострадаетъ.

КАРАСЕВЪ.

Васъ не спрашиваютъ пострадаетъ или нѣтъ смыслъ. Пожалуста оставьте ваши проаи, а главное, не разсуждайте.

АНАХОРЕТОВЪ.

Извольте. „Принимая въ соображеніе общее движеніе мысли въ нашемъ отечествѣ и благія намѣренія правительства ко введенію рациональнаго хозяйства, нѣсколько жителей города вознамѣрились обратиться къ вашему превосходительству....“

КАРАСЕВЪ.

Богъ знаетъ что такое. Это вы должно-быть въ пьяномъ видѣ нагородили. Просто безсмыслица. Вѣдь я вамъ русскимъ языкомъ говорилъ, главное приударать на потребность времени.

АНАХОРЕТОВЪ.

Это, пожалуй, можно; вотъ хоть тутъ лоскъ благихъ на-
мѣреній.

КАРАСЕВЪ *(стучитъ по столу)*.

Не вставить, а на этомъ основаніи надо просить. Появилъ?
Это невыносимо. Вставляется придаточное, а не главное
предложеніе. Положите; я самъ составляю. Положите же. Что
еще есть? Это ужасно!

АНАХОРЕТОВЪ.

Счеты за кирпичъ на зданіе театра купца Ступина. Про-
вѣрить угоднѣ?

КАРАСЕВЪ.

Послѣ. Вонъ къ тому портфелю.

АНАХОРЕТОВЪ.

Проектъ о приглашеніи персонала для оперы.

КАРАСЕВЪ.

„Проектъ о приглашеніи персонала“. Какъ въ васъ зашла
эта семинарщина. Просто проектъ оперы. И коротко и ясно.
Дайте я подпишу. Прибавили о балеринѣ, я вамъ приславъ?

АНАХОРЕТОВЪ.

Прибавилъ. Вотъ: „необходима также опытная танцовщица
для обученія мѣстнаго балета, а равно и для появленія въ
тѣхъ операхъ гдѣ имѣются танцы“.

КАРАСЕВЪ.

Какой тяжелый слогъ... Неужли нельзя какъ-нибудь по-
игривѣ? *(Подписывается.)*

АНАХОРЕТОВЪ *(указывая пальцемъ)*.

Число-то выставьте.

КАРАСЕВЪ.

Пожалуйста, съ своими лальцами... Даже руки вы никогда
не моете.

АНАХОРЕТОВЪ.

Какъ не мыть? Мою, да потѣютъ, не знаю отчего.

КАРАСЕВЪ.

Пожалуйста, безъ объясненій. Очень мнѣ нужно знать что
у васъ потѣютъ руки. Завтра собраніе; приготовьте переписку
о скотоводствѣ... Вотъ она... И о театрѣ захватите... Возь-
мите же.

АНАХОРЕТОВЪ *(спохватываясь, забираетъ бумагу)*.

Самъ-отъ ты скотъ. *(Уходитъ.)*

СТАРКЕВИЧЪ.

А человекъ не глухой.

КАРАСЕВЪ.

Не презентабеленъ ужь очень и потому невнесешь когда не льянъ.... Пьяный онъ не такъ грубъ; но терплю. Представь, ни одного нѣтъ мало-мальски грамотнаго въ цѣломъ городѣ. Однако три часа; въ четыремы обѣдаемъ. Ну, что ты?

СТАРКЕВИЧЪ.

Да все гляжу на тебя. И.. кажется превращусь въ знакъ удивленія. Ей Богу. Какъ есть миаистръ; даже жутко становится немного, точно въ кабинетѣ какого-нибудь высшего начальника.

КАРАСЕВЪ.

Ты вѣчно съ шутками.

СТАРКЕВИЧЪ.

Не погубите.. ваше высокопревосходительство. А помнишь, въ Петербургѣ, въ номерахъ, ты портсигаръ закладывалъ серебряный? Тоже купилъ было для шуку.

КАРАСЕВЪ.

Ну, это, братъ, такая старина.... Объ этомъ и вспоминать не слѣдуетъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

То-есть, отъ кого хочешь отъ другаго, но отъ тебя, Петрушка, не ожидалъ я ничего подобнаго. При твоей глупости, я думалъ....

КАРАСЕВЪ.

Сдѣлай милость, братъ. Неужли тебѣ ужь никакъ нельзя обойтись безъ своихъ шуточекъ, а главное безъ этого Петрушки? Лакей можетъ подслушать.... Какъ ты это не поймешь? Зови ужь лучше: Пьеръ, если тебѣ такъ трудно произносить Петръ Александровичъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Не трудно; но понимаешь, вотъ взгляну на тебя и... несмотря на твои баки, звѣзду на макушкѣ, взгляну: Петрушка Карасевъ, да и шабашъ. Да я отвыкну, потому, начинаю питать, братъ, уваженіе. Да, да. Безъ всякихъ шутокъ.

КАРАСЕВЪ.

Ты совершенно тотъ же какимъ былъ въ гимназіи. Поѣдемъ-ка лучше прокатимся. Покажу тебѣ новое яданіе те-

атра; почти до оконъ вывели. Потомъ заведемъ въ одинъ домъ... живутъ хоть бы въ столицѣ и хозяйка преавантажная. (*Звонитъ. Иванъ входитъ.*)

КАРАСЕВЪ.

Карету. (*Иванъ выходитъ.*)

СТАРКЕВИЧЪ.

И карета у тебя?

КАРАСЕВЪ.

А ка...какъ же иначе? (*Уходятъ.*)

II.

(Небольшая дамская приемная въ роскошно отдѣленномъ домѣ.)

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА, КОРЗИНКИНА. Входятъ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА (*садясь къ рабочему столику у окна. На столику куклы.*)

Вотъ, здѣсь удобнѣе. Сядемте. Ахъ, не забыть бы. Эти игрушки отвезите дѣтямъ отъ меня.

КОРЗИНКИНА (*жметъ ей объ руку.*)

Милая Надежда Александровна. Вы, просто, ихъ балуете.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я вѣдь сама ребенокъ ... Вы знаете, мы съ мужемъ даримъ другъ друга, чѣмъ бы вы думали? Игрушками. Но, я васъ перебила. Кто же? Кто, главное, противъ него? Чуть не сказала: противъ разума.

КОРЗИНКИНА.

Именно противъ разума... Именно. Какъ вы всегда мѣтко... Да все-съ.... Вѣдь его здѣсь никто не понимаетъ.... Да и кому, кому понять-то кромѣ васъ да Сергѣя Тимофеевича? У васъ вѣдь только одинъ домъ и есть гдѣ интересуются и познаниями, и... Кто же, другіе то-съ? Терентьевъ самодуръ или Ступинъ, но объ этомъ даже говорить-то неприлично. Изъ Самоварниковъ онъ, положительно, сдѣлалъ идиота. Словъ совсѣтъ. Вы видите, Самоварниковъ все-таки принималъ участіе во всемъ... Теперь шампанское, эта мерзавка Леонтьевка, карты... Вообразите, трѣпка пилася третьяго дня въ трамвай. Жена ухнула вѣдь.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да, да, я слышала.. Скажите что у нихъ такое вышло?

КОРЗИНКИНА.

Леонтинку прислаалъ съ визитомъ къ ней. Ну и уѣхала къ отцу и съ дѣтьми... Что же прикажете дѣлать? Она все-таки женщина довольно образованная.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, послушайте, этого не говорите. Она могла все-таки, какъ хотите, имѣть вліяніе; но у ней, я вѣдь ее знаю, одни наряды на умѣ...

КОРЗИНКИНА.

Это есть-съ. Есть, нечего грѣха таить. Кокетка-съ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ужасная. Помните, съѣздъ юристовъ былъ. Что она выдѣлывала! Мы со стыда сгорѣли. Вѣдь она просто рыскала за этимъ... Какъ его? Товарищъ прокурора.

КОРЗИНКИНА.

Знаю-съ. А ея декольте, изволите припомнить на именинахъ Петра-то Александровича?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да, да. Какъ же не помнить этого?

КОРЗИНКИНА.

Да-съ... Грустно за Игнатъя Игнатьевича... Старинный домъ, извѣстнѣйшій... Да и въ самомъ въ вѣкъ много вѣдь хорошаго.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Еще бы. Держи она себя иначе, онъ бы никогда не позволилъ себѣ... Признаюсь, я порадовалась, говорятъ Ступинъ и онъ сошлись, наконецъ, съ Петромъ Александровичемъ?

КОРЗИНКИНА.

Сошлись, но, вы спросите, чего это и стоило Петру Александровичу. Онъ говорилъ мнѣ... Онъ долженъ былъ кутить съ ними... Кроме уже того что пить онъ не можетъ, вы посудите какво должно быть грезному, съ возвышеннымъ умомъ, порядочному челоуѣку въ такой компаніи.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я воображаю. Какое, однакожь, самопожертвованіе.

КОРЗИНКИНА.

Не маловажное-съ. Но надо же было еласти этого бѣднаго Игнатя Игнатьевича. Вѣдь это пьянство, тройки, Цыганъ изъ Москвы выписалъ; паденіе паденіемъ, но и расходы-то, возьмите; какъ ни богатъ онъ, но вѣдь все на его счетъ... Хоть бы Цыганъ-то выписать? Это чего-нибудь да стоить. Стулья, сдѣлайте милость, притворяется гулякой, но не расшибется, гдѣ не предвидить выгоды.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Разумѣется. Такъ тратить — неостанетъ никакого состоянія.

КОРЗИНКИНА.

Грустно, очень грустно. Надежда Александровна, я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой. Не будете ли вы благосклонны, не поговорите ли на счетъ прибавки мнѣ содержанія? Все дорого; я безъ прислуги; а, сами посудите, какъ директриса заведенія я уже такъ поставлена что.... И родители прѣдутъ, и инспектора, надо принять, имѣть все-таки обстановочку. Довершите. Вы начали, такъ помогайте.. Вы отступитесь,—къ кому же мнѣ?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ну, ну, пожалуста. Положимъ найдутся люди и безъ меня.

КОРЗИНКИНА.

Да кто-съ? Позвольте узнать? Кто у насъ кромѣ насъ истинно образованные? Назовите. Къ вамъ идешь прямо съ горемъ и радостью, знаешь что всегда найдешь сочувствіе. Потешь, блаженностию считаю заавить объ этой новой наддиректрисѣ, выписанной изъ Москвы. Мнѣ она, признаюсь, сначала уже не понравилась, но я смолчала, можетъ-быть, думала, ошибаюсь....

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что же? Что жь они?

КОРЗИНКИНА.

Неблагонадежна-съ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что вы?

КОРЗИНКИНА.

Къ крайнему моему прискорбію.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вотъ неугодно ли полагаться на рекомендацію. Вы говорили Петру Александровичу? Вообразите, ему тоже она почему-то не нравится.

КОРЗИНКИНА.

Не говорила еще... Но у него глазъ вѣрный... Главное, съ дѣтьми за панибрата... Потомъ, ни уваженія ни къ положенію лица, ни наконецъ къ дѣтамъ. Поймите, лично мнѣ не нужно, но если я уже поставлена во главѣ заведенія, я поневолѣ должна требовать.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Еще бы.

КОРЗИНКИНА.

Я уже не говорю въ отношеніи меня, но вотъ это какъ вамъ понравится? Петръ Александровичъ захаялъ, какъ-то, посмотрѣть новаго учителя исторіи; посидѣлъ въ классѣ, входилъ въ рекреационную; она тутъ съ дѣтьми, читаетъ имъ.. Петръ Александровичъ заговорилъ съ нею, о томъ, о семь.. наконецъ, рѣчь зашла о воспитаніи. Она ей совѣтуетъ прочесть одно, другое, наконецъ, вѣроятво, въ разсѣяніи мыслей какъ-нибудь: „вотъ, говорить, еще есть замѣчательная вещь о воспитаніи Дюмонъ-Дюрвиля...“

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какъ... Дюмонъ-Дюрвиля?

КОРЗИНКИНА.

Она хотѣла сказать что-нибудь другое, но, просто ошибся... Что жъ мудренаго, когда у человѣка столько проектовъ, предпріятій въ головѣ? Она, вообразите, вдругъ какъ фыркнетъ... Нагдѣвахъ-то у дѣвочекъ. Скажите, можно ли такъ дѣйствовать? Ужъ лучше замѣть почтительнымъ образомъ: „не изволили ли, молъ, вы ошибиться?“ наконецъ, смолчи: мало ли какъ можно, но захохотать! Петръ Александровичъ почетный членъ нашъ, человѣкъ заслужившій всеобщее уваженіе.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вы ей замѣтили послѣ, разумѣется?

КОРЗИНКИНА.

Какъ же не замѣтить. Я къ этому-то и веду... Выговорила я ей, и, вдругъ, она мнѣ отвѣчаетъ... Какъ бы вы думали, что?—Я, говорить, васъ прошу, мадамъ Корзинкина,—вопер-

выхъ, у меня есть имя,—сказать monsieur Карасеву, чтобъ онъ не мѣшался въ дѣло воспитанія... Меня, знаете, такъ всю, совершенно, варомъ обдало.—Какъ? говорю. Чтò такое? Почему?—Да, очень просто, говорить, потому что онъ ничего въ этомъ не понимаетъ. Какъ вамъ это нравится? Это Петръ-то Александровичъ? И потомъ: „monsieur Карасевъ“. Какъ будто она говоритъ о какомъ-нибудь студентѣ, своемъ пріятелѣ. Это нашъ, высокоуважаемый-то всѣми Петръ Александровичъ, для нея, изволите видѣть, есть не чтò иное какъ „monsieur Карасевъ“...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Послѣ этого, ее нельзя терпѣть одного дня въ училищѣ... Послѣзавтра совѣтъ; я просто попрошу членовъ заставить эту госпожу удалиться.

КОРЗИНКИНА.

„Monsieur Карасевъ.“ Я цѣлый день проплакала. И знаете, главное за кого мнѣ стало грустно, это за васъ, за васъ, Надежда Александровна. Чтò жь это, думаю? Вы ее выписали на свой счетъ, облагодѣтельствовали, и чѣмъ же за это платится?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

И какъ не грѣхъ рекомендовать? Мнѣ ее навязала одна московская знакомая.

КОРЗИНКИНА.

Неблагонадежна-съ... Позвольте мнѣ вамъ поклониться; хочется застать классы. Сидишь, говоришь съ вами, а въ голѣвъ-то все: а что-то у меня тамъ, чтò въ школѣ дѣется?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Возьмите же эти бездѣлки. (*Звонитъ. Входитъ лакей*.) Уложи это въ какую-нибудь картонку. Заложила карету?

ЛАКЕЙ.

Готова карета; у подъязда. (*Уходитъ*.)

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Онъ вамъ подастъ въ карету.

КОРЗИНКИНА.

Милая, дорогая Надежда Александровна... Позвольте мнѣ васъ крѣпко, крѣпко поцѣловать. Вы, просто, ангелъ характера! Когда же васъ увидѣть дѣтъ? Видѣть у нихъ праздникъ,—вы увидите?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

На дняхъ заѣду... Au revoir, добрѣйшая Софья Ивановна. Поцѣлуйте малютокъ.

КОРЗИНКИНА.

Mes compliments a votre mari. Пріѣзжайте. (*Уходитъ.*)

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Непрѣменно. Славная старушка, а ужъ для заведенія кладъ просто, кладъ.

МАЗАРОВЪ, КАРАСЕВЪ, СТАРКЕВИЧЪ. (*Входятъ.*)

Милости просимъ... Не угодно ль?

КАРАСЕВЪ.

Позвольте вамъ представить, Надежда Александровна, мой товарищъ по университету, нынѣ же юрисконсультъ Государственнаго Совѣта, Иванъ Ильичъ Старкевичъ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Очень рада.

КАРАСЕВЪ.

Я вамъ уже имѣлъ честь говорить о немъ. (*Цѣлуетъ руку.*)
Et votre santé, madame?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Merci. Мнѣ лучше. Садитесь. Я думаю, вамъ послѣ столицы не совсѣмъ весело въ нашей глуши?

СТАРКЕВИЧЪ.

Напротивъ. Я люблю провинцію. Потому вашъ городъ необыкновенно живописенъ; рѣка и вообще окрестности прекрасныя.

КАРАСЕВЪ.

Окрестности дѣйствительно, но... нуль парле францизманъ... народонаселеніе...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да, ужъ населеніе-то...

МАЗАРОВЪ.

Этимъ не можемъ похвалиться.

КАРАСЕВЪ.

Да вотъ какъ: не будь вашего дома, васъ, я бы бѣжалъ отсюда. Вѣдь если что-нибудь проведено полезное, это, я прямо говорю тебѣ, только благодаря вотъ имъ.

МАЗАРОВЪ.

Да вѣтъ, вѣдь, видишь; Петръ Александровичъ прѣвѣщаетъ годъ тому назадъ, сдѣлалъ намъ честь, посѣтилъ насъ, и мы какъ-то, съ перваго же раза другъ друга поняли. Вижу, человекъ совершенно безкорыстно желаетъ дѣйствовать. Что жъ, говорю? Давайте понемногу. И вотъ, какъ видите, втроемъ, онъ, жена моя и я, безъ шума начали. Сначала, дѣйствительно, было трудно, всѣ на дыбы. Однако, черезъ полгода, одинъ, другой пристаалъ и, посмотрите,—строится театръ, двинуть вопросъ о банкѣ, начата канализація. Все это началось, задумано вотъ въ этой комнаткѣ. Вѣдь, послушайте, я такъ разсуждаю: если мы, люди съ нѣкоторыми средствами, не будемъ содѣйствовать, тогда нечего толковать о движеніи впередъ, о прогрессѣ; тогда наука, знаніе, энергія,—все это будетъ неприменимо, обратится въ лустозвонство, фразы, фантазія.

КАРАСЕВЪ.

Все это такъ, но много ли, позволь тебя спросить, Сергій Тимоѣевичъ, много ли у насъ въ Россіи людей со средствами которые такъ думаютъ, какъ ты? Одинъ, можетъ-быть, два, да и обчелся.

МАЗАРОВЪ.

Къ несчастію, да; правда.

КАРАСЕВЪ.

То-то и есть. На вѣдомъ безлюдѣ и дѣйствуй тутъ, колотись лбомъ въ стѣну.

МАЗАРОВЪ.

Такъ ужъ и не толкуй о прогрессѣ, о цивилизаціи... И сица, да набивай себѣ карманъ.

КАРАСЕВЪ.

Отчего же у насъ наука-то и процвѣтаетъ въ однихъ отчетахъ?

СТАРКЕВИЧЪ.

Да въ рѣчахъ произносимыхъ на трехтысячныхъ обѣдахъ.

КАРАСЕВЪ.

Да, поѣсть здоровы. Еслибы получать хоть десять процентовъ съ каждой кулебяки и уха съѣдаемыхъ въ любезномъ нашемъ отечествѣ, можно бы, мнѣ кажется, прокормить полъ-Европы.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Грустная истина.

СТАРКЕВИЧЪ (*Мазарову*):

Ну что же вашъ вопросъ о скотоводствѣ?

МАЗАРОВЪ.

Да-съ. Вотъ не угодно ли?.. Слѣшкомъ полгода толкуемъ и до сихъ поръ никто на съ мѣста. Своей-то собственной пользы никто не понимаетъ.

КАРАСЕВЪ.

А почему? Ново, широко. А они привыкли вращаться какъ бѣлка въ колесѣ... Рутиня: „такъ заведено, этого сроду не бывало“. Вотъ возраженія! Да нѣкогда Адамъ и Ева ходила безъ перчатокъ,—что называется, какъ мать родила,—такъ и намъ не прикажете ли раздѣться?

МАЗАРОВЪ.

Ретроградство страшное.

КАРАСЕВЪ.

Непроходимое. Теретьевъ упирается, я еще понимаю; онъ, разумѣется, боится конкуренціи; самъ гуртовщикъ и неминуемо теряетъ.

МАЗАРОВЪ.

Да и Теретьевъ... Повѣрь и у него главная причина—ревность.

КАРАСЕВЪ.

Надежда Александровна, j'espère, вы посвѣтите завтра мою импровизованную оперу? Афишу получили?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да. Можетъ-быть.

КАРАСЕВЪ.

Нѣтъ ужъ не можетъ-быть, а непременно. *Фрейшицъ* и съ новою декорациею Волчьей Долины; бенгальскіе огни... Словомъ, какъ говорится въ провинціальныхъ объявленіяхъ: съ великолѣпнѣйшимъ спектаклемъ. Число чертей утрово.

МАЗАРОВЪ.

Послаи ложу Доцатникову съ Федосеей Александровной.. Чертями ты ее утѣшишь.

КАРАСЕВЪ.

Онъ мнѣ не можетъ простить постройки новаго театра. А она иначе меня не называетъ какъ фармасономъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Гдѣ же ты досталъ лѣвцовъ? Здѣсь трѣхла драматическая?

КАРАСЕВЪ.

Не спрашивай. Богачъ на деньги, голь на выдумки. У меня все залѣас; въ хорѣ персоналъ смѣшанный; тутъ и солдаты, и пономари. Хотѣлъ даже Анахоретова нарядить Саміелемъ, да не согласился.

МАЗАРОВЪ.

А къ нему шла бы эта роль.

КАРАСЕВЪ.

Ра... Parfaitement.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Только пожалуй загорится подлѣ бенгальскихъ-то огней; очень ужъ наспиртованъ.

КАРАСЕВЪ.

Опасно точно-что... Сергѣй Тимошеичъ, могу я тебя просить на пару словъ. Намъ дѣло надо порѣшить и поскорѣе о скотоводствѣ. Говорятъ этотъ бурлакъ Терентьевъ изъ Петербурга возвращается. Надежда Александровна, veuillez nous excuser... Иванъ Ильичъ, я, братъ, надѣюсь, ты не заставишь скучать Надежду Александровну.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Лишь бы имъ не было со мною скучно.

СТАРКЕВИЧЪ.

Помилуйте.

МАЗАРОВЪ.

Пойдемъ въ мой кабинетъ. *(Карасевъ и Мазаровъ уходятъ, взявшись подъ руку.)*

СТАРКЕВИЧЪ.

Я не узнаю своего стараго товарища... Когда онъ это успѣваетъ? И театръ, и скотоводство, банкъ...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да; удивительная энергія. Будь этотъ человѣкъ, я часто думаю, въ Америкѣ гдѣ-нибудь, въ Англіи... Чтѣ бы это было? Видь онъ бы просто совершилъ переворотъ какой-нибудь, чудесъ надѣлалъ; но у насъ, при нашей общей апатіи...

СТАРКЕВИЧЪ.

Да-съ, но мнѣ кажется онъ слишкомъ многого требуетъ отъ здѣшняго общества. Человѣкъ пріѣхалъ Богъ знаетъ откуда, начинаетъ рыть улицы, ломать дома, строить, закладывать банки... Первый вопросъ: да кто онъ? Можно ли ему довѣриться? Чтѣ жъ удивительнаго, если является сомнѣніе?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Послушайте; вѣдь это видно сразу всякому кто, разумеется, нѣсколько... Да вотъ мы съ мужемъ... Намъ никто его не рекомендовалъ, но право, съ перваго же раза, я не знаю почему, мы такъ сошлись какъ будто вѣкъ были знакомы.

СТАРКЕВИЧЪ.

Ну да-съ... Но вы здѣсь не примѣръ... Вы жили въ свѣтѣ, знаете людей. Но прочіе-то...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Правда. Ихъ можно извинить. Согласна; хотя мотивы къ извиненію для нихъ не совсѣмъ лестныя.

СТАРКЕВИЧЪ.

Это другая рѣчь. Но все-таки онъ черезчуръ нетерпѣливъ; годъ вѣдь какой-нибудь всего какъ онъ сюда пріѣхалъ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, ужъ позвольте въ этомъ случаѣ мнѣ заступиться за вашего пріятеля. Его терпѣваю, его снисходительности нужно изумляться. Чтѣ онъ перенесъ отъ одного Терентьева. Помилуйте, да это просто мученикъ. Да будь я на его мѣстѣ, я бы бѣжала безъ оглядки, увѣряю васъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Да, провести что-нибудь дѣльное и въ столицѣ... Еще онъ находчивъ, но я вамъ про себя скажу, я просто, несмотря на нѣкоторыя свѣдѣнія, не умѣю. Неучъ, нахалъ какой-нибудь, глядишь, идетъ впередъ, а ты.. сидишь.

(Карасевъ и Мазаровъ слѣдятъ.)

КАРАСЕВЪ.

Вѣрно хандрить опять? Такъ и есть. Ну, продолжай же... „Сидишь“? Это онъ называетъ сидѣть, безъ пользы видите, стоять-то во главѣ всей такъ-сказать административной махинаціи? На твоѣй должности, братецъ, столько можно дѣлать что... Да ты и дѣлаешь. Я тамъ не буду говорить о томъ чтѣ сдѣлано тобою для Россіи, но вотъ ты далъ намъ слово помогать въ этомъ предпріятіи, полезнѣйшемъ не только для отечества, а даже для Европы.

СТАРКЕВИЧЪ.

Въ какомъ?

КАРАСЕВЪ.

Да улучшения породъ домашней птицы и животныхъ. Ты шутишь этимъ? Вотъ тебѣ ужь дѣло, да еще какое, братъ. Это ужасный человекъ, Надежда Александровна. Вдругъ захандрить: и бесполезенъ онъ, и не у дѣла. (*Хлопаетъ его по плечу.*) Дай Богъ, братъ, намъ побольше такихъ бездѣльниковъ какъ ты. Однакожь ѣдемъ. Вашу ручку, Надежда Александровна. До свиданія, въ Волчьей Долинѣ. Ложа дирекціи и самъ антрепренеръ à vous servir. Adieu, mon cher.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

До свиданія. Я очень рада случаю. Какъ-нибудь откушать къ намъ.

КАРАСЕВЪ.

Пріѣдемъ.

МАЗАРОВЪ (*шопотомъ*).

Послушай... Петръ Александровичъ... какъ хочешь, надо бы отъ города обѣдѣть... такое важное лицо.. Вѣдь онъ насъ назоветъ просто невѣждами.

КАРАСЕВЪ.

Пожалуста. Никакихъ овацій... Терпѣть не можетъ... пойми, онъ сохраняетъ подлѣйшее инкогнито.

МАЗАРОВЪ.

Но мы вѣдь такъ и сдѣлаемъ скромно..

КАРАСЕВЪ.

И не думай. Если хотите его выгнать, дѣлайте. Это, я тебѣ скажу, скромность воплощенная. Да впрочемъ, братъ, таковы всѣ люди истинно полезные.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Au plaisir. Мы надѣмся, вы вѣдь побудете у насъ?

СТАРКЕВИЧЪ.

День, два.

КАРАСЕВЪ.

Те, те, те. Ну вѣтъ, голубчикъ. Раньше двухъ недѣль не выпустимъ. Этого ты и не думай. (*Старкевичъ раскланивается; Мазаровъ идетъ проводить.*) Возвѣсь. Какъ ты это вдругъ даму оставляешь одну.

МАЗАРОВЪ.

Вѣтъ, ужь позвольте проводить васъ.

(*Всѣ исключая Надежды Александровны уходятъ.*)

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вотъ это люди.... Вотъ такое общество другое дѣло. Чувствуешь какъ развиваешься.... А съ этими Стуливыми и компаніей, можно просто превратиться, по Дарвину, олять въ орангутанга. Не шутя.

МАЗАРОВЪ *(возвращается)*.

Должно-быть голова, умаща... Ни у кого вѣдь не былъ... Первый визитъ къ намъ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ахъ Боже мой, да у кого же быть-то? У этого невяжи Стулина или у Доцатникова? Да къ нему, я думаю, и не пролѣзешь между мѣшками и кулями. Послушай, Serge, какъ хочешь, ты устрой скорѣе это скотоводство. И непременно при Старкевичѣ. Мнѣ хочется чтобъ онъ зналъ что инициатива идетъ отъ насъ... Душенька, дай слово мнѣ. Да? Да говори же... Да? Устроишь?

МАЗАРОВЪ.

Но, послушай, Nadine, это дѣло денежное. Нельзя же кидаться изъ того что вотъ де мы каковы. Начать не долго, но нельзя же наобумъ рисковать капиталомъ. Я постараюсь, посмотрю, подумаю.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

И послѣ этого вы комерсанты. Ты посмотри въ Америкѣ, въ Парижѣ мы были, въ Лондонѣ... Тамъ не задумаются...

МАЗАРОВЪ.

Такъ, но все-таки пойми...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да чего жь тутъ понимать-то? Ну, устрой, мнѣ хочется видѣть тебя во главѣ. Пожалуйста, Serge. Если тебѣ жалъ своихъ, я напишу лала, онъ не откажетъ, я увѣрена.

МАЗАРОВЪ.

Зачѣмъ же писать? Мы подумаемъ. Я вѣдь не прочь, но понимаешь...

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢИСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Кабинетъ Мазарова.—Вечерь.)

МАЗАРОВЪ, СТУПИНЪ, ДОЩАТНИКОВЪ, САМОВАРНИКОВЪ (сидятъ).

ДОЩАТНИКОВЪ.

Эдакія деньги... Шутка ли? Больно машистъ. Вынь да положи ему шестьдесятъ тысячъ на обзаведеніе.

МАЗАРОВЪ.

Гакъ вѣдь безъ этого, вы согласитесь, Тарасъ Гавриловичъ, и начинать нельзя. Послать надо сейчасъ агента въ южныя губерніи задатки дать, нанять заблаговременно погонщиковъ; теперь на мѣстѣ, здѣсь, для осушенія луговъ нужны рабочіе. Вѣдь, если начинать, мѣшкать-то нечего; съ весны надобно приступать къ работамъ.

СТУПИНЪ.

Что говорить. Мѣшкать нечего. А страшно. Чортъ его знаетъ. Какъ да втялаемся?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Что?

СТУПИНЪ.

Какъ втялаемся, я говорю, дѣдъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

То-то. Вотъ эта вещь. Дѣло повидимому выгодное. Буде мало-мальски Господь пошлетъ, полтина на рубль вѣрная.

СТУПИНЪ.

Вдругъ-то оно выдать боязно.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Что?

СТУПИНЪ.

Я говорю, вдругъ-то страховито.

САМОВАРНИКОВЪ (Мазарову).

Вотъ, братъ Сережа, любопытная бесѣда. На нихъ должно быть на обоихъ столбикъ нашель.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Что же я и толкую. Вынь да положи, вотъ эта вещь-то. Да коли у него деньги есть свои, отчего бы ему одному не заложить для начала? А мы бы поглядѣли и пристали. Развѣ голо у самого-то?

САМОВАРНИКОВЪ.

Странно вы разсуждаете, Тарасъ Гаврилычъ. Какой же му расчетъ, заѣвшему, свои закладывать на наше дѣло? Это надо быть олухомъ; въ настоящее время эдакихъ дураковъ не сыщешь. Что онъ имѣетъ деньги, это видно сейчасъ; а самъ, своими глазами видѣлъ у него банковые билеты, выкупныя свидѣтельства, иностранныхъ акцій много....

ДОЩАТНИКОВЪ.

Мало что видѣлъ. А чьи они, выкупныя-те свидѣтельства? Можеть взяты на подержаніе, чужія? Клейма вѣдь вѣту на билетахъ-те.

САМОВАРНИКОВЪ.

Это ужъ что-то ты мудреное несешь. Кто же довѣритъ въ настоящее время?

МАЗАРОВЪ.

Довѣритъ могутъ, предположимъ; но я видѣлъ имѣли у него и на большую сумму.... Потому по обстановкѣ, все-таки какъ хотите, видно вѣдь.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Богатаго отъ тороватаго не распознаешь, монѣ народъ-отъ сталъ мудренѣ, не прежній; у меня дѣдъ въ лавтахъ ходилъ, а кубышка-те была пополавѣй нашихъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Это, Тарасъ Гаврилычъ, было при Царѣ Горохѣ, когда грибы воевали.

СТУПИНЪ.

А людей въ сметанѣ жарил.

ДОЩАТНИКОВЪ.

У васъ все шутки на умѣ; тутъ не до шутокъ. Дѣло дѣлать, такъ о дѣлѣ и мерекать надо. Тимофеевичъ, какъ ты? Вы люди вѣншнаго вѣка, — какъ твоя мысль?

МАЗАРОВЪ.

По моему, господа, предпріятіе весьма и весьма выгодное; конечно, съ перваго начала предстоятъ затраты; но улукать случая не надо, тѣмъ болѣе, не мы, земство ухватится за

эту мысль; мнѣ намекалъ ужь председатель, заѣзжалъ на дняхъ, выпытывалъ. Человѣкъ есть; другаго мы не скоро сыщемъ съ такой рѣшимостью и энергіей.

САМОВАРНИКОВЪ.

Да, я не знаю что тутъ такого страшнаго. Ну потеряемъ тысячь по пятнадцати, по двадцати на брата. Эка невидаль. Велики деньги двадцать тысячь въ настоящее время.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Балабайка. Чѣмъ бы дѣло говорить, а онъ бахвалится.... Шутяль ты; двадцать-то тысячь, это, вотъ сію секунду, вынь да положи, ничего не видя. А заведи-ка дѣло-то, не двадцатью залахнетъ, только давай; выручки-то еще жди, а изъ-за лазухи-то знай выкладывай, расплывайся то и дѣло. Вещь мудреная.

САМОВАРНИКОВЪ (слѣтает).

Да ужь на что же мудренѣе.

СТУПИНЪ.

Такъ бросимъ. Ну его къ праху это скотоводство.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Что?

СТУПИНЪ.

Я говорю бросить, да и конецъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Бросить не долго, а какъ да впрямь земство выхватить кусокъ-отъ у тебя изъ-подъ носу? Брось, отдай имъ, никого не удивишь. Какъ бросить?

САМОВАРНИКОВЪ.

Я вижу это вы, Тарасъ Гавриловичъ, на томъ свѣтѣ порѣшите. Думаю-подумаю, ждемъ, вотъ сейчасъ рѣшится, а разумомъ раскинемъ, не быть дѣлу такъ. Вотъ и извольте....

МАЗАРОВЪ.

Я разчитывалъ подробно. По моему вещь выгодная.... Мы откажемся, земство возьмется, Теревтьевъ къ нимъ сейчасъ же перейдетъ. Тогда нашему городу, Петръ Александрычъ справедливо говорить, придется плохо. Что вы думаете, получаютъ силу, образовавъ компанію, вырвутъ у насъ изъ рукъ и хлѣбную торговлю.

ДОЩАТНИКОВЪ.

А что же я тоакую? Вещь выгодная, словно бы.... Я клалъ и такъ, и сакъ.

СТУПИНЪ.

Ну, такъ чего же?

МАЗАРОВЪ.

Подробности покажетъ практика.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Спасибо. Практика покажетъ, слышь. Какъ она пуститъ безъ исподнихъ, твоя практика, тогда и кусай локоть-то. Вотъ онъ и близокъ, а попробуй укуси. Практика.

МАЗАРОВЪ.

Еще подумаемъ.

СТУПИНЪ.

Въ шею насъ никто не гонитъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Думалъ я, мозги трещать; ночи на пролетъ думалъ. Просто съ ума онъ свелъ меня.... Старуха-то изныла глядячи; словно вотъ валущеніе какое.... Пра.... То ровно бы покажется, лучше не надо дѣла, а то олять сумленье нападеть, не надуваетъ ли.

МАЗАРОВЪ.

Съ виду по крайней мѣрѣ, такъ по впечатлѣнію суда, онъ не похожъ на афериста; можетъ-быть человекъ увлекающійся, это еще возможно допустить, хотя вѣдь у него все на цифрахъ, но плутовства я, господа, не замѣчаю. Потому привыкъ у губернатора, у всѣхъ; все-таки какъ хотите, человекъ поставилъ себя, и въ короткое время, на такую ногу что....

САМОВАРНИКОВЪ.

Да, разумѣется.

СТУПИНЪ.

Кажись бы. Съ нематымъ рыломъ тоже не полѣзеть въ сукояный рядъ. Пройдоха не осмѣлится.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Честный-то скорѣе не осмѣлится, а выжигаетъ безъ совѣсти полѣзеть куда хошь.

СТУПИНЪ.

Инь дѣлайте какъ знаете. Я больше не дѣлецъ, замаялся. Хоть бы ты водочки велѣлъ, Сергѣй Тимошеичъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ порѣшить бы такъ или сакъ. А эти тарыбары растабары надоѣли ужъ.

СТУПИНЪ *(подмигивая Мазарову и Самоварникову).*

Да вѣшто подождать Теректѣева?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Вотъ-те разъ. Благодаримъ покорно. Онъ меня прошедшій годъ огрѣлъ тысячь десятка на четыре, твой Терентьевъ-то. Есть кого ждать. На-ко что вывезъ. Знамо Терентьевъ разобьетъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

А мы его взнуздаемъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Ему собакъ это дѣло-то ножъ вострый, твоему Терентьеву.

МАЗАРОВЪ.

Конечно. Конкуренція; самъ гуртовщикъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Выгода выгодой, а меня, каюсь, это вотъ и подмываетъ; онъ у людей гораздъ куски-то отымать; вотъ поглядимъ что самъ-отъ заложитъ какъ мы у него, у лса, изъ-подъ носа-то выхватимъ. Я не забуду, пока живъ, ему этихъ сорока тысячъ. Не этимъ гребнемъ, такъ другимъ, а ужъ, твори Богъ милость, я ему бороду разчешу по волоску, Терентьеву.

СТУПИНЪ.

Я пошутилъ. Мы сами, дѣдъ, не больно до него охочи.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Не охочъ, а говоришь, ждать, слышь, Терентьева; у тебя на редѣль-то семь лятницъ.

СТУПИНЪ *(разсердившись)*.

Да коли ты самъ-отъ какъ на видахъ... Ни взадъ, ни впередъ.
(Карасевъ въ дверяхъ говоритъ что-то лакею).

САМОВАРНИКОВЪ.

Да вотъ Петръ Александровичъ. Хорошо что ты пріѣхалъ. Насъ, братъ, Тарасъ Гаврилычъ просто въ быковъ превратилъ. Ей-Богу даже одурь какая-то напала, въ глазахъ пожелтѣло... По крайней мѣрѣ я, братъ, ласъ тутъ, ничего не понимаю.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Экъ, лоботрясъ, а еще образованнымъ зовешься. Отсидѣлъ разумъ-отъ, чердакъ-отъ знать безъ верха.

САМОВАРНИКОВЪ.

Ну вотъ ругаться принялся, а самъ ни съ мѣста. У тебя разумъ-то есть, да никакъ вонъ не лѣзетъ. „Начинать, не

начинать". Извольте два часа битыхъ слушать эту сказку про бѣлаго быка.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да какъ тебя не ругать; люди объ дѣлѣ, а ты ровню вотъ бѣсъ какой, плетешь да стелешь невѣдомо что. Шелъ бы плясалъ съ Цыганаму.

САМОВАРНИКОВЪ.

Ужь не въ примѣръ пріятѣе, чѣмъ съ вами.

КАРАСЕВЪ.

Здравствуйте, Тарасъ Гавриловичъ. Какъ поживаете?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да, помаленьку. Путаемся, пока Царь Небесный терпитъ.

КАРАСЕВЪ.

Вон jour Serge. *(Отводитъ его въ сторону. Лакей подаетъ закуску; Ступинъ и Самоварниковъ пьютъ.)*

СТУПИНЪ.

Вотъ разума-то прихлебнемъ, авось скорѣй столкуемся.

САМОВАРНИКОВЪ.

Гаврилычу бы поднести. Не лучше ли? Ей Богу. Не чихнетъ ли? А то онъ только морщится.

ДОЩАТНИКОВЪ *(вполголоса, про себя).*

Какъ ни клади, полтина. Если я сверхъ цѣны по гравитъ положу... Ну, по пятнадцати... Многовѣкъ; да такъ и быть такъ куда ни шель. Тутъ и погонщики, на водку, врачъ, — врача надо почествовать. Дѣтъ тысячи есаи головъ, на пятнадцать... *(Соображаетъ.)* Да полтина, какъ ни раскидывай. Развѣ ужъ Богъ наслетъ ладежъ. Тогда прирѣжемъ, буде. А какъ, впрямь, обьегорить какъ-нибудь? „Вексель“, говорить. А получишь ли? Сажай его проходимца; кормовыхъ однихъ что переплатишь. Да. Оказія. Мудреная вещь. То тебя манить, то олатъ, словко обрѣнешь. Теретьева огла бы ловко, кабы Господь помогъ. Удастся, колоколъ, куда ни шло, заворочу пудовъ въ семьсотъ, на славу. Вразуми Господи.

КАРАСЕВЪ.

Что жь, собрались другіе лабщики?

МАЗАРОВЪ.

Я полагаю. Да подождемъ еще полчасака. Я велѣлъ въ конторѣ приготовить; тамъ будетъ засѣданіе.

КАРАСЕВЪ.

Тамъ, разумѣется, удобнѣе. И переписка подъ руками... потому, взгляните, коллекція получена изъ Англiи домашнихъ птицъ. Не правда ли какъ хорошо набиты чучелы?

МАЗАРОВЪ.

Тамъ на это мастера.

КАРАСЕВЪ. *(Вынимая изъ кармана письмо.)*

А я вотъ, кстати, получилъ сейчасъ изъ Малороссiи отъ одного знакомаго землевладѣльца вѣсти ве... весьма для насъ благопрiятныя. Скотъ, пишетъ онъ, значительно подешевѣлъ. Гдѣ это? Вотъ: „начавъ дѣло немедленно, можно прiобрѣсти рублей по двадцати за голову, если, разумѣется, закупка будетъ произведена въ значительномъ количествѣ“.

СТУПИНЪ.

Это на что сходнѣе.

САМОВАРНИКОВЪ.

Просто дешевле паровой рѣлы, что называется; такъ что же? По рукамъ бы? Стулицъ, Мазаровъ, чего же еще думать-то? Тарасъ Гаврилычъ, разступись.

ДОЦАТНИКОВЪ.

Отстань ты отъ меня. Это кто же такой, Петръ Александръ, тебѣ пишетъ?

КАРАСЕВЪ.

Землевладѣлецъ тамошнiй одинъ; старый прiятель мой, еще сродни немного мнѣ по матери. Человѣкъ, волерныхъ, отличный, а вовторыхъ, честнѣйшiй, самъ торговалъ и теперь еще торгуетъ скотомъ. Вотъ, въ случаѣ начнемъ, мы его даже можемъ коммиссiонеромъ; этотъ насъ не продастъ, да наконецъ, собственный интересъ его заставитъ соблюдать наши выгоды. Теперь все дѣло, господа, отъ васъ зависитъ отъ троихъ; отъ васъ, Тарасъ Гаврилычъ, отъ Стулина и вотъ отъ Сергiя Тимоѣича; лайцики на прошломъ засѣданiи вамъ предоставили рѣшить, какъ людямъ опытнымъ и капитальнымъ; давныхъ, мнѣ кажется, довольно собрано. Вотъ рѣшайте; мой совѣтъ окончить дѣло до Терентьева.

ДОЦАТНИКОВЪ.

Это ты правильно. Надо до него. Тотъ налетитъ, забушуетъ, зашумитъ какъ чортъ въ болотѣ, прости Господи.

МАЗАРОВЪ.

Онъ будетъ потому ужъ оппонировать, что конкуренція.

КАРАСЕВЪ.

Mais naturellement. Такъ вотъ, подумайте.

САМОВАРНИКОВЪ. (*Закуривая папиросу.*)

Это, стало-быть, олять съ начала. Стулпивъ, выльемъ еще по рюмочкѣ.

СТУПИНЪ.

Идетъ. Пить да гулять, вѣкъ бы дѣла не знать.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Надо что ни на есть дѣлать.

САМОВАРНИКОВЪ.

Съ начала, такъ и есть; „дѣлать, не дѣлать“; просто, нищаго за гашникъ тянетъ.

КАРАСЕВЪ.

Вѣдь васъ лугаетъ, господа, что предпріятіе широко; но, вы возьмите, край дѣлается сразу центромъ скотоводства; луга громадныя; капиталъ есть.... Сначала лустимъ, конечно, дешево, даже въ убытокъ; югъ неминуемо убить и мы монополисты. Главное, риска ни малѣйшаго. Луга вы арендуете и безъ того у думы.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Вотъ плаховато, Терентьевъ головой.... Онъ, знаю я, изъ кожи выльзетъ чтобы насъ подкузмить.

СТУПИНЪ.

Послѣдній годъ; слустимъ Терентьева.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Слустити. Силенъ онъ здѣсь и въ Питерѣ.

СТУПИНЪ.

Ну здѣсь, старуха еще надвое сказала, а Питеръ дѣло не ближее; далеко отъ насъ Питеръ.

МАЗАРОВЪ.

Избраніе есть дѣло мѣстнаго общества. Въ Петербургѣ очень хорошо это ловимають. Такъ не угодно ли? Пойдемте. Время и начинать; лайщики вѣроятнo съѣхались.

КАРАСЕВЪ.

Пойдемте. (*Уходятъ.*)ЛАКЕЙ. (*Входитъ.*)

Надежда Александровна приказала спросить, чай въ контору подавать прикажете?

МАЗАРОВЪ.

Попроси здѣсь въ кабинетѣ приготовить. Можетъ-быть я позову кого-нибудь изъ лайщиковъ. *(Уходитъ.)*

ЛАКЕЙ.

Слушаю-съ.

(Надежда Александровна входитъ въ другую дверь.)

ЛАКЕЙ.

Сергѣй Тимсеевичъ здѣсь проситъ приготовить.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Хорошо.... И ее проси сюда. Да ты не ошибся ли? Федосья Алексѣевна Дощатникова?

ЛАКЕЙ.

Точно такъ. Онѣ у насъ бывали, да мы ихъ знаемъ. Какъ не знать. *(Уходитъ.)*

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Не понимаю.... Зачѣмъ бы это? И вечеромъ. Понять не могу....

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСѢВНА ДОЩАТНИКОВА. *(Входитъ и оглядываетъ комнату.)*

Гдѣ у васъ Богъ-то? Чтой-то ты образа-то не повѣсишь, matka. Помолиться не на чтѣ.... Чай ты крещеная.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Въ образной у насъ всѣ образа-то.

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Образная сама собой, а вездѣ надо.... Какъ это безъ образа? Здравствуйте. Здравствуй, Надежда Александровна. Я къ тебѣ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Очень рада.

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Рада не рада... Мы не подѣ лару вамъ, безграмотная: да ужь не я, на этотъ разъ, а горе, нужда моя пріѣхала.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Всегда я рада вамъ. Садитесь.

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Сяду. И пріѣхала-то не по-людски, на ночь глядя.... Да была у всеобщей; память у меня завтра по отцѣ, царство ему небесное.... А мой-отъ соколъ и не вспомнилъ—замыкался.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Тарасъ Гаврилычъ здѣсь....

ӨЕДОСЬЯ АЛЕКСВЕВНА.

Что ты?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Въ конторѣ.... Не тревожьтесь; засѣданіе у нихъ.

ӨЕДОСЬЯ АЛЕКСВЕВНА.

Такъ я и знала. Спрячь ты меня куда-нибудь. Увидитъ, разворочится, поѣдомъ съѣсть.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Не безлокойтесь. Они еще не скоро.

ӨЕДОСЬЯ АЛЕКСВЕВНА.

Гдѣ же онъ? Тута гдѣ-нибудь?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Въ конторѣ; черезъ дворъ. Не безлокойтесь.

ЛАКЕЙ. *(Подаетъ самоваръ.)*

ӨЕДОСЬЯ АЛЕКСВЕВНА.

Думала написать; дѣло-то мое неграмотное. Такъ и по-рѣшила: съѣзжу молъ поклонюсь.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Когда кончится засѣданіе, скажи намъ.

ЛАКЕЙ.

Слушаю.

ӨЕДОСЬЯ АЛЕКСВЕВНА.

Мому-то не говори, гляди, что я пріѣхала. Раслушитъ онъ меня, узнаетъ.

ЛАКЕЙ.

Слушаю-сь. *(Уходитъ.)*

ӨЕДОСЬЯ АЛЕКСВЕВНА.

Вѣдь я къ тебѣ съ челобитьемъ, Надежда Александровна Гаврилычъ у меня, matka, совсѣмъ ума рехнулся; торговлю бросилъ, по ночамъ бредъ... Быковъ нѣкакыхъ поминаетъ... Кажутся они ему что ли? Я ума не приложу. „Быки, быки.“ И вотъ съ тѣхъ поръ съ нимъ приключилось какъ началъ ѣздить къ вамъ на эти присяданія.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Засѣданія.

ӨЕДОСЬЯ АЛЕКСВЕВНА.

„Присяданія, надсѣданія“, прахъ ихъ возьми, я не знаю. Не привѣчайте вы его, сдѣлайте Божескую милость. Что вамъ въ немъ? Дѣло его старое, хилое...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да я что же тутъ, Федосья Алексеевна? Я то у чего?

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСЕЕВНА.

Какъ, „у чего“? У васъ вѣдь дивно и ночью эти присяданія-то проклятыя. Ну? Боятесь ли вы Бога? Вѣдь ему за семьдесятъ. Ну, приглашайте вы другихъ, тѣшить этого Карасева, чтобъ ему... Разбойникъ, какъ есть, городъ-отъ изрылъ весь, проѣзда нѣтъ... Да мнѣ онъ, лезъ съ нимъ; старика-то на что вы затягаете? Ну? Зачѣмъ вамъ его лутать, ему-то кружить голову? Ну?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Тарасъ Гавриловичъ человекъ умный, опытный и мнѣ странно слышать отъ васъ будто бы мы ему [вскружили голову.

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСЕЕВНА.

Умный, умный, matka, а сегодня врутъ, завтра турысы на колесахъ... Слушаетъ, слушаетъ человекъ и повредится; что-нибудь эдакое и полѣзетъ въ голову. Его же дѣло старое... Долго ли до грѣха? Какъ ты это, matka? Вздвела я къ ворожеѣ, на бобахъ гадаетъ. И та мнѣ сразу: „это“, говоритъ, „сдѣлано“. Водой изъ трехъ колодцевъ вспрыскивать велѣла; я было одинъ разъ вспырсула, подкралась,—вскочилъ, чуть не зашибъ, стуломъ такъ и пустилъ; едва дунесла ноги. Почитать думала; протопопъ гораздъ отчитывать, не соглашается. Развѣ попробоватъ надъ соннымъ? Побойтесь Бога, поговори ты, matka, Сергѣю-то Тимоеичу своему... Дѣлайте вы что хотите, да людей-то зачѣмъ смущать вамъ? Ну?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Помилуйте. Чѣмъ мы смущаемъ? мы...

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСЕЕВНА.

Да какъ же не смущаете? Живмя живетъ у [васъ. Ровно приколдовали. Ну? Церковь Божию и ту забылъ. Ну? Не вѣтъ, ни льетъ, исхудалъ даже; убивается вотъ о быкахъ какихъ-то, чтобъ имъ... Другихъ рѣчей нѣтъ, все „быки“. Отта прихожу, matka, отъ ранней обѣды, слышу, лежитъ у себя въ коморкѣ, вешто кряхтитъ. Думаю, [знать поясница. Онъ часомъ бьется поперегомъ-то. Я это взяла хрѣнку, въ лѣвникѣ распустила; думаю: поразотру, авось, молъ, полегчаетъ. Подошла къ дверямъ—тихо, я поглядѣла въ щелку:

не уснулъ ли моля? Гляжу, лежитъ отворотась къ стѣнѣ и... Бредъ не бредъ, а бормочетъ что-то. Прислушалась, а ояъ: „жели“, говоритъ „по сорока дать за быка, и то есть выгода.“ У меня такъ ноженьки и подкосились.— Гаврилычъ, окликнула я изъ-за дверей леговько.. Войта, думаю, напугаешь.—Гаврилычъ. Ояъ какъ захохочетъ, вскочилъ, да и давай шагать изъ угла въ уголъ по коморкѣ-то: „да всѣ полосотни дамъ и то на рубль лотива... А ужъ Терентьеву гостивчикъ поднесу. Если два ста быковъ, есаи а триста...“ И пошелъ, и пошелъ... А самъ все это, знай, шагаетъ изъ угла въ уголъ прытко таково; бороду теребитъ; глаза такіе страшные... Я няньку позвала. Войдемъ-ка, говорю, Васильевна, Гаврилычъ нѣшто у меня сплосналъ. Вотли, стоимъ, вотъ эдакъ, у дверей, а ояъ все ходитъ: „Тысяча головъ, двѣ тысячи...“ И это диво, matka, вотъ глядитъ во всѣ глаза на насъ, а звать не видитъ. Я ему: Гаврилычъ! А ояъ:—, что? что? что тебѣ?“ Буркала выпучилъ, глядитъ на меня, а ничего не понимаетъ; ну вотъ какъ есть тебѣ помѣшанный. Что дѣлать, думаемъ, намъ съ нимъ? Переглянулись, всплакали. Васильевна къ нему: „Батюшка, Тарасъ Гаврилычъ... Свѣтъ ты нашъ.“ Ояъ какъ швырнетъ ее, такъ въ уголъ старая и отлетѣла. Я въ слезы тутъ, а ояъ за шалку, палку подхватилъ, и сѣдъ простылъ... Я молодца за нимъ: бѣги, говорю, сѣдомъ. Да, думаю, утопится, храни Богъ. Парень, однако, воротился. Спрашиваю: гдѣ? Пошелъ, говоритъ, къ Мазаровымъ. Сдѣлайте Божескую милость, заставьте за себя Бога молить, плюйте вы на него, на стараго. Попроси отъ меня Сергѣя Тимоѣича: не припускалъ бы ояъ его въ эти предсѣданія. Ну, что имъ въ немъ? Хило, старо; еле вѣдъ дышетъ. Пожалѣй ты хоть меня-то, старуху, Надежда Александровна.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я мужу поговорю; но поймите, Ѳедосья Алексѣевна, какъ мы ему запретимъ дѣлать что ояъ хочетъ?

ѲЕДОСЬЯ АЛЕКСѢВНА.

Не запретить, а не пускайте только въ эти предсѣданія. Вотъ ояъ пришелъ, а вы: „стулай моля... Нѣту конче присданія.“ А все, чтобъ ему, этотъ аспидъ Карасевъ... Какъ къ намъ наѣхалъ, съ панталыка сбилъ весь городъ. Ко мнѣ съ визитомъ разлетѣлся, этта; ну, да я его отдѣлала, вдруго-

рядъ не заглядеть. И тебя, винуясь, помянула не добромъ, нечего: ты ѣзди, говорю, сударь, къ Мазаровой Надеждѣ Александровнѣ; та рада будетъ; она, говорю, женщина повѣрнаго вѣка, фасонная, а къ намъ, безграмотнымъ, жаловать тебѣ неча.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Какая же я модница? Чаю вамъ не угодно ли?

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСЕВНА.

Сроду не ливала... Развѣ не знаешь, matka. Къ этому мы не наважены. Для добрыхъ людей держимъ, а сами, ни старикъ, ни я, и вкусу-то его не вѣдаемъ.

ЛАКЕЙ (*входитъ*.)

Засѣданіе кончилось... Сейчасъ, надо-быть, сюда придуть. (*Уходитъ*.)

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСЕВНА.

Убраться мнѣ... Не увидалъ бы мой-то... Съѣсть... Яви ты Божескую милость, поговори Сергѣю Тимоѣичу... Я бы сама попросила, поклонилась, да на грѣхъ старыи-то у васъ. Глади, не проговорись какъ-нибудь что я прѣзжала.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Не безлокойтесь... Вотъ въ эти двери лучше... Пожалуй въ тѣхъ-то встрѣтитесь... Я къ вамъ заѣду...

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСЕВНА.

Милости прошу... Только безъ него, безъ Гаврилыча. Не любить онъ какъ ко мнѣ ѣздить. Да, вотъ что, я пришла сказать... Прощай, Надежда Александровна. (*Цѣлуются*.) Не обесудь. Не встрѣтиться бы?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Здѣсь не встрѣтитесь. Прощайте.

ФЕДОСЬЯ АЛЕКСЕВНА.

Прощай... Что-то вы образа-то, matka, не ловѣсите? (*Уходитъ*.)

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

А, значить, какъ Доцатникова занимаетъ дѣло о скотоводствѣ... Какая жадность-то, однако... И на что ему? Дочь выдала... Они вдвоемъ. Нѣтъ, а старушка-то! Старушка... Понятно отчего она не любитъ Карасева... Тишину нарушилъ, а имъ нужна стоячая вода и лѣсень тысячелѣтная. Вотъ появился человекъ, пробилъ трясину и перепугались.

КАРАСЕВЪ, ДОЩАТНИКОВЪ, МАЗАРОВЪ, СТУПИНЪ, САМОВАРНИКОВЪ, 1й ЧЛЕНЪ. (*Входятъ.*)

КАРАСЕВЪ.

Я положительно не понимаю васъ, Тарасъ Гавриловичъ. Ужь если кто теперь рискуеть, такъ это я... Я одинъ принимаю на свои плечи, такъ-сказать, все дѣло. Я выдаю вамъ векселя... Вы обезпечены. Если вы и тутъ еще все сомнѣваетесь, то я не понимаю, чѣмъ же васъ можно успокоить? Поймите, ваше положеніе не представляетъ ни малѣйшей опасности и въ случаѣ несчастья страдаю я одинъ. Не такъ ли?

МАЗАРОВЪ.

Мнѣ кажется.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Тутъ мало этого, что тебѣ кажется. Тутъ надо чтобы не казалось, а была прямая выгода... Вишь, на-ко что сказали: „кажется“.

САМОВАРНИКОВЪ.

Онъ просто до чертей договорился. Мнѣ съ переполомъ разъ казались, а ему отъ размышленія.

СТУПИНЪ.

Погоди.

КАРАСЕВЪ.

Не вѣдь вы сами говорите, Тарасъ Гаврилычъ, что разчитывали и подробно?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Разчитывалъ.

КАРАСЕВЪ.

И... и что же?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Выгода есть, я прямо говорю, да вѣдь ты съ Богомъ-то контракта, чай, не сдѣлаешь. А вдругъ падежь?

СТУПИНЪ.

Ну вотъ... Такъ эдакъ разсуждать, сиди, пока не скисаешь... Вдругъ свѣта преставленіе.

САМОВАРНИКОВЪ.

Онъ этого-то и боится... Тогда шабашъ, братъ, своихъ не выручишь.

[КАРАСЕВЪ. (*Подходитъ къ Мазаровой.*)

Vous ennuiez, Надежда Александровна.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Ни мало. Меня, напротивъ, утомляетъ ташина. Я оживаю когда вижу дѣятельность, движеніе вокругъ. Не прикажете ли? (*Подаетъ чашку.*)

КАРАСЕВЪ.

Съ удовольствіемъ. (*Мазарову.*) Престранный человекъ Тарасъ Гавриловичъ! Чего ему еще?

МАЗАРОВЪ.

Да-съ... Вотъ тутъ и дѣйствуй; обвиняютъ насъ: нѣтъ предпріимчивости въ Русскихъ. Да съ кѣмъ, надо спросить, съ кѣмъ вы начнете?

САМОВАРНИКОВЪ.

Позвольте и мнѣ чашечку, Надежда Александровна, въ награду за долготерпѣнье. Тарасъ Гаврилычъ часъ, по крайней мѣрѣ, читалъ намъ проповѣдь объ осторожности. Жаль что вы не слышали...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Что жь дѣлать? Надо же перетолковать...

САМОВАРНИКОВЪ. (*Беретъ чашку.*)

Да очень долго ужь... И удивительно, чѣмъ дальше у него, тѣмъ безтолковѣе.

АРТЕЛЬЩИКЪ.

Записка вамъ, Петръ Александровичъ. Вашъ человекъ принесъ.

КАРАСЕВЪ.

Что такое? Отъ Старкевича... „Къ тебѣ пріѣхали два крестьянина изъ села Мухоморы... Я сказалъ что ты въ засѣданіи; они спросили: не по закупкѣ ли скота? Я отвѣчалъ имъ: какется. И они просятъ позволенія послушать ваши толки, такъ какъ можетъ-быть рѣшатся взять лая на предпріятіе. Говой...“ Какіе это Мухоморы? Вы не знаете?

СТУПИНЪ.

Вотъ, за рѣкой; верстахъ въ пятидесяти, надо быть. Они покупаютъ скотъ по мелочамъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Прежде скупали; нѣтъ у нихъ нынче никого денежныхъ; плачась; льютъ жертвую.

СТУПИНЪ.

А Галкины?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Смotalись. Были при отцахъ въ силѣ Галкины, а сыновья погорѣли. Отъ кого же они это узнали?

КАРАСЕВЪ.

Не знаю, положительно. Развѣ не говорили ли въ губерніи о городѣ; я тамъ разказывалъ кое-кому. Что жь, какъ

вы, господа? Позвать ихъ, или же...? Допускать къ участию зачѣмъ же? Чѣмъ меньше лайщиковъ, тѣмъ выгоднѣе намъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Дѣлать, такъ промежь собой пока.... Да послушать, послушаемъ что они скажутъ. У насъ же еще не кончено... Ничего, зови.

СТУПИНЪ.

Знамо позвать; на грѣхъ и курица крикнетъ.

МАЗАРОВЪ.

Можетъ-быть и дѣльное что скажутъ.

СТУПИНЪ.

Знамо. Они этимъ орудовали.

САМОВАРНИКОВЪ.

Да, позови на помощь нашему оратору.

КАРАСЕВЪ.

Такъ вотъ что, скажи моему человѣку, тамъ два крестьянина.

АРТЕЛЬЩИКЪ.

Да они здѣсь.... Ждутъ у подѣзда.

КАРАСЕВЪ.

А, прекрасно... Такъ позови же ихъ сюда. (*Артельщикъ уходитъ.*) Надежда Александровна, вы скучаете?

САМОВАРНИКОВЪ.

Вотъ нашъ профессоръ-то замолкъ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Вамъ, кажется, хочется непременно меня выжить. Извольте, я уйду.

КАРАСЕВЪ.

Ни... ни мало. Я только пожалѣлъ васъ...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Нѣтъ, мнѣ самой нужно идти, распорядиться ужиномъ. Я, впрочемъ, ворочусь, на зло вамъ. (*Уходитъ.*)

КАРАСЕВЪ.

Напротивъ.

РЫЖІЙ МУЖИКЪ. НЕВЗРАЧНЫЙ. (*Входитъ.*)

САМОВАРНИКОВЪ.

Тарасъ Гаврилычъ... Долго вы еще протокуете?... Вот барыню-то выжили... ушла; говоритъ, очень ужъ обременительна... Смотри, ты за насъ Богу, братъ, отвѣтай.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Такъ не толкуй... Стулай на свои танци, коли тѣ скучно.
Чудной какой! Тебя не на веревкѣ тянуть.

РЫЖІЙ МУЖИКЪ.

Добраго здоровья, господа кулцы... Вашему высокородію...

ДОЩАТНИКОВЪ.

Здравствуйте.

КАРАСЕВЪ.

Здорово, братцы... Вы на счетъ чего?

РЫЖІЙ.

А мы на счетъ... Такъ какъ наслышаны, будто бы, напри-
мѣръ, ваше высокородіе, обче съ купечествомъ здѣшнимъ,
думаете скотинку закупать въ большомъ количествѣ. Наши
и вздумали, нѣкоторые, кои, напримѣръ, позажиточнѣй, и
вздумали, такъ какъ не примете ли въ долю; у нѣкоторыхъ
мужичковъ, хоша оно и небольшія, а есть залежныя... Вотъ
этимъ и желательно, чтобы, напримѣръ, мало-мальски, оборо-
тецъ сдѣлать. А дѣльце-то оно намъ подходящее; мы сами
этимъ въ прежніе года заимствовались... Вотъ мужички насъ
и прислали, значить... „Сходите“, говорятъ, „поразспросите“...
какіе, напримѣръ, лаи и сколько, стало-быть, готовить по-
лагается.

КАРАСЕВЪ.

У насъ ло... покуда вѣдь не начато... Думаемъ, но окон-
чательнаго ничего нѣтъ.

РЫЖІЙ.

Такъ.

КАРАСЕВЪ.

Но отъ кого же вы узнали?

РЫЖІЙ.

Узнали-то? А видите, ваше высокородіе, нашъ мужичокъ
поторговываетъ кое-чѣмъ въ губерніи; онъ намъ и сказывалъ.

КАРАСЕВЪ.

Мо... можетъ-быть и состоится, но въ настоящее время...

ДОЩАТНИКОВЪ.

Что же вы деньги что ли принесли? Али только развѣ-
дать прибыли?

РЫЖІЙ.

Деньги при насъ, буде... Вотъ у него, у этого самаго му-
жичка деньги. Тысячи три мы хотъ сейчасъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Этотъ лаи не великъ... Нешто принять ихъ?

КАРАСЕВЪ.

Но вѣдь мы сами ничего не порѣшили.

САМОВАРНИКОВЪ.

Да ничего, кажется, и не рѣшимъ.

ДОЦАТНИКОВЪ. (*Музыкальн.*)

Тысячъ десятокъ кабы вы, а то что изъ-за бездѣлицы намъ съ вами лутаться?

РЫЖИЙ.

Да вѣдь мы это, такъ какъ, напрымѣръ, для.... Шли мы, не зная ничего.... А буде, если дѣло сладится, мы и побогъ сможемъ, понатужимся.

КАРАСЕВЪ (*тихо Доцатникову*).

Смотрите, однакожь... Поняли... Вотъ, говорятъ, русскій мужикъ не образованъ. Сдѣлайте одолженіе, видите, и сразу видите гдѣ есть выгода.

ДОЦАТНИКОВЪ.

На это у кого сметки нѣтъ. Что-то красно глаголетъ, только что...

МАЗАРОВЪ.

Я не нахожу... Обыкновенно, простонародное варѣчіе... Крестьяне.

(Карасевъ и Мазаровъ говорятъ съ крестьянами. Самоварниковъ куритъ и зѣваетъ поминутно, рассказывая взадъ и впередъ.)

СТУПИНЪ.

Гаврилыч!

ДОЦАТНИКОВЪ.

Что?

СТУПИНЪ.

Давай на счастье... Вотъ двугривенный... Подбросимъ... Рѣшетка—дѣлау быть, а птица—стало врознь, и толковать объ этомъ скотоводствѣ болѣ неча. Хочешь?

САМОВАРНИКОВЪ.

Идетъ.

ДОЦАТНИКОВЪ.

Подите вы.

СТУПИНЪ.

Да вѣдь не обѣднѣемъ. Господи помилуй. Что жъ и впрямь? Ну, не заладится, что жъ сгубнемъ что ли?

ДОЦАТНИКОВЪ.

Надо подумать еще.

СТУПИНЪ.

Да чего думать-то? Вѣдь дувано. Сергѣй Тимоѣевичъ, такъ что ль? Ну, была не была.

МАЗАРОВЪ.

Что до меня касается, я давно, безъ всякихъ гадавій, согласился.

СТУПИНЪ.

Ну, вотъ видишь? Дѣло за тобой, дѣдъ. Разступись.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Господи помилуй насъ грѣшныхъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Взмолился даже.

СТУПИНЪ.

Что ты по міру что ль пойдешь, просолишь полтора десятка тысячъ?

ДОЩАТНИКОВЪ.

А то какъ же? Знамо суму надѣву.

СТУПИНЪ.

Зубы заговариваешь, братъ Гаврилычъ. Разступайся. Давай что ль руку-то... Тутъ, дѣдъ, на чистоту: дѣло пойдетъ—ладно, не выгоритъ—стало судьба наша такая.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Съ Богомъ не заспорить, что говорить.

СТУПИНЪ.

Ну, такъ чего же, господа?.. Дѣдъ соглашается... Идетъ что ль?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да брось иво для ради шутки.

СТУПИНЪ.

Нѣтъ, шутить зачѣмъ же... По рукамъ, буде... чтобы не отлираться... Тутъ судьба... Вотъ онъ, двугривенный. Рѣшотка—деньги вынимай, а птица—дѣло по боку.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Чѣмъ-нибудь, знамо, кончать надо.

АРТЕЛЬЩИКЪ *(показываетъ въ дверяхъ и жестами зоветъ Самоварникова).*

САМОВАРНИКОВЪ *(артельщику).*

Ну?

АРТЕЛЬЩИКЪ.

Пріѣхали-съ.

САМОВАРНИКОВЪ.

А, прѣехали! Гляди же... чтобы живымъ маверомъ... По-
нялъ? Какъ махну, въ ту же секунду... Понялъ?

АРТЕЛЬЩИКЪ.

Слушаю-съ. *(Исчезаетъ.)*

СТУПИНЪ.

Да полно тебѣ думать-то... Гаврилычъ. Разстѣлайся... Ужъ
лучше не придумаешь. На чистоту по крайней мѣрѣ... Вотъ
она... рѣшотка—дѣлу быть, а птица—стало-быть и разговоръ
покончимъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Пустозвоны, право пустозвоны.

МАЗАРОВЪ.

Мы порѣшили, вѣдь, почти что и безъ этого.... Конечно
это предразсудки....

СТУПИНЪ.

Каки же предразсудки? Тутъ безъ фальши, братъ.

МАЗАРОВЪ.

Я не знаю въ чемъ вы затрудняетесь, Тарасъ Гаврило-
вичъ; дѣло телерь все разъяснилось, чрезвычайно выгодно...

СТУПИНЪ.

Да это „выгодно, не выгодно“.... Главная вещь на чистоту...
Вотъ оны, двугривенный.... Гаврилычъ.... Каяться станешь
опослѣ... Рѣшайся что ль? Ну.... давай руку-то.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да ну ивъ.... одурѣешь съ вами.

СТУПИНЪ.

Погоди. Рукавъ засучу, чтобы безъ фальши.

АРТЕЛЬЩИКЪ *(изъ двери).*

Игнатій Игнатьичъ!

САМОВАРНИКОВЪ.

Ну? Чтò тебѣ?

АРТЕЛЬЩИКЪ.

Съ бубномъ прикажете?

САМОВАРНИКОВЪ.

Какъ же безъ бубна? Тутъ главная вещь бубень. Но толь-
ко.... погоди.... Гляди же, какъ, значить, только я.... Сію же
секунду и....

АРТЕЛЬЩИКЪ.

Понимаемъ. *(Уходитъ.)*

СТУПИНЪ. *(Кидаетъ двуручечный.)*

Ну, кудаю.... Разъ: рѣшотка.

(Мушкетеры хохочутъ.)

КАРАСЕВЪ.

Судьба сама ужь тутъ рѣшаетъ, такъ-сказать.

(За сценою хоръ Пыганъ: „Пошелъ козелъ въ огородъ.“)

ДОЩАТНИКОВЪ.

Прахъ васъ возьми.... Это еще что? Перепугали.

САМОВАРНИКОВЪ.

Сорвалось.... не выдержалъ.... Артельщикъ, дѣйствуй. Первая, пли!

(Хлопаетъ пробка. Артельщикъ подаетъ шампанское.)

СТУПИНЪ.

Ахъ, чортъ тебя возьми.... Когда ты это оборудовалъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

У насъ, братъ, безъ задержки. Петръ Александровичъ, съ начинаніемъ.

(За сценой: „Чибирики чокъ чибири.“)

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА *(вбѣгаетъ).*

Mon Dieu.... Serge.... Что это такое?

САМОВАРНИКОВЪ *(Становится на одно колено).*

Pardon, madame. Казните.... сорвалось.... не выдержалъ.... Пользуясь дружбою Сергѣя Тимофееча.... Пріѣзжай онъ ко мнѣ, переверни вверхъ дномъ весь домъ.... слова не скажу... Даже очень пріятно. Très agreable.... Простите.... Самъ не знаю какъ.... Понимаете, сорвалось.... не выдержалъ.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Но какъ же ты это, Serge?.. Помилуй, въ твоемъ домѣ.

КАРАСЕВЪ.

Простите ужь его, Надежда Александровна. Дѣло наше уладилось. *(Цѣлуетъ ей руку.)*

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Только для васъ прощаю.... Какъ это вы, Игнатій Игнатьичъ? Хоть бы предупредили.... Я вѣдь такъ перепугалась, чуть не улала въ обморокъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Въ этомъ-то и штука вся... Сюрпризъ хотѣлось, понимае-
те.... Иначе весь эффектъ пропалъ бы. Ужь, excusez, madame...
Экспромптомъ. Однимъ словомъ, сорвалось. (*Надежда Але-*
ксандровна уходитъ).

МАЗАРОВЪ.

Однако, нельзя ли приступить къ подпискѣ?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да гдѣ же въ эдакомъ-то чаду? Чѣмъ бы съ молитвой, а
они, на-ко-сь, съ пласками.

КАРАСЕВЪ.

Векселя у меня готовы.... Такъ завтра, значить?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Гдѣ же теперь? Я одурѣлъ совсѣмъ. Вашу вѣдь содомъ
какой подняли.... Ну, господа, на васъ грѣхъ будетъ, пойду
со старухой по міру.

(Хоръ: „Повели козла на базаръ.“)

САМОВАРНИКОВЪ.

Тарасъ Гаврилычъ.... выходи.... Пройдемъ на радостяхъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Поди ты, грѣховодникъ.... Гдѣ у меня тутъ шалка-то?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Контора Мазарова; по стѣнамъ разставлены чучелы птицъ; приготовленъ
сголъ для засѣданія; на столѣ лампа.

АНАХОРЕТОВЪ (*стоитъ съ палкой въ рукѣ,
разсматриваетъ чучелы и
нюхаетъ табакъ*).

Гусь.... (*Слѣется.*) Утка.

СТУПИНЪ, МАЗАРОВЪ. (*Входятъ.*)

СТУПИНЪ.

Такъ сердить, говоришь?

МАЗАРОВЪ.

Не подстулайся; рветъ и мечетъ что называется. Да глав-
ное, человекъ не гауный, сообразить бы могъ, мнѣ кажется;
хоть бы театръ, банкъ, канализація; все вещи, такъ-сказать,

первой необходимости, полезныя; ужь я не говорю что городъ поднимается чрезъ это. „Все это ни къ чему“, кричить. „Мода одна, надувательство.... Карасевъ лгутъ.“ Вѣдь это надо доказать, я говорю, Тимофеей Савельичъ.... „Я докажу.“ Самоуверство, больше я ничѣмъ это не объясняю.

СТУПИНЪ.

Когда же онъ пріѣхалъ?

МАЗАРОВЪ.

Вчера вечеромъ.

СТУПИНЪ.

Въ засѣданіи-то будетъ?

МАЗАРОВЪ.

Кто жь его знаетъ? Я не простясь уѣхалъ, не спросилъ. Приглашеніе послано. Да, главное, какъ это не помять, вездѣ, возьмите, начинаютъ; какъ же намъ-то сидѣть сложа руки? Тѣмъ болѣе что человѣкъ нашелся съ энергіей; этимъ пользоваться надо.

СТУПИНЪ.

Ну чтò, Кузьмичъ?

АНАХОРЕТОВЪ.

Добраго здоровья.

МАЗАРОВЪ.

Здравствуйте.

АНАХОРЕТОВЪ.

Осмѣлюсь спросить, дорого ли вы за гуся-то этого дали?

СТУПИНЪ.

Да чтò бы ни дали, не твое дѣло. А ты вотъ лучше скажи, долго ли ты насъ вонче продержишь?

АНАХОРЕТОВЪ.

Да развѣ я держу васъ? Сами навязали себѣ заботу. А мое дѣло: „на, лиши“. Чтò прикажете? „Уставъ?“ Строчу. „Променіе лиши“.—Извольте.

СТУПИНЪ.

Мало, братъ, чтò. Променіе дѣло великое. Надо тоже знать о чемъ оно есть променіе-то.

АНАХОРЕТОВЪ.

А мнѣ какое дѣло? Хоть о Вавилонскомъ столпотвореніи. Моя забота чтобы по грамматикѣ ни сучка, ни задоринки, а о чемъ,—это ужь дѣло ваше.

МАЗАРОВЪ.

Вы, стало-быть, не сочувствуете нашимъ проектамъ?

АНАХОРЕТОВЪ.

Да я такъ разсуждаю: вамъ ни тепло, ни холодно отъ моего сочувствія. Вонъ, упряжную лошадь взять; въ бочку ее заложать, въ телѣгу, въ тарантасъ, — вези въ гору и подъ гору. И везетъ. Объ этомъ, о моемъ сочувствіи, толковать, воду толочь. А я вотъ вамъ хочу пожаловаться, господа члены, — шутки-то въ сторону, — жалованья мнѣ Петръ Александровичъ не платитъ безъ мала полгода. Меня обидѣть недолго, а человѣкъ отъ земли не видать; да что жь хорошаго-то, господа кулцы, обижать маленькаго человѣка?

МАЗАРОВЪ.

Это странно. Мы, напротивъ, хотѣли вамъ увеличить даже содержаніе.

АНАХОРЕТОВЪ.

Это журавль въ небѣ, а мнѣ бы хоть синицу-то.... Онъ мнѣ всѣ уши прожужжалъ объ этомъ увеличеніи.... Это футурумъ, да еще экзактумъ, а я о перфектумъ прошу, о заработанномъ.

СТУПИНЪ.

Эка важность.... Ну, позадержалъ за недосугомъ. Мало что... Велика ты фигура. Только и заботъ что о тебѣ. А подождать не можешь?

АНАХОРЕТОВЪ.

Подождать? У меня лазуха-то не твоя. Семью-то воздухомъ не напитаешь. Вамъ не важность ждать, какъ у васъ сундуки золота; а мнѣ не съ голоду морить жену, да дѣтей малыхъ.

МАЗАРОВЪ.

И скажу. Будьте увѣрены, вы завтра же получите.

АНАХОРЕТОВЪ.

Будьте такъ благосклонны, Сергѣй Тимоѣевичъ. „Пьяница“, говоритъ. Вѣдь я не его деньги проливаю. Дѣло не стояло за мной; днемъ ли ночью ли пришлетъ бумагу перебѣлать, или составить, чѣмъ свѣтъ несуг: „вотъ она, — подписывай.“ Чего же ему отъ меня надо? Какого рожна, прости Господи? Да гдѣ онъ сыщеть грамотея-то на эти деньги? Да еще гдѣ они у насъ здѣсь грамотеи-то? Есть ли? спросить надо.

СТУПИНЪ.

Пройдись, братъ, трепака, Кузьмичъ. Сейчасъ дамъ трехрублевую.

АНАХОРЕТОВЪ.

Не умѣю.

СТУПИНЪ.

Какъ-нибудь. Ну, полколѣнца.

АНАХОРЕТОВЪ.

Не до ляски мнѣ, купцы.

СТУПИНЪ.

А, помнишь, на закладкѣ-то театра, вѣдь, плясалъ? Еще съ платочкомъ. Ну? Прикидываешься, Кузьмичъ, смиреннѣе.

АНАХОРЕТОВЪ.

Хмѣль плясалъ, не я. А коли дѣло говорятъ тебѣ, мѣшать съ бездѣльемъ неча. Ты, Сила Васильчъ, тоасть, а я простъ. Не дразни,—раздразнишь, правдой ожгу, не слюбится.

СТУПИНЪ.

Ахъ ты строка кривая. На-ко-сь. Черкильная затычка, аспидный духъ... Гляди ты... Это охъ меня ожжетъ... А?

МАЗАРОВЪ.

Оставьте, Сила Васильчъ. Бѣдный человекъ.

СТУПИНЪ.

А бѣдный, такъ и будь лобъ мѣдный. Чего же охъ окрысился-то, коли голь, коли членъ непремѣнный въ кабакъ, да и то у порога?

АНАХОРЕТОВЪ.

Торговое сословіе, коммерческіе люди, милліонами ворочають, а ругается, словно бурлакъ, гляди ты.

СТУПИНЪ.

Кланяйся въ ноги. Вотъ она пятирублевая горѣла. Съ молоточка.

АНАХОРЕТОВЪ.

Что жъ? Поклонюсь. Изволь. *(Кланяется. Ступинъ отдаетъ деньги.)*

СТУПИНЪ.

Бери. Еще разъ кланяйся.

АНАХОРЕТОВЪ.

Тоже пятирублевая?

СТУПИНЪ.

Стало-быть. Вотъ, гляди. Ну? Кланяйся.

МАЗАРОВЪ.

Какъ вамъ не стыдно, Сила Васильчъ.

АНАХОРЕТОВЪ *(Поклонившись)*.

Давай еще разъ поклонюсь; такъ бы и были всѣ пятаидать. Мнѣ въ лавочку завтра отдать.

СТУПИНЪ.

Жирно будетъ. Вась разохотился.

АНАХОРЕТОВЪ.

Позвольте васъ спросить, Сергѣй Тимоѣичъ... скажите
безпристрастно, кто изъ насъ дуракъ, я или онъ?

МАЗАРОВЪ.

Вы все съ шуточками, Никаморъ Кузьмичъ.

АНАХОРЕТОВЪ.

Нѣтъ, это я безъ шутокъ.

СТУПИНЪ.

Знамо ты. Тебѣ благодареніе дѣлають, а ты лаяешься.

АНАХОРЕТОВЪ.

Гдѣ же я лаюсь? Вы не обижайтесь. Дуракъ дѣло великое.
Царя задѣнетъ, спустятъ, потому дуракъ; впередъ полѣзетъ,
всякій съ уваженіемъ... „Отступиться“, говоритъ, „дуракъ“. Это вѣдь чинъ не маловажный, особенно, если по первой
гильдіи.

СТУПИНЪ.

Слушай, Кузьмичъ... Не сердя лучше... Разсердишь,—мой
обычай знаетъ?

АНАХОРЕТОВЪ.

Знаю, какъ тебя не знать. Обычай у тебя бычій, а раз-
умъ-отъ телачій, не прогнѣвайся.

СТУПИНЪ.

Кузьмичъ... Ей Богу, въ морду двину.

МАЗАРОВЪ.

Переставьте... Сила Васильичъ... Будетъ. Петръ Алексан-
дровичъ.

КАРАСЕВЪ, СТАРКЕВИЧЪ (*входятъ*), 1й и 2й ЧЛЕНЫ.

КАРАСЕВЪ.

Воп соіг, Сергѣй Тимоѣичъ. Господа, вы позволите ново-
му нашему члену присутствовать въ засѣданіи?

МАЗАРОВЪ.

Очень рады.

СТУПИНЪ.

Это даже очень пріятно. Дяче же? Теревтьевъ пріѣхалъ,
Петръ Александровичъ. Вотъ, Тимоѣичъ былъ у него.

КАРАСЕВЪ.

Я слышалъ. Это хорошо, а то нашъ городъ былъ безъ
головы. Баламбуръ, замѣтьте.

МАЗАРОВЪ.

Но не совсѣмъ удачный; тебѣ лучше иногда удавались.

КАРАСЕВЪ.

Пожалуй что (1й и 2й и еще два вошедшіе только - что члены ему кланяются и слушаютъ). Здравствуйте. А иногда дѣйствительно... помнишь, Иванъ Ильичъ, мы были на вечерѣ у министра внутреннихъ дѣлъ? Разговоръ шелъ о какомъ-то губернаторѣ, что его надо перевести; потомъ заговорили насчетъ моста въ томъ же городѣ, что мостъ надо поправить, плохъ... Я и говорю: „какъ же вы губернатора-то, говорю, переведете, ваше высокопревосходительство?“ На другой день этотъ каламбуръ подхватили и повторяли при Дворѣ и во всемъ Петербургѣ; но главное, мнѣ-то самому разказывать всѣ какъ новость.

МАЗАРОВЪ.

Ну что же, отдавай всѣ сполна, Доцатниковъ?

КАРАСЕВЪ.

Отдавай. Но, братъ, считай, кажется, разъ десять; отдасть, да потомъ: „постойте,“ говорить, „не двѣ ли слились?“

СТУПИНЪ.

А ты бы ему: три, молъ; да никакъ не растащишь; ровно, молъ, срослись.

(Всѣ смѣются.)

КАРАСЕВЪ.

Однако... что жь это не подѣвзаютъ?

СТУПИНЪ.

Да почти всѣ здѣсь. Съѣдутся. Что же ты не заѣхалъ отсюда ко мнѣ? Мы въ трынку до бѣла дня жарили; Игвашка было трепака олять... однако два колѣна сдѣлалъ; „не могу“ говорить, „что хошь.“ Пятки отбилъ, третедлись. Да какъ и не отбить? Что дѣлалъ извергъ..... Вотъ бы ты его когда, Петръ Александрычъ, на сцену, на театрѣ выпустилъ. Его ли надо? Вонъ его, лежокъ на поминѣ.

САМОВАРНИКОВЪ. *(Входитъ въ шляпѣ на бекрень. Натыкаетъ.)*

Вечеркомъ красна дѣвица,
На прудокъ гусей гнала,
Черноброва, бѣлолица,
И какъ ангелъ хороша.....

Воп южъ, Петръ Александрычъ. Слушай... ты знаешь гдѣ Ступинъ-то пропадаетъ по ночамъ? У Леонтинки. Честный человекъ. И... (*шепчетъ Карасеву на ухо.*) Какова скотина!

СТУПИНЪ. (*Хочетъ.*)

Вретъ, ей-Богу вретъ. Самъ льянствовалъ у ней недавно трои сутки.

КАРАСЕВЪ.

Что жь? Быль молодцу не укора.

САМОВАРНИКОВЪ.

Что, братъ, Сергѣй Тимошеичъ? Жена чай трелку задава вчера? Признайся. Она вѣдь у тебя ученая. Философія, говорятъ, все Гегеля читаетъ.

МАЗАРОВЪ.

Остроумно.....

САМОВАРНИКОВЪ.

Ты бы купилъ ей что-нибудь помудренѣе; фармакологию какую-нибудь. А? Передовые вы, братъ, съ ней. Школу, говорятъ, заводите?

МАЗАРОВЪ.

Что жь? Это дѣло не худое, школа.

САМОВАРНИКОВЪ.

Что тутъ дурнаго? А на открытіе, какъ хочешь, я вые-чу съ Цыганками. Гдѣ же Тарасъ Гаврилычъ нашъ? Тарасій прелодобный; я что-то безъ него соскучился.

СТУПИНЪ.

Слушай, Игнаша.

САМОВАРНИКОВЪ.

Ну?

СТУПИНЪ.

Проляши на театрѣ трелака, сдѣлай такую милость.

САМОВАРНИКОВЪ.

Да отчего жь не пролясать? Изволь. Я игралъ на театрѣ. На благородномъ, разумѣется. Да еще, коли хочешь знать братъ, жеппе ргемиер игралъ... лервыхъ любовниковъ.

СТУПИНЪ (*хочетъ*).

Ахъ чортъ тебя деру! Съ трелакомъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Вотъ скотина. Какой же тутъ трелакъ? Эти роли чувстви- тельныя.

КАРАСЕВЪ.

Я васъ, кажется, не познакомилъ. Самоварниковъ, здѣшній купецъ... Старкевичъ, знаменитѣйшій юристъ и мой товарищъ по университету. Еще студентомъ совершилъ переводъ въ юриспруденціи... Первая голова въ Россіи; да и въ Европѣ, братъ, не изъ послѣднихъ числится; на диспутахъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ..

СТАРКЕВИЧЪ.

Петрушка!

КАРАСЕВЪ.

...Даль себя звать. У него слуска нѣтъ и Европейцамъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Очень пріятно. Карасевъ, Ступинъ... Катнемте-ка сегодня вечеромъ въ Калугино на тройкахъ... Кучеръ, братъ, новый у меня; пѣски поеть, я вамъ скажу... Просто какой-то соловей-разбойникъ, бестія.

СТУПИНЪ.

Эхъ ты миляга!

КАРАСЕВЪ.

Некогда. Дѣла гибель у меня. Впрочемъ увидимъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Всѣхъ не-дѣлъ не передѣлаешь.

СТУПИНЪ.

Развѣ трелака засвѣтишь, — такъ и быть, — идетъ? Поѣду. Пустимъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Не знаю. Это отъ меня, братъ, не зависитъ.

СТУПИНЪ.

Какъ не зависитъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Также. Вѣдь это какъ расположеніе. Главное, надо быть въ ударѣ,—вотъ какъ тогда... Иначе ничего не выйдетъ.

СТУПИНЪ.

Ну, тогда, братъ, ты плясалъ, — я вотъ Петру Александрычу разказывалъ; я тридцать лѣтъ слухомъ трелакомъ занимаюсь... Стало-быть, это моя часть. Отецъ, покойникъ, ужъ чего ни дѣлалъ, отчитывалъ и розгами поролъ, и билъ; изъ Нижняго безъ языка два раза привозили... Однимъ словомъ, страсть моя; лить, вѣсть не стану, рубаху,—вотъ она,—отдамъ послѣднюю если хоть мало-мальски... А какъ ты плянешь,—разрази меня на этомъ мѣстѣ,—я не видывалъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Чего, братъ, онъ и стѣитъ мнѣ, этотъ трепакъ; тысячь, должно-быть, за десятокъ я протрепачилъ на вѣку своемъ.

СТУПИНЪ.

Да это... Другой все спустить, братъ, а ничего не выйдетъ; это дается тожь не всякому.

САМОВАРНИКОВЪ.

Сережа... Ну, признайся, была тебѣ головомойка за вчерашнес? Какую теперъ книгу-то читаете? Петръ Александрычъ, знаешь отъ чего дѣтей нѣтъ у Мазарова? Жена ему по ночамъ лекціи читаетъ... изъ философіи.

ДОЩАТНИКОВЪ *(входитъ)*.

Добраго здоровья!

КАРАСЕВЪ.

Здравствуйте! Очень радъ. Терентьевъ, говорятъ, пріѣхалъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Такъ мнѣ-то что до него? Есть онъ Терентьевъ, али нѣту..

КАРАСЕВЪ.

Позвольте мнѣ васъ попросить на пару словъ. *(Отводитъ въ сторону.)* Въ случаѣ онъ будетъ возражать, поймите, вы товарищъ головы, заступали его мѣсто въ думѣ... Слѣдовательно, что бы при васъ ни сдѣлано, онъ не имѣетъ права вступаться.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Вступись, попробуй, я ему пропою; я не крикаивъ, а часомъ тожь упористъ.

КАРАСЕВЪ.

Такъ понимаете *(вводитъ его въ сосѣднюю комнату)*.

СТУПИНЪ.

Игнаша... Вотъ что; пять радужныхъ я пропилъ; еще пяттокъ идутъ, шевельнемъ въ воскресенье, чтобы, понимаешь ты меня—задрезжало. Хочетъ мнѣ тебя въ ударъ привести... Пьянствую я двѣ недѣли; куда ни шло еще недѣлю, такъ и быть.... Ну двѣ пропьянствую, удовлетвори ты меня, сдѣлай такую милость; раскуражь какъ слѣдуетъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Да изволь; отчего же? Только ей-Богу не зависить отъ меня.... Иной разъ просто ноги сами ходятъ, въ другой, чортъ ее знаетъ, что хочешь, ничего не сдѣлаешь. Тутъ просто нужно вдохновеніе.

СТУПИНЪ.

Ну, вдохновись. Голубчикъ. Колѣнца три хошь, вотъ изъ этихъ, съ каблукомъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Да, отчего жь? Это съ камканомъ, въ три антраша? Изволь.... Только право не знаю. Буде въ ударъ приду, почему же?..

СТУПИНЪ.

Ударь. Вотъ Карасева позовемъ съ его пріателемъ. Идетъ что ль?

САМОВАРНИКОВЪ.

Да, изволь. Отчего жь? Попробую. Только пожалуста, братъ, не подь скрипки. Терпѣть не могу. Закажи торбаиста.

СТУПИНЪ.

Ужь объ этомъ... Все будетъ на чеку; только ты самъ-отъ ублаготвори меня.

САМОВАРНИКОВЪ.

Хорошо; надовѣль. Сказано, и шабашъ. Скорѣ бы съѣзжались; скука смертная. Шелчутся всѣ: точно исповѣдь какаа. (Анахоретову:) Чтò, много вопросовъ-то сегодня?

АНАХОРЕТОВЪ.

По театру, по кавализаціи, да еще о школь.

САМОВАРНИКОВЪ.

Чтò же намъ до школы? Мы денегъ дали и учи чему знаешь.

СТУПИНЪ.

Все это прокламація одна. Такъ не забудь, братъ, въ воскресенье? Не удери куда-нибудь.

ИСПРАВНИКЪ *(сходитъ. Нѣсколько членовъ сходятъ)*

САМОВАРНИКОВЪ.

Исправникъ.... Мое почтеніе.

ИСПРАВНИКЪ.

Здравствуйте. Здорово. Здравствуй. Мое почтеніе. Здорово. очтеннѣйшему нашему Тарасу Гавриловичу... Сергѣй Тизеевичъ. Здоровы ли?

КАРАСЕВЪ.

Какъ поживаете? Простите что обманулъ, не пріѣхалъ на реферансъ. Не могъ, весь вечеръ провозился съ архитекторомъ.

т. сxx.

19

ИСПРАВНИКЪ.

Мы ждали васъ было... Предсѣдатель отличился; представьте, объявляетъ восемь въ ликахъ, съ четырьмя козырями... Ходъ не его. Мы всѣ вистуемъ и.... Что жъ вы думаете?!

КАРАСЕВЪ.

По меньшей мѣрѣ безъ одной.

ИСПРАВНИКЪ.

Выигралъ.... Какъ вамъ это покажется? (*Смѣется.*)

САМОВАРНИКОВЪ.

Такъ карты иной разъ расположатся.

КАРАСЕВЪ.

Позвольте васъ познакомить, Иванъ Ильичъ Старкевичъ; начальникъ здѣшняго уѣзда и города.

ИСПРАВНИКЪ.

Весьма радъ. Я слышалъ и желалъ.... Вѣдь вы изволите...

СТАРКЕВИЧЪ.

Покуда не служу вѣгдѣ. Кандидатъ правъ.

КАРАСЕВЪ.

Онъ, видите, былъ приглашенъ юрисконсультомъ въ Государственный Совѣтъ. Но вотъ сейчасъ письмо отправилъ, отказался.

ИСПРАВНИКЪ.

Почему-съ?

КАРАСЕВЪ.

Я самъ былъ противъ этого, но теперь, какъ онъ мнѣ объяснилъ, дѣйствительно силъ человѣческихъ не хватитъ.

ИСПРАВНИКЪ.

Занятій много вѣроятно?

КАРАСЕВЪ.

Занятіе бы ничего, но при его развѣздахъ нѣтъ возможности. Ему поручено собрать статистическія свѣдѣнія изъ всей Россіи; потомъ, знаете, для сравненія, изслѣдовать то же зяйство за границей, и между прочимъ, въ Англіи. Тутъ понимаете, работа, тамъ... Ну, и былъ вынужденъ.

ИСПРАВНИКЪ.

Конечно; при такой многосложности.

КАРАСЕВЪ.

Нельзя... Это въ какіе-нибудь два-три года себя уложимъ. Вотъ я вамъ покажу, вообразите, двѣнадцать чемодановъ

цифръ одѣхъ; а вы замѣтите, половина отправлена ужь въ Петербургъ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Петрушка. Я сейчас же объявлю что ты...

КАРАСЕВЪ.

Послушай... Лучше уѣзжай... Это становится невыносимо.

ТЕРЕНТЬЕВЪ *(Входитъ.)*

КАРАСЕВЪ.

А, вотъ и нашъ глубокоуважаемый Тимошей Савельевичъ... Позвольте васъ обнять отъ полноты души и вмѣстѣ съ тѣмъ по... поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Много благодарствую, сударь. А отъ обзятій прошу избавить... Ни лобзанія ти дамъ... Дальше самъ знаешь. Добраго здоровья.

ИСПРАВНИКЪ.

Здравствуйте... Ну, какъ же съѣздили?

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Да слава тебѣ Господи. Все по хорошему.

ИСПРАВНИКЪ.

А такъ позагостились.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Да вѣдь, то одно, то другое, времени-то и не видать. За то вездѣ Богъ велѣлъ быть; и у министровъ были, и... однимъ словомъ. Здорово, Сила Васильичъ; все добрѣшь. Игнаша, здравствуй... Что это ты прокуратимъ? Зачѣмъ Цыганъ-то выписалъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

А тебѣ до этого какое дѣло?

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Дѣла, положимъ, вѣтъ, да не подобно. На кой лядъ ты ихъ приволокъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Это, олять-таки, мнѣ лучше знать. Ужь если выписалъ, такъ стало-быть необходимы.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Дѣло твое. Да, что же? Я вамъ помѣшалъ никакъ? У васъ вѣдь совѣщаніе. Мнѣ можно быть-то, али...?

КАРАСЕВЪ.

Вы нашъ почетный членъ, слѣдовательно...

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Какъ же это, ни устава еще нѣтъ, ни утвержденія, а вы ужь членовъ назначаете? Господина исправника, какъ же это?

ИСПРАВНИКЪ.

Это приготовительныя засѣданія... Чтò жь тутъ такого? Даже пріятно; посидишь, послушаешь. Лучше же чѣмъ кутежи, да драки. А я, признаться, радъ. Вонъ, Сила Васильичъ занялся, по крайней мѣрѣ кулачные бои забылъ, не собираетъ.

СТУПИНЪ.

Не позабылъ, а конче боецъ перевелся. Бойца нѣтъ ва- стоящаго...

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Твоему высокородью лучше знать. Чтò же? И мы слушаемъ... Для чего не послушать?

КАРАСЕВЪ.

Такъ можно и открывать, мнѣ кажется? Не угодно ли занять мѣста. (*Всѣ размѣщаются.*) Господина Анахоретовъ, дайте мнѣ дѣло объ устройствѣ оперы. Тимошей Савельичъ.. Позвольте познакомить васъ: Старкевичъ Иванъ Ильичъ, извѣстнѣйшій юристъ.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Весьма пріятно. Тоже къ намъ на жительство?

СТАРКЕВИЧЪ.

Нѣтъ-съ. Проѣздомъ.

КАРАСЕВЪ.

Онъ путешествуетъ по Россіи для собиранія различныхъ свѣдѣній касательно торговли, какъ внешней, такъ и внутренней.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Такъ. Петербургскіе?

СТАРКЕВИЧЪ.

Теперь изъ Петербурга.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Здравствуй, Тарасъ Гаврилычъ. Чтò косишься?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Не косусь я. Что мнѣ коситься на тебя? Здравствуй, Тимошей Савельичъ.

КАРАСЕВЪ.

Я, господа, начну съ вопроса объ устройствѣ оперы.

СТУПИНЪ (Самоварникову).

Нѣтъ, братъ, Игнаша, прежнихъ Цыганокъ нѣтъ. Хоть бы, чай помнишь, Стежку взять, али опять Матренка? Это вѣдь незабвенныя!

САМОВАРНИКОВЪ.

Погоди. Послушаемъ.

СТУПИНЪ.

Да чего слушать-то? Канитель.

КАРАСЕВЪ.

Предварительно позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о значеніи театра вообще и о его благотвѣтельномъ вліяніи на нравы общества. Въ развитіи человѣческихъ обществъ, какъ справедливо сказалъ одинъ извѣстнѣйшій германскій мыслитель, мы замѣчаемъ нѣсколько фазисовъ, обуславливаемыхъ большею или меньшею степенью куль.. культуры.

СТАРКЕВИЧЪ.

Это ты все еще не забылъ. Помнишь, какъ мы это зубрили въ гимназіи?

КАРАСЕВЪ.

Перестань. Такъ, въ дикомъ состояніи человѣкъ ограничивается одною цѣлю, достиженіемъ средствъ къ физическому, грубому существованію; даже одежда исключается, такъ-сказать, изъ регистра этихъ примитивныхъ нуждъ его.

СТАРКЕВИЧЪ.

Ай, Петька. Слово въ слово.

КАРАСЕВЪ.

Пожалуста, братъ... Самоохраненіе, но оно есть не у однихъ людей, мы замѣчаемъ у животнаго, у звѣря, даже у ин... инфузоріи. Отличіе общества образованнаго отъ дикаго, стало-быть, заключается въ стремленіи удовлетворить нуждамъ болѣе высшимъ, то-есть духовнымъ.

ИСПРАВНИКЪ.

Очень хорошо. Прелюбопытно.

КАРАСЕВЪ.

Дикіе...

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Чего овъ? Погоди. Нешто мы дикіе?

КАРАСЕВЪ.

Я провожу, поймите, параллель межъ обществомъ образованнымъ...

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Образованіе другая рѣчь... Учились мы на латаки, да все жь не дикіе... Народъ крещеный.

ВТОРОЙ ЧЛЕНЪ *(присѣвая)*.

При великомъ князѣ Владимірѣ, въ Кіевѣ, было крещеніе Россіи; въ девятьсотъ восемьдесятъ восьмомъ году-сь. *(Садится.)*

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Да... Вонъ еще когда... Такъ какіе жь дикіе? Сергѣй Тимоеичъ, хоть бы ты вступился; ты образованный. Опять звѣрей привелъ... Развѣ мы звѣри?

МАЗАРОВЪ.

Позвольте же имъ кончить по крайней мѣрѣ свою рѣчь.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Да рѣчь-то безтолковая... Звѣри, да дикіе какіе-то... Хотѣлъ по театру, а толкуеть о звѣрьѣ, о дикихъ.

КАРАСЕВЪ.

Это вступленіе... Позвольте мнѣ окончить.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ *(вставая)*.

Я бы желалъ сказать на это... Да не могу.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Отчего не можешь? Говори.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

Не могу, Тимоеичъ Савельичъ... Очень ужь я робокъ-сь.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Это дѣло другое.

КАРАСЕВЪ.

Такъ, позвольте?

СТУПИНЪ.

Чего тутъ позволять-то? Это не въ думѣ. Здѣсь голова вѣтъ. Читай знай.

САМОВАРНИКОВЪ.

Кто же здѣсь можетъ запретить? И зачѣмъ перебиваютъ? Это просто невѣжество.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Да читайте. Я было за васъ же... Васъ примѣняютъ то къ звѣрю, то къ дикимъ.... Это вѣдь просто наругательство.

МАЗАРОВЪ.

Никакого вѣтъ тутъ наругательства, а вы или лаять не хотите, или....

КАРАСЕВЪ.

Положительно никакого.... Я говорилъ объ удовлетвореніи потребностей духовныхъ, которыя необходимы въ просвѣщенномъ обществѣ, каково здѣшнее....

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Ну что тутъ лебезить-то. Опять билиберда. Здѣсь просвѣщенна, братъ, у насъ немного. Меня и министръ просвѣщенія тачалъ, что школы не въ порядкѣ. И за дѣло, правду надо говорить, тачалъ.

КАРАСЕВЪ.

Торговое сословіе....

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Это вотъ вѣрно.

СТУПИНЪ (съ стороны).

Пріѣхалъ. Ничего не смыслить, а торчитъ коломъ. Что не при немъ затѣяно, все не ладно.

САМОВАРНИКОВЪ.

Очень ужъ поумнѣлъ, побывалъ у министровъ. И вѣдь давно бы кончили, еслибы не мѣшалъ. Петръ Александровичъ, продолжай пожалуйста.

КАРАСЕВЪ.

Я прямо приступаю къ докладу. Такъ какъ городская дума назначила театру ежегодное пособіе, но суммъ наличныхъ въ настоящее время не имѣется, то я, принявъ на себя содержаніе оперы, прошу васъ, господа, для того чтобъ ускорить заключеніе контрактовъ съ лѣвцами, выдать мнѣ заимообразно изъ своихъ средствъ сумму назначенную думою. Деньги изъ думы вы согласились, милостивые государи, выдать мнѣ въ январѣ мѣсяцѣ, теперь октябрь....

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Какіе же это такіе „милостивые государи“ согласились?

МАЗАРОВЪ.

Мы согласились... члены.

ВТОРОЙ ЧЛЕНЪ.

Это вѣрно.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

И вышли олухи.

МАЗАРОВЪ.

Тимофеей Савельичъ...

ДОЩАТНИКОВЪ.

Отъ олуха слышу. Да.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Вотъ простефиля-то; никто не вызывалъ, а онъ какъ тутъ. „Я, говоритъ, здѣсь.“ Знать молодой глауль съ придурью, а старый насквозь.

ИСПРАВНИКЪ.

Тимсоей Савельичъ... Не годится такъ, ей Богу не годится.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

А имъ годится безъ пути деньги сорить мірскія? Ну?

СТУПИНЪ.

Тебѣ то что?

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Какъ „что“? Я горожанинъ тожь; съ насъ, чай, лотащете.

САМОВАРНИКОВЪ.

Ужь это какъ слѣдуетъ. Мы на твой счетъ даже рѣшили танцовщицъ изъ Парижа выписать.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ *(встаетъ)*.

Я бы желалъ на это возразить... И даже тогда я хотѣлъ въ думѣ... да не могу....

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Отчего?

ПЕРВЫЙ ЧЛЕНЪ.

Что хотите, не могу.... Очень я робокъ-съ.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

А коли робокъ, такъ чего вставать-то? Нѣтъ, пока я голова, этого не будетъ; не ворощь...

КАРАСЕВЪ.

Я отложу до января... Мнѣ все равно. Я дѣйствовалъ здѣсь въ интересахъ общества, дѣлалъ для васъ же, чтобы не улустить лучшей персоналъ; у насъ лѣвицы и лѣвцы всѣ, такъ-сказать, на перечетѣ.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Ты денегъ-то съ насъ сколько прибралъ? Гдѣ онѣ?

КАРАСЕВЪ.

Позвольте васъ просить, милостивый государь, говорить мнѣ „вы“, иначе... Что жъ касается до денегъ, даваемыхъ мнѣ нѣкоторыми лицами, я готовъ дать въ нихъ отчетъ, а равно и обезлечить эти лица векселями.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Мы и требуемъ. Чего же, я отчета отъ тебя и требую.

КАРАСЕВЪ.

Страшно. Не могу же я сейчасъ вамъ подать счета.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Да... Сейчасъ... Потому я узналъ, братъ, объ тебѣ.

КАРАСЕВЪ.

Что же? Что вы обо мнѣ узнали?

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

А то что ты, братъ, гусь, самый пустой человѣкъ... Служилъ ты, просто-на-просто, писцомъ; и въ какой канцеляріи-то знаю.

КАРАСЕВЪ.

Я повторяю вамъ, извольте говорить „вы“. Да, я служилъ. Дальше?

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

А дальше, ты уставъ о банкѣ выслалъ въ Питеръ?

КАРАСЕВЪ.

Высылаю на дняхъ. Я ждалъ его вотъ, Старкевича, чтобы посоветоваться...

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Какого такого Старкевича?

КАРАСЕВЪ.

Что жь мнѣ вамъ объяснять, если вы не знаете даже кто такой Старкевичъ? Имя его не извѣстно въ Россіи, вѣроятно, только однимъ вамъ.

ИСПРАВНИКЪ.

Господа, я прошу васъ...

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

А мы васъ просимъ разузнать что онъ за птица.

КАРАСЕВЪ.

Я, милостивый государь, не птица, а дворянинъ. Будьте увѣрены, я васъ заставляю быть со мною повѣжливей... Господа, господи въ городничій, вы свидѣтели.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Погоди, не горячись... А ты лучше скажи, крестьянъ-то съ Мухоморъ, двухъ мужиковъ подсылалъ кто, въ видѣ пайщиковъ? Скажешь, не ты? Они у меня оба и сейчасъ сидятъ; не отойдутся.

КАРАСЕВЪ.

Послѣ всего этого я долженъ удалиться; иначе я не руча-

юсь, господа.. Старкевичъ, ѣдемъ. Господа, я честь имѣю кланяться. (*Уходитъ со Старкевичемъ.*)

МАЗАРОВЪ.

Тимоеей Савельевичъ бездоказательно накинуться на челоуѣвка, это воля ваша...

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Какъ бездоказательно? Какихъ тебѣ еще доказательствъ? Прощальна; мнѣ въ Петербургѣ сказано... пятнадцать рублей въ мѣсяць получалъ... Голь, по чердакамъ, кой-гдѣ перебивался; я былъ и у хозяйки-то...

САМОВАРНИКОВЪ.

Что же изъ этого?

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Какъ „что“?

САМОВАРНИКОВЪ.

Также. Былъ голь, а могъ разбогатѣть; въ настоящее время развѣ мало есть такихъ примѣровъ: сегодня ни гроша, а завтра, смотришь, миллионщикъ.

ИСПРАВНИКЪ.

Мало ли такихъ; фортуна.

СТУПИНЪ.

Что-нибудь есть же у него, этого быть не можетъ.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Есть: пятерня да лазуха.

САМОВАРНИКОВЪ.

Понесъ, жаль не взнуздали. Разумѣется есть все-таки; зкилажъ, поваръ, живетъ баринкомъ.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

На чьи живетъ онъ баринкомъ-то? На ваши. Я говорилъ, не слушали, съ нимъ подлецомъ кумись, а за карманъ держись.

ИСПРАВНИКЪ.

Тимоеей Савельичъ. (*Отводитъ Терентьева въ сторону.*)

ДОЩАТНИКОВЪ.

Чуло ретивое. Правда, что Господь захочетъ наказать, разумъ отыметъ. Голь, дѣло видное. Надо скорѣе выручать что можно.

СТУПИНЪ.

Пускай векселя дасть намъ и на остальные, какъ далъ вотъ на вчерашнѣя.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Да что съ него возьмешь по векселямъ-то? Ну? Годятся эти векселя стрялухамъ пироги подкладывать, чтобы не подгорѣли. *(Смѣется.)* Что призадумался, Тарасъ Гаврилычъ? Али орѣхъ не по зубамъ? А еще лѣзетъ въ головы; полгода управлять, а залѣзъ въ трясину по самую бороду; да и горюхъ завелъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да я ли велъ? Вонъ грамотеи, образованные жожаки-то. Больно умны вишь, слова не смѣи сказать.

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Курицу лица не учать, старина. Тебѣ, поди, медали свислись; а Ступинъ Сила Васильичъ кирличъ собрался продавать по четвертной за тысячу. *(Хочетъ.)* Зданія, вишь, да постройки пойдутъ... Вотъ тѣ и постройки. Эхъ вы мякинники! Пѣтуха со звономъ встрѣчали, думали князь. *(Хочетъ.)*

МАЗАРОВЪ.

Однакожь, собственно говоря, вѣдь ничего покуда не доказано. Самъ губернаторъ...

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Да губернатору-то что? Чай губернаторъ думаетъ: „у нихъ не на плечахъ-те головы, а не горшки лечные“. Ну? На помочахъ что ли водить васъ губернатору-то? Деньги чай не губернаторскія, ваши прогорѣли.

САМОВАРНИКОВЪ.

Однако, если это справедливо, дѣло дрянь. Вѣдь тысячь до пятидесяти я одинъ должно-быть ему передалъ. Какъ, Сила Васильичъ, какъ ты полагаешь? Правда?

СТУПИНЪ.

Чего тутъ? Знамо, втяпались.

ДОЩАТНИКОВЪ.

А ддяча же ты не писалъ изъ Питера, буде узналъ?

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

А ддя того, не лѣзь куда не годевъ. Вотъ ддяча. Пояль?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да кто лѣзеть-то? Ну? Прахъ васъ возьми и съ думой-то. *(Беретъ шапку.)*

ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Что, братъ Гаврилычъ, поперхнулся? Я-ста ожгу Терентьева; быковъ скулаю со всей Имперіи... Самихъ-то васъ въ одинъ табунъ согнать, да пастуха приставить. *(Беретъ чучелу гуся и передаетъ ее Доцатникову.)* На-ко вотъ возьми, свеса ввучатамъ. Не чьи, твои, братъ, денежки-то, кровья, горъли. *(Хочетъ.)*

ДОЦАТНИКОВЪ.

Чортъ бы васъ всѣхъ лобралъ! *(Вышибаетъ чучелу.)* Убирайтесь всѣ къ дьяволу. *(Уходитъ.)*

ТЕРЕНТЬЕВЪ *(падаетъ съ кресла.)*

Ой, со смѣху умрешь тутъ съ вами... Ваше высокоблагородіе... Вотъ полюбуйсь, какъ наши молодцы расторговались; барыши какіе нажили. Прощайте-ко... Поѣдемъ, ваше высокоблагородіе... Мы вѣдь съ тобой лаевъ на скотоводство не бирали. Охъ, чтобъ васъ... Вотъ такъ добычкики!... Знай нашихъ! Эдакъ торговать, еще бы не разжиться.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

(Контора Мазарова; чучелы птицъ убраны.)

ДОЦАТНИКОВЪ, СТУПИНЪ, САМОВАРНИКОВЪ *(сходятъ).*

САМОВАРНИКОВЪ.

Дѣло прошедшее, а я, господа, съ перваго раза замѣчалъ что есть что-то такое въ этомъ Карасевъ.

СТУПИНЪ.

Такъ длача же не говорилъ, коли замѣчалъ? Деньги-то совалъ ему зачѣмъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Не говорилъ, лотому думалъ: „чортъ его знаетъ; поладешь еще въ какую-нибудь исторію“. Потомъ, наконецъ, вижу всѣ даютъ, дѣлаютъ довѣріе, и я далъ.

СТУПИНЪ.

Кашицу заварили... Вотъ, телерь расхлабывай.

САМОВАРНИКОВЪ.

Что же тут расклебывать? Плюнуть остается. На зерно поналожить, воротимъ.

СТУПИНЪ.

Нѣтъ, иной кто хочетъ.... А я плевать зачѣмъ же? Мнѣ свои надо выручить.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Нѣтъ, ужь куда ни вынесеть, а я этого пса дойму Теретьева. Я ему въ жизнь этого гуся не забуду.

СТУПИНЪ.

А уѣзжаетъ, слышь?

САМОВАРНИКОВЪ.

Кто? Карасевъ?

СТУПИНЪ.

Нешто. Мнѣ Самуилко встрѣлся, сказывалъ. „Векселя“, говоритъ, „дасть вамъ; обезпечить.“ Велико обезпеченье, коли и вправду самъ-то голъ какъ бубень.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Какое это обезпеченье? Нѣтъ, векселя векселями, а его надо здѣсь намъ придержать; первое, на зло этому псу Теретьеву, второе, помаленьку все-таки же что-нибудь выручимъ. Знамо, глядѣть надобно въ оба, чтобъ опять, какъ ни на есть, не объгорилъ:

САМОВАРНИКОВЪ.

Да какъ еще объгоривать? Ужь, кажется, надулъ такъ, что... Обремизилъ; просто безъ одной, что называется.

СТУПИНЪ.

Я давѣ клалъ на счетахъ; тысячъ около сотенки сгорѣло; да по мелочамъ: камешки приходили, не заплачено, мнѣ за кирпичъ, на библиотеку, мадама говоритъ, не отдашь, а собиралъ подлиску, аспидъ. Да мало ли? Куда ни сунься, вездѣ дыра; самимъ намъ зашивать придется, плохо; не замай самъ, лесъ его ѣшь, заштопаешь.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Про что же я и толкую? Хошь по полтинѣ выморчимъ,— и то разчетъ. А выгнать долго ли? Да что луты-то, выгонись? Быковъ закулить луть; только одного не лущать въ крайну, а кого-нибудь изъ нашихъ съ нимъ послать, да скалидара.

САМОВАРНИКОВЪ.

Кромѣ потери, вылустить—это идти намъ на посмѣшище; губернатора просили о томъ, о семъ и вдругъ мыльный пузырь изъ всѣхъ проектов; одинъ Терентьевъ одолить. Да наконецъ и самъ онъ смѣяться будетъ: „вотъ де нашлись олухи“.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Вѣстимо.

САМОВАРНИКОВЪ.

Наконецъ, чего добраго, нынче гласность, подробно распечатаютъ въ какой-нибудь редакціи.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да это мнѣ... Печатай сколь душѣ угодно. А зарвались, деньги затрачены. Вотъ эта вещь. Еслибы мало-мальски скотъ пошелъ, ровно бы надо понажитья.

СТУПИНЪ.

А ты о барышахъ еще? Какіе ужъ барыши, хоть бы свои-то вырвать. Вишь, мы высоко подъяли, да саизу-то не подперли.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Не такъ барышъ мнѣ дорогъ, а дорого огрѣтъ этого пса Терентьева. Я ему гуся не забуду.

СТУПИНЪ.

Такъ стало-быть, създимте къ нему, попросимте чтобъ остался. Радъ не радъ, а говори: милости просимъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Извѣстно създить надо... Только глядите, вида не давать что мы съ разчетомъ. Смирно. „Вотъ, такъ и такъ“, молъ, „мы желаемъ чтобы все по старому.“

САМОВАРНИКОВЪ.

Ужъ разумѣется... Собраться депутаціей... Фракъ, я думаю, надѣтъ и бѣлый галстукъ. Въ случаѣ согласится, даже можно овацію устроить?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Каку такую овацію?

САМОВАРНИКОВЪ.

Фейерверкъ что ли небольшой, или обѣдецъ?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Только у тебя и на умѣ обѣдцы, да Цыганки. Эхъ, Игватъ Игватичъ...

СТУПИНЬ.

Что скажете, вотъ будетъ сейчасъ, Сергѣй Тимоѣичъ; онъ поѣхалъ къ Терентьеву развѣдать о нашемъ карасѣ. Да я послалъ за Кузьмичемъ; этого лоразспросимъ, не былъ ли у него, мошенникъ, „что и какъ?“ Небось озялся?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Ну, не велика лтица, впрямь... Самъ будетъ радъ, прїѣдемъ съ мировою.

САМОВАРНИКОВЪ.

Это еще старуха надвое сказала... Положимъ, бестія... А все-таки этакой афронтъ для человѣка образованнаго, какъ хотите.

(Въ дверяхъ показывается Анахоретовъ.)

СТУПИНЬ.

Никакъ Кузмичь...

САМОВАРНИКОВЪ.

Грузенъ лорядкомъ, кажется.

СТУПИНЬ.

Онъ пьяный-то стоворчивѣй. А никакъ навеселѣ, въ рохмель, вотъ бѣда. Такъ и есть; значить ругаться начнетъ; ничего не добьешься.

АНАХОРЕТОВЪ.

Купечество! Краса отечества... Коммерческіе люди... Всякаго благополучія.

САМОВАРНИКОВЪ.

Нѣтъ, кажется назрѣлъ. Стукнулъ въ достаточномъ количествѣ.

СТУПИНЬ.

Здорово... Слушай.

АНАХОРЕТОВЪ.

Слушаю; въ оба два... Было бы только что... А то иной разъ, не во гнѣвъ, ты понесешь такое—уши вянуть.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Ну вотъ, нашелъ совѣтника... Вишь онъ человѣкъ мокрый; коли не льявъ, такъ выливши.

АНАХОРЕТОВЪ.

Ты пьяныхъ стадо-быть не видывалъ, Тарасъ Гаврилычъ. Пьянъ вотъ когда какъ пальцы врозь, а въ глазахъ-то ни народъ, ни ельникъ.

СТУПИНЬ.

Понесъ... А ты безъ прибаутокъ. Тебя за дѣломъ позвали... Былъ вонче ты у Карасева?

АНАХОРЕТОВЪ.

Быль.

СТУПИНЪ.

Что же онъ сердитъ небось за вчерашнее?

АНАХОРЕТОВЪ.

Бѣда... Не подходи... Просто Юпитеръ громовержець... И до васъ крѣпко добирается.

СТУПИНЪ.

Да переставь ты балагурить-то... Мы хотимъ къ нему, увидишь ты, съѣздить.

АНАХОРЕТОВЪ.

Просить чтобъ онъ васъ оплелъ еще на сотенку... Такъ что же? Ничего. Съѣздите.

СТУПИНЪ.

Ну, вотъ. Эхъ, братъ, Кузьмичъ, тебѣ говорятъ дѣло.

АНАХОРЕТОВЪ.

А я развѣ бездѣлье говорю?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Пойми, вѣдь деньги чай давы, не щелки; надо же ихъ какъ-нибудь....

АНАХОРЕТОВЪ.

За гриву не держался, за хвостъ, братъ, не удержишься. Вѣдь нынче дураковъ нѣтъ; всякъ уменъ, да только что одинъ сперва, а другой послѣ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Съ тобой, я вижу, толковать надо ловѣвши.

АНАХОРЕТОВЪ.

Такъ не толкуй. Мужикъ съ дровами ѣдетъ, а кулець навстрѣчу: „Мужикъ, а мужикъ, что везешь?“ „Сѣно.“ — „Какое же, говорить, сѣно? Это дрова.“ „А коли видишь, такъ чего ты меня спрашиваешь?“

СТУПИНЪ.

Убирайся, пьяница.

АНАХОРЕТОВЪ.

Ну, вотъ не показалось—„пьяница“. Да на васъ поглядѣть, такъ зальешь горькую. Ей Богу. Вонъ господинъ Мазаровъ за границей путешествовалъ... Да видно разума и за моремъ не купишь, коли въ сусѣкѣ нѣтъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Уходи лучше, Никаноръ Кузьмичъ, будетъ спокойнѣе.

АНАХОРЕТОВЪ.

Сила Васильичъ.

СТУПИНЪ.

Что?

АНАХОРЕТОВЪ.

Проляжи трелака. Хоть полколѣнца. За кирличъ стребую.

СТУПИНЪ.

А можно развѣ? Выплатить?

АНАХОРЕТОВЪ.

Кланяйся въ ноги льяницѣ. Получимъ до колѣйки.

ДОЩАТНИКОВЪ.

А наши, какъ ты полагаешь, Никаноръ Кузьмичъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Нельзя ли и эти получить?

СТУПИНЪ.

Кои мы дали на скотину-то?

АНАХОРЕТОВЪ.

Ну, эти, братъ, ау. Помѣть на ногтѣ. (*Уходитъ.*)

СТУПИНЪ.

Дѣлецъ, что толковать. А надо съ нимъ поговорить. Хоть за кирличъ-то стеребить бы. Такъ коли вѣхать, ты распорядись, Игнатъичъ; оповѣстить вѣдь надо кой-кого.

САМОВАРНИКОВЪ.

Да, я поѣду. Пошлю артельщиковъ; изъ мѣщанъ человекъ шесть прихватимъ для эффекта. Я фракъ, все-таки, думаю надѣть. Здѣсь собираться-то?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Отъ тебя ближе. Да вотъ и Тимоееичъ. Ну, что?

СТУПИНЪ.

Что?

САМОВАРНИКОВЪ.

Ну, какъ дѣла?

МАЗАРОВЪ.

Да, дѣло наше, господа, я долженъ вамъ сказать, очень и очень некрасиво; не буду вамъ разказывать подробностей, все... реказисто. И, воля ваша, несмотря на доказательства, болѣе или менѣе, очевидныя....

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да деньги-то, скажи, воротимъ али нѣтъ съ него?

т. сxx.

19*

МАЗАРОВЪ.

По всей вѣроятности, не получимъ; но мнѣ все-таки не вѣрится чтобъ ужь онъ, какъ говоритъ Терентьевъ, былъ обманщикъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Вотъ еще. Да кто же онъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Это ужь въ самомъ дѣлѣ довольно мудро: надулъ, а не обманщикъ.

СТУПИНЪ.

Не обманщикъ, а плутъ.

МАЗАРОВЪ.

Я этого не отрицаю, но сообразите: я, жена моя, ты, Игнатій Игнатьичъ, все-таки мы вращались въ обществѣ, людей видали. Можно ли было принять этого человѣка за пройдоху? Потомъ этотъ Старкевичъ; человѣкъ съ большими свѣдѣніями, въ высшей степени скромный...

ДОЩАТНИКОВЪ.

Тоже выжиги. Ужь знамо, два салага—пара. Да какъ же? Членомъ выдаетъ себя совѣта. Ну? Развѣ эдаки бываютъ члены? Члена видать сейчасъ... Членъ войдетъ, взглянетъ, все въ немъ особое; однимъ словомъ, лицо. А этотъ такъ какой-то замухрышка.

МАЗАРОВЪ.

Это, положимъ, нынче вывелось; и важное лицо, а просто себя держитъ.

САМОВАРНИКОВЪ

Въ настоящее время гуманность.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Объ этомъ, смалчивай до времени, какіе они люди; всѣхъ кобелей не передѣлаешь... У насъ о другомъ рѣчь; мы хотимъ его на червяка попробовать.

МАЗАРОВЪ.

Какъ это?

СТУПИНЪ.

Съ покловомъ къ нему създить.

МАЗАРОВЪ.

Къ Карасеву?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да.

САМОВАРНИКОВЪ.

Понимаетъ, депутаціей?

МАЗАРОВЪ.

Какъ „депутацией“?

СТУПИНЪ.

Такъ же. Чтò жь деньгамъ такъ и пропадать?

МАЗАРОВЪ.

Деньгамъ зачѣмъ же пропадать, но все-таки, если, не на обумъ же говорить Терентьевъ, если онъ лаутъ...

СТУПИНЪ.

А намъ какое дѣло?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Ну? Да онъ залатитъ нешто намъ, Терентьевъ? Ему орать-то можно... Онъ не далъ ни полужки ему мошеннику...

МАЗАРОВЪ.

Не локимаю...

ДОЩАТНИКОВЪ.

Съ лихой собаки хотъ шерсти клокъ, пословица.

САМОВАРНИКОВЪ.

Вопервыхъ, капиталъ не шуточный, за сотню тысячъ, вторыхъ, чтò жь за охота быть лосмѣшищемъ? Нашумѣли, и бакъ и чортъ ее знаетъ чтò, да вдругъ всѣ въ пору... Помилуй, братъ, вѣдь это олухами сдѣлаться на всю Россію.

МАЗАРОВЪ.

Зачѣмъ же? Мы выполнимъ все это и безъ него.

СТУПИНЪ.

Спасибо. Это стало-быть, еще другаго звать: „вотъ обирай, моль, насъ рабовъ Божіихъ съ начала“.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Нѣтъ, теперь, отецъ родной приди, кажется, съ того свѣта, попроси взаимы,—не дамъ алтына; я безтолковъ, да памятливъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Не зарекайся, Тарасъ Гавриловичъ. Мудрено, говорятъ, раскаться, а тамъ само лойдетъ.

МАЗАРОВЪ.

Все-таки, господа, я не могу сообразить зачѣмъ вы къ нему ѣдете, да еще депутацией? Благодарить что ли за то что ловко обобразъ?

СТУПИНЪ.

Вотъ не вдолбишь. Да каинкомъ что ли бѣлый свѣтъ

сочелся? Ну? Чай дураковъ-то еще слава тебѣ Господи... На вашу вѣкъ хватить?

МАЗАРОВЪ.

Такъ что жь изъ этого?

СТУПИНЪ.

Какъ что? Другихъ отыщете вислоухихъ, а намъ-то вы-
платить...

ДОЩАТНИКОВЪ.

Еще бы.

САМОВАРНИКОВЪ.

Разчетъ, вѣрнѣе быть нельзя, совершенно основательный.

СТУПИНЪ.

Какъ это ты, Сергѣй Тимоеевичъ, не смекаешь, а еще обра-
зованный?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. (Въ дверяхъ.)

Можно?

МАЗАРОВЪ.

Да, я думаю... Жена моя, господа... Не помѣшаетъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Tres agreable, напротивъ. Je vous salue, madame. Какое
афронтецъ-то, Надежда Александровна?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Да; признаюсь. Я удивляюсь одному, это терпѣнiю и смис-
ходительности Петра Александровича?

САМОВАРНИКОВЪ.

Какъ это? Je ne comprends pas.

МАЗАРОВЪ.

Но послушай, однако же, Nadine.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

А я, признаюсь, васъ не понимаю, и въ особенности тебя...
Да, тебя, mon cher. Человѣка лублично обругали Богъ зна-
етъ за что...

МАЗАРОВЪ,

Какъ „Богъ знаетъ за что“? Да, напимѣрь, этотъ одинъ
постулокъ: подослать двухъ мужиковъ въ качествѣ лайщи-
ковъ. Это вѣдь ужь доказано. Развѣ это честно?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

И вы, господа, вѣрите Терентьеву? Да кто поручится что
онъ не подкупилъ ихъ самъ?

МАЗАРОВЪ.

Послушай.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Дай же мнѣ договорить. Положимъ даже это дѣло Карасева; подобный фортель вещь обыкновенная въ Америкѣ, вездѣ, въ нашъ вѣкъ. Для оживленія вопроса мало ли употребляются какія мѣры, да еще гдѣ, въ парламентахъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Совершенно вѣрно. То ли еще отмачиваютъ въ настоящее время.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Это устроилъ онъ, конечно, не для васъ; онъ самъ бы, вѣроятно, разказалъ вамъ послѣ, это устроено для большинства, для тѣхъ изъ лайщуксвъ ксторыхъ иначе не вразумишь. Я просто и изъ этого вывожу что это человѣкъ практическій.

СТУПИНЪ.

Да что говорить? Дѣло торговое. А ну-ка впрямь въ казну товаръ сдавали мы съ тобой Гаврилычъ? Помнишь чай? Что жь, чисто, скажешь?

ДОЩАТНИКОВЪ.

Кто Богу не грѣшнъ? Хоть, правду надо говорить, ты меня смущалъ въ тѣ лоры, а я грѣха лобавался шибко.

СТУПИНЪ.

Ну, дѣдъ, и ты у Бога не забыть; не перескочишь, такъ подлѣзешь.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Полно-ко ты съ лустяками-то. Что же мы ни вонъ, ни въ избу? Надо рѣшать.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я бы на вашемъ мѣстѣ съѣздила. Просто лѣхала бы объясниться.

САМОВАРНИКОВЪ.

Что братъ, Сережа? За это мерси. Позвольте ручку, Надежда Александровна. Не говорили мы что безпремѣнно надо ѣхать.

СТУПИНЪ.

Нельзя не ѣхать.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Какъ не ѣхать? Да какъ иначе деньги-то ты выморщишь съ него мошенника?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Тутъ вовсе не объ деньгахъ.

ДОЩАТНИКОВЪ.

А то объ чемъ же? На крестины что ли звать его пройдоху?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Я увѣрена, по объясненіи вы убѣдитесь что это просто штука Терентьева; онъ интригуешь противъ тебя, Serge, и противъ васъ, Тарасъ Гаврилычъ; это такъ ясно для меня какъ день, какъ дважды-два. Вы, извините за выраженіе, „безтолковые люди“, а онъ провидательный умъ, спаситель города, дѣлецъ, хозяинъ. Онъ за это еще медаль, орденъ получить, помяните мое слово; а вы разыграете роль жертвъ, роль незавидную. Неужли вы, люди опытные, умные и этого не видите?

САМОВАРНИКОВЪ.

Совершенно вѣрно. То-есть, математически доказано. Честный человекъ. Позвольте еще разъ ручку, Надежда Александровна. Ну, братъ Сережа, жена твоя просто профессоръ; хоть въ академію. Ясно, именно какъ дважды-два.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Мы, дамы, тоже примемъ участіе, заявивъ нашу признательность. Такихъ людей надо поощрять. Я сейчасъ всѣхъ объѣду. Жаль что вашей жены здѣсь нѣтъ, Игнатій Игнатьевичъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Я за нее; но чѣмъ же? Чѣмъ вы заявите?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Это пока секретъ; да вы увидите.

МАЗАРОВЪ.

А вѣдь пожалуй что ты и права? Да... Очень вѣроятно. Что жъ? Объяснитесь. Это, признаюсь, мнѣ въ голову не приходило. Дѣйствительно... Да... Очень можетъ быть... Что жъ? Свѣздитте.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Насилу-то надумалъ. Чего тутъ думать-то? Знамо надо не выпускать... Выпусти и пиши долгъ-отъ на воротахъ, а по-лучай съ надолабы.

(Всѣ идутъ въ двери).

САМОВАРНИКОВЪ.

Сбираться у меня. А какъ вы полагаете, Надежда Александровна, какъ въ этихъ случаяхъ? Фракъ, все-таки я думаю, и бѣлый галстукъ?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Зачѣмъ же фракъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Конечно, можно бы и въ сюртукѣ, но, какъ вы думаете, все-таки мнѣ кажется, не лишнее. (*Уходятъ*).

II.

(Кабинетъ Карасева).

СТАРКЕВИЧЪ (въ дорожныхъ сапогахъ), КАРАСЕВЪ (съ сигарою. Входятъ. Первый начинаетъ укладывать сакъ-воляжъ, второй садится въ кресло противъ письменнаго стола).

СТАРКЕВИЧЪ.

Кажется все уложено? Чтò братъ, Петруша? Хватилъ шильцомъ латоки? А? Вотъ-те и „шикъ задавать надо, пы... пыль пускать“. Ну чтò находился? Попалъ?

КАРАСЕВЪ.

Нисколько; кто тутъ попалъ, это еще вопросъ, и, я тебѣ скажу, довольно сложный.

СТАРКЕВИЧЪ.

Какъ это?

КАРАСЕВЪ.

Такъ же. Да ты возьми, напримѣръ, Турцію...

СТАРКЕВИЧЪ.

Не понимаю.

КАРАСЕВЪ.

Чего же тутъ не понимать? Вѣдь держится? А почему? Да просто, задолжала.

СТАРКЕВИЧЪ.

Ну полно. Чтò ты Турція въ самомъ дѣлѣ что ли? Укладывайся-ка, братъ, лучше.... Турція. Собирайся-ка; сейчасъ прѣдутъ лошади, я заказалъ. Выѣсть и тронемся, пока... Доѣдемъ до желѣзной, я въ Москву, а ты куда глаза глядятъ... Въ Америку, спичи говорить о благѣ челоуѣчества; ты же на это мастеръ.

КАРАСЕВЪ.

Зачѣмъ въ Америку? Мнѣ хорошо и здѣсь.

СТАРКЕВИЧЪ.

Я тебѣ говорилъ: „ври, да знай мѣру“. А ты закусишь удила, и чортъ тебя знаетъ, самъ не поманишь какую чушь вешешь. Вотъ и довраля, братъ.

КАРАСЕВЪ.

Неаѣность.

СТАРКЕВИЧЪ.

Эй, утекай, Петрушка, пока не приперли. Въ ямѣ сидѣть не весело.

КАРАСЕВЪ.

Ты разсуждаешь совершенно какъ мальчишка. Я удивляюсь, братъ. А еще, говоришь, сидишь надъ философией. Конечно, заברי я тысячу, двѣ, можетъ-быть попалъ бы въ яму; но тутъ, подымай повыше, считай за сотенку.

СТАРКЕВИЧЪ.

Такъ что же?

КАРАСЕВЪ.

Да ничего.

ИВАНЪ (*уходитъ*).

Сила Васильичъ пріѣхали.. Господинъ Мазаровъ, Игнатъ Игнатичъ. Да ихъ много тамъ.. Велѣли доложить.

СТАРКЕВИЧЪ.

Ага... А что исправникъ съ ними? А? Будочники?

ИВАНЪ.

Никакъ нѣтъ-съ.

КАРАСЕВЪ.

Иванъ Ильичъ... Сдѣлай одолженіе, оставь ты свои эти шуточки. Попроси подождать... Я позволю, тогда и влустись.

ИВАНЪ.

Слушаю-съ. Въ кабинетъ прикажете?

КАРАСЕВЪ.

Да. Въ кабинетъ. (*Иванъ уходитъ*). Старкевичъ... Я сюртукъ надѣну, выйду... Прими ты ихъ, пожалуста.

СТАРКЕВИЧЪ.

Покорнѣе благодарю. Самъ накуралесиль, а я тутъ отдувайся за него.

КАРАСЕВЪ.

То-есть, какъ это накуралесиль? Я не понимаю что ты хотѣлъ этимъ сказать?

СТАРКЕВИЧЪ.

Какъ что? Да вѣдь ты ихъ... Что же тутъ договаривать-то? Тебѣ чай лучше знать.

КАРАСЕВЪ.

Рѣшительно не понимаю. Впрочемъ, если тебѣ не хочется, не принимай. Я сейчасъ выйду самъ. Извини братъ, я переодѣнусь (*Уходитъ*).

СТАРКЕВИЧЪ.

Вотъ мѣдный лобъ! Нахальство-то какое! Ахъ, подлець... Попадася какъ мышь въ коробъ, что называется, и вдругъ... „Я, говорить, положительно не понимаю...“ А? Да ему плюй въ глаза,—не оботрется. Но нѣтъ, мое-то положеніе... Навералъ что я какой-то контрагентъ, собираю свѣдѣнія... Дернула же нелегкая меня заѣхать; провѣдать, изволите видѣть, захотѣлось стараго товарища. Хорошо товарищъ! „И онъ“, я думаю толкуютъ, „должно-быть тоже гусь, если такіе у него товарищи.“

САМОВАРНИКОВЪ (*въ дверяхъ*).

Пускаютъ грѣшныхъ въ рай? Можно войти?

СТАРКЕВИЧЪ.

Войти? Его здѣсь нѣтъ, но... можно, я думаю.

САМОВАРНИКОВЪ.

Честь имѣю... Иванъ Ильичъ? Такъ я васъ называю?

СТАРКЕВИЧЪ.

Конечно такъ. Вѣдь я не подъ чужимъ же именемъ. Да, я бы желалъ знать, отъ меня-то собственно что вамъ угодно?

САМОВАРНИКОВЪ.

Какъ ваше здоровье?

СТАРКЕВИЧЪ.

Остричь тутъ, милостивый государь, нечего. Если вы думаете... Но я васъ долженъ предупредить, общаго я ничего съ нимъ не имѣю... Сидѣть на одной лавкѣ съ человѣкомъ въ училищѣ, это еще не значитъ быть съ нимъ солидарнымъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Однако, чортъ возьми. Сунула меня нелегкая... А все этотъ Мазаровъ. Самъ не пошелъ, подлець. Вы уже собираетесь?

СТАРКЕВИЧЪ.

Да-съ. Собираюсь и даже сію минуту.

САМОВАРНИКОВЪ.

Это жаль... Не погостили... А Петръ Александровичъ какъ? Здоровъ?

СТАРКЕВИЧЪ.

Онъ... Здоровъ, кажется. Впрочемъ, я не знаю. Да онъ отъ сейчасъ выйдетъ. (*Отходитъ, садится въ другое кресло и читаетъ книгу.*)

САМОВАРНИКОВЪ *(ходитъ нѣкоторые время, потъ мѣ подсаживается).*

Какъ неприятно намъ тогда, Иванъ Ильичъ, совершенно неожиданно, этотъ самодуръ Терентьевъ... Отсутствіе образованія... Мужикъ, знаете, неотесанность... Помилуйте, Петру Александрычу мы, можно сказать, вѣтъ обязаны... Вѣдь еслибы вы видѣли что до него здѣсь было... А теперь, возьмите, банкъ не нынче завтра, клубъ-съ, театръ начали строить; вотъ, Богъ дастъ, опера... Вотъ вы бы гдѣ-нибудь въ фельетонѣ, вѣрно у васъ есть знакомцы изъ литераторовъ, вотъ, молъ, и въ дальнихъ уголкахъ Россіи наконецъ начивается...

СТАРКЕВИЧЪ.

Такъ вотъ они зачѣмъ. А вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ Турція. По настоящему надо бы объяснить. Не честно. Послушайте. Мнѣ кажется, положимъ онъ обладаетъ нѣкоторою энергіею, но все-таки, вы бы могли вѣдь завести все это и безъ него? Онъ-то у чего тутъ?

САМОВАРНИКОВЪ.

Какъ у чего? А чья же инициатива? Ужъ это какъ хотите, инициатива ихняя-съ. Этого никто ужъ не отниметь, даже враги его и тѣ... Pardon, я перебыю... Скажите, что онъ... взглянулъ какъ слѣдуетъ, благоразумнымъ окомъ, на эту глупую... Я не умѣю даже, честный человѣкъ, какъ и назвать, или...?

СТАРКЕВИЧЪ.

Да, разумѣется, ему это прискорбно, хотя... Я долженъ вамъ откровенно, это человѣкъ...

САМОВАРНИКОВЪ.

Но, послушайте, Иванъ Ильичъ... Такъ я васъ называю?

СТАРКЕВИЧЪ.

Такъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Послушайте. Если Петръ Александрычъ этимъ обижаются, это, стало-быть, они насъ мало понимаютъ; это, я вамъ скажу, даже довольно странно съ ихней стороны. Неужто же мы его промѣняемъ на какую-нибудь, просто сказать, свинью въ родѣ Терентьева?

СТУПИНЪ *(показываетъ въ дверь съ Доцатниковымъ).*

Молодецъ Игнашка. Важно.

ДОЦАТНИКОВЪ.

Не больно ли ужь подается?

СТУПИНЪ.

Ничего, отлично.

СТАРКЕВИЧЪ.

То-есть, не обидѣться нельзя. Вѣдь его обвинялъ вашъ голова чуть.... не въ мошенничествѣ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Въ какомъ-съ? Да это даже страшно слышать. Мужикъ, необразованный... Стоить ли обращать вниманіе? „Счеты“, говоритъ, „подай“. Да, послѣ этого, довѣріе-то наше на что же дѣлаю? Если ужь мы довѣряемъ, стало-быть тутъ счеты дѣло правое; есть они али нѣтъ, счеты, если мы человѣку дѣлаемъ довѣріе.

(Въ дверяхъ показывается Карасевъ.)

САМОВАРНИКОВЪ *(въ другія двери).*

Господа, Петръ Александрычъ вышли. Пожалуйте.

(Доцатниковъ, Мазаровъ, Ступинъ, первый членъ, второй членъ, нѣсколько мальчанъ входятъ и кланяются.)

КАРАСЕВЪ.

Здравствуйте. Bon jour, Сергѣй Тимофеевичъ, Тарасъ Гаврилычъ. Чтѣ-съ? Чѣмъ я могу служить вамъ? Не угодно ли вѣсть. *(Не садится; пришедшіе тоже стоятъ.)*

САМОВАРНИКОВЪ.

Петръ Александрычъ, мы пріѣхали извиниться предъ вами въ этомъ глупѣйшемъ.... глупѣйшей выходкѣ господина Тевятева, которую мы всѣ считаемъ обидою нанесенною не вамъ, не вашей личности, а положительно намъ, и мы, будье благонадежны, примемъ мѣры въ самоскорѣйшемъ времени.

МАЗАРОВЪ.

Это нельзя оставить безнаказанно. Главное, накинуться ни въ того, ни съ сего на Петра Александровича. Ну, упрекай въ насъ еще, но на него вдругъ.... Это я считаю, впрочемъ, ничѣмъ инымъ, какъ вотъ собака на васъ бросится шальная в улицѣ; тутъ ровно ничѣмъ и обижаться-то, а разумѣется необходимо принять мѣры чтобы не повторялись подобныя выходки.

САМОВАРНИКОВЪ.

Однимъ словомъ, мы просимъ все это позабыть и... чтобы, вы понимаете, какъ жили, такъ чтобы и жить... Мы тебя высоко уважаемъ, цѣнимъ, слѣдовательно...

КАРАСЕВЪ *(послѣ довольно продолжительнаго молчанія.)*

Благодарю, благодарю васъ, господа. Я дѣлалъ то что могъ и какъ могъ; можетъ-быть я не отвѣтилъ и во многомъ вашимъ ожиданіямъ, но, вѣрьте, это произошло никакъ не отъ недостатка желанія, а просто, можетъ-быть, отъ неумѣнья. Нѣ... нѣкоторыя лица залодозрили меня въ своекорыстіи, въ преслѣдованіи какихъ-то грязныхъ цѣлей, я мо...молчалъ и ограничивался тѣмъ что молча продолжалъ дѣлать дѣло. Послѣ того что я въ вашемъ присутствіи долженъ былъ перенести вчера, я не могу быть долѣе полезень ни вамъ, ни городу. Позорить человѣка безнаказанно нельзя въ благоустроенномъ обществѣ; господина Терентьевъ, разумѣется, отвѣтитъ. Кромѣ того, я знаю хорошо и взглядъ правительства на эти вещи; ему, я знаю, это тоже не понравится; оно увидитъ здѣсь, да и нельзя не видѣть, явное сопротивленіе существующимъ порядкамъ; онъ сдѣлалъ этимъ то, что на вашъ городъ будутъ смотрѣть какъ на явленіе весьма опасное, идущее, такъ-сказать, въ разрѣзъ общественному строю. Да-съ.

СТАРКЕВИЧЪ.

Ахъ, бестія! Вишь вѣдь куда метнулъ. Какая дерзость-то!

САМОВАРНИКОВЪ.

Петръ Александровичъ. Да вы поймите ради Бога, мы-то чѣмъ виноваты? Мы кромѣ глубочайшаго уваженія ничего не питали и не питаемъ къ вамъ.

КАРАСЕВЪ.

Съ вами, я признаюсь, мнѣ жаль расстаться, но разлука необходима, вы это сами видите.

СТАРКЕВИЧЪ.

Это ужъ что-то въ родѣ: „чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи любезный мой?“

СТУПИНЪ.

Стало-быть, нами что ли вы не довольны? Мы предъ тобой все равно вотъ какъ на ладони. Чортъ его вѣдалъ что онъ понесетъ эдаку неурядицу. Да знай мы это, мы бы и въ засѣданіе-то не пустили его, дьявола.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Да и тогда не догадались. Просто бы оборотить, да въ пею. Я не знаю чего только глядѣль, сидѣль тутъ исправникъ-то?

КАРАСЕВЪ.

Вы согласитесь, господа, уже одно имъ высказанное подорваніе...

СТУПИНЪ.

Ты съ нимъ и вѣдайся, да насъ-то не кидай.

КАРАСЕВЪ.

Если вы беззаботитесь о забранныхъ мною деньгахъ, я обещаю васъ немедленно. На ваши деньги, даже пожалуй на всю сумму, не исключая и затраченныхъ, я выдамъ документы. Что издержано для города, я вполне увѣренъ, вы примете.

МАЗАРОВЪ.

Еще бы.

САМОВАРНИКОВЪ.

Тутъ не объ деньгахъ... Главное для насъ обидно, такъ какъ мы со всякимъ уваженіемъ, и вдругъ... Объ деньгахъ вѣчи нѣтъ, и не было.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Этого и въ помышленіи-то не имѣемъ... Да чего тебѣ, и прамъ, противоборствовать-то? Ну? Мы не причины что въ возбужденіи, лѣшій эдакой... Вдругъ словно опалѣль.

САМОВАРНИКОВЪ.

Поймите, мы какъ были, такъ и сейчасъ къ вамъ съ сошественнымъ уваженіемъ...

МАЗАРОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, наши отношенія не измѣнялись и мѣтаться не должны, мнѣ кажется.

ИСПРАВНИКЪ *(Входитъ.)*

Здравствуйте, Петръ Александрычъ. Здравствуй. Здравствуйте Тарасъ Гаврилычъ. Иванъ Ильичъ, мое почтеніе; ахъ мимо, вижу экилажи... Дай зайдю, думаю, поговорю. Слушайте, оставьте вы все это... Бросьте; что за охота бороться? Я увѣренъ, онъ самъ даже раскается; ну, просто, ювѣкъ погорячился и... „Гдѣ миръ да ладъ, тамъ дважды мѣ“, пословица. Вы спизойдите, позабудьте, Петръ Александрычъ, а вы, господа, извинитесь что ли какъ-нибудь

и... Чтобы пошло по старому. Плюньте на это все; въ тысячу разъ покойнѣе.

МАЗАРОВЪ.

Вотъ видишь и еще человекъ уважаемый, и главное совершенно непричастный къ нашему дѣлу, говорить то же самое.

ИСПРАВНИКЪ.

Я васъ прошу, оставьте и чтобы... Вотъ жаль мнѣ некогда. У Веретенникова удавился рабочій на фабрику... Какъ нарочно сегодня утромъ; точно не могъ въ другое время.. Плюньте на это все.

ДОЩАТНИКОВЪ (*Шепчетъ.*)

Плевать-то, за сто тысячъ вѣдь сгорѣло, ваше высоко-родіе.

ИСПРАВНИКЪ (*Шепчетъ.*)

Эхъ, Тарасъ Гаврилычъ... Пошарь-ко въ сундукъ-то... Авось найдется еще сотенка, другая. Не послѣдки... Вѣдь онъ васъ обезличиваетъ, такъ чего же? Жаль мнѣ вотъ некогда... По мой совѣтъ вамъ, господа, стариковскій: миръ, ладъ, согласіе, всего дороже. Вонъ и въ Писаніи: се что добро, во еже жити вкулъ. Забудьте, плюньте вы на всѣ эти... Согласіе дороже всякихъ благъ на свѣтѣ. До свиданія. (*Уходитъ.*)

САМОВАРНИКОВЪ (*Исправнику.*)

Благодаримъ васъ. Совершенно справедливо. Петръ Александровичъ.....

СТУПИНЪ.

Пойми ты насъ.

КАРАСЕВЪ.

Я отъ души благодарю васъ, господа, за ваше доброе обмѣ мнѣніе. Повѣрьте, я цѣню его высоко, но остаться при лостоянной оппозиціи, любимите, даже вѣдь бесполезно; онъ градской голова, мое тутъ положеніе...

СТУПИНЪ.

Послѣдній годъ ему. Намъ только расходиться, а разошлись, не скоро убаюкаешь. Дай срокъ, вотъ будутъ выборы, то-есть я тебѣ говорю, не то что, залаху его не будетъ. Довольно тебѣ этого?

САМОВАРНИКОВЪ.

На воровыхъ, если желаетъ прокатиться, пусть баллотуруется.

СТАРКЕВИЧЪ (*глядитъ то на одного, то на другаго и поднимаетъ плечами.*)

Что же это такое? А?

МАЗАРОВЪ.

Рѣшайся же... Иванъ Ильичъ. *(Отводитъ Старкевича въ сторону, и что-то говоритъ ему. Старкевичъ молчитъ, запустивъ въ карманы руки, онъ стоитъ въ позѣ человека не понимающаго въ чемъ тутъ дѣло.)*

КАРАСЕВЪ.

Послѣ всего что я отъ него выносилъ въ продолженіе полутора года и наконецъ перевезъ вчера, остаться... вы подумайте...

СТУПИНЪ.

Нечего думать, братъ Петръ Александровичъ, а давай дѣло дѣлать, какъ дѣлали. Онъ крикливъ, да отходчивъ. Горломъ не много навоюетъ; ори, а мы послушаемъ. Стало-быть ты вась ни крошки не жалѣешь. Мы-то чѣмъ виноваты? Ну? Мы за него, чорта, не отвѣтчики. Такъ что-ль? По старому... А ужь обѣдище, братъ, заворотимъ, съ Цыганками... Чтобы все ходенемъ... Такъ что ль, Игнаша?

САМОВАРНИКОВЪ.

Съ градомъ... Толковать еще.

КОРЗИНКИНА *(входитъ съ портфелемъ.)*

Дамы нашего города сдѣлали мнѣ лестное порученіе передать вамъ, Петръ Александровичъ, эту вещь, какъ слабый знакъ ихъ глубочайшаго уваженія. Пользуясь случаемъ, прошу васъ принять и мой искреннѣйшій привѣтъ и увереніе въ моемъ къ вамъ искреннемъ почтеніи... Петръ Александровичъ, вы...

КАРАСЕВЪ.

Прошу васъ, передайте дамамъ что я глубоко тронуть ихъ вниманіемъ... Я не успѣлъ заслужить его, но... Я не нахожу словъ... Этотъ день считаю я счастливѣйшимъ во всей моей жизни.

КОРЗИНКИНА.

Вы столько сдѣлали для общества, что было бы излишнимъ... Но я не смѣю долѣе обременять... Позвольте мнѣ вамъ поклониться. *(Раскланивается и уходитъ.)*

КАРАСЕВЪ.

Прощайте. Mes compliments sinceres...

МАЗАРОВЪ.

Вотъ тебѣ новое доказательство что мы тебѣ не лгали, а оворили искренно, что чувствовали...

КАРАСЕВЪ.

Господа... Я повторяю, не нахожу словъ... Меня глубоко трогаетъ... Я плачу, видите, но оставаться...

САМОВАРНИКОВЪ.

Петръ Александрычъ... Ты насъ знаешь.. Ну, есть ли хоть малѣйшее лукавство въ насъ? Ты видѣлъ насъ и видишь...
СТУПИНЪ.

Да, чего еще? Народъ, одно слово, на ладоги весь, какъ есть.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Чего ты оласаешься-то, впрямь?

КАРАСЕВЪ.

Я ничего не оласаюсь.

САМОВАРНИКОВЪ.

Иванъ Ильичъ... Такъ я васъ называю?

СТАРКЕВИЧЪ.

Такъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Уговорите вашего пріятеля... Расположеніе наше къ нему для васъ теперь довольно ясно. Чѣмъ же мы виноваты, если вдругъ какое-нибудь животное на васъ, или вотъ на него, внезапно бросится? Петръ Александрычъ, ты пойми. Вонъ горожане здѣсь... Ты намъ не вѣришь, ну, а они зачѣмъ пришли? Никто не гналъ ихъ, не бараны. Стало-быть питаютъ что-нибудь къ тебѣ, если собрались.

ДОЩАТНИКОВЪ *(Ступину сполголоса.)*

Сила Васильичъ... Говори... У тебя ловчій выходитъ... Игнатьичъ замолодъ что-то такое несурзкое.

МАЗАРОВЪ.

Главное, ты насъ-то оставляешь въ странномъ положеніи; всѣхъ предпріятія въ ходу, и вдругъ мы врозь... Вѣдь это насмѣшнымъ... Нашумѣли, да тѣмъ, что называется, и кончили.

ДОЩАТНИКОВЪ.

Знаю.

СТУПИНЪ.

Извѣстно дѣло. Охъ, рѣшайсь. Кто старое помянетъ, глазъ вонъ... А мы замѣсто глазу, вонъ голову. Такъ ли?

(Нѣсколько голосовъ: „такъ, извѣстно дѣло. Сила Васильичъ скажетъ.“ Слы-ются.)

КАРАСЕВЪ.

Не слѣдовало бы, но дѣлать нечего... Я слабъ и... долженъ сдаться.

САМОВАРНИКОВЪ.

Брависсимо...

СТУПИНЪ.

Ура! Вотъ за это спасибо.

(Нѣсколько голосовъ: „благодаримъ“.)

ДОЩАТНИКОВЪ.

Ну, вотъ, давно бы такъ. Любовь всего дороже.

КАРАСЕВЪ.

Но только, господа, я остаюсь съ однимъ условіемъ... Или Терентьевъ, или я.

СТУПИНЪ.

Вотъ, стоить толковать о чемъ... Сказано: „залаху его не будетъ...“ И шабашъ.

САМОВАРНИКОВЪ.

Да, разумѣется... Велика птица намъ Терентьевъ. А лучше вотъ что, господа... Поѣдемте ко мнѣ откушать... Всѣхъ прошу...

СТУПИНЪ.

Трепака лустить?

САМОВАРНИКОВЪ.

Въ тридцать три колѣна, пожалуй съ четвертью; чтобы пертамъ до слезъ.

СТУПИНЪ.

Эхъ ты милага. Поцѣлуемся, Петръ Александрычъ, и что-бы *(цѣлуются)* все было *(цѣлуются)* у насъ по старому. Карасевъ обнимаетъ всѣхъ прочихъ.)СТУПИНЪ *(Старкевичу)*.

Вотъ видѣли вы насъ? Мы вотъ какъ, захотѣли, и не могли никто; швырну десятокъ, сотню тысячъ,—не указывай. Вотъ, намъ Терентьевъ говоритъ: „мошенникъ, лаутъ Петръ Александрычъ.“ Не о томъ рѣчь, кума.. Будь онъ хоть архиепископъ,—стало мы этого желаемъ. И не могли отнюдь.. Хочу, стало-быть: на; ничего не жаль, валяй... Знай нашихъ! Полаи, милостивый государь?

СТАРКЕВИЧЪ.

Вы мнѣ позволите вамъ откровенно?

СТУПИНЪ.

Сдѣлайте ваше одолженіе.

СТАРКЕВИЧЪ.

Сначала такъ еще, какъ будто... Но теперь, я признаюсь, и Богу ничего не понимаю.

Н. ЧАБВЪ.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ*

РОМАНЪ

VII.

Юхотскій чувствовалъ себя далѣе чѣмъ когда-нибудь отъ прямыхъ путей жизни, о которыхъ наломала ему Раиса Михайловна. Все что еще недавно казалось ему такимъ яснымъ, такимъ легкимъ, такъ неуклонно ведущимъ къ простой и озаренной цѣли, вдругъ стало страшно трудно и полно какого-то обманчиваго мерцанія.

Прежде, въ годы рабочей молодости, въ годы своего послушанія, какъ выразился онъ въ письмѣ къ Овергагеу, когда предчувствіе жизненныхъ бурь неясно являлось возбужденному воображенію, онъ видѣлъ одну только повѣстическую сторону этихъ бурь, и ждалъ ихъ съ нетерпѣливымъ чувствомъ вызова, въ которомъ выливался избытокъ его нравственныхъ силъ. Какъ легко казалось ему лить съ этимъ чувствомъ противъ грозно воздвигшихся волнъ, при блескѣ молніи и музыкѣ громовыхъ ударовъ... Онъ и теперь, когда буря зашумѣла надъ нимъ, не клонилъ презъ

* См. №№ 10 и 11 *Рус. Вѣсти*.

нею головы, но видѣлъ что молнія освѣщаетъ не однѣ толь-ко лавтическія скалы, но и мутныя хляби, наполненныя лодятою со дна тивой. Онъ чувствовалъ на себѣ бремя тягостныхъ узъ, въ которыя сплетались нити жизни. Онъ остался бы слокоенъ, еслибы могъ одинъ подставить этой бурѣ свое лылающее лицо. Но мысль его неотступно возвращалась къ Манѣ, и онъ почти изнемогалъ подъ бременемъ сознаваемой и непоправимой вины. Онъ не могъ забыть ущемленнаго и все еще любящаго взгляда какимъ она проводила его въ сѣняхъ театра, и ея страдаальческій обликъ стоялъ темнымъ пятномъ въ лучахъ свѣта, въ которыхъ являлся ему другой обликъ, неотразимый въ опасной красотѣ своей.

Онъ переживалъ трудные дни. Жизнь и общество потеряли для него прежнюю прелесть. Онъ сидѣлъ дома, не зная что сдѣлать съ собою и съ своею тоской. Пробовалъ работать, но раздраженная мысль отказывалась сосредоточиться, и онъ не находилъ въ себѣ спокойствія, необходимаго для умственного труда. Поѣхать къ Манѣ?... но что онъ скажетъ ей? Краска стыда жгла ему лицо при одной мысли о томъ съ какимъ непростительнымъ и жалкимъ легкомысліемъ увлекъ онъ ее вслѣдъ за собою въ этотъ темный водоворотъ, изъ котораго не умѣлъ выбиться. Онъ чувствовалъ себя предъ однимъ изъ тѣхъ распутиѣ, о которыхъ говорится въ сказкахъ: возьмешь направо, самъ спасешься, коня потеряешь; возьмешь налево — коня сбережешь, самъ въ бѣдѣ очутишься. Ему вспоминался Овергагенъ, но онъ не имѣлъ силы написать къ нему: онъ предвидѣлъ что этотъ строгій умъ также безуменъ въ неразрѣшимыхъ задачахъ дѣйствительности, какъ и онъ самъ. Онъ даже болѣе чѣмъ когда-нибудь боялся прикосновенія его тяжелой руки къ своей болящей ранѣ.

Онъ испытывалъ пожирющую потребность видѣть Раису Михайловну, и со дня на день откладывалъ поѣхать къ ней, какъ будто завтрашній день могъ что-нибудь измѣнить въ его положеніи. Но ему казалось что этою жертвой онъ искупаетъ часть своей вины предъ Маней, и ему доставляло калпривное удовлетвореніе мучить и томить себя. Дни шли, и его тоска разрасталась и душила его. Онъ не въ силахъ былъ оставаться долѣе безъ всякихъ вѣстей о Раисѣ Михайловнѣ и рѣшился воспользоваться приглашеніемъ ея

тетки, чтобы по крайней мѣрѣ узнать о ней, услышать ея имя.

Варвара Павловна занимала прелестный барскій домъ на одной изъ лучшихъ улицъ Петербурга, гдѣ она устроилась съ практическимъ вкусомъ и умѣньемъ, всегда и во всемъ отличавшими ее. Она жила открыто, гораздо болѣе открыто чѣмъ позволяли ея средства, и при всемъ томъ дѣла ея никогда не были слишкомъ запутаны, и никто изъ бывавшихъ у нея въ домѣ не могъ замѣтить чего-нибудь напоминавшаго о близкомъ кризисѣ. Всѣ знали что у Озерецкихъ есть долги, но никто никогда не слышалъ чтобъ изъ этихъ долговъ возникали для нихъ какія-нибудь затрудненія. Даже ихъ единственный сынъ, блестящій и безалаберный Алатолій, пристроенный юнкеромъ въ томъ самомъ полку гдѣ служилъ Устюжевъ и два раза сряду торжественно провалившійся на офицерскомъ экзаменѣ, не могъ разстроить не только ихъ дѣлъ, но и собственнаго, личнаго кредита. Все это достигалось исключительно ловкостью и практичностью Варвары Павловны, обладавшей почти сверхъестественною способностью успокаивать кредиторовъ и вылутываться изъ самыхъ критическихъ обстоятельствъ. Мужъ ея, одна изъ тѣхъ полу-придворныхъ, полу-военныхъ особъ, которыхъ держать въ сторонѣ отъ всякаго дѣла и то только потому что нельзя же совсѣмъ обидѣть человека не имѣющаго ни враговъ, ни завистниковъ, не участвовалъ ни въ какихъ семейныхъ затрудненіяхъ и спокойно пользовался отпущаемыми ему, довольно впрочемъ умѣренными средствами. Это былъ представительный, крупный добрякъ, очень глупый въ рѣдкія минуты когда пускался умничать, и очень удобный во всѣхъ остальныхъ случаяхъ жизни.

Madame Озерецкая приняла Юхотскаго съ очаровательною любовью, съ которою умѣла встрѣчать людей почему-нибудь для нея интересныхъ. Онъ долженъ былъ выслушать упреки за то что не посѣтилъ ея раньше, и ему было выражено удивленіе, отчего онъ не былъ всѣ эти дни у Раисы Михайловны. Варвара Павловна была чрезвычайно опасная женщина: она умѣла какъ-то такъ ловко становиться между людьми, брать такой тонъ что при ея невидимой помощи люди еще недавно познакомившіеся вдругъ чувствовали себя очень близкими другъ къ другу. У нея уже выходило рѣшавшимъ что Юхотскому слѣдовало очень часто бывать у

Раисы Михайловны, и что даже всѣхъ должно удивлять его продолжительное отсутствіе въ ея гостиной.

— Вы хотите... *se faire rechercher*? Право, эти нынѣшніе молодые люди могутъ съ ума свести своимъ важничавьемъ и самолюбіемъ, говорила Варвара Павловна.—Я не старуха, но еще помню время когда считалось за счастье ползать носовой платокъ оброченный женщиной. А теперь я всегда очень остерегаюсь обронить что-нибудь, боясь какъ бы не пришлось самой нагибаться...

— Но я не вижу чѣмъ я заслужилъ это ведаемое сравненіе съ прежними молодыми людьми, возразилъ улыбаясь Юхотскій.

— *Allons donc*, вы хотите меня увѣрить что тутъ нѣтъ самолюбія, продолжала свое Варвара Павловна.—Молодая, красивая, блестящая женщина, можно сказать *la plus belle femme de Pétersbourg*, удостоиваетъ васъ вниманія, отличается въ толлѣ своихъ поклонниковъ, и вы даже не заѣдете сказать ей *bonjour*. Это ни на что не похоже, князь!

— Но можетъ-быть я ловивуюсь чувству самосохраненія? возразилъ Юхотскій.

Онъ сознавалъ что-то опасное въ тонѣ въ которомъ Варвара Павловна говорила о его отношеніяхъ къ Раисѣ Михайловнѣ, но ему не хотѣлось разрушить этотъ опасный обманъ, раздражительно и тайно его волновавшій. Ему доставляло наслажденіе продолжать въ томъ же тонѣ этотъ разговоръ о Раисѣ Михайловнѣ—съ тою которая была такъ близка къ ней.

Варвара Павловна поглядѣла на него съ хитрою, счастливою улыбкой.

— А, вы сознаетесь! вамъ приходится защищаться! радостно проговорила она, пощипывая бахраму которой было отдѣлено ея платье.—Только я вамъ олять скажу, въ мое время молодежь не бѣгала отъ женщинъ въ которыхъ ей случалось влюбляться. Впрочемъ во всемъ виноваты сами женщины—онѣ нестерпимо балуютъ васъ. На мѣстѣ Раисы, я бы васъ совсѣмъ перевоспитала. *Shut*, я слышу ея голосъ... прервала она сама себя, подбѣгая къ двери и тотчасъ отступила, почти таща за собою за руки княгиню Бахтіарову, и вся торжествуя и волнуясь оттого что оба влюбленные такъ неожиданно встрѣтились въ ея домѣ.

Раиса Михайловна вошла объявляя легкимъ холодомъ, со

слабо рдѣющимъ лицомъ и искрами свѣга на собольей опушкѣ шляпы и на крошечной муфтѣ, въ которой забко пряталась ея тонкіе пальчики. Залахъ холода, вмѣстѣ съ тѣмъ слабымъ, страннымъ залахомъ который издастъ лобывшій на морозѣ мѣхъ, ворвался съ нею въ комнату. Варвара Павловна, поднявшись на цыпочки, цѣловала ея раскрасѣвшіяся щеки и тормошила ее, обнявъ обѣими руками за талию. Она въ эту минуту была влюблена въ свою племянницу.

— Ma tante, осторожнѣе, я простужу васъ, слабо защищалась отъ нея Раиса Михайловна, протягивая руку подошедшему къ ней Юхотскому.

Она глядѣла на него черезъ голову Варвары Павловны, съ радостнымъ любопытствомъ торопясь прочесть что выражало его лицо, и не умѣя скрыть восхищенной улыбки, порхавшей въ ея глазахъ и на уголкахъ губъ.

— Васъ давно не видно, Платонъ Николаевичъ, сказала она, стагивая съ руки перчатку.

— Я избавила тебя отъ необходимости журить князя, вмѣшалась Варвара Павловна.—Все время что онъ здѣсь, я не переставала читать ему наставленія. Но онъ сознался что повинуется инстинкту самосохраненія. Не сердитесь за мою нескромность, князь.

— То что я сказалъ, не должно удивлять Раису Михайловну, проговорилъ въ смущеніи Юхотскій.

Бахтіарова, поднявъ обѣ руки, осторожно снимала шляпку. Въ этомъ положеніи ея лицо не было видно Юхотскому, и она не торопилась опустить руки.

— Напротивъ, это меня очень удивляетъ, Платонъ Николаевичъ, говорила она, не глядя на него.—Я не думала чтобы вы повиновались тому же инстинкту, убѣгая отъ меня въ Остенде. Впрочемъ, вы мнѣ сдѣлали честь замѣтить что я похорошѣла съ тѣхъ поръ, добавила она съ несомнѣннѣйшей искреннею улыбкой.

— Не надо быть такою злопамятною, ma chère, вмѣшалась Варвара Павловна.—Платонъ Николаевичъ тогда учился; мыиче мушны учатся ужасно долго, и у насъ, женщны, отнимаютъ ихъ лучшіе годы.

— Я узнаю васъ въ этомъ замѣчаніи, ma tante! сказала смѣясь Раиса Михайловна.

— А развѣ не правда? продолжала Варвара Павловна.—Все хотятъ сдѣлать изъ жизни Богъ знаетъ какую серіоз-

ную вещь. Въ наше время, напротивъ, каждый старался начать жизнь какъ можно раньше и глядѣть на нее какъ можно проще. И право, мы не были оттого менѣ счастливы въ свое время.

— Вы опять дѣлаете изъ себя старуху, улыбулась ей Раиса Михайловна.

Варвара Павловна любила когда ее оспаривали на этомъ пунктѣ, и послала племянницѣ признательный взглядъ.

— А вы, Платонъ Николаевичъ, вы конечно также смотрите на жизнь... очень серьезно? обратилась Раиса Михайловна къ Юхотскому, усаживаясь поспокойнѣе въ низенькомъ креслѣ. — Помните, какъ я тогда за границей долтыывала васъ о васъ самихъ, о вашихъ планахъ? Признаюсь вамъ, того что я больше всего хотѣла узнать, вы не могли объяснить мнѣ...

— Васъ удивляло что я выбралъ такую ограниченную сферу дѣятельности? сказалъ Юхотскій.

— Я и теперь продолжаю удивляться. Конечно, это очень почтенное поприще, но я не могу себѣ представить чтобъ оно вполнѣ удовлетворяло васъ. Я считала васъ не изъ тѣхъ кто довольствуется малымъ. Скажите, развѣ у васъ нѣтъ честолюбія? вы не ищете власти? Вѣдь вы знаете что для васъ открыты всѣ дороги.

— Вы ошибаетесь, княгиня, вовсе не всѣ дороги для меня открыты, возразилъ Юхотскій. — Многія изъ нихъ требуютъ уступокъ на которыя я не могу согласиться. Притомъ, я никогда не заботился поддерживать свои связи въ свѣтѣ, и никогда не стану искать чего бы то ни было непрямыми путями.

Раиса Михайловна помолчала, внимательно глядя на него.

— Но еслибы вамъ не приходилось искать? еслибы васъ сами искали, и предложили бы вамъ блестящее положеніе и болѣе широкое поприще дѣятельности? спросила она.

— Я вѣроятно отказался бы, отвѣтилъ Юхотскій. — Да и что такое могли бы мнѣ предложить? Какъ бы ни было блестяще мое положеніе, мнѣ пришлось бы отказаться отъ независимости, служить чужимъ видамъ и мыслямъ, обязательно провикаться идеями которыя не всегда могутъ совладать съ моими собственными, или дойти до такого ладепія чтобы служить однимъ богамъ и вѣровать въ другихъ. Все это для меня мало привлекательно, и вотъ почему я

предпочитаю ограничиться своимъ скромнымъ призваніемъ, которое впрочемъ не исключаетъ честолюбія, если хотите.

— О да, я знаю, слава ученаго, которую вы приобрѣли уже... прервала его Раиса Михайловна.—Но видите ли, сильные люди обыкновенно добиваются власти, это въ природѣ вещей...

— Я не умѣю достигнуть власти даже надъ самимъ собой, отвѣтилъ Юхотскій.

Раиса Михайловна опять поглядѣла на него внимательнымъ, долытывающимъ взглядомъ.

— Говорятъ, это самая трудная задача, сказала она.

Барвара Павловна подумала что ея присутствіе стѣсняетъ ихъ, и великодушно отыскивала предлогъ чтобъ оставить ихъ вдвоемъ.

— Я вѣлю подать намъ чаю, придумала она, и вышла своєю крадущею походкой.

Раиса Михайловна принялась медленно разстегивать перчатку, остававшуюся на лѣвой рукѣ. Ея темныя брови шевелились, какъ будто за ними трепетала какая-то трудная мысль.

— Чтѣ у васъ новаго, Платонъ Николаевичъ? спросила она, не поднимая опущенной головы.—И чтѣ подѣлываетъ... та хорошенькая дама о которой мы говорили въ послѣдній разъ?

Она задала вопросъ спокойно, весело, и даже бросила на него быстрый боковой взглядъ, но тотчасъ слова опустела голову и занялась перчаткой.

— Я давно не видалъ ея, отвѣтилъ Юхотскій.

Его раздражалъ оборотъ разговора. Зачѣмъ она бросила ему этотъ вопросъ? Ему казалось невозможнымъ говорить съ ней о Манѣ. Она какъ будто пользовалась его несчастьемъ, и это было жестоко съ ея стороны.

— Вы ловитесь все тому же инстинкту самосохраненія? продолжала съ прежнею жестокостью Раиса Михайловна.

— Да, я научаюсь бояться моихъ увлеченій, отвѣтилъ съ тайнымъ раздраженіемъ Юхотскій.

Она поймала эту раздраженную нотку въ его голосѣ, и брови ея опять зашевелились.

— Вы такъ дорожите своею независимостью? сказала она.

— Я боюсь всего саблага, случайнаго, отвѣтилъ Юхот-

скій,—а страсть почти всегда слѣла, и часто соединяетъ людей которые не могутъ, не должны соединяться.

— Но вѣдь вы кажется сказали что та особа... о которой мы говоримъ... она вдова, и стало-быть свободна?

— Я не о ней говорю, отвѣтилъ рѣзко Юхотскій.

Раисѣ Михайловнѣ удалось наконецъ стащить перчатку. Она не бросила ее, а продолжала вертѣть въ рукѣ.

— Такъ о комъ же вы говорите, Платонъ Николаевичъ? вдругъ спросила она, быстро поднявъ голову и взглядывая на него въ упоръ широко раскрытыми глазами.

Что-то темное, опасное, глядѣло на него опять изъ этихъ глазъ. Ему было страшно того что они должны были сейчасъ сказать другъ другу, и еще страшнѣе было подумать что каждую минуту могли прервать ихъ.

— Зачѣмъ вы спрашиваете? вы знаете все... не мучьте меня! проговорилъ онъ съ усиленіемъ, отворачивая отъ нея лицо.

Раиса Михайловна положила обѣ руки на столикъ, который стоялъ между ними, и наклонивъ къ нему лицо, продолжала глядѣть на него тѣмъ же широкимъ, пристальнымъ взглядомъ.

— Ваше чувство пугаетъ васъ? вы боитесь меня? сказала она улавлившимъ до шолота голосомъ.

— Да, все съ тѣмъ же усиленіемъ и не глядя на нее, отвѣтилъ Юхотскій.

— Но почему же? спросила Раиса Михайловна съ чуть примѣтной, насмѣшливою дрожью въ губахъ.

Юхотскій слышалъ эту дрожь въ ея голосѣ и быстро взглянулъ на нее.

— Потому что если это дѣйствительно такъ... если это дѣйствительно случилось... то это большое несчастье! проговорилъ онъ почти со злобой.

— Несчастье? повторила Раиса Михайловна, не шевельнувъ ни одною складкой въ лицѣ и не отводя своего темнаго и блестящаго какою-то тайною и ядовитою радостью взгляда.

— Да, несчастье, повторилъ за нею Юхотскій.—И какъ же я могу смотрѣть иначе? Вы разрушаете то что я создалъ себѣ, вы становитесь предо мною на пути по которому я шелъ упорно. Я давно разорвалъ съ тѣмъ міромъ гдѣ вы живете... Я научался смотрѣть на него какъ на что-то

чужое, научился даже презирать его. И вы хотите чтобы я олять вступилъ въ него, отвѣдалъ бы его ядовитыхъ обольщеній, дышалъ бы его нездоровымъ воздухомъ... И зачѣмъ я вамъ? что можетъ дать намъ ваше чувство? Васъ тѣшитъ красивая сторона жизни, ея шумъ и блескъ, а я скучаю въ этой нарядной пустотѣ, и мнѣ дороги другіе, тихіе и скромные интересы. Мы глядимъ на жизнь съ ея противоположныхъ концовъ, и наши дороги страшно разошлись...

Онъ подвѣлъ глаза, готовые встрѣтить укоры оскорбленнаго, негодующаго чувства. Ему казалось что она никогда не въ состояніи будетъ простить ему то что онъ сейчасъ сказалъ ей. Но ни укора, ни оскорбленія онъ не увидѣлъ въ ея лицѣ. Наклонившись плечами надъ сложенными на столѣ къ рукамъ и спокойно закинувъ голову, она глядѣла на него все тѣми же широко раскрытыми темными глазами, и эти глаза смѣялись сдержаннымъ и радостнымъ смѣхомъ. Ему жутко стало, когда онъ заглянулъ въ эти глаза.

— Вамъ... смѣшно, Раиса Михайловна? проговорилъ онъ со стыдомъ.

— Я не смѣюсь, я радуюсь... отвѣтила она, и губы ея дрожали тихимъ смѣхомъ, и вѣки тоже дрожали, опускались на слабо-прищуренные глаза, засвѣтившіеся острымъ, веселымъ и злымъ блескомъ.—Я радуюсь, потому что вы дѣйствительно... совсѣмъ влюблены въ меня!

Она продолжала глядѣть на него все тѣми же веселыми, смѣлыми глазами, и ему стыдно было потупиться предъ этимъ взглядомъ, и не было силы выдержать его.

VIII.

Прошло двѣ или три недѣли. Юхотскій почти каждыи день видѣлъ Раису Михайловну, и это обратилось для него въ мучительную привычку. Онъ зналъ гдѣ она будетъ завтра, послѣзавтра, и вѣдалъ туда, ловивуясь почти неодолимои потребности. Но это не было спокойное теченіе чувства вступившаго въ обычное русло. Онъ находился все въ томъ же раздраженіи борьбы и сомнѣній; для него было бы страшно сознать въ себѣ окончательно овладѣвшую имъ страсть. Что-то хорошее, чистое, тайно противилось въ немъ этой страсти, и заставляло его страдать. Въ такіа минуты онъ съ

лихорадочнымъ рвеніемъ принимался за свою неоконченную работу, надѣясь найти въ ней тѣ чистыя и серіозныя наслажденія, которыя были такъ нужны ему. И работа подвигалась, унося его на время въ свѣтлый міръ здороваго умственнаго возбужденія. Онъ даже замѣчалъ въ себѣ больше силы и подъема мысли чѣмъ прежде; но затѣмъ опять наступали муки раздраженнаго чувства, и за минутнымъ напряженіемъ слѣдовала такая изнурительная нравственная истома, такой уладокъ духа, какихъ онъ никогда раньше не испытывалъ. Мысль безпокойно билась въ страшно сдузившемся кругѣ внутренней жизни. Съ горечью думалъ онъ о своихъ убѣгающихъ задачахъ, о той области свѣта, истины, добра, въ которой помѣщались его идеалы. Все это было прекрасно не дѣйствительность давила ощущеніемъ бессильнаго размаха, и все чтò она предлагала ему, казалось такимъ малымъ, такимъ узкимъ и тусклымъ сравнительно съ тѣмъ чтò грезилося въ молодыхъ мечтахъ. По временамъ ему начинало казаться что онъ гонится за убѣгающими призраками, о которыхъ говорилъ Овергагенъ; но онъ торопилась отогнать эту мысль, какъ молодую измѣну тому въ чемъ заключалась его спасительная вѣра.

Онъ вспоминалъ Маню и то еще недавнее время когда онъ находилъ подлѣ нея освѣжающую прелесть чего-то чистаго, яснаго и спокойнаго, составлявшаго какъ бы атмосферу, въ которую вступалъ каждый, приближаясь къ ней. Онъ не могъ подумать о ней безъ щемящей укоризны въ своей совѣста. Онъ продолжалъ испытывать какую-то тайную тоску по ней, и по временамъ въ немъ смутно возникала потребность снова увидѣть ее и выяснитъ все недоговоренное въ ихъ послѣднемъ объясненіи. Но ему два раза сказали что ея нѣтъ дома, и онъ ~~не~~ былъ увѣренъ, не избѣгала ли она нарочно встрѣчи съ нимъ.

Между тѣмъ жизнь начинала затрогивать его съ другой стороны. Раздраженіе произведенное его диспутомъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кругахъ, проскользнуло въ печать двумя-тремя запаальчивыми вылазками. Въ особенности одна статья, появившаяся въ довольно солидномъ издавіи, не могла не обратить на себя вниманія тономъ раздражительной нетерпимости и безцеремонностью чисто личныхъ намековъ и надѣвательствъ. Статья была *ad hominem* и очевидно рассчитывала на скандалъ. Въ то же время, въ одной газетѣ

появилась довольно странная корреспонденція изъ уѣзда въ которомъ находилось имѣніе Юхотскаго. Среди обычной болтовни объ уѣздныхъ новостяхъ, корреспондентъ переходилъ къ печальному положенію крестьянъ, и обрисовывъ его нѣсколькими рѣзкими чертами, продолжалъ такимъ образомъ: „А между тѣмъ, ваше мѣстное дворянство считаетъ въ своихъ рядахъ не мало лицъ съ огромными средствами, и не только съ русскімъ, но и съ европейскимъ образованіемъ. Такъ между прочимъ одно изъ большихъ здѣшнихъ имѣній принадлежитъ князю Ю—, извѣстному, какъ говорятъ, въ самой Германіи своими учеными трудами. Правда что труды эти писаны не у насъ, а подъ рукою вѣмецкихъ профессоровъ, такъ что является затрудненіе опредѣлить, сколько въ нихъ нашей собственной, русской учености. Можно впрочемъ во всякомъ случаѣ порадоваться что выкупные лаатежи, составляющіе не легкое для крестьянъ бремя, употреблены въ этомъ случаѣ владѣльцемъ такъ - сказать въ интересахъ высшей культуры; но было бы желательнo и можетъ-быть справедливо еслибы просвѣщенный помѣщикъ, пребывающій уже много лѣтъ за границей, удостоилъ наконецъ вниманія и свою разоренную вотчину. Положеніе его бывшихъ крестьянъ самое плачевное: условія выкупнаго договора такъ обременительны что недоимка не только не погашается, но возрастаетъ съ каждымъ годомъ, несмотря на энергію мѣстныхъ властей, распродавшихъ чуть не весь крестьянскій скотъ. Въ имѣніи существуетъ лишь одна жалкая школка, да и та почти не дѣйствуетъ, такъ какъ учитель, получающій изъ экономіи весьма скудное содержаніе, вѣчно пьянствуетъ, а крестьяне такъ бѣдны что не могутъ нанять другаго. Кажется не грѣхъ было бы высокоинтеллигентному князю удѣлить меньшей братіи кое-какія крохи отъ своихъ матеріальныхъ и умственныхъ избытковъ“ и т. д.

Статейка эта произвела на Юхотскаго самое тягостное впечатлѣніе. Въ ней не было ни одного слова правды. Выкупной договоръ у него былъ заключенъ съ большими жертвованіями съ его стороны; положеніе крестьянъ было значительно лучше чѣмъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ; школу, очень хорошую, онъ самъ устроилъ еще до поѣздки за границу; управляющаго своего онъ зналъ какъ достойнаго человека, и не сомнѣвался что онъ вездѣ въ чемъ надо поможетъ крестьянамъ. Все, слѣдовательно, было измышлено—

измышлено злобно и гадко. Никакихъ личныхъ враговъ у него тамъ однакожь не было. Откуда же шла эта безличная, глухая, мечущаяся во всѣ стороны злоба?

Онъ былъ всегда не очень внимателенъ къ русской журналистикѣ, а въ послѣдніе годы, за границей, почти совсѣмъ не видѣлъ нашихъ газетъ, не зналъ чѣмъ онѣ жили, и ему не приходило въ голову что достаточно было ему появиться на петербургскомъ горизонтѣ чтобъ обрушить на себя всю скопившуюся въ атмосферѣ злобу. Онъ не понималъ что въ самой личности его заключалось нѣчто нестерпимо раздражающее для множества мелкихъ умовъ и пошлыхъ самолюбій, и что этому множеству усердно служили Калхасы „новыхъ идей“. Ему хотѣлось узнать откуда шла вся эта злоба, и вспомнивъ что Валковскій имѣетъ обширную литературную связь, онъ поѣхалъ къ нему въ ближайшій помездѣльникъ.

Въ роскошномъ кабинетѣ Михаила Александровича было какъ всегда очень людно. Общество собралось самое солидное: молодящіеся старики покорно принявшіе крещеніе „новыхъ идей“; юные дѣльцы, скромно ихъ обскакивавшіе и называвшіе себя „людьми стоящими около преобразованій“; нѣсколько знаменитостей изъ „софистовъ XIX вѣка“; два-три профессора, одинъ залуганный романистъ сороковыхъ годовъ, и нѣсколько представителей умѣренно-либеральной журналистики. Разговоры, какъ и слѣдуетъ въ подобномъ обществѣ, велись тоже самые солидные: толковали о спиритическихъ сеансахъ Бредифа и о балкетѣ „софистовъ XIX вѣка“ на которомъ однимъ изъ застольныхъ ораторовъ предложень былъ тостъ за адвокатскую совѣсть. Послѣдній предметъ разговора въ особенности много содѣйствовалъ оживленію общества: всѣ начали спорить о томъ что такое адвокатская совѣсть, и въ какомъ отношеніи она находится къ обыкновенной совѣсти. Большинство было того мнѣнія что адвокат не можетъ и не долженъ разсуждать о томъ, правъ или не правъ его кліентъ, потому что иначе нарушится самый принципъ состязательнаго процесса.

— Если вы назовете защиту неправильнаго гражданскаго иска предосудительною, вмѣшался самъ Валковскій, — то должны допустить тотъ же взглядъ и въ дѣлахъ уголовныхъ. И что жъ тогда будетъ? преступники останутся безъ защитниковъ, вопреки духу новаго суда.

— Это то же самое, какъ еслибы доктора отказались

лѣчить болѣзни происходящія отъ дурной жизни лаціента,— блистательно заключилъ пренія одинъ изъ „софистовъ“, къ общему удовольствію присутствовавшихъ прозелитовъ „новыхъ идей“.

Юхотскій воспользовался паузой и отвелъ Валковскаго въ сторону.

— Вы конечно слѣдите за нашими газетами и журналами, и знаете что въ послѣднее время они стали много заниматься мною... обратился онъ къ нему. — Мнѣ попались двѣ-три статьи...

— Ахъ, да, видѣлъ, перебилъ съ явною неохотою Валковскій;—но признаюсь вамъ, я всегда пропускаю безъ вниманія подобныя вещи. Журнальныя дразги, все это ужасно мелко и недостойно печати.

— Но такъ какъ я въ этомъ случаѣ заинтересованная сторона, то я прочелъ статью до конца, и меня удивилъ въ ней избытокъ враждебности, причина которой несовсѣмъ ясна мнѣ... продолжалъ Юхотскій.

— Надо быть хладнокровнымъ къ подобнымъ вещамъ, промолвилъ Валковскій, расправляя свою блестящую бороду бѣлыми и выхоленными пальцами, съ великоколѣпною бирюзой на одномъ изъ нихъ.

— Я и не измѣняю этому правилу, возразилъ Юхотскій;—но я почти новичокъ въ Петербургѣ, и меня занимаетъ вопросъ, откуда идетъ столько злобы, не останавливающейся ни предъ клеветой, ни предъ безстыдствомъ личныхъ владеній. Я думалъ что вы мнѣ объясните это, такъ какъ вы конечно больше меня знакомы съ нашими журнальными дѣлами и съ нашимъ обществомъ...

Валковскій продолжалъ задумчиво расчесывать пальцами бороду. То о чемъ такъ настойчиво спрашивалъ Юхотскій, давно уже составляло для него предметъ дружескаго сожалѣнія, и обо всемъ этомъ онъ самъ не разъ собирался поговорить съ Юхотскимъ. Онъ сохранялъ къ нему старинную пріязнь, и ему досадно было видѣть своего друга въ фальшивомъ по его мнѣнію положеніи, въ которое онъ попалъ благодаря продолжительному пребыванію за границей и непониманію современныхъ интересовъ и стремленій русской интеллигенціи. Объявъ его за талию и мягко стулая по коври, онъ повелъ его въ отдѣленную аркою часть кабинета, служившую библіотекой.

— Вот видите ли, мой милый князь, вы сами невозможно во всем виноваты, заговорил он тоном дружеского участия.—Вы всегда стояли довольно далеко от наших общественных течений, а в последнее время совами разорвали связь с Россіей. Нѣмецкая наука слишком забрала васъ, сдѣлала васъ слишкомъ Европейцемъ. Вы не попали въ тонъ, вотъ въ чемъ вся бѣда.

— Но развѣ Европа перестала быть нужна для насъ? возразилъ Юхотскій.

— Не перестала, конечно, но вѣдь и Европа нынче уже не та какою она была во время гегелианцевъ и романтиковъ, отвѣтилъ Валковскій.—Умы направились всюду къ практическимъ задачамъ, наука и искусство сдѣлались орудіями и слугами дѣйствительной жизни. Даже въ туманной Германіи на первомъ планѣ рабочіе союзы, сберегательныя товарищества, потребительныя общества; у насъ этихъ практическихъ задачъ въ десять разъ больше, и онѣ требуютъ простыхъ чернорабочихъ силъ, а не жрецовъ высшей культуры.

— Я никогда и не причислялъ себя къ такимъ жрецамъ, и былъ бы очень радъ служить своей странѣ въ качествѣ простой чернорабочей силы, сказалъ Юхотскій.—Но у каждого свое призваніе, и притомъ я боюсь что моя страна гораздо больше нуждается въ предметахъ нѣсколько высшаго порядка. Или можетъ-быть въ той практической дѣйствительности о которой вы говорите, вы не даете мѣста ничему подобному?

— Нѣтъ, почему же? возразилъ Валковскій.—Я думаю что мы все стоимъ на сторожѣ культурныхъ началъ. Но культура непременно должна демократизоваться вмѣстѣ съ самимъ обществомъ. Я допускаю что намъ нужны и науки, и искусства, и все-такое, но въ какомъ смыслѣ? Университеты напримѣръ даже очень полезны, но опять только какъ хорошее средство демократизовать общество. Мы демократы, любезнѣйшій князь, мы царство лестрядиныхъ рубахъ и нагольныхъ туауловъ, мы должны потонуть въ сермяжной массѣ! добавилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто въ этой мысли заключалось нѣчто въ высшей степени лично для него пріятное.

Юхотскій улыбнулся, невольно взглянувъ на двадцатирублевую рубашку и шармеровскій фракъ этого изящнаго изъ летербургскихъ демократовъ.

— А вы полагаете, возразилъ онъ,—что народъ выигралъ

бы, еслибы мы всё, составляющіе образованное меньшинство, потонули въ немъ?

Валковскій пожалъ плечи.

— Я знаю только то что таково самое послѣднее теченіе въ нашемъ обществѣ, и оно неудержимо несетъ всёхъ, отвѣтилъ онъ.—Замѣтите, мой милый князь, что выѣшшее поколѣніе въ высшей степени реалистическое. Оно пренебрегаетъ накопленнымъ капиталомъ, и въ свою очередь не хочетъ копить что-нибудь для будущаго. Поэтому оно не заглядываетъ слишкомъ далеко ни назадъ, ни впередъ, но желаетъ въ настоящемъ устроиться какъ можно удобнѣе и всѣми мѣрами облегчить себѣ жизнь. Его не надо ни самимъ много учить, ни заставлять слишкомъ много трудиться; а лучше всего оно не хочетъ никакихъ отдаленныхъ задачъ и никакихъ неосязаемыхъ идеаловъ.

— Но вѣдь это значитъ прожигаться! воскликнулъ съ изумленіемъ Юхотскій.

Валковскій повторилъ свое движеніе плечами.

— Однакожъ это самое новое къ чему мы пришли, сказалъ онъ тономъ убѣжденія.—Это въ сегоднешнемъ воздухѣ, вотъ что самое важное. Теперь поймите что когда въ такое время и среди такого общества является человѣкъ съ такимъ неподдающимися требованіями, онъ долженъ раздражать. Повѣрьте, это всегда вредитъ успѣху. Самая умная вещь—держаться всего новѣйшаго и даже быть новѣе другихъ. Вы мнѣ простите что я такъ откровенно говорю съ вами? Я къ вамъ сохранилъ самое дружеское расположеніе, и мнѣ досадно видѣть васъ въ фальшивомъ положеніи, въ особенности когда подумаю что вамъ ничего бы не стоило сдѣлаться кумиромъ тѣхъ самыхъ людей которые теперь косатся на васъ. Неможно взять другую ноту, и все поправимо.

Валковскій въ самомъ дѣлѣ, совершенно искренно хотѣлъ оказать услугу Юхотскому, и высказалъ ему то что находилъ нужнымъ и въ чемъ былъ глубоко убѣжденъ.

Юхотскій задумчиво сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру и разсмѣялся.

— Я увѣренъ что вашими устами говоритъ сама истина, сказалъ онъ;—но къ сожалѣнію я не имѣю никакой охоты ни потонуть въ сермяжной массѣ, ни даже окунуться въ новое теченіе, о которомъ вы говорите. А тѣмъ болѣе для меня

совѣтъ не соблазнительно было бы сдѣлаться кумиромъ такого общества и въ такое время.

— Разумѣется, у всякаго свои воззрѣнія, отвѣтила Валковскій съ легкимъ саломъ неудовольствія.—Однако, не пройди ли намъ въ гостиную?

Юхотскій былъ очень радъ прекратить разговоръ, изъ котораго ему выяснилось только безпомощное худосочіе общественной мысли, поразившее его еще на первомъ „поездальникѣ“ у Валковскаго, но пріѣздѣ изъ-за границы. Онъ вспомнилъ слова Жака о кисельной слякоти, которую ничѣмъ не примешь и не съешь ни въ какую форму. Въ самомъ дѣлѣ, какой же сладъ можно провести на этой дряблой поверхности, тотчасъ сплывающей въ стихійную безформенность? что можно сдѣлать съ поколѣніемъ которое не желаетъ глядѣть ни впередъ, ни назадъ, и торопится только повеселѣе протранжирить свое эфемерное существованіе?

Онъ вновь почувствовалъ изнурающую тоску одиночества, которая теперь, при запутавшихся условіяхъ его внутренней жизни, давила съ большею жестокостью, чѣмъ въ тѣ дни когда онъ только-что началъ дышать петербургскимъ воздухомъ. Съ грустью думалъ онъ о томъ очарованномъ кругѣ гдѣ еще недавно было такъ свѣтло и полно надеждъ и радостныхъ порываній, и гдѣ теперь онъ видѣлъ только бесполезную роскошь приподнятыхъ идеаловъ, удивившихъ его среди поколѣнія съ которымъ приходилось жить. Изъ этой темноты укоризненно глядѣли на него добрые, свѣтлые глаза Мани, и знакомый призракъ вставалъ предъ нимъ, но такой далекій и блѣдный. Мысль горестно возвращалась къ тѣмъ днямъ когда онъ подлѣ нея чувствовалъ себя гораздо лучше, чище, свѣжѣе, и не испытывалъ этой злобно отяготѣвшей надъ нимъ тоски одиночества. И что-то злое подымалось въ немъ самомъ, неясно обращенное къ другому, къ предѣльному и злему призраку.

Онъ не зналъ что Мани была здѣсь, и вельхнулъ смущенно и радостно, встрѣтившись съ нею лицомъ къ лицу при самомъ входѣ въ гостиную. Она слабо ему улыбнулась, протянула ему руку, проговорила коротенькое пріѣтствіе, чуть примѣтная краска на мгновенье выступила на ея походѣ шемъ лицѣ, и опять пропала.

— Мы давно не видались съ вами.. проговорила она,

стараясь овладѣть смущеніемъ и то взглядывая на него, то потупляя глаза.—Вы заѣзжали, я знаю; меня не было дома.

Она оглядывалась, отыскивала гдѣ сѣсть; ей хотѣлось спрятать свои глаза, въ которые онъ глядѣлъ съ безлокойнымъ любопытствомъ. Ихъ всегдашній уголокъ около трельяжа не былъ занятъ. Она повернулась туда, передвинула нервѣшительно стулъ, какъ будто соображая сѣсть такъ чтобъ остаться въ тѣни, и наконецъ олустилась на него. Рука которою она оправляла платье, слегка дрожала.

— Я не разчитывалъ встрѣтить васъ здѣсь, сказалъ Юхотскій, чувствуя что говорить совсѣмъ не то что толпились въ его мысляхъ.—Вы пропустили уже много поведѣльниковъ.

— Я мало выѣзжаю нынче, отвѣтила Маяя.—Но вы все таки рады меня видѣть? добавила она съ насильною улыбкой.

— Эта встрѣча напоминаетъ мнѣ болѣе счастливое время, сказалъ грустно Юхотскій.

Маяя поѣжилась своими узкими плечами, что она всегда дѣлала когда разговоръ затруднял ее.

— Счастье не имѣло бы цѣны, еслибы никогда не измѣняло, промолвила она.

Она сдѣлала уже столько усилій чтобъ овладѣть собою, что наконецъ всякіе слѣды смущенія исчезли съ ея лица. Ея глаза спокойно, съ обычною дружескою лаской, глядѣли на Юхотскаго; и только слабая, застывшая улыбка холодила ея лицо выраженіемъ увядающей, томной прелести.

IX.

Маяя пріѣхала сегодня къ Валковскимъ именно потому что разчитывала найти тамъ Юхотскаго. Со времени ихъ послѣдняго печальнаго объясненія, она цѣлый мѣсяць избѣгала встрѣчи съ нимъ, чтобы переждать періодъ острой тоски, раздраженія и безсильной истомы. Она знала что все это перегоритъ и затихнетъ, и что рано или поздно къ ней возвратится способность безропотно глядѣть въ глаза своему горю примиряющимъ и прощающимъ взглядомъ. Ей надо было уйти въ себя, выплакать свою боль. Дни таялись медленно и горестно, но она чувствовала какъ все возмущенное и страдающее въ ней отходило вмѣстѣ со слезами.

Ей опять вѣрилось что она сама во всемъ виновата, и хотѣлось сказать ему что она не имѣетъ противъ него ни одного упрека и ничѣмъ не считаетъ его связаннымъ.

Когда ей удалось овладѣть волненіемъ первыхъ минутъ, и она могла спокойно встрѣчать его тревожно-любопытные взгляды, ей казалось какъ будто она вновь отдается тихому теченію тѣхъ ясныхъ и чистыхъ отношеній которыя имѣли для нея такую неотразимую прелесть въ началѣ ихъ дружбы. Она чувствовала что онъ все также дорогъ ей, и ей хотѣлось вѣрить что та радость которую она испытывала въ его присутствіи, была только продолженіемъ ихъ старой дѣтской связи.

— Вотъ видите, Платонъ Николаичъ, вы не хотѣли мнѣ вѣрить, а я была права что намъ надо было остановиться на прежнихъ, дружескихъ отношеніяхъ, говорила она, испытывая совершенно новое и жуткое удовольствіе въ этомъ обманѣ самоотреченія и примиренія.

— Вы напоминаете мнѣ мою неискуленную вину предъ вами, проговорилъ Юхотскій:—я непростительно испортилъ то въ чемъ заключалось наше обоюдное счастье.

— Ахъ нѣтъ, я одна во всемъ виновата, быстро перебила его Маня.—Мнѣ никогда не слѣдовало допускать неосторожнаго и минутнаго—не правда ли? увлеченія, которому мы оба поддались... Потому что вѣдь я не гожусь для увлеченій, я должна была знать это. Но я привыкла вѣрить что все дѣлается къ лучшему. И эта бѣда, которую мы теперь избыли, и она тоже къ лучшему. Мы теперь больше знаемъ другъ друга, мы вернулись опять къ тому съ чего начали, и ужъ больше намъ не грозитъ никакая подобная бѣда, не правда ли?

Она опять улыбнулась насильною, увядающею улыбкой, и нервнито подняла глаза. Юхотскій съ лугливымъ недоверіемъ вслушивался въ ея слова, онъ ловилъ въ нихъ какую-то фальшивую ноту, и что-то щемило его тайно и нестерпимо.

— Вы думаете что мы избыли бѣду? проговорилъ онъ тихо.

Маня жестокимъ показалось что онъ трогаетъ тотъ самый клавишъ который звучалъ фальшиво. Но она думала что не должна отвѣчать на этотъ вопросъ иначе какъ утвердительно, потому что именно теперь надо было уничтожить въ

неть всё осмысливъ и заставить его вѣрить что онъ ни въ чемъ не виноватъ предъ нею.

— Да, я думаю что нашъ маленькій кризисъ окончился, и что мы можемъ спокойно глядѣть другъ на друга... отвѣтила она, смѣло поднявъ глаза.—Мы оба немного ошиблись, развѣ это не случается? Намъ слѣдовало знать что такимъ хорошимъ старымъ друзьямъ какъ мы, не приходится влюбляться. Встрѣча послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки немножко оживила нашу привязанность, и мы приняли ее за что-то совсемъ другое, чего намъ вовсе не нужно. Право, я теперь смотрю совершенно спокойно на все это., заблужденіе. Я даже думаю что оно намъ нужно было чтобы лучше и окончательно выяснитъ наши отношенія. И они такъ хороши что я не знаю зачѣмъ намъ понадобилось измѣнять ихъ?

Она снова улыбаулась ему, и постаралась придать своей улыбкѣ больше веселости. Онъ продолжалъ все съ тѣмъ же страннымъ недоумѣніемъ слушать ее и глядѣть на нее.

— Вы лучшая изъ женщинъ, какихъ я зналъ когда-нибудь, сказалъ онъ, чувствуя на глаза ему готовые навернутья слезы.

— О, полноте, какъ много женщинъ гораздо лучше меня! возразила слова смущаясь Маня.—Я это не изъ скромности, я тоже знаю себя цѣну, и мнѣ было бы горько и страшно, еслибы вы потеряли ко мнѣ уваженіе. Но сколько есть женщинъ гораздо увлекательнѣе меня!... Ахъ, она здѣсь! вдругъ почти громко воскликнула Маня, остановивъ вспыхнувшій взглядъ на только-что вошедшей въ гостиную княгинѣ Бахтіаровой.

Юхотскій поднялъ глаза по направленію ея взгляда. Рачиса Михайловна разговаривала съ хозяйкой дома, улыбаясь и озираясь на свой длинный трень, котораго никто не умѣлъ такъ ловко носить какъ она. Она пріѣхала прямо изъ театра и казалась немного утомленною послѣ длиннаго спектакля. Не опускаясь на предложенное ей кресло, она продолжала стоять, обжимая опущенными руками разстроенныя складки тюники, и слѣжа щуря уставшіе отъ бинюка и театральнаго газа глаза. Михаилъ Александровичъ съ тающимъ взглядомъ говорилъ ей что-то объ изяществѣ ея туалета: она улыбалась ему — сегодня уже столько разъ ей приходилось слышать одно и то же—и отбросивъ трень, маленькими шажками прошла по коври, продолжая отвѣчать на

привѣтствія знакомыхъ. Она уже замѣтила Юхотскаго и подвигалась къ нему, бросая удивленные взгляды на него и на Маню, продолжавшую слѣдить любоблтыными, широкими глазами за каждымъ ея движеніемъ.

— Я думала видѣть васъ въ театрѣ; Паскà была чудо какъ хороша сегодня, проговорила она, обмѣнявшись короткимъ поклономъ съ Маней и здороваясь съ Юхотскимъ. Ея прищуренные глаза глядѣли на него вопросительно и строго.

Юхотскій не садился и не подавалъ ей стула, не зная что дѣлать и какъ быть: ему ни за что бы не хотѣлось усадить ее тутъ подлѣ Мани. Раиса Михайловна ловидимому угадала его затрудненіе, усмѣхнулась однимъ уголкомъ губъ, повернула къ себѣ стулъ и сѣла. Маня продолжала глядѣть на нее все тѣми же широкими глазами, испытывая странную смѣсь любоблтыства, испуга и восхищенія. Раиса Михайловна казалась ей неотразимо-красивою, и она противъ воли любовалась этою красотой, которая и пугала, и обольщала ее. Каждая подробность этой красоты возбуждала въ ней сегодня ненасытное и тревожное любоблтыство. Да, невозможно не любить подобную женщину и не забыть для нея всѣхъ на свѣтѣ... Что, еслибъ она была уже замужемъ за Юхотскимъ? Эта мысль наполнила ее холодомъ, и она слабо потянула предъ собою руки, какъ будто защищаясь отъ представившейся ей страшной опасности.

— Я не помѣшала вашему разговору? это не такой разговоръ въ которомъ третье лицо не должно принимать участія? обратилась къ нимъ обоимъ Раиса Михайловна съ тѣмъ скрытымъ и вкрадчивымъ ядомъ въ голосѣ, которымъ она умѣла ивогда пропитывать шутку.

Юхотскій почувствовалъ этотъ ядъ и отвѣтилъ съ тайнымъ раздраженіемъ.

— Мы говорили о женщинахъ... слѣдовательно вашъ голосъ является какъ нельзя болѣе кстати.

— О женщинахъ вообще или о нѣкоторыхъ? спросила Раиса Михайловна.

— Les présentes sont exclues, разумѣется, отвѣтилъ Юхотскій.—Мы занимались опредѣленіемъ, какая разница существуетъ между увлекательными женщинами и... просто хорошими.

— А, вы занимались такими тонкостями... повторила Раиса

Михайловна, принимая вызовъ. — И что жь, вашъ приговоръ былъ конечно не въ пользу увлекательныхъ женщинъ? вы нашли въ нихъ много вѣшняго блеску и никакихъ внутреннихъ добродѣтелей? вы были неумолимы и жестоки, не правда ли?

— Oh, madame, comment pouvez-vous le croire, vous qui êtes si séduisante vous-même? робко протестовала Маня.

— Infiniment obligée, madame, уронила ей съ надменнымъ движеніемъ губъ Рауса Михайловна.—Mais puisque vous m'adressez ce compliment, я имѣю право произнести въ этомъ вопросѣ самое строгое сужденіе. О, я противъ увлекательныхъ женщинъ! Онѣ опасны, страшны, коварны и жестоки: онѣ кружатъ головы и заставляютъ забывать другихъ, скромныхъ, кроткихъ и блистающихъ всеми добродѣтелями женщинъ. Люди слѣпы: они уважаютъ скромныя внутреннія достоинства, и бѣгутъ за тѣми кто увлекаетъ ихъ наружнымъ блескомъ... Не правда ли, вамъ случалось наблюдать что-нибудь подобное? бросила она Манѣ, обливъ ее адомъ своихъ темныхъ глазъ.

— Я не вижу ничего удивительнаго если люди гонятся за тѣмъ что красиво, отвѣтила нѣсколько запуганнымъ голосомъ Маня.

— Потому что люди такъ лусты и глупы, не правда ли?

— Я не считаю всѣхъ людей лустыми и глупыми, проговорила Маня.

Рауса Михайловна внимательно оглядѣла ее прищуренными глазами.

— О, я не касаюсь исключеній, сказала она.—Исключеній вездѣ много. И скромныя женщины имѣваютъ иногда очень... obstinées dans leurs passions, въ особенности когда тутъ примѣшаются воспоминанія дѣтства, старинныя связи, que sais-je? Никому не весело уступать... и однако все-таки приходится... Что дѣлать?—заключила она съ тѣмъ же оскорбительнымъ и надменнымъ движеніемъ губъ, и вдругъ быстро повернувшись къ Юхотскому, добавила:

— Les présentes sont exclues, вы не забыли? и поднявъ близко къ лицу раслуценный вѣеръ, засмѣялась тихимъ и злымъ смѣхомъ.

Маня, оскорбленная, почти испуганная, опустивъ отяжелѣвшія отъ слезъ рѣсницы, не знала что подумать объ этомъ внезапно зломъ нападеніи. Она не могла понять, откуда

столько вражды и ненависти къ ней въ этой женщинѣ, которую она такъ охотно готова была восхищаться вопреки причиненному ею злу? Ни однимъ словомъ не отвѣтивъ ей на ея раздраженныя, вызывающія рѣчи, не взглянувъ на нее, она встала и перешла на другой конецъ гостиной.

Юхотскій молча, съ досаднымъ и негодующимъ выраженіемъ глядѣлъ на Бахтіарову. Онъ былъ оскорбленъ за Маню, и вся эта сцена произвела на него тягостное впечатлѣніе.

— Я не зналъ что вы такъ недобры, княгиня, сказалъ онъ наконецъ, когда она съ выраженіемъ вызова подняла на него глаза.

Она прочитала въ его лицѣ упрекъ и съ усталымъ видомъ наклонила плечи.

— Да, это очень гадко; я раскаиваюсь въ томъ что оскорбила ее, произнесла она тихо.—Я готова была бы просить у нея прощенія—бѣдная она!

Въ ея голосѣ звучала искренность, и ея лицо, за минуту предъ тѣмъ надменное и вызывающее, было печально.

— Я не умѣю управлять собою. Я разучаюсь быть свѣтскою женщиной, продолжала она тѣмъ же тихимъ и грустнымъ голосомъ.

— Вы, такая сдержанная, такъ изучившая свѣтъ, такъ умѣющая носить неизмѣнную улыбку въ минуты досады и раздраженія? сказалъ Юхотскій.— Въ самомъ дѣлѣ, я не узнавалъ васъ въ этой сценѣ.

— Видно свѣтскія женщины не должны любить, отвѣтила съ печальною улыбкой Раиса Михайловна, и еще ниже наклонила плечи, вся какъ будто изнемогая подъ бременемъ этого признанія.—Я попустила дурно, я знаю; но когда я увидѣла ее подлѣ васъ, я мгновенно возненавидѣла ее. Развѣ вы сами не научили меня ревновать къ ней? развѣ вы не говорили что выросли съ ней вмѣстѣ, что любили ее долго, идеально, что можетъ даже теперь въ васъ еще шевелиться остатокъ этой привязанности?

Чувства раздраженія и досады уже не существовало въ Юхотскомъ, и онъ опять былъ во власти неотразимаго обаянія и наслаждался ядомъ этихъ рѣчей, полныхъ влюбленной печали и страстнаго самоубиженія.

— А она... еслибы вы знали какъ она восхищается вами! сказалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? равнодушно отозвалась Раиса Михайловна.—Я не могу заплатить ей тѣмъ же, хотя не желаю ей зла. Но пусть же она не ставится между нами; я умѣю быть очень злой, увѣряю васъ! Я не уступаю ей, и не потому только что я люблю васъ,—проговорила она сквозь стиснутые зубы,—но потому что вы нужны мнѣ. Есть нравственная необходимость въ нашемъ сближеніи. Съ тѣхъ поръ какъ я... какъ это случилось... я замѣчаю какъ будто вокругъ меня свѣтаѣ стало. Въ темнотѣ я чувствую вашу руку—въ той темнотѣ которая во мнѣ самой и въ томъ что меня окружаетъ.

Юхотскій подвѣлъ на нее молчаливый, задумчивый взглядъ. Мысль его безлокойно силилась проникнуть въ таинственность совершавшагося въ немъ, и встрѣчала какія-то тѣни, которыя пугали его.

— А мнѣ кажется что тамъ куда мы идемъ, еще тѣмнѣе. проговорилъ онъ.

— Не для меня, сказала Раиса Михайловна.

— Для насъ обоихъ. Когда я еще не находился такъ безвозвратно въ вашей власти, когда я еще только подозрѣвалъ то что намъ готовило наше оближеніе, я глядѣлъ впередъ съ нелюбимымъ страхомъ, я вамъ говорилъ что это будетъ большое несчастье. Я и теперь такъ смотрю.

— Почему? глухо спросила Раиса Михайловна.

— Потому что есть вещи надъ которыми нельзя безнаказанно смѣяться. Нельзя хищнически вторгаться въ міръ здоровыхъ, нравственныхъ отношеній... проговорилъ Юхотскій.

— Отношеній... къ князю Давиду Петровичу? перебила его Раиса Михайловна;—но можетъ-быть эти отношенія не очень... здоровы, какъ вы выражаетесь? Ахъ, Платонъ Николаичъ, я начинаю думать что женщины въ этихъ случаяхъ ближе стоятъ къ правдѣ чѣмъ самые умные и нравственные мужчины. Вы анализируете, создаете себѣ сомнѣнія, прикидываете жизнь на аршинъ морали, а я просто чувствую что любить васъ—очень нравственно, потому что эта любовь обращена къ человѣку который гораздо лучше меня, потому что я освѣжаюсь въ вашей чистотѣ и сама дѣлаюсь лучше и чище въ вашемъ присутствіи!

— Я не знаю такой нравственности, сказалъ Юхотскій.

— Потому-то я такъ и люблю васъ! возразила Раиса

Михайловна, и ея губы страстно дрогнули и озарили все лицо.

„Кто пойметъ женскую логику?“ подумалъ Юхотскій.

— Надо больше довѣряться своему чувству, Платонъ Николаичъ, сказала Бахтиарова.—Я не знаю какъ и почему это случилось и куда это приведетъ насъ, да никогда и не думаю о томъ. Я знаю только что это хорошее чувство, и что ни противиться ему, ни управлять имъ я не могу. Я приму и горе и радость которыя оно пошлетъ мнѣ, какъ принимаютъ самую жизнь, безъ размышленій и сомнѣній. Вотъ какая я вся, добавила она, съ полупечальной улыбкой поднимая лицо.

„Да, это дѣйствительно просто, какъ сама жизнь, и также случайно и слѣло“, подумалъ Юхотскій, и наперекоръ тайному внутреннему сопротивленію, чувствовалъ себя во власти безпорядочной, страстной и враждебной силы, глядѣвшей изъ темныхъ глазъ Раисы Михайловны.

Устюжевъ, пріѣхавшій раньше ея и до сихъ поръ не успѣвшій говорить съ ней, давно уже слѣдилъ за нею изъ противоположнаго угла гостиной, и наконецъ рѣшился подойти.

— Я сегодня пробовалъ въ манежѣ вашего Коба, сказалъ онъ.

Кобъ былъ рыжій англійскій четырехлѣтокъ, котораго подъ наблюдениемъ Устюжева объѣзжалъ для Раисы Михайловны ихъ полковой берейторъ.

— Мерси. Ну что же? равнодушно спросила она.

— Все еще очень горячится, отвѣтилъ Устюжевъ,—но я продолжаю думать что изъ него выработается отличная лошадка. Надо отучить его тянуть поводъ.

— А вы думаете, это можно?

— Бываетъ что отучаюгся. За то беретъ барьеръ, безъ приготовленія. А главное рысь у него очень покойная. Къ весѣ будетъ совсѣмъ готовъ.

— Вы ѣздите верхомъ? обратилась Раиса Михайловна къ Юхотскому.

— Одно изъ моихъ любимыхъ удовольствій, отвѣтилъ онъ.

— А, какъ я рада! Значитъ мы будемъ устраивать прогулки. Впрочемъ я не знаю гдѣ мы проведемъ лѣто. А вы?

— Я еще ничего не рѣшилъ на этотъ счетъ.

Они взглянули другъ на друга, и что-то независимое отъ

нихъ обоихъ промелькнуло въ ихъ глазахъ, и каждый ловилъ мысль другаго.

— Вы говорили что предполагаете первую половину дѣла провести въ Царскомъ? наломнилъ Устюжевъ.

Раиса Михайловна дѣйствительно говорила объ этомъ, и Устюжевъ даже подумывалъ завести новую тройку чтобы ѣздить изъ лагерей. Но теперь на его слова она проговорила задумчиво:

— Я лучше желала бы уѣхать куда-нибудь дальше...

Устюжевъ поднял на нее свои блестящіе глаза.

— Петербургскія дачи надоѣли вамъ, княгиня? сказалъ онъ.

— Все на свѣтѣ надоѣдаетъ, отвѣтила она равнодушно— и улыбнулась ему машинальною, блѣдною улыбкой, которая какъ бы хотѣла сказать: „не обвиняйте меня, развѣ я виновата?“

Она повернулась къ Юхотскому и тихо пошла подлѣ него, глядя прямо предъ собой широкими и темными зрачками.

— Я рада что все вамъ сказала. Ко мнѣ возвратилось чувство безопасности и довѣрія. Я болѣе чѣмъ когда-нибудь ощущаю вашу руку, и это ощущеніе опоры спасительно для меня, говорила она, не поворачивая къ нему лица и почти не раскрывая губъ, обвѣянныхъ какимъ-то тайнымъ блаженствомъ.

— У меня его нѣтъ, этого чувства безопасности и довѣрія, сказалъ задумчиво Юхотскій:—мнѣ кажется что тамъ куда мы вступаемъ, все полно опасости и живыхъ призраковъ.

— Когда я иду съ вами, я не боюсь призраковъ, возразила Раиса Михайловна, продолжая глядѣть прямо предъ собой мерцающими зрачками.

Х.

Тайная радость которую Раиса Михайловна унесла съ собою съ этого вечера, наполняла ее давно неиспытаннымъ чувствомъ тихаго, дѣтскаго спокойствія. Она наслаждалась ощущеніемъ чистоты и довѣрія, какое бываетъ у балованнаго ребенка, когда ему хорошо. Мысль блаженно бездѣйствовала, или тихо кружилась около чего-то невыразимо при-

лтнаго, ласково и вкрадчиво уносящаго въ озаренную даль. Она не выдумывала, признавшись Юхотскому что была рада сказавъ ему все; въ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, заключалась главная доля той радости которая наполняла ее. Ей казалось что отнынѣ надежная, сильная и дружеская рука невидимо протянулась къ ея существованію, и оттого ей такъ свободно, хорошо и спокойно. Она же удивлялась тому что случилось; напротивъ, случившееся было такъ просто, такъ естественно, такъ необходимо и неизбежно. Съ той самой минуты какъ она узнала о возвращеніи Юхотскаго изъ-за границы, въ ней уже существовала тайная увѣренность что такъ случится и должно случиться. Все что было потомъ, являлось только простымъ развитіемъ уже предопредѣленнаго факта и необходимой поправкой ошибки прошедшей четыре года назадъ, въ Остенде. Теперь, когда этотъ фактъ окончательно созрѣлъ, когда она вошла въ таинственный просторъ необъятно раздвинувшагося предъ ней чувства—ей представлялось только что она вступаетъ въ обладаніе своею законною добычей.

Она была счастлива и горда—да, горда тѣмъ что сознавала въ себѣ. Чувство получаетъ свою нравственную цѣнность отъ того на кого оно обращается. Развѣ можно безъ гордости любить Юхотскаго? Она уже радостно связала въ себѣ всю подымающую силу этой страсти. Что-то свѣтлое блистало въ пустотѣ въ которой она томилась, и въ этомъ чувствѣ неподвижной пустоты заключался одинъ изъ источниковъ спокойной радости проникавшей ее. Ей казалось что она нашла отмщеніе горькой обидѣ жизни и своему оскорбленному существованію...

Жмура въ темнотѣ кареты немножко усталые глаза и вся охваченная почти матеріальнымъ ощущеніемъ теплоты и комфорта, она въ сотый разъ повторяла въ памяти всю исторію своихъ отношеній къ Юхотскому. Его пугливая сдержанность, его цѣломудренная опасливость предъ искушеніями страсти, и даже протесты неопытной нравственной безразличности противъ того что онъ называлъ ложью и хищничествомъ—все это въ сотый разъ переживала ея мысль, и на губахъ блуждала счастливая улыбка. Они подчинялись неотрицаемому обаянію этой нравственной упругости, заставлявшей его сопротивляться соблазнамъ чувства...

Только-что она успѣла переодѣться въ блузу, какъ къ

ней явился Давидъ Петровичъ. Онъ сегодня вернулся домой раньше обыкновеннаго, потому что былъ безъ денегъ и не могъ играть. Обстоятельство это значительно испортило его расположеніе духа, тѣмъ болѣе что денегъ все-таки надо было достать, и для этого приходилось выдержать объясненіе съ отцомъ. Онъ гораздо охотнѣе просто легъ бы спать, въ надеждѣ что Раиса Михайловна завтра сама какъ-нибудь все устроитъ, но его беспокоилъ одинъ долгъ сдѣланный на честное слово, и о которомъ ему сегодня напоминали. Досадно было что жены нѣтъ дома; онъ даже готовъ былъ обвинить ее за то что она такъ занята своими выѣздами въ то время какъ онъ находится въ затрудненіи. Прерогадая досаду и дѣнь, онъ спустился въ нижній этажъ и тихонько вошелъ въ кабинетъ отца. Старый Урханъ, въ своемъ отороченномъ мѣхомъ камзолѣ, сидѣлъ въ высокомъ креслѣ предъ потухающимъ каминомъ и дремалъ. Давидъ Петровичъ выбралъ самое неудобное время для объясненія съ нимъ: Урханъ былъ золъ на Раису Михайловну, которая послѣ обѣда почти выгнала его изъ будуара, и старая кровь его сердито бурлила въ жилахъ.

Засылавъ сквозь дремоту шаги сына, онъ медленно повернулъ къ нему насущенное лицо.

— Отчего это ты дома? спросилъ онъ.—Вѣдь жены нѣтъ? что жъ ты одинъ въ домѣ толкаешься?

Давидъ Петровичъ объяснилъ что онъ остался чтобы поговорить съ нимъ.

— Я тебѣ не товарищъ. Чтобы со мной сидѣть, незачѣмъ было жениться, отрѣзалъ Урханъ.

Собравшись съ духомъ, Давидъ Петровичъ рѣшился объяснить зачѣмъ пришелъ къ отцу. Но Урханъ при первомъ словѣ о деньгахъ объявилъ наотрѣвъ что не дастъ.

— Гдѣ же я возьму? проговорилъ жалобно Давидъ Петровичъ.

— Да вѣдь. Живешь въ домѣ на всемъ готовомъ, зачѣмъ тебѣ деньги? возразилъ Урханъ.—Въ магазинахъ если долженъ, я заплачу.

— Жена сердится когда у насъ денегъ нѣтъ, сказалъ Давидъ Петровичъ.

Урханъ молчалъ опустивъ испещренные красными жилками вѣки.

— Ей неудобно вести хозяйство изъ-подъ постороннихъ рукъ, продолжалъ уже безнадежнымъ тономъ молодой князь.

— Да тебѣ то что? спокойно возразилъ Урханъ.—Ступай спать, тебѣ вѣроятно уже постлали.. у тебя на диванѣ.

Онъ не взглянулъ на сына, только по тонкимъ губамъ его скольнула чуть примѣтная, хитрая и презрительная усмѣшка.

Давидъ Петровичъ ушелъ обезкураженный и еще болѣе раздраженный чѣмъ былъ раньше. Приходя черезъ смежную съ своимъ кабинетомъ комнату, онъ невольно бросилъ взглядъ на диванъ и увидѣлъ что тамъ въ самомъ дѣлѣ для него уже было „постлаено“. Хотя такъ было заведено уже давно, но сегодня это разозлило его. Онъ присѣлъ на валикъ дивана, поставилъ локти на колѣни и залустилъ всѣ десять пальцевъ въ густые, блестящіе волосы. На низкомъ лбу его вспухли толстыя жилы и въ лежатѣвшихъ глазахъ отразилось усиленіе раздраженной мысли. Засылавъ шаги по корридорю, онъ догадался что пріѣхала жена, и прошелъ къ ней въ уборную.

Раиса Михайловна только-что отпустила камеристку, и завернувшись въ широкую блузу, прилетѣла на кушетку, чтобы по обыкновенію прочесть нѣсколько страницъ давно уже начатаго романа. Она удивилась увидѣвъ мужа.

— Ты дома? уронила она, медленно отрывая глава отъ книги.

— Разумѣется дома, сухо отвѣтилъ князь, самъ не зная какой смыслъ имѣло это „разумѣется“.

Раиса Михайловна слышала сердитую нотку въ его голосѣ, и вторично съ удивленіемъ взглянула на него.

— Я думала ты въ клубѣ, сказала она спокойно, и тотчасъ догадалась о главной причинѣ заставившей его сегодня отсутствовать отъ своихъ привычекъ.—У тебя нѣтъ денегъ?

Давидъ Петровичъ вмѣсто отвѣта нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Ты давеча рязвалила отца, и теперь это на маѣ обрушивается, проговорилъ онъ наконецъ сердито.

— Я не виновата, если онъ надобѣдаетъ маѣ своими любезностями, отвѣчала тѣмъ же спокойнымъ тономъ Раиса Михайловна.

— Вотъ еще вздоръ какой! возразилъ Давидъ Петровичъ, останавливаясь предъ ней.— Все съ тобой любезничаютъ, потому что ты красавица.

— Mercı. Но я бы желала чтобы твой отецъ какъ можно рѣже приходилъ на мою половину...

— Ты кажется забываешь что мы отъ него зависимъ, прервалъ князь.

Раиса Михайловна положила книжку на столикъ и приподнялась на кушеткѣ.

— Нѣтъ, я къ сожалѣнiю очень хорошо это помню, и каждую минуту думаю о томъ, заговорила она хмура свои темныя брови.—И ты кажется долженъ былъ убѣдиться что эта зависимость не очень для меня прiятна!

— Прiятна или нѣтъ, что жь я буду дѣлать? возразилъ Давидъ Петровичъ.—Вотъ онъ говоритъ что совсѣмъ не станеть давать денегъ, а будетъ самъ платить всѣ расходы.

Раиса Михайловна всплеснула руками и изумленно, почти злобно на него поглядѣла.

— Деви, да ты кажется воображаешь что это возможно? что такъ и будетъ? проговорила она.

— Такъ скажи же мнѣ что я могу сдѣлать? повторилъ досадливо князь.

— Нѣтъ, я тебѣ скажу что я сдѣлаю: я уйду отсюда! отвѣтила Раиса Михайловна, и поставивъ оба локтя на столикъ, сжала руками голову.

Ей казалось что она сходитъ съ ума. Мысли кружились съ невообразимой быстротой, и въ этомъ круженiи невозможно было понять что-нибудь—невозможно и не надо. Она чувствовала что съ тѣхъ поръ какъ она сказала эти слова, все само собою стало ясно, и ей не о чемъ думать.

— Да, уйду, повторила она, медленно разжимая стиснутые на лицѣ пальцы и глядя на мужа прямымъ, острымъ и злымъ взглядомъ.—Потому что я задыхаюсь въ этомъ проклятомъ домѣ; потому что эти стѣны давятъ меня; потому наконецъ.. что я не получаю платы за которую продала себя! добавила она съ короткимъ, злобнымъ смѣхомъ.

Въ эту минуту она чувствовала того бѣса, о которомъ говорила что сидитъ въ ней.

Давидъ Петровичъ глядѣлъ на нее молча, удивленный и ошѣщенный; въ остановившихся зрачкахъ и вслухшихъ на лбу складкахъ опять выразилось трудное усилie мысли. Его больше всего поразило то что она „продала себя“.

— Значить ты никогда не любила меня? ты шла замужъ только потому что рассчитывала на богатство? проговорилъ онъ своимъ гортаннымъ голосомъ.

Раиса Михайловна продолжала глядѣть предъ собою не

мигающимъ, прямымъ взглядомъ. Она не находила никакой надобности ни оправдываться, ни объясняться, она уже чувствовала себя отрѣзанною отъ этой жизни, которая теперь заявляла какія-то права на нее. Что ей Деви, Урханъ? Она можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ была готова сейчасъ уйти отсюда, унеса то чѣмъ она жила и что не имѣло ничего общаго съ окружающимъ ее здѣсь... И ей было все равно, знаетъ ли объ этомъ ея мужъ или не знаетъ, и какъ онъ приметъ то что она сказала ему.

Вглядѣвшись въ этотъ прямой, застывшій взглядъ, Давидъ Петровичъ вдругъ понялъ что она можетъ въ самомъ дѣлѣ уйти отъ него, и ему сдѣлалось страшно, такъ страшно, какъ никогда въ жизни.

— Рая, ты пошугила? ты сказала въ сердцахъ, потому что раздражена сегодня? заговорилъ онъ, приблизившись къ ней робкими шагами.

Раиса Михайловна провела по лицу похолодѣвшими пальцами.

— Нѣтъ, я сказала что думала, отвѣтила она безстрастно. — Я могла жить здѣсь до тѣхъ поръ пока сохраняла хотя тѣнь независимости, пока была по крайней мѣрѣ возможность забыться въ роскошной праздности которою была окружена. Но я не останусь съ глазу на глазъ съ тобой въ этомъ домѣ.

Давидъ Петровичъ не совсѣмъ ясно понималъ то что она говорила, на что-то душило его за горло. Глаза его какъ-то жалко моргнули, онъ подвинулся и опустилсѣ подлѣ нея на колѣни.

— Я знаю, тебѣ скучно со мною, я всегда видѣлъ что я тебѣ не пара... проговорилъ онъ, робко заглядывая ей въ лицо привалившими виноватое, дѣтское выраженіе глазами. — Ты умѣе всѣхъ мушкетъ какихъ я видѣлъ, а я совсѣмъ не умѣе, развѣ я не знаю?..

Это была только первая половина его мысли, но онъ не умѣлъ ее высказать всю, и даже не зналъ что этими словами не сказано все что онъ думалъ,—и только продолжалъ глядѣть на жену тѣми же жалкими, просящими глазами.

Раиса Михайловна въ смущеніи отвернула отъ него лицо.

— Ты не виноватъ, Деви, я одна во всемъ виновата... проговорила она, и чувство жалостливаго состраданія, какъ тонкое лезвие, пронизало ее. Она взглянула на мужа, и глаза

ея остановились на его взъерошенныхъ волосахъ, однихъ клокъ которыхъ, поднявшись выше другихъ, качался надъ головой, придавая потерянному лицу Давида Петровича странное и смѣшное выраженіе. Она все смотрѣла на этотъ клокъ, въ то время какъ въ умѣ ея продолжалась мысля бѣготня мысли, и одна бровь шевелилась тихо и важно...

— Я напишу моему отцу, онъ вышлетъ мнѣ деньги, заговорила она, глядя все тѣмъ же прямымъ взглядомъ мимо головы мужа, словно она всматривалась въ какой-то незримый, но все болѣе яснѣвшій для нея призракъ.— За эти три года моего замужства онъ опять поправилъ свое состояніе. У меня будутъ свои средства, и я не буду больше завистѣть отъ милостей князя Петра Давидовича.

— Но у него это капризъ, это не можетъ же такъ продолжаться! воскликнулъ Давидъ Петровичъ, которому показалось что жена возвращается къ мысли „уйти“ отъ него. — Я буду требовать чтобъ онъ наконецъ выдѣлилъ меня...

— Требуй, Деви, продолжала Раиса Михайловна,—непрѣменно требуй, у насъ у каждого будутъ свои средства, и мы оба будемъ независимы отъ твоего отца—и другъ отъ друга, не правда ли? добавила она, пытливо и загадочно взглянувъ ему въ глаза.

Давидъ Петровичъ все еще не ясно понималъ что она говорила. Его безлокоило главное: уйдетъ ли она?

— Если отецъ меня выдѣлитъ, все будетъ твое—на что мнѣ? проговорилъ онъ. Черный, смѣшной клокъ опять качался надъ его головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть у каждого будетъ свое, сказала Раиса Михайловна. — Мнѣ довольно того что дастъ отецъ, а каждый изъ насъ будетъ самъ по себѣ, не такъ ли? И никому не будетъ дѣла до другаго, и жизнь устроится ладно...

Давидъ Петровичъ понималъ только что она не упоминаетъ болѣе о своемъ намѣреніи „уйти“. Онъ подвинулся къ ней на колѣняхъ, запрокинувъ радостно озаренное лицо.

— Такъ значитъ это вздоръ что ты не можешь оставаться здѣсь со мною? это не правда что ты не любишь меня, Рая? говорилъ онъ, робко обнимая ея колѣни.

Раиса Михайловна вздрогнула и медленно опустивъ вѣки, встрѣтившись съ его блиставшими желтымъ блескомъ глазами.

Чѣмъ-то ужасно страннымъ, дикимъ и оскорбительнымъ показались эти ласки, эти *чужія* ласки, среди очаровательной грезы въ которую тайно всматривалась ея мысль.

„Нѣтъ, не могу!“ простонало что-то внутри, и сжатые руки закрыли утомленное лицо.

Давидъ Петровичъ въ первый разъ провелъ бессонную ночь, тягостно переживая впечатлѣнія этого вечера. Онъ ворочался съ боку на бокъ, неприятно стѣсненный какимъ-то новымъ чувствомъ, въ которомъ было и безпокойство, и умиленіе, и неопредѣленный стыдъ предъ собою, и невозможность отдѣлаться отъ чего-то непонятнаго, обиднаго и неудобнаго, тайно царявшаго его чувство. Одно ему было ясно—что надо твердо и окончательно переговорить съ отцомъ и устроить свое финансовое положеніе чтобъ избыть самую главную опасность представляющуюся его уму. Съ этимъ рѣшеніемъ онъ всталъ поутру и тотчасъ пошелъ къ отцу, не давая остыть возбужденію.

Онъ ожидалъ тяжелаго, жаркаго объясненія, и ошибся. Старый Урханъ заставилъ его во всѣхъ подробностяхъ передать вчерашнюю сцену съ женой и во время разказа обычная, загадочная и хитрая усмѣшка не сходила съ его тонкихъ губъ. По временамъ онъ презрительно прищуривался на сына своими хищными глазами и покачивалъ узкою головой съ такимъ выраженіемъ какъ будто ему и обидно и вмѣстѣ весело было слушать все что разказывалъ ему сынъ.

— О дуракъ, дуракъ Давыдка! произнесъ онъ свою обычную фразу, когда тотъ кончилъ и съ минуту мучилъ его пронызывающимъ и загадочно-играющимъ взглядомъ.—Не по своему уму жену взялъ, совсѣмъ не по своему!

Давидъ Петровичъ потулился и перешелъ къ главной цѣли своего посѣщенія. Онъ мысленно подзадоривалъ себя чтобы безстрашно выдержать горячую сцену, не уступать отцу и не дать залугать себя. Но Урханъ только молча хмурился, слушая какъ сынъ то лутался въ словахъ, то вдругъ переходилъ къ несвойственной ему запальчивости. Презрительная, брезгливая усмѣшка продолжала играть на его сжатыхъ губахъ и въ глазахъ глядѣвшихъ волчьимъ взглядомъ изъ-подъ наморщеннаго лба.

— Слушай, Давидъ Петровичъ, прервалъ онъ его наконецъ, видимо соскучившись объясненіемъ:—ты дуракъ, во

ты Урханъ, князь Урханъ-Бахтіаровъ. Когда ты былъ мальчишкой, я тебя дулъ нагайкой, но давалъ тебѣ больше карманныхъ денегъ чѣмъ иной взрослый князь получаетъ. Зналъ ли ты что я это дѣлаю не для тебя, а для того что ты Урханъ? Когда ты женился, я тебѣ столько давалъ чтобы всѣ отъ зависти лопались глядя на твое богатство, потому что ты Урханъ! А знаешь почему я не выдѣлалъ тебя, а держалъ подъ своей рукой? Потому что ты дуракъ, га! Я видѣлъ что жена умѣе тебя и заберетъ тебя въ руки, и хотѣлъ чтобы ты могъ за меня держаться... Я еще не такимъ дуракомъ тебя считалъ каковъ ты на самомъ дѣлѣ. Но ты Урханъ, Урханъ долженъ богатъ быть, денегъ много тратить! Умѣешь деньги тратить? га! умѣешь?

Давидъ Петровичъ улыбнулся, сверкнувъ бѣлыми какъ морская лѣна зубами.

— Я дамъ деньги! дамъ! богатъ будешь! продолжалъ Урханъ, поправляя съѣхавшую съ головы ермолку и запахиваясь въ свой шелковый на мѣху халатикъ.—Только слушай, Давидъ Петровичъ, гляди за женой! гляди въ оба! береги честь Урхановъ! Не доглядишь, вотъ тебѣ мое слово, припомнишь отцовскую нагайку!

Давиду Петровичу оскорбительнымъ показалось и это напоминаніе о нагайкѣ, и недовѣріе къ Раисѣ Михайловнѣ.

— Не хорошо что вы такъ о моей женѣ думаете, протестовалъ онъ.

— Слушай что тебѣ старшій Урханъ говоритъ! презрительно бросилъ ему отецъ, и въ глазахъ его блеснули злыя искры.

Оставшись одинъ, Урханъ съ полчася ходилъ взадъ и впередъ по своему большому, темноватому кабинету, грузно шлепая сафьянными туфлями. Изрытое морщинами лицо его становилось все мрачнѣе, и глаза горѣли какъ у волка притянутого улавшею тяжестью. Страшно тяжело ему было вырвать изъ себя уступку которую заставляла сдѣлать забота о поддержаніи родового блеска. Онъ чувствовалъ себя униженнымъ, и татарская кровь бурливо кипятилась въ жилахъ, разгораясь злобой на слѣзливую невѣстку и лодыжкая велебродившую хищническую завадку...

XI.

Раиса Михайловна поутру написала къ отцу. Ей хотѣлось думать что она нашла вѣчто похожее на выходъ изъ темноты которая пугала Юхотскаго и начинала казаться страшною ей самой. Она торопилась войти въ полосу свѣта, не ясно, какъ лунный столбъ, мерцавшую ей вчера, во время объясненія съ мужемъ. Если отецъ вышлетъ ей деньги, а Девѣ удастся вырвать у стараго Урхана часть состоянія, или хоть добиться опредѣленнаго содержанія, тогда она наконецъ сброситъ съ себя эту нестерпимую зависимость. Знать что по крайней мѣрѣ матеріально она ничѣмъ не связана, казалось ей большимъ счастьемъ. Можетъ-быть она не сдѣлаетъ никакого улобления изъ своей свободы, но одна мысль что она свободна, что окружающая жизнь не давитъ ее тисками вѣшняго принужденія и насилія, наполняла ее чувствомъ безопасности, которое такъ было нужно ей чтобы наслаждаться комфортомъ внутренней независимости. Когда Давидъ Петровичъ сообщилъ ей о результатахъ объясненія съ отцомъ, она чуть не заплакала отъ радости. Она съ утра испытывала какое-то радостное умиленіе и расположеніе къ слезамъ. Всѣ опять казались ей такими хорошими, такими славными и добрыми, и что-то ласково пѣло и таяло въ груди, и все на что случайно падали ея глаза представлялось ей обѣяннымъ лучистымъ мерцаемъ. День какъ нарочно выдался сегодня солнечный, безвѣтреный и морозный, одинъ изъ послѣднихъ хорошихъ дней предъ весеннею ростелью. Раисѣ Михайловнѣ захотѣлось прокатиться, и она велѣла заложить санки. Въ надвинутой на брови мѣховой шалочкѣ, постукивая каблучками теплыхъ сапожковъ, она весела обѣжала съ лѣстницы и приказала ѣхать на Ангайскую набережную. Лошади мѣрною и частою рысью понесли ее по слабо-скрипѣвшему снѣгу, взбивая копытами мелкую и жесткую какъ песокъ снѣжную пыль. Нева, пустынная и бѣлая, такъ и сверкала на солнцѣ, слабо голубѣя вдали, гдѣ въ морозномъ туманѣ дымились трубы, чернѣли облаженные верхушки ларка и разбѣгались, неуловимыя, чуть видныя очертанія городской окраины. Воздухъ былъ насыщенъ бриллиантовою пылью и вѣялъ въ лицо морозно-влажнымъ прикосновеніемъ.

выступы дворцовъ казались прозрачными и воздушными, обсыпанные этими свѣжыми искрами, и глазамъ становилось больно отъ блага какъ разломанный мраморъ блеска.

Раиса Михайловна велѣла выѣхать на Морскую. Движеніе гуляющей и катающейся толпы все больше и больше охватывало ее весельемъ. Щурясь отъ морозной лыжи обсыпанной ей рѣсицы и прача шею въ мѣховой опушкѣ пальто, она улыбалась множеству веселыхъ, рдѣющихъ знакомыхъ лицъ, и всѣ казались ей такими же счастливыми и также охваченными радостью какъ она сама. Устюжевъ провесся ей на встрѣчу съ Анатодемъ, и ей отчего-то ужасно смѣшно было видѣть какъ они оба жались бокомъ, едва держась въ одномъствѣтѣхъ саночкахъ, Устюжевъ въ раслапнутой бобровой шубѣ, а Анатолю до жалости прозабшій въ своей холодной юнкерскѣй шинели. Но въ ту же минуту мысль ея перескочила къ Юхотскому и стала кружиться около вопросовъ: гуляетъ ли онъ когда-нибудь по Невскому и гдѣ бы онъ могъ теперь быть и что дѣлать, и какъ бы хорошо было какимъ-нибудь чудомъ заглянуть въ его квартиру и посмотрѣть какъ онъ устроился и каковъ онъ у себя дома. Но такъ какъ этого нельзя было сдѣлать, то ей захотѣлось просто проѣхать мимо того дома гдѣ онъ жилъ, и она велѣла повернуть въ Комяшенную. Сквозь запушенныя ивеемъ окна ничего не было видно, но она рада была какъ шалости что нарочно сдѣлала этотъ крюкъ, и даже велѣла кучеру остановиться и зашла въ магазинъ, гдѣ купила какую-то совершенно не нужную ей бездѣлку. Все-таки она была въ томъ самомъ домѣ гдѣ онъ живетъ, и эта бездѣлка будетъ напоминать ей такой хорошій, такой радостный день.

Садясь опять въ санки, она приказала вести себя къ Варварѣ Павловнѣ. Она испытывала ту самую потребность довѣрить многоолытной тетущкѣ интимные интересы своего сердца, которой подчинялись всѣ влюбленные, знавшіе Варвару Павловну. Это было тѣмъ легче что тетушка обыкновенно угадывала тайну раньше чѣмъ ее удостоивали откровенности. Раиса Михайловна вбѣжала къ ней веселая, возбужденная, показывала ей смѣясь купленную вещьцу, говорила о предстоящемъ въ тотъ день балѣ въ большомъ свѣтѣ и казалась вся поглощенной вѣшними интересами жизни. Но именно потому что она говорила обо всемъ и обо всѣхъ кромѣ Юхотскаго, Варвара Павловна со свойствен-

нымъ ей инстинктомъ тотчасъ догадалась о чемъ именно ей хочется говорить, и великодушно предложила свою помощь.

— Былъ онъ у тебя? спросила она своимъ нѣсколько таинственнымъ и вкрадчивымъ тономъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Раиса Михайловна, и ей вдругъ сдѣлалось стыдно что она должна отвѣчать отрицательно на этотъ вопросъ. — А у тебя?

— Э, ma chère, зачѣмъ ему такъ часто ко мнѣ ѣздить? возразила Варвара Павловна.—Другое дѣло еслибъ онъ былъ увѣренъ что тебя встрѣтитъ. Знаешь, я думаю написать ему записочку чтобы пріѣхалъ завтра въ это время?

— Напиши, отвѣтила Раиса Михайловна, появивъ обращенный къ ней взглядъ Варвары Павловны.

Этотъ взглядъ, лмтаивый и родственно-ласковый, и безлопалъ ее, и звалъ на довѣріе. Ничто подобное попытаются шаловливыя дѣти когда кто-нибудь изъ старшихъ явно покровительствуетъ имъ.

— Ты не умѣешь прибрать его къ рукамъ, сказала Варвара Павловна. — На что это похоже что онъ такъ рѣдко бываетъ у тебя?

— Мнѣ кажется что онъ боится потерять голову, отвѣтила Раиса Михайловна.

— Allons-donc! Многие за счастье почти бы заплатили головой за твое вниманіе, возразила Варвара Павловна.—Онъ бирюкъ, твой Юхотскій, онъ держитъ себя comme Timon d'Athènes.

— Что это еще за Timon d'Athènes? удивилась Раиса Михайловна, шевельнувъ бровями.

— C'est de l'antiquité, ma chère. Но вымче это не въ модѣ, и на мой взглядъ очень смѣшно когда молодой человѣкъ fait le prude. Онъ постоянно дѣлаетъ видъ какъ будто ты соблазняетъ его.

— Соблазняетъ... quel mot! протестовала Раиса Михайловна, слегка вспыхнувъ.—Мнѣ нравится что онъ не сразу поддается страсти. Я не люблю брать то что само лыветъ въ руки.

— Развѣ я не знаю тебя! поощрительно улыбнулась ей Варвара Павловна.

Раиса Михайловна поглядѣла ей въ глаза и вдругъ быстро, страстно, нѣсколько разъ поцѣловала ее. Тетунка продолжала ей улыбаться своею поощрительною и невозможно хитрою улыбкой.

— Ахъ, я вижу ты еще совсѣмъ дитя! сказала она. — Я боюсь что ты способна надѣлать глупостей.

При словѣ „глупости“ Раиса Михайловна вспомнила вчерашнюю сцену.

— У меня было объясненіе съ мужемъ, сообщила она; — я ему все сказала.

Тетушка сдѣлала большіе глаза.

— Чтò-о? воскликнула она.

— Я ему сказала что не хочу больше зависѣть отъ милостей князя Петра Давидовича, и уйду если онъ не заставитъ отъда выдѣлать себѣ состояніе. Мнѣ кажется онъ долженъ былъ понять что я не люблю его.

Варвара Павловна вздохнула съ чувствомъ облегченія.

— Ну, это еще не такъ страшно какъ я думала, сказала она.—Но не слѣдуетъ говорить мужу такихъ вещей, потому что... ça donne des idées, vois-tu. Самая умная система въ бракѣ—поступать такъ чтобъ этотъ вопросъ никогда не возникалъ. Любить, не любить—это все не то. Вы мужъ и жена — voilà tout. Всѣ драмы происходятъ оттого что не хотятъ этого ловить. Но чѣмъ же кончилось? Чтò твой мужъ на все это?

Раиса Михайловна передала о рѣшеніи князя Урхана и о своемъ письмѣ къ отцу. Варвара Павловна задумчиво и неодобрительно покачала головой.

— Все это вздоръ, ma chère, ужасно непрактично и неопытно, сказала она.—Пускай Урханъ выдѣлаетъ сына, это прекрасно; если ты думаешь поставить себя слишкомъ независимо, развязать себѣ руки—это очень глупо, passe moi le mot. Замужняя женщина всегда связана въ глазахъ свѣта. Вся наша независимость въ нашемъ вліяніи, ma chère.

— Ну, чтò до вліянія, о немъ мнѣ мало остается заботиться, замѣтила Раиса Михайловна.—Дети на все смотрятъ моими глазами.

— До поры до времени, повѣрь мнѣ. Никогда не надо слишкомъ на это полагаться: parfois l'esprit vient aux imbéciles. И притомъ я вовсе не о мужѣ говорю, а о *насъ*. Нѣтъ ничего опаснѣе какъ сдѣлаться работъ своего увлеченія. Il ne faut pas pousser les choses trop loin, ma chère. Главное, надо чтобъ эти вещи ни въ чемъ не измѣняли нашего положенія. Очень глупо драматизировать жизнь; я всегда была того мнѣнія что хорошій водевиль лучше мелодрамы.

— Вы премудры, ma tante, сказала Раиса Михайловна, задумчиво и немножко печально улыбувшись ей. — Такъ вы напишете *ему*?

— Напишу, и буду ждать тебя завтра въ это время, отвѣтила Варвара Павловна.

Уѣзжая отъ многоопытной тетуски, Раиса Михайловна уносила съ собою все то же мечтательное и близкое къ слезамъ возбужденіе которое съ утра чувствовала въ себѣ. Она была вся радостно занята и наполнена, и въ этомъ ощущеніи заключалась главная прелесть того что она испытывала. Жизнь раздвигалась, озаренная новымъ очарованіемъ, и ласково волнуя соблазномъ еще неизвѣданнаго, страстнаго и дѣятельнаго счастья. „Вотъ какая бываетъ настоящая любовь“, думала она, удивленно вглядываясь въ то что происходило въ ней, и вся охваченная мечтательнымъ и радостнымъ смятѣніемъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома она вдругъ увидѣла Юхотскаго ѣхавшаго ей навстрѣчу. Повинуясь везапному, первому движенію, она почти машинально сдѣлала ему знакъ рукой и вся вспыхнувъ оглянулась на него. Онъ приказалъ кучеру повернуть и подѣхалъ къ крыльцу въ одно время съ ней.

— Я васъ поймала, сказала она ему смѣясь, пока онъ помогалъ ей выйти изъ саней.—Зайдите.

Они поднялись по лѣстницѣ и прошли въ маленькую гостиную.

— Развѣ такъ слѣдуетъ: ѣхать мимо и не зайти даже узнать дома ли я? ласково упрекала она, все еще смущенная и вся сіяющая.

Ея глаза пытливо и любопытно глядѣли ему въ лицо—что онъ? Она уже привыкла жить отраженіями его личной жизни и волноваться тѣмъ что читала на его лицѣ. Но она не нашла въ его глазахъ радостнаго возбужденія и блеска которыми была наполнена сама. Она вдругъ почувствовала какъ что-то утало въ ней.

— Я можетъ-быть дурно сдѣлала что назвала васъ? вы можетъ-быть заняты чѣмъ-нибудь другимъ? проговорила она, замѣтивъ его озабоченный и тоскливый взглядъ.

— Вы знаете что я всегда радъ быть съ вами, отвѣтилъ Юхотскій.

Это была правда, и въ этомъ заключалось все несчастье

которое онъ сознавалъ въ себѣ. „Зачѣмъ я ей? зачѣмъ она такъ настойчиво продолжаетъ играть чувствомъ которое намъ обоимъ ничего не можетъ дать кромѣ зла?“ думалъ онъ съ тайнымъ раздраженіемъ.

— Вы можетъ-быть встревожены чѣмъ-нибудь постороннимъ? какая-нибудь неприятность? продолжала Раиса Михайловна, уронивъ на колѣни руки.

— Нѣтъ, ничего такого не случилось, отвѣтилъ Юхотскій.—У меня просто дурной характеръ. Я трудно переживаю впечатлѣнія, я не умѣю глядѣть на жизнь незадумывающимися глазами.

„Ахъ, опять все то же“, тоскливо подумала Раиса Михайловна.

— Это въ самомъ дѣлѣ очень дурно, Платонъ Николаевичъ, сказала она. — И очень не любезно. Я должна думать что васъ тяготитъ чувство которое я внушила вамъ... которое мы оба раздѣляемъ.

— Да развѣ можетъ быть иначе? возразилъ Юхотскій съ нервнымъ движеніемъ плечами.—Я всѣми силами, всѣмъ существомъ своимъ буду сопротивляться этому чувству, и кончу тѣмъ что выброшу его изъ себя! добавилъ онъ почти злобно зазвенѣвшимъ голосомъ.

Раиса Михайловна глядѣла на него наклонивъ плечи и съ изумленіемъ вслушиваясь въ его слова.

— Вы это говорите серьезно, Платонъ Николаевичъ? произнесла она. — Вы въ самомъ дѣлѣ думаете что вамъ надо выбросить изъ себя это чувство?

— Я ничего не ожидаю отъ него кромѣ зла, отвѣтилъ Юхотскій.—И зло уже сдѣлано.

— Я сдѣлала вамъ зло?

— Не вы, Раиса Михайловна. Не подумайте чтобъ я въ чемъ-нибудь упрекалъ васъ. Вамъ лично я могу быть только глубоко признателемъ за вашу доброту и вниманіе. Зло сдѣлалось само собою.

— Но какое же зло, Платонъ Николаевичъ? тихо спросила Раиса Михайловна.

— Большое, отвѣтилъ Юхотскій: — вы явились на моемъ пути когда моя жизнь начала складываться такъ просто и ясно, когда я любилъ другую женщину и предложилъ ей быть моею женой.

— А, вы даже предложили ей быть вашею женой, повто-

рила съ тайною и злою радостью Раиса Михайловна. — И вдругъ вы увлеклись мною, и всё ваши планы разрушены.... Но мнѣ не совсѣмъ ясно одно обстоятельство, Платонъ Николаевичъ. Мнѣ кажется что когда перестаютъ любить одну женщину, потому что любятъ другую, тогда не сожалеютъ о „разрушенномъ“ чувствѣ? Или можетъ-быть то чувство еще не совсѣмъ разрушено? можетъ-быть вы ошиблись когда вамъ показалось что вы такъ сильно увлечены мною?

— Къ несчастію въ этомъ я не ошибся, отвѣтилъ Юхотскій.

Раиса Михайловна поглядѣла на него долгимъ, слабо за-свѣтившимся взглядомъ, и пересѣла ближе къ нему на край диванчика.

— Значить вы находите меня очень мало достойною вашей любви если знаете что я раздѣляю ваше чувство, и все-таки считаете себя несчастнымъ? проговорила она, слабо ему улыбувшись.

Юхотскій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе плечами.

— Вы забываете что мы оба не имѣемъ права на это чувство! сказалъ онъ.—Вы спрашивали себя, куда оно можетъ привести васъ?

— Куда? Но я никогда не задавала себѣ этого вопроса, возразила, тихо вслѣснувъ руками, Раиса Михайловна.—Я васъ полюбила потому что не любила никого другаго, что нравственно я совершенно свободна. Можетъ-быть это началось еще тогда, въ Остенде.... можетъ-быть все могло бы быть по-другому.... Но во всякомъ случаѣ не думаете же вы чтобы мнѣ ничего не оставалось за кругомъ чисто вѣ-шнихъ отношеній, какія только и могутъ существовать между мною и моимъ мужемъ? Да, мой мужъ кажется и самъ не особенно заинтересованъ моими чувствами и отношеніями.

Раиса Михайловна сознавала что вступаетъ въ область условности и лжи, въ которой такъ легко и удобно живутъ многія женщины ея круга. Но можетъ-быть именно потому что она хотѣла ввести въ эту атмосферу Юхотскаго, натура котораго была такъ враждебна всему условному и лживому, она почувствовала ѣдкость воздуха которымъ дышала. Она невольно покраснѣла, произнося послѣднія слова.

Юхотскій молчалъ, томительно переживая горечь этого объясненія. Угрюмое внутреннее чувство возставало въ немъ угрюмо и брезгливо противъ лживой сдѣлки на которой

успокоивалась ея мысль. Ему нечѣмъ было отвѣтить на ея слова. То что онъ могъ сказать ей было полно горечи и обиды, и ему казалось жестокимъ выразить ей все что онъ думалъ, и невозможнымъ отдѣлаться отъ очарованія, неотразимую силу котораго онъ ощущалъ даже теперь, наперекоръ сопротивляющемуся нравственному чувству.

Раиса Михайловна сжала протянутыя на колѣняхъ руки

— Вы молчите? вы ничего не находите сказать мнѣ? проговорила она, и въ ея глазахъ проскользнуло что-то просящее, страдающее, что такъ противорѣчило обычному спокойно-горделивому выраженію ея лица,—проскользнуло и погасло.

— Если вы хотите знать о моемъ чувствѣ къ вамъ, я повторяю что люблю васъ, сказалъ съ тайною болью Юхотскій;—если вы хотите знать какъ я смотрю на это чувство, то я уже говорилъ вамъ что считаю его несчастіемъ. И я буду всѣми силами бороться.... Я ненавижу обманъ. Я не знаю той нравственности которую вы почерпнули въ свѣтѣ. Безъ борьбы я не отдамъ свою молодость чувству которое нуждается въ фальшивой морали и лживыхъ отношеніяхъ. Простите если вамъ горько слышать то что я говорю, вы сами потребовали откровенности. Да и зачѣмъ я вамъ? что могло васъ привлечь ко мнѣ? Въ томъ кругу который составляетъ подвластное вамъ царство вы найдете людей гораздо свободнѣе, удобнѣе, интереснѣе меня. А я уже наполовину разорвалъ съ этимъ кругомъ, и предпочитаю быть въ немъ гостемъ чѣмъ снова принадлежать ему...

Сдвинувъ наклоненныя плечи, Раиса Михайловна молча глядѣла ему въ глаза, и прерывистое дыханіе слегка раздувало ея тонкія ноздри. Когда онъ остановился, испуганный горечью собственныхъ словъ, она медленно подвинулась съ мѣста, по лицу пробѣжало надменное движеніе губъ, но не сказавъ ни слова, она тотчасъ снова опустилась на диванъ и закрыла лицо руками.

Въ первый разъ она видѣла себя оскорбленною, наказанною, и съ ужасомъ чувствовала что не въ силахъ отвести оскорбляющую руку...

За портьерой послышались шаги Давида Петровича. Она быстро встала, обмахнула лицо платкомъ и подошла къ противоположной двери, выходящей во внутреннія комнаты. Повертывая ручку замка, она черезъ плечо оглянулась на

Юхотского и проговорила зазвенѣвшимъ скрытою болюю и горечью голосомъ:

— Мерси за добрый урокъ, Платонъ Николаичъ; я постараюсь чтобъ онъ не пропалъ даромъ.

И не подавъ ему руки, она распахнула дверь и снова захлопнула ее за собой.

XII.

Не даромъ всегда казалось Раисѣ Михайловнѣ что если ей случится любить „въ самомъ дѣлѣ“, то она потеряетъ голову и будетъ готова на всевозможныя безумства. Затворившись въ своей комнатѣ, вся охваченная жгучимъ стыдомъ обиды и тоской разрушеннаго счастья, только теперь почувствовала она на себѣ тяжелую руку страсти. Эта рука, такъ недавно манящая соблазнами новыхъ очарованій, давила безжалостно и жестоко, и она вся сгибалась подъ нею. Какъ птица загнанная въ сѣти, безрадостно кружилась и билась ея мысль, и она вся разгоралась злымъ и страстнымъ томленіемъ, и за горячкой оскорбленнаго чувства наступала такая лютая, вялая истома, отъ которой хотѣлось наложить на себя руки. Тупымъ, ничего не выражавшимъ и безъ слезъ мутнымъ взглядомъ глядя она куда-то предъ собой, въ ту темноту о которой говорилъ Юхотскій и гдѣ недавно, часъ назадъ, все было полно озаренныхъ, страстныхъ призраковъ. Теперь тамъ было въ самомъ дѣлѣ темно, страшно и гадко темно, и она вся содрагалась заглядывая туда внутреннимъ взоромъ, и мучилась тоскливымъ раскаяніемъ за жесткія слова которыми простилась съ нимъ.

„Да вѣтъ же! не можетъ все это такъ кончиться!“ сверкало во временамъ въ ея умѣ и что-то бессильно шевелилось въ груди, и въ этомъ бессиліи чувствовалась истома опущенныхъ крылъ. Она сама не узнавала себя, она, такъ избалованная свѣтомъ, такъ привыкшая къ притулившимся наслажденіямъ лести, поклоненія и обожанія. Какими жалкими и пустыми казались ей теперь обольщенія свѣтскаго тщеславія и эти дешевые услѣхи въ нивелированномъ ничтожествѣ среди котораго она жила... Она съ раздражительною радостью думала о томъ какъ ничтожна она сама предъ тою невѣдомою упругою

силою которую чувствовала въ Юхотскомъ. Оскорбленная и негодующая, съ приливающею къ лицу краской стыда, она любила его до униженія, до слезъ, до безразличія ко всему на свѣтѣ, къ самой себѣ... Она любила его за ту самую обиду которую онъ нанесъ ей, за горечь ихъ послѣдняго разставанія...

Ее напрасно прождали въ этотъ вечеръ на балѣ на которомъ она должна была быть, который давался почти исключительно для нея и на который она не поѣхала потому что знала что тамъ не будетъ Юхотскаго. Она провела бессонную ночь, и въ темнотѣ онъ стоялъ предъ ней, и она помнила только одно, что завтра онъ будетъ у Варвары Павловны, и что она можетъ увидѣть его. Но до назначеннаго часа оставалось еще страшно долго. Съ утра она перепробовала всѣ средства занять себя, и съ ужасомъ замѣчала что стрѣлка какъ будто не движется на часахъ. Никогда не было ей такъ невыносимо и противно быть дома, среди обстановки ежедневнаго будничнаго бездѣлья. Наконецъ ей доложили что лошади поданы. Она поѣхала прямо къ Варварѣ Павловнѣ и отослала кучера, разчитывая остаться тамъ на цѣлый день и вернуться домой съ тетушкой въ ея каретѣ.

Варвара Павловна встрѣтила ее съ залисочкой въ рукѣ и съ недовольною гримаской на остромъ, подвижномъ лицѣ.

— *Décidément il est insupportable*, сказала она, подавая племянницѣ сложенный почтовый листокъ.

Раиса Михайловна развернула его нѣсколько дрожащими руками и быстрымъ горѣвшимъ взглядомъ пробѣжала коротенькія строчки. Юхотскій извинялся что не можетъ принять приглашенія, потому что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и кромѣ того очень занятъ.

— А я еще имѣла глупость намекнуть въ залисочкѣ что онъ кого-то встрѣтитъ у меня, сказала недовольнымъ тономъ Варвара Павловна.

Раиса Михайловна машинально сложила листокъ и проговорила побѣднѣвшими сухими губами:

— Онъ боленъ, нельзя быть на него въ претензіи.

— Вздоръ, никогда не вѣрю этимъ отговоркамъ, возразила тетушка.— Глупое мужское кокетство, больше ничего. Надо чтобы ты дала ему хорошенькій урокъ, *ma chère*.

Раиса Михайловна печально подумала что это не такъ легко сдѣлать какъ казалось тетушкѣ. Она, однако, ничего

не сообщила ей о вчерашнемъ объясненіи: любовь въ періодѣ кризиса не бываетъ откровенна. Она съ трудомъ поддерживала разговоръ, и брови ея медленно шевелились, обнаруживая трудную работу мысли.

— Да что съ тобой? ты точно въ воду олушенная, замѣтила наконецъ Варвара Павловна. — Ma foi, ты кажется не на шутку въ него влюбилась. Это ужъ напрасно, ma chère.

Раиса Михайловна отговорилаь что дурно спала ночь и чувствуетъ усталость. Посидѣвъ еще съ четверть часа, она простилась съ тетушкой и ушла, оставивъ ея въ подозрительномъ недоумѣніи.

Спускаясь съ лѣстницы, она нѣсколько разъ подумала какъ хорошо одѣлала что отослала лошадей и въ особенности что ничего не сказала о томъ Варварѣ Павловнѣ.

— Я пройдуь немного лѣшкомъ, отвѣтила она на замѣчаніе удивленнаго швейцара и, слушивъ на лицо густую вуалетку, пошла по троттуару, стараясь какъ можно менѣе обращать на себя вниманіе проходящихъ.

Ей неловко и какъ будто душно было въ ея олушенномъ мѣкомъ костюмѣ и въ теплыхъ сапожкахъ вовсе не рассчитанныхъ на то чтобъ идти лѣшкомъ. Ножи ея горѣли и лицо рдѣло отъ холода и жара, и отъ жуткаго внутренняго чувства спиравашаго ей дыханіе. Повернувъ въ улицу гдѣ жилъ Юхотскій, она еще ниже надвинула вуалетку и пошла скорѣе. Задыхаясь и лутаясь въ платье, она взбѣжала въ подъѣздъ, проскользнула мимо стеклянной двери магазина, поднялась во второй этажъ и тутъ только остановилась чтобъ перевести духъ. На дверяхъ висѣла дощечка съ именемъ Юхотскаго. Раиса Михайловна высвободила изъ муфты руку и быстро, словно боясь раздумать, дернула за звонокъ.

— Дома князь Платонъ Николаевичъ? спросила она отворявашаго ей стараго, почтеннаго слугу.

— У себя-съ, отвѣтилъ тотъ, съ недоумѣніемъ ее оглядывая.

Она послѣшнно вошла въ переднюю и оттуда въ небольшую залу служившую пріемной. Не затворенная дверь веда изъ нея въ кабинетъ. Она догадалась о томъ по мебели видѣвшейся у оконъ. Она ловяла машинально что она тамъ. У нея было уже такъ мало сознанія что она не чувствовала никакаго страха. Она боялась только чтобъ лакей не спросилъ какъ о ней доложить и, предупреждая эту единствен-

ную явившуюся ея мыслямъ опасность, быстро прошла въ кабинетъ въ ту самую минуту когда Юхотскій, засыпавъ шаги, поднялъ наклоненную надъ письменнымъ столомъ голову.

Онъ съ утра сегодня сидѣлъ за работой, повинуюсь привычкѣ обращаться къ ней каждый разъ когда надо было возстановить нарушенное нравственное равновѣсіе. Онъ искалъ въ ней успокоенія и охлажденія для раздраженной мысли, и мало-по-малу къ нему возвращалась трезвость духа и смятеніе разрѣшилось въ тихую грусть. Ему казалось что предъ нимъ яснѣетъ таинственный и страстный сумракъ окутавшій даль. Опять становились близки и ясны простыя, трезвыя, трудовыя задачи жизни и ея нравственныя цѣли. Пережить послѣднія содроганія страсти, выбросить изъ себя послѣднее обаяніе этого прелестнаго, злаго и опаснаго образа, и жизнь опять сдвинется къ своимъ прямымъ путамъ, и все опять будетъ попрежнему прозрачно и чисто, и дѣйствительно. Онъ думалъ о томъ что проработавъ до весны надъ трудомъ къ которому теперь возвращался уѣдетъ къ себѣ въ деревню, займется хозяйствомъ, приведетъ въ исполненіе нѣкоторые давно задуманные планы, которымъ помѣшалъ отъѣздъ за границу, а тамъ опять кабинетъ, аудиторія, любимыя наслажденія возбужденной мысли, и тѣ отдаленныя нравственныя задачи которыя онъ ставилъ своему служенію наукѣ. И чѣмъ болѣе онъ объ этомъ думалъ тѣмъ ближе и обаятельнѣе рисовался предъ нимъ печальный обликъ и добрыя, ясные, свѣрые глаза глядѣли на него съ влюбленною укоризной, и робкій голосъ, голосъ Мани, будилъ его скорбное одиночество словами прощенія и надежды. „Простить ли она?“ съ тайною болью стояло въ его мысли, и онъ не смѣлъ остановиться на этомъ вопросѣ и понималъ что тутъ можетъ быть только одинъ рѣшитель — всепрощающее и всеисцѣляющее время.

Звонокъ, потомъ чьи-то шаги, необычныя женскіе шаги, шелестъ женскаго платья, разбудили его вниманіе. Онъ поднялъ голову: предъ нимъ стояла княгиня Бахтіарова.

— Раиса Михайловна! могъ только воскликнуть онъ, смущенный и испуганный этимъ неожиданнымъ явленіемъ.

Она подняла вуалетку и глядѣла на него, улыбаясь виватою и неможко печальною улыбкой.

— Вы не больны? проговорили эти слабо улыбавшіася губы.

Страстное чувство захолоуло ему грудь. Онъ оттолкнулъ свой рабочій стулъ, подвинулъ ей кресло, привялъ ея муфту и съ лица его не сходило растерянное, недоумѣвающее и радостно взволнованное выраженіе. Онъ ловилъ взглядомъ то что говорило ея лицо и ему жутко было читать на немъ что-то новое, покорное и печальное, каломивавшее ту изящную убогость которая такъ мила ему была въ Манѣ.

— Я пришла потому что у меня нѣтъ больше силы... проговорила она, опускаясь въ поданное ей кресло.—Слушайте, я все скажу вамъ. Вы не можете меня бросить. Не въ томъ дѣло что я люблю васъ. Вы меня отняли у меня самой. Вы разбудили во мнѣ то чего я и не подозрѣвала въ себѣ. Я не могу больше жить тѣмъ чѣмъ жила до сихъ поръ. Посмотрите, я не такая какъ была; у меня нѣтъ силы, нѣтъ гордости. Понятно ли вамъ что я говорю? Вы что-то сломали во мнѣ.

Короткое, частое дыханіе прерывало ея слабый голосъ. Она откинула голову на высокую спинку кресла и глядѣла прямо ему въ лицо утомленнымъ и гаубокимъ взглядомъ.

— Когда вы ушли вчера, послѣ этихъ жестокихъ сказанныхъ вами словъ, я вдругъ поняла что все это вздоръ, что вы представляете себѣ какую-то совсѣмъ другую женщину, такую какъ я была, можетъ-быть... тихо продолжала она.— И мнѣ вдругъ стало ясно что я больше не могу дышать не тѣмъ воздухомъ какъ вы, что я перестану жить если вы отнимете тотъ свѣтъ въ лучахъ котораго вы мнѣ явились... И вотъ я пришла къ вамъ, и у меня нѣтъ гордости, нѣтъ самолюбія, и если надо чтобы весь міръ узналъ что я пришла къ вамъ—мнѣ все равно...

Она уронила руки и улыбнулась изнеможенною, блѣдною улыбкой. Юхотскій стоялъ предъ ней охваченный невыразимымъ смѣтвнємъ и тѣми послѣдними содраганіями страсти пережить которыя ему казалось такъ легко за минуту назадъ... Онъ молча опустилсѣ къ ея ногамъ и припалъ губами къ безкровной, узкой рукѣ, лежавшей на ея колѣняхъ. Лицо Раисы Михайловны низко наклонилось надъ его головой... Она тихонько высвободила руки, сняла шляпку, потомъ вспомнила что на ней надѣты теплые ботинки, скинула ихъ и, смѣясь, отбросила въ уголъ.

Слушая часъ, она задумчиво сидѣла подлѣ него на диванѣ, перебирая пальцами кончики распутившихся орѣховыхъ локоневъ, и говорила ему слабо и страстно дрожащимъ голосомъ:

— Милый мой, мнѣ все равно. Для меня нѣтъ другой жизни какъ жить тобою. Если тебѣ не нравится тотъ міръ въ которомъ я поставлена, я брошу его. Если ты не хочешь чтобъ я обманывала мужа, я ему все скажу и уйду отъ него. У меня нѣтъ воли, кромѣ твоей воли. Милый мой, мнѣ кажется что я вновь родилась... Для насъ начинается новая жизнь...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

В. АВСѢНКО.

ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПРУССІИ *

РОМАНЪ ГАКЛЕНДЕРА

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

VI. Мелочи жизни.

Маленькому бомбардиру Вейтбергу приходилось довольно часто сидѣть подъ арестомъ. Но никогда еще наказаніе не прошло для него такъ легко и такъ быстро, какъ въ этотъ разъ. Едва онъ легъ на деревянныя жесткія нары какъ немедленно заснулъ. Ночью онъ разъ проснулся и, почувствовавъ сильный холодъ, вынулъ изъ кармана бутылку вина, вылилъ ее и вслѣдъ затѣмъ снова погрузился въ крѣпкій сонъ. Солнце уже давно взошло когда онъ проснулся.

— Экой холодъ, чортъ возьми! раздался голосъ рядомъ съ нимъ. Второй голосъ, также недалеко, началъ подражать крику явтуха, а третій голосъ принялся декламировать стихи.

— Сколько дней осталось тебѣ?

— Два дня; шесть прошло.

— Счастливецъ, проговорилъ какой-то другой жалобный голосъ, — счастливецъ: онъ кончаетъ, а я только начинаю: мнѣ предстоитъ сидѣть здѣсь еще десять дней.

— Бр-р-р-р....

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 8, 9, 10 и 11.

Бомбардиръ Вейтбергъ хорошо слышалъ всѣ эти голоса, но видѣть никого не могъ, такъ какъ всѣ заключенные сидѣли по одиочкѣ. Разговоры эти продолжались не долго. Они были строго запрещены. Вдругъ дверь его каморки отворилась, и на порогѣ показался тюремный сторожъ.

— Вы должно-быть очень нужны имъ, проворчалъ онъ сердито. — Чортъ знаетъ какую рань подыали меня! Меня, стараяго, заслуженнаго солдата! Эта артиллерія всегда воображаетъ что она что-то особенное. Ну, выходи скорѣе; успеешь еще обчиститься и выправиться.

Тюремный сторожъ, произнося эти слова, направился вдоль корридора, шлепая своими широкими изношенными туфлями.

— Я непременно добыюсь, ворчалъ онъ, — чтобы никого не впускали сюда послѣ восьми часовъ вечера и не выпускали до полудня. Выдумали тоже играть нами! Непременно доложу объ этомъ по начальству — начальство не любитъ шутить.

Внизу ихъ встрѣтилъ бомбардиръ Шварцъ, который и передалъ тюремному сторожу приказъ объ освобожденіи арестанта.

— Э-э-э, проговорилъ старикъ, прочитавъ приказъ и окинувъ Вейтберга злобымъ взглядомъ. — Какъ тебя зовутъ?

— Вейтбергъ, отвѣтилъ бомбардиръ, не обращая никакого вниманія на нетерпѣливыя движенія своего товарища. Онъ совсѣмъ забылъ что сидѣлъ подъ арестомъ подъ именемъ бомбардира Фрейберга.

— Посмотри-ка сюда, Вейтбергъ, посмотри, сынъ мой! Что здѣсь написано, чье имя стоитъ? Стоитъ имя Фрейберга! Эй, эй, эй, попался же ты въ западню! Такъ вы вотъ что выдумали; выдумали играть со мною, со старымъ заслуженнымъ солдатомъ! Я помню того Фрейберга. Я только вчера выпустилъ его изъ-подъ ареста. Непременно доложу объ этомъ въ комендантскомъ управленіи. Маршъ, назадъ въ коморку!

— Хорошо же! вскричалъ энергически бомбардиръ Шварцъ. — Сажайте и запирайте его, а я отправляюсь къ господину капитану. Онъ долпроситъ васъ отчего вы не хотите выпустить сегодня изъ-подъ ареста бомбардира Фрейберга, если вчера впустили его сюда подъ этимъ же самымъ именемъ!

— Это мы сейчасъ увидимъ! вскричалъ озлобленный сержантъ, подбѣгая къ своимъ бумагамъ и принимаясь искать

приказъ объ арестѣ Фрейберга. Онъ внимательно прочиталъ его.

— Здѣсь написано „бомбардиръ Фрейбергъ“. Какъ ты назвался вчера?

— Фрейбергомъ, господинъ инспекторъ.

— Чортъ тебя лобери! Онъ назвался иначе, но мнѣ это все равно, рѣшительно все равно. Я не хочу сердиться отъ самаго утра. Убирайтесь вонъ!

Оба товарища, счастливые тѣмъ что такъ легко отдѣлались, послѣдшне вышли изъ бывшаго монастыря Св. Агаты и принялись отыскивать настоящаго Фрейберга. Но Эрихъ будто предвидѣлъ случившееся. Вернувшись ночью въ городъ, онъ отправился на почтовую станцію, вошелъ въ приемную и усѣлся на мягкій, старый диванъ, будто ожидая кого-нибудь. Вскорѣ онъ заснулъ крѣпкимъ, живительнымъ сномъ. Прошло нѣсколько часовъ. Начало свѣтать. Вдругъ раздался рѣзкій звукъ почтоваго рожка, и къ станціи подъѣхала почтовая карета. Звукъ рожка разбудилъ Эриха. Онъ вышелъ со станціи. Голова его была занята самыми разнообразными, странными мыслями. Онъ послѣдилъ въ небольшую табачную лавку, находившуюся недалеко отъ его казармъ. Онъ зналъ что товарищи его приходили сюда каждое утро, и рѣшился обождать здѣсь бомбардира Шварца или Вейтберга. Дѣйствительно, полчаса спустя вошли въ лавочку оба товарища. Эрихъ принялся ихъ горячо благодарить.

— Однако, Фрейбергъ, сказалъ маленькій Шварцъ, — я начинаю убѣждаться въ томъ что капитанъ фонъ-Мандерфельдъ былъ правъ, назвавъ тебя кутилой и опаснымъ человекомъ. Куда ты скрылся вчера? Право, не будь вчера со мной добрый Вейтбергъ, я не зналъ бы какъ выпутаться изъ бѣды.

— Я разкажу тебѣ когда-нибудь все подробно. А теперь я очень усталъ и мнѣ холодно. Я пойду явлюсь и затѣмъ прилягу на часокъ.

Примѣру Эриха послѣдовали и его товарищи: всѣ трое улеглись спать.

Настало утро и всѣхъ позвали на лереклячку.

— Послушайте, Фрейбергъ, сказалъ Эриху вахмистръ Пивкель, — совѣтую вамъ не возражать больше господину капитану, особенно сегодня. Сегодня длинный Вибертъ выпущенъ

изъ лазарета, и капитанъ увидавъ его изрешенное лицо вѣроятно страшно разсердился.

— Но какое мнѣ дѣло до лица длиннаго Виберта?

— Ну, объ этомъ и говорить не стоить. По мѣстамъ.

Капитанъ явился. Замѣтивъ обезображеннаго Виберта, онъ принялся сердито покручивать кончики своихъ длинныхъ усовъ и устремилъ на Эриха пронизывающій, злобный взглядъ. Эрихъ подошелъ къ нему и доложилъ что вышелъ изъ-подъ ареста.

— Надѣюсь что это наказаніе принесетъ вамъ пользу. Надѣюсь также что вы перестанете лаять.

— Точно такъ, господинъ капитанъ.

— Вообще совѣтую вамъ измѣниться и исправиться. Я былъ до сихъ поръ снисходителемъ къ вамъ; теперь буду строгъ и выскателемъ. Совѣтую вамъ также относиться болѣе дружески къ вашимъ товарищамъ. Слышите?

— Слышу, господинъ капитанъ.

Переключка кончилась. Эрихъ и его товарищи вернулись въ свою комнату. Бомбардиръ Вибертъ подошелъ къ своему шкафу и началъ разсматривать замокъ.

— Придется заказать себѣ другой замокъ. Очевидно что *кто-то* лазилъ въ мой шкафъ.

Слово „кто-то“ было произнесено съ особымъ удареніемъ. Но Эрихъ и его товарищи не обратили на это никакого вниманія и продолжали весело разговаривать.

Эрихъ продолжалъ усердно служить и изучать вмѣстѣ артиллерійскія науки. Первый поручикъ неоднократно назначалъ его учить рекрутъ. Вообще онъ высказывалъ не разъ мнѣніе что никогда не встрѣчалъ такого солдата какъ Эрихъ. Онъ просилъ даже капитана фонъ-Мандерфельда допустить Эриха къ унтеръ-офицерскому экзамену. Баронъ фонъ-Мандерфельдъ остался этимъ очень недоволенъ, но тѣмъ не менѣе не могъ отказать своему первому поручику.

Первый поручикъ призвалъ Эриха къ себѣ и сказалъ ему:

— Я сомнѣваюсь чтобы васъ произвели въ унтеръ-офицеры даже еслибы вы сдали самый блестящій экзаменъ. Они всегда найдутъ причину не допустить васъ до этого повышенія. Но во всякомъ случаѣ этотъ экзаменъ принесетъ вамъ пользу. Я увѣренъ что вы сдадите его блестятельно, и этимъ докажете высшему начальству что учились чему-нибудь. А это важно.

Эрихъ искренно поблагодарилъ перваго поручика. Онъ,

дѣйствительно, сдалъ прекрасно свой экзаменъ. Но первый поручикъ не ошибся: его не произвели въ унтеръ-офицеры. Впрочемъ какъ первый поручикъ, такъ и прочіе офицеры батареи поручали ему постоянно обязанности которыя возлагались на унтеръ-офицеровъ. Эрихъ былъ сильно занятъ. Прошло нѣсколько дней, а ему все еще не удалось побывать въ охотничьемъ замкѣ.

Однажды послѣ переключки его призвалъ къ себѣ первый поручикъ и просилъ проѣхать на его конѣ.

— Человѣкъ мой боленъ, сказалъ первый поручикъ. — Я могу положиться на васъ: вы ѣздите хорошо и умѣете обращаться съ лошадьми. Прошу васъ, будьте строже съ моимъ конемъ. Надѣньте саблю, оны до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ ней.

Эрихъ охотно исполнилъ просьбу своего начальника. Лошадь первого поручика считалась по красотѣ и по силѣ первою во всей батарее. Онъ сѣлъ на нее и къ великому изумленію капитана фонъ-Мандерфельда и длиннаго Виберта, стоявшихъ посреди плаца, выѣхалъ изъ казарменнаго двора.

Эрихъ выѣхалъ за городъ. Предъ нимъ на возвышеніи находился фортъ Максимилиана, надѣво бывшій пансіонъ для дѣвицъ высшего круга, направо тянулась дорога къ охотничьему замку. Эрихъ направился къ замку.

Вдругъ онъ засамшалъ за собою громкій голосъ звавшій его по имени. Эрихъ обернулся и узналъ бомбардира Шмоллера.

— Я шелъ къ тебѣ, кричалъ ему еще издали Шмоллеръ. — Впрочемъ хорошо что я встрѣтилъ тебя здѣсь.

— Жаль что я не могу принять тебя сегодня.

— Ничего, въ другой разъ. Мнѣ нужно переговорить съ тобой. Я пойду рядомъ. Куда ты ѣдешь?

— Первый поручикъ просилъ меня проѣхать немного на его лошади.

Онъ хотѣлъ скрыть отъ своего друга куда ѣхалъ.

— Прежде всего, Эрихъ, объясни мнѣ отчего ты убѣжалъ въ послѣдній разъ отъ меня? Кого ты увидѣлъ въ зрительную трубу?

— Кого? Да никого.... Я вспомнилъ вдругъ что меня ждалъ первый поручикъ.

— Вотъ какъ! замѣтилъ Шмоллеръ съ хитрою улыбкой. — Странно только то что ты вмѣсто того чтобы идти по

направленію къ казармамъ, побѣжалъ вотъ по этой дорогѣ.... Я видѣлъ ты бѣжалъ за какою-то каретой. Потомъ ты наткнулся на нѣсколькихъ офицеровъ шелшихъ тебѣ на встрѣчу и остановился предъ ними какъ мокрая курица. Хитрецъ ты, хитрецъ! Я все это видѣлъ въ свою прекрасную зрительную трубу. Однако, Эрихъ, будь честенъ и говори мнѣ правду. Мнѣ нужна твоя помощь. Ты, можетъ-быть, въ состояніи разъяснить мнѣ вѣкоторыя вещи. Скажи, отчего тамъ въ пансіонѣ все такъ тихо и мрачно? Видишь, даже ставни закрыты.

— Бѣдный! Значить, твой романъ съ прекрасною графиней прекратился?

— Совершенно... Если ты не будешь честно отвѣчать мнѣ, я умру съ разбитымъ сердцемъ.

— Стыдись, вѣдь ты бомбардиръ!

— Не хитри, Эрихъ. Я знаю что ты бѣжалъ тогда за коляской которая выѣзжала изъ пансіонскаго двора. Тамъ сидѣла, вѣроятно, особа которою ты интересуешься. Теперь окажи мнѣ услугу.

— Охотно.

— Послушай, я знаю что ты ѣдешь теперь туда куда недавно ѣхала та коляска. Ты увидишь одну изъ бывшихъ пансіонерокъ. Счастливецъ! Узнай отъ нея гдѣ моя прекрасная графиня. Исполнишь ты мою просьбу?

— Съ удовольствіемъ, если только увижу ту особу къ которой теперь ѣду. Но если ты думаешь что и я имѣю свой романъ, то ты вполнѣ ошибаешься. Она слишкомъ прекрасна и знатна для меня. Я не такъ смѣлъ въ своихъ надеждахъ какъ ты, Шмоллеръ.

— Не вѣрю тебѣ, ты эгоистъ! Ты еще въ Бригадной Школѣ всегда хитрилъ и скрывалъ все, а здѣсь ты только усовершенствовался въ этомъ! Нечего сказать, хорошо я! Рассказываю ему все, исповѣдываюсь, сообщаю всѣ свои наблюденія надъ пансіономъ, а онъ и безъ меня все хорошо знаетъ! Имѣеть тамъ даже даже интимныя знакомства!

— Ты очень ошибаешься.

— Ну, хорошо, оставимъ это. Я не завистливъ. Но вѣдь ты исполнишь мою просьбу, ты разузнаешь о ней?

— Непремѣнно, если только возможно.

— Знаешь чтò, возьми вотъ эту фотографическую карточку, она поможетъ тебѣ. Но, смотри, береги ее какъ святыню... У меня нѣтъ другой.

Эрихъ взялъ изъ рукъ Шмоллера карточку, простился съ своимъ другомъ и поскакалъ по направлению къ охотничьему замку.

Нѣсколько минутъ спустя [онъ уже былъ въ лѣсу предъ замкомъ.

Онъ вѣхалъ на дворъ и увидалъ лѣсничаго разговаривавшаго съ однимъ изъ охотниковъ. Лѣсничій, завидѣвъ Эриха, нахмурилъ свои густыя брови и холодно, угрюмо отвѣтилъ на его поклоны.

— Не могу ли я, господинъ лѣсничій, поставить куда-нибудь, на четверть часа, свою лошадь?

— Комюшни въ лѣсу. Пріѣзжающіе сюда берутъ обыкновенно съ собою прислугу.

Къ счастью, день былъ теплый, ясный. Эрихъ поставилъ лошадь въ уголъ двора, привязалъ ее и покрылъ ковромъ.

— Вы пришла, вѣроятно, сюда по порученію дамы которая была здѣсь въ послѣдній разъ съ вами? спросилъ лѣсничій.

— И да и нѣтъ. Я пріѣхалъ сюда чтобъ узнать о здоровьѣ фрейлейнъ Бланды.

— Не знаете ли вы когда она уѣдетъ отсюда?

— Нѣтъ.

— Прошу васъ, зайдите въ садъ. Она тамъ и, должно быть, будутъ рады видѣть васъ. Она въ эти дни нѣсколько разъ подбѣгала къ воротамъ, будто ждала васъ или кого-нибудь другаго.

— Не думаю чтобъ она ждала меня. Она, вѣроятно, безпокоится что за нею не пріѣзжаютъ. Я вижу, господинъ лѣсничій, что вы будете рады когда она уѣдетъ отсюда.

— Гм, да, проворчалъ лѣсничій и, вслѣдъ затѣмъ, тихо прибавилъ: — Сказать правду, я никакъ не предполагалъ что такъ скоро привыкну къ ней... Вотъ и онъ.

Онъ вошелъ въ садъ. Эрихъ увидѣлъ прекрасныя гроты, статуи, вазы,—но все это было въ полномъ разрушеніи. Посреди сада стоялъ небольшой павильонъ. вмѣсто крыши, на немъ лежали толстыя сучья деревьевъ, вокругъ которыхъ видся дикій виноградъ и ползучія растенія.

Въ бесѣдкѣ сидѣли Бланда и мамзель Штѣккель. Бланда читала, но, завидѣвъ Эриха, послѣшно пошла ему на встрѣчу. Она ласково протянула ему свою тонкую, изящную руку и усадила его между собою и мамзель Штѣккель. Затѣмъ

Эрихъ долженъ былъ разказать имъ всю свою жизнь. Она говорила правду, ничего не скрывая. Бланда слушала его серьезно и, устремивъ на него свои прекрасные, блестящіе глаза, грустно сказала:

— Бѣдный Эрихъ, ты много страдалъ. Тебѣ, вѣроятно, и теперь тяжело?

— Да, но я надѣюсь что добьюсь чего-нибудь лучшаго. Ахъ, Бланда, теперь, когда я встрѣтилъ тебя и Кольму, теперь я счастливъ! Вы однѣ любили меня.

— Ты правъ, Эрихъ, тебѣ тяжело теперь, но ты еще можешь добиться чего-нибудь лучшаго. Мнѣ будетъ труднѣе устроиться. Намъ, женщинамъ, нѣтъ того выбора, нѣтъ того простора въ дѣятельности, какой вы имѣете. Мы часто должны идти туда куда насъ поведутъ. Ты помнишь меня дѣвочкой, помнишь какъ я танцевала? Я была тогда счастлива... Цыгане любили меня и исполняли всѣ мои желанія, всѣ мои требованія. Они видѣли во мнѣ свою будущую герцогиню, свою владычицу. Но вдругъ все измѣнилось. Мать моя умерла, радуясь что я нахожусь подъ покровительствомъ такихъ знатныхъ людей, какъ графы Зеefeldы. Кольма исчезла, Цыгане стали расходиться по разнымъ направлениямъ. Не было никого кто могъ управлять ими. Я помню Цареггъ сказалъ мнѣ однажды: „Бланда, еслибы тебѣ было теперь двадцать лѣтъ, ты сумѣла бы удержать таборъ въ повиновеніи, ты была бы могущественнѣе всѣхъ царицъ этой земли!“ Меня отдали въ пансіонъ. Эрихъ, еслибы ты зналъ какъ мнѣ было сначала трудно привыкнуть къ этой новой жизни! Я страшно скучала по своей волѣ, по своей матери, по цыганскому табору... Я любила ихъ... Ахъ, помнишь ту ночь когда я освободила тебя изъ тюрьмы, когда прощалась съ тобою на дворѣ замка Вальдбургъ! Какъ хорошо было тогда!..

Лицо ея покрылось яркою краской, глаза засіяли. Но вдругъ она опустила голову и задумалась.

— Я часто думала о томъ, Эрихъ, за что приняла графиня Зеefeldъ такое участіе во мнѣ? Имѣла ли она на это какія-нибудь побудительныя причины или это былъ только простой капризъ? Кольма хочетъ чтобы я жила съ ней. Она говоритъ что она богата, и что вполнѣ обезлечитъ меня. Я не совсѣмъ рада этому. Я знаю что графиня Зеefeldъ и всѣ другіе считаютъ меня гордымъ, испорченнымъ существомъ.

Мнѣ хотѣлось бы жить своими трудами, хотѣлось бы доказать имъ что они ошибаются во мнѣ.

— Я нахожу что ты не вполне права, замѣтила мамзель Штѣккель.

— Но Кольма уничтожила всѣ мои планы, продолжала молодая дѣвушка. — Какъ она измѣнилась! Видно что она сильно страдаетъ. Скажи, Эрихъ, ты не испугался, увидѣвъ ее такой измѣнившейся?

— Да, но я слышалъ о ней прежде, я зналъ что она была опасно больна.

Эрихъ скрылъ отъ Бланды происшествіе той роковой ночи, когда бѣдная Кольма была ранена.

— Да, она страшно измѣнилась, продолжала грустно Бланда. — Вотъ это-то и побудило меня согласиться на всѣ ея просьбы. Скажи, Эрихъ, ты часто бывалъ на томъ укрѣпленіи противъ павсіона?

— Ты спрашиваешь о фортѣ Максимиліана? Эрихъ невольно вспомнилъ бомбардира Шмоллера и его просьбу.

— Да. Видишь, меня это укрѣпленіе никогда не интересовало, но, одна изъ моихъ подружекъ...

— Интересовалась имъ.

— Даже слишкомъ, отвѣтила серьезно бывшая младшая надзирательница.

— Я знаю кѣмъ она интересовалась! воскричалъ, смѣясь, Эрихъ.

— Я никогда не прощу графинѣ Галлеръ что она занималась такими шалостями, возразила мамзель Штѣккель. — И не стыдно ей было выбрать васъ, Бланда, повѣрчивой!

— Следовательно, она была действительно знатнаго происхожденія? спросилъ съ удивленіемъ Эрихъ. — Такъ это она переписывалась съ моимъ товарищемъ и отослала ему свою фотографическую карточку?

— Я ничего не слышала объ этомъ, отвѣтила послѣшво Бланда.

— Ахъ, это похоже на эту легкомысленную Галлеръ!

— Онъ твой товарищъ, Эрихъ?

— Да, онъ простой бомбардиръ, служащій при крѣпостной ротѣ форта Максимиліана.

— Но онъ изъ знатной семьи?

— Нѣтъ. Шмоллеръ добрый, хорошій человекъ, но онъ не знатнаго происхожденія.

— Его зовутъ Шмоллеромъ? спросила мамзель Штѣккель. — Жаль что я этого не знала прежде. Это ума было бы средствомъ усмирить эту шалуницу Галлеръ. Но надѣюсь что она давно все это забыла.

— Да, и меня, замѣтила Бланда съ грустною улыбкой. — Впрочемъ, все равно. Скажи пожалуйста, Эрихъ, — продолжала она уже весело, — каковъ твой другъ Шмоллеръ? Хорошъ онъ собой? Мнѣ очень хотѣлось бы увидѣть его хоть одинъ разъ.

— Онъ очень приличный молодой человекъ и не дуренъ собой. Но все-таки я удивляюсь какимъ образомъ могъ онъ обратить на себя вниманіе такой знатной дѣвушки какъ графиня Галлеръ.

— Она видѣла его всегда издали. Она воображала что онъ молодой, прекрасный человекъ знатнаго происхожденія, переродившійся, изъ любви къ ней, въ мундиръ простаго солдата.

— Все это плодъ праздныхъ часовъ и чтенія гауныхъ романовъ, которые ей давала фрейлейнъ фонъ-Бвадде, замѣтила мамзель Штѣккель. — Но послать свою карточку незнакомому человеку, это ужъ непростительно!

— Карточка при мнѣ. Шмоллеръ передалъ ее мнѣ, прося чтобъ я разузналъ куда скрылась прекрасная графиня.

— Эрихъ, покажи ее!

Когда Эрихъ бралъ изъ рукъ Шмоллера карточку, онъ не обращалъ на нее никакого вниманія; но теперь, взглянувъ на нее, онъ сильно испугался. Бланда взяла карточку и, посмотрѣвъ на нее, сначала громко засмѣялась, а потомъ серьезно сказала:

— Однако, это безсовѣстно со стороны Клотильды!

— А что такое? спросила мамзель Штѣккель.

— Вотъ она послала молодому человеку эту карточку.

— Какъ, мою карточку! вскричала бывшая наставница въ глубокомъ негодованіи. — Но это возмутительно! У нея нѣтъ сердца! Эти знатные люди всѣ одного покроя! Мою карточку, бросить мою карточку! А я такъ любила ее!.. Послушайте, я требую чтобы вы привели сюда своего друга. Я переговорю съ нимъ. Это безсовѣстно съ его стороны. Что же касается карточки, то я оставляю ее у себя.

Она вышла изъ сада, вся горя и дрожа отъ сильнаго волненія. Эрихъ остался одинъ съ Бландой. Такъ просидѣли они нѣсколько минутъ молчаливые, серьезные. Потомъ Эрихъ

вспомнилъ что ему пора ѣхать. Бланда проводила его до самыхъ воротъ.

Эрихъ, прощаясь съ Бландой, обѣщалъ навѣстить ее на другой же день. Но это ему не удалось. Капитанъ фонъ-Мандерфельдъ остался очень недоволенъ что Эрихъ ѣздилъ каждый день на лошади перваго поручика.

— Отчего вы поручили это бомбардирю Фрейбергу? спросилъ баронъ фонъ-Мандерфельдъ. — Не лучше ли поручить вашу лошадь одному изъ унтеръ-офицеровъ, или Виберту? Онъ отлично ѣздитъ верхомъ.

— Благодарю васъ за совѣтъ, отвѣтилъ сухо первый поручикъ. — Я поручаю свою лошадь бомбардирю Фрейбергу пока мой человекъ не выздоровѣетъ. Если вы не желаете чтобъ онъ ѣздилъ за городъ, то онъ можетъ остаться въ манежѣ.

Эрихъ исполнилъ желанiе перваго поручика. Такъ прошло нѣсколько дней. Однажды, когда онъ былъ въ манежѣ, къ нему пришелъ бомбардиръ Шмоалеръ. Послѣднiй былъ въ какомъ-то особенномъ, странномъ настроенiи духа. На вопросъ Эриха что съ нимъ, онъ началъ разказывать:

— Я сидѣлъ, нѣсколько дней тому назадъ, на валу нашей крѣпости и мечталъ. Вдругъ услыхалъ конскiй топотъ и громкіе, веселые голоса. Я оглянулся и увидѣлъ цѣлую кавалькаду стоявшую недалеко отъ меня. Впереди всѣхъ сидѣла на лошади прелестная молодая женщина, а за нею какой-то важный старикъ и, какъ ты думаешь кто? Твой врагъ, графъ Дагобертъ Зеефельдъ! Молодая дѣвушка была поразительной красоты: высокая, стройная, съ черными блестящими глазами и волосами. Все въ ней была грація, жизнь. Она подѣхала къ самому валу и, указавъ рукой на окна бывшаго пансіона, сказала веселымъ, звонкимъ голосомъ: Сюда, графъ, сюда! Взгляните, вотъ то окно у котораго я просиживала цѣлые часы и мечтала о немъ! Право, графъ, еслибы вы не клялись мнѣ что никогда не бывали здѣсь наверху, то я была бы вполне увѣрена что вы и есть мой переодѣтый заколдованный принцъ! Между тѣмъ, важный старикъ предложилъ молодымъ людямъ навѣстить капитана фонъ-Ваальтера. Графъ принялъ это приглашенiе, но молодая графиня—ее такъ называлъ графъ—отказалась и осталась на валу. Еслибы ты зналъ какъ билось мое сердце. Она подѣхала ко мнѣ и спросила что я читаю. Я читалъ романъ Слиндера, но солгалъ ей и

отвѣтилъ что читаю стихи Гейне. Вслѣдъ затѣмъ я продекламировалъ:

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно катежной...

Она вспыхнула, опустила голову и, сорвавъ съ груди маленькій букетъ фіалокъ, бросила его мнѣ. Я наклонился его взять и поднявъ голову увидѣлъ что ея уже нѣтъ. Знаешь, Эрихъ, я увѣренъ что эта молодая графиня та самая которая писала мнѣ и прислала фотографическую карточку.

— Но развѣ ты нашелъ сходство между нею и этой карточкой?

— Нѣтъ. Но она имѣла вѣроятно причины прислать мнѣ чужую карточку.

Тогда Эрихъ разказалъ ему всю правду. Онъ разказалъ что молодая графиня дурачилась и смѣялась надъ мнѣ, и что онъ видѣлъ настоящій оригиналъ присланной ему карточки. Эрихъ описалъ мамзель Штѣккель въ самыхъ яркихъ краскахъ: онъ выставилъ ее какъ добрую, умную, и въ высшей степени симпатичную особу. Затѣмъ онъ передалъ Шмоллеру что она желаетъ его видѣть. Шмоллеръ былъ сильно озадаченъ.

Онъ отвѣтилъ Эриху что постарается забыть коварную шалунью-графиню и что пойдетъ къ мамзель Штѣккель. Рѣшено было идти на другой день.

Друзья разошлись. Эрихъ пошелъ въ свою комнату. Онъ не успѣлъ еще подойти къ своей двери, какъ вдругъ услышалъ громкій, сердитый разговоръ. Онъ узналъ голоса дальняго Виберта и унтеръ-офицера Венкгейма. Эриха крайне поразило еще то обстоятельство что голосъ Виберта звучалъ далеко не такъ заносчиво и грубо, какъ онъ обыкновенно говорилъ. Унтеръ-офицеръ же Венкгеймъ говорилъ громко, рѣзко. Эрихъ еще въ первый разъ самъ слышалъ что онъ говорилъ съ любимцемъ капитана фонъ-Мандерфельда.

— И еслибы дѣло касалось только простой бумаги, вскричалъ унтеръ-офицеръ,—вы все-таки не имѣли права открывать чужой шкафъ! Не возражайте! Я очень хорошо знаю что вы предполагали что здѣсь въ комнатѣ никого не было! Къ тому же я видѣлъ какъ вы залезали тщательно дверь, негодяи!

— Я залезъ дверь оттого что хотѣлъ переодѣться.

— Экая стыдливость! отвѣтилъ съ ироніей унтеръ-офицеръ.—Ужь не попали ли вы нечаянно въ чужой шкафъ и воображали ли что берете вмѣсто бумаги чистую рубашку!

— Въ первомъ предположеніи вы нисколько не ошибаетесь. Взявъ бумагу, я думалъ что беру свою. Взгляните въ мой шкафъ, здѣсь лежитъ точно такой же запечатанный конвертъ.

Эрихъ открылъ дверь. Онъ зналъ о какомъ конвертѣ говорилъ Вибертъ. Но, взглянувъ на стараго унтеръ-офицера, онъ едва могъ удержаться отъ смѣха. Тотъ былъ въ одной рубашкѣ и стоялъ предъ Вибертомъ весь красный отъ гнѣва, съ пылающими, блестящими глазами.

— Да, вскричалъ онъ, разказывая Эриху,—да, негодяй думалъ что я ничего не узнаю! Я лежалъ въ постелѣ закрывшись одѣяломъ, такъ какъ чувствовалъ себя несомнѣнно здоровымъ. Онъ и вообразилъ себѣ что одинъ въ комнатѣ. Я сейчасъ же одѣнусь и доложу обо всемъ господину первому поручику.

— Пожалуй идите, проворчалъ Вибертъ.—Но всякій убѣдится что это была ошибка съ моей стороны. Вотъ мой пакетъ.

Эрихъ быстро подошелъ къ своему шкафу и началъ искать свои бумаги. Шкафъ его былъ открытъ и вещи въ страшномъ безпорядкѣ: видно было что кто-нибудь рылся у него. Но бумаги, къ счастью, были цѣлы. Эрихъ понялъ что Вибертъ хотѣлъ подивить его конвертъ другимъ. Онъ надписалъ на конвертѣ свое имя, спряталъ его опять въ шкафъ и заперъ.

Затѣмъ онъ подошелъ къ унтеръ-офицеру Венкгейму и просилъ его замаять всю эту исторію и ни слова не говорить первому поручику.

— Оно, пожалуй, и лучше, отвѣтилъ угрюмо Венкгеймъ.— Мнѣ будетъ стыдно признаться что подобное могло случиться въ моей комнатѣ. Чортъ бы его побралъ! Справляйтесь съ нимъ какъ хотите. Я выйду на дворъ. Здѣсь я задыхаюсь.

Старикъ послѣшво одѣлся и вышелъ изъ комнаты. Эрихъ подошелъ къ столу и спокойно началъ ждать пока Вибертъ окончитъ свой завтракъ, состоявшій изъ куска хлѣба съ масломъ и колбасы. Затѣмъ онъ подошелъ ближе къ нему и строго сказалъ:

— Я прощаю вамъ на этотъ разъ. Но если подобная про-
дѣлки повторятся, то берегитесь!

— Вотъ какъ! воскричалъ тотъ, вскочивъ съ своего мѣста.—
Какъ вы смѣете такъ говорить со мною, основываясь на гау-
лыхъ подозрѣнiяхъ этого дурака Венкгейма! Постой, голуб-
чикъ, еслибы мнѣ не было гадко марать свои руки, прика-
саясь къ лицу такого негодая, шпіона и измѣнника, то...

Онъ не успѣлъ докончить. Эрихъ въ одну секунду бро-
сился на него и, схвативъ его за воротникъ мундира, пова-
лилъ на полъ. Затѣмъ, выхвативъ саблю изъ ноженъ, онъ
принялся бить изо всѣхъ силъ несчастнаго бомбардира ту-
лымъ концомъ. Раздалось громкое „браво“. Эрихъ припод-
нялъ голову и увидалъ маленькаго Шварца и Вейтберга
стоявшихъ у дверей. Не обращая никакого вниманiя на страш-
ные крики длиннаго Виберта, онъ продолжалъ свою экзекуцію.
Вдругъ онъ почувствовалъ какъ кто-то сильно схватилъ его
за руку. Эрихъ поднялъ голову и увидалъ предъ собой смер-
тельно-блѣднаго Вейтберга, а за нимъ капитана фюз-Ман-
дерфельда и перваго поручика.

Эрихъ отошелъ отъ Виберта и, вложивъ обратно саблю въ
ножны, молча поклонился своимъ начальникамъ.

Баронъ фюз-Мандерфельдъ, сохранившій, видимо, съ тру-
домъ свое хладнокровiе, спокойно вынулъ изъ кармана тов-
кiй, надушенный батистовый платокъ, вытеръ имъ свои длин-
ные, изящные усы и затѣмъ равнодушно сказалъ:

— Прошу васъ, господишь первый поручикъ, отправить
этого человѣка къ вахмистру Пинкелю и нарядить слѣдствiе.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ комнаты. Эрихъ и его товарищи
остались въ глубокомъ унынiи.

Но гроза, нагрянувшая было на голову „последняго бом-
бардира“, прошла на этотъ разъ благополучно. Не прошло и
десяти минутъ какъ въ комнату вошелъ унтеръ - офицеръ
Венкгеймъ и, весь красный отъ волненiя, громко объявилъ:

— Господишь капитанъ не приказалъ предавать бомбар-
дира Фрейберга суду и приказалъ перевести бомбардира Ви-
берта въ комнату № 4.

Нечего и говорить съ какою радостью друзья прiняли это
извѣстiе.

VII. Новое знакомство.

Эрихъ отправился въ слѣдующій же день къ бомбардиру Шмоллеру и потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, пошелъ въ охотничій замокъ. На дорогѣ онъ разказалъ ему свою исторію съ Вибертомъ и ея послѣдствія.

— Если тебя не подвергли строгому свидѣнію, отвѣтилъ Шмоллеръ,—то ты этимъ обязанъ только унтеръ-офицеру Веккгейму. Онъ вѣроятно передалъ капитану фонъ-Мандерфельду о томъ что Вибертъ рысая въ твоёмъ шкафу. Капитанъ и замалъ всю эту исторію. Но, вѣрь мнѣ, онъ не проститъ тебѣ что ты избилъ его любимца. Будь остороженъ.

— Какъ же мнѣ быть? спросилъ Эрихъ, пожимая плечами.— У него подъ рукой тысяча средствъ чтобы повредить мнѣ.

— Я совѣтую тебѣ избѣгать этого Виберта. Ты слишкомъ горячъ! Тебѣ бы слѣдовало просто поймать его на его продакъ и донести объ этомъ. Какъ хочешь, а я увѣренъ что онъ не безъ умысла рысая въ твоихъ бумагахъ. Впрочемъ, онъ это дѣлалъ вѣроятно по порученію другаго лица...

— Можеть-быть. Но посмотрѣлъ бы я какъ бы ты поступилъ на моемъ мѣстѣ! Я былъ страшно разсерженъ.

— Ты поступилъ также въ высшей степени неосторожно, спрятавъ этотъ запечатанный конвертъ въ своемъ шкафу. Я его лучше сохранялъ бы. Гдѣ онъ теперь?

— Здѣсь, при мнѣ. Я его отдамъ на сохраненіе одной дамѣ которая живетъ въ охотничьемъ замкѣ.

— И отлично. Не знаю долго ли я останусь здѣсь. Говорятъ что нашу крѣпостную роту переведутъ въ другое мѣсто.

Разговаривая такимъ образомъ, друзья уже подходили къ охотничьему замку. Видны были даже высокія, стройныя башенки, поднимавшіяся изъ-за высокихъ деревьевъ лѣса. Шмоллеръ шелъ все медленнѣе и становился молчаливѣе. На вопросъ Эриха что съ нимъ, онъ отвѣтилъ:

— Я и самъ не знаю что со мною. Но мнѣ какъ-то странно и неловко. Какъ хочешь, а мое положеніе не совсѣмъ пріятное. Явиться къ женщинѣ отъ которой я получалъ письма и стихи, никогда не вида ея, это не такъ-то легко! Богъ знаетъ какъ она еще встрѣтитъ меня!

Былъ пасмурный, но теплый день. Небо было покрыто

легкими, стрыми облаками. Въ воздухѣ было душно, въ малѣйшаго вѣтерка. Деревья и кустарники стояли неподвижно, какъ-то уныло, будто ожидая чего-то... Да и весь лѣсъ, лишенный на этотъ разъ солнечныхъ лучей, навѣвалъ какую-то грусть, тоску... Былъ праздничный день: всѣ служители и работники были или въ церкви, или въ соседней деревнѣ. Вокругъ охотничьяго замка царствовала глубокая тишина. Вдругъ раздались тихіе, нѣжные, грустные звуки цитры. Друзья вошли во дворъ.

— Право, прошелтаъ Шмолеръ, — можно подумать что входить въ какой-то заколдованный замокъ. Только не достаетъ дракона.

У порога ихъ встрѣтила мамзель Штѣккель. Завидѣвъ молодыхъ людей и догадавшись кто такой Шмолеръ, она сильно сконфузилась и покрасѣла. Эрихъ представилъ ей своего друга и спросилъ гдѣ Бланда.

— Она здѣсь въ комнатѣ, отвѣтила мамзель Штѣккель.

Она видимо боялась взглянуть на Шмолера стоявшаго предъ нею съ самымъ почтительнымъ видомъ.

— Бланда ждетъ васъ; ей нужно переговорить съ вами. Она хочетъ говорить съ вами одна. Если угодно вашему другу, я пойду съ нимъ въ садъ. Тамъ и мой племянникъ. Мы будемъ ждать васъ съ Бландой.

Она показала рукой Эриху дорогу которая вела въ садъ, и вышла. Шмолеръ, все еще робкій и смущенный, послѣдовалъ за ней.

Ну, намылить же она ему голову, подумалъ Эрихъ. Эриху стало вдругъ необыкновенно весело. Онъ былъ счастливъ при одной мысли что Бланда его ждетъ, и что онъ будетъ съ нею одинъ.

Онъ послѣдно побѣжалъ въ залу и подошелъ къ большому креслу стоявшему предъ каминомъ. Но какво было его удивленіе и услугъ когда, взглянувъ на Бланду, онъ увидѣлъ что лицо ея было покрыто смертельною блѣдностью, а глаза полны слезъ.

— Бланда, ради Бога, что съ тобой?

— Ахъ, Эрихъ, я столько испытала вчера!... Ахъ, это былъ такой страшный, такой ужасный день!

— Расскажи мнѣ все, только прошу тебя, не волнуйся.

— Эрихъ, Кольма умерла!

— Кольма умерла?! Бланда, это невозможно! Кто сказалъ это тебѣ?

— Вчера былъ здѣсь тотъ человекъ который, помнишь, посадилъ тебя въ тюрьму.

— Ты говоришь о графѣ Зеefeldъ?

— Да. Это было вчера. Я сидѣла съ Катериной Штѣккель въ саду и читала. Вдругъ услышала конскій топотъ. Я думала что это ты и, обрадованная, выбѣжала къ воротамъ. Но я ошиблась. Какой-то офицеръ слѣзъ послѣшно съ лошади и, завидѣвъ меня, вдругъ вскричалъ: „Господи, какое явленіе!“

— О, я увѣренъ въ томъ, онъ не ограничился этимъ! сказалъ Эрихъ, стиснувъ зубы.

— Можетъ-быть. Но я его немедленно узнала и была до того ошеломлена что ничего не слыхала. Затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ поближе и, улыбаясь, началъ меня осматривать. Но вдругъ лицо его измѣнилось, онъ снялъ фуражку и спросилъ меня серьезнымъ, почтительнымъ голосомъ: „Не имѣю ли я честь видѣть предъ собою миссъ Прайсъ?“

Я не успѣла еще отвѣтить ему какъ къ намъ подошла мамзель Штѣккель.

— Значитъ, онъ привезъ тебѣ извѣстіе о смерти Кольмы? спросилъ глубоко огорченный и взволнованный Эрихъ.

— Да. Все что онъ говорилъ такъ походило на правду что я не могла не довѣрять ему.

— Онъ могъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о Кольмѣ, сказалъ Эрихъ грустно.—Онъ видѣлся съ нею въ тотъ вечеръ когда мы были у тебя здѣсь въ первый разъ. Я никогда не забуду этого вечера. Я не видѣлъ ее нѣсколько лѣтъ и она оказалась мнѣ такою измѣнившася, такою несчастною!...

— Какъ она умерла и когда?

— Въ ту же ночь когда увѣжала стсюда домой. Она умерла въ каретѣ. Служанка отворила двери и въ первую минуту думала что она спитъ.

— Бѣдная, бѣдная Кольма! Какъ мы счастливы, Бланда, что еще разъ видѣли ее предъ смертью!

На глазахъ его навернулись слезы. Онъ взялъ обѣ руки молодой дѣвушки, поцѣловалъ ихъ и затѣмъ прижалъ ее горячо къ своей груди. Она прижала свою головку къ его плечу и тихо судорожно зарыдала.

— Ахъ, Эрихъ, теперь только я чувствую какъ я одинока,

какъ я бѣдна. Господи, это ужасно! Одна, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ имени!

— Бланда, милая, дорогая Бланда, какъ можешь ты такъ говорить?

— Ахъ, я знаю что у меня нѣтъ имени!

— Но у тебя есть другъ который тебя не покинетъ никогда, никогда!

Эрихомъ вдругъ овладѣло глубокое, блаженное чувство. Онъ былъ счастливъ при одной мысли что Бланда теперь одна, что онъ можетъ быть ея другомъ, защитникомъ, покровителемъ. Онъ могъ теперь надѣяться что она обратится къ нему какъ къ своему лучшему другу за совѣтомъ, что она вполне довѣрится ему. Онъ чувствовалъ что наступаетъ конецъ его одиночеству, что онъ любить и любимъ.

Она взглянула на него сквозь слезы и сказала:

— Благодарю тебя, Эрихъ. Я знаю ты другъ мнѣ. Скоро я обращусь къ тебѣ за совѣтомъ, за помощью. Ахъ, я знаю, твоя помощь мнѣ будетъ очень нужна!

— Ужь не сказалъ ли онъ тебѣ чего-нибудь худаго? Ужь не ненавидитъ ли и не преслѣдуетъ ли онъ тебя? вскричалъ Эрихъ со сверкающими глазами.

— Нѣтъ, меня не ненавидятъ и не притѣсняютъ. Напротивъ, мнѣ стараются нравиться и хотятъ покровительствовать.

— Но это еще хуже, еще опаснѣе, тихо проговорилъ Эрихъ. Онъ глубоко страдалъ. — Изъ чего ты это заключила?

— Это доказывали слова, взгляды и движенія. И потому я всегда это чувствовала здѣсь...

При послѣднихъ словахъ она прижала руки къ сердцу и продолжала, олутивъ глаза:

— Мнѣ еще никогда не было такъ больно и такъ страшно какъ въ тѣ минуты когда онъ смотрѣлъ на меня.

— Бланда, я понимаю тебя, вскричалъ Эрихъ, весь дрожа отъ гнѣва и сжавъ руки.—И опять онъ! Вѣчно онъ! Еслибы ты знала сколько страданій вынесъ я изъ-за него! Что же сказала на все это мамзель Штѣккель?

— Когда онъ ушелъ, я бросилась, рыдая, ей на грудь. Она начала меня утѣшать, но какъ-то сухо, холодно. Я замѣтила что она и ея братъ относились къ нему подобострастно, будто боялись его.

— Но вѣдь она слышала что тебѣ говорилъ графъ; что же она сказала потомъ?

Голосъ Эриха звучалъ жестко, почти сердито.

— Она сказала что я не должна была говорить съ нимъ такъ гордо и холодно, что его помощь и участіе могутъ быть полезны для меня, что онъ можетъ опять вернуть мнѣ прежнюю благоеклонность графини Зеefeldъ.

— Омъ-то? Господи, какъ она глупа, эта Штёккель!

— Эрихъ, ты вѣришь теперь мнѣ что я несчастна?

— Да, Бланда, я вижу что твое положеніе здѣсь нехорошо.

— Прежде я была такъ счастлива здѣсь, а теперь, теперь... И къ тому же...

Она вдругъ замолчала.

— Говори же, Бланда, прошу тебя, не скрывай ничего.

— Меня безпокоитъ еще несчастный сынъ дѣвчачаго. Омъ точно тѣнь ходитъ за мною всюду. Омъ по цѣлымъ часамъ смотритъ на меня и всегда такъ грустно... Ахъ, Эрихъ, я хочу уйти отсюда, я только не знаю куда!

Она вдругъ зарыдала опять и припала къ нему головой.

— Куда я уйду, куда я двнусь? Я одна, совсѣмъ одна!..

Эрихъ гаубоко задумался. Положеніе Бланды его сильно тревожило. Омъ твердо рѣшилъ что она не должна больше обращаться за помощью къ графинѣ Зеefeldъ. Омъ чувствовалъ что тогда онъ потеряетъ ее навсегда.

Вдругъ онъ вспомнилъ о старомъ мельникѣ Бурбустѣ. Да, онъ обратится къ нему, онъ довѣритъ ему Бланду.

Бланда перестала плакать и приподняла головку. Ее гаубоко удивило молчаніе и задумчивость Эриха. Въ это же время послышался шумъ подѣхавшей кареты, дверь залы отворилась, и къ Бландѣ подбѣжала молодая, изящно одѣтая дѣвушка съ громкимъ восклицаніемъ:

— Женевьева, моя бѣдная Женевьева! Наконецъ-то я нашла тебя! Я такъ долго искала тебя! Ты здѣсь живешь точно какая-то заколдованная, очарованная царевна. Ахъ, милая Бланда, какъ давно мы не видѣлись! Рада ты мнѣ?

— Рада ли я, Клотильда? спросила Бланда съ блестящими глазами.—Я ужъ думала что ты забыла меня.

— Я забыла тебя! Я никогда не позабуду того кого разъ полюбила. Но зачѣмъ ты такъ спряталась? Знаешь ли ты что я нѣсколько дней тому назадъ отправилась къ гжѣ фонъ-Вельмеръ чтобъ отъ нея узнать гдѣ ты? Какъ тамъ

теперь пусто! Право, увѣряю тебя, тамъ гудяютъ по ночамъ призраки и лѣшіе... Однако, кто это?

Послѣднія слова графиня Галлеръ произнесла шелотоу и оглядываясь въ ту сторону гдѣ стоялъ Эрихъ.

— Это мой старый другъ. Я сейчасъ представляю его тебѣ.

— Какъ, и онъ изъ артиллеріи? Онъ недурень. Ты хитра. Однако, повѣришь ли, эта Вельмеръ ни за что не хотѣла мнѣ сказать гдѣ ты. Я уже была въ отчаяніи какъ вдругъ вспомнила что ты знакома съ графиней Зеefeldъ. Я обратилась къ ея племяннику, молодому графу Дагоберту Зеefeldу. Онъ сказалъ мнѣ гдѣ ты, но взялъ съ меня слово что я никому не открою твоего мѣстопребыванія, навѣщу тебя только одинъ разъ. Онъ говоритъ что тебя посадили сюда въ наказаніе. Но довольно объ этомъ. Представь мнѣ своего друга.

— Охотно. Господинъ Эрихъ Фрейбергъ, служащій въ четвертой конной батарее; графиня Галлеръ.

— Я рада познакомиться съ другомъ моей милой Бланды. Не служите ли вы въ укрѣпленіи принца Максимилиана?

— Къ несчастію, нѣтъ.

— Развѣ это счастье?

— Оттуда превосходный видъ, графиня.

— Можетъ-быть былъ прежде, вскричала она весело, — когда вы могли смотрѣть въ окна Бланды! Ахъ ты, лаутовка! тихо обратилась она къ Бландѣ. — Я тебѣ все говорила, а ты молчала! Ахъ, это было прекрасное, беззаботное время!

— Если вы позволите, я пойду за моимъ другомъ и за мамзель Штѣккель, сказалъ Эрихъ, обращаясь къ Бландѣ.

— Какъ? И наша добрая Штѣккель здѣсь? Однако ты здѣсь точно въ плѣну, ну, я не согласилась бы на это! Отецъ мой началъ было также поговаривать о гувернанткѣ, но я наотрѣвъ объявила ему что уже не ребенокъ и желаю быть на свободѣ. Мнѣ хотѣлось бы видѣть нашу Штѣккель. Прошу васъ, господинъ фонъ-Фрейбергъ, будьте такъ добры передайте ей что одна изъ ея прежнихъ ученицъ желаетъ ее видѣть.

— Не уходи еще, Эрихъ, мнѣ нужно будетъ поговорить съ тобою, сказала Бланда, протягивая ему руку. Онъ поклонился молодымъ дѣвушкамъ и вышелъ изъ комнаты.

— Знаешь, Бланда, онъ очень хорошъ собою! Да и имя у него такъ звучное: Эрихъ фонъ-Фрейбергъ.

— Нѣтъ, не „Эрихъ фонъ-Фрейбергъ“, а просто Эрихъ Фрейбергъ, сказала улыбаясь Бланда.

— Пожалуй, пусть будетъ по твоему. Но я право не знаю что думать о тебѣ. Почему ты знаешь, можетъ-быть окажется въ самомъ короткомъ времени что твой Эрихъ какой-нибудь баронъ или графъ. Впрочемъ, кто бы онъ ни былъ, я никого не знаю кто былъ бы достоинъ тебя, моя дорогая Женеьева!

— Клотильда, ты опять говоришь загадками.

— Ты сама для меня загадка. Впрочемъ, кто бы ты ни была, я всегда буду любить тебя, Бланда, всегда останусь самымъ вѣрнымъ и преданнымъ твоимъ другомъ!

— Я право не понимаю тебя.

— Я только хотѣла сказать что для меня ты всегда останешься прежнею, милою Бландой, будь ты только миссъ Прайсъ или какая-нибудь баронесса, графиня или даже герцогиня.

Телерь Бланда не могла больше удержаться и громко засмѣялась.

— Право, Клотильда, ты какое-то странное существо! Ты вѣчно строишь какіе-то воздушные замки. Еще разъ увѣряю тебя: — я бѣдная, одинокая дѣвушка, не имѣющая даже родныхъ.

— Я не буду спорить съ тобой, дорогая Женеьева. Я всегда уважала чужія тайны, особенно же твои.

— Но какъ тебѣ могутъ приходиться въ голову такія странныя, невозможныя мысли?

— Ну, хорошо же, я все разкажу тебѣ. Ты знаешь что я, по закрытіи пансіона, поѣхала къ отцу. Онъ встрѣтилъ меня строго, но я, хорошо зная его, не повѣрила этой строгости. Я откровенно разказала ему всю исторію съ Квадде. Онъ долженъ былъ признаться что мы были правы. Но тетка, которая живетъ съ нами, отнеслась ко всему иначе. Она принялась мнѣ читать нравоученіе и предложила отцу или отдать меня въ другой пансіонъ или пригласить ко мнѣ какую-нибудь строгую гувернантку. Ни я, ни отецъ не соглашались на это. Тогда тетюшка объявила что самое лучшее будетъ поѣхать къ ея высочеству герцогинѣ и ждать ея совѣта. Вотъ меня и повезли къ ней. Но я была умна и хитра на этотъ разъ. Я взяла съ собою большой кусокъ сахару и, едва мы вошли въ комнату ея высочества, какъ я подозвала

къ себѣ Миньйона и предложила ему его любимое лакомство. Ты поймешь что Миньйонъ встрѣтилъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Ея высочество, видя это, смягчилась и простила меня. Я начала играть, а она съ тетушкой подошла къ окну и принялись разговаривать. Я, конечно, прислушивалась. Герцогиня сказала между прочимъ что намѣрена опять открыть пансионъ, подъ начальствомъ гжи фонъ-Вельмеръ, и что Квадде была, дѣйствительно, злая и нестерпимая женщина.

— Это меня радуетъ, замѣтила Бланда.

— Слушай дальше, душа моя. Вдругъ я слышу твое имя...

— Слѣдовательно, говорили и обо мнѣ? Хорошаго, должно быть, ничего не сказали!

— Герцогиня сказала: — Мнѣ жаль что графиня Зефельдъ, отдавая миссъ Прайсъ въ пансионъ, скрыла ея настоящее имя. Гжа фонъ-Вельмеръ недавно только узнала объ этомъ.

— Какая-то неизвѣстная дама сообщила Вельмеръ что ты, душа моя, очень высокаго происхожденія что ты—герцогиня!

— Ахъ, Клотильда, все это пустяки! Увѣряю тебя что я хорошо знаю эту неизвѣстную даму. Она просто, по извѣстнымъ причинамъ, сочинила цѣлую сказку обо мнѣ.

— Пусть будетъ по-твоему, дорогая Женевьева. Я не стану тебѣ противорѣчить, еслибы ты стала даже увѣрять меня что ты дочь простаго сапожника. Но, слушай что герцогиня еще сказала. Она сказала: „Меня всегда поражала красота и величественная, почти царственная осанка миссъ Прайсъ. Въ ней было много достоинства и гордости. Это и побудило меня принять ее въ пансионъ. Еслибъ эта злая Квадде хоть немного была умнѣе и развитѣе, она съ перваго же дня замѣтила бы что миссъ Прайсъ не простая, обыкновенная дѣвушка.“ Вотъ и все. Я пришла сюда, моя дорогая герцогиня, чтобы принести тебѣ свое глубокое уваженіе и любовь. Моя милая, несравненная Женевьева!

Бланда была глубоко взволнована и потрясена. Она знала что она не была знатнаго рода, знала что отецъ ея, добрый и честный человекъ, былъ простымъ механикомъ при большомъ заводѣ. Она помнила какъ отецъ ея повредилъ себѣ руку, какъ онъ не могъ больше работать и, вслѣдствіе этого, впалъ въ крайнюю бѣдность. Потомъ она помнила какъ они присоединились къ цыганскому табару, какъ отецъ ея долго

хворала и наконецъ умеръ. Бланда все это помнила хорошо. Она знала также что и Кольмъ было извѣстно ея семейное горе. Бланда опустила головку и глубоко задумалась.

— О чемъ ты задумалась, моя дорогая Женевьева? Ты стала вдругъ такою серіозною и печальною. Всему я виновата. Прости меня, я не буду больше говорить объ этомъ. Представь себѣ, я видѣла на дняхъ своего переодѣтаго принца изъ форта Максимилиана.

— Надѣюсь что ты видѣла его только издали? спросила озабоченнымъ голосомъ Бланда.—Онъ вѣроятно не узналъ что ты та самая шалунья которая писала ему изъ пансіона?

— Напротивъ, я видѣла его близко и говорила съ нимъ. Я убѣждена также что онъ узналъ меня. Я была съ отцомъ и съ однимъ молодымъ графомъ на валахъ форта Максимилиана. Отецъ и графъ отправились къ начальнику форта, а я осталась одна. Вотъ тогда-то я увидала его. Однако, душа моя, я должна признаться тебѣ что сильно разочаровалась въ немъ. Это самый обыкновенный, простой смертный!

— Твой заколдованный принцъ-то?

— Да, это ужасно! засмѣялась въ отвѣтъ Клотильда.

— Но какимъ образомъ ты узнала его?

— Онъ читалъ. Я спросила его что онъ читаетъ, онъ началъ декламировать изъ Гейне:

Они любили другъ друга такъ долго и кѣжно

Съ тоскою глубокой и страстью безумно мятежной...

Съ меня этого было достаточно. Я уѣхала и такимъ образомъ окончила свой маленькій романъ. — Она ни слова не сказала о томъ что бросила Шмоллеру букетъ фіалокъ. — Ахъ, Бланда, зачѣмъ онъ не такъ хорошъ собою какъ твой Эрихъ!

— Отчего же „мой“ Эрихъ? спросила укоризненно Бланда.

— О, другъ мой, не обманывай себя! Взгляни на блестящіе глаза этого прекраснаго Эриха, и ты увидишь что я права.

— Ты опасный другъ и учитель, сказала Бланда покраснѣвъ.—Пойдемъ въ садъ, я подведу тебя къ мамзель Штёккель.

— Какъ угодно вашему высочеству, шутила Клотильда.— Да, моя дорога герцогиня, пойдемъ и покажи мнѣ свое большое царство.

Объ подруги оставили домъ и вошли въ садъ. Обѣ были прекрасны, обѣ молоды. Клотильда была красивая, живая,

блестящая брюнетка, Бланда же высокая, стройная, изящная, походила дѣйствительно на особу царственнаго рода.

То же самое думалъ вѣроятно и Иосифъ Штѣккель. Онъ стоялъ притаившись за большимъ деревомъ и мрачными, пламенными глазами смотрѣлъ вслѣдъ молодымъ дѣвушкамъ. Онъ не имѣлъ понятія ни о графиняхъ, ни о герцогиняхъ, но въ душѣ глубоко чувствовалъ что Бланда лучше, прекраснѣе всѣхъ.

Въ лавальионѣ сидѣли мамзель Штѣккель и бомбардиръ Шмоллеръ. Эрихъ стоялъ у окна. Лицо Шмоллера ясно говорило что все было ему прощено, и что онъ вполнѣ счастливъ. Онъ уже успѣлъ передать Катеринѣ Штѣккель что ея карточка произвела на него сильное чарующее дѣйствіе, что онъ надѣется вскорѣ добиться чина фельдфебеля и серебряной офицерской портулеи. Словомъ, будущность ему улыбалась въ самыхъ яркихъ краскахъ.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ. Въ лавальионѣ вошла коварная графиня игравшая имъ. Она бросилась къ Штѣккель и начала ее горячо цѣловать.

— Ахъ, моя добрая Штѣккель, какъ я рада видѣть васъ! Узнаете ли вы свою-шалувью Клотильду? Я такъ часто думала о васъ! Помните какъ я надоѣдала вамъ своими шалостями? Вы не повѣрите, господишъ фонъ-Фрейбергъ, сколько она, — обращаясь съ любезною улыбкой къ Эриху и не замѣчая Шмоллера, — вы не повѣрите какими лустяками я занималась! Добрая Штѣккель вамъ все разкажетъ. Впрочемъ все это дѣлалось отъ скуки. У насъ была страшная тоска. Эти высокія стѣны вокругъ пансіонскаго сада и потомъ эта противная крѣпость предъ нами, я никогда не забуду ихъ! Однако, простите меня, вы, кажется, часто бывали тамъ на верху?

— Напротивъ, графиня, очень рѣдко.

— Но все-таки бывали. У меня превосходные глаза и я знаю что видѣла васъ. Да, видѣла... Вы часто стояли на валу и смотрѣли на городъ.

Эриху оставалось только покориться. Онъ понималъ что молодая графиня говорила съ цѣлью уничтожить бомбардира Шмоллера. Шмоллеръ, замѣтивъ легкое движеніе рукой со стороны мамзель Штѣккель, тихонько вышелъ изъ бѣдѣки. Сказать правду, ни одна изъ молодыхъ дѣвушекъ и не замѣтила его отсутствія.

— А теперъ я должна проститься съ тобою, душа моя, сказала Клотильда.—Моя служанка ждетъ меня въ каретѣ. Ты рѣдко бываешь въ городѣ?

— Никогда. Чтò мнѣ дѣлать тамъ?

— Въ такомъ случаѣ я навѣщу тебя на дняхъ. Мы погуляемъ по лѣсу. Можетъ-быть съ нами пойдеть и господинъ Эрихъ. Прощайте, милая Штѣккель. Прошу васъ не безлокойтесь! Бланда и господинъ фонъ-Фрейбергъ проводятъ меня.

Эрихъ пошелъ за молодыми дѣвушками. Графиня Галлеръ горячо обьяла Бланду и сѣла въ карету.

Лѣсничій, только-что возвратившійся изъ лѣсу, разговаривалъ съ кучеромъ. Увидѣвъ молодыхъ дѣвушекъ онъ низко поклонился имъ и до тѣхъ поръ стоялъ съ непокрытою головой пока графиня Галлеръ не уѣхала.

„Однако эта Бланда какой-то магнитъ“, проворчалъ онъ про себя. „Общество посѣщающее ее становится все важнѣе и знатнѣе.“—Эй, Иосифъ, гдѣ ты?

Услышавъ крикъ отца, Иосифъ вышелъ изъ своего угла и подошелъ къ нему.

— Такъ и зналъ что онъ спрятался здѣсь гдѣ-нибудь.. Чтò ты дѣлалъ тамъ?

Бѣдный юноша опустилъ глаза и указывая рукой на большую дорогу съ трудомъ проговорилъ:

— Ка-ре-та.

— Ну да, карета! проворчалъ отецъ, взглянувъ на сына серьезнымъ, грустнымъ и любящимъ взглядомъ. — Хорошо было бы еслибъ и она скорѣе уѣхала. Пойдемъ въ лѣсъ. Пойди принеси свое ружье. Ты совершенно отучишься охотиться.

Иосифъ послушно направился къ дому, но замѣтивъ что отецъ не глядитъ на него, онъ быстро подошелъ къ забору и горячо поцѣловалъ то мѣсто на которомъ вѣскольکو секундъ предъ тѣмъ покоилась изящная ручка Бланды.

Бланда и Эрихъ были въ саду.

— Я также долженъ проститься съ тобою, сказалъ ей Эрихъ. — Но прежде я обращаюсь къ тебѣ съ просьбой. Я имѣю при себѣ очень важныя бумаги. Онѣ не могутъ оставаться у меня въ казармахъ; не сохранишь ли ты ихъ? Вообще, не скажешь ли ты чтò мнѣ дѣлать съ ними?

— Охотно, если только могу.

Онъ вынулъ изъ кармана запечатанный конвертъ и оста-

новился въ некоторомъ замѣшательствѣ. Онъ не могъ сказать ей какимъ образомъ нашелъ ихъ, а между тѣмъ и лгать не хотѣлъ. Наконецъ ему пришла счастливая мысль.

— Я нашелъ ихъ и Кольма знала объ нихъ. Я хотѣлъ ихъ отдать ей, но было уже поздно.

— Слѣдовательно эти бумаги касались Кольмы?

— Не думаю. Онъ заключаютъ въ себѣ некоторыя свидѣнія о твоёмъ прошломъ. Такъ я предполагаю.

— О моемъ прошломъ? Кто сказалъ тебѣ это?

— Я зналъ это... мнѣ сказали... Эрихъ вспыхнулъ и невольно замолчалъ.

— Хорошо, Эрихъ, я исполню твою просьбу. Я сохранию этотъ конвертъ.

Онъ передалъ ей конвертъ. Ему такъ и хотѣлось сказать чтобъ она распечатала его и прочла находившіяся въ немъ бумаги. Но въ это время вошли въ комнату мамзель Штѣкель и Шмоллеръ. Эрихъ еще разъ простился съ Бландой и вмѣстѣ со Шмоллеромъ покинулъ охотничій замокъ.

VIII. Ночное наладеніе.

Наступило время весеннихъ строевыхъ занятій. Всѣ батареи готовились къ большому смотру. Ожидали не только бригаднаго командира, но и генераль-инспектора артглеріи. Для войскъ не было ни праздниковъ, ни свободной минуты. Капитанъ фонъ-Мандерфельдъ къ тому же былъ очень строгъ. Эрихъ платился за малѣйшую оплошность на смотрехъ и за малѣйшее лятнышко на своемъ мундирѣ или на мундирѣ одного изъ подчиненныхъ ему канонировъ.

Наконецъ смотръ войскамъ счастливо окончился и назначены были маневры. Было рѣшено что непріятель, къ которому принадлежала бѣольшая часть артиллеріи, долженъ окружать столицу и осаждать ее. Такъ какъ батарея капитана фонъ-Мандерфельда изображала собою также непріятеля, то она вечеромъ выѣхала за городъ и расположилась на возвышеніяхъ находившихся недалеко отъ охотничьяго замка. Здѣсь они должны были пробыть ночь и на слѣдующее утро осадить городъ.

Эрихъ находился при взводѣ перваго поручика Шаллера и командовалъ орудіемъ, такъ какъ одинъ изъ фейерверкеровъ

заболѣлъ. Онъ отлично изучилъ по картамъ окрестности столицы, а на практикѣ — окрестности охотничьяго замка. Эрихъ хорошо зналъ что онъ могъ дойти въ полчаса до замка, конечно, ему пришлось бы идти тогда прямою дорожкой черезъ самую чащу лѣса.

Къ несчастью, всѣ эти свѣдѣнія мало помогали ему. Онъ все-таки не рѣшался отлучиться въ первое же время и ночью отъ своей батареи и идти къ Бландѣ. И все-таки ему хотѣлось подойти хоть на минуту къ охотничьему замку и взглянуть на окно Бланды... Дѣлать ему было нечего, и онъ спустился съ возвышеній къ лѣсу. Онъ зналъ что не встрѣтитъ съ капитаномъ фонъ-Мандерфельдомъ, находившимся съ другою частью батареи въ деревнѣ. Къ тому же поручикъ Шаллеръ совѣтовалъ ему осмотрѣть войска находившіяся на бивуакѣ въ лѣсу и за лѣсомъ.

Эрихъ взялъ направо, взомель на небольшое возвышеніе и оттуда началъ осматривать лагерь. Войска были расположены на громадномъ полѣ окруженномъ съ трехъ сторонъ холмами. Бивуачныхъ огней не было. Только предъ палаткой командующаго генерала горѣлъ огонь и готовилася ужина для старшихъ и знатныхъ офицеровъ. Играла веселая, громкая военная музыка. Генералъ ждалъ къ ужину генерал-инспектора артиллеріи и нѣсколькихъ королевскихъ принцевъ.

Вокругъ было тихо и темно. По небу скользила луна, освѣщая высокія вѣковыя деревья. Эрихъ вздрогнулъ. Кто-то близко подошелъ къ нему.

— Это вы, Фрейбергъ?

— Точно такъ, господинъ первый поручикъ.

— Не забывайте лошадей. Солдаты еще молоды и неопытны. Я не хотѣлъ бы чтобы у насъ случилось какое-нибудь несчастіе или чтобы которая-нибудь изъ лошадей ушла.

— Вы можете быть совершенно спокойны, господинъ первый поручикъ. Все въ порядкѣ. Лошади крѣпко привязаны и стоятъ спокойно.

— Но если случится что-нибудь, сообщите мнѣ. Я буду спать вотъ подъ этимъ большимъ дубомъ. Хочется отдохнуть немножко, — года берутъ свое. Вы не хотите спать?

— Нѣтъ, господинъ первый поручикъ.

— Ну и прекрасно. Этотъ старый фейерверкеръ Беккеръ спитъ такъ крѣпко что его не скоро добудешься.

— Какъ вы думаете, господинъ первый поручикъ, скоро ли поднимутъ тревогу?

— Вѣроятно до восхода солнца. Но вѣдь здѣсь и рѣчи не можетъ быть о настоящей тревогѣ: мы вѣдь на бивуакѣ. Мы должны быть только готовы къ выступленію. Я надѣюсь что все въ порядкѣ?

— Точно такъ, господинъ первый поручикъ. Орудія будутъ въ нѣсколько минутъ запряжены и готовы къ битвѣ.

— Прекрасно. Его королевское высочество принцъ Георгъ, командующій кавалеріей, въ состояніи, пожалуй, сыграть шутку и напастъ на насъ. Одинъ изъ моихъ друзей, пѣхотинецъ, который командуетъ постомъ стоящимъ тамъ на возвышеніяхъ, сказалъ мнѣ давеча что патрули гусаръ и драгунъ постоянно подходятъ къ нашимъ холмамъ. Оттого я и приказалъ поставить обѣ гаубицы по направленію къ тому углу лѣса. Въ случаѣ необходимости я прикажу стрѣлять.

— Не могу ли я узнать, господинъ первый поручикъ, отчего вы поставили гаубицы именно въ томъ направленіи?

— Право, дорогой другъ, вашъ вопросъ удивляетъ меня. Вѣдь я показалъ вамъ карту этой мѣстности?

— Точно такъ, господинъ первый поручикъ. Но я долженъ сказать вамъ что хорошо знаю дорогу которая ведетъ съ того угла лѣса въ поле...

— Ну такъ что же?

— Нѣсколько дней тому назадъ я нарочно прошелся по этой дорогѣ чтобы сравнить ее съ картой. Она оканчивается небольшимъ охотничьимъ замкомъ. Но артиллеріи будетъ трудно по ней пройти, такъ какъ она съ полверсты отсюда загромождена срубленными деревьями.

— Этого я не зналъ!

— Но я знаю другую дорогу. Она тянется по южной сторонѣ лѣса, вотъ тамъ... Эта дорога удобна и во всякомъ случаѣ могла бы служить кавалеріи во время атаки.

— Я знаю эту дорогу, думаю что сѣверная короче и удобнѣе. Нужно во всякомъ случаѣ узнать завалена ли она еще срубленными деревьями.

Сердце Эриха сильно забилось. Одна мысль что его могутъ послать для обозрѣнія дороги приводила его въ восторгъ. Онъ будетъ близъ охотничьяго замка, онъ увидитъ окошко Бланды!... Эрихъ предложилъ первому поручику свои услуги.

— Благодарю васъ, Фрейбергъ. Только берегитесь какъ бы

васъ не захватилъ патруль гусаръ или драгунъ. Они будутъ рады случаю.

— Не безлокойтесь! господиъ первый поручикъ, отвѣтилъ Эрихъ, смѣясь.—Я привыкъ бродить по лѣсамъ съ дѣтства. Меня никто не словить. Да, это было бы скверно: они приняли бы меня пожалуй за шпіона.

— Ну, за шпіона они не могутъ васъ принять! Вы въ мундирѣ и могли просто рекогносцировать мѣстность. Итакъ, если вы будете въ состояніи дать мнѣ хорошій отвѣтъ, я вамъ буду очень благодаренъ. Однако обождите пока все усложнится предъ палаткой командующаго генерала и пока не зайдетъ луна. Въ случаѣ если вамъ нужно будетъ видѣть меня, то вы знаете гдѣ я.

Первый поручикъ направился къ высокому дубу подъ которымъ онъ устроилъ себѣ ночлегъ. Эрихъ же пошелъ къ лошадямъ.

Все было въ порядкѣ. На часахъ стоялъ маленькій Шварцъ съ тремя канонирами, а фейерверкеръ Беккеръ, закутавшись въ свою шинель, лежалъ на травѣ и спалъ глубокимъ сномъ.

— Я видѣлъ какъ давеча кто-то подошелъ къ намъ... Точь въ точь даивный Вибертъ.

— Вѣроятно калитавъ посылалъ его сюда чтобы посмотреть все ли у насъ въ порядкѣ.

— Пусть только подойдетъ сюда! Я изобью его вотъ этимъ банайкомъ.

— Прекрасно. Я осмотрю немного эту мѣстность. Господиъ первый поручикъ предполагаетъ что за нами слѣдятъ непріятельскіе патрули. Спать я не могу, прощай!

Эрихъ направился къ тому мѣсту о которомъ говорилъ первый поручикъ. Здѣсь на посту стоялъ сильный отрядъ лѣхоты подъ начальствомъ одного молодого поручика. Поручикъ лежалъ на землѣ въ шинели и курилъ сигару. Эрихъ подошелъ къ нему и передалъ ему порученіе перваго поручика.

— Я знаю, отвѣтилъ ему ласково офицеръ,—что лѣсная дорога на всемъ протяженіи нашей цѣпи хороша и удобна. Но можетъ-быть она заведена дальше деревьями. Наши часовые, стоящіе съ южной стороны, нѣсколько разъ сообщали намъ что видѣли патрули драгунъ и гусаръ подходившіе совершенно близко къ намъ. А мы ихъ между тѣмъ не видимъ. Дорога вѣроятно завалена. Я терпѣть не могу эту

кавалерію. Хорошо было бы еслибъ ихъ наказали немного.. Они страшные хвастуны. Прощу васъ сообщите мнѣ загромождена дорога или нѣтъ... Если вы встретите близко непріятельскій патруль, то скажите. Они не имѣютъ никакого права переступать разграничивающую черту до начала дѣйствій.

— Не могу ли я узнать какъ проведена эта черта?

— Она тянется въ двухстахъ шагахъ за охотничьимъ замкомъ. Слѣдовательно замокъ находится на нашей почвѣ.

Эрихъ обрадовался. Чему? Онъ и самъ не сознавалъ ясно.

— Я предложилъ нашему капитану занять этотъ замокъ, а онъ передалъ это господину полковнику. Но планъ этотъ былъ отвергнутъ, такъ какъ полковникъ не хотѣлъ чтобы форпосты стояли слишкомъ близко другъ отъ друга. Однако кавалерія совсѣмъ другаго мнѣнія и постоянно надѣлаетъ намъ!

— Не могу ли высказать вамъ свое мнѣніе, господиъ поручикъ?

— Отчего же нѣтъ, если вы скажите что-нибудь дѣльное, отвѣтять съ достоинствомъ лѣхотный офицеръ.—Говорите.

— Если я не вернусь черезъ полчаса, то прошу васъ послать за мною часть патруля.

— Видите ли, это не такъ-то легко сдѣлать. Я могу послать часть патруля только въ особенно важномъ случаѣ.

— Можете ли вы послать ее въ случаѣ если я найду что дорога которая была нѣсколько дней тому назадъ загромождена срубленными деревьями теперь чиста, и что по ней ходятъ непріятельскія войска?

— Въ этомъ случаѣ, конечно, да. Они не имѣютъ права переступать за черту.

— Слѣдовательно только въ такомъ случаѣ?

— Сейчасъ долженъ прійти дежурный штабъ-офицеръ. Я все сообщу ему. Если вы встрѣтите по дорогѣ что-нибудь важное, сообщите немедленно объ этомъ мнѣ.

— Но если я буду слишкомъ далеко отсюда?

— Въ такомъ случаѣ дайте какой-нибудь знакъ. Вы, какъ я слышалъ, отличный охотникъ,—можете ли вы подражать крику сына?

— Могу, господиъ поручикъ.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ если вы встрѣтите или увидите что-нибудь особенно важное, то закричите три раза. Повторите крикъ сына нѣсколько разъ, но только послѣ нѣ

которыхъ промежутокъ. Я прикажу кому-нибудь изъ служащихъ проводить васъ до часовыхъ стоящихъ вдоль раздѣльной черты. — Унтеръ-офицеръ Раффлеръ, прошу васъ проводите этого бомбардира конной артиллеріи къ одному изъ нашихъ солдатъ который хорошо зналъ бы крикъ сына. Не знаете ли вы кого-нибудь?

— Знаю, господина поручикъ. Волонтеръ Губеръ хорошо подражаетъ крику лѣсныхъ птицъ.

— Хорошо. Скажите Губеру чтобъ онъ немедленно явился сюда если услышитъ крикъ сына повторенный три раза подрядъ.

Вскорѣ они достигли передоваго поста. Унтеръ-офицеръ, передавъ волонтеру Губеру приказаніе поручика, вернулся къ своему мѣсту. Эрихъ пошелъ по большой дорогѣ. Но вскорѣ онъ свернулъ налѣво по лѣсу недалеко отъ дороги. При малѣйшемъ шорохѣ онъ останавливался и прислушивался. Но все вокругъ было тихо, темно... Только листья шелестѣли подъ его ногами и ночныя птицы, заслышавъ шорохъ, перелѣтали съ вѣтки на вѣтку.

Прошло около четверти часа. Вдругъ Эрихъ разслышалъ конскій топотъ, остановился и сталъ прислушиваться. Онъ увидѣлъ что находился у того мѣста гдѣ лѣсная дорога нѣсколько дней тому назадъ была загромождена срубленными деревьями. Теперь все было чисто.

Эрихъ тихо подошелъ къ высокому буковому дереву и спрятался за нимъ.

По лѣсной дорогѣ ѣхали гусары одинъ за другимъ. Они разговаривали между собою тихо, но Эрихъ все-таки слышалъ ихъ слова:

— Я готовъ биться объ закладъ что вся эта ватага спитъ, сказалъ ѣхавшій впереди.—Эта лѣхота страшно лѣнива! Имъ и въ голову не приходитъ сойти внизъ... Оно и лучше.

„Во всякомъ случаѣ, думалъ Эрихъ, гусары не имѣютъ никакого права ѣздить здѣсь. Тутъ что-нибудь да кроется.“

— Дальше нечего ѣхать, продолжалъ лервый голосъ.—Мы ло крайней мѣрѣ на четвертьчасовомъ разстояніи отъ охотничьяго замка. Я увѣренъ что еслибъ мы и поѣхали дальше все-таки никого не встрѣтимъ.. Это дурачье спитъ своимъ праведника.

Патруль тихо двинулся назадъ. Эрихъ, пользуясь шумомъ лошадиныхъ копытъ, послѣдовалъ за гусарами. Они очутились

нѣсколько секундъ спустя на томъ мѣстѣ гдѣ лежали прежде срубленные деревья. Эрнхъ замѣтилъ что нѣкоторыя деревья были убраны съ дороги, давая такимъ образомъ возможность гусарамъ проѣхать по одиночкѣ.

— Унтеръ-офицеръ Швѣблеръ, сказалъ послѣдній гусаръ проѣзжавшій черезъ узкій проходъ, — не навалить ли сюда опять нѣсколько деревьевъ?

— Нѣтъ, не нужно! Эти сонныя тетери не ставятъ насъ тревожить. Къ тому же я увѣренъ что ротмистръ, графъ Зеefeldъ, пошлетъ еще нѣсколько патрулей на верхъ... Онъ не хочетъ чтобъ его обезпокоили сегодня.

Услышавъ имя ненавистнаго графа, Эрнхъ невольно вздрогнулъ. Онъ испытывалъ чувство человека наступившаго на ядовитую змѣю. Отчего назвали именно этого отвратительнаго, злаго графа? И отчего онъ не хочетъ чтобъ его обезпокоили сегодня? Можетъ-быть онъ въ охотничьемъ замкѣ? Но нѣтъ, это невозможно, это смѣшно... Что ему тамъ дѣлать ночью?... Къ тому же замокъ лежалъ впереди раздѣльной черты. Эрнхъ зналъ что молодой графъ былъ способенъ на все, даже на крайности.

Эрнхъ шелъ погруженный въ глубокую задумчивость. Вдругъ онъ увидѣлъ предъ собой высокую, обрушившуюся стѣну. Онъ окинулъ ее провинцательнымъ взглядомъ и подумалъ что стоитъ предъ садомъ охотничьяго замка. Гусары вѣхали во дворѣ. Эрнхъ остановился, заскрежетавъ зубами и судорожно сжалъ кулаки.

— Остановитесь здѣсь, сказалъ одинъ изъ гусаръ. — Я пойду доложить господину ротмистру что мы не встрѣтили ничего особеннаго.

Слѣдовательно графъ находился въ замкѣ? Что онъ тамъ дѣлалъ? Чего онъ искалъ тамъ? Эрнхъ зналъ что полкъ графа находился на бивуакѣ въ часовомъ разстоянн отъ охотничьяго замка.

Эрнхъ твердо рѣшился идти въ садъ и обойти весь замокъ. Вдругъ ему показалось что онъ слышитъ голосъ Благы. Онъ остановился, но все было тихо... Все было тихо, только сердце его билось съ неудержимою силой и болью... Онъ не опасался что недіятели увидятъ его. Онъ могъ ствѣтить имъ что принадлежитъ къ семьѣ лѣсничаго. Напротивъ, онъ опасался чтобъ его не замѣтили служители стараго лѣсничаго. Его удавляло то что собаки окружавшія домъ не лаяли. Онъ

обошелъ почти весь замокъ и остановился у лѣваго конца. Здѣсь, на верху, было окно Бланды. Эрихъ устремилъ на окно глубокой любящей взглядъ. Онъ вдругъ почувствовалъ какъ дорого ему это окно, какъ тяжело ему отойти отъ него... Затѣмъ онъ пошелъ еще лѣвѣе и остановился у большаго готическаго окна выходящаго изъ нижней залы. Эрихъ взглянулъ въ окно. То что онъ увидѣлъ крайне изумило его. Зала была ярко освѣщена. Вокругъ большаго стола сидѣло около восьми кавалеристовъ, большею частью гусары и драгуны, и ужинали. Столъ былъ просто сервированъ, но блюда и вина были самыя изысканныя. На полу стояли большія корзины наполненныя съѣстными припасами и бутылками всевозможныхъ винъ. Одинъ изъ драгунскихъ офицеровъ старался слышно откупорить бутылку шампанскаго.

— Право, господа, сказалъ онъ смѣясь,—жалъ что съ нами нѣтъ Шабеля. Онъ отлично откупориваетъ бутылки и безъ малѣйшаго шума. А между тѣмъ осторожность необходима... Насъ могутъ, пожалуй, застать...

Эрихъ стоялъ у открытаго окна, а потому слышалъ каждое слово. Онъ появлялъ что лирующіе были здѣсь безъ всякаго права и тайкомъ. Онъ старался отыскать глазами ненавистнаго ему графа, но это никакъ не удавалось ему. Одна часть комнаты была для него не видна. За то онъ замѣтилъ лѣсничаго Штѣккеля, сидѣвшаго на другомъ концѣ стола и пившаго вино.

— Господа, сказалъ молодой драгунъ,—не вылить ли намъ за здоровье „локойнаго“ графа Горна? Взгляните, онъ совершенно превратился въ ледъ!

— Онъ не можетъ до сихъ поръ опомниться отъ великой радости! вскричалъ другой веселый голосъ. — Пей, Горнъ, и веселись! Ты получишь еще завтра патентъ на ротмистра, тогда и наслаждайся невозмутимо своимъ блаженствомъ!

— Но и тогда не забывай своихъ товарищей и друзей! вскричалъ опять другой голосъ.

О графъ Зеефельдъ ни слова. Голоса его также не было слышно. Эриху пришла вдругъ въ голову страшная, страшная мысль.

— Итакъ Горнъ, локоинный Горнъ, пьемъ за твое здоровье и поздравляемъ тебя съ чиномъ ротмистра!

— Стой! вскричалъ голосъ, который Эрихъ слышалъ еще въ первый разъ.—Я согласенъ чтобы пили за мое здоровье,

во съ однимъ условіемъ: я прошу чтобы меня не называли больше „покойнымъ“ Горномъ. Мнѣ это надоѣло? Согласны вы со мною?

— Если хочешь, пожалуй!

— Я прошу васъ.

— Хорошо. Прошу васъ, господа, передайте это и другимъ..

— Однако что скажетъ графъ Зеefeldъ?

„Слѣдовательно его здѣсь нѣтъ“, подумалъ Эрихъ. „Можетъ-быть его нѣтъ и въ замкѣ? или....“

— Вѣдь это онъ называлъ тебя „покойнымъ“ Горномъ!

— Да, но мнѣ это уже давно надоѣло. Мнѣ все равно что скажетъ Зеefeldъ. Онъ скорѣе походить на „покойнаго“ нежели я.

Всѣ засмѣялись. Затѣмъ опять раздался голосъ драгунскаго офицера:

— Вы согласитесь со мною, господинъ ротмистръ графъ Горнъ, что я никогда не называлъ васъ этимъ именемъ. Прошу васъ поэтому объяснить мнѣ когда и при какомъ случаѣ вы заслужили его?

— Нѣтъ, я объясню вамъ происхожденіе этого имени, вскричала другой.—Горнъ слишкомъ скромнень и не скажетъ вамъ всю правду. Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мы были на маневрахъ и находились въ помѣстьяхъ стараго графа Зеefeldа. Старикъ пригласилъ насъ въ свой замокъ и уготовилъ насъ превосходнымъ обѣдомъ. Если не ошибаюсь, господа, то нѣкоторые изъ васъ присутствовали на этомъ обѣдѣ?

— Я былъ, отвѣтилъ Горнъ.— Это былъ настоящій *festin de Balthasar*. Я потомъ долго вспоминалъ эту прекрасную Цыганку которая танцевала предъ нами. Счастливыи Зеefeldъ!

— Да, счастливецъ! Онъ ловокъ и хитеръ. Я и теперь по доврѣваю его въ одной исторіи.... Я знаю гдѣ онъ теперь..

Эрихъ вздрогнулъ и любѣдѣвалъ.

— Да, Кольма была удивительно хороша собою.

— Но надѣюсь что она и знаменитая наѣздница Кольма Ташка не были одною и тою же личностью? Кольма Ташка умерла недавно.

— Это она и была, отвѣтилъ со вздохомъ графъ Горнъ.— Да, счастливыи этотъ Зеefeldъ!

— А теперь, господа, прошу васъ исполнить мою просьбу, прервалъ говорившихъ молодой драгунъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Во время ужина подавался разго-

воръ о маневрахъ. Говорили между прочимъ объ одной кавалерійской атакѣ. Горня принялъ въ ней такое живое и горячее участіе что будь настоящая война....

— Ты не сказалъ что это было нападеніе со стороны непріятели, и что мы защищались....

— Все равно. Говорили и много смѣялись по поводу храбрости Горна. Командующій генералъ, который очень любитъ Горна, привсталъ и сказалъ: „Прошу васъ, господа, не тревожьте бѣднаго Горна: онъ умеръ геройскою смертью“. Тогда графъ Зеefeldъ произнесъ тостъ въ память „покойнаго“ графа Горна? Вотъ откуда и произошло названіе.

— Зеefeldъ могъ бы придумать что-нибудь поумнѣе, но у него манера смѣяться надъ другими. Однако, чертъ возьми, гдѣ онъ? Куда онъ спрятался? Онъ вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Ужъ не ухалъ ли онъ. Пожалуй еще смѣется теперь надъ нами! На насъ могутъ напасть.

— Не бойся, оласности нѣтъ никакой. Насъ окружаетъ только пѣхота. Бояться ее нечего. Унтеръ-офицеръ Швоблеръ только-что сообщилъ мнѣ что въ лѣсу все тихо. Къ тому же Зеefeldъ здѣсь, въ замкѣ. Я видѣлъ недавно его лошадь.

Итакъ, графъ Зеefeldъ былъ въ замкѣ.

— Во всякомъ случаѣ онъ прекрасно выдумалъ устроить здѣсь небольшой уживъ. Здѣсь пріятнѣе и теплѣе нежели въ полѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ видѣть какое впечатлѣніе произвело бы на генерала Швенкенберга извѣстіе что мы теперь здѣсь!

— Онъ ничего не сказалъ бы. Теперь не большіе маневры. Веселей, господа, выпьемте еще по стакану!

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ Горня,—не хорошо со стороны Зеefeldа что онъ ушелъ отъ насъ. Право, не играть ли онъ нами? не служимъ ли мы ему ширмами? Эй, послушайте, господинъ лѣсничій, нѣтъ ли у васъ въ домѣ какой-нибудь хорошенькой горчичной обратившей на себя вниманіе его сіятельства? Я знаю онъ часто бывалъ здѣсь въ послѣднее время.

Эрихъ вспыхнулъ и пристально взглянулъ на лѣсничаго. Тотъ, покачавъ головой, поднялся съ своего мѣста.

— Полмоте, господинъ лѣсничій, я не хотѣлъ оскорбить васъ, воскликнулъ графъ Горня, останавливая старика.— Садитесь! Развѣ это по-товарищески? Выпьемте-ка лучше по

стакану вина и слоюте веселую лѣсарю. Ну-съ, господя, начинаю:

„Thu' ich das Meine, thust du das Deine,
So thut ein Jeder das Seine.“

— Перестань, Горня. Насъ могутъ услышать. Не забывай, мы на враждебной землѣ.

Эрихъ все еще стоялъ у окна и прислушивался. Ему все казалось что еще будетъ рѣчь о графѣ Зеefeldѣ. Но онъ ошибся. Разговаривали обо всемъ, только не о графѣ Зеefeldѣ.

„Итакъ, графъ Дагобертъ Зеefeldѣ въ замкѣ.“ думалъ Эрихъ.— „Но гдѣ онъ? Куда могъ онъ скрыться?“ Онъ крѣпко сжалъ губы, будто сдерживая болѣзненный стонъ. Какіе-то безобразные, дикіе образы окружали его. Они дразнили его, смѣялись надъ нимъ и тихо шептали ему: „Пойдемъ, мы покажемъ тебѣ гдѣ онъ!“

Но гдѣ она? Какъ провизнуть въ домъ? Онъ взглянулъ въ окно Бланды. Оно было слабо освѣщено. Ахъ, еслибы можно было войти къ ней! Но вдругъ онъ остановился какъ вкопанный. То что онъ увидѣлъ его глубоко поразило. Недалеко отъ дома стоялъ высокій, старыи орѣшникъ. Вѣтви его касались самыхъ стѣнъ охотничьяго замка, касались окна Бланды. Эрихъ замѣтилъ что на одной изъ вѣтокъ лежала человѣческая фигура. Вдругъ фигура тихо приподнялась и взглянула въ окно Бланды. Свѣтъ изъ окна ярко освѣтилъ ее, и Эрихъ узналъ, къ великому изумленію, сына лѣсаряго. Иосифъ держалъ въ рукѣ охотничье ружье и прицѣливался все глядя въ окно. Эрихъ былъ готовъ громко вскрикнуть. Тогда онъ замѣтилъ опять какъ Иосифъ нагнулся и опустил ружье.

Что онъ тамъ дѣлалъ? Что видѣлъ? Вѣроятно, онъ видѣлъ что-нибудь ужасное. Это доказывало его ружье. Но что же онъ видѣлъ? За кѣмъ онъ слѣдилъ? Сердце забилось въ немъ страхомъ, ненавистью, злобой. Онъ быстро подошелъ къ орѣшнику и тихо, едва слышно, позвалъ Иосифа по имени.

Юноша, услышавъ свое имя, вздрогнулъ и наклонился къ землѣ. Онъ узналъ Эриха.

— Умоляю тебя, ради Христа, сойди съ дерева и покажи мнѣ какъ войти въ домъ!

— Хорошо, хорошо, прошепталъ съ трудомъ Иосифъ. Онъ опять приподнялся, взглянулъ въ окно и, видимо усложившись, спустился съ дерева.

— Ты—другъ Бланды, можешь наверхъ. Онъ подошелъ къ небольшой двери, отворилъ ее и, влустивъ Эриха на крутую лѣстницу, тихо проговорилъ:

— Наверхъ, иди наверхъ.

Эриха ослѣдила свѣтлая мысль. Онъ нагнулся къ сыну лѣвничаго и попросилъ его сбѣгать въ лѣсъ и три раза повторить крикъ сына.

— Ты знаешь этотъ крикъ?

Иосифъ кивнулъ утвердительно головой.

— Такъ иди скорѣе, ты спасешь этимъ Бланду.

Эрихъ взомель на лѣстницу и остановился предъ небольшою дверью. Сквозь щели проникалъ свѣтъ. Эрихъ ясно слышалъ ненавистный, знакомый ему голосъ графа Дагоберта Зеефельда. Графъ говорилъ тихо, но горячо, страстно...

— Нѣтъ, я не уйду! Оскорбляй меня, кусай меня,—я все-таки не уйду... Наконецъ-то ты въ моихъ объятіяхъ... Моя прекрасная, дикая кошечка!

Эрихъ толкнулъ съ силой дверь и вошелъ въ комнату. Раздался дикій, радостный крикъ: „Эрихъ, Эрихъ!“ и Бланда упала къ нему на грудь.

Графъ Зеефельдъ стоялъ блѣдный, дрожащій отъ гнѣва и злобы. Онъ узналъ Эриха, узналъ въ немъ своего солдерики. Онъ слышалъ глубоко-радостный, глубоко-любящій крикъ Бланды: „Эрихъ, Эрихъ!“ Графъ въ одну минуту подскочилъ къ стулу, схватилъ свою саблю и бросился на Эриха. Но Бланда громко вскрикнула и закрыла Эриха собою.

Графъ остановился. Онъ не имѣлъ силъ отвести глаза съ ея лица. Оно было блѣдно, но прекрасно. Ни тѣни страха, мольбы. Глаза ея горѣли мрачнымъ, глубоко-пронизывающимъ огнемъ... Видно было что она скорѣе сама умретъ, но не уступитъ ему Эриха. Онъ опустилъ саблю и произнесъ глухимъ, задыхающимся голосомъ:

— Мы еще увидимся, вы—защитникъ и герой, и увидимся тамъ гдѣ вамъ это не будетъ особенно пріятно. Глазъ же я былъ,—продолжалъ онъ, направляясь къ дверямъ,—поднять руку на такого разбойника и негодяя!

— Вы не имѣете права относиться такъ ко мнѣ! вскричалъ Эрихъ, подбѣгая къ нему. Глаза его сверкали. Онъ былъ глубоко потрясенъ.—Просту васъ, забудьте хотя одинъ разъ вашъ титулъ, вашъ мундиръ, ваше положеніе въ обществѣ. Мы теперь равны. Я готовъ вступитъ съ вами въ единоборство

готовъ, хотя силы наши телерь не равны. Что же вы желаете? Возьмите свою саблю, да возьмите кстати и кинжалъ, вѣдь вы такъ мастерски владѣете имъ!

Графъ вздрогнулъ: онъ вспомнилъ Кольму. Затѣмъ онъ опустилъ саблю и, подойдя къ дверямъ, обернулся къ Бландѣ, сказавъ ей:

— Прощай, я скоро увижу тебя!

Онъ вышелъ на лѣстницу и сталъ прислушиваться. Все было тихо; никто не слышалъ крика Бланды. Онъ подошелъ къ колодцу, вымылъ свою окровавленную руку, обернулъ ее платкомъ и вошелъ въ залу гдѣ пировали его товарищи. Здѣсь его привяли со смѣхомъ и съ шутками.

Бланда, обнявъ обѣими руками Эриха, прижалась къ нему головой и тихо рыдала.

— Но гдѣ же Катерина Штѣккель? спросилъ Эрихъ, когда она немного успокоилась.

— Она пошла въ городъ къ своей больной теткѣ. Она обѣщала вернуться сегодня вечеромъ, но не пришла. Вѣроятно тетка опасно больна.

— Скажи, Бланда, чтò онъ сдѣлалъ съ тобой?

— Я и сама не знаю какъ это случилось. Я сегодня долго гуляла въ саду. Было уже поздно, и я уже хотѣла вернуться въ свою комнату... Открываю дверь и вижу, онъ стоитъ предо мною. Сначала онъ говорилъ спокойно, указывая ко мнѣ полное уваженіе. Но потомъ, вдругъ, измѣнилъ тонъ разговора. Онъ требовалъ чтобъ я полюбила его. Я стала звать на помощь. Онъ обхватилъ меня и старался заглушить мой крики. Я знала что меня никто не услышитъ. Стѣны здѣсь толстыя, крѣпкія. Онъ же смѣялся надо мной и все говорилъ: „Зови, кричи, сколько хочешь. Сюда придуть и увидать что я съ тобой. Всѣ будутъ думать что ты сама влустила меня къ себѣ.“

Эрихъ заскрежеталъ зубами. Ему стало досадно зачѣмъ онъ не вступилъ съ графомъ въ поединокъ, зачѣмъ не увечтожилъ его.

— Онъ много говорилъ, продолжала Бланда.—Я многое не поняла, да и забыла... Но онъ говорилъ страшныя вещи. Губы его дрожали, а глаза стали необыкновенно велики. Я смотрѣла ему прямо въ глаза и тихо отодвигалась назадъ надѣясь подойти къ дверямъ. Тогда онъ подбѣжалъ ко мнѣ, обнялъ меня и прижалъ къ себѣ. Я оттолкнула его. Я ломаю

что укусила ему руку... Голова моя закружилась, ноги задрожали. Я закричала ему чтобъ онъ оставилъ меня, тогда онъ не смѣлъ больше прикасаться ко мнѣ своею рукою... Я видѣла какъ его пальцы были въ крови. Будь у меня ножъ, я зарѣзала бы его!—Она проговорила послѣднія слова дрожащими, лобѣдѣвшими губами. Глаза ея сверкали гнѣвомъ и ненавистью.—Тогда ты пришелъ, Эрихъ. Ты спасъ меня. Что дѣлать теперь?

Она снова припала къ нему головой, обхватила его обѣими руками и тихо зарыдала. Эрихъ чувствовалъ какъ сильно билось ея сердце, какъ вся она вдрагивала, трепетала отъ глубокаго, сильнаго горя.

Онъ крѣпко обнялъ ее и прижалъ свои губы къ ея свѣтлымъ, вьющимся волосамъ. Затѣмъ онъ тихо освободилъ ея руки со своей головы и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Успокойся, Бланда. Нужно хорошенько обдумать что предпринять. На сегодняшній вечеръ тебѣ нечего безпокоиться.

— О, я знаю что дѣлать! Я надѣюсь, Эрихъ, что ты защитишь меня и поможешь мнѣ совѣтомъ.

— Я готовъ отдать тебѣ всю жизнь мою!

Она вѣрила ему. Это доказывалъ ея глубокій, полной благодарности взглядъ.

— Я знаю, ты любишь меня. Но въ состояніи ли ты будешь помочь мнѣ и защитить меня — это еще вопросъ. Но, можетъ-быть, ты придумаешь какое-нибудь средство. Я не могу остаться здѣсь. Ты самъ сегодня убѣдился въ этомъ. Къ тому же тяжело жить милостью другихъ людей. Я достаточно училась и въ состояніи сама прокормить себя. Но прежде всего я должна отыскать графиню Зеефельдъ. Она принимала участіе въ судьбѣ моей матери и въ мой... Я хочу поблагодарить ее за прежнюю заботливость обо мнѣ и ласку, я хочу сказать ей что я вовсе не такая испорченная дѣвушка какой меня считали въ пансіонѣ. Неправда ли, Эрихъ, я должна ей сказать все это?

— Да, да. Ты должна также спросить ее что побудило ее принять участіе въ твоей судьбѣ и въ судьбѣ твоей матери. Узнай руководило ли ею только чувство состраданія или были также другія причины. Передай ей также тотъ залеченный конвертъ который я отдалъ тебѣ недавно.

Эрихъ говорилъ все это какъ-то горячо, торопливо. Лицо его горѣло, глаза сверкали.

— Эти бумаги, продолжалъ онъ,—важны для нея. Я увѣренъ что онъ въ связи съ твоимъ прошедшемъ или съ твоею будущастью.

— Но какимъ образомъ? Впрочемъ, все равно. Я сберегу эти бумаги, и если увижусь съ графинею, то передамъ ихъ ей. Но какъ мнѣ увидѣть ее? Я боюсь довѣриться Катеринѣ Штѣккель. Боюсь также Лѣсничаго и его сына. Иосифъ постоянно слѣдитъ за мною. Я боюсь, Эрихъ, что меня не отпустятъ отсюда. Мнѣ нужно бѣжать.

— Да, Бланда, ты должна бѣжать отсюда, отвѣтилъ Эрихъ; устремивъ въ окно мрачный, печальный взглядъ.—Я помогу тебѣ бѣжать. Я постараюсь о твоей безопасности.

— Ахъ, еслибъ это было возможно!

— Все возможно, Бланда. Нужно только желанье и твердая воля. Я все устрою черезъ день. Дай мнѣ хорошенько обдумать. Я знаю гдѣ ты можешь найти на время пріютъ. Я думаю, самое лучшее если ты уйдешь отсюда въ слѣдующую ночь. Будешь ли ты готова?

— Буду!

— Я знаю что маневры будутъ завтра и продолжатся до обѣда. Затѣмъ войска будутъ отдыхать. Я надѣюсь избѣжать ареста; на дежурство меня еще не скоро назначатъ. Слѣдовательно, завтра ночью я къ твоимъ услугамъ.

— Благодаю тебя, Эрихъ. Мнѣ стало теперь легче на душѣ. Скажи, куда мнѣ явиться завтра? Я буду ждать тебя.

— Тебѣ не придется ждать, милая Бланда. Я приду раньше тебя на назначенное мѣсто. Если ты выйдешь изъ этого сада, то войди въ лѣсъ и иди все по лѣсной дорогѣ. Ты придешь наконецъ къ тому мѣсту гдѣ дорога zagrożена срубленными деревьями. Тамъ я буду ждать тебя. Выйди изъ дому въ девять часовъ вечера. Согласна ли ты?

— Да

— Но если будетъ дождь?

— Я все-таки приду. Вѣдь я съ дѣтства привыкла страствовать подъ открытымъ небомъ. Ахъ, Эрихъ, мы будемъ идти вмѣстѣ по лѣсу, будемъ вспоминать года нашего дѣтства,—какъ будетъ хорошо!

— Есть ли у тебя деньги, Бланда? спросилъ робко Эрихъ

— Какже, Коляма дала мнѣ.

— Хорошо. Следовательно, мы завтра увидимся. Теперь я долженъ разстаться съ тобою, нужно вернуться въ батарею. Я вѣдь пришелъ сюда тайкомъ. Хотѣлось видѣть тебя... хотѣлось хоть бы взглянуть на охотничій замокъ.

Онъ послѣшю подбѣжалъ къ окну, отворилъ его и сталъ прислушивать. Раздались тихіе, но ровные и твердые шаги приближавшихся солдатъ.

— Эрихъ, что это значитъ?

— Мой лаанъ удался! Не безпокойся, это только начало маневровъ. Прощай, дорогая Бланда. Не безпокойся если ты услышишь вблизи небольшой шумъ и громкіе голоса. Думай о завтрашней ночи и обо мнѣ.

Она протянула ему обѣ руки. Онъ обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ ея розовыя, прелестныя губки.

IX. Опять маневры.

Едва Эрихъ вошелъ къ Бландѣ какъ Иосифъ любѣжалъ въ лѣсъ и три раза прокричалъ подражая сычу. Волонтеръ Губеръ, стоявшій на возвышеніяхъ, повторилъ этотъ крикъ. Тогда унтеръ-офицеръ Раффлеръ разбудилъ поручика командующаго караульнымъ постомъ и объявилъ ему что случилось вѣроятно что-нибудь особенное, такъ какъ бомбардиръ конной батареи подалъ условный знакъ. Молодой лѣхотный поручикъ въ одну минуту проснулся, всталъ на ноги, опоясавъ саблей и надѣвъ каску. Затѣмъ онъ взглянулъ на своего унтеръ-офицера вопросительно:

— Все это прекрасно, Раффлеръ, но что же дѣлать теперь? Послать туда патруль не такъ-то легко. Мы можемъ сами легко попасться въ западню. А между тѣмъ нельзя оставить и бомбардира безъ всякой помощи. Знаете ли что? Идите-ка скорѣй въ роту, это вѣдь не далеко, и доложите обо всемъ господину капитану.

Унтеръ-офицеръ прошелъ уже нѣсколько шаговъ какъ вдругъ остановился. Онъ нагнулся къ землѣ и сталъ всматриваться въ темноту. Затѣмъ онъ послѣшю вернулся къ своему начальнику и объявилъ что по лѣсной дорогѣ ѣдетъ отрядъ подъ начальствомъ дежурнаго штабъ-офицера.

Такъ и было. Но дежурный штабъ-офицеръ пріѣхалъ не одинъ, а въ сопровожденіи командующаго бригаднаго генера-

ла и цѣлой толпы адъютантовъ, ординарцевъ и другихъ офицеровъ.

Дѣло въ томъ что генералъ,] по окончаніи превосходнаго ужина, предложилъ своимъ гостямъ сдѣлать объѣздъ всѣхъ позицій. Ночь была теплая, и всѣ охотно приняли приглашеніе генерала. Къ тому же это были первые маневры на которыхъ генералу приходилось командовать подъ руководствомъ высочайшаго главнокомандующаго. Были еще другія причины побуждавшія генерала зорко и строго сѣдить за ходомъ маневровъ и не допускать ни малѣйшихъ уступчивостей или ошибокъ.

Читатель вѣроятно помнитъ серьезнаго и строгаго драгунскаго полковника фонъ-Швенкенберга, участвовавшаго вѣскольکو лѣтъ тому назадъ на обѣдѣ стараго графа фонъ-Зеефельда. Полковника фонъ-Швенкенберга произвели въ генералы и перевели въ пѣхоту. Это крайне удивило какъ его прежнихъ товарищей по кавалеріи, такъ и его настоящихъ сослуживцевъ по пѣхотѣ. Первые говорили что настоящій кавалеристъ долженъ былъ скорѣе подать въ отставку нежели увизиться до того чтобы перейти въ пѣхоту; вторые же увѣряли что бывшій кавалерійскій полковникъ никогда не пойметъ всѣхъ тонкостей пѣхотной тактики. Поэтому ловятно отчего генералъ такъ старался отличиться на маневрахъ. Онъ видѣлъ что его бывшіе товарищи смотрѣли на него теперь свысока, и рѣшился во что бы то ни стало отомстить имъ.

Поручикъ, командующій караульнымъ постомъ, немедленно передалъ генералу все что касалось бомбардира конной артиллеріи.

— Я думаю, господинъ генералъ, что случилось что-нибудь особенное, иначе онъ не подалъ бы условнаго знака.

— Какъ вы думаете, какія непріятельскія войска стоятъ тамъ вблизи?

— Кавалерія, господинъ генералъ. Я знаю навѣрно что тамъ стоятъ драгуны и гусары. Ихъ патрули неоднократно приближались къ нашимъ форпостамъ, не обращая никакого вниманія на раздѣльную черту.

— Это похоже на нихъ. Я знаю этихъ драгунъ. Хорошо было бы еслибы мы немного отдѣлали ихъ. Какъ вы думаете, господинъ поручикъ, не послать ли туда отрядъ узнать

что тамъ дѣлается? Изъ сколькихъ человекъ состоитъ вашъ форпостъ?

— Изъ восьмидесяти человекъ, господинъ генералъ.

— Хорошо; а можете ли нашъ бивуакъ надѣяться на посты стоящіе вблизи?

— Я увѣренъ что они строго выполняютъ свою обязанность и никого не пропустятъ.

— Въ такомъ случаѣ мы употребимъ въ дѣло вашъ форпостъ. Нужно хорошенько изслѣдовать что тамъ дѣлается. Господинъ майоръ Клеммеръ,—обратился онъ къ сопровождавшему его штабъ-офицеру,—прошу васъ примите на себя команду надъ этимъ отрядомъ. На васъ я могу вполне положиться.

— Слушаю, господинъ генералъ. Если вы позволите, я отправлюсь лѣшкомъ.

— Хорошо, мой дорогой майоръ. А вы, господинъ поручикъ, прикажите вашимъ людямъ выступить. А мы, господа,—обратился онъ къ своей свитѣ,—мы останемся здѣсь пока не узнаемъ въ чемъ дѣло.

Нѣсколько минутъ спустя, форпостъ былъ уже готовъ къ выступленію. Всѣ радовались этой небольшой экспедиціи. Тишина и порядокъ при выступленіи были изумительны. Майоръ Клеммеръ сталъ во главѣ форпоста и нѣсколько секундъ спустя всѣ скрылись въ темнотѣ ночи.

Майоръ Клеммеръ началъ свою службу съ простаго солдата. Много труда, много терпѣнія и борьбы стоило ему добиться офицерскаго чина. Но онъ былъ честолюбивъ и любилъ службу. Онъ происходилъ изъ бѣдной и скромной семьи. Сначала онъ терпѣлъ страшную нужду. Но эта-то нужда и развила въ немъ сильный, настойчивый и твердый характеръ. Въ обращеніи онъ былъ нѣсколько грубъ и рѣзокъ. Онъ строго слѣдилъ за офицерами своего баталіона. Его удивляло что молодежь любила гулять, любила кофейни, общества, любила пить и танцевать. Говорили что это зависть. Никто никогда не звалъ начальника болѣе строгаго и выскательнаго какъ майоръ Клеммеръ. Всѣ знали также что майоръ Клеммеръ былъ несчастенъ. Онъ женился, ради небольшихъ денегъ, на старой дѣвѣ. Старая дѣва, превратившись въ майоршу Клеммеръ, нѣсколько не измѣнилась и продолжала быть прежнею сварливою и злою женщиной. Майоръ былъ высокаго роста и очень худощавъ. Глаза у него были

маленькіе, выгладывавшіе всегда сердито и мрачно, носъ большой, острый какъ у коршуна. Волосы и усы были яркаго рыжаго цвѣта.

Майоръ Клеммеръ и его отрядъ тихо вошли въ паркъ окружавшій охотничій замокъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ Эрикъ и объявилъ имъ что въ замкѣ уживаются гусары и драгуны. Майоръ Клеммеръ, окруживъ въ одну минуту замокъ, объявилъ лѣтними офицерскихъ лошадей и находившихся при нихъ солдатъ и затѣмъ подошелъ къ самому дому.

Ужиль былъ въ полномъ разгарѣ. Всѣ пили, смѣялись и весело шутили надъ графомъ Зеefeldомъ. Но графъ Дагобертъ, принявъ на себя видъ довольнаго и счастливаго человека, только улыбался на ихъ замѣчанія и шутки.

— Однако, Зеefeldъ, сознайся, оказалъ графъ Горнъ, — побѣда далась тебѣ не такъ легко. Этотъ шрамъ на твоей рукѣ не совсѣмъ-то говоритъ въ твою пользу.

— Ты кажется не знаешь что есть и такія женщины которыя кусаются любя человека, смѣясь сказалъ Барнигъ. — Однако, довольно объ этомъ. Зеefeldъ объявилъ себя побѣдителемъ, какое же мы имѣемъ право не вѣрить ему? Онъ устроилъ намъ этотъ прекрасный ужинъ, и мы должны быть ему благодарны. Пью за услышное и скорое окончаніе этихъ скучныхъ маневровъ!

— Еслибы мнѣ удалось только отличиться въ глазахъ принца!... Перескочить бы, напримѣръ, во время атаки со своимъ эскадрономъ черезъ рвы и заборы... Послушай, Зеefeldъ, если мнѣ представится что-нибудь подобное, прошу тебя, не торолись влѣредъ.

— То-есть, я долженъ отстать и содѣйствовать твоему успѣху?

Ну, что жь, охотно! Мнѣ все это давно надоѣло!

— Значить правду говорить что ты хочешь подать въ отставку?

— И жениться?

— Первое — можетъ быть; что же касается женитьбы, то лѣсна еще далека.

— Положимъ, будь здѣсь прелестная графиня Галлеръ, ты сказалъ бы совсѣмъ другое, отвѣтилъ графъ Горнъ, улыбаясь. Затѣмъ онъ началъ громко напѣвать известную мелодію изъ Вильгельма Телла: „Клотильда, ахъ Клотильда!“

Графъ Зеефельдъ, не обращая никакого вниманія на Горна, продолжалъ:

— Мой многоуважаемый дядюшка, графъ Христианъ, уже очель старъ и дряхлъ. Случись съ нимъ что-нибудь, управление надъ его громадными имѣніями переходитъ въ мои руки. Повѣтано что я не могу продолжать тогда службу.

— И будешь ты тогда назначенъ въ свиту его величества—счастливецъ!

— Вотъ отчего я страшно золъ на эти скучные маневры, продолжалъ графъ Зеефельдъ.—Я хотѣлъ еще сегодня утромъ уѣхать въ Вальдбургъ. Но придется отложить эту поѣздку до завтрашней ночи: командующій генералъ даетъ привцу большой ужинъ. Не лора ли намъ, господа, вернуться на бивуакъ? Ужь поздно, а отдохнуть не мѣшаетъ.

— Полно, перебилъ его графъ Горнъ, — уснемъ еще выспаться! Мнѣ здѣсь очень нравится. Впрочемъ, если хотите, встанемте и поѣдемъ осматривать непріятельскіе форпосты. Предъ нами лѣхота. Я увѣренъ что многіе изъ нихъ спятъ.

— Хотѣлъ бы я посмотрѣть на нихъ, вскричалъ самый младшій изъ драгунъ,—что было бы съ ними еслибы мы очутились вдругъ предъ ними, на возвышеніяхъ? Воображаю, какое у нихъ смятеніе произошло бы тогда!

Вдругъ раздался рѣзкій, продолжительный шумъ. Дверь отворилась, и на порогъ показался мрачный, суровый лѣхотный майоръ съ обнаженною саблей и съ каской на головѣ. За нимъ сверкали въ большомъ числѣ штыки.

— Однако, произнесъ мрачный майоръ, послѣ нѣкотораго молчанія,—я долженъ признаться что это довольно куріозная исторія. Насколько я вижу, господа кавалеристы принадлежатъ къ враждебному лагерю. А между тѣмъ господа авалеристы вполнѣ пренебрегли раздѣльной чертой и собрались сюда.

Онь окинулъ быстрымъ взглядомъ безчисленныя лустыя утылки стоявшія на столѣ и продолжалъ:

— И господа кавалеристы не сочли даже нужнымъ окрутить домъ караульными, имѣя въ виду что ихъ могутъ застать наслохъ и призвать лѣвными!

— Господина подполковникъ, оказалъ графъ Зеефельдъ, мѣтивъ какъ озадачены были его товарищи появленіемъ йора, — я вижу что вы намѣрены отнестись... чортъ.... очень рѣзко къ нашему вполнѣ невиданому ужину?

— Я отношусь такъ какъ долженъ, господиъ ротмистръ. Я засталъ здѣсь непріятельскій отрядъ и беру его въ плѣнъ. Прошу васъ, господа, слѣдовать за мною въ лагерь.

— Однако, чортъ возьми, это вѣдь не по-товарищески! Вѣдь мы на маневрахъ! вскричали офицеры, поднимаясь со своихъ мѣстъ и берясь за фуражки и сабли. Только одинъ графъ Зеefeldъ остался спокойно на своемъ мѣстѣ и сказалъ:

— Прошу васъ, господиъ подполковникъ, присядьте къ намъ и вылейте стаканъ шампанскаго.

— Это неслыханное событіе!.. Развѣ мы не на маневрахъ? развѣ мы не члены одной арміи?

— Прошу васъ, господиъ кавалеристъ, объяснить мнѣ, что такое маневры? спросилъ майоръ съ большимъ достоинствомъ.—Маневры—это самое точное подражаніе войнѣ. Вы согласитесь со мною, господа, что будь теперь война, я поступилъ бы съ вами точно также. Итакъ, праздно васъ плѣвными.

— Ужь не потому ли что мы офицеры кавалеріи! сказалъ съ горечью графъ Горнъ.

— Итакъ вы серьезно объявляете насъ плѣвными? спросилъ графъ Зеefeldъ, дѣлая товарищамъ рукою знакъ чтобы они успокоились.

— Совершенно серьезно! отвѣтилъ невозмутимо майоръ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте обратиться къ вамъ съ слѣдующею просьбой: отпустите моихъ товарищей къ ихъ войскамъ. Я же отправляюсь съ вами къ командиру генералу и, по его требованію, назову имена всѣхъ присутствующихъ здѣсь.

— Мы не согласны на это, Зеefeldъ, нѣтъ, не согласны, это жертва съ твоей стороны, чортъ возьми! если господиъ майоръ относится такъ серьезно къ маневрамъ, въ такомъ случаѣ попробуемъ пробиться!

Говоря это, кавалеристы окружили графа Зеefeldъ. Въ то же время подошелъ къ майору унтеръ-офицеръ Раффлеръ и тихо сказалъ ему:

— Господиъ подполковникъ, недалеко отъ дома показався патруль кавалеріи. Завидѣвъ нашу плѣхоту, они галопомъ пустились назадъ. Я думаю, намъ нельзя терять времени.

Все это разузналъ Эрихъ. Онъ, въ сопровожденіи Иосифа, нѣсколько разъ обошелъ вокругъ охотничьяго замка и замѣтилъ кавалерійскій патруль.

— Я принимаю ваше предложеніе, господивъ ротмистръ. Прошу васъ слѣдовать за мною немедленно.

— Надѣюсь, вы позволите мнѣ сѣсть на мою лошадь?

— Мнѣ очень жаль, но я долженъ отказать вамъ. Господивъ генералъ отдастъ надлежащія приказанія что дѣлать съ вашими лошадьми—надѣюсь, утѣрь-офицеръ Рафлеръ, вы повели меня? Поручите лошадей бомбардиру четвертой конной батальона, мы всѣмъ обязаны ему.

Услышавъ что рѣчь шла о бомбардирѣ четвертой конной батальона, графъ Зеefeldъ страшно измѣнился. Лицо его поблѣднѣло, глаза загорѣлись мрачнымъ огнемъ. Онъ обернулся къ майору и порывисто сказалъ:

— Хорошо, господивъ подполковникъ, я подчиняюсь этому насилию. Прошу васъ, впередъ! Онъ тихо оттолкнулъ отъ себя товарищей, окружавшихъ его и, силясь улыбнуться, продолжалъ:—Всякому свое! До свиданья, друзья, до завтрашняго утра. А ты, Барнагъ, отправься къ майору и доложи ему что я равиль себя руку и что мы, вслѣдствіе этого, выѣхали изъ бивуака и пріѣхали сюда. Правда, мы пренебрегли раздѣльною чертою и очутились на непріятельской землѣ, но вѣдь и непріятельская лѣхота поступила бы точно также, будь она на нашемъ мѣстѣ!

Затѣмъ графъ Зеefeldъ холодно поклонился майору и вышелъ изъ залы. Онъ, повидимому, былъ спокоенъ, но внутри у него колотала сильная злоба. Эрихъ пошелъ съ гусаромъ который велъ лошадей графа Зеefeldъ. Эрихъ хорошо сдѣлалъ объявивъ что онъ видѣлъ непріятельскій казначейскій патруль. Патруль замѣтилъ отрядъ лѣхоты, немедленно поскакалъ назадъ въ лагерь чтобы взять подкрѣпленіе и спасти офицеровъ находившихся въ охотничьемъ мѣстѣ.

Вмѣстѣ съ подкрѣпленіемъ онъ вернулся къ охотничьему мѣсту, какъ разъ въ ту минуту когда майоръ Кламмеръ подъѣзжалъ къ мѣсту гдѣ лежали срубленные деревья. Эрихъ посоветовалъ майору заградить снова дорогу нѣсколькими срубленными деревьями. Совѣтъ этотъ былъ немедленно исполненъ. Гусары, замѣтивъ барьеръ и боясь темной ночи, отложили свое преслѣдованіе и вернулись въ лагерь.

Между тѣмъ майоръ достигъ своей части и доложилъ генералу о результатѣ своего похода. Пѣвника ввели къ

генералу. Послѣдній, взглянувъ на него, весело и громко разсмѣялся и закричалъ:

— Ну, майоръ Клеммеръ, признаюсь, вы достали намъ прекрасную добычу! Вы хорошо сдѣлаете потребовать отъ графа Зеефельда порядочный выкупъ!

Майоръ отвѣтилъ на это серьезно:

— Господимъ генералъ, я исполнялъ только свою обязанность. Я поступилъ бы точно также и въ дѣйствительной войнѣ.

Майоръ былъ разсерженъ. Онъ видѣлъ какъ генералъ пожималъ руку лѣвнича, слышалъ какъ онъ смѣялся. Затѣмъ онъ направился къ лошадямъ, бормоча:

— Еще разъ повторяю что поговорка „воронъ ворону глазъ не выклюетъ“ — останется всегда вѣрна. Для того чтобы быть дѣльнымъ лѣхотинцемъ, нужно родиться имъ!

— Впрочемъ, майоръ Клеммеръ, вскричалъ ему генералъ фонъ-Швенкенбергъ всадъ,—благодарю васъ за услѣшное окончаніе этой экспедиціи. Я доложу объ этомъ кому слѣдуетъ. Гдѣ бомбардиръ конной артиллеріи?

Эрихъ выступилъ впередъ.

— Вами я также доволенъ, любезнѣйшій. Къ которой батарее принадлежите вы?

— Къ четвертой конной батарее.

— А, капитана фонъ-Мандерфельда! Доложите вашему батарейному начальнику что я похвалилъ васъ. А теперь, дорогой графъ Зеефельдъ, выпьете же со мною стаканъ чаю. Затѣмъ можете вернуться въ свой эскадронъ.

Понятно что Эрихъ и не думалъ передавать капитану фонъ-Мандерфельду словъ генерала. Но онъ передалъ обо всемъ первому поручику Шаллеру. Онъ сказалъ ему также что лѣсная дорога все еще загромождена и не годится для переправы артиллерійскихъ лошадей и орудій.

Наступилъ день битвы. Едва разсвѣло, какъ всѣ роты и баталіоны, эскадроны и батареи были уже готовы къ выступленію и нападенію. Адъютанты и ординарцы точно ласточки перелетали съ одного мѣста на другое. Командующій генералъ, окруженный своею свитой, стоялъ на возвышеніи и оттуда осматривалъ мѣстность на которой должно было произойти сраженіе. Многие изъ его офицеровъ держали предъ собою плавы окружающей мѣстности. Впрочемъ, это дѣлалось скорее только для формы. Толстые и сытые лѣхотные штабъ-

офицеры глядели по гривѣ своихъ лошадей, желая такимъ образомъ заслужить ихъ расположеніе. Строгіе и серьезные капитаны ходили взадъ и впередъ предъ своими ротами и возбуждали солдатъ къ храбрости и усердію. Солдаты же утараались, тайкомъ, доѣсть скорѣй послѣдніе остатки хлѣба и запить ихъ глоткомъ пива или водки.

У подножія возвышеній стояли артиллеристы. Ихъ едва можно было разглядѣть сквозь утренній туманъ. Сначала всѣ батареи представляли собою только одну безпорядочную, устую массу; затѣмъ они отдѣлились и образовали восемь отдѣльныхъ группъ. Прежде всего показался огонь на лѣвомъ флангѣ, затѣмъ и на правомъ и началась настоящая перестрѣлка. Все покрылось густымъ бѣлымъ дымомъ.

Сраженіе разгоралось все болѣе и болѣе. При этомъ руководила конечно не воля главнокомандующаго, но выполнялось только то что было предписано на бумагѣ. Батареи, разстрѣлавъ порядочное количество пороха его величества, положили пушки на лафеты и двинулись впередъ. Враждебная же артиллерія отступила назадъ. Помятно что при этомъ отличались многіе батарейные и ротные командиры. Особенно отличился первый поручикъ Шаллеръ. Онъ сумѣлъ дать своему орудію такую выгодную позицію, стрѣлялъ такъ храбро, что генералъ-инспекторъ артиллеріи выразилъ ему свое юное одобреніе.

Подойдя къ самому городу, артиллерія заняла третью и послѣднюю позицію. Она пропустила пѣхоту и кавалерію впередъ и, заставивъ непріятеля перейти небольшую рѣку, сбросила его въ предмѣстья окружавшія городъ. Этимъ маневры и окончились. Войска возвратились на свои мѣста. Четвертая конная батарея также соединилась вмѣстѣ и отправилась подъ начальствомъ капитана фонъ-Мандерфельда юной. Всѣ были веселы и довольны. Одинъ баронъ фонъ-Мандерфельдъ вѣхалъ угрюмый, задумчивый. Дѣло было въ томъ что онъ, еще въ началѣ маневровъ, завелъ свои шесть орудій въ какое-то болото. Генералъ-инспекторъ замѣтилъ это и приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ сдѣлать капитану замѣчаніе.

Четвертая конная батарея вѣехала во дворъ казармъ. Капитанъ фонъ-Мандерфельдъ подозвалъ къ себѣ перваго пючика и громко спросилъ его, который изъ бомбардировъ

осмѣлился въ эту ночь отлучиться изъ бивуака и шататься по лѣсу.

— Мнѣ передали объ этомъ, прибавилъ онъ.—Можетъ-быть этимъ онъ оказалъ нѣкоторую услугу лѣхотѣ, но я все-таки не доволенъ этимъ. Кто осмѣлился отойти, безъ всякой надобности, отъ своего орудія? Кто?

Всѣ догадывались что капитану было и безъ того хорошо известно о которомъ бомбардирѣ шла рѣчь. Глаза его были строго и мрачно устремлены на Эриха. Эрихъ вышелъ впередъ; капитанъ, окинувъ его быстрымъ взоромъ, улыбаулся. Но въ ту же минуту вышелъ впередъ и первый поручикъ. Онъ приложилъ руку къ каскѣ и сказалъ:

— Все это случилось по моему приказанію, господинъ капитанъ.

— Все по вашему приказанію, господинъ первый поручикъ? Чтò же вы приказали?

— Я приказалъ разузнать можно ли было проѣхать по лѣсной дорогѣ ведущей къ охотничьему замку. Я слышалъ, что она была загромождена срубленными деревьями.

— Прекрасно. Но, надѣюсь что вы не приказали этому молодому человѣку войти въ самый замокъ и разбудить мирныхъ жителей, то-есть, говоря правду, жителямицъ?

— Не знаю, было ли это такъ. Но если это и было такъ, то, вѣроятно, на то были важныя побудительныя причины. И въ этомъ виновать только одинъ я, такъ какъ я послалъ туда бомбардира Фрейберга.

Первый поручикъ проговорилъ это громкимъ, рѣзкимъ голосомъ. Лицо его пылао отъ гнѣва. Затѣмъ онъ прибавилъ:

— И если вы хотите осудить кого-нибудь, господинъ капитанъ, то осуждайте меня, а не бомбардира Фрейберга!

— Позвольте мнѣ быть другаго мнѣнія, господинъ первый поручикъ. Вы оправдываете бомбардира Фрейберга, но я все-таки обвиняю его. Я наказываю его тѣмъ что назначаю его на караулъ до завтрашняго вечера.

Это былъ страшный ударъ для Эриха. Онъ устремилъ на перваго поручика умоляющій взглядъ. Послѣдній круто повернулъ свою лошадь и догналъ капитана. Между ними завязался горячій, сердитый разговоръ. Было трудно что-нибудь слышать. Наконецъ капитанъ, пожавъ плечами, вышелъ со двора. Первый поручикъ, блѣдный и глубоко взволнованный, вернулся къ батарее. Приказавъ солдатамъ разо-

тись, онъ обратился къ Эриху и сказалъ ему съ глубокимъ сожалѣніемъ:

— Я не могу васъ избавить отъ караула. Но обещаю вамъ что все остальное устроится.

Эрихъ долженъ былъ пересилить себя чтобы не показаться ребенкомъ предъ своимъ добрымъ начальникомъ. Первый поручикъ кивнулъ ему ласково головой и удалился.

Эрихъ пошелъ въ коюшны. Здѣсь онъ засталъ бомбардира Шварца. Эрихъ былъ глубоко огорченъ и озлобленъ.

— Скверно то, сказалъ бомбардиръ Шварцъ, — что ты долженъ замѣнить длиннаго Виберта. Бездѣльникъ ранилъ себя ногу. Ты назначенъ на караулъ вмѣсто него.

— Чортъ бы его побралъ, да и всѣ эти порядки! вскричалъ Эрихъ, заскрежетавъ зубами. Онъ едва сдерживалъ себя. Ему хотѣлось плакать, хотѣлось бѣжать.

— Ты знаешь, я терпѣливо переношу всѣ эти аресты и караулы. Но сегодня я готовъ съ ума сойти. Я не могу сегодня остаться здѣсь... Право, я готовъ убить себя!

— Стоить того! Какое же у тебя дѣло?

— Я не могу этого сказать тебѣ. Вѣрь мнѣ только что я буду самымъ несчастнымъ человекомъ если долженъ быть сегодня на караулѣ!

— Ну, если это такъ, отвѣчалъ добродушный Шварцъ, — то я помогу тебѣ. Я смѣню тебя, едва настанетъ вечеръ. Раньше тебѣ, вѣроятно, и не нужно. Но, прошу тебя, будь веселѣй. Длинный Вибертъ подгадываетъ сюда. Я не хотѣлъ бы чтобы онъ думалъ что наказаніе огорчаетъ тебя.

— Ты правъ. Я никогда не забуду твоей услуги.

— Перестань; здѣсь нѣтъ особенной услуги. Всего одну лишнюю ночь проспать на соломѣ... Узнать объ этомъ никто не можетъ. Канитавъ рѣдко ходитъ въ коюшны до обѣда. А если онъ и придетъ сюда, то я объявлю ему что ты внезапно захворалъ холерой и что я смѣнилъ тебя. А теперь иди и приготовься къ караулу.

Эрихъ вошелъ въ свою комнату. Унтеръ-офицеръ Венкгеймъ встрѣтилъ его съ выраженіемъ участія и сожалѣнія. Но Эрихъ оставался сложеннымъ и веселъ. Онъ нарядился въ свой лучшій мундиръ, спряталъ въ карманъ всѣ деньги которыя имѣлъ и не забылъ даже взять съ собой небольшой карманный пистолетъ. Послѣдній принадлежалъ Шмоллеру.

Онъ отдалъ его Эриху, прося чтобъ Эрихъ вычиталъ его и потомъ опять зарядилъ.

Бомбардиръ Шварцъ приготовилъ Эриху кофе, хлѣбъ, масло и колбасу, а также чернила и бумагу. Эрихъ написалъ длинное письмо старому Бурбусу. Онъ разказалъ ему всю исторiю Бланды и просилъ старика принять въ ней участiе. Въ концѣ письма онъ упоминалъ что слышалъ отъ перваго поручика Шаллера что старый Бурбусъ не забылъ его и что онъ глубоко благодаритъ его за эту память. Затѣмъ письмо было вложено въ конвертъ, залечтано и передано бомбардиру Шварцу, который отвезъ его на почту.

Эрихъ смѣнилъ длиннаго Виберта. Послѣднiй глубоко изумился, замѣтилъ что его противникъ нисколько не былъ огорченъ. Эрихъ легъ, но никакъ не могъ уснуть. Онъ былъ глубоко взволнованъ. Время казалось ему безконечнымъ. Онъ попробовалъ читать, но напрасно. Въ каждой строкѣ онъ видѣлъ только одно имя, имя Бланды. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ. Онъ употреблялъ всѣ старанiя чтобы думать о чемъ-нибудь другомъ. Но тщетно. Онъ все возвращался къ ней. Эрихъ испугался. Чтѣ съ нимъ? Какъ могло это случиться? И такъ скоро... Какъ все измѣнилось. Какъ измѣнились всѣ его чувства, мысли!... Еще недавно онъ любилъ ее какъ добрую, дорогую сестру, а теперь... Онъ началъ вдругъ что любить ее сильно, горячо, страстно. Чтѣ пробудило въ немъ эту внезапную страсть? Онъ вспомнилъ страстные, горячiя слова графа Зеефельда, обращенныя къ ней... вспомнилъ какъ она обняла его, какъ прижалась своею прелестью головою къ его груди... Вотъ чтѣ погубило его. Онъ не узнавалъ больше себя. Откуда взялись у него эти мечты, эти желанiя?.. Онъ отдалъ бы жизнь свою, лишь бы она была теперь съ нимъ, лишь бы онъ могъ еще разъ обнять ее..

Вдругъ на него напало сомнѣнiе что онъ увидитъ ее сегодня вечеромъ. Онъ началъ считать луговицы своего мундира, говоря съ первой луговицы „да“. Послѣдняя луговица отвѣтила ему тѣмъ же „да“. Онъ началъ считать лошадей, окна, цѣли и все отвѣчало ему „да“, все ободряло и радовало его.

Наконецъ насталъ вечеръ. Явился бомбардиръ Шварцъ.

— Ну, товарищъ, сказалъ Шварцъ, — я не завидаю тебѣ. Подвiлся сильный вѣтеръ. Когда ты вернешься?

— Навѣрное не знаю.

— Не торопись и не стѣсняйся. Я буду ждать тебя завтра къ одиннадцати часамъ. Эрихъ вручилъ своему товарищу саблю и поблагодаривъ его еще разъ, тихо вышелъ изъ казармъ. Онъ рѣшилъ что Бланда поѣдетъ въ Нордгеймъ, небольшой городокъ близъ Вальдбурга, и тамъ обождетъ доктора Бурбуса. Эрихъ былъ твердо убѣжденъ что старый мельникъ приметъ въ Бландѣ самое живое и горячее участіе.

Ночь была темная, мрачная. Былъ сильный, порывистый вѣтеръ. Эрихъ проходилъ мимо охотничьяго замка. Все было темно, тихо. Все спало. Онъ взглянулъ на окно Бланды. И тамъ царилъ также темнота. Сердце его сильно забилось и онъ быстро пошелъ впередъ.

Х. Бѣгство.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ у назначеннаго мѣста. Было совершенно темно. Эрихъ остановился у высокаго дерева и началъ прислушиваться. Вдругъ онъ вздрогнулъ: чья-то нѣжная, маленькая рука легла на его плечо и тихій, дрожащій голосъ произнесъ его имя.

— Бланда, ты ждала меня? А я такъ торопился чтобы придти сюда первымъ.

— Твой путь былъ длиннѣе, милый Эрихъ. Не забудь также что я должна была воспользоваться первою удобною минутой. Но ты пришелъ, слава Богу. Всѣ думали что я въ своей комнатѣ. Я спряталась въ саду и слышала какъ львиный запираетъ наружную дверь. Иосифъ испугалъ только меня. Я уже выходила изъ сада и направлялась къ лѣсу, какъ вдругъ услышала за собою его шаги. Мнѣ казалось что онъ догоняетъ меня. Но потомъ я успокоилась. Онъ любитъ гулять по вочамъ.

— Не пора ли намъ, Бланда? Путь нашъ далекъ; я боюсь чтобы ты не устала. Дай мнѣ этотъ узелокъ. Не хочешь ли опереться на мою руку?

— Перестань, Эрихъ. Я такъ давно не гуляла и такъ рада пройтись теперь. Развѣ потомъ. Однако хорошо ли ты одѣялся что отаучился? Не станутъ ли искать тебя?

— Нѣтъ, мнѣ нечего бояться. Правда, я не спрашивалъ позволенія, но я никогда не забываю одного правила: что не

запрещено, то позволено. Не идемъ ли мы слишкомъ скоро, Бланда?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ такъ хочется выдти скорѣе изъ этого лѣса! Я боюсь встрѣтиться съ какимъ-нибудь охотникомъ.

— Ихъ тутъ много?

— Да; особенно по ночамъ. Они караулятъ дичь и лѣса. Здѣсь много воровъ.

— Въ такомъ случаѣ, Бланда, не будемъ больше разговаривать пока не выйдемъ изъ лѣса.

Они шли скоро. Не прошло и четверти часа какъ они уже вошли на возвышеніе на которомъ Эрихъ находился наканунѣ вечеромъ. Онъ показалъ ей мѣсто на которомъ стояли его гаубицы и разказалъ ей какимъ образомъ былъ взятъ въ плѣнъ графъ Дагобертъ Зеefeldъ.

Но Бланда знала уже все это отъ Юсифа.

— Онъ съ трудомъ могъ мнѣ разказать все; если недоставало словъ онъ объяснялся движеніями рукъ. Знаешь, Эрихъ, меня крайне изумило то обстоятельство что лицо его въ теченіе всего разказа принимало необыкновенно суровое и дикое выраженіе. Онъ нѣсколько разъ дѣлалъ движеніе руками, будто хотѣлъ застрѣлить кого-нибудь. Впрочемъ онъ не докончилъ своего разказа, такъ какъ въ комнату вошла Штѣкель и прогнала его.

— Ты говорила съ нею о графѣ Зеefeldъ?

— Нѣтъ, да и къ чему? отвѣтила Бланда коротко.— Видь я не разъ говорила съ нею объ немъ, передавала ей его слова, намеки; она всегда дѣлала видъ что не придаетъ этому никакого значенія. Но все это прошло. Можетъ-быть я и ошибаюсь въ ней. Она все-таки добрая женщина и прежде очень любила меня.

Бланда тяжело вздохнула.

— Куда же мнѣ идти, Эрихъ?

— Я доведу тебя до Нордгейма. Это небольшая деревня; черезъ два часа ходьбы мы будемъ тамъ. Ты сидишь тамъ въ дилижансѣ и поѣдешь въ небольшой городокъ недалеко отъ Вальдбурга. Тамъ ты займешь небольшую комнату и станешь ждать друга о которомъ я говорилъ. Онъ скоро прійдетъ, я увѣренъ въ этомъ. Довѣрься ему какъ родному отцу.

Оба замолчали. Эрихъ взялъ руку Бланды и робко пожалъ ее. Бланда не отняла своей руки, но отвѣтила Эриху крѣп-

кимъ, горячимъ пожатіемъ. Они подходили къ небольшой деревушкѣ. На башенныхъ церковныхъ часахъ пробило полночь. Ночь была темна; на небѣ ни одной звѣзды. Они прошли деревню и вошли въ густой, темный лѣсъ. Недалеко отъ нихъ, въ дощину, слышались бѣшеные разрывы горнаго потока.

— Не бойся, Бланда, оказалъ Эрихъ молодой дѣвушкѣ, боязливо прижавшейся къ нему.—Слышишь какъ грозно шумитъ этотъ горный потокъ? Мы сейчасъ подойдемъ къ нему. Затѣмъ мы выйдемъ на большую поляну, а потомъ и на большую дорогу которая ведетъ въ Нордгеймъ. Ты очень устала?

— О, нѣтъ. Но я должна прижаться тебѣ, Эрихъ, что отвыкла отъ ходьбы, особенно въ такую темную ночь. Прежде было не то.

— Не хочешь ли ты отдохнуть немного? Вотъ здѣсь, подъ этою нависшею скалою, лежитъ срубленное дерево, хочешь?

— Да, Эрихъ, если ты только хочешь и не торопись.

— О, у насъ достаточно времени; намъ придется еще ждать въ Нордгеймъ.

Онъ положилъ на дерево большой, мягкій плаедъ. Бланда сѣла и прижала голову къ его плечу. Эрихъ обнялъ ее одною рукою и тихо прижалъ къ себѣ.

— Ты дрожишь, Бланда, не холодно ли тебѣ?

— Нѣтъ. Мнѣ такъ хорошо... Я такъ рада отдохнуть немного.

Они сидѣли молча и наслаждались своимъ первымъ счастіемъ. Да, они были такъ счастливы какъ еще никогда. Одинокій горный потокъ бѣшено, грозно бушевалъ; вѣтеръ все усиливался, ломая и нагибая высокіе, стройные буки, березы и сосны. Но имъ подъ высокою скалою было тепло, хорошо. Небо покрылось темными, грозными тучами и вслѣдъ затѣмъ засверкала молнія и раздались первые громовые удары.

— Знаешь, милая Бланда, этотъ прелестный уголокъ сильно напоминаетъ мнѣ небольшой палатъ который покойный отецъ мой построилъ въ нашемъ лѣсу. Онъ весь былъ обложенъ листьями и мхомъ. Я такъ часто, будучи мальчикомъ, сидѣлъ тамъ во время грозы. Но никогда еще не былъ я такъ счастливъ какъ сегодня.... Никогда, никогда!

— Моя бѣдная мать очень боялась грозы. Цыгане также; даже Марешаль и Цареггъ. Но я всегда любила грозу, любила

эти раскаты, этотъ блескъ, этотъ шумъ. Я никогда не боялась грозы, а сегодня съ тобою и подавно не боюсь.

— Ты со мною, да, ты со мною! Бланда, милая Бланда, какъ я счастливъ! Ахъ, Бланда, еслибы не эта печальная, неотвязчивая мысль! Мнѣ все кажется будто я расстанусь сегодня навѣки съ тобою.

— Я этого не боюсь. Я знаю, Эрихъ, что скоро увижу тебя и буду вѣчно съ тобою.

— Правда? И если мы опять свидимся, мы будемъ говорить объ этой ночи; не правда ли?

— Я люблю тебя и знаю что и ты меня любишь. Хочешь, я поклянусь тебѣ въ томъ что никогда не забуду тебя, никогда не расстанусь съ тобою? Мы скоро увидимся. Эрихъ, я никогда не оставляю тебя, никогда!

— Бланда, Бланда, гдѣ мнѣ найти словъ чтобы выразить тебѣ мое счастье, мое блаженство!.. Вѣдь и я никогда не покину тебя. Я всюду пойду за тобою, вездѣ найду тебя.. Я знаю теперь что всего добьюсь: ты моя сила, мой добрый геніи!..

Вѣтеръ, между тѣмъ, бушевалъ все сильнѣе и порывистѣе, удары грома раздавались все оглушительнѣе, молнія сверкала все ярче. Пошелъ сильный дождь. Казалось, всѣ стихіи соединились вмѣстѣ, чтобы проникнуть въ уголокъ подъ скалою. Но молодые люди ничего не замѣчали. Они тѣсно прижались другъ къ другу и были счастливы своею первою чистою любовью. Эрихъ наклонился къ ней и взглянувъ на нее съ чувствомъ глубокой, безпредѣльной любви, онъ въ первый разъ прижалъ свои губы къ ея губамъ. Бланда улыбнулась и встала.

— Да, Эрихъ, ты мой, а я твоя. Помни это. Видишь, даже небо радо нашему счастью: гроза стихла, дождь пересталъ. — Пойдемъ, Эрихъ, пора. Я никогда не забуду эту скалу, она всегда будетъ для меня святыней.. Пойдемъ.

Онъ быстро поднялся съ своего мѣста, взялъ на руку ея узелокъ и пледъ и, предложивъ ей другую руку, вывелъ ее изъ пещеры. Гроза дѣйствительно стихла. На темномъ небѣ засверкали звѣзды. Они шли счастливые, веселые, высказывая разныя предположенія и планы о будущемъ.

Разговаривая, они прошли большую ниву и вошли въ глубокую долину, гдѣ стояла мельница. Все было тихо: колеса

не работали, вода была спокойна и чиста какъ зеркало. Небольшіе часы, наверху мельницы, пробили два часа полуночи.

— Ты очень устала, милая Бланда?

— Да; немного. Я рада буду когда мы придемъ къ мѣсту. Я должна признаться тебѣ, Эрихъ, что ноги у меня немного болятъ. Ночь сырая, а ботинки мои очень легки.

— Объ этомъ я долженъ былъ прежде подумать, печально сказалъ юноша.—Меня сильно безлокоитъ мысль, найдемъ ли мы пріютъ въ Нордгеймѣ. Намъ придется ждать тамъ. Впрочемъ, надѣюсь что въ томъ же зданіи гдѣ почта, вѣроятно будетъ и небольшая гостиница. Я прикажу высушить твои ботинки.

Но Эрихъ, къ своему великому горю, ошибся. Они дошли до Нордгейма, но узнали что тамъ не было никакой гостиницы. Бланда при этомъ извѣстіи тяжело вздохнула и опустила печально свою изящную головку.

— Ты дрожишь, Бланда, тебѣ холодно? спросилъ ее озабоченно Эрихъ.

— Да, немного... Еще очень рано, потому холодно.

— Закутайся въ плаедъ. Пойдемъ на почтовый дворъ, вѣроятно тамъ найдется уголокъ гдѣ можно будетъ укрыться.

Они подошли къ зданію гдѣ помѣщалась почта и куда подъѣзжали дилижансы. Это былъ красивый, большой домъ, окруженный съ трехъ сторонъ сараями. Эрихъ замѣтилъ также что главные двери были открыты и ярко освѣщены. Это его очень обрадовало. Вѣроятно я ошибся, думалъ онъ, и дилижансы пріѣдутъ раньше.

Онъ вошелъ съ Бландой въ большой, круглый дворъ и увидалъ почтальюна, стоящаго при четырехъ лошадяхъ.

— Что, дилижансы скоро пріѣдутъ?

— Нѣтъ; черезъ два часа. Эти лошади назначены для экстренной почты.

— Нѣтъ ли въ здѣшней почтовой станціи какой-нибудь комнатки гдѣ бы можно было отдохнуть?

— Нѣтъ. Тамъ, напротивъ, есть небольшой павильонъ, куда впускаютъ путешественниковъ, но теперь ночь и я не думаю чтобы кто-нибудь отворилъ вамъ дверь. Вы можете войти сюда, въ конюшню, и обогрѣться немного. Впрочемъ, поспытайте и тамъ. Я вижу огонь въ комнатѣ писаря.

— Я попробую, Бланда, нельзя же допустить чтобы ты просидѣла эти два часа въ холодномъ сараѣ.

Эрихъ направился къ домику писаря.

Въ эту же самую минуту раздался веселый звукъ почтового рожка и во дворъ въѣхалъ тяжелый дорожный экипажъ. Лошадей отпрягли и ввели въ конюшню. Бланда, боясь чтобы они не подошли къ ней, вышла на дворъ. Она стояла противъ самаго экипажа. Свѣтъ фонаря падалъ на нее и освѣщалъ ее блѣдное, усталое личико. Вдругъ двери кареты быстро отворились и какой-то гоелодинъ соскочилъ на землю и подошелъ къ ней. Бланда дико вскрикнула: она узнала графа Дагоберта Зеefeldъ.

— Вотъ такъ неожиданная встрѣча! вскричалъ онъ удивленнымъ и радостнымъ голосомъ. — Откуда ты, крошка? Ты становишься для меня все загадочнѣе! Я право начинаю думать что тебя привлекла сюда сила моего желанія и моей воли. Я всю дорогу думалъ только о тебѣ... Гордое, упрямое созданіе!

Онъ хотѣлъ схватить ее за руку, но она вырвавшись отъ него, бросилась назадъ въ сарай. Тогда онъ остановилъ ее силой, наклонился къ ней и тихо проговорилъ:

— Перестань упрямиться, крошка! Не скажу чтобы твое пребываніе здѣсь, ночью, говорило въ твою пользу; но я добръ и предлагаю тебѣ мѣсто въ моей каретѣ.

— Но я не одна здѣсь, гнѣвно воскликнула Бланда, вырвавшись отъ него. — Я не одна, со мною мой другъ и онъ защититъ меня отъ васъ, какъ и тогда!

— Твой другъ защититъ, какъ тогда? Голосъ графа дрожалъ, лицо его искажилось страшною злобой. — Неужели это правда? И въ самомъ дѣлѣ, это онъ!

Послѣднія слова были произнесены дикимъ, грознымъ голосомъ. Эрихъ дѣйствительно стоялъ предъ графомъ Дагобертомъ Зеefeldомъ. Лицо его было блѣдно, руки сжаты, глаза сверкали жгучимъ, страшнымъ огнемъ.

— Это ты, негодяй! вскричалъ ему гусарь. — На этотъ разъ мы не на нейтральной почвѣ! На этотъ разъ вамъ не удастся такъ легко освободиться! Откуда вы? Кто даетъ вамъ право отлучиться отъ вашего гарнизона и отлучиться на такое большое разстояніе? Гдѣ вашъ отлускной видъ?

Эрихъ зналъ что при немъ не было никакихъ бумагъ. Онъ былъ совершенно уничтоженъ. Онъ зналъ что съ нимъ говорить уже не личный врагъ его, молодой графъ Зеefeldъ, но офицеръ и зналъ что право и сила были на его сторонѣ.

Это понималъ и почтмейстеръ, который присутствовалъ при этой сценѣ и теперь обратился къ молодому графу.

— Вы правы, ваше сіятельство, этотъ человекъ заслуживаетъ покаяна порицанія. Онъ ворвался ко мнѣ въ домъ и требовалъ чтобъ я непремѣнно отвелъ ему чистую комнату. А, между тѣмъ, я доказывалъ ему что мой домъ не постоянный дворъ и не гостиница.

— Я отказываюсь отъ своей просьбы, проговорилъ Эрихъ дрожащимъ, глухимъ голосомъ, доказывавшимъ какъ тяжело ему было овладѣть собою. — Я прошу господина ротмистра оказать мнѣ милость и позволить мнѣ остаться здѣсь еще эти два часа. Я не могу оставить мою спутницу одну; мы ждемъ прибытія дилижанса.

— Сейчасъ видно что совѣсть у него не чиста; онъ и говоритъ теперь не попрежнему, отвѣтилъ графъ Дагобертъ пожимая плечами. — Идите своею дорогою и благодарите Бога что я отнесся къ вамъ такъ великодушно. Знайте также что при малѣйшемъ сопротивленіи съ вашей стороны, я отошлю васъ въ вашу часть, уже при другой обстановкѣ.

— Здѣсь, въ деревнѣ, находится жандармъ, тихо проговорилъ почтмейстеръ.

— Пока онъ не нуженъ. Надѣюсь, господинъ почтмейстеръ, вы меня хорошо знаете и вполне одобрите мои дѣйствія. Я знаю эту молодую дѣвушку и увѣренъ въ томъ что этотъ мальчишка сванилъ ее сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула бѣдная Бланда. Ислугъ и усталость дѣйствовали на нее такъ сильно что она была близка къ обмороку. Она все еще силлась вырваться изъ рукъ молодаго графа чтобъ подойти къ Эриху.

Эрихъ былъ блѣденъ; онъ едва дышалъ. Онъ судорожно сжалъ свою правую руку и олуетилъ ее, почти безосознательно, въ карманъ своего мундира, гдѣ у него лежалъ небольшой пистолетъ.

— Что касается тебя, обратился графъ Зеефельдъ суровымъ и холоднымъ голосомъ къ Бландѣ, — то ты сама знаешь что я хорошо знакомъ съ тобою и тѣми высокопоставленными лицами которыя все время заботились о тебѣ и воспитывали тебя. Я увѣренъ что они не особенно порадуются, узнавъ что ты шатаешься по ночамъ съ молодыми солдатами!

Бланда взрогнула, закрыла лицо руками и тихо, судорожно зарыдала.

— Однако, пора кончить эту комедию! резко замѣтил графъ Зеefeldъ.—Я не имѣю права, ради людей принимавшихъ участіе въ вашей судьбѣ, оставить васъ здѣсь, среди улицы. Франсуа, Жозефъ, посадите молодую даму въ мой экипажъ! А вамъ,—обратился онъ, угрожая, къ молодому бомбардиру,—вамъ я совѣтую скорѣе вернуться въ свою батарею.

Эрихъ видѣлъ какъ Бланду, почти безчувственную, внесли въ карету. Онъ молчалъ, не сопротивлялся: онъ зналъ некаршимость правилъ субординаціи. Только лицо его было блѣдно какъ смерть и глаза, широко раскрытые, выражали страшную ненависть, невыносимое душевное страданіе...

Вдругъ раздался выстрѣлъ и графъ Зеefeldъ, подходящій уже къ экипажу, вздрогнулъ, пошатнулся и упалъ на руки одного изъ своихъ лакеевъ, восклицая:

— Проклятіе, я равель!

Въ ту же минуту Эрихъ почувствовалъ какъ его окружали почтальйоны и почтмейстеръ и какъ изъ его рукъ вырвали маленькій карманный листочекъ.

Произошло странное смѣтеніе. Всѣ были въ ужасѣ. Къ счастью, оказалось что графъ былъ только сильно контуженъ и что пуля, пробившись сквозь стѣнку экипажа, застряла въ небольшой чемоданъ.

— Слава Богу, я еще легко отделался! сказалъ графъ Зеefeldъ какимъ-то страннымъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ. Одинъ изъ камердиеровъ перевязывалъ ему раненую руку.—Не беспокойтесь, рана не опасна, обратился онъ къ испуганному почтмейстеру. Чортъ возьми, я чувствую невыносимую боль—впрочемъ, я могу свободно двигать рукою, слѣдовательно, кости не повреждены. Я все-таки поѣду. Что касается того молодца, то я требую чтобъ его отвели въ столицу.

Раздался дикій, проклятый крикъ. Графъ оглянулся и увидѣлъ что Бланда лежала безъ чувствъ въ экипажѣ. Онъ вздрогнулъ, крѣпко сжалъ свои тонкія губы и подошелъ къ экипажу. Взглянувъ на Бланду, онъ остановился, задумался и потомъ, гордо закинувъ голову назадъ, быстро взошелъ въ карету.

Раздался опять веселый почтовый рожокъ, лошади громко заржали и экипажъ поѣхалъ. Эрихъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, чувствуя что онъ уноситъ съ собою его счастье, его жизнь.

Онъ видѣлъ себя окруженнымъ почтальйонами, крестьянами;

онъ даже разглядывалъ стоявшаго посреди двора жандармскаго унтеръ-офицера, которому почтмейстеръ разказывалъ о локушеніи молодого бомбардира. Но Эрихъ видѣлъ все это въ какомъ-то туманѣ, будто во снѣ. Онъ старался утѣрить себя что это не онъ выстрѣлилъ въ графа Зеefeldъ. Онъ сознавалъ себя неспособнымъ на убійство, сознавалъ себя невиннымъ. И, въ то же время, онъ долженъ былъ сознаться что все что говоритъ почтмейстеръ была сущая правда, что графъ Дагобертъ былъ дѣйствительно раненъ.

Жандармскій унтеръ-офицеръ, допросивъ всѣхъ присутствующихъ, взялъ въ руки карманный пистолетъ Эриха и началъ его осматривать.

— Выстрѣлъ былъ изъ лѣваго ствола. Правый еще заряженъ, сказалъ онъ.

— Господи, благодарю Тебя! воскликнулъ вдругъ Эрихъ съ выраженіемъ такой глубокой радости что всѣ присутствующие оглянулись на него съ невольнымъ удивленіемъ. — Если одинъ стволъ еще заряженъ, то вѣдь это ясно что не я выстрѣлилъ въ графа Зеefeldъ!

Жандармскій унтеръ-офицеръ, услышавъ эти слова, пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Эхъ, молодой человекъ, я давно привыкъ къ подобнымъ оправданіямъ и уловкамъ! Но и лѣвый стволъ былъ также заряженъ и онъ выстрѣлилъ, это очевидно. Впрочемъ, все это еще объяснится. Все что вамъ остается—это покориться своей участи. Прошу васъ, не сопротивляйтесь: иначе, мнѣ придется отвести васъ въ столицу въ оковахъ. Я не хотѣлъ бы этого. Вы носите военный мундиръ, а когда-то и я служилъ въ войскѣ.

Эрихъ задрожалъ. Значитъ, онъ былъ дѣйствительно преступникомъ! Неужели они правы, неужели онъ выстрѣлилъ въ графа Зеefeldъ! Но, нѣтъ, нѣтъ! Это было невозможно! Правда, онъ сильно страдалъ, видя какъ Баанду влекли силою въ карету. Но нѣтъ, онъ не убійца, онъ не преступникъ! Онъ держалъ свою руку въ карманѣ; онъ даже держалъ свой маленькій пистолетъ, но онъ все-таки не выстрѣлилъ.

— Ну какъ же вы намѣрены поступать? спросилъ его жандармъ. — Намѣрены ли вы покориться своей участи?

— О, да, даю вамъ честное слово.

— Это благоразумно съ вашей стороны! Не забудьте что

а игнью право, въ случаѣ необходимости, покончить съ вами на мѣстѣ. Бѣгство вамъ не поможетъ.

Говоря это жандармъ бережно обернулъ карманный пистолеть Эриха въ свой носовой платокъ и спряталъ его въ сѣдельную сумку.

— Послушайте господина почтмейстера, продолжалъ онъ, — не дурно было бы еслибы вы описали все подробно на бумагѣ и заставили бы вашихъ елужащихъ, которые присутствовали при выстрѣлѣ, подписаться. Всего запомнить на словахъ нельзя. Бумага эта пригодится на долгую.

— Я исповую ваше желаніе, господинъ вахмистръ.

— Итакъ, до свиданья! Сегодня вечеромъ вѣроятно увидимся. Впередъ, молодой человекъ! Если мы пойдемъ скоро, то войдемъ въ столицу прежде нежели все просветится. Надѣюсь что вамъ это будетъ пріятно.

Но Эриху было все равно. Онъ владелъ въ какое-то безчувственное состояніе. Онъ не чувствовалъ ни усталости, ни страданія. Они прошли такимъ образомъ нѣсколько часовъ. Люди попадавшіеся имъ на встрѣчу останавливались и смотрѣли на Эриха съ удивленіемъ и участіемъ. Но Эрихъ ничего не замѣчалъ. Они подошли къ городу. Солнце ярко свѣтило на свѣтло-голубомъ небѣ и его мягкіе, согревающіе лучи пробудили Эриха. Онъ опомнился, поднялъ голову и увидѣвъ предъ собою укрѣпленія принца Максимилиана, закрылъ лицо руками и тихо зарыдалъ.

Къ счастью было еще рано и большая часть жителей столицы еще спала.

Жандармъ замѣтивъ массивное состояніе Эриха позволилъ ему идти по тротуарамъ, а самъ ѣхалъ верхомъ посреди улицъ. Едва они вступили во дворъ казармъ, гдѣ стояла четвертая конная батарея, какъ немедленно обратили на себя всеобщее вниманіе. Часовой завидѣвъ ихъ испугался, будто предъ нимъ стояли привидѣнія. Нѣсколько канонировъ черпавшихъ изъ колодца воду послѣдили какъ только могли въ своихъ туфляхъ на верхъ и передали товарищамъ о необыкновенномъ событіи.

Эрихъ въ сопровожденіи жандармскаго унтеръ-офицера отправился къ вахмистру Пинкелю. Толстякъ сидъ въ своемъ красномъ халатѣ пилъ кофе и завидя вошедшихъ едва не упалъ со стула. Жандармскій унтеръ-офицеръ передалъ ему обо всемъ случившемся. Вахмистръ Пинкель былъ глубоко

потрясенъ. Это было небывалое событіе. Все говорило противъ молодаго бомбардира и мысль объ этомъ преступленіи заставляла добраго вахмистра глубоко страдать. Онъ нѣсколько разъ хватался рукою за свои длинные усы и постоянно невторялъ: ужасно, ужасно! Рука его сильно дрожала когда онъ сталъ подписывать о приѣмѣ молодаго преступника.

— Но знаете ли вы, несчастный молодой человекъ, сказалъ глубоко потрясенный вахмистръ Пинкель, — знаете ли вы что васъ ждетъ впереди? Двадцать лѣтъ заключенія въ крѣпости въ кандалахъ!

Жандармскій унтеръ-офицеръ положилъ карманный листокъ Эриха на столъ и вышелъ изъ комнаты. Вахмистръ Пинкель принялся его осматривать и какъ-то недовѣрчиво слушалъ искренній и правдивый разказъ Эриха.

— Все это хорошо, простоялъ онъ, — но поймите, вамъ вѣдь никто не повѣритъ!

— Но вѣдь это ужасно, господи въ вахмистръ!

— Да, ужасно, возмутительно, безнадежно, ужасно!

— Неужели въ самомъ дѣлѣ могутъ подумать что это я выстрѣлилъ?

— Подумать? Но развѣ вы не сами сказали что только-что говорилъ жандармскій унтеръ-офицеръ? Вѣдь были свидѣтели! Я жалѣю васъ, Фрейбергъ, но я долженъ предупредить что вы должны быть готовы ко всему.

Вскорѣ по улицѣ казармъ распространилась вѣсть что Эрихъ прибылъ, сопровождаемый жандармомъ. Бомбардиръ Шварцъ узнавъ объ этомъ поблѣднѣлъ и не проговорилъ ни слова.

За то капитанъ фонъ-Мандерфельдъ, выслушавъ докладъ вахмистра Пинкеля, началъ потирать себѣ руки и сказалъ:

— Право, я никакъ не предполагалъ чтобы „последняго бомбардира“ ждалъ такой блестящій и быстрый конецъ!

XI. Въ дорогѣ.

Экипажъ въ которомъ сидѣли графъ Зеefeldъ и Ванда быстро подвигалась впередъ. Станціи пролетали за станціями. Вездѣ лошади были уже наготовѣ и почтальйоны съ невѣ-

роятною скоростью выпрягали усталыхъ лошадей и запрагали новыхъ. Они съ ужасомъ внимали разказу лакея о томъ какъ какой-то бомбардиръ выстрѣилъ въ графа. Графъ сидѣлъ въ своемъ экипажѣ блѣдный, мрачный и не говорилъ ни слова. Бланда, въ другомъ углу, была почти безъ чувствъ. Только изрѣдка вырывался изъ ея груди тихій, глубокий стонъ и рыданіе.

Начинало свѣтать. Графъ Дагобертъ, взглянувъ на молодую дѣвушку, замѣтилъ что она очень блѣдна и поминутно вздрагиваетъ. Ему вдругъ стало жаль ее. Чувство злобы и ожесточенія исчезло и замѣнилось участіемъ и состраданіемъ. Онъ нагнулся къ ней и сказалъ тихо, хотя и сурово:

— Вы могли теперь убѣдиться что я не намѣренъ сдѣлать вамъ никакого зла. Да и рука причиняетъ мнѣ сильныя страданія... Было бы умнѣе съ вашей стороны еслибы вы заговорили со мною. Скажите, какъ могли вы рѣшиться бѣжать съ этимъ молодымъ человѣкомъ?

Бланда вздрогнула и поблѣднѣла.

— Вамъ холодно?

— Да, отвѣтила она тихо.

Графъ быстро обернулся и дернулъ звонокъ. Экипажъ остановился. Дверцы открылись и показался камердинеръ графа.

— Подайте сюда мою шубу и мѣхъ для ногъ. Закутайте барышню. Я самъ не могу.

— Благодарю васъ, мнѣ не нужно, со мною пледъ!

— Но я этого хочу, Франсуа, скорѣй!

Черезъ минуту открылись другія дверцы и камердинеръ вернулся съ необходимыми вещами. Онъ принялся осторожно и старательно закутывать Бланду. Но вдругъ онъ поднялъ голову и устремилъ на своего господина вопросительнымъ взглядомъ.

— Что такое, Франсуа?

— Барышня, вѣроятно, промочила себѣ ноги; я не знаю...

— Ахъ, прошу васъ, графъ, оставьте меня такъ, я боюсь, умоляла Бланда,

— Я васъ также прошу слушаться, сказалъ рѣшительно графъ.—Вы и то сильно дрожите и можете простудиться. А я не хочу этого, не хочу.

Онъ проговорилъ это опять рѣзко, сурово. Бланда вздрог-

нула и взглянула на него боязливо. Что ей было дѣлать? Она чувствовала что должна была повиноваться.

— Закрой дверцы, Франсуа, и обожди пока барышня смететъ мокрые чулки и сапожки.

Онъ открылъ окно своего экипажа и выглянулъ впередъ.

— Вы готовы?

— Да.

— Вы послушны, это хорошо и умно. Франсуа, подай мѣхъ, вотъ такъ. А теперь, покрой барышню шубой, ну, можно ѣхать! Передай почтальйону чтобъ онъ ѣхалъ скорѣе.

Лошади понеслись съ необыкновенною скоростью, казалось, все привыкло повиноваться молодому графу. Онъ взглянулъ на Бланду. Она спала. Видно было что она согрѣлась: на лицѣ ея играла легкая, вѣжная краска.

Графъ Дагобертъ прижался глубже къ спинкѣ своего экипажа. Его сильно интересовала молодая дѣвушка. Никогда еще не казалась она ему такой прекрасною, такой изящною. Все въ ней было благородно, граціозно, художественно. Онъ долженъ былъ признаться что никогда еще не встрѣчалъ такой красоты.

Въ немъ заговорило горькое, непріятное чувство. Онъ закрылъ глаза руками и задумался.

— Я во всемъ самъ виноватъ... Я былъ слишкомъ грубъ... Я измѣнюсь, посмотримъ что будетъ тогда.

Они подѣхали къ какой-то станціи и остановились. Франсуа подошелъ къ дверцамъ экипажа, желая узнать приказанія графа. Послѣдній, прижавъ указательный палецъ къ губамъ, взглянулъ на него строго. Поѣхали дальше. Прошло нѣсколько часовъ. Экипажъ въѣхалъ въ небольшой городокъ. Мостовая была плоха и дребезжала подъ колесами экипажа. Бланда открыла глаза и оглянулась вокругъ себя изумленно, испуганно.

— Вы проспали нѣсколько часовъ, сказалъ спокойно и ласково молодой гусарь.—Надѣюсь, вы чувствуете себя лучше теперь?

— О, да, но... Она привстала и опять оглянулась испуганно вокругъ себя.

— Успокойтесь. Вы, кажется, могли убѣдиться что я не разбойникъ и не злодѣй. Посудите сами: не могъ же я, послѣ всего случившагося, оставить васъ ночью посреди большой дороги?

— Господи, да, случилось что-то ужасное!. Ахъ, мы теперь такъ несчастны, такъ несчастны!

— Не говорите „мы“, отвѣтилъ недовольнымъ голосомъ графъ Дагобертъ.—Что посвѣшь, то и ложнешь.

Блава, выслушавъ эти слова, взглянула на него печально и укоризненно. Онъ не вынесъ этого взгляда и быстро поворотилъ голову въ сторону.

— Прошу васъ, оставьте пока всѣ эти воспоминаванія. Они неприятны мнѣ... Пожалуй, потому... Вы видите, я отхожусь къ вамъ съ полнымъ уваженіемъ. Къ стыду своему, я долженъ признаться что я прежде не былъ такимъ. Вообразите себѣ что мы двѣ враждебныя партіи заключившія перемиріе. Кто знаетъ, можетъ-быть послѣдствіемъ этого перемирія будетъ твердая и постоянная дружба.

Она молчала. Глаза ея глядѣли напряженно, мрачно.

— Прошу васъ, имѣйте въ виду что насъ видитъ моя прислуга. Зачѣмъ имъ звать что мы во враждебныхъ отношеніяхъ?

— Будьте увѣрены, отвѣтила она тихо,—что я благодарна вамъ за ваше участіе, но не будетъ ли лучше если я останусь въ этомъ городкѣ? Ахъ, умоляю васъ, выпустите меня!

— Нѣтъ! отвѣтилъ онъ коротко, рѣзко.—Къ чему? Ужь не хотите ли вы вернуться, для того... Но, къ чему объ этомъ говорить! Отвѣтите мнѣ лучше честно и откровенно на одну вопросъ: развѣ мы не ѣдемъ теперь той самою дорогой которой вы хотѣли ѣхать въ дилижансѣ? Я подозреваю что да, я подозреваю даже что мы ѣдемъ оба въ одно и то же мѣсто.

— Да, но потомъ все-таки разойдемся.

— Можетъ-быть, отвѣтилъ онъ съ кроткою улыбкой.—Вы поступили бы хорошо, еслибы немного довѣрились мнѣ. О, я понимаю вашъ взглядъ! Но, прошу васъ не забывайте что мы двѣ враждебныя партіи заключившія на время перемиріе! Прошу васъ, не забывайте этого.

— Я сдѣлаю что могу. Она тяжело вздохнула.

Экипажъ остановился. Франсуа показавъ у двери и объявилъ что завтракъ готовъ.

— Я не выйду. Передай также почтальйону что я не желаю чтобы много говорили о происшествіи въ Нордгеймѣ. Ты понялъ меня?

— Точно такъ, ваше сіятельство. Я уже устроилъ это прежде.

— Благодарю.

— Не прикажите ли, ваше сіятельство, подать завтракъ въ экипажъ?

— Да. Для меня немного, подайте также и барышнямъ что она прикажетъ...

— Благодарю васъ, графъ, я сыта.

— Подайте барышнямъ чаю. Скорѣй, Франсуа!

Все было подано. Бланда выпила съ удовольствіемъ чашку чая и съѣла нѣсколько сухарей. Она взглянула украдкой на графа. То не была боязнь, но она видѣла съ какимъ трудомъ онъ держалъ чашку въ раненой рукѣ. Она помогла ему. Онъ поблагодарилъ ее серьезно, почтительно.

Экипажъ поѣхалъ дальше. Графъ облокотился на спинку экипажа и погрузился въ глубокій сонъ. По крайней мѣрѣ Бланда такъ думала. Она сбросила съ себя теплую шубу графа, сняла шляпу и принялась поправлять свои прекрасные свѣтлые вьющіеся волосы. Изрѣдка она поглядывала на своего сосѣда, желая убѣдиться въ томъ что онъ спитъ.

Но онъ не спалъ. Онъ слѣдилъ за нею, видѣлъ ея малѣйшее движеніе. Онъ любовался ею. Имъ овладѣло какое-то теплое, отрадное чувство. Онъ боялся пошевелинуться, страшно боялся утратить ея спокойствіе и довѣріе. Онъ самъ не понималъ куда дѣлось его легкомысліе. Эта изящная, прелестная дѣвушка стала ему вдругъ дорога, свята. Онъ подумалъ какое было бы блаженство еслибъ она стала его женой.

Но потомъ вспомнивъ что въ дѣйствительности все было иначе, онъ тяжело вздохнулъ и открылъ глаза. Экипажъ подѣвжалъ къ высокимъ холмамъ покрытымъ густымъ лѣсомъ.

— Я хорошо знаю эту мѣстность, сказалъ графъ Дагобертъ. — Вотъ тамъ, гдѣ виднѣются лѣса, тамъ начинаются владѣнія замка Вальдбургъ. Намъ осталось еще двѣ стациі. Мы ѣхали хорошо. Черезъ два часа мы пріѣдемъ на мѣсто; не дурно было бы, фрейлейнъ Бланда, еслибы вы разказали мнѣ свой планъ.

Она давно ждала этого вопроса. Она рѣшила сказать ему всю правду. Можетъ-быть само Провидѣніе послало его ей на встрѣчу. Она знала что отъ него зависѣла судьба Эриха. Къ тому же, Бланда видѣла какъ онъ былъ телеръ ласковъ

и почитателей съ нею и это примирило ее съ молодымъ графомъ.

Она разказала ему въ нѣсколькихъ словахъ исторію своего дѣтства и своего пребыванія въ пансіонѣ. Видно было что онъ многое зналъ. Онъ нѣсколько разъ прерывалъ ее словами: „Да, да, я слышалъ объ этомъ!“ Чѣмъ дальше она разказывала тѣмъ съ бѣльшимъ вниманіемъ слушалъ онъ ее. Наконецъ, когда она окончила, онъ невольно воскликнулъ:

— Зачѣмъ я не зналъ этого прежде! Впрочемъ все еще поправимо. Бланда, хотите ли вы довѣриться мнѣ?

Она устремивъ на него взглядъ полный удивленія и сомнѣнія.

— Попробуйте, прошу васъ, продолжалъ онъ горячимъ умоляющимъ голосомъ, — забудьте что было. Пусть переміе перейдетъ въ искреннюю вѣчную дружбу.

Она задрожала, закрыла лицо руками и тихо зарыдала.

— А онъ? Что будетъ съ нимъ? Вѣдь онъ ради меня такъ страдает!

— Прошу васъ не говорите теперь объ немъ... Потому объ немъ. Онъ и то счастливъ тѣмъ что вы высказываете къ нему столько участія... Я прошу у васъ мира. Согласитесь что я относился сегодня къ вамъ какъ братъ къ сестрѣ. Прошу у васъ мира, протяните мнѣ въ знакъ согласія свою ручку.

— Я исполню вашу просьбу, я вамъ буду очень благодарна, но только подъ однимъ условіемъ!

Она громко рыдала.

— Прошу васъ, оставимте это на сегодня... Вѣдь я не безчеловѣченъ, я сдѣлаю все что могу. Все, все, только взгляните на меня, Бланда, протяните мнѣ свою руку!.. Бланда, миръ?

— Да, миръ, но миръ съ извѣстнымъ условіемъ!

Она протянула ему свою тонкую изящную руку. Онъ нагнулся и горячо поцѣловалъ ее.

— А теперь обсудимте хорошенько ваше положеніе. Я знаю что моя тетюшка, графиня Зеefeldъ, очень недовольна вами. Я постараюсь оправдать васъ въ ея глазахъ. Но я долженъ быть очень остороженъ, иначе я могу испортить все... Дѣло въ томъ, — продолжалъ онъ съ улыбкой, — что мы съ графиней не всегда въ хорошихъ отношеніяхъ. Но увѣ-

раю васъ, это не моя вина! По смерти моего дяди, стараго графа Зеefeldъ, всѣ его громадыя имѣнія переходятъ ко мнѣ, какъ къ его единственному законному наслѣднику. Нашлись злые языки объяснившіе графинѣ что не будь меня, все досталось бы ей. Ей говорятъ что я ея злѣйшій врагъ. Я знаю откуда все это идетъ, но до поры до времени молчу пока... Лицо его исказилось вдругъ злобой и ненавистью. Да, мнѣ предстоитъ даже обратиться къ этому негодяю для вашей пользы, Бланда.

— Ахъ, графъ, прошу васъ только не обращайтесь къ нему ради меня! Мое дѣло такъ ясно и такъ просто. Я только кочу увѣрить графиню Зеefeldъ что она не оказывала свои благодѣянія недостойной дѣвушкѣ. Потому я хотѣла спросить ее о моей бѣдной матери. Вотъ все что я желаю. Право, все. Клянусь вамъ что я потомъ скроюсь отъ васъ всѣхъ, скроюсь навсегда!

— Вы хотите скрыться навсегда? спросилъ онъ съ улыбкой. Онъ глядѣлъ на нее съ любовью. Бланда этого не забывала. — Будущность рѣшить какъ вамъ быть... Я также подумаю хорошенько. Вы хотѣли поѣхать въ Кёнигсброннѣ? Городокъ этотъ лежитъ въ часовомъ разстояніи отъ замка Зальдбургъ. Мы сейчасъ будемъ тамъ. Онъ тамъ, за этими холмами... Вы останетесь въ Кёнигсброннѣ до тѣхъ поръ пока я не устрою всѣ необходимыя дѣла и не пришлю вамъ извѣстіе.

Бланда не противорѣчила графу. Она условилась съ Эрикомъ остановиться въ Кёнигсброннѣ и тамъ ждать стараго бурбуса. Бланда надѣялась что онъ приметъ въ ней участіе скажетъ ей что дѣлать.

— Бланда, прошу васъ не поминайте меня дикомъ; забудьте все старое. Мы скоро будемъ въ Кёнигсброннѣ. Я знаю, вѣтъ туалетъ въ нѣкоторомъ безпорядкѣ. Поправьте его, а тѣмъ временемъ хорошенько осмотрю мѣстность по которой мы ѣдемъ.

Онъ открылъ окно и высунулся изъ экипажа. Бланда вышла послѣшно свой сакъ-вожъ и скрывшись подъ широкою убой графа Дагоберта, обула свои ноги.

Графъ подозвалъ между тѣмъ своего камердинера.

— Послушай, Франсуа, скажи почтальйону чтобъ онъ, ѣзжая въ городъ, не трубилъ въ рожокъ. Я не желаю

никакого шума. Пусть онъ останется у почтового дома Барышня тамъ выйдетъ.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Могу ли закрыть окно? спросилъ онъ Бланду, сѣлся и на половину обернувшись къ ней.

— Да, графъ. Благодарю васъ отъ всего сердца.

— Ужь не благодарите ли вы также вашего ангела-хранителя за то что наше путешествіе приближается къ концу?

Лицо его приняло серьезное, почти грустное выраженіе.

— Къ чему? Вы были такъ добры и такъ ласковы со мною!

— Итакъ все забыто, миръ?

— Да, графъ, и я никогда не забуду васъ, если вы вспомните что миръ этотъ заключенъ при нѣкоторыхъ условіяхъ.

— Ахъ, Бланда, къ чему эти условія! Къ чему вы отравляете мнѣ послѣднюю счастливую минуту! Хорошо, я сдѣлаю что буду въ силахъ, что могу. Протяните мнѣ на прощанье вашу маленькую ручку...

Въ это же самое мгновеніе экипажъ остановился предъ небольшою гостиницей. На подъѣздѣ стоялъ хозяинъ и, завидѣвъ его сіятельство, снялъ фуражку и почтительно ему поклонился.

— Свободны ли у васъ самыя лучшія комнаты?

— Онѣ свободны пока, ваше сіятельство, но заказаны на сегодняшній вечеръ.

— Прошу васъ отдать эти комнаты этой дамѣ. А тому кому онѣ обѣщаны, отдайте верхнія комнаты.

— Я сдѣлаю что могу, но...

— Прошу васъ безъ всякихъ „но“... Я приѣду еще сегодня сюда, чтобъ убѣдиться хорошо ли фрейлейнъ здѣсь. Я надѣюсь—продолжалъ онъ, тихо обращаясь къ Бландѣ,—что вы не откажете мнѣ въ приѣмѣ.

Бланда искренно поблагодарила графа и отвѣтила что рада будетъ его видѣть. Затѣмъ она отправилась въ назначенную для нея комнату. Она подошла къ окну и смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся экипажу. Странное чувство овладѣло ею. Она вспомнила сцену въ Нордгеймѣ. Былъ ли это тяжелый союз или страшная, дѣйствительная правда? Она оглянулась: на столѣ лежалъ ея плащъ и сакъ-воляжъ... Нѣтъ, это была правда, страшная правда! Она потеряла Эриха, потеряла его можетъ-быть навсегда!...

Бланда бросилась на диванъ и отдалась самымъ грустнымъ

и мрачнымъ мыслямъ. Она упрекала себя за то что позволила Эриху проводить ее; упрекала себя, что не сумѣла защитить его, что не упросила графа Зеefeldа.

Что было дѣлать? какимъ образомъ спасти его? Она не думала о себѣ. Какъ помочь ему? Надѣяться на помощь графа Зеefeldа трудно. Но можетъ-быть оня, старый Бурбусъ, другъ Эриха, можетъ его спасти! Эта мысль ободрила, согрѣла ее. Да, она должна скорѣи увидѣть его и разказать ему все что случилось съ Эрихомъ. Она отворила дверь, чтобы позвать кого-нибудь изъ прислуги. Она хотѣла узнать гдѣ докторъ Бурбусъ и когда его можно видѣть.

Вдругъ Бланда слышала два громкіе мужскіе голоса. Кто-то поднимался по лѣстницѣ на верхъ.

— Многоуважаемый господинъ почтмейстеръ и хозяинъ, сказалъ одинъ голосъ, глубокій и звучный,—все это прекрасно. Но у всякаго человѣка должно быть гражданское мужество. Вы должны были отвѣтить его сіятельству графу Дагоберту Зеefeldу что комнаты были заказаны мною, докторомъ Бурбусомъ...

— Боже мой, докторъ Бурбусъ! прошептала Бланда.

— Я не такой человѣкъ который легко уступить то что ему принадлежитъ. Какое мнѣ дѣло до того что эти комнаты пожелалъ графъ для какой-то дамы! Не могу же я уступить всѣмъ дамамъ которыхъ графъ развозитъ въ своемъ экипажѣ!..

Бланда задрожала. Она почувствовала неизъяснимую боль и горечь въ сердцѣ.

Хозяинъ что-то тихо пробормоталъ, на что другой голосъ отвѣтилъ:

— Перестаньте, любезнѣйшій хозяинъ! А еще имѣете на вашей вывѣскѣ медвѣдя! Медвѣдь храбръ и мужественъ, лучше прикажите нарисовать овечку. Какое мнѣ дѣло до графа Зеefeldа! Я первый заказалъ комнаты, я и хозяинъ. Прошу васъ, переведите молодую особу въ верхнія комнаты. Я также жду одну молодую особу. Она пріѣдетъ въ дилижансѣ и я желаю оказать ей должное уваженіе.

Хозяинъ гостиницы пожалъ плечами и въ нерѣшимости остановился предъ дверью той комнаты гдѣ была Бланда. Оня тихо постучался.

Бланда все это видѣла. Она широко открыла дверь и просила мушьянъ войти. Но хозяинъ былъ слишкомъ хитеръ и

слишкомъ трусливъ: онъ впустилъ доктора Бурбуса въ комнату, затворилъ за нимъ дверь и самъ пошелъ внизъ. Тогда Бланда увидала предъ собою высокаго старика, съ свѣтлыми густыми волосами и умными, пронзательными глазами. На губахъ его скользила хитрая, полная значенія улыбка.

— Вы кажется господинъ докторъ Бурбусъ? спросила молодая дѣвушка, предлагая ему сѣсть. Онъ хотѣлъ уже сѣсть на диванъ, рядомъ съ нею, и какъ-то странно сострилъ губы, будто хотѣлъ засвистѣть. Но потомъ одумался и послѣшно сѣлъ на близъ стоявшій стулъ. Бланда усѣлась на диванъ.

— Я совершенно случайно подслушала что вы требуете, господинъ Бурбусъ, чтобы хозяинъ гостиницы отвелъ мнѣ другую комнату.

— Вы правы.

— Я сейчасъ исполню ваше желаніе.

— И прекрасно. Я занялъ эти комнаты для одной молодой особы которая должна черезъ четверть часа пріѣхать сюда.

Бланда слегка улыбнулась. Докторъ это замѣтилъ и живымъ, недовольнымъ движеніемъ схватился за свои сѣдые, густые волосы.

— Вы не много теряете, сказалъ онъ спокойно, — верхнія комнаты также хороши. Я настаиваю только потому что это мое право.

— Прошу васъ, не стѣсняйтесь. Она встала съ своего мѣста и взяла сакъ-вожатъ.—Прошу васъ отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: существуетъ ли въ этой мѣстности другой докторъ Бурбусъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло принимаетъ другой оборотъ, отвѣтила Бланда и, къ великому удивленію доктора, сѣла на свое прежнее мѣсто.

— Если вы дѣйствительно докторъ Бурбусъ, продолжала она взволнованнымъ голосомъ, — если вы дѣйствительно тотъ человекъ который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выказалъ столько участія и дружбы Эриху Фрейбергу, то я имѣю нѣкоторыя причины остаться здѣсь...

Старикъ былъ въ высшей степени удивленъ, пораженъ. Но видно было что это не произвело на него хорошаго впе-

атлѣнія. Онъ сердито сдвинулъ свои густые брови и громко произнесъ:

— Это чортъ знаетъ что такое! Ахъ, сударыня, этого я не заслужилъ отъ Эриха!

— Довольно. Я уйду.

Докторъ вскочилъ съ своего стула, и сложивъ за спину руки, принялся послѣдними шагами ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, это ужасно, бормоталъ онъ,—этого я не ожидалъ, какъ онъ обманулъ, какъ я обманулъ!

— Господи, и я какъ обманулась! сказала печально Бланда.

Докторъ внезапно остановился.

— Вы обманулись? Но развѣ не вы, часть тому назадъ, пріѣхали сюда съ графомъ Дагобертомъ Зеefeldомъ, пробывъ въ немъ всю ночь?

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, но я уйду. Она судорожно сжала свои поблѣднѣвшія губы. На глазахъ ея завернулись слезы.

Докторъ оглянулъ ее быстрымъ, провидательнымъ взглядомъ. Онъ былъ добрый человекъ и, какъ врачъ, умѣлъ проникать въ сердца людей. Взглянувъ теперь на молодую дѣвушку, онъ пришелъ къ тому убѣжденію что она заслуживаетъ втораго вниманія и проверки. Она стояла предъ нимъ такой безпомощною, печальною. Въ ней было что-то благородное, изящное, трогательное, что глубоко подѣйствовало на стараго Бурбуса. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ уже мягкимъ голосомъ:

— Я врачъ, сударыня. Тотъ кто проситъ отъ меня помощи, долженъ, прежде всего, честно и правдиво довѣриться мнѣ. Тогда я прописываю ему лѣкарство или прямо отвѣчаю: другъ, помочь тебѣ нельзя.

— Вы выслушаете меня?

— Да, и дамъ вамъ или утвердительный или отрицательный отвѣтъ.

— Но я не могу разказать вамъ все въ десять минутъ.

— Чортъ возьми, да я этого и не требую! Начинайте.

Бланда разказала ему все что помнила о своемъ дѣтствѣ, разказала свою первую встрѣчу съ Эрихомъ на маневрахъ и въ замкѣ Вальдбургѣ. Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и, наконецъ, вставъ съ своего стула, сѣлъ около нея на диванъ.

Бланда продолжала разказывать. Она вспомнила свою

жизнь въ пансіонѣ, посѣщеніе Кольмы, свиданіе съ Эрихомъ, дерзкое обращеніе графа Зеefeldъ и свое бѣгство изъ охотничьяго замка. Интересъ доктора все увеличивался. Когда она разказывала о несчастіи Эриха, о своей почной побѣдѣ, онъ все время не сводилъ съ нея своихъ умныхъ, провидательныхъ глазъ.

— Бѣдный Эрихъ, вскричалъ онъ, вскакивая съ своего мѣста,—графъ Зеefeldъ, очевидно, желаетъ его погубить! Это ужасно! Бѣдный Эрихъ!

— Это все; я кончила, проговорила печально Блада.

— Чортъ возьми, этого достаточно! отвѣтилъ докторъ, бѣгая по комнатѣ взадъ и впередъ.—Вѣдь это цѣлый романъ! И все это происходитъ въ наше время, въ нашъ просвѣщенный, гордый вѣкъ! Разказъ вашъ взволновалъ, возмутилъ меня, бѣдное дитя!

Онъ протянулъ ей обѣ руки и, обнявъ ее горячо, поцѣловалъ въ лобъ.

— Клянусь помочь вамъ, дитя мое. Чтò теперь дѣлать?

— Ахъ, дорогой докторъ, отвѣтила умоляющимъ голосомъ Блада,—помогите Эриху. Какъ ему помочь?

— Это потому, это на второмъ планѣ. Теперь рѣчь объ васъ. Ахъ, кстати! вы говорили о какомъ-то запечатанномъ конвертѣ, гдѣ онъ? неужели вы не взяли его съ собою?

— Нѣтъ, я взяла; вотъ онъ.

Она открыла свой сакъ-вождъ и вынула изъ него запечатанный конвертъ. Старикъ, взявъ его въ руки, задумался.

— Можетъ-быть, здѣсь нѣтъ ничего такого чтò бы относилось къ вамъ... можетъ-быть... Во всякомъ случаѣ, бумаги эти важны для третьяго лица. Онъ говорилъ мнѣ когда-то о какомъ-то потерянномъ запечатанномъ конвертѣ. На всякій случай, посмотримъ, чтò здѣсь такое...

— Вы хотите...

— Открыть конвертъ? Да. Я почти увѣренъ что это было также желаніе бѣднаго Эриха. Кто знаетъ, не заключаются ли въ этомъ конвертѣ свѣдѣнія которыя могли бы быть важны для Эриха.

— Да, если это такъ.

— Я почти увѣренъ въ этомъ, отвѣтилъ онъ съ напускною важностью.—Прошу васъ, сударыня, занять мѣсто на этомъ диванѣ и не смотрѣть сюда. Тогда вы будете вполнѣ

невинны и непричастны въ этомъ нарушеніи правъ чужей собственности.

Бланда исполнила его желаніе. Старикъ сѣлъ у окна и вскрылъ конвертъ. Въ немъ заключалось множество тонкихъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, бумагъ. Старикъ приваялся читать. Сначала онъ читалъ письма, бывшія, вѣроятно, почти одного содержанія. Онъ отложилъ ихъ въ сторону и вынулъ изъ конверта три тетрадки. Это были дневники. Затѣмъ опять слѣдовали письма.

Старикъ былъ глубоко взволнованъ. Лицо его поблѣднѣло. Онъ нѣсколько разъ поднимался съ своего мѣста и проводилъ дрожащею рукою по своимъ густымъ, сѣдымъ волосамъ. Онъ взглянулъ на Бланду. Она сидѣла печальная, склонивъ голову на руки.

— Вы, кажется, говорили мнѣ, сударыня, что васъ называли въ пансіонѣ миссъ Прайсъ?

— Да, докторъ.

— А-а-а. Это было, вѣроятно, имя вашего отца?

— Навѣрное не знаю; впрочемъ, это возможно..

— Да, возможно, очень возможно, отвѣтилъ онъ, продолжая читать.—Очень возможно, вѣроятно, навѣрно; что жь, это прекрасное имя!

Бланда ничего не отвѣчала. Но Бурбусъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе рукою, будто прося ее не мѣшать ему. Онъ прочиталъ послѣднія письма и вынулъ изъ пакета небольшой предметъ тщательно завернутый въ бумагу. Но едва онъ взглянулъ на него, какъ радостно вскрикнулъ и вскочилъ съ своего мѣста.

Бланда не знала что и думать. Старикъ, подойдя къ ней, то смотрѣлъ на небольшую вещь которую держалъ въ рукѣ, то опять устремлялъ на молодую дѣвушку радостные, удивленные взгляды. Затѣмъ, спрятавъ опять все въ конвертъ, онъ вложилъ послѣдній въ свой карманъ.

Онъ прижалъ правую руку ко лбу и громко повторялъ:

— Долженъ ли я или не долженъ? Нѣтъ, я не долженъ, по дождю. О, Всемилосердый Богъ, кто могъ бы это подумать!.. Господь великъ и справедливъ! Все хорошо, сударыня, все хорошо и все въ надежныхъ рукахъ! Но не смотрите не минутки вопросительно! я не могу теперь сказать все, не могу. Все хорошо, вѣрите мнѣ, все прекрасно!

— А Эрихъ?

Слова эти были произнесены глубоко-любящимъ, печальнымъ голосомъ. Докторъ вздрогнулъ и оставовисся.

— Объ немъ я и забыть...

— Вы говорите о какомъ-то счастьѣ выпадающемъ на мою долю... развѣ онъ не приметъ въ немъ участія?

— Наврядъ ли, лгать я не могу. Но, вѣрьте мнѣ, я позабочусь объ немъ, какъ о родномъ сынѣ. Не спрашивайте меня. Я не могу говорить. А теперь соберите свои пожитки и поѣдьте.

— Но куда?

— Въ замокъ Вальдбургъ. Не бойтесь, графъ Дальбертъ тамъ станетъ на второмъ или даже на третьемъ планѣ! Я отвезу васъ къ графинѣ, а можетъ-быть и къ старому графу Христиану. Поѣдьте, сударыня, мой экипажъ внизу.

XII. На новосельи.

Старый мельникъ, предложивъ Бландѣ руку, усадилъ ее въ свою колясочку. Онъ самъ правилъ лошадьми. Они въѣхали на большую дорогу и миновавъ Кенигсбровнскую мельницу, направились къ замку Вальдбургу. Бланда узнала мѣстность. Она узнала громадное поле на которомъ былъ раскинутъ когда-то бивуакъ, узнала дорогу по которой въѣхала съ Кольмой и Эрихомъ. Она вспомнила все.

— Вы не забыли Вальдбурга? спросилъ ее старый Бурбусъ.

— Нѣтъ. Но мнѣ кажется, будь теперь ночь, я бы еще лучше узнала Вальдбургъ. Я такъ хорошо помню ту ночь... Тамъ посреди большого двора стоитъ небольшая церковь, окруженная съ обѣихъ сторонъ длинными зданіями...

— Да, это правда. Зданія эти назначены для прислуги, для припасовъ; многія изъ нихъ пусты.

— Въ одномъ изъ этихъ зданій—оно было круглое—мы провели ночь. Я была тогда въ страшной тревогѣ, я не спала всю ночь... Я дождалась не могла когда освободить Эриха. Кольма была въ это время въ саду и разговаривала съ графомъ Дагобертомъ Зеefeldомъ. Я помню этотъ садъ: въ немъ были такія высокія деревья, а подъ ними стояли бѣлыя мраморныя статуи.

— Да, да, все это такъ. Худо пришлось бы тогда бѣдному

риху еслибы вы не спасли его. Если не ошибаюсь, васъ вели потомъ въ большую залу замка?

— Да. Я помню, въ ней горѣли тысячи огней и играла душительная военная музыка. Было много офицеровъ. Они гѣялись и громко разговаривали между собой. Впрочемъ, все это скоро изгладилось изъ моей памяти. Но я помню одну картину, одну встрѣчу — я никогда не могла ея забыть.

— Что же это такое, фрейлейль Бланда?

— Кольма и другія Цыганки танцовали. Кольма была удивительно хороша въ тотъ вечеръ, удивительно ловка граціозна. Всѣ были въ восторгѣ. Мы были въ большомъ углу портикѣ. Я замѣтила высокую, полуоткрытую дверь и тихо проскользнула въ нее. Я очутилась въ прекрасной, роскошной залѣ. Здѣсь все сверкало огнями, золотомъ, картинами. Посреди залы стоялъ столъ, роскошно сервированный къ чаю. Сначала я испугалась и остановилась у дверей. Но потомъ я смѣло подошла къ камину. Недалеко отъ камина стояли ширмы. Я остановилась предъ каминомъ начала грѣться. Мнѣ было такъ тепло, такъ хорошо. Я вспомнила мою бѣдную мать, которая лежала больная въ углой комнатѣ... Вспомнила нашу комнату въ Лондонѣ, шъ каминъ. Вспомнила, какъ моя мать любила грѣться, идя противъ него, какъ она напѣвала свою любимую лѣсню...

— Какая же это была лѣсня?

— Это была старая французская лѣсня: „Malborough s'en est-en guerre.“

— А!.. Я такъ и думала.

— Я вспомнила эту мелодію и невольно запѣла ее. Вдругъ вздрогнула. Кто-то тихимъ, дрожащимъ голосомъ повторилъ за мною прилѣвъ: „Mironton, mironton, mirontaine.“ Я ернула и увидѣла въ углубленіи ширмъ, на креслѣ, старика. Онъ глядѣлъ на меня съ какимъ-то удивленіемъ и тихо повторялъ: „Mironton, mironton, mirontaine“. Я тихо вышла изъ залы и была рада что старикъ не позвалъ и не тановилъ меня.

Бланда замолчала. Докторъ ничего не отвѣтилъ ей. Онъ только ударилъ слегка лошадей и тихо зашѣлъ: „Malborough...“

— Это что такое? спросила Бланда, указывая рукой на высокій, тонкій водяной столбъ, высоко поднимавшійся надъ рощами деревъ.

— Это большой фонтанъ въ саду замка Вальдбурга.

А вотъ тамъ, за этими вѣковыми дубами, и самый замокъ. Мы сейчасъ прїѣдемъ. Прошу васъ, фрейлейнъ Бланда, возьмите вожжи, а прилodicу верхъ коляски. Это необходимо.

Молодая дѣвушка немедленно исполнила просьбу старика Старый Бурбусъ, взглянувъ на нее съ довольною улыбкой, сказалъ:

— Вы прекрасно правите лошадьми. Учились вы верховой ѣздѣ?

— Конечно.

— Гм, прекрасно. Я вижу, воспитаніе ваше вполнѣ окончено. Прошу васъ, сядьте поглубже. Вотъ мы и прїѣхали.

Коляска остановилась. Докторъ бросилъ вожжи подошедшему лакею, предложилъ руку молодой дѣвухѣ и повелъ ее по широкой, покрытой коврами, витой лѣстницѣ. Они прошли большую залу, украшенную оленьими рогами, всевозможными ружьями и другими принадлежностями охоты, и вошли въ небольшую, изящную комнату. Здѣсь старикъ усадилъ Бланду на диванъ и попросилъ ее подождать пока оня вернется къ ней.

Бланда осталась одна. Она ждала долго. Вокругъ нея царила глубокая, странная тишина. Она подошла къ высокому готическому окну. Предъ нею былъ раскинутъ роскошный, прекрасный садъ, полный самыхъ дорогихъ южныхъ растений. Вездѣ были разбросаны гроты, статуи, фонтаны.

Наконецъ дверь опять отворилась, и вернулся старый мельникъ.

— Я заставилъ васъ долго ждать. Но что же дѣлать? работы было много. Пойдемте, фрейлейнъ Бланда, графиня Зеefeldъ ждетъ васъ съ кетерлѣніемъ.

Бланда почувствовала какъ сердце въ ней забилося сильно, тревожно. Они прошли цѣлый рядъ большихъ, прекрасныхъ залъ и вошли въ широкую, роскошную переднюю. Затѣмъ они прошли комнаты графини Зеefeldъ и вошли въ ея будуаръ. Это была небольшая, но изящная и богатая комната. Освѣщалась она только однимъ, высокимъ готическимъ окномъ. Изъ окна былъ виденъ большой, знаменитый фонтанъ замка Вальдбургъ.

Графиня Изабелла стояла у окна. Она все еще была хороша собою. Завидѣвъ Бланду, она послѣдшая впередъ и горячо обняла молодую дѣвуху. Бланда зарыдала. Тогда

афиня Зеефельдъ наклонилась къ ней и, прижавъ ея голову къ своей груди, протянула Бурбусу руку и сказала: — Благда останется теперь со мною. Отыщите вашего друга доктора Герберта. Еще разъ повторяю вамъ: старый графъ Христіанъ совершенно здоровъ. Прошу васъ, примитесь немедленно за дѣло.

Докторъ Бурбусъ вышелъ изъ будуара графини Изабеллы направился къ небольшому домику гдѣ жилъ Гербертъ, докторъ графа Зеефельда. Гербертъ только-что пріѣхалъ домой и сидѣлъ завтракать. Бурбусъ подошелъ къ нему и началъ говорить съ нимъ. То что онъ говорилъ, произвело на доктора глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Онъ, казалось, даже вѣрнулъ старому мельнику Бурбусу. Но вдругъ онъ велело разсмѣялся и вскричалъ:

— Вотъ хорошо, вотъ что прекрасно!. Однако что же кажется на это нашъ прекрасный графъ Дагобертъ Зеефельдъ?

— Ну, это не можетъ его особенно огорчать. За нимъ вѣдь остается громадный майоратъ.

— Да, но Вальдбургъ, смѣялся Гербертъ,—Вальдбургъ, это маленькое царство, этотъ прелестный земной уголокъ, не принадлежитъ къ майорату. Старый графъ Христіанъ устранилъ его отъ своего племянника, да и отъ графини Изабеллы. (читалъ завѣщаніе: оно составлено и хитро и умно.

— Какъ здоровье графа?

— Хорошо. Вообще онъ здоровъ, съ тѣхъ поръ какъ полюбилъ васъ и расстался со своимъ лучшимъ другомъ.

— Со своей постелью.

— Да, отвѣтилъ докторъ Гербертъ смѣясь.—Онъ пригласилъ меня послѣ завтрака на партію билліарда. Хотите присутствовать?

— Пожалуй, а потомъ нужно будетъ ему напомнить нѣчто изъ его прошлой жизни.. Но скажите, colega, не подѣиваетъ ли это слишкомъ сильно на него?

— Не безпокойтесь. Страшно, старикъ постоянно рассказываетъ мнѣ объ одномъ событіи которое было съ нимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это было на одномъ банкетѣ который онъ давалъ во время маневровъ. У него танцовали тогда Цыганки. Старый графъ увѣряетъ что онъ видѣлъ тогда близкое и дорогое ему существо. Онъ увѣрялъ что это не былъ призракъ, что предъ каминомъ, дѣйствительно, стояла и пѣла женщина которую онъ любилъ когда-то горячо и

страстно. Женщина эта лѣла его любимую лѣсню... Онъ говоритъ еще что эта лѣсня дѣйствуетъ на него усложнительнѣе нежели морфій, и тому подобная дрянь.

— *Mironton, mironton, mirontaine*, сказалъ старыи Бурбусъ.—Графъ не ошибался: предъ нимъ, дѣйствительно, стояло дорогое и близкое, кровное ему существо.

— А теперь пора завтракать, весело отвѣтилъ докторъ Гербертъ.—Я приказалъ подать рейнвейну.—Но вдругъ лицо его приняло серьезное выраженіе и онъ продолжалъ:—Чортъ возьми, я только теперь вспомнилъ все что мнѣ разказывалъ графъ Дагобертъ о своемъ ночномъ путешествіи.

Лицо стараго Бурбуса омрачилось также.

— Что онъ вамъ говорилъ? спросилъ онъ его послѣдова.

— Многое. Онъ сказалъ, между прочимъ, что молодая дѣвушка вѣхавшая съ нимъ произвела на него странное, но необыкновенно сильное впечатлѣніе.

— Васъ это нисколько не удивитъ если вы только взглянете на Бладу.

— Что, если онъ вздумаетъ жениться на ней?

— Ну, это было бы скверно! отвѣтилъ озабоченнымъ голосомъ докторъ Бурбусъ.

— Что вы задумались, товарищъ? Полно! Времени еще много впереди. Вѣдь и она имѣетъ свой голосъ. Къ тому же, это видно изъ вашихъ словъ, она энергична и не особенно расположена къ графу Дагоберту. Онъ пока безвреденъ. Рана довольно глубокая и онъ лежитъ въ сильномъ жару. Много труда стоило мнѣ стговорить его вѣхать въ Кёнигсбромъ. Онъ ужъ приказалъ было заложить свою коляску.

— Да будетъ воля Господа....

— Да, коллега, и выльемте по стакану холоднаго вина, сказалъ Гербертъ, уводя своего друга въ прохладную столовую.

Графъ Христіанъ игралъ на биліардѣ. Онъ мало измѣнился въ эти годы. Впрочемъ этимъ онъ былъ обязанъ своему камердинеру Беку, умѣвшему необыкновенно искусно одѣвать, убирать и раскрашивать своего барина.

Графъ Христіанъ выигралъ уже четвертую партію. Онъ былъ этимъ очень доволенъ. Замѣтивъ неудовольствіе, конечно не искреннее, на лицѣ доктора Герберта, онъ улыбнулся и сказалъ обращаясь къ Бурбусу:

— Не думайте пожалуста чтобъ это было одно счастье. Я хорошо изучилъ билліардъ. Я лучше играю нежели докторъ. Итакъ до свиданья, дорогой докторъ Бурбусъ, не забывайте меня.

Графъ Христіанъ подошелъ къ высокому готическому окну. Внизу, подъ окномъ, росли высокіе каштаны и дубы. Ихъ вершины едва касались окна. Далѣе видѣлись поля, луга, рѣка... А еще далѣе, ярко освѣщенные солнцемъ, поднимались высокія голубыя горы. Графъ Христіанъ окинулъ эту роскошную мѣстность грустнымъ, задумчивымъ взоромъ и, зѣвая, направился въ углубленіе комнаты. Здѣсь, у высокаго, мягкаго кресла, ждалъ его камердинеръ Бекъ. Бекъ усадилъ его въ кресло, положилъ ноги графа на мягкую скамейку и покрывалъ ихъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ.

— Гдѣ Рено?

— Въ пріемной, ваше сіятельство.

— Позови его сюда на минуту.

Въ комнату вошелъ секретарь, г. Рено. Онъ былъ, какъ и прежде, слокоенъ, изященъ, увѣренъ въ себѣ. Онъ зналъ что его господинъ готовился къ своей обычной сѣзѣ, зналъ что графъ избѣгалъ тогда всякаго волненія, всего непріятнаго. Вотъ отчего голосъ г. Рено звучалъ теперь мягко, тихо. Въ немъ не было той рѣшительности, той суровости которыя, по утрамъ, изобличали въ немъ серьезнаго, дѣльнаго секретаря и дѣлопроизводителя.

— Чтѣ новаго, любезный Рено? Докторъ Гербертъ говорить что болѣзнь Дагоберта не оласна. У него маленькая горячка,—это пройдетъ, нужно только беречься. Онъ въ послѣднее время совсѣмъ не берегъ себя... Ахъ, молодость, молодость! Не знаетъ она цѣны здоровью и молодымъ силамъ! А пророс, любезный Рено, я хочу узнать во чтѣ бы то ни стало когда и гдѣ получилъ онъ эту рану. Вы обѣщали мнѣ разувнать объ этомъ.

— Я надѣюсь, ваше сіятельство, что сообщу вамъ завтра нѣкоторыя свѣдѣнія.

— Хорошо, отвѣтилъ соннымъ голосомъ графъ Христіанъ.— Что же касается его ухаживанья за дочерью моего стараго друга, графа Галлера, то я нисколько не сержусь на это. Напротивъ, я буду радъ если дочь моего стараго друга сдѣлается моею племянницей.

— Извините меня, ваше сіятельство, сказалъ г. Рено съ

мягкою улыбкой,—молодая графиня за которою ухаживаетъ графъ Дагобертъ, не дочь, а внучка его сiятельства господиня генерала графа Галлера.

— *Sacre bleu*, вы правы! Чортъ возьми, я совсѣмъ сострѣлся и забылся. Дѣйствительно, дочь генерала была бы слишкомъ стара для Дагоберта. Но говорятъ что его внучка очень хороша собою? Что, вамъ говорили это?

— Могу ли я быть откровененъ, ваше сiятельство?

— Отчего же нѣтъ,—мы теперь одни.

— Я видѣлъ молодую графиню. Она дѣйствительно ослительной красоты. Но мнѣ говорили что она горяча, вспыльчива, капризна, что она своевольна и очень весела.

— Это хорошо, очень хорошо, любезный Рено, отвѣтилъ графъ Христіанъ съ довольною улыбкой. — Это хорошо для Дагоберта. Она тверда, имѣетъ свою волю, свои желанія,—это хорошо, ему такую жену и нужно. Я вижу изъ вашихъ словъ что онъ найдетъ въ ней много того чѣмъ такъ богато одарены эти хитрыя Француженки. О, я знавалъ такихъ женщинъ! Онѣ способны затворить вамъ дверь презъ самымъ носомъ и не отворять ея до тѣхъ поръ пока вы не испросите у нихъ прощенья на колѣнахъ. Нѣтъ, это будетъ прекрасная жена для Дагоберта! Отъ души благодарю васъ за эти свѣдѣнія.

— Состояніе у графини Галлеръ очень маленькое.

— Это ничего. Дагобертъ и безъ Вальдбурга получитъ громадное состояніе. Нужно только позаботиться о томъ чтобъ она была вполнѣ обезпечена. Да, вполнѣ обезпечена. Мало ли что можетъ случиться. Я хорошенько подумалъ объ этомъ. Обѣдаетъ у насъ кто-нибудь сегодня?

— Кажется, нѣтъ.

— Передайте графинѣ что я прошу ее пригласить доктора Бурбуса. Общество моего стараго друга оживаетъ и обдряетъ меня.

Затѣмъ графъ Христіанъ кивнулъ г. Рено головою, и послѣдній тихо ушелся.

На лицѣ стараго графа промелькнула довольная, легкая улыбка.

Онъ опустилъ голову на грудь и задремалъ. Бекъ, стоявшій все время за дверью, подошелъ къ окну и опустилъ тяжелыя бархатныя занавѣси.

Старый графъ спалъ уже около часа. Никогда еще не

спалъ онъ такъ сладко, такъ спокойно. Онъ уже пробуждался, когда вдругъ увидѣлъ милый, дорогой образъ, услышалъ тихій, нѣжный голосъ, налѣвавшій его любимую мелодiю:

Mironton, mironton, mirontaine.

И воскресли въ немъ снова прежнiя, давно забытыя картины.

Mironton....

И какъ ярко, какъ живо представил онъ... Будто онъ видѣлъ ихъ не во снѣ.

Mironton....

Странно—онъ открывалъ глаза и все-таки видѣлъ предъ собою этотъ изящный, дорогой, милый образъ...

Mirontaine.

Странно... Или это не былъ сонъ? Онъ открылъ глаза. Нѣтъ, предъ нимъ все еще стояло это прекрасное видѣнiе, онъ все еще слышалъ этотъ мягкiй, чудный голосъ...

Mironton, mironton, mirontaine.

Невозможно, или—онъ слегка вздрогнулъ—или онъ заснулъ вѣчнымъ сномъ, и Всевышнiй простилъ и благословилъ его, вернувъ ему его дорогую, горячо любимую жену... Да, она стояла предъ нимъ, — онъ видѣлъ ея прекрасный, изящный, стройный образъ. Да, это были ея глаза, ея роскошныя, свѣтлыя, вьющiеся волосы.

Онъ оглянулся. Нѣтъ, то не былъ сонъ, не была также и смерть. Онъ закрылъ лицо руками: онъ все еще думалъ что это сонъ. Затѣмъ онъ опустилъ олять руки: видѣнiе все еще стояло предъ нимъ. Оно отошло отъ окна и тихо подошло къ нему. И онъ узналъ ея движенiе, ея походку, ея осанку, ея прекрасное, дорогое лицо.

— Марри—о, моя дорогая Марри!

Онъ простеръ къ ней руки. Она все приближалась къ нему. Тихая дрожь пробѣжала по его тѣлу, но ему было хорошо, отрадно. Онъ былъ готовъ умереть въ эту минуту. Она опустила предъ нимъ на колѣни, обхватила его руками и устремила на него свои прекрасныя, любящiе глаза.

— Марри, Марри, отвѣчай мнѣ. Подумай, радость можетъ убить меня!

— Меня зовутъ Бландой, отвѣтила молодая дѣвушка звучнымъ голосомъ, заставившимъ задрожать его, — я Бланда, а не Марри. Марри—имя моей матери.

— Кто была твоя мать? спросилъ онъ тяжело дыша. — Развѣ это она была, она... О, это невозможно, скажи, кто была твоя мать?

— Ее звали мистрисъ Марри Прайсъ.

— О, Марри, Марри, моя дочь Марри! воскликнулъ старикъ обнимая Бланду. Глаза его устремились къ небу, лицо озарилось глубокимъ, неизъяснимымъ чувствомъ. — О, Марри! Твоя дочь была въ моемъ домѣ и я не зналъ этого! Я искалъ ее и никогда не могъ найти.

Онъ крѣпко обнялъ Бланду и спросилъ ее дрожащимъ, боязливымъ голосомъ:

— Ты моя теперь, моя? Я одинъ имѣю право надъ тобой, не правда ли? Скажи мнѣ это... обѣдай... Никто не отниметъ тебя у меня, никто?

— Никто, никто! Моя бѣдная мать умерла, да и отецъ мой также, я никогда не знала его.

— Это къ лучшему, отвѣтилъ онъ тяжело вздохнувъ. — Въ это должно было пройти, миновать, умереть навсегда. Осталась только ты, моя прекрасная, свѣтлая звѣзда. Тебя зовутъ Бландой?

— Да, Бландой.

— А какъ ты будешь называть меня? спросилъ онъ вдругъ послѣшно, играя ея свѣтлыми волосами и устремивъ на нее блестящій, глубокий взглядъ.

— Ты мой дѣвушка, мой милый дѣвушка!

— Да, я твой дѣвушка и я сдѣлаю тебя счастливою!

Онъ всталъ съ своего кресла и такъ сильно дернулъ звонокъ что испуганный Бекъ почти влетѣлъ въ комнату.

— Передай графинѣ что я прошу ее зайти ко мнѣ. Я не могу идти теперь къ ней. Я чувствую страшную слабость.

— Ея сіятельство въ сосѣдней комнатѣ, вмѣстѣ съ господиномъ докторомъ Бурбусомъ.

— Тѣмъ лучше; попроси ее сюда.

Графиня Изабелла послѣшно подошла къ креслу на которомъ сидѣлъ ея мужъ. Она взяла Бланду за руки и горячо обняла ее. Она была видимо взволнована.

Докторъ Бурбусъ стоялъ у окна. Брови его были скаты, глаза глядѣли серьезно, почти мрачно. Онъ держалъ въ рукѣ пакетъ съ бумагами и нѣсколько разъ ударялъ по нему другою рукой, будто желая эгимъ обратить на себя вниманіе

старого графа. Графъ дѣйствительно замѣтилъ его и ска- залъ улыбаясь:

— *Sacre bleu*, докторъ, вы опять о чемъ-то думаете! Вме- сто того чтобы радоваться со мною и улыбаться, вы стоите пасмурный... Я начинаю бояться васъ, что съ вами?

— У меня дѣла, коротко и рѣзко отвѣтилъ Бурбусъ.—Про- шу ваше сіятельство подарить мнѣ нѣсколько минутъ.

— Дѣла... теперь? Докторъ, убирайтесь со своими дѣлами къ чорту, или къ Рено... Я, право, согласенъ на все. Ужь не нужно ли денегъ для какой-нибудь школы, или церкви или госпиталя? Берите сколько хотите! Но ради Бога не гово- рите теперь ни о какихъ дѣлахъ!

Онъ обернулся опять къ Бландѣ и началъ играть ея рос- кошными, свѣтлыми волосами.

— Но эти дѣла касаются лично васъ.

— Экій несносный человѣкъ! простоналъ графъ Христи- анъ.—Такъ и быть, дарю вамъ пять минутъ.

— Столько и не нужно, отвѣтилъ жестоко докторъ.

Графиня Изабелла, обнявъ одною рукой Бланду, подвела ее къ окну.

— Ваше сіятельство, вотъ пакетъ который пролазалъ нѣ- сколько лѣтъ тому назадъ. Но не спрашивайте меня какимъ образомъ я нашелъ его. Если не ошибаюсь, вы вѣдь не ста- нете перечитывать теперь эти письма и дневники?

— Нѣтъ, нѣтъ, но я хочу взглянуть на портретъ. Вотъ онъ. Видѣли ли вы когда-нибудь болѣе разительное сходство?

— Нѣтъ, отвѣтилъ докторъ сурово.

— Взгляните: это ея глубокіе, прекрасные глаза.

— Да, отвѣтилъ Бурбусъ еще суровѣе.

— А это благородное, изящное очертаніе головы, эти тон- кія, вѣжныя уста,—развѣ возможно здѣсь сомнѣніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ! вскричалъ почти грубо Бурбусъ.

— Станный вы человѣкъ, докторъ. Я вѣдь знаю что вы также рады моему счастью, а говорите вы между тѣмъ такъ сурово и грубо. Ахъ, вы старый хитрецъ и притворщикъ!

Послѣднія слова старый графъ произнесъ какимъ-то на- дорваннымъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ. Онъ видѣлъ какъ изъ глазъ мельника-доктора катились крупныя, обиль- ныя слезы.

Появленіе Бланды совершенно измѣнило тихій, скучный и

однообразный бытъ въ замкѣ Вальдбургѣ. Она была торжественно представлена всѣмъ жителямъ замка. Прислугѣ было объявлено что она внучка стараго графа Христіана и что она воспитывалась все время въ столицѣ въ пансіонѣ для дѣвицъ высшаго круга.

Всѣ полюбили Бланду, всѣ были рады ей. Жизнь въ замкѣ совершенно измѣнилась. Старый графъ сталъ веселѣе, общительнѣе; графиня Изабелла почти не отходила отъ молодой дѣвушки. Она привязалась къ ней какъ къ родной дочери. Даже всеильный г. Рено отступилъ на задній планъ. Его почти забыли и не замѣчали.

Старый графъ самъ ознакомилъ свою внучку съ прекрасными окрестностями Вальдбурга. Онъ былъ въ восхищеніи отъ ума и развитія Бланды, въ восхищеніи отъ ея верховой ѣзды, музыки и пѣнія.

Графъ Дагобертъ Зеefeldъ, узнавъ обо всемъ, съ тактомъ и умно подчинился этой переменѣ. Онъ пролежалъ нѣсколько дней въ постелѣ и успѣлъ въ это время хорошенько обдумать свое положеніе. Онъ встрѣтилъ Бланду какъ почтительный, любящій родственникъ и просилъ ее забыть прошлое. Она охотно исполнила его просьбу и обѣщала ему быть доброю сестрой.

Графъ Христіанъ составилъ новое завѣщаніе и призналъ Бланду наследницей замка Вальдбургъ со всѣми его окрестностями. Нужно сказать что онъ встрѣтилъ при составленіи завѣщанія полное одобреніе какъ со стороны жены своей, такъ и со стороны своего племянника графа Дагоберта. Однако графъ пожелалъ чтобы Бланда отказалась отъ своей прежней фамиліи и приняла титулъ графини Зеefeldъ-Вальдбургъ. Но Бланда рѣшительно отказалась. Она такъ умоляла старика, говорила такъ трогательно о своей матери, увѣряла что имя ея матери дорого ей, и старый графъ не былъ въ состояніи отказать ей. Но тѣмъ не менѣе ее всѣ называли графиней Бландой.

Бланда была счастлива. Ее любили, баловали. Она горячо привязалась къ дѣдушкѣ и къ графинѣ Изабеллѣ. Но бывали также дни когда она глубоко страдала. Ее не покидала мысль о несчастіи Эрихѣ. Былъ только одинъ человѣкъ съ которымъ она могла говорить о немъ, это былъ старый Бурбусъ. Ему повѣряла Бланда свои огорченія, свое безпокойство, свою тревогу о судьбѣ любимаго Эриха. Бланда

давно уже просила доктора показать ей свою Кёнигсброннскую мельницу. Въ этомъ не нашли ничего предосудительнаго. На стараго мельника смотрѣли какъ на лучшаго и самаго уважаемаго друга семьи. Графъ Дагобертъ предложилъ ей поѣхать съ нимъ. Но Бланда отклонила это предложеніе и просила Бурбуса захватить за ней въ своей коляскѣ. Старикъ исполнилъ ея просьбу.

— Садитесь прежде, докторъ, прошу васъ, сказала улыбаясь молодая дѣвушка.

— А вы?

— Я буду править. Я знаю какой дорогой ѣхать. Или вы не довѣряете мнѣ?

— Я знаю, вы хорошо правите лошадьми.

— Скажите, докторъ, вѣдь и эта дорога ведетъ въ Кёнигсброннскую мельницу?

— Всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

— Прекрасно. Теперь я дамъ лошадямъ волю.

— Да, но пожалѣйте мой маленькій экипажъ.

— Успокойте меня насчетъ Эриха и мы поѣдемъ тѣше.

Старикъ угрюмо молчалъ. Тогда Бланда ударила лошадей и онѣ поѣхали скорѣе. Бурбусъ постоянно озирался, боясь чтобы колясочка не зацѣпила за какое-нибудь дерево или кустарникъ. Но Бланда правила вѣрно, смѣло. Она вглядывалась въ темную чащу лѣса, слѣдила за полетомъ птицъ.

Теперь лицо стараго мельника приняло озабоченный, серьезный видъ. Онъ зналъ что они приближались къ лоцингъ отдѣлявшей его владѣнія отъ владѣній стараго графа. Онъ зналъ также что Бланда не сдержитъ лошадей пока онъ не исполнитъ ея просьбы.

— Здѣсь, сказалъ онъ,—близь этого маленькаго пруда, находится то мѣсто гдѣ графскій охотникъ схватилъ Эриха.

Лошади быстро остановились.

— А-я, здѣсь! отвѣтила Бланда. — Странно, не будь этого событія, не увидѣла бы я его... Маленькая Цыганочка спасла его и такимъ образомъ полюбила его...

— Да, но дастъ ли это ему счастье! отвѣтилъ сухо докторъ.

— Вы не въ духѣ сегодня, докторъ.

— Это настроеніе прошло бы, еслибы мы пріѣхали скорѣй на мельницу. Сомнѣваюсь только чтобы это было скоро. Берегитесь, сударыня, дорога эта не ровна и отлога.

— Какою дорогой ѣхать?

— Поверните направо. Прошу васъ, дайте лошадямъ немного отдохнуть.

— Эрихъ былъ въ ту ночь у васъ. Какъ онъ пришелъ?

— Конечно лѣшкомъ. Онъ былъ усталый, растрепанный.

— Онъ вамъ обо всемъ разказалъ? Онъ говорилъ обо мнѣ?

— Онъ говорилъ о какой-то молодой, прекрасной Цыганкѣ съ черными волосами и блестящими глазами. Она была съ нимъ такъ добра и ласкова.

Бланда подняла хлысть и хотѣла ударить лошадей. Но докторъ послѣшю остановилъ ея руку и сказалъ смѣясь:

— Прошу, сударыня, безъ шалостей. Онъ говорилъ также, если не ошибаюсь, о маленькой, блѣдной дѣвочкѣ.

— Онъ говорилъ о ней съ любовью?

— Кажется, да.

— Онъ всегда будетъ ее любить, никогда не забудеть. И она также любить его и всегда будетъ любить. Прошу васъ, другъ мой, не забываютъ этого. Вѣрьте мнѣ: я рѣшусь скорее умереть, брошусь въ ту пропасть, но не вынесу вѣчной разлуки съ нимъ!

— Прошу васъ, оставьте этотъ разговоръ.—Онъ глядѣлъ тревожно на ея спокойное, рѣшительное лицо.—Прошу васъ, тише... потомъ... „Я ужъ докажу тебѣ“, думалъ онъ про себя, „что любовь твоя безразсудна, невозможна“.

Предъ ними лежала мельница.

In einem kühlen Grunde
Da geht ein Mühlenrad,
Mein Liebster ist verschwunden,
Der dort gewohnt hat!

Бланда лѣла это съ чувствомъ глубокой, безграничной любви. Старикъ взглянулъ на нее грустно и весело продолжалъ:

Er hat mir Treu' versprochen,
Gab mir 'nen Ring dabei,
Er hat die 'Treu' gebrochen,
Das Ringlein sprang entzwei!

— Погоняйте, погоняйте лошадей, теперь я больше не боюсь. Вотъ мы и пріѣхали!

Онъ весело выскочилъ изъ коляски и, предложивъ Бландѣ руку, ввелъ ее въ домъ. Въ гостиной ихъ встрѣтили Готфридъ и Фридрихъ, младшіе сыновья стараго Бурбуса. Розины не было. Она вышла замужъ за старшаго королевска-

го лѣсничаго, нѣсколько разъ уже просившаго ея руки. Иванъ, старшій сынъ Бурбуса, также не показывался. Онъ работалъ на мельницѣ. Но за то вышла старая Лена. Она, завидѣвъ Бланду, низко поклонилась ей и тихо сказала старому доктору:

— А вѣдь я знала что у насъ будетъ важная гостя. Я еще давеча сказала объ этомъ Готфриду и Фридриху. Я видѣла сегодня во снѣ милевой камень, на которомъ сидѣлъ бѣлый голубь. Сонъ этотъ означалъ что будутъ дорогіе и знатные гости. Ахъ, графиня, какъ я счастлива что наконецъ вижу васъ!

Бланда протянула ей привѣтливо руку. Затѣмъ Бурбусъ началъ показывать ей мельницу. Она пожелала видѣть, прежде всего, голубую комнату въ которой жилъ Эрихъ. Но она не оставалась тамъ долго. Она была безпокойна, нетерпѣлива. То она подходила къ окну, то осматривала картины висѣвшія на стѣнѣ, то садилась въ широкое, мягкое кресло Бурбуса.

— Я не останусь здѣсь долго сегодня. Я зашла только чтобы взглянуть на эти дорогія, милыя мѣста. Но я скоро вернусь сюда, докторъ, я еще успѣю надѣсть вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, вернемтесь въ Вальдбургъ. Но я поѣду другою дорогой.

— Подождите еще, дорогой докторъ, говорила ласкалась къ нему Бланда.

Они опять вернулись въ голубую комнату. Бланда подошла къ окну, взглянула на высокія, роскошныя деревья стоявшія предъ нею и задумалась...

„Господи! дай намъ свидѣться, дай намъ счастья...“ тихо молилась она въ душѣ. Они сѣли въ коляску и поѣхали въ Вальдбургъ. На этотъ разъ правилъ старый Бурбусъ.

— Я долженъ переговорить съ вами, фрейлейнъ Бланда. Мы оба любили Эриха, но теперь должно многое измѣниться.

— Какъ? вы ужь больше не любите Эриха, вы не хотите помочь ему?! Она взглянула на него съ испугомъ.—Докторъ, вы хотите покинуть его, покинуть теперь, когда онъ несчастенъ!.. О, какъ это нехорошо, какъ неблагородно!

— Продолжайте, продолжайте, возразилъ Бурбусъ, лукаво улыбаясь.—Говорите что хотите, теперь я правлю лошадьми.

— Докторъ, какъ это не великодушно! Будьте со мною добрее или я выскочу изъ коляски!

— Успокойтесь. Я долженъ сказать вамъ, сударыня, что вы напрасно такъ много думаете объ Эрихѣ. Это никъ чему не поведетъ. Между вами цѣлая пропасть. Я все сдѣлаю чтобъ облегчить его участь. Я поѣду съ графомъ Дагобертомъ въ столицу и постараюсь улучшить его положеніе. Графъ Христіанъ сдѣлаетъ также все что возможно. Можетъ-быть его оправдаютъ. Но, въ послѣднемъ случаѣ, ему придется переселиться въ Америку.

— Вы думаете? спросила Бланда рѣзкимъ, дрогнувшимъ голосомъ.

— Да, ему остается только это. Мнѣ жаль его: онъ очень даровитый человѣкъ и могъ бы добиться чего-нибудь лучшаго.

— И во всемъ виновата я!

— Не думаю. Это судьба его, а судьбы не избѣжишь.

— Слѣдовательно, если его простятъ, ему остается одна Америка?

— Да.

Докторъ устремилъ на молодую дѣвушку тайный, пронаходящій взглядъ.

— Да, да, сказала она задумчиво. — Но все равно: здѣсь или тамъ.... все равно.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, сударыня.

— Я уже говорила вамъ, докторъ, что люблю Эриха. Я и Эриху сказала это.

— Да, когда вы были одиноки...

— Мы обѣщали никогда не покидать другъ друга. Не знаю, исполнить ли онъ свою клятву, но знаю что я сдержу свою. Я говорю спокойно, докторъ, безъ страсти, вы видите, я хорошо обдумала и взвѣсила что говорю.

— Ахъ, все это мечты молодой, экзальтированной дѣвушки! Въ васъ говоритъ теперь чувство благодарности. Но подождите, пройдетъ немного времени, и вы залюбите другую лѣсью. Не забывайте, вы теперь графиня Зеefeldъ.

— Нѣтъ, я не графиня Зеefeldъ, и никогда не буду ея.

— Но вы внучка графа Зеefeldъ.

— Да, до тѣхъ поръ пока мнѣ позволятъ быть Бландой Прайсъ. Я не забуду того кого люблю, кому поклялась вѣчно любить. Я говорю вамъ какъ своему лучшему другу. Я останусь Бландой Прайсъ. И если нужно будетъ отказаться отъ богатства, отъ высокаго положенія которое я занимаю теперь въ обществѣ, то я откажусь. Я буду бѣдна, но я буду счастлива.

Она говорила спокойно, громко, увѣренно.

— Амми! тихо отвѣтилъ докторъ.

Они подѣхали къ замку. Бланда пошла въ свои комнаты, а старый Бурбусъ къ графу Дагоберту.

Молодой графъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ. Онъ былъ не въ духѣ.

— Ахъ, докторъ, вы и не подозреваете чѣмъ я занятъ теперь! Я составляю, по желанію графа Христіана, прошеніе къ его величеству о помилованіи этого молодого преступника! Конечно, это великодушіе съ моей стороны, но вовсе не такое легкое дѣло!

— Покажите-ка мнѣ, графъ Дагобертъ.

Графъ Дагобертъ подмялся, а докторъ Бурбусъ, сѣвъ на его мѣсто, сталъ читать прошеніе. Окончивъ, онъ просилъ графа позволить ему кое-что измѣнить. Молодой гусаръ далъ свое согласіе. Оказалось, однако, что старикъ измѣнилъ все.

Графъ Дагобертъ, не желая ему мѣшать, отошелъ къ окну и взялъ оттуда небольшой, завернутый въ бумагу, предметъ.

— Докторъ, я потомъ покажу вамъ кое-что.

— Я сейчасъ кончу. Вотъ ваше прошеніе и готово. Читайте.

— Знаю что оно хорошо. Но, смотрите.

— Откуда у васъ эта свинцовая пуля?

— Эта та самая которая едва не убила меня.

— А-а-а, такъ это и есть та пуля которою выстрѣлилъ въ васъ этотъ несчастный молодой человѣкъ?

— Та самая. Франсуа, на другой же день, убирая мой чемоданъ, нашелъ ее между бѣльемъ. И за такого разбойника я долженъ еще просить! Я, право, отказалъ бы графу Христіану, еслибы не эта чудачка, Бланда. Она такъ просила меня!

— Это та самая пуля? Голосъ стараго Бурбуса сильно дрожалъ.

— Да. Еслибы я только могъ ловить Бланду! Я и думать не хочу о томъ чтобъ этотъ ничтожный молодой человѣкъ могъ локорить ея сердце! Это невозможно. Тяжело еще то что она никакъ не хочетъ забыть всѣхъ непріятности той ночи... Она помнитъ все, все—я это чувствую.

— Скажите, графъ, видѣлъ ли вашъ камердинеръ Франсуа эту пулю въ вашемъ чемоданѣ?

— Франсуа и Яковъ убрали мои вещи и нашли ее

— Вы кажется говорили, графъ, что въ васъ выстрѣлили изъ карманнаго пистолета?

— Такъ говорили. Я не видалъ пистолета. Но судя по этой пулѣ, онъ долженъ быть необыкновеннаго калибра.

— Графъ, не исполните ли мою просьбу? Голосъ Бурбуса слегка дрожалъ. Онъ былъ глубоко взволнованъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Позовите сюда Франсуа и Якова.

— Они въ сосѣдней комнатѣ.

Графъ подошелъ къ дверямъ чтобы позвать присаугу. Бурбусъ привялся послѣднѣю писатъ. Затѣмъ онъ передалъ бумагу молодому графу и спросилъ:

— Не подпишете ли вы эту бумагу и не скрѣпите ли ее своею печатью? Я хотѣлъ бы также чтобъ и Франсуа и Яковъ подписались.

Бурбусъ былъ страшно блѣденъ; губы его дрожали.

— Охотно, если вы того желаете.

Бумага была слѣдующаго содержанія:

„Мы нижеподписавшіеся свидѣтельствуемъ что приложенная здѣсь пуля, запечатанная гербомъ графовъ Зеefeldовъ, та самая которую мы нашли утромъ, 16го мая этого года, въ чемоданѣ графа Дагоберта Зеefeldа. Она была выстрѣлена ночью въ графа Дагоберта Зеefeldа, ранила ему руку и, пробивъ стѣнку кареты, засѣла въ дорожный чемоданъ.“

— Не понимаю, къ чему все это ведетъ, сказалъ графъ Дагобертъ, пожимая плечами. — Впрочемъ, исполняю ваше желаніе и подписываюсь. Запечатать вы можете сами.

— Но я желалъ бы чтобъ и ваша прислуга подписалась.

Франсуа и Яковъ подписались. Докторъ старательно приложилъ печать. Руки его сильно дрожали. Затѣмъ онъ вложилъ бумагу и пулю въ большой конвертъ и все это опять запечаталъ графскою печатью.

— Я беру этотъ конвертъ съ собой въ столицу. Онъ подкрѣпитъ ваше прошеніе, графъ; можетъ-быть, послѣднее будетъ даже лишнимъ.

XIII. Въ заключеніи.

Эрихъ переживалъ тяжелое время. Онъ былъ преданъ военному суду.

Многіе изъ читателей относятся, можетъ-быть, къ военному суду слегка и предполагаютъ что онъ не что иное какъ результатъ тѣхъ мнѣній и желаній которыя высказываются со стороны старшихъ членовъ суда. Но подобное мнѣніе будетъ ошибочно. Кого бы ни судили, подчиненнаго или товарища по службѣ, судъ всегда производится серьезно, добросовѣстно, строго. Всякій можетъ высказать свои мнѣнія, даже самыя рѣзкія. Ихъ даже требуютъ. Всякому дается достаточно времени чтобы хорошенько обсудить фактъ преступленія и взвѣситъ свой приговоръ. Затѣмъ, всѣмъ дается право и нужное время для передачи другъ другу своихъ мнѣній и для полнаго соглашенія приговора. Если такого соглашенія нѣтъ, тогда къ суду приглашаются еще другіе члены и обыкновенно такіе которые болѣе склонны къ смягченію приговора. Замѣчательно еще слѣдующій фактъ. Если военному суду передается какой-нибудь унтеръ-офицеръ или солдатъ, то товарищи его, конечно, если обвиненный совершилъ что-нибудь важное, относятся къ нему гораздо строже, нежели офицеры.

Эрихъ, обвиненный въ намѣреніи убить графа Дагоберта Зеefeldъ, преданъ былъ высшему военному суду. Слѣдствие было произведено ужъ не въ бригадномъ штабѣ, а въ корпусномъ. Началось оно съ того что ближайшій начальникъ бомбардира Фрейберга, капитанъ фонъ-Мандерфельдъ, подалъ species facti и изложилъ обвиненіе.

Понятно что это species facti не говорило въ пользу бѣднаго Эриха. Баронъ фонъ-Мандерфельдъ выставилъ жизнь молодаго бомбардира въ самыхъ черныхъ краскахъ. Онъ обвинилъ его въ сообществѣ съ дурными Цыганами, въ охотѣ за чужою дичью. Онъ разказалъ что ненависть молодаго бомбардира къ графу Дагоберту Зеefeldу развилась еще съ того времени и, благодаря нѣкоторымъ столкновеніямъ, усилилась до того что Фрейбергъ рѣшился на убійство. Затѣмъ онъ перешелъ къ жизни Эриха въ Бригадной Школѣ и

въ четвертой конной батарее. Говоря объ ней, онъ выставлялъ Эриха въ самомъ дурномъ свѣтѣ.

Это species facti произвело глубокое и непріятное впечатлѣніе на вахмистра Пинкеля. Онъ читалъ его въ черновомъ видѣ и передалъ его содержаніе первому поручику Шаллеру. Первый поручикъ пустился въ переговоры съ капитаномъ фонъ-Мандерфельдъ. Однако, эти переговоры ни къ чему не повели. Species facti было подано. Хотя первый поручикъ Шаллеръ и добился того чтобы все это дѣло было передано непосредственно въ бригадный штабъ, однако это несчастное обвиненіе постулило въ то же время и въ корпусный штабъ. Въ то же время пришелъ приказъ о преданіи Эриха военному суду и его арестовали.

Началось слѣдствіе. При этомъ присутствовали два поручика. Призваны были свидѣтели, а именно: всѣ находившіеся на почтѣ во время преступленія, одинъ изъ служителей графа Зеефельда, жандармскій унтеръ-офицеръ и бомбардиръ Вибертъ и Шмоллеръ. Шмоллеръ показалъ на допросѣ что онъ далъ, на время, Эриху двустольный карманный пистолетъ, но что заряденъ былъ только одинъ стволъ. Тотъ отвѣтъ говорилъ, конечно, въ пользу Эриха, но былъ еще другой отвѣтъ, отвѣтъ длиннаго Виберта. Онъ показалъ что видѣлъ какъ Эрихъ вынималъ изъ шкафа пулю и порохъ. Онъ говорилъ правду. Но Эрихъ не заряжалъ пистолета. Этому никто не вѣрилъ.

Жандармскій унтеръ-офицеръ сказалъ что онъ, подобно къ тому мѣсту гдѣ стоялъ Эрихъ, чувствовалъ сильный запахъ пороха и видѣлъ что перчатки молодого бомбардира были мѣстами черны.

Слѣдствіе кончилось. Нѣсколько дней спустя, всенный судъ собрался въ полномъ составѣ. Всѣ были въ парадныхъ мундирахъ. Предсѣдателемъ былъ назначенъ гѣхотный майоръ. Затѣмъ слѣдовали два ротмистра, два поручика, три сержанта и три унтеръ-офицера. Привели обвиняемаго. Онъ имѣлъ право заявить отводъ, если не былъ доволенъ кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ судей. Эрихъ не воспользовался этимъ правомъ. Онъ узналъ въ майорѣ предсѣдавшемъ на судѣ того самого майора Клеммера которому онъ помогъ овладѣть непріятельскою кавалеріей. Эрихъ замѣтилъ что майоръ узналъ его, видѣлъ съ какимъ участіемъ онъ глядѣлъ на него. Онъ зналъ что майоръ будетъ строгъ, но справед-

ливъ. Онъ узналъ также одного изъ ротмистровъ, а именно „покойнаго“ графа Горна.

Эрихъ объявилъ что онъ доволенъ составомъ суда. Онъ еще разъ разказалъ какимъ образомъ пушкѣ попалъ къ нему, какъ онъ держалъ его въ рукѣ. Но онъ твердо стоялъ на томъ что только одинъ стволъ былъ заряженъ и что онъ не стрѣлялъ. Его увели въ арестантскую. Началось совѣщаніе. Различныя чины совѣщались отдѣльно.

Эрихъ сидѣлъ въ маленькой, узенькой, темной и холодной комнаткѣ. Онъ глубоко страдалъ. Мысль о Бландѣ не покидала его. Онъ сжалъ голову руками и горько зарыдалъ. Дверь отворилась и въ комнату вошелъ лѣхотный унтеръ-офицеръ. Онъ подошелъ къ Эриху, положилъ руку ему на плечо и сказалъ:

— Крѣпитесь и мужайтесь, бомбардиръ! Пора! Соберитесь мыслями и держите голову прямо. Не слѣдуетъ бояться несчастья. Будьте всегда на все готовы, смотрите всякому несчастью прямо въ глаза — тогда вы не будете его рабомъ. Пригладьте волоса и отрите слезы. Не слѣдуетъ показывать другимъ свое горе и свои страданія.

Эрихъ ободрился и твердыми шагами вошелъ въ залу суда. Всѣ судьи были на своихъ мѣстахъ. Лицо майора Клеммера было блѣдно и серьезно. Въ глазахъ свѣтилась грусть и участіе. Онъ прочелъ Эриху тихимъ и мягкимъ голосомъ приговоръ. Судъ, большинствомъ голосовъ, признавалъ Эриха виновнымъ и приговорилъ его къ разжалованію, въ присутствіи всей батареи, и къ десятилѣтнему заключенію въ крѣпости.

Сильнѣе всего страдалъ Эрихъ при мысли что онъ будетъ разжалованъ въ присутствіи всей батареи. Онъ зналъ что капитанъ фонъ-Мандерфельдъ не избавитъ его ни отъ какихъ униженій. Но вышло иначе. Правительство узнало много дурнаго о капитанѣ фонъ-Мандерфельдѣ и онъ, несмотря на свою протекцію и свои ордена, былъ уволенъ. На его мѣсто назначили перваго поручика Шаллера.

Первый поручикъ призвалъ немедленно къ себѣ Эриха и старался его ободрить и успокоить. Наступилъ день исполненія приговора. Эрихъ явился, по желанію своего начальника, въ мундиръ простаго кановира. Вахмистръ Пинкель прочелъ, въ нѣсколькихъ словахъ, приговоръ. Затѣмъ первый поручикъ сказалъ что не будетъ противъ, если

товарищи захотятъ проститься съ Фрейбергомъ. Тогда Эриха окружили всѣ бомбардиры, канониры и унтеръ-офицеры. Не было только длиннаго Виберта. Его, за его неряшливость и лѣность, перевели въ казарменную кухню. Даже вахмистръ Пинкель, прощаясь съ Эрихомъ, былъ глубоко взволнованъ. Но трогательнѣе всего было прощеніе бомбардировъ Вейтберга и маленькаго Шварца. Они не могли оторваться отъ Эриха и все время плакали.

Первый поручикъ Шаллеръ узналъ между тѣмъ что гарнизонъ капитана Вальтера, находившійся при фортѣ Максимилиана, переводится въ ту самую крѣпость куда заключили Эриха. Онъ узналъ также что другъ Эриха бомбардиръ Шмоллеръ, произведенный въ унтеръ-офицеры, переходитъ также въ ту крѣпостную роту. Тогда онъ поручилъ Шмоллеру отвезти Эриха къ мѣсту заключенія.

Нечего и говорить что Шмоллеръ всѣми силами старался разсѣять и развеселить бѣднаго Эриха. Онъ разказалъ ему между прочимъ что почти забылъ графиню Галлеръ, что любитъ мамзель Штѣккель и что она согласилась выйти за него замужъ.

— Счастливецъ, отвѣтилъ ему Эрихъ, грустно унывая, — ты приближаешься къ пристани, тебя ждетъ счастье. Я же обреченъ на десятилѣтнее бездѣйствіе... а потомъ ждутъ меня одно горе да одиночество. Я долженъ забыть все, все что любилъ, что мнѣ дорого!...

Черезъ три дня они прибыли въ крѣпость. Эриха отвезли въ маленькую, бѣдно меблированную комнатку.

Онъ подошелъ къ окну. Оно выходило на громадный валъ. Кругомъ видѣлись высокіе каменные столбы. Онъ открылъ окно и прижался лицомъ къ желѣзной рѣшеткѣ. Онъ готовъ былъ сойти съ ума отъ одной мысли что долженъ пробыть здѣсь десять лѣтъ. Десять лѣтъ! Его лучшіе, молодые годы! Пробыть здѣсь года которые онъ посвятилъ бы на трудъ, на работу мысли, на добываніе себѣ хорошаго, честнаго существованія!

Онъ сѣлъ на свою узенькую бѣдную постель и опустилъ голову на руки. Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо на свободѣ, какъ хорошо въ лѣсу, въ полѣ, на горахъ... Онъ вспомнилъ свое дѣтство, вспомнилъ бѣдный, обвалившійся домикъ въ лѣсу. Какъ хорошо было его прошлое, какъ

тяжело, какъ мрачно настоящее!... И все грустнѣй, все тяжелѣй становилось на душѣ... Онъ вспомнилъ Бланду...

Такъ просидѣлъ онъ три часа. Кто-то тихо отворилъ дверь его темницы. Въ комнату вошелъ высокій, полный человекъ.

— А, понимаю! вскричалъ онъ.—Вы предаетесь отчаянію и вспоминаете прошлое!

Эрихъ узналъ бывшего настоятеля Цвингенбэрской церкви, отца прекрасной Зельмы. Онъ схватилъ руку старика, прилагая къ ней и зарыдалъ.

— Перестаньте, сынъ мой! Правда, я не предполагалъ что встрѣчусь съ вами такимъ образомъ... Я знаю, вы старались оправдаться. Успокойтесь. Комендантъ здѣшней крѣпости—прекраснѣйшій человекъ—принимаетъ отчего-то большое участіе въ вашей судьбѣ. Слѣдовательно, вамъ не будетъ худо здѣсь. Я могу даже сообщить вамъ что комендантъ хочетъ употребить васъ на письменныя работы. Я же предлагаю вамъ свою бібліотеку. Я овдовѣлъ и хозяйствомъ занимается теперь у меня Зельма. Мужъ ея также умеръ.

— Зельма здѣсь? Какъ я былъ бы радъ видѣть ее!

— Да, она здѣсь. Она не забыла васъ и просила меня позволить вамъ провести сегодняшній вечеръ съ нами. Пойдемте. Эрихъ точно во снѣ вышелъ изъ своей комнатки и направился къ дому пастора.

Старая служанка отворила имъ дверь. Они вошли въ большую, свѣтлую, уютную комнату.

Вошла Зельма. Она была все также стройная, изящная, хороша собою. Станъ обтягивало простое сѣрое кашмировое платье. Ея прекрасные свѣтлые волосы были распущены. Она протянула Эриху обѣ руки и сказала дрожащимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Привѣтствую васъ здѣсь, другъ мой. Я не забыла васъ, рада, очень рада васъ видѣть.

Она сильно пожала ему руку и устремила на него блестящій горячій взглядъ. Эрихъ почти испугался. Онъ чувствовалъ, сознавалъ на себѣ сильное, чарующее вліяніе этой женщины. Но онъ поборолъ себя. Онъ заставилъ себя вспомнить прежнія встрѣчи съ нею.

Но вслѣдъ затѣмъ, онъ снова помирился съ нею. Она была такъ проста, искренна, безыскусственна. Она разказывала ему, не стѣсняясь присутствіемъ отца, о своемъ мужѣ, о томъ какъ была несчастлива съ нимъ. Она не оправдывала себя;

но говорила что ей не дали свободы выбора, что ей не дали возможности устроить самой свое счастье.

На третій день была назначена переключка. Эрихъ былъ представленъ начальнику крѣлости, лѣхотному генерал-майору графу Земмерингу. Это былъ высокій, сильный мужчина, съ краснымъ лицомъ и почти сѣдою бородой. Онъ былъ строгъ съ своими подчиненными, но справедливъ, веселъ и хорошій товарищъ. Его всѣ любили.

Замѣтивъ Эриха, онъ окинулъ его быстрымъ, прощальнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Такъ это ты „последній бомбардиръ“ четвертой ковалой батареи?! Глядя на него, никто и не подумаетъ что онъ такой озорникъ! Ну, поживемъ—посмотримъ. Мы будемъ справедливы. Прежде всего справедливость, сынъ мой. Если ты будешь вести себя умно и хорошо, то встрѣтишь съ нашей стороны сочувствіе и дружбу, если же нѣтъ—то берегись! Мы сумѣемъ исправить тебя!

Эриху приходилось почти каждый день работать при канцеляріи коменданта крѣлости. Работы было впрочемъ немного и онъ исполнялъ ее старательно. Ему жилось хорошо. Его любили и берегли. Но мысль о Бландѣ не покидала его и заставляла его глубоко страдать. Гдѣ она? Чтѣ съ нею? Онъ ничего не зналъ. Напрасно Шмоллеръ писалъ доктору Бурбусу и мамзель Штѣккель. Отъ перваго не было отвѣта; вторая извѣщала что ничего не знаетъ о Бландѣ.

Эрихъ не рѣшался говорить о Бландѣ съ Зельмой. Онъ замѣтилъ что Зельма въ последнее время какъ-то измѣнилась. Правда, она была ласкова съ нимъ, но была въ то же время сдержанна, серьезна, молчалива.

Было воскресное утро. Въ маленькой крѣпостной церкви шла служба; пасторъ Вендлеръ говорилъ проповѣдь. Окно было открыто и Эрихъ слышалъ его громкій, рѣсскій голосъ. Эрихъ сидѣлъ у окна и писалъ Бурбусу. Онъ просилъ его сжалиться надъ нимъ и написать, чтѣ случилось съ Бландой. Но онъ съ трудомъ писалъ. Слезы душили его. Онъ оставилъ письмо и началъ ходить по комнатѣ.

Вдругъ онъ увидѣлъ у дверей знакомый и дорогой для него образъ старика и невольно вскрикнулъ:

— Господи въ докторъ Бурбусъ!

— Да, сынъ мой, это я. Голосъ старика дрожалъ, лицо

горько.—Это я пришелъ за тобою. По всемилостивѣйшему повелѣнію государя ты оправданъ и помилованъ.

Они бросились въ объятія другъ друга.

Они вышли изъ комнаты. Эрихъ и старый Бурбусъ отправились на квартиру генераль-майора графа Земмеринга. Эрихъ видѣлъ какъ графъ тихо вѣзжалъ во дворъ цитадели. Онъ видѣлъ затѣмъ какъ Зельма вышла на крыльцо и сдѣлала знакъ генералу. Тотъ подошелъ къ ней. Она сказала ему нѣсколько словъ и скрылась. Лицо генерала просіяло и онъ вошелъ къ себѣ веселый, счастливый.

Онъ принялъ отъ Бурбуса необходимыя бумаги и съ улыбкой выслушалъ вѣсть объ освобожденіи Эриха.

— Ну, надѣюсь, вскричалъ онъ весело,—вы рады что свободны и не захотите остаться здѣсь лишній день! Счастливаго пути!

Эрихъ собравъ свои пожитки отправился къ своему другу Шмоллеру. Съ нимъ пошелъ и докторъ Бурбусъ. Но едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ какъ встрѣтили слѣдившаго, взволнованнаго унтеръ-офицера. Лицо его покраснѣлось и дышало глубокимъ счастьемъ.

— Вотъ и ты! вскричалъ онъ еще издали.—Ты знаешь что ты свободенъ?

— Да.

— И знаешь какимъ образомъ узнали о твоей невинности?

Эрихъ взглянулъ вопросительно на доктора Бурбуса. Тотъ улыбнулся и пожавъ плечами отвѣтилъ:

— Я хотѣлъ потомъ объяснить тебѣ. Но пусть теперь говорить твой другъ.

— Видишь, Эрихъ, продолжалъ Шмоллеръ почти плачущимъ голосомъ,—видишь, они нашли что пуля которую выстрѣлили въ графа Зеefeldы была слишкомъ велика для моего карманнаго пистолета... Ахъ, Эрихъ, Эрихъ, я почти готовъ плакать отъ радости!

Эрихъ молча пожалъ ему руку. Шмоллеръ вытеръ глаза и продолжалъ:

— Слѣдовательно, выстрѣлъ былъ сдѣланъ кѣмъ-нибудь другимъ, и я знаю кто выстрѣлилъ.

— Вы знаете? спросилъ удивленный Бурбусъ.

— Да, пока знаю я одинъ, но вскорѣ это все узнаютъ. Моя невѣста, фрейлейнъ Штѣккель, писала мнѣ что ея братъ, лѣсничій Штѣккель, самъ явился къ генералу и объявилъ

что выстрѣлилъ его сынъ Иосифъ. Несчастнѣй юноша сѣдовалъ все время за вами. Онъ былъ также и на почтовомъ дворѣ. Увидѣвъ какъ Бланду силою влекли въ экипажъ онъ выстрѣлилъ въ графа Зеefeldъ.

— Слава Богу, сказалъ потрясенный Бурбусъ.—Теперь все ясно. Мнѣ жаль только несчастнаго юношу.

— Мнѣ скорѣе жаль отца. Доктора признали сына сумасшедшимъ и онъ на свободѣ. А ты, какъ я вижу,—обратился Шмоллеръ къ Эриху,—ты уже собралъ свои пожитки и готовъ къ отъезду.

— Мой экипажъ дожидается у гостиницы. Не угодно ли господину унтеръ-офицеру выпить съ нами стаканчикъ вина? А потомъ мы и поѣдемъ.

— Господинъ унтеръ-офицеръ, возразилъ Шмоллеръ съ лукавою улыбкой,—не можетъ принять ваше приглашеніе, но фельдфебель Шмоллеръ съ радостью выпьетъ за ваше здорovie.

— А! поздравляю васъ!

Эрихъ простился со своимъ другомъ и сѣлъ вмѣстѣ съ Бурбусомъ въ его уютный экипажъ. Старикъ разказалъ о послѣднихъ событіяхъ происшедшихъ въ замкѣ Вальдбургъ. Впрочемъ, онъ скрылъ многое.

— Теперь ты свободенъ и отъ тебя зависитъ быть довольнымъ и счастливымъ. Всѣ дороги открыты предъ тобою. Главный штабъ видитъ теперь что ты способный и хороший солдатъ. Тебѣ разрѣшено немедленно же вернуться въ Бригадную Школу, чтобы тамъ окончить свое образованіе.

— Нѣтъ, никогда!

— На тебя обращаютъ теперь вниманіе; тебѣ желаютъ добра. Теперь, будь въ этомъ увѣренъ, ты добьешься зполеть.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу. Я буду лучше дѣлшичимъ, буду простымъ хлѣболашцемъ, но я не вернусь больше въ военную службу!

— Ты знаешь, продолжалъ докторъ пожимая плечами,—твоя бывшая знакомая и другъ стала теперь знатною, богатою дѣвушкой. Можетъ-быть вы когда-нибудь свидитесь. Въ такомъ случаѣ ей будетъ пріятно если она увидитъ тебя офицеромъ.

— Если Бланда не захочетъ признать меня въ простой курткѣ работника, а признаетъ меня только когда я буду офицеромъ, въ такомъ случаѣ я не много потеряю.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ займемся лѣсомъ и сельскимъ хозяйствомъ.

— Да, и я буду спасень, я буду счастливъ.

Тогда старый Бурбусъ сталъ совѣтовать Эриху какъ приняться за новую дѣятельность. Онъ совѣтовалъ ему поступить въ Академію сельскаго хозяйства и изучить также лѣсоводство. Затѣмъ онъ передалъ ему что старый графъ Зеefeldъ принимаетъ горячее участіе въ его судьбѣ и готовъ для него все сдѣлать.

— О, какъ я ему благодаренъ! Какъ благодаренъ я вамъ, мой дорогой, многоуважаемый другъ! Передайте графу что я заслужу его доброту и участіе. Можетъ-быть я увижусь съ нимъ когда-нибудь, увижу и Бланду — конечно, когда она будетъ уже замужемъ, будетъ счастлива и забудетъ меня.

— Гм, возразилъ старикъ, глядя украдкой на Эриха. — Я пока не слышалъ чтобы Бланда выходила замужь. Кто тебѣ сказалъ это?

— Зельма.

— Она сказала что Бланда выходитъ замужь?

— Да, за своего двоюроднаго брата, графа Дагоберта Зеefeldъ.

— Пустяки! проворчалъ Бурбусъ. — Скорѣй она выйдетъ за меня. А что касается графа Дагоберта, то онъ дѣйствительно женится, но не на Бландѣ, а на графинѣ Клотильдѣ Галлеръ.

Старикъ прижался въ самую глубь экипажа и улыбнулся.

Былъ чудный вечеръ. Все въ природѣ дышало счастьемъ, нѣгой... все было полно красоты, гармоніи... Эрихъ прислушивался то къ кваканью лягушекъ въ небольшомъ лѣсномъ прудѣ, то къ звонкой, нѣжной трели соловья... Онъ глядѣлъ на небо, на его безчисленныя, блестящія, слегка дрожащія звѣзды. И ему стало, вдругъ такъ хорошо, такъ радостно.

Эрихъ мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ работать, трудиться, какъ добьется уваженія всѣхъ своихъ друзей и покровителей. Онъ мечталъ о томъ что встрѣтится съ Бландой, какъ будетъ ее всегда любить, ее одну...

Мечты Эриха осуществились. Доказательствомъ могутъ служить два письма, изъ которыхъ одно было писано графиней Клотильдой Зеefeldъ, другое Бландой Фрейбергъ.

Вотъ отрывокъ изъ перваго письма:

„Милая, дорогая Женевиѣва,—писала графиня Зеефельдъ,— Я олять добилась своего: мы ѣдемъ эту весну въ мой прекрасный Баденъ-Баденъ. Не брахи меня. Развѣ я виновата что Дагобертъ не любитъ его. Вѣдь я не привуждаю его ѣхать со мною. Вообще, я предоставляю ему полную свободу. Не знаю, подходящая ли я ему жена. Онъ дѣлаетъ мнѣ иногда сцены. Нѣсколько дней тому назадъ я вышла, сказавъ ему на прощанье: „Tu l'as voulu Georges Dandin!“ Но я знаю, онъ прѣдетъ за мною.“

Влада Фрейбергъ писала своей подругѣ:

„Я настояла на своемъ и Эрихъ взялъ меня съ собою. Мы живемъ въ томъ городкѣ гдѣ нѣкогда жилъ его отецъ. Мы въ лѣсу. Эрихъ устраиваетъ здѣсь колоссальныя лѣсныя мельницы. Я не взяла съ собою ни одной изъ своихъ служанокъ. Я хочу быть одна съ нимъ, совершенно одна. Здѣсь, въ лѣсу, такъ чудно-хорошо. Я всегда съ нимъ, всюду сопровождаю его на лошади. Еслибы ты знала какъ онъ ѣженъ, какъ заботливъ! Случается, если бываетъ дождь, мы проводимъ цѣлый день въ нашей маленькой комнаткѣ. Я тогда готовлю обѣдъ. Еслибы ты могла насъ видѣть, ты от души посмѣялась бы. Эрихъ постоянно осматриваетъ мои руки и озабоченно говоритъ: „Душа моя, я не виноватъ, ты желала этого.“

„Да, я желала этого. Я такъ счастлива, такъ глубоко счастлива, какъ никогда не думала быть.“

ЗНАКОМСТВО СЪ ШЕКСПИРОМЪ ВЪ РОССИИ

ДО 1812 ГОДА.

I.

Наша литература долгое время только отражала на себѣ вліяніе литературъ западныхъ, но не раздѣляла съ ними общаго литературнаго движенія. Такъ занесенъ былъ къ намъ ложно-классицизмъ, такъ было и съ изученіемъ Шекспира: его творенія задѣли нашу литературу, можно сказать, только краемъ. Въ то время какъ въ Германіи въ концѣ XVIII столѣтія встречаемъ мы прекрасный переводъ твореній Шекспира сдѣланный Тикомъ и Шлегелемъ, въ Россіи до начала XIX столѣтія мы имѣемъ на перечесть девять піесъ представляющихъ отчасти передѣлку, отчасти переводъ твореній Шекспира.

Хотя русскій театръ ведетъ свое происхожденіе не со времени только Елисаветы Петровны, однако въ томъ смыслѣ какъ мы его теперь понимаемъ онъ получилъ начало въ 1756, когда состоялся именной указъ объ учрежденіи „публичнаго Россійскаго театра“ въ Петербургѣ. Въ такомъ смыслѣ Сумароковъ справедливо называется „установителемъ Россійскаго театра“. Съ него мы и должны начать обзоръ знакомства съ Шекспиромъ въ Россіи до 1812 года. Если вслѣдствіе близкаго общенія между собою странъ Европы, страстноующіе артисты Англій могли

появиться въ Германіи сейчасъ же почти послѣ смерти Шекспира, въ 1626 году, * то у насъ конечно подобное явленіе было не мыслимо. О какомъ-нибудь вліяніи Шекспира до Сумарокова (1718—1777) было бы странно и говорить.

Главную заслугу свою Сумароковъ съ великою гордостью поставялъ въ томъ что явилъ Россамъ *Racine's театръ*. Онъ и не думалъ скрывать своихъ заимствованій у Корнеля, Расина и Вольтера. Въ критическую для себя минуту, когда созданная имъ система и основанная на ней личная его слава готовились пережить себя, онъ обратился за подкрѣпленіемъ къ авторитету Вольтера. „Неужели, восклицалъ онъ, по поводу успѣха піесъ Лукиана, Москва болѣе повѣритъ подъячему нежели г. Вольтеру и мнѣ?“ Но Сумароковъ зналъ и театръ Шекспира, хотя не прямо въ подлинникъ, и притомъ знакомство это было крайне поверхностное. Преклоняясь предъ авторитетомъ Вольтера, онъ естественно смотрѣлъ и на Шекспира глазами этого послѣдняго. Въ своей *Епистолю о Стихотворствѣ* онъ, правда, помѣщаетъ на Геликонѣ между другими поэтами и Шекспира, но къ имени его прибавляетъ „непросвѣщенный“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту ** онъ поясняетъ: „Шекспиръ англійскій трагикъ и комикъ, въ которомъ очень худова и чрезвычайно хорошева очень много.“ *** Этотъ отзывъ, можно сказать, заключаетъ въ себѣ *résumé* всего говоренаго Вольтеромъ о Шекспирѣ. Онъ получаетъ особое значеніе если принять во вниманіе отзывъ Сумарокова о Корнелѣ, Расинѣ и Вольтерѣ, которыхъ онъ называетъ „преславными трагиками“. Впрочемъ, не боясь ошибиться, можно сказать что Сумароковъ только потому и обращалъ, хотя мало, вниманіе на Шекспира что послѣдній былъ тогда предметомъ оживленнѣйшихъ споровъ во Франціи.

Изъ драматическихъ піесъ Сумарокова, его *Гамлетъ* указываетъ на свой первоисточникъ. Сумароковъ написалъ своего *Гамлета* въ 1748 году, **** а представлялъ *Гамлетъ* былъ въ первый разъ въ 1750 году, на придворномъ Петербургскомъ театрѣ. Въ послѣдній разъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1781 году (*Драматическій Словарь* 1787 года).

* Гервинусъ, Шекспиръ (ч. I, стр. 155) перев. Тимофеева.

** *Собр. сочин. Сумарокова*, т. I, стр. 337.

*** *Ibid.*, стр. 359.

**** См. каталогъ Омердина.

Сумароковъ не зналъ англійскаго языка, а потому обработка его шла чрезъ третьи руки. Онъ имѣлъ подъ руками или переводъ или передѣлку на французскій языкъ. Въ 1746 году де-Лалласъ издалъ вторую книгу переводовъ изъ Шекспира, заключающую въ себѣ *Ричарда III*, *Гамлета* и *Макбета*. * Вѣроятно, этимъ переводомъ и пользовался Сумароковъ. Не имѣя подъ руками того перевода, мы не можемъ сказать въ какомъ отношеніи находится къ нему передѣлка Сумарокова, и потому ограничимся указаніемъ различія между Шекспировымъ подлинникомъ и Сумароковскою передѣлкой.

Мы уже знаемъ отношенія Сумарокова къ гению Шекспира. *Драматическій Словарь*, говоря о переводѣ *Юлія Цезаря* Карамзинымъ, прибавляетъ: „что Шекспиръ не держался театральныхъ правилъ, тому истинная причина почтется можетъ пылкое воображеніе не могшее покориться никакимъ правиламъ, въ чемъ его осуждалъ знаменитый софистъ Вольтеръ, а также русскій стихотворецъ Сумароковъ.“ Не даромъ здѣсь упомянуты правила и имя Вольтера поставлено рядомъ съ Сумароковымъ. Сумароковъ очень высоко цѣнилъ эти правила и находился подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ Вольтера.

Что же это были за правила? Сумароковъ исполнилъ свою обработку по правиламъ теоріи ложно-классической драмы. Въ трагедіи дѣйствіе обусловливается или характеромъ лицъ или положеніями (situation). Сообразно съ этимъ можно находить лишь двѣ комбинаціи: или характеръ лица создаетъ положеніе, или характеръ определяется положеніями создаваемыми драматическими писателями. Въ трагедіи новаго времени вѣшнія дѣйствія обусловливаются характеромъ человѣка, имъ создаются и разрѣшаются. Напротивъ, въ трагедіи XVIII вѣка, извѣстной подъ именемъ ложно-классической, главное заключается въ эффектныхъ сценахъ, въ непредвидѣнныхъ столкновеніяхъ. Сюда присоединяется борьба чувствъ и разсудка. Герою приходится разрѣшить много противорѣчій и случайностей прежде нежели успѣетъ онъ дойти до конца (совершенная противоположность *Гамлету* Шекспира, гдѣ все указываетъ герою на необходимость дѣйствій). Для дѣйствія избирается одна какая-нибудь страсть

* *Histoire de l'influence de Shakspeare sur le théâtre français* Laeoxix. стр. 116.

или лучше исходъ страсти, развязка дѣйствія, завязка котораго разказывается въ началѣ пьесы. О характерѣ съ его измѣчивостію и способностію къ развитію тутъ нѣтъ и помину. Лица раздѣляются на дѣйствующихъ и не дѣйствующихъ. Людей съ ихъ многообразными качествами нѣтъ, а первые, дѣйствующіе суть озаглавленные страсти: влюбленный, тиранъ, честолюбецъ и пр. Вторые, не дѣйствующіе, лишены всякихъ чертъ и суть не люди, а говоряція реликвіи. Это такъ-называемые валерсики и валерсицы. Имъ герой и героиня разказываютъ о всемъ случившемся съ ними до начала страсти, вѣтшнія событія и внутреннее расположеніе, свои мыслы, самыя тайныя симпатіи и антипатіи. Эти же лица обязаны были своими разказами поддержать предъ зрителями изложеніе вѣтшнаго хода пьесы и восполнить чрезъ то недостатокъ дѣйствія. Само собою разумѣется что люди низшаго сословія, неспособные къ „высокимъ“ чувствованіямъ, не допускались на сцену. Даже самымъ появленіемъ на сцену они унижали бы героя, его „высокія“ чувствованія и торжественность сцены. Игнорированіе съ напряженными моментами страсти, ложно-классическая трагедія не допускала ничего что могло бы нарушить ея торжественность и гармонию. Даже въ выборѣ героя придерживались греческой и римской исторіи, и только въ періодъ улучшенія бралъ Вольтеръ своихъ героевъ изъ отечественной исторіи. Ложно-классическая трагедія утомляетъ при самомъ началѣ, она требуетъ вниманія къ мелочнымъ событіямъ и связямъ. Если разказъ коротокъ, то темнѣе, если длиннѣе, то утомительнѣе. Но попробуй опустить первыя сцены, и вся завязка потеряна вовсе, и дѣйствіе непонятно. Къ этому можно прибавить что реверсивство общій недостатокъ ложно-классическихъ героевъ и героинь. Страсть не мѣшаетъ имъ разчитывать и разсмѣривать каждый шагъ, останавливаться предъ каждымъ біеніемъ сердца. Вліяніе двора также оставило свой отпечатокъ, который состоялъ въ томъ что на сценѣ страсть должна была обнаруживаться прилично и въ мѣру. Присоединивъ сюда знаменитый законъ трехъ единствъ (*hors des trois unités il n'y a point de salut*). По требованію единства дѣйствія, слова и движенія лицъ дѣйствующихъ въ трагедіи должны быть замѣшаны въ представленномъ происшествіи такъ чтобы входили въ полный составъ пьесы и непосредственно клонили ее къ развязкѣ; причемъ жизнь человѣческая пред-

ставляется въ разказѣ, не въ дѣйстви, и кромѣ общихъ философскихъ разсужденій, никакіе эпизоды не должны быть вставляемы въ трагедію. Единство дѣйствія, это такъ-сказать союзъ или уговоръ нѣсколькихъ лицъ къ „общему содѣйствію въ одномъ происшествіи“. Это самое происшествіе должно непремѣнно совершиться во столько времени сколько нужно было бы въ самомъ дѣлѣ для развязки подобнаго случая въ свѣтѣ. Часто требовалось чтобы событіе начиналось, продолжалось и оканчивалось въ теченіе сутокъ, и это называлось единствомъ времени. Представляемое на сценѣ происшествіе должно было происходить въ одномъ городѣ, на одной улицѣ и нерѣдко въ одной комнатѣ. Это — единство мѣста. Прибавимъ что эти три единства непремѣнно должны быть растянуты на пять актовъ, и все это должно быть изложено александрійскимъ стихомъ. Сумароковъ изложилъ свой взглядъ на трагедію въ *Письмолъ о стихотворствѣ*. * Его требованія совершенно согласны съ требованіями же-классической трагедіи.

Чувствительный всего трагедія сердцамъ,
Она намъ плачь и горсть представляетъ.

И притомъ въ высшемъ направленіи, какъ напримѣръ:

Треземскій князь забывъ о рыцарскихъ играхъ,
Воспламененіе почувствовалъ въ крови...

Въ примѣръ можетъ идти и вдова Гектора, по изображенію Расина, которая...

Въ сматеніи извержена въ двѣ страсти...
Не знаетъ что оказать при выборѣ напастей.

...Или Альзира Вольтера: При этомъ не должно представлять того что

„на мигъ пріятно“,

Но чтобъ то дѣйствіе надолго было внятно...

Въ комедіи, на примѣръ, можно только явить „бездушнаго“, подъячаго, щеголя, который родился „для амура“, „гордаго, скулаго“. Все это должно быть изложено въ приличной формѣ:

Знай въ стихотворствѣ ты различіе родовъ,
И что начнешь, ищи къ тому приличныхъ словъ.

* Соч. Сумарокова, т. I.

Не раздражая музъ:

Слезамъ Талию, а Мельпомеу смѣхомъ.

Не оскорбляя благороднаго вкуса введеніемъ лицъ не вышшаго сословія:

Пасаждой, дворянскъ, маркизъ, графъ, князь, владѣтель
Восходить на театръ: творецъ находитъ путь
Смотрителей своихъ чрезъ дѣйство умъ тронуть.

Въ этихъ стихахъ очевидно вліяніе Вольтера, до котораго на сцену допускались только лишь боги, полубоги и герои.

Слѣдуя Вольтеру, Сумароковъ не осмѣлился поднять руку и на три единства.

1. Не представляй двухъ дѣйствъ къ смѣшенію мнѣ думъ,
Смотритель къ одному свой устремляетъ умъ...
Аелины и Парнасъ зря краску царску дочь,
Котору умерщвлялъ отецъ какъ лютой звѣрь,
Въ стѣнахъ своемъ единогласны были
И только лишь о ней потоки слезны алаи...
2. Не тщишь гаваз и слухъ развличіемъ превлестать,
И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа выстатъ,
Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить:
Чтобъ я, забывшися, возмогъ тебѣ повѣрить,
Что будто не игра то дѣйствіе твое,
Но самое тогда случившися бытіе.
3. Не сдѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ
Чтобъ мнѣ театръ твой зря имѣючи за Римъ
Не полетѣтъ въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину.*

Эту теорію Сумароковъ вполне приложилъ къ своей переложкѣ *Гамлета*. Въ *Гамлетѣ* Шекспира является однолицо которое приводило въ смущеніе теорію псевдо-классической трагедіи. Это духъ отца Гамлета. Вопросъ о томъ, возможно ли появленіе духа на сценѣ, имѣлъ особое мѣсто въ литературѣ и въ концѣ-концовъ рѣшенъ былъ утвердительно самою практикой сцены. Духъ является въ разныхъ мѣстахъ Шекспира (*Макбетъ*, *Ричардъ*). Но нигдѣ Шекспиръ не далъ ему точнаго обстоятельнаго развитія и объясненія какъ въ *Гамлетѣ*. Первое дѣйствіе *Гамлета* посвящено подготовленію той трагической почвы на которой долженъ будетъ дѣй-

* Соч. Сумарокова, т. I, стр. 340—341.

твовать трагическій герой. Онъ долженъ начать борьбу съ кружающимъ его настоящимъ зломъ, имѣя основу для своихъ дѣйствій въ прошедшемъ. Духъ въ *Гамлетѣ* Шекспира является офицерамъ на стражѣ, другу Гамлета Гораціо и самому Гамлету. Отношеніе духа ко всѣмъ названнымъ лицамъ опредѣляется характеромъ каждаго изъ нихъ. Марцелло, представитель военного сословія окружающаго престолъ (онъ офицеръ при дворцовомъ караулѣ), человекъ прямой, нечеловѣкъ, знакомый однако съ современными событіями; онъ встревоженъ ихъ необычайностію. Въ слѣдствіе своего характера онъ теряется въ нихъ и, не умѣя найтись ищетъ разъясненія у ученаго Гораціо. Въ слѣдствіе недовольства настоящимъ онъ обращается къ лучшему прошлому, охваченъ имъ совершенно и живо представляетъ его себѣ. Въ осуществленіе этого образа его мыслей и является *духъ*, который по отношенію къ Марцелло, есть облеченный образомъ съ понятіемъ о духахъ формой образъ его душевнаго настроенія. Все сказанное о Марцелло относится и къ Бернардо. Не будь Бернардо, Марцелло могъ бы казаться представителемъ только своего личнаго образа мыслей. Гораціо есть личность противоположная Марцелло и Бернардо. Онъ не одаренъ силою воображенія въ такой мѣрѣ какъ они, онъ ученый, прибылъ только-что въ родную сторону и не знакомъ съ положеніемъ дѣлъ. Для него, какъ ученаго, прошедшее въ данную минуту не имѣетъ такого значенія какъ для Марцелло и Бернардо; поэтому онъ относится къ явленію духа съ недоувѣріемъ. Нѣсколько усиленная дѣятельность въ государствѣ, дальше которой не идетъ тревога Марцелло и Бернардо, объясняется Гораціо естественно. Но на родинѣ его болѣе и болѣе охватываетъ тревога, и общее недовольство настоящимъ дворомъ, высказывающееся даже въ лицахъ обязанныхъ охранять престолъ, обращаетъ и его мысль съ большею силою къ прошлому; онъ видитъ духа, который хочетъ что-то сказать ему какъ болѣе способному ловить событія, но не говорить. Итакъ, духъ и по отношенію къ Гораціо есть его мысли и впечатлѣнія, охватившія его по возвращеніи на родину, есть *силы* его душевнаго настроенія.

Гамлетъ въ слѣдствіе самаго своего характера (онъ боится всего кажущагося и желаетъ во всякомъ дѣлѣ знать

истину) обращается къ прошлому, такъ какъ при настоящемъ дворѣ Датскомъ царствуетъ притворство. Онъ связанъ тѣсными естественными узами съ умершимъ королемъ и съ царствующею королевою, что его также обращаетъ къ прошлому. Внезапность смерти отца и послѣдшность бранка матери усиливаютъ такое обращеніе къ прошлому. Такая близкая и тѣсная связь съ прошлымъ производитъ то что образъ отца носится предъ Гамлетомъ. Сверхъ того разказъ друзей, который вызываетъ сравненіе прошлого съ настоящимъ („и я видалъ его, не найти мнѣ...“ *Гамлетъ*, пер. Вронченко, изд. 1828, стр. 18) и оцѣнку настоящихъ событій („Онъ былъ вооруженъ... чѣмъ гнѣва“ Вронченко, 20, 21) имѣеть такое же значеніе. Такимъ образомъ весь душевный міръ Гамлета сосредоточивается на мысли объ отцѣ. Потому естественно что на караулѣ, когда и внѣшная природа увеличиваетъ мрачное настроеніе, неумѣстное и оскорбительное веселье Датскаго двора въ то время когда близокъ уже часъ когда блуждаетъ *духъ*, производитъ то что душа Гамлета всецѣло наполняется мыслию объ отцѣ: онъ видитъ *духа*. Духъ является. Двукратный призывъ Гамлета духомъ указываетъ что для его друзей не существовало тѣхъ причинъ которыя заставляли Гамлета постоянно думать объ отцѣ. (Вронч. 33, воображеніе... изъ себя.) Гамлетъ по своему характеру не открывалъ друзьямъ своихъ мыслей (духъ говоритъ съ нимъ однимъ). Слова духа суть какъ бы мысли возникшія постепенно въ душѣ Гамлета, волевымъ, мыслью о мести королю за убійство (Вронч., 34), потомъ двойная мечь (убійство безчеловѣчное, Вронч., 35), дакъ мысль о кровосмѣшеніи матери, хотя слабость извѣстна въ матери какъ подпавшей подъ вліяніе коварнаго и болѣе сильнаго человѣка (Вронч. 36, 37); наконецъ сожалѣніе объ отцѣ убитомъ въ цвѣтѣ лѣтъ, среди полнаго разгара жизни (тамъ же). Когда друзья приносятъ на мечъ клятву Гамлету въ вѣрности, то вслѣдствіе тѣсной связи ихъ дѣи съ прошлымъ, съ личностію умершаго короля, надъ ними какъ бы витаетъ его духъ, и вотъ они слышатъ голосъ *духа*, хотя и не видятъ его образа. Итакъ, и здѣсь духъ есть только отраженіе душевнаго настроенія мыслей клянущихъ. Итакъ явленіе *духа* у Шекспира, какъ сценическое приспе-

собленіе, вполнѣ естественно. Обладая высшимъ художественнымъ тактомъ, Шекспиръ сообщалъ ему должную внѣшнюю обстановку, согласную съ народными повѣрьями о духахъ. Первое дѣйствіе *Гамлета* имѣло сильное вліяніе на Вольтера, и онъ подражалъ духу *Гамлета* въ двухъ пьесахъ: *Eryphile* (1732 года) и *Семирамида* (1746), и оба раза неудачно. Въ первой пьесѣ, тѣнь умершаго короля соответствуетъ тѣни въ *Гамлетѣ*. И тотъ, и другой открываютъ совершенное преступленіе и жалуются на невѣрность супругъ, оба взываютъ къ сыну о мести; но какое громадное различіе между тѣмъ и другимъ! Тѣнь Амфіарая у Вольтера является среди дневнаго блеска, она обращается ко всемъ. Преступленіе, о которомъ она думаетъ сообщить, почти съ точностію подозрѣвалось задолго до того. Въ ея рѣчахъ нѣтъ ничего трогательнаго, способнаго произвести впечатлѣніе.

Возбуждая къ мести Гамлета, тѣнь говоритъ у Шекспира:

Но что бы ты ни предпріимъ для мести,
Странись узрѣть душу умыслаемъ
На мать свою: оставь ее, мой сынъ,
Суду небесъ и терпіамъ сокрытымъ въ ея груди.

Какъ мало гармонируетъ съ этимъ угрожающая и слишкомъ дерзкая тѣнь Амфіарая, когда онъ приходитъ требовать мести! (*Алкмеонъ*: противъ кого? *Амфіарай*: противъ твоей матери. *Eryphile*. Дѣйствіе 4е, сцена II.)

Желаніе поражающихъ эффектовъ приводило ко многимъ несообразностямъ. Вольтеръ заставилъ тѣнь Амфіарая явиться среди бѣлаго дня, предъ собраніемъ, въ присутствіи его жены Эрифиды и быть видимою ею. Съ грознымъ видомъ, раздраженная и поражающая собраніе является тѣнь: „Кто ты?“ спрашиваетъ Алкмеонъ. „Царь твой! отвѣчаетъ тѣнь, рѣшайся, ловиуйся мнѣ“.

Вольтеръ самъ понималъ неустѣхъ своего подражанія и возвратился къ прежней попыткѣ въ *Семирамидѣ* (1746).

Семирамида есть не что иное какъ пересмотрѣнная и поправленная *Eryphile*. Вызывая событія изъ отдаленнаго прошедшаго Вольтеръ могъ дать болѣе свободы сверхъестественному. Онъ самъ признается въ предисловіи къ *Семирамидѣ* что „было довольно рискованнымъ предпріятіемъ представить Семирамиду собирающую государственныя чины для провозглашенія ея супруга; тѣнь Нива, выходящую изъ гробницы

чтобы предупредить кровосмѣшеніе и отомстить за свою смерть; Семирамиду входящую въ мавзолей, при выходѣ изъ котораго она была поражена рукою сына". И потому присоединилъ къ этой сценѣ свои объясненія. „Было не разъ указываемо на то что нельзя вѣрить въ привидѣнія, что явленіе мертвецовъ предъ націей просвѣщенною равнозначительно появленію пугаль для дѣтей“, говоритъ онъ. „Но вся древность вѣрила въ духовъ и христіанство освятило ихъ въ своей религіи. Кто же послѣ того осмѣлится осмѣивать возобновленіе ихъ на сценѣ?“ Такъ оправдывалъ себя Вольтеръ. Въ свое оправданіе онъ указывалъ еще на источникъ своихъ заимствованій. „Англичане, конечно, не больше Римлянъ вѣрятъ привидѣніямъ, однако они постоянно съ удовольствіемъ видятъ въ трагедіи *Гамлетъ* тѣнь короля, которая является на сценѣ въ случаѣ почти положемъ на тотъ по которому вы видите тѣнь Нина въ Парижѣ.“ Между искрами творчества которыя онъ находитъ въ Шекспирѣ, его болѣе всего поражала удача съ какою вывелъ Шекспиръ на сцену тѣнь отца Гамлета. „Нужно сознаться, говоритъ онъ, что между красотами поражающими васъ среди ужасныхъ нечеловѣчествъ, тѣнь отца Гамлета есть наиболѣе поразительное явленіе на сценѣ. Она производитъ всегда величайшій эффектъ въ Англіи. Эта тѣнь производила болѣе ужаса чѣмъ напримѣръ тѣнь Дарія въ трагедіи Эсхила *Персы*. Духъ Дарія является возвѣстать несчастія своему семейству, духъ отца Гамлета у Шекспира требуетъ мести, приходитъ открывать тайны преступленія. Тѣнь вставлена чтобъ убѣдить въ томъ что есть невидимая сила которая управляетъ въ природѣ.“ (Предисловіе къ *Семирамидѣ*).

Изъ сличенія съ Шекспиромъ мы можемъ видѣть какъ далеко былъ Вольтеръ отъ пониманія своего образа, и естественно что подражаніе выходило неудачно. Подражая *духу* отца Гамлета въ *Семирамидѣ*, Вольтеръ даетъ намъ самую жалкую копію этого *духа*. Комбинація совершенно та же что въ *Eryphile*, и *духъ* здѣсь даже слабѣе и куріознѣе. Онъ нисколько не связанъ съ лиесой по ходу дѣйствія. Это какой-то чуждый лиесѣ элементъ, въ родѣ Deus ex machina. Слишкомъ странно слышать что Нина является какъ привидѣніе, а между тѣмъ Семирамида обнимаетъ его колѣни

Замѣчательное сужденіе относительно возможности появленія „духа“ какъ отдѣльнаго лица въ драматическихъ произведеніяхъ принадлежитъ Лессингу, и справедливо заслуживаетъ чтобъ остановиться на немъ подробно.

„Появленіе духа во французской трагедіи было столь смѣлымъ нововведеніемъ и поэтъ вводившій ихъ оправдывалъ себя столь своеобразно“, говоритъ Лессингъ при разборѣ *Семирамиды*, „что можно остановиться на этомъ. Если мы находимъ въ писаніяхъ новаго времени такихъ же *духовъ* какъ и въ писаніяхъ древности, то вопросъ заключается въ томъ, имѣлъ ли новѣйшій драматическій поэтъ право вводить ихъ? Оставимъ этотъ вопросъ не рѣшеннымъ и поставимъ вопросъ: можетъ ли поступать такъ поэтъ если онъ переводитъ дѣйствіе во времена болѣе отдаленныя и довѣрчивыя? Поэтъ долженъ представить предъ нашими глазами происшествіе извѣстной эпохи не съ историческою буквальною вѣрностію, но подъ другимъ, высшимъ угломъ зрѣнія. Онъ долженъ трогать насъ черезъ возбужденіе чувствъ и воображенія. Если теперь поэтъ не въ состояніи удовлетворять этимъ требованіямъ, хотя бы предъ невѣрующимъ поколѣніемъ, то онъ не долженъ и браться за это. Но изъ этого не слѣдуетъ что этотъ источникъ ужаснаго и патетическаго долженъ быть оставленъ ради того что философія не позволяетъ вѣрить въ духовъ, или потому что холодный разумъ находитъ это суевѣрнымъ. Что значитъ собственно что мы не вѣримъ въ духовъ? Вопросъ о духахъ до сихъ поръ остается еще безъ разрѣшенія и имѣетъ много за и противъ. Иные не придаютъ духамъ никакой важности, другіе напротивъ боятся ихъ. Бѣольшая часть относятся равнодушно, готовые смѣяться надъ ними днемъ и съ ужасомъ слушающіе о нихъ въ темную ночь. Это нисколько не можетъ мѣшать драматическому поэту сдѣлать изъ нихъ должное употребленіе. Сѣмья лежитъ въ насъ самихъ. Дѣло поэта образовать изъ него зародышъ. Въ обычной жизни мы можемъ вѣрить чему угодно, на театрѣ должны вѣрить чему пожелаетъ чтобы мы вѣрили поэтъ. Такимъ поетомъ былъ Шекспиръ, поетомъ единственнымъ въ этомъ родѣ. Его духъ въ *Гамлетѣ* заставляетъ волоса стать дыбомъ, будь то волоса вѣрующаго или невѣрующаго. Вольтеръ не удовлетворилъ ни одному изъ этихъ требованій. Для сосредоточенія дѣйствія на главномъ лицѣ важно, конечно, чтобы духъ не отлекалъ отъ

него вниманія зрителей, и у Шекспира духъ говоритъ съ однимъ Гамлетомъ. Въ сценѣ же съ матерью она не видитъ духа, духъ дѣйствуетъ на насъ болѣе чрезъ Гамлета нежели самъ по себѣ; впечатлѣніе, которое *духъ* производитъ на Гамлета, переходитъ въ насъ. Вольтеръ дурно воспользовался этимъ художественнымъ приѣмомъ. Въ его *духъ* ужаснаго много, но онъ ужасаетъ немногихъ. Одна Семирамида восклицаетъ: „Небо! Я умираю!“ на другихъ же это не производитъ никакого другаго дѣйствія, кромѣ того что друзья духа теперь вдругъ являются въ залъ.“ Къ этому Лессингъ прибавляетъ * еще нѣсколько замѣчаній о различіи между *духомъ* англійскаго и французскаго поэта. Сущность заключается въ слѣдующемъ: *духъ* Вольтера есть поэтическая машина необходимая только для связи; самъ по себѣ онъ интересуется насъ въ самой ничтожной степени. *Духъ* Шекспира есть дѣйствующее лицо въ судьбѣ котораго мы принимаемъ участіе. Потому онъ возбуждаетъ въ насъ не только ужасъ, но и состраданіе. Это различіе объясняется, конечно, различнымъ образомъ мыслей того и другаго поэта. Вольтеръ смотритъ на появленіе духа умершихъ какъ на чудо, Шекспиръ какъ на совершенно естественный случай. Кто философичнѣе — другой вопросъ, но Шекспиръ несомнѣнно поэтичнѣе. *Духъ* Нина у Вольтера такимъ образомъ не можетъ разсматриваться какъ существо способное, по выходѣ изъ этого міра, къ пріятнымъ или непріятнымъ ощущеніямъ. Это высшая сила дѣлающая своимъ явленіемъ исключеніе изъ своихъ вѣчныхъ законовъ, для обличенія и наказанія сокровенныхъ преступленій. Ошибка заключается не въ томъ что драматическій поэтъ направляетъ свою піесу къ уясненію и подтвержденію моральныхъ истинъ, но совершенно несправедливо добытыя нами нравственныя истины находить въ замѣреніяхъ древнихъ. Если потому Вольтеръ не имѣлъ въ виду ничего другаго какъ доказать верховную справедливость и избрать для наказанія необычайныхъ пороковъ необычайный путь, то *Семирамида* есть очень посредственное произведеніе, особенно когда, какъ въ этомъ случаѣ, представленная мораль нисколько не поучительна. ** Такъ мастерски вѣрно понялъ и изложилъ Лессингъ вопросъ о духахъ

* Собр. соч. Лессинга. 6 книга. Изд. 1866 г. *Hamburgische Dramaturgie*, стр. 54. Fünftes Stück. 5го іюня 1767.

** Ibid. Zwölftes Stück. 7го іюня 1767, стр. 59.

Объясненіе говорить само за себя. Можно замѣтить только что Лессингъ, имѣя дѣло съ духомъ Ница, не имѣлъ въ виду разъяснить что хотѣлъ Шекспиръ выразить въ своемъ духѣ. Въ *Вильгельмъ Мейстеръ*, Гёте, явивъ въ разборѣ *Гамлета* глубокое пониманіе Шекспира, коснулся и вопроса о духѣ. Когда все было готово къ представленію *Гамлета*, разказываетъ онъ, Вильгельмъ не зная кому дать роль духа и предлагалъ переждать не поступитъ ли кто-нибудь въ трупу кому бы можно было съ бѣльшимъ успѣхомъ предоставить эту роль. Вдругъ онъ получаетъ письмо что духъ явится въ надлежащее время, причемъ обѣщалось что незнакомецъ если не произведетъ чуда, то все же должно случиться необычайное. * Въ назначенное время духъ явился. Впечатлѣніе было громадное. Мы вылишемъ этотъ разказъ буквально. „Вильгельмъ, которому, какъ онъ говорилъ, не удался его первый монологъ, хотя публика и прѣвѣтствовала его самыми горячими рукоплесканіями, вышелъ дѣйствительно не въ довольно спокойномъ настроеніи на сцену въ то время какъ она должна представить темную и бурную ночь; однакоже онъ оправдился и произнесъ съ надлежащимъ спокойствіемъ весь извѣстный монологъ о пированіи и пьянствѣ сѣверныхъ жителей и совсѣмъ позабылъ при этомъ о привидѣніи, точно также какъ позабыли о немъ и зрители; и онъ дѣйствительно испугался когда Горацио воскликнулъ: Посмотрите, вотъ онъ! Онъ быстро оглянулся, и высокая, благородная осанка привидѣнія, тихая, почти неслышная постуль его, легкость движеній въ вооруженіи, которое казалось на видъ чрезвычайно тяжелымъ, все это произвело такое сильное впечатлѣніе на Гамлета, что онъ остался на своемъ мѣстѣ какъ вкопанный и могъ только вполголоса воскликнуть: „вы ангелы и силы небесныя, защитите насъ!“ Онъ взглянулъ на привидѣніе, нѣсколько разъ перевелъ духъ и наконецъ обратился къ привидѣнію съ такою безсвязною, растерянною и принужденною рѣчью что даже и при величайшемъ искусствѣ нельзя было сказать ее ни иначе, ни лучше. Ему много помогла въ этомъ отношеніи и его передача этого мѣста; въ ней онъ близко придержался оригинала въ которомъ самая разстановка словъ выражала настроеніе духа человѣка смущеннаго и испуганнаго, приведеннаго въ ужасъ: „Кто бы ты ни былъ,

* *Вильгельмъ Мейстеръ*. Кн. V, стр. 489. Пер. Полеваго. 1870.

добрый духъ или проклятый бѣсъ, что бы ты ни привнесъ съ собой, благоуханія ли неба или испаренія ада, каковы бы ни были добры ли, злы ли твои намѣренія, но ты приходишь въ такомъ почтенномъ образѣ что я не могу не заговорить съ тобой, не назвать тебя: Гамлетъ, король, отецъ! Отвѣчай же мнѣ!" Сцена переживаетъ, и когда изъ-подъ забрала раздались первые звуки, когда громкій, хотя нѣсколько хрипавый, голосъ произнесъ слова: „Я духъ твоего отца!“ Вильгельмъ отступилъ въ ужасѣ на нѣсколько шаговъ: ужасъ его отразился на публикѣ. Голосъ всѣмъ показался знакомымъ. Привидѣнiе говорило скорѣе съ чувствомъ глубокой горести нежели съ сожалѣнiемъ, но съ чувствомъ горести задумшею, тихой и безпредѣльной: то была скорбь великой души отдалившейся отъ всего земнаго и все подвергнутой жестокииъ страданiямъ.

„На общемъ послѣ того ужинѣ, и отсутствовавшiй духъ получилъ свою долю похвалъ и общаго изумленiя. Онъ проговорилъ всю роль свою очень вѣрно и величаво. Онъ точь въ точь походилъ на портретъ короля, какъ будто художникъ съ него именно писалъ самый портретъ, а друзья-театралы особенно восхваляли тотъ моментъ когда онъ вышелъ изъ-подъ лола не вдалекѣ отъ портрета и прошелъ мимо его; при этомъ дѣйствительность и обманъ зрѣнiя такъ странно сдѣлались что можно было въ самомъ дѣлѣ повѣрить королевѣ когда та говорила что она не видитъ одного изъ двухъ рядомъ стоящихъ образовъ. Серло особенно хвалить привидѣнiе за то что оно не говорило жалобнымъ тономъ и кончила свою рѣчь такъ какъ было прилично духу великаго героя, возбуждающаго сына своего къ мести за отца. „Прости, прости и помни: я отецъ твой!“ *

* Есть преданiе что самъ Шекспиръ исполнялъ роль духа (Герникусъ томъ I, стр. 178), и эта роль была верхомъ его искусства. Знаменитый германскiй артистъ Шрёдеръ, который самъ обрабатывалъ для сцены многiя произведенiя Шекспира, избиралъ тоже также роль духа. Ему сдѣловалъ и Лудвигъ Девриентъ, о которомъ сохранился слѣдующiй анекдотъ: мастеровой, которому назначено было охранять спускъ въ могилу, такъ былъ напуганъ голосомъ заклимающаго Девриента что послѣ объяснилъ режиссеру что онъ не можетъ удержаться отъ страха и что, вѣроятно, возлѣ Девриента отойтъ и жалобно вызываетъ настоящiй духъ. Его наспуу могилъ

Возвратимся къ передѣлкѣ Сумарокова. Сумароковъ остался вѣрнѣе ложно-классической трагедіи болѣе своего учителя Вольтера. Его передѣлка совершенно согласна съ теоріей ложно-классической трагедіи. Онъ былъ глухъ къ перемѣнамъ которыя самъ Вольтеръ внесъ въ трагедію подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ Шекспира. Онъ далъ своему Гамлету одну первенствующую страсть—любовь къ Офеліи и завязку трагедіи нашелъ въ борьбѣ Гамлета съ любовью къ Офеліи, дочери наперсника Клавдіева, Полонія, и местию за смерть отца. Онъ стеръ съ Гамлета и Клавдія всѣ типическія и художественныя черты сообщенныя имъ Шекспиромъ. Это не живыя личности какъ у Шекспира, а отвлеченныя имена: Гамлетъ—воплощенная добродѣтель въ борьбѣ съ воплощеннымъ въ Клавдіи и отчасти въ матери Гамлета порокомъ. Борьба Гамлета, какъ человѣка мыслящаго, съ самимъ собою, не существуетъ. У Сумарокова каждому лицу даны наперсники и наперсницы, которые необходимы въ ложно-классической трагедіи. У Клавдія такимъ наперсникомъ служитъ Полоній, у Гамлета—Армансъ, у Офеліи—Флеммина, у Гертруды—Ратуда. Вышняя связь дѣйствій слѣдующая. Строже Вольтера соблюдая условія ложно-классической трагедіи, Сумароковъ замѣнилъ духа своимъ, который тревожитъ Гамлета своимъ содержаніемъ. * Гамлетъ уже знаетъ о преступленіи Клавдія. Его удерживаетъ отъ мести только любовь къ Офеліи, дочери Клавдіева наперсника Полонія. ** Теперь онъ не хочетъ болѣе медлить...

убѣдить остальныхъ на своемъ мѣстѣ, и каждый разъ какъ Деверіентъ выходилъ изъ могилы, у того волосы становились дыбомъ. Между тѣмъ вотъ что разказываетъ Бѣлинскій (томъ II, ст. 538): о томъ какъ играли духа на русской сценѣ: „Наконецъ увертюра кончилась; зазавѣсь звякала, и мы увидѣли на сценѣ нѣсколько фигуръ, которыя довольно твердо читали свои роли и не улускали при этомъ дѣлать приличныя жесты; увидѣли какъ старая г. Усачевъ испугалась *какого-то пугала, которое означало собою тѣнь Гамлетова отца*, и какъ другой воинъ, желая показать что это тѣнь, а не живой человѣкъ, осторожно колымулъ своею алебардой воздухъ около тѣни, дѣлая видъ что онъ безвредно прокололъ ее... Все это было довольно забавно и смѣшно, но намъ, право, совѣтъ было не до смѣху; въ томительной тоскѣ дожидались мы что будетъ дальше...”

* Дѣйств. I, явл. I, игра воображенія (явл. 3, стр. 68).

** Дѣйств. I, явл. 1.

Злодѣйство Клаудіа уже изобаченно
 Офеліи́иъ отецъ погибаетъ непремѣнно.
 Отецъ мой убитъ среди своей страны,
 Не въ полѣ, на одрѣ лукавыя жены,
 Котора много лѣтъ жила съ нимъ безъ порока.
 А льстецъ Половій былъ орудіемъ злаго рока!
 Половій сей, кого отецъ мой толь любилъ!
 О дочь убійцына! почто тебѣ я милъ?
 Почто мила ты мнѣ? Почто я въ свѣтъ родился?
 Когда я своего отца твоимъ лишился!

Теперь во время сна:

Родитель мой въ крови предсталъ передо мной,
 И плача мнѣ вѣщалъ: о, сынъ! любезный сынъ!
 Познавъ вину моихъ несчастливыхъ судьбинъ
 Почто ты борешься съ разсудкомъ толь безчестно?

Армансъ продолжаетъ его мысль вслухъ:

*Суля природѣ данъ, мать хочешь пощадить,
 Не можешь по любви того ли сотворить?*

Но герою прилично торжествовать надъ страстію: *

Гертрудю, Армансъ, а человѣкомъ сталъ,
 Половіемъ отца на вѣки потерялъ;
 Оставляю мать суду всевысочайшей власти
 И воспротиваюся своей негодной страсти.
 Люблю Офелію, но сердце благородно
 Быть должно праведно, хоть платно, хоть свободно. **

Мать въ притворной заботливости приходитъ узнать здо-
 ровъ ли Гамлетъ, но онъ укоряетъ ее въ преступленіи; и от-
 того что Гамлетъ знаетъ эти преступленія, ею вдругъ овла-
 дѣваетъ отчаяніе и раскаяніе. Армансъ предлагаетъ ей вы-
 ходъ изъ тяжкаго положенія:

Пусти изъ глазъ своихъ потоки слезныхъ рѣкъ,
 Остави свѣтъ другимъ и плачь въ пустыняхъ въ вѣкъ.

На чтò Гертруда согласна:

На все готова я: а городъ оставляю
 Который мерзостью своею наполняю. ***

Отъ Шекспира здѣсь осталось одно только вѣншнее заим-
 ствованіе сцены изъ третьяго дѣйствія, въ которой Гамлетъ

* Стр. 61—63. Собр. соч. Сумарокова т. III.

** Ib. p. 64.

*** Ib. p. 71.

приводить королеву къ ясному сознанію ея преступныхъ дѣйствій. Герой Гамлетъ, какъ мы видѣли, соотвѣтствуетъ требованію ложно-классической трагедіи. Теперь предъ нами его противникъ, олицетворенный порокъ. Клавдій повѣствуетъ о себѣ зрителямъ:

Въ своемъ я царствіи единого зрю друга,
 Изгнала днесъ меня изъ сердца и супруга.
 Рабы не чувствуютъ любви ко мнѣ, лишь страхъ
 Еще содержитъ ихъ *отъ тиранскихъ* оукъ рукахъ.
 Когда природа въ свѣтъ меня производила,
 Она свирѣпствомъ всѣхъ мнѣ въ сердце положила.
 Во мнѣ ускоренить природное мнѣ зло
 О воспитаніе! и ты не возмогаю.

Подъ вліяніемъ совѣта королевы на него нападаетъ раскаяніе:

(*надъ на колѣна.*)

Се Боже! Предъ тобою сей мерзкій человекъ,
 Который страмотой одной напоилъ вѣкъ,
 Поборникъ истины (?), безстыдныхъ дѣлъ рачитель,
 Врагъ твой, врагъ ближняго, убійца и мучитель!
 Нѣтъ силы больше дѣлъ злодѣйскихъ мнѣ косить,
 Призудь меня, призудь прощенія просить!
 Всею желаніе искать мнѣ благодати;
 Я не могу въ себѣ сей ревности отыскати!
 Противныхъ божеству исполнень всѣхъ страстей,
 Ни искры добраго мнѣ въ совѣсти моей.
 При покаяніи моемъ мнѣ что зачати должно?
 Мнѣ царствія никакъ оставить невозможно,
 На что жь мнѣ каяться, и извергати адъ;
 Колю мысаи отъ Тебя далеко отстоятъ?

(*Возстаетъ.*)

Этотъ монологъ напоминаетъ молитву короля въ *Гамлетъ* Шекспира, молитву, которая тамъ предшествоуетъ обличенію королевы Гамлетомъ. Чувствуя себя нераскаяннымъ злодѣемъ Клавдій затѣваетъ убіиство Гамлета, а потомъ и его матери.

И выдетъ въ царскій одръ прекрасна дщерь твою,
 обѣщаетъ онъ Полонію:

Когда жь Офеліи я старъ аваяся быть,
 Ты можешь властію къ любви ее склонить.

Между тѣмъ Гертруда публично удаляется изъ города и еще разъ убѣждаетъ Клавдія:

Ты въ ненависти князь; мой сынъ любимъ въ народѣ,
 Надежда всѣхъ гражданъ, остатокъ въ царскомъ родѣ.

Эти стихи чрезвычайно близки къ подлиннику и могутъ свидѣтельствовать о близости текста въ переводѣ который служитъ Сумарокову образцомъ.

Ратуда, наперсница Гертруды, сообщаетъ публикѣ какъ Гамлетъ могъ узнать о преступленіи вотчина. Она, призванная омытъ рану нанесенную Полоніемъ отцу Гамлета, молчала въ теченіи цѣлаго года; послѣ чего сообщила о немъ Армансу, словами какъ бы обращенными къ самой Гертрудѣ, о томъ какъ Клавдій ея союзъ съ супругомъ разрушалъ:

И какъ его тебѣ невѣрности внушалъ,
Которыхъ какъ я мню конечно не бывало,
Какъ сердце на него твое (Гертруды) ожесточало,
Какъ многожды тебя къ убійству онъ влечилъ;
И какъ Полонія съ собою согласилъ,
И погубилъ цара въ среднѣхъ ночи снаща
Въ крѣпчайшемъ снѣ, въ твоемъ объятіи лежаща.

Полоній склоняетъ теперь свою дочь къ браку съ Клавдіемъ (дѣйств. III, явл. I), но она не понимаетъ и не желаетъ иного брака какъ съ Гамлетомъ. „Нѣтъ больше способа, а я умру дѣвицей“, отвѣчаетъ она. Когда же узнаетъ что она должна вступить въ бракъ съ Клавдіемъ чрезъ трупъ Гертруды, то „благородство и честь“, природными героинѣ, заставляютъ ее трепетать отъ такой вѣсти.

Я слыша трелецу толико страху вѣсть,
Что мнѣ ни дорого—всего дороже честь.
Царица пусть умретъ, когда умретъ ей должно,
Но мнѣ быть царскою супругой невозможно.
Не будетъ! чтобы я свой долгъ пренебрегла!
Я добродѣтельно всю жизнь свою жила.
Не соглашаюсь я въ тайнѣ вашей съ вами,
И къ трону не пойду кровавыми стопами.
Скажи царю, чтобъ онъ на одрѣ меня не ждалъ,
И съ сей надеждою въ убійство не вступалъ.

Оставшись одна она изливается въ тѣхъ же чувствахъ:

За васъ любезна честь, и Гамлетъ дорогой,
За васъ прогнѣвался на мя родитель мой!
Тебѣ, о честь! я жизнь до смерти посвятила,
Тебя, мой князь, по смерти я въ сердце заключила.

Въ это время Гамлетъ съ обаянною шпалой отправляется на убійство Полонія, но встрѣчаетъ Офелію, и страсть смѣшала его мысль. Между тѣмъ Армансъ уже множествѣ

народа и все то открылъ и „силою присягъ въ нихъ тайну заключилъ“. Какъ Гамлетъ борется съ своею естественною любовью и долгомъ, такъ и Офелія признается въ томъ же Флемингѣ:

И если мой отецъ отъ Гамлетовыхъ рукъ
Увы! пойдеть во гробъ; колько дасть мнѣ мукъ,
Я буду убѣгать любезнѣйшаго врака,
Не будетъ для меня сего желанна брака.

За ея сопротивленіе отецъ грозитъ ей смертью, но Офелію не пугаетъ это, и она только благословляетъ день грядущей смерти. Полоній идетъ объявить о томъ Клавдію, который одобряетъ его въ такой преданности:

Будь твердъ, не прѣвнись, Полоній, въ семъ обѣтѣ,
О, правосудіе несыхаемое въ свѣтѣ!
Единородну дщерь свою не пощадить;
Коль предъ царемъ державу преступить!

Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрный наперсникъ Клавдія, Полоній, посылаетъ пятьдесятъ рабовъ (дѣйств. V. явл. 1)

Чтобъ Гамаета сразили
И Клавдіеву власть сей смертью утвердили.

Они „страшатася только чтобъ народъ ихъ не побилъ.“

Въ это время приводятъ для казни Офелію въ этотъ же самый покой гдѣ находятся Клавдій и Полоній. Сумароковъ понимаетъ неудобство этого и объясняетъ причину въ слѣдующихъ стихахъ, что „вмѣсто площади ей царь чертогъ свой далъ, чтобъ знатной крови сей безчестье не казалось“. Но въ это время воинъ возвѣщаетъ что замокъ объятъ народомъ и что всѣ со стenanіемъ согласно вопіють:

Ищите воины, злодѣевъ сихъ ищите,
Кѣмъ Гамлетъ пораженъ и смерть его отомстите!

Когда Клавдій вышелъ для успокоенія народа, Полоній „стремится заколоть дочь свою; но въ самое то время входитъ Гамлетъ съ воинами и вырываетъ мечъ изъ рукъ его“. Онъ хочетъ поразить Полонія, но Офелія останавливаетъ его и повторяется прежняя сцена борьбы между естественною любовью и долгомъ.

Г а м л е т ъ.

По таковымъ дѣламъ онъ не родитель твой!

О ф е л і я.

Я, князь, злодѣя въ немъ, какъ ты, уничтожаю;
Однако въ немъ отца люблю и почитаю.

Гамлетъ.

Сеи варваръ моего родителя убилъ!

Офелія.

Но, Гамлетъ, оъ твою возлюбленную родилъ.

Послѣ долгихъ разсужденій съ той и другой стороны Офелія побѣждаетъ.

Гамлетъ.

Владычеству любовь, когда твоя днесь слава,
И разсужденіе и духъ мой покорилъ!

Возстань Офелія! ты власть свою нашла!

Отри свои глаза! напастъ твоя прошла. (Ibid. стр. 115)

Но герой не долженъ быть запятнанъ слабостію. Воинъ возвѣщаетъ что Полоній подъ стражею скончался. „Знать, что, посягаетъ Гамлетъ, казни оъ достойной убогости и убоавшись себя убійцей сталъ“. Такимъ образомъ все благополучно кончается: „Иди, мой князь, во храмъ,—говоритъ Офелія, яви себя въ народѣ; а я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ.“

Сумароковъ соблюлъ въ своей трагедіи всѣ три единства. Ради единства дѣйствія, сущность котораго выяснена выше, оъ выпустилъ Горацио и его друзей, Розенкранца и Гильденстерна, актеровъ, Фортиабраса и могильщиковъ— всѣ тѣ сцены о которыхъ Гёте выразился такъ: „въ этихъ-то мелочахъ и проявляется величіе Шекспира, ихъ (Розенкранца и Гильденстерна) нужно вывести цѣлую дюжину, еслибы можно достать ихъ; они составляютъ общество, и Шекспиръ очень скромно поступилъ выведя на сцену только двухъ такихъ представителей общества“. * По мнѣнію Сумарокова, они только удерживали бы дѣйствіе и развлекали бы вниманіе зрителей. *Духа*, по требованію ложно-классической трагедіи, Сумароковъ замѣнилъ мечтой и сномъ. Хотя и не видно сколько именно времени продолжалось дѣйствіе въ трагедіи Сумарокова, но оъ соблюлъ единство времени въ томъ что въ его піесѣ нѣтъ никакого дѣйствія, а только, какъ и вообще въ ложно-классическихъ трагедіяхъ, разговоры, а также и въ томъ что любовь своего героя оъ беретъ уже въ то

* *Вильг. Мейстеръ*, кн. V, стр. 462.

время когда она достигла высшей степени и оставалось указать только исходъ ея.

Единство мѣста соблюдено самымъ строгимъ образомъ. Дѣйствіе происходитъ только во дворцѣ, и даже казнь Офеліи, неслыханнымъ образомъ, должна была совершиться тамъ же. Мы сказали выше что самъ Сумароковъ чувствовалъ неловкость этого. Также строго соблюдено у него правило по которому только

Посадскій, дворянинъ, маркизъ, графъ, князь, владѣтель
Восходить на театръ.

Во всей піесѣ строго поддерживается тогъ важный, соотвѣтствующій высокому положенію дѣйствующихъ лицъ.

Стихъ вездѣ употребленъ alexandрійскій (шестистопный ямбъ). Такимъ образомъ все строго выдержано въ духъ ложноклассической трагедіи. За то, съ другой стороны, вмѣсто трагедіи, заключающей въ себѣ глубокой смыслъ и знаніе человѣческаго сердца, Сумароковъ давалъ зрителю нѣсколько эффектныхъ сценъ безъ всякой связи.

Позже, при печатаніи *Димитрія Самозванца*, Сумароковъ уже болѣе познакомился съ Шекспиромъ, хотя, конечно, черезъ французскій переводъ. Монологъ втораго дѣйствія (явл. 7) носитъ на себѣ явные слѣды вліянія монолога изъ *Ричарда III*. (Дѣйствіе 5, сцена 3). Монологъ Ильмены въ трагедіи *Синавъ и Труворъ* (1750) содержитъ въ себѣ едва приметныя сходства съ монологомъ „быть или не быть“ (Дѣйств. 5, явл. 3).

Во многосторонней дѣятельности императрицы Екатерины II видное мѣсто занимаетъ дѣятельность литературная, а въ этой послѣдней драматической родъ.

Екатерина была знакома съ произведеніями Шекспира, но слѣды этого знакомства остались только въ передѣлкѣ и въ заглавіи двухъ піесъ, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ русской исторіи.

Передѣлка относится къ 1786 году и представляетъ первую въ Россіи піесу поставленную на театрѣ съ именемъ Шекспира. Сумароковъ въ своей передѣлкѣ вовсе не упоминаетъ имени Шекспира. Полное заглавіе передѣлки Екатерины слѣдующее: „*Вотъ какого имѣть корзину и бѣлье*, комедія въ 5 дѣйств., вольное предложеніе изъ Шекспира“, представлена была въ С.-Петербургѣ, печатана въ С.-Петер-

бургѣ при И. А. Н. 1786 года. Образцомъ служила для Екатерины комедія Шекспира *Виндзорскія Кумушки*. Впрочемъ въ этой передѣлкѣ узнать оригиналъ очень трудно, и только указаніе въ заглавіи пьесы напоминаетъ объ этомъ. Дѣйствіе перенесено въ Россію и переложено на русскіе нравы многія лица и положенія вовсе исключены. Фальстафа замѣнилъ Яковъ Васильевичъ Полкадовъ; мистрисъ Фордъ и мистрисъ Педжъ—рѣшительно нельзя узнать въ лицахъ Екатерины II. Полкадовъ постоянно повторяетъ: „chez nous à Paris“, толкуетъ о завивкѣ кудрей по послѣдней модѣ, о новѣйшемъ покроѣ фраковъ, о красивой обуви и картежной игрѣ. Поводомъ къ заглавію пьесы послужилъ эпизодъ изъ *Виндзорскихъ Кумушекъ*, который показался Екатеринѣ болѣе смѣшнымъ,—эпизодъ съ корзиною черного бѣлья.

Впрочемъ фамиліи лицъ удерживаютъ вѣдшее сходство. Фентонъ—Финтовъ, Шаловъ—судья—Шалло, Анна Палива—мистрисъ Анна Педжъ, Фордовъ и Фордова—мистеръ Фордъ и его жена, докторъ Кажу—докторъ Каюсъ, мадамъ Кьева—Куикли, Бардольфъ, Пистоль, Нимъ—Бардоливъ, Пиковъ, Нумовъ, но ласторъ сэръ-Гудъ Эвансъ обратился въ свата Ванова. Вѣдшій ходъ дѣйствія совершенно сохраненъ, по мѣстамъ переводъ буквальный, прикоровленіе заключается въ томъ что напримѣръ сказано 150 душъ вмѣсто 150 фунтовъ стерлинговъ, вмѣсто быть воеводою и пр. въ такомъ родѣ. Первое дѣйствіе кончается какъ у Шекспира, но такъ какъ у Полкадова (Фальстафа) пажа нѣтъ, то и сцена ссоры съ Нимомъ и Пистолемъ выпущена, а вмѣсто того могологъ Полкадова, только лишаящій это лицо всякой типичности.

Если фабула и развитіе (вѣдшее) удержаны, то характеры рѣшительно всѣ утрачены. Ни цѣли, ни побужденія къ появленію лицъ на сценѣ нѣтъ. Это не живыя лица, а кукомъ заведенныя кѣмъ-то лостороннимъ. Во второмъ дѣйствіи дуэль между Каюсомъ и Эвансомъ выпущена. Дѣйствіе третье, гдѣ такъ типично обрисовываются у Шекспира личности мистрисъ Педжъ и Фордъ и Фальстафа, такъ-сказать букетъ всей пьесы, у Екатерины II значительно сокращено; совѣщанія съ Куикли, объясненіе Брука (Форда) съ Фальстафомъ также. Оставленъ только самый жалкій остовъ, то что нужно для вѣдшаго дѣйствія. Въ четвертомъ дѣйствіи сцена Феа-

тога съ хозяиномъ гостиницы выпущена. Также приходъ Самля къ Фальстафу и многое въ самомъ дѣйстви. Въшнее подражаніе Шекспиру завлекло между тѣмъ Екатерину такъ далеко что она заставляетъ Палину говорить что Кажу ходитъ во дворецъ. Такъ какъ дѣйствіе перенесено изъ провинціи (Виндзорскаго графства) въ столицу Петербургъ, то замыселъ заманиванія въ садъ и переряживаніе въ вѣдьмъ и колдуновъ выходитъ очень неприглядно. Подражаніе народнымъ повѣрьямъ, которыя у Шекспира такъ естественно и вѣрно воспроизведены, вслѣдствіе его знакомства съ народомъ, у Екатерины II выходитъ какъ-то странно. Любопытство что, перерядивъ Куикли въ вѣдьму, Екатерина вдругъ заставила ее говорить чисто по-русски, тогда какъ во всѣхъ прежнихъ дѣйствіяхъ, разъ назвавъ ее Француженкой-торговкой, поддерживала и въ самомъ языкѣ французское происхожденіе и заставляла ее говорить ломанымъ русскимъ языкомъ съ примѣсью французскихъ фразъ. Послѣдующее затѣмъ объясненіе съ Фальстафомъ (Полкадовымъ) урѣзано какъ только можно, черезъ чтò теряетъ дѣйствіе (явл. 7, стр. 330. Соч. Екатерины, т. II). Также укорочено, а оттого и блѣдно окончаніе пьесы. Словомъ, лица можно узвать только по созвучію фамилій, а заимствованіе изъ Шекспира по сохраненному внѣшнему дѣйствию и заглавію.

Въ 1786 году Екатерина написала два историческія представленія: 1) *Подражаніе Шакспиру, историческое представленіе, безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ изъ жизни Рюрика*, въ С.-Петербургѣ, при И. А. Н., 1786 (перепечатано въ *Россійскомъ Театрѣ*, 1787, ч. XIV, стр. 107—166, тоже 1792, съ примѣчаніями Болтина 1793, 3е изданіе); 2) *Начальное управленіе Олега, подражаніе Шакспиру, безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ*, въ типографіи Горнаго Училища, 1786 (перепечатано въ *Россійскомъ Театрѣ*, 1787, ч. XIV, стр. 167—248). Почему Екатерина II назвала эти историческія представленія подражаніемъ Шекспиру, рѣшить трудно. Было бы излишне излагать ихъ содержаніе, потому что въ нихъ нѣтъ даже никакихъ намековъ на драмы и историческія хроники Шекспира, кромѣ упомянутаго указанія въ заглавіи. Г. Щебальскій, вѣроятно, вслѣдствіе словъ въ заглавіи: „безъ соблюденія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ“, видитъ въ историческихъ представленіяхъ Екатерины II два уклоненія отъ

ложно-классической трагедіи: замѣна повѣствовательныхъ монологовъ въ первой сценѣ *Олега* диалогическою сценою и допущеніе простонароднаго элемента въ видѣ пѣсень, на примѣръ: свадебный хоръ въ *Олеге* (сходный съ пѣснью въ пѣсеньникѣ Трутовскаго „по свѣчкамъ, свѣчкамъ тутъ ходила, тутъ гуляла, молодая боярыня“). * Но тогда нужно было бы видѣть вліяніе Шекспира и въ операхъ *Февей* и *Новгородскій богатырь Боеславичъ*, которыя притомъ относятся къ тому же 1786 году. Можетъ-быть Екатерина обратила вниманіе собственно на рядъ историческихъ драмъ у Шекспира, и начала писать „историческія представленія“ имѣя предъ глазами эти историческія драмы Шекспира. Впрочемъ, уже Сумароковъ представилъ рядъ піесъ изъ отечественной исторіи, хотя въ нѣкоторыхъ, кромѣ историческихъ именъ, историческаго ничего нѣтъ, и потому едва ли могъ онъ служить образцомъ для „историческихъ произведеній“ Екатерины.

Съ 1759 года появились у насъ журналы; по большей части каждый изъ нихъ имѣлъ кратковременное существованіе, и строгой критики, выдержаннаго направленія, они не представляли. Направленіе ихъ было сатирическое. Изрѣдка и совершенно случайно помѣщались въ нихъ извѣстія объ англійской литературѣ и писателяхъ Англіи. По большей части, это были статьи переведенныя съ французскаго. Такія статьи встрѣчаемъ въ журналахъ издававшихся Брюловымъ и Клушинымъ. *Адская Почта* 1789 года заимствовала свое сужденіе о театрѣ изъ мнѣній Вольтера. Она почти повторяетъ отзывъ „письма Вольтера въ Академію (1776) о Шекспирѣ“: „Шекспиръ, Англичанами обожаемый трагикъ, весьма былъ высокомысленъ, остроуменъ и ученъ, но упрямъ и нехорошаго вкуса: въ его трагедіяхъ характеры людей безъ разбору описаны и перемѣшаны; въ его *Юліи* шутки римскимъ грубымъ художникамъ приличныя введены въ важнѣйшую сцену „Брута и Кассія.“ Отношенія *Зрителя* (1792) къ Шекспиру были также враждебны, особенно если сравнить ихъ съ отзывами о Корнельѣ, Расинѣ и Вольтерѣ. Корнель, Расинъ и Вольтеръ называются тамъ „великими стихотворцами, бессмерт-

* *Русск. Вѣстн.*, 1871, № 6, „Драмат. произв. Екатерины II“, стр. 544.

ными трагиками“. А между тѣмъ, рядомъ, почти тутъ же, произведенія Англіи и Германіи честятся такъ: „аглицкіе и нѣмецкіе трагики позволили себѣ писать въ трагедіи всяку смѣсь: славный Чекслеръ вмѣщалъ въ своихъ трагедіяхъ такія лица и дѣйствія которыя унизили бы и малую простонародную комедію; и хотя онъ умѣлъ выкулатъ сіи грубыя улодобленія наоблагородными трагическими красотами, однако же просвѣщенный вкусъ никогда не одобрялъ сихъ толико странныхъ перемѣнъ во взглядахъ. Чекслеровы красоты, подобно молніи, блистаютъ въ темнотѣ ночью: всякій видитъ сколь далеки они отъ блеску солнечнаго въ среднѣ яснаго дня.“ Но отзывъ этотъ получалъ еще болѣе грубую форму когда статья возбудила споры. Плавильщиковъ, авторъ этой статьи, возражая своему критику, говоритъ: „А для героевъ вы хотите чтобы родился у насъ Чекслеръ? Вотъ изряднаго нашли вы опредѣлителя вкуса! И видно вы его начитавшись заключаете вкусъ въ тѣсныя предѣлы рынковъ и кабаковъ?“ За *Зрителемъ* слѣдовалъ *С.-Петербургскій Меркурій*, издававшійся Крыловымъ и Клушинымъ, а потомъ однимъ послѣднимъ.

Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* мы находимъ статью о Ричардсонѣ, переводъ съ французскаго, и статью „объ англійской трагедіи“ и „объ англійской комедіи“, изъ сочиненій Вольтера. Здѣсь собрана брань Вольтера. Своего собственнаго, принадлежащаго издателямъ,—одно примѣчаніе въ самомъ началѣ статьи. Она начинается такъ: „Въ его чудобразныхъ игрищахъ, которыя называются трагедіями“ и т. д. Въ примѣчаніи къ этому мнѣнію Вольтера *С.-Петербургскій Меркурій* (то-есть, Клушинъ) замѣчаетъ: „что же бы сказалъ г. Вольтеръ о многихъ нѣмецкихъ драматическихъ твореніяхъ, сихъ безобразныхъ выходцахъ литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ, даже самаго важнѣйшаго, единства дѣйствія? Что бы сказалъ онъ о сихъ удивительныхъ пьесахъ, которыя суть ни трагическія, ни комическія, гдѣ смѣшанъ плачь со смѣхомъ безъ всякой нужды, гдѣ эпизоды затмѣваютъ самое дѣйствіе; гдѣ разговоры пусты и слабы, дѣйствія и лица каррикатурны, гдѣ все обезображиваетъ вкусъ и правило? О пьесахъ каковы суть: *Разбойники*, *Сара*, *Самсонъ*, *Эмилія Галлотти*, *Ненависть къ людямъ* и *Раскаяніе* и пр. и пр. ежели не болѣе, то, конечно, то же

что говорилъ Гораций въ посланіи къ Пизонамъ о стихотворствѣ:

Увидѣвъ жемскій лукъ на шеѣ лошадиной,
Шерсть, перья, чешую на кожѣ вдругъ единой,
Чтобы красавицей то чудо началось,
Но въ черномъ рыбій хвостъ вижу оло сошлося.
Могли ль бы вы тогда Пизоны удержаться.
Чтобъ мастеру такой картиной не смѣяться?

И есть люди которые предпочитаютъ нѣмецкія драмы французскимъ. Отчего же? Оттого что читая послѣднія не понимаютъ какимъ образомъ можно играть ихъ. Что думать о сихъ знатокахъ? Или что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того что значить самая драма, или сѣбно имѣютъ пристрастіе къ нѣмчинамъ.“ Послѣдній намекъ относился къ личности Карамзина, къ которому мы и обратимся. Но прежде перечислимъ піесы которыя относятся къ періоду Карамзинской дѣятельности и связаны съ именемъ Шекспира.

II.

Сдѣланный нами обзоръ показываетъ что Россія находилась за этотъ періодъ подъ вліяніемъ Франціи. Литературное движеніе въ Германіи при Лессингѣ († 1781 года) оставалось совершенно чуждымъ Россіи. Вольтеръ былъ оракуломъ ея въ критикѣ, Расинъ въ трагедіи и драмѣ.

Какъ ничтожно было даже косвенное вліяніе Шекспира за этотъ періодъ, всего лучше видно изъ простаго перечисленія піесъ заимствованныхъ съ англійскаго, хотя переведенныхъ или передѣланныхъ, конечно, съ французскаго.

Любопытныя данныя представляетъ *Драматическій Словарь* 1787 года. На пять піесъ, съ указаніемъ на заимствованіе изъ англійской литературы, не считая *Гамлета* Сумарокова и піесъ Екатерины II, о которыхъ было говорено, мы находимъ сто тридцать четыре піесы драматическаго содержанія переведенныя съ французскаго; съ нѣмецкаго переведено всего тридцать; своихъ собственныхъ піесъ сто сорокъ восемь, причемъ большая часть съ заимствованіемъ изъ французскаго. Эти піесы съ англійскаго суть слѣдующія: 1. *Щестьильникъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи съ англійскаго лодивника г. Лукина Спб. 1765.

* *С.-Петербургскій Меркурій* 1798 ч. I, стр. 66 и 82.

Щепетильникъ есть передѣлка піесы *Boutique de bijoutier* переведенной съ англійскаго; въ этомъ смыслѣ и нужно понимать что *Щепетильникъ* заимствованъ изъ англійскаго подлинника. 2. *Смерть Цезарева*, трагедія съ французскаго, переводъ К. В. И. 1777. 3. *Друзья-соперники*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, 1781. Содержаніе оной взято изъ англійскаго романа, сочиненнаго г. де-Сале подъ такимъ же заглавіемъ. За тѣмъ есть нѣсколько отрывковъ: въ *Вечерахъ* * 1) отрывокъ изъ *Ромео и Юліи*; 2) Гамлетово размышленіе о смерти; 3) монологъ короля Генриха IV, когда онъ ночью получилъ извѣстіе о возмущеніи графа Нортумберландскаго, (ч. 2 д. III. сц. I); 4) Сцена между королемъ Генрихомъ IV и принцемъ Генрихомъ V (дѣйств. 4. сц. II, ч. 2); 5) сцена изъ Генриха V; его рѣчь при Азинкурѣ (дѣйств. 4 сц. III); 6) изъ *Генриха VIII* (дѣйств. 3 сц. 2) между Вольсеемъ и Кромвелемъ; 7) Ссора Брута съ Кассіемъ изъ *Юлія Цезаря* (дѣйствіе 4 сц. 3) переведены въ примѣръ театральной декламации, въ книгѣ *Учитель или всеобщая система воспитанія*, 1789 ч. I стр. 99—111, съ нѣмецкаго.

У Карамзина, въ 4 томѣ собранія сочиненій (изд. 1814), переведенъ монологъ Лира (д. 3. сц. 2, „звись вѣтеръ“) „съ англійскаго текста“. Въ 5 же томѣ надгробная надпись изъ *Бури* (дѣйств. 4 сц. I, и храмы и дворцы не оставая).

Затѣмъ можемъ привести два цѣльные перевода.

Вчетвертыхъ, *Жизнь и смерть Ричарда короля англійскаго*, трагедія г. Шекспера, переводъ съ французскаго, въ Нижнемъ-Новгородѣ, прозой, 1783 года, печатана въ С.-Петербургѣ въ 1787 году. *Драматическій Словарь* приводит примѣчаніе переводчика, гдѣ говорится между прочимъ: „Сія піеса была переведена буквально сколько было возможно переложить на французскій языкъ то что въ подлинникѣ есть смѣлаго и откровеннаго. Знающій языкъ Шексперовъ не найдетъ, конечно, безмѣрнаго въ томъ образѣ какимъ стараніе употреблено перенести его на русскій языкъ.“ Имени переводчика нѣтъ. Въмѣсто предисловія приведено извлеченіе изъ мнѣнія Вольтера, для оцѣнки Шекспира весьма неблагоприятное. Это первый, сколько извѣстно, переводъ Шекспира на русскомъ языкѣ.

Наконецъ, впятыхъ, *Юлій Цезарь*, трагедія Вилліама

* См. Адамасьева, *Русскіе журналы 1769—1774*. ст. 2 стр. 92.

Шакеспера, извѣстнаго англійскаго драматическаго писателя, переведена на русскій языкъ прозой; напечатана въ Типографской Компаніи, въ Москвѣ, 1787 года. Этотъ переводъ принадлежитъ Карамзину. Въ его литературныхъ трудахъ и критикѣ англійская и нѣмецкая литература и критика нашли себѣ доступъ въ русскую литературу. Письма Петрова (1793 года), самаго ранняго друга Карамзина, показываютъ что живя еще въ Симбирскѣ Карамзинъ замышлялъ обширныя планы и между прочимъ думалъ переводить всего Шекспира.* По прїѣздѣ въ Москву, въ 1785 году, Карамзинъ познакомился съ Ленцемъ, повѣтомъ Sturm und Drang-Periode. Ленцъ, въ періодъ своего нравственнаго упадка, причиненнаго неудачею въ любви и оскорбленными самолюбіемъ, прїѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ 1792 года. Значеніе Ленца, какъ поэта періода Sturm und Drang, очень велико. ** Увлеченіе Шекспиромъ, о чемъ свидѣтельствуемъ рѣчь Гёте, *** въ этотъ періодъ было громадно. Безъ сомнѣнія Ленцъ произвелъ сильное вліяніе на Карамзина, своими идеями, своимъ знакомствомъ съ современною литературой Германіи, особенно своимъ глубокимъ, хотя и одностороннимъ, пониманіемъ Шекспира. Это вліяніе Ленца выказывалось потомъ постоянно въ Карамзинѣ тѣмъ что онъ никогда не отдѣлялъ нѣмецкой литературы отъ англійской, какъ должно было быть и по взгляду Ленца. Карамзинъ считалъ Шекспира источникомъ національной германской литературы. Его вліянію приписывалъ онъ происхожденіе этой послѣдней. Естественно что онъ желалъ перенести въ Россію этотъ драгоценный для литературы всѣхъ народовъ источникъ. Онъ заботился о внесеніи живительнаго духа Шекспирова, о которомъ онъ говорилъ въ *Письмахъ Русскаго Путешественника*. О докторѣ Карлосѣ Шиллера онъ отзывался: „эта одна изъ лучшихъ нѣмецкихъ драматическихъ пьесъ; авторъ пишетъ въ Шекспировскомъ духѣ.“**** И вотъ одинъ изъ первыхъ трудовъ Карамзина послѣ участія въ *Дѣтскомъ Читаніи* былъ переводъ *Юліа Цезаря* (1787 года), а въ 1788 году онъ перевелъ *Эми-*

* *Русскій Архивъ*, 1863.

** Четыре года изъ жизни Карамзина 1785—1788, *Русскій Вѣстникъ* 1862 года, № 45, 742—749 стр.

*** Рѣчь эта вполнѣ помѣщена у Genée и въ русск. пер. Жюль Гёте, Лупса, кн. II, гл. 6, стр. 122—126.

**** М. Ж. ч. 4, гл. 2, 1792 года.

лю *Галлотти*. О характеръ своего перевода Карамзинъ говоритъ: „Что касается до перевода моего, то я наиболѣе стараясь переводить вѣрно (стараясь притомъ избѣжать и противныхъ нашему языку выраженій), мысли автора нигдѣ не перемѣнялъ, почитая это для переводчика не позволительнымъ.“ *Драматическій Словарь* такъ отзывается объ этомъ переводѣ: „*Юлій Цезарь*, трагедія Велліама Шакспира. Сія трагедія почитается лучшею въ оригиналѣ изъ сочиненій сего писателя и на *россійскомъ языкѣ по точности перевода и рѣдкости извѣстной намъ аглацкой литературы* должна быть уважаема.“

Къ переводу своему Карамзинъ присовокупилъ предисловіе, которое имѣеть большое значеніе. Въ немъ впервые съ откровенностію было высказано сочувственное и правильное пониманіе Шекспира и указана несправедливость отзывомъ о немъ Вольтера:

„До сего времени, ни одно изъ сочиненій сего знаменитаго автора не было переведено на языкъ нашъ (*Ричардъ III* напечатанъ въ 1787). Вообще можно сказать что мы весьма незнакомы съ англійскою литературой. Шекспиръ былъ одинъ изъ тѣхъ духовъ коими славятся вѣки. Время, сей могущественный истребитель того что подъ солнцемъ находится, не можетъ доселѣ затмить изящныхъ и величественныхъ Шекспировыхъ твореній. Всѣ лучшіе англійскіе писатели послѣ Шекспира викали съ великимъ тщаніемъ въ красоты его произведеній. Мильтонъ, Юнгъ, Томсонъ пользовались его мыслями, различно ихъ украшая. Не многіе изъ писателей такъ проникли въ человѣческое естество какъ Шекспиръ; немногіе столь хорошо знали всѣ тайныя пружины сокровеннѣйшихъ побужденій человѣка, отлщительныя черты каждой страсти, cadaго темперамента, cadaго рода жизни какъ Шекспиръ. Каждая степенъ людей, каждый возрастъ, страсть, характеръ говорятъ у него своимъ языкомъ; для каждой мысли находитъ онъ образъ; для cadaго ощущенія выраженіе; для cadaго движенія души наилучшій оборотъ. Живопись его сильна и краски блистательны когда хочетъ онъ явить добродѣтель; кисть его льстива когда изображаетъ кроткое волненіе вѣжной, милой страсти; но самая сія кисть представляется гигантскою, когда описываетъ жестокое волнованіе души. Но и сей высокій мужъ не освободенъ отъ кокихъ укориныя нѣкоторыхъ худыхъ критиковъ

своихъ, подобно многимъ. Знаменитый софистъ Вольтеръ (?) сидѣлъ доказывать что Шекспиръ былъ весьма посредственный авторъ исполненный многихъ и великихъ недостатковъ (слѣдуетъ бранчивый отзывъ Вольтера о Шекспирѣ). * Излишнимъ почитаю опровергать пространно мнѣнія сія, уменьшеніе славы Шекспира въ предметъ имѣвшія. Скажу только что всѣмъ которые старались узнать достоинство его не могли противъ воли своей не сказать что въ немъ много и превосходнаго. Человѣкъ самолюбивый, Вольтеръ страшился хвалить другихъ, дабы, не мнѣнію его, самому симъ не узниться. Вольтеръ лучшими мѣстами въ своихъ трагедіяхъ обязанъ Шекспиру, но, не взирая на сіе, сравниваетъ его съ шутомъ и поставляетъ ниже Скаррона. Изъ сего можно было бы вывести весьма оскорбительное для памяти Вольтера слѣдствіе, но я удерживаюсь отъ сего, вспоминая что его уже нѣтъ въ мірѣ. Что Шекспиръ не держался театральныхъ правилъ, правда. Истинная причина было пылкое, думаю, воображеніе его, не могшее покоряться такимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ лареніе свое измѣрять мѣрою которою измѣряютъ воробы; не хотѣлъ соблюдать оныхъ такъ-называемыхъ единствъ, которыхъ вымѣшніе драматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются, не хотѣлъ оныхъ полагать тѣсный предѣлъ своему воображенію. Онъ смотрѣлъ только на природу, не заботясь о прочемъ, ни о чемъ. Известно было ему что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію природы, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Славнымъ искусствомъ изображалъ оныхъ и короля и шута, Брута и башмачника. Драма его, подобно неизмѣримому театру природы, исполнена многообразія; все же вмѣстѣ составляетъ совершенно цѣлое, не требующее исправленія отъ вымѣшнихъ театральныхъ писателей.*

Эти слова ясно указываютъ на сколько двадцатилѣтній Карамзинъ стоялъ выше всѣхъ современныхъ ему цѣнителей изящнаго. Онъ удивляется въ Шекспирѣ и глубокимъ общечеловѣческимъ содержаніемъ, и истинности и цѣльности характеровъ, художественности произведенія. Восторженное сочувствіе свое къ Шекспиру Карамзинъ выразилъ въ стихотвореніи *Поэзія* (1787 года):

* Предисловіе къ переводу *Юлія Цезаря*.

Шекспиръ нѣтуры другъ! кто душе твоего
 Позналъ сердца людей? чья кисть съ такимъ искусствомъ
 Живописала ихъ? Во глубинѣ души
 Нашелъ ты каючъ къ великимъ тайнамъ рока,
 И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
 Какъ солнцемъ озарилъ пути ночные жизни.

Возвратившись изъ-за границы въ Москву, Карамзинъ сталъ издавать *Московский Журналъ*. Журналы издаваемые до Карамзина не имѣли собственно никакого направленія.* Это были просто сборники съ обличительными статьями, часто писанными рукой одного. Правда, и Карамзинъ имѣлъ не много сотрудниковъ (Херасковъ, Державинъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій), но въ его статьяхъ соблюдается единство взгляда и направленія. Изъ своихъ сочиненій Карамзинъ помѣстилъ тамъ: *Письма Русскаго Путешественника*, которыя потомъ были напечатаны въ собраніи его сочиненій.

Въ это заграничное путешествіе онъ отправился съ окончательно уже установившимися взглядами на Шекспира. Въ 1790 году онъ при осмотрѣ Шекспировыхъ галлерей уже могъ сказать: „зная твердо Шекспира, почти не имѣю нужды справляться съ описаніемъ“. Карамзинъ приписывалъ Шекспиру великое образовательное значеніе для самаго сценическаго искусства. „Я думаю“, пишетъ онъ друзьямъ изъ Берлина послѣ представленія драмы Коцебу *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, представленія которымъ онъ былъ очень тронуть, „что у Нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ еслибы не было у нихъ Лессинга, Гёте, Шиллера и другихъ драматическихъ авторовъ, которые съ такою живою представляютъ въ драмахъ своихъ человѣка каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или французскія рюманы, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ какъ надобно играть актеру и какъ что произнести, но при чтеніи французскихъ трагедій рѣдко могу представить себѣ какъ можно играть актеру хорошо, или такъ чтобы меня тронуть.“** Отношенія эти къ Шекспиру не были у Карамзина впрочемъ слѣпою привязанностію къ „нѣмцизмѣ“, какъ выражался С. Петер-

* Исключеніе составляютъ ежемѣсячныя сочиненія Миллера, 1755—1764. Обзоръ ихъ въ *Совр.*, 1851, №№ 1, 2 и 3.

** *Соч. Карамзина*, т. II, изд. 1814, стр. 114.

бурскій Меркурій (1793, ч. I, стр. 67). Это была дань великому гению, дань разумная, что видно изъ сравненія дѣлаемаго Карамзинымъ между французскою и англійскою Мельпоменой. * „Я и теперь не переѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда не многихъ) Нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій и вѣрный вкусъ и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства натуры,—да простятъ мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романтическимъ; вездѣ Греки и Римляне à la française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами; и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir; они прославляютъ піесу, для того стихотворцы стараются вслѣдствию приключеній, нежели новыми чрезвычайными, но естественными положеніями (situation) и забывая что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою. Я прошу знатоковъ французскаго театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что-нибудь подобное, напримѣръ, Шекспировымъ стихамъ въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе, скитающагося въ бурную ночь по дѣсамъ и пустынямъ. („Шумите вѣтры, свирѣлствууй буря!“). Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны и будутъ всегда славны красотой слога и блестящими стихами; но есть ли трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу, то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ-быть и двухъ истинныхъ трагедій.“ Карамзинъ даже указывалъ недостатки въ Шекспирѣ.

* Соч. Карамзина, т. IV стр. 182—186.

Мало этого. Въ своемъ журналѣ, при обзорѣнн представлений на русской сценѣ, Карамзинъ возвращается при каждомъ удобномъ случаѣ къ Шекспиру. Въ статьѣ о *Сидѣ* Корнеля на Московскомъ театрѣ онъ такъ рассуждалъ о впечатлѣнн которе производятъ на зрителя пьесы Шекспира. „Почему *Сидъ* могъ такъ нравиться французской публикѣ? Потому что въ немъ есть хорошія сцены и трогательныя чувства, потому что въ немъ много прекрасныхъ стиховъ! Ужасъ и жалость, которыхъ Даламбертъ не находитъ у Корнеля и которыя онъ справедливо называетъ душою трагедіи, найдемъ мы въ Шекспирѣ и въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ драматическихъ произведеніяхъ. Французскія трагедіи можно улодобить хорошему регулярному саду, гдѣ много прекрасныхъ аллей, прекрасной зелени, прекрасныхъ цвѣтниковъ, прекрасныхъ бесѣдокъ; съ пріятностію ходимъ мы по сему саду и хвалимъ его, только все чего-то ищемъ и не находимъ, и душа наша холодною остается; выходимъ и все забываемъ. Напротивъ того, Шекспировы произведенія улодобю я произведеніямъ натуры которыя съ неописанною силою дѣйствуютъ на душу нашу и оставляютъ въ ней неизгладимое впечатлѣнн. Въ драматической поэзіи, говоритъ Карамзинъ, Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго кромѣ твореній одного автора, но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!“ * „Преклоните колѣна... вотъ Шекспиръ!“ восклицаетъ онъ предъ гробницею Шекспира. Этими словами удивленія и благоговѣнія мы заключаемъ изложеніе вліянія Шекспира на Карамзина. Къ сожалѣнн, это благотворное и живое направленіе въ русской литературѣ не привилось и прошло какъ блестящая полоса свѣта въ темнотѣ ночи. Несмотря на то „что рѣдкая дама большаго свѣта имѣла понятіе о русской словесности прежде эпохи Карамзина“, ** его направленіе должно было уступить традиціямъ ложнаго классицизма. Дѣло его по ознакомленію русскихъ съ Шекспиромъ осталось безъ продолжателей на долгое время. Довольно указать на Княжнина и Озерова, залопившихъ сцену до и послѣ Карамзина, чтобы характеризовать ея дальнѣйшее направленіе. „Исключительная любовь ко французской

* Собраніе сочиненій Карамзина т. V стр. 296!

** Мысли о воспитанн, Журн. Росс. Совѣса. Бруснава 1805 года.

словесности, писалъ Батюшковъ (1814 года), неизлѣчима: она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени, и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей счетъ: всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Талии и людей просвѣщенныхъ остались безъ пользы, безъ вліянія.“ *

Но изъ этого не слѣдуетъ чтобы вліяніе Шекспира было совершенно безплодно. Отразившись такъ полно и всецѣло на Карамзинѣ до 812 года, оно поліяло и на всю русскую литературу.

Выше было указано вліяніе Карамзина на публику. Какъ представитель извѣстнаго направленія (естественности и чувствительности) онъ имѣлъ много подражателей и учениковъ, и оказалъ благотѣльное вліяніе на развитіе русской литературы въ извѣстномъ направленіи. А этимъ своимъ направленіемъ онъ болѣе всего обязанъ Шекспиру и нѣмецкой литературѣ. Но приводя слова Батюшкова мы хотимъ указать на то что знакомство съ Шекспиромъ не развилось у насъ, несмотря на усилія Карамзина. Шекспиръ былъ еще труденъ для русской публики и пониманіе его было не подѣ снмъ большинству читающихъ.

III.

Послѣ Карамзина мы не встрѣчаемъ попытокъ переводить Шекспира. Знакомство съ Шекспиромъ было самое ограниченное. За весь этотъ періодъ (до переводовъ Вронченка, Якимова и Кронеберга) мы не встрѣчаемъ ни одного перевода, а только два заимствованія или передѣлки и переводъ съ французскаго *Отелло* Дюсиса (или *Венеціанскій принцъ Мауръ*, въ 5 дѣйствіяхъ, Ивана Вильяминава. Слб. 1808 года. Въ полномъ собраніи соч. Шекспира изд. Герб. т. I, 1865 года, стр. 75, пропущено указаніе на Дюсиса).

Передѣлки принадлежатъ Висковатову и Гвѣдичу. Висковатовъ назвалъ свою пиесу подражаніемъ: „*Гамлетъ*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Подражаніе Шекспиру, въ стихахъ, 1811 года.“ Вотъ отзывъ объ этомъ подражаніи издателей *Полнаго собранія сочиненій Шекспира 1865 года*: „У Шекспира заимствованъ одинъ сюжетъ; все остальное измѣнено и передѣлано, не исключая самаго положенія дѣйствующихъ лицъ.“

* Письмо къ Н. М. Муравьву-Апостоу о сочин. П. Н. Мурав. Полн. собраніе сочиненій М. Н. Муравьева (1819 года ч. I).

Такъ напримѣръ Гамлетъ сдѣланъ царствующимъ королемъ, всюду *преследуемъ мечтой* (курсивъ въ подлинникѣ), то есть тѣмъ убитаго отца. Клавдій—его родственникомъ и главой заговора. Офелія—его дочерью и т. д. Конецъ также измѣненъ: Клавдій убиваетъ Гертруду, Гамлетъ закалываетъ Клавдія, но самъ остается живъ, хотя и не женится на Офеліи“ (стр. 8 ч. I). Передѣлка Гяѣдича носитъ такое заглавіе: „*Леаръ*, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Взятая изъ твореній Шекспира 1808“. Гяѣдичъ былъ строгій приверженецъ ложно-классической трагедіи, между тѣмъ вмѣстѣ съ Шаховскимъ онъ стоялъ ближе всѣхъ къ тогдашней русской сценѣ и имѣлъ на нее большое вліяніе. Свой взглядъ на ложно-классическую трагедію онъ выразилъ въ „Письмѣ о переводѣ и представленіи трагедіи Расина *Ифигенія въ Авлидѣ* 1815 года.“ Гяѣдичъ былъ недоволенъ ни оригиналомъ Шекспира, ни образомъ для своей обработки, передѣлкой Дюсиса. „Шекспиръ, дабы возбудить состраданіе зрителей своихъ, представилъ Леара совершенно сумашедшимъ. Французскій драматическій писатель. Дюсисъ передѣлалъ сію трагедію и въ томъ ему послѣдовалъ и изобразилъ Леара легкомысленнымъ, возмутительнымъ, властолюбивымъ.

Qui de l'amour du trône est toujours possédé,
Et pleure en frémissant le rang qu'il a cédé.

„Разсудя что человекъ въ сумашествіи дающій и отнимающій царство, благословляющій и проклинающій дѣтей своихъ, не можетъ возбудить состраданія въ зрителяхъ, я осмѣлился не подражать въ этомъ ни Шекспиру, ни Дюсису, а оставилъ Леару здравый разумъ, чтобы не въ мечтахъ безпрерывнаго изступленія, но истинно ощутя всю горестъ отца гонимаго неблагодарными дѣтьми, восторгъ радости при нечаянномъ возвращеніи добродѣтельной и нѣжной дочери возмогъ въ сообщить сердцамъ зрителей. Въ третьемъ только дѣйствіи, когда всѣ чувства Леара возмущены горестію и изурены свирѣлствующею бурей, почелъ я возможнымъ представить его въ кратковременномъ изступленіи, но не находя разительными положеній въ которыхъ Дюсисъ поставилъ Леара и дочь его Корделію, долженъ я былъ какъ въ семь, такъ и въ четвертомъ дѣйствіи прибѣгнуть къ изобрѣтенію. Также осмѣлился я въ трагедіи Дюсисовой, которой болѣе, но свободно, подражалъ, перемѣнить нѣкоторыя

явленія, во многихъ мѣстахъ преобразовать самый ходъ дѣйствія. Заимствовалъ изъ Шекспира нѣкоторыя положенія и перелѣлалъ развязку трагедіи, не почелъ нужнымъ увѣличать страсть любовную Эдгарда къ Корделіи, которою Дюссисъ по мнѣнію моему узилъ благородныя чувства и великодушный подвигъ сего рыцаря, защитника своего государя и несчастной царевны.“

Уже изъ этихъ словъ мы видимъ какъ далека должна быть передѣлка Гнѣдича отъ оригинала. Въ основаніе ея, очевидно, положена ложно-классическая теорія трагедіи. И что болѣе всего находилъ великимъ въ Шекспирѣ Карамзинъ (натура, естественность и глубокое пониманіе человѣческаго сердца, знакомство со всѣми оттѣнками страстей, характеровъ), у Гнѣдича на второмъ планѣ; а на первомъ благородныя чувства и великодушныя подвиги. Рассмотримъ подробно эту передѣлку. Лица короля Французскаго и герцога Бургундскаго выпущены, а съ ними и всѣ сцены сватовства за Корделію. Лицо Эдмунда, побочнаго сына Глостера, выпущено. Эдмундъ составляетъ совершенно особый и законченный тиль у Шекспира, характеризуемый какъ нельзя болѣе монологомъ его во второй сценѣ перваго дѣйствія, и совершенно необходимъ для развитія и художественной цѣльности пьесы. Выступъ съ тѣмъ выпущены и всѣ сцены въ которыхъ онъ участвуетъ. Пагубная страсть которую онъ вселилъ къ себѣ въ сердцахъ Реганы и Гонерильи и которая такъ живо и наглядно рисовала характеры этихъ Мегеръ, не существуетъ. Изъ сестеръ оставлена одна Регана. О Гонерильѣ мы узнаемъ изъ разказа. Она названа Вальнериала. Но и Регана съ очень блѣднымъ очертаніемъ, и нѣкоторыя черты ея удержались только благодаря тому что Гнѣдичъ счелъ нужнымъ для нея удержатъ нѣсколько изъ текста Шекспира. Глостеръ съ его нѣсколько придворною слабостію и мягкостію обратился въ ничего не значащаго Вольвика. Трудно сказать для чего уцѣлѣлъ онъ. За то Кентъ, обратившійся въ какого-то благороднаго героя, преданнаго своему королю, рыцаря, надѣленъ двумя сыновьями соперничающими и даже превосходящими его въ благородныхъ поступкахъ и великодушныхъ чувствованіяхъ. Его можно было бы назвать наперсникомъ Лира, еслибы послѣдній находился въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Герцогъ Корваллійскій обратился въ тирана ложно-классической трагедіи, и ему при-

данъ наперсникъ и вѣрный исполнитель его злодѣйскихъ намѣреній—Освальдъ (дворецкій Гонерильи у Шекспира) съ характеромъ Эдмунда, побочнаго сына Глостера. Герцогъ Албанскій, не ясно очерченный у Шекспира, здѣсь лишенъ всякой характеристики и неизвѣстно почему оставленъ. Такъ какъ сцены перенесены въ лѣсъ, то прибавлено новое лицо, Норкельтъ житель пещеры, гдѣ укрываются Корделія и Леаръ. Первые сцены, сцены раздѣла царства и власти, и гнѣва Лира, въ которыхъ, такъ-сказать, подготавливается почва дѣйствій, замѣнены у Гнѣдича разказомъ вмѣсто дѣйствія. Освальдъ, наперсникъ герцога Корнваллійскаго, дивится находя его во „глубинѣ сихъ мрачныхъ лѣсовъ, въ неприступныхъ стѣнахъ, окруженныхъ грозными башнями“ на берегахъ Англіи. Герцогъ Корнваллійскій давно ждалъ Освальда и узнаетъ отъ него о Леарѣ что онъ у Вальнериллы, и та по его „задумчивому и всегда скорбному лицу“ догадывается что онъ затѣваетъ какой-то замыселъ. Она подозреваетъ что Леаръ началъ сожалѣть о коронѣ которую онъ уступилъ ей супругу и „тебѣ“ (герцогу Корнваллійскому); герцогъ озабоченъ тѣмъ же. Онъ опасается, „не скрываетъ ли мракъ сихъ густыхъ лѣсовъ толпы возмутителей, поощряемыхъ коварствомъ къ возведенію на престолъ Леара“. Британцы всегда склонны къ возмущеніямъ. Онъ догадывается что и Корделія жива; но Освальдъ увѣряетъ что „развѣдывая о ней въ отдаленнѣйшихъ странахъ узналъ онъ только то что глубокое молчаніе покрываетъ ея судьбу.“ Вотъ стимулы трагедіи у Гнѣдича. Склонность Британцевъ къ мятежу и таинственная судьба Корделіи управляетъ всею пьесой. Герцогъ опасается перемѣны въ расположеніи Леара къ дочери Корделіи, зная пламенное свойство „во всемъ чрезмѣрной души Леара“. Къ сожалѣнію этотъ мотивъ совершенно опущенъ изъ виду у Гнѣдича. Герцогъ, какъ и должно трагическому злодѣю, „трепещетъ“ не понимая причины трепета, напротивъ, добродѣтельный герцогъ Албанскій прощаетъ чтобъ отъѣхать въ свою столицу, гдѣ надѣется найти „почтеннаго благотворителя, великодушнаго“ Леара, избравшаго его чертогъ. Своимъ отъзывомъ при прощаніи, Регана, жена его, даетъ поводъ Леноксу, сыну Кеата, выразить свои „благородныя чувстваванія“, поселенныя въ немъ отцомъ. Этимъ раздражается герцогъ Корнваллійскій. Но герцогъ Албанскій называетъ это „пыломъ юнаго сердца“. Онъ оставляетъ преступленіе Кор-

деліи на судъ праведныхъ боговъ, потому что самъ никогда не изслѣдовалъ его. По отъѣздѣ герцога Албанскаго, герцогъ Корваллійскій отдаетъ на произволь дѣтей Кента, котораго онъ только-что возвратилъ изъ изгнанія, сѣдовать ли имъ за его войскомъ противъ Датчанъ, готовыхъ высадиться на берегъ Англіи, или оставаться съ отцомъ. Когда братья остались вдвоемъ, Леноксъ убѣждаетъ Эдгарда идти, но тотъ не соглашается и открываетъ причину нападенія Датчанъ. Леаръ отказалъ въ рукѣ Корделии Ульриху Датскому. Зависть и негодованіе сестеръ, обиженныхъ предпочтеніемъ оказаннымъ ихъ младшей сестрѣ, повели за собой клевету и месть съ ихъ стороны и разстроили предполагавшійся бракъ. Наконецъ Эдгардъ открываетъ брату свою тайну. Онъ скрываетъ убѣжище Корделии въ лѣсу и намѣренъ явиться ея защитникомъ. Братъ одушевляется тою же мыслию. Является Кентъ пришедшій искать дѣтей. Одушевленные одною мыслию защитничества они отказываются идти за отцомъ и въ его объятіяхъ находятъ новую силу, хотя и отказываются открыть свои благородныя намѣренія, опасаясь излишняго благороднаго увлеченія отца. Является герцогъ Албанскій, который получилъ непріятное извѣстіе что Леаръ оставилъ Вольнериллу. Съ Кентомъ они рѣшаются ждть здѣсь Леара. Шекспировскаго въ этомъ дѣйствиіи ровно ничего нѣтъ. Прекрасная сцена пребыванія Лира у Говернальи, представлявшая типическія черты отличавшія ее отъ Реганы и развитіе мыслей Лира въ извѣстномъ направленіи, олущена, и отъ перваго дѣйствиія не осталось даже вѣшняго остова. Къ размышляющему о судьбѣ Леара Кенту (дѣйствиіе 2е явл. 1е) приходитъ Вальвикъ и сообщаетъ о какомъ-то старцѣ, который говоритъ самъ съ собою о судьбѣ своей. Два раза съ тяжелыми вздохами произнеся имя Кента, является Леаръ и вспоминаетъ о Кентѣ и Корделии. Кентъ при этомъ болѣе мимикой долженъ выражать свои чувства. Леаръ разказываетъ о своемъ пребываніи у Вольнериллы. Кентъ приглашаетъ его поселиться съ нимъ въ его имѣніи: „сиі руки могутъ еще управлять лаугомъ“, говоритъ онъ. Но Леара ободряетъ еще сладкая надежда что Регана замѣнитъ Вольнериллу. Выше мы указывали на пятное явленіе, сохранившее нѣсколько чертъ изъ характера Реганы и герцога Корваллійскаго. Когда они укоряютъ Леара за уходъ отъ Вольнериллы, Леаръ произноситъ страшныя проклятія при громѣ, который вторитъ этимъ проклятіямъ.

Громъ усиливается когда Леаръ и Кентъ уходятъ. При этомъ Леаръ сохраняетъ, какъ должно герою, настолько твердости что утѣшаетъ Кента. Вольвикъ догоняетъ ихъ и сообщаетъ Кенту что желѣзо изощряется. Прекрасная характеристичная сцена прѣзда Кента и расправа его со дворомъ, въ которой такъ рельефно выставляется этотъ вспыльчивый, но добрый и преданный слуга Лира, совѣтъ выпущена, а вмѣсто цѣлаго дѣйствія (второго) остается только его конецъ со значительно-полюбящими чертами участвующихъ лицъ.

Между тѣмъ Эдгаръ представлялъ отряду своихъ сообщниковъ своего брата Ленокса (дѣйст. 3 яв. 1). Воины готовы присягнуть Эдгару, но онъ приводитъ Корделию, такъ какъ дѣйствіе происходитъ предъ пещерой гдѣ она укрывалась. Вмѣсто прекрасной нѣжной дѣтской любви Корделии мы слышимъ здѣсь напыщенную витиеватую рѣчь, причемъ Эдгаръ восклицаетъ: „Друзья, познайте Корделию по симъ великодушнымъ чувствованіямъ.“ При блескѣ молніи и ударахъ грома приближается къ пещерѣ Леаръ. Его вопли и стenanія сохраняютъ нѣкоторые слѣды выраженій Шекспира, но характеръ Кента совершенно утраченъ. „Еслибы ты когда-либо уважалъ просьбы мои... У ногъ твоихъ умоляю тебя“, уговариваетъ онъ Леара скрыться въ пещерѣ. „Ахъ, ты терзаешь мою душу!“ восклицаетъ Леаръ. „Пойдемъ“, здѣсь встрѣчаетъ ихъ Норклетъ: и Леаръ впадаетъ въ „кратковременное изступленіе“, какъ выражается Гвѣдичъ въ предисловіи. Въ пещерѣ Кентъ встрѣчаетъ Эдгарда, а Леаръ Корделию. Кентъ удивляется благородству сына, Леаръ находится еще въ изступленіи и не узнаетъ Корделию. „Твѣя дочери моей! Услышь вопль мой!“ восклицаетъ онъ, обращаясь къ Корделии. Что сцена ослѣвленія у Глостера совершеннаго надъ нимъ въ его домѣ Реганой и Корвалемъ выпущена Гвѣдичемъ, это очень естественно. Вмѣсто послѣднихъ усилій дѣлаемыхъ надъ собой Лиромъ, за которыми слѣдуетъ упадокъ силъ и сумашествіе, мы находимъ нѣсколько строкъ изъ его монолога въ стелі (не въ дѣсу, какъ у Гвѣдича). Удержано и предувѣдомленіе Глостера (Вольвика), но только какъ фактъ, безо всякой сценической обстановки. Сцена 4го дѣйствія представляетъ спящаго на камнѣ Леара. Эдгардъ удаляется къ войску и поручаетъ Норклету смотрѣть за безопасностію, такъ какъ все кажется для него подозрительнымъ въ этомъ дѣсу. Корделия скло-няется надъ спящимъ отцомъ, произноситъ риторическія,

вѣтвѣтныя рѣчи. Леаръ просыпается и вспоминаетъ что видѣлъ тѣнь Корделіи. Онъ укоряетъ себя въ несправедливости. Когда онъ заслуживаетъ того своимъ раскаяніемъ, является Корделія и повергается къ ногамъ его. „Благослови меня и прими въ твои объятія!“ Леаръ желалъ бы теперь „испустить духъ“ въ объятіяхъ Корделіи. Но обстановка Корделіи и костюмъ возбуждаютъ въ немъ угрызеніе совѣсти. Корделія успокоиваетъ его разказомъ о намѣреніяхъ Эдгарда. Леаръ восклицаетъ: „такія дѣла свойственны только твоимъ дѣтямъ Кентъ! Если небо одобряетъ намѣреніе Эдгарда, то да прославить и вознесетъ его въ подвигахъ“. Входящій Норклетъ возвѣщаетъ что онъ видѣлъ воиновъ которые съ великимъ вниманіемъ осматриваютъ утесы и пещеры. Леара уговариваютъ скрыться во глубинахъ пещеры. Является Освальдъ съ воинами, но безуспѣшно обыскиваетъ пещеру. Корделія останавливаетъ его разспросами о томъ что назначено Леару. Узнавъ что смерть, она падаетъ въ обморокъ. Это кажется подозрительнымъ, и Освальдъ велитъ ее взять. Кентъ облагаетъ мечъ на защиту Корделіи. Леаръ, услышавъ крикъ, оставляетъ убѣжище, и Освальдъ забираетъ ихъ обоихъ. Изъ всего четвертаго дѣйствія Гвѣдичъ взялъ у Шекспира только сцену VII,—возстановленіе умственныхъ способностей Лира чрезъ физическое успокоеніе и заботы. Все остальное принадлежитъ Гвѣдичу. Но какъ блѣдна и эта сцена въ сравненіи съ тѣмъ что мы имѣемъ у Шекспира. Прекраснѣйшее изображеніе дѣтской любви къ отцу въ руководствѣ Эдгардомъ отца его Глостера; подспудная борьба у сестеръ изъ-за Эдмунда; безуміе Лира и высокія мысли которыми перемышана его странная рѣчь; перемышанъ въ состояніи герцога Албанскаго замѣнены эффектными, но ни чѣмъ не оправдываемыми по ходу пьесы сценами осмотра пещеръ и малодушія Корделіи, чего вовсе не должно быть въ ея характерѣ. Кромѣ того, умирающій въ этомъ дѣйствіи герцогъ Кориваллійскій, у Гвѣдича остается жить еще цѣлое дѣйствіе (5е) и не имѣетъ ничего общаго съ Шекспировскимъ. Здѣсь можно сказать, у Гвѣдича была своя рука владыка. Освальдъ возвѣщаетъ о своихъ подвигахъ своему господину. Герцогъ Кориваллійскій напоминаетъ ему что „послѣдностію въ исполненіи его (герцоговыхъ) повелѣній только усугубить его благодарность и счастье Освальда“. Герцогъ сообщаетъ Реганѣ о захватѣ ея отца и сестры, высказывая что послѣ того успѣхъ несомнѣненъ. Регана проситъ его умѣрить самоува-

дѣяность, потому что „голосъ такого увѣренія часто бываетъ голосомъ слѣпой дерзости“. Она уговариваетъ мужа умертвить Леара и Корделию, что и поручаютъ Освальду, а сами желаютъ разузнать всѣ обстоятельства у Корделии, обѣщая ей прощеніе. Корделия готова съ „гордынею идти на смерть столь славную“, но тѣмъ не менѣе она не хочетъ, какъ другіе, скрывать преступленія свои („мои предъ вами я торжественно объявляю“. (*Леаръ* дѣйст. 5 сц. 3 стр. 89). Она не имѣла нужды въ возмущеніяхъ, такъ какъ подданные сами стекались къ ея имени. Она взываетъ къ великодушію герцога и Реганы, прося у нихъ снисхожденія къ отцу. Является герцогъ Албанскій, возвѣщая что „всѣ вооружаются за Леара и обожаютъ Корделию“. Онъ готовъ быть посредникомъ и не сомнѣвается въ мирномъ исходѣ если они отдадутъ ему въ залогъ Леара и Корделию. Корнваллійскій герцогъ съ негодованіемъ отвергаетъ это, и Албанскій герцогъ расторгаетъ за это соединяющія ихъ родственныя узы. Является Освальдъ и уводитъ Корделию на казнь. „Любезный Кентъ! Ты понимаешь?“ говоритъ она Кенту. Кентъ (удерживая слезы): „Ахъ, я знаю!“ Леаръ остается въ отчаяніи. Герцогъ Корнваллійскій возвращается съ побѣдой, ведя плѣннаго Эдгарда. Онъ намѣренъ ознаменовать свою побѣду преступленіями. „Вѣроломный, обращается онъ къ Эдгарду: ты и достойный тебя братъ твой не избѣгаете моей ярости, и онъ также влачить теперь мои оковы.“

Эдгардъ.

Тиранъ ненавидимый! Ты торжествуешь, а я еще дышу!
Скорѣй веди лишить меня жизни.

Герцогъ Корнваллійскій.

Желаніе твое исполнится: смерть локосная достигнетъ тебя на эшафотѣ. Озлобленный вами духъ мой не вникаетъ болѣе ничему, кромѣ праведному его негодованію (Леару). Старикъ! Ты будешь стенать въ мрачной пещерѣ (Кенту), и ты въ оковахъ испустишь свой духъ!

Леаръ.

Громы заглушите слова сіи! Но дочь моя? но дочь моя?

Герцогъ Корнваллійскій.

Ея болѣе нѣтъ.

Леаръ.

Корделия!

Эдгардъ.
О небо!

Кентъ.
Извергъ человѣковъ!

Эдгардъ.
И ты самъ возвѣщаешь о семь убійствѣ!

Герцогъ Корнваллійскій.
Рука Освальдова обогрилась ея кровью.

Леаръ.

Чудовище! Такъ уже нѣтъ ея? Нѣтъ моей Корделии? *(Безъ чувствъ падаетъ на камень).*

Герцогъ Корнваллійскій.
Возьмите его, воины!

Кентъ *(останавливая воинов).*
Довершай, о варваръ! злодѣяства твои! Вели умертвить его!
Эдгардъ *(съ обѣятіяхъ Кента).*

Родитель мой!
Кентъ.

Любезный Эдгардъ!
Герцогъ Корнваллійскій.

Возьмите ихъ и влеките!

Тогда Эдгардъ обращается съ рѣчью къ воинамъ Стружора зывая отъ имени Леара, и они переходятъ на его сторону. раздраженный герцогъ готовъ казнить и ихъ какъ изгнанныхъ. Тогда Эдгардъ зываетъ о мщеніи къ остальнымъ. Корнваллійскій герцогъ бросается умертвить Леара, но безоруженъ Вольвикомъ. Эдгардъ провозглашаетъ Леара королемъ, и все войско переходитъ на его сторону. Корнваллійскій герцогъ изумленъ. Между тѣмъ, герцогъ Албанскій приводитъ Корделию, которую онъ исхитилъ изъ рукъ Освальда. Онъ провозгласилъ Леара королемъ, и всѣ преклоняются предъ нимъ кромѣ герцога Корнваллійскаго, который замыкается на сценѣ. Леаръ обращается съ молитвой къ богамъ: „Правосудные и милосердные боги! Пошлите мнѣ силу не роугать на судьбы ваши въ обѣятіяхъ нѣжной моей дочери!“ Все дѣйствіе поражаетъ насъ своими неожиданностями: одно за другимъ проходятъ предъ нами дѣйствія ничѣмъ не вызываемыя, ничѣмъ не оправдываемыя. Требовалось въ заключеніи поставить нѣсколько наиболее эффек-

ныхъ сценъ и въ этомъ отношеніи дѣль нѣсколько достигнуто. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ изложилъ это Гвѣдичъ въ предисловіи, „любовная страсть Эдгарда и Корелии осталась совершенно вычеркнутою и неувѣнчанною. Великодушный подвигъ и благородныя чувства сего рыцаря не унижены.“ Въ этой передѣлкѣ Гвѣдича мы замѣчаемъ нѣкоторыя не маловажныя уклоненія отъ теоріи ложно-классической трагедіи, какъ понималась она на примѣръ Сумароковымъ. Слабость передѣлки много мѣшаетъ ясности дѣла. Такъ, хотя страсть избрана одна (неблагодарность), она слишкомъ неясна, и представитель ея (трагическій злодѣй герцогъ Корнваллійскій) неудовлетворителенъ даже съ точки зрѣнія ложно-классической теоріи. Также неудовлетворителенъ и Леаръ, олицетворяющій добродѣтельнаго отца, съ твердостью переносащаго неблагодарность дѣтей. Борьбы между разсудкомъ и долгомъ, столь характеристичной для ложно-классической трагедіи, не существуетъ, или по крайней мѣрѣ ея не видно въ дѣйствіяхъ герцога Корнваллійскаго. Черта такъ рѣзко бьющая у Шекспира и находящаяся даже у Дюсса, — добровольная, но легкомысленная уступка власти, олуцена у Гвѣдича, и неблагодарность дочерей Лира ступезывається, а остается только злой отъ природы ихъ характеръ. Но и эта черта незамѣтна, потому что сестры почти не являются на сценѣ (Вольверилла только упоминается.) Дѣйствіе всюду замѣнено разказомъ, и хотя піеса написана прозою, не „александрійскимъ стихомъ“, важность рѣчи приличная ложно-классической трагедіи соблюдена вполне. То что понималось подъ единствомъ дѣйствія удержано. Лица прелятствующія по теоріи ложно-классической трагедіи ходу піесы, какъ Говерилья, Эдмундъ, Эдгардъ (какимъ онъ былъ у Шекспира), выпущены, а равно и положенія необходимыя для обрисовки характеровъ оставлены (сцена прожанія Эдгардомъ Глостера). Налерсниковъ и наперсницъ собственно нѣтъ, но нельзя не видѣть остатка ихъ на примѣръ въ Освальдѣ, которому герцогъ Корнваллійскій сообщаетъ свои дѣйствія и который предъ публикой замѣняетъ своими поясненіями недостатокъ развитія характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Единство мѣста и времени соблюдается по возможности строго. Дѣйствіе происходитъ въ дѣсу и въ замкѣ близъ дѣса. Повѣдка герцога Албанскаго къ себѣ домой, удаленіе Леара отъ Вольвериллы, осмотръ лещеры, приходъ Леара

въ дѣсь и даже битва, которая рѣшается очень быстро, не мѣшаетъ однодневному дѣйствию; но самъ Гвѣдичъ заставляетъ быть *Лира* въ дѣсу ночью (д. IV, явл. 1е). Что касается до оживленности дѣйствія (action), то оно находится у Гвѣдича сравнительно съ Сумароковымъ въ гораздо большей мѣрѣ. Подробный разборъ передѣлки Шекспировъ *Лира* указываетъ что предлагала ложно-классическая трагедія публикѣ вмѣсто пьесы Шекспира, столь глубоко проникающаго въ природу людей и столь поучительнаго для всякой литературы. Вмѣсто пьесы о которой Гервинусъ выразился такъ: „Если справедливо что изображеніе страсти проникающей за предѣлы естественныхъ и нравственныхъ границъ челоуѣчества составляетъ задачу трагедіи, то нельзя найти пьесы которая бы лучше всего осуществляла и подтверждала это положеніе. Въ *Лирѣ* идея страсти сдѣлана общою. Вмѣсто этой пьесы Гвѣдичъ предложилъ нѣсколько эффектныхъ сценъ, нѣсколько лицъ лишённыхъ всякаго характера и таличности, и это соединялось съ великимъ именемъ Шекспира. Легко судить по этому до какой ничтожности умалилось начатое Карамзинымъ дѣло ознакомленія Россіи съ великимъ англійскимъ поэтомъ.

Въ заключеніе повторимъ слова Батюшкова: „Исключительная любовь къ французской словесности выдержала всѣ возможныя испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Таліи и людей просвѣщенныхъ остались безъ пользы, безъ вниманія.“

Мы видѣли что предлагала эта французская словесность въ трагедіи и драмѣ. Съ конца двадцатыхъ годовъ замѣчается большое оживленіе въ переводахъ Шекспира. Что же касается критики Шекспира, то она и послѣ въ русской литературѣ была очень слаба и представляетъ или рядъ статей наполненныхъ общими сужденіями (Бѣлинскій) на основаніи собственныхъ взглядовъ критика, а не на основаніи изученія поэта, или рядъ переводовъ по большей части произведеній нѣмецкихъ критиковъ, буквальныхъ или представляющихъ вольныя изложенія положеній добытыхъ иностранною критикою (Бѣткинъ, Тимошеевъ, статьи разсѣяныя по разныхъ журналамъ, предисловія къ издаваемымъ переводамъ).

В. ЛЕБЕДЕВЪ.

ТОСКА ПО РОДИНѢ

КОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА

(Посвящается памяти В. В. Кашпирова)

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

1.

Какъ за границу ѣхалъ я
На долгое на время,
„Берешь, твердили мнѣ друзья,—
„Ты не по силамъ бремя.

2.

„Не можетъ истинный Русакъ
„Жить долго на чужбинѣ:
„Не пьютъ тамъ водки на тощакъ,
„А шей нѣтъ и въ поминѣ...

3—4.

„Тебѣ съ полугоря теперь,
„Надъ нами ты смѣешься,
„А года не пройдетъ, повѣрь,
„И ты не улыбнешься.

5.

„Душѣ измученной тоской
 „Какъ станетъ стихъ понятенъ
 „Что дымъ отечества порой
 „Намъ сладокъ и приятенъ!“

6.

Друзьямъ не вѣря, я махнулъ
 Въ прекрасное далеко,
 И на границѣ не вздохнулъ
 О родинѣ глубоко.

7.

Теперь, вернувшись, я бѣ солгалъ
 Крича: клянусь душою
 Что по отчизнѣ я страдалъ
 Желудочной тоскою!

8.

Хотя вездѣ я обрѣталъ
 Не мало грязныхъ лятевъ,
 Но дымъ отечества не сталъ
 Мнѣ сладокъ и приятенъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

1.

Не проливалъ я сладкихъ слезъ,
 Скорѣй глядѣлъ сурово,
 Какъ прусскій поѣздъ насъ приезъ
 Въ родное Вержболово.

2.

Глядя въ закрытое окно—
 Возмъ двѣремъ затвореннымъ —
 Друзья! я поялялъ лишь одно:
 Что скучно заключеннымъ.

3.

Когда съ исправностью большой
 Паспорты отобрали, —
 Отверзли двери, и гурьбой
 Въ таможеню насъ погнали.

4.

Чиновникъ очень вѣжливъ былъ,
И лишь для процедуры
Съ улыбкой тонкою спросилъ
О лицѣ для цензуры.

5.

(Я про цензуру помянулъ
Не въ видѣ укоризны
Что вотъ сейчасъ молъ и вюхнулъ
Я сладкій дымъ отчизны.)

6.

Нѣмецкій говоръ русскихъ слугъ,
Услышанный въ вокзалѣ,
Не усладилъ мой скиѣскій слухъ;
И я поѣхалъ далѣ.

7.

Французскій лепетъ русскихъ дамъ
Въ вагонѣ раздавался,
И этотъ дымъ моимъ ноздрямъ
Не очень показался.

8.

Но я надѣялся... И вотъ
Примчались мы въ Пальмиру
Что Петръ воздвигнулъ изъ болотъ
На удивленье міру.

9

Въ вокзалѣ много набралось
Прислуги изъ гостиницъ,
И тутъ отвѣдать мнѣ пришлось
Особенный гостинецъ:

10.

Всѣ по-нѣмецки говорятъ,
По-русски еле-еле...
Иль мы ошибкою назадъ
Къ Прусакамъ залетѣли?

11.

Нѣтъ, я въ Россіи... „Берегись!“
 Надъ ухомъ раздается,
 И мы на санкахъ понеслись,
 А сердце все не бьется.

12.

Что Питеръ русскій городъ — я
 Въ томъ скоро убѣдился:
 Я столько сплелеть за три дня
 Услышалъ — что взмолился.

13.

И поскорѣй, какъ могъ, стрѣлой
 Въ Москву, но каюсь, грѣшнень,
 И бѣлокаменной Москвой
 Я мало былъ угрѣшнень.

14.

Хотя въ ней все по старинѣ,
 Но, признаюсь, ни мало
 Не улыбулось нынче мнѣ
 Чтò прежде такъ лѣняло.

15.

Ни красный звонъ колоколовъ,
 Ни галки, ни ухабы,
 Ни русскій духъ со всѣхъ дворовъ,
 Ни мужики, ни бабы;

16.

Ни въ праздникъ пьяныхъ цѣлый полкъ,
 Ни видъ Замоскворѣчья,
 Ни либераловъ вздорный толкъ,
 Ни крѣпкія приторѣчья;

17.

Ни дикій вошь изъ лолливыхъ,
 Ни газа свѣтъ унылой,
 Ни даже брань городовыхъ,—
 Ничто, ничто не мило!...

18.

Я про Москву сказалъ что въ ней
 Все въ стародавнемъ видѣ,
 И виновать. Слышу скорѣй
 Покаяться въ обидѣ.

19.

Вотъ новость въ чемъ: на кабакахъ,
 Приютахъ всѣхъ печальныхъ,
 Такія вывѣски что страхъ,
 Цвѣтовъ національныхъ.

20.

Роднымъ цвѣтамъ, конечно, честь:
 Чего жъ еще честиѣ!
 Притомъ прямая польза есть:
 Кабакъ сталъ всѣмъ виднѣе.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

1.

Одольваемый хандрой,
 Увы, друзья! я снова
 Стремлюсь скучающей душой
 Удрать за Вержболово.

2.

Знать уродился я такимъ,
 Иль проклять такъ судьбою
 Что лишь на родинѣ томимъ
 По родинѣ тоскою.

3.

Но не скажу чтобъ вовсе я
 Душою былъ покоенъ;
 Я то же чувствую, друзья,
 Что передъ битвой воинъ.

4.

Ахъ! иностранцы всѣ подъ рязь
 Нахальны чрезвычайно,
 И досконально знать хотятъ
 Про всѣ про наши тайны.

5.

Имъ вѣдать надо какъ идетъ
Въ Россіи то и это;
Знать имъ локоя не даетъ
Шестая доля свѣта.

6.

Друзья! хотя я не привыкъ
Искать въ карманѣ слова,
Но у меня нѣмвалъ языкъ
Отъ спроса отъ шова.

7—8.

Рѣшился я впередъ отнюдь
Въ просакъ не попадаться;
Намѣревъ я—тамъ будь что будь—
Съ Евролой лотагаться.

9.

За Русь желая стать горой,
Для иностранцевъ гордыхъ
Я приготовилъ цѣлый строй
Отвѣтовъ очень твердыхъ.

10.

О, Музы! въ бурѣ и огнѣ
Даръ пѣснопѣвнй бранныхъ
Да свидеть.... Нѣтъ, не надо мнѣ
Богиаъ сихъ иностранныхъ!

11.

О, боги русскіе, Авось
Съ Небосемъ, шитымъ лыкомъ,
И съ вами пропорю насквозь
Я брюхо всѣмъ языкамъ.

12.

О, Стрибогъ!* ты исконный богъ
Веселыхъ скомороховъ,
И ты бы, дѣдушка, помогъ
Мнѣ низложить Молоховъ.

* Стрибогъ — древній богъ вѣтровъ, лясскъ и скомороховъ, называвшихся веселыми. *Аст.*

13.

Къ веселымъ, преданнымъ тебѣ,
 Довымъ ты слетаешь,
 Имъ лѣсни дивныя въ трубѣ
 Зимою валѣваешь.

14.

Ты любишь волю и просторъ;
 На крыльяхъ, на могучихъ,
 Взмываешь ты превыше горъ
 И грозныхъ тучъ гремучихъ.

15.

Навѣи же на душу мою
 Ты сонмъ стиховъ игривыхъ
 Да достожджно вослюю
 Я Россіянъ счастливыхъ.

16.

О, пусть стихи мои грядой
 Вздываются какъ волны,
 Сверкая лѣнной головой
 И ѣдкой соли лолвы!

17.

И чтобы мой девятый валъ
 Всею силой вдохновенья
 Достоиннымъ образомъ вѣнчалъ
 Сіе стихотворенье!

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1.

Богамъ россійскимъ помолясь
 Враговъ объ одолѣннѣ,
 Я начинаю не страшась
 Съ Европой словопренье.

2.

Я форму дружескихъ бесѣдъ
 Для преній избираю,
 И на вопросъ сейчасъ отвѣтъ
 Покруче загибаю.

3—4.

„Какая партія у васъ,
 „Въ Россіи, всѣхъ сильнѣе,
 „И гласъ народа, Божій гласъ,
 „Къ какой изъ нихъ склоняете?“

5.

У васъ есть партіи и въ вистъ,
 И въ банкъ, и въ преферансикъ...
 Я измаралъ бы цѣлый листъ
 Имъ подвода балаусикъ.

6.

Ахъ! партій всѣхъ не перечесть
 Въ Россіи своенравной,
 Завѣ мы дупимся въ картежъ
 И день и ночь исправно.

7—8.

Не только картами метать,
 Но, разсуждая здраво,
 Мы любимъ въ мнѣніяхъ летать
 То влѣво, то направо.

9.

Но партій этихъ мужики
 (Vox Dei тожь) не знаютъ;
 Они, какъ прежде, въ дураки
 Да въ фофаны играютъ.

10.

„Ну-съ, министерство каково,
 „Какого направленья,
 „И одобряетъ ли его
 „Общественное мнѣнье?“

11.

Россіи вѣрные сыны
 Не мыслей направленье
 Въ министрахъ цѣнятъ, а чины
 И службы прохожденье.

12—14.

„Во всемъ Россія, говорятъ,
 „Европѣ подражаетъ,
 „А почему жь она палатъ
 „До нашихъ дней не знаетъ?“

15.

Палатъ не знаетъ?!... Какъ нѣ грѣхъ
 Мы ими страсть богаты,
 У насъ въ губерніяхъ во всѣхъ
 Есть всякія палаты.

16.

Когда бы съ каждой мнѣ въ карманъ
 Тысяченка перепала,
 Важнѣй бы чѣмъ Хивинскій ханъ
 Моя особа стала.

17.

Но кромѣ сихъ, у насъ въ Москвѣ
 Есть Русская Палата,
 Конечно съ Нѣмцемъ во главѣ;
 За входъ берется плата.

18.

Стихи тамъ ноютъ на расплѣвъ
 Про англійскихъ рабочихъ,
 О мукахъ падшихъ жонъ и дѣвъ
 И о страданьяхъ прочихъ.

19.

Всего же публикѣ милѣй
 Куллеты о побояхъ,
 О скулобиты посивѣй
 И спиртовыхъ настояхъ....

20—22.

„Россію мало знаемъ мы
 „И страхъ насъ разбираетъ
 „При мысли: что теперь умы
 „Въ Россіи занимаетъ?“

23.

Насколько видно изъ газетъ
 Россію всю волнуетъ
 Вопросъ: учиться или нѣтъ?
 О школахъ всякъ толкуетъ.

24.

Вопросъ о школахъ вѣчно былъ
 Для Русскихъ камуфлетомъ.
 Правдивый Несторъ сохранялъ
 Такой разказъ объ этомъ:

25.

Когда нашъ мудрый Ярославъ
 Завелъ впервые школы
 Чтобъ Русскій поумнѣлъ, узнавъ
 Священные глаголы,—

26.

То стоишь и вопли матерей
 Весь Киевъ оглашали,
 Какъ бы онѣ своихъ дѣтей
 Въ могилу опускали.

27.

„Храва завѣтъ своихъ отцовъ
 „И отъ начала нѣмы,
 „Вы не вкусили вѣдь плодовъ
 „Отъ выборной системы?“

28.

Что вы! да въ сей системѣ есть
 Славянское начало;
 Всѣхъ выборовъ не перечестъ
 Съ тѣхъ поръ какъ Русь „ѣсть стала“.*

* Сей стихъ требуетъ примѣчанія. Начало автописи гласитъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда пошла есть земля Русская и како земля Русская стала есть.“ По мнѣнію недобрыхъ ученыхъ, буква *е* въ словѣ *есть* попала по невѣжеству средневѣковыхъ переписчиковъ и должна быть замѣщена буквой *ь*. *Аст.*

29.

И выбрали мы на нихъ
 Высокоблагородныхъ
 Исправниковъ и становыхъ,
 Лузителей народныхъ.

30.

И Ляпкина-Тяпкина избранъ былъ
 Судьей три раза кряду;
 За безкорыстие получилъ
 Владиміра въ награду.

31.

Но выборовъ завѣтный кругъ
 Разросся понемногу:
 Всѣхъ выѣшшихъ припомнить вдругъ
 Не въ силахъ я, ей Богу.

32.

Въ стихъ уложить бы я не могъ
 Однихъ названій новыхъ,
 Тѣмъ лаче подвести итогъ
 Головъ и безголовыхъ.

33.

Отъ избираемыхъ какъ встарь
 Не надо намъ программы;
 И сунься съ нею къ намъ штукать—
 Дождется элиграммы.

34.

(Причина этому проста
 Для тѣхъ кто понимаютъ
 Что дѣло всякое съ хвоста.
 Въ Россіи начинаютъ.)

35.

Итакъ, программы составлять
 Оставивши потомству,
 И впредь мы станемъ выбирать
 По личному знакомству.

36.

Москва Россію всю спасетъ
 Отъ новшествъ сихъ опасныхъ,
 И въ думу гласныхъ изберетъ
 Бездумныхъ и безгласныхъ.

37.

Заломните жь на вѣки вы,
 О племена чужія!
 Когда бы не было Москвы
 Погибла бы Россія!

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

1.

Литературный разговоръ
 На Западъ обыченъ,
 И Европеецъ съ давнихъ поръ
 Таланты чтить привыченъ.

2.

Тамъ цѣнятъ среднихъ и большихъ
 И поощряютъ малыхъ,
 И своры неучей борзыхъ
 Не травятъ ихъ въ журналахъ.

3.

О, тамъ таланты почтены,
 Гдѣ мръ Теннисона
 Въ образованіи страны
 И щить и оборона!

4.

Друзья! я знаю тотъ народъ
 На вѣки будетъ славенъ
 Гдѣ перейдутъ изъ рода въ родъ
 И Пушкинъ и Державинъ.

5.

Да, мы народъ не кой-какой,
 Не выродокъ татарской;
 У насъ сейчасъ есть Лѣвъ Толстой,
 Сей левъ породы царской.

6.

Все жь при вопросѣ: „какова
Литература ваша?“
Тулѣтъ мигомъ голова,
Во рту же словно каша.

7.

Но вѣдь не ловко же молчать
Когда вопросъ предложенъ...
Я такъ рѣшился отвѣчать,
И мой отвѣтъ не ложенъ.

8.

Какъ встарь, писатели у насъ
Литературѣ чужды;
И правду молвить въ добрый часъ
Въ ней не имѣютъ нужды.

9.

Ни одного мы не найдемъ
Изъ старыхъ и изъ новыхъ,
Кто бъ не былъ руганъ дуракомъ
Отъ критиковъ суровыхъ.

10.

Давно эстетику они
Отправили въ архивы,
Цѣня въ писателяхъ одни
Гражданскіе мотивы.

11.

Не тотъ поэтъ кто идеаль
Божественный рисуетъ,
А тотъ кто новенькій скандалъ
Въ стихахъ отралпортуетъ

12.

Не тотъ кто доблестной души
Поетъ печаль и радость,
А тотъ кто гдѣ-нибудь въ глуши
Погаже сыщеть гадость.

13.

Не мыслей строгихъ глубина,
 Не думъ высокихъ сила,
 Намъ беззащитность нужна:
 Дули молъ въ усь и въ рыло.

14.

Ты правъ, Артемій! Всѣ грызуть
 Другъ друга преисправно,
 Съ того и сыты-то живутъ
 Въ Россіи православно! *

15.

Съ тѣхъ поръ какъ русскій богатырь
 Отъ слячки пробудился,
 Ругать Россію вдоль и вширь
 Весьма онъ наострился.

16—18.

Самолозваніе (читай:
 Саморуганье) въ модѣ,
 И Костомаровъ Николай
 Вертится по погодѣ.

19.

О ть въ славу потому попалъ
 Что съ разума большаго
 Великимъ трусомъ обозвалъ
 Димитрія Донскаго.

20.

Услѣхомъ первымъ ободревъ,
 Онъ крылья порасправилъ:
 Родныхъ героевъ всѣхъ временъ
 Мерзавцами ославилъ.

21.

Молъ князь Пожарскій былъ дуракъ
 И интриганъ придворный,
 А Сухорукъ — купецъ-кулакъ
 И взяточникъ зазорный.

* Пародія извѣстныхъ словъ А. П. Волынскаго. *Асм.*

22.

Зане загадилъ овъ сподрядъ
Дѣянiя родвыя,
Ему кадятъ, ему трубятъ
Листки передовые.

23.

Но что они тамъ ни поють,
А все же наши внуки
Сего ученаго причтутъ
Къ гасителямъ науки.

24.

О русскихъ музахъ остальныхъ,
О вольныхъ дщеряхъ Дiя...
Я и забылъ что двѣ изъ нихъ
Доселѣ крѣпостныя.

25.

Надъ Мельломеною святой
И Талией юдольной
Виситъ Дажокловъ мечъ двойной
Чиновничье-контрольной.

26.

И, говорятъ, проектъ готовъ
(Проектъ весьма затѣпный):
На откупъ музъ сдадутъ съ торговъ
Какъ прежде сборъ литейный.

27.

На содержанье ихъ возьметъ
Какой-нибудь кулчина,—
За то контроль приобрѣтетъ
Два лишние алтына.

28.

Какъ быть! искусства своего
Не жалуется начальство,
Существованiе его
Считая за нахальство.

29.

И то: коль спосимъ мы хулы
И отъ пустыхъ журналовъ,
Дождаться можемъ ли хвады
Отъ полныхъ генераловъ?

30.

Театръ россійскій одолженъ
Существованьемъ браннымъ
Тому что добываетъ оны
На кормъ иноплеменнымъ.

31.

Вотъ обновили новый годъ,
Какъ встарь не обновляли:
Чтобъ лишній сократить расходъ
Самойлова прогнали.

32.

Ахъ! въ Петербургъ высшій свѣтъ
Чужой для русской сцены:
Искусство для него — кулетъ
Изъ пакостной Елены.

33.

Отецъ семейства самъ хранить
И вѣдаетъ безъ страха
Что правовѣдъ-сынокъ твердить
Уставы Оффенбаха.

34.

Объемлетъ всѣхъ восторгъ святой
Отъ опереть скабрѣзныхъ,
И изъ Парижа къ намъ гурьбой
Везутъ лѣвицъ шиковныхъ.

35.

Въ Москвѣ театръ россійскій есть,
Актеры и актрисы;
Бредихину лѣсь не счесть
Что ставятъ въ бенефисы.

36.

Но ставятъ больше лустяки
И тѣ-то раза на три;
Актеры, впрочемъ, велики
На... маленькомъ театрѣ. *

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

1.

Вопросовъ новыхъ цѣлый рой
Толпится предо мною;
Вновь ополчаюсь на бой
Съ Европою шальною.

2.

Вопросъ тамъ всякій задаетъ
Не безъ лихого страха:
„Съ чего что годъ то вширь растетъ
„Держава Мономаха?

3.

„Весь Божій міръ вы захватить,
„Какъ кажется, готовы
„И на Европу наложить
„Казакія оковы?

4.

„Не дальше, прошлою весной,
„Хиву вы покорили,
„И даже Англии войной
„За Индію грозили?“

5.

Ахъ, господа! всегда-то вы
Приврете половику,—
Всего мы взяли отъ Хивы
Песочку десятину.

* Маленькій Московскій театръ въ просторѣчїи верѣдко зовется маленькимъ. *Примѣчаніе для иногородныхъ. Аст.*

6.

Пускай вашъ Альбионъ возьметъ
 Себѣ хоть всю Сахару,—
 Россія глазомъ не моргнетъ
 И не затѣветъ свару. *

7.

И вздумай Галлы локорить
 Тунисъ или Морокко,—
 Не станемъ мы о томъ твердить,
 Какъ Якова сорока.

8.

„Все такъ“, услышится въ отвѣтъ,—
 „Да жадны на захватъ вы,
 „Того и ждемъ мы что нѣтъ-нѣтъ
 „Да шастъ на Цареградъ вы.“

9.

Пускай Восточный Человѣкъ
 Давно уже недуженъ,—
 Нашъ *Голосъ* про Царьградъ изрекъ
 Чтó онь *ему* не нуженъ. **

10.

Россія не возьметъ, ей-ей,
 Сей городъ правотѣрный
 Чтó братъ не хочетъ и Андрей,
 Безсребренникъ примѣрный.

11—13.

Вы насъ страшитесь вотще:
 Мы страхъ миролюбивы.
 Какъ всѣ Славяне вообще,
 И на подъемъ лѣнны.

* *Позднѣйшее примѣчаніе:*

Пока я рюемы подбиралъ
 Old Dizzy сьавгаичанна:
 Суэскій прибыльный каналъ
 Удачно прикармаина. *Аст.*

** *Голосъ*, газета издававшаяся Андреемъ Александровичемъ Крѣвскимъ. *Примѣчаніе для потомства. Аст.*

14.

„Славянами вельзя шутить!
 „Идея всеславянства
 „Россію можетъ натравить
 „На всякія буянства.“

15.

Уймите свой напрасный жаръ,
 Отрите потъ цыганскій!
 Чтò испугало васъ? Базаръ
 Гдѣ лѣлъ лѣвецъ Славянскій?

16.

Иль мните вы что Комитетъ
 Славянскій нынче въ модѣ?
 Да у него рублишка нѣтъ
 На новый годъ въ приходѣ.

17.

Еще одно я замѣчалъ:
 Французъ и спитъ и видитъ
 Молъ скоро ль Молѣтке генералъ
 Россію изобидитъ?

18.

Французы любятъ помечтать
 Что съ Нѣмцемъ будутъ квиты,
 Когда удастся имъ сказать:
 „Мы не одни имъ биты“.

19.

Напрасно ихъ старался я
 Честнымъ крестомъ завѣрить
 Что мы съ Германцами друзья:
 „Молъ лояно лицемѣрить“.

20.

Французъ извѣстный вѣтрогонъ
 (Какъ знаете вы сами)
 И Нѣмцевъ смѣшиваетъ онъ
 Съ російскими нѣмцами.

21.

Французы! на сѣденье вамъ
 Безъ стона и безъ плачу
 Нѣмцовъ російскихъ я отдамъ
 Съ Краевскимъ на придачу.

22.

Но съ Нѣмцами—прошу простить—
 Причинъ не вижу къ ссорѣ;
 Намъ съ ними нечего дѣлать
 На сушѣ и на морѣ.

23.

Притомъ же Нѣмцу мы сродни
 По нравамъ и привычкамъ;
 У насъ пристрастія одни:
 Къ логонамъ и летличкамъ.

24.

Мы начинаемъ ливо лить,
 Прусакъ не прочь отъ водки,—
 Съ чего жь намъ, смѣю васъ спросить,
 Другъ другу рѣзать глотки?

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

1.

На Западѣ про насъ клеветъ
 Раслушено не мало;
 Вѣдь за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ,
 И врутъ чтѣ ни попало.

2.

Что будто мы осуждены
 Быть вѣчными рабами;
 Не предъ законами равны,
 А развѣ предъ кнутами.

3.

Что будто бы у насъ притомъ
 Ужасные порядки,
 И по субботамъ бьютъ кнутомъ
 Чиновниковъ за взятки.

4—6.

Но вообще у насъ прогрессъ
Въ Европѣ небывалой;
Мы до того забрались въ лѣсъ
Что дровъ ужъ стало мало.

7.

Треть генераловъ пошла
Фривольная водица,
И имъ безъ шуточекъ à la
Щедрихъ теперь не спится.

8.

Великъ въ сатирѣ Салтыковъ!
Верста ему не мѣра!
Онъ замѣнилъ имъ и шутовъ
И самого Вольтера!

9.

Распрещедринскій Помпадуръ
Ни мало не нахалевъ;
Скорѣй напротивъ, черезчуръ
Отважно либералевъ.

10.

У васъ есть дѣло; вы къ нему;
Онъ радъ вамъ точно сыну;
Курить предложить; по уму
Васъ приметъ, не по чину.

11.

Но не надѣйтесь на то
Чтобъ онъ подвинулъ дѣло;
Онъ про правительство за то
Толкуетъ очень смѣло:

12.

„Изволите молъ сами знать
„*Рассейскіе* порядки;
„Законы, смѣю вамъ сказать,
„У насъ отиѣнно гадки;

13.

„И радъ бы я устроить вамъ
 „И, такъ-сказать, обязанъ....
 „Но по рукамъ и по ногамъ
 „Формальностями связанъ.“

14.

Онъ убѣдитъ васъ что законъ
 У васъ во всемъ виновенъ;
 Не исповитель,—будетъ онъ
 Пигмей или чивовенъ.

15.

А въ старину въ ходу былъ стихъ:
 „Законы де и святы,
 „Да исповители-то ихъ
 „Лихіе сулостаты.“

16.

Преуславіянье, иль прогрессъ,
 Какъ кличутъ бусурманы,
 Повсюду-то у насъ залъзъ:
 Въ сердца, въ умы, въ... карманы.

17.

Онъ завертѣлся тамъ юлой,
 Сталъ жечь сердца краливой, —
 И всѣ шарахъ на леребой
 За легкою наживой.

18.

Едва умѣя лепетать,
 Чуть только изъ пелёнокъ,
 Умѣеть деньги ужъ считать
 Теперь Россіянокъ.

19.

Ополоумѣлъ нашъ народъ
 Ища статьи доходной;
 Устроилъ водочный заводъ
 Поэтъ слезы народвой.

20.

За деньги все хотимъ достать
Свободу, совѣсть, вѣру...
Пустякись баре торговать,
Забывши про карьеру.

21.

Другъ другу всѣ глядятъ въ карманъ,
Отъ зависти всакъ ноетъ....
Не говорятъ: „хорошъ романъ“,
А „двадцать тысячъ стоитъ“.

22.

Повсюду царствуетъ алтынъ....
Всѣ маменьки той вѣры
Что коли умный будетъ сынъ,
То выйдетъ въ инженеры.

23.

Могли жить предки въ тѣснотѣ,
Лишь только бѣ не въ обидѣ;
У насъ помята не тѣ:
Давай все въ лучшемъ видѣ.

24.

Для предковъ важенъ былъ уютъ,
А мы хотимъ комфорта,
И нашимъ жонамъ платья шьютъ
Въ rue de la Paix, у Ворта.

25.

Желаетъ всякій видѣть свѣтъ,
И вкусъ у всѣхъ сталъ тонокъ:
И развелось у насъ газетъ
И полливныхъ лавчонокъ!

26.

Пути желѣзные какъ сѣтъ
Россию всю покрыли,
И претъ машина какъ медвѣдь,
Туда гдѣ волки выли.

27.

Ихъ часто строятъ на фу-фу,
Ведутъ куда попало:
Въ Сызрань, Дедюхинь, иль въ Уфу,
Лишь бы въ кошедь попало.

28.

За то легко стихи писать
Скажи: миллионеры,
И рифмы нечего искать
Пришли концессьонеры.

29.

И оныхъ всякъ слѣштитъ ругнуть
Съ завистливою злобой....
Администрація свой луть
Изобрѣла особой....

30—35.

Я бѣ эту пѣсню продолжалъ
Да Стрибогъ, взявъ перуны,
Какъ древле у Садка порвалъ
На гусяхъ звонки струны.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

.....
.....

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

1.

О, Русь! тому ужь тридцать лѣтъ
Какъ взоръ вперивъ гаубокой
Живописалъ тебя лотъ
Изъ чуднаго далека.

2.

Тогда неслася впереди
Ты тройкой необгонной,
Крича неистово: „лади!“
Европѣ изумленной.

3.

Твой экипажъ былъ немудренъ
 Та самая телѣга,
 На ней же ѣдидишь со временемъ
 За вѣщаго Олега.

4.

Но тройка у тебя была...
 О, Боже, что за кони!
 Ты ускакать на нихъ могла
 Отъ всяческой логови.

5.

Ихъ грудь была сильна, крѣпка,
 Скажи: изъ мѣди саита;
 И круты были ихъ бока,
 И звонки ихъ копыта.

6.

Ихъ очи посреди ночей
 Свѣтились что звѣзды,
 И въ гривахъ бѣшеныхъ коней
 Свивали вихри гнѣзда.

7.

Дымъ изъ воздрей валитъ столбомъ:
 Огнемъ они дышали...
 Такихъ коней видѣть потомъ,
 Ни прежде не видали.

8.

Чуть-чуть, бочкомъ на облачкѣ,
 Держался Ярославецъ,
 Хотя и въ рваномъ армякѣ,
 За то собой красавецъ.

9—10.

Какъ буря повздъ твой гремѣлъ,
 Дымилася дорога,
 И воздухъ рвался и звенѣлъ...
 Охъ! было шуму много.

11.

Мосты трещали подъ тобой
 (Иной едва держался);
 И колокольчикъ подъ дугой
 Тоскливо заливался.

12.

Являемъ чуднымъ пораженъ,
 Прохожій сторовился,
 И послѣ долго, долго онъ
 И трепетно крестился.

13.

Порой, очнувшись, онъ кричалъ.
 „О, Русь! куда ты это?“
 Но на вопросъ не получалъ
 Ни малаго отвѣта.

14.

Не увидаючись скакать
 Улорно ты молчала;
 Цензура, видно, отвѣчать
 Тебѣ въ тѣ дни мѣшала.

15.

Такъ ты неслась во весь опоръ
 Ретиво, браво, бойко,—
 Какъ вдругъ съ разбѣга о заборъ
 Твоя хватилась тройка...

16.

Я чудной тройки той не зналъ,
 Ни бѣшенago бѣга;
 Я только мѣсто то видалъ
 Гдѣ рухнула телѣга.

17.

Въ тотъ день какъ сталъ я отличать
 Что высоко, что низко,—
 Мнѣ Русь пришлось увидеть
 Изъ сѣренькаго близка.

18.

Стояла лютая зима,
 Морозы-домоносы;
 И освѣщала полутьма
 Сугробы да намосы.

19.

Крутила, выла и мела
 Метелица лихая;
 Все погребая, и отъ зла
 Добра не отлича.

20.

А Русь, какъ Ваяька-зимнячокъ,
 Шажкомъ плелася, тихо;
 Въ савишки впряженъ былъ конекъ
 Такой что въ чужь лихо!

21.

Конекъ надорванный солѣлъ,
 Савишки въ ладъ трещали,
 А Ваяька-зимнячокъ кряхтѣлъ:
 „Моль то ль еще видали!“

22.

Сѣдокъ погодой раздраженъ,
 Окутанный медвѣдемъ,
 Бурчливо вскрикивалъ сквозь сонъ:
 „Да скоро ль, чортъ! доведемъ?“

23.

Но видво предъ своимъ концомъ,
 Такъ бушевала вьюга...
 И вотъ какъ будто бы телломъ
 На насъ пахнуло съ юга.

24.

Богиня порченныхъ дорогъ,
 Дружна съ телломъ и стужей,
 Авдотья Подмочи-порогъ
 Пришла и стала лужей. *

* Какъ въ этой строфѣ, такъ и далѣе, описывается ходъ весны согласно народнымъ примѣтамъ. Авдотья—1го марта; Алексѣя—17го; Марья—1го апрѣля; Федула—5го; Егорія, или Юрія—23го. Асм.

25.

Сталъ близокъ теплый Алексѣй
 Ручьи гонящій съ горокъ,
 Все жь ждали мы морозныхъ дней
 Да утренниковъ сорокъ.

26.

Вотъ и проталины видны,
 И ледъ на рѣчкѣ тонокъ,
 А все не пѣлъ еще весны
 Веселый жавролёнокъ.

27.

На первовешніе лучи,
 Блеснувшіе надъ краемъ,
 Лишь черносизые грачи
 Летѣли съ рѣзкимъ граемъ.

28.

Я не люблю, признаться, ихъ;
 Мнѣ родъ ихъ тѣмъ несносятъ
 Что губить много молодыхъ
 И полныхъ силы сосенъ.

29.

Кабы да сосны тѣ взрослые,—
 О что бь за мачты были!
 Какъ гордо бь наши корабли
 Ихъ по морямъ носили!

30.

Но плакать некогда... Впередъ!
 Чу, слышны пѣсни звонки:
 „Весна идетъ, красна идетъ,
 На сошкѣ, на боронкѣ.“

31.

Уходитъ въ рыхлый снѣгъ нога,
 Дороги плохи стали...
 На Марьюшку Зажги-снѣга
 Овражки заиграли.

32.

Пришелъ Оедуль, теплякъ подулъ,
И почки повалились;
И вотъ въ ночи раздался гулъ:
Тѣ рѣвки дружно вскрылись.

33.

Вода залила берега
И разлилась широко,
Появъ и рощи и луга,
И дальній боръ высокой.

34.

Вотъ съ благодатною росой
На Русь Егорій мчится;
Его завидя всякъ душой
И сердцемъ веселится.

35.

Онъ, по преданью, отъ оковъ
Весь міръ освобождаетъ;
И лютыхъ укротивъ волковъ
Всѣхъ кормомъ одѣляетъ.

36.

И бабкѣ внукъ, будь гулъ какъ лень,
Не скажетъ ужъ съ укоромъ:
„Вотъ молю тебѣ и Юрьевъ день“...
Довольны всѣ Егоромъ.

37.

И православный нашъ народъ
Повеселѣлъ въ день оный...
И вотъ у нашихъ у воротъ
Стучится Май зеленый.

38.

Русь! не ропщи коль выйдетъ Май
Ненастный да холодный.
Коль Май холодный, примѣчай:
Годъ будетъ хлѣбородный.

39.

Еще запомните, друзья:
 Чѣмъ вочки холодиѣе,
 Тѣмъ лѣсъ роднаго соловья
 Сердечнѣй и теплѣе.

40.

За то верѣдко хвалятъ Май
 Что можно прогуляться;
 На вольномъ воздухѣ—пить чай
 И въ барышень влюбляться.

41.

Быть-можетъ, въ душныхъ городахъ
 Овъ мѣсяцъ и гулящій;
 Не то въ привольныхъ деревьяхъ:
 Овъ тутъ преработящій.

42.

Паши, мужикъ, сажай и сѣи!
 Бѣда кто часъ улуститъ!
 Того гляди что Еремей *
 И сѣтево олуститъ.

43.

О, Русь! вслаши участокъ свой
 Съ терлвьемъ и любовью;
 Полей и по́томъ и слезой,
 Не поливай лишь кровью.

44.

Не вѣрь что прочно дѣло то,
 Подъ нимъ же кровь струится;
 То дѣло Богомъ проклято,
 Имъ духъ твой осквернится.

45.

О, Русь! въ сердца своихъ дѣтей
 Посѣй зерно благое,
 Но равѣ не лѣнись отвѣй
 Ты всяко сѣмя злое.

* 30го мая. Св. Еремея, по народному прозвищу, Олуста-сѣтево.

46.

Кто вѣтры свѣтъ, тотъ пожнетъ
Губительныя бури..
Пусть племя юное взростетъ,
Стремась душой къ лазури!

47.

Весь день до ночи работай,
Надъ нивою молодою,
А вечерами отдыхай
За пѣсней родною.

48.

Сознаемъ долга высока,
Иди путемъ ты правымъ;
Будь непреклонна и глуха
Ко словесамъ лукавымъ.

49.

Ненастье встрѣтя на пути
Не пладай малодушно,
И бодрость въ горѣ обрети,
Евангелю послушна.

50.

Но бодро шествуя впередъ,
Не разрушай безъ мѣры.
Храни, о Русь! святой кивотъ
Живой сердечной вѣры.

51.

Да славу доблестнымъ отцамъ
Звучитъ немолчно лира!..
Не преклонись чужимъ богамъ
За всѣ богатства міра.

52.

Довольно ужъ твоихъ сыновъ,
Стремась къ неясной цѣли,
Вдаль отъ родимыхъ береговъ
На вѣки улетѣли.

53.

Скучая праздною душой
И буйной воли полны,
Они стремились вдаль мечтой,
Ихъ вдаль манили волны.

54.

Полутный вѣтеръ надувалъ
Покорныя вѣтрила,
И быстро мчалъ гуляивый валъ
Отъ родины немилый.

55.

И вотъ предъ нами край чужой:
Какъ онъ богатъ и чуденъ!
Какъ передъ нимъ ихъ край родной
И непригожъ, и скуденъ!

56.

„Мы духу родину наши!“
Они себѣ сказали,
И вотъ родные корабли
Какъ жертва запылали!

57

И изрекали они въ тотъ часъ
Отечеству проклятье,
Сказавъ: „отнынѣ пусть для насъ
Чужіе будутъ братья.“

58.

Но время быстрое летить,
Восторги остужая,—
Ихъ край чужой ужъ не дивить,
Тоска ихъ душитъ злая.

59.

Чужой ихъ братомъ не признавъ
И нѣтъ роднаго брата!
И кто бы какъ ни тосковалъ,
Къ былому нѣтъ возврата!

60.

О, Русь! равно не льстися ты
Корыстію неправой:
Ни пышной славой суеты,
Ни боя грозной славой.

61.

Честная гроза на небесахъ
Въ десницѣ Бога жива,—
Но въ человѣческихъ рукахъ
Безумно-горделива.

62.

Она ведетъ стезей прямой
Къ гибели сугубой...
И такъ довольно ты лорой
Служила силѣ грубой.

63.

Та сила, спору нѣтъ, грозна:
Солому ломить сила,—
Но помни также что она
Для разума могила.

64.

Пусть силы той твой духъ бѣжитъ
И славы той превратной...
Тебя да свыше освѣтитъ
Миръ тихо-благодатный.

65.

Не вѣрь что тотъ живетъ во снѣ
Кто тишину лелѣетъ;
Взгляни какъ въ мирной тишинѣ
Великое все зрѣетъ.

66.

Безшуменъ дуба мощный ростъ,
Безшумно спѣетъ колосъ,
И тихъ, и безмятежно простъ
Всякъ благовѣстный голосъ.

67.

Не любитъ геній лышныхъ словъ
И думаетъ безъ шуму,
Какъ молвилъ дѣдушка Крыловъ,
Свою велику думу.

68.

Цвѣти же до конца вѣковъ
Страна моя родная!
Да ниспошлетъ тебѣ покровъ
Владычица Святая!

69.

Какъ древо у истока водъ
Пусть садъ твой зеленѣетъ,
Да благовременно твой плодъ
Нальется и созрѣетъ;

70.

Да соберешь зерно ума
Въ хранилища науки,
Да вкусишь отъ него сама
И поздравихъ внуковъ внуки;

71.

Да сможешь щедро удѣлить
Отъ умственныхъ лицъ,
Когда придетъ къ тебѣ просить
Голодный духомъ лицій!

Д. АВЕРКІЕВЪ.

Январь-июль 1875.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

ЖЕНЫ КАЗАЧЬЯГО ОФИЦЕРА

Въ 1870 году мнѣ пришлось въ первый разъ отправиться съ мужемъ въ отрядъ, въ Киргизскую степь. Какъ забилось мое сердце, когда принесли открытый листъ дававшій возможность добраться на обывательскихъ лошадяхъ до города Петропавловска. Чего ни перечувствовала я, собираясь въ дальній путь. Мнѣ казалось что я навсегда расстаюсь съ родиной и вѣдь дорогамъ и близкимъ... Вечеромъ 31го апрѣля мы выѣхали изъ Омска. Знакомые проводили насъ до Мельничной (первая станція отъ города). 5го мая мы пріѣхали въ Петропавловскъ... Тяжелое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня. При вѣздѣ на каждомъ шагу встрѣчались люди съ печальными лицами, попадались еще тѣлющіе дома. На одной изъ улицъ, самыхъ здакій какъ не бывало, уцѣпали одинъ лечи, да кое-гдѣ, качаясь, скрипѣли ворота, будто жалуются на постигшую ихъ участь. Мѣстами горько плакали оставшіяся безъ крова женщины.

Квартиру отвели намъ у богатаго казака. Мы застали здѣсь страшный безпорядокъ: увязанные ящички на дворѣ, сложенные тутъ же узлы, въ комнатахъ совершенная лустота.

— Не собираетесь ли вы уѣзжать? спрашиваю встрѣтившую меня въ сѣняхъ старушку.

— Куда, матушка-барыня, вхаты! отвѣчаетъ она.— Развѣ видишь что дѣлается? Вотъ ужъ недѣлю не знаемъ покоя, все пожары, да пожары...

Въ Петропавловскѣ жили наши дальнѣе родственники съ которыми мы не были еще знакомы. На другой день мы отправились къ нимъ и встрѣтили радушный пріемъ сопровождаемый вѣстью что у нихъ сгорѣлъ домъ и погибло много вещей. Грустная обстановка. Мы должны были пробить въ Петропавловскѣ недѣлю: здѣсь былъ назначенъ сборный пунктъ нашихъ казаковъ. И уже при насъ было еще шесть пожаровъ.

Купили себѣ пару лошадей. 11го мая выступили вковецъ въ походъ. Походная жизнь первоначально очень мнѣ нравилась. Было на что посмотреть: тутъ въ первый разъ я увидѣла киргизскихъ женщинъ. Мы сдѣлали привалъ неподалеку отъ аула; напившись чаю, отправились въ путь, мой мужъ, майоръ О— и я. Киргизокъ застали мы и работой: онѣ доили козъ и овецъ. Мнѣ очень странно мнѣ казалось это занятіе: я никогда не слышала что можно пользоваться овечьимъ молокомъ... По окончаніи работы, онѣ повели насъ въ свои юрты, сложенные изъ кошени, съ отвѣрстіемъ на верху для дыма и свѣта. Въ одной сторонѣ юрты была набросана солома, на соломѣ лежали козлята и теленокъ. Нечистота и грязь ужаснѣйшая; поореди юрты разложены огонь на которомъ грѣлся чайникъ. Явилась цѣлая толпа женщинъ съ любопытствомъ разсматривавшихъ нашъ нарядъ. Я спросила ихъ черезъ переводчика, гдѣ водятся они зиму?

— Въ этихъ самыхъ юртахъ, отвѣчали онѣ.

Отвѣтъ ихъ поразилъ меня. Провести зиму посреди голой степи въ кошениной юртѣ казалось мнѣ невозможнымъ. Выходя изъ юрты, смотримъ: небольшая лужа, должно-быть отъ дождя, и въ ней маленькія дѣти. До сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣху какъ они кувыркались въ водѣ, а высккивая изъ нее, начинали кататься въ льду и волѣ.

Не мало было интереснаго для меня въ нашей дорогѣ, но не мало было и неудобствъ; часто случалось останавливаться у болотъ и лить воду пололамъ съ грязью, да и ея-то сама доставало на всѣхъ. А зной! Шли мы караванною дорогою, и настоящій праздникъ былъ для насъ когда встрѣчали рѣчку. Еще издали увидишь рѣчку, радуешься что вотъ от-

дохнешь и напьешься свѣжей проточной водицы; а тамъ, глядь... окажется что въ ней вода сладкая. Тутъ намъ помогала лимонная кислота, но все же какое разочарованіе!

Наконецъ мы дошли до Акмуловъ, какъ разъ въ Троицынъ день. Здѣсь знакомые моему мужу акмулинскій городничій съ женой приняли насъ какъ родные, и здѣсь мы пробыли три дня. Купили еще лошадь, хорошенькую, только не обвѣзженную, и олять въ путь. Теперь дорога ужъ не такъ правилась мнѣ какъ прежде... Усталость, скука, да бывали и такіе случаи. Не помню какъ называлась мѣстность которую мы ѣхали, пришлось спускаться съ горы, къ тому же еще косогоромъ. Лошади не могли сдержать экипажа, бросились въ сторону; едва я успѣла выскочить, тарантасъ опрокинулся и сломался. Казаки привялись кое-какъ исправлять тарантасъ; я же поѣхала верхомъ на купленной въ Акмулахъ лошади. Ыхала благополучно, только когда доѣхали до мѣста гдѣ долженъ былъ расположиться отрядъ, и хотѣла сойти съ сѣдла, казакъ уже подошелъ подержать за узду, вдругъ моя лошадка, которая терпѣть не могла чтобы къ мордѣ ея протягивали руку, на дыбы и давай биться, потомъ понесла. Я едва усидѣла и насилу успокоила ее.

Много было такихъ случаевъ со мной, но весело бывало смотреть какъ въ лозднюю темную ночь стоять телѣги, расположенныя въ каре, у каждой горитъ огонекъ; здѣсь собравшись въ кружокъ сидятъ казаки, слушая сказку, тамъ играютъ на скрилкѣ и на бандурѣ, и пляшутъ; съ другаго конца несутся лѣсиа. Да, хорошо бываетъ у насъ въ походѣ, но только вечеромъ. День-деньской едва тащимся шагъ за шагомъ, мучась отъ жары и жажды.

Черезъ три съ половиною мѣсяца пришли мы наконецъ въ Барахудзиръ, конечный пунктъ нашего странствованія. Я ужъ обтерпѣлась и не очень горевала когда вмѣсто квартиры отвели намъ какой-то сарай покрытый камышомъ, съ лаутиной по всѣмъ стѣнамъ. Но все-таки трудно было привыкать къ жизни какую мы повели въ Барахудзирѣ. Читать нечего, ходить некуда, кромѣ Калмыковъ, которыхъ было очень много въ полуверстѣ отъ Барахудзира: тамъ у нихъ что-то въ родѣ поселенія. Не доѣзжая нѣсколькихъ станицъ до Барахудзира мы познакомились съ калмыцкимъ офицеромъ, проѣзжавшимъ изъ Вѣрнаго на почтовыхъ. Онъ просилъ насъ непременно навѣстить его и познакомиться съ

его семействомъ, отъ чего мы конечно не отказались. Два три послѣ нашего прибытія онъ явился въ отрядъ напоминаніе наше обѣщаніе. Отправились мы и черезъ полчаса очутились у него въ гостяхъ. Сахла изъ глины покрытая жердами, на четверть одна отъ другой, съ камышомъ поверхъ ихъ, и все это залито глиной; кругомъ садъ съ цвѣтами, дынями и арбузами, и огородъ засѣянный табакомъ; предъ входомъ навѣсъ оббитый тыквами. Насъ встрѣтили мать хозяина, его жена и братъ, и повели во внутренность сахлы, раздѣленной тремя перегородками на три комнаты. Самую большую до половины занимали нары покрытыя коврами; въ переднемъ углу маленькій шкафъ съ мѣдными бурканами и кадильницей; все это украшено цвѣтами. Посреди наръ низенькій столикъ, возлѣ него на полу табуретъ, въ средину котораго вѣдлано большое мѣдное блюдо: оно насыпано золой, а на ней горитъ каменный уголь и грѣтся чайникъ. Насъ посадили на нары, предложили намъ трубки съ табакомъ своего издѣлія (угощенье—отказаться отъ котораго значило бы кровно обидѣть хозяевъ). Потомъ стали набираться въ сахлу мужчины и женщины. Послѣднія нѣсколько разъ пытались завести со мной разговоръ, что намъ, конечно, не удавалось. Несмотря на все наше желаніе разговориться, пришлось объясняться знаками. На всѣ вопросы я отвѣчала по-киргизски „бильмейду“ (не понимаю), причемъ мои собесѣдницы заливались громкимъ смѣхомъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ сожалѣніемъ покачивали головами, повторяя: „буджидо, буджидо“ (не знаю, не знаю). Жена нашего хозяина, довольно красивая женщина, подошла къ своему мужу и начала что-то говорить (говорятъ они на распытъ): „просить идти въ садъ“, перевелъ хозяинъ. Я пошла, и тутъ была со всѣмъ смѣяна. Калмычки смѣялись и надъ тѣмъ что у меня длинное платье, и надъ моею шляпкой, которую впрочемъ онъ убралъ цвѣтами. Стоило вѣткѣ задѣть за шляпку или платью зацѣпиться за кустъ, и поднимался такой громкій хохотъ что несмотря на мою досаду за ихъ безцеремонное обращеніе со мной и за то что онъ привелъ въ страшный безпорядокъ мою одежду, я тоже не могла удержаться отъ смѣха. Въ саду я не нашла ничего особеннаго кромѣ цвѣтовъ, какихъ еще не видывала. Я залюбовалась на ихъ красоту, не обращая ни на что вниманія. Между тѣмъ, въ сахлѣ приготовили закуску, состоявшую изъ чаю, заваренаго,

каренного и сушеного мяса, урюку, арбузовъ и дынь. Послѣ угощенія мы отправились домой, пригласивъ къ себѣ хозяина съ семействомъ.

На другой день въ десять часовъ утра явились мои черашнія наемщицы, и не столько пили чай который я имъ предложила, сколько ѣли сахаръ: положить въ чашки кусковъ пять, да еще и такъ грызутъ его вмѣсто хлѣба. Все что осталось отъ угощенія, сахаръ, конфеты, орѣхи, онѣ забрали въ карманъ. Потомъ одна изъ проказницъ подошла къ чемодану и знаками попросила раскрыть его. Я исполнила ея желаніе. Онѣ принялись разсматривать все что тамъ было, примѣряли мои платья и кофты, и не прежде ушли какъ вполне удовлетворивъ свое любопытство.

Недѣли черезъ три послѣ перваго знакомства съ Калмыками, мнѣ пришлось видѣть способъ ихъ лѣченія. Часу въ девятомъ вечера, возвращаясь съ прогулки домой, услышали мы заунывное пѣніе по направленію гдѣ живутъ Калмыки и замѣтили свѣтъ. Пошли туда. Толпа народу что-то окружаетъ. Встрѣтившійся знакомый Калмыкъ, говорившій по-русски, ввелъ насъ въ середину круга. Посреди небольшой площадки стоялъ столбъ, на немъ было надѣто колесо отъ рубы (калмыцкая телега); все это увѣшано различною одеждою, сверху фонарь, кругомъ тоже фонари; вокругъ столба ѣздитъ женщина съ распущенными волосами и махаетъ руками. За ней бѣжитъ мужчина съ нагайкой. Едва женщина zaczynaеть замедлять бѣгъ (видно было что она устала) мужчина бьетъ ее плетью.

— Что это такое? спросила я знакомаго Калмыка.

— Баба больна, отвѣчалъ онъ,—въ ней сидитъ шайтанъ.

Я подошла поближе и заглянула въ лицо женщины, когда она поравнялась со мной: она плакала, стараясь заглушить рыданія. Одинъ изъ окружающихъ завывалъ что-то, должно-быть молитву, остальные подтягивали хоромъ. Фонари изъ красной бумаги какъ-то странно освѣщали сцену.

Другая мѣстная сцена. На Святкахъ былъ у Калмыковъ маскарадъ. Сдѣлали двѣ китайскія лодки съ балдахиномъ изъ камышу, обклеили ихъ бумагой, вымазали постымымъ мазомъ, внутри лодокъ ловѣсили фонари, подъ балдахинъ поставили мужчину наряженнаго китайскою женщиной, и лодки повесились по полю. Дѣло происходило ночью. Красиво было смотрѣть. Всѣ присутствующіе разрядились въ лучшее платье, многіе переодѣвшись женщинами.

Послѣ „говки“ начались танцы, въ которыхъ участвовала вся толпа. Потомъ вся процессія отправилась на поклоненіе какому-то бурхану: все прыгало, лѣло, кричало и кривалось; лодки какъ будто плали. Пройдя полверсты остановились у небольшой часовни бурхана, стали на козлы, и каждый что то шепталъ про себя. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, вдругъ по знаку предводителя всѣ поднялись на ноги, и опять началось веселье; явилось нѣсколько человѣкъ замаскированныхъ демонами. Поднялся крикъ, визгъ, хохотъ, и такъ до полуночи...

Почти годъ прожили мы спокойно, тамъ опять походу мужа послали съ казаками въ Кульджу на два мѣсяца. Никогда не забуду этого времени! Въ Барахундзирѣ осталось всего сорокъ человѣкъ солдатъ и больше никого. Майоръ Б— ушелъ съ ротой пѣхоты и взводомъ артиллеріи и Мазартъ. * Нѣсколько разъ проносились слухи что мужъ раненъ, а кто говорилъ что взяли въ плѣны; убили, угнаны третій... Я думала что сойду съ ума. Наконецъ получено вѣстіе. Мужъ пишетъ что отправляется съ двадцатью пятью казаками въ Дабынъ, непріятельскій городъ, для переговоровъ...

Трудно передать въ какое положеніе повергла меня эта новость... Но вотъ новое письмо: все обошлось благополучно, мужъ возвратился въ Кульджу. Я прилегла отдохнуть отъ тревоги и бессонныхъ ночей, но только услѣла закрытыя глаза, слышу въ комнаты торопливо вбѣгаетъ казакъ и отплевывается у дверей моей спальни.

— Барыня, матушка, вставайте скорѣе.

— Что такое?

— Не скажу пока не встанете.

Выхожу.

— Ну что такое, говори?

— Таранчи наступаютъ.

Я выскочила на плацъ; тамъ суматоха: всѣ бѣгутъ, суетятся, складываютъ имущество на площадь къ казармамъ. На вопросъ мой, видно ли Таранчей, отвѣчали что теперь нѣтъ, а полчаса назадъ было видно... Въ послѣдствіи эта тревога оказалась фальшивою. Выстрѣлы точно были слышны, только не непріятельскіе, а наши. Майоръ Б— съ отрядомъ

* Мазартъ — Таранчинская крѣпость.

подходилъ къ Усеку, * въ двѣнадцать верстахъ отъ Барахудзира.

Возвратившись изъ командировки и отдохнувъ денекъ, мужъ тоже отправился къ майору Б—. Я проводила его за четыре версты, до Акента, разрушеннаго калмыцкаго городка. Мы ѣхали впереди сотни, я, мужъ и жена ротнаго командира Б—; я ѣхала и плакала, казаки замѣтили это и вдругъ, точно сговорясь, залѣли лѣсъю очень подходящую къ моему положенію, и которая какъ будто предсказала то что въ послѣдствіи случилось со мной:

Засвистали казаченьки
 Въ походъ съ полумочи:
 Заплакала Марусенька
 Свои ясны очи..
 Не плачь, не плачь, Марусенька,
 Мы возьмемъ тебя съ собою,
 Мы возьмемъ тебя съ собою,
 Назовемъ тебя сестрою...

Послѣ лѣсны казаки попрощались со мной. „Прощайте, наша добрая барыня! помолитесь за насъ.—Да коли кто не вернется, перешлите наши деньги роднымъ“ (я забыла сказать что собираясь въ походъ, казаки принесли мнѣ на сохраненіе около восьмисотъ рублей). Разставаясь съ мужемъ, я сказала что тоже буду проситься у генерала Коллаковскаго въ походъ сестрой милосердія. „Просись“, отвѣчалъ онъ, „если генералъ позволитъ, то я буду очень радъ“. Мужъ говорилъ это чтобы потѣшить меня, не принимая словъ моихъ за серьезное.

Долго мы смотрѣли во слѣдъ удалявшимся. Становилось темно, пора было возвратиться въ Барахудзиръ.

Между тѣмъ къ намъ стали собираться войска. Пріѣхалъ и генералъ Коллаковскій. Со слезами на глазахъ смотрѣла я на него, когда онъ проходилъ мимо нашей квартиры... „Одно его слово,“ думала я, „можетъ принести мнѣ столько радости, или повергнуть меня въ отчаяніе...“ Въ нашей квартирѣ остановились сестры милосердія, ѣхавшія въ походъ. Одна изъ нихъ шутя спросила меня, не хочется ли и мнѣ въ походъ? Я отвѣчала что съ радостію пошла бы еслибы позволилъ генералъ.

— Ну такъ я скажу чтобы васъ приняли, отвѣчала она.

* Усекъ—горная рѣка.

И точно въ тотъ же вечеръ, начальникъ штаба прислалъ за мною.

— Правда ли что вы желаете идти съ войсками?

— Правда.

Онъ пошелъ къ генералу; съ нетерпѣніемъ ждала я его возвращенія. Наконецъ онъ явился и объявилъ что генералъ дозволяетъ и желаетъ видѣть меня.

Съ замираніемъ сердца отворила я дверь на другой день часовъ въ 10 утра и вошла въ комнату генерала.

Генералъ привалъ меня ласково и улыбаясь спросилъ, веду ли мужа ли я собираюсь въ походъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—цѣль моя помогать раненымъ и больнымъ.

— Благодарю васъ, и съ удовольствіемъ помогу вамъ исполнить ваше желаніе. Вамъ, я думаю, нуженъ экипажъ и лошадь? Вы поѣдете съ другими сестрами?

— Мнѣ ничего не нужно, отвѣчала я, — лошади у насъ есть свои, и экипажъ тоже.

Генералъ еще разъ поблагодарилъ меня и я ушла домой. Въ то время какъ я укладывалась, пріѣхалъ мужъ. Съ удивленіемъ выслушалъ мой разказъ, но не противорѣчилъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, отрядъ нашъ выступилъ. Какъ я радовалась, сидя въ повозкѣ, и благодаря Бога что все-таки не бесполезно пройдетъ моя жизнь! Въ первый разъ пришлось мнѣ перевязывать раненыхъ на Алимтѣ*. Цѣлуя воевы ѣхали съ обозомъ, и на разсвѣтѣ пріѣхали на мѣсто сраженія. Тамъ все было уже спокойно, многіе спали... Я бѣгомъ побѣжала къ сотнѣ моего мужа; дорогой попадаетъ казакъ. Спрашиваю не видѣлъ ли онъ мужа?

— Какже, барыня, видѣлъ; они ужъ и палатку для васъ распорядились приготовить, да сами-то они что-то больны.

„Раненъ“, подумала я, „и мнѣ боятся сказать“. Подошла я къ палаткѣ: мужъ лежалъ на землѣ, блѣдный какъ полотно. Я наклонилась къ нему, хочу поднять плащъ, которымъ онъ былъ одѣтъ, и боюсь, не рѣшаюсь...

— Ты раненъ? спрашиваю.

— Нѣтъ; послѣ сраженія захотѣлось пить и напился воми изъ колодца, и съ тѣхъ поръ дурнота, колюще и спали. Ничего, докторъ обѣщаетъ что пройдетъ. Ступай себѣ помогать раненымъ.

* Урочище Таранчилское.

Слава Богу! я боялась смертельной пули... Тотчасъ иду въ юрты, гдѣ лежали наши раненыя молодцы, и учусь помогать докторамъ въ перевязкахъ. Сначала у меня кружилась голова при видѣ крови, но это продолжалось недолго, и въ тотъ же день я хладнокровно исполняла свою обязанность. Окончивъ перевозку, осматриваюсь кругомъ. Отрядъ стоялъ на горѣ; подъ горой недавній Таравчинскій лагерь. Юрты, разбросанныя „капы“* съ мукой и рисомъ, валяющіеся котлы съ нежирною еще пищей: должно-быть наши лобзали Таравчей во время закуски... Скоро мы свялись и пошли къ Чинъ-Чагадзи**. Я не хотѣла отставать отъ передоваго отряда, и воспользовалась приглашеніемъ полковника К—, начальника артиллеріи, сѣсть къ его экипажъ, который былъ нѣ занятъ, — самъ полковникъ ѣхалъ верхомъ. Ночевали мы у крѣпости Чинъ-Чагадзи, не доходя до нея версты три; обозъ же нашъ остановился на Алимту, чтобы дать раненымъ время оправиться. Долго мы съ мужемъ говорили о предстоящемъ сраженіи... Рано утромъ все мигомъ поднялось по тревогѣ, и впередъ. Когда мы подѣзжали къ крѣпости, началась сильная пальба. Я привстала въ тарантасѣ и смотрѣла съ напряженнымъ вниманіемъ. До сихъ поръ не могу понять что со мною дѣлалось. Выстрѣлы меня не страшили; сколько ни уговаривали меня сѣсть и сидѣть спокойно, я во весь ростъ выпраямалась въ тарантасѣ и смотрѣла. На крѣпостяхъ стѣнахъ мелькалъ огонь, вилась клубы дыма; что-то гудѣло; вотъ солдаты съ крикомъ ура! бросились къ воротамъ.... Штурмъ... Они скривились въ городъ.

Вздрыгнула я при этомъ крикѣ, и перекрестилась. Ну, думаю, слава Богу! Ужь если солдаты подошли къ самымъ воротамъ, то крѣпость наша.

— Ну, барыня, вотъ вамъ и работа послѣла, сказалъ одинъ изъ солдатъ сидѣвшихъ на козлахъ, указывая рукой на раненаго, котораго несли по близости.

Подошла я къ нему; вижу: голова завязана, лицо все въ крови.

— Чѣмъ это тебя угостили?

— Камнемъ, отвѣчаетъ,—когда мы подѣзжали къ воротамъ

* Капы — киргизскій мѣшокъ.

** Таравчинская крѣпость.

насъ такъ и осыпали цѣлымъ градомъ камней. Одинъ и прешелся мнѣ прямо въ голову.

Осмотрѣла я голову: была перевязана, но перевязка сминулась, нужно было ее поправить. Скоро мы двинулись въ крѣпость. Всю жизнь не забуду того что я тамъ увидѣла. Люди и лошади валялись по дорогѣ, мѣстами отѣны были облиты кровью; и на землѣ кровь, и на камняхъ и куда ни взглянешь — вездѣ кровь... Только-что мы подѣхали къ воротамъ, ко мнѣ подѣхалъ Таранча. Онъ былъ блѣденъ и весь дрожалъ. На рукахъ онъ несъ ребенка, котораго всѣми силами старался сунуть ко мнѣ въ тарантасъ. Гляжу, живо ѣдетъ казакъ.

— Умѣешь говорить по-киргизски?

— Умѣю.

— Такъ спроси Таранчу чего онъ хочетъ.

— Боятся чтобы не закололи его, отвѣчалъ казакъ, разспросивъ.

— Передай ему что Русскихъ нечего опасаться, Русскіе безоружныхъ не бьютъ, а маленькихъ дѣтей и совсѣмъ не трогаютъ.

Таранча повидимому успокоился. Въѣзжаю въ городъ. Брошенная лошадь; подаѣ едва живой человекъ; въ нѣсколькихъ шагахъ мертвая молодая женщина, прострѣленная въ грудь. Тутъ подошелъ ко мнѣ Таранча старикъ, слезы катились по его лицу и, сложивъ руки на груди, онъ молча плакался. У меня было въ карманѣ нѣсколько мѣдныхъ денегъ: а ихъ отдала ему, желая показать тѣмъ что мы скорѣе отдадимъ свое чѣмъ будемъ брать чужое. Старикъ взялъ деньги и вѣстивъ съ рукой прижалъ къ груди. Тутъ подѣхалъ мужъ, то роля меня скорѣе идти съ нимъ къ раненому. Мы направились къ телѣгѣ гдѣ лежалъ казакъ весь въ крови. Лицо его было черно, какъ земля; зѣлаи двѣ раны: одна въ лѣвомъ баку, другая въ груди повыше. Пока мужъ ѣздилъ за мной, его уже перевязали. „Тошно“, простоналъ онъ, когда я къ нему наклонилась, „нашлася бы чего-нибудь кислаго“. Я велѣла подать ржавыхъ сухарей, и наложила въ бутылку, потомъ попросила казаковъ донести несчастнаго до мѣста расположенія отряда. Живо изготовили носилки и понесли раненаго въ садъ, гдѣ было приготовлено мѣсто для больныхъ, но черезъ каждыя десять шаговъ онъ просилъ дать ему отдыхъ. Я постоянно поила его

я прикладывала къ головѣ компрессы. Кое-какъ дошли мы до рѣки, которая протекала близь сада гдѣ былъ расположенъ лазаретъ. Идти было еще далеко, я приостановилась отдохнуть подъ тѣнью. Больнаго положила на траву, но онъ должно-быть неловко повернулся: перевязки сдвинулись, черная кровь полилась изъ ранъ. Я снова перевязала его, и намочила голову водою. „Вѣчно буду Бога молить за васъ, катушка - барыня, прошелтааъ равеный.“ — „Не долго тебѣ бѣднымъ молиться за меня“, подумалось мнѣ. Когда мы добрались до лазарета, я спросила его, не желаетъ ли онъ исповѣдаться и причаститься. Онъ какъ-то испуганно взглянул на меня... „Да ты мой другъ не бойся, я вовсе не къ тому чтобъ опасность, а чтобы Богъ помогъ тебѣ скорѣе выздороветь.“ Онъ успокоился и просилъ послать за священникомъ. Послѣ исповѣди больной жилъ не болѣе четверти часа.

Я принялась перевязывать другихъ раненыхъ, что продолжалось до обѣда. Послѣ перевязки пошла было въ свою палатку, но не успѣла дойти до нея, пріѣхалъ докторъ съ требованіемъ „немедленно въ городъ“. Лошадь была уже готова, я переоделась въ мужской костюмъ и отправилась съ докторомъ. Оказалось много работы. То и дѣло приводили къ намъ раненыхъ Таранчей и Дуганъ, нечего было и думать объ отдыхѣ. Удивительный народъ Таранчи и ихъ женщины. Какія раны доводилось перевязывать! Страхъ глядѣть! а они до того терпѣливы что ни стога, ни вздоха не вырывалось изъ груди! Пришли ко мнѣ двѣ Китайки: одна уже пожилая, другая молоденькая, лѣтъ тринадцати, мать и дочь, съ просьбой перевязать ихъ раны: у нихъ были перерѣзаны шеи... „Кто это васъ рѣзалъ?“ спрашиваю черезъ переводчика.

— Сами, отвѣчали онѣ,—Таранчи намъ сказывали что Русскіе станутъ мучить насъ, ломать намъ пальцы, рѣзать уши, носъ, такъ чтобъ избѣгнуть мученій мы и думали локочить съ собою разомъ, только не удалось.

Послѣ нихъ привели еще женщину. Я хотѣла осмотрѣть ее, но только-что начала раскрывать грудь, она поймала меня за руку, крѣпко прижала ее къ щекъ, потомъ указала на окружающій насъ народъ. Она стыдилась... Я попросила солдата и казаковъ отойти и отвести въ сторону Таранчей. Оказалось двѣ раны двумя пулями на вылетъ! одна вошла въ спину, вышла въ грудь... Во время перевязки принесли

старика, голова у него вся изрублена, а онъ спитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, даже храпитъ. Только когда я кончивъ перевязку и вымывъ руки собралась ѣхать домой, еще подошла къ нему, замѣтивъ что фельдшера всталъ около него, онъ схватилъ меня за руки и такъ сказалъ что чуть не переломалъ мнѣ кости.

Солнце уже закатилось когда мы поѣхали домой. Цѣлый день я ничего не ѣла, однако за ужиномъ не могла ни до чего дотронуться, и несмотря на утомленіе долго мучилась ночью, пока заснула: только закрою глаза, такъ мнѣ и кажется что кругомъ меня кровь...

Проснулась я совершенно здоровою, и пошла на перевязку. Тамъ все то же... Послѣ перевязки догнать меня докторъ. „Генералъ желаетъ наградить васъ за труды; что вы желаете 120 рублей денегъ или медаль?“

— Все что угодно генералу, кромѣ денегъ.

Въ три часа мы выступили изъ Чинь-Чагадзи, вечеромъ остановились съ отрядомъ за вновь взятымъ городомъ Судумомъ, въ садахъ котораго происходило дѣло, продвигаясь потомъ опять въ путь. Мужъ мой предложилъ мнѣ ѣхать верхомъ, пока не устану. Я согласилась, но что-то задумалась и опустила поводья; вдругъ лошадь моя чего-то испугавшись бросилась въ сторону. Удержать ее я не могла, и она помчалась во весь опоръ, а впереди около самой дороги глубокой оврагъ. Прямо на него мчитъ меня лошадь. Кровь застыла у меня въ жилахъ. Но правду говорятъ что лошадь умное животное: на одинъ шагъ не добѣжавъ до оврага, она остановилась. Я воспользовалась минутою, погнала ее и поворотила назадъ... Не могу вспомнить безъ смѣху похвалы казаковъ: „Ай-да барыня! вотъ молодецъ! другой и изъ нашего брата такъ не управится“. Еслибъ они знали что я чувствовала въ то время когда „управлялась“! Мужъ посоветовалъ мнѣ отдохнуть, взять казака, пустить отрядъ впередъ и дожидаться обоза. Такъ я и сдѣлала. Отрядъ ухажъ уже далеко, а обоза все не видать.

— Нѣтъ, говорю я казаку, поѣдемъ догонять отрядъ. Когда еще прійдетъ обозъ, кто его знаетъ, а оставаться въ степи опасно, вѣдь нѣсколько дней тому назадъ и на обозъ напали два Таранча: ужъ когда не боялись двое напасть на обозъ, васъ съ тобою не испугаются.

И пришлось мнѣ семьдесятъ верстъ отхватать верхомъ по

жарѣ. Отрядъ остановился въ десяти верстахъ отъ Кульджи, столицы Таранчей. Здѣсь генералъ Колапаковскій поздравилъ войска съ покореніемъ Кульджинскаго ханства и съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Въ послѣдствіи генералъ фонъ-Кауфманъ пожелалъ меня видѣть; онъ встрѣтилъ меня очень ласково, расспрашивалъ о моемъ походѣ, о неудобствахъ которыя я должна была перенести.

— Я желалъ бы подарить вамъ одну вещицу на память прибавилъ онъ и подаль мнѣ хорошенькіе часы.

Теперь мы съ сотней въ Сайдунѣ, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю смѣны нашей сотни и возвращенія въ нашъ родной Омскъ.

А. КОПЦЕВА.

ПАМЯТИ М. П. ПОГОДИНА

8го декабря скончался въ Москвѣ писатель имя котораго извѣстно всей грамотной Россіи. Авторъ множества историческихъ изслѣдованій, курсовъ, чтеній, руководствъ; неутомимый собиратель русскихъ древностей; писатель трагедій, повѣстей, путешествій; издатель журналовъ отъ *Московского Вѣстника* и *Зрителя* конца двадцатыхъ годовъ до *Москвитянина* и *Русскаго*; публицистъ до послѣднихъ дней отзывавшійся на всякое крупное общественное явленіе; горячій патриотъ, голосъ котораго восходилъ до ступеней трона и который не мало содѣйствовалъ сближенію Россіи съ родственными племенами, благоговѣнный поклонникъ Петра Великаго, родной въ то же время среди славянофиловъ; другъ Пушкина и Гоголя; академикъ охотно готовый вести простую рѣчь хотя бы и о мудреныхъ вещахъ; остроумный говорунъ на собраніяхъ и пирахъ; оригиналь черкавшій на попадавшихъ подъ руку клочкахъ свои посланія, пользовавшійся слогомъ телеграммъ еще до изобрѣтенія электрическаго телеграфа, коренной Москвичъ и самъ одинъ изъ главныхъ примѣчательностей древней столицы, — Михаилъ Петровичъ Погодинъ безспорно принадлежалъ къ чи-

слу популярнѣйшихъ русскихъ писателей и русскихъ дѣятелей нашего вѣка.

Болѣзнь увесная въ могилу неутомимаго ветерана русской исторіи и литературы, казавшагося бодрымъ, мечтавшаго усиленно продолжать занятія исторіей Петра, была кратко-временна и уже съ первыхъ дней оставляла мало надежды на выздоровленіе. 8го декабря Погодина не стало...

Тѣло усопшаго было предано землѣ въ пятницу 12го декабря. „Еще наканунѣ, сказано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, оно было перенесено въ церковь Университета, въ которомъ онъ учился и училъ. Литургію и отпѣваніе совершалъ преосвященный Леонидъ, въ сослуженіи съ настоятелемъ Давиловскаго монастыря архимандритомъ Амфилохіемъ, извѣстнымъ археологомъ, и настоятелемъ Сербскаго подворья въ Москвѣ архимандритомъ Саввою, представителемъ Славянства, и со многочисленнымъ бѣлымъ духовенствомъ. Въ концѣ литургіи сказано было профессоромъ протоіереемъ Сергіевскимъ слово въ память покойному. При отпѣваніи, кромѣ родныхъ и близкихъ, присутствовали московскій генералъ - губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ, полечитель Московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій, корпорація профессоровъ Университета съ ректоромъ С. М. Соловьевымъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ Н. У. Араловъ, директоръ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гофмейстеръ баронъ О. А. Бюлеръ, въ сопровожденіи депутаціи отъ Архива; члены Городской Думы, Земскаго Собранія, начальники многихъ учебныхъ заведеній и многочисленные почитатели покойнаго.

„Тѣло предано землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подѣ стѣною котораго такъ долго жилъ покойный. Привлѣвъ благословеніе церкви въ томъ мѣстѣ гдѣ покойный дѣйствовалъ въ лучшую пору своей жизни, его тѣло какъ бы возвращалось домой для послѣдняго успокоенія. За гробомъ слѣдовалъ длинный рядъ вѣкажей. Предъ каждымъ храмомъ встрѣчавшимся на пути погребальнаго шествія совершалась литія. Шествіе останавливалось для литіи также предъ зданіемъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ память того что покойный началъ свою дѣятельность занятіями въ Архивѣ, именно переводомъ сказаній о славянскихъ первоучителяхъ Свв. Кириллѣ и Меѳодіи. Въ Ново-

дѣвичьемъ монастырѣ гробъ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Леонидомъ и при стройномъ лѣтнѣ монахи въ опущенъ въ могилу. Между многочисленными почитателями покойнаго шла тихая бесѣда о покойномъ, припоминались характеристическія черты его жизни и дѣятельности и сдѣланное имъ добро. Нѣсколько теплыхъ словъ, слышанныхъ окружающими, были сказаны на могилѣ вдовѣ покойнаго представителемъ семейства Карамзиныхъ, княземъ Н. П. Мещерскимъ, внукомъ исторіографа, который благословилъ Погодина на занятія Русскою Исторіей. Покойный остался вѣрнѣе завѣту славнаго предшественника. Онъ не просто былъ изслѣдователемъ прошлыхъ судебъ нашего отечества, онъ прильпился сердцемъ къ предмету своихъ занятій, и великая честь ему за то что онъ любилъ и цѣнилъ свой народъ, и даже въ преклонные годы съ пыломъ юности охранялъ начала его исторической жизни и отстаивалъ отъ клеветы и укоризны достоинство и честь его великихъ людей.“

Выписываемъ изъ автобіографіи покойнаго, помѣщенной въ *Біографическомъ Словарѣ Профессоровъ*, издавномъ по случаю столѣтняго юбилея Московскаго Университета въ 1855 году, набросанная собственною рукою Михаила Петровича подробности о юныхъ годахъ его и первыхъ шагахъ на ученомъ поприщѣ.

Погодинъ родился 1800 года ноября 11го, въ Москвѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома. Рано пробудилась въ немъ охота къ чтенію, и по осьмому году онъ уже съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ среду и субботу *Московскихъ Вѣдомостей* съ извѣстіями о войнѣ Шведской и Турецкой. По десятому году подписывался на полученіе журнала *Вѣстникъ Европы*, гдѣ помѣщенная *Марина Роца* Жуковскаго заставляла его проливать ручьи слезъ. Въ 1810 году *Русскій Вѣстникъ* С. Н. Глинки, съ портретами великихъ мужей русскихъ и патриотическими воскалицаніями, взялъ верхъ надъ *Вѣстникомъ Европы*. Вмѣстѣ съ *Русскимъ Вѣстникомъ* читалъ и перечитывалъ онъ всѣ выходившіе въ то время романы Радклифъ, Дюкредюменіа, любимѣйшаго его писателя, Августа Лафонтена, Коцебу и пр., кои покупалъ самъ въ книжныхъ лавкахъ на Ильинкѣ, и составлялъ изъ нихъ многочисленное собраніе. На одиннадцатомъ году помѣщенъ былъ для воспитанія у А. Г. Рѣшетникова, знакомаго съ его отцомъ, гдѣ и началъ учиться вмѣстѣ съ сыномъ Р., извѣстнымъ агрономомъ И. А. и профессоромъ Оверомъ. По-французски ихъ училъ г. Порта, а по-латыни и по-нѣмецки студентъ академіи

Посниковъ, бывшій послѣ протоіереемъ въ Москвѣ. Здѣсь, въ типографіи, среди корректуръ, становъ и наборныхъ кассъ, въ авторской атмосферѣ, развивалъ въ немъ первоначально органъ книгопечатанія, и онъ учился нѣмецкому языку надъ переводомъ книгъ кои хотѣлъ печатать. Первая піеса переведенная имъ, одиннадцати лѣтъ, была *Юлія Гаррацъ*, въ 5 дѣйствіяхъ.

„Наступилъ 1812 годъ. Растолчавшія афишки читалъ онъ съ восторгомъ и всѣми силами своей души слѣдовалъ за движеніями арміи: семейство вмѣстѣ съ Рѣшетниковымъ и другими отправилось въ августѣ мѣсяцѣ сперва къ Троицѣ, а потомъ во Владиміръ и Суздаль, гдѣ и переждали они время Московскаго погрома. Въ Суздаль пріѣхалъ его отецъ, оставшійся до тѣхъ поръ въ Москвѣ, и описалъ живо пребываніе тамъ Французовъ. Въ Москву воротились изгнанники черезъ мѣсяцъ по ихъ удаленіи, въ ноябрѣ. Картину обгорѣлой и наполненной трулами Москвы онъ живо помнитъ. Домъ сгорѣлъ, имѣніе большею частію разграблено, должники отказались платить, и семейство получило уголъ на нѣсколько времени въ домѣ Рѣшетниковыхъ, потомъ перѣехали въ уцѣлѣвшій домикъ родственницы въ Грузинахъ. Здѣсь Погодинъ началъ учиться вмѣстѣ съ дѣтьми протоіерея Кандорскаго по-латыни у В. Н. Воскресенскаго (въ послѣдствіи архимандрита Гавриила, бывшаго профессоромъ философіи въ Казанскомъ Университетѣ), но больше всего занимало его чтеніе газетъ, журналовъ, патріотическихъ книгъ и романовъ. Кудявевъ былъ его героемъ; онъ купилъ себѣ его портретъ и принялся писать его біографію, составляя ее изъ газетныхъ реляцій, старой статьи *Русскаго Вѣстника* и новой въ *Сынѣ Отечества*. Написалъ листовъ тридцать. Сочинилъ еще надписи къ портретамъ многихъ русскихъ генераловъ—Кутузова, Багратиона, Платова, Барклая-де-Толли и большое стихотвореніе о войнѣ. Ему было тогда 12 лѣтъ. Попались сочиненія Карамзина, которыя и лѣзли ему на всю жизнь: историческія замѣчанія на пути къ Троицѣ, *Письма Русскаго Путешественника*, повѣсти, сдѣлались любимымъ чтеніемъ. Онъ читалъ ихъ и перечитывалъ. По четырнадцатому году поступилъ въ Московскую гимназію, гдѣ открытъ былъ пріемъ за небольшую плату для бѣдныхъ воспитанниковъ. За первый годъ только могъ отецъ его внести деньги, 150 руб. асс., а послѣднія оставались на немъ въ долгу даже до кандидатства сына. Курсъ гимназическій продолжался четыре года. Пользу въ гимназіи принесъ ему преимущественно учитель латинскаго и нѣмецкаго языковъ Лейббрехтъ, у котораго учился и по-французски. Другой предметъ веденный хорошо была математика, съ г. Терюхинымъ. Всего болѣе учились и развивались воспитанники въ разговорахъ между собою, и русская словесность, до которой во всѣхъ классахъ были охотники, составляла насущный ихъ хлѣбъ. Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ,

изданное въ 12 томахъ, съ портретами, служило имъ библиотекою и аудиторіей. Баллады Жуковского, басни Крылова, трагедіи Озерова, всѣ знали наизусть. Но для Погодина всѣхъ дороже и слаще былъ Карамзинъ, котораго онъ имѣлъ счастье и увидѣть случайно, предъ отъѣздомъ его изъ Москвы, въ С.-Петербургъ, въ Оружейной Палатѣ, вмѣстѣ съ Дмитриевымъ и Малиновскимъ, въ 1816 году. Погодинъ ждалъ-недождался его Исторіи: ему представлялось въ воображеніи, и онъ хотѣлъ написать картину, какъ Карамзинъ сидитъ на облакахъ и вырѣзываетъ на мѣди Русскую Исторію, а его читатели стоятъ внизу, смотрятъ на него и жадутъ чтобъ онъ скорѣе кончилъ. Что напишетъ онъ объ Александрѣ Невскомѣ, Дмитріѣ Донскомѣ—не выходило у Погодина изъ головы. Но вотъ объявлено наконецъ о выходѣ въ свѣтъ восьмью томовъ Исторіи Государства Россійскаго, и о цѣнѣ 55 руб. ассигнаціями. Не смѣя спросить новаго подарка у отца, только что подарившаго ему Образцовыя сочиненія, съ трудомъ собралъ Погодинъ у родныхъ и знакомыхъ займы деньги чтобы приобрести ее. Книга была выписана изъ Петербурга, послѣ нѣсколькихъ замедленій, и тотчасъ была отдана въ переплетъ, дабы не истерзалась отъ одного перевертыванія листовъ до чтенія, ибо долго не могъ онъ приняться читать, а только что трепеталъ, радовался и перебиралъ листы. Надо было случиться несчастію что переплетчикъ книгу пропилъ! Между тѣмъ какъ прилагали старанія возвратить потерянный экземпляръ, первое изданіе уже вышло, и должно было ожидать втораго, Сленинскаго, которое однакожь скорѣе ужъ было напечатано, и Погодинъ получалъ экземпляръ оставшіяся неразлучнымъ его спутникомъ во все продолженіе жизни...

„Университетскій курсъ продолжался тогда три года. Вотъ изъ кого и изъ чего состояло преподаваніе: Геймъ читалъ статистику, Черепановъ—исторію всеобщую и русскую, Мерзляковъ—теорію поэзіи и краснорѣчія, Тимковскій—латинскую словесность, Гавриловъ—славянскій языкъ, Болдыревъ—еврейскія древности, Каченовскій—теорію изящныхъ искусствъ и археологію, Ульрихъ—нѣмецкую словесность, Пельтъ—французскую. Изъ адъюнктовъ Погодинъ слушалъ только у одного Каменецкаго географію. Самое сильное впечатлѣніе производилъ Мерзляковъ. Лекцій въ продолженіе трехъ лѣтъ прочелъ онъ не много, но всякое его слово отъ души сказанное западало въ душу и навсегда въ ней оставалось. Благословеніе къ Ломоносову и Державину возбуждалъ онъ скорѣе такое что они сдѣлались для студента почти столько же любезными и дорогими какъ Карамзинъ. „Изъ рыбацкой хижины шагнулъ въ академію и спорить съ Фракакиномъ, кто изъ нихъ скорѣе обезоружитъ громовослаго Юпитера...“ Эти слова Мерзлякова о Ломоносовѣ отпечатались какъ-то въ сердцѣ у всѣхъ студентовъ его слушавшихъ. А что за торжество было въ аудиторіи когда Мерзляковъ разбиралъ *Водопадъ* Державина!..

„Кромѣ лекцій всего важнѣе для образованія въ Университетѣ было общество гдѣ студенты взаимною бесѣдою образовывались. На Погодина большое дѣйствіе произвели два человека: первый—Загряжскій, который въ какую то благу ю минуту указалъ ему со властію на нѣкоторые тексты Евангелія, вѣрзавшіеся ему навсегда въ голову; второй—Кубаревъ, который былъ старше его двумя курсами и указалъ ему на Шлецеровъ комментарий къ Нестору. Эта книга произвела въ Погодинѣ совершенный переворотъ, и опредѣлила методъ и духъ будущихъ занятій. Связь съ Кубаревымъ, въ домѣ у котораго нѣсколько времени онъ и жилъ, частыя бесѣды съ нимъ о наукахъ и литературѣ, исторіи русской и римской, имѣли большое вліяніе вообще на его первое образованіе. Всякое дѣло, въ продолженіи университетской жизни, проводилъ Погодинъ у князя Трубецкаго, въ селѣ Знаменскомъ, подъ Москвою. Тамъ попался ему лодъ руку Руссо, котораго полныя сочиненія имѣлъ жившій съ нимъ музыкантъ Гевишта, и сочиненіе гжи Сталь о Германіи. Руссо своимъ краснорѣчіемъ возбудилъ участіе къ судьбѣ человечества и злоупотребленіямъ общества, а Сталь открыла цѣлмй германскій миръ и возбудила любопытство въ высшей степени. Тогда же Погодинъ перевелъ почти все сочиненіе Шатобриана *Génie du Christianisme*, увлекшись блестящими фразами его. Изъ этого перевода послѣ напечатанъ былъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Рене. Эти впечатлѣнія дополнилъ молодой товарищъ Тютчевъ, къ которому хаживалъ Погодинъ иногда, по сосѣдству изъ села Знаменскаго въ Троицкое и котораго заставлялъ всегда за нѣмецкою книгой; разсужденія Тютчева о Виландѣ и Шиллерѣ, Гердерѣ и Гете возбуждали желаніе сравниться съ его начитанностью. Съ молодымъ поколѣніемъ семейства князей Трубецкихъ Погодинъ съ тѣхъ поръ связался чувствами нѣжнѣйшей дружбы. Въ продолженіе студенчества Погодинъ выступилъ и на поприще литературы. Первая статья была *Сатирической разборъ историческихъ таблицъ Филлистри*, написанный подъ вліяніемъ уже Шлецера, и нѣсколько *Писемъ къ Душницкому старцу* о пожертвованіи Демидова въ пользу бѣдныхъ во Флоренціи, объ иностранныхъ воспитателяхъ, по поводу одного газетнаго предложенія услугъ, и пр. Всѣ онѣ были напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы*, обыкновенномъ пріютѣ молодыхъ атлетовъ того времени.

„Въ числѣ упражненій, которыя представлялись каждому профессору предъ окончаніемъ курса, Погодинъ представлялъ профессору Давыдову *Объясненія нѣсколькихъ одъ Горация* по Яни и Митчерлиху. Оно подало мысль, съ согласія профессора, издать всѣ *Оды Горация*, чтд, по принятому плану, и было исполнено въ слѣдующемъ году. Напечатаны оды были на счетъ Университетскаго Пансіона, съ выдачею издателю 200 экземпляровъ. Другой трудъ, въ томъ же году предпринятый, вслѣдствіе разговоровъ съ профессоромъ

Геймомъ, по его одобренію, былъ переводъ Ничевой *древней географіи*, съ нѣмецкаго языка, напечатанный также на казенный счетъ на тѣхъ же условіяхъ. Между тѣмъ Погодинъ ревностно занимался и велитывался Шлецеромъ и Несторомъ, котораго началъ объяснять въ особыхъ отрывкахъ, помѣщавшихся въ *Вѣстникъ Европы*. Эти отрывки, равно какъ и переводы изъ Тулмана о Казарахъ, обратили на Погодина вниманіе графа Румянцева, который удостоилъ молодаго кандидата лестныхъ писемъ, а потомъ личнаго знакомства и разныхъ ученыхъ порученій, при посредствѣ А. Θ. Малиновскаго, начавшихся съ перевода сочиненія Добровскаго *О Свв. Кирилль и Мефодій*. Къ счастью историко-критическаго развитія Погодина, Каченовскій, искавшій новизны въ мнѣніяхъ, объявился въ то время за южное, а потомъ и за Козарское происхожденіе Руси. Погодинъ написалъ обширный разборъ Фатерова разсужденія, въ переводѣ котораго Каченовскій выразилъ свое мнѣніе, и отдалъ ему напечатать въ *Вѣстникъ Европы*, чего однакожь тотъ не исполнилъ. Такъ началась споръ съ Каченовскимъ и борьба въ Университетѣ, продолжавшаяся почти 30 лѣтъ, наравнѣ съ тридцатилѣтнею религіозною войною въ Германіи. Главными предметами спора, одиавъ за другимъ были: происхожденіе Руси съ сѣвера, по мнѣнію Погодина, а не съ юга, какъ думалъ Каченовскій; достовѣрность Несторовой Лѣтописи, въ которой Каченовскій сомнѣвался и которую защищалъ Погодинъ; подлинность Русской Правды и прочихъ древнихъ документовъ.

„Черезъ два года (1823) по окончаніи курса, по тогдашнимъ правиламъ, держалъ Погодинъ экзаменъ на степень магистра по Русской Исторіи. Примѣчательно что экзаменъ случился на памяти преподаваемаго Нестора Лѣтописца, 27го октября, о чемъ онъ узналъ уже гораздо послѣ. Предметомъ диссертациі онъ избралъ: *О происхожденіи Руси*. Диссертацию, для коей подготовлены были матеріалы заранѣе, писалъ годъ и представилъ въ факультетъ, который долженъ былъ принять и одобрить ее (1824), несмотря на то что Козарское происхожденіе, за которое стоялъ и которое преподавалъ въ университетѣ Каченовскій, первый судья диссертациі, преслѣдовано было въ ней безплощадно изъ строки въ строку, и опровергнуто торжественно. Каченовскій смягчилъ только нѣкоторыя грубыя выраженія противъ Эверса при печатаніи, за что авторъ былъ ему послѣ благодаренъ. Въ этой диссертациі Погодинъ попалъ на счастливую для него мысль: для поршенія спора о Варягахъ, собирать всѣ мѣста о нихъ изъ лѣтописей и прочихъ памятниковъ, и на этомъ основаніи опредѣлить ихъ норманское происхожденіе, также какъ и отношеніе ихъ къ Руси, мысль или методу которая сдѣлалась путеводною для всѣхъ послѣдовавшихъ его изслѣдованій. Литература предмета была изучена вполнѣ и всѣ мнѣнія ученыхъ изложены съ потребными объясненіями, дальнѣйшими подтверженіями и опроверженіями. По-

явилъ свой трудъ Погодинъ Карамзину при краткомъ письмѣ, которое начиналось такъ: „У васъ началъ я учиться язу, языку и исторіи; позвольте же посвятить вамъ въ знакъ искренней благодарности первый трудъ мой“, и пр. посредникомъ былъ И. И. Дмитріевъ, который взялся перенести книгу съ письмомъ и доставилъ вскорѣ благосклонный отзывъ знаменитаго историографа, исполненный въ сердце автора идустію. Вотъ письмо Карамзина:

„Милостивый государь, Михаилъ Петровичъ! Примите изъясненіе искреннѣйшей моей признательности. Съ живѣйшимъ поболытствомъ читаю ваше разсужденіе, писанное основательно и пріятно. Усердно желаю чтобы вы и впредь занимались такими важными для Россійской исторіи предметами, съ чести вашего имени и нашей исторической литературы. Прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонности, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр. 25го марта 1825 года.“

Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву Карамзинъ писалъ:

„Любезнѣйшій другъ! прилагаю письмо къ М. П. Погодину, желая ему всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ дальнѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ.“

„Карамзину Погодинъ имѣлъ счастье засвидѣтельствовать все почтеніе лично въ концѣ 1825 года, былъ у него три раза и олучилъ какъ бы его благословеніе. Объ мнѣніи Карамзина твоясительнаго Погодина, К. С. Сербиновичъ, отъ 2го января 835 года, писалъ къ послѣднему, прося о наставникѣ для меньшаго сына Карамзина: „Вѣрю что вы душевно желаете служить памяти незабвеннаго отца его, который цѣнилъ васъ, оворя, послѣ свиданія съ вами, что находить въ васъ больше усердія къ исторіи и способностей къ критикѣ, нежели въ комъ-нибудь другомъ изъ своихъ тогдашнихъ молодыхъ знакомыхъ. Надѣюсь что вамъ пріятно будетъ услышать эти слова, пересказанныя мнѣ семействомъ его.“ Въ 1845 году гартшій сынъ Карамзина, Андрей Николаевичъ, въ Симбирскѣ, одтвердилъ Погодину этотъ отзывъ.

„Диссертація была напечатана и защищена на публичномъ испутѣ въ началѣ 1825 года. Возраженій сильныхъ не было, Каченовскій не произнесъ почти ни одного слова. Академикъ Кругъ, представитель исторической критики, не знаомый еще тогда съ Погодинымъ, былъ очень доволенъ диссертаціей, и написалъ къ Френу лестную для Погодина записку, при возвращеніи экземпляра, имъ посланнаго для рочтенія.

„Профессоръ Шлецеръ подарилъ Погодину портретъ отца, исьвщій въ его кабинетѣ, и экземпляръ Нестора, ему принадлежавшій, съ собственноручными замѣчаніями. Митрополитъ Евгеній, Востоковъ, Келленъ и прочіе тогдашніе знаоки исторіи, удостоили Погодина своего одобренія.

„За представленіе экземпляра императрицѣ Елизаветѣ Александровнѣ, по ходатайству Н. М. Долгикова, которому взялся

доставить экземпляръ А. Θ. Малиновскій, пожалованы автору золотые часы.

„Въ томъ же году прелоручено было Погодину читать Вестную Историю для первогодичныхъ студентовъ“....

Въ заключеніе приведемъ два стихотворенія посвященныя памяти Погодина. Первое было помѣщено въ *Московскія Вѣдомостяи* (№ 319); второе въ первый разъ появляется въ печати.

I.

Нимъ милъ и дорогъ былъ нашъ другъ почившій:
Омъ ревностю за истину стоялъ;
Омъ, славою отчизны дорожившій,
Ея героевъ честь оберегалъ.

Какъ патриотъ, какъ вѣрный Россіянинъ,
За нѣхъ омъ былъ всегда готовъ къ борьбѣ:
Донской, Скопинъ, Пожарскій и Сусанинъ,
Въ немъ обрѣли защитника себѣ.

Какъ честный жрецъ науки имъ любимой,
Передъ своимъ угасъ омъ затаремъ,
Когда съ перомъ въ рукѣ неутомимой
Въ своихъ мечтахъ бесѣдовалъ съ Петромъ.

Недвѣцѣрный, въ дружбѣ неизмѣнимъ,
Къ добру пылалъ любовью омъ живой;
Омъ до конца хранилъ огомъ священныи,
И до сѣднѣ былъ юмоша душой.

Θ. МИЛЛЕРЪ.

II.

Чернорабочій въ храмъ необязкомъ,
Что Русь исторіей своею назоветъ,
Когда главу въ сѣньи беззакаткомъ,
Ста миллионковъ храмъ надъ грудой стѣнъ взнесетъ.

Чернорабочій,—омъ не поволоту
Кладъ сѣнѣ на главу; не кистью, не рѣзомъ
Производилъ роскошную работу,
Не своды омъ сводилъ во храмъ вѣковомъ.

Чернорабочій,—добывалъ омъ камень
На кладку стѣнъ; соръ, грязь сбивалъ со всѣхъ угловъ;
Входъ разчищалъ.... Но страсть, во сердца пламень
Вносилъ омъ въ этотъ трудъ, вносилъ въ него любовь.

Его душѣ рабочій, пыльный молотъ
 Былъ постолатія орудіемъ святымъ.
 И старъ, и слабъ, онь силенъ былъ и молодъ
 За взмахами его, за думами надъ нимъ....

Чернорабочій... Но когда встанется
 Весь храмъ, во всей красѣ и всею вышиной,
 И гемій-водчій, ижемень, соащется
 На тѣки всѣхъ вѣковъ съ постройкой вѣковой,—

Въ тѣ дни вся Русь пойметъ какъ многолаudemъ
 Въ гигантскомъ зданьи трудъ и чермыхъ всѣхъ работъ,
 И имела ихъ несшихъ, и—,Погодинъ“
 Съ почтеньемъ, и не разъ, она произнесеть.

Д. ФОНЪ-ЛИЗАНДЕРЪ.

Москва.

12го декабря 1875.

При семъ № предлагаются особыя объявленія для всѣхъ подписчиковъ: 1) объ открытіи подписки на 1876 годъ на журналъ „КРУГОЗОРЪ“, 2) о подпискѣ на журналъ „НИВА“, 3) отъ книжнаго магазина НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАМОНТОВА (бывшій А. И. Глазунова) и 4) для городовыхъ подписчиковъ кромя С.-Петербурга „ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ“.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т О М А С Т О Д В А Д Ц А Т А Г О .

Н О Я Б Р Ъ .

	Стр.
Борьба демократіи съ аристократіей въ древнихъ эллини- скихъ республикахъ предъ персидскими войнами. <i>М. С. Кутореи</i>	5
✓ Дядь мой помѣщикъ Сербинъ. (Изъ записокъ человѣ- ка.) <i>Сто одного</i>	62
Первые русскіе гардемарины за границей въ XVII сто- лѣтіи. (По документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.) <i>А. В. Рачинскаго</i>	83
✓ Военная жизнь въ Пруссіи. Романъ Гаклендера. Пере- водъ съ нѣмецкаго. Часть третья. Гл. I—IV.....	111
✓ Изъ путевыхъ записокъ. Сербія и Турція. Окончаніе. <i>Ө. М. Бацетича</i>	154
✓ Млечный Путь. Романъ. Книга вторая. Гл. I—VI <i>В. Г. Австенко</i>	204
✓ Интимная переписка послѣдняго короля Польскаго. <i>У. У. Медиумическія явленія. А. М. Бутлерова</i>	250 300
✓ Кружокъ. (Изъ записокъ социаль-демократа.) <i>А. Незло- бина</i>	349
✓ Графъ А. К. Толстой. <i>А.</i>	393

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Какъ мы теперь живемъ. Романъ Антони Троллопа.
Переводъ съ англійскаго. Гл. XII—XVI.

Д Е К А Б Р Ъ.

	Стр.	
Ланы цесаревича Константина. Эпизодъ изъ исторіи Уланскаго Его Величества полка. <i>В. В. Крестов-</i> <i>скаго</i>	413	
Говздка на Кубань. <i>А. Л. Зиссермана</i>	466	
Най нашихъ! Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. <i>Н. А.</i> <i>Чаева</i>	509	✓
Млечный Путь. Романъ. Окончаніе второй книги. <i>В. Г.</i> <i>Австенко</i>	606	✓
Военная жизнь въ Пруссіи. Романъ Гаклендера. Пере- водъ съ нѣмецкаго. Окончаніе.....	653	✓
Внакомство съ Шекспиромъ въ Россіи до 1812 года. <i>В. А. Лебедева</i>	755	✓
Поска по родинѣ. Комическая поэма <i>Д. В. Аверкіева</i> ...	799	✓
Походныя записки жены казачьяго офицера. <i>А. Кон-</i> <i>цовой</i>	833	
Памяти <i>М. П. Погодина</i>	846	✓

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Какъ мы теперь живемъ. Романъ Антони Троллопа.
Переводъ съ англійскаго. Гл. XVII—XXIII. ✓

Сего 1го декабря вышла и разслана подлищикамъ XII декабрьская книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Объ изданіи *Русской Старинѣ* въ 1876 году (седьмой годъ изданія).—II. Вторженіе Французовъ въ Россію въ 1812 г., разказъ очевидца епископа Буткевича.—III. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ под управленіемъ Беркаго, въ 1772—91 гг., историческое изсѣдованіе (окончаніе).—IV. Михаилъ Леонтьевичъ Магвицкій и его ссылки, 1812—44 гг.—V. Николай Васильевичъ Гоголь: неизданныя письма его къ друзьямъ съ примѣчаніями профес. О. Ѳ. Миллера.—VI. Воспоминанія О. А. Пржевальскаго.—VII. Карлъ Андреевичъ Шальдеръ на Дунаѣ въ 1854 году.—VIII. Стихи институтокъ и отзывъ гр. Завадовскаго 1807 года.—IX. Неизданныя элиграммы, сказки, пѣсни и басни А. Е. Измайлова, 1824—27 гг.—X. Холеный бунтъ въ Тамбовѣ въ 1830 году.—XI. Воспоминаніе И. Т. Осипова о Е. И. Половѣ.—XII. Обзоръ *Русской Старинѣ* изд. 1875 г.—XIII. Списокъ лицъ сообщившихъ *Русской Старинѣ* статьи и матеріалы.—XIV. Статистическая вѣдомость подлищиковъ на *Русскую Старину* изд. 1875 г.—XV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

Приложенія. I. Записки о Россіи генерала Манштейна 1727—1744 гг. (Окончаніе), переводъ съ подлинной рукописи автора, съ приложеніемъ біографіи Манштейна, зачеркнутыхъ мѣстъ въ рукописи и пр.—Карриатура на Наполеона 1813 г.—II. Указатель личныхъ именъ въ XIV томѣ *Русской Старинѣ*.

Отпечатано и поступило въ продажу третье изданіе перваго года РУССКОЙ СТАРИНЫ, т. е. 1870 годъ, въ трехъ томахъ 2.700 страницъ, съ двумя гравированными портретами, шестидесятью рисунками и снимками. Цѣна восемь рублей съ пересылкой.

Открыта подписка на РУССКУЮ СТАРИНУ 1876 года (седьмой годъ изданія). Цѣна за 12 книгъ съ портретами русскихъ достопамятныхъ людей, гравированными на мѣди, съ рисунками, снимками и пр. приложеніями, восемь рублей съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ — у Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Соловьева на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подлищиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію РУССКОЙ СТАРИНЫ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12. 13.034.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ИЛЛЮСТРИ-
РОВАННАГО СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

ВТОРОЙ ГОДЪ.

Въ 1876 году сборникъ *Древняя и Новая Россія* будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ какъ и въ текущемъ году, но *безъ предварительной цензуры*. Такое облегченіе, полученное сборникомъ, послужитъ, разумѣется, къ существенному расширенію и улучшенію его историко-литературнаго отдѣла; что же касается внѣшности изданія, то въ ней произойдетъ лишь одна перемѣна: рисунки будутъ помѣщаться не въ текстѣ, а на отдѣльныхъ листахъ. Редакція не можетъ опредѣлить количества художественныхъ приложеній къ каждой книжкѣ, такъ какъ это зависитъ отъ содержанія статей, но въ теченіе года будетъ дано не менѣе 40—50 гравюръ на деревѣ, литографій и хромотографій.

Въ историко-литературномъ отдѣлѣ сборника *Древняя и Новая Россія* въ 1876 году будутъ принимать участіе слѣдующія лица, большею частью уже доставившія въ редакцію обѣщанныя ими статьи.

Проф. Н. Я. Аристовъ.—А. П. Барсуковъ.—Проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.—Н. Г. Богословскій.—Проф. А. Г. Брикверъ.—Баронъ Э. А. Бюлеръ.—Е. А. Бѣловъ.—Проф. В. Г. Васильевскій.—Э. А. Витбергъ.—В. П. Гаевскій.—Проф. В. И. Герье.—П. А. Гильдебрандтъ.—Акад. Я. К. Гротъ.—Проф. М. П. Драгомановъ.—П. Я. Дашковъ.—М. Э. Де-Пуле.—Г. В. Есиповъ.—И. Е. Забѣлинъ.—Проф. Е. Е. Замысловскій.—Проф. В. С. Иконниковъ.—Проф. Д. И. Иловайскій.—Е. П. Карновичъ.—Проф. Г. Э. Карловъ.—Проф. В. О. Ключевскій.—Проф. Д. А. Корсаковъ.—Проф. Н. И. Костомаровъ.—А. М. Лазаревскій.—Проф. В. И. Ламанскій.—Л. Н. Майковъ.—В. Н. Майновъ.—П. К. Мартыновъ.—Проф. О. Э. Миллеръ.—Д. Л. Мордовцевъ.—Проф. И. С. Некрасовъ.—В. И. Немировичъ-Данченко.—П. Н. Петровъ.—П. Н. Полевой.—Проф. Н. А. Поповъ.—А. Н. Поповъ.—В. П. Поповъ.—П. А. Ровинскій.—Проф. А. В. Романовичъ-Славатинскій.—А. И. Савельевъ.—Проф. Д. Я. Самоквасовъ.—М. В. Смирнинъ.—Акад. С. М. Соловьевъ.—В. В. Стасовъ.—Н. П. Степановъ.—А. А. Соколовъ.—Акад. М. И. Сухомлиновъ.—И. А. Тихомировъ. К. Н. Тихомировъ.—Л. Н. Трефоловъ.—Э. М.

Уманецъ.—И. П. Хрущовъ.—Н. А. Чаевъ.—Проф. С. М. Шлилевскій.

Кромѣ того въ сборникѣ 1876 года будутъ напечатаны посмертныя сочиненія академика Н. Г. Устрялова (Неизданная глава изъ 5 тома „Исторіи царствованія Петра Великаго“ и „Воспоминанія“) и М. Д. Хмырова.

Въ художественномъ отдѣлѣ сборника будутъ принимать участіе художники и граверы: П. Ф. Борель, И. И. Ваулинъ, Н. А. Гоголинскій, Г. В. Гаушковъ, И. А. Космаковъ, И. И. Матюшинъ и А. А. Шлилеръ.

Къ первой книжкѣ сборника 1876 года будетъ приложена между прочимъ, большая автографія на тонъ съ картины проф. В. И. Якоби: *Волынской въ засѣданіи кабинета-министровъ*.

Сборникъ *Древняя и Новая Россія* выходитъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ десяти до *двѣнадцати* печатныхъ листовъ большаго формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками въ живописи, такъ что по окончаніи года составитса три большіе тома, отъ 120 до 150 печатныхъ листовъ, съ 40—50 гравюрами на деревѣ, автографіями и хромолитографіями.

Подписная цѣна на годовую экзemplаръ сборника, состоящій изъ *двѣнадцати* книгъ: *Для гг. городскихъ подписчиковъ* въ С.-Петербургѣ: 12 руб. 50 коп. съ доставкой на домъ, 12 руб. безъ доставки. *Для иногородныхъ*: 1) въ Москвѣ: 13 руб. 50 коп. съ доставкой на домъ, 12 руб. 50 коп. безъ доставки; 2) въ губерніи: 13 руб. 50 коп. съ пересылкой. *Для иностранныхъ*: 14 руб. вся Европа (кромѣ Франціи), во Францію 16 руб.

Подписка на 1876 годъ принимается въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи *Сборника*, при хромолитографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, Невскій проспектъ, д. № 46, рядомъ съ Пассажемъ; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Иногородные исключительно обращаются въ контору редакціи.

Разсрочка платежа подписной суммы для частныхъ лицъ допускается по соглашенію съ конторой редакціи, для служащихъ—черезъ посредство ихъ казначеевъ.

Подписка на 1875 годъ продолжается.

Сборникъ *Древняя и Новая Россія* за 1875 годъ, состоящій изъ трехъ томовъ, по четыре книжки въ каждомъ, и заключающій около 150 печатныхъ листовъ большаго формата, in 4°, въ два столбца печати на страницѣ, съ 65 гравюрами на деревѣ, автографіями и хромолитографіями, можно получать въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: въ колѣнкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 15 руб., въ лалкѣ 13 руб., въ бумажной обложкѣ 12 руб. 12.439.

— Да, у насъ есть куроратки, есть прекрасныя церкви, есть сельди въ рѣкахъ. Не нужно только требовать съ насъ слишкомъ многого. Мы не можемъ ладиться и множиться съ такою быстротою какъ это дѣлается въ большихъ городахъ.

— Поэтому-то я и люблю эту часть Англіи. Какая польза отъ многолюдства?

— Земля должна населяться, леди Карбери.

— О, да, сказала леди Карбери съ отгвѣткомъ благоговѣнія въ голосъ, такъ какъ ей показалось что епископъ намекнулъ на какое-то божественное опредѣленіе.—Земля должна населяться, но что касается меня, я больше люблю деревню чѣмъ городъ.

— Также какъ и я, сказалъ Роджеръ.—И я люблю Суффокъ. Народъ у насъ добросердеченъ и радикализмъ не такъ распространенъ какъ въ другихъ мѣстахъ. Бѣдные снимаютъ шляпы предъ богатыми, а богатые заботятся о бѣдныхъ. У насъ сохранилось кое-что отъ старыхъ англійскихъ нравовъ.

— Это такъ хорошо, сказала леди Карбери.

— Сохранилось у насъ кое-что и отъ стараго англійскаго невѣжества, сказалъ епископъ.—Тѣмъ не менѣе я надѣюсь что и мы идемъ впередъ. Какіе у насъ прекрасныя цвѣты, мистеръ Карбери. Мы можемъ по крайней мѣрѣ похвалиться что умѣемъ разводить цвѣты.

Мистрисъ Бльдъ, жена епископа, сидѣла рядомъ со священникомъ и чувствовала нѣкоторый страхъ къ своему сосѣду. Она была можетъ-быть нѣсколько тверже своего мужа въ протестантизмѣ. Она допускала что мистеръ Баргамъ, сдѣлавшись католическимъ священникомъ, могъ остаться джентльменомъ, но не была увѣрена что ей и ея мужу прилично имѣть дѣло съ нимъ. Встрѣча съ патеромъ не была для нихъ неожиданностью. Мистеръ Карбери предупредилъ ихъ объ этомъ, и епископъ объявилъ что будетъ очень радъ познакомиться съ католическимъ священникомъ. Тѣмъ не менѣе мистрисъ Бльдъ сомнѣвалась. Она никогда не рѣшалась высказать свое мнѣніе, послѣ того какъ епископъ высказалъ свое, но она была увѣрена что хорошее хорошо, а дурное дурно, и что римскіе католики люди нехорошіе и поэтому должны быть избѣгаемы. Но мистеръ Баргамъ при-

надлежалъ несомнѣнно къ хорошей фамиліи и это нѣсколько смягчало дѣло.

Мистеръ Баргамъ всегда приступалъ къ своему дѣлу осторожно и постепенно. Молчаливое смиреніе съ котораго онъ начиналъ было равносильно горячему энтузіазму до котораго онъ доходилъ позже. Мистрисъ Ельдъ сочла нужнымъ сказать ему нѣсколько учтивыхъ словъ, и онъ отвѣчалъ ей съ такою застѣнчивою скромностію что она едва не отказалась отъ своего предубѣжденія противъ его профессіи. Она заговорила о бѣдныхъ Бикльса. Они пьютъ слишкомъ много лива, говорила она, а женщины кромѣ того любятъ мараться. На какія деньги покупаютъ онѣ удивительныя шляпки въ которыхъ являются по воскресеньямъ? Мистеръ Баргамъ соглашался со всѣмъ что она говорила. У него уже конечно былъ готовъ планъ какъ заставить мистрисъ Ельдъ ввести ежедневныя мессы въ домъ ея мужа, но въ этотъ разъ онъ даже не приступилъ къ его исполненію. Онъ сдѣлалъ только какой-то случайный намекъ на усердіе къ церкви „нашихъ“, но мистрисъ Ельдъ тотчасъ же выпранилась и заговорила о погодѣ.

Когда дамы удалились, епископъ обратился къ священнику и спросилъ какого онъ мнѣнія о нравственности обитателей Бикльса. Мистеръ Баргамъ очевидно полагалъ что его прихожане были нравственнѣе другихъ, хотя были бѣднѣе.

— Но Ирландцы всѣ пьютъ, сказалъ мистеръ Гелвортъ.

— Однако не такъ много какъ Англичане, возразилъ священникъ.—И не думайте что вся моя паства состоитъ изъ Ирландцевъ. Бѣольшая часть ея Англичане.

— Удивительно какъ мы мало знакомы съ нашими сосѣдями, сказалъ епископъ.—Я конечно зналъ что въ моей епархіи есть нѣсколько лицъ принадлежащихъ къ вашей церкви. Я даже думалъ что знаю ихъ наперечетъ. Но я не подозрѣвалъ что въ близкомъ сосѣдствѣ со мною есть католическія семейства.

— Изъ этого не слѣдуетъ, милордъ, что ихъ нѣтъ.

— Конечно не слѣдуетъ. Я говорю только что не знаю моихъ сосѣдей.

— Я думаю что въ Суффокѣ католики преимущественно бѣдны, сказалъ Гелвортъ.

— Первыми послѣдователями Христа были тоже преимущественно бѣдны, замѣтилъ священникъ.

— Мнѣ кажется что ваша аналогія не совсѣмъ правильна, возразилъ епископъ съ загадочною улыбкой. — Мы говорили о людяхъ исповѣдующихъ старую религію. Спаситель былъ проповѣдникомъ новой религіи. То что бѣдные въ простотѣ сердца первые признали истину новой религіи вполнѣ согласуется съ нашими понятіями о человѣческой природѣ. Но то что бѣдные держатся старой религіи, когда богатые уже покинули ее, мнѣ кажется не совсѣмъ понятнымъ.

— Однако римскій народъ продолжалъ вѣрить когда римскіе патриціи уже смотрѣли на своихъ боговъ какъ на железныхъ пугалъ, сказалъ Карбери.

— Патриціи не лежали своей религіи явло. Народъ вѣрилъ въ полномъ убѣжденіи что его властители тоже вѣрятъ.

— Бѣдные были всегда солью земли, милордъ, сказалъ священникъ.

— Это рѣшаетъ вопросъ, отвѣчалъ епископъ и обратившись къ своему хозяину заговорилъ о приплодѣ поросать на своемъ скотномъ дворѣ. Отецъ Баргамъ обратился къ Гелворту и началъ доказывать ему что ошибочно было предполагать что всѣ католики въ Суффокѣ принадлежатъ къ бѣдному классу. Онъ можетъ указать на такихъ людей какъ А, и В, и С и D. Онъ гордится ихъ твердостью въ вѣрѣ. Эти люди по его мнѣнію были дѣйствительно солью земли и онъ надеялся что они со временемъ обратятъ всю Англію къ ея прежнему вѣроисповѣданію. Епископъ былъ правъ, сказавъ что онъ не зналъ къ какой церкви принадлежали многіе изъ его сосѣдей, но отецъ Баргамъ, который еще не прожилъ въ графствѣ одного года, зналъ поименно всѣхъ жившихъ въ немъ католиковъ.

— Вашъ отецъ очень усердный человекъ, сказалъ тоже епископъ Роджеру Карбери, — и я не сомнѣваюсь что онъ превосходный джентльменъ, но мнѣ кажется что онъ не скрепленъ.

— Я люблю его за то что онъ ревностно исполняетъ то что считаетъ своимъ долгомъ, не заботясь о своихъ матеріальныхъ выгодахъ.

— Все это прекрасно, и я готовъ уважать его, но мнѣ кажется что я не могъ бы говорить свободно въ его присутствіи.

— Я увѣренъ что онъ не повторилъ бы ничего.

— Можетъ-быть, но онъ старался бы постоянно взять верхъ надо мною.

— Не думаю чтобъ это было прилично для насъ, сказалъ мистрисъ Ельдъ своему мужу на пути домой.—Я говорю не изъ предубѣжденія, но протестанты все же протестанты, а католики—католики.

— Ты можешь сказать то же самое о либералахъ и консерваторахъ, но ты вѣроятно не желаешь чтобъ они отзываются встрѣчаться другъ съ другомъ.

— Это не одно и то же, другъ мой. Чтò ни говори, а религія есть религія.

— Такъ и должно быть, сказалъ епископъ.

— Я конечно не хочу идти противъ тебя, другъ мой, но я право не вижу необходимости [встрѣчаться съ отцомъ Баргамомъ.

— Я тоже не вижу необходимости встрѣчаться съ нимъ, сказалъ епископъ,—но если намъ случится встрѣтиться, я буду обращаться съ нимъ учтиво.

XVII. Мери Мельмотъ выслушиваетъ любовное признаніе.

На слѣдующее утро пришла телеграмма отъ Феликса. Онъ уведомлялъ что прїѣдетъ въ Бикальсъ въ этотъ день съ такимъ-то поѣздомъ и Роджеръ, по просьбѣ леди Карбери, послалъ за нимъ экипажъ на станцію. Феликсъ однако не прїѣхалъ. Былъ еще поѣздъ на которомъ онъ могъ послѣть къ обѣду, еслибы обѣдъ былъ отложенъ на полчаса. Леди Карбери обратилась къ своему хозяину и болѣе взглядомъ чѣмъ словами попросила его за сына. Роджеръ нахмурилъ брови, чтò было у него невольнымъ движеніемъ при всякомъ неудовольствіи, однако согласился исполнить ея желаніе. Экипажей и выѣздныхъ лошадей въ Карбери было немного, всего-на-всего одна карета и пара лошадей, употреблявшихся иногда и для полевыхъ работъ. Самъ онъ приходилъ со станціи домой пѣшкомъ, поручая доставить багажъ какимъ-нибудь недорогимъ способомъ. Однако въ этотъ день экипажъ былъ посланъ на станцію вторично, потому что леди Карбери выразила надежду что это будетъ сдѣлано. Но сдѣлано это было съ величайшимъ неудовольствіемъ. Для леди Карбери сынъ ея былъ сэръ-Феликсъ, баронетъ, человекъ который по своей знатности и общественному положенію, а

также и по своему намѣренію жениться на богатой наследницѣ имѣлъ особое право на вниманіе. Для Роджера Карбери Феликсъ былъ порочнымъ молодымъ человѣкомъ недостойнымъ ни малѣйшаго уваженія и крайне для него антипатичнымъ. Тѣмъ не менѣе обѣдъ былъ отложенъ и экипажъ посланъ вторично. Но Феликсъ опять не пріѣхалъ. Этотъ вечеръ прошелъ для Роджера, для леди Карбери и для Генриетты очень неприятно.

Около четырехъ часовъ утра въ домѣ произошелъ переполохъ. Баронетъ наконецъ пріѣхалъ. Не послѣвъ ни на одинъ изъ вечернихъ лоуизовъ, онъ сѣлъ въ вечерній дилижансъ и былъ высаженъ въ какомъ-то дальнемъ городѣ, гдѣ наваялъ лошадей чтобы доѣхать до Карбери. Роджеръ вышелъ встрѣтить его въ халатѣ, леди Карбери тоже вышла изъ своей комнаты. Сэръ-Феликсъ очевидно гордился собой что выдержалъ столько неудобствъ въ дорогѣ. Роджеръ былъ совсѣмъ другаго мнѣнія и не сказалъ почти ничего.

— Какъ ты перепугалъ насъ, Феликсъ, сказала леди Карбери.

— Я самъ перепугался не на шутку, когда увидалъ что мнѣ придется тащиться пятнадцать миль на двухъ клячахъ которыя едва могли бѣжать рысью.

— Но почему ты не пріѣхалъ съ тѣмъ лоуизомъ который назначилъ?

— Никакъ не могъ выбраться изъ Сити, не задумался солгать баронетъ.

— Ты былъ вѣроятно въ правленіи?

На это сэръ-Феликсъ не далъ прямого отвѣта. Роджеръ зналъ что въ правленіи нечего было дѣлать когда Мельмотъ былъ въ деревнѣ и что вообще у сэръ-Феликса не было никакихъ дѣлъ въ Сити, что настоящею причиною его неаккуратности была его наглость, его безлечность. Молодой человѣкъ который самъ по себѣ былъ такимъ неприятнымъ гостемъ, который пріѣхалъ въ его домъ съ такою предосудительною цѣлью и вдобавокъ поднялъ его и весь домъ въ четыре часа утра, не считалъ даже нужнымъ извиниться.

— Жалкій молокососъ, пробормоталъ Роджеръ сквозь зубы. — Не задерживайте здѣсь леди Карбери, сказалъ онъ вслухъ. — Я покажу вамъ вашу комнату.

— Хорошо, хорошо, любезный другъ, отвѣчалъ сэръ-Феликсъ. — Жаль что я потревожилъ васъ. Однако мнѣ хотѣ-

лось бы выпить содовой воды съ колыякомъ прежде чѣмъ лечь въ постель.

Это было новымъ ударомъ для Роджера.

— Не знаю есть ли у меня содовая вода, и если есть, я теперь не знаю гдѣ найти ее. Водки я могу дать вамъ если вы пойдете со мной. Слово водка онъ произнесъ тономъ ясно показывавшимъ что, по его мнѣнію, это былъ весьма предосудительный напитокъ. Тяжело было Роджеру. Чтобы напить этого щенка, эту дворняжку, какъ онъ называлъ его про себя, онъ долженъ былъ сходить за ключомъ на веръхъ. Онъ однако сдѣлалъ это и щенокъ выпилъ водку, не обращая ни малѣйшаго вниманія на дурное расположеніе духа своего хозяина. Уходя въ свою спальню, Феликсъ объявилъ что можетъ-быть сойдетъ внизъ только къ завтраку и что онъ желаетъ чтобъ утренній чай былъ присланъ ему въ его комнату.

— Онъ рожденъ чтобъ быть повѣшеннымъ и добьется этого, сказалъ про себя Роджеръ, уходя въ свою комнату.

Слѣдующій день былъ воскресенье и всѣ за исключеніемъ сэръ-Феликса отправились въ церковь. Леди Карбери въ деревнѣ ходила въ церковь каждое воскресенье, въ городѣ никогда. Она смотрѣла на посѣщеніе церкви какъ на полезный деревенскій обычай, подобный другимъ обѣдамъ и продолжительнымъ прогулкамъ, и была увѣрена что если она не пойдетъ въ церковь, епископъ узнаетъ объ этомъ и будетъ недоволенъ. А она была расположена къ епископу. Она была расположена вообще ко всѣмъ епископамъ. Притомъ она считала долгомъ женщины жертвовать собой для общества. Что же касается прямой цѣли съ которой люди ходятъ въ церковь, леди Карбери никогда не думала о ней. Вернувшись домой, они застали Феликса на лесчаной дорожкѣ предъ ломомъ, курящимъ сигару подъ открытымъ окномъ гостиной.

— Феликсъ, обратился къ нему Роджеръ, — уйдите съ сигарой подальше. Вы наполняете домъ табачнымъ дымомъ.

— Боже, что за предразсудки! сказалъ барометъ.

— Пусть это будетъ предразсудкомъ, но я тѣмъ не менѣе прошу васъ исполнить мою просьбу.

Сэръ-Феликсъ бросилъ сигару съ огнемъ на дорожку. Роджеръ подошелъ и затопталъ ее ногой. Это было первое встрѣчей двухъ родственниковъ въ этотъ день.

Послѣ завтрака леди Карбери увела сына въ садъ и начала уговаривать его отправиться немедленно въ Кавершамъ.

— На какомъ чортѣ отправлюсь я туда?

— Твой кузенъ дастъ тебѣ лошадь.

— Онъ золъ какъ раненый медвѣдь. Хотя онъ гораздо старше меня и родственникъ, и все такое, но я не намѣренъ выносить его дерзости. Будь я гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, я отправился бы прямо въ конюшню и спросилъ бы лошадь и сѣдло.

— У Роджера хозяйство небольшое.

— Но у него вѣроятно есть лошадь и сѣдло, и человекъ чтобъ осѣдлать лошадь. Я не требую ничего особеннаго.

— Онъ сердится что вчера посылалъ за тобой два раза на станцію.

— Терпѣть не могу людей которые вѣчно думаютъ о мелочныхъ неприятностяхъ. Такіе люди хотятъ чтобы всѣ жили съ аккуратностью часовъ и если вы неспособны на это, они оскорбляютъ васъ. Я спрошу у него лошадь какъ спросилъ бы у всякаго другаго, и пусть онъ злится сколько ему угодно.

Полчаса спустя онъ отыскалъ своего кузена.

— Могу я взять лошадь чтобы съѣздить въ Кавершамъ? спросилъ онъ.

— Я никогда не тревожу своихъ лошадей по воскресеньямъ, сказалъ Роджеръ.

Потомъ, подумавъ, онъ прибавилъ:

— Вы можете взять лошадь. Я распоряджусь.

Сэръ-Феликсъ увидѣть во вторникъ и онъ, Роджеръ, будетъ самъ виноватъ если этотъ неприятный родственникъ прійдетъ когда-нибудь опять въ Карбери, утѣшалъ онъ себя, глядя какъ сэръ-Феликсъ выѣзжалъ съ коннаго двора. Но черезъ минуту онъ вспомнилъ что сэръ-Феликсъ по всей вѣроятности долженъ былъ сдѣлаться со временемъ хозяиномъ Карбери. Даже въ томъ случаѣ если Герриетта, какъ онъ все еще надѣялся, будетъ когда-нибудь хозяйкой Карбери, нельзя будетъ отказаться принимать ея брата. Роджеръ стоялъ на мосту, глядя на удалявшася всадника и прислушиваясь къ стуку копытъ своей лошади. Молодой человекъ былъ дерзокъ во всѣхъ отношеніяхъ. Кто не знаетъ что только женщинамъ дозволяется ѣздить галопомъ на лошадяхъ ихъ друзей. Джентльмены ѣздятъ на чужихъ лоша-

дяхъ рысью. У Роджера была только одна верховая лошадь, старая охотничья лошадь, которую онъ любилъ какъ друга. Теперь этотъ старый другъ, ноги котораго уже не были такъ крѣпки какъ въ былое время, галопировалъ во весь духъ по жесткой дорогѣ, погоняемый негоднымъ щенкомъ.

— Содовая вода съ коньякомъ! воскликнулъ Роджеръ почти вслухъ, вспомнивъ о непріятностяхъ послѣдней ночи.—Онъ кончить тѣмъ что умретъ въ больницѣ отъ *delirium tremens!*

Прежде чѣмъ Лонгестаффы уѣхали изъ Лондона въ Кавершамъ чтобы принять своихъ новыхъ друзей Мельмоговъ, между мистеромъ Лонгестаффомъ отцомъ и Джорджіаной, высокоумною дочерью, произошло соглашеніе. Джорджіана обязалась принять гостей учтиво, такъ учтиво какъ будто мистеръ Мельмотъ былъ джентльменъ, а мистрисъ Мельмотъ леди, а отецъ въ вознагражденіе за это обѣщалъ что семейство вернется въ Лондонъ, но не болѣе какъ на шесть недѣль. Десятаго іюля они должны будутъ уѣхать опять въ Кавершамъ и провести тамъ остальную часть года. На предложеніе ѣхать за границу отецъ отвѣчалъ самымъ рѣшительнымъ отказомъ.

— Скажите, Бога ради, гдѣ мнѣ взять денегъ, воскликнулъ онъ.

Когда Джорджіана замѣтила что другіе находятъ же деньги чтобъ ѣздить за границу, отецъ отвѣчалъ ей что скоро придетъ время когда она будетъ считать счастьемъ имѣть кровлю надъ головой. Она однако сочла эти слова за поэтическую вольность, потому что часто слышала подобныя угрозы. Условія договора были опредѣлены ясно и точно и обѣ стороны рѣшились честно исполнить свои обязательства.

Планъ женитьбы Долли на Мери Мельмотъ, который съ самаго начала казался почти неисполнимымъ, теперь былъ совершенно покинутъ. Долли при всемъ своемъ безразсудствѣ имѣлъ свою волю, непреодолимую для его семейства. Ни отецъ, ни мать никогда не могли уговорить его поступить такъ какъ они хотѣли. Трудно было ожидать чтобъ онъ согласился жениться на Мери Мельмотъ. Велиствіе этого, узнавъ что сэръ-Феликсъ будетъ въ ихъ составѣ, Лонгестаффы не имѣли ничего противъ его посѣщенія. Въ послѣднее время о немъ говорили въ Лондонѣ какъ о самомъ счастливомъ претендентѣ на руку Мери Мельмотъ. Джорджіана имѣла свои причины сердиться на лорда Ниддер-

целя и потому расположена была содѣйствовать сэръ-Феликсу. Вскорѣ по прибытіи Мельмотовъ въ Кавершамъ она разговорила о немъ съ Мери Мельмотъ.

— Въ понедѣльникъ здѣсь будетъ обѣдать одинъ вашъ знакомый, миссъ Мельмотъ.—Мери, подавленная аристократическимъ величіемъ своихъ новыхъ знакомыхъ, не сказала ничего.—Вы кажется знакомы съ сэръ-Феликсомъ Карбери, продолжала Джорджіана.

— О, да, мы знакомы съ сэръ-Феликсомъ Карбери.

— Онъ пріѣдетъ къ своему родственнику. Я полагаю что его привлекаютъ ваши глаза, потому что старое Карберійское помѣстье вовсе не такое мѣсто которое могло бы быть ему по вкусу.

— Не думаю чтобъ онъ пріѣхалъ для меня, сказала Мери покраснѣвъ.

Онъ сдѣлалъ ей предложеніе и она просила его обратиться съ ея отцу, что по ея мнѣнію означало полное согласіе съ ея стороны. Послѣ этого она видѣлась съ нимъ, но онъ не упоминалъ ей о своемъ предложеніи и сколько ей было извѣстно не обращался къ ея отцу. Однако она твердо отклоняла искательства другихъ претендентовъ. Она увѣрила себя что была влюблена въ сэръ-Феликса и хотѣла быть постоянной въ любви. Но она начала оласаться измѣны съ его стороны.

— Мы слышали что онъ былъ особенно друженъ съ вами, сказала Джорджіана и при этихъ словахъ захохотала съ такою вульгарностью къ какой не была способна даже Madame Мельмотъ.

Пріѣхавъ въ воскресенье въ Кавершамъ сэръ-Феликсъ засталъ всѣхъ дамъ въ саду. Тутъ же былъ и мистеръ Мельмотъ съ лордомъ Альфредомъ Грендоломъ. Лордъ Альфредъ былъ приглашенъ не потому чтобы кто-нибудь изъ семейства Лонгестаффовъ былъ расположенъ къ нему, но потому что онъ освоился со своимъ великимъ директоромъ, умѣлъ разговаривать съ нимъ, зналъ его привычки и вкусы и могъ быть полезенъ въ этомъ отношеніи. Онъ былъ приглашенъ для Мельмота и Мельмотъ заплатилъ его путевыя издержки. Теперь лордъ Альфредъ зарабатывалъ свое содержаніе занимая Мельмота въ бесѣдкѣ. Предъ нимъ стоялъ ящикъ съ сигарами и прохладительное питье, но несмотря на это онъ по всей вѣроятности думалъ о жестокости къ нему свѣта. Леди Помона встрѣтила сэръ-Феликса апатично, но учтиво. На

ея долю досталось занимать Madame Мельмотъ и она дѣлала все что могла чтобъ исполнить свое обязательство. Софа разговаривала въ сторонѣ съ нѣкимъ мистеромъ Вайтстеблемъ, молодымъ сосѣднимъ сквайромъ приглашеннымъ въ Кавершамъ за неимѣніемъ въ виду лучшаго жениха для Софы, которой было теперь по слухамъ двадцать семь лѣтъ, на самомъ же дѣлѣ тридцать одинъ годъ. Она была красива, но принадлежала къ числу величественныхъ, холодныхъ, непривлекательныхъ красавицъ и имѣла мало успѣха въ Лондонѣ. Джорджіана была счастливѣе въ этомъ отношеніи и считала себя въ правѣ хвалиться между подругами множествомъ будто бы отвергнутыхъ ею предложеній. Подруги, съ своей стороны, разказывали о многихъ ея неудачахъ. Какъ бы то ни было, но она еще держала голову высоко и не хотѣла спуститься до провинціальныхъ Вайтстеблей. Въ настоящее время у нея не было въ виду никого и она усердно ухаживала за Мельмотами чтобы лишиться отца всякой возможности отказаться отъ исполненія его обѣщанія.

Сэръ-Феликсъ провелъ нѣсколько минутъ съ леди Помпой и съ Madame Мельмотъ.

— Прекрасный садъ, сказалъ онъ.—Я не особенный любитель садовъ, но когда живешь въ деревнѣ, пріятно имѣть хорошій садъ.

— Прелестный садъ, сказала Madame Мельмотъ подавая зѣвоту и укутываясь шалью. Былъ конецъ мая и погода стояла очень теплая, но Madame Мельмотъ не одобряла сдѣнія въ саду, хотя и не показывала этого.

— Кавершамъ не совсѣмъ красивое мѣсто, но домъ удобенъ и мы стараемся довольствоваться имъ, сказала леди Помпой.

— Очень свѣтлый домъ какъ я вижу, замѣтилъ сэръ-Феликсъ.—Когда живешь въ деревнѣ пріятно имѣть свѣтлый домъ. Карбери очень мрачное мѣсто.

Одно сравненіе имѣнія Карбери и общественнаго значенія Карбери съ имѣніемъ и общественнымъ значеніемъ Долгестэффовъ было оскорбленіемъ въ глазахъ леди Помпой. Долгестэффы, хотя и сильно стѣсненные въ денежномъ отношеніи, были несравненно важнѣе Карбери.

— Между мелкими имѣніями Карбери одно изъ лучшихъ въ графствѣ, сказала леди Помпой.—Усадьба дѣйствительно не велика.

— Клянусь Юпитеромъ, леди Помона. Я чувствую себя въ ней какъ въ тюрьмѣ.

Съ этими словами онъ всталъ и присоединился къ Мери Мельмотъ и Джорджіанѣ. Джорджіана, обрадовавшись возможности освободиться на время отъ Мери, не замедлила оставить ихъ вдвоемъ. Притомъ она слышала что лордъ Ниддердель и сэръ-Феликсъ были теперь сомервиками и хотя она не сдѣлала бы многого изъ расположенія къ сэръ-Феликсу, она готова была теперь содѣйствовать ему чтобы досадить лорду Ниддерделю.

Сэръ-Феликсу предстояло теперь сдѣлать свое дѣло и онъ приступалъ къ нему съ такою готовностью къ какой только былъ способенъ. Добыча была такъ значительна что даже онъ былъ не прочь потрудиться чтобъ овладѣть ею. Съ этою цѣлью онъ пріѣхалъ въ Суффолкъ, съ этою цѣлью онъ вынесъ ночную поѣздку по грязной дорогѣ, въ грязной телѣгѣ. Къ самой дѣвухкѣ онъ былъ совершенно равнодушенъ. Любить кого-нибудь было не въ его натурѣ. Но она не была противна ему. Онъ не былъ склоненъ и къ сильной антипатіи, онъ ненавидѣлъ кого-нибудь только въ тѣ минуты когда его оскорбляли. Онъ смотрѣлъ на Мери только какъ на орудіе съ помощью котораго можно было овладѣть частью богатства Мельмота. Насчетъ женской красоты у него были свои понятія и свои вкусы и онъ вовсе не былъ равнодушенъ къ ней. Но Мери съ этой точки зрѣнія не имѣла для него ничего привлекательнаго. Если въ ней было что-нибудь привлекательное, то это свѣжесть молодости, скромность и застѣнчивость соединенныя со страстнымъ стремленіемъ къ наслажденію чѣмъ-нибудь чтò она могла бы назвать своимъ. Въ послѣднее время у нея явилось также стремленіе играть въ мѣртъ какую-нибудь роль, быть чѣмъ-нибудь и увѣренность что и у нея могли бы быть свои мысли и свои слова еслибы только она нашла кого-нибудь кому могла бы довѣряться. Все еще застѣнчивая она постоянно рѣшалась отбросить свою застѣнчивость и уже составила себѣ собственное понятіе о полномъ довѣрїи какое должно быть между двумя влюбленными. Оставаясь одна — а она часто бывала одна — она строила воздушные замки, украшенные болѣе любовью чѣмъ золотомъ и драгоценными камнями. Книги которыя она читала—большою частью плохія книги—развили ея воображеніе. Она представляла себѣ блестящіе разговоры въ

которыхъ принимала дѣятельное участіе, хотя на самомъ дѣлѣ почти никогда не говорила съ тѣхъ поръ какъ перестала быть ребенкомъ. Сэръ-Феликсъ сдѣлалъ ей предложеніе. Она воображала что была влюблена въ него. Теперь они были одни. Настала минута, думала она, когда осуществится одинъ изъ ея воздушныхъ замковъ.

— Знаете зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? спросилъ сэръ-Феликсъ.

— Чтобы повидаться съ вашимъ родственникомъ.

— Вовсе нѣтъ. Я не особенно расположенъ къ моему родственнику. Это методичный, упрямый, старый холостакъ, брюзгливый до невѣроятности.

— Какой неприятный человѣкъ.

— Да, очень неприятный человѣкъ. Могу васъ увѣрить что я пріѣхалъ вовсе не для того чтобы видѣться съ нимъ. Я пріѣхалъ потому что узналъ что вы будете здѣсь. Рады вы видѣть меня, или нѣтъ?

— Не знаю, отвѣчала Мери, не находившая блестящихъ словъ которыми ея воображеніе такъ легко снабжало ее въ уединеніи.

— Помните что вы сказали мнѣ въ домѣ моей матери?

— Развѣ я сказала что-нибудь особенное? Не помню.

— Не помните. Въ такомъ случаѣ вы должны быть равнодушны ко мнѣ.

Онъ остановился почти увѣренный что она начнетъ возражать ему.

— Мнѣ показалось вы сказали тогда что любите меня.

— Развѣ я сказала это?

— А развѣ не сказали?

— Не помню. Можетъ-быть это было сказано не искренно.

— Долженъ я вѣрить этому, или нѣтъ?

— Можетъ-быть вы сами говорили тогда не искренно.

— Клянусь честию я говорилъ искренно. Никогда не было человѣка искреннѣе меня. И я пріѣхалъ сюда чтобы сказать это опять.

— Сказать что?

— Чтобы спросить васъ принимаете ли вы мое предложеніе.

— Я не знаю любите ли вы меня.

Она жаждала услышать отъ него что онъ любитъ ее. Ему не трудно было сказать это, но всѣ подобныя слова казались ему вздоромъ и бессмыслицей. Онъ хотѣлъ только чтобъ она приняла его предложеніе и онъ былъ бы радъ

еслибъ она взяла на себя сказать объ этомъ отду. Въ большихъ глазахъ и густыхъ бровяхъ мистера Мельмота было что-то страшное для него.

— Правда ли что вы меня любите? говорила она.

— Конечно люблю. Я не мастеръ на вѣжныя рѣчи и на все подобное, но вы знаете что я люблю васъ.

— Правда ли это?

— Клянусь Георгиемъ. Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда.

Жалкое признаніе, но Мери удовольствовалась и этимъ.

— Такъ я буду любить васъ, сказала она.—Я буду любить васъ воимъ сердцемъ.

— Вотъ какая милая!

— Буду ли я всегда мила для васъ? Могу я называть васъ теперь Феликсомъ?

— Пожалуй.

— О, Феликсъ, надѣюсь что вы будете любить меня. Я буду такъ предана вамъ. Вы знаете что многіе просили меня полюбить ихъ.

— Я думаю.

— Но я никогда не любила никого изъ нихъ.

— А меня вы любите?

— О, да! При этихъ словахъ она взглянула на его красивое лицо и оная увидѣла что глаза ея были полны слезъ. Она подумала въ эту минуту что она вовсе не красива. По дружности она предпочелъ бы даже Софи Лонгестафъ. Другой былъ бы можетъ-быть тронуть прелестью искренности выразившейся въ смѣшанныхъ улыбкахъ и слезахъ Мери, но сэръ - Феликсъ остался равнодушнымъ. Они ходили кустарнику вдали отъ дома и она какъ бы по обязанности обняла и поцѣловала ее.

— О, Феликсъ, сказала она подставляя ему лицо, — никто о сихъ поръ не цѣловалъ меня. Она не повѣрила ей, но го несколько не интересовало его.—Скажите что вы будете обры со мной, Феликсъ. Я буду такъ предана вамъ.

— Конечно я буду добръ съ вами.

— Мужья не всегда добры съ своими женами. Пала иногда очень сердится на мама.

— Развѣ она бываетъ иногда сердить?

— Бываетъ. Но меня она бранить рѣдко. Желала бы я знать что она скажетъ когда узнаетъ о нашей любви.

— Она кажется желаетъ чтобы вы вышли замужъ.

— Онъ хотѣлъ чтобъ я вышла за лорда Ниддердела и за лорда Грасслока. Но я ненавидѣла ихъ обоихъ. Теперь онъ кажется опять хочетъ чтобъ я вышла за лорда Ниддердела. Я слышала это отъ мама. Но я никогда не выйду за лорда Ниддердела, никогда!

— Надѣюсь, Мери.

— Вы можете быть совершенно спокойны. Я не пойду за него хотя бы меня убили за это. Я ненавижу его и такъ люблю васъ! И она оперлась всей своей тяжестью на его руку и подняла опять глаза на его красивое лицо. — Вы говорите съ папа?

— Хорошо ли это будетъ?

— Я думаю. Развѣ можно обойтись безъ этого?

— Не лучше ли будетъ если Madame Мельмортъ..?

— О, нѣтъ, она ни за что не возьметъ этого на себя. Онъ боится его болѣе чѣмъ кто-либо другой. Я думала что джентльмены всегда говорятъ это сами.

— Я конечно переговорю съ нимъ, сказалъ сэръ-Феликсъ. — Я не боюсь его. Чего мнѣ бояться его? Мы съ нимъ большіе друзья.

— Какъ я рада этому.

— Онъ сдѣлалъ меня недавно директоромъ одной изъ своихъ компаній.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ онъ будетъ можетъ-быть радъ имѣть васъ зятемъ.

— Не знаю.

— Я буду надѣяться. Мнѣ было бы такъ пріятно еслибы вы сдѣлались зятемъ папа. Надѣюсь что въ моихъ словахъ нѣтъ ничего предосудительнаго. О, Феликсъ, скажите что вы любите меня.

И она подняла опять свое лицо къ его лицу.

— Конечно люблю, отвѣчалъ онъ не удостоивъ поцѣловать ее. — Но здѣсь не удобно говорить съ нимъ объ этомъ. Я лучше отправлюсь къ нему въ Сити.

— Онъ теперь въ хорошемъ расположеніи духа, сказалъ Мери.

— Но его не застанешь здѣсь одного. Нѣтъ, здѣсь не сто для такого объясненія.

— Почему же не мѣсто?

— Я переговорю съ нимъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

только не въ деревнѣ и не въ чужомъ домѣ. Скажете вы Madame Мельмотъ?

— Да, я скажу мама, но она не передастъ ему ничего. Мама не особенно любитъ меня. Я разкажу вамъ все это въ другой разъ. Я теперь буду говорить вамъ все. У меня до сихъ поръ не было никого кому я могла бы говорить все, но съ вами я готова говорить безъ конца.

— Нѣсколько минутъ спустя сэръ-Феликсъ оставилъ ее и перешелъ къ другимъ дамамъ. Мистеръ Мельмотъ и лордъ Альфредъ все еще сидѣли въ бесѣдкѣ куря сигары и прихлебывая вино съ сельтерскою водою. Проходя мимо великаго челоуѣка, сэръ-Феликсъ утвердился въ своемъ намѣреніи оставить объясненіе съ нимъ до возвращенія въ Лондонъ. Судя по наружности мистеръ Мельмотъ былъ вовсе не въ хорошемъ расположеніи духа. Сэръ-Феликсъ поговорилъ еще нѣсколько минутъ съ леди Помовой и съ Madame Мельмотъ. Да, онъ надѣется имѣть удовольствіе быть у нихъ завтра съ сестрой и съ матерью. Да, онъ знаетъ что его кузень не пріѣдетъ. Онъ полагаетъ что его кузень никогда не ѣздитъ туда куда ѣздить другіе. Нѣтъ, онъ не видался съ мистеромъ Лонгестаффомъ. Онъ надѣется видѣться съ нимъ завтра.

Послѣ этого онъ раскаялся, отыскавъ свою лошадь и уѣхалъ.

— Увидите что счастливецемъ будетъ сэръ-Феликсъ, сказала Джорджіана матери въ этотъ день вечеромъ.

— Въ какомъ отношеніи счастливецемъ?

— Ему достанется наслѣдства и всѣ ея деньги. Какъ безразсудецъ нашъ Долли.

— Не думаю чтобъ она годилась для Долли, сказала леди Помова.—Почему Долли не жевится на леди?

XVIII. Реби Рѣгльсъ выслушиваетъ любовное признаніе.

Миссъ Реби Рѣгльсъ, внучка стараго Даниела Рѣгльса изъ Шилсъ-Акра, что въ приходѣ Шилстонъ, близъ Бонгея, получила въ воскресенье утромъ изъ рукъ сельскаго почтальфона саѣдующее письмо: „Въ воскресенье, въ латомъ часу полонудни, другъ проѣдетъ мимо Шилстонской березовой роци.“ Кромѣ этого въ письмѣ не было ничего, но миссъ Реби Рѣгльсъ поняла кто написалъ его.

Даніель Рёгльсъ былъ фермеръ, извѣстный за челоука зжиточнаго, но очень скулаго. Жена его умерла; съ своимъ единственнымъ сыномъ, тоже вдовцомъ, онъ былъ въ ссорѣ и не принималъ его въ свой домъ; дочери его были замужемъ и жили далеко и съ нимъ осталась только внучка его Реби. Много тревогъ доставляла эта дѣвушка своему дяду. Ей было двадцать три года и дѣдъ просваталъ ее за дѣточнаго молодого челоука занимавшагося въ Бонгеѣ купною торговлей и обѣщалъ дать ей въ приданое 500 фунтовъ стерлинговъ. Но Реби забрала въ свою сумасбродную молодую голову что мука и отруби вовсе не въ ея мусѣ и теперь получила вышелприведенное опасное письмо. Хотя авторъ его не рѣшился подписать свое имя, но Реби знала что оно было отъ сэръ-Феликса Карбери, самаго красиваго джентльмена изъ всѣхъ кого она видѣла. Бѣдная Реби Рёгльсъ! Живя въ Шилсъ-Акрѣ, она слышала и слишкомъ много и слишкомъ мало о мѣрѣ который былъ за предѣлами ея кругозора. Въ этомъ мѣрѣ, думала она, много прекрасныхъ вещей которыхъ она никогда не увидитъ если въ ранней молодости станетъ женой Джона Кромба, мучнаго торговца въ Бонгеѣ. Вышелприведенное письмо привело ее въ восторгъ смѣшанный со страхомъ и ровно въ четыре часа она притаилась близъ Шилстонской березовой рощи. Блудная Реби Рёгльсъ пользовалась слишкомъ большою свободой въ такіе годы когда ей необходимо было доброе руководство.

Мистеръ Рёгльсъ арендовалъ землю которая въ прежнее время составляла часть епископской земли и которую все еще владѣлъ епископъ Эгамскій и кромѣ этой земли арендовалъ еще луга принадлежавшіе къ имѣнію Карбери, такъ что былъ также арендаторомъ Роджера. Въ одно изъ своихъ посѣщеній, когда отношенія между кузенами были лучше, сэръ-Феликсъ былъ съ своимъ хозяиномъ у стараго Рёгльса и видѣлъ Реби. Затѣмъ онъ слышалъ кое-что о прошломъ и о настоящемъ Реби. Тогда только-что было объявлено что она помолвлена съ Джономъ Кромбомъ. Послѣ того ни слова не было сказано между кузенами объ этой дѣвушкѣ. Мистеръ Карбери слышалъ съ сожалѣніемъ что свадьба была отложена или совсѣмъ разстроилась, но при его все услышавшемся нерасположеніи къ баронету онъ едва ли могъ сообщить ему объ этомъ. Сэръ-Феликсъ однако зналъ о Реби Рёгльсъ даже больше чѣмъ помѣщикъ ея дѣда.

Нѣтъ состоянія ума столь непонятнаго для благосостояннаго городского жителя какъ состояніе ума такихъ дѣвухъ какъ Реби Рёгельсъ. Сельскій поденщикъ и жена его стоятъ на ровной поверхности сравнительно открытой для глазъ. Ихъ стремленія къ добру или злу, къ честному приобрѣтенію пищи и питья для себя и дѣтей или къ приобрѣтенію питья прежде всего и какимъ бы то ни было способомъ, становятся понятными всякому кто обратитъ на нихъ вниманіе. Въ понятіяхъ и стремленіяхъ мушницъ изъ класса Рёгельсовъ тоже нѣтъ ничего особеннаго. Но женщины этого класса, въ особенности молодыя женщины, всегда почему-то образованнѣе мушницъ, имѣютъ болѣе высокія стремленія, болѣе развитое воображеніе и несравненно лукавѣе мушницъ. Если женщина красива и не терпитъ гнетущей нужды, ея мечты обращаются къ міру который ей также мало знакомъ какъ небо и ея стремленіе къ этому міру несравненно сильнѣе нашего стремленія къ небу. Она читаетъ свободно, тогда какъ мужчина едва умѣетъ читать. Она въ состояніи написать письмо, тогда какъ онъ едва разбираетъ написанное. Ея рѣчь свободнѣе, ея умъ развитѣе. Но ея незнаніе жизни гораздо грубѣе его незнанія. Его сношенія съ людьми на рынкахъ, на улицахъ городовъ въ которыхъ ему случается бывать и даже на поляхъ знакомятъ его помимо его воли съ сравнительнымъ положеніемъ его соотечественниковъ. О томъ же что ему незнакомо онъ и не думаетъ. Но женщина строитъ воздушныя замки, мечтаетъ и тоскуетъ. Молодой фермеръ смотритъ на очь сквайра какъ на существо стоящее неизмѣримо выше его и для него недостижимое. Дочь фермера смотритъ на молодого сквайра какъ на Аполлона глядѣть на котораго есть наслажденіе, правиться которому есть счастье. Оласность въ большиаствѣ случаевъ непродолжительна. Дѣвушка выходитъ замужъ за равнаго, мужъ и дѣти скоро заставляютъ ее забыть ея дѣвическія мечты.

Дѣвушку менѣе знакомую съ міромъ чѣмъ Реби Рёгельсъ трудно было найти. Поэтому ея мечты были такъ же безграничны какъ и смутны, такъ же горячи какъ и ошибочны. Для чего ей съ ея красотой и умомъ и съ ея приданнымъ выходитъ замужъ за Джона Кромба, самаго пыльнаго изъ юдеѣ, не извѣдавъ наслажденій о которыхъ она читала въ издававшихся ей книгахъ, думала она. Джонъ Кромбъ былъ е дурень собой. Это былъ дюжій, честный малый, не

краснорѣчивый, но твердый въ своихъ понятіяхъ, охотникъ до лива, но рѣдко наливавшійся дольняна и большой зятокъ своего дѣла. Но Реби, знаяшая его давно, никогда и видала его иначе какъ лыльнымъ. Мука такъ вѣдалась въ его волосы, въ его кожу и одежду что онъ не могъ освободиться отъ нея даже по праздникамъ. Его нормальнымъ цвѣтомъ лица была здоровая блѣдность которая при цвѣтѣ его одежды дѣлала его похожимъ болѣе на призракъ чѣмъ на здороваго молодаго человѣка. Однако о немъ говорили что онъ осилитъ кого угодно въ Бонгеѣ и что онъ поднимаетъ на плечи пять лудовъ муки. Реби кромѣ этого знала что онъ боготворитъ самую землю къ которой она прикасается ногами.

Но, увы, она думала что есть нѣчто лучше такого боготворенія и увидавъ сэръ-Феликса Карбери съ его прекмнымъ овалнымъ лицомъ, съ его пріятною смуглотою, съ роскошными волосами и изящными усами она поддалась чувству которое сочала за любовь и послѣ втораго и третьаго свиданія съ нимъ начала дорожить его пустыми комплиментами такъ какъ никогда не дорожила честными обѣщаніями Джона Кромба. Но при всемъ ея безразсудствѣ у нея были и нѣкоторыя правила. Какъ ни была она неопытна, но она понимала что есть безчестіе котораго она должна избѣгать. Реби вѣроятно думала какъ думаетъ повидимому мыслекъ, что можно пролетѣть сквозь пламя не спаливъ крыльевъ. Она была довольно красива съ своими длинными шелковистыми локонами, которые ея домашніе видали по буднямъ въ папильоткахъ, съ своими большими круглыми темными глазами, съ чистымъ смуглымъ цвѣтомъ лица и нѣжною кожей. Она была высока, сильна и здорова и имѣла собственную волю съ которой трудно было ладить ея старому дѣду Давіелю Рѣгльсу.

Сэръ-Феликсъ сдѣлалъ двѣ мили крюку чтобы пройти мимо Шилетонской рощи, въ полмили разстоянія отъ Шилетонской фермы. Роща подходила къ дорогѣ узкимъ каньономъ, и здѣсь была калитка выходившая на зеленый путь который сэръ-Феликсъ имѣлъ въ виду назначая мѣсто свиданія. Дорога была проселочная, пустынная, въ особеннсти по воскресеньямъ. У калитки сэръ-Феликсъ остановился и посмотрѣвъ внимательнво въ рощу, скоро разглядѣвъ на опушкѣ, у самой канавы, женскую шляпку. Подумавъ съ минутъ

какъ ему поступить съ лошадыю, онъ привязалъ ее къ изгороди окружавшей роцу и подошелъ къ Реби Рёгльсъ.

— Мнѣ нравится безстыдство съ какимъ вы называете себя моимъ другомъ, сказала она.

— А развѣ я не другъ, Реби?

— Хорошъ другъ! Уѣзжая отсюда вы обѣщали вернуться черезъ двѣ недѣли, а это было—о, какъ давно это было!

— Но я писалъ вамъ, Реби.

— Чтò толку въ письмахъ? Притомъ почтальфонъ можетъ разказать о нихъ всему свѣту и отъ дѣда ихъ не скроешь. Я прошу васъ не писать мнѣ больше писемъ.

— Развѣ дѣдъ ихъ видѣлъ?

— Если не видалъ, то не по вашей милости. Я не знаю, сэръ-Феликсъ, для чего вы пришли сюда и не знаю для чего я пришла. Все это глупости.

— Я люблю васъ, Реби, вотъ почему я пришелъ. А вы пришли потому что любите меня. Не правда ли, Реби? И онъ олустился на землю возлѣ нея и обнялъ ея талию.

Разказывать здѣсь все чтò они говорили другъ другу было бы бесполезно. Реби Рёгльсъ въ теченіе этого получаса была вполнѣ счастлива. Ея лондонскій возлюбленный былъ съ ней, и хотя въ каждомъ словѣ его слышалось презрѣніе, но онъ говорилъ ей о своей любви къ ней, давалъ ей обѣщанія и увѣрялъ что она хороша. Ему это не доставляло никакого удовольствія, онъ былъ почти равнодушенъ къ ней и поддерживалъ связь только потому что по его понятіямъ молодому человѣку нельзя было обойтись безъ такихъ связей. Не прошло получаса какъ онъ уже почувствовалъ что запахъ пачуди неприятенъ, что мухи несносны, что земля жестка. Ей же казалось что она просидѣла бы тутъ всю жизнь слушая его. Это было осуществленіемъ тѣхъ наслажденій о которыхъ она читала въ старыхъ трехтомныхъ романахъ изъ Бонгейской библіотеки.

Но къ чему могло это повести? Она не смѣла просить его жениться на ней, не смѣла даже намекнуть ему объ этомъ, а онъ не рѣшался просить ее сдѣлаться его любовницей. Въ ней было физическое мужество, сила и огонь въ глазахъ которыхъ онъ лобавался. Не прошло получаса какъ ему уже захотѣлось уйти отъ нея, но прощаясь онъ далъ ей обѣщаніе повидаться съ ней опять во вторникъ утромъ. Дѣдъ ея увидеть на Гарльстонскую ярмарку, и она будетъ ждать

сэръ-Феликса въ концѣ огорода ихъ фермы, сказала она. Онъ далъ ей обѣщаніе придти, но въ то же время рѣшилъ что не исполнить его, но напишетъ ей и предложитъ ей пріѣхать къ нему въ Лондонъ.

„Мнѣ кажется что онъ женится на мнѣ“, сказала про себя Реби уходя въ противоположную сторону отъ дома, для того чтобъ ея отлучка, когда она вернется домой, не была соединена съ проѣздомъ баронета, если кто-нибудь увидитъ его. „Я никогда не соглашусь быть для него чѣмъ-нибудь кромѣ жены.“ И успокоивъ себя этимъ рѣшеніемъ она начала дѣлать сравненія между Джономъ Кромбомъ и сэръ-Феликсомъ Карбери.

XIX. Гетти Карбери выслушиваетъ любовное признаніе.

— Я почти рѣшилъ уѣхать въ Лондонъ завтра утромъ, сказалъ Феликсъ матери въ этотъ день вечеромъ.

— Завтра утромъ, Феликсъ! Но ты приглашенъ обѣдать у Лонгестаффовъ.

— Вы могли бы извиниться за меня.

— Это было бы въ высшей степени неучтиво. Лонгестаффы стоятъ во главѣ здѣшняго общества. Никому неизвѣстно что можетъ случиться. Если тебѣ придется когда-нибудь жить въ Карбери, какъ ты пожалѣешь что поссорился съ ними!

— Вы забываете, матушка, что Долли Лонгестаффъ мой лучшій другъ.

— Это не даетъ тебѣ права быть неучтивымъ съ его отцомъ и матерью. И ты не долженъ забывать для чего ты пріѣхалъ сюда.

— Для чего я пріѣхалъ сюда?

— Для того чтобы видѣться на свободѣ съ миссъ Мельмоуъ.

— Это дѣло уже рѣшено, сказалъ сэръ-Феликсъ самымъ равнодушнымъ тономъ.

— Рѣшено!

— Да, насколько это зависитъ отъ дѣвушки, а со старкомъ я не могу объясниться въ Кавершамѣ.

— Ты хочешь сказать, Феликсъ, что Мери приняла твое предложеніе?

— Я сказалъ вамъ это еще въ Лондонѣ.

— Мой милый Феликсъ! мой безцѣнный мальчикъ! и мать въ восторгѣ обняла не охотно поддавагоса сына и принялась ласкать его. По ея мнѣнію онъ сдѣлалъ такой шагъ который долженъ былъ возбудить зависть во всѣхъ молодыхъ людяхъ и во всѣхъ матеряхъ.— Нѣтъ, ты не говорилъ мнѣ объ этомъ въ Лондонѣ, но я такъ счастлива! Такъ она любить тебя? меня это не удивляетъ, мнѣ кажется что всякая дѣвушка была бы не прочь полюбить тебя.

— Не знаю любить ли она меня, но она кажется рѣшилась выйти за меня замужъ.

— Если она будетъ тверда, отецъ уступить. Отцы всегда уступаютъ когда дочери настаиваютъ. И почему ему не согласиться?

— Не знаю согласится ли онъ.

— Ты человекъ изъ высшаго круга, человекъ съ титуломъ. Мнѣ кажется что это все что ему нужно въ жену его дочери. Я не вижу причины почему ему не быть довольнымъ тобою. При его громадномъ богатствѣ какая-нибудь тысяча фунтовъ въ годъ не составляетъ разницы. При этомъ онъ сдѣлалъ тебя однимъ изъ директоровъ своего правленія. О, Феликсъ, это такъ хорошо что почти невѣроятно!

— Но что касается меня, я не особенно расположенъ къ женитьбѣ.

— О, Феликсъ, пожалуста не говори этого. Почему тебѣ не жениться? Она очень милая дѣвушка и мы будемъ такъ любить ее. Пожалуста не поддавайся чувству отвращенія къ женитьбѣ. Подумай только что ты будешь въ состояніи сдѣлать все что тебѣ угодно лишь только будетъ рѣшенъ вопросъ объ ея приданомъ. Ты будешь охотиться когда тебѣ вздумается, будешь въ состояніи нанять домъ въ любой части Лондона. Ты долженъ знать по опыту какъ непріятно жить безъ опредѣленнаго дохода.

— Я знаю это какъ нельзя лучше.

— Если же ты женишься на этой дѣвушкѣ, ты никогда не будешь испытывать ничего подобнаго. У тебя всегда будетъ много денегъ. Я не знаю что сказать тебѣ чтобы ты понялъ какъ это было бы хорошо, и какъ я люблю тебя, и какъ я довольна тобой. И она начала опять ласкать его вѣсь себя отъ радости и безпокойства. Какъ будетъ она торжествовать если ея красивый сынъ, который въ послѣднее

время такъ унижалъ и мучилъ ее, начнетъ жизнь снова баронетомъ съ двадцатью тысячами фунтовъ годоваго дохода! Она должна была знать и она знала какимъ ничтожнымъ, какимъ эгоистичнымъ существомъ былъ ея сынъ. Но теперь радость заставила ее забыть о низости его характера. Ни ей, ни дочери ея не было бы лучше еслибъ онъ овладѣлъ Мери Мельмотъ и ея приданымъ, но его собственное благосостояніе было бы обезпечено. Онъ былъ ея сынъ и мечты о его будущемъ величій приводили ее въ невыразимый восторгъ.

— Но, право, Феликсъ, ты долженъ остаться на завтра и съѣздить къ Лонггестаффамъ. Тебѣ придется пожертвовать только однимъ днемъ. Если же ты обратишься теперь въ бѣгство....

— Обратиться въ бѣгство! Чтò за вздоръ вы говорите.

— Я хочу сказать если ты увидеши немедленно въ Лондонъ это будетъ обидой для нея и вооружить противъ тебя ея отца. Ты долженъ стараться угождать ему.

— Какъ это скучно, сказалъ сэръ-Феликсъ, однако согласился остаться. Дѣло было такъ важно что даже онъ счелъ нужнымъ вынести почти невыносимую для него непріятность остаться еще на одинъ день въ Карбери. Леди Карбери вѣдь себя отъ радости не знала у кого искать сочувствія. Еслибъ ея родственникъ, думала она, не былъ такъ сухъ, такъ тупъ, такъ мало знакомъ со свѣтомъ, онъ навѣрно поразовался бы теперь если не за ея сына, который, какъ она сама замѣчала, былъ грубъ со своимъ кузеномъ, то за фамилію вообще. Теперь же она не рѣшалась искать у него сочувствія. Онъ отвѣтилъ бы ей безмолвнымъ презрѣніемъ. Генриетта тоже неспособна была сочувствовать ей и какъ ни хотѣлось леди Карбери подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своею важною радостью, она должна была молчать. Завтра въ Кавершамъ, думала она, всѣ ея усилія будутъ обращены на пріобрѣтеніе благосклонности мистера Мельмота.

Въ теченіе всего этого вечера Роджеръ не сказалъ почти ни слова со своею кузиной Геттой. Всѣ были очень молчаливы пока не пришелъ поздно вечеромъ предъ ужинамъ патеръ Баргамъ. Онъ былъ у „своихъ“ въ Бонгеѣ и на обратномъ пути зашелъ въ Карбери.

— Какъ понравился вамъ нашъ епископъ? неосторожно спросилъ его Роджеръ.

— Какъ епископъ, не особенно. Я не сомнѣваюсь что онъ очень пріятный вельможа и что онъ дѣлаетъ болѣе добра своимъ сосѣдямъ чѣмъ свѣтскіе лорды. Но епископскую власть не слѣдуетъ вручать людямъ неспособнымъ къ исполненію епископскихъ обязанностей.

— Девять десятыхъ изъ его подчиненныхъ ищутъ у него руководства въ духовныхъ дѣлахъ, сказалъ Роджеръ.

— Потому что они знаютъ что не имѣя собственныхъ убѣжденій, онъ не будетъ стараться вліять на ихъ убѣжденія. Но возьмите для примѣра епископа съ убѣжденіями, если такіе еще есть, и посмотрите соглашается ли ваше духовенство руководиться его совѣтами.

Роджеръ отвернулся и взялъ книгу. Его любимецъ уже начиналъ надѣдаться ему. Самъ онъ воздерживался отъ всякихъ неместныхъ замѣчаній о католической церкви въ присутствіи своего новаго друга, но его новый другъ не платилъ ему тѣмъ же. Можетъ-быть Роджеръ также чувствовалъ что еслибъ онъ вступилъ въ споръ со священникомъ побѣда осталась бы не на его сторонѣ, потому что въ подобныхъ спорахъ побѣждаетъ чаще искусство и опытность въ діалектикѣ чѣмъ истина. Генриетта читала. Феликсъ ушелъ курить, недоумѣвая идетъ ли время вперёдъ въ этой обители скуки гдѣ нѣтъ картъ и гдѣ вино появляется только за обѣдомъ и ужиномъ. Одна леди Карбери готова была слушать священника и не имѣла ничего противъ того чтобъ онъ доказалъ ей что всякія попытки къ распространенію религіозныхъ истинъ въ его церкви всегда были и будутъ тщетными.

— Мнѣ кажется что наши епископы искренни въ своей вѣрѣ, сказала она съ своею вкрадчивою улыбкой.

— Надѣюсь что они искренни. Я не имѣю причинъ сомнѣваться въ искренности двоихъ или троихъ которыхъ я знаю, также какъ не имѣю причинъ сомнѣваться въ искренности всѣхъ остальныхъ которыхъ не знаю.

— Ихъ вездѣ почитаютъ какъ добрыхъ и благочестивыхъ людей.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь. Ничто не располагаетъ такъ къ почитанію какъ хорошій доходъ. Но они могутъ быть прекрасными людьми не будучи хорошими епископами. Я не порицаю самихъ епископовъ, но я сильно порицаю систему которую они управляются. Если человекъ съ помощью без-

конечныхъ трудовъ достигъ положенія вождя въ Палатѣ Общинъ, можно ли разчитывать что онъ поэтому окажется также способнымъ выбирать руководителей для душъ своихъ ближнихъ?

— Конечно нѣтъ, отвѣчала леди Карбери, вовсе не повашшая смысла предложеннаго ей вопроса.

— И сдѣлавшись епископомъ можетъ ли онъ исполнять какъ слѣдуетъ свои обязанности, когда онъ не имѣетъ права рѣшать способны ли духовныя лица находящіяся подъ его вѣдѣніемъ къ отправленію возложенныхъ на нихъ обязанностей, или нѣтъ?

— Едва ли.

— Англійскій народъ или часть его, самая богатая и могущественная часть, любить играть въ то что у нея есть церковь, но не имѣетъ достаточно вѣры чтобы подчиниться власти церкви.

— Вы полагаете что люди должны быть подъ контролемъ духовенства, мистеръ Баргамъ?

— Да, въ духовныхъ дѣлахъ. Я полагаю что и вы согласны съ этимъ, по крайней мѣрѣ ваша религія учитъ васъ этому. Вы исповѣдуете что считаете своимъ долгомъ подчиняться своимъ духовнымъ наставникамъ.

— Я думала что это относится только къ дѣтямъ. Наставникъ въ катехизисѣ говоритъ: „Мое милое дитя“.

— Васъ учатъ этому въ дѣтствѣ для того чтобы вы исполняли это когда перестанете быть ребенкомъ. Я однако совершенно согласенъ что съ точки зрѣнія вашей церкви все это ребячество и дѣйствительно относится только къ дѣтямъ. У васъ юноши не нуждаются въ религіи.

— Боюсь что это справедливо относительно очень многихъ.

— Я не понимаю какъ одинъ страхъ за послѣдствія такого положенія дѣлъ не побуждаетъ людей обращаться къ болѣе твердой религіи. Такое равнодушіе можно объяснить только полнѣйшимъ безвѣріемъ.

— Это ужъ хуже всего, сказала леди Карбери вздохнувъ и содрогавшись.

— Я не думаю чтобы безвѣріе было хуже вѣроисповѣданія котораго не есть исповѣданіе вѣры, которое такъ снисходительно что человѣкъ даже не знаетъ во что онъ вѣритъ и никогда не спрашивалъ себя можетъ ли онъ вѣрить въ то что исповѣдуетъ, сказалъ священникъ съ энергіей.

— Это очень грустно, сказала леди Карбери.

— Не слишкомъ ли далеко мы зашли? сказалъ Роджеръ откладывая въ сторону книгу на которой тщетно старался сосредоточить свое вниманіе.

— А я такъ люблю поговорить о чемъ-нибудь серьезно въ воскресный вечеръ, сказала леди Карбери. Патеръ откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Онъ былъ слишкомъ уменъ чтобы не замѣтить что леди Карбери не понимала его, слишкомъ уменъ чтобы не понять причину тревоги Роджера. Но леди Карбери могла тѣмъ легче поддаться его ученію что не понимала его и любила поговорить о томъ чего не понимала, а Роджеръ Карбери могъ быть побужденъ къ обращенію тѣмъ самымъ чувствомъ которое возбуждало въ немъ теперь отвращеніе къ спорамъ.

— Мнѣ непріятно когда при маѣ говорятъ дурно о моей церкви, сказалъ Роджеръ.

— Но вы не похвалили бы меня еслибъ я говорилъ о вашей церкви хорошо думая о ней дурно.

— Я думаю что чѣмъ меньше говорить объ этомъ, тѣмъ лучше, сказалъ Роджеръ вставая со стула. Отецъ Баргамъ тоже всталъ, простился и ушелъ. Можетъ-быть ему удалось посвятить сѣмя, думалъ онъ, можетъ-быть удалось только приготовить почву; во всякомъ случаѣ попытка сдѣлать то или другое была заслугой которая не забудется.

Слѣдующее утро было временемъ которое Роджеръ назначалъ для возобновленія своего предложенія Генриеттѣ. Онъ рѣшилъ поговорить съ ней именно въ это утро, и хотя то что онъ хотѣлъ сказать ей уже было на его языкѣ въ воскресенье, онъ удержался потому что любилъ поступать такъ какъ рѣшалъ заранѣе. Онъ замѣчалъ, замѣчалъ почти съ горемъ что кухня его стала нѣжнѣе съ нимъ. Вся гордость независимости дошедшая почти до грубости когда онъ видѣлся съ ней въ послѣдней разъ въ Лондонѣ, повидимому исчезла. Здороваясь и прощаясь съ нимъ она ласково смотрѣла ему въ лицо. Она любовалась цвѣтами которые онъ приносилъ ей. Она принимала къ свѣдѣнію малѣйшія его желанія. Онъ сказалъ однажды что любить аккуратно, и она сдѣлалась аккуратно какъ часы. Онъ замѣчалъ каждый ея взглядъ, каждое ея движеніе и объяснялъ ихъ по своему. Но ея нѣжность и внимательность къ нему не возбуждала въ немъ надежды что она полюбила его. Ему казалось что онъ

понималъ ее. Она видѣла какъ сильно было его отвращеніе къ поступкамъ ея брата, какъ волновало его поведеніе и матери. Ея благородство, ея вѣжливость, ея здравый смыслъ принимали его сторону противъ тѣхъ кто были ближе къ ней и изъ сожалѣнія къ нему она была добра съ нимъ. Такъ онъ объяснялъ себѣ перемѣну въ ея обращеніи и объяснялъ почти вѣрно.

— Гетта, сказалъ онъ ей послѣ завтрака,—пойдите со мною ненадолго въ садъ.

— Развѣ вы не пойдете къ работникамъ?

— Можетъ-быть пойду, но не сейчасъ. Я не всегда хожу послѣ завтрака къ работникамъ.

Она надѣла шляпку и вышла съ нимъ зная заранее что онъ ласкалъ ее для того чтобы повторить старую исторію. Съ той минуты какъ она увидала въ своей комнатѣ бѣлую розу, она была увѣрена что старая исторія повторится снова прежде чѣмъ она увидетъ изъ Карбери и до сихъ поръ она еще не рѣшила какой отвѣтъ она дастъ ему. Ей казалось что она не въ правѣ принять его предложеніе. Она знала что любила другаго и хотя этотъ другой никогда не просилъ у нея ея любви, ей казалось что онъ желалъ ея. Но вопреку всему этому въ сердцѣ ея появилось такое чувство вѣжливости къ ея кузену что она была почти готова уступить ему только потому что онъ желалъ этого. Онъ былъ такъ добръ, такъ благороденъ, такъ великодушенъ, такъ предавалъ ей что ей иногда казалось что она не въ правѣ отказывать ему. Относительно Мельмотовъ она перешла совершенно на его сторону. Ея мать такъ много говорила ей о прелести денегъ Мельмотовъ что она не могла теперь слышать о нихъ безъ отвращенія. Въ понятіяхъ и поступкахъ ея матери было такъ мало благородства что въ сравненіи съ ней Роджеръ казался джентльменомъ безъ страха и упрека. Неужели человекъ столь достойный любви останется навсегда одинокимъ только потому что она не можетъ полюбить его?

— Гетта, сказалъ онъ, — положите вашу руку сюда. (Она подала ему руку.) Какъ этотъ священникъ взволновалъ меня вчера! Я стараюсь быть учтивымъ съ нимъ, а онъ постоянно обращается противъ меня.

— Мнѣ кажется что онъ не можетъ причинить никакого вреда.

— Онъ причиняетъ вредъ если учить насъ смотрѣть презрѣ-

режительно на то что мы привыкли уважать. (Такъ въ этотъ азъ разговоръ будетъ не о любви, а только о церкви, подумала Герриетта.) Онъ не долженъ высказывать при мнѣ и своихъ гостяхъ такихъ мнѣній о нашемъ вѣроисповѣданіи какихъ я никогда не высказываю ему объ его вѣроисповѣданіи. Мнѣ было такъ неприятно что вы слышали его разсужденія.

— Я не думаю чтобъ онъ могъ имѣть на меня дурное мнѣніе. Я совсѣмъ не расположена къ этому. Мнѣ кажется что они всѣ постулаютъ такъ. Это ихъ призваніе.

— Бѣдный малыш! Я пригласилъ его сюда потому что мнѣ было жаль что человекъ воспитанный какъ джентльменъ никогда не видитъ внутренности благоустроеннаго дома.

— Мнѣ онъ нравится, но мнѣ было неприятно что онъ дурно говорилъ о епископѣ.

— Мнѣ онъ тоже нравится.

На этомъ разговоръ прервался и нѣсколько времени оба молчали.

— Братъ вашъ вѣроятно рѣдко говоритъ съ вами о своихъ дѣлахъ, началъ опять Роджеръ.

— О, своихъ дѣлахъ, Роджеръ? Вы хотите сказать о денежныхъ дѣлахъ? Онъ никогда не говоритъ со мною о деньгахъ.

— Я хотѣлъ сказать о Мельмотахъ.

— Нѣтъ, со мной онъ не говоритъ о нихъ. Онъ почти никогда не говоритъ со мной ни о чемъ.

— Желала бы я знать приняла ли она его предложеніе.

— Сколько мнѣ извѣстно она приняла его предложеніе еще въ Лондонѣ.

— Я не могу согласиться съ мнѣніемъ вашей матери на счетъ этого брака, потому можетъ-быть что не придаю деньгамъ такого значенія какое она придаетъ имъ.

— Феликсъ такъ склоненъ къ расточительности.

— Я знаю это и хотѣлъ сказать что хотя я не въ силахъ сочувствовать вашей матери по поводу этого брака, но вполнѣ цѣню ея безкорыстную преданность сыну.

— Мама любить его больше всего на свѣтѣ, сказала Гетта безъ всякаго намѣренія обвинить мать въ равнодушіи къ ней самой.

— Я и это знаю, и хотя я иногда думаю что другое ея дитя отплатило бы ей лучше за ея любовь, но я вижу какая

она хорошая мать для Феликса. Вы знаете что въ день ея пріѣзда сюда мы едва не поссорились?

— Я поняла что между вами произошло что-то непріятное.

— Потому несвоевременный пріѣздъ Феликса вывелъ меня изъ себя. Я становлюсь старъ и раздражителенъ, и я не обращалъ бы вниманія на такіе пустяки.

— Я считаю васъ такимъ хорошимъ и добрымъ. И при этихъ словахъ она такъ оперлась на его руку какъ будто хотѣла сказать ему что она любитъ его.

— Я недоволенъ собою и дѣлаю васъ моимъ духовникомъ. Откровенная исповѣдь иногда полезна для души и я думаю что вы поймете меня лучше чѣмъ ваша мать.

— Я понимаю васъ, и мнѣ кажется что вамъ не въ чемъ каяться.

— Вы не наложите на меня эпитимьи? Она только пострѣла на него и улыбнулась.—Я однако наложу на себя эпитимью самъ. Я не въ силахъ поздравить вашего брата с его успѣхомъ у миссъ Мельмотъ, но я выражу ему учтивое желаніе успѣха въ жизни вообще.

— Развѣ это будетъ эпитиміей?

— Еслибы вы могли взглянуть въ мою душу, вы увидели бы какъ это трудно для меня. Я раздраженъ противъ него за множество мелочныхъ проступковъ. Развѣ онъ не бросилъ свою сигару на дорожку? Развѣ онъ въ воскресенье не пролежалъ въ постели вмѣсто того чтобъ идти въ церковь?

— Но онъ провелъ всю ночь въ дорогѣ.

— А по чьей винѣ? Но вы понимаете что самая малочность обиды требуетъ искупленія моей досады. Еслибы вашъ братъ ударилъ меня по головѣ дубиной или сжегъ мой домъ, я имѣлъ бы полное право сердиться на него. Но я сердусь за то что онъ попросилъ лошадей въ воскресенье, и я долженъ искупить мою вину.

Во всемъ этомъ не было никакого намека на любовь, но Гетта и не желала чтобъ онъ говорилъ о любви. Онъ обращался съ ней теперь какъ другъ, какъ самый близкій другъ. Какъ была бы она счастлива еслибъ онъ былъ всегда ей другомъ, а не влюбленнымъ въ нее. Однако его чувства къ ней остались неизмѣнными.

— Теперь, сказалъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.—Я долженъ поговорить съ вами о себѣ. Тяжесть ея руки лежавшей на его рукѣ мгновенно ослабѣла. Онъ удержалъ ее и прижалъ

къ себѣ.—Нѣтъ, сказалъ онъ, — не дѣлайте никакихъ пере-
мѣнъ пока я буду говорить. Чтò бы ни случилось, мы оста-
емся всегда родственниками и друзьями.

— Всегда друзьями, подтвердила она.

— Да, всегда друзьями. Теперь слушайте меня. Я не буду
повторять вамъ что я люблю васъ. Вы знаете это, иначе вы
считали бы меня самымъ лустымъ и лживымъ изъ людей.
Я не только люблю васъ, но я такъ привыкъ соединять съ
вами всякую мысль о себѣ, мое положеніе и обстоятельства
моей жизни такъ приучили меня предаваться только личнымъ
интересамъ что я неспособенъ освободиться отъ моей люб-
ви къ вамъ. Я постоянно думаю о васъ и часто презираю
себя за то что думаю о васъ такъ много. Какъ ни была бы
женщина хороша,—а вы для меня безукоризненная женщина—
женщина не долженъ допускать чтобы любовь брала верхъ
надъ его разсудкомъ.

— Конечно не долженъ.

— А я допустилъ это. Я только и дѣлаю что разчитываю
свои шансы на вашу любовь. Я хочу чтобы вы знали всѣ
стороны моего характера, и сильныя и слабыя. Еслибы воз-
можно было добиться вашей любви съ помощью обмана, я не
возгласилъ бы на это. Я думаю о васъ больше чѣмъ бы слѣ-
довало. Я знаю, я вполне увѣренъ что только вы можете
быть хозяйкой въ этомъ домѣ пока я владѣю имъ. Если я
буду когда-нибудь въ состояніи жить какъ живутъ другіе и
интересоваться тѣмъ чѣмъ интересуются другіе, то толь-
ко въ такомъ случаѣ если сдѣлаюсь вашимъ мужемъ.

— Пожалуйста не говорите этого.

— Мнѣ кажется что я въ правѣ говорить это и въ правѣ
ожидать что вы повѣрите мнѣ. Я не прошу васъ выйти за
меня замужъ если вы не любите меня. Не то чтобъ я боя-
лся сколько-нибудь за себя, но я не хочу чтобы вы принесли
себя въ жертву только потому что я вашъ родственникъ и
другъ. Но я считаю возможнымъ что вы когда-нибудь по-
любите меня если только ваше сердце не отдано оконча-
тельно другому.

— Чтò мнѣ сказать вамъ?

— Вы знаете о комъ я говорю. Если Поль Монтегю
украсть у меня мое счастье....

— Мистеръ Монтегю не сказалъ со мной ни слова о
любви.

— Еслибъ онъ это сдѣлалъ, онъ былъ бы виноватъ противъ меня. Онъ встрѣтилъ васъ въ моемъ домѣ и вѣроятно зналъ о моихъ чувствахъ къ вамъ.

— Онъ не зналъ.

— Мы жили съ нимъ какъ братья, или лучше скажемъ какъ отецъ съ сыномъ. Мнѣ кажется что онъ долженъ бы былъ обратить свои надежды на что-нибудь другое.

— Что мнѣ сказать вамъ? Если онъ имѣетъ какія-нибудь надежды, онъ не говорилъ мнѣ о нихъ. Мнѣ кажется что спрашивать такъ дѣвушку жестоко.

— Гетта, я не хочу быть жестокимъ съ вами. Я знаю правила свѣта въ такихъ случаяхъ, я знаю что не имѣю права спрашивать васъ о Полѣ Монтегю, не имѣю право ожидать отвѣта. Но для меня это самый важный вопросъ жизни. Если вы еще не любите никого другаго, я могу думать что вы когда-нибудь полюбите меня.

Голосъ его былъ мужественъ и въ то же время полонъ мольбы. Глаза его, когда онъ смотрѣлъ на нее, свѣтились любовью и тревогой. Она не только вѣрила тому что онъ сказалъ ей теперь, но вѣрила ему во всемъ. Она знала что онъ былъ такой человекъ на котораго она могла положиться, который былъ бы для нея всегда защитникомъ и покровителемъ. Еслибъ онъ въ эту минуту объялъ и подлюмавилъ ее, мнѣ кажется что она уступила бы ему. Она не была влюблена въ него, но онъ такъ нравился ей что еслибы на ея мѣстѣ была другая женщина, которую онъ любилъ бы какъ ее и которая отказала бы ему, она сочла бы ее безумною. Она почти ненавидѣла себя за то что не любила человека который былъ такъ достоинъ любви. Она не сказала ему ни чего и дрожа шла рядомъ съ нимъ.

— Я хотѣлъ высказать вамъ всю правду для того чтобы вы знали состояніе моей души. Не заглушайте въ себѣ любовь къ мнѣ если вы склонны къ ней. Я надѣюсь что вы какъ я люблю васъ, зная что отъ васъ одной зависитъ мое счастье, что въ вашей власти отворить или затворить для меня врата рая, вы не оставите меня въ неизвестности женской гордости.

— О, Роджеръ!

— Если вы когда-нибудь будете въ состояніи сказать мнѣ крѣпко что любите меня, вспомните мою преданность и скажите это смѣло. Будьте увѣрены что мои чувства къ

вамъ не перемѣнятся никогда. Но если вы любите другаго и выйдете за него замужъ, тогда разумѣется будетъ всему конецъ. Скажите мнѣ и это смѣло. Теперь я высказалъ все. Да благословите васъ Богъ, моя возлюбленная. Надѣюсь что у меня хватить силъ думать всегда больше о вашемъ счастии чѣмъ о своемъ. И онъ внезапно оставилъ ее, удалившись по одному изъ мостовъ и предоставивъ ей отыскать одной дорогу къ дому.

XX. Обѣдъ леди Помоны.

Полупринятое намѣреніе Роджера Карбери удержать Генриетту дома, когда леди Карбери и сэръ-Феликсъ отправятся въ Кавершамъ, не исполнилось. Оно могло бы исполниться только въ томъ случаѣ еслибы Гетта склонилась на его просьбы. Но случилось такъ что онъ не просилъ ее ни о чемъ, и Гетта не уступила ничего. Предъ вечеромъ леди Карбери уѣхала съ дочерью и сыномъ, и Роджеръ остался одинъ. Онъ привыкъ къ уединенію. Большую часть года онъ ѣлъ, пилъ и жилъ одинъ и привыкъ не тяготиться этимъ. Но теперь на него напала тоска одиночества. Его родные гостившіе у него были равнодушны къ нему. Леди Карбери пріѣхала только потому что это было ей нужно; сэръ-Феликсъ не считалъ даже нужнымъ относиться къ нему съ общепринятою учтивостью; даже Гетта сдѣлалась ласковѣе и внимательнѣе съ нимъ болѣе изъ состраданія чѣмъ по любви. Въ этотъ день онъ дѣйствительно не просилъ у нея ничего, но онъ началъ думать что она могла бы исполнить его желаніе безъ просьбъ съ его стороны. Когда онъ сказалъ ей о силѣ и неизмѣнности своей любви она промолчала. Проводивъ своихъ гостей, онъ сѣлъ на перила моста предъ фасадомъ дома и прислушиваясь къ шуму удалявшейся кареты, сказалъ себѣ что у него ничего не осталось въ жизни.

Онъ былъ добрѣе съ Полемъ Монтегю какъ только можетъ быть одинъ человекъ добрѣе съ другимъ, а Поль отнялъ у него все чѣмъ онъ дорожилъ въ жизни. Мысли его были не логичны, сужденія не безпристрастны и чѣмъ болѣе думалъ онъ о поведеніи своего друга, тѣмъ сильнѣе осуждалъ его. Онъ никогда не говорилъ никому объ услугахъ которыя онъ оказывалъ Монтегю. Онъ только говорилъ объ ихъ взаим-

ной привязанности. Но ему казалось что въ благодарности за эти услуги онъ не долженъ былъ влюбляться въ дѣвушку которую любилъ онъ, Роджеръ; если же онъ влюбился въ нее не зная правды, онъ долженъ былъ удалиться лишь только узналъ ее. Роджеръ не могъ заставить себя простить своего друга, хотя Гетта и увѣряла его что Монтегю не сказалъ ей ни слова о любви. Роджеръ былъ несчастенъ, и виноватъ въ этомъ по его мнѣнію былъ Монтегю. Еслибы въ то время когда къ нему пріѣхала Гетта въ его домъ не было Монтегю, Гетта могла бы быть теперь хозяйкой Карбери. Онъ сидѣлъ на мосту пока слуга не пришелъ объявить ему что обѣдъ поданъ. Тогда онъ вернулся домой и поѣлъ только для того чтобы слуга не могъ замѣтить его горя, а послѣ обѣда взялъ книгу и сѣвши видѣ что читаетъ. Но онъ не прочелъ ни слова, умъ его былъ занятъ исключительно его кузиной Геттой. „Какъ жалокъ человекъ который неспособенъ взять верхъ надъ такимъ чувствомъ!“ сказалъ онъ себѣ.

Въ Кавершамѣ было большое общество, такое большое общество какое только возможно соединить за обѣденнымъ столомъ въ деревнѣ. Были графъ и графиня Лоддонъ и дочь ихъ леди Дженъ-Пьютъ изъ Лоддонъ-Парка, былъ епископъ съ женой, Гелворты. Всѣхъ, съ присоединеніемъ Карбери, семейства приходскаго священника и гостившихъ въ домъ, собралось двадцать четыре человека. Такъ какъ дамъ было четырнадцать, а мужчинъ только десять, общество было составлено не совсѣмъ удачно. Но въ деревнѣ нѣтъ въ этомъ отношеніи такой свободы выбора какъ въ городѣ и притомъ Лонгестаффы, хотя безспорно великосвѣтскіе люди, не отличались умѣньемъ составлять пріятныя общества. Но всѣ подобныя недостатки были вознаграждены величіемъ обстановки. За столомъ служили три налудренные лакеи, а въ этой части страны налудренные лакеи служили только за столомъ леди Помоны. Дворецкій былъ такой грузный что одно появленіе его могло прилать блескъ фамиліи. Большая гостиная въ которой никто никогда не жилъ была въ этотъ день растворена, и съ мебели на которой никто никогда не сидѣлъ были сняты чехлы. Званые обѣды давались въ Кавершамѣ не болѣе раза въ годъ, но когда они давались не щадилося ничего что могло содѣйствовать къ великолѣлію. Нужно было видѣть леди Помону и ея двухъ

высокихъ дочерей когда онѣ встрѣчали стоя маленькую графиню Лоддонъ и ея дочь, которая была копіей матери, только еще меньше, между тѣмъ какъ Madame Мельмотъ и Мери стояли за хозяйками, какъ бы стыдась за себя. Затѣмъ пріѣхали Карбери и епископъ съ женой. Большая комната наполнилась, но никто не рѣшался говорить. Епископъ былъ человѣкъ разговорчивый, леди Лоддонъ могла говорить по дѣльнымъ часамъ не останавливаясь. Но въ этотъ день никто не чувствовалъ себя способнымъ говорить. Лордъ Лоддонъ сдѣлалъ было попытку, но не встрѣтилъ ни въ комъ поддержки. Лордъ Альфредъ стоялъ какъ вколпанный и только подергивалъ свои сѣдые усы. Великій человѣкъ, Августусъ Мельмотъ, залустилъ большіе пальцы въ карманы жилета и казался невозмутимымъ. Епископъ сразу увидалъ безнадежность положенія и не сдѣлалъ никакой попытки оживить общество. Хозяинъ дома жалъ руку всякому входившему гостю и затѣмъ предавался ожиданію сѣдующаго. Леди Помона и двѣ ея дочери были величественны и прекрасны, но скучны и безмолвны. Исполняя обѣщаніе онѣ уже четыре дня ухаживали за Мельмотами, и отъ Кавершамскихъ дамъ нельзя было ожидать чтобъ онѣ вышли бодрыми изъ такого испытанія.

Когда возвѣстили что обѣдъ поданъ, сэръ-Феликсу было предоставлено вести къ столу Мери Мельмотъ. Кавершамскія дамы устроили это въ полной увѣренности что это будетъ пріятно Мельмотамъ. Мистеру Мельмоту предложено было вести леди Карбери, къ великому удовольствію послѣдней. Леди Карбери тоже была безмолвна въ гостиницѣ, но теперь ей представлялся самый удобный случай поддѣлаться къ Мельмоту.

— Надѣюсь что вамъ нравится Суффокъ? сказала она.

— Очень, благодарю васъ. О, да, очень пріятное мѣсто для небольшого отдыха на свѣжемъ воздухѣ.

— Вы совершенно правы, мистеръ Мельмотъ. Лѣтомъ такъ хочется видѣть зелень и цвѣты.

— Что касается цвѣтовъ, у насъ на балконахъ такіе цвѣты какихъ здѣсь нѣтъ, сказалъ Мельмотъ.

— Еще бы! Вы въ состояніи собирать цвѣточную дань со всего свѣта. Чего нельзя сдѣлать съ деньгами? Деньги могутъ обратить лондонскую улицу въ аллею изъ розъ.

— Лондонъ очень пріятный городъ.

— Для того у кого много денегъ, мистеръ Мельмотъ.

— А для того у кого денегъ нѣтъ, Лондонъ лучшее мѣсто для пріобрѣтенія ихъ. Вы живете въ Лондонѣ, сударыня?

Она совершенно забыла леди Карбери, если даже видѣла въ своемъ домѣ, и со свойственною великимъ людямъ забывчивостію не запомнила ея имени когда ему предложено вести ее къ столу.

— О, да, я живу въ Лондонѣ. Я имѣла честь быть однажды вашею гостыей, сказала леди Карбери съ пріятною улыбкой.

— Въ самомъ дѣлѣ? У меня бываетъ столько людей что я не всегда запоминаю ихъ.

— И можно ли требовать этого отъ васъ? Я леди Карбери, мать сэръ-Феликса Карбери, котораго вы вѣроятно помните.

— Да, я знаю сэръ-Феликса. Онъ сидитъ теперь рядомъ съ моею дочерью.

— Да. Счастливецъ!

— Въ наше время молодые люди ищутъ счастья не въ этомъ, сударыня. Имъ нужно думать о другомъ.

— Онъ такъ много думаетъ о своемъ дѣлѣ.

— О, я этого не знала, сказалъ Мельмотъ.

— Онъ служить въ одномъ правленіи съ вами, мистеръ Мельмотъ.

— О, такъ вотъ въ чемъ состоитъ его дѣло, сказалъ Мельмотъ съ кислою улыбкой.

Леди Карбери была женщина не глухая и во многомъ очень свѣдущая, но о Сити она знала очень мало и не имѣла никакого понятія объ обязанностяхъ директоровъ въ числѣ которыхъ былъ ея сынъ.

— Надѣюсь что онъ прилеженъ, и что онъ умѣетъ пользоваться великимъ преимуществомъ имѣть васъ своимъ советникомъ и руководителемъ.

— Онъ не беспокоитъ меня, сударыня, и я не беспокою его.

Послѣ этого леди Карбери не сказала болѣе ни слова о положеніи своего сына въ Сити. Она попыталась завязать разговоръ на нѣсколько другихъ темъ, но мистеръ Мельмотъ оказался очень тяжелымъ собесѣдникомъ и она пріуждена была наконецъ оставить его въ покоѣ. Тогда она обратилась къ Кавершамскому священнику сидѣвшему на другую сторону отъ нея и съ жаромъ разсуждавшему

атеръ Баргамъ и принялась восторгаться преимуществами ротестантизма.

Напротивъ нея или немного наискось сидѣли сэръ-Феликсъ его возлюбленная.

— Я сказала мама, шелнула Мери когда онъ велъ ее къ толу.

Она была теперь преисполнена мыслью столь свойственною помолвленныѣмъ дѣвушкамъ что она должна говорить все своему возлюбленному.

— Сказала она что-нибудь? спросилъ онъ. Мери не отвѣтила ему пока не успѣла и не расправила платья.— Впрочемъ ея слова не могутъ имѣть никакого значенія, не правда ли?

— Она говорила очень много. Она думаетъ что папа не признаетъ васъ достаточно богатымъ. Тиме! Говорите о чемъ-нибудь другомъ. Намъ могутъ услышать.

Вотъ все что она успѣла сказать ему пока продолжался шумъ усаживанія.

Феликсъ не былъ расположенъ говорить о любви и охотно перемѣнилъ тему.

— Катались вы верхомъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, здѣсь кажется нѣтъ лошадей, для гостей по крайней мѣрѣ. Какъ вы добрались вчера домой? Были съ вами какія-нибудь приключенія?

— Никакихъ. Я доѣхалъ очень спокойно, отвѣчалъ сэръ-Феликсъ, вспомнивъ Реби Рѣгльсъ.

— Я уѣзжаю въ Лондонъ завтра.

— А мы въ среду. Смотрите же, приходите къ намъ поскорѣе. Она сказала это шелотомъ.

— Конечно. Я думаю что мнѣ лучше переговорить съ вашимъ отцомъ въ Сити. Онъ бываетъ тамъ каждый день?

— О, да, каждый день. Домой онъ возвращается всегда въ семь. Иногда онъ бываетъ въ духѣ, иногда очень сердитый. Онъ всегда лучше тотчасъ послѣ обѣда, но въ это время до него трудно добраться. Лордъ Альфредъ постоянно съ нимъ. Потому приходятъ гости, и онъ садится играть въ карты. Мнѣ самой кажется что это удобнѣе сдѣлать въ Сити.

— Вы будете держаться своего слова?

— О, да, конечно. Если я разъ дала его, ничто не заставить меня измѣнить ему. Я думаю что папа знаетъ это.

Феликсъ взглянулъ на нее, и ему показалось что лицо ея

выражало больше силы воли чѣмъ онъ предполагалъ въ себѣ до сихъ поръ. Можетъ-быть, подумалъ онъ, она согласна бѣжать съ нимъ и такъ какъ она единственная дочь, отерло по всей вѣроятности, даже почти навѣрное, простить ее. Но что если они обвѣчаются, а Мельмотъ не дастъ имъ ничего? Обсудивъ это дѣло со всѣхъ сторонъ и принявъ такъ нымъ образомъ въ соображеніе деньги которыхъ это будетъ стоить, сэръ-Феликсъ рѣшилъ что увезти Мери Мельмотъ было бы неблагоприятно.

Послѣ обѣда онъ почти не говорилъ съ ней. Самая комната, та же большая комната въ которой они сидѣли и обѣда, казалась неудобною для разговора, и время шло имъ всѣхъ нестерпимо медленно пока наконецъ не были поданы экипажи.

— Они умышленно посадили тебя рядомъ съ ней, дѣла леди Карбери сыну въ каретѣ.

— Мнѣ кажется что это сдѣлалось само собою. Молодой человекъ и молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, такія вещи всегда устраиваются заранѣе. Но они не сдѣлали бы этого еслибы не думали что это будетъ пріятно мистеру Мельмоту. О, Феликсъ, еслибы тебѣ удалось это дѣло!

— Я буду стараться, матушка, только пожалуйста не давайте шума по этому поводу.

— Я буду молчать, но ты понимаешь какъ это безпокоитъ меня. Ты велъ себя съ ней прекрасно за обѣдомъ. Я была такъ счастлива видя васъ вмѣстѣ. Прощаясь съ нимъ вечеромъ, она сказала: — Спокойной ночи, Феликсъ, и да благословитъ тебя Богъ. Я буду самою счастливою и самою гордою матерью въ Англіи если это случится.

XVI. Весь свѣтъ бываетъ у нихъ.

Послѣ отъѣзда Мельмотовъ изъ Кавершама въ домѣ ихъ чувствовалась страшная лусота. Дамы освободились отъ обязанности занимать гостей, и еслибы день отъѣзда въ Лондонъ былъ уже назначенъ, онѣ выносили бы свое удивленіе спокойнѣе. Но прошелъ четвергъ, прошла пятница, безъ всякаго рѣшенія на этотъ счетъ и у леди Помоны и ея старшей дочери явились страшныя опасенія. Джорджіана была

же въ нетерпѣливомъ ожиданіи, но смѣло увѣряла что извѣстная предполагаемая ея матерью и сестрой была рѣшительно возможна. Отецъ, думала она, не посмѣетъ обмануть ихъ. Въ эти дни ему дѣлались намеки и предлагались вопросы, безъ всякой пользы. Мистеръ Лонгестафъ не хотѣлъ назначить день отъѣзда пока не придетъ письмо котораго онъ ожидалъ, не хотѣлъ даже говорить объ этомъ.

— Я думаю что мы во всякомъ случаѣ будемъ въ состояніи уѣхать во вторникъ, сказала Джорджіана.

— Не знаю почему ты это думаешь, возразилъ отецъ.

Дочери не давали покоя бѣдной леди Помонъ настаивая тобою она уговорила отца назначить день отъѣзда, но леди Помонъ не была такъ смѣла какъ ея младшая дочь и не такъ сильно стремилась въ Лондонъ. Въ воскресенье утромъ рѣдъ отъѣздомъ въ церковь на верху было долгое совѣщаніе. Въ этотъ день въ Кавершамской церкви ожидалась проповѣдь Элгамскаго епископа и дамы по этому случаю одѣли свои лучшія лондонскія шляпки. Окончивъ свой проповѣдь, онъ всѣ собрались въ комнату матери. Ожидаемое вѣстіе повидимому пришло. Отецъ получилъ наканунѣ телеграмму отъ своего повѣреннаго, но еще не сказалъ ничего объ ея содержаніи. За завтракомъ онъ былъ молчаливѣе обыкновеннаго и, какъ увѣряла Софи, непріятнѣе обыкновеннаго. Поводомъ къ разговору послужили шляпки.

— Вы можете носить ихъ здѣсь потому что я почти увѣрена что вамъ не придется быть въ этомъ году въ Лондонѣ, сказала леди Помонъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ это думаете, мама? спросила Софи.

— Да, я это думаю, душа моя. Это было видно по его лицу когда онъ клалъ бумаги въ карманъ. Я такъ хорошо знаю его лицо.

— Это невозможно, сказала Софи. — Онъ обѣщаль и мы это принимали здѣсь этихъ ужасныхъ Мельмотовъ.

— Чтò же дѣлать, душа моя? Если отецъ твой скажетъ что намъ нельзя уѣхать въ Лондонъ, мы должны будемъ покориться ему на слово. Это его дѣло. Давая обѣщаніе онъ вѣроятно подразумѣвалъ что повезетъ насъ въ Лондонъ если придетъ имѣть средства на это.

— Мама! воскликнула Джорджіана. Она ужаснулась при

мысли о возможности измѣны не только со стороны шестестереннаго противника, но и въ ихъ собственномъ лагерѣ.

— Душа моя, что можемъ мы сдѣлать? спросилъ онъ Помона.

— Что можемъ мы сдѣлать! Джорджіана рѣшилась выскочить прямо.—Заставить его понять что мы не позволимъ поступать такъ съ собою. Я не покорюсь этому. Если онъ это сдѣлаетъ, я убѣгу съ первымъ встрѣчнымъ которымъ захочетъ взять меня.

— Не говори такъ, Джорджіана, если не хочешь убить меня.

— Я отомщу ему. Онъ не заботится о насъ, смущаетъ и какого дѣла счастливы мы или несчастны, но онъ очень и очень заботится о фамильной чести. Я скажу ему что я не позволю шутить съ собою. Я лучше соглашусь выйти замужъ за некоего донскаго ремесленника чѣмъ остаться здѣсь.

— О, Джорджіана, не говори такихъ ужасныхъ словъ, ты шивала ее сестра.

— Тебѣ хорошо разсуждать такъ, Софи. Ты поймала себя Джорджа Вайтстебля.

— Я вовсе не поймала Джорджа Вайтстебля.

— Не говори, я знаю что ты поймала его. Долли дѣлаетъ все что ему угодно и мотааетъ деньги такъ скоро какъ только можетъ. Вамъ, мама, конечно все равно гдѣ ни жить.

— Ты ужасно несправедлива, сказала леди Помона вслепую.—Ты говоришь ужасныя вещи.

— Я говорю правду. Вамъ все равно гдѣ ни жить, а Софи почти что пристроена. Я одна въ этомъ случаѣ привожу въ жертву. Кого увижу я въ этой ужасной трудобѣ? Никто лапа обѣщала и долженъ сдерживать слово.

Въ эту минуту до нихъ дошелъ свизу громкій призывъ.

— Поѣдетъ кто-нибудь изъ васъ въ церковь или карета должна ждать весь день?

Онъ конечно всѣ хотѣли ѣхать въ церковь. Въ Кларкѣ шамъ онъ прилежно посѣщали церковь, а въ это воскресенье предстояла епископская проповѣдь, и онъ былъ въ новыхъ шляпкахъ. Онъ сошелъ внизъ и сѣлъ въ карету. Джорджіана прошла мимо отца не удостоивъ взглянуть на него. Ни слова не было сказано ни на пути въ церковь, ни на пути домой. Во время службы мистеръ Домгестаффъ сидѣлъ въ углу своей ложи и произносилъ отвѣты во всеобщее удивленіе. Въ исполненіи этой обязанности онъ былъ весьма

образомъ для своего прихода. Три дамы опускались на колѣни на свои подушки съ величайшимъ достоинствомъ и выслушали проповѣдь ничѣмъ не обнаруживъ ни усталости, ни вниманія. Такого рода терпѣніе было ихъ силой. Еслибы проповѣдь епископа продолжалась сорокъ пять минутъ вмѣсто получаса онѣ не стали бы жаловаться. Это же терпѣніе помогало Джорджіанѣ выжидать годъ за годомъ приличнаго жениха. Но прожить все дѣто въ Кавершамѣ было бы такъ же тяжело какъ слушать всю жизнь епископа. Завтракъ послѣ службы прошелъ молча. По окончаніи его глава семейства утѣлся въ свое кресло и очевидно желалъ чтобы его оставили одного. Въ такомъ случаѣ онъ могъ бы заснуть раздумывая о своихъ непріятностяхъ и время до обѣда прошло бы спокойно. Но въ этомъ утѣшеніи ему было отказано. Пока убирали со стола дочери сидѣли неподвижно. Леди Помона встала было и хотѣла уйти изъ комнаты, но вернулась видя что дочери не сдѣдуютъ за ней. Джорджіана предупредила сестру что рѣшилась объясниться съ отцомъ, и Софи, исполняя желаніе сестры, осталась въ столовой. Когда былъ вынесенъ послѣдній подносъ, Джорджіана начала:

— Папа, не можете ли вы рѣшить теперь когда мы отправимся въ Лондонъ? Мы должны знать заранее у кого намъ придется быть. Въ среду назначенъ вечеръ у леди Монограмъ, и мы давно обѣщали быть у нея.

— Въ такомъ случаѣ вы должны написать леди Монограмъ что вы не можете быть у нея.

— Почему же, папа? Мы могли бы выѣхать отсюда въ среду утромъ.

— Вы не можете выѣхать отсюда въ среду утромъ.

— Однако, другъ мой, намъ всѣмъ было бы пріятно еслибы ты назначилъ день, сказала леди Помона.

Съ минуту длилось молчаніе. Даже Джорджіана такъ улала духомъ что была бы довольна еслибъ былъ назначенъ хоть отдаленный день.

— Я не могу назначить никакого дня, сказалъ мистеръ Логгестафъ.

— Такъ долго ли же насъ будутъ держать здѣсь? спросила Софи тихимъ, сдержаннымъ голосомъ.

— Я не знаю что ты хочешь сказать этимъ. Здѣсь вашъ домъ и вы должны быть готовы жить въ своемъ домѣ.

— Но мы вернемся въ Лондонъ? спросила Софи. Джорджіана стояла молча, слушая, рѣшаясь и выжидая.

— Вы не вернетесь въ Лондонъ въ этотъ сезонъ, сказалъ мистеръ Лонгестафъ внезапно углубившись въ газету.

— Развѣ это рѣшено? сказала леди Помона.

— Рѣшено.

— Слыхано ли когда о такой измѣнѣ! воскликнула Джорджіана.

Ея негодованіе при мысли о лживости отца почти дошло до добродѣтели. Она не выѣхала бы изъ Лондона если бы онъ не обѣщалъ что они вернутся. Она не увидила бы себя сообществомъ Мельмотовъ если бы не это обѣщаніе. А теперь когда она уже не могла вернуться въ Лондонъ, даже въ домъ ненавистныхъ Примрововъ, не совершивъ рѣшительнаго побѣга изъ дома отца, ей объявили что обѣщаніе не будетъ исполнено.

— Если такъ, папа, сказала она съ притворнымъ спокойствіемъ,—вы предумышленно обманули насъ.

— Какъ ты смѣешь говорить это, дрянная дѣвчонка?

— Я не дѣвчонка, папа, и вы это отлично знаете. Я сама себя госпожа по закону.

— Такъ убирайся и будь сама себя госпожой. Ты смѣешь говорить мнѣ, своему отцу, что я предумышленно обманулъ тебя! Если ты повторишь это, ты будешь ѣсть и пить въ своей комнаткѣ, или вовсе не будешь ѣсть и пить въ этомъ домѣ.

— Развѣ вы не обѣщали что мы вернемся въ Лондонъ если съѣздимъ сюда и примемъ здѣсь этихъ людей?

— Я не хочу разговаривать съ такою дерзкою и непокорною дочерью какъ ты. Если я имѣю сказать что-нибудь на этотъ счетъ, я скажу это твоей матери. Съ тебя довольно и того что я, твой отецъ, говорю тебѣ что ты должна жить здѣсь. Теперь уйди и если тебѣ вздумается дуться, дуйся тамъ гдѣ я не буду видѣть тебя.

Джорджіана оглянулась на мать и на сестру и величественно вышла изъ комнаты. Она все еще замышляла мщеніе, но была на половину усмирена и не осмѣлилась продолжать свои упреки въ присутствіи отца. Она перешла въ комнату въ которой онъ обыкновенно проводилъ день и остановилась съ широко раздувавшимися ноздрями и задыхаясь отъ злости.

— И вы намѣрены покориться этому, мама? спросила она.

— Что мы можемъ сдѣлать, душа моя?

— Я сдѣлаю что-нибудь. Я не позволю шутить и играть съ собой и губить свою жизнь. Я всегда вела себя хорошо относительно его. Я никогда не дѣлала долговъ безъ его вѣдома. (Это было шпилькой сестрѣ которая однажды попала въ такое затрудненіе.) Я никогда не давала повода уломинать мое имя въ связи съ именемъ какого-нибудь мужчины. Когда нужно сдѣлать что-нибудь для него я всегда это дѣлаю. Я писала для него его письма до истощенія силъ и когда вы были больны я никогда не задерживала его дольше двухъ или половины третьяго ночи. И вдругъ онъ говоритъ мнѣ что я буду ѣсть и пить въ моей комнатѣ за то что я напомнила ему что онъ положительно общалъ вернуться въ Лондонъ. Развѣ онъ не общалъ, мама?

— Мнѣ показалось что онъ общалъ.

— Вы отлично знаете что онъ общалъ, мама. Если я сдѣлаю теперь что-нибудь предосудительное, онъ будетъ отвѣчать за это. Я не буду больше заботиться о своей репутаціи ради чести фамиліи, если со мной обращаются такимъ образомъ.

— Я думаю что ты должна заботиться о своей репутаціи ради самой себя, сказала ей сестра.

— Ты однако не была слобна заботиться о своей ни ради другихъ, ни ради себя, сказала Джорджіана, намекая на очень давнюю исторію, на попытку старшей сестры бѣжать тайно съ молодымъ драгуномъ, состояніе котораго было весьма ограничено. Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ и объ этомъ уломиналось только въ минуты сильнѣйшей досады.

— Моя репутація не хуже твоей, сказала Софи.—Для особы которая сама не слобна любить и которую никто не любитъ нѣтъ ничего легче какъ сохранить свою репутацію незалятанною.

— Милыя мои, если вы поссоритесь, что будетъ со мной? сказала леди Помона.

— Въ этомъ случаѣ страдаю я одна, сказала Джорджіана.— Неужели онъ думаетъ что я могу составить здѣсь приличную партію? Бѣдвый Джорджъ Вайтстебль не велика птица, но кромѣ его здѣсь нѣтъ никого.

— Ты можешь взять его если желаешь, сказала Софи трянувъ головой.

— Благодарю тебя, душа моя, но я этого вовсе не желаю. Я еще не дошла до такой крайности.

— Ты говорила что убѣдишь съ первымъ встрѣчнымъ.

— Только не съ Джорджемъ Вайтстеблемъ, можешь быть покойна. Я скажу вамъ что я сдѣлаю. Я напишу пала письмо. Надѣюсь что онъ удостоитъ прочесть его. Если онъ не хочетъ везти меня въ городъ, пусть онъ отпуститъ меня къ Примрозамъ. Всего досаднѣе мнѣ что мы свизошли до того что приняли Мельмотовъ въ деревнѣ. Въ Лондонѣ они еще свосны, но въ деревнѣ они ужасны!

Во всю остальную часть дня они не говорили другъ съ другомъ. Джорджіана была съ сестрой такъ же рѣзка какъ и съ отцомъ, и Софи сердилась за обиду. Она теперь почти примирилась съ пребываніемъ въ деревнѣ потому что оно было бы заслуженнымъ наказаніемъ для Джорджіаны. Къ тому же мистеръ Вайтстебль жилъ не болѣе какъ въ десяти миляхъ разстоянія отъ Кавершама. Леди Помона жаловалась на головную боль, что служило ей всегда предлогомъ къ мажачанію, а мистеръ Лонгестаффъ ушелъ спать. Джорджіана просидѣла весь день одна и на слѣдующее утро глава семейства нашель на своемъ туалетномъ столѣ слѣдующее письмо:

„Милый пала,—Не думаю чтобы васъ удивляло то что мы придаемъ такое значеніе возвращенію въ Лондонъ. Если мы проведемъ лондонскій сезонъ въ деревнѣ, мы не увидимъ ничего, а вы сами знаете что это значитъ для меня. Для Софи это не имѣетъ большаго значенія, для мама тоже, хотя она любить Лондонъ, но это очень, очень важно для меня. Не удовольствія привлекаютъ меня въ Лондонъ, я вижу тамъ мало удовольствій. Но мнѣ лучше умереть немедленно чѣмъ жить погребенною въ Кавершамѣ. Если вы увезете насъ на годъ за границу, я вовсе не буду въ претензіи. Тамъ можно встрѣтить очень пріятныхъ людей и повидимому тамъ сблизаются легче чѣмъ въ Лондонѣ. За границей не нужно было бы держать лошадей, и мы могли бы одѣваться очень дешево и донашивать старыя вещи. Что касается меня, я не имѣю никакого желанія разорять васъ. Но если бы вы представили себѣ чѣмъ долженъ быть для меня Кавершамъ когда на разстояніи двадцати миль вокругъ нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, у васъ не хватило бы духа требовать чтобы я осталась здѣсь.

„Вы несомнѣнно обѣщали что если мы пріѣдемъ сюда и

примемъ здѣсь Мельмотовъ, то вы повезете насъ опять въ Лондонъ и васъ не должно удивлять что мы были разочарованы узнавъ что послѣ всего сдѣланнаго нами остаемся здѣсь. А когда я узнала это, жизнь моя показалась мнѣ невыносимою. Видя что другія дѣвушки имѣютъ такіе шансы когда я не имѣю никакихъ, я иногда чувствуя себя способною на все. (Это было ближайшимъ намекомъ какой она осмѣлилась сдѣлать письменно на свою угрозу бѣжать съ первымъ встрѣчнымъ). Я полагаю что теперь бесполезно просить васъ везти насъ всѣхъ въ Лондонъ, хотя вы и обѣщали это, но надѣюсь что вы дадите мнѣ денегъ чтобы поѣхать къ Примрозамъ. Я взяла бы съ собою только одну горничную. Джулія Примрозъ предлагала мнѣ остаться у нихъ когда вы сказали въ Лондонѣ что мы не вернемся и я готова напомнить ей объ ея предложеніи. Только это должно быть сдѣлано немедленно. Ихъ домъ очень великъ, и я знаю что у нихъ найдется свободная комната. Они всѣ ѣздятъ верхомъ, и мнѣ понадобится лошадь. Но кромѣ лошади я не прошу у васъ ничего. Экипажей у нихъ много, и грумъ Джуліи можетъ служить намъ обѣимъ. Пожалуйста отвѣтите мнѣ немедленно, пала.

„Любящая васъ дочь

„Джорджіана Лонгестафъ.“

Мистеръ Лонгестафъ удостоилъ прочесть письмо. Хотя онъ строго оборвалъ свою мятежную дочь, но онъ нѣсколько боялся ея. По внезапному побужденію онъ могъ вооружиться своимъ авторитетомъ и показать свою отеческую власть, но онъ боялся продолжительныхъ домашнихъ непріятностей. Ему казалось что дочь его любила семейныя ссоры. Иначе ссоры не повторялись бы такъ часто. Самъ онъ ненавидѣлъ ихъ. У него не было никакого живаго интереса въ жизни. Онъ читалъ не много, говорилъ не много, не особенно любилъ ѣсть и пить, не игралъ и совсѣмъ не интересовался сельскимъ хозяйствомъ. Стоять въ дверяхъ и ходить по приемнымъ комнатамъ клубовъ въ которыхъ онъ былъ членомъ и слушать разговоры о политикѣ и слетни было его любимымъ времяпровожденіемъ. Но онъ готовъ былъ отказаться отъ всего этого для блага своего семейства. Онъ спокойно остался бы проводить долгіе праздные дни въ Кавершамѣ въ надеждѣ поправить состояніе еслибы дочь его

согласилась на это. Величавая обстановка его жизни, напудренные лакеи, кучера въ парикахъ, стремленіе сравниться съ людьми которые были богаче его вовлекли его въ долги. Цѣлью его честолюбія было перство, и онъ полагалъ что такой образъ жизни былъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для полученія его. Сынъ его наследовалъ отъ своей бабки со стороны матери отдѣльное состояніе приносившее отъ двухъ до трехъ тысячъ въ годъ, но считавшееся въ свѣтѣ вдвое больше. Когда это случилось, отецъ счелъ себя въ правѣ обременить еще болѣе долгами фамильную собственность. Онъ былъ увѣренъ что Адольфусъ, сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, дастъ разрѣшеніе на продажу Суссекскаго имѣнія для того чтобъ освободить отъ долговъ Суффокское. Но Долли былъ теперь самъ въ долгахъ и безгечный во всемъ остальномъ, былъ всегда чрезвычайно остороженъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ съ отцомъ. Онъ не хотѣлъ согласиться на продажу Суссекскаго имѣнія иначе какъ съ условіемъ чтобъ ему была выдана половина вырученной суммы. Отецъ не могъ согласиться на это, но отказъ его навлекъ на него много непріятностей. Мельмотъ сдѣлалъ для него кое-что, но дѣлая это былъ жестокъ и деспотиченъ. Гостя въ Кавершамѣ Мельмотъ разсмотрѣлъ его дѣла и объявлялъ ему прямо что при необходимости содержать такой домъ въ деревнѣ онъ не имѣетъ средствъ жить въ городѣ. Мистеръ Лонгестафъ сказалъ что-то о своихъ дочерахъ, въ особенности о Джорджіанѣ, и мистеръ Мельмотъ сдѣлалъ предложеніе о которомъ будетъ сказано ниже.

Прочитавъ воззваніе дочери, мистеръ Лонгестафъ, вопреки своей досады на нее, пожалѣлъ ее. Но если былъ чловѣкъ котораго онъ ненавидѣлъ всѣмъ сердцемъ, это былъ сосѣдъ его мистеръ Примрозъ. Примрозъ, котораго мистеръ Лонгестафъ считалъ выскочкой и чѣмъ угодно только не джентльменомъ, не былъ долженъ никому ни гроша. Онъ аккуратно платилъ своимъ поставщикамъ и никогда не встрѣчался съ Кавершамскимъ сквайромъ безъ того чтобы не похвалиться этимъ. Примрозъ истратилъ много тысячъ на поддержку своей партіи на провинціальныхъ выборахъ и самъ былъ теперь представителемъ одного изъ округовъ столицы. Онъ былъ радикалъ и вѣроятно искренный радилъ, но по мнѣнію мистера Лонгестафа онъ примкнулъ къ радикальной партіи потому что держаться другой партіи было невыгодно.

Въ послѣднее время въ Суффокѣ пронесся слухъ что мистеръ Примрозъ получаетъ перство и хотя другимъ этотъ слухъ казался невѣроятнымъ, мистеръ Лонгестафъ вѣрилъ ему и терзался. Баронъ Бондальшамъ и еще такой баронъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нимъ отравилъ бы всю его жизнь. Онъ рѣшительно не могъ отпустить дочь свою къ Примрозамъ.

Но былъ другой исходъ изъ затрудненія. Письмо Джорджіаны къ отцу было положено на его столъ въ понедѣльникъ утромъ. На слѣдующее утро, то-есть раньше чѣмъ можно было написать въ Лондонъ и получить отвѣтъ, леди Помова позвала къ себѣ свою младшую дочь и передала ей письмо.

— Я получила его сейчасъ отъ твоего лапа. Ты должна рѣшить сама за себя.

Вотъ это письмо:

„Любезный мистеръ Лонгестафъ,—Такъ какъ вы повидимому рѣшились не возвращаться въ Лондонъ въ этотъ сезонъ, не пожелаетъ ли одна изъ вашихъ дочерей пріѣхать гостить къ намъ. Мистрисъ Мельмотъ была бы очень рада еслибы миссъ Джорджіана прогостила у насъ июнь и июль. Въ такомъ случаѣ миссъ Лонгестафъ потрудится предупредить за день о своемъ пріѣздѣ.

„Искренно преданный вамъ

„Августусъ Мельмотъ.“

Джорджіана прочитавъ письмо тотчасъ же поинтересовалась узнать когда оно было написано. Но на письмѣ не было выставлено никакого числа, и она поняла что оно было оставлено ея отцу на случай надобности. У нея захватило духъ. И отецъ и мать знали что она думала о Мельмотахъ и какъ она отзывалась о нихъ. Одно предложеніе ѣхать къ нимъ было обидой. Но въ первую минуту она не высказала этого.

— Почему мнѣ не поѣхать къ Примрозамъ? спросила она.

— Твой отецъ не хочетъ и слышать объ этомъ. Онъ ихъ очень не любитъ.

— А я очень не люблю Мельмотовъ. Я не люблю конечно и Примрозовъ, но они все-таки лучше. Это ужасно!

— Рѣшай какъ знаешь, Джорджіана.

— Я должна выбрать одно изъ двухъ: или ѣхать къ Мельмотамъ или остаться здѣсь?

— Кажется что такъ.

— Если пала согласенъ, я не вижу почему мнѣ не согласиться. Это будетъ конечно ужасно, нестерпимо.

— Она оказалась мнѣ очень милою женщиной.

— Фи, мама! Она была мила здѣсь потому что боялась насъ. Она еще не привыкла къ такимъ людямъ какъ мы. Но она не будетъ бояться меня когда я буду жить въ ихъ домѣ. И притомъ она такъ ужасно вулгарна. Она вѣроятно была прежде какою-нибудь поломошкой. Развѣ это не замѣтно, мама? Она боялась открыть ротъ, такъ ей было совѣстно за себя. Я не удивляюсь если они окажутся чѣмъ-нибудь ужаснымъ. Я содрагаюсь при одной мысли о нихъ. Былъ ли когда человекъ страшнѣе его?

— Весь свѣтъ бываетъ у нихъ, сказала леди Помона—Герцогиня Стивенеджъ была у нихъ нѣсколько разъ, леди Аудъ Рики тоже. Весь свѣтъ бываетъ въ ихъ домѣ.

— Но никто не согласится гостить въ ихъ домѣ. О, мама, быть вынужденною въ продолженіе десяти недѣль завтракать каждое утро съ этимъ человекомъ и съ этой женщиной!

— Можетъ-быть они позволятъ тебѣ завтракать на верху.

— Но выѣзжать съ ними, входить въ комнату позади этой женщины! Только подумать объ этомъ!

— Но ты такъ желаешь быть въ Лондонѣ, душа моя.

— Конечно желаю. Какой же у меня другой шансъ, мамъ? И еслибы вы знали какъ все это надоѣло мнѣ. Удовольствіе! Пала говоритъ объ удовольствіи. Хорошо удовольствіе! Желала бы я знать что сказалъ бы пала еслибъ ему пришлось поработать такъ какъ я работаю. Мнѣ ничего не остается какъ только согласиться. Я знаю что мнѣ это будетъ такъ тяжело что я готова буду умереть. Ужасные, ужасные люди! И предлагаетъ это пала, пала который былъ всегда такъ гордъ, такъ строгъ въ выборѣ знакомствъ.

— Положеніе дѣлъ измѣнилось, Джорджiana, сказала заботливо мать.

— Безъ сомнѣнія измѣнилось если пала хочетъ чтобы я поѣхала гостить къ такимъ людямъ. Бонгейскій аптекарь джеатальменъ въ сравненіи съ Мельмотомъ и жена аптекаря леди въ сравненіи съ Madame Мельмотъ. Но я поѣду. Если пала желаетъ чтобы меня видѣли съ такими людьми, я не виновата. Послѣ этого ничто не будетъ для меня унижительнымъ. Конечно ни одинъ порядочный человекъ не сдѣлаетъ

предложенія дѣвушка живущей въ такомъ домѣ, и вы съ лапа не должны удивляться если я выйду за какое-нибудь ужасное созданіе съ биржи. Пала перемѣнилъ свои идеи, и я полагаю что и мнѣ слѣдуетъ перемѣнить свои.

Джорджіана не сказала въ этотъ вечеръ ни слова съ отцомъ, но леди Помона объявила ему что предложеніе мистера Мельмота принято. Она сама напишетъ Madame Мельмотъ, и Джорджіана отправится въ слѣдующую пятницу. Надѣюсь что ей будетъ пріятно тамъ, сказалъ мистеръ Лонгестаффъ. Это было сказано безъ всякой ироніи, иронія была не въ его натурѣ, но бѣдной леди Помонѣ слова эти показались жестокими. Возможно ли чтобы кому-нибудь было пріятно жить въ домѣ Мельмотовъ!

Въ пятницу утромъ, предъ самымъ отъѣздомъ Джорджіаны на станцію, между сестрами произошелъ разговоръ въ которомъ было даже нѣчто трогательное. Джорджіана все время бодрилась, но наконецъ не выдержала. Шагъ на который она рѣшалась мучилъ ее даже въ присутствіи сестры.

— Какъ я завидую тебѣ, Софи, что ты остаешься здѣсь!

— Но ты сама рѣшила увѣхать въ Лондонъ во что бы то ни стало.

— Да, я это рѣшила. Я должна пристроиться какимъ-нибудь образомъ, а этого нельзя сдѣлать здѣсь. Но ты освобождена отъ необходимости унижить себя.

— Это не униженіе, Джорджи.

— Нѣтъ, униженіе. Я считаю этого человѣка выскочкой и мошенникомъ, а жена его, я увѣрена, была нѣкогда самымъ низкимъ созданіемъ. Ихъ претензіи на джентльменство просто дики. Лакеи и горничныя лучше ихъ.

— Такъ не вѣди, Джорджи.

— Я должна вѣхать. Это единственный шансъ какой у меня есть. Еслибъ я осталась здѣсь, свѣтъ сказалъ бы что я уже сошла со сцены. Ты выйдешь замужъ за Вайтстебля и прекрасно сдѣлаешь. Имѣніе не велико, но на немъ нѣтъ долговъ. Самъ Вайтстебль не дурной малый.

— Вотъ какъ ты говоришь о немъ теперь!

— Онъ, конечно, не можетъ сказать многого въ свою пользу, такъ какъ онъ постоянно дома, но онъ джентльменъ.

— Безспорно, джентльменъ.

— Что касается меня, я больше не буду считать джентльменство необходимымъ условіемъ. Я выйду за перваго

встрѣчнаго который имѣеть четыре или пять тысячъ годового дохода, хотя бы самъ онъ былъ изъ Ньюгета или Бедлама и всегда буду говорить что виновать въ этомъ пана.

Съ такими чувствами Джоржіана Лонгестаффъ отправилась въ Лондонъ гостить у Мельмотовъ.

XXII. Нравственность лорда Ниддердела.

Въ Сити къ этому времени установилось мнѣніе что Великая Южно-Центральная Тихо-Океанская и Мексиканская желѣзная дорога была превосходнымъ предпріятіемъ. Извѣстно было что Мельмотъ отдался этому дѣлу душою и тѣломъ. Многіе увѣряли что оно было созданіемъ Мельмота, что Мельмотъ изобрѣлъ его, объявилъ о немъ, далъ ему ходъ. Такое мнѣніе было волюющею несправедливостью противъ Фискера, но оно содѣйствовало успѣху предпріятія. Желѣзная дорога изъ города Соленого Озера въ Мексико имѣла обаяніе воздушнаго замка. Наши западные американскіе братья считаются изобрѣтательными. Хотя у насъ Мексико не пользуется репутаціею коммерческой благонадежности, но въ недавнемъ прошломъ былъ примѣръ Панамской желѣзной дороги, сравнительно небольшого предпріятія которое даю однако двадцать пять процентовъ, и великой линіи чрезъ континентъ благодаря которой были важны громадныя состоянія и въ Сити все болѣе и болѣе утверждалось мнѣніе что люди дальновидные получаютъ такіе же результаты и отъ Южно-Центральной дороги. Мнѣніе это было конечно основано главнымъ образомъ на участіи Мельмота. Фаскеръ сдѣлалъ удачный ходъ когда заставилъ своего партнера Монтего дать ему рекомендательное письмо къ великому человѣку.

Полю Монтего, котораго нельзя было назвать человѣкомъ дальновиднымъ въ смыслѣ Сити, все еще не зналъ ничего о дѣлахъ компаніи. На регулярныхъ собраніяхъ въ правленіи Майльзъ Грендолъ читалъ двѣ или три бумаги. Мельмотъ говорилъ небольшую рѣчь въ которой увѣрялъ что все идетъ прекрасно и предпріятіе процвѣтаетъ, всѣ соглашались и все, кто-нибудь подписывалъ что-нибудь и собраніе расшилось. Полю Монтего все это казалось весьма неудовлетворительнымъ. Онъ не разъ пытался вмѣшаться въ ходъ дѣла проса разъясненій, но безмолвная насмѣшка предсѣдателя

О подпискѣ на РУССКІИ ВѢСТНИКЪ въ 1876

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1876 Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **пятнадцать рубль** **пятьдесятъ копѣекъ**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рубль** и съ почтовою доставкою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рубль**.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ Государственнаго Почтоваго Союза: въ Италію, Бельгію, Францію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію, Румынію, Англію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію, Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІИ ВѢСТНИКЪ принимается.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Валунова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова на Невскомъ Проспектѣ, у Каменногоста, домъ № 30.

Изъгородныя адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе книгъ предъ тѣми изъ подписчиковъ кои обратятся непосредственно въ контору редакціи и въ контору Университетской Типографіи.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1876

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1876 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ объявленій **тринадцать рубль**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рубль**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна съ доставкой **пятнадцать рубль**; съ доставкою и пересылкою **восемнадцать рубль**.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ), на Страстномъ Бульварѣ.

